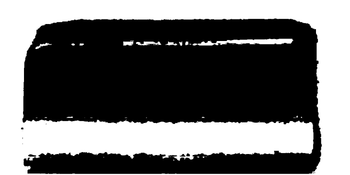
BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800



РИМСКАЯ ИСТОРІЯ

Ѳ. Моммсена.

ТОМЪ ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ.

От битвы при Пиднѣ до битвы при Ѳапсѣ

ПЕРЕВОДЪ (СЪ СЕДЬМАГО ИЗДАНІЯ)

II т.—В. Н. Невѣдомскаго и III т.—А. Н. Веселовскаго.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 7 руб.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, на Тверской улицѣ, домъ Мартынова.
1887.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

Буасье Гастона. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.

Бэнъ А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго*. М. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэра. Исторія Всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.

Вебера Георга. Всеобщая исторія. М. 1886. Переводъ со втораго изданія *г. Андреева*. Т. I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII. Ц. 39 р. 50 к.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. Н. Веселовскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.

Веселовскаго А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева*. М. 1879 г. Ц. 20 р.

Викторова. П. П. Ученіе о личности, вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, *А. Козлова*. М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.

Гиббона. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портр. автора). Перев. *В. Н. Невѣдомскаго*. Въ 7-ми томахъ. М. 1886 г. Ц. 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста Рудольфа. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Венгерова*. Москва, 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Забѣлина И. Е. Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера Н. И. Соч. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Кольцова А. В. Стихотворенія. Изданіе 9-е. М. 1887 г. Ц. 20 к.

Корсака. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.

Куно-Фишера. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

(Продолженіе на 3 и 4 стр. обертки.)

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ

Моммсен

Ѳ. Моммсена.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

От битвы при Пиднѣ до смерти Суллы.

ПЕРЕВОДЪ (СЪ СЕДЬМАГО ИЗДАНІЯ)

В. Н. Невѣдомскаго.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, на Тверской улицѣ, домъ Мартынова.
1887.

Предисловіе къ второму изданію.

Измѣненія, сдѣланныя авторомъ въ новомъ изданіи втораго и третьяго томовъ этого сочиненія, были вызваны бо́льшею частью открытіемъ новыхъ отрывковъ Лициніана; благодаря предупредительной любезности издателя этихъ отрывковъ Карла Пертца, авторъ имѣлъ возможность познакомиться съ ихъ содержаніемъ въ корректурныхъ листахъ прежде ихъ появленія въ свѣтъ; они прибавляютъ много нелишенныхъ интереса фактовъ къ нашимъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ о промежуткѣ времени между битвой при Пиднѣ и возстаніемъ Лепида, но, конечно, также порождаютъ не мало новыхъ загадокъ.

Бреславль, въ Маѣ 1857 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Революція.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РЕВОЛЮЦІЯ.

„Aber si treiben's toll;
Ich fürcht', es breche“.
Nicht jeden Wochenschluss
Macht Gott die Zeche.

Goethe.

1

ГЛАВА I.

Подвластныя страны до временъ Гракховъ.

Съ уничтоженіемъ македонскаго царства владычество Рима сдѣлалось неоспоримымъ фактомъ, который не только былъ твердо установленъ на всемъ пространствѣ отъ Геркулесовыхъ Столбовъ до устьевъ Нила и Оронта, но и какъ окончательное велѣніе рока тяготѣлъ надъ народами всею тяжестью своей непреложности, повидимому не оставляя имъ иного выбора, какъ погибать въ безнадежномъ сопротивленіи или тратить свои силы на безплодное терпѣніе. Еслибы исторія не была въ правѣ требовать отъ серьезнаго читателя, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею какъ въ счастливые дни, такъ и въ несчастные, какъ среди весеннихъ, такъ и среди зимнихъ ландшафтовъ, то историкъ, быть можетъ, попытался бы уклониться отъ непріятной задачи прослѣдить разнообразныя, но тѣмъ не менѣе монотонныя перипетіи той борьбы между непреодолимымъ могуществомъ и совершеннымъ безсиліемъ, которая велась какъ въ испанскихъ провинціяхъ, уже вошедшихъ въ составъ римскихъ владѣній, такъ и въ африканскихъ, эллинскихъ и азіатскихъ странахъ, зависѣвшихъ отъ Рима только въ качествѣ кліентовъ. Но какъ бы ни казались незначительными и второстепенными подробности этой борьбы, онѣ имѣютъ въ своей совокупности глубокое историческое значеніе; въ особенности ходъ дѣлъ въ самой Италіи будетъ намъ понятенъ только тогда, когда мы узнаемъ, въ чемъ заключалось вліяніе провинцій на метрополію. **Подданные.**

Кромѣ тѣхъ странъ, которыя можно считать естественною принадлежностью Италіи, хотя ихъ туземное населеніе еще не вполнѣ подчинялось Риму (такъ какъ и Лигуры и Сарды и Корсиканцы не дѣлали чести Риму, безпрестанно доставляя поводы для «деревенскихъ тріумфовъ»), формальному владычеству Рима были подчинены въ началѣ этого періода только обѣ испанскія провинціи, въ составъ которыхъ входила бо́льшая часть восточныхъ и южныхъ странъ Пиренейскаго полуострова. Мы уже ранѣе (томъ I, стр. 672 и сл.) **Испанія.**

пытались описать положеніе дѣлъ на этомъ полуостровѣ: тамъ жили въ пёстромъ смѣшеніи Иберы и Кельты, Финикіяне, Эллины и Римляне; тамъ одновременно существовали и разнообразно скрещивались самые несхожіе между собою виды и степени цивилизаціи; древняя иберійская культура удерживалась рядомъ съ совершеннымъ варварствомъ, а культура финикійскихъ и греческихъ торговыхъ городовъ существовала рядомъ съ зарождавшейся латинизаціей, для которой прокладывали путь работавшіе въ серебряныхъ рудникахъ многочисленные Италійцы и сильная оккупаціонная армія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія римское мѣстечко Италика (подлѣ Севильи) и латинская колонія Картейя (подлѣ Гибральтарской бухты); эта послѣдняя была первой заморской городской общиной, въ которой былъ въ употребленіи латинскій языкъ и были введены италійскія учрежденія. Италику основалъ еще до своего отъѣзда изъ
206 Испаніи (548) старшій Сципіонъ для тѣхъ изъ своихъ ветерановъ, которые пожелали остаться на жительствѣ въ Испаніи; но она была, по всему вѣроятію, только торговымъ мѣстечкомъ, а не граждан-
171 ской общиной *); основаніе Картейи относится къ 583 году; поводомъ для него послужило то обстоятельство, что во время своихъ лагерныхъ стоянокъ римскіе солдаты прижили съ испанскими невольницами множество дѣтей, которыя были по закону рабами, а на самомъ дѣлѣ росли свободными Италійцами; теперь государство признало ихъ свободными людьми и соединило ихъ съ старинными жителями Картейи въ латинскую колонію.

Война въ Лузитаніи.

Въ теченіе почти тридцати лѣтъ послѣ того, какъ Тиберій Семпроній Гракхъ (575, 576) организовалъ провинцію Эбро, Испанія 179 178
въ общемъ итогѣ непрерывно пользовалась благодѣяніями мирнаго времени, хотя въ лѣтописяхъ и упоминается нѣсколько разъ о по-
154 ходахъ противъ Кельтиберовъ и Лузитанцевъ. Но въ 600 году произошли болѣе важныя событія. Лузитанцы вторгнулись подъ предводительствомъ Пуника въ римскія владѣнія, разбили обоихъ, соединившихся противъ нихъ, римскихъ намѣстниковъ и перебили множество людей. Это побудило жившихъ между Тахо и верхнимъ Дуэро, Веттоновъ дѣйствовать за-одно съ Лузитанцами; благодаря такимъ подкрѣпленіямъ, Лузитанцы получили возможность распространить свои набѣги до береговъ Средиземнаго моря и даже опусто-

---

*) Италика сдѣлалась, благодаря Сципіону, тѣмъ, что въ Италіи называлось forum et conciliabulum civium Romanorum [форумомъ и мѣстомъ собранія римскихъ гражданъ]; такимъ-же путемъ впослѣдствіи возникли въ Галліи Aquae Sextiae. Возникновеніе заморскихъ гражданскихъ общинъ начинается позже съ основаніемъ Картагены и Нарбона; однако достоинъ вниманія тотъ фактъ, что ему уже было положено въ нѣкоторомъ отношеніи начало Сципіономъ.

шить владѣнія Бастуло-Финикіянъ, жившихъ неподалеку отъ главнаго римскаго города Новаго Каѳагена (Картагены). Римское правительство было такъ озабочено этими событіями, что рѣшилось отправить въ Испанію консула (чего не случалось съ 559 года), а 195
для того, чтобъ ускорить доставку подкрѣпленій въ Испанію, дозволило новымъ консуламъ вступить въ должность двумя съ половиной мѣсяцами ранѣе законнаго срока, — вслѣдствіе этого вступленіе консуловъ въ должность было перенесено съ 15 марта на 1 января и вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено то начало года, котораго мы придерживаемся и по сіе время. Но прежде, чѣмъ консулъ Квинтъ Фульвій Нобиліоръ прибылъ съ своею арміей, дѣло дошло на правомъ берегу Тахо до очень упорнаго сраженія (601) между 153
намѣстникомъ Дальней Испаніи, преторомъ Луціемъ Муммiемъ, и Лузитанцами, предводимыми, послѣ паденія Пуника, его преемникомъ Кезаромъ. Счастье сначала благопріятствовало Римлянамъ; лузитанская армія была разбита и ея лагерь былъ взятъ. Но частію оттого, что Римляне были утомлены походомъ, частію оттого, что ихъ ряды разстроились во время преслѣдованія непріятеля, сраженіе кончилось тѣмъ, что они были совершенно разбиты уже побѣжденнымъ противникомъ и лишились какъ захваченнаго ими непріятельскаго лагеря, такъ и своего собственнаго, да кромѣ того и 9000 человѣкъ убитыми. Тогда пламя войны широко распространилось во всѣ стороны. На лѣвомъ берегу Тахо, Лузитанцы напали подъ предводительствомъ Каукена на подвластныхъ Римлянамъ Кельтиковъ (въ Алентехо) и завладѣли ихъ городомъ Конисторгомъ.

Война съ Кельтиберами.

Лузитанцы послали Кельтиберамъ отнятыя у Муммія знамена въ знакъ извѣщенія ихъ объ одержанной побѣдѣ и также съ цѣлію возбудить ихъ къ возстанію, а среди Кельтиберовъ также не было недостатка въ поводахъ къ сопротивленію. Два небольшихъ кельтиберійскихъ племени, жившихъ въ сосѣдствѣ съ могущественными Ареваками (подлѣ истоковъ Дуэро и Тахо), Беллы и Титѳы задумали вмѣстѣ поселиться въ одномъ изъ своихъ городовъ — въ Сегедѣ. Въ то время, какъ они были заняты возведеніемъ городскихъ стѣнъ, они получили отъ Римлянъ приказаніе прекратить эти работы, такъ какъ Семпроніевскіе уставы запрещали подвластнымъ общинамъ самовольно основывать города; въ то же время имъ было приказано доставить числившіяся за ними, въ силу договора, въ долгу, но уже давно не требовавшіяся съ нихъ контрибуціи деньгами и рекрутами. Испанцы отказались отъ исполненія обоихъ приказаній на томъ основаніи, что имѣлось въ виду лишь расширеніе, а не основаніе города и что взысканіе повинностей было не временно пріостановлено Римлянами, а совершенно прекращено. Тогда Нобиліоръ вступилъ въ Ближнюю Испанію съ арміей, которая доходила почти до 30,000 человѣкъ и въ которой было, кромѣ ну-

мидійской конницы, десять слоновъ. Стѣны новаго города еще не были достроены, и большинство Сегеданцевъ изъявило покорность. Но самые отважные между ними бѣжали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми къ могущественнымъ Аревакамъ, которыхъ стали просить о содѣйствіи въ борьбѣ съ Римлянами. Ободренные побѣдой Лузитанцевъ надъ Мумміемъ, Ареваки согласились исполнить эту просьбу и выбрали своимъ полководцемъ одного изъ спасшихся бѣгствомъ Сегеданцевъ. На третій день послѣ его избранія, этого храбраго вождя уже не было въ живыхъ, но римская армія была разбита и около 6000 римскихъ гражданъ пали въ сраженіи, — съ тѣхъ поръ праздникъ въ честь Вулкана (23 августа) служилъ для Римлянъ напоминаніемъ объ этомъ горестномъ событіи. Однако смерть вождя принудила Ареваковъ отступить въ ихъ укрѣпленный городъ Нуманцію (**Garray**, въ одной лигѣ къ сѣверу отъ Соріи, что на берегахъ Дуэро), куда послѣдовалъ вслѣдъ за ними и Нобиліоръ. Подъ стѣнами этого города дѣло дошло до втораго сраженія, въ которомъ Римляне сначала оттѣснили Испанцевъ своими слонами внутрь города, а потомъ, вслѣдствіе нанесенной одному изъ этихъ животныхъ раны, пришли въ замѣшательство и были еще разъ разбиты снова вышедшимъ изъ города непріятелемъ. Эта неудача въ связи съ многими другими, какъ напримѣръ съ истребленіемъ римскаго кавалерійскаго отряда, высланнаго для сбора вспомогательныхъ войскъ, до такой степени ухудшила положеніе Римлянъ въ Ближней Испаніи, что крѣпость Окилисъ, гдѣ находились ихъ казна и запасы, передалась непріятелю, а Ареваки попытались, хотя и безъ успѣха, предписать Римлянамъ мирныя условія. Впрочемъ за эти неудачи служили въ нѣкоторой мѣрѣ вознагражденіемъ успѣшныя военныя дѣйствія Муммія въ южной провинціи. Хотя его армія и ослабѣла отъ нанесеннаго ей пораженія, все-таки ему удалось разбить на правомъ берегу Тахо неосторожно разсыпавшихся Лузитанцевъ и, перейдя на лѣвый берегъ рѣки (гдѣ Лузитанцы наводнили всѣ принадлежавшія Римлянамъ владѣнія и даже стали дѣлать набѣги на берега Африки), очистить южную провинцію отъ непріятеля. Въ сѣверную провинцію сенатъ отправилъ въ слѣдующемъ
152 году (602) значительныя подкрѣпленія, а вмѣсто неспособнаго Нобиліора назначилъ туда главнокомандующимъ Марка Клавдія Марцелла, кото-
168 рый отличился въ Испаніи еще въ 586 году въ званіи претора, и послѣ того, въ бытность два раза консуломъ, выказалъ свои военныя дарованія. Благодаря искусству, съ которымъ онъ велъ военныя дѣйствія, и еще болѣе благодаря его кроткому обхожденію, дѣла скоро приняли иной оборотъ; Окилисъ немедленно сдался ему и даже Ареваки заключили съ нимъ перемиріе и отправили въ Римъ пословъ, положившись на его обѣщаніе, что за умѣренное удовлетвореніе имъ будетъ дарованъ миръ. Марцеллъ получилъ возможность направиться въ южную про-

винцію, гдѣ Веттоны и Лузитанцы хотя и подчинялись претору Марку Атилію, пока онъ стоялъ въ ихъ владѣніяхъ, но снова возстали немедленно послѣ его удаленія и стали нападать на римскихъ союзниковъ. Прибытіе консула возстановило порядокъ, и въ то время какъ онъ проводилъ зиму въ Кордубѣ, военныя дѣйствія прекратились на всемъ полуостровѣ. Между тѣмъ въ Римѣ велись съ Ареваками мирные переговоры. О положеніи дѣлъ внутри Испаніи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому факту, что мирныя предложенія были отвергнуты въ Римѣ главнымъ образомъ по настоянію посланцевъ отъ образовавшейся среди Ареваковъ римской партіи: эти посланцы объясняли, что если римское правительство не намѣрено обрекать преданныхъ Риму Испанцевъ на гибель, то оно должно выбирать одно изъ двухъ—или ежегодно отправлять на полуостровъ консула съ достаточно-сильной арміей или же немедленно примѣрно наказать виновныхъ. Вслѣдствіе этого, послы Ареваковъ были отпущены безъ окончательнаго отвѣта и было рѣшено энергически продолжать войну. Такимъ образомъ Марцеллъ былъ вынужденъ возобновить весной слѣдующаго года (603) военныя дѣйствія 151
противъ Ареваковъ. Однако, оттого-ли, что онъ, какъ утверждали, не желалъ предоставить славу успѣшнаго окончанія войны своему преемнику, прибытіе котораго ожидалось въ скоромъ времени, оттого-ли,—и это кажется болѣе правдоподобнымъ,—что онъ, подобно Гракху, считалъ мягкое обхожденіе съ Испанцами за лучшее средство обезпечить прочный миръ, онъ устроилъ тайное свиданіе съ самыми вліятельными Ареваками и заключилъ подъ стѣнами Нуманціи мирный договоръ, по которому Ареваки безусловно подчинились Римлянамъ и были снова утверждены въ предоставленныхъ имъ старыми трактатами правахъ съ обязательствомъ уплатить денежную контрибуцію и выдать заложниковъ.—Когда новый главнокомандующій консулъ Луцій Лукуллъ прибылъ въ армію, онъ нашелъ, что война, для веденія которой онъ былъ присланъ, уже окончена формальнымъ мирнымъ договоромъ, такъ что его надежда возвратиться изъ Испаніи со славой и, главное, съ деньгами казалась разрушенной. Но этой бѣдѣ еще можно было помочь. По собственному благоусмотрѣнію Лукуллъ напалъ на западныхъ сосѣдей Ареваковъ—Ваккеевъ; это было независимое кельтиберійское племя, жившее въ полномъ согласіи съ Римлянами. На вопросъ Испанцевъ, въ чемъ они провинились, послужило отвѣтомъ нападеніе на городъ Кавку (теперешнюю Коку въ 8 лигахъ къ западу отъ Сеговіи); а когда испуганные жители успокоились въ увѣренности, что имъ удалось купить условія капитуляціи цѣною тяжелыхъ денежныхъ жертвъ, римскія войска проникли внутрь города и безъ всякаго къ тому повода забрали въ рабство или перерѣзали жителей. Послѣ этого геройскаго подвига, стоившаго жизни почти двадцати тысячамъ бе-

зоружныхъ людей, армія направилась далѣе; лежавшіе на ея пути деревни и города или были совершенно покинуты жителями или запирали свои ворота, какъ это сдѣлали укрѣпленная Интеркація и главный городъ Ваккеевъ Палланція (Palencia). Алчность запуталась въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ; не нашлось ни одной общины, которая согласилась бы заключить съ вѣроломнымъ полководцемъ капитуляцію, а вслѣдствіе того, что жители спасались бѣгствомъ, не только добыча оказывалась скудной, но и долгое пребываніе въ этихъ негостепріимныхъ краяхъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Въ то время, какъ Римляне стояли подъ Интеркаціей, одному знатному военному трибуну — Сципіону Эмиліану, родному сыну побѣдителя при Пиднѣ и пріемному внуку побѣдителя при Замѣ, удалось склонить жителей къ заключенію мирнаго договора тѣмъ, что онъ поручился за исполненіе установленныхъ условій своимъ честнымъ словомъ,—а честному слову главнокомандующаго уже не вѣрили; вслѣдствіе этого римской арміи были доставлены скотъ и одежда и она отступила. Но осаду Палланціи пришлось снять по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ и Ваккеи преслѣдовали римскую армію во время ея отступленія до береговъ Дуэро. Лукуллъ направился послѣ того въ южную провинцію, гдѣ преторъ Сервій Сульпицій Гальба былъ въ томъ же году разбитъ Лузитанцами; оба они провели зиму неподалеку одинъ отъ другаго—Лукуллъ въ Турдетанской области, Гальба подлѣ Конисторга, а въ слѣдующемъ году
150 (604) они соединенными силами напали на Лузитанцевъ. Лукуллъ одержалъ надъ непріятелемъ небольшія побѣды подлѣ Гадитанскаго пролива. Гальба совершилъ болѣе важный подвигъ: онъ заключилъ договоръ съ жившими на правомъ берегу Тахо тремя лузитанскими племенами и обѣщалъ переселить ихъ на лучшія земли, а когда варвары пришли къ нему въ числѣ 7000 человѣкъ въ надеждѣ получить обѣщанныя имъ пахатныя поля, раздѣлилъ ихъ на три отряда, отобралъ у нихъ оружіе и частію увелъ ихъ въ рабство, частію приказалъ перерѣзать. Оба полководца вели войну съ такимъ вѣроломствомъ, съ такой жестокостью и алчностью, что едва-ли можно указать на другой подобный примѣръ; однако, благодаря пріобрѣтеннымъ ими преступнымъ способомъ сокровищамъ, одинъ изъ нихъ избѣгнулъ обвинительнаго приговора, а другой даже не былъ преданъ суду. На восемьдесятъ пятомъ году своей жизни и за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, старшій Катонъ попытался привлечь Гальбу къ отвѣту передъ гражданствомъ; но вопли дѣтей этого полководца и привезенное имъ въ Римъ золото убѣдили римскій народъ въ его невинности.

Виріатъ. Нестолько вслѣдствіе позорныхъ военныхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ Испаніи Лукулломъ и Гальбой, сколько вслѣдствіе вспых-
149 нувшихъ въ 605 году четвертой македонской войны и третьей кар-

ѳагенской, завѣдываніе испанскими дѣлами было снова предоставлено обыкновеннымъ намѣстникамъ. Лузитанцы, которыхъ Лукуллъ не столько смирилъ, сколько ожесточилъ своимъ вѣроломствомъ, стали тогда безпрестанно опустошать Турдетанскую область. Противъ нихъ выступилъ римскій намѣстникъ Гай Ветилій (607/8*); онъ не 147/6
только нанесъ имъ пораженіе, но и загналъ всю ихъ рать на возвышеніе, гдѣ ее, повидимому, ожидала неизбѣжная гибель. Капитуляція уже была почти заключена, когда вмѣшался въ дѣло Виріаѳъ. Это былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія; но, подобно тому какъ въ своей ранней молодости онъ храбро защищалъ свои стада отъ дикихъ звѣрей и отъ разбойниковъ, онъ явился грознымъ вождемъ герильясовъ въ болѣе серьозной борьбѣ, и принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ Испанцевъ, которые случайно спаслись отъ вѣроломнаго нападенія Гальбы; онъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что на честное слово Римлянъ нельзя полагаться, и обѣщалъ спасти ихъ, если они послѣдуютъ за нимъ. Его убѣжденія и его примѣръ произвели желаемое впечатлѣніе и армія поручила ему высшее командованіе. Виріаѳъ приказалъ своимъ подчиненнымъ направиться къ назначенному сборному пункту отдѣльными отрядами и по разнымъ дорогамъ, а самъ организовалъ изъ лучшихъ всадниковъ и изъ самыхъ надежныхъ людей кавалерійскій отрядъ въ 1000 человѣкъ и сталъ прикрывать отступленіе. Римляне, у которыхъ вовсе не было легкой кавалеріи, не осмѣлились, на глазахъ у непріятельской конницы, разсыпаться для преслѣдованія. Послѣ того, какъ Виріаѳъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ сутокъ удерживалъ во главѣ своего маленькаго отряда всю римскую армію, онъ ночью внезапно исчезъ и торопливо направился къ общему сборному пункту. Римскій главнокомандующій двинулся вслѣдъ за нимъ, но попалъ въ искусно-устроенную засаду, въ которой потерялъ половину своей арміи, самъ попался въ плѣнъ и былъ убитъ;

*) Хронологія войны съ Виріаѳомъ не установлена съ точностью. Достовѣрно извѣстно, что выступленіе Виріаѳа на сцену ведетъ свое начало отъ борьбы съ Ветиліемъ [Аппіанъ, Hisp. 61; Ливій, 52; Орозій, 5, 4] и что онъ погибъ въ 615 году [Діодоръ, Vatic. стр. 110 и нѣкотор. друг.]; продолжительность его 139
управленія опредѣляютъ въ 8 лѣтъ [Аппіанъ, Hisp. 63], въ 10 [Юстинъ, 44, 2], въ 11 [Діодоръ, стр. 597], въ 15 [Ливій, 54; Эвтропій, 4, 16; Орозій, 5, 4; Флоръ, 1, 33] и въ 20 [Веллей, 2, 90]. Первое предположеніе кажется довольно правдоподобнымъ, потому что выступленіе Виріаѳа на сцену относится ко времени разрушенія Коринѳа и у Діодора [стр. 591; Vatic., стр. 107, 108] и у Орозія [5, 4]. Изъ римскихъ намѣстниковъ, съ которыми сражался Виріаѳъ, безъ сомнѣнія, многіе были правителями сѣверной провинціи, такъ какъ Виріаѳъ предпочтительно, а не исключительно, велъ борьбу въ южной провинціи [Ливій, 52]; поэтому нельзя опредѣлять число годовъ его предводительства по числу именъ намѣстниковъ.

остатки его арміи съ трудомъ успѣли укрыться въ лежавшей на берегу пролива, колоніи Картейѣ. На помощь къ разбитымъ Римлянамъ были торопливо отправлены съ береговъ Эбро 5000 человѣкъ испанскаго ополченія; но Виріаѳъ уничтожилъ этотъ отрядъ на пути и сталъ управлять всѣмъ Карпетанскимъ краемъ съ такою неограченною властію, что Римляне даже не осмѣлились проникать въ его владѣнія. Сдѣлавшись повелителемъ и царемъ всѣхъ Лузитанцевъ, Виріаѳъ умѣлъ соединять подобающее его царскому сану вліяніе съ грубымъ образомъ жизни пастуха. Онъ не носилъ никакихъ внѣшнихъ отличій своего сана, по которымъ его можно-бы было отличать отъ простыхъ солдатъ; изъ-за роскошнаго свадебнаго пира, который былъ устроенъ у его тестя Астольпы, царствовавшаго въ подвластной Римлянамъ Испаніи, онъ всталъ, не прикоснувшись до золотой посуды и до дорогихъ блюдъ, посадилъ свою молодую жену на коня и ускакалъ вмѣстѣ съ нею въ свои горы. Изъ военной добычи онъ всегда бралъ такую-же долю, какую давалъ каждому изъ своихъ ратныхъ товарищей. Солдаты узнавали своего вождя только по его высокому росту и по его мѣткимъ остротамъ, а въ особенности потому, что онъ всѣхъ превосходилъ воздержностью и трудолюбіемъ, никогда не спалъ иначе, какъ въ полномъ вооруженіи и сражался впереди всѣхъ. Можно-бы было подумать, что въ этотъ глубоко-прозаическій вѣкъ возродился одинъ изъ Гомеровскихъ героевъ: имя Виріаѳа прославлялось во всей Испаніи и храбрая испанская нація уже воображала, что наконецъ нашелся человѣкъ, которому суждено разбить оковы чужеземнаго владычества. Первые годы его предводительства ознаменовались необычайными военными успѣхами какъ въ южной Испаніи, такъ и въ сѣверной. Онъ за-
146 манилъ претора Гайя Плавція (608/9) на правый берегъ Тахо, предварительно уничтоживъ его авангардъ, и вслѣдъ за тѣмъ нанесъ ему такое рѣшительное пораженіе, что онъ расположился среди лѣта на зимнихъ квартирахъ,—за это Плавцій былъ впослѣдствіи призванъ къ народному суду по обвиненію въ нанесеніи римской общинѣ безчестія и нашелся вынужденнымъ не возвращаться въ свое отечество. Кромѣ того была уничтожена армія намѣстника (какъ кажется, ближней Испаніи) Клавдія Унимана, была разбита армія Гайя Негидія и равнина была на большомъ протяженіи опустошена. На испанскихъ горахъ водружались побѣдные трофеи, украшенные знаками власти римскихъ намѣстниковъ и оружіемъ легіоновъ, а въ Римѣ съ изумленіемъ и со стыдомъ внимали извѣстіямъ о побѣдахъ варварскаго царя. Хотя веденіе испанской войны было въ то время возложено на опытнаго вождя—на консула Квинта Фабія Максима
145 Эмиліана (609), который былъ вторымъ сыномъ побѣдителя при Пиднѣ, но римское правительство не осмѣлилось посылать на ненавистную войну въ Испаніи тѣхъ испытанныхъ въ бояхъ ветера-

ковъ, которые только что возвратились домой изъ Македоніи и изъ Африки; поэтому оба легіона, которые привелъ съ собою Максимъ, состояли изъ новобранцевъ и были почти такъ-же ненадежны, какъ прежняя совершенно деморализованная испанская армія. Послѣ того, какъ въ первыхъ стычкахъ успѣхъ былъ по прежнему на сторонѣ Лузитанцевъ, предусмотрительный главнокомандующій продержалъ свои войска всю остальную часть года собранными въ лагерѣ подлѣ Урсона (Осуна, къ юго-востоку отъ Севильи), уклонился отъ вызова на бой въ открытомъ полѣ и только въ слѣдующемъ году (610), 144
послѣ того какъ его войска свыклись въ небольшихъ стычкахъ съ боевыми пріемами, онъ снова выступилъ въ походъ, сталъ одерживать верхъ надъ непріятелемъ и, послѣ успѣшныхъ военныхъ дѣйствій, отправился на зимнія квартиры въ Кордубу. Но когда трусливый и неспособный преторъ Квинкцій замѣнилъ Максима въ званіи главнокомандующаго, тогда Римляне снова потерпѣли нѣсколько пораженій одно вслѣдъ за другимъ и Квинкцій заперся середи лѣта въ Кордубѣ, между тѣмъ какъ высланные Виріаѳомъ отряды наводняли южную провинцію (611). Преемникъ Квинкція, пріемный братъ 143
Максима Эмиліана, Квинтъ Фабій Максимъ Сервиліанъ, отправленный въ Испанію съ двумя свѣжими легіонами и десятью слонами, попытался вторгнуться на территорію Лузитанцевъ, но послѣ нѣскольких нерѣшительныхъ сраженій и послѣ того, какъ онъ съ трудомъ отразилъ нападеніе на римскій лагерь, онъ былъ вынужденъ отступить на римскую территорію. Виріаѳъ двинулся вслѣдъ за нимъ, но такъ какъ его солдаты, по обыкновенію испанскихъ инсургентовъ, внезапно разбѣжались, то и онъ нашолся вынужденнымъ возвратиться въ Лузитанію (612). Въ слѣдующемъ (613) году 142 141
Сервиліанъ снова сталъ дѣйствовать наступательно, прошолъ черезъ страны, лежащія вдоль береговъ Бетиса и Анаса и, проникнувъ въ Лузитанію, завладѣлъ множествомъ мѣстечекъ. Въ его руки попалось много инсургентовъ; испанскіе вожди, числомъ почти до 500, были казнены: тѣмъ изъ инсургентовъ, которые перешли къ непріятелю съ римской территоріи, были отрублены руки, а остальные плѣнники были проданы въ рабство. Но испанская война и на этотъ разъ отличалась пагубнымъ непостоянствомъ фортуны. Послѣ всѣхъ своихъ успѣховъ, римская армія была атакована Виріаѳомъ въ то время, какъ была занята осадой Эризаны; Виріаѳъ разбилъ ее и оттѣснилъ на скалу, гдѣ она была совершенно во власти непріятеля. Однако Виріаѳъ поступилъ точно такъ-же, какъ нѣкогда поступилъ самнитскій вождь въ Каудинскихъ тѣснинахъ: онъ удовольствовался тѣмъ, что заключилъ съ Сервиліаномъ мирный договоръ, по которому лузитанская община была признана самодержавной, а Виріаѳъ былъ признанъ ея царемъ. Этотъ договоръ скорѣе унижалъ національное достоинство Римлянъ, чѣмъ увеличивалъ ихъ могущество;

но столица была такъ рада отдѣлаться отъ обременительной войны, что договоръ былъ утвержденъ и сенатомъ и народомъ. Однако родной братъ и преемникъ Сервиліана, Квинтъ Сервилій Цепіонъ былъ недоволенъ такой уступчивостью, а сенатъ былъ такъ слабъ, что сначала уполномочилъ консула на веденіе тайныхъ интригъ противъ Виріаѳа, а потомъ смотрѣлъ сквозь пальцы на явное и ничѣмъ невызванное нарушеніе даннаго имъ честнаго слова. Поэтому Цепіонъ вторгнулся въ Лузитанію и прошолъ черезъ всю страну вплоть до владѣній Веттоновъ и Галлековъ; Виріаѳъ избѣгалъ борьбы съ превосходными силами Римлянъ и такъ ловко маневрировалъ, что ускольз-
140 139 нулъ отъ врага (614). Но въ слѣдующемъ году (615), когда не только Цепіонъ возобновилъ нападеніе, но и оказавшаяся болѣе ненужной въ сѣверной провинціи, армія Марка Попиллія также появилась въ Лузитаніи, Виріаѳъ сталъ просить мира на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Отъ него потребовали выдачи Римлянамъ всѣхъ людей, перешедшихъ къ нему изъ римскихъ владѣній и въ томъ числѣ его собственнаго тестя; это требованіе было исполнено и Римляне частію казнили этихъ перебѣжчиковъ, частію отрубили имъ руки. Но этимъ дѣло не кончилось: Римляне имѣли обыкновеніе не съ-разу объявлять побѣжденнымъ, какая ихъ ожидаетъ участь. Лузитанцамъ объявляли одно предписаніе вслѣдъ за другимъ и каждое изъ этихъ предписаній было невыносимѣе предшествовавшаго, а въ заключеніе отъ нихъ даже потребовали выдачи оружія. Тогда Виріаѳъ еще разъ вспомнилъ объ участи тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые были обезоружены по приказанію Гальбы, и снова взялся за оружіе; но уже было поздно. Его нерѣшительность посѣяла сѣмена измѣны между самыми близкими изъ его друзей; трое изъ тѣхъ людей, къ которымъ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ, Авдасъ, Диталконъ и урсонскій уроженецъ Минуцій, утративши всякую надежду еще разъ одолѣть врага, испросили у царя дозволеніе снова завести мирные переговоры съ Цепіономъ и воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобъ продать иноземцамъ жизнь лузитанскаго героя, испросивъ лично для себя амнистію и разныя награды. По возвращеніи въ лагерь, они увѣряли царя въ самомъ удовлетворительномъ успѣхѣ заведенныхъ ими переговоровъ, а слѣдующей ночью, въ то время какъ онъ спалъ въ своей палаткѣ, закололи его. Лузитанцы почтили своего славнаго вождя небывалыми поминками, на которыхъ двѣсти паръ гладіаторовъ участвовали въ похоронныхъ играхъ, и еще болѣе тѣмъ, что не прекратили борьбы, а въ замѣнъ погибшаго героя избрали своимъ вождемъ Тавтама. Этотъ послѣдній задумалъ смѣлое предпріятіе — онъ попытался отнять у Римлянъ Сагунтъ; но онъ не имѣлъ ни благоразумной сдержанности, ни воинскихъ дарованій своего предмѣстника. Экспедиція потерпѣла полную неудачу, а на своемъ возвратномъ

пути испанская армія была атакована Римлянами во время переправы черезъ Бетисъ и была принуждена сдаться безусловно. Такимъ образомъ Лузитанія была покорена не столько честною войной, сколько измѣной и убійствами, въ которыхъ принимали участіе какъ иноземцы, такъ и туземцы.

Въ то время, какъ Виріаѳъ и Лузитанцы предпринимали набѣги Нуманція.
на южную провинцію, и въ сѣверной провинціи вспыхнула не безъ ихъ содѣйствія среди кельтиберійскихъ народовъ вторая не менѣе серьозная война. Блестящіе военные успѣхи Виріаѳа побудили въ
610 году Ареваковъ также возстать противъ Римлянъ; этимъ и объ- 144
ясняется, почему посланный въ Испанію на смѣну Максима Эмиліана, консулъ Квинтъ Цецилій Метеллъ направился не въ южную провинцію, а туда, гдѣ шла борьба съ Кельтиберами. И въ этой борьбѣ; а въ особенности во время осады считавшагося неприступнымъ города Контребіи, онъ выказалъ такія-же военныя дарованія, какими отличился во время своей успѣшной борьбы съ македонскимъ
лже-Филиппомъ; послѣ его двухъ-лѣтняго управленія (611, 612), 143 142
сѣверная провинція была снова приведена въ покорность. Только два города — Терманція и Нуманція еще не отворяли своихъ воротъ передъ Римлянами; но и они уже изъявили готовность сдаться на капитуляцію и уже бо́льшая часть предписанныхъ имъ условій была исполнена. Но когда дѣло дошло до выдачи оружія, и въ тамошнихъ Испанцахъ, точно также какъ въ Виріаѳѣ, заговорила та чисто-испанская гордость, какую внушаютъ обладаніе и умѣнье владѣть мечомъ, — и они рѣшились продолжать войну подъ предводительствомъ отважнаго Мегаравика. Это казалось безразсудствомъ, такъ
какъ консульская армія, поступившая въ 613 году подъ начальство 141
консула Квинта Помпея, была вчетверо болѣе многочисленна, чѣмъ все способное носить оружіе населеніе Нуманціи. Однако, совершенно неопытный въ военномъ дѣлѣ главнокомандующій потерпѣлъ подъ
стѣнами обоихъ городовъ такія тяжелыя пораженія (613, 614), что 141 140
предпочелъ вступить въ переговоры о мирномъ договорѣ, на заключеніе котораго не могъ принудить непріятеля силой. Съ Терманціей, какъ кажется, уже было заключено окончательное соглашеніе; Нуманційцамъ римскій главнокомандующій возвратилъ плѣнниковъ и потребовалъ, чтобъ эта община сдалась ему безусловно, давши тайное обѣщаніе, что обойдется съ нею благосклонно. Утомленные войной Нуманційцы изъявили свое согласіе, а главнокомандующій дѣйствительно ограничился самыми умѣренными требованіями. Римлянамъ уже были выданы плѣнники, перебѣжчики и заложники, бо́льшая часть условленной контрибуціи уже была имъ уплачена, когда прибылъ
въ лагерь (615) новый главнокомандующій Маркъ Попиллій Ленатъ. 139
Какъ только Помпею пришлось передавать главное командованіе другому лицу, имъ овладѣлъ страхъ, что въ Римѣ его привлекутъ

къ отвѣтственности за заключеніе такого мирнаго договора, который былъ по римскимъ понятіямъ унизителенъ; поэтому онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ не только не исполнилъ даннаго слова, но и совершенно отъ него отрекся, а когда Нуманційцы пришли къ нему для уплаты остальной части условленной контрибуціи, онъ сталъ отрицать прямо имъ въ глаза и въ глаза ихъ офицерамъ самый фактъ заключенія мирнаго договора. Это дѣло было представлено на разрѣшеніе римскаго сената, и, пока его тамъ разсматривали, военныя дѣйствія передъ Нуманціей не возобновлялись, а Ленатъ былъ занятъ экспедиціей въ Лузитанію, гдѣ содѣйствовалъ гибели Виріаѳа, и набѣгомъ на владѣнія жившихъ въ сосѣдствѣ съ Нуманційцами Лузоновъ. Наконецъ изъ сената пришло ожидаемое рѣшеніе: оно гласило, что слѣдуетъ продолжать войну, — такимъ образомъ римское правительство сдѣлалось сообщникомъ въ мошеннической продѣлкѣ Помпея.

Манцинъ. Нуманційцы возобновили борьбу съ неослабленнымъ мужествомъ и съ усиленнымъ озлобленіемъ; съ ними неудачно сражались и Ле-
137 натъ и его преемникъ Гай Гостилій Манцинъ (617). Но окончательная катастрофа была послѣдствіемъ не столько одержанныхъ Нуманційцами побѣдъ, сколько введенной римскимъ главнокомандующимъ слабой дисциплины и съ каждымъ годомъ все усиливавшихся распутства, инсубординаціи и трусости римскихъ солдатъ. Одинъ только слухъ, въ добавокъ оказавшійся ложнымъ, что Кантабры и Ваккеи идутъ на выручку Нуманціи, побудилъ римскую армію самовольно покинуть въ ночное время лагерь для того, чтобъ укрыться за окопами, которые были возведены за шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ Нобиліоромъ (стр. 6). Узнавши объ отступленіи непріятеля, Нуманційцы устремились вслѣдъ за нимъ и окружили его со всѣхъ сторонъ; Римлянамъ не оставалось другаго выбора, какъ проложить себѣ дорогу съ мечомъ въ рукахъ или заключить миръ на предписанныхъ Нуманційцами условіяхъ. Нуманційцы удовольствовались умѣренными мирными условіями, за исполненіе которыхъ клятвенно поручились всѣ римскіе штабъ-офицеры; своимъ спасеніемъ Римляне были обязаны не столько самому консулу, который хотя и былъ честнымъ человѣкомъ, но былъ слабохарактеренъ и не пользовался громкою извѣстностью, а Тиберію Гракху, который служилъ въ арміи квесторомъ и унаслѣдовалъ уваженіе Кельтиберовъ отъ своего отца, такъ мудро организовавшаго провинцію Эбро. Однако сенатъ не только немедленно отозвалъ главнокомандующаго, но послѣ продолжительныхъ совѣщаній рѣшилъ предложить гражданству поступить съ этимъ мирнымъ договоромъ такъ-же, какъ было поступлено съ Каудинскимъ договоромъ, — то есть отказать въ его ратификаціи и возложить за него отвѣтственность на тѣхъ, кто его заключилъ. По закону, эта отвѣтственность должна была падать на

всѣхъ офицеровъ, скрѣпившихъ договоръ своей клятвой; но Гракха и всѣхъ остальныхъ офицеровъ спасли ихъ родственныя связи; одному Манцину, не принадлежавшему къ сферамъ высшей аристократіи, пришлось понести наказаніе и за свою вину и за чужую. Лишенный внѣшнихъ отличій своего сана, римскій консуляръ былъ отведенъ къ непріятельскимъ форпостамъ, а такъ какъ Нуманційцы отказались принять его, чтобъ и съ своей стороны не признать мирный договоръ недѣйствительнымъ, то бывшій главнокомандующій, въ одной рубашкѣ и съ связанными за спиной руками, простоялъ цѣлый день передъ воротами Нуманціи, представляя печальное зрѣлище и друзьямъ и недругамъ. Однако, этотъ горькій урокъ, повидимому, не принесъ никакой пользы преемнику Манцина и его сотоварищу по консульскому званію, Марку Эмилію Лепиду. Въ то время, какъ въ Римѣ совѣщались о томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ мирному договору, который былъ заключенъ Манциномъ, Лепидъ послѣдовалъ примѣру, преподанному за шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ Лукулломъ: онъ подъ самыми ничтожными предлогами напалъ на вольную націю Ваккеевъ и предпринялъ осаду Палланціи при содѣйствіи военачальниковъ Дальней Испаніи (618). Сенат- 136
скимъ декретомъ ему было предписано прекратить эту войну; не взирая на это, онъ продолжалъ осаду подъ тѣмъ предлогомъ, что обстоятельства уже успѣли съ тѣхъ поръ измѣниться. Кромѣ того, онъ былъ не только плохимъ гражданиномъ, но и плохимъ солдатомъ; простоявъ подъ стѣнами большаго и хорошо укрѣпленнаго города до той минуты, когда въ суровомъ непріятельскомъ краю уже нельзя было добыть продовольствія, онъ былъ принужденъ покинуть всѣхъ раненыхъ и больныхъ и начать отступленіе, во время котораго пустившіеся за нимъ въ погоню Палланційцы перебили половину его солдатъ; а если-бы непріятель не прекратилъ преслѣдованія слишкомъ рано, то пришедшая въ полнѣйшее разстройство римская армія, вѣроятно, была-бы совершенно истреблена. За это былъ наложенъ на высокороднаго главнокомандующаго, по возвращеніи его домой, денежный штрафъ. На его преемниковъ Луція Фурія Фила (618) и 136
Квинта Кальпурнія Пизона (619) была возложена обязанность снова 135
вести войну съ Нуманційцами, но такъ какъ они ровно ничего не предпринимали, то они возвратились домой, не понеся никакихъ пораженій.

Сципіонъ Эмиліанъ.

Даже Римское правительство, наконецъ, поняло, что нельзя долѣе оставлять дѣла въ такомъ положеніи; поэтому было рѣшено поручить завоеваніе маленькаго испанскаго городка, въ видѣ исключенія, лучшему изъ римскихъ полководцевъ, Сципіону Эмиліану. Но денежныя средства для веденія войны были назначены съ безразсудною скупостью, а въ дозволеніи набирать солдатъ даже было совершенно отказано, частію вслѣдствіе интригъ политическихъ пар-

тій, частію изъ опасенія обременить самодержавное гражданство. Впрочемъ Сципіона добровольно сопровождали многочисленные друзья и кліенты и въ томъ числѣ его братъ Максимъ Эмиліанъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ отличіемъ командовалъ арміей въ войнѣ съ Виріаѳомъ. При помощи этихъ надежныхъ приверженцевъ, изъ которыхъ былъ сформированъ конвой главнокомандующаго, Сципіонъ приступилъ къ преобразованію пришедшей въ совершенное
134 разстройство арміи (620). Прежде всего онъ очистилъ лагерь отъ всякаго сброда (тамъ нашлось около 2000 женщинъ и безчисленное множество прорицателей и поповъ всякаго сорта), а такъ какъ солдаты были негодны для боя, то онъ сталъ заставлять ихъ покуда возводить окопы и маршировать. Въ теченіе перваго лѣта главнокомандующій избѣгалъ всякихъ столкновеній съ Нуманційцами; онъ ограничился тѣмъ, что уничтожилъ въ окрестностяхъ запасы продовольствія, наказалъ Ваккеевъ за то, что они продавали хлѣбъ Нуманційцамъ, и принудилъ ихъ признать верховенство Рима. Только въ началѣ зимы Сципіонъ собралъ свою армію вокругъ Нуманціи; кромѣ нумидійскаго контингента, состоявшаго изъ всадниковъ, пѣхотинцевъ и двѣнадцати слоновъ подъ начальствомъ принца Югурты, и кромѣ многочисленныхъ испанскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, въ этой арміи было четыре легіона и въ общей сложности до 60.000 человѣкъ; съ этими силами Сципіонъ окружилъ городъ, въ которомъ было по бóльшей мѣрѣ 8000 способныхъ носить оружіе людей. Тѣмъ не менѣе, осажденные неоднократно вызывали Римлянъ на бой; но Сципіонъ, хорошо понимавшій, что нельзя сразу искоренить многолѣтнюю привычку не подчиняться никакой дисциплинѣ, уклонялся отъ битвы, а когда вылазки осажденныхъ принуждали его вступать въ бой, его тактику вполнѣ оправдывало трусливое обращеніе въ бѣгство легіонеровъ, которыхъ могло съ трудомъ сдерживать даже личное присутствіе главнокомандующаго. Никогда еще ни одинъ главнокомандующій не относился къ своимъ солдатамъ съ такимъ презрѣніемъ, съ какимъ относился Сципіонъ къ стоявшей передъ Нуманціею арміи, и не одними горькими упреками, а главнымъ образомъ на дѣлѣ, онъ доказывалъ ей, какого былъ невысокаго о ней мнѣнія. Ему въ первый разъ пришлось увидѣть, что Римляне сражались мотыкой и заступомъ, тогда какъ ничто не мѣшало имъ употреблять въ дѣло мечи. Вокругъ городскихъ стѣнъ, имѣвшихъ въ окружности слишкомъ половину нѣмецкой мили, была возведена вдвое болѣе длинная двойная линія окоповъ, которая была снабжена стѣнами, башнями и валомъ, а впослѣдствіи было прекращено и сообщеніе по рѣкѣ Дуэро, по которой сначала доставлялись осажденнымъ припасы отважными лодочниками и водолазами. Такимъ образомъ городъ, на который Римляне не осмѣливались итти приступомъ, неизбѣжно долженъ былъ пасть отъ

голода,—тѣмъ болѣе потому, что его граждане не успѣли запастись съѣстными припасами предшествовавшимъ лѣтомъ. Нуманційцы скоро стали терпѣть недостатокъ во всемъ. Одинъ изъ ихъ самыхъ отважныхъ бойцевъ, по имени Ретогенъ, пробрался вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами сквозь непріятельскіе окопы и своими трогательными просьбами не оставлять погибающихъ соплеменниковъ безъ помощи произвелъ сильное впечатлѣніе по меньшей мѣрѣ въ одномъ изъ ареваксвихъ городовъ, въ Луціи. Но прежде, чѣмъ жители Луціи приняли окончательное рѣшеніе, Сципіонъ узналъ о случившемся отъ жившихъ въ городѣ римскихъ сторонниковъ, явился подъ городскими стѣнами во главѣ сильной арміи и принудилъ городскихъ правителей выдать ему зачинщиковъ—четыреста лучшихъ юношей, у которыхъ и были отрублены руки, по приказанію римскаго главнокомандующаго. Утратившіе послѣднюю надежду, Нуманційцы отправили къ Сципіону пословъ для переговоровъ о сдачѣ и молили храбраго воина пощадить храбрецовъ; но когда эти послы вернулись съ извѣстіемъ, что Сципіонъ требуетъ безусловной покорности, разъяренная толпа разорвала ихъ въ куски и еще прошло нѣсколько времени прежде чѣмъ голодъ и заразительныя болѣзни довершили свое дѣло. Наконецъ въ римскую главную квартиру прибыло второе посольство съ извѣщеніемъ, что городъ готовъ сдаться на произволъ побѣдителя. Гражданамъ было приказано выйти на слѣдующій день за городскія ворота, но они стали просить на нѣсколько дней отсрочки для того, чтобъ дать время покончить съ своею жизнію тѣмъ гражданамъ, которые не хотѣли пережить утрату свободы. На эту отсрочку Римляне согласились и нашлось не мало людей, которые ею воспользовались. Наконецъ оставшіеся въ живыхъ жители вышли за городскія ворота. Сципіонъ отобралъ изъ нихъ пятьдесятъ самыхъ знатныхъ для того, чтобъ вести ихъ въ своей тріумфальной процессіи; остальные были проданы въ рабство; городъ былъ разрушенъ до основанія, а его территорія была раздѣлена между сосѣдними городами. Это случилось осенью 621 года, 133
черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ Сципіонъ вступилъ въ командованіе арміей.—Паденіе Нуманціи уничтожило въ самомъ корнѣ еще мѣстами проявлявшуюся оппозицію противъ Рима; послѣ того уже было достаточно военныхъ прогулокъ и денежныхъ штрафовъ, чтобъ принудить всю Ближнюю Испанію къ признанію римскаго верховенства.

Побѣда надъ Галлеками.

Покореніе Лузитанцевъ упрочило и расширило римское владычество и въ Дальней Испаніи. Замѣнившій Цепіона, консулъ Децимъ Юній Брутъ поселилъ взятыхъ въ плѣнъ Лузитанцевъ вблизи отъ Сагунта и далъ ихъ новому городу Валенціи (Valencia) такія-же латинскія учрежденія, какія были введены въ Картеѣ (616); послѣ того онъ прошолъ по западному иберійскому побережью

138—136 въ разныхъ направленіяхъ (616 — 618) и былъ первымъ римскимъ полководцемъ, достигшимъ береговъ Атлантическаго океана. Онъ завладѣлъ городами, которые принадлежали жившимъ въ той странѣ Лузитанцамъ и въ которыхъ жители какъ мужескаго, такъ и женскаго пола оказывали упорное сопротивленіе, а бывшихъ до того времени независимыми Галлековъ присоединилъ къ римской провинціи послѣ того, какъ убилъ у нихъ въ большомъ сраженіи 50000 человѣкъ. Послѣ покоренія Ваккеевъ, Лузитанцевъ и Галлековъ, весь полуостровъ, за исключеніемъ сѣверныхъ береговъ, сдѣлался римскимъ владѣніемъ по меньшей мѣрѣ по названію.

Новое устройство Испаніи. Въ Испанію была отправлена сенатская коммиссія для того, чтобъ по соглашенію съ Сципіономъ ввести римское устройство во вновь пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ, а Сципіонъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ изгладить послѣдствія безчестной и безразсудной политики своихъ предмѣстниковъ; такъ напримѣръ онъ пригласилъ Кавкановъ вернуться въ ихъ городъ и заново его отстроить: это были тѣ самые Кавканы, съ которыми Лукуллъ, за девятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, поступилъ такъ безчестно въ присутствіи Сципіона, бывшаго въ ту пору военнымъ трибуномъ. Тогда снова
123 настали для Испаніи довольно сносныя времена. Въ 631 году Квинтъ Цецилій Метеллъ занялъ Балеарскіе острова, уничтоживъ находившіеся тамъ опасные притоны морскихъ разбойниковъ, — что много способствовало развитію испанской торговли; да и сами по себѣ эти плодородные острова съ своимъ густымъ и необыкновенно искуснымъ въ метаніи пращей населеніемъ были очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. О томъ, какъ уже въ ту пору было велико на полуостровѣ число туземцевъ, говорившихъ по-латыни, свидѣтельствуетъ поселеніе 3000 испанскихъ Латиновъ на вновь пріобрѣтенныхъ островахъ, въ городахъ Пальмѣ и Полленціи (**Pollenza**). Не смотря на много важныхъ недостатковъ, римское управленіе Испаніей сохранило въ своихъ главныхъ чертахъ тотъ отпечатокъ, который былъ наложенъ на него во времена Катона и въ особенности во времена Тиберія Гракха. Впрочемъ жителямъ римскихъ пограничныхъ владѣній приходилось не мало страдать отъ набѣговъ частію полу-независимыхъ, частію вполнѣ независимыхъ сѣверныхъ и западныхъ племенъ. Такъ напримѣръ у Лузитанцевъ бѣдная молодёжь постоянно собиралась въ разбойничьи шайки и грабила своихъ земляковъ и сосѣдей, вслѣдствіе чего одиноко стоявшія земледѣльческія усадьбы обносились укрѣпленіями, чтобъ быть въ состояніи обороняться въ случаѣ надобности, а Римлянамъ не удалось прекратить эти разбои въ недоступныхъ лузитанскихъ горахъ. Но прежнія войны все болѣе и болѣе принимали характеръ борьбы съ шайками грабителей, съ которыми всякій сколько-нибудь дѣльный намѣстникъ былъ въ состояніи справляться, не прибѣгая ни къ какимъ экстреннымъ мѣрамъ; поэтому, не смотря

на эти опустошенія пограничныхъ областей, Испанія была самой цвѣтущей и самой благоустроенной страной изъ всѣхъ римскихъ владѣній; тамъ не знали ни десятинныхъ сборовъ, ни откупщиковъ; населеніе было густо, а страна была богата хлѣбомъ и скотомъ.

Вассальныя государства. Въ гораздо болѣе тяжеломъ переходномъ положеніи отъ фактической зависимости къ формальному подданству находились тѣ африканскія, греческія и азіатскія государства, которыя были вовлечены въ сферу римской гегемоніи войнами Римлянъ съ Карѳагеномъ, съ Македоніей и съ Сиріей. Независимое государство платитъ за свою самостоятельность не слишкомъ дорого, вынося, когда это необходимо, всѣ тягости войны; государство, утратившее свою самостоятельность, можетъ находить нѣкоторое вознагражденіе по меньшей мѣрѣ въ томъ, что его протекторъ доставляетъ ему внутреннее спокойствіе, охраняя его отъ нападеній сосѣдей. Но эти, находившіяся подъ римскимъ протекторатомъ, государства, не пользовались ни самостоятельностью, ни внутреннимъ спокойствіемъ. Въ Африкѣ не прекращалась пограничная война между Карѳагеномъ и Нумидіей. Въ Египтѣ, хотя римскій третейскій приговоръ и порѣшилъ споръ о наслѣдствѣ между двумя братьями — Птолемеемъ Филометоромъ и Птолемеемъ Толстымъ, но новые владѣтели Египта и Кирены все таки вели между собою войну изъ-за обладанія Кипромъ. Въ Азіи, не только бо́льшую часть государствъ, какъ-то Виѳинію, Каппадокію, Сирію, раздирали споры о правахъ наслѣдства и вызываемое такими спорами вмѣшательство сосѣднихъ государствъ, но кромѣ того неоднократно вспыхивали тяжелыя войны между Атталидами и Галатами, между Атталидами и виѳинскими царями, даже между Родосомъ и Критомъ. И въ самой Элладѣ не прекращались обычные мелочные раздоры и даже нѣкогда столь спокойныя македонскія страны страдали отъ распрей, вызванныхъ ихъ новыми демократическими учрежденіями. Въ томъ были виноваты какъ подвластные народы, такъ и властители, что послѣднія жизненныя силы и послѣднее достояніе націй тратились на эти безцѣльные раздоры. Вассальныя государства должны-бы были понять, что, не имѣя возможности воевать со всякимъ, съ кѣмъ захотятъ, они не могли предпринимать никакихъ войнъ, и что ихъ владѣнія и положеніе среди другихъ государствъ были фактически обезпечены Римомъ, а потому въ случаѣ какихъ либо столкновеній имъ не оставалось никакого другаго выбора, какъ улаживать столкновенія миролюбивыми сдѣлками, или-же прибѣгать къ третейскому разбирательству Римлянъ. Когда ахейскій сеймъ получилъ отъ Родосцевъ и отъ Критянъ просьбу о союзнической помощи и сталъ серьезно обсуждать вопросъ объ отправкѣ вспомогательныхъ войскъ (601), то это было ничто иное, какъ политическій **153.**
фарсъ; когда вождь римской партіи высказалъ по этому поводу мнѣніе, что Ахеяне уже не имѣютъ права предпринимать какую-либо

войну безъ предварительнаго разрѣшенія Римлянъ, онъ этимъ высказалъ, — хотя и съ неблагозвучной рѣзкостью — ту простую истину, что формальное самодержавіе вассальныхъ государствъ было дѣйствительно только формальнымъ и что всякая попытка вдохнуть жизнь въ призракъ привела-бы лишь къ уничтоженію самого призрака. Но властвовавшая община была болѣе достойна порицанія, чѣмъ общины ей подвластныя. И для государства, точно такъ-же какъ для частнаго человѣка, не легко уживаться съ сознаніемъ своего ничтожества. Властитель обязанъ и въ правѣ или отказаться отъ владычества или доставить подвластнымъ такое матеріальное благосостояніе, которое заставитъ ихъ смириться. Но римскій сенатъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Къ нему обращались со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ сторонъ его осаждали просьбами; поэтому онъ безпрестанно вмѣшивался въ дѣла африканскія, эллинскія, азіатскія, египетскія, но дѣйствовалъ такъ нерѣшительно и вяло, что отъ его примирительныхъ попытокъ замѣшательство, обыкновенно, только усиливалось. То было время дѣятельности разныхъ коммиссій. Сенатъ безпрестанно отправлялъ своихъ уполномоченныхъ въ Карѳагенъ и въ Александрію, къ ахейскому сейму и ко дворамъ владѣтелей передней Азіи; они производили разслѣдованія, налагали запрещенія, писали донесенія, а самыя важныя дѣла все-таки нерѣдко разрѣшались безъ вѣдома сената и наперекоръ его волѣ. Такъ напримѣръ, сенатъ предоставилъ обладаніе Кипромъ киренейскому царству, а этотъ островъ все-таки остался во владѣніи Египта; такъ напримѣръ, одинъ сирійскій принцъ вступилъ на престолъ своихъ предковъ на томъ основаніи, что этотъ престолъ былъ ему обѣщанъ Римлянами, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ему было положительно въ этомъ отказано сенатомъ и самъ онъ тайно бѣжалъ изъ Рима, нарушивъ запрещеніе выѣзда; даже всѣмъ извѣстное убійство римскаго коммисара, управлявшаго Сиріей по порученію сената въ качествѣ опекуна, осталось совершенно безнаказаннымъ. Азіатцы хорошо знали, что они не въ состояніи сопротивляться римскимъ легіонамъ; но они не менѣе хорошо знали, что сенатъ былъ вовсе не расположенъ требовать отъ римскихъ гражданъ участія въ походахъ на берега Эвфрата или Нила. Поэтому въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ дѣла шли точно такъ-же, какъ они идутъ въ школѣ, когда учитель отсутствуетъ или когда онъ не взыскателенъ,—и римское управленіе не доставляло подвластнымъ народамъ ни тѣхъ благъ, которыми надѣляетъ свобода, ни тѣхъ, которыми надѣляетъ внутренній порядокъ. Но и для самихъ Римлянъ такое положеніе дѣлъ было опасно, такъ какъ оно до нѣкоторой степени оставляло на произволъ судьбы охрану границъ сѣверной и восточной. Римъ не былъ въ состояніи непосредственно и во-время воспрепятствовать возникновенію такихъ царствъ, которыя могли находить для себя опору во внутреннихъ

странахъ, лежавшихъ за предѣлами римской гегемоніи, и могли достигнуть въ противоположность слабымъ вассальнымъ государствамъ такого могущества, что сдѣлались-бы опасными для Рима и рано или поздно вступили-бы съ нимъ въ борьбу. Конечно, отъ такой опасности отчасти предохраняло Римлянъ тогдашнее положеніе пограничныхъ націй, дробившихся на мелкія племена и нигдѣ не находившихъ благопріятныхъ условій для образованія могущественныхъ государствъ; тѣмъ не менѣе изъ исторіи востока ясно видно, что въ ту пору фаланга Селевковъ уже не стояла на берегахъ Эвфрата, а легіоны Августа еще тамъ не появлялись.

Давно-бы слѣдовало положить конецъ такому неопредѣленному положенію. Но единственнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли было превращеніе вассальныхъ государствъ въ римскія провинціи; это не трудно было сдѣлать уже потому, что римская провинціальная форма управленія въ сущности сосредоточивала въ рукахъ римскихъ намѣстниковъ только военную власть, а администрацію и отправленіе правосудія предоставляла или по меньшей мѣрѣ должна была предоставлять общинамъ; стало-быть, всё, что уцѣлѣло отъ прежней политической независимости, могло сохраниться подъ видомъ свободы общинъ. Нельзя было не сознавать необходимости такой административной реформы; вопросъ заключался только въ томъ, достанетъ-ли у сената мужества и силы, чтобъ ясно понять и съ энергіей выполнить то, чтó было необходимо, или-же онъ будетъ медлить и чѣмъ нибудь испортитъ задуманное дѣло.

Карѳагенъ и Нумидія.

Посмотримъ прежде всего на положеніе дѣлъ въ Африкѣ. Порядки, которые были введены Римлянами въ Ливіи, были основаны въ сущности на равновѣсіи между управлявшимся Массиниссой царствомъ кочевниковъ и городомъ Карѳагеномъ. Между тѣмъ какъ это царство расширялось, крѣпло и цивилизовалось (томъ I, стр. 671) подъ энергичнымъ и мудрымъ управленіемъ Массиниссы, и Карѳагенъ,— только вслѣдствіе внутренняго спокойствія,—снова достигъ, по меньшей мѣрѣ по своему богатству и по многочисленности своего населенія, такого-же положенія, въ какомъ находился въ то время, когда стоялъ на высотѣ своего политическаго могущества. Римляне взирали съ плохо-скрываемымъ завистливымъ страхомъ на казавшееся несокрушимымъ процвѣтаніе своего стараго соперника; до того времени они не оказывали Массиниссѣ никакого содѣйствія въ его безпрестанныхъ попыткахъ чтó нибудь отнять у Карѳагена, а теперь ихъ вмѣшательство стало явно склоняться въ пользу этого безпокойнаго сосѣда. Длившійся болѣе тридцати лѣтъ, споръ между городомъ и царемъ о самой плодородной изъ карѳагенскихъ провинцій,—объ округѣ Эмпоріи у Малаго Сирта, былъ наконецъ (около 594 года) разрѣшенъ римскими коммиссарами: Карѳагеняне были 160
принуждены очистить остававшіеся въ ихъ владѣніи города эмпо-

рійской области и уплатить царю вознагражденіе въ 500 талантовъ (860,000 талеровъ) за несправедливое пользованіе спорной территоріей. Послѣдствіемъ этого было то, что Массинисса немедленно захватилъ другой карѳагенскій округъ на западной границѣ карѳагенской территоріи—городъ Туску и обширныя поля подлѣ Баграда; Карѳагенянамъ не оставалось ничего другаго, какъ снова начать въ Римѣ тяжбу, отъ которой нельзя было ожидать никакого успѣха. Послѣ продолжительной и, безъ сомнѣнія, умышленной проволочки,
157 въ Африку была отправлена новая коммиссія (597); но такъ какъ Карѳагеняне не хотѣли безусловно подчиниться ея рѣшенію безъ предварительной подробной провѣрки ихъ правъ и настаивали на внимательномъ разсмотрѣніи представленныхъ ими доказательствъ, то коммиссары возвратились въ Римъ, не постановивъ никакого рѣшенія.

Въ Римѣ рѣшено разрушить Карѳагенъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кто былъ правъ — Карѳагенъ или Массинисса, остался неразрѣшеннымъ; но присылка коммиссаровъ привела къ другому болѣе важному рѣшенію. Во главѣ коммиссіи находился престарѣлый Маркъ Катонъ, который былъ въ ту пору едва-ли не самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ сенатѣ, а въ качествѣ одного изъ ветерановъ Аннибаловской войны отъ всей души ненавидѣлъ Пуновъ и страшился ихъ могущества. Онъ съ удивленіемъ и съ неудовольствіемъ взиралъ на цвѣтущее положеніе наслѣдственныхъ враговъ Рима, на ихъ роскошныя поля и многолюдныя улицы, на лежавшія въ ихъ арсеналахъ огромные запасы оружія и на ихъ сильный флотъ; онъ уже воображалъ, что явится новый Аннибалъ, который употребитъ всѣ эти средства въ дѣло для борьбы съ Римомъ. Какъ человѣкъ честный и мужественный, но съ ограниченнымъ умомъ, онъ пришолъ къ убѣжденію, что Римъ только тогда будетъ внѣ всякой опасности, когда Карѳагенъ исчезнетъ съ лица земли,—и по возвращеніи домой немедленно сталъ высказывать свои убѣжденія въ сенатѣ. Противъ такой трусливой политики возстали въ сенатѣ нѣкоторые изъ членовъ аристократіи, смотрѣвшіе на дѣло съ бóльшимъ безпристрастіемъ — и въ особенности Сципіонъ Назика; они доказывали, что нѣтъ никакого основанія бояться купеческаго города, въ которомъ финикійское населеніе все болѣе и болѣе отвыкало отъ военнаго дѣла и отъ воинственныхъ помысловъ, и что существованіе этого богатаго торговаго центра вполнѣ совмѣстимо съ политическимъ преобладаніемъ Рима. Даже превращеніе Карѳагена въ римскій провинціальный городъ было-бы возможно, а въ сравненіи съ тогдашнимъ положеніемъ Финикіянъ даже, можетъ быть, не было-бы противно ихъ желаніямъ. Но Катонъ желалъ не покорности ненавистнаго города, а его окончательной гибели. Его политическія убѣжденія, какъ кажется, нашли послѣдователей частію среди тѣхъ государственныхъ людей, которые желали, чтобъ всѣ замор-

кія владѣнія находились въ непосредственной зависимости отъ Рима, частію среди вліятельныхъ римскихъ банкировъ и оптовыхъ торговцевъ, къ которымъ должны были перейти богатства и торговля Карѳагена послѣ его разрушенія. Большинство рѣшило начать войну съ Карѳагеномъ или вѣрнѣе разрушить его при первомъ благовидномъ предлогѣ,—а выжидать такого предлога было необходимо изъ уваженія къ общественному мнѣнію. Онъ скоро нашолся. Вслѣдствіе оскорбительнаго нарушенія законныхъ правъ Карѳагенянъ и со стороны Массиниссы и со стороны Римлянъ, во главѣ карѳагенскаго управленія были поставлены вожди патріотической партіи, Аздрубалъ и Карѳалонъ; подобно ахейскимъ патріотамъ, они вовсе не намѣревались возставать противъ римскаго верховенства, а только рѣшились отстаивать противъ Массинисы, въ случаѣ надобности даже съ оружіемъ въ рукахъ, тѣ права, которыя были предоставлены Карѳагенянамъ трактатами. Патріоты настояли на изгнаніи изъ города сорока самыхъ рѣшительныхъ приверженцевъ Массиниссы и взяли съ народа клятву, что онъ никогда не дозволитъ этимъ изгнанникамъ вернуться въ городъ подъ какими-бы то ни было условіями; въ то же время они организовали изъ вольныхъ Нумидійцевъ сильную армію для отраженія ожидавшагося со стороны Массиниссы нападенія и поставили во главѣ ея Сифаксова внука, Аркобарзана
(около 600 года). Однако Массинисса былъ настолько благоразу- 154
менъ, что не сталъ готовиться къ войнѣ, а вопросъ о спорной баградской территоріи безусловно предоставилъ на третейское рѣшеніе Римлянъ; поэтому римское правительство могло съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждать, что карѳагенскія вооруженія направлены противъ Рима, и настоятельно требовать, чтобъ армія была распущена, а собранные для флота запасы уничтожены. Карѳагенскій сенатъ изъявилъ готовность на это согласиться, но народная толпа воспротивилась исполненію его рѣшенія, такъ что жизнь пріѣхавшихъ въ Карѳагенъ съ этимъ требованіемъ римскихъ уполномоченныхъ находилась въ опасности. Массинисса отправилъ своего сына Гулуссу въ Римъ съ извѣстіями о непрекращавшихся приготовленіяхъ Карѳагена къ военнымъ дѣйствіямъ на сушѣ и на морѣ, и съ просьбою поторопиться объявленіемъ Карѳагену войны. Послѣ того, какъ новое римское посольство изъ десяти человѣкъ убѣдилось, что Карѳагенъ
дѣйствительно занятъ военными приготовленіями (602), сенатъ хотя 152
и отвергнулъ предложенное Катономъ безусловное объявленіе войны, но въ тайномъ засѣданіи рѣшилъ, что война будетъ объявлена, если Карѳагеняне не согласятся распустить свою армію и сжечь приготовленные для флота запасы. Тѣмъ временемъ въ Африкѣ уже началась война. Изгнанныхъ изъ Карѳагена своихъ приверженцевъ Массинисса отослалъ обратно въ городъ подъ охраной своего сына Гулуссы. Но Карѳагеняне заперли свои городскія ворота и

убили нѣсколько человѣкъ у удалявшися Нумидійцевъ; тогда Массинисса двинулъ свои войска, а партія кареагенскихъ патріотовъ также приготовилась къ борьбѣ. Но поставленный во главѣ кареагенскихъ войскъ, Аздрубалъ былъ одинъ изъ тѣхъ губителей арміи, какихъ Кареагеняне обыкновенно выбирали въ главнокомандующіе; онъ выступалъ величаво, какъ театральный царь, въ пурпуровомъ одѣяніи главнокомандующаго и даже въ лагерѣ холилъ свой громадный животъ, былъ тщеславенъ и неповоротливъ, и конечно не могъ сдѣлаться избавителемъ отъ такой бѣды, которую едва-ли могли-бы предотвратить даже геній Амилькара и военное искуство Аннибала. Между Кареагенянами и Нумидійцами произошло рѣшительное сраженіе на глазахъ у Сципіона Эмиліана, который служилъ въ то время военнымъ трибуномъ въ испанской арміи, былъ присланъ къ Массиниссѣ съ порученіемъ добыть для своего главнокомандующаго африканскихъ слоновъ и при этомъ удобномъ случаѣ смотрѣлъ на битву съ возвышенія, какъ «Зевсъ съ Иды»; не смотря на то, что Кареагеняне получили подкрѣпленіе изъ 6000 всадниковъ, приведенныхъ недовольными Массиниссой вождями, и вообще превосходили противника числомъ, они были разбиты. Послѣ этого пораженія они предложили Массиниссѣ территоріальныя уступки и уплату контрибуціи, а Сципіонъ попытался, по ихъ настоянію, уладить соглашеніе; но эта попытка не имѣла успѣха вслѣдствіе отказа кареагенскихъ патріотовъ выдать дезертировъ. Однако, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, Аздрубалъ нашолся вынужденнымъ согласиться на все, чего требовалъ непріятель—и выдать дезертировъ, и дозволить изгнанникамъ возвратиться, и отдать оружіе, и пройти подъ ярмомъ, и уплачивать въ теченіе пятидесяти лѣтъ по 100 талантовъ (160.000 тал.) въ годъ; но даже условія этого договора не были соблюдены Нумидійцами: они изрубили безоружные остатки кареагенской арміи на ея возвратномъ пути.

Римляне объявляютъ войну Кареагену.

Римляне могли-бы предотвратить эту войну своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ, но они этого не сдѣлали и такимъ образомъ достигли того, что́ имъ было нужно: теперь у нихъ былъ основательный предлогъ для объявленія войны, такъ какъ Кареагенянами было нарушено то условіе мирнаго договора, которое запрещало имъ вести войны съ римскими союзниками и за чертою ихъ владѣній (томъ 1, стр. 655, 666); сверхъ того Римлянамъ приходилось теперь имѣть дѣло съ такимъ противникомъ, который уже потерпѣлъ пораженіе. Уже были созваны въ Римъ италійскіе контингенты и кораблямъ было приказано готовиться къ отплытію; можно было ежеминутно ожидать объявленія войны. Кареагеняне сдѣлали все, что могли, чтобъ отклонить угрожавшую имъ бѣду. Вожди патріотической партіи, Аздрубалъ и Кареалонъ, были осуждены на смертную казнь и было отправлено въ Римъ посольство съ

цѣлію сложить на этихъ людей отвѣтственность за всё, что случилось. Но въ то-же время прибыли туда послы отъ втораго города либійскихъ Финикіянъ, отъ Утики; они были уполномочены предоставить свою общину въ полную собственность Римлянъ. Въ сравненіи съ такимъ предупредительнымъ изъявленіемъ покорности казался почти дерзкимъ образъ дѣйствій Карѳагенянъ, ограничившихся тѣмъ, что они, безъ всякаго требованія со стороны Римлянъ, осудили на смертную казнь своихъ самыхъ знатныхъ гражденъ. Сенатъ объявилъ, что оправданія Карѳагенянъ признаны недостаточными, а когда его спросили, что́-же могло-бы удовлетворить его, онъ отвѣчалъ, что Карѳагенянамъ это уже извѣстно. Конечно, Карѳагеняне должны были знать, чего желаютъ Римляне, но они никакъ не могли повѣрить, что для ихъ дорогаго роднаго города дѣйствительно насталъ послѣдній часъ. Снова были отправлены въ Римъ съ неограниченными полномочіями послы,—на этотъ разъ въ числѣ тридцати человѣкъ. Когда они прибыли въ Римъ, война уже была объявлена (въ началѣ 605 года) и двойная консульская армія уже была посажена на суда; все таки они попытались предотвратить грозу изъявленіями полной покорности. Сенатъ отвѣчалъ имъ, что Римъ готовъ гарантировать карѳагенской общинѣ ея владѣнія, ея городскія вольности и земскія учрежденія, ея общинное и частное имущество, если только-что отплывшимъ въ Сицилію консуламъ будутъ выданы въ Лилибеѣ, въ теченіе мѣсячнаго срока, 300 заложниковъ изъ дѣтей властвующихъ семействъ и если будутъ исполнены дальнѣйшія приказанія, какія дадутъ посламъ консулы согласно съ своими инструкціями. Этотъ отвѣтъ называли двусмысленнымъ, но совершенно неосновательно, какъ на это еще въ ту пору указывали даже самые дальновидные изъ Карѳагенянъ. Намѣренія сената были очень ясно видны изъ того, что онъ гарантировалъ посламъ всё, чего они желали, только за исключеніемъ цѣлости города, и что вовсе не было рѣчи о томъ, чтобъ пріостановить отплытіе войскъ въ Африку; сенатъ, дѣйствительно, поступалъ съ ужасной жестокостью, но его нельзя винить въ притворной снисходительности. Между тѣмъ въ Карѳагенѣ не хотѣли ясно видѣть, въ чемъ дѣло: тамъ не нашлось ни одного государственнаго человѣка, который убѣдилъ-бы своевольное городское населеніе въ необходимости выбирать одно изъ двухъ—или ни въ чемъ не уступать или изъявить безусловную покорность. Когда Карѳагеняне одновременно узнали и о грозномъ объявленіи войны и о снисходительномъ требованіи заложниковъ, они поспѣшили исполнить это требованіе и все еще не теряли послѣдней надежды, потому что у нихъ недоставало мужества, чтобъ ясно понять, что́ значитъ отдать себя на произволъ смертельнаго врага. Консулы отослали заложниковъ изъ Лилибея въ Римъ, а корѳагенскимъ посламъ объявили, что о

149

дальнѣйшихъ распоряженіяхъ они узнаютъ въ Африкѣ. Высадка войскъ совершилась безпрепятственно и потребованные съѣстные припасы были доставлены. Когда герузія прибыла въ своемъ полномъ составѣ изъ Кареагена въ Утику, въ главную квартиру Римлянъ, для полученія дальнѣйшихъ приказаній, то консулы прежде всего потребовали, чтобъ городъ былъ обезоруженъ. На вопросъ Кареагенянъ, кто-же тогда будетъ защищать ихъ отъ ихъ собственныхъ эмигрантовъ и отъ разросшейся до 20.000 человѣкъ арміи Аздрубала, который спасся бѣгствомъ отъ смертной казни, имъ отвѣчали, что объ этомъ будутъ заботиться Римляне. Вслѣдъ за тѣмъ, въ исполненіе приказанія консуловъ, къ нимъ явились городскіе сенаторы, которые привезли съ собою всё, что было заготовлено для флота, всѣ военные запасы, хранившіеся въ казенныхъ арсеналахъ, и все находившееся въ рукахъ частныхъ людей оружіе (при этомъ было насчитано 3000 метательныхъ орудій и 200.000 полныхъ вооруженій) и обратились къ консуламъ съ вопросомъ, не потребуется-ли отъ нихъ еще чего-нибудь. Тогда консулъ Луцій Марцій Ценсоринъ всталъ и объявилъ сенаторамъ, что въ исполненіе данныхъ римскимъ правительствомъ инструкцій прежній Кареагенъ долженъ быть разрушенъ, а его жителямъ дозволяется поселиться на ихъ территоріи въ какомъ пожелаютъ мѣстѣ, но не ближе, какъ на разстояніи 14 верстъ отъ морскаго берега.

Сопротивленіе Кареагенянъ. Это ужасное приказаніе воодушевило Финикіянъ такимъ мужествомъ, которое не знаешь какъ назвать—благороднымъ или безразсуднымъ, и которое напоминаетъ о мужествѣ жителей Тира въ борьбѣ съ Александромъ и о мужествѣ Іудеевъ въ борьбѣ съ Веспасіаномъ. Какъ безпримѣрно было терпѣніе, съ которымъ этотъ народъ выносилъ рабскую зависимость и угнетенія, такъ безпримѣрно было и неистовое возстаніе привыкшаго заниматься торговлей и мореплаваніемъ населенія, когда пришлось отказаться не отъ государственной самостоятельности и свободы, а отъ милой почвы роднаго города и отъ старой дорогой отчизны на берегу моря. О надеждѣ спастись не могло быть и рѣчи; политическое здравомысліе и въ этомъ случаѣ безспорно требовало покорности; но голоса тѣхъ немногихъ людей, которые убѣждали вынести то, что́ было неизбѣжно, были заглушены, какъ въ бурю приказанія кормчаго, неистовымъ воемъ народной толпы, которая въ бѣшеной ярости частію накинулась на городскихъ должностныхъ лицъ, присовѣтовавшихъ выдать заложниковъ и оружіе, частію отплатила за роковое извѣстіе тѣмъ, кто осмѣлился возвратиться съ нимъ въ городъ, частію стала убивать случайно находившихся въ городѣ Италійцевъ, чтобъ хотя на нихъ заранѣе выместить гибель своей отчизны. Нельзя сказать, чтобъ было принято рѣшеніе защищаться; объ этомъ трудно было помышлять тѣмъ, у кого было отобрано оружіе. Однако городскія

ворота были заперты; на городскихъ стѣнахъ, на которыхъ уже не было метательныхъ орудій, были заготовлены каменья; главное начальство было поручено сыну дочери Массиниссы, Аздрубалу; всѣ рабы были объявлены свободными. Между тѣмъ, армія эмигрантовъ, которою командовалъ спасшійся бѣгствомъ Аздрубалъ, держала въ своей власти всю карѳагенскую территорію за исключеніемъ занятыхъ Римлянами на восточномъ берегу городовъ Адрумета, Малаго Лептиса, Ѳапса, Ахуллы и Утики; она могла быть неоцѣнимой опорой для обороны; поэтому Карѳагеняне обратились къ ней съ просьбой не отказать имъ въ помощи въ минуту такой крайней опасности. Въ то же время они попытались, совершенно по-финикійски, обмануть врага, скрывая свое безпредѣльное ожесточеніе подъ маской смиренія. Къ консуламъ было отправлено посольство съ просьбой о тридцати-дневномъ перемиріи для того, чтобъ имѣть время отправить посольство въ Римъ. Карѳагенянамъ было хорошо извѣстно, что римскіе военачальники не захотятъ, да и не могутъ исполнить такую уже однажды отвергнутую просьбу; однако на рѣшеніе консуловъ повліяло то естественное соображеніе, что когда утихнутъ первые взрывы отчаянія, совершенно безоружный городъ покорится своей участи; поэтому они отсрочили нападеніе. Этимъ драгоцѣннымъ промежуткомъ времени Карѳагеняне воспользовались для того, чтобъ поставить метательныя орудія на прежнія мѣста и запастись оружіемъ. Все населеніе, безъ различія пола и возраста, работало день и ночь, — строило машины и ковало оружіе; чтобъ добыть бревна и металлъ, ломали публичныя зданія; чтобъ свивать необходимыя для метательныхъ орудій веревки, женщины обрѣзывали свои волосы; въ неимовѣрно короткое время были снова вооружены и городскія стѣны и люди. Что̀ обо всемъ этомъ ничего не знали консулы, стоявшіе на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль отъ города, было одной изъ самыхъ характеристическихъ особенностей этого удивительнаго возстанія, вызваннаго по-истинѣ геніальною, даже демоническою народною ненавистью. Когда утомившіеся ожиданіемъ консулы наконецъ выступили изъ своего лагеря подъ Утикой, воображая, что ихъ армія взберется на обнаженныя городскія стѣны при помощи однѣхъ лѣстницъ, они съ удивленіемъ и съ ужасомъ увидѣли, что на стѣнахъ снова появились катапульты и что большой многолюдный городъ, въ который они надѣялись вступить такъ-же легко, какъ вступаютъ въ ничѣмъ незащищенное селеніе, былъ способенъ и готовъ обороняться до послѣдней капли крови.

Оборонительное положеніе Карѳагена.

Карѳагенъ могъ долго защищаться, какъ благодаря своему географическому положенію *), такъ и благодаря искусству своихъ жи-

*) Очертанія береговъ успѣли до такой степени измѣниться въ теченіе столькихъ столѣтій, что на старомъ мѣстѣ Карѳагена можно лишь приблизительно

телей, которымъ уже не разъ приходилось разсчитывать на крѣпость ихъ городскихъ стѣнъ. Въ широкомъ Тунисскомъ заливѣ, который замыкается съ западной стороны мысомъ Фарина, а съ восточной мысомъ Бонъ, выступаетъ въ направленіи отъ запада къ востоку коса, окруженная съ трехъ сторонъ моремъ и примыкающая къ материку только съ своей западной стороны. Эта коса въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину не болѣе половины нѣмецкой мили и повсюду представляетъ плоскую мѣстность; она расширяется въ направленіи къ заливу и заканчивается двумя возвышенностями— Дшебель-Хави и Сиди-бу-Саидъ, промежъ которыхъ тянется равнина Эль-Мерса. На южной ея части, замыкающейся возвышенностью Сиди-бу-Саидъ, и стоялъ городъ Карѳагенъ. Довольно крутые склоны этихъ возвышенностей со стороны залива и ихъ многочисленныя скалы и отмели служили для города природными укрѣпленіями со стороны залива, такъ что тамъ было достаточно простаго вала. Напротивъ того, съ западной стороны, то есть со стороны материка, гдѣ сама природа ничего не сдѣлала для обороны, было потрачено на возведеніе стѣнъ всё тогдашнее фортификаціонное искусство. Онѣ состояли,—какъ это доказываютъ недавно открытые и въ точности соотвѣтствующіе описанію Полибія ихъ остатки, — изъ наружной стѣны въ $6^1/_2$ футовъ толщины и изъ пристроенныхъ къ ней сзади вѣроятно на всемъ ея протяженіи, огромныхъ казематовъ, которые отдѣлялись отъ наружной стѣны крытымъ проходомъ въ 6 футовъ ширины и,— не считая передней и задней стѣны, изъ которыхъ каждая имѣла не менѣе 3 футовъ ширины, — имѣли 11 футовъ въ глубину *). Этотъ громадный валъ, сложенный цѣли-

---

ознакомиться съ прежними мѣстными условіями. Названіе города сохранили: мысъ Картадшена [Kartadschena], который также называется Расъ-Сиди-бу-Саидомъ, потому что тамъ находится гробница носившаго такое имя святаго, вдающаяся въ заливъ восточная оконечность полуострова и ея самый высокій пунктъ, возвышающійся надъ уровнемъ моря на 393 фута.

*) Сообщаемыя въ сочиненіи Бёле [Beulé, Fouilles à Carthage, 1861] размѣры глубины показаны въ метрахъ и въ греческихъ футахъ [1=0,309]:

Наружная стѣна	2 метра	— $6^1/_2$ фут.
Корридоръ	1.9 „	— 6 „
Передняя стѣна казематовъ	1 „	— $3^1/_4$ „
Залы казематовъ	4.2 „	— 14 „
Задняя стѣна казематовъ	1 „	— $3^1/_4$ „
Глубина всѣхъ стѣнъ	10.1 метр.	— 33 фут.

или, какъ утверждаетъ Діодоръ [стр. 522], 22 локтя [1 греческій локоть=$1^1/_2$ фут.], между тѣмъ какъ Ливій [у Орозія, 4,22] и Аппіанъ [Punica, 95], какъ кажется, имѣвшіе въ виду другое менѣе точное указаніе Полибія, опредѣляютъ глубину стѣнъ въ 30 футовъ. Упоминаемая Аппіаномъ тройная стѣна, на счетъ

комъ изъ огромныхъ четвероугольныхъ камней, возвышался въ два яруса на 45 футовъ *), не считая брустверовъ и крѣпкихъ четырехъ-ярусныхъ башенъ; въ нижнемъ ярусѣ казематовъ находились стойла и запасы корма для 300 слоновъ, а въ верхнемъ находились конюшни, магазины и казармы **). Крѣпостнымъ холмомъ или Бирсой (на сирійскомъ языкѣ birtha значитъ за̀мокъ) назы-

которой до сихъ поръ было въ ходу распространенное Флоромъ [1,31] ошибочное понятіе, есть ничто иное, какъ наружная стѣна, передняя стѣна казематовъ и ихъ задняя стѣна. Для всякаго очевидно, что это сходство указаній не могло быть случайнымъ и что мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ дѣло съ остатками знаменитой кароагенской стѣны; возраженія Дависа [Carthage and her remains, стр. 370 и сл.) свидѣтельствуютъ только о томъ, что противъ главныхъ выводовъ Бёле едва-ли найдется много возраженій даже при самомъ горячемъ усердіи. Только не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ древніе повѣствователи дѣлаютъ указанія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не относительно стѣнъ за̀мка, а относительно построенной со стороны материка городской стѣны, въ которую входила какъ составная часть та стѣна, которая была построена на южной сторонѣ стоявшаго на возвышеніи за̀мка [Орозій, 4, 22]. Съ этимъ согласно и то, что раскопки, производившіяся на крѣпостномъ холмѣ съ восточной, сѣверной и западной стороны, нигдѣ не обнаружили слѣдовъ укрѣпленій, а напротивъ того именно на южной его сторонѣ были найдены тѣ величественные остатки городскихъ стѣнъ. Нѣтъ никакого основанія считать ихъ за остатки особыхъ укрѣпленій замка, отличныхъ отъ городской стѣны; дальнѣйшія раскопки на соотвѣтствующей глубинѣ [фундаментъ открытой на Бирсѣ городской стѣны лежитъ на 56 футовъ ниже теперешняго уровня почвы] вѣроятно приведутъ къ открытію, на всемъ протяженіи со стороны материка, такого-же или подобнаго фундамента, хотя въ томъ мѣстѣ, гдѣ обнесенное стѣной предмѣстіе Магалія примыкало къ главной стѣнѣ, укрѣпленія были съ самаго начала менѣе прочны или же издавна оставлялись въ пренебреженіи. Нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить длину всѣхъ стѣнъ, но слѣдуетъ полагать, что она была очень значительна, такъ какъ тамъ находились стойла для 300 слоновъ, запасы для прокормленія этихъ животныхъ, и быть можетъ нѣкоторыя другія помѣщенія; при этомъ слѣдуетъ принимать въ разсчетъ и ворота. Не трудно понять, почему внутренній городъ, стѣны котораго обнимали и Бирсу, самъ иногда назывался Бирсой въ противоположность обнесенному особой стѣной предмѣстію Магаліи [Аппіанъ, Pun. 117; Непотъ у Сервія Aen. 1,368].

*) Такъ считаетъ Аппіанъ въ выше-указанномъ мѣстѣ; Діодоръ опредѣляетъ эту вышину въ 40 локтей или въ 60 футовъ, вѣроятно со включеніемъ брустверовъ. Сохранившіяся развалины до сихъ поръ имѣютъ въ вышину 12—16 футовъ [4—5 метровъ].

**) Найденныя во время раскопокъ залы въ формѣ подковы имѣютъ въ глубину 14 греческихъ футовъ, а въ ширину 11; о ширинѣ ихъ входовъ нѣтъ указаній. Достаточны-ли эти размѣры и ширина корридоровъ для того, чтобъ признать эти залы за то мѣсто, гдѣ находились стойла для слоновъ, — вопросъ, требующій болѣе точныхъ изслѣдованій. Простѣнки, которыми отдѣляются залы одна отъ другой, имѣютъ толщину въ 1,1 метра — $3^1/_2$ фут.

вался довольно значительный утесъ, который имѣлъ 188 футовъ въ вышину, а въ своей нижней части имѣлъ окружность по меньшей мѣрѣ въ 2000 двойныхъ шаговъ *) и примыкалъ къ городской стѣнѣ у ея южной оконечности подобно тому, какъ утесистая возвышенность Капитолія примыкала къ римской городской стѣнѣ. На его вершинѣ стоялъ храмъ бога-исцѣлителя, построенный на фундаментѣ въ шестьдесятъ ступенекъ. Южную сторону города омывали съ юго-западной стороны неглубокій рукавъ Тунисскаго залива, почти совершенно отдѣлявшійся отъ самаго залива узкою и низменною косой, тянувшеюся въ южномъ направленіи отъ карѳагенскаго полуострова **), а съ юго-восточной стороны воды залива. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ находилась созданная человѣческими руками двойная городская гавань; она состояла изъ внѣшней или торговой гавани, имѣвшей форму продолговатаго четыреугольника, который былъ обращенъ своею узкою стороною къ морю и отъ входа въ который (имѣвшаго только 70 футовъ въ ширину) тянулись по обѣимъ сторонамъ широкія набережныя,—и изъ внутренней кругообразной военной гавани, такъ называемаго Коѳона ***), посреди которой находился островъ съ адмиральскимъ домомъ и входъ въ которую былъ изъ наружной гавани. Между этими двумя гаванями тянулась городская стѣна; она повертывала къ востоку отъ Бирсы, такъ что внутрь ея не входили ни земляная коса, ни внѣшняя гавань, а напротивъ того входила военная гавань; поэтому слѣдуетъ полагать, что входъ въ эту послѣднюю могъ запираться какъ ворота. Неподалеку отъ военной гавани находилась торговая площадь, изъ которой вели три узкія улицы къ открытому со стороны города зàмку. Къ сѣверу отъ собственнаго города и внѣ его окружности находилась теперешняя Эль-Мерса, называвшаяся въ ту пору Магаліей; тамъ на довольно значительномъ пространствѣ находились

*) Орозій, 4,22. Слишкомъ 2000 шаговъ, или, какъ выразился-бы Полибій, 16 стадій, равняются приблизительно 3000 метровъ. Крѣпостной холмъ, на которомъ въ настоящее время стоитъ церковь св. Людовика, имѣетъ въ своей верхней части около 1400 метровъ въ окружности, а въ серединной части около 2600 метровъ [B e u l é, стр. 22]; относительно окружности его нижней части указанный нами размѣръ совершенно подходящъ.

**) Въ настоящее время на ней стоитъ фортъ Галетта.

***) Что это финикійское слово обозначало бассейнъ, вырытый въ кругообразной формѣ, видно и изъ словъ Діодора [3,44], и изъ того, что оно употреблялось у Грековъ въ значеніи кубка. Поэтому оно могло обозначать лишь внутреннюю гавань Карѳагена и въ этомъ смыслѣ его употребляютъ: Страбонъ [17,2,14], у котораго оно употребляется собственно для обозначенія адмиральскаго острова, и Фестъ, Ep. подъ словомъ c o t h o n e s, стр. 37. Аппіанъ [P u n. 127] не совсѣмъ точно называетъ четырехъ-угольную переднюю гавань Коѳона его составною частію.

дачи и сады съ хорошо устроеннымъ орошеніемъ, и вся эта мѣстность была обнесена особой оградой, примыкавшей къ городской стѣнѣ. На противоположной оконечности полуострова, на теперешнемъ Джебель-Хави, подлѣ теперешняго селенія Камаръ, находилось кладбище. Эти три городскія части—старый городъ, предмѣстіе и кладбище занимали всю ширину земляной косы на ея обращенной къ заливу сторонѣ и были доступны только по двумъ большимъ дорогамъ, шедшимъ въ Утику и въ Тунетъ черезъ ту узкую полосу земли, которая хотя и не была загорожена стѣной, но тѣмъ не менѣе могла служить чрезвычайно выгодной позиціей и для арміи, желавшей укрыться подъ городскими стѣнами и для арміи, намѣревавшейся оборонять городъ. — Нелегкая задача овладѣть столь сильно укрѣпленнымъ городомъ становилась еще болѣе трудной частію вслѣдствіе того, что и сама столица и ея территорія съ 800 селеніями, находившаяся большею частію во власти эмигрантовъ, располагали значительными средствами обороны, частію вслѣдствіе того, что враждовавшія съ Массиниссой свободныя или полусвободныя племена Ливійцевъ доставляли Карѳагенянамъ возможность не ограничиваться защитой города, а въ то-же время держать въ открытомъ полѣ многочисленную армію; въ виду отчаяннаго настроенія умовъ среди эмигрантовъ и въ виду боевыхъ достоинствъ легкой нумидійской конницы, Римляне не могли относиться къ этой арміи съ пренебреженіемъ.

Осада Карѳагена.

И такъ, консуламъ предстояла вовсе нелегкая задача, когда они убѣдились въ необходимости вести правильную осаду. Командовавшій сухопутной арміей, Маній Манилій сталъ лагеремъ передъ стѣной зáмка, а Луцій Цензоринъ подошолъ съ флотомъ со стороны моря и приступилъ къ военнымъ операціямъ на земляной косѣ. Находившаяся подъ начальствомъ Аздрубала, карѳагенская армія стала лагеремъ на другомъ берегу залива подлѣ крѣпости Нефериса, откуда она мѣшала римскимъ солдатамъ рубить лѣсъ для постройки осадныхъ машинъ; въ особенности искусный начальникъ карѳагенской конницы, Гимилькопъ Фамей перебилъ у Римлянъ много людей. Тѣмъ временемъ Цензоринъ поставилъ на земляной косѣ два большихъ тарана, которыми пробилъ брешь въ этомъ самомъ слабомъ мѣстѣ городскихъ стѣнъ; однако онъ былъ принужденъ отложить приступъ до другаго дня, такъ какъ уже наступилъ вечеръ. Ночью осажденнымъ удалось задѣлать бóльшую часть бреши и во время вылазки такъ попортить римскія машины, что на слѣдующій день онѣ немогли дѣйствовать. Тѣмъ не менѣе Римляне не побоялись итти на приступъ; но они нашли и брешь и ближайшую часть городской стѣны сильно защищенными и двинулись впередъ такъ неосмотрительно, что были отражены съ большими потерями, и понесли-бы еще болѣе тяжелыя потери, еслибы военный трибунъ Сципіонъ Эмиліанъ, предвидя исходъ безразсудно-смѣлаго нападенія, не удержалъ своихъ

солдатъ передъ городскими стѣнами и не прикрылъ отступленіе обратившихся въ бѣгство Римлянъ. Еще гораздо менѣе успѣшны были военныя операціи Манилія передъ неприступной стѣной замка. Поэтому осада затянулась на долгое время. Римлянамъ наконецъ пришлось и совсѣмъ пріостановить наступательныя дѣйствія частію вслѣдствіе болѣзней, распространившихся въ ихъ лагерѣ отъ лѣтнихъ жаровъ, частію вслѣдствіе отъѣзда самаго способнаго изъ ихъ военачальниковъ—Цензорина, частію вслѣдствіе бездѣйствія Массиниссы, очень недовольнаго намѣреніемъ Римлянъ захватить добычу, на которую онъ самъ давно мѣтилъ, и вслѣдствіе случившейся вскорѣ
149 послѣ того (въ концѣ 605 года) смерти девяносто-лѣтняго царя. Имъ и безъ того было достаточно заботъ о защитѣ ихъ кораблей отъ карѳагенскихъ брандеровъ, о защитѣ ихъ лагеря отъ ночныхъ нападеній и объ обезпеченіи продовольствія людямъ и лошадямъ при помощи сооруженія портоваго форта и при помощи экспедицій, которыя они предпринимали по окрестностямъ. Двѣ экспедиціи, предпринятыя противъ Аздрубала, не имѣли никакого успѣха, а первая изъ нихъ едва не окончилась полнымъ пораженіемъ по неспособности начальника и вслѣдствіе невыгодныхъ мѣстныхъ условій. Но сколько безславна была эта война для главнокомандующаго и для римской арміи, столько-же блестящи были заслуги военнаго трибуна Сципіона. Во время ночнаго нападенія на римскій лагерь, онъ выѣхалъ съ нѣсколькими эскадронами конницы и, напавши на непріятеля съ тылу, принудилъ его отступить. При первомъ нападеніи Римлянъ на Неферисъ, послѣ того какъ былъ совершонъ, наперекоръ его совѣтамъ, переходъ черезъ рѣку, который могъ окончиться гибелью арміи, онъ съ отчаянной отвагой напалъ на непріятеля во флангъ, открылъ для отступавшей арміи выходъ и своимъ самоотверженнымъ геройскимъ мужествомъ спасъ одинъ римскій отрядъ, который уже считался погибшимъ. Между тѣмъ какъ всѣ другіе военачальники, и въ особенности самъ консулъ, отталкивали своимъ вѣроломствомъ склонные къ соглашенію города и готовыхъ итти на миролюбивую сдѣлку вождей различныхъ партій, Сципіону удалось склонить къ переходу на сторону Римлянъ одного самаго даровитаго изъ этихъ вождей, Гимилькона Фамея, вмѣстѣ съ 2200 всадниками. Наконецъ, послѣ того, какъ онъ исполнилъ предсмертное порученіе Массиниссы раздѣлить владѣнія умершаго царя между его тремя сыновьями Миципсой, Гулуссой и Мастанабаломъ, Сципіонъ привелъ въ римскую армію Гулуссу, который былъ достойнымъ своего отца предводителемъ конницы; этимъ онъ пополнилъ недостатокъ въ легкой кавалеріи, который до того времени сильно чувствовался въ римской арміи. Его изящныя и вмѣстѣ съ тѣмъ простыя манеры, напоминавшія скорѣе его роднаго отца, чѣмъ того, чье онъ носилъ имя, заглушали даже чувство зависти и имя Сципіона было у всѣхъ на

устахъ какъ въ лагерѣ, такъ и въ столицѣ. Даже Катонъ, который не былъ щедръ на похвалы, примѣнилъ къ этому молодому офицеру и къ его неспособнымъ боевымъ товарищамъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти (онъ умеръ въ концѣ 605 года, не доживши до осуществленія своего завѣтнаго желанія—знать, что Карѳагенъ болѣе не существуетъ) слѣдующій Гомеровскій стихъ: 149

Οἶος πέπνυται, τοὶ δὲ σκιαὶ ἀΐσσουσιν

(Онъ одинъ—человѣкъ, а всѣ другіе—блуждающія тѣни).

Тѣмъ временемъ наступилъ конецъ года и состоялось назначеніе новаго главнокомандующаго. Консулъ Луцій Пизонъ (606), очень 148
запоздавшій своимъ прибытіемъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, принялъ главное начальство надъ сухопутной арміей, между тѣмъ какъ Луцій Манцинъ вступилъ въ командованіе флотомъ. При ихъ предмѣстникахъ дѣла мало подвинулись впередъ, а при нихъ самихъ они не подвинулись ни на шагъ. Вмѣсто того, чтобъ осаждать Карѳагенъ или попытаться разбить армію Аздрубала, Пизонъ занимался нападеніями на мелкіе финикійскіе приморскіе города и то большею частію безъ успѣха; такъ напримѣръ, Клупея отразила его нападеніе, а на попытку завладѣть Гиппономъ Діарритомъ онъ употребилъ все лѣто и послѣ того, какъ у него былъ два раза сожженъ осадный матеріалъ, онъ былъ принужденъ позорно отступить. Хотя онъ и завладѣлъ Неаполисомъ, но разграбленіе этого города въ нарушеніе даннаго слова не могло содѣйствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ военныхъ дѣйствій. Мужество Карѳагенянъ возростало. Одинъ нумидійскій шейхъ, по имени Виѳій, перешолъ на ихъ сторону вмѣстѣ съ 800 всадниками, а карѳагенскіе послы попытались завести сношенія съ царями Нумидіи и Мавританіи и даже съ македонскимъ лже-Филиппомъ. Если дѣла не приняли еще болѣе благопріятный для Карѳагена оборотъ, то этому, какъ кажется, были причиной не столько военныя предпріятія Римлянъ, сколько внутренніе раздоры: эмигрантъ Аздрубалъ возбудилъ недовѣріе къ командовавшему въ городѣ начальнику, носившему одинакое съ нимъ имя; поводомъ для подозрѣній послужило родство этого начальника съ Массиниссой и онъ былъ убитъ въ зданіи сената.

Сципіонъ Эмиліанъ.

Чтобъ дать другой оборотъ тревожному положенію африканскихъ дѣлъ, въ Римѣ было рѣшено прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ—къ назначенію главнокомандующимъ единственнаго человѣка, стяжавшаго славу на поляхъ сраженій въ Ливіи и вмѣстѣ съ тѣмъ носившаго такое имя, которое служило для него рекомендаціей: поэтому, вмѣсто того, чтобъ возвести Сципіона въ званіе эдила, бывшее въ ту пору цѣлію его желаній, его возвели ранѣе установленнаго срока въ званіе консула, обойдя запрещавшій такое назначеніе законъ, и издали особый декретъ, поручавшій ему веденіе войны

147 въ Африкѣ. Онъ прибылъ въ Утику (607) въ такую минуту, когда положеніе Римлянъ сдѣлалось очень опаснымъ. Римскій адмиралъ Манцинъ, на котораго было возложено Пизономъ номинальное продолженіе осады Карѳагена, занялъ крутую, слабо защищенную скалу, находившуюся въ большомъ разстояніи отъ населенныхъ городскихъ окрестностей на трудно-доступной сторонѣ предмѣстія Магаліи; тамъ онъ собралъ почти весь свой немногочисленный отрядъ въ надеждѣ проникнуть оттуда въ предмѣстіе. Дѣйствительно, нападающимъ удалось на минуту проникнуть въ ворота предмѣстія, а лагерный сбродъ уже массами устремился туда въ надеждѣ поживиться добычей; но Римляне были снова оттѣснены на утесъ и очутились въ большой опасности, такъ какъ не имѣли продовольствія и были почти совершенно отрѣзаны отъ остальной арміи. Въ такомъ положеніи засталъ дѣла Сципіонъ. Немедленно послѣ своего прибытія на мѣсто, онъ отправилъ моремъ на угрожаемый пунктъ привезенныя имъ съ собою войска и городскую милицію Утики; благодаря этому удалось спасти стоявшій на утесѣ отрядъ и даже укрѣпиться тамъ. Послѣ того, какъ эта опасность была устранена, главнокомандующій отправился въ лагерь Пизона для того, чтобъ вступить въ командованіе арміей и вести ее обратно къ Карѳагену. Но Аздрубалъ и Виѳій, пользуясь его отсутствіемъ, придвинули свой лагерь къ самому городу и возобновили нападеніе на римскій отрядъ, стоявшій на утесѣ подлѣ Магаліи; однако и на этотъ разъ Сципіонъ прибылъ во-время на помощь съ авангардомъ главной арміи. Вслѣдъ за тѣмъ было снова приступлено къ осадѣ съ усиленной энергіей. Сципіонъ началъ съ того, что очистилъ лагерь отъ разнаго сброда и отъ маркитантовъ и ввелъ строгую дисциплину. И военныя операціи скоро оживились. Во время одного ночнаго нападенія на предмѣстіе, Римляне перебрались на брустверъ съ осадной башни, поставленной подлѣ самыхъ городскихъ стѣнъ и достигавшей одной съ ними вышины, и отворили небольшія ворота, сквозь которыя устремилась вся армія. Карѳагеняне покинули предмѣстіе и лагерь передъ городскими воротами и поручили Аздрубалу главное начальство надъ городскимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 30.000 человѣкъ. Новый комендантъ выказалъ свою энергію прежде всего въ томъ, что велѣлъ привести всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ Римлянъ на брустверъ и, подвергнувъ ихъ страшнымъ истязаніямъ, сбросить внизъ на глазахъ осаждающей арміи, а когда это вызвало громкія порицанія, онъ сталъ держаться системы запугиванія и по отношенію къ карѳагенскимъ гражданамъ. Между тѣмъ Сципіонъ старался прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ для осажденныхъ и совершенно пресѣчь ихъ сообщенія съ окрестной страной. Самъ онъ избралъ для своей главной квартиры перешеекъ, соединявшій карѳагенскій полуостровъ съ материкомъ, и, не смотря на неоднократныя попытки Карѳагенянъ помѣшать его предпріятію, устроилъ

тамъ во всю ширину перешейка большой укрѣпленный лагерь, который совершенно загораживалъ городъ со стороны материка. Однако внутрь гавани все еще проникали корабли съ съѣстными припасами; то были частію купеческіе корабли, которыхъ привлекала туда надежда наживы, частію корабли Виѳія, которые пользовались всякимъ попутнымъ вѣтромъ, чтобы выходить изъ лежавшаго на оконечности Тунисскаго залива города Нефериса и доставлять въ Карѳагенъ съѣстные припасы; хотя тамошнее населеніе и терпѣло нужду, но гарнизонъ еще нисколько не страдалъ отъ голода. Поэтому отъ узкой косы, отдѣлявшей море отъ залива, Сципіонъ провелъ въ этотъ послѣдній каменную плотину шириною въ 96 футовъ съ цѣлію запереть входъ въ гавань. Для города, повидимому, уже не было никакого спасенія, когда удалось это предпріятіе, вызывавшее со стороны Карѳагенянъ насмѣшки, какъ совершенно неосуществимое. Но неожиданный успѣхъ одного предпріятія былъ заглаженъ неожиданнымъ успѣхомъ другаго. Въ то время, какъ римскіе работники строили плотину, и въ карѳагенской гавани не прерывались въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ни днемъ ни ночью какія-то работы, которыя производились въ такомъ секретѣ, что даже дезертиры не были въ состояніи объяснить, что́ замышляютъ осажденные. Только что были доведены до конца запиравшія входъ въ гавань римскія сооруженія, какъ изъ той-же гавани вышли въ заливъ пятьдесятъ карѳагенскихъ трехпалубниковъ съ множествомъ мелкихъ судовъ и лодокъ; оказалось, что въ то время, какъ непріятель загораживалъ прежній входъ въ гавань съ ея южной стороны, Карѳагеняне прорыли каналъ въ восточномъ направленіи и такимъ образомъ устроили для себя новый выходъ, который уже не было возможности загородить, потому что въ этомъ мѣстѣ море очень глубоко. Если бы Карѳагеняне не удовольствовались параднымъ выступленіемъ своего флота изъ гавани, а немедленно напали на полуразснащенный и вовсе неприготовленный къ бою римскій флотъ, то этотъ послѣдній былъ-бы совершенно уничтоженъ; а когда ихъ корабли возвратились на третій день съ цѣлію вступить въ бой, они нашли Римлянъ уже готовыми къ сопротивленію. Битва не привела ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ; но на возвратномъ пути карѳагенскіе корабли до такой степени стѣснились передъ входомъ въ гавань и внутри входа, что потерпѣли значительныя поврежденія, равнявшіяся пораженію. Тогда Сципіонъ направилъ свои нападенія на внѣшнюю набережную гавани, находившуюся внѣ городскихъ стѣнъ и защищенную только вновь возведеннымъ землянымъ валомъ. Осадныя машины были поставлены на земляной косѣ и брешь была скоро пробита; но Карѳагеняне съ безпримѣрной неустрашимостью перешли въ бродъ черезъ мелководное пространство, напали на осадныя орудія, прогнали римскія войска (обратившіяся въ такое торопливое бѣгство, что Сци-

піонъ приказалъ своей конницѣ рубить бѣгущихъ) и разрушили осадныя машины. Благодаря этому успѣху, они имѣли достаточно времени, чтобъ задѣлать брешь. Но Сципіонъ снова поставилъ машины на прежнія мѣста и зажегъ непріятельскія деревянныя башни, вслѣдствіе чего завладѣлъ набережной, а вмѣстѣ съ нею и наружною гаванью. Тутъ была построена стѣна, достигавшая одинакой вышины съ городскимъ валомъ; тогда городъ, наконецъ, былъ вполнѣ огороженъ какъ со стороны моря, такъ и со стороны материка, потому что во внутреннюю гавань нельзя было проникнуть иначе, какъ изъ наружной. Чтобъ вполнѣ обезпечить блокаду, Сципіонъ приказалъ Гаю Лелію напасть на лагерь подъ Неферисомъ, находившійся въ то время подъ командой Діогена; благодаря удачной военной хитрости лагерь былъ взятъ и вся собравшаяся тамъ огромная масса людей была частію перебита, частію захвачена въ плѣнъ. Между тѣмъ наступила зима; тогда Сципіонъ прекратилъ военныя операціи, предоставляя голоду и моровой язвѣ докончить начатое дѣло.

Взятіе Карѳагена. 146 Какъ страшно трудились эти бичи божіи надъ истребленіемъ людей въ то время, какъ Аздрубалъ не переставалъ чваниться и пировать, обнаружилось весной 608 года, когда римская армія предприняла нападеніе на внутренній городъ. Аздрубалъ приказалъ зажечь наружную гавань и приготовился отразить ожидавшійся приступъ на Коѳонъ; но Лелію удалось перебраться черезъ переднюю часть стѣны, слабо защищенную изнуреннымъ отъ голода гарнизономъ, и проникнуть во внутреннюю гавань. Городъ былъ взятъ, но борьба еще была далеко не окончена. Нападающіе заняли примыкавшій къ малой гавани рынокъ и стали медленно подвигаться впередъ по тремъ узкимъ улицамъ, которыя вели отъ этого рынка къ зàмку, а медленно подвигались они потому, что имъ приходилось брать приступомъ одинъ вслѣдъ за другимъ громадные дома, построенные въ шесть этажей; по крышамъ или по перекинутымъ черезъ улицу бревнамъ солдаты перебирались съ одного изъ такихъ, похожихъ на крѣпости, зданій на другое сосѣднее или стоявшее на противоположной сторонѣ улицы, и убивали всѣхъ, кто имъ попадался. Такъ прошло шесть дней,—это были ужасные дни для городскаго населенія, но и нападающимъ пришлось преодолѣть немало трудностей и опасностей; наконецъ, Римляне достигли крутой стѣны зàмка, куда отступилъ Аздрубалъ съ остатками своей арміи. Чтобъ расчистить болѣе широкій доступъ къ этой стѣнѣ, Сципіонъ приказалъ зажечь взятыя съ бою улицы и очистить все обгорѣлое пространство отъ мусора, при чемъ погибло множество неспособныхъ къ оборонѣ людей, укрывавшихся въ домахъ. Тогда скучившіеся въ зàмкѣ остатки городскаго населенія стали молить о пощадѣ. Ихъ избавили только отъ смерти и они предстали передъ побѣдителемъ въ числѣ 30.000 мущинъ и 25.000 женщинъ, не составлявшихъ

и десятой доли прежняго населенія. Только римскіе дезертиры въ числѣ 900 человѣкъ и главнокомандующій Аздрубалъ съ женою и съ двумя дѣтьми укрылись въ храмѣ бога-исцѣлителя; какъ для этихъ дезертировъ, такъ и для убивавшаго римскихъ плѣнниковъ Аздрубала, не могло быть пощады. Но когда самые энергичные изъ этихъ людей, не будучи въ состояніи выносить голодъ, зажгли храмъ, то у Аздрубала недостало духа разстаться съ жизнію; онъ одинъ выбѣжалъ изъ храма и, бросившись на колѣна передъ Сципіономъ, просилъ пощадить его жизнь. Его просьба была исполнена; но когда его жена, стоявшая въ числѣ другихъ на крышѣ храма съ своими дѣтьми, увидѣла его у ногъ Сципіона, ея гордое сердце возмутилось отъ такого униженія ея милаго, погибшаго отечества: она въ язвительныхъ выраженіяхъ посовѣтовала своему супругу заботиться о сбереженіи его жизни, и сначала бросивъ въ огонь своихъ сыновей, бросилась вслѣдъ за ними и сама. Борьба кончилась. Ликованіе и въ лагерѣ и въ Римѣ было безконечно; только самые благородные изъ Римлянъ втайнѣ стыдились этого новаго великаго подвига римской націи. Плѣнники были бо́льшею частію проданы въ рабство; нѣкоторые изъ нихъ окончили жизнь въ тюрьмѣ; самые знатные, и между прочими Виѳій и Аздрубалъ, были, въ качествѣ государственныхъ плѣнниковъ, интернированы въ Италіи, гдѣ съ ними обходились сносно. Вся движимость, за исключеніемъ золота, серебра и посвященныхъ приношеній, была предоставлена солдатамъ на разграбленіе; изъ храмовыхъ сокровищъ была возвращена сицилійскимъ городамъ добыча, которая была вывезена оттуда въ Карѳагенъ въ счастливыя времена его могущества, такъ напримѣръ жителямъ Акраганта былъ возвращенъ мѣдный быкъ Фаларида; все остальное поступило въ собственность римскаго государства.

Разрушеніе Карѳагена.

Но самая большая часть города еще была цѣла. Сципіонъ, по всему вѣроятію, желалъ сохранить ее; по крайней мѣрѣ онъ обратился къ сенату съ вопросомъ, какъ слѣдуетъ съ ней поступить. Сципіонъ Назика снова попытался отстоять требованія разсудка и чести; но его усилія были тщетны. Сенатъ приказалъ главнокомандующему разрушить до основанія городъ Карѳагенъ, предмѣстіе Магалію и всѣ пригороды, до послѣдней минуты державшіе сторону Карѳагена, а за тѣмъ, чтобъ въ законной формѣ положить конецъ существованію города, пройти плугомъ по землѣ, на которой онъ стоялъ, и это мѣсто предать на вѣчныя времена проклятію такъ, чтобъ такъ никогда нельзя было завести ни человѣческаго жилища, ни пашни. Это приказаніе было исполнено въ точности. Въ теченіе семнадцати дней горѣли развалины; по откопаннымъ въ недавнее время остаткамъ карѳагенскихъ городскихъ стѣнъ видно, что они были покрыты слоемъ пепла въ четыре или въ пять футовъ толщины; въ этомъ слоѣ были найдены превратившіеся въ уголь куски

дерева, обломки желѣза и метательныя ядра. Тамъ, гдѣ трудолюбивые Финикіяне въ теченіе пяти столѣтій вели дѣятельную жизнь, занимаясь торговлей, римскіе рабы стали пасти стада своихъ жившихъ вдалекѣ господъ. Но Сципіонъ, чувствовавшій природное призваніе къ болѣе благородной дѣятельности, чѣмъ такая роль палача, съ содроганіемъ взиралъ на свое собственное дѣло, и вмѣсто побѣднаго ликованія въ душѣ самого побѣдителя шевелилось предчувствіе, что за такимъ злодѣяніемъ неизбѣжно послѣдуетъ возмездіе.

Провинція Африка. Оставалось только приступить къ устройству завоеванной страны. Прежнее обыкновеніе жаловать вновь пріобрѣтенныя заморскія владѣнія римскимъ союзникамъ уже вышло изъ-моды. Миципса и его братья сохранили свои прежнія владѣнія со включеніемъ незадолго передъ тѣмъ отнятыхъ ими у Кареагенянъ земель по Баграду и въ Эмпоріи; для нихъ навсегда рушилась давнишняя надежда сдѣлать изъ Кареагена свою столицу; за то сенатъ подарилъ имъ кареагенскія библіотеки. Кареагенская территорія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она принадлежала городу въ послѣднія минуты его существованія, то есть узкое африканское побережье, которое тянется насупротивъ береговъ Сициліи отъ рѣки Туски (подлѣ Ѳабраки) до Ѳенъ (насупротивъ острова Керкены), была обращена въ римскую провинцію. Внутри страны, тамъ, гдѣ Массинисса постоянно все болѣе и болѣе стѣснялъ владычество Кареагена и гдѣ царямъ уже принадлежали Булла, Зама и Аквы, за Нумидійцами было оставлено все то, чѣмъ они уже владѣли. Однако тщательное регулированіе границъ между римской провинціей и окружавшими ее съ трехъ сторонъ нумидійскими владѣніями свидѣтельствовало о томъ, что Римляне не дозволятъ обходиться съ собою такъ-же,какъ дозволяли обходиться съ Кареагенянами; напротивъ того, данное новой провинціи названіе Африки, повидимому, указывало на то, что Римляне не считали только-что проведенную пограничную черту за окончательную. Высшее управленіе новой провинціей было возложено на римскаго намѣстника, которому была назначена резиденціей Утика. Въ правильной охранѣ границъ она не нуждалась, потому что союзное нумидійское царство отдѣляло ее со всѣхъ сторонъ отъ степныхъ жителей. Въ томъ, чтó касается обложенія налогами, римское правительство поступило вообще снисходительно. Тѣ общины, которыя съ самаго начала войны держали сторону Римлянъ, а именно приморскіе города Утика, Адруметъ, малый Лептисъ, Ѳапсъ, Ахулла, Узалисъ и находившійся внутри страны городъ Ѳевдалисъ, сохранили свою прежнюю территорію и сдѣлались вольными городами; такія-же права получила вновь учрежденная община дезертировъ. Городская территорія Кареагена, за исключеніемъ небольшаго земельнаго участка, подареннаго Утикѣ, и территорія другихъ разрушенныхъ пригородовъ были обращены въ римскую казенную соб-

ственность, изъ которой правительство стало извлекать доходы путемъ отдачи ея въ аренду. Остальные пригороды также лишились легальныхъ правъ на свою прежнюю поземельную собственность и у нихъ были отняты прежнія городскія вольности; впрочемъ римское правительство оставило имъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій ихъ пахатныя поля и ихъ прежнія учрежденія, а за пользованіе обратившеюся въ римскую собственность землей общины были обязаны ежегодно уплачивать Риму, въ разъ навсегда установленномъ размѣрѣ, налогъ (**stipendium**), который онѣ съ своей стороны разлагали между отдѣльными плательщиками по размѣру ихъ собственности. Но всѣхъ болѣе выиграли отъ этого разрушенія главнаго торговаго города на всемъ западѣ римскіе торговцы; лишь только Карѳагенъ былъ обращенъ въ пепелъ, они толпами устремились въ Утику и оттуда стали эксплуатировать не только римскую провинцію, но и страны нумидійскія и гетульскія, куда имъ до того времени былъ совершенно закрытъ доступъ.

Почти въ то-же время, когда исчезъ съ лица земли Карѳагенъ, и Македоняне были вычеркнуты изъ числа націй. Четыре небольшихъ конфедераціи, на которыя старинное македонское царство было раздроблено по мудрому распоряженію римскаго сената, не умѣли ни охранять у себя внутреннее спокойствіе, ни уживаться одна съ другой; о томъ, что̀ дѣлалось въ этомъ краю, можно составить себѣ понятіе по слѣдующему, случайно упомянутому однимъ писателемъ, происшествію въ Факосѣ: всѣ члены правительственнаго совѣта одной изъ этихъ конфедерацій были тамъ умерщвлены по наущенію нѣкоего Дамазиппа. Ни коммиссіи, которыя отправлялись туда римскимъ сенатомъ (590), ни иноземные третейскіе судьи (какъ напримѣръ Сципіонъ Эмиліанъ въ 603 году), къ посредничеству которыхъ прибѣгали Македоняне по греческому обыкновенію, не были въ состояніи ввести тамъ сколько нибудь сносный порядокъ. Тогда внезапно появился во Ѳракіи молодой человѣкъ, называвшій себя Филиппомъ и выдававшій себя за сына царя Персея, съ которымъ имѣлъ поразительное сходство, и сирійской принцессы Лаодики. Свою юность онъ провелъ въ мизійскомъ городѣ Адрамиттіи и тамъ, какъ онъ утверждалъ, добылъ несомнѣнныя доказательства своего высокаго происхожденія. Послѣ тщетныхъ стараній добиться надлежащей оцѣнки этихъ доказательствъ на своей родинѣ, онъ обратился къ брату своей матери, сирійскому царю Димитрію Сотеру. Дѣйствительно, нашлось нѣсколько человѣкъ, искренно или притворно повѣрившихъ адрамиттійскому уроженцу; они стали осаждать царя просьбами или возвести принца на принадлежавшій ему по наслѣдству престолъ или уступить ему сирійское царство; чтобъ положить конецъ этимъ безразсуднымъ требованіямъ, Димитрій приказалъ арестовать претендента и отослалъ его къ Римлянамъ. Однако римскій сенатъ отнесся къ претенденту

Македонія и лже-Филиппъ.

164
151

съ такимъ пренебреженіемъ, что интернировалъ его въ одномъ изъ италійскихъ городовъ, даже не позаботившись подчинить его строгому надзору. Оттуда претендентъ убѣжалъ въ Милетъ, гдѣ городскія власти снова арестовали его и обратились къ римскимъ коммиссарамъ за указаніемъ, какъ имъ поступить съ этимъ плѣнникомъ. Коммиссары посовѣтовали дать ему возможность спастись бѣгствомъ, — что̀ и было исполнено. Тогда претендентъ сталъ искать счастья во Ѳракіи и—что̀ казалось-бы неправдоподобнымъ—добился тамъ признанія своихъ правъ и поддержки не только отъ варварскаго царя Тереса, женатаго на сестрѣ его мнимаго отца, и отъ Барсабы, но и отъ благоразумныхъ Византійцевъ. Съ помощью Ѳракійцевъ такъ называемый Филиппъ проникъ въ Македонію и хотя сначала былъ разбитъ, но вскорѣ послѣ того одержалъ побѣду надъ македонскимъ ополченіемъ въ Одомантикѣ, по ту сторону Стримона, и вслѣдъ затѣмъ одержалъ по сю сторону этой рѣки вторую побѣду, которая подчинила его власти всю Македонію. Какъ ни казалось неправдоподобнымъ все, что̀ онъ разсказывалъ, и какъ ни было всѣмъ хорошо извѣстно, что настоящій сынъ Персея, Филиппъ умеръ восемнадцати лѣтъ въ Альбѣ, и что претендентъ вовсе не македонскій принцъ, а жившій въ Адрамиттіи валяльщикъ Андрискъ, все-таки въ Македонянахъ еще была такъ сильна привычка къ царскому управленію, что они не рѣшились окончательно отвергнуть наслѣдственныя права претендента и охотно втянулись въ старую колею. Уже прибыли къ Римлянамъ отъ Ѳессалійцевъ гонцы съ извѣстіемъ, что претендентъ вторгнулся въ ихъ владѣнія; римскій коммиссаръ Назика,—присланный сенатомъ въ Македонію безъ солдатъ въ томъ предположеніи, что одними настоятельными убѣжденіями можно будетъ положить конецъ безразсудному предпріятію,—нашелся вынужденнымъ созвать ахейское и пергамское ополченія и охранять вмѣстѣ съ Ахеянами
149 Ѳессалію отъ болѣе многочисленнаго непріятеля до прибытія (605 ?) претора Ювенція съ однимъ легіономъ. Этотъ преторъ напалъ съ своей небольшой арміей на Македонянъ; но онъ самъ былъ убитъ, его армія была почти совершенно уничтожена и бо̀льшая часть Ѳессаліи подпала подъ власть лже-Филиппа, который сталъ распоряжаться и тамъ и въ Македоніи съ жестокосердіемъ и съ заносчивостью.

Побѣда Метелла. Наконецъ, болѣе сильная римская армія появилась на театрѣ борьбы подъ предводительствомъ Квинта Цецилія Метелла и при содѣйствіи пергамскаго флота проникла въ Македонію. Хотя въ первой кавалерійской схваткѣ Македоняне одержали верхъ, но въ македонской арміи скоро возникли раздоры и солдаты стали покидать свои знамена, а ошибка претендента, имѣвшаго неосторожность раздѣлить свою армію и отправить одну ея половину въ Ѳессалію, доставила Римлянамъ возможность одержать легкую и рѣшительную побѣду

(606). Филиппъ бѣжалъ во Ѳракію къ одному изъ туземныхъ вождей Бизесу; Метеллъ направился туда вслѣдъ за нимъ и послѣ вторичной побѣды добился его выдачи. 148

Четыре македонскія конфедераціи подчинились претенденту не добровольно, а были принуждены къ тому силой. Поэтому, съ точки зрѣнія прежней системы управленія не было никакого основанія отнимать у Македонянъ тѣ незначительные остатки самостоятельности, которые были имъ предоставлены послѣ битвы при Пиднѣ; но, по приказанію сената, бывшее царство Александра было превращено Метелломъ въ римскую провинцію. Отсюда было ясно видно, что римское правительство измѣнило свою систему управленія и рѣшилось замѣнить зависимость кліентовъ зависимостью подданныхъ; поэтому упраздненіе четырехъ македонскихъ конфедерацій отразилось на всѣхъ вассальныхъ государствахъ какъ прямо противъ нихъ направленный ударъ. Къ Македоніи были присоединены владѣнія, которыя были у нея отняты въ Эпирѣ послѣ первыхъ римскихъ побѣдъ, Іоническіе острова и торговые города Аполлонія и Эпидамнъ (томъ I, стр. 548, 741), до того времени входившіе въ сферу вѣдомства италійской администраціи; стало-быть Македонія, по всему вѣроятію, уже въ ту пору простиралась за Скодру до той границы, откуда начиналась Иллирія. Присвоенный Римомъ протекторатъ надъ собственной Греціей также перешолъ къ новому македонскому намѣстнику. Такимъ образомъ Македонія была снова соединена въ одно нераздѣльное цѣлое и снова получила почти тѣже самыя границы, которыя имѣла въ свои самыя цвѣтущія времена; но она уже была не цѣльнымъ царствомъ, а цѣльной провинціей съ общинной и даже, какъ кажется, съ земской организаціей, и была подчинена италійскому намѣстнику и италійскому казначею, имена которыхъ даже выставлялись на мѣстныхъ монетахъ рядомъ съ названіемъ страны. Въ качествѣ подати былъ оставленъ прежній умѣренный налогъ, введенный Павломъ (томъ I, стр. 766) въ размѣрѣ 100 талантовъ (155,000 талеровъ), которые были разложены на общины въ неизмѣнно установленныхъ доляхъ. Однако страна все еще не могла совершенно позабыть свою старинную знаменитую династію. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ низверженія лже-Филиппа, другой самозванецъ, выдававшій себя за Персеева сына Александра, водрузилъ знамя возстанія на берегахъ Неста (теперешняго Карасу) и въ короткое время собралъ 1,600 человѣкъ; но квесторъ Луцій Тремеллій безъ большаго труда подавилъ возстаніе и преслѣдовалъ спасавшагося бѣгствомъ претендента до Дарданіи (612). Однако, это было уже 142 послѣднее пробужденіе той благородной національной гордости, которая, за два столѣтія передъ тѣмъ, совершила столько великихъ дѣлъ въ Элладѣ и въ Азіи; съ той поры едва-ли найдется что́-либо достойное упоминанія о Македонянахъ, кромѣ того, что они впредь

Провинція Македонія.

стали вести счетъ своихъ ничѣмъ не ознаменовавшихся годовъ съ того времени, когда ихъ страна окончательно получила провинціальное устройство (608).—Съ тѣхъ поръ уже не на Македонянахъ, а
146 на Римлянахъ лежала обязанность защищать отъ варваровъ сѣверныя и восточныя границы Македоніи, то-есть границы эллинской цивилизаціи. Эту обязанность они исполняли съ недостаточными военными силами и съ недостаточной энергіей; однако они начали съ того, что для этой военной цѣли проложили большую Эгнаціевскую шоссейную дорогу, которая еще во времена Полибія шла отъ обоихъ стоявшихъ на западномъ берегу главныхъ портовыхъ городовъ Аполлоніи и Диррахія черезъ внутренность материка въ Өессалонику, а впослѣдствіи была продолжена вплоть до Гебра (теперешней Марицы *). Новая провинція служила естественнымъ операціоннымъ базисомъ какъ для походовъ противъ безпокойныхъ Далматовъ, такъ и для многочисленныхъ экспедицій противъ засѣвшихъ къ сѣверу отъ греческаго полуострова, иллирійскихъ, кельтскихъ и өракійскихъ племенъ, судьба которыхъ будетъ впослѣдствіи нами описана въ ихъ взаимной исторической связи.

Греція. Греція могла еще болѣе Македоніи хвалиться благосклонностью господствовавшей державы и римскіе эллинофилы имѣли полное основаніе думать, что въ Греціи уже заглохло вліяніе войны съ Персеемъ и что положеніе дѣлъ принимало тамъ удовлетворительный оборотъ. Уже сошли одинъ вслѣдъ за другимъ въ могилу самые ярые подстрекатели господствовавшей въ то время партіи—Этолянинъ Ликискъ, Беотіецъ Мназиппъ, Акарнанецъ Хрематъ и безчестный Эпиротъ Харопсъ, котораго даже не пускали къ себѣ въ домъ порядочные Римляне; уже успѣло вырасти новое поколѣніе, въ средѣ котораго ослабѣло вліяніе и старыхъ воспоминаній и старыхъ раздоровъ. Римскій сенатъ пришолъ къ убѣжденію, что уже настало время всеобщаго помилованія и забвенія всего прошлаго; поэтому онъ дозво-
150 лилъ въ 604 году возвратиться на родину всѣмъ остававшимся въ живыхъ ахейскимъ патріотамъ, которые были интернированы въ Италіи за семнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, и освобожденія которыхъ не переставалъ требовать ахейскій сеймъ. Однако, на дѣлѣ оказалось, что сенатъ впалъ въ заблужденіе. Какъ при всемъ своемъ эллинофильствѣ Римляне имѣли мало успѣха въ своихъ стараніяхъ

*) Въ качествѣ торговаго пути между морями Адріатическимъ и Чернымъ, и въ особенности въ качествѣ такого пути, на серединѣ котораго керкирскіе винные кувшины встрѣчались съ өазосскими и съ лесбосскими, эта дорога уже была извѣстна тому, кто писалъ псевдо-Аристотелевское сочиненіе „о замѣчательныхъ вещахъ". И теперь она идетъ отъ Дураццо въ сущности по тому-же направленію, пересѣкаетъ Багорскія [Кандавскія] горы у озера Охриды [Лихнита] и тянется черезъ Монастырь въ Салонику.

уживаться съ эллинскимъ патріотизмомъ, всего яснѣе видно изъ отношеній Грековъ къ Атталидамъ. Царь Эвменъ II навлекъ на себя сильнѣйшую ненависть Грековъ тѣмъ, что былъ другомъ Римлянъ (томъ I, стр. 755); но лишь только возникли между нимъ и Римлянами несогласія, онъ внезапно сдѣлался популярнымъ въ Греціи; не терявшіе послѣдней надежды, Эллины прежде надѣялись найти избавителя въ иноземномъ владѣтелѣ Македоніи, а теперь они стали надѣяться, что ихъ избавителемъ будетъ владѣтель Пергама. Но соціальное разложеніе стало видимо усиливаться въ особенности въ предоставленныхъ самимъ себѣ мелкихъ эллинскихъ государствахъ. Населеніе тамъ уменьшалось не вслѣдствіе войнъ или заразительныхъ болѣзней, а вслѣдствіе все болѣе и болѣе распространявшагося въ средѣ высшихъ сословій нежеланія обременять себя женою и дѣтьми; за то преимущественно въ Грецію стремился сбродъ преступниковъ и легкомысленныхъ людей для того, чтобъ ожидать тамъ появленія вербовщиковъ. Греческія общины все глубже и глубже погрязали въ долгахъ, а нечестность въ денежныхъ дѣлахъ неизбѣжно влекла вслѣдъ за собою отсутствіе кредита; нѣкоторые города, какъ напримѣръ Аѳины и Ѳивы, прибѣгали, подъ гнетомъ разстроенныхъ финансовъ, даже къ разбойническому ремеслу и грабили сосѣднія общины. Не утихли и внутренніе раздоры между членами конфедерацій, какъ напримѣръ между добровольными членами ахейской конфедераціи и тѣми, которые вступили въ нее поневолѣ. Римляне, по видимому, вѣрили въ то, чего желали, и полагались на прочность временно возстановленнаго въ Греціи внутренняго спокойствія; но имъ скоро пришлось убѣдиться на опытѣ, что въ Элладѣ молодое поколѣніе было нисколько не лучше и нисколько неблагоразумнѣе стараго. Чтобъ завязать ссору съ Римлянами, Греки завели съ ними споръ безъ всякой основательной причины.

Война съ Ахеянами.

Съ цѣлію скрыть грязную продѣлку, тогдашній председатель ахей-
149 ской конфедераціи Діэй заявилъ около 605 года въ засѣданіи сейма, что Римляне вовсе не гарантировали тѣхъ особыхъ правъ, которыя ахейская конфедерація предоставила Лакедемонянамъ, какъ входившимъ въ составъ ея членамъ, —а именно права не подчиняться ахейской уголовной юрисдикціи и права отправлять отъ себя въ Римъ особыхъ пословъ. Это была наглая ложь; но сеймъ, натурально, повѣрилъ тому, чего желалъ, а такъ какъ Ахеяне обнаружили намѣреніе доказывать основательность своихъ убѣжденій съ оружіемъ въ рукахъ, то Спартанцы, какъ болѣе слабые, уступили, или,—вѣрнѣе сказать,— тѣ изъ нихъ, чьей выдачи требовали Ахеяне, покинули городъ съ цѣлію изложить свои жалобы передъ римскимъ сенатомъ. Сенатъ, по своему обыкновенію, отвѣчалъ, что пришлетъ коммиссію для разслѣдованія этого дѣла; но вмѣсто того, чтобъ передать этотъ отвѣтъ сената, посланцы сообщили и въ Ахаію и въ Спарту ложное

извѣстіе, что сенатъ постановилъ рѣшеніе въ ихъ пользу. Ахеяне,—лишь не задолго передъ тѣмъ помогавшіе Римлянамъ одолѣть въ Ѳессаліи лже-Филиппа и потому болѣе чѣмъ когда либо сознававшіе свое союзническое равенство съ Римлянами и свое высокое по-
148 литическое значеніе,—вторгнулись въ 606 году подъ предводительствомъ своего стратега Дамокрита въ Лаконію; римскіе послы, отправлявшіеся въ Азію и находившіеся въ то время проѣздомъ въ Греціи, обратились къ Ахеянамъ, по настоянію Метелла, съ увѣщаніями не нарушать внутренняго спокойствія и ожидать прибытія сенатскихъ коммиссаровъ, — но все было тщетно. Произошло сраженіе, въ которомъ пало около 1000 Спартанцевъ, а еслибы Дамокритъ не былъ такимъ-же неспособнымъ военачальникомъ, какимъ былъ неспособнымъ политикомъ, то онъ могъ-бы овладѣть и городомъ Спартой. Онъ былъ отставленъ, а его преемникъ Діэй, бывшій главнымъ зачинщикомъ всѣхъ этихъ смутъ, сталъ дѣятельно продолжать войну, въ то-же время увѣряя грознаго намѣстника Македоніи въ совершенной покорности ахейской конфедераціи. Наконецъ прибыла давно-ожидаемая римская коммисія, во главѣ которой находился Аврелій Орестъ; тогда военныя дѣйствія прекратились и ахейскій сеймъ собрался въ Коринѳѣ для того, чтобъ выслушать сообщенія коммиссаровъ. Содержаніе этихъ сообщеній было и неожиданно и неутѣшительно. Римляне рѣшились отмѣнить неестественное и насильственное (томъ I, стр. 742) включеніе Спарты въ число членовъ ахейской конфедераціи и вообще принять строгія
163 мѣры противъ Ахеянъ. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (591) Ахеяне были принуждены уволить изъ состава своей конфедераціи этолійскій городъ Плевронъ (томъ I, стр. 742), а теперь имъ было приказано отказаться отъ всего, что было ими пріобрѣтено послѣ второй македонской войны, то есть отъ Коринѳа, Орхомена, Аргоса, Спарты въ Пелопоннессѣ и Гераклеи на Этѣ, и удовольствоваться тѣмъ составомъ ихъ конфедераціи, какой она имѣла въ концѣ Аннибаловской войны. Лишь только ахейскіе депутаты узнали о такомъ приказаніи, они, не обращая вниманія на убѣжденія Римлянъ, устремились на городскую площадь и сообщили римскія требованія собравшейся тамъ народной толпѣ; тогда эта правительствующая и подначальная чернь единогласно рѣшила прежде всего засадить въ тюрьму всѣхъ находившихся въ Коринѳѣ Лакедемонянъ, такъ какъ эту бѣду навлекла на Ахеянъ Спарта. За тѣмъ стали производиться аресты самымъ неразборчивымъ образомъ, такъ что лаконское имя и лаконская обувь считались достаточными поводами для заключенія въ тюрьму; Ахеяне проникали даже въ дома римскихъ посланниковъ для того, чтобъ захватывать укрывшихся тамъ Лакедемонянъ, и стали осыпать Римлянъ рѣзкими укорами, впрочемъ не осмѣливаясь посягать на ихъ личную неприкосновенность. Оскорбленные такимъ

поведеніемъ, послы возвратились въ Римъ и обратились къ сенату съ горькими, даже преувеличенными, жалобами; но сенатъ поступилъ съ такою-же сдержанностью, какую обнаруживалъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ относительно Греціи: онъ прибѣгнулъ прежде
всего къ увѣщаніямъ. На сеймѣ въ Эгіонѣ (весной 607 года) Секстъ 147
Юлій Цезарь повторилъ римскія приказанія въ самой мягкой формѣ и лишь слегка намекнулъ на удовлетвореніе за нанесённыя оскорбленія. Но вожаки Ахеянъ съ новымъ стратегомъ Критолаемъ (ко-
торый состоялъ въ должности стратега съ мая 607 по май 608 147/6
года) во главѣ, считавшіе себя опытными государственными людьми и знакомыми со всѣми тонкостями высшей политики, вывели изъ словъ Цезаря только то заключеніе, что дѣла Римлянъ съ Карѳагеномъ и съ Виріаѳомъ, должно быть, находятся въ очень плохомъ положеніи; поэтому они не переставали обманывать и оскорблять Римлянъ. Чтобъ уладить дѣло, Цезаря просили созвать въ Тегею на совѣщаніе уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ; эта просьба была исполнена, но послѣ того, какъ Цезарь и лакедемонскіе уполномоченные долго и тщетно ожидали прибытія Ахеянъ, наконецъ появился только одинъ Критолай; онъ объявилъ, что только общее народное собраніе Ахеянъ компетентно въ этомъ дѣлѣ и что рѣшеніе можетъ быть постановлено только сеймомъ, то есть не раньше, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Послѣ того Цезарь возвратился въ Римъ, а слѣдующее народное собраніе Ахеянъ формально объявило Спартанцамъ войну, по предложенію Критолая. И тогда Метеллъ еще разъ попытался прекратить раздоры мирнымъ соглашеніемъ и отправилъ въ Коринѳъ пословъ; но шумное сборище, состоявшее бо́льшею частію изъ черни богатаго, торговаго и фабричнаго города, заглушило голоса римскихъ пословъ и принудило этихъ послѣднихъ сойти съ ораторской трибуны. Заявленіе Критолая, что Греки желаютъ дружбы, а не владычества Римлянъ, вызвало невыразимый восторгъ, а когда члены сейма попытались протестовать противъ этихъ словъ, то чернь вступилась за своего любимца; она стала рукоплескать его указаніямъ на измѣну отечеству со стороны богатыхъ людей и на необходимость военной диктатуры и его таинственнымъ намёкамъ на предстоявшее не въ далекомъ будущемъ возстаніе противъ Рима несчётныхъ народовъ и царей. Въ какомъ духѣ было направлено это народное движеніе, видно изъ слѣдующихъ двухъ рѣшеній, постановленныхъ собраніемъ,—что до возстановленія внутренняго спокойствія всѣ клубы будутъ постоянно открыты и что всякія взысканія долговъ будутъ пріостановлены. Такимъ образомъ Ахеяне довели дѣло до войны и даже нашли настоящихъ союзниковъ сначала въ Ѳиванцахъ и въ Беотійцахъ, а
потомъ и въ Халкидянахъ. Уже въ началѣ 608 года они вступили 146
въ Ѳессалію съ цѣлію снова привести въ покорность Гераклею на

Этѣ, которая, въ силу сенатскаго рѣшенія, вышла изъ состава ахейской конфедераціи. Командированный сенатомъ въ Грецію, консулъ Луцій Муммій еще не успѣлъ прибыть на мѣсто своего назначенія, поэтому Метеллъ взялся съ македонскими легіонами защищать Гераклею. Когда ахейско-ѳиванская армія узнала о приближеніи Римлянъ, она отложила въ сторону мысль о борьбѣ и всѣ совѣщанія ограничились вопросомъ, какъ сдѣлать, чтобъ скорѣе добраться до безопаснаго Пелопоннеса; армія торопливо удалилась изъ Ѳессаліи и даже не попыталась оборонять позицію при Ѳермопилахъ. Между тѣмъ Метеллъ ускорилъ преслѣдованіе греческой арміи, нагналъ ее и разбилъ въ Локридѣ подлѣ Скарфейи. Она понесла большія потери плѣнными и убитыми, а о Критолаѣ, послѣ этого сраженія, никогда не было и слуха. Остатки разбитой арміи бродили отдѣльными отрядами по Греціи и всюду тщетно просили пристанища; патрасскій отрядъ былъ истребленъ въ Фокидѣ, а аркадское отборное войско—подлѣ Херонеи; вся сѣверная Греція была очищена отъ непріятеля, а изъ ахейской арміи и изъ спасавшихся массами бѣгствомъ, ѳиванскихъ гражданъ только небольшая часть добралась до Пелопоннеса. Метеллъ постарался своимъ мягкимъ обхожденіемъ склонить Грековъ къ прекращенію безразсуднаго сопротивленія; такъ напримѣръ онъ приказалъ отпустить всѣхъ Ѳиванцевъ за исключеніемъ только одного; но его благонамѣренныя усилія не имѣли успѣха частію вслѣдствіе энергіи народа, частію вслѣдствіе отчаяннаго мужества вождей, заботившихся о спасеніи своей собственной жизни. Діэй, принявшій главное начальство послѣ паденія Критолая, созвалъ на Коринѳскій перешеекъ всѣхъ годныхъ къ военной службѣ людей и приказалъ включить въ составъ арміи 12.000 рабовъ, родившихся въ Греціи; богатые люди были обложены заимообразными денежными взносами, а между приверженцами мира, не успѣвшими спастись посредствомъ подкупа террористовъ, многіе были осуждены на смертную казнь. И такъ война не прекратилась, но она велась по прежнему. Четырехъ-тысячный ахейскій авангардъ, стоявшій у Мегары подъ начальствомъ Алкамена, разбѣжался, лишь только завидѣлъ римскія знамена. Метеллъ уже собирался напасть на главную непріятельскую армію, стоявшую на перешейкѣ, когда консулъ Луцій Муммій прибылъ съ небольшой свитой въ римскую главную квартиру и принялъ главное командованіе. Тѣмъ временемъ Ахеянъ ободрило удачное нападеніе на слишкомъ неосмотрительные римскіе форпосты и они предложили подлѣ Левкопетры (что на перешейкѣ) сраженіе римской арміи, которая была вдвое болѣе многочисленна. Римляне, не колеблясь, приняли этотъ вызовъ. Въ самомъ началѣ сраженія ахейскіе всадники массами обратились въ бѣгство передъ римской конницей, которая была вшестеро болѣе многочисленна; гоплиты держались до той минуты, когда напавшій

на ихъ флангъ отборный римскій отрядъ привелъ и ихъ ряды въ разстройство. Тогда борьба прекратилась. Діэй бѣжалъ на свою родину, убилъ свою жену и самъ отравился; города стали сдаваться безъ всякаго сопротивленія и Римляне заняли безъ боя даже неприступный Коринѳъ, куда Муммій въ теченіе трехъ дней не рѣшался вступить, опасаясь попасть въ засаду.

Провинція Ахаія.

Новое устройство греческихъ дѣлъ было возложено. при содѣйствіи коммиссіи изъ десяти сенаторовъ, на консула Муммія, который вообще велъ себя такъ, что оставилъ въ завоеванной странѣ хорошую о себѣ память. Хотя онъ совершилъ, — по самому мягкому выраженію,—большую глупость, принявши вслѣдствіе своихъ военныхъ подвиговъ и побѣдъ прозвище «Ахейскаго» и построивши въ знакъ признательности храмъ въ честь Геркулеса побѣдителя; но какъ администраторъ, не выросшій среди аристократической роскоши и аристократической нравственной испорченности, а принадлежавшій къ разряду «новыхъ людей» и сравнительно небогатый,онъ былъ и справедливъ и обходителенъ. То было риторическимъ преувеличеніемъ, когда увѣряли, что между Ахеянами погибъ только одинъ Діэй, а между Беотійцами только одинъ Пиѳей; въ особенности въ Халкидѣ совершались страшныя злодѣянія; но вообще соблюдалась въ уголовныхъ карахъ нѣкоторая мѣра. Муммій не согласился на предложеніе низвергнуть статуи перваго организатора ахейской патріотической партіи, Филопемена; наложенныя на греческія общины, денежныя пени были назначены не въ пользу римской казны, а въ пользу пострадавшихъ греческихъ городовъ; впослѣдствіи онѣ были большею частію сложены, а имущество тѣхъ государственныхъ измѣнниковъ, у которыхъ были родители или дѣти, не продавалось въ пользу государства, а предоставлялось этимъ послѣднимъ. Только художественныя сокровища были вывезены изъ Коринѳа, изъ Ѳеспій и изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ; они были выставлены частію въ столицѣ, частію въ провинціальныхъ италійскихъ городахъ*), а нѣкоторыя изъ нихъ были пожертвованы въ пользу храмовъ истмійскаго, дельфійскаго и олимпійскаго. И при окончательномъ устройствѣ провинціи преобладала снисходительность. Хотя, при введеніи провинціальныхъ учрежденій по необходимости пришлось упразднить (томъ 1, стр. 541) отдѣльныя конфедераціи и въ особенности ахейскую, а общины изолировать одну отъ другой и затруднить между ними взаимныя сношенія путемъ запрещенія пріобрѣтать земельную собственность одновременно въ двухъ изъ нихъ; хотя, кромѣ того, были повсюду упразднены демократическія

---

*) Въ сабинскихъ городкахъ, какъ напримѣръ въ Пармѣ, и даже въ Испаніи, въ городѣ Италикѣ (стр. 4) было найдено нѣсколько пьедесталовъ съ именемъ Муммія, на которыхъ ставили военную добычу этого рода.

городскія учрежденія (какъ это пытался сдѣлать еще Фламиній, т. 1, стр. 714) и въ каждой общинѣ управленіе было ввѣрено совѣту, составленному изъ зажиточныхъ людей; наконецъ, хотя всѣ общины были обязаны ежегодно уплачивать Риму установленную въ неизмѣнномъ размѣрѣ подать и всѣ онѣ были подчинены македонскому намѣстнику въ такой формѣ, что ему, какъ высшему военному начальнику, также принадлежало завѣдываніе администраціей и юстиціей и онъ, напримѣръ, могъ постановлять окончательныя рѣшенія по самымъ важнымъ уголовнымъ процессамъ,—тѣмъ не менѣе греческія общины сохранили «свободу», то есть формальное самодержавіе, которое, конечно, превращалась подъ гнётомъ римской гегемоніи въ безсодержательное слово, однако заключало въ себѣ право владѣть земельной собственностью, право самоуправленія и право отправлять правосудіе*). А по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не

---

146 *) Вопросъ о томъ, была-ли Греція превращена въ 608 году въ римскую провинцію, или нѣтъ, въ сущности сводится къ спору о словахъ. Что греческія общины всѣ безъ исключенія остались „свободными" [Corp. In. Gr. 1543, 15; Цезарь, De bel. civ. 3, 5; Аппіанъ, Mithr. 58; Зонара, 9, 31] ясно доказано, но не менѣе ясно доказано, что Греція была въ то время взята Римлянами „во владѣніе" [Тацитъ, Ann. 14, 21; 1-я книга Маккав. 8, 9, 10], что каждая община уплачивала съ того времени Риму въ установленномъ размѣрѣ дань [Павзаній 7, 16, 6, сравн. Цицер. De prov. cons. 3, 5], какъ напримѣръ маленькій островокъ Гіаръ ежегодно уплачивалъ 150 драхмъ [Страбонъ, 10, 485], что „розги и сѣкиры" римскихъ намѣстниковъ съ тѣхъ поръ употреблялись въ дѣло и въ Греціи [Полибій 38, 1 с, сравн. Цицер. „Рѣчь противъ Верреса", 1, 21, 55], что этимъ намѣстникамъ принадлежалъ высшій надзоръ надъ городскими учрежденіями [Corp. In. Gr. 1543], а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и уголовная юрисдикція [Corp. In. Gr. 1543; Плутархъ, Cim. 2] въ томъ-же видѣ, въ какомъ они до того времени принадлежали римскому сенату,— и, наконецъ, что македонское провинціальное лѣтосчисленіе было введено и въ Греціи. Между этими фактами или вовсе нѣтъ никакого противорѣчія или есть только такое противорѣчіе, какое обыкновенно истекаетъ изъ положенія вольныхъ городовъ, то вовсе невключаемыхъ въ составъ провинцій [какъ напр. у Светонія, Caes. 25; у Колумеллы 11, 3, 26], то включаемыхъ въ ихъ составъ [какъ напр. у Іосифа Ant. Iud. 14, 4, 4]. Въ Греціи не было никакихъ другихъ государственныхъ имуществъ, кромѣ коринеской территоріи и нѣсколькихъ клочковъ земли въ Эвбеѣ [Corp. In. Gr. 5879], а настоящихъ римскихъ подданныхъ тамъ вовсе не было; тѣмъ не менѣе, если принять въ соображеніе фактическую зависимость греческихъ общинъ отъ македонскаго намѣстника, то придется признать, что и Греція причислялась къ составу македонской провинціи точно такъ-же, какъ Массалія причислялась къ составу нарбоннской провинціи, а Диррахій къ составу провинціи Македоніи. Есть еще болѣе краснорѣчивые факты: Ци-
89 зальпинская Галлія состояла съ 665 года изъ настоящихъ гражданскихъ или латинскихъ общинъ, но не смотря на это была превращена Суллой въ провинцію; даже во времена Цезаря существовали такіе округа, которые состояли исклю-

только было дозволено возстановить призракъ прежнихъ конфедераций, но и были отмѣнены стѣснительныя ограниченія касательно права отчуждать земельную собственность.

Разрушеніе Коринѳа.

Но болѣе строго было поступлено съ общинами ѳивской, халкидской и коринѳской. Римлянъ нельзя упрекать за то, что первыя двѣ общины были обезоружены, что ихъ городскія стѣны были срыты и что ихъ главные города были обращены въ открытыя поселенія; но ничѣмъ неоправдываемое разрушеніе главнаго торговаго города Греціи, цвѣтущаго Коринѳа, остается позорнымъ чернымъ пятномъ въ римскихъ лѣтописяхъ. Въ исполненіе безусловнаго сенатскаго приказанія, коринѳскіе граждане были захвачены въ плѣнъ и тѣ изъ нихъ, которые при этомъ не погибли, были проданы въ рабство; городъ не только лишился своихъ стѣнъ и своего замка,—что, пожалуй, было неизбѣжно, такъ какъ Римляне не имѣли намѣренія держать тамъ гарнизонъ,—но былъ разрушенъ до основанія; опустѣвшее мѣсто было по обыкновенію предано проклятію и на немъ было запрещено вновь что либо строить; городская территорія была частію отдана Сикіону съ обязательствомъ покрывать, вмѣсто Коринѳа, расходы на устройство истмійскаго національнаго празднества, но большею частію была объявлена римской общественной землей. Такимъ образомъ померкла «зѣница ока Эллады»,—послѣднее драгоцѣнное украшеніе когда-то столь богатой городами греческой земли. Принимая въ соображеніе всѣ подробности этой катастрофы, безпристрастная исторія должна признать то-же, въ чемъ откровенно сознавались даже Греки того времени,—что Римляне не были виновниками войны, но что ихъ вмѣшательство было вызвано безразсуднымъ вѣро-

---

чительно изъ гражданскихъ общинъ и тѣмъ не менѣе принадлежали къ числу провинцій. Отсюда можно составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, что разумѣли Римляне подъ словомъ provincia; этимъ словомъ обозначалось главнымъ образомъ высшее военное командованіе, а вся административная и судебная дѣятельность главнокомандующаго была первоначально побочнымъ занятіемъ и составляла необходимую принадлежность его военнаго поста.—Съ другой стороны, если принять въ соображеніе формальное самодержавіе свободныхъ общинъ, то придется согласиться съ тѣмъ, что событія 608 года не измѣнили по- 146
ложенія Греціи въ томъ, что касалось ея государственныхъ правъ; то было скорѣй фактическимъ, чѣмъ легальнымъ нововведеніемъ, что ахейскую конфедерацію впредь замѣняли отдѣльныя ахейскія общины въ качествѣ вассальныхъ обложенныхъ данью государствъ, состоявшихъ подъ римскимъ протекторатомъ, и что со времени учрежденія особаго римскаго управленія для Македоніи, это управленіе приняло на себя, въ замѣнъ столичныхъ властей, высшій надзоръ надъ греческими вассальными государствами. Стало быть Грецію можно считать или не считать составною частію македонской провинціи, смотря по тому, какой точкѣ зрѣнія будетъ отдано предпочтеніе—фактической или легальной; не первой точкѣ зрѣнія обыкновенно отдается основательное предпочтеніе.

ломствомъ и непростительной дерзостью самихъ Грековъ. Устраненіе мнимаго самодержавія конфедераціи и прекращеніе всѣхъ вызванныхъ этимъ самодержавіемъ сумасбродныхъ и пагубныхъ выходокъ было благодѣяніемъ для страны, а управленіе жившаго въ Македоніи римскаго главнокомандующаго,—хотя оно и оставляло многаго желать,—все таки было несравненно лучше, чѣмъ безтолковое управленіе греческихъ конфедерацій и римскихъ коммиссій. Пелопоннессъ перестал служить главнымъ пристанищемъ для наемныхъ солдатъ; положительно доказано, да и само по себѣ понятно, что съ введеніемъ непосредственнаго римскаго управленія Греція снова стала въ нѣкоторой мѣрѣ пользоваться внутренней безопасностью и благосостояніемъ. Ѳемистокловская эпиграмма, что одна гибель предотвратила другую, не безъ основанія примѣнялась тогдашними Эллинами къ утратѣ греческой самостоятельности. Необыкновенная снисходительность, которую даже въ ту пору обнаруживалъ Римъ въ своемъ обхожденіи съ Греками, будетъ только тогда вполнѣ очевидна, когда мы сравнимъ ее съ одновременнымъ обхожденіемъ тѣхъ же римскихъ властей съ Испанцами и съ Финикіянами; жестоко поступать съ варварами еще считалось въ то время позволительнымъ, но какъ въ болѣе позднюю пору Траянъ, такъ и Римляне того времени считали «жестокостью и варварствомъ отнимать у Аѳинъ и у Спарты послѣднюю тѣнь свободы». Тѣмъ рѣзче бросается въ глаза противоположность между такой снисходительностью и тѣмъ возмутительнымъ обхожденіемъ Римлянъ съ Коринѳомъ; которое порицали даже краснорѣчивые защитники разрушенія Карѳагена и Нуманціи и которое, даже по римскимъ понятіямъ о международномъ правѣ, никакъ нельзя оправдывать ссылкой на ругательства, сыпавшіяся на римскихъ уполномоченныхъ на улицахъ Коринѳа. Однако разрушеніе Коринѳа не было звѣрскимъ дѣломъ одного человѣка, и въ немъ всѣхъ менѣе былъ виновенъ Муммій; оно обсуждалось и было рѣшено римскимъ сенатомъ. Мы едва-ли ошибемся, если признаемъ его дѣломъ купеческой партіи, которая уже начинала въ то время вмѣшиваться въ политику на ряду съ настоящей аристократіей, и которая желала разрушенія Коринѳа для того, чтобъ избавиться отъ соперника по торговлѣ. Если римскіе крупные торговцы, дѣйствительно, имѣли вліяніе на рѣшеніе участи Греціи, то совершенно понятно, почему наказаніе пало именно на Коринѳъ и почему не только городъ былъ разрушенъ, но и было запрещено впредь селиться на этомъ чрезвычайно выгодномъ для торговли пунктѣ. Для римскихъ торговцевъ, которыхъ было не мало и въ самой Элладѣ, сдѣлался съ тѣхъ поръ главнымъ торговымъ центромъ пелопоннесскій Аргосъ; но для римскихъ оптовыхъ торговцевъ сдѣлался еще болѣе важнымъ
168 пунктомъ Делосъ, который уже съ 586 года былъ римскимъ портофранко и привлекъ къ себѣ значительную часть торговыхъ дѣлъ

изъ Родоса (томъ 1, стр. 772), а теперь унаслѣдовалъ и торговлю Коринѳа. Этотъ островъ долго оставался главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, отправлявшихся съ востока на западъ *).

Въ третьей болѣе отдаленной части свѣта римское владычество не утверждалось въ такой-же полнотѣ, какъ въ странахъ африканскихъ и македонско-эллинскихъ, которыя отдѣлены отъ Италіи лишь неширокими водными пространствами.—Въ передней Азіи пергамское царство сдѣлалось самой сильной державой съ тѣхъ поръ, какъ были оттуда вытѣснены Селевкиды. Атталиды не увлекались традиціями основанныхъ послѣ смерти Александра монархій и были достаточно осмотрительны и благоразумны, чтобъ не гоняться за невозможнымъ; они держали себя спокойно, не стремились къ расширенію своихъ владѣній и не пытались высвободиться изъ подъ римской гегемоніи, а заботились, насколько это дозволялось Римлянами, о благосостояніи своихъ подданныхъ и поощряли мирныя научныя занятія. Однако это не предохранило ихъ отъ зависти и отъ подозрительности Римлянъ. Царь Эвменъ II владѣлъ европейскими берегами Пропонтиды, западными берегами Малой Азіи и внутренними малоазіатскими странами вплоть до предѣловъ Каппадокіи и Киликіи; онъ находился въ тѣсномъ союзѣ съ сирійскими царями, изъ которыхъ Антіохъ Эпифанъ († 590) достигъ престола при помощи 164
Атталидовъ; а въ виду постоянно усиливавшагося упадка Македоніи и Сиріи, могущество Эвмена казалось еще болѣе значительнымъ, чѣмъ какимъ было на самомъ дѣлѣ, и стало внушать опасенія даже тѣмъ, кто заложилъ главный для него фундаментъ; ранѣе уже было нами разсказано (т. I, стр. 768), какъ, послѣ третьей македонской войны, римскій сенатъ старался унизить и ослабить этого союзника при помощи неблаговидныхъ дипломатическихъ уловокъ. Вслѣдствіе этого разлада съ державой-покровительницей, еще болѣе запутались и безъ того уже затруднительныя отношенія пергамскихъ царей къ находившимся внутри ихъ владѣній вольнымъ и полу-вольнымъ торговымъ городамъ и къ жившимъ вблизи отъ границъ ихъ владѣній варварскимъ народамъ. Такъ какъ не было выяснено, къ сирійскимъ или къ пергамскимъ владѣніямъ должны принадлежать, въ силу мирнаго договора 565 года, тѣ высоты Тавра, 189
которыя тянутся черезъ Памфилію и черезъ Писидію (т. I, стр. 739), то храбрые Селги оказывали въ недоступныхъ горахъ Писидіи мно-

Азія.

Царство Пергамское.

*) Замѣчательнымъ подтвержденіемъ этого факта можетъ служить названіе высшаго сорта греческихъ издѣлій изъ бронзы и мѣди; во времена Цицерона эти издѣлія назывались безразлично и „коринѳскою“ и „делосскою“ мѣдью. Это названіе вошло въ Италіи въ употребленіе, конечно, не по мѣстамъ фабрикаціи, а по мѣстамъ вывоза [Плиній, Hist. Nat. 34, 2, 9]; но, конечно, это еще не значитъ, что такіе-же сосуды не выдѣлывались также въ Коринѳѣ и въ Делосѣ.

голѣтнее и энергическое сопротивленіе царямъ Эвмену II и Атталу II, какъ кажется, признавая надъ собою номинальное сирійское верховенство. И азіатскіе Кельты, находившіеся въ теченіе нѣкотораго времени, съ дозволенія Римлянъ, въ подданствѣ у пергамскихъ вла-
167 дѣтелей, отложились отъ Эвмена и внезапно начали около 587 года съ нимъ войну по соглашенію съ наслѣдственнымъ врагомъ Атталидовъ, царемъ Виѳиніи Прузіемъ. Эвменъ не успѣлъ запастись наёмными войсками; не смотря на его находчивость и мужество, Кельты разбили азіатскую милицію и разсѣялись по его владѣніямъ, а какъ странно исполнили Римляне роль посредниковъ, которую приняли на себя по просьбѣ Эвмена, уже было разсказано ранѣе (т. I, стр. 768). Однако, лишь только Эвменъ успѣлъ набрать на средства своей переполненной казны годную для боя армію, онъ очень скоро прогналъ полчища дикарей за предѣлы своихъ владѣній; хотя Галатія и осталась для него утраченной, а его упорно возобновлявшіяся попытки снова подчинить ее своей власти были разстроены римскимъ
159 вліяніемъ *), все таки онъ, умирая (около 595), оставилъ свое царство въ неуменьшившемся составѣ не смотря на всѣ открытыя нападенія

---

*) Эти отношенія очень наглядно выяснились благодаря нѣсколькимъ недавно найденнымъ [Извѣстія Мюнхенской Академіи 1860 года, стр. 180 и сл.] письмамъ царей Эвмена II и Аттала II къ пессинскому жрецу, котораго звали Аттисомъ [сравн. Полибія 22, 20]. Самое древнее изъ этихъ писемъ и единственное изъ нихъ, на которомъ выставлено число, написано въ 34 году царствованія
164/3 Эвмена, за 7 дней до истеченія мѣсяца Горпіэйя, стало быть въ 590/1 отъ основ. Рима; оно предлагаетъ жрецу военную помощь, чтобъ отнять у Пезонговъ [о которыхъ кромѣ того нигдѣ не упоминается] занятое ими священное мѣсто. Изъ слѣдующаго письма, также написаннаго Эвменомъ, видно, что царь принималъ участіе въ ссорѣ между пессинскимъ жрецомъ и его братомъ Аіориксомъ. Эти оба поступка Эвмена, безъ сомнѣнія, принадлежали къ числу тѣхъ, на которые
164 указывалось въ Римѣ въ 590 и въ слѣдующихъ годахъ, какъ на доказательства не прекращавшихся со стороны Эвмена попытокъ вмѣшиваться въ галльскія дѣла и поддерживать среди Галловъ своихъ приверженцевъ [Полибій, 31, 6, 9. 32, 3, 5]. Напротивъ того, изъ одного письма, написаннаго его преемникомъ Атталомъ, видно, что уже настали иныя времена и что желанія сдѣлались болѣе скромными. На личномъ свиданіи въ Апамеѣ, жрецъ Аттисъ, какъ кажется, снова получилъ отъ Аттала обѣщаніе военной помощи; но впослѣдствіи царь писалъ ему, что на собиравшемся для разсмотрѣнія этого дѣла засѣданіи государственнаго совѣта, въ которомъ принимали участіе Аѳеней [безъ сомнѣнія, хорошо извѣстный братъ царя], Созандръ, Меногенъ, Хлоръ и другіе родственники [ἀναγκαῖοι], большинство, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ согласилось съ мнѣніемъ Хлора, что ничего не слѣдуетъ дѣлать, не испросивши предварительнаго согласія Римлянъ,—такъ какъ еслибы и былъ достигнутъ успѣхъ, все таки пришлось-бы снова утратить сдѣланныя пріобрѣтенія и пришлось-бы навлечь на себя такія-же подозрѣнія, „какія высказывались Римлянами и противъ царскаго брата“ [Эвмена II].

и тайные происки со стороны и его сосѣдей и Римлянъ. Его братъ Атталъ II Филадельфъ († 616) воспрепятствовалъ при помощи Римлянъ попыткѣ понтійскаго царя Фарнака захватить въ свои руки опекунскую власть надъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ Эвмена и, подобно Антигону Дозону, царствовалъ въ теченіе всей своей жизни вмѣсто своего племянника. Будучи человѣкомъ ловкимъ, способнымъ и изворотливымъ какъ настоящій Атталидъ, онъ сумѣлъ убѣдить недовѣрчивый римскій сенатъ въ неосновательности его прежнихъ опасеній. Анти-римская партія упрекала его за то, что онъ взялся оберегать страну вмѣсто Римлянъ и что онъ терпѣливо выносилъ отъ нихъ всякія оскорбленія и притѣсненія; однако, благодаря увѣренности въ поддержкѣ со стороны Римлянъ, онъ имѣлъ возможность съ энергіей вмѣшиваться въ распри изъ-за престола, возникавшія въ Сиріи, въ Каппадокіи и въ Виѳиніи. Римское-же вмѣшательство избавило его и отъ опасной войны, предпринятой противъ него царемъ Виѳиніи Прузіемъ II, которому было дано прозвище Охотника (572?—605), и который, управляя Виѳиніей въ качествѣ регента, соединялъ въ себѣ всѣ пороки и варварскихъ и цивилизованныхъ націй; впрочемъ это вмѣшательство привело къ цѣли только послѣ того, какъ Атталъ былъ осажденъ въ своей столицѣ и послѣ того, какъ первое требованіе Римлянъ было оставлено Прузіемъ безъ послѣдствій и даже было имъ презрительно осмѣяно (отъ 598 до 600 г.). Тѣмъ не менѣе, съ вступленіемъ на престолъ Атталова питомца, Аттала III Филометора (616—621), прежняя мирная и мягкая система буржуазно-монархическаго управленія была замѣнена азіатской системой султанскаго управленія, при которой напримѣръ могло совершиться такое происшествіе, что царь, желая отдѣлаться отъ надоѣдавшихъ ему своими совѣтами отцовскихъ друзей, собралъ ихъ въ своемъ дворцѣ и приказалъ своимъ наёмнымъ солдатамъ умертвить сначала ихъ самихъ, а потомъ также ихъ женъ и дѣтей; вмѣстѣ съ этимъ онъ писалъ сочиненія о садоводствѣ, разводилъ ядовитыя травы и лѣпилъ изъ воску, пока его не поразила внезапная смерть. Съ нимъ пресѣкся и родъ Атталидовъ. Въ подобныхъ случаяхъ послѣдній правитель могъ распорядиться престолонаслѣдіемъ путемъ завѣщанія — по меньшей мѣрѣ на основаніи того публичнаго права, которое было въ силѣ въ государствахъ, находившихся подъ римскимъ протекторатомъ. Трудно рѣшить, безразсудная-ли злоба на своихъ подданныхъ, мучившая послѣдняго Атталида при его жизни, внушила ему намѣреніе завѣщать свои владѣнія Римлянамъ, или-же этимъ выражалось лишь новое признаніе фактическаго преобладанія Рима. Но завѣщаніе было написано; Римляне приняли наслѣдство, а вопросъ, какъ поступить съ владѣніями и съ сокровищами Атталидовъ, сдѣлался новымъ поводомъ для раздоровъ между соперничавшими въ Римѣ политическими партіями.

[Margin notes: 138 (beside line 2); 182 149 (beside "Охотника (572?—605)"); 156 (beside "послѣдствій ... (отъ 598 до"); 154 (beside "600 г."); 138 133 (beside "питомца, Аттала III Филометора (616—621)"); Провинція Азія. (beside "запная смерть... Въ подобныхъ")]

Война съ Аристоникомъ.

И въ Азіи это царское завѣщаніе вызвало междоусобную войну. Расчитывая на отвращеніе Азіатцевъ къ предстоявшему владычеству иноземцевъ, побочный сынъ Эвмена II, Аристоникъ выступилъ претендентомъ на престолъ въ Левкеяхъ,—маленькомъ портовомъ городкѣ промежъ Смирны и Фокеи. И Фокея и нѣкоторые другіе города приняли его сторону; но онъ былъ принужденъ спастись бѣгствомъ во внутреннія страны послѣ того, какъ былъ разбитъ на морѣ, насупротивъ Кимы, Эфесянами, полагавшими, что стойкая преданность Римлянамъ была единственнымъ средствомъ сохранить ихъ привилегіи. Аристоника уже считали окончательно сошедшимъ со сцены, какъ вдругъ онъ снова появился во главѣ новыхъ «гражданъ города Солнца» *), то есть массы призванныхъ имъ къ свободѣ рабовъ, овладѣлъ лидійскими городами Ѳіатирой и Аполлонидой и нѣкоторыми городками, принадлежавшими къ владѣніямъ Атталидовъ, и созвалъ подъ свои знамена толпы ѳракійскихъ наёмниковъ. Борьба была упорна. Въ Азіи не было римскихъ войскъ; азіатскіе вольные города и контингенты вассальныхъ владѣтелей Виѳиніи, Пафлагоніи, Каппадокіи, Понта и Арменіи не были въ состояніи обороняться отъ претендента; онъ силою проникъ въ Колофонъ, въ Самосъ, въ Миндосъ и уже успѣлъ завладѣть почти всѣми странами, входившими въ составъ отцовскихъ владѣній, когда римская
131 армія высадилась въ концѣ 623 года въ Азіи. Начальникъ этой арміи, консулъ и верховный жрецъ Публій Лициній Крассъ Муціанъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и въ тоже время одинъ изъ самыхъ образованныхъ Римлянъ и одинаково прославился какъ ораторъ и какъ юристъ; онъ задумалъ осадить претендента въ Левкахъ, но относился къ своему противнику съ полнымъ пренебреженіемъ, поэтому во время приготовленій къ этой осадѣ подвергся нападенію въ расплохъ, былъ разбитъ и самъ былъ захваченъ толпою Ѳракійцевъ въ плѣнъ. Однако онъ не захотѣлъ доставить Аристонику возможность съ тріумфомъ показывать народу плѣннаго римскаго главнокомандующаго; поэтому онъ преднамѣренно до того раздражилъ захватившихъ его въ плѣнъ, но не узнавшихъ его вар-
130 варовъ, что они убили его (въ началѣ 624 года), и только по трупу догадались, что это былъ римскій консуляръ. Какъ кажется, вмѣстѣ съ нимъ погибъ и царь каппадокійскій Аріараѳъ. Однако, немного времени спустя послѣ этой побѣды Аристонику пришлось обороняться отъ Марка Перпенны, который замѣнилъ Красса; его армія была раз-

*) Одинъ пріятель сообщилъ мнѣ правдоподобное предположеніе, что эти странные „Геліополиты“ были ничто иное, какъ освободившіеся рабы, которые соединились между собою въ качествѣ гражданъ города, который былъ переименованъ въ Геліополь или который, быть можетъ, только предполагалось основать подъ названіемъ Геліополя по имени высоко-чтимаго въ Сиріи бога-солнца.

бита, а самъ онъ былъ осажденъ въ Стратоникеѣ, захваченъ въ плѣнъ и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ казненъ въ Римѣ. Послѣ внезапной смерти Перпенны, на Манія Аквиллія (625) было возложено 129
какъ покореніе послѣднихъ, еще оказывавшихъ сопротивленіе городовъ, такъ и окончательное устройство края. Римляне распорядились тамъ такъ-же, какъ въ кароагенскихъ владѣніяхъ. Восточная часть царства Атталидовъ была предоставлена вассальнымъ царямъ съ цѣлію избавить Римлянъ отъ защиты границъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ необходимости содержать въ Азіи постоянную оккупаціонную армію; Телмиссъ (т. I, стр. 739) достался ликійской конфедераціи; европейскія владѣнія во Ѳракіи были присоединены къ Македоніи; изъ остальной территоріи была организована новая римская провинція, которой, точно такъ-же, какъ и кароагенской провинціи, было не безъ умысла дано названіе той части свѣта, въ которой она находилась. Страна была освобождена отъ податей, которыя прежде уплачивались Пергаму, и съ ней обошлись такъ-же мягко, какъ съ Элладой и съ Македоніей. Такимъ образомъ самое значительное изъ мало-азіатскихъ государствъ превратилось въ римское намѣстничество.

Передняя Азія.

Другія многочисленныя мелкія государства и города передней Азіи, — какъ-то: царство Виѳинія, княжества пафлагонское и галльское, конфедераціи ликійская, карійская и памфилійская, вольные города Кизикъ и Родосъ, — остались въ своемъ прежнемъ зависимомъ положеніи.

Каппадокія.

На той сторонѣ Галиса, Царь Каппадокіи Аріараѳ V Филопаторъ
—130 (591 — 624) устоялъ, — главнымъ образомъ благодаря содѣйствію Атталидовъ, — въ борьбѣ съ своимъ братомъ и соперникомъ Голоферномъ, котораго поддерживали Сирійцы, а послѣ того Каппадокія въ сущности придерживалась пергамской политики какъ въ своей безусловной преданности Риму, такъ и въ своемъ влеченіи къ эллинской образованности. Благодаря Аріараѳу, эта образованность проникла въ Каппадокію, бывшую до того времени почти варварской страной, а вмѣстѣ съ нею туда проникли и ея болѣзненные наросты — культъ Вакха и безполезное ремесло странствовавшихъ группами актеровъ, или такъ называемыхъ «артистовъ». Въ награду за то, что этотъ царь поплатился своею жизнію за свою неизмѣнную преданность Риму во время борьбы съ пергамскими претендентами, Римляне не только защитили его несовершеннолѣтняго преемника Аріараѳа VI отъ попытки понтійскаго царя захватить верховную власть, но также уступили ему юго-восточную часть царства Атталидовъ — Ликаонію вмѣстѣ съ территоріей, примыкавшей къ ней съ восточной стороны и въ прежнія времена принадлежавшей Киликіи.

Понтъ.

Наконецъ въ дальней сѣверо-восточной части Малой Азіи постоянно расширялась и пріобрѣтала важное значеніе такъ называемая

«Приморская Каппадокія» или «приморское государство» Понтъ. Вскорѣ послѣ битвы при Магнезіи, царь Фарнакъ I расширилъ свои владѣнія далеко за Галисъ вплоть до Тіоса на границахъ Виѳиніи и между прочимъ завладѣлъ богатымъ Синопомъ, который превратился изъ греческаго вольнаго города въ резиденцію понтійскихъ царей. Хотя пострадавшія отъ этихъ захватовъ сосѣднія государства, съ царемъ Эвменомъ II во главѣ, предприняли противъ него
183—179 войну (571—575) и при содѣйствіи Римлянъ вынудили отъ него обѣщаніе очистить Галатію и Пафлагонію; однако дальнѣйшія событія доказали, что какъ самъ Фарнакъ, такъ и его преемникъ Митри-
156—120 датъ V Эвергетъ (598? - 634) были вѣрными союзниками Римлянъ и во время третьей пунической войны и во время войны съ Аристоникомъ, и что они не только сохранили свои владѣнія на той сторонѣ Галиса, но фактически даже удержали въ своихъ рукахъ протекторатъ надъ династіями пафлагонской и галатской. Только при знакомствѣ съ этими фактами и становится понятнымъ, какимъ образомъ, во время раздробленія царства Атталидовъ, Митридатъ могъ получить Великую Фригію, которая, будто-бы, была уступлена ему въ награду за его подвиги въ войнѣ съ Аристоникомъ, а на самомъ дѣлѣ была имъ куплена за большую сумму, уплаченную римскому главнокомандующему. Нѣтъ возможности съ точностью указать, какъ далеко простиралось въ то время понтійское царство въ направленіи къ Кавказу и къ истокамъ Эвфрата, но оно, какъ кажется, обнимало, въ качествѣ зависимой сатрапіи, западную часть Арменіи около Эндереса и Дивириги или такъ называемую Малую Арменію, между тѣмъ какъ Великая Арменія и Софена были отдѣльными независимыми государствами.

Сирія. Египетъ. И такъ Римъ въ сущности властвовалъ на мало-азіатскомъ полуостровѣ и хотя тамъ многое дѣлалось безъ его согласія и противъ его воли, все-таки онъ былъ тамъ въ принципѣ хозяиномъ; напротивъ того, отдаленныя страны на той сторонѣ Тавра и верхняго Эвфрата вплоть до долины Нила не вошли въ сферу римскаго преобладанія. Однако римскій сенатъ не твердо придерживался установ-
189 леннаго имъ при регулированіи въ 565 году восточныхъ дѣлъ правила, что Галисъ долженъ считаться восточной границей тѣхъ странъ, которыя впредь будутъ состоять подъ римскимъ протекторатомъ (томъ I, стр. 737), да и само по себѣ это правило было невыполнимо. И политическій горизонтъ, точно такъ-же, какъ физическій, способенъ вовлекать въ самообольщеніе; когда сирійскому государству было дозволено по мирному договору содержать не болѣе опредѣленнаго числа военныхъ кораблей и боевыхъ слоновъ (т. I, стр. 738) и когда сирійская армія очистила, по приказанію римскаго сената, уже почти завоеванный Египетъ (томъ I, стр. 771), то въ этомъ сказывалось полное признаніе римской гегемоніи и римскаго протектората. По-

этому и возникавшіе какъ въ Сиріи, такъ и въ Египтѣ, споры о престолонаслѣдіи поступали на разрѣшеніе римскаго правительства.
Въ Сиріи, послѣ смерти Антіоха Эпифана (590) оспаривали другъ 164
у друга престолъ—жившій въ Римѣ въ качествѣ заложника, сынъ Селевка Четвертаго Димитрій, впослѣдствіи прозванный Сотеромъ, и несовершеннолѣтній сынъ послѣдняго царя Антіоха Эпифана, Антіохъ Эвпаторъ; въ Египтѣ, изъ двухъ совмѣстно царствовавшихъ
170 съ 584 года братьевъ старшій—Птолемей Филометоръ (573—608) 181—146
былъ изгнанъ изъ страны (590) младшимъ Птолемеемъ Эвергетомъ 164
II или Толстымъ († 637) и лично явился въ Римъ съ просьбою воз- 117
становить его на престолѣ. Сенатъ разрѣшилъ оба эти спора дипломатическимъ путемъ и сообразуясь съ тѣмъ, чего требовали римскіе интересы. Въ Сиріи былъ признанъ царемъ Антіохъ Эвпаторъ съ устраненіемъ имѣвшаго болѣе правъ на престолъ, Димитрія, а опека надъ царственнымъ отрокомъ была возложена на римскаго сенатора Гнея Октавія, который, само собою разумѣется, сталъ управлять страной, сообразуясь съ римскими интересами, уменьшилъ число военныхъ кораблей и боевыхъ слоновъ до установленнаго мирнымъ
договоромъ 565 года размѣра и велъ страну къ полному военному 189
безсилію. Въ Египтѣ престолъ былъ возвращенъ Филометору, и частію для того, чтобъ прекратить раздоры между двумя братьями, частію для того, чтобъ ослабить все еще значительное могущество Египта, Кирена была отдѣлена отъ египетскихъ владѣній и отдана Эвергету. Одинъ Іудей писалъ вскорѣ послѣ этихъ событій: «Царствуютъ тѣ цари, которыхъ желаютъ Римляне, а кого Римляне не желаютъ, того они изгоняютъ и изъ страны и изъ среды соотечественниковъ». Однако, послѣ того римскій сенатъ надолго пересталъ вмѣшиваться въ восточныя дѣла съ такою-же предусмотрительностью и съ такою-же энергіей, какія постоянно обнаруживалъ въ своихъ столкновеніяхъ съ Филиппомъ, съ Антіохомъ и съ Персеемъ. Внутренняя неурядица позднѣе всего повліяла на веденіе иностранныхъ дѣлъ, но въ концѣ концевъ все-таки повліяла. Система управленія сдѣлалась непрочной и шаткой; только что захваченныя бразды ослабѣли и были почти совершенно выпущены изъ рукъ. Сенаторъ, управлявшій Сиріей въ качествѣ опекуна, былъ умерщвленъ въ Лаодикеѣ; отвергнутый претендентъ Димитрій бѣжалъ изъ Рима и подъ наглымъ предлогомъ, будто уполномоченъ на то римскимъ сенатомъ, устранилъ царственнаго отрока отъ престола и вступилъ въ управленіе отцовскими вла-
дѣніями (592). Вскорѣ послѣ того вспыхнула между владѣтелями 162
Египта и Кирены война изъ-за обладанія островомъ Кипромъ, который былъ присужденъ сенатомъ сначала старшему брату, потомъ младшему и въ нарушеніе послѣдняго сенатскаго рѣшенія окончательно остался за Египтомъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ римское правительство находилось на вершинѣ своего могущества и

когда какъ внутри, такъ и внѣ государства, господствовало полное спокойствіе, безсильные восточные цари относились съ пренебреженіемъ къ декретамъ этого правительства, употребляли его имя во зло и умертвили назначеннаго имъ опекуна и коммиссара. Когда, за семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, Иллирійцы точно такъ-же поступили съ римскимъ уполномоченнымъ, то сенатъ воздвигъ на городской площади памятникъ убитому и отправилъ войско и флотъ для привлеченія убійцъ къ отвѣтственности. А теперь сенатъ также воздвигъ памятникъ Гнею Октавію, какъ того требовали прадѣдовскіе обычаи, но вмѣсто того, чтобъ отправить войска моремъ въ Сирію, призналъ Димитрія сирійскимъ царемъ—онъ уже чувствовалъ себя въ то время столь могущественнымъ, что находилъ излишнимъ оберегать свою честь. И не только Кипръ остался за Египтомъ наперекоръ сенатскому рѣшенію, но
146 когда Эвергетъ наслѣдовалъ послѣ смерти Филометора (608) египетскій престолъ и такимъ образомъ снова объединилъ раздробленное египетское царство, то сенатъ и этому не воспротивился. Послѣ такихъ событій, римское вліяніе въ тѣхъ краяхъ утратило всякую силу и въ дальнѣйшемъ ходѣ тамошнихъ дѣлъ Римляне уже не принимали никакого участія; впрочемъ, для уясненія позднѣйшихъ событій необходимо теперь-же не упускать изъ виду того, что̀ дѣлалось не только на ближнемъ, но и на дальнемъ востокѣ.

Индія. Бактрія. Между тѣмъ, какъ въ замкнутомъ со всѣхъ сторонъ Египтѣ не легко измѣнялось положеніе дѣлъ, напротивъ того въ Азіи по сю и по ту сторону Эвфрата въ группировкѣ народовъ и государствъ произошли существенныя измѣненія во время этой пріостановки римскаго вмѣшательства и частію именно вслѣдствіе ея. По ту сторону обширной Иранской, степи, не много времени спустя послѣ смерти Александра Великаго, образовалось на Индѣ царство Палимбоѳры подъ властію Чандрагупты (Sandrakottos), а на верхнемъ Оксѣ могущественное бактрійское царство; оба эти царства образовались изъ смѣшенія національныхъ элементовъ съ самыми восточными отпрысками эллинской цивилизаціи. Къ западу отъ нихъ начиналось

Упадокъ царства „Азія“. царство Азія, которое хотя и уменьшилось въ своемъ объемѣ еще при Антіохѣ Великомъ, но все-таки было громадно: оно простиралось отъ береговъ Геллеспонта до владѣній мидійскихъ и персидскихъ и заключало въ себѣ всѣ страны по теченію Эвфрата и Тигра. Еще Антіохъ Великій проникалъ съ оружіемъ въ рукахъ на ту сторону степи, во владѣнія Парѳянъ и Бактріянъ; только въ его царствованіе началось разложеніе этого могущественнаго государства. Не только передняя Азія была имъ утрачена вслѣдствіе битвы при Магнезіи, но въ то-же время отложились отъ него и превратились изъ вассальныхъ сирійскихъ княжествъ въ независимыя государства обѣ Каппадокіи и обѣ Арменіи, то-есть собственно такъ называемая Арменія на сѣверо-востокѣ и область Софены на юго-востокѣ (томъ I,

стр. 738). Изъ этихъ государствъ въ особенности Великая Арменія скоро достигла значительнаго положенія подъ управленіемъ Артаксидовъ. Едва-ли не еще болѣе опасныя раны нанесла этому царству безразсудная нивеллирующая политика Антіохова преемника Эпифана (579—590). Хотя его царство, состоявшее изъ искуственно свя- 175—164
занныхъ между собою разнородныхъ странъ, не представляло ничего цѣльнаго, а несходство его подданныхъ по національности и по религіи создавало для правительства серьозныя затрудненія, все-таки его намѣреніе ввести во всѣхъ подвластныхъ ему странахъ эллинско-римскіе обычаи и эллинско-римскій культъ и уравнять всѣ подвластные ему народы какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи, было во всякомъ случаѣ безумствомъ, не говоря уже о томъ, что этому Іосифу II въ карикатурѣ было вовсе не по силамъ такое гигантское предпріятіе; онъ приступилъ къ введенію своихъ реформъ самымъ нецѣлесообразнымъ способомъ—сталъ грабить храмы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и предпринялъ крайне безразсудное преслѣдованіе еретиковъ. Первымъ послѣдствіемъ этого было Іудеи.
то, что жившіе въ пограничной съ Египтомъ провинціи, Іудеи, всегда покорные до униженія, но чрезвычайно дѣятельные и трудолюбивые, были доведены систематическимъ религіознымъ гнетомъ до открытаго возстанія (около 587 года). Дѣло дошло до рим- 167
скаго сената; а такъ какъ онъ имѣлъ въ то время основательныя причины недоброжелательствовать Димитрію Сотеру и кромѣ того опасался союза между Атталидами и Селевкидами, да и вообще находилъ выгоднымъ для Рима возникновеніе промежуточнаго государства между Сиріей и Египтомъ, то онъ безъ всякихъ затрудненій немедленно призналъ свободу и автономію возставшей націи (около 593 161
года). Однако Римъ сдѣлалъ для Іудеевъ только то, что не налагало на него самого никакихъ стѣсненій: не смотря на то, что въ договоръ, заключенный между Римлянами и Іудеями, была включена статья, обѣщавшая Іудеямъ римскую помощь въ случаѣ, еслибы кто-либо напалъ на нихъ, и не смотря на то, что царямъ сирійскому и египетскому Римляне запретили проводить ихъ войска черезъ іудейскую территорію, все таки Іудеямъ пришлось обороняться отъ сирійскихъ царей только своими собственными средствами. На пользу Іудеевъ послужили не столько письменныя распоряженія ихъ могущественныхъ союзниковъ, сколько мужественное и осмотрительное руководительство возстаніемъ, находившееся въ рукахъ геройскаго рода Маккавеевъ, и внутренняя неурядица въ сирійскомъ царствѣ; во время вражды между сирійскими царями Трифономъ и Димитріемъ Никаторомъ, Іудеямъ были формально дарованы автономія и свобода отъ налоговъ (612) 142
и даже вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и іудейская нація и сирійскій царь формально признали главу дома Маккавеевъ, сына Маттаѳіи, Симона израильскимъ первосвященникомъ и царемъ *) (615). 139

---

*) Отъ него ведутъ свое начало монеты, на которыхъ стояла надпись „Ше-

Пареянское царство. Еще болѣе, чѣмъ это возстаніе Израильтянъ, было богато послѣдствіями вспыхнувшее въ одно время съ нимъ и, по всему вѣроятію, по одинакимъ причинамъ, возстаніе въ восточныхъ странахъ, гдѣ Антіохъ Эпифанъ опустошалъ храмы персидскихъ боговъ не менѣе безпощадно, чѣмъ іерусалимскій храмъ, и гдѣ онъ обходился съ поклонниками Агурамазды и Миѳры не лучше, чѣмъ съ поклонниками Іеговы. Точно такъ-же какъ въ Іудеѣ, но на болѣе широкомъ пространствѣ и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, результатомъ такихъ угнетеній была реакція туземныхъ нравовъ и туземной религіи противъ эллинизма и противъ эллинскихъ боговъ; это возстаніе вспыхнуло по почину Парѳянъ и привело къ основанію великаго парѳянскаго царства. «Парѳва» или Парѳяне рано упоминаются въ исторіи, какъ одинъ изъ безчисленныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ великаго персидскаго царства и сначала жившихъ въ нынѣш-
250 немъ Хорасанѣ, къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря; уже съ 500 года они составляли самостоятельное государство подъ управленіемъ скиѳскаго, то есть туранскаго дома Арсакидовъ, но лишь черезъ сто лѣтъ послѣ того пріобрѣли извѣстность. Шестой членъ дома Арса-
175—136 кидовъ, Митридатъ I (579?—618?) былъ настоящимъ основателемъ великаго парѳянскаго государства. Подъ его ударами разрушилось гораздо болѣе могущественное бактрійское царство частію вслѣдствіе того, что было ослаблено борьбой съ приходившими изъ Турана скиѳскими конными шайками и съ находившимися на берегахъ Инда государствами, частію вслѣдствіе внутренней неурядицы. Почти такихъ-же успѣховъ онъ достигъ въ странахъ, лежащихъ къ западу отъ великой степи. Именно въ ту пору сирійское царство было до крайности расшатано частію неудавшимися попытками Антіоха Эпифана эллинизировать страну, частію возникшими послѣ его смерти раздорами по вопросу о престолонаслѣдіи; внутреннія провинціи старались отдѣлиться отъ Антіохіи и отъ прибрежныхъ странъ; такъ напримѣръ въ самой сѣверной изъ сирійскихъ провинцій, въ лежавшей подлѣ границъ Каппадокіи, Коммагенѣ объявилъ себя независимымъ сатрапъ Птолемей, на противолежащемъ берегу Эвфрата въ сѣверной Месопотаміи или въ округѣ Осроэны — князь эдесскій, въ важной провинціи Мидіи — сатрапъ Тимархъ; этотъ послѣдній даже добился отъ римскаго сената признанія своей независимости и, опираясь на союзную Арменію, распространилъ свое владычество на югъ вплоть до Селевкіи, что на Тигрѣ. Безпорядки этого рода были постояннымъ явленіемъ въ азіатскомъ царствѣ; провинціи, состоявшія подъ управленіемъ полунезависимыхъ или вполнѣ независимыхъ

кель-Израиль" и былъ помѣченъ годъ „святаго Іерусалима" или „избавленія Сіона". Такія-же монеты съ именемъ Симона, князя [Nesi] израильскаго, принадлежали не ему, а вождю инсургентовъ Бар-Кохбѣ, въ царствованіе Адріана.

сатраповъ, находились въ постоянномъ возстаніи; тоже можно сказать и о столицѣ, въ которой чернь походила своими буйствами и своимъ неповиновеніемъ на римскую и на александрійскую. Всѣ сосѣдніе цари — и египетскій и армянскій и каппадокійскій и пергамскій постоянно вмѣшивались во внутреннія дѣла Сирійцевъ и поддерживали распри о престолонаслѣдіи, такъ что междоусобныя войны и фактическое раздѣленіе верховной власти между двумя или нѣсколькими претендентами почти безпрестанно навлекали на страну новыя бѣдствія. Что касается римскаго протектората, то Римляне лишь подстрекали сосѣдей къ взаимной враждѣ или-же относились ко всему безъучастно. Кромѣ того, съ восточной стороны тѣснило новое пареянское царство, — тѣснило не только своей матеріальной силой, но и тѣмъ перевѣсомъ, который доставляли ему надъ иноземцами его національная религія, его національная армія и національныя государственныя учрежденія. Здѣсь было-бы неумѣстно описывать возрожденіе Кирова царства; пока достаточно будетъ напомнить, что какъ ни сильно было заражено пареянское царство эллинизмомъ, все таки въ сравненіи съ царствомъ Селевкидовъ оно опиралось на національную и религіозную реакцію и тамъ впервые стали одерживать верхъ надъ эллинизмомъ и старинный иранскій языкъ, и сословіе маговъ, и поклоненіе Миерѣ, и восточная система ленныхъ владѣній, и организація степной конницы, вооруженной лукомъ и стрѣлами. Въ сравненіи со всѣмъ этимъ, положеніе сирійскихъ царей было по-истинѣ жалкимъ. Нельзя сказать, чтобъ родъ Селевкидовъ дошолъ до такого-же нравственнаго безсилія, до какого напримѣръ дошолъ родъ Лагидовъ; у нѣкоторыхъ изъ его представителей не было недостатка ни въ личномъ мужествѣ ни въ способностяхъ; они иногда умѣли справляться то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ безчисленныхъ мятежниковъ, претендентовъ и вмѣшивавшихся въ ихъ дѣла сосѣдей; но ихъ верховная власть до такой степени была лишена всякой твердой опоры, что они не были въ состояніи прекратить анархію даже только временно. Результатъ этого былъ такой, какого слѣдовало ожидать. Восточныя владѣнія Сиріи подпали подъ владычество Пареянъ, потому что управлялись сатрапами или неспособными защищаться или нежелавшими подчиняться сирійскимъ царямъ; Персія, Вавилонія и Мидія были навсегда отдѣлены отъ сирійскаго царства; новое пареянское государство расширилось съ обѣихъ сторонъ великой степи отъ Окса и отъ Гиндукуша вплоть до Тигра и до аравійской степи; подобно персидскому царству и всѣмъ древнѣйшимъ азіатскимъ державамъ, оно было чисто-континентальнымъ государствомъ и также подобно персидскому царству находилось въ непрерывной враждѣ съ одной стороны съ туранскими племенами, съ другой стороны съ народами, жившими на западѣ. Кромѣ прибрежныхъ странъ, въ составъ сирійскаго государства входила по большей мѣрѣ

Месопотамія и оно навсегда исчезло изъ числа великихъ державъ еще не столько вслѣдствіе утраты своихъ владѣній, сколько вслѣдствіе своего внутренняго разложенія. Если Сирія и избѣгла не разъ угрожавшаго ей полнаго порабощенія Парѳянами, то она была этимъ обязана не сопротивленію со стороны послѣднихъ Селевкидовъ и никакъ не римскому вліянію, а многократнымъ внутреннимъ смутамъ въ самомъ парѳянскомъ царствѣ и главнымъ образомъ вторженіямъ туранскихъ степныхъ племенъ въ восточныя владѣнія Парѳянъ.

Вліяніе восточныхъ событій на западныя страны.

Эта перемѣна въ положеніи средне - азіатскихъ народовъ была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи древности. Послѣ прилива народовъ, до того времени направлявшагося съ запада на востокъ и имѣвшаго своимъ послѣднимъ и высшимъ представителемъ великаго Александра, наступилъ отливъ. Съ тѣхъ поръ, какъ возникло парѳянское государство, заглохли всѣ зачатки эллинизма, еще сохранявшіеся въ Бактріи и на Индѣ, и даже западный Иранъ снова вступилъ въ покинутую имъ за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, но еще не совершенно заглохшую колею. Римскій сенатъ отказывается отъ главныхъ существенныхъ результатовъ политики Александра и этимъ подаетъ сигналъ къ тому возвратному движенію, которое завершается постройкой гренадской Алгамбры и главной константинопольской мечети. Пока владѣтелю Антіохіи подчинялись всѣ страны отъ Рагъ и Персеполя до береговъ Средиземнаго моря, и римское владычество достигало окраинъ великой степи; но парѳянское государство никогда не могло поступить подъ протекторатъ господствовавшей на берегахъ Средиземнаго моря державы не потому, что оно было могущественно, а потому, что центръ его тяжести находился въ большомъ отдаленіи отъ береговъ этого моря, внутри Азіи. Со временъ Александра міръ принадлежалъ исключительно западнымъ народамъ, а востокъ, по видимому, долженъ былъ служить для этихъ народовъ тѣмъ-же, чѣмъ впослѣдствіи служили для Европейцевъ Америка и Австралія; но Митридатъ I снова ввелъ востокъ въ сферу политической жизни. Тогда судьбы міра снова оказались въ рукахъ двухъ властелиновъ.

Владычество на моряхъ.

Намъ еще остается обратить вниманіе на владычество на моряхъ, хотя объ этомъ предметѣ намъ извѣстно немного болѣе того, что въ ту пору уже не существовало ни одной морской державы. Карѳагенъ былъ разрушенъ. Сирійскій военный флотъ былъ уничтоженъ въ исполненіе заключеннаго съ Римомъ договора. Когда-то столь могущественный египетскій военный флотъ пришолъ въ совершенный упадокъ при тогдашнихъ нерадивыхъ правителяхъ Египта. У мелкихъ государствъ и въ особенности у торговыхъ городовъ было по нѣскольку вооруженныхъ парусныхъ судовъ, но этихъ морскихъ силъ было недостаточно для столь труднаго на Средиземномъ морѣ прекращенія морскихъ разбоевъ.

Морскіе разбои.

Обязанность прекратить эти разбои

неизбѣжно падала на Римъ, какъ на державу, господствовавшую на берегахъ Средиземнаго моря. За сто лѣтъ передъ тѣмъ, Римляне взялись за это дѣло съ благотворной энергіей и положили начало своему преобладанію на востокѣ именно благодаря тому, что завели для общей пользы дѣятельную морскую полицію (томъ I, стр. 547); напротивъ того, совершенное безсиліе этой полиціи, обнаружившееся еще въ началѣ описываемаго періода, свидѣтельствуетъ о страшно-быстромъ упадкѣ аристократической системы управленія. Римъ уже не имѣлъ собственнаго флота, а въ случаѣ надобности ограничивался тѣмъ, что требовалъ военныхъ кораблей отъ италійскихъ, мало-азіатскихъ и нѣкоторыхъ другихъ приморскихъ городовъ. Натуральнымъ послѣдствіемъ этого было то, что ремесло морскихъ разбойниковъ получило правильную организацію и прочность. Чтобъ подавить его, конечно, еще принимались нѣкоторыя не вполнѣ достаточныя мѣры въ сферѣ непосредственнаго владычества Римлянъ, на моряхъ Адріатическомъ и Тирренскомъ. Экспедиціи, которыя направлялись въ теченіе этой эпохи къ берегамъ Далмаціи и Лигуріи, имѣли цѣлію именно подавленіе морскаго разбойничества на обоихъ италійскихъ моряхъ; съ такою-же цѣлію были заняты въ 631 году 123
Балеарскіе острова (стр. 18). Напротивъ того, на моряхъ, омывавшихъ берега Мавританіи и Греціи, предоставлялось мѣстнымъ жителямъ и морякамъ справляться съ корсарами какъ умѣютъ, потому что римская политика твердо держалась правила какъ можно менѣе создавать себѣ заботъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Страдавшія отъ внутренней неурядицы и обанкротившіяся общины предоставленныхъ самимъ себѣ приморскихъ государствъ, натурально, стали служить притонами для морскихъ разбойниковъ; въ особенности въ Азіи было не мало такихъ притоновъ. Всего хуже было въ этомъ отношеніи то, чтó дѣлалось на ост- Критъ.
ровѣ Критѣ, который, благодаря своему выгодному географическому положенію и слабости или нерадѣнію западныхъ и восточныхъ державъ, былъ единственной изъ всѣхъ греческихъ колоній, сохранившей свою независимость; конечно и тамъ появлялись римскія коммиссіи, но онѣ дѣлали тамъ еще менѣе дѣла, даже чѣмъ въ Сиріи и въ Египтѣ. Судьба предоставила Критянамъ свободу, какъ будто, только для того, чтобъ доказать, къ чему вела независимость Эллиновъ. Это было наводившее ужасъ зрѣлище. Старинную дорійскую строгость общинныхъ порядковъ замѣнила тамъ, точно такъ-же какъ и въ Тарентѣ, безпутная демократія, а рыцарскій духъ населенія превратился въ склонность къ дикому буйству и въ жажду грабежа; даже одинъ почтенный Эллинъ свидѣтельствовалъ о томъ, что только на островѣ Критѣ не считалось позорнымъ то, чтó приноситъ прибыль, и еще апостолъ Павелъ съ одобреніемъ цитировалъ слова одного критскаго стихотворца: «Критяне всегда лжецы,

злые звѣри, утробы лѣнивыя».*) Несмотря на миролюбивыя усилія Римлянъ, непрерывныя междоусобныя войны на такъ называвшемся въ старину, «островѣ ста городовъ» превращали въ груды развалинъ одинъ цвѣтущій городъ вслѣдъ за другимъ. Жители этихъ разоренныхъ городовъ блуждали, занимаясь разбоями, на родинѣ и на чужбинѣ, на сушѣ и на морѣ; островъ сдѣлался для окружавшихъ его государствъ центромъ вербовки наемниковъ съ тѣхъ поръ, какъ безобразія этого рода болѣе не допускались въ Пелопоннессѣ, и превратился въ настоящій притонъ пиратовъ; такъ напримѣръ, около того времени островъ Сифносъ былъ совершенно ограбленъ критскими корсарами. Родосъ, и безъ того уже неспособный оправиться отъ утраты его владѣній на материкѣ и отъ нанесенныхъ его торговлѣ ударовъ (томъ 1, стр. 770), истощалъ свои послѣднія силы въ войнахъ, которыя былъ принужденъ предпринимать про-
150 тивъ Критянъ для прекращенія морскихъ разбоевъ (около 600 года), а Римляне хотя и пытались принимать на себя въ этихъ случаяхъ роль посредниковъ, но дѣйствовали безъ всякой энергіи и, какъ кажется, безъ всякаго успѣха.

Киликія. На-ряду съ Критомъ и Киликія скоро сдѣлалась вторымъ притономъ для пиратовъ, а этому содѣйствовало не одно безсиліе сирійскихъ верховныхъ владѣтелей: узурпаторъ Діодотъ Трифонъ,
146—139 возвысившійся изъ рабскаго званія до сирійскаго престола (608—615), надѣялся упрочить за собою верховную власть при помощи пиратовъ и потому всѣми средствами поддерживалъ ихъ въ ихъ главномъ гнѣздѣ—въ гористой или западной Киликіи. Такъ какъ пираты занимались болѣе всего ловлей рабовъ и ихъ продажей, а сношенія съ ними были вслѣдствіе того очень прибыльны, то къ нимъ относились съ нѣкоторой терпимостью даже александрійскіе, родосскіе и делосскіе торговцы, и даже правительства принимали въ этой терпимости по меньшей мѣрѣ пассивное участіе. Зло сдѣ-
143 лалось настолько серьознымъ, что около 611 года сенатъ отправилъ въ Александрію и въ Сирію самого способнаго изъ своихъ членовъ, Сципіона Эмиліана, съ порученіемъ на мѣстѣ разузнать, къ какимъ мѣрамъ слѣдовало-бы прибѣгнуть. Но дипломатическія внушенія Римлянъ не придали силы слабымъ правительствамъ; не было никакого другаго средства, какъ постоянно содержать на тѣхъ моряхъ флотъ, а на это у римскаго правительства не достало ни энергіи, ни послѣдовательности. Поэтому все осталось по-старому: флотъ пиратовъ по прежнему былъ единственною значительною морскою силой на Средиземномъ морѣ, а захватъ людей въ рабство былъ единственнымъ процвѣтавшимъ тамъ промысломъ. Римское правительство ни во что не мѣшалось; но римскіе торговцы, которые

*) Посланіе къ Титу, 1, 12. [Прим. перев.]

были самыми солидными покупателями невольниковъ, вели на островѣ Делосѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ дѣятельныя и дружественныя дѣловыя сношенія съ начальниками пиратовъ, какъ съ самыми значительными оптовыми торговцами по этой части.

Общіе выводы.

Мы прослѣдили въ ея главныхъ чертахъ перемѣну, происшедшую во внѣшнихъ сношеніяхъ Рима и въ римско-эллинскомъ мірѣ въ промежутокъ времени между битвой при Пиднѣ и эпохой Гракховъ и на всемъ пространствѣ отъ береговъ Тахо и Баграды до береговъ Нила и Эвфрата. Захватывая въ свои руки верховную власть надъ этимъ римско-эллинскимъ міромъ, Римъ брался за великую и трудную задачу, которая не была совершенно имъ непонята, но осталась вовсе неразрѣшенной. Передовые люди слѣдующаго поколѣнія ясно сознавали несбыточность преобладавшаго во времена Катона намѣренія ограничить римское государство италійской территоріей, а внѣ Италіи властвовать посредствомъ протектората, и ясно сознавали необходимость замѣнить этотъ протекторатъ непосредственнымъ римскимъ владычествомъ безъ нарушенія свободы общинъ. Но вмѣсто того, чтобъ вводить эти новые порядки рѣшительно, быстро и повсюду равномѣрно, они присоединяли къ римскимъ владѣніямъ то одну, то другую страну, или пользуясь благопріятной для того минутой, или изъ прихоти, или по какимъ нибудь побочнымъ соображеніямъ, или просто вслѣдствіе случайности; поэтому состоявшія подъ римскимъ протекторатомъ государства бо́льшею частію оставались въ своемъ прежнемъ невыносимомъ двусмысленномъ положеніи, или же—какъ напримѣръ Сирія, — совершенно высвободились изъ-подъ римскаго вліянія. Да и система римскаго управленія все болѣе и болѣе погрязала въ малодушномъ и недальновидномъ эгоизмѣ. Считалось достаточнымъ управлять со дня на день и сбывать съ рукъ только самыя необходимыя текущія дѣла. Съ тѣми, кто былъ слабъ, поступали строго,—такъ напримѣръ, когда одинъ изъ
вольныхъ городовъ Каріи, Милаза, прислалъ консулу 623 года, Публію Крассу, для устройства осадной машины не такое бревно, какое требовалось, то городской старшина былъ за это наказанъ розгами,—а Крассъ былъ вовсе не дурной человѣкъ и строго соблюдалъ законы. 121
Напротивъ того, строгости не видно было тамъ, гдѣ она была-бы совершенно умѣстна, какъ напримѣръ въ обхожденіи съ жившими вблизи отъ римскихъ границъ варварами и съ пиратами. Центральное правительство устранялось отъ руководительства и отъ надзора во всемъ, что касалось провинціальныхъ дѣлъ, совершенно предоставляя на произволъ намѣстниковъ не только интересы римскихъ подданныхъ, но даже интересы государства. Совершавшіяся въ Испаніи событія не имѣли сами по себѣ большаго значенія, но были очень поучительны въ этомъ отношеніи. Тамъ, менѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ, правительство могло

ограничиваться ролью простаго зрителя; однако тамошніе намѣстники попирали ногами международное право и долго волочили въ грязи честь римскаго имени, то совершая неслыханныя вѣроломства, то нарушая самымъ наглымъ образомъ капитуляціи и договоры, то приказывая убивать римскихъ подданныхъ и замышляя умерщвленіе непріятельскихъ вождей; мало того, — тамъ даже предпринимались и заключались мирные договоры наперекоръ ясно выраженной волѣ высшихъ римскихъ властей, а такіе незначительные факты, какъ непокорность жителей Нуманціи, разростались въ опасныя для государства катастрофы вслѣдствіе страннаго сочетанія безразсудства съ безчестностью. И за все это виновные даже не подвергались въ Римѣ лишь сколько нибудь серьозному наказанію. При замѣщеніи самыхъ важныхъ должностей и при разрѣшеніи самыхъ важныхъ политическихъ вопросовъ, не только все зависѣло отъ взаимныхъ симпатій или отъ соперничества между различными сенатскими партіями, но и золото иноземныхъ династовъ стало оказывать свое вліяніе на римскихъ правителей. Первымъ, кто съ успѣхомъ попытался подкупить римскій сенатъ, былъ, какъ разсказываютъ, посолъ
164 сирійскаго царя Антіоха Эпифана, († 590), Тимархъ; полученіе вліятельными сенаторами подарковъ отъ иноземныхъ царей скоро сдѣлалось такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, что всѣ были удивлены, когда Сципіонъ Эмиліанъ внесъ въ военную казну дары, полученные имъ отъ сирійскаго царя въ лагерѣ подъ Нуманціей. Вообще было отложено въ сторону старинное воззрѣніе, что наградой за власть служитъ только сама власть и что она столько же долгъ и бремя, сколько право и преимущество. Такимъ образомъ возникла новая система государственнаго хозяйства, отказавшаяся отъ обложенія гражданъ налогами; въ замѣнъ этого она считала подданныхъ за доходную статью общины и частію эксплуатировала ихъ въ пользу всей общины, частію предоставляла эксплуатировахъ ихъ гражданамъ; при управленіи провинціями правительство не только съ преступнымъ потворствомъ предоставляло полный просторъ для безпощадной жадности римскихъ торговцевъ къ деньгамъ, но даже устраняло ихъ торговыхъ соперниковъ военными силами государства, такъ что самые богатые города сосѣднихъ государствъ были отданы на жертву не варварству властолюбцевъ, а еще гораздо болѣе гнусному варварству спекуляторовъ. Съ уничтоженіемъ старинной военной организаціи, безъ сомнѣнія, налагавшей на гражданство тяжелыя жертвы, государство само себя лишило главной опоры, такъ какъ этой опорой служило для него только его военное могущество. Флотъ совершенно пересталъ существовать, а сухопутная армія была приведена въ неимовѣрное разстройство. Охрана азіатскихъ и африканскихъ границъ была возложена на подданныхъ, а охрана границъ италійскихъ, македонскихъ и испанскихъ, отъ которой ни-

какъ нельзя было отдѣлаться, оставлялась въ самомъ непростительномъ пренебреженіи. Люди высшихъ классовъ общества стали такъ рѣдко поступать въ военную службу, что для испанскихъ армій было трудно набирать достаточное число офицеровъ. Въ виду постоянно усиливавшагося отвращенія къ военной службѣ и въ особенности къ военной службѣ въ Испаніи, и въ виду пристрастія, которое обнаруживалось въ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ при наборѣ рекрутъ, правительство было вынуждено отказаться въ 602 152
году отъ своего стараго обыкновенія предоставлять на личное усмотрѣніе офицеровъ выборъ необходимаго числа солдатъ изъ людей, обязанныхъ нести военную службу, и въ замѣнъ этого ввело вынимачіе жребія,—но это не подняло военнаго духа общины и отъ этого не увеличилась боевая способность отдѣльныхъ частей арміи. Вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать съ надлежащей строгостью, власти старались угождать народной толпѣ и въ томъ, что касалось военной службы: такъ напримѣръ, когда одинъ изъ консуловъ, исполняя свой долгъ, приказалъ произвести строгій наборъ рекрутъ для военной службы въ Испаніи, то трибуны воспользовались своимъ законнымъ правомъ подвергнуть его аресту (603,616); а ранѣе уже было упо- 151 138
мянуто о томъ, что сенатъ рѣшительно отказалъ Сципіону въ дозволеніи набирать рекрутъ для войны съ Нуманціей. Уже настало такое время, когда стоявшія подъ Карѳагеномъ и подъ Нуманціей римскія арміи напоминали о тѣхъ сирійскихъ арміяхъ, въ которыхъ хлѣбопеки, повара, актеры и разные другіе невоенные люди были вчетверо многочисленнѣе настоящихъ солдатъ,—когда римскіе генералы немногимъ уступали своимъ карѳагенскимъ коллегамъ въ искуствѣ губить армію, когда всѣ войны какъ въ Африкѣ, такъ и въ Испаніи, какъ въ Македоніи, такъ и въ Азіи, постоянно начинались пораженіями, когда умерщвленіе Гнея Октавія обходили молчаніемъ, когда умерщвленіе Виріаѳа считалось мастерскимъ дѣломъ римской дипломатіи, а завоеваніе Нуманціи замѣчательнымъ военнымъ подвигомъ. О томъ, что у Римлянъ уже совершено заглохло понятіе о народной и о личной чести, свидѣтельствуетъ съ эпиграмматической колкостью статуя раздѣтаго и связаннаго Манцина, которую онъ самъ воздвигнулъ себѣ въ Римѣ, въ знакъ того, что гордился своимъ патріотическимъ самоотверженіемъ. Куда ни посмотришь, вездѣ замѣтенъ быстрый упадокъ какъ внутреннихъ силъ Рима, такъ и его внѣшняго могущества. Территорія, пріобрѣтенная неоднократно возобновлявшейся гигантской борьбой, не только не расширилась въ эту мирную эпоху, но даже начинала ускользать изъ рукъ. Всемірнаго владычества трудно достигнуть, но его еще труднѣе сохранить; первую изъ этихъ задачъ исполнилъ римскій сенатъ, а вторая была ему не по силамъ.

ГЛАВА II.

Волненія, вызванныя реформой, и Тиберій Гракхъ.

Римская система управленія до временъ Гракховъ.

Послѣ битвы при Пиднѣ, римское государство пользовалось при цѣломъ поколѣніи самымъ глубокимъ внутреннимъ спокойствіемъ, которое мѣстами нарушалось лишь слегка; его владѣнія распространялись на три части свѣта; блескъ римскаго могущества и слава римскаго имени постоянно возрастали; всѣ взоры были устремлены на Италію, куда стекались всѣ таланты и всѣ богатства; тамъ по-видимому, наступило золотое время мирнаго благосостоянія и духовныхъ жизненныхъ наслажденій. Восточные жители того времени съ удивленіемъ разсказывали другъ другу о могущественной западной республикѣ, которая «покорила ближнія и дальнія царства, внушала страхъ всякому, кто слышалъ ея имя, но съ друзьями и съ тѣми, кто искалъ ея покровительства, жила въ добромъ согласіи. Такъ велико было могущество Римлянъ; однако никто изъ нихъ не надѣвалъ на свою говову короны и никто не чванился своимъ пурпуровымъ одѣяніемъ; они назначали на одинъ годъ правителя, которому повиновались, и не было между ними ни зависти, ни раздоровъ».

Упадокъ усиливается.

Такъ казалось издали; но вблизи все представлялось въ иномъ видѣ. Владычество аристократіи прямо вело къ уничтоженію того, что было имъ самимъ создано. Нельзя сказать, чтобъ сыновья и внуки побѣжденныхъ при Каннахъ и побѣдителей при Замѣ нисколько не были похожи на своихъ отцовъ и дѣдовъ; не засѣдавшіе въ сенатѣ люди измѣнились, а иныя времена настали. Гдѣ ограниченное число старинныхъ родовъ съ прочно-обезпеченнымъ богатствомъ и съ наслѣдственнымъ политическимъ вліяніемъ правитъ страной, тамъ эти роды будутъ, въ минуту опасности, такъ-же упорно-послѣдовательны въ своихъ дѣйствіяхъ и такъ-же способны къ геройскому самопожертвованію, какъ во времена внутренняго спокойствія будутъ недальновидны, эгоистичны и нерадивы,—причины того

и другаго заключаются въ отличительныхъ особенностяхъ наслѣдственности и коллегіальности. Зародышъ болѣзни существовалъ уже давно, но для его развитія нужна была теплота солнечныхъ лучей. Въ вопросѣ Катона, что́ будетъ съ Римомъ, когда ему нечего будетъ опасаться никакой другой державы, заключался глубокій смыслъ. Римъ уже достигъ такого положенія: каждый изъ сосѣдей, которыхъ можно-бы было бояться, былъ политически уничтоженъ, а изъ тѣхъ людей, которые были воспитаны при старыхъ порядкахъ въ суровой школѣ Аннибаловскихъ войнъ и отъ которыхъ до ихъ глубокой старости слышался отголосокъ той великой эпохи, смерть уносила одного вслѣдъ за другимъ, пока голосъ послѣдняго изъ нихъ — престарѣлаго Катона не умолкъ и въ сенатѣ и на городской площади. Люди новаго поколѣнія стали во главѣ управленія, и ихъ политика была горькимъ отвѣтомъ на тотъ вопросъ стараго патріота. Какой оборотъ приняли въ ихъ рукахъ управленіе подданными и внѣшняя политика, только-что́ было нами разсказано. Въ томъ, что́ касается внутренняго управленія, государственный корабль былъ еще болѣе прежняго предоставленъ на произволъ вѣтровъ; если подъ внутреннимъ управленіемъ разумѣть нѣчто болѣе сложное, чѣмъ очистку текущихъ дѣлъ, то можно сказать, что въ Римѣ вовсе не занимались въ ту пору дѣлами управленія. Единственной руководящей мыслію властвовавшей корпораціи было охраненіе и по возможности расширеніе присвоенныхъ его привилегій. Не государство имѣло право призывать на свою высшую должность самаго способнаго и самаго достойнаго человѣка, а каждому изъ членовъ аристократической клики принадлежало наслѣдственное право на высшую государственную должность, — право, котораго не могли у него отнять ни несправедливая конкурренція другихъ членовъ того-же сословія, ни захватъ со стороны лицъ, не допускавшихся въ аристократическую сферу. Поэтому главными политическими цѣлями клики были запрещеніе повторительныхъ избраній въ консулы и устраненіе «новыхъ людей»; она дѣйствительно добилась около 603 года законнаго ограниченія 151
повторительныхъ избраній *) и стала ставить во главѣ управленія

---

*) Въ 537 году было пріостановлено, на все время войны въ Италіи [стало быть до 551 года), дѣйствіе закона, ограничивавшаго повторительныя избранія въ званіе консуловъ [томъ 1, стр. 786; Ливій, 27, 6]. Но послѣ смерти Марцелла въ 546 году, повторительныя избранія въ консулы [если не считать отказавшихся отъ своей должности, консуловъ 592 года] происходили только въ 547, 554, 560, 579, 585, 586, 591, 596, 599 и 602 годахъ, — стало быть, они случались въ теченіе этихъ пятидесяти-шести лѣтъ не чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ десятилѣтній промежутокъ времени между 401 и 410 годами. Только одно изъ этихъ повторительныхъ избраній, и именно послѣднее, состоялось съ нарушеніемъ десятилѣтняго промежутка времени [томъ 1, стр. 310], а странное избраніе бывшаго въ

ничтожныхъ людей знатнаго происхожденія. И бездѣйствіе правительства во всемъ, что касалось внѣшнихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, находилось въ связи съ этой политикой аристократіи, старавшейся устранять отъ управленія простыхъ гражданъ и относившейся съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ изъ членовъ своего собственнаго сословія. Такъ какъ у незнатныхъ людей не было другихъ дворянскихъ грамотъ, кромѣ ихъ подвиговъ, то не было другаго лучшаго средства закрывать имъ доступъ въ высшія сферы аристократіи, какъ лишая ихъ возможности совершать какіе либо подвиги; для тогдашнихъ дюжинныхъ правителей былъ-бы неудобнымъ человѣкомъ даже аристократическій завоеватель Сиріи или Египта.

Попытки реформы. Постоянныя уголовныя коммиссіи.

Впрочемъ и тогда уже не было недостатка въ оппозиціи, а эта оппозиція даже дѣйствовала не безуспѣшно. Въ отправленіи правосудія были введены улучшенія. Административный надзоръ надъ провинціальными должностными лицами, въ томъ видѣ, какъ имъ занимался сенатъ или самъ или въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезъ посредство экстраординарныхъ коммиссій, былъ, очевидно, недостаточенъ; то было для всей общественной жизни римской общины
149 очень богатое послѣдствіями нововведеніе, что въ 605 году была составлена, по предложенію Луція Калпурнія Пизона, постоянная сенаторская коммиссія (quaestio ordinaria) для разсмотрѣнія судебнымъ порядкомъ жалобъ, которыя подавались провинціальными жителями на вымогательства со стороны поставленныхъ надъ ними римскихъ властей. Кромѣ того, оппозиція старалась высвободить

Тайная подача голосовъ.

комиціи изъ-подъ могущественнаго вліянія аристократіи. И римская демократія считала за универсальное спасительное средство тайную подачу голосовъ на сходкахъ гражданъ, которая была введена сначала
139 для выбора должностныхъ лицъ Габиніевскимъ закономъ (615),
137 потомъ для народныхъ судовъ Кассіевскимъ закономъ (617) и наконецъ для утвержденія законопроэктовъ Папиріевскимъ закономъ

Исключеніе сенаторовъ изъ всадническихъ центурій.

(623).—Вскорѣ послѣ того (около 625 года) народное постановленіе обязало сенаторовъ отдавать, при вступленіи въ сенатъ, ихъ всаднческихъ коней и такимъ образомъ отказаться отъ своихъ преимуществъ при подачѣ голосовъ въ восемнадцати всадническихъ центуріяхъ (томъ 1, стр. 782). Эти мѣры, клонившіяся къ эманципаціи избирателей отъ господствовавшаго сословія, быть можетъ, были по мнѣнію предлагавшей ихъ партіи первымъ шагомъ къ воз-

588 и въ 599 годахъ консуломъ, Марка Марцелла въ третій разъ консуломъ на 602 годъ [ближайшія подробности этого избранія намъ неизвѣстны], безъ сомнѣнія, послужило поводомъ для легальнаго воспрещенія всякихъ повторительныхъ избраній [Ливій, Ep. 56]; это тѣмъ болѣе правдоподобно, что законопроэктъ въ этомъ смыслѣ былъ поддержанъ Катономъ [стр. 55, изд. Іордана] и, стало быть, былъ внесенъ ранѣе 605 года.

рожденію государства; но на самомъ дѣлѣ и ничтожество и зависимость легально-высшаго органа римской общины нисколько отъ того не измѣнились, и даже сдѣлались съ тѣхъ поръ еще болѣе очевидными. Точно такъ-же съ виду блестящимъ, а въ сущности безплоднымъ успѣхомъ было формальное признаніе независимости и самодержавности гражданства, выразившееся въ перенесеніи гражданскихъ сходокъ съ прежняго сборнаго мѣста у сенатскаго зданія на городскую площадь (окого 609 года).

145 **Общинные выборы.**

Но эта борьба формальнаго народнаго самодержавія съ фактически существовавшими общественными порядками была въ значительной мѣрѣ только кажущейся. Въ блестящихъ и трескучихъ фразахъ, на которыя обыкновенно не скупятся политическія партіи, не было недостатка, но въ практической сферѣ едва-ли можно было усмотрѣть признаки самого существованія такихъ партій. Въ теченіе всего седьмаго столѣтія ежегодные общинные выборы на гражданскія должности, въ особенности на должности консуловъ и цензоровъ, постоянно возбуждали самый живой интересъ и на нихъ преимущественно сосредоточивалась политическая агитація; но только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ различныя кандидатуры были воплощеніемъ противоположныхъ политическихъ принциповъ, а въ большинствѣ случаевъ избраніе того или другаго кандидата было чисто-личнымъ вопросомъ и для хода общественныхъ дѣлъ было совершенно безразлично, за кого высказалось большинство избирателей—за кандидата изъ рода Цециліевъ или за кандидата изъ рода Корнеліевъ. Такимъ образомъ недоставало именно того, что дѣлаетъ сносной и плодотворной во многихъ отношеніхъ вредную борьбу политическихъ партій, — недоставало свободнаго и дружнаго стремленія народныхъ массъ къ тому, въ чемъ онѣ видятъ благую цѣль; съ вредомъ этой борьбы тѣмъ не менѣе всѣ уживались, только доставляя этимъ пищу для мелочныхъ интригъ господствовавшихъ кликъ.—Римскимъ аристократамъ было сравнительно не трудно выступать на общественное поприще въ званіи квесторовъ и народныхъ трибуновъ, но достиженіе званій консульскаго и цензорскаго было и для нихъ сопряжено съ большими и многолѣтними усиліями. Призовъ было много, но такихъ, изъ-за которыхъ стоило состязаться, было мало; по выраженію одного римскаго поэта, борцы устремлялись впередъ по такой аренѣ, которая постоянно мало по малу съуживалась. Такъ и было на самомъ дѣлѣ, пока занятіе общественныхъ должностей дѣйствительно было тѣмъ, чѣмъ оно называлось—«почетомъ», и пока даровитые полководцы, политики и законовѣды состязались между собою изъ-за пріобрѣтенія лестнаго почетнаго вѣнка; но теперь фактическая замкнутость знати отняла у конкуренціи всякую пользу, оставивъ только ея невыгоды. Молодые люди изъ властвовавшихъ семействъ стали тѣсниться на политическомъ поприщѣ, а ихъ нетерпѣливое и незрѣлое честолюбіе скоро стало прибѣгать, лишь

за немногими исключеніями, къ болѣе цѣлесообразнымъ средствамъ, чѣмъ плодотворная дѣятельность на общую пользу. Сильныя связи сдѣлались главнымъ условіемъ для успѣховъ на общественномъ поприщѣ; поэтому политическая карьера начиналась не такъ, какъ было прежде, не въ военномъ лагерѣ, а въ прихожихъ вліятельныхъ людей. Прежде только кліенты и вольноотпущенники съ ранняго утра являлись къ своему господину для того, чтобъ прислуживать ему, и появлялись публично въ его свитѣ; а теперь то-же стали дѣлать новые высоко-рожденные кліенты. Однако, и чернь—важный баринъ; она также требуетъ, чтобъ ей воздавали должное. Простолюдины стали требовать, какъ чего-то имъ подобающаго по праву, чтобъ будущій консулъ признавалъ и чтилъ самодержавный народъ въ каждомъ уличномъ оборванцѣ и чтобъ каждый кандидатъ во время своего обхода (ambitus) привѣтствовалъ каждаго избирателя по имени и жалъ ему руку. Знатные люди охотно соглашались на такое унизительное выпрашиваніе должностей. Серьезный кандидатъ низкопоклонничалъ не только во дворцахъ, но и на улицѣ, и заискивалъ расположенія народной толпы умильными взглядами, любезностями и тонкою или грубою лестью. Требованія реформъ и народовластія заявлялись для того, чтобъ пріобрѣтать извѣстность и снискивать расположеніе публики, а достигали они своей цѣли тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе были направлены не противъ существующихъ порядковъ, а противъ отдѣльныхъ личностей. Между безбородыми юношами знатнаго происхожденія, желавшими съ блескомъ выступить на сцену общественной дѣятельности, вошло въ обыкновеніе разыгрывать роль Катоновъ со всей незрѣлой горячностью ихъ ребяческаго краснорѣчія и въ силу ихъ собственнаго полновластія выступать при всякомъ удобномъ случаѣ публичными обвинителями противъ высокопоставленныхъ и непопулярныхъ людей; такимъ образомъ, имъ дозволялось превращать важныя учрежденія уголовной юстиціи и политической полиціи въ орудія для достиженія должностей. Устройство или—что еще хуже—обѣщаніе великолѣпныхъ народныхъ увеселеній давно уже сдѣлалось какъ бы легальнымъ предварительнымъ условіемъ для достиженія консульскаго званія (томъ I, стр. 807), а теперь стали уже просто покупать голоса избирателей за деньги, какъ
159 объ этомъ свидѣтельствуетъ состоявшееся около 595 года запрещеніе подобныхъ подкуповъ. Едва-ли не самымъ худшимъ послѣдствіемъ такихъ постоянныхъ стараній властвовавшей аристократіи снискивать расположеніе толпы была невозможность совмѣщать роль просителей и льстецовъ съ тѣмъ положеніемъ, которое должны занимать правители по отношенію къ управляемымъ. Существованіе правительственной власти сдѣлалось не благодѣяніемъ для народа, а его бичемъ. Уже никто не осмѣливался въ крайнемъ случаѣ распоряжаться достояніемъ и кровью гражданъ для пользы отечества. Гражданству

не мѣшали свыкаться съ опаснымъ убѣжденіемъ, что оно по закону свободно отъ прямыхъ налоговъ, даже отъ такихъ, которые взыскиваются заимообразно; — послѣ войны съ Персеемъ отъ общины уже не требовали никакихъ податей. Правительство предпочло довести военное устройство до упадка, чѣмъ принуждать гражданъ къ ненавистной заморской военной службѣ; а о томъ, что̀ ожидало тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя пытались производить наборы рекрутъ по всей строгости законовъ, уже было говорено ранѣе (стр. 66).

Оптиматы и народники. Въ Римѣ того времени самымъ пагубнымъ образомъ совмѣщались зло, порождаемое выродившеюся олигархіей, и зло, порождаемое еще неразвившеюся, но уже сгнившею въ самомъ зародышѣ демократіей. Въ теченіе описываемаго періода впервые вошло въ обыкновеніе называть эти двѣ партіи «оптиматами» и «народниками»; первые старались осуществить желанія лучшихъ людей, а вторые—желанія общины; но на самомъ дѣлѣ въ тогдашнемъ Римѣ не было ни настоящей аристократіи, ни ясно сознававшей свои цѣли общины. Обѣ партіи боролись изъ-за призраковъ и состояли только изъ фанатиковъ или изъ лицемѣровъ. Обѣ онѣ были одинаково заражены политической гнилостью и на самомъ дѣлѣ были одинаково ничтожны. Обѣ онѣ должны были по необходимости поддерживать существующіе порядки, такъ какъ ни у той ни у другой не только не было никакого политическаго плана, но даже не было никакихъ политическихъ убѣжденій, которыя были-бы несовмѣстимы съ тѣми порядками; поэтому онѣ такъ хорошо уживались одна съ другой, что на каждомъ шагу сходились и въ своихъ цѣляхъ и въ средствахъ, къ которымъ прибѣгали, а причиной перехода отъ одной партіи на сторону другой бывала не перемѣна политическихъ убѣжденій, а перемѣна политической тактики. Республика, безъ сомнѣнія, была-бы въ выгодѣ, еслибы аристократія ввела въ замѣнъ гражданскихъ выборовъ просто наслѣдственную очередь, или еслибы демократія ввела настоящую демагогическую систему управленія. Но эти оптиматы и эти народники начала седьмаго столѣтія были такъ необходимы одни для другихъ, что никакъ не стали-бы бороться одни съ другими не на животъ, а на смерть; они не только не были въ состояніи другъ друга уничтожить, но даже еслибы могли, то не захотѣли-бы. Поэтому и политическій и нравственный фундаментъ республики все болѣе и болѣе расшатывался и она была на пути къ окончательному паденію.

Соціальный кризисъ. И такъ, тотъ кризисъ, которымъ началась римская революція, былъ вызванъ не этой ничтожной политической борьбой, а экономическими и соціальными порядками, въ которыхъ,—какъ и во всемъ остальномъ,—римское правительство не предпринимало никакихъ улучшеній и въ которыхъ поэтому могли безпрепятственно и съ страшною быстротою и силою развиваться уже давно бродившіе въ нихъ мі-

азмы. Для римскаго государственнаго хозяйства служили съ древнѣйшихъ временъ опорой тѣ два фактора, которые вѣчно стараются уживаться другъ съ другомъ, но вѣчно живутъ во взаимной враждѣ— крестьянское хозяйство и денежное. Это послѣднее, вступивъ въ самый тѣсный союзъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, вело въ теченіе нѣскольких столѣтій войну противъ крестьянства, которая, повидимому, должна была привести къ совершенному уничтоженію мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, а вслѣдъ затѣмъ и къ упраздненію республиканскихъ учрежденій, но была прервана, не достигнувъ окончательной развязки, счастливыми войнами и открывшеюся вслѣдствіе этихъ войнъ возможностью раздавать государственныя земли въ огромныхъ размѣрахъ и щедрою рукой. Уже было ранѣе разсказано (томъ I, стр. 833—839), что въ то самое время, когда возобновилась старинная борьба между патриціями и плебеями, выступившими на сцену подъ новыми названіями, и накопившіеся въ громадныхъ размѣрахъ капиталы стали готовить новое нападеніе на мелкія земледѣльческія хозяйства. Но на этотъ разъ былъ избранъ иной путь. Прежде, мелкаго пахаря разоряли займы, которые фактически низводили его до положенія управляющаго, назначеннаго его кредиторомъ; а теперь его сталъ давить гнетъ конкурренціи съ привозившимся изъ-за моря хлѣбомъ или съ тѣмъ, который добывался руками рабовъ. Но съ теченіемъ времени и Римляне сдѣлали шагъ впередъ: теперь капиталъ велъ войну противъ труда, то есть противъ личной свободы, натурально, какъ и всегда — въ самой строгой законной формѣ, но уже не такимъ неприличнымъ способомъ, что обремененный долгами вольный человѣкъ превращался въ раба, а руками пріобрѣтенныхъ законнымъ путемъ и оплачиваемыхъ за свой трудъ невольниковъ; такимъ образомъ, прежній столичный ростовщикъ выступалъ въ соотвѣтствовавшей духу времени роли промышленника-плантатора. Обѣ системы привели къ однимъ и тѣмъ-же окончательнымъ результатамъ — къ пониженію цѣнности италійскихъ мелкихъ земледѣльческихъ участковъ, къ вытѣсненію мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ крупными сначала въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, а потомъ и въ Италіи, къ предпочтительному занятію крупныхъ землевладѣльцевъ скотоводствомъ, разведеніемъ маслинъ и винодѣліемъ и, въ заключеніе, къ замѣнѣ вольныхъ работниковъ рабами какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. Новая привиллегированная знать была потому опаснѣе патриціата, что отъ нея уже нельзя было отдѣлаться, какъ отъ этого послѣдняго, путемъ измѣненій въ государственныхъ учрежденіяхъ; точно такъ и это новое могущество капиталистовъ было потому опаснѣе ихъ прежняго могущества въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ, что отъ него нельзя было уберечься путемъ измѣненія земскихъ законовъ.

Рабство Прежде, чѣмъ мы попытаемся описать ходъ этой второй великой

борьбы между трудомъ и капиталомъ, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно сущности и объема рабовладѣльческаго хозяйства. Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло уже не съ той старинной и въ нѣкоторомъ отношеніи невинной системой преобладанія, при которой земледѣлецъ воздѣлывалъ свое поле вмѣстѣ съ своимъ невольникомъ, а если у него было такъ много земли, что онъ самъ не былъ въ состояніи ее обработывать, то ставилъ этого невольника во главѣ отдѣльнаго хутора, или въ званіи управляющаго или съ обязательствомъ уплачивать извѣстную часть прибыли, какъ бы возводя его въ званіе арендатора (томъ I, стр. 190); такія отношенія между рабовладѣльцемъ и рабомъ существовали во всѣ времена (такъ напримѣръ, въ окрестностяхъ города Комо они были общимъ правиломъ еще во времена имперіи), но они встрѣчались въ качествѣ исключеній изъ общаго правила только въ нѣкоторыхъ особенно счастливыхъ мѣстностяхъ и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе отличалось особенной мягкостью. Здѣсь будетъ итти рѣчь о той системѣ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства, которая развилась въ римскомъ государствѣ, точно такъ-же какъ когда-то въ карѳагенскомъ, изъ чрезмѣрнаго могущества капиталистовъ. Между тѣмъ какъ въ прежнія времена для пополненія убыли рабовъ было достаточно захвата военно-плѣнныхъ и наслѣдственности рабскаго званія, напротивъ того новое рабовладѣльческое хозяйство было основано, точь въ точь какъ въ Америкѣ, на систематической травлѣ людей; причиной этого было то, что при новомъ способѣ пользоваться невольничьимъ трудомъ, мало заботились и о сохраненіи жизни рабовъ и объ ихъ естественномъ размноженіи, что вслѣдствіе этого ряды рабовъ постоянно рѣдѣли и что этой убыли не могли пополнять даже войны, постоянно доставлявшія на невольничій рынокъ новыя массы плѣнниковъ. Ни одна страна, гдѣ водилась эта привлекательная для охотниковъ дичь, не избавилась отъ такой травли людей; даже въ Италіи вовсе не было неслыханнымъ дѣломъ, чтобъ какой нибудь свободный бѣднякъ былъ зачисленъ своимъ хозяиномъ въ разрядъ рабовъ. Но настоящей страною Негровъ того времени была передняя Азія *), гдѣ критскіе и киликійскіе корсары, спеціально промышлявшіе травлей людей и торговлей невольниками, опустошали берега Сиріи и греческіе острова, а соперничавшіе съ ними откупщики податныхъ сборовъ устроивали въ вассальныхъ государствахъ травлю людей и включали своихъ плѣнниковъ въ число своихъ рабовъ; все это дѣлалось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что царь Виѳиніи

и его послѣдствія.

*) И въ ту пору уже высказывалось мнѣніе, что тамошняя раса отличается необыкновенной способностью выносить матеріальныя лишенія и потому особенно пригодна для рабства. Еще Плавтъ [Trin. 542] хвалилъ „сирійскую расу, которая способнѣе всякой другой выносить лишенія“.

100 заявилъ около 650 года о невозможности доставить требуемыя отъ него вспомогательныя войска, потому что всѣ годные къ работѣ люди были уведены изъ его владѣній откупщиками податныхъ сборовъ. На большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ, гдѣ мало-азіатскіе торговцы невольниками сбывали свой товаръ италійскимъ спекуляторамъ, было, какъ разсказываютъ, высажено утромъ на берегъ около 10.000 рабовъ, а къ вечеру того-же дня всѣ эти рабы уже были проданы,—это доказываетъ, что рабы продавались огромными массами, но что спросъ на нихъ все таки превышалъ предложеніе. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Говоря о римскомъ хозяйствѣ шестаго столѣтія, мы уже замѣтили, что и оно, —какъ вообще всякое крупное хозяйство у древнихъ народовъ,—было основано на невольничьемъ трудѣ (томъ 1, стр. 828 и сл., 842). За чтó бы ни бралась спекуляція, для нея всегда служилъ орудіемъ человѣкъ, легально-низведенный на одинъ уровень со скотомъ. Ремеслами занимались бóльшею частію рабы, а прибыль получалъ господинъ. Въ нисшихъ слояхъ населенія государственныя подати собирались рабами, принадлежавшими тѣмъ компаніямъ, которыя брали эти подати на откупъ. Руками рабовъ разработывались рудники, производилась гонка дегтя и велись разныя другія предпріятія; очень рано вошло въ обыкновеніе отправлять цѣлыя стада невольниковъ въ испанскія рудокопни, гдѣ ихъ охотно принимали и хорошо оплачивали. Уборка винограда и маслинъ производилась въ Италіи не жившими въ имѣніи работниками, а сдавалась по договору рабовладѣльцамъ. Присмотръ за скотомъ обыкновенно возлагался на рабовъ; мы уже ранѣе (томъ 1, стр. 834) упоминали о тѣхъ вооруженныхъ рабахъ, которые пасли стада на обширныхъ италійскихъ пастбищахъ и не рѣдко снабжались верховыми лошадьми, а точно такой-же способъ вести пастбищное хозяйство скоро сдѣлался и въ провинціяхъ любимымъ предметомъ римской спекуляціи; такъ напри-
155 мѣръ, лишь только была завоевана Далмація (599), какъ римскіе капиталисты уже начали заводить тамъ пастбищное хозяйство, по италійскому обыкновенію, въ широкихъ размѣрахъ. Но еще гораздо вреднѣе во всѣхъ отношеніяхъ было введеніе настоящей плантаторской системы, то есть воздѣлыванія полей цѣлыми массами невольниковъ, которые нерѣдко бывали заклеймены горячимъ желѣзомъ, и которые съ кандалами на ногахъ работали днемъ въ полѣ подъ надзоромъ смотрителя, а на ночь запирались всѣ вмѣстѣ въ тюрьмѣ, нерѣдко помѣщавшейся подъ землею. Эта плантаторская система была занесена въ Карѳагенъ съ востока (томъ 1, стр. 486) и, какъ кажется, именно Карѳагенянами была введена въ Сициліи, гдѣ, вѣроятно, по этой причинѣ плантаторское хозяйство развилось и раньше и полнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ римскихъ

владѣній *). Леонтинская территорія, которая заключала въ себѣ около 30.000 югеровъ пахатной земли и, въ качествѣ римскаго государственнаго имущества (томъ 1, стр. 616), была роздана цензорами въ аренду, оказалась, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ эпохи Гракховъ, раздѣленной между неболѣе чѣмъ 84 арендаторами; стало быть на каждаго изъ этихъ арендаторовъ приходилось среднимъ числомъ по 360 югеровъ и всѣ они, за исключеніемъ только одного леонтинскаго уроженца, были иноземцы,—бо́льшею частію римскіе спекуляторы. Отсюда видно, съ какимъ рвеніемъ римскіе спекуляторы шли тамъ по стопамъ своихъ предшественниковъ и какія крупныя аферы съ сицилійскимъ рогатымъ скотомъ и съ добытымъ руками сицилійскихъ невольниковъ хлѣбомъ предпринимались тамъ и римскими и не римскими спекуляторами, усѣявшими прекрасный островъ своими пастбищами и плантаціями. Италія была еще покуда избавлена отъ этой худшей изъ всѣхъ формъ рабовладѣльческаго хозяйства. Хотя и въ ту пору, по всему вѣроятію, существовали рабочія тюрьмы въ Этруріи, гдѣ плантаторская система, какъ кажется, была введена ранѣе, чѣмъ въ остальной Италіи, и гдѣ она уже существовала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ лѣтъ сорокъ спустя, но италійское полевое хозяйство велось въ то время преимущественно при помощи свободныхъ работниковъ или по меньшей мѣрѣ не закованныхъ въ кандалы рабовъ, причемъ самыя крупныя работы сдавались по договорамъ подрядчикамъ. Различіе между положеніемъ рабовъ въ Италіи и положеніемъ рабовъ въ Сициліи ясно видно изъ того факта, что въ возстаніи
сицилійскихъ рабовъ (619—622) не приняли участія только рабы 135—132
мамертинской общины, съ которыми обходились такъ-же мягко какъ и съ италійскими рабами.

Бездна страданій и горя, которую раскрываетъ передъ нами этотъ самый гнусный изъ всѣхъ видовъ пролетаріата, можетъ быть измѣрена только тѣмъ, у кого достанетъ духа проникнуть своимъ взоромъ до самой ея глубины; нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что въ сравненіи съ страданіями римскихъ рабовъ всѣ страданія негровъ были ничтожны. Но намъ предстоитъ описать не столько бѣдственное положеніе невольниковъ, сколько тѣ опасности, которымъ оно подвергало римское государство, и тѣ мѣры, которыя принимались римскимъ правительствомъ для устраненія этихъ золъ. Само собою ясно, что не римское правительство создало этотъ пролета-

*) И извращенное греческое названіе рабочаго дома [ergastulum отъ ἐργάζομαι, по аналогіи со stabulum, operculum] указываетъ на то, что этотъ способъ веденія хозяйства былъ заимствованъ Римлянами изъ такой страны, гдѣ былъ въ употребленіи греческій языкъ, и въ такую пору, когда къ Римлянамъ еще не проникла греческая культура.

ріатъ и что оно не было въ состояніи прекратить его существованіе, такъ какъ для этого пришлось-бы прибѣгать къ такимъ цѣлительнымъ средствамъ, которыя были бы пагубнѣе самой болѣзни. На правительствѣ только лежала обязанность съ одной стороны устранять, при помощи хорошо-организованной полиціи, ту непосредственную опасность для жизни и собственности членовъ государства, которою угрожалъ имъ невольничій пролетаріатъ, а съ другой стороны какъ можно болѣе стѣснять развитіе этого пролетаріата путемъ покровительства свободному труду. Посмотримъ, какъ выполнила эти двѣ задачи римская аристократія.

Возстаніе невольниковъ.

О томъ, какъ дѣйствовала полиція, свидѣтельствуютъ повсюду составлявшіеся между невольниками заговоры и повсюду вспыхивавшія невольническія войны. Въ Италіи, повидимому, возобновились такіе-же внутренніе безпорядки, какіе были непосредственнымъ послѣдствіемъ войны съ Аннибаломъ (томъ 1, стр. 854); пришлось
133 арестовать и казнить въ столицѣ за одинъ разъ 150 рабовъ, въ Минтурнахъ 450, а въ Синуэссѣ даже 4000 (621). Положеніе дѣлъ въ провинціяхъ, понятно, было еще хуже. На большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ и въ серебряныхъ рудникахъ въ Аттикѣ пришлось, почти въ то-же самое время, разгонять возмутившихся рабовъ силою оружія. Война съ Аристоникомъ и съ его мало-азіатскими «Геліополитами» была въ сущности войною собственниковъ съ возставшими рабами (стр. 53).

Первая война съ сицилійскими невольниками.

Натурально, еще хуже было положеніе дѣлъ въ обѣтованной землѣ плантаторовъ — въ Сициліи. Разбойничество уже давно сдѣлалось тамъ постояннымъ зломъ, въ особенности внутри страны; оно наконецъ приняло размѣры настоящаго возстанія. Одинъ богатый плантаторъ изъ города Энны (Castrogiovanni), по имени Дамофилъ, соперничавшій съ италійскими рабовладѣльцами въ искусствѣ извлекать доходы изъ своего живаго капитала, былъ убитъ своими, доведенными до ожесточенія, пахатными рабами; вслѣдъ за тѣмъ эта дикая шайка устремилась въ городъ Энну и стала совершать тамъ такіе же подвиги только въ большихъ размѣрахъ. Рабы стали массами возставать противъ своихъ господъ, которыхъ или убивали или заставляли исполнять рабскую работу, и поставили во главѣ своей уже довольно значительной арміи чудотворца изъ сирійской Апамеи, который умѣлъ глотать огонь, произносить оракульскія изреченія и, бывши рабомъ, назывался Эвномъ, а теперь, въ званіи вождя инсургентовъ, сталъ называться царемъ Сирійцевъ Антіохомъ. И почему-бы ему не называться такимъ именемъ? Вѣдь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ другой сирійскій рабъ, даже не бывшій пророкомъ, носилъ въ самой Антіохіи діадему Селевкидовъ (стр. 63). Состоявшій при новомъ царѣ, храбрый «полководецъ», сирійскій невольникъ Ахей, сталъ бродить по всему острову и не только дикіе

пастухи стали стекаться подъ его еще никѣмъ невиданныя знамена изъ ближнихъ и изъ дальнихъ мѣстъ, но даже свободные работники, изъ желанія зла плантаторамъ, стали дѣйствовать за-одно съ возмутившимися рабами. Этому примѣру послѣдовалъ въ другой части Сициліи киликійскій рабъ Клеонъ, прежде отличавшійся на своей родинѣ дерзкими разбоями; онъ занялъ Акрагантъ, а такъ какъ оба вождя стали дѣйствовать за-одно, то имъ и удалось, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ, совершенно разбить состоявшую бо́льшею частію изъ сицилійскихъ милицій, армію претора Луція Гипсея и завладѣть его лагеремъ. Тогда весь островъ подпалъ подъ власть инсургентовъ, число которыхъ доходило, —по самымъ умѣреннымъ расчетамъ, —до 70.000 годныхъ для военной службы людей; Римляне были вынуждены отправлять въ теченіе трехъ лѣтъ (620—622) въ Сицилію и консуловъ и консульскія арміи; наконецъ, послѣ многихъ нерѣшительныхъ и даже частію неудачныхъ сраженій, имъ удалось завладѣть Тавроменіемъ и Энною и этимъ положить конецъ возстанію. Консулы Луцій Калпурній Пизонъ и Публій Рупилій простояли два года передъ Энной, такъ какъ въ этомъ неприступномъ городѣ укрылись самые энергичные инсургенты, рѣшившіеся защищаться такъ, какъ защищаются люди, для которыхъ нѣтъ надежды ни на спасеніе, ни на помилованіе; они наконецъ овладѣли городомъ не столько силою оружія, сколько при содѣйствіи голода *). 134—132

Таковы были результаты дѣятельности той охранительной полиціи, которая въ Италіи и въ провинціяхъ была въ распоряженіи римскаго сената и назначавшихся имъ должностныхъ лицъ. Чтобъ совершенно уничтожить пролетаріатъ, правительства должны употреблять въ дѣло всѣ свои силы и всю свою мудрость, и все таки слишкомъ часто не достигаютъ своей цѣли; но сдерживать пролетаріевъ полицейскими мѣрами сравнительно не трудно ни для какого большаго государства. То было-бы счастіемъ для государствъ, еслибы неимущія массы угрожали имъ только такой опасностью, какой можно ожидать отъ медвѣдей и отъ волковъ; только алармистъ или тотъ, кто извлекаетъ выгоды изъ безразсуднаго страха передъ народной толпой, можетъ предсказывать гибель гражданскихъ учрежденій среди возстаній невольниковъ или пролетаріевъ. Но римское правительство не съумѣло выполнить даже самой легкой изъ двухъ задачъ, —не съумѣло сдерживать угнетенную массу, не смотря на полное внутреннее спокойствіе и на неисчерпаемые государственные рессурсы. Это было доказательствомъ его слабости, —но и не одной только

*) Подлѣ Кастроджіованни, тамъ, гдѣ подъемъ менѣе крутъ, до сихъ поръ еще нерѣдко находятъ римскія метательныя ядра съ именемъ консула 621 года: L. Piso L. f. cos. [Луцій Пизонъ, сынъ Луція, консулъ].

слабости. Римскіе намѣстники были по закону обязаны пещись о безопасности на большихъ дорогахъ, а пойманныхъ разбойниковъ, если это были рабы, распинать на крестѣ, — и это было вполнѣ естественно, такъ какъ существованіе рабства возможно только при такой системѣ управленія, которая способна держать людей въ повиновеніи страхомъ. Если разбои усиливались на большихъ дорогахъ, то намѣстники иногда устроивали въ Сициліи облавы; но, чтобъ не ссориться съ италійскими плантаторами, они обыкновенно отдавали пойманныхъ разбойниковъ ихъ господамъ, которые наказывали виновныхъ по своему личному усмотрѣнію, а эти господа были такіе экономные люди, что на просьбы своихъ невольниковъ-пастуховъ о снабженіи ихъ одеждой отвѣчали побоями и вопросомъ: да развѣ люди ѣздятъ по дорогамъ неодѣтыми? Послѣдствіемъ такой потачки было то, что послѣ подавленія невольническаго возстанія консулъ Публій Рупилій приказалъ распять на крестѣ всѣхъ, кто живымъ попался въ его руки, то есть болѣе 20.000 человѣкъ. Дѣйствительно, уже не было никакой возможности по прежнему щадить капиталистовъ.

Италійскіе земледѣльцы. Правительство могло-бы достигнуть несравненно болѣе полезныхъ результатовъ, если-бы постаралось поднять цѣну на вольный трудъ и тѣмъ стѣснило развитіе невольничьяго пролетаріата; но такая задача представляла громадныя трудности и правительство ровно ничего не сдѣлало въ этомъ отношеніи. Во время перваго соціальнаго кризиса, владѣльцамъ помѣстьевъ было закономъ предписано употреблять для воздѣлыванія земли вольныхъ работниковъ въ опредѣленномъ числѣ, соотвѣтствовавшемъ числу работниковъ изъ рабовъ (томъ 1, стр. 294). А теперь, для пользы и для назиданія италійскихъ спекуляторовъ, было переведено, по распоряженію правительства, на латинскій языкъ пуническое сочиненіе о земледѣліи (томъ 1, стр. 496), безъ сомнѣнія рекомендовавшее плантаторскую систему по кареагенскому образцу, — это былъ первый и единственный примѣръ литературнаго предпріятія по почину римскаго сената! Такая-же тенденція обнаружилась въ другомъ болѣе важномъ дѣлѣ или, вѣрнѣе, въ жизненномъ для Рима вопросѣ — въ системѣ колонизаціи. Не нужно было никакой особой мудрости, а нужно было только не позабывать подробностей перваго соціальнаго кризиса для того, чтобъ понимать, что единственное серьозное предохранительное средство отъ земледѣльческаго пролетаріата заключается въ широкой и правильно-организованной системѣ выселенія (томъ 1, стр. 302), — а внѣшнее положеніе Рима представляло самыя благопріятныя для того условія. До самаго конца шестаго столѣтія правительство старалось противодѣйствовать постоянно усиливавшемуся упадку мелкаго землевладѣнія, непрерывно раздавая хлѣбопашцамъ новые участки (томъ 1, стр. 813). Но оно дѣлало это

не въ такомъ размѣрѣ, какъ было можно и должно; не только не
были отобраны у частныхъ людей казенныя земли, занятыя ими съ
давнихъ временъ (томъ 1, стр. 266), но имъ по прежнему дозво-
лялось занимать вновь пріобрѣтенныя государствомъ земли; и дру-
гія поступившія въ государственную собственность земли, какъ на-
примѣръ территорія Капуи, хотя и не были предоставлены подъ
оккупацію, но и не были розданы землепашцамъ, а сдавались въ
аренду на правахъ временнаго пользованія. Все-таки надѣлы землей
имѣли благодѣтельныя послѣдствія: они были для многихъ спасе-
ніемъ отъ крайней нужды и всѣмъ внушали надежду. Однако послѣ
основанія Луны (577) долгое время не замѣтно никакихъ призна- 177
ковъ дальнѣйшей раздачи земельныхъ участковъ; единственнымъ
исключеніемъ было основаніе пиценской колоніи Ауксимума (Osimo)
въ 597 году. Причину этого не трудно понять. Съ тѣхъ поръ, какъ 157
были покорены Бойи и Апуанцы, Римъ уже не пріобрѣталъ въ Ита-
ліи никакихъ новыхъ владѣній кромѣ непривлекательныхъ долинъ
Лигуріи; поэтому нечего было раздавать, кромѣ сданныхъ въ аренду
или отошедшихъ подъ оккупацію казенныхъ земель, а всякое по-
сягательство на эти земли, понятно, было-бы въ то время такъ-
же непріятно для аристократіи, какъ и за триста лѣтъ передъ тѣмъ.
Раздавать земли, пріобрѣтенныя внѣ Италіи, считалось невозмож-
нымъ по политическимъ соображеніямъ, потому что Италія должна была
оставаться господствующей страной и считалось необходимымъ не
уничтожать преграду, которая отдѣляла италійскихъ властителей отъ
подвластнаго провинціальнаго населенія. А такъ какъ римскіе пра-
вители не хотѣли отказываться ни отъ высшихъ политическихъ со-
ображеній, ни отъ своихъ сословныхъ интересовъ, то имъ не оста-
валось ничего другаго, какъ безучастно взирать на гибель италій-
скихъ землепашцевъ; такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Капиталисты
по прежнему скупали мелкіе земельные участки, а если встрѣчали со-
противленіе со стороны владѣльцевъ этихъ участковъ, то захватывали
чужія владѣнія и безъ купчихъ крѣпостей, при чемъ, конечно, не всегда
кончалось дѣло мирно: самый обыкновенный въ этихъ случаяхъ
пріемъ заключался въ томъ, что когда землепашецъ былъ въ полѣ
на работѣ, капиталистъ выгонялъ его жену и дѣтей изъ дому и
принуждалъ его быть сговорчивымъ, опираясь на теорію совершив-
шагося факта. Владѣльцы помѣстьевъ по прежнему держали пре-
имущественно не вольныхъ работниковъ, а рабовъ уже по той при-
чинѣ, что эти послѣдніе не могли быть призваны на военную службу,—
а вслѣдствіе этого свободные пролетаріи низводились по своему бѣд-
ственному положенію на одинъ уровень съ рабами. Владѣльцы по-
мѣстьевъ по прежнему продавали на столичномъ рынкѣ по самой
ничтожной цѣнѣ хлѣбъ, который добывался въ Сициліи невольнич-
имъ трудомъ; такимъ образомъ они вытѣсняли съ этого рынка ита-

лійскій хлѣбъ и роняли его цѣну на всемъ полуостровѣ. Въ Эт-
руріи, старинная туземная аристократія, дѣйствовавшая за-одно съ
234 римскими капиталистами, еще въ 520 году довела дѣло до того, что тамъ
уже вовсе не было вольныхъ хлѣбопашцевъ. На столичномъ рынкѣ
уже слышались такія рѣчи, что у дикихъ звѣрей есть логовища,
а у гражданъ не осталось ничего, кромѣ воздуха и солнечнаго свѣта,
и что тѣ, кого называютъ властителями міра, уже не могутъ на-
звать ни одного клочка земли своей собственностью. Комментаріемъ къ
этимъ словамъ служили цензовые списки римскаго гражданства. Отъ
159 окончанія Аннибаловской войны до 595 года число гражданъ по-
стоянно возростало, что̀ объясняется главнымъ образомъ непре-
кращавшимися и значительными раздачами казенныхъ земель (томъ
159 1, стр. 854); напротивъ того съ 595 года, когда насчитывалось
328.000 годныхъ для военной службы гражданъ, оказывается по-
154 стоянное пониженіе этой цифры; такъ напримѣръ въ спискѣ 600
года значилось 324.000 способныхъ къ военной службѣ гражданъ,
147 131 въ спискѣ 607 года—322000, въ спискѣ 623 года—319.000;—
это былъ грозный фактъ для такой эпохи, когда и внутри и внѣ
государства господствовало полное спокойствіе. Если-бы долѣе такъ
продолжалось, то гражданство распалось бы на плантаторовъ и на
рабовъ и римскому государству, въ концѣ концевъ, пришлось-бы,—по-
добно тому, что̀ дѣлалось у Пареянъ,—покупать для себя солдатъ на
невольничьемъ рынкѣ.

Помыслы о реформѣ. Въ такомъ положеніи находились внѣшнія и внутреннія дѣла Рима,
когда это государство вступило въ седьмое столѣтіе своего существова-
нія. Куда ни обращались взоры, повсюду бросались въ глаза злоупот-
ребленія и упадокъ; всякому здравомыслящему и благонамѣренному
человѣку навязывался вопросъ: нельзя-ли принять какія нибудь
мѣры, чтобъ исправить зло? Въ такихъ людяхъ не было недостатка
въ Римѣ; но, повидимому, ни одинъ изъ нихъ не могъ-бы взяться
за великое дѣло политической и соціальной реформы такъ же ус-
Сципіонъ Эмиліанъ. пѣшно, какъ любимый сынъ Эмилія Павла и пріемный внукъ ве-
ликаго Сципіона, носившій славное прозвище Африканскаго не только
по наслѣдству отъ дѣда, но и по своимъ личнымъ заслугамъ, —
184—129 какъ Публій Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ (570—625). Подобно сво-
ему отцу, онъ былъ человѣкъ сдержанный, на всё смотрѣвшій гла-
зами благоразумія, никогда не знавшій никакихъ болѣзней и ни-
когда не колебавшійся въ виду необходимости принять энергическое
рѣшеніе. Въ своей юности онъ не придерживался обыкновенія на-
чинать политическую карьеру, таскаясь по прихожимъ вліятельныхъ
сенаторовъ и произнося напыщенныя рѣчи по судебнымъ дѣламъ.
Онъ очень любилъ охоту: отличившись, семнадцати-лѣтнимъ юно-
шей, въ походѣ противъ Персея подъ начальствомъ своего отца,
онъ испросилъ себѣ въ награду дозволеніе поохотиться въ паркѣ

македонскихъ царей, куда не проникалъ ни одинъ охотникъ въ теченіе четырехъ лѣтъ; но всего охотнѣе онъ посвящалъ свои досуги занятіямъ научнымъ и литературнымъ. Благодаря заботливости своего отца, онъ въ ранней молодости получилъ то настоящее греческое образованіе, которое стояло гораздо выше безвкуснаго подражанія Эллинамъ, составлявшаго отличительную особенность вульгарной культуры; своей дѣльной и мѣткой оцѣнкой того, что́ было въ греческой жизни и хорошаго и дурнаго, и своими благородными манерами этотъ Римлянинъ умѣлъ снискать уваженіе и при дворахъ восточныхъ царей и даже среди насмѣшливыхъ Александрійцевъ. Его эллинизмъ сказывался главнымъ образомъ въ тонкой ироніи его публичныхъ рѣчей и въ классической чистотѣ его латинскаго языка. Хотя онъ и не былъ писателемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, однако онъ, подобно Катону, записывалъ свои политическія рѣчи, которыя считались позднѣйшими учеными за образцы мастерской прозы и ставились ими наравнѣ съ письмами его пріемной сестры, матери Гракховъ; онъ любилъ окружать себя греческими и римскими учеными, хотя это плебейское общество было совсѣмъ не по вкусу тѣмъ изъ его сенатскихъ сотоварищей, у которыхъ не было никакихъ другихъ правъ на отличіе, кромѣ ихъ знатнаго происхожденія. Онъ былъ нравственно-стойкимъ и надежнымъ человѣкомъ, на честное слово котораго полагались и его друзья и его враги; онъ не занимался ни постройками, ни спекуляціями и велъ простой образъ жизни; поэтому въ денежныхъ дѣлахъ онъ не только былъ честенъ и безкорыстенъ, но даже отличался такой деликатностью и такой щедростью, которыя казались очень странными при общей склонности его современниковъ къ коммерческимъ предпріятіямъ. Онъ былъ и хорошимъ солдатомъ и способнымъ военачальникомъ: изъ африканской экспедиціи онъ воротился домой съ почетнымъ вѣнкомъ, который обыкновенно давали тѣмъ, кто спасалъ погибавшихъ гражданъ, подвергая опасности свою собственную жизнь, а кампанію, которую онъ началъ въ званіи офицера, онъ окончилъ въ званіи главнокомандующаго; но обстоятельства не доставили ему удобнаго случая испытать свои дарованія полководца на дѣйствительно трудныхъ задачахъ. Подобно своему отцу, Сципіонъ не родился геніемъ, — что́ доказываетъ его пристрастіе къ Ксенофонту, который былъ посредственнымъ полководцемъ и лишь ненарушавшимъ грамматическихъ правилъ писателемъ; но Сципіонъ былъ прямодушнымъ и честнымъ человѣкомъ и ему скорѣе чѣмъ всякому другому, какъ казалось, слѣдовало остановить начинавшееся разложеніе введеніемъ органическихъ реформъ. Тѣмъ болѣе странно, что онъ не попытался за это взяться. Правда, онъ старался, гдѣ и какъ могъ, пресѣкать злоупотребленія и въ особенности заботился объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ. Главнымъ образомъ благодаря его со-

дѣйствію, удалось даровитому и отличавшемуся старинною строгостью нравовъ и честностью, Луцію Кассію провести,—несмотря на самое сильное сопротивленіе оптиматовъ,—свой законопроэктъ о порядкѣ голосованія, вводившій тайную подачу голосовъ въ народные суды, которые все еще обнимали самую важную часть уголовной юрисдикціи (стр. 70). Въ своей молодости онъ не произносилъ ребяческихъ обвинительныхъ рѣчей, но въ своихъ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ привлекъ нѣсколькихъ наиболѣе виновныхъ аристократовъ къ отвѣтственности передъ судомъ. Дѣйствуя въ томъ же духѣ, когда командовалъ арміей передъ Карѳагеномъ и передъ Нуманціей, онъ выгналъ женщинъ и поповъ за ворота лагеря, а разнузданную солдатчину снова заставилъ подчиниться желѣзному гнёту старинной дисциплины; бу-
142 дучи цензоромъ (612), онъ изгналъ изъ большаго свѣта молодежь, гладко обстригавшую свои бороды и носившую манжеты, и въ строгихъ выраженіяхъ убѣждалъ гражданъ держаться честнаго образа жизни предковъ. Но для всѣхъ,—а для него еще болѣе, чѣмъ для кого-либо,—было ясно, что усиленіе строгости при отправленіи правосудія и нѣкоторыя отдѣльныя улучшенія вовсе не были даже первымъ шагомъ къ исцѣленію тѣхъ недуговъ, которыми страдало государство. Этихъ недуговъ Сципіонъ и не касался. Его старый другъ, бывшій его политическимъ руководителемъ и наперсникомъ,
140 Гай Лелій (консулъ 614 года) задумалъ отобрать еще нерозданныя, а только временно поступившія подъ оккупацію италійскія казенныя земли и употребить ихъ на поддержаніе видимо-приходившаго въ упадокъ италійскаго земледѣльческаго сословія; но онъ отказался отъ намѣренія предложить такую мѣру, когда увидѣлъ, какую она могла бы вызвать бурю, и за это былъ прозванъ «мудрымъ». И Сципіонъ былъ того-же мнѣнія. Онъ ясно сознавалъ всю громадность зла, а въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ подвергнуть опасности только самого себя, онъ дѣйствовалъ рѣшительно съ достойнымъ уваженія мужествомъ и безъ всякаго лицепріятія; но онъ пришелъ къ убѣжденію, что его отечеству можно помочь только такою-же революціей, къ какой привелъ въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ вопросъ о реформѣ, и онъ основательно или неосновательно полагалъ, что такое цѣлебное средство было бы хуже самой болѣзни. Поэтому онъ вмѣстѣ съ небольшимъ кружкомъ своихъ друзей не примыкалъ ни къ аристократамъ, которые никогда ему не простили заступничества за Кассіевскій законопроэктъ, ни къ демократамъ, которыхъ онъ и не могъ и не хотѣлъ вполнѣ удовлетворить,—и прожилъ онъ въ одиночествѣ, а послѣ смерти былъ превозносимъ обѣими партіями, то какъ передовой аристократъ, то какъ поборникъ реформы. До его времени, цензоры, при сложеніи съ себя должности, молили боговъ о дарованіи государству еще большаго могущества и славы, а цензоръ Сципіонъ молилъ боговъ о сохраненіи государства въ цѣлости. Въ этомъ скорбномъ воззваніи заключался весь его символъ вѣры.

Но гдѣ недостало отваги у человѣка, два раза выводившаго римскую армію изъ глубокаго упадка на путь къ побѣдѣ, тамъ съ увѣренностью выступилъ для спасенія Италіи еще не прославившійся никакими подвигами юноша. Онъ назывался Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ (591—621). Его отецъ, носившій то же имя (консулъ 577, 591, цензоръ 585), былъ настоящимъ образцемъ римскаго аристократа. Публичныя игры, которыя онъ устроилъ въ бытность эдиломъ съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ частію на счетъ угнетенныхъ общинъ, навлекли на него тяжелое и заслуженное порицаніе со стороны сената (томъ 1, стр. 800); но своимъ вмѣшательствомъ въ гнусный процессъ противъ Сципіоновъ, которые были его личными врагами (томъ 1, стр. 747), онъ выказалъ свое рыцарское благородство и вмѣстѣ съ тѣмъ преданность къ собственному сословію, а его энергическія мѣры противъ вольноотпущенниковъ, въ бытность цензоромъ (томъ 1, стр. 817), свидѣтельствовали о консерватизмѣ его убѣжденій; сверхъ того, въ бытность намѣстникомъ провинціи Эбро (томъ 1, стр. 678), онъ оказалъ своему отечеству прочныя услуги своимъ мужествомъ и въ особенности своимъ правосудіемъ, а въ сердцахъ покореннаго народа оставилъ неизгладимую память, внушаемую уваженіемъ и любовью.—Его мать Корнелія была дочь побѣдителя при Замѣ, который выбралъ въ зятья своего бывшаго врага именно за то, что этотъ послѣдній такъ великодушно вступился за него; сама Корнелія была высокообразованная и очень умная женщина; послѣ смерти своего мужа, который былъ гораздо старше ея, она отклонила предложеніе египетскаго царя, просившаго ея руки, и воспитала своихъ троихъ дѣтей въ тѣхъ правилахъ, какія были ей внушены ея мужемъ и ея отцемъ. Старшій изъ ея двухъ сыновей, Тиберій, былъ добрый и благонравный юноша съ кроткимъ выраженіемъ глазъ и съ миролюбивымъ характеромъ; ему, повидимому, была предназначена отъ природы скорѣе всякая другая роль, чѣмъ роль агитатора народныхъ массъ. По своимъ связямъ и по своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ Сципіоновскому кружку, и вмѣстѣ съ братомъ и съ сестрой обладалъ такимъ же изящнымъ греческимъ и національнымъ образованіемъ, какимъ отличались всѣ члены этого кружка. Сципіонъ Эмиліанъ былъ и его двоюроднымъ братомъ и мужемъ его сестры; подъ начальствомъ Эмиліана, Тиберій участвовалъ, восемнадцати-лѣтнимъ юношей въ штурмѣ Карѳагена и за свою храбрость былъ награжденъ похвалами суроваго полководца и знаками военнаго отличія. То было вполнѣ естественно, что этотъ даровитый юноша усвоилъ со свойственной юношеству воспріимчивостью и горячностью господствовавшія въ его кружкѣ воззрѣнія на обветшалость всѣхъ частей государственнаго организма и въ особенности на необходимость улучшить положеніе италійскаго земледѣльческаго

Тиберій Гракхъ.

163—133

177 163 169

сословія; это было естественно тѣмъ болѣе потому, что не одна молодежь считала отступничество Лелія отъ его плана реформы не
143 благоразуміемъ, а слабостью. Аппій Клавдій, бывшій въ 611 году
136 консуломъ, а въ 618 цензоромъ, и принадлежавшій къ числу самыхъ вліятельныхъ въ сенатѣ людей, упрекалъ людей Сципіоновскаго кружка—со всею страстною горячностью, которая постоянно была отличительною чертою въ характерѣ Клавдіевъ, — за то, что они такъ скоро отказались отъ проэкта раздачи казенныхъ земель, а эти упреки, какъ кажется, были особенно язвительны вслѣдствіе того, что когда Аппій Клавдій добивался цензорства, у него были личныя столкновенія съ Сципіономъ Эмиліаномъ. Въ такомъ же смыслѣ высказывался тогдашній верховный жрецъ Публій Крассъ Муціанъ (стр. 54), который и въ сенатѣ и среди гражданства пользовался общимъ уваженіемъ и какъ человѣкъ и какъ ученый юристъ. Даже его братъ Публій Муцій Сцевола, заложившій въ Римѣ фундаментъ для научнаго законовѣдѣнія, повидимому, не принадлежалъ къ числу противниковъ задуманной реформы, а его мнѣніе было тѣмъ болѣе вѣско, что онъ до нѣкоторой степени стоялъ внѣ всякихъ партій. Такими же глазами смотрѣлъ на это дѣло побѣдитель Македонянъ и Ахеянъ, Квинтъ Метеллъ, котораго уважали еще нестолько за его военные подвиги, сколько за то, что онъ былъ образцемъ старинной строгости нравовъ какъ въ семейной жизни, такъ и въ общественной. Тиберій Гракхъ сблизился съ этими людьми, въ особенности съ Аппіемъ, на дочери котораго былъ женатъ онъ самъ, и съ Муціаномъ, на дочери котораго былъ женатъ его братъ; поэтому нисколько неудивительно, что у него зародилась мысль снова взяться за проэктъ реформы лишь только онъ достигнетъ такого общественнаго положенія, которое дастъ ему законное право иниціативы въ этомъ дѣлѣ. Быть можетъ, его укрѣпляли въ этомъ намѣреніи и нѣкоторые личные мотивы. Мирный
147 договоръ, который былъ заключенъ въ 617 году Манциномъ съ Нуманційцами, былъ въ сущности дѣломъ Гракха (стр. 14), а то обстоятельство, что сенатъ кассировалъ этотъ договоръ, что главнокомандующій былъ вслѣдствіе этого выданъ непріятелю, а Гракхъ вмѣстѣ съ другими высшими офицерами избѣгнулъ такой же участи только благодаря особой благосклонности гражданства, не могло смягчить нерасположенія, которое питалъ этотъ правдивый и гордый юноша къ властвовавшей аристократіи. Эллинскіе риторы, съ которыми онъ любилъ толковать о философіи и о политикѣ,—митиленскій уроженецъ Діофанъ, кумскій уроженецъ Гай Блоссій, поддерживали возникшій въ его умѣ замыселъ; когда его намѣренія получили нѣкоторую гласность, то многіе стали выражать ему свое сочувствіе, а иные стали публично обращаться къ внуку Африканскаго съ просьбой позаботиться о бѣдствующемъ народѣ и о спасеніи Италіи.

134 10 декабря 620 года Тиберій Гракхъ вступилъ въ должность народнаго трибуна. **Гракхъ выбранъ трибуномъ.** Пагубныя послѣдствія прежняго дурнаго управленія, выразившіяся въ политическомъ, военномъ, экономическомъ и нравственномъ упадкѣ гражданства, сдѣлались именно въ ту пору очевидными для всѣхъ. Изъ двухъ консуловъ того года, одинъ безуспѣшно сражался въ Сициліи съ возмутившимися рабами, а другой, Сципіонъ Эмиліанъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ занятъ не завоеваніемъ, а угнетеніемъ одного маленькаго испанскаго городка. Если нужна была особая пубудительная причина, чтобъ заставить Гракха перейти отъ замысла къ дѣлу, то этой причиной послужили вышеприведенные факты, возбуждавшіе въ душѣ каждаго патріота невыразимую тревогу. Тесть Гракха обѣщалъ поддерживать его и совѣтомъ и дѣломъ; сверхъ того можно было разсчитывать на содѣйствіе со стороны юриста Сцеволы, выбраннаго не задолго передъ тѣмъ въ консулы на 621 годъ. 133

Аграрные законъ. Поэтому, немедленно послѣ своего вступленія въ должность трибуна, Гракхъ предложилъ издать аграрный законъ, который былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ничѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ Лициновско-Секстіевскаго закона 387 года (томъ 1, стр. 294). 367 Предполагалось отобрать въ казну всѣ поступившія подъ оккупацію государственныя земли, находившіяся безвозмездно въ пользованіи ихъ владѣтелей (законопроэктъ не касался отданныхъ въ аренду земель, какъ напримѣръ капуанской территоріи) только съ тѣмъ ограниченіемъ, что всякій могъ удержать за собою въ постоянное и обезпеченное пользованіе 500 моргеновъ и на каждаго изъ своихъ сыновей по 250 моргеновъ, но въ общей сложности не болѣе 1000 моргеновъ или же могъ требовать въ замѣнъ ихъ другой земли. За сдѣланныя прежними владѣльцами улучшенія, какъ напримѣръ за возведенныя постройки и за плантаціи, какъ кажется, предполагалось выдать денежное вознагражденіе; отобранныя казенныя земли предполагалось раздѣлить на участки въ 30 моргеновъ и раздать эти участки частію гражданамъ, частію италійскимъ союзникамъ не въ качествѣ полной собственности, а въ качествѣ неотчуждаемой наслѣдственной аренды, и на новыхъ владѣльцевъ возложить обязанность воздѣлывать ихъ участки и вносить въ государственную казну умѣренную ренту. Отобраніе и раздѣленіе земель предполагалось возложить на коллегію изъ трехъ членовъ, которые причислялись къ разряду ординарныхъ и несмѣняемыхъ должностныхъ лицъ общины и должны были ежегодно избираться народнымъ собраніемъ; къ этимъ обязанностямъ была впослѣдствіи прибавлена важная и трудная обязанность легально разрѣшать, какая земля принадлежитъ казнѣ и какая составляетъ собственность частныхъ лицъ. Такимъ образомъ раздача земель была задумана на неопредѣленное время, пока не будетъ окончательно выясненъ за-

путанный вопросъ о дѣйствительномъ размѣрѣ обширныхъ италійскихъ казенныхъ земель. Семпроніевскій аграрный законопроэктъ отличался отъ Лициніевско-Секстіевскаго частію оговоркой въ пользу владѣльцевъ, оставляющихъ послѣ себя наслѣдниковъ, частію предположенной раздачей земельныхъ участковъ въ аренду и ихъ неотчуждаемостью, частію и главнымъ образомъ учрежденіемъ правильно организованной и постоянно дѣйствующей исполнительной власти, отсутствіе которой въ прежнемъ законопроэктѣ и было главной причиной того, что онъ остался безъ постояннаго практическаго примѣненія.

Такимъ образомъ была объявлена война крупнымъ землевладѣльцамъ, для которыхъ, точно такъ-же какъ и за триста лѣтъ передъ тѣмъ, служилъ главною опорой сенатъ, и снова повторилось давно небывалое явленіе, что одно должностное лице вступило въ серьозную борьбу съ аристократическимъ правительствомъ. Это правительство приняло вызовъ и начало борьбу издавна употреблявшимся въ подобныхъ случаяхъ способомъ—оно постаралось парализовать дѣятельность одного должностнаго лица дѣятельностью другаго (томъ 1, стр. 313). Товарищъ Гракха по званію трибуна, Маркъ Октавій, человѣкъ энергичный и глубоко убѣжденный въ негодности аграрнаго законопроэкта, заявилъ протестъ передъ поступленіемъ этого законопроэкта на голосованіе и этимъ способомъ легально устранилъ его. Тогда Гракхъ съ своей стороны пріостановилъ теченіе государственныхъ дѣлъ и отправленіе правосудія и наложилъ свои печати на государственныя кассы; но это была неважная бѣда, такъ какъ уже было не далеко до конца года. Растерявшійся Гракхъ вторично внесъ свой законопроэктъ на голосованіе; но Октавій, натурально, возобновилъ свой протестъ, а на настоятельныя мольбы своего сотоварища и бывшаго друга не препятствовать спасенію Италіи, былъ въ правѣ отвѣтить, что по вопросу о томъ, какимъ способомъ можно спасти Италію, мнѣнія расходятся, а его законное право налагать свое veto на предложенія своего сотоварища не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тогда сенатъ попытался открыть для Гракха удобный путь къ отступленію: два консуляра предложили Гракху обсудить это дѣло въ сенатѣ, на что трибунъ охотно согласился. Онъ попытался придать этому предложенію такой смыслъ, что сенатъ одобрялъ въ принципѣ проэктъ раздачи казенныхъ земель; но вовсе не таковъ былъ смыслъ сдѣланнаго ему предложенія и сенатъ вовсе не былъ расположенъ дѣлать какія либо уступки; поэтому переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Легальные способы уже были исчерпаны. Въ прежнія времена охотно оставили-бы законопроэктъ въ покоѣ до истеченія текущаго года, но потомъ стали-бы ежегодно снова вносить его на голосованіе, пока сопротивленіе не прекратилось бы въ виду основательности предъявленныхъ требованій и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Но те-

перь всякій спѣшилъ жить. Гракхъ полагалъ, что онъ уже достигъ такого пункта, что ему не оставалось ничего другаго, какъ отказаться отъ реформы или начать революцію; онъ выбралъ послѣднее: къ гражданамъ онъ обратился съ заявленіемъ, что или онъ долженъ быть устраненъ отъ званія трибуна или Октавій, а къ этому послѣднему онъ обратился съ требованіемъ предложить на рѣшеніе гражданъ вопросъ, котораго изъ нихъ они желаютъ уволить. Октавій, понятно, отказался отъ такого страннаго поединка; вѣдь право протеста и было предоставлено трибунамъ именно для того, чтобъ два сотоварища могли свободно высказывать такія противорѣчивыя убѣжденія. Тогда Гракхъ прервалъ переговоры съ своимъ сотоварищемъ и обратился къ собравшейся народной толпѣ съ вопросомъ, не утратилъ-ли право на свое званіе тотъ народный трибунъ, который дѣйствуетъ въ ущербъ народнымъ интересамъ; на этотъ вопросъ былъ данъ почти единогласный утвердительный отвѣтъ народнымъ собраніемъ, которое уже давно привыкло отвѣчать «да» на все, что ему предлагали, и которое состояло большею частію изъ пролетаріевъ-земледѣльцевъ, собравшихся толпами изъ деревень и лично заинтересованныхъ въ утвержденіи законопроэкта. Маркъ Октавій былъ, по приказанію Гракха, удаленъ ликторами со скамьи трибуновъ; вслѣдъ за тѣмъ аграрный законъ былъ утвержденъ среди всеобщаго ликованія и были выбраны первые коммиссары, на которыхъ лежала обязанность производить раздачу земель. Голоса были поданы въ пользу составителя законопроэкта, его двадцатилѣтняго брата Гайя и его тестя Аппія Клавдія. Такой выборъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному семейству, усилилъ раздраженіе аристократовъ. Когда новыя должностныя лица обратились, по обыкновенію, къ сенату съ просьбой объ ассигнованіи имъ денегъ на обзаведеніе и суточныхъ, то въ первыхъ имъ было отказано, а вторыя были ассигнованы въ размѣрѣ 24 ассовъ (10 грошей). Распря принимала все болѣе широкіе размѣры, становилась все болѣе ожесточенной и все болѣе принимала характеръ борьбы между личными интересами. Трудное и сложное дѣло отмежеванія, отобранія и распредѣленія казенныхъ земель вносило раздоръ въ каждую гражданскую общину и даже въ союзные италійскіе города.

Дальнѣйшіе замыслы Гракха.

Аристократія открыто заявляла, что она, быть можетъ, помирится съ введеніемъ новаго закона, если будетъ къ тому вынуждена, но что непризванный законодатель не избѣгнетъ ея мщенія, а заявленіе Квинта Помпея, что онъ возбудитъ уголовное преслѣдованіе противъ Гракха въ тотъ самый день, когда этотъ послѣдній сложитъ съ себя званіе трибуна, было далеко не самою опасною изъ угрозъ, сыпавшихся на трибуна. Гракхъ, вѣроятно, не безъ основанія полагалъ, что его жизни угрожаетъ опасность, и потому сталъ появляться на городской площади не иначе, какъ въ сопровождені

3—4000 человѣкъ, чѣмъ навлекъ на себя въ сенатѣ горькіе упреки даже со стороны Метелла, не принадлежавшаго къ числу противниковъ реформы. Онъ сначала думалъ, что съ утвержденіемъ его аграрнаго законопроэкта его цѣль была достигнута, а теперь ему пришлось убѣдиться, что онъ сдѣлалъ только первый шагъ къ разрѣшенію своей задачи. Онъ имѣлъ право на признательность «народа»; но его ожидала-бы неизбѣжная гибель, еслибы онъ не имѣлъ никакой другой опоры, кромѣ этой народной признательности, еслибы онъ не съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для этого народа и еслибы не сталъ привязывать къ себѣ людей новыми интересами и новыми надеждами, предъявляя еще болѣе широкія требованія. Именно въ ту пору къ Римлянамъ перешли и богатства и владѣнія Атталидовъ въ силу оставленнаго послѣднимъ пергамскимъ царемъ завѣщанія (стр. 53); Гракхъ предложилъ народу раздѣлить пергамскія сокровища между новыми землевладѣльцами для того, чтобъ снабдить ихъ необходимыми средстами на обзаведеніе, и сталъ утверждать, на перекоръ существовавшему обыкновенію, что гражданамъ принадлежитъ право окончательно распорядиться новой провинціей. Онъ, какъ утверждаютъ, приготовилъ еще нѣсколько популярныхъ законопроэктовъ — о сокращеніи срока службы, о расширеніи права протеста, объ отмѣнѣ привилегіи сенаторовъ исполнять обязанности присяжныхъ и даже о принятіи италійскихъ союзниковъ въ римскій гражданскій союзъ; трудно рѣшить, какъ далеко простирались его замыслы; положительно извѣстно только то, что Гракхъ считалъ за единственное средство спасенія свое вторичное избраніе на должность, служившую для него охраной, и что съ цѣлію добиться такого противозаконнаго продленія своихъ полномочій онъ обѣщалъ дальнѣйшія реформы. Если сначала онъ подвергалъ свою жизнь опасности для того, чтобъ спасти республику, то теперь ему приходилось подвергать опасности республику для того, чтобъ спасти самого себя. Округа собрались для избранія трибуновъ на слѣдующій годъ и первыя отдѣленія подали свои голоса за Гракха; но противная партія предъявила свой протестъ и по меньшей мѣрѣ достигла того, что собраніе разошлось, не окончивъ выборовъ и отложивъ окончательное рѣшеніе до слѣдующаго дня. Въ этотъ день Гракхъ употребилъ въ дѣло всѣ средства и дозволенныя закономъ и недозволенныя: онъ появился передъ народомъ въ траурной одеждѣ и поручилъ ему своего несовершеннолѣтняго сына; на случай, еслибы выборы снова были прерваны предъявленіемъ протеста, онъ приготовился силою прогнать приверженцевъ аристократіи со сборнаго мѣста передъ Капитолійскимъ храмомъ. Наконецъ насталъ второй день выборовъ; голоса были поданы такъ-же, какъ и наканунѣ, и снова былъ заявленъ протестъ; тогда произошла свалка. Граждане разбѣжались; избирательное собраніе было фактически закрыто; Ка-

Желаніе Гракха быть вторично избраннымъ въ трибуны.

питолійскій храмъ былъ запертъ; въ городѣ распространились разные толки: одни говорили, что Тиберій отставилъ всѣхъ трибуновъ отъ должности, другіе, что онъ рѣшился оставаться въ должности трибуна и безъ вторичнаго избранія.

Смерть Гракха.

Сенатъ собрался въ храмѣ богини Вѣрности рядомъ съ храмомъ Юпитера; самые ожесточенные враги Гракха держали рѣчь въ этомъ засѣданіи; когда Тиберій прикоснулся къ своей головѣ рукою съ цѣлію объяснить, среди общаго шума, народу, что его жизнь находится въ опасности, то иные стали утверждать, что онъ приглашаетъ народъ украсить его голову царской діадемой. Отъ консула Сцеволы стали требовать, чтобъ онъ немедленно далъ приказаніе убить государственнаго измѣнника; а когда этотъ умѣренный человѣкъ, вовсе непитавшій нерасположенія къ реформѣ, съ негодованіемъ отказался исполнить столь безразсудное и варварское желаніе, то жестокосердый и горячій аристократъ, консуляръ Публій Сципіонъ Назика закричалъ своимъ единомышленникамъ, чтобъ они вооружились чѣмъ попало и слѣдовали за нимъ. Изъ поселянъ почти никто не пришелъ въ городъ на выборы, а городскіе жители робко разступились передъ знатными людьми, которые устремились впередъ съ пылавшими гнѣвомъ глазами, съ ножками отъ стульевъ и съ палками въ рукахъ; Гракхъ попытался спастись бѣгствомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ. Но на бѣгу онъ споткнулся на склонѣ Капитолія и былъ убитъ однимъ изъ разсвирѣпѣвшихъ преслѣдователей ударомъ палки въ високъ передъ статуями семи царей, подлѣ храма богини Вѣрности; честь этого подвига, приличнаго палачу, впослѣдствіи оспаривали другъ у друга Публій Сатурей и Луцій Руфъ; вмѣстѣ съ Тиберіемъ пали триста человѣкъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ убитъ желѣзнымъ оружіемъ. Когда наступилъ вечеръ, тѣла убитыхъ были брошены въ Тибръ; Гай тщетно просилъ отдать ему трупъ его брата для погребенія. Римъ еще никогда не переживалъ такого дня. Длившаяся болѣе ста лѣтъ вражда партій во время перваго соціальнаго кризиса не привела ни къ чему сколько нибудь похожему на ту катастрофу, съ которой начался второй кризисъ. Даже лучшихъ представителей аристократіи эта катастрофа должна была приводить въ ужасъ, но уже не было возможности передѣлать то, что было сдѣлано. Приходилось выбирать одно изъ двухъ— или предоставить многихъ изъ самыхъ надежныхъ членовъ аристократической партіи на жертву народному мщенію, или-же возложить отвѣтственность за совершенное злодѣяніе на всю аристократію; этому послѣднему способу было отдано предпочтеніе. Аристократы стали офиціально утверждать, что Гракхъ хотѣлъ присвоить себѣ царскую корону, и въ оправданіе своего злодѣянія ссылались на примѣръ Агалы (томъ I, стр. 291); даже была назначена особая коммиссія для производства слѣдствія надъ сообщниками Гракха, а

председателю этой коммиссіи, консулу Публію Попиллію, было поручено позаботиться о томъ, чтобъ смертные приговоры надъ значительнымъ числомъ простолюдиновъ придали убіенію Гракха нѣчто
132 въ родѣ легальной санкціи (622). Назика, противъ котораго всего болѣе была раздражена жаждавшая мести народная толпа, и который по крайней мѣрѣ имѣлъ достаточно мужества, чтобъ откровенно сознаться передъ народомъ въ своемъ злодѣяніи и оправдывать себя, былъ подъ благовиднымъ предлогомъ отправленъ въ Азію
130 и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ (624), не смотря на свое отсутствіе изъ Рима, былъ возведенъ въ санъ верховнаго понтифекса. И люди умѣренной партіи не отдѣлились въ этомъ случаѣ отъ членовъ своего сословія. Гай Лелій принялъ участіе въ производствѣ слѣдствія надъ послѣдователями Гракха; Публій Сцевола, старавшійся не допустить убійства, впослѣдствіи защищалъ его въ сенатѣ; когда отъ Сципіона Эмиліана потребовали, послѣ его возвращенія изъ Испаніи
132 (622), чтобъ онъ публично высказался на счетъ того, одобряетъ-ли онъ умерщвленіе своего зятя, то онъ далъ по меньшей мѣрѣ двусмысленный отвѣтъ, что если Тиберій дѣйствительно хотѣлъ сдѣлаться царемъ, то былъ достоинъ смерти.

Сущность вопроса о казенныхъ земляхъ.

Теперь постараемся сдѣлать выводъ изъ этихъ обильныхъ послѣдствіями событій. Учрежденіе особой коллегіи, которая должна была противодѣйствовать опасному исчезновенію мелкихъ землепашцевъ посредствомъ образованія множества новыхъ мелкихъ земельныхъ участковъ изъ общаго состава всѣхъ находившихся въ распоряженіи государства италійскихъ земель, конечно, не было признакомъ удовлетворительнаго политико-экономическаго положенія страны, однако, при тогдашнихъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, было цѣлесообразно. Кромѣ того вопросъ о раздачѣ казенныхъ земель не принадлежалъ къ числу тѣхъ политическихъ вопросовъ, на счетъ которыхъ партіи расходятся въ своихъ убѣжденіяхъ; можно было раздать всѣ казенныя земли безъ всякихъ измѣненій въ основныхъ законахъ и нисколько не расшатывая основъ аристократической системы управленія. Въ этомъ случаѣ не могло быть рѣчи и о нарушеніи чьихъ-либо правъ. Никто не опровергалъ того, что собственникомъ захваченныхъ земель было государство; тѣ, кто ими пользовался, были терпимы только въ качествѣ временныхъ владѣльцевъ и потому не могли добросовѣстно заявлять никакихъ притязаній на право собственности, а если въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и заявляли подобныя притязанія, то находили непреодолимое препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что по римскимъ законамъ давность не имѣла примѣненія въ ущербъ государству. Раздача казенныхъ земель была не нарушеніемъ права собственности, а пользованіемъ этимъ правомъ; относительно ея формальной законности всѣ юристы были между собою согласны. Однако, въ этомъ

случаѣ, для попытки государства воспользоваться его законными
правами не можетъ служить съ политической точки зрѣнія оправ-
даніемъ то, что раздача казенныхъ земель не была нарушеніемъ
существующихъ законовъ и не нарушала ничьихъ законныхъ правъ.
И противъ Гракховскихъ рогацій можно-бы было не менѣе и даже
болѣе основательно возразить то же, что стали бы говорить въ наше
время, еслибы какой нибудь крупный землевладѣлецъ внезапно по-
требовалъ признанія во всемъ объемѣ своихъ правъ собственника,
хотя и принадлежащихъ ему по закону, но не предъявлявшихся
въ теченіе многихъ лѣтъ. Часть этихъ захваченныхъ казенныхъ зе-
мель находилась въ наслѣдственномъ владѣніи частныхъ людей въ
теченіи трехъ сотъ лѣтъ; государственная земельная собственность
вообще легче утрачиваетъ характеръ частнаго права, чѣмъ собствен-
ность гражданъ, а относительно тѣхъ земельныхъ участковъ, о ко-
торыхъ здѣсь идетъ рѣчь, право государственной собственности почти
совершенно улетучилось, такъ какъ ихъ тогдашніе владѣльцы прі-
обрѣли ихъ покупкой или какимъ нибудь другимъ обременительнымъ
для себя способомъ. Что-бы ни говорили юристы, а въ глазахъ
дѣловыхъ людей эта мѣра была ничѣмъ инымъ, какъ экспропріа-
ціей крупныхъ землевладѣльцевъ въ пользу земледѣльческаго про-
летаріата; дѣйствительно, никакой государственный человѣкъ не
могъ смотрѣть на нее иначе. Что вліятельные люди Катоновскаго
времени держались такой-же точки зрѣнія, ясно видно изъ того,
какъ они поступили въ подобномъ случаѣ, происшедшемъ въ ихъ
время. Территорія Капуи и сосѣднихъ съ нею городовъ, поступившая
въ 543 году въ разрядъ казенныхъ земель, фактически большею **211**
частію перешла въ частную собственность въ наставшія послѣ того
тревожныя времена. Въ послѣдніе годы шестаго столѣтія, когда по
разнымъ причинамъ и въ особенности благодаря вліянію Катона,
бразды правленія были туже натянуты, гражданство рѣшило снова
отобрать кампанскую территорію въ свое распоряженіе и раздать
ее въ аренду въ пользу государственной казны (582). Владѣніе **172**
этими землями было основано не на предварительномъ вызовѣ же-
лающихъ ихъ занять, а по большей мѣрѣ на потачкѣ мѣстныхъ властей
и нигдѣ не продолжалось много долѣе, чѣмъ при одномъ поколѣніи;
тѣмъ не менѣе экспропріація производилась не иначе, какъ съ
уплатой владѣльцамъ вознагражденія въ томъ размѣрѣ, какой былъ
установленъ по порученію сената городскимъ преторомъ Публіемъ
Лентуломъ (около 589 года *). Не такъ опасно, но все таки ри- **165**

*) Этотъ фактъ былъ прежде намъ только частію извѣстенъ изъ словъ Цице-
рона [De lege agr. 2, 31, 82; сравн. Ливія, 42, 2, 19]; а теперь мы имѣ-
емъ о немъ болѣе точныя свѣдѣнія изъ отрывковъ Лициніана, стр. 4. Изъ этихъ
обоихъ указаній можно сдѣлать слѣдующій выводъ: Лентулъ отбиралъ въ казну

скованно было и то нововведеніе, что новые земельные участки считались отданными въ наслѣдственную аренду и были признаны неотчуждаемыми. Римъ былъ обязанъ своимъ величіемъ тѣмъ крайне-либеральнымъ принципамъ, которые ничѣмъ не стѣсняли сдѣлокъ между частными людьми; но то было вовсе несогласно съ духомъ римскихъ учрежденій, что новые землевладѣльцы были обязаны распоряжаться своими земельными участками такъ, какъ было предписано свыше, и что для этихъ участковъ было установлено право выкупа и были введены разныя ограниченія, стѣснявшія свободу ихъ владѣльцевъ.—Эти возраженія противъ Семпроніевскаго аграрнаго закона, безспорно, очень вѣски. Однако они не могутъ служить основаніемъ для окончательнаго приговора. Такая фактическая экспропріація владѣльцевъ казенныхъ земель, конечно, была большимъ зломъ, но это было единственное средство по меньшей мѣрѣ на долгое время предотвратить другое еще гораздо худшее и даже прямо грозившее государству гибелью зло — уничтоженіе сословія италійскихъ земледѣльцевъ. Отсюда понятно, почему и въ средѣ консервативной партіи самые лучшіе и самые патріотическіе люди, съ Гаемъ Леліемъ и съ Сципіономъ Эмиліаномъ во главѣ, одобряли въ принципѣ проэктъ раздачи казенныхъ земель и желали ему успѣха.

Какъ смотрѣло гражданство на раздачу казенныхъ земель.

Но если значительное большинство дальновидныхъ патріотовъ и считало цѣль Тиберія Гракха благою и спасительною, за то ни одинъ изъ вліятельныхъ людей того времени не оправдывалъ и не могъ оправдывать тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгнулъ Тиберій. Римомъ управлялъ въ то время сенатъ. Кто проводилъ какую нибудь правительственную мѣру противъ воли большинства сенаторовъ, тотъ совершалъ государственный переворотъ. То было нарушеніемъ основнаго принципа государственныхъ учрежденій, когда Гракхъ предложилъ на разрѣшеніе народа вопросъ о казенныхъ земляхъ; то было нарушеніемъ буквы закона, когда онъ, опираясь на возмутительные софизмы, отставилъ своего товарища отъ должности и такимъ образомъ отмѣнилъ не только на этотъ разъ, но и на будущее время то трибунское право протеста, которое служило вспомогательнымъ орудіемъ для системы государственнаго управленія и съ помощью котораго сенатъ законнымъ путемъ отдѣлывался отъ посягательствъ на свою власть. Однако не въ этомъ заключалась нравственная и политическая негодность Гракховскаго замысла. Для исторіи не существуетъ никакихъ параграфовъ закона о государственной измѣнѣ; кто призываетъ одну изъ государственныхъ вла-

земли за установленное имъ денежное вознагражденіе, но съ настоящими земельными собственниками онъ не могъ ничего подѣлать, потому что отбирать у нихъ земли не былъ уполномоченъ, а продавать свою собственность они не соглашались.

стей къ борьбѣ съ другою, тотъ, несомнѣнно, революціонеръ, но, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидный и достойный уваженія государственный человѣкъ. Главной причиной неуспѣха задуманнаго Гракхомъ переворота былъ слишкомъ часто упускавшійся изъ виду составъ тогдашнихъ гражданскихъ сходокъ. И аграрный законъ Спурія Кассія (томъ I, стр. 278) и аграрный законъ Тиберія Гракха имѣли въ сущности одинакое содержаніе и одинакую цѣль; но между практическими пріемами этихъ двухъ людей существовала такая-же разница, какъ между прежнимъ римскимъ гражданствомъ, дѣлившимъ съ Латинами и Герниками отнятую у Вольсковъ добычу, и гражданствомъ временъ Гракха, приказавшимъ организовать провинціи Азію и Африку. Первое было городской общиной, имѣвшей возможность собираться и дѣйствовать общими силами; второе было великимъ государствомъ, а обыкновеніе созывать членовъ этого послѣдняго гражданства на издревле существовавшія сходки и предлагать имъ постановленіе резолюцій приводило къ столько-же жалкимъ, сколько смѣшнымъ результатамъ (томъ I, стр. 805). Въ этомъ заключалось наказаніе за тотъ существенный недостатокъ древнихъ государствъ, что въ нихъ никогда не совершалось рѣшительнаго перехода отъ городскихъ учрежденій къ государственнымъ, или, другими словами, отъ первоначальныхъ народныхъ сходокъ къ системѣ парламентскаго управленія. Верховное собраніе Римлянъ было такимъ-же, какимъ было-бы верховное собраніе Англичанъ, еслибы всѣ англійскіе избиратели захотѣли участвовать въ парламентскихъ засѣданіяхъ вмѣсто того, чтобъ присылать туда своихъ уполномоченныхъ: это была грубая, увлекавшаяся личными интересами и страстями, народная толпа, въ которой не было никакихъ признаковъ интеллигенціи; это была толпа, неспособная взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла и постановить сколько нибудь самостоятельное рѣшеніе; а всего важнѣе было то, что въ этой толпѣ, за рѣдкими исключеніями, участвовали и подавали голоса, подъ названіемъ гражданъ, нѣсколько сотъ или тысячъ людей, случайно набранныхъ на столичныхъ улицахъ. Въ трибахъ и въ центуріяхъ гражданство могло выражать свою волю черезъ своихъ фактическихъ представителей почти такимъ-же удовлетворительнымъ образомъ, какъ и въ куріяхъ черезъ своихъ легальныхъ представителей, которыми были тридцать судебныхъ приставовъ; если такъ называемыя куріальныя постановленія были въ сущности постановленіями того должностнаго лица, которое созывало судебныхъ приставовъ, то и постановленія трибъ и центурій были въ сущности постановленіями того должностнаго лица, которое предлагало проэктъ рѣшенія и получало легальную для него санкцію отъ людей, обязательно на все соглашавшихся. Но, какъ ни были комиціи неразборчивы въ томъ, что̀ касалось ихъ личнаго состава, все таки въ нихъ могли присутствовать для по-

дачи голосовъ только граждане, а на простыхъ народныхъ сходкахъ, на такъ называемыхъ конціяхъ (contio), имѣлъ право присутствовать и кричать всякій, у кого былъ человѣческій образъ—Египтянинъ и Іудей, уличный мальчишка и рабъ. Конечно, въ глазахъ закона, такое сборище не имѣло никакой власти: оно не могло ни баллотировать, ни постановлять рѣшенія. Но на самомъ дѣлѣ оно господствовало на улицѣ, а уличное мнѣніе уже было въ Римѣ всесильно и уже нельзя было съ пренебреженіемъ относиться къ тому, какъ отзовется эта дикая толпа на сдѣланное ей сообщеніе,—будетъ ли она молчать или кричать, будетъ-ли она рукоплескать и ликовать, или-же встрѣтитъ оратора свистками и воплями. Не у всякаго доставало мужества такъ-же осаживать народную толпу, какъ ее осадилъ Сципіонъ Эмиліанъ, когда она ошикала его за слова, сказанныя имъ по случаю смерти его зятя: «Эй, вы,—тѣ, для кого Италія не мать, а мачиха,—вы должны молчать!» А когда толпа стала еще громче шумѣть, онъ прибавилъ: «неужели вы думаете, что я побоюсь тѣхъ выпущенныхъ на свободу людей, которыхъ я отправилъ закованными въ цѣпи на невольничій рынокъ?»—То было уже большимъ зломъ, что такую заржавленную машину, какъ собранія комицій, употребляли въ дѣло для выборовъ и для изданія законовъ. Но когда этимъ народнымъ сборищамъ,—сначала комиціямъ и фактически также конціямъ,—дозволили вмѣшиваться въ дѣла управленія, а у сената вырвали изъ рукъ орудіе, служившее предохраненіемъ отъ такого вмѣшательства; когда этому такъ называемому гражданству дозволили декретировать въ его пользу раздачу изъ общаго достоянія земель со всѣмъ, что было необходимо для обзаведенія; когда каждому, кто по своему положенію или по своему вліянію въ средѣ пролетаріевъ могъ хоть нѣсколько часовъ властвовать на улицѣ, была доставлена возможность налагать на свои проэкты легальный штемпель верховной народной воли,—тогда для народной свободы насталъ конецъ, а Римъ дожилъ не до владычества демократіи, а до монархіи. Вотъ почему, въ предшествовавшемъ періодѣ, Катонъ и его единомышленники никогда не вносили подобныхъ вопросовъ на разрѣшеніе гражданства, а обсуждали ихъ только въ сенатѣ (томъ I,
232 стр. 821). Вотъ почему Фламиніевскій аграрный законъ (522), который былъ первымъ шагомъ на этомъ опасномъ пути, считался жившими во времена Гракха, членами Сципіоновскаго кружка за начало упадка римскаго могущества. Поэтому они не вступились за виновника раздачи казенныхъ земель и полагали, что его страшная смерть впредь будетъ предохранять ихъ отъ подобныхъ попытокъ, а между тѣмъ они съ большой энергіей поддерживали и эксплуатировали проведенный имъ законопроэктъ о казенныхъ земляхъ: положеніе дѣлъ въ Римѣ было такъ печально, что даже честные патріоты были доведены до отвратительнаго лицемѣрія—они не пре-

пятствовали гибели преступника, но присвоивали себѣ плоды его преступленія. Поэтому и противники Гракха не были совершенно неправы, когда обвиняли его въ стремленіи къ царской власти; если онъ самъ, по всему вѣроятію, и былъ далекъ отъ такой мысли, то это служитъ для него скорѣе новымъ обвиненіемъ, чѣмъ оправданіемъ. Аристократическая система управленія была такъ пагубна, что тотъ гражданинъ, которому удалось-бы низвергнуть сенатъ и замѣнить его своей особой, вѣроятно, принесъ-бы республикѣ больше пользы, чѣмъ вреда. Но у Тиберія Гракха недостало на это отваги; **Результаты.** онъ былъ довольно способный и вообще благонамѣренный патріотъ-консерваторъ, не ясно сознававшій то, чего хотѣлъ; онъ обращался къ черни въ наивной увѣренности, что обращается къ народу и, самъ того не сознавая, протягивалъ руку къ коронѣ, пока не сдѣлался демагогомъ и тираномъ вслѣдствіе неизбѣжной необходимости не останавливаться на половинѣ дороги. Съ каждымъ новымъ шагомъ этотъ жалкій узурпаторъ яснѣе обрисовывался и въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ чужихъ: онъ учредилъ коммиссію, состоявшую только изъ членовъ его семейства, сталъ вмѣшиваться въ дѣла государственнаго казначейства, сталъ, подъ гнетомъ необходимости и отчаянія, прибѣгать къ дальнѣйшимъ реформамъ, окружилъ себя стражей изъ уличнаго сброда и вовлекался въ уличныя схватки, пока спущенные имъ съ цѣпи демоны революціи не схватили бездарнаго заклинателя и не пожрали его. Позорная свалка, въ которой онъ кончилъ свою жизнь, осуждаетъ и сама себя и ту шайку аристократовъ, которая ее вызвала; но слава мученика, которою она увѣнчала имя Тиберія Гракха, и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, была не по заслугамъ. Лучшіе изъ современниковъ Гракха думали иначе. Узнавши о случившейся катастрофѣ, Сципіонъ Эмиліанъ произнесъ слова Гомера: «Такъ пусть погибаетъ всякій, кто совершаетъ такія дѣла». А когда младшій братъ Тиберія обнаружилъ намѣреніе идти по тому-же пути, то его родная мать писала ему: «Неужели въ нашемъ семействѣ не будетъ конца безразсудствамъ? Гдѣ-же найдется имъ предѣлъ? Или еще мало падаетъ на насъ позора за причиненныя государству разстройство и замѣшательства?» Такъ выражалась не встревоженная мать, а дочь покорителя Карѳагенянъ, которая испытала и перенесла еще болѣе великое несчастіе, чѣмъ смерть своихъ сыновей.

ГЛАВА III.

Революція и Гай Гракхъ.

Комиссія для раздачи земель.

Тиберія Гракха уже не было въ живыхъ, но оба его предпріятія—и раздача казенныхъ земель и государственный переворотъ—пережили того, кѣмъ были задуманы. Сенатъ еще могъ отважиться на убійство въ виду нравственнаго безсилія земледѣльческаго пролетаріата, но онъ не могъ воспользоваться этимъ убійствомъ для того, чтобъ отмѣнить Семпроніевскій аграрный законъ; сумасбродный взрывъ ярости, вызванный духомъ политическихъ партій, гораздо болѣе укрѣпилъ, чѣмъ поколебалъ силу новаго закона. Расположенные въ пользу реформы представители аристократіи, открыто высказывавшіеся за раздачу казенныхъ земель, съ Квинтомъ Метелломъ
131 (который именно въ то время (623) былъ выбранъ въ цензоры) и съ Публіемъ Сцеволой во главѣ, взяли верхъ даже въ сенатѣ при содѣйствіи приверженцевъ Сципіона Эмиліана, по меньшей мѣрѣ не обнаруживавшихъ нерасположенія къ реформѣ; поэтому сенатскій декретъ положительно предписалъ членамъ учрежденной для раздачи земель коммиссіи приступить къ ихъ работамъ. На основаніи Семпроніевскаго закона, этихъ членовъ должна была ежегодно выбирать община, что́ по всему вѣроятію и исполнялось; но по свойству предстоявшей имъ задачи совершенно понятно, что выбирались постоянно все одни и тѣ-же лица, а настоящіе новые выборы производились только въ тѣхъ случаяхъ, когда чья нибудь смерть очищала вакантное мѣсто. Такимъ образомъ, Тиберія Гракха замѣнилъ тесть его брата Гайя, Публій Крассъ Муціанъ, а послѣ того какъ Муціанъ
130 погибъ въ 624 году (стр. 54) и Аппій Клавдій умеръ, раздачей земель завѣдывали вмѣстѣ съ молодымъ Гайемъ Гракхомъ двое изъ самыхъ дѣятельныхъ вождей партіи реформы, Маркъ Фульвій Флаккъ и Гай Папирій Карбонъ. Уже одни имена этихъ людей могутъ служить ручательствомъ за то, что дѣло отобранія и раздачи захваченныхъ казенныхъ земель велось съ усердіемъ и съ энергіей; нѣтъ недостатка и въ доказательствахъ того, что такъ было на самомъ дѣлѣ.

Даже консулъ 622 года, Публій Попиллій,—тотъ самый, который 132
руководилъ уголовнымъ преслѣдованіемъ противъ сторонниковъ Тиберія Гракха,—называлъ себя въ надписи на публичномъ памятникѣ «первымъ, кто очистилъ казенныя земли отъ пастуховъ и заселилъ хлѣбопашцами;» есть указанія и на то, что раздача земель производилась во всей Италіи и что число крестьянскихъ запашекъ повсюду увеличивалось въ прежде существовавшихъ общинахъ,—такъ какъ Семпроніевскій аграрный законъ имѣлъ цѣлію поднять сословіе земледѣльцевъ не путемъ учрежденія новыхъ общинъ, а путемъ усиленія старыхъ. О широкихъ размѣрахъ и о важныхъ послѣдствіяхъ этой раздачи земель свидѣтельствуютъ многочисленныя нововведенія въ римскомъ землемѣрномъ искусствѣ, относящіяся къ тому времени, когда приводился въ исполненіе Гракховскій аграрный законъ; такъ напримѣръ, правильная установка межевыхъ камней, способная предотвратить всякія недоразумѣнія, была, какъ кажется, впервые введена Гракховскими судами и коммиссіями, завѣдывавшими раздачей земель. Но самыми ясными указаніями служатъ цифры гражданскихъ списковъ. Цензъ, который былъ опубликованъ въ 623 году 131
и, конечно, былъ фактически вѣренъ въ началѣ 622 года, пока- 132
зывалъ только 319,000 способныхъ къ военной службѣ гражданъ,
а по прошествіи шести лѣтъ (629) это число, вмѣсто прежняго 125
пониженія (стр. 81), увеличилось до 395,000, стало-быть на 76,000, безъ сомнѣнія вслѣдствіе того, что̀ было сдѣлано для римскаго гражданства коммиссіей по раздачѣ земель. Эта коммиссія едва-ли увеличила въ такомъ-же размѣрѣ и число земельныхъ участковъ у Италійцевъ, но во всякомъ случаѣ она достигла важныхъ и благотворныхъ результатовъ. При этомъ, конечно, дѣло не обходилось безъ многократнаго нарушенія интересовъ частныхъ лицъ и существующихъ законныхъ правъ. Распоряжавшаяся раздачей земель, коммиссія состояла изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ реформы, которые были судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ; поэтому она дѣйствовала безпощадно и даже такъ, какъ могли-бы дѣйствовать агитаторы; публичными объявленіями она всѣхъ приглашала сообщать свѣдѣнія объ объемѣ казенныхъ земель; она неумолимо руководствовалась старинными росписями земель и не только отбирала земли и у новыхъ и у старыхъ временныхъ владѣльцевъ, но даже нерѣдко конфисковала и настоящую частную собственность, на которую владѣлецъ не имѣлъ достаточныхъ доказательствъ. Какъ ни были громки и бо̀льшею частію основательны жалобы на коммиссію, сенатъ не мѣшалъ ей дѣлать свое дѣло: для всякаго было очевидно, что если желали покончить съ вопросомъ о казенныхъ земляхъ, то съ нимъ можно было справиться только такими энергическими мѣрами.

Но и для такого невмѣшательства со стороны сената существо-

вали извѣстные предѣлы. Италійскія казенныя земли находились въ рукахъ не однихъ только римскихъ гражданъ; на основаніи народныхъ и сенатскихъ постановленій, онѣ были розданы большими участками союзнымъ общинамъ въ исключительное пользованіе и частію были заняты, законнымъ или незаконнымъ путемъ, латинскими гражданами. Коммиссія наконецъ взялась и за эти владѣнія. По формальному праву, отобраніе занятыхъ негражданами участковъ, конечно, не было противозаконно; точно такъ-же не было противозаконно и отобраніе тѣхъ казенныхъ земель, которыя были предоставлены италійскимъ общинамъ сенатскими постановленіями и даже государственными договорами, потому что государство при этомъ отнюдь не отказывалось отъ своей собственности и, по всему вѣроятію, уступало эти земли общинамъ, какъ и частнымъ людямъ, не иначе какъ съ правомъ отобрать ихъ обратно. Однако жалобы этихъ союзныхъ или подвластныхъ общинъ за нарушеніе со стороны Рима заключенныхъ съ нимъ договоровъ не могли быть оставляемы безъ вниманія такъ-же, какъ жалобы обиженныхъ коммиссіей римскихъ гражданъ. Съ легальной точки зрѣнія первыя изъ этихъ жалобъ едва-ли были болѣе основательны, чѣмъ вторыя; но въ послѣднихъ дѣло шло о частныхъ интересахъ членовъ римскаго государства, а относительно пользовавшихся казенными землями Латиновъ возникалъ вопросъ, благоразумно-ли въ политическомъ отношеніи наносить чувствительный ущербъ ихъ матерьяльнымъ интересамъ и такимъ образомъ еще болѣе отталкивать отъ Рима латинскія общины, каторыя были очень важны въ военномъ отношеніи и уже прежде того были раздражены противъ Римлянъ разными юридическими и фактическими ограниченіями своихъ правъ (томъ 1, стр. 795). Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ средней партіи; послѣ катастрофы Гракха, она въ союзѣ съ его сторонниками отстаивала реформу противъ олигархіи; поэтому только она могла-бы теперь въ союзѣ съ олигархіей поставить предѣлы реформѣ. Латины обратились къ самому вліятельному члену этой партіи, Сципіону Эмиліану, съ просьбой вступиться за ихъ права; онъ обѣщалъ исполнить эту просьбу и главнымъ образомъ благодаря его вліянію *) судебная
129 власть была въ 625 году отнята народнымъ постановленіемъ у аграрной коммиссіи, а разрѣшеніе вопроса, какія земли слѣдуетъ считать казенною собственностью и какія собственностью частныхъ людей, было предоставленно цензорамъ и, въ качествѣ ихъ представи-

---

*) Сюда слѣдуетъ отнести его рѣчь contra legem iudiciariam Tib. Gracchi; подъ этими словами разумѣется не законъ объ уголовныхъ судахъ [какъ нѣкоторые полагали], а дополнительный законъ къ Гракховскимъ рогаціямъ: ut triumviri iudicarent, qua publicus ager, qua privatus est [Лив., Ep. 28; см. выше стр. 86].

телей, консуламъ, которымъ оно принадлежало на основаніи общихъ законовъ. Это было ничто иное, какъ пріостановка, въ мягкой формѣ, дальнѣйшей раздачи казенныхъ земель. Консулъ Тудитанъ, нисколько не сочувствовавшій предпріятію Гракха и не желавшій браться за разрѣшеніе щекотливыхъ земельныхъ вопросовъ, воспользовался благовиднымъ предлогомъ для отъѣзда въ иллирійскую армію и оставилъ возложенныя на него обязанности безъ исполненія; хотя аграрная коммиссія и не перестала существовать, но она была принуждена бездѣйствовать, потому что было пріостановлено судебное разрѣшеніе вопросовъ касательно казенныхъ земель. Это сильно раздражило партію реформы. Даже такіе люди, какъ Публій Муцій и Квинтъ Метеллъ, порицали Сципіона за его вмѣшательство.

Умерщвленіе Эмиліана.

Люди иной сферы не ограничились одними порицаніями. Сципіонъ предупредилъ, что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ представитъ докладъ касательно положенія Латиновъ, а утромъ этого дня онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей постели. Этотъ полный здоровья и силы пятидесяти-шести-лѣтній человѣкъ, еще наканунѣ участвовавшій въ публичныхъ преніяхъ и удалившійся ранѣе обыкновеннаго въ свою спальню, чтобъ обдумать къ слѣдующему дню свою рѣчь, безъ всякаго сомнѣнія, палъ жертвою политическаго убійства; онъ самъ, незадолго передъ тѣмъ, публично упоминалъ о готовившемся покушеніи на его жизнь. Чья преступная рука ночью задушила перваго государственнаго человѣка и перваго полководца того времени, никогда не было обнаружено, а историку не слѣдуетъ ни повторять слухи, дошедшіе до него изъ современныхъ городскихъ сплетней, ни заниматься ребяческою попыткой извлечь изъ такихъ данныхъ истину. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что зачинщикъ злодѣянія принадлежалъ къ числу сторонниковъ Гракха: умерщвленіе Сципіона было отвѣтомъ демократіи на злодѣяніе, которое было совершено аристократіей подлѣ храма богини Вѣрности. Судъ не вмѣшался въ это дѣло. Народная партія основательно опасалась, что ея вожди Гай Гракхъ, Флаккъ и Карбонъ будутъ впутаны въ процессъ даже еслибы они были ни въ чемъ невиноваты; поэтому она всѣми силами противилась производству слѣдствія; и аристократія, утратившая въ лицѣ Сципіона такого человѣка, который былъ столько-же ея врагомъ, сколько ея союзникомъ, была не прочь оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго движенія. Народъ и люди умѣренныхъ убѣжденій были въ ужасѣ, но никто не былъ такъ сильно возмущенъ злодѣяніемъ, какъ Квинтъ Метеллъ; хотя онъ и не одобрялъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты Сципіономъ противъ введенія реформы, но онъ съ отвращеніемъ отказывался отъ новыхъ союзниковъ и приказалъ своимъ четыремъ сыновьямъ нести на костеръ погребальныя носилки своего великаго противника. Похороны были совершены на скорую руку; послѣдній представитель того рода, къ которому при-

надлежалъ побѣдитель при Замѣ, былъ вынесенъ изъ дому съ покрытой головой, такъ что никто не могъ видѣть лица усопшаго, а пламя костра уничтожило вмѣстѣ съ смертными останками великаго человѣка и слѣды преступленія. Въ исторіи Рима нерѣдко встрѣчаются болѣе геніальные люди, чѣмъ Сципіонъ Эмиліанъ, но не встрѣчается ни одного, который могъ-бы стать на ряду съ Сципіономъ по нравственной безупречности, по полному отсутствію политическаго эгоизма и по самому благородному патріотизму,—и даже едва-ли найдется хоть одинъ, предназначенный судьбою на болѣе трагическую роль. Не смотря на сознаніе самыхъ лучшихъ намѣреній и недюжинныхъ дарованій, онъ былъ принужденъ сложа руки смотрѣть, какъ гибло его отечество, и былъ вынужденъ отказываться отъ всякой серьозной попытки спасти его, будучи твердо убѣжденъ, что отъ такихъ попытокъ только усилится зло; онъ былъ поставленъ въ необходимость одобрять злодѣяніе Назики и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивать предпріятіе убитаго противъ убійцъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ въ правѣ сказать, что его жизнь не была безполезна. Римское гражданство было обязано ему прибавкой почти 80.000 новыхъ крестьянскихъ участковъ по меньшей мѣрѣ столько-же, сколько и составителю Семпроніевскаго законопроэкта; ему же оно было обязано тѣмъ, что онъ прекратилъ раздачу казенныхъ земель, когда она уже успѣла принести всю пользу, какой можно было отъ нея ожидать. Хотя даже здравомыслящіе люди того времени не думали, что уже настало время прекратить раздачу, но тотъ фактъ, что даже Гай Гракхъ не настаивалъ на примѣненіи законовъ своего брата къ оставшимся неразданными землямъ, ясно доказываетъ, что Сципіонъ прекратилъ раздачу земель именно тогда, когда слѣдовало. Обѣ эти мѣры приводились въ исполненіе съ-бою,—первая наперекоръ аристократіи, вторая наперекоръ сторонникамъ реформы, а виновники той и другой поплатились за нихъ своею жизнію. Сципіону было суждено много разъ подвергать свою жизнь опасности, сражаясь за свое отечество, и наконецъ воротиться домой невредимымъ для того, чтобъ пасть отъ руки убійцы; но въ своемъ мирномъ жилищѣ онъ точно такъ-же умеръ за Римъ, какъ еслибы палъ подъ стѣнами Карѳагена.

Демократическая агитація при Карбонѣ и Флаккѣ.

131 Раздачѣ земель былъ положенъ конецъ, но революція не прекратилась. Революціонная партія, для которой аграрная коммиссія служила чѣмъ-то въ родѣ правильно организованной правительственной власти, не разъ вступала въ борьбу съ законными властями еще при жизни Сципіона; въ особенности немало хлопотъ причинялъ сенату въ бытность (623) народнымъ трибуномъ Карбонъ, который былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ ораторовъ своего времени; онъ добился тайной подачи голосовъ на гражданскихъ сходкахъ, насколько она еще не была введена ранѣе (стр. 70), и даже внесъ

важный законопроэктъ, дозволявшій вторичное избраніе народныхъ трибуновъ въ ту-же должность на слѣдующій годъ; этимъ способомъ онъ пытался легально устранить то самое препятствіе, которое было главной причиной гибели Тиберія Гракха. Его планъ въ ту пору не удался вслѣдствіе оппозиціи Сципіона, но его законопроэктъ былъ утвержденъ нѣсколькими годами позже и, какъ кажется, уже послѣ его смерти. Но главныя усилія партіи реформы были направлены къ тому, чтобъ фактически обреченная на бездѣйствіе, аграрная коммиссія могла снова приняться за свое дѣло: вожаки серьезно обсуждали предположеніе устранить созданныя для коммиссіи италійскими союзниками препятствія посредствомъ дарованія этимъ союзникамъ правъ гражданства и преимущественно съ этой цѣлію они стали вести агитацію. Чтобъ противодѣйствовать этому намѣренію, сенатъ побудилъ въ 628 году народнаго трибуна Марка Юнія Пенна 126
предложить высылку изъ столицы всѣхъ неграждань и это предложеніе было утверждено несмотря на сопротивленіе демократовъ—въ особенности Гайя Гракха и несмотря на волненіе умовъ, возбужденное въ латинскихъ общинахъ этою ненавистною мѣрой. Маркъ Фульвій Флаккъ, состоя въ должности консула, отвѣчалъ на это въ слѣдующемъ году (629) предложеніемъ разрѣшить каждому союзнику 125
ходатайство о дарованіи ему правъ римскаго гражданства, а просьбы этого рода подвергать голосованію въ комиціяхъ; но онъ не нашолъ почти ни въ комъ поддержки, такъ какъ Карбонъ перемѣнилъ свое знамя и сдѣлался ревностнымъ аристократомъ, а Гай Гракхъ находился въ Сардиніи, исполняя обязанности квестора; поэтому Флаккъ не былъ въ состояніи одолѣть ни сопротивленіе сената, ни сопротивленіе гражданъ, которые вовсе не были расположены распространять свои привилегіи на болѣе широкую сферу. Флаккъ удалился изъ Рима для того, чтобъ принять главное командованіе въ войнѣ съ Кельтами; своими побѣдами на той сторонѣ Альповъ онъ подготовлялъ успѣхъ для широкихъ замысловъ демократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялся отъ непріятной необходимости воевать съ италійскими союзниками, которыхъ онъ самъ обнадежилъ.

Разрушеніе Фрегеллъ.

Вслѣдствіе того, что предложенный Флаккомъ законопроэктъ не былъ утвержденъ, съ Римомъ началъ войну городъ Фрегеллы, стоявшій на границѣ Лаціума и Кампаніи подлѣ главной переправы черезъ Лирисъ въ центрѣ обширнаго и плодороднаго округа; въ ту пору это былъ едва-ли не второй по значенію италійскій городъ; черезъ его посредство обыкновенно велись сношенія всѣхъ латинскихъ колоній съ Римомъ, а объявленная имъ Риму война была въ теченіе полутораста лѣтъ первымъ случаемъ серьознаго и не возбужденнаго иностранной державой возстанія Италійцевъ противъ римской гегемоніи. Впрочемъ на этотъ разъ удалось потушить пожаръ въ самомъ началѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ охватить другія общины римскихъ

союзниковъ; не силою оружія, а благодаря измѣнѣ жителя Фрегеллъ, Квинта Нумиторія Пулла, преторъ Луцій Опимій очень скоро овладѣлъ возмутившимся городомъ, который лишился своего городскаго права и своихъ городскихъ стѣнъ и превратился, подобно Капуѣ, въ
124 селеніе. На одной части его территоріи была основана въ 630 году колонія Фабратерія; остальная часть этой территоріи и самый городъ были раздѣлены между сосѣдними общинами. Это немедленное и ужасное наказаніе навело страхъ на союзниковъ, а нескончаемые процессы по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ возбуждались не только противъ жителей Фрегеллъ, но и противъ жившихъ въ Римѣ вожаковъ народной партіи, которые были въ глазахъ аристократіи соучастниками въ возстаніи. Тѣмъ временемъ Гай Гракхъ снова появился въ Римѣ. Аристократія сначала старалась задержать въ Сардиніи этого опаснаго для нея человѣка, не смѣняя его, какъ это обыкновенно дѣлалось, а послѣ того, какъ онъ наперекоръ желанію аристократіи возвратился въ Римъ, она привлекла его къ суду, какъ
125—124 виновника возстанія Фрегеллъ (629—630). Однако гражданство оправдало его; тогда онъ поднялъ брошенную ему перчатку, сталъ добиваться званія народнаго трибуна и былъ выбранъ на эту дол-
123 жность на 631 годъ необычайно-многолюдной сходкой избирателей. Такимъ образомъ война была объявлена. Демократическая партія, которой всегда недоставало талантливыхъ вожаковъ, по-неволѣ провела девять лѣтъ почти въ полномъ бездѣйствіи; теперь насталъ конецъ перемирію и эта партія наконецъ нашла такого вождя, который былъ честнѣе Карбона и даровитѣе Флакка и который былъ во всѣхъ отношеніяхъ созданъ для первенствующей роли.

Гай Гракхъ. Гай Гракхъ (601—633) имѣлъ мало сходства съ своимъ братомъ, 153—1[illegible] который былъ старше его девятью годами. Подобно Тиберію, онъ не находилъ удовольствія ни въ грубыхъ наслажденіяхъ, ни въ мелочныхъ занятіяхъ обыденной жизни,—подобно ему, былъ высокообразованнымъ человѣкомъ и храбрымъ солдатомъ; онъ съ отличіемъ сражался подъ начальствомъ своего тестя подъ Нуманціей, а впослѣдствіи и въ Сардиніи. Но по дарованіямъ, по характеру и въ особенности по своей страстности онъ былъ несравненно выше Тиберія. Ясность и увѣренность, съ которыми этотъ молодой человѣкъ умѣлъ впослѣдствіи справляться съ множествомъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, возникавшихъ при приведеніи въ исполненіе его многочисленныхъ законовъ, обнаруживали въ немъ дарованія настоящаго государственнаго мужа, а пылкая и до конца жизни непоколебимая преданность, съ которой были привязаны къ нему самые близкіе изъ его друзей, свидѣтельствовала о томъ, какую сильную любовь былъ способенъ внушать этотъ благородный человѣкъ. Энергія его воли и его предпріимчивости усилилась вслѣдствіе того, что онъ прошолъ школу страданій, будучи въ теченіе послѣднихъ

девяти лѣтъ обреченъ на невольное бездѣйствіе; не съ ослабѣвшимъ, а съ усилившимся жаромъ запылала глубоко затаенная въ его душѣ ненависть къ той партіи, которая губила его отечество и была причиной смерти его брата. Благодаря этой бурной страстности онъ сдѣлался первымъ изъ всѣхъ ораторовъ, какіе когда-либо появлялись въ Римѣ; не будь ея, мы, вѣроятно, были-бы въ правѣ поставить его наряду съ первыми государственными людьми всѣхъ временъ. Между немногими, дошедшими до насъ, отрывками его записанныхъ рѣчей есть такіе, которые даже въ своей урѣзанной формѣ потрясаютъ до глубины души *); понятно, что кто слышалъ или даже только читалъ эти рѣчи, тотъ не могъ устоять противъ бурнаго потока его краснорѣчія. Однако и при своемъ мастерскомъ умѣньи говорить, онъ нерѣдко до того увлекался гнѣвомъ, что его рѣчь становилась неясной или безсвязной, — и этотъ недостатокъ былъ вѣрнымъ отпечаткомъ его политической дѣятельности и его душевныхъ страданій. Въ натурѣ Гайя не было ни одной черты, общей съ его братомъ; въ ней вовсе не было того сентиментальнаго, не въ мѣру близорукаго и безсознательнаго добродушія, которое было способно смягчать политическихъ противниковъ просьбами и слезами; онъ съ безусловной рѣшимостью вступилъ на путь революціи и сталъ стремиться къ той цѣли, которую ему указывала жажда мщенія. «И я», — писала ему мать, — «полагаю, что нѣтъ ничего болѣе прекраснаго и болѣе достойнаго, какъ отомстить врагу, если только это возможно, не подвергая отечество гибели. Если же это невозможно, то въ тысячу разъ лучше не мѣшать нашимъ врагамъ жить по-прежнему, чѣмъ губить отечество». Корнелія хорошо знала своего сына: его убѣжденія были совершенно противоположны. Онъ хотѣлъ отомстить негодному правительству, отомстить во что-бы то ни стало, хотя-бы пришлось погибнуть ему самому и даже республикѣ, а предчувствіе, что подобно своему брату онъ не избѣгнетъ гибели, побуждало его торопиться такъ, какъ торопится устремляющійся на врага смертельно-раненый воинъ. Убѣжденія матери были болѣе благородны, но и ея сына, у котораго была глубоко возбужденная, страстная натура настоящаго Италійца, потомство болѣе оплакивало, чѣмъ порицало, — и оно было право.

Измѣненіе конституціи Гайемъ Гракхомъ.

Тиберій Гракхъ предложилъ гражданству только одну администра-

*) Вотъ, для примѣра, что онъ говорилъ, когда извѣщалъ о составленныхъ имъ законопроэктахъ: „Если-бы я напомнилъ вамъ, что происхожу отъ знатнаго рода, что я изъ-за васъ лишился брата и что теперь уже никого не осталось изъ потомковъ Публія Африканскаго и Тиберія Гракха, кромѣ меня и одного мальчика, и еслибъ я сталъ просить васъ уволить меня для того, чтобъ нашъ родъ не былъ съ корнемъ истребленъ и чтобъ остался цѣлъ хоть одинъ отпрыскъ этого рода, — то вы, полагаю, охотно изъявили-бы на это ваше согласіе“.

тивную реформу, а то, что̀ предложилъ Гай въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ законопроэктовъ, было ничѣмъ инымъ какъ введеніемъ совершенно новаго государственнаго устройства, для котораго служило-бы краеугольнымъ камнемъ уже ранѣе того утвержденное нововведеніе, что народные трибуны могутъ быть вторично избираемы въ то-же званіе на слѣдующій годъ. Народный вождь пріобрѣталъ этимъ способомъ прочное положеніе, которое служило охраной для его личной безопасности; но ему нужно было, кромѣ того, запастись матеріальными силами, то есть крѣпко привязать къ себѣ столичную чернь,—такъ какъ уже много разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что не было возможности полагаться на поселянъ, приходившихъ въ городъ лишь по временамъ. Главнымъ для этого средствомъ послужила раздача столичному населенію хлѣба. Уже ранѣе нерѣдко случалось, что хлѣбъ, который доставляли государству десятинные сборы въ провинціяхъ, продавался гражданамъ за безцѣнокъ (томъ 1, стр. 834). Благодаря усиліямъ Гракха было постановлено, что впредь каждый изъ столичныхъ гражданъ, лично изъявившихъ о томъ свое желаніе, будетъ ежемѣсячно получать изъ общественныхъ магазиновъ извѣстное количество хлѣба, какъ кажется въ размѣрѣ 5 модіевъ ($^5/_6$ прусск. шеффеля), съ уплатой за каждый модій по $6^1/_3$ ассовъ ($2^1/_2$ зильбергрошей), то есть меньше чѣмъ за половину низкой средней цѣны (томъ 1, стр. 836, прим.); въ виду этого общественные хлѣбные магазины были расширены путемъ постройки новыхъ Семпроніевскихъ амбаровъ. Такой способъ раздачи хлѣба, устранявшій жившихъ внѣ столицы гражданъ, неизбѣжно долженъ былъ привлечь въ Римъ всю массу гражданъ-пролетаріевъ и долженъ былъ поставить въ зависимость отъ вождя революціонной партіи тѣхъ столичныхъ пролетаріевъ, которые до того времени находились въ зависимости отъ аристократіи; новый глава государства пріобрѣталъ этимъ способомъ тѣлохранителей и надежное большинство голосовъ въ комиціяхъ. Чтобъ можно было разсчитывать на эти послѣднія еще съ бо̀льшей увѣренностью, былъ отмѣненъ существовавшій до того времени въ центуріальныхъ комиціяхъ порядокъ подачи голосовъ, въ силу котораго граждане пяти разрядовъ по имуществамъ подавали въ каждомъ округѣ голоса одни послѣ другихъ (томъ 1, стр. 815); вмѣсто того было установлено, что впредь всѣ центуріи будутъ подавать голоса однѣ вслѣдъ за другими по очереди, которая будетъ каждый разъ устанавляться жребіемъ. Эти нововведенія, конечно, клонились къ тому, чтобъ при содѣйствіи столичнаго пролетаріата доставить новому повелителю неограниченное владычество надъ столицей и вмѣстѣ съ нею надъ всѣмъ государствомъ, чтобъ подчинить его волѣ все, что̀ дѣлалось въ комиціяхъ, и чтобъ доставить ему возможность въ случаѣ надобности запугивать сенатъ и магистратуру; однако законо-

Раздача хлѣба.

Измѣненія въ порядкѣ подачи голосовъ.

датель, кромѣ того, принялся съ рвеніемъ и съ энергіей и за исцѣленіе тогдашнихъ общественныхъ язвъ. Впрочемъ, вопросъ о раздачѣ казенныхъ земель Италійцамъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи уже порѣшенъ. Аграрный законъ Тиберія еще не утратилъ своей легальной силы и даже легальное существованіе аграрной коммиссіи еще не прекратилось; поэтому проведенный Гаемъ, аграрный законъ не могъ создать ничего новаго, кромѣ того, что возвращалъ членамъ аграрной коммиссіи утраченную ими судебную власть. Что при этомъ имѣлось въ виду только отстоять принципъ, а раздача земель если и была возобновлена, то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, видно изъ гражданскихъ списковъ, въ которыхъ значилось и въ 629 и въ 639 годахъ совершенно одинакое число гражданъ. Гай не предпринялъ въ этомъ отношеніи ничего новаго, вѣроятно, потому, что казенныя земли, назначенныя его братомъ въ раздачу, уже были въ сущности розданы, а вопросъ о тѣхъ казенныхъ земляхъ, которыми пользовались Латины, могъ быть снова поднятъ не иначе, какъ въ связи съ очень затруднительнымъ вопросомъ о болѣе широкимъ распространеніи гражданскихъ правъ. За то онъ пошолъ гораздо далѣе того, что было цѣлію Тиберіевскаго аграрнаго закона, предложивъ основаніе колоній въ Италіи, а именно въ Тарентѣ и главнымъ образомъ въ Капуѣ; этимъ способомъ онъ включилъ въ число подлежавшихъ раздачѣ земель и тѣ земли, которыя до того времени не причислялись къ этому разряду, а сдавались въ аренду отъ государства, и при томъ включилъ ихъ такъ, что онѣ стали раздаваться не прежнимъ способомъ, не допускавшимъ основанія новыхъ общинъ (стр. 98), а по колоніальной системѣ. Безъ сомнѣнія и эти колоніи основывались въ тѣхъ видахъ, что онѣ будутъ служить надежной опорой для революціи, которой онѣ были обязаны своимъ существованіемъ. Еще болѣе важно по своимъ послѣдствіямъ было то нововведеніе, что Гай Гракхъ сталъ переселять италійскихъ пролетаріевъ въ римскія заморскія владѣнія: на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ Карѳагенъ, онъ отправилъ 6000 колонистовъ, набранныхъ, по всему вѣроятію, не изъ однихъ римскихъ гражданъ, а также изъ италійскихъ союзниковъ, и даровалъ новому городу Юноніи права римской гражданской колоніи. Основаніе этой колоніи имѣло и само по себѣ важное значеніе, но еще болѣе важно было то, что былъ поданъ первый примѣръ заморскихъ переселеній, которыя могли служить для италійскаго пролетаріата постояннымъ отводнымъ каналомъ и болѣе чѣмъ временнымъ пособіемъ; но при этомъ, конечно, откладывался въ сторону тотъ основной принципъ прежняго государственнаго права, что одна Италія считалась властвующей страной, а всѣ провинціи считались странами ей подвластными.

Аграрные законы.

125 115

Колонія Капуа.

Заведеніе заморскихъ колоній.

Кромѣ этихъ мѣропріятій, непосредственно касавшихся важнаго

Смягченіе

уголовныхъ законовъ.

вопроса о пролетаріатѣ, былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій, вызванныхъ преобладавшей въ ту пору тенденціей замѣнить прадѣдовскую суровость существующихъ государственныхъ учрежденій болѣе мягкими и болѣе соотвѣтствующими духу времени принципами. Сюда относятся смягченія по военной части. Для продолжительности военной службы прежніе законы не установляли никакихъ другихъ предѣловъ кромѣ того, что гражданинъ, еще не достигшій семнадцати лѣтъ или перешедшій за сорока-шестилѣтній возрастъ, не былъ обязанъ нести военную службу во время похода. Когда военная служба стала превращаться въ постоянную вслѣдствіе содержанія арміи въ Испаніи (томъ 1, стр. 676), тогда, какъ кажется, въ первый разъ было установлено закономъ, что всякій, прослужившій шесть лѣтъ сряду въ походной военной службѣ, пріобрѣталъ право на увольненіе, которое впрочемъ не освобождало его отъ обязанности являться на службу въ случаѣ новаго призыва; впослѣдствіи, — быть можетъ, въ началѣ этого столѣтія,—установилось правило, что двадцати-лѣтняя служба въ пѣхотѣ и десяти-лѣтняя служба въ конницѣ вполнѣ освобождали отъ дальнѣйшей военной службы *). Гракхъ возстановилъ, вѣроятно, часто нарушавшееся насиліями правило, что не слѣдуетъ включать въ составъ арміи гражданъ, еще не перешедшихъ за семнадцати-лѣтній возрастъ, и, какъ кажется, уменьшилъ число походовъ, дававшее право на полное освобожденіе отъ военной службы; сверхъ того, солдатъ стали безвозмездно снабжать на счетъ государства одеждой, стоимость которой прежде вычиталась изъ ихъ жалованья.—Сюда-же слѣдуетъ отнести и не разъ проглядывающую въ Гракховскихъ законахъ тенденцію если не совершенно отмѣнить смертную казнь, то ограничить ее еще болѣе прежняго; эта тенденція отчасти отражается даже на военно-судебной сферѣ. Уже со времени введенія республиканской формы управленія должностныя лица утратили право подвергать гражданъ смертной казни, не испросивъ на то согласія общины,—за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда смертные приговоры постановлялись по военнымъ законамъ (томъ 1, стр. 248, 432); если вскорѣ послѣ эпохи Гракховъ и въ лагеряхъ стали пользоваться этимъ правомъ гражданъ аппелляро-

*) Такимъ образомъ, утвержденіе Аппіана [Hisp. 78], что шести-лѣтняя служба давала право требовать увольненія, может быть согласовано съ тѣмъ болѣе извѣстнымъ утвержденіемъ Полибія [6, 19], которое вѣрно оцѣнено Марквардтомъ [Alterth. 3, 2, 236, прим. 1580]. О времени, когда состоялись оба нововведенія, можно сказать только то, что первое, по всему вѣроятію, уже существовало въ 603 году [Nitzsch Gracchen, стр. 231], а второе безъ всякаго сомнѣнія уже существовало во времена Полибія. Что Гракхъ сократилъ законное число лѣтъ военной службы, по видимому, можно заключить изъ словъ Асконія in Cornel. стр. 68; сравн. Плутарха Tib. Gracch. 16, Діона, Fr. 83, 7, изд. Бекк.

вать на смертные приговоры и если право главнокомандующихъ казнить смертію было ограничено только союзниками и подданными, то это, по всему вѣроятію, было послѣдствіемъ изданнаго Гаемъ Гракхомъ закона о правѣ апелляціи. Но и право общинъ постановлять смертные приговоры или, вѣрнѣе, утверждать ихъ, было косвенно, но существенно ограничено тѣмъ, что Гракхъ отнялъ у гражданства подсудность тѣхъ преступленій, которыя чаще всего служили поводомъ для смертныхъ приговоровъ (какъ напримѣръ, отравленій и убійствъ) и передалъ ее постояннымъ суднымъ коммиссіямъ; эти коммиссіи не могли быть, такъ-же какъ народные суды, парализованы въ своей дѣятельности вмѣшательствомъ трибуновъ; кромѣ того на нихъ нельзя было апеллировать къ общинѣ, и даже ихъ приговоры,—подобно приговорамъ изстари существовавшаго суда присяжныхъ,—не могли быть кассированы общиной При отправленіи правосудія самимъ гражданствомъ, въ особенности при разбирательствѣ чисто-политическихъ процессовъ, уже издавна существовало правило, что обвиняемый не подвергался личному задержанію и могъ своимъ отреченіемъ отъ гражданскихъ правъ спасти по меньшей мѣрѣ свою жизнь и свою свободу,—такъ какъ имущественное наказаніе и гражданскій приговоръ могли быть постановлены и надъ изгнанникомъ. Однако предварительное личное задержаніе и исполненіе смертнаго приговора все таки были въ этихъ случаяхъ легально возможны и имъ нерѣдко подвергались даже знатные люди; такъ напримѣръ, преторъ 612 года Луцій Гостилій Тубулъ, преданный за тяжкое преступленіе уголовному суду, былъ арестованъ 142
и казненъ послѣ того, какъ ему было отказано въ правѣ спасти свою жизнь добровольной ссылкой. Напротивъ того, учрежденныя для разбирательства гражданскихъ тяжбъ, судныя коммиссіи, вѣроятно, изстари не имѣли права касаться свободы и жизни гражданъ и по большей мѣрѣ могли присуждать къ ссылкѣ; это смягченіе наказанія, прежде лишь допускавшееся въ пользу признаннаго виновнымъ, впервые обратилось теперь въ формальное наказаніе. И эта недобровольная ссылка, подобно добровольной, не лишала сосланныхъ принадлежавшаго имъ имущества въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это имущество оставалось послѣ уплаты взысканій и денежныхъ пеней.—Наконецъ, что касается долговыхъ взысканій, то хотя Гай Гракхъ и не ввелъ ничего новаго, однако, по словамъ вполнѣ достойныхъ довѣрія свидѣтелей, онъ обѣщалъ обремененнымъ долгами людямъ смягченіе или прекращеніе долговыхъ взысканій, а если это правда, то и это обѣщаніе должно быть причислено къ разряду его радикально-популярныхъ нововведеній.

Возвышеніе всадническаго сословія.

Въ то время, какъ Гракхъ создавалъ для себя опору въ народной толпѣ, которая частію ожидала отъ него матеріальныхъ улучшеній въ своемъ положеніи, частію уже получила ихъ, онъ съ не-

меньшей энергіей стремился къ униженію аристократіи. Ясно сознавая непрочность такого владычества, для котораго служилъ опорой только пролетаріатъ, онъ постарался прежде всего произвести распаденіе въ рядахъ аристократіи и привязать одну ея часть къ своимъ собственнымъ интересамъ. Въ элементахъ для такого распаденія не было недостатка. Аристократія богачей, возставшая противъ Тиберія Гракха, какъ одинъ человѣкъ, въ сущности состояла изъ двухъ совершенно различныхъ массъ, которыя можно до нѣкоторой степени сравнить съ англійской аристократіей, состоящей изъ аристократіи лордовъ и изъ той аристократіи, которая царитъ въ лондонскомъ «сити». Одна состояла изъ фактически замкнутой сферы управлявшихъ государствомъ сенаторскихъ семействъ, которыя держались въ сторонѣ отъ непосредственнаго участія въ спекуляціяхъ, а свои громадные капиталы помѣщали частію въ земельной собственности, частію, какъ негласные компаньоны, въ крупныхъ ассоціаціяхъ. Главное зерно втораго разряда состояло изъ спекулянтовъ, которые занимались крупными коммерческими и финансовыми предпріятіями на всемъ пространствѣ римской гегемоніи или въ качествѣ завѣдывавшихъ дѣлами тѣхъ ассоціацій или на собственный рискъ. Уже было ранѣе разсказано (томъ 1, стр. 848 и сл.), какъ этотъ послѣдній классъ,—въ особенности въ теченіе шестаго столѣтія, — мало по малу занялъ мѣсто наряду съ сенатской аристократіей и какъ легальное устраненіе сенаторовъ отъ коммерческихъ предпріятій путемъ Клавдіевскаго народнаго постановленія, состоявшагося по предложенію предшественника Гракховъ, Гайя Фламинія, внѣшнимъ образомъ отдѣлило сенаторовъ отъ коммерческихъ и финансовыхъ аферистовъ. Въ теченіе описываемой эпохи коммерческая аристократія начинаетъ пріобрѣтать, подъ названіемъ «всадничества», рѣшительное вліяніе и на политическія дѣла. Это названіе, первоначально относившееся только къ тѣмъ, кто служилъ въ гражданской конницѣ, было мало по малу перенесено, — по меньшей мѣрѣ въ обще-принятомъ употребленіи, — на всѣхъ, кто въ качествѣ обладателя собственностью по меньшей мѣрѣ въ 400.000 сестерцій былъ обязанъ нести кавалерійскую службу; стало быть оно обнимало все знатное римское общество, состоявшее какъ изъ сенаторскихъ, такъ и изъ иныхъ богатыхъ семействъ. Но послѣ того, какъ незадолго до Гайя Гракха была легально признана несовмѣстимость сенаторскихъ обязанностей съ службой въ конницѣ (стр. 70) и вслѣдствіе того сенаторы были исключены изъ числа лицъ, годныхъ для конной службы, всадническое сословіе сдѣлалось представителемъ финансовой аристократіи въ противоположность аристократіи сенатской, хотя непоступавшіе въ составъ сената и стало быть младшіе члены сенаторскихъ семействъ попрежнему и служили и назывались всадниками; даже преимущественно изъ молодой

сенатской аристократіи комплектовалась настоящая гражданская конница, то есть восемнадцать всадническихъ центурій, вслѣдствіе того, что личный составъ этихъ центурій зависѣлъ отъ цензоровъ (томъ 1, стр. 782).—Это сословіе всадниковъ, то есть, въ сущности, богатыхъ купцовъ, нерѣдко вступало въ рѣзкія столкновенія съ управлявшими государствомъ сенаторами. Между людьми знатнаго происхожденія и тѣми, кто достигалъ высокаго положенія благодаря богатству, существовала врожденная антипатія. Управлявшіе государствомъ вельможи, и въ особенности самые лучшіе изъ нихъ, столько-же чуждались спекуляцій, сколько люди, преданные матеріальнымъ интересамъ, были равнодушны къ политическимъ вопросамъ и къ раздорамъ политическихъ партій. Тѣ и другіе уже нерѣдко доходили до серьозныхъ столкновеній, въ особенности въ провинціяхъ, потому что провинціальные жители вообще имѣли гораздо болѣе, чѣмъ римскіе капиталисты, основаній жаловаться на пристрастіе римскихъ должностныхъ лицъ и потому что властвовавшіе сенатскіе вельможи не потакали алчности и несправедливостямъ денежныхъ тузовъ въ ущербъ римскимъ подданнымъ такъ безусловно, какъ того требовали эти тузы. Не смотря на то, что родовая аристократія и аристократія денежная дѣйствовали единодушно противъ такого общаго врага, какимъ былъ Тиберій Гракхъ, все таки между ними лежала глубокая пропасть;. Гай расширилъ эту пропасть искуснѣе своего брата и наконецъ достигъ того, что союзъ между двумя аристократіями былъ разорванъ и что богатое купечество перешло на его сторону.

Внѣшнія отличія всадническаго сословія.

Нельзя положительно утверждать, но очень правдоподобно, что именно Гаемъ Гракхомъ были впервые предоставлены всадничеству тѣ внѣшнія преимущества, которыми впослѣдствіи отличались отъ простолюдиновъ люди, внесенные въ цензъ всадниковъ, а именно право носить золотой перстень вмѣсто прежняго желѣзнаго или мѣднаго и право занимать особыя болѣе удобныя мѣста на гражданскихъ празднествахъ. Вѣдь появленіе этихъ привилегій относится именно къ этой эпохѣ; кромѣ того, распространеніе этихъ дотолѣ исключительно-сенаторскихъ привилегій (томъ 1, стр. 776, 788) на всадническое сословіе было совершенно въ духѣ Гракховскихъ реформъ, такъ какъ его главною цѣлію было положить на всадничество отпечатокъ замкнутаго и привилегированнаго сословія, отдѣляющаго сенатскую аристократію отъ толпы простолюдиновъ, а дарованіе такихъ внѣшнихъ отличій быстрѣе привело его къ цѣли, чѣмъ многія болѣе важныя нововведенія, не смотря на то, что эти отличія были сами по себѣ ничтожны и что ими не желали пользоваться многіе изъ тѣхъ, кто имѣлъ на нихъ право. Однако, хотя партія матеріальныхъ интересовъ и не пренебрегала такими почестями, ее нельзя было ими закупить. Гракхъ хорошо понималъ, что хотя

она обыкновенно беретъ сторону того, кто ей больше даетъ, но ее можно закупить только предоставленіемъ ей болѣе важныхъ и болѣе существенныхъ выгодъ—и онъ предоставилъ ей доходы, получавшіеся изъ Азіи, и суды присяжныхъ.

Взиманіе налоговъ въ Азіи. Система римскаго финансоваго управленія, основанная на собираніи какъ косвенныхъ налоговъ такъ и доходовъ съ государственныхъ земель через посредство третьихъ лицъ, уже сама по себѣ доставляла римскимъ капиталистамъ самыя обширныя преимущества въ ущербъ податнаго сословія. Но прямые налоги состояли или—какъ въ большинствѣ провинцій—изъ неизмѣннаго размѣра денежныхъ взносовъ, которые уплачивались общинами и для взиманія которыхъ не было надобности прибѣгать къ посредничеству римскихъ капиталистовъ, или-же — какъ въ Сициліи и въ Сардиніи — изъ десятинной подати, взиманіе которой съ каждой отдѣльной общины отдавалось на откупъ въ самыхъ провинціяхъ, причемъ зажиточные провинціальные жители и нерѣдко сами обложенныя десятинною податью общины брали на откупъ такіе сборы въ своемъ округѣ и тѣмъ устраняли вмѣшательство опасныхъ римскихъ посредниковъ. Когда, за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, Римлянамъ досталась провинція Азія, то сенатъ ввелъ тамъ въ главныхъ чертахъ первую изъ этихъ двухъ системъ (стр. 54). Гай Гракхъ отмѣнилъ эти распоряженія народнымъ декретомъ *) и не только обложилъ дотолѣ почти совершенно свободную отъ податей провинцію огромными косвенными и прямыми налогами, и въ особенности десятиннымъ сборомъ, но кромѣ того установилъ, что эти налоги будутъ отдаваться на откупъ для всей провинціи и въ самомъ Римѣ; вслѣдствіе этого нововведенія провинціальные жители были фактически устранены отъ участія въ откупахъ, а для собиранія въ провинціи Азіи десятинныхъ, пастбищныхъ и таможенныхъ доходовъ образовалась колоссальная ассоціація капиталистовъ. О стараніяхъ Гракха сдѣлать сословіе капиталистовъ независимымъ отъ сената свидѣтельствуетъ и то нововведеніе, что сложеніе откупной суммы вполнѣ или по частямъ уже не зависѣло отъ усмотрѣнія сената, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ допускалось въ силу закона.

Суды присяжныхъ. Такимъ образомъ, для купеческаго сословія было открыто въ Азіи золотое дно, а образовавшаяся изъ откупщиковъ новая компанія сосредоточила въ своихъ рукахъ высшія финансовыя силы и сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ «купеческаго сената», съ которымъ принуждено было считаться само правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ купеческому сословію была отведена въ судахъ присяжныхъ и опредѣ-

---

*) Что именно онъ, а не Тиберій Гракхъ, былъ виновникомъ изданія этого закона, доказываетъ Фронтонъ въ письмахъ къ Веру,—въ началѣ. Сравн. Gracchus у Гелл. 11, 10; Цицер. De Rep. 3, 29 и Verr. 3, 6, 12; Веллей, 2, 6.

ленная сфера публичной дѣятельности. Сфера уголовнаго судопроизводства, легально находившаяся въ вѣдѣніи гражданства, была у Римлянъ изстари очень узка, а Гракхъ, какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 107), еще болѣе съузилъ ее; процессы какъ по обыкновеннымъ преступленіямъ, такъ и по гражданскимъ тяжбамъ, большею частію разрѣшались или особыми присяжными или коммиссіями частію постоянными, частію экстренными. Прежде, и присяжными и членами коммиссіи назначались исключительно сенаторы; какъ для разрѣшенія чисто-гражданскихъ тяжбъ, такъ и для участія въ постоянныхъ и въ экстренныхъ коммиссіяхъ Гракхъ передалъ функціи присяжныхъ всадническому сословію: по его предложенію, списки присяжныхъ стали ежегодно заново составляться, подобно спискамъ всадническихъ центурій, изъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ способенъ нести службу всадниковъ, и изъ состава судей были исключены — сенаторы напрямикъ, а принадлежавшіе къ сенаторскимъ семьямъ молодые люди косвеннымъ путемъ, посредствомъ установленія извѣстныхъ предѣловъ возраста *). Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что выбирались присяжными преимущественно тѣ самые люди, которые играли главную роль въ обширныхъ коммерческихъ ассоціаціяхъ, въ особенности въ азіатской, и разные другіе откупщики податныхъ сборовъ, именно потому, что важные личные интересы побуждали ихъ искать званія судей; а если въ спискахъ присяжныхъ и между членами откупныхъ ассоціацій дѣйствительно значились одни и тѣ-же лица, то намъ становится еще болѣе понятнымъ важное значеніе организованнаго въ такомъ видѣ анти-сената. На дѣлѣ оказался слѣдующій важный результатъ: прежде въ государствѣ было только двѣ власти—правительство, которому принадлежали администрація и контроль, и гражданство, которому принадлежала законодательная дѣятельность, а суды были раздѣлены между этими двумя властями; теперь-же денежная аристократія не только составила тѣсно сплоченный и привилегированный классъ, находившій въ матеріальныхъ интересахъ прочную для себя опору, но стала играть въ государствѣ роль судебной и контролирующей власти и заняла наряду съ правительствующей аристократіей почти равное съ нею мѣсто. Всѣ старинныя антипатіи купечества противъ знати могли впредь уже слишкомъ рѣзко выражаться въ приговорахъ присяжныхъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда намѣстники провинцій привлекались къ отвѣтственности передъ судомъ, сенаторамъ приходилось ожидать приговора, разрѣшавшаго вопросъ объ ихъ гражданскомъ существо-

*) До насъ дошла большая часть новыхъ судебныхъ уставовъ, составленныхъ— вслѣдствіе этой перемѣны въ личномъ составѣ судей,—для постоянной коммиссіи, которая разсматривала дѣла о вымогательствахъ: они извѣстны подъ названіемъ Сервиліевскаго или, вѣрнѣе, Ациліевскаго закона о вымогательствахъ [de repetundis].

ваніи, не такъ какъ было прежде, не отъ ихъ сотоварищей по сенату, а отъ оптовыхъ торговцевъ и отъ банкировъ. Распри между римскими капиталистами и римскими намѣстниками пришлось тогда переносить изъ сферы провинціальнаго управленія на опасную почву процессовъ объ отчетности. Нетолько удалось внести разладъ въ аристократію богачей, но сверхъ того были приняты мѣры, чтобъ этотъ разладъ постоянно находилъ для себя новую пищу и не встрѣчалъ препятствій для своего выраженія.

Монархическая система управленія замѣняетъ сенатскую.

Имѣя въ своемъ распоряженіи два, такимъ образомъ заготовленныя, орудія — пролетаріатъ и купечество, Гракхъ приступилъ къ своей главной цѣли — къ низверженію властвовавшей аристократіи. Чтобъ низвергнуть сенатъ нужно было съ одной стороны изъять изъ его вѣдомства самыя важныя дѣла управленія путемъ законодательныхъ реформъ, а съ другой стороны разорить аристократію посредствомъ нововведеній болѣе личнаго и временнаго характера. Гракхъ сдѣлалъ и то и другое. Администрація находилась до того времени въ исключительномъ вѣдѣніи сената; Гракхъ отнялъ ее у него частію тѣмъ, что сталъ разрѣшать самые важные административные вопросы постановленіями комицій, то есть, на самомъ дѣлѣ, приказаніями трибуновъ, частію тѣмъ, что по мѣрѣ возможности ограничивалъ число поступавшихъ въ сенатъ текущихъ дѣлъ, частію тѣмъ, что захватывалъ множество дѣлъ въ свои собственныя руки. О мѣрахъ перваго разряда уже было упомянуто ранѣе: новый глава государства распоряжался, не спрашиваясь сената, государственною казной, такъ какъ, вводя раздачу хлѣба, онъ наложилъ на государственные финансы постоянное и тяжелое бремя; онъ распоряжался, не спрашиваясь сената, казенными землями, такъ какъ основывалъ колоніи не по опредѣленію и сената и народа, какъ это дѣлалось прежде, а только по опредѣленію народа; онъ распоряжался, не спрашиваясь сената, провинціальной администраціей, такъ какъ отмѣнилъ народнымъ декретомъ податной уставъ, введенный сенатомъ въ провинціи Азіи и ввелъ въ замѣнъ его совершенно другой. Одно изъ важнѣйшихъ текущихъ занятій сената—самовольное разграниченіе сферы дѣятельности между двумя консулами,—хотя и не было у него отнято, но пріобрѣтавшееся такимъ путемъ косвенное вліяніе на этихъ высшихъ сановниковъ было ограничено тѣмъ, что сенату было вмѣнено въ обязанность разграничивать эти двѣ сферы дѣятельности прежде выбора самихъ консуловъ. Наконецъ, Гай съ безпримѣрною дѣятельностью сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ самыя разнообразныя и самыя сложныя дѣла управленія: онъ лично присматривалъ за раздачей хлѣба, самъ выбиралъ присяжныхъ, лично основывалъ колоніи не смотря на то, что при своей должности не имѣлъ права выѣзжать изъ города, наблюдалъ надъ путями сообщеній и заключалъ контракты о новыхъ постройкахъ, руководилъ се-

натскими преніями, устраивалъ избраніе тѣхъ или другихъ консуловъ, — однимъ словомъ, онъ пріучалъ народъ къ мысли, что все исходитъ отъ одного человѣка и затмилъ управленіе вялой и какъ бы разбитой параличёмъ сенаторской коллегіи своимъ энергичнымъ и искуснымъ личнымъ управленіемъ.—Еще рѣшительнѣе, чѣмъ на сенатскую администрацію, Гракхъ наложилъ свою руку на сенаторское судебное полновластіе. Что онъ устранилъ сенаторовъ отъ должности присяжныхъ, уже было говорено ранѣе; точно такъ-же поступилъ онъ съ юрисдикціей, которую сенатъ присвоивалъ себѣ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, въ качествѣ высшей административной власти. Подъ страхомъ строгаго наказанія и, какъ кажется, путемъ возобновленія закона объ аппелляціи *), онъ воспретилъ назначать сенатскими постановленіями экстраординарныя коммиссіи по дѣламъ о государственной измѣнѣ, въ родѣ той, какая судила, послѣ умерщвленія Тиберія, его приверженцевъ. Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что сенатъ совершенно лишился правъ контроля, а изъ административныхъ дѣлъ удержалъ въ своихъ рукахъ только тѣ, какія заблагоразсудилъ предоставить ему глава государства. Но Гай не удовольствовался и этими измѣнявшими конституцію мѣрами: онъ добрался и до личности тогдашнихъ аристократовъ. То было дѣломъ мщенія, что послѣднему изъ вышеупомянутыхъ законовъ была дана сила обратнаго дѣйствія, вслѣдствіе чего былъ вынужденъ удалиться изъ своего отечества тотъ членъ аристократіи, на которомъ, послѣ смерти Назики, сосредоточивалось озлобленіе демократовъ, — Публій Попиллій. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что это предложеніе было утверждено въ окружномъ собраніи только 18 голосами противъ 17; онъ доказываетъ, что по меньшей мѣрѣ въ вопросахъ, касавшихся личныхъ интересовъ, вліяніе аристократіи на народную массу еще было очень сильно. Гай внесъ другой законопроэктъ, составленный въ томъ же духѣ, но еще менѣе достойный одобренія, и направленный прямо противъ Марка Октавія,—онъ предложилъ, чтобъ всякій, кто лишился своей должности по рѣшенію народа, считался навсегда неспособнымъ занимать какую либо общественную должность; впрочемъ Гай, по просьбѣ своей матери, взялъ это предложеніе назадъ и тѣмъ избавилъ себя отъ позора явно нарушать справедливость изданіемъ нарушавшаго конституцію закона и низкимъ образомъ мстить честному человѣку, который не сказалъ о Тиберіѣ ни одного обиднаго слова и который дѣйствовалъ согласно съ законами и съ своими обязанностями, такъ какъ ихъ понималъ. Но еще гораздо важнѣе всѣхъ этихъ мѣръ былъ задуманный Гаемъ, но едва-ли приведенный имъ

*) Этотъ законъ и законъ ne quis iudicio circumveniatur, вѣроятно, были тождественны.

въ исполненіе, планъ увеличить личный составъ сената тремя стами новыми членами, то есть почти удвоить этотъ составъ, а выборъ новыхъ сенаторовъ изъ сословія всадниковъ предоставить комиціямъ,— такое назначеніе огромнаго числа новыхъ перовъ поставило бы сенатъ въ самую полную зависимость отъ главы государства.

Характеристика государственныхъ учрежденій Гайя Гракха.

Таковы были государственныя учрежденія, которыя Гракхъ задумалъ ввести и дѣйствительно ввелъ въ ихъ самыхъ важныхъ чертахъ въ теченіе двухъ лѣтъ своего трибуната (631, 632), даже, 123
сколько намъ извѣстно, не встрѣтивши никакого серьознаго сопротивленія и не будучи вынужденъ прибѣгать, для достиженія своей цѣли, къ насиліямъ. Порядокъ, въ которомъ проводились эти нововведенія, не можетъ быть съ точностью указанъ по причинѣ неполноты дошедшихъ до насъ свѣдѣній, и намъ приходится оставлять безъ отвѣта немало возникающихъ отсюда вопросовъ; тѣмъ не менѣе отъ насъ едва-ли ускользнули какія нибудь существенныя подробности, такъ какъ о самыхъ важныхъ фактахъ мы имѣемъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія и такъ какъ Гай не увлекался, подобно своему брату, потокомъ событій все далѣе и далѣе, а напротивъ того, очевидно, имѣлъ зрѣло-обдуманный и обширный планъ, который въ сущности и привелъ вполнѣ въ исполненіе изданіемъ цѣлаго ряда спеціальныхъ законовъ.—Для всякаго, кто имѣетъ глаза и кто желаетъ ими пользоваться, Семпроніевскія государственныя учрежденія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Гай Гракхъ вовсе не имѣлъ въ виду утвердить римскую республику на новыхъ демократическихъ основахъ, какъ это воображали иные добродушные люди и въ старыя и въ новыя времена; напротивъ того, онъ хотѣлъ отмѣнить республиканскія учрежденія; онъ стремился къ пожизненному народному трибунату съ неограниченною властію, занимая такую должность, которая дѣлалась пожизненной вслѣдствіе ежегодно возобновлявшагося избранія, и которая доставляла неограниченную власть вслѣдствіе безусловнаго господства надъ формально-самодержавными комиціями; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ ввести въ замѣнъ республики тиранію, то есть,—если употреблять ходячія въ наше время выраженія—не феодальную и не теократическую, а Наполеоновскую абсолютную монархію. Дѣйствительно, если Гракхъ намѣревался упразднить систему сенатскаго правленія, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ его слова и еще болѣе ясно свидѣтельствуютъ его дѣла, то какой-же другой образъ правленія, кромѣ тираніи, былъ-бы послѣ паденія аристократическаго режима возможенъ въ такомъ государствѣ, для котораго уже не годились старинныя народныя сходки, но которое еще не додумалось до парламентаризма? Противъ этого, пожалуй, стали-бы возражать такіе мечтатели, какъ предшественникъ Гайя, и тѣ сумасбродные прожектёры, которые выступали на сцену въ болѣе позднія времена; но Гай Гракхъ былъ

государственный человѣкъ и хотя внѣшняя форма, въ которую этотъ великій преобразователь замышлялъ облечь свое великое созданіе, осталась для насъ неизвѣстной и представляется нашему уму въ разнообразныхъ видахъ, но самъ онъ, конечно, хорошо зналъ, что дѣлалъ. Какъ ни ясно распознается намѣреніе Гракха присвоить себѣ монархическую власть, все таки его едва-ли будетъ осуждать тотъ, кто вникнетъ въ тогдашнее положеніе дѣлъ. Абсолютная монархія—великое несчастіе для народа, но не столь великое, какъ абсолютное владычество олигархіи; поэтому исторія не должна порицать того, кто замѣняетъ болѣе тяжкое зло менѣе тяжкимъ, и еще менѣе имѣетъ она права порицать такого со страстію преданнаго своему дѣлу и неспособнаго ни на какую пошлость человѣка, какимъ былъ Гай Гракхъ. Тѣмъ не менѣе она не должна умалчивать о томъ, что во всей законодательной дѣятельности Гайя проглядываетъ самая непростительная двойственность, такъ какъ эта дѣятельность съ одной стороны была направлена къ общей пользѣ, а съ другой служила орудіемъ для личныхъ цѣлей властителя и даже для удовлетворенія его личной жажды мщенія. Гракхъ усердно старался отыскать способъ исцѣленія отъ общественныхъ недуговъ и воспрепятствовать распространенію пауперизма; но въ то-же время онъ сознательно размножалъ столичный уличный пролетаріатъ самаго вреднаго сорта, вводя раздачу хлѣба, которая должна была служить и дѣйствительно служила приманкой для всей гражданской сволочи, питавшей отвращеніе къ труду и не имѣвшей куска хлѣба. Гракхъ порицалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ продажность сенаторовъ и въ особенности съ безпощадной и справедливой строгостью уличалъ Манія Аквиллія, торговавшаго мало-азіатскими провинціями *). Но тотъ-же самый человѣкъ былъ виновникомъ того, что самодержавная столичная чернь кормилась, въ награду за свои правительственныя заботы, на счетъ подданныхъ. Гракхъ горячо порицалъ позорное ограбленіе провинцій и по его настоянію не только было поступлено съ благотворной строгостью въ нѣкоторыхъ от-

---

*) Дошедшій до насъ длинный отрывокъ изъ рѣчи Гракха относится именно къ этому торгу изъ-за обладанія Фригіей, которая, послѣ завладѣнія царствомъ Атталидовъ, была предложена Маніемъ Аквилліемъ въ продажу царямъ Виѳиніи и Понта и была куплена послѣднимъ изъ нихъ съ надбавкой цѣны [стр. 55]. Въ этой рѣчи Гракхъ замѣчаетъ, что ни одинъ сенаторъ не печется даромъ о государственныхъ дѣлахъ; затѣмъ Гракхъ прибавляетъ, что относительно закона, о которомъ идетъ рѣчь [закона объ уступкѣ Фригіи царю Митридату], сенаторы дѣлятся на три разряда—на тѣхъ, кто говоритъ да, на тѣхъ, кто говоритъ нѣтъ, и на тѣхъ, кто ничего не говоритъ; первые были подкуплены царемъ Митридатомъ, вторые—царемъ Никомедомъ, а третьи были всѣхъ хитрѣе: они принимали подарки отъ пословъ обоихъ царей, внушая каждой изъ двухъ партій увѣренность, что они молчали въ ея пользу.

дѣльныхъ случаяхъ, но и были упразднены ни къ чему негодные сенаторскіе суды, въ которыхъ даже Сципіонъ Эмиліанъ безуспѣшно употреблялъ въ дѣло все свое вліяніе, чтобъ добиться наказанія самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ. Но съ другой стороны онъ введеніемъ купеческихъ судовъ отдалъ провинціальныхъ жителей съ связанными руками въ распоряженіе партіи матеріальныхъ интересовъ, подвергнувъ ихъ еще болѣе безпощадной тираніи, чѣмъ прежняя тиранія аристократіи, и ввелъ въ Азіи такіе налоги, сравнительно съ которыми могла-бы считаться легкой и необременительной даже система налоговъ, введенная въ Сициліи по кароагенскому образцу,—а то и другое было сдѣлано частію потому что Гай нуждался въ партіи капиталистовъ, частію потому, что для введенной имъ раздачи хлѣба и для покрытія другихъ расходовъ, которыми онъ обременилъ государственную казну, ему понадобились новые и болѣе обильные рессурсы. Гракхъ, безъ сомнѣнія, желалъ твердой администраціи и хорошо организованнаго отправленія правосудія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его многочисленныя и цѣлесообразныя нововведенія; но его новая система управленія была основана на длинномъ рядѣ отрывочныхъ захватовъ власти, легализированныхъ лишь только съ своей формальной стороны; кромѣ того онъ сознательно втянулъ въ самый водоворотъ революціи судебное устройство, которое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ стараются по мѣрѣ возможности поставить если не выше политическихъ партій, то по меньшей мѣрѣ внѣ сферы ихъ вліянія. Впрочемъ, причиной такой двойственности въ тенденціяхъ Гайя Гракха были не столько его личные недостатки, сколько неблагопріятныя условія его положенія. Вмѣстѣ съ зарожденіемъ тираніи возникла и та роковая нравственно-политическая дилемма, что одному и тому-же человѣку приходилось и держаться на своемъ мѣстѣ при помощи такихъ средствъ, которыя приличны атаману разбойниковъ, и управлять государствомъ въ качествѣ его перваго гражданина; а такой дилеммѣ были-бы вынуждены приносить важныя жертвы даже такіе люди, какъ Периклъ, Цезарь и Наполеонъ. Однако, въ образѣ дѣйствій Гайя Гракха еще не все объясняется гнётомъ этой необходимости; въ его душѣ кромѣ того свирѣпствовала всепожирающая страсть—пламенная жажда мщенія, и онъ, предвидя свою гибель, бросалъ головешки въ домъ своего врага. Онъ самъ высказалъ свой взглядъ на введенное имъ устройство суда присяжныхъ и на другія подобныя мѣры, клонившіяся къ возбужденію разлада въ средѣ аристократіи: это были, по его словамъ, кинжалы, которые онъ бросалъ на городскую площадь для того, чтобъ граждане—само собой разумѣется, знатные граждане,—поражали ими другъ друга. Онъ былъ политическимъ поджигателемъ: не только ведущая отъ него свое начало, столѣтняя революція была дѣломъ именно Гайя Гракха въ той мѣрѣ, въ какой могла

быть дѣломъ одного человѣка, но,—что еще важнѣе,—онъ былъ главнымъ виновникомъ существованія того отвратительнаго столичнаго пролетаріата, которому правительственныя власти всячески старались угождать, который кормился на счетъ казны, котораго привлекала въ столицу раздача хлѣба, который вслѣдствіе своего сосредоточенія въ Римѣ частію былъ совершенно деморализованъ, частію сознавалъ свое могущество, который своими частію безсмысленными, частію плутовскими притязаніями и своимъ карикатурнымъ народнымъ самодержавіемъ давилъ римское государство какъ кошемаръ въ теченіе пяти столѣтій и погибъ только вмѣстѣ съ нимъ. И все таки этотъ величайшій изъ политическихъ преступниковъ былъ возсоздателемъ своего отечества. Въ римской монархіи едва-ли найдется хоть одна плодотворная идея, которая не вела-бы своего начала отъ Гайя Гракха. Отъ него велъ свое начало тотъ отчасти коренившійся въ старинномъ военномъ правѣ, но незнакомый древнѣйшему государственному праву въ такомъ-же объемѣ и практическомъ примѣненіи, принципъ, что вся земля подвластныхъ общинъ должна считаться частною собственностью государства,—на этотъ принципъ сначала ссылались въ доказательство того, что государство имѣетъ право облагать эти земли по своему произволу податями, какъ то дѣлалось въ Азіи, или же заводить на нихъ колоніи, какъ то дѣлалось въ Африкѣ, а во времена имперіи онъ сдѣлался основной юридической аксіомой. Отъ Гайя Гракха ведетъ свое начало обыкновеніе демагоговъ и тирановъ низвергать властвующую аристократію, опираясь на матерьальные интересы народа, и вообще придавать заднимъ числомъ легальность измѣненіямъ государственныхъ учрежденій посредствомъ замѣны прежняго дурнаго управленія строгой и благотворной администраціей. Въ особенности отъ Гайя Гракха ведетъ свое начало то уравненіе Рима съ провинціями, къ которому неизбѣжно должно было привести возстановленіе монархіи; попытка возстановить разрушенный соперничествомъ Италійцевъ Карѳагенъ и вообще открыть для италійскихъ эмигрантовъ путь въ провинціи была первымъ звеномъ въ длинной цѣпи мѣропріятій, вызванныхъ этими знаменательными и благотворными стремленіями. Въ этомъ оригинальномъ человѣкѣ и въ этомъ удивительномъ сочетаніи самыхъ разнообразныхъ политическихъ замысловъ до такой степени перемѣшивались заслуга съ преступленіемъ, удача съ неудачей, что мы считаемъ себя въ правѣ дозволить себѣ то, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяется историку—воздержаться отъ произнесенія окончательнаго приговора.

Вопросъ о союзникахъ.

Когда Гракхъ осуществилъ въ главныхъ чертахъ задуманную имъ реформу государственныхъ учрежденій, онъ принялся за другое дѣло. Вопросъ, касавшійся италійскихъ союзниковъ, еще не былъ разрѣшенъ. Какъ смотрѣли на него вожаки демократической партіи,

уже было съ несомнѣнной ясностью доказано ихъ образомъ дѣйствій (стр. 103); они, натурально, желали какъ можно болѣе увеличить число лицъ, пользовавшихся правами римскаго гражданства,—не только для того, чтобъ можно было раздавать казенныя земли, занятыя Латинами, но главнымъ образомъ для того, чтобъ включить въ число своихъ клiентовъ громадную массу новыхъ гражданъ, для того, чтобъ упрочить свое влiянiе на комицiи посредствомъ расширенiя сферы лицъ, имѣвшихъ право участвовать въ выборахъ, и вообще для того, чтобъ уничтожить такое различiе въ правахъ, которое и безъ того уже утрачивало всякое серьозное значенiе съ уничтоженiемъ республиканскихъ учрежденiй. Однако они встрѣтили сопротивленiе въ средѣ своей собственной партiи и въ особенности въ томъ разрядѣ людей, который всегда былъ готовъ произнести свое державное «да» въ отвѣтъ на все, что́ понималъ и чего не понималъ; причина такого сопротивленiя вполнѣ естественна: въ глазахъ этихъ людей права римскаго гражданства были чѣмъ-то въ родѣ акцiи, предоставлявшей имъ извѣстную долю въ разныхъ прямыхъ и косвенныхъ выгодахъ, поэтому они вовсе не желали уве-
125 личивать число акцiонеровъ. Неутвержденiе въ 629 году Фульвiевскаго закона и вспыхнувшее вслѣдствiе того возстанiе Фрегеллъ свидѣтельствовали какъ о безразсудномъ упорствѣ той фракцiи гражданства, которая господствовала въ комицiяхъ, такъ и о нетерпѣливой требовательности союзниковъ. Въ концѣ своего втораго
122 трибуната (632) Гракхъ отважился на вторичную попытку, вѣроятно, подъ гнетомъ данныхъ союзникамъ обѣщанiй; онъ сталъ дѣйствовать сообща съ Маркомъ Флаккомъ, который хотя и принадлежалъ къ числу консуляровъ, но все таки принялъ на себя обязанности народнаго трибуна въ надеждѣ, что ему теперь удастся провести ранѣе безуспѣшно имъ предложенный законопроэктъ. Гай предложилъ предоставить Латинамъ полныя гражданскiя права, а остальнымъ италiйскимъ союзникамъ прежнiя права Латиновъ. Но это предложенiе встрѣтило оппозицiю и со стороны сената и со стороны столичной черни; какого рода была эта коалицiя и какимъ оружiемъ она вела борьбу, вполнѣ ясно видно изъ случайно дошедшаго до насъ отрывка изъ рѣчи, которую произнесъ консулъ Гай Фаннiй передъ гражданствомъ противъ законопроэкта. «Неужели вы полагаете»,—говорилъ этотъ оптиматъ,—«что послѣ того, какъ вы дадите Латинамъ права гражданства, вы и впредь будете стоять на гражданской сходкѣ такъ-же, какъ стоите теперь передо мной, и что вы по прежнему будете находить для себя мѣста на играхъ и на народныхъ увеселенiяхъ? Неужели вы не понимаете, что тѣ люди займутъ каждый свободный уголокъ?» Гражданство пятаго столѣтiя, предоставившее въ одинъ день всѣмъ Сабинамъ гражданскiя права, вѣроятно, ошикало-бы такого оратора; гражданство седьмаго столѣ-

тія нашло доводы этого оратора вполнѣ основательными, а предложенную ему Гракхомъ въ видѣ вознагражденія раздачу латинскихъ казенныхъ земель далеко неудовлетворительною. Уже тотъ фактъ, что передъ окончательной баллотировкой сенатъ осмѣлился выслать изъ города всѣхъ негражданъ, ясно доказывалъ, какая участь ожидала самый законопроэктъ. А когда передъ самой баллотировкой сотоварищъ Гракха, Ливій Друзъ, предъявилъ протестъ противъ законопроэкта, то народъ такъ отнесся къ этому трибунскому veto, что Гракхъ не осмѣлился настаивать на-своемъ или приготовить для Друза такую же участь, какая постигла Марка Октавія.

Паденіе Гракха.

Какъ кажется, именно этотъ успѣхъ и далъ сенату смѣлость попытаться низложить торжествующаго демагога. Способы нападенія были въ сущности точно такіе же, къ какимъ прежде прибѣгалъ самъ Гракхъ. Опорой для могущества Гракха служили купечество и пролетаріатъ и въ особенности этотъ послѣдній, исполнявшій роль арміи въ борьбѣ, которую обѣ стороны вели, не прибѣгая къ военной силѣ. Сенатъ, очевидно, не былъ достаточно силенъ для того, чтобъ отнять у купечества и у пролетаріата ихъ новыя права: всякая попытка отмѣнитъ законъ о раздачѣ хлѣба или новую организацію суда присяжныхъ привела-бы,—въ болѣе или менѣе грубой формѣ,—къ уличнымъ безпорядкамъ, съ которыми сенатъ неимѣлъ-бы никакой возможности справиться. Но не менѣе очевидно было и то, что самъ Гракхъ былъ связанъ съ купцами и съ пролетаріями только обоюдными выгодами и что какъ для партіи матеріальныхъ интересовъ такъ и для черни было все равно, отъ кого будутъ онѣ получать, первая свои мѣста, а вторая свой хлѣбъ—отъ Гайя Гракха или отъ кого-либо другаго. Нововведенія Гракха были, по меньшей мѣрѣ въ ту пору, непоколебимы, за исключеніемъ только одного изъ нихъ — его собственнаго владычества. Причина непрочности этого владычества заключалась въ томъ, что при Гракховскихъ государственныхъ учрежденіяхъ не существовало взаимной преданности между вождемъ и его арміей и что въ новомъ государственномъ устройствѣ были на лицо всѣ другіе задатки жизненности, кромѣ одного,—кромѣ той нравственной связи между правителемъ и управляемыми, безъ которой всякое государство держится на глиняномъ фундаментѣ. Въ отказѣ утвердить законопроэктъ о принятіи Латиновъ въ римскій гражданскій союзъ обнаружилось съ поразительной ясностью, что на самомъ дѣлѣ народная толпа никогда неподавала свои голоса за Гракха, а всегда подавала ихъ только сама за себя; поэтому аристократія составила планъ сразиться съ виновникомъ раздачи хлѣба и казенныхъ земель на его собственной почвѣ. Само собой разумѣется, что сенатъ предложилъ пролетаріату не только все то, что было сдѣлано для него Гракхомъ введеніемъ раздачи хлѣба и другими мѣропріятіями, но и еще болѣе значительныя выгоды. По

Конкуренція со стороны сенатскихъ демагоговъ. Ливіевскіе законы.

порученію сената, народный трибунъ Маркъ Ливій Друзъ предложилъ сложить поземельную ренту, которою были обложены получатели Гракховскихъ надѣловъ (стр. 86) и признать эти надѣлы свободною и отчуждаемою собственностью; кромѣ того Друзъ предложилъ въ замѣнъ основанія заморскихъ колоній пристроить пролетаріевъ въ двѣнадцати италійскихъ колоніяхъ, каждая изъ которыхъ должна была состоять изъ 3000 переселенцевъ, а выборъ людей для приведенія этой мѣры въ исполненіе предоставить народу; только самъ Друзъ,—въ противоположность съ членами Гракховской фамильной коллегіи, — отказался отъ всякаго участія въ исполненіи такихъ почетныхъ обязанностей. Этотъ планъ предполагалось исполнить, по всему вѣроятію, на счетъ Латиновъ, такъ какъ въ Италіи въ ту пору, какъ кажется, уже не было сколько-нибудь обширныхъ, поступившихъ подъ оккупацію казенныхъ земель, кромѣ тѣхъ, которыми пользовались Латины. Сверхъ того, отъ Друза исходили нѣкоторыя отдѣльныя постановленія, повидимому имѣвшія цѣлію вознаградить Латиновъ за какія-то потери; такъ напримѣръ, было установлено, что латинскихъ солдатъ могутъ присуждать къ наказанію палками только латинскіе начальники, а не римскіе офицеры. Этотъ планъ не былъ изъ числа особенно хитро задуманныхъ. Въ немъ слишкомъ ясно проглядывало намѣреніе соперничать съ демагогами; въ немъ слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза желаніе еще прочнѣе скрѣпить союзъ между знатью и пролетаріатомъ путемъ совокупнаго угнетенія Латиновъ; наконецъ, изъ него само собою возникало то затрудненіе, что италійскія казенныя земли уже были большею частію розданы и что даже послѣ отобранія всѣхъ казенныхъ земель, находившихся въ пользованіи Латиновъ, едва-ли нашлись-бы достаточные казенные участки для поселенія двѣнадцати новыхъ, многолюдныхъ и замкнутыхъ гражданскихъ общинъ; наконецъ заявленіе Друза о его нежеланіи принимать какое-либо участіе въ исполненіи предложеннаго имъ закона было до такой степени благоразумно, что могло казаться просто безсмысленнымъ. Но эта неискусно устроенная ловушка оказалась совершенно годной для охоты за той дичью, которую желали изловить. Съ этимъ совпало и, быть можетъ, имѣло рѣшающее значеніе то обстоятельство, что Гракхъ, чьимъ личнымъ вліяніемъ только и держались новые порядки, былъ именно въ то время занятъ въ Африкѣ устройствомъ кароагенской колоніи, а замѣнявшій его въ столицѣ, Маркъ Флаккъ дѣйствовалъ такъ заносчиво и неумѣло, что только помогалъ противнику. Поэтому «народъ» утвердилъ Ливійскіе законопроэкты съ такой же готовностью, съ какой когда-то утвердилъ Семпроніевскіе законопроэкты. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отблагодарилъ своего новаго благодѣтеля, по обыкновенію, тѣмъ, что далъ легкаго пинка старому и когда этотъ послѣдній выступилъ въ 633 году въ третій
121

разъ кандидатомъ на званіе трибуна, не выбралъ его; впрочемъ, при этихъ выборахъ, какъ утверждали, были допущены нѣкоторыя неправильности тѣмъ трибуномъ, который руководилъ выборами и принадлежалъ къ числу людей, обиженныхъ Гракхомъ. Тогда рушилась подъ ногами Гайя главная основа его владычества. Новымъ ударомъ были для него консульскіе выборы, которые не только вообще были неблагопріятны для демократіи, но даже поставили во главѣ государства Луція Опимія,—того самого, который въ званіи
претора завладѣлъ въ 629 году Фрегеллами; это былъ одинъ изъ 125
самыхъ энергичныхъ и готовыхъ на всякую крайнюю мѣру вожаковъ строго-аристократической партіи, твердо рѣшившійся устранить опаснаго противника при первомъ случаѣ. Такой случай скоро пред-
122 ставился. 10 декабря 632 года Гракхъ пересталъ быть народнымъ трибу-
121 номъ; 1 января 633 года Опимій вступилъ въ отправленіе своей должности. Первое нападеніе было сдѣлано, какъ и слѣдовало ожидать, на самую полезную и самую непопулярную изъ принятыхъ Гракхомъ мѣръ, — на возстановленіе Карѳагена. До того времени дѣлались нападенія на основаніе заморскихъ колоній только косвеннымъ образомъ—посредствомъ болѣе заманчиваго основанія колоній въ самой Италіи, а теперь стали распространяться слухи, что африканскія гіены выкапываютъ изъ земли вновь поставленные карѳагенскіе межевые камни; спрошенные по этому поводу, римскіе попы засвидѣтельствовали,—согласно съ тѣмъ, чего отъ нихъ желали,— что такія знаменія и чудеса должны считаться яснымъ предостереженіемъ противъ возведенія построекъ на такомъ мѣстѣ, на которомъ лежитъ божеское проклятіе. Вслѣдствіе этого сенатъ счелъ себя по совѣсти обязаннымъ предложить изданіе закона, запрещавшаго основаніе колоніи Юноніи. Гракхъ именно въ то время былъ занятъ выборомъ колонистовъ при содѣйствіи другихъ лицъ, избранныхъ для устройства колоніи; онъ явился въ день подачи голосовъ въ Капитолій, куда были созваны граждане, и надѣялся, что при помощи его сторонниковъ ему удастся отвергнуть новый законъ. Насилій онъ желалъ избѣгать для того, чтобъ не доставить своимъ противникамъ предлога къ схваткѣ, котораго они искали; однако онъ не могъ помѣшать большинству своихъ приверженцевъ явиться вооруженными, такъ какъ они еще не позабыли, какъ погибъ Тиберій, и хорошо знали, что̀ замышляетъ аристократія, а при крайнемъ возбужденіи обѣихъ партій было трудно избѣжать столкновенія. Въ Капитолійскомъ храмѣ консулъ Луцій Опимій совершилъ обычное жертвоприношеніе; одинъ изъ прислуживавшихъ ему ликторовъ, Квинтъ Антуллій объявилъ, держа въ рукахъ священныя внутренности принесеннаго въ жертву животнаго, что «дурные граждане» должны выйти вонъ и, повидимому, намѣревался наложить руку на самого Гайя; тогда одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Гракха

Нападки на основаніе заморскихъ колоній.

Гибель Гракха.

обнажилъ свой мечъ и закололъ этого человѣка. Поднялся страшный шумъ. Гракхъ тщетно пытался обратиться къ народу съ рѣчью и отклонить отъ себя отвѣтственность за убійство, соединенное съ святотатствомъ; но онъ только доставилъ противникамъ поводъ для обвиненія его въ нарушеніи законовъ, такъ какъ прервалъ говорившаго въ ту минуту къ народу трибуна, голосъ котораго не долеталъ до его слуха среди общаго смятенія,—а за это онъ подлежалъ чрезвычайно строгому наказанію въ силу одного давно позабытаго постановленія, изданнаго въ эпоху сословныхъ распрей (томъ 1, стр. 273). Консулъ Луцій Опимій принялъ надлежащія мѣры, чтобъ подавить силою оружія смуту, которую называли возстаніемъ, имѣвшимъ цѣлію ниспровергнуть республиканскія учрежденія. Самъ онъ провелъ, не смыкая глазъ, всю ночь въ храмѣ Кастора, на городской площади; съ ранняго утра стали стекаться въ Капитолій критскіе стрѣлки, а въ сенатскій домъ и на городскую площадь приверженцы правительственной партіи, сенаторы и преданные имъ всадники, которые явились, по требованію консула, съ оружіемъ въ рукахъ и каждый въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ рабовъ. Всѣ члены аристократіи были на лицо; даже всѣми уважаемый Квинтъ Метеллъ, уже достигшій глубокой старости и благосклонно относившійся къ реформѣ, явился со щитомъ и съ мечомъ. Способный офицеръ Децимъ Брутъ, отличившійся въ испанскихъ войнахъ, принялъ главное начальство надъ военными силами; сенатъ собрался въ куріи. Погребальныя носилки съ трупомъ ликтора были поставлены передъ куріей; сенаторы, какъ будто ничего незнавшіе о случившемся, столпились у выхода для того, чтобъ взглянуть на трупъ, и затѣмъ возвратились въ курію, чтобъ принять окончательное рѣшеніе. Вожди демократіи разошлись изъ Капитолія по своимъ домамъ; Маркъ Флаккъ провелъ ночь въ приготовленіяхъ къ уличной войнѣ, между тѣмъ какъ Гракхъ, по видимому, не хотѣлъ бороться съ судьбой. Узнавши утромъ слѣдующаго дня о мѣрахъ, принятыхъ противниками въ Капитоліи и на городской площади, оба они направились къ Авентину, который изстари служилъ для народной партіи цитаделью во время борьбы патриціевъ съ плебеями. Гракхъ шолъ туда молча и безоружнымъ; Флаккъ призвалъ къ оружію рабовъ и укрѣпился въ храмѣ Діаны, въ то-же время отправивши своего младшаго сына Квинта въ непріятельскій лагерь, чтобъ попытаться мирно уладить дѣло. Сынъ возвратился съ извѣстіемъ, что аристократія требуетъ изъявленія безусловной покорности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ требованіе сената, чтобъ Гракхъ и Флаккъ явились къ отвѣту по обвиненію въ нарушеніи священной неприкосновенности народнаго трибуна. Гракхъ хотѣлъ исполнить это требованіе, но Флаккъ удержалъ его и снова прибѣгнулъ къ столько-же безразсудной, сколько малодушной попыткѣ склонить такихъ противниковъ къ соглашенію·

Когда вмѣсто двухъ вождей снова прибылъ только молодой Квинтъ Флаккъ, то консулъ призналъ нежеланіе первыхъ явиться лично за сигналъ къ открытому возстанію противъ правительства; онъ приказалъ арестовать посланнаго и подалъ знакъ къ нападенію на Авентинъ; въ то же время онъ приказалъ объявлять на улицахъ, что тому, кто принесетъ голову Гракха или Флакка, будетъ отвѣшено правительствомъ столько золота, сколько вѣсятъ эти головы, и что всякій, кто покинетъ Авентинъ до начала борьбы, будетъ избавленъ отъ всякаго наказанія. Тогда ряды защитниковъ Авентина быстро порѣдѣли; храбрая знать, при содѣйствіи Критянъ и рабовъ, взяла приступомъ гору, которую почти некому было защищать, и положила на мѣстѣ всѣхъ, кого тамъ нашла — человѣкъ 250 бо́льшею частію изъ простонародья. Маркъ Флаккъ спасся бѣгствомъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, но убѣжище, гдѣ они укрылись, было скоро отыскано и они были убиты. Гракхъ удалился въ началѣ борьбы въ храмъ Миневры и хотѣлъ заколоть себя мечомъ, но его другъ Публій Леторій схватилъ его за руку, умоляя поберечь себя для болѣе счастливаго времени. Гракхъ склонился на убѣжденія попытаться спастись бѣгствомъ на противоположный берегъ Тибра; но, торопливо сбѣгая съ горы, онъ упалъ и свихнулъ себѣ ногу. Чтобъ дать ему время уйти, его два спутника бросились навстрѣчу къ тѣмъ, кто его преслѣдовалъ — Маркъ Помпоній сталъ подлѣ porta Trigemina внизу Авентина, а Публій Леторій на мосту черезъ Тибръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ разсказываютъ, Горацій Коклесъ когда-то одинъ удерживалъ этрусскую армію; они были изрублены, но Гракхъ успѣлъ добраться, въ сопровожденіи только раба Эвпора, до предмѣстія на правомъ берегу Тибра. Тамъ, въ священной рощѣ Фуррины, были впослѣдствіи найдены ихъ трупы: рабъ, какъ слѣдуетъ полагать, сначала убилъ своего господина, а потомъ и самъ себя лишилъ жизни. Головы обоихъ убитыхъ вождей были представлены правительству, согласно его приказанію: человѣкъ знатнаго происхожденія, по имени Луцій Септумулей, принесшій голову Гракха, получилъ обѣщанное вознагражденіе и даже съ излишкомъ, а убійцы Флакка, которые были изъ простолюдиновъ, были отпущены съ пустыми руками. Тѣла убитыхъ были брошены въ рѣку, а дома вождей были отданы черни на разграбленіе. Противъ приверженцевъ Гракха начались уголовныя преслѣдованія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; изъ нихъ около 3000 человѣкъ умерли на висѣлицахъ внутри тюремъ; въ этомъ числѣ находился и восемнадцатилѣтній Квинтъ Флаккъ, непринимавшій участія въ борьбѣ и возбуждавшій общее сочувствіе своей молодостью и мягкостью своего характера. На площади, у подножія Капитолія, гдѣ послѣ возстановленія внутренняго спокойствія былъ воздвигнутъ Камилломъ въ исполненіе даннаго обѣта

алтарь (томъ 1, стр. 295) и гдѣ находились нѣкоторыя другія святилища, воздвигнутыя по поводамъ такого-же рода, было приказано снести всѣ такія маленькія часовни, а изъ имущества убитыхъ или осужденныхъ на смерть государственныхъ преступниковъ, которое было конфисковано вмѣстѣ съ приданымъ ихъ женъ, былъ построенъ консуломъ Луціемъ Опиміемъ, по порученію сената, новый великолѣпный храмъ Согласія съ принадлежавшимъ къ нему портикомъ; дѣйствительно, уже пора было уничтожить памятники стараго единомыслія и начать эру новаго надъ трупами трехъ внуковъ побѣдителя при Замѣ, которые уже всѣ сдѣлались жертвами революціи— сначала Тиберій Гракхъ, потомъ Сципіонъ Эмиліанъ и наконецъ младшій изъ нихъ и самый даровитый—Гай Гракхъ. Память Гракховъ была офиціально предана проклятію; даже Корнеліи было запрещено носить трауръ по ея послѣднемъ сынѣ. Но страстная привязанность, которую многіе питали къ двумъ благороднымъ братьямъ и въ особенности къ Гаію, еще при ихъ жизни, обнаружилась трогательнымъ образомъ послѣ ихъ смерти въ томъ почти религіозномъ благоговѣніи, съ которымъ народная толпа постоянно относилась, несмотря ни на какія полицейскія запрещенія, и къ ихъ памяти и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они погибли.

ГЛАВА IV.

Господство реставраціи.

Воздвигнутое Гайемъ Гракхомъ новое зданіе обратилось съ его смертію въ развалины. Хотя его смерть, точно такъ-же какъ и смерть его брата, была въ сущности ничѣмъ инымъ какъ дѣломъ мщенія, тѣмъ неменѣе то было очень важнымъ шагомъ къ возстановленію старыхъ учрежденій, что именно въ ту минуту, когда было подготовлено введеніе монархіи, была устранена особа будущаго монарха; а въ данномъ случаѣ это было тѣмъ болѣе важно, что, послѣ гибели Гракха и послѣ совершонной Опиміемъ кровавой расправы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не было на лицо никого, кто считалъ-бы себя въ правѣ хотя-бы только попытаться занять вакантное мѣсто или въ силу своего кровнаго родства съ погибшимъ главою государства или въ силу своихъ выдающихся дарованій. Гай умеръ бездѣтнымъ, да и оставшійся послѣ смерти Тиберія сынъ не дожилъ до зрѣлаго возраста· у всей такъ называемой народной партіи не было рѣшительно никого, кого она могла бы признать своимъ главою, хотя-бы только по имени. Гракховскія государственныя учрежденія были похожи на крѣпость, въ которой нѣтъ коменданта; и крѣпостныя стѣны и гарнизонъ еще были на-лицо, но не было главнокомандующаго и не было въ виду никого, кто могъ бы занять вакантное мѣсто, — кромѣ низвергнутаго правительства. **Правительство безъ главы.**

Такъ и случилось. Послѣ смерти Гракха, неоставившаго наслѣдниковъ, система сенатскаго управленія возстановилась какъ-бы сама собою, — что́ было вполнѣ естественно тѣмъ болѣе потому, что власть сената не была формально упразднена Гайемъ Гракхомъ, а была лишь фактически низведена его экстраординарными мѣрами до ничтожества. Однако, было бы ошибочно думать, что эта реставрація была не болѣе какъ обратнымъ введеніемъ государственной машины въ ту-же старую колею, по которой она двигалась въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Всякая реставрація всегда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и революціей, а въ настоящемъ случаѣ былъ ре- **Возстановленное управленіе аристократіи.**

ставрированъ не столько прежній образъ правленія, сколько прежній правитель. Олигархія выступала на сцену въ новомъ вооруженіи— въ воинскихъ доспѣхахъ низвергнутой тираніи; сенатъ, одолѣвши Гракха его собственнымъ оружіемъ, и впредь сталъ управлять по основнымъ принципамъ Гракховскихъ учрежденій, — но конечно съ затаённымъ намѣреніемъ если не совершенно устранить ихъ въ свое время, то по крайней мѣрѣ радикально очистить ихъ отъ тѣхъ элементовъ, которые были неблагопріятны для аристократіи.

Преслѣдованіе демократовъ. Реакція сначала обнаружилась только въ такихъ вопросахъ, которые касались отдѣльныхъ личностей: были кассированы постановленія касательно Публія Попиллія и онъ возвратился изъ ссылки
121 (633), а съ приверженцами Гракха стали вести войну посредствомъ уголовныхъ процессовъ; напротивъ того правительственная партія воспротивилась попыткѣ народниковъ подвергнуть Луція Опимія,— послѣ того, какъ онъ сложилъ съ себя званіе консула, — уголов-
120 ному наказанію за государственную измѣну (634). Для характеристики этого правительства реставраціи знаменателенъ тотъ фактъ, что въ образѣ дѣйствій аристократіи обнаружилось небывалое здравомысліе. Гай Карбонъ, когда-то принадлежавшій къ числу сторонниковъ Гракховъ, уже давно отказался отъ прежнихъ убѣжденій (стр. 103) и выказалъ свое усердіе и свою преданность, вступившись за Опимія. Но на него все-таки смотрѣли какъ на перебѣжчика и когда демократы стали обвинять его въ томъ-же, въ чемъ обвиняли Опимія, то правительство не вступилось за него; тогда Карбонъ, предвидя, что при нерасположеніи къ нему обѣихъ партій, ему придется неизбѣжно погибнуть, самъ лишилъ себя жизни. Такимъ образомъ люди реакціи дѣйствовали какъ настоящіе аристократы во всемъ, что касалось отдѣльныхъ лицъ. Но сначала они ничего непредпринимали ни противъ раздачи хлѣба, ни противъ обложенія провинціи Азіи налогами, ни противъ Гракховскихъ нововведеній касательно суда присяжныхъ и судебнаго устройства; они не только не нарушали интересовъ купечества и столичнаго пролетаріата, но точно такъ-же какъ и во время внесенія Ливіевскихъ законовъ старались еще болѣе Гракховъ угождать этимъ двумъ силамъ и въ особенности пролетаріату. Они поступали такъ не потому только, что Гракховская революція еще долго находила сочувственный отголосокъ въ сердцахъ современниковъ и сама оберегала то, что́ было ею создано: охрана и поддержка по меньшей мѣрѣ интересовъ черни въ сущности вполнѣ согласовались съ выгодами самой аристократіи, которой при этомъ неприходилось жертвовать ничѣмъ другимъ, кромѣ общественнаго блага. Аристократія отложила въ сторону всѣ тѣ мѣры, которыя были приняты Гайемъ Гракхомъ для общественной пользы, то есть тѣ изъ его узаконеній, которыя были самыми лучшими и, понятно, вмѣстѣ съ тѣмъ са-

ными непопулярными. Прежде всего и успѣшнѣе всего было предпринято нападеніе на самый грандіозный изъ его замысловъ,—на его намѣреніе уравнять въ правахъ сначала римскихъ гражданъ съ Италійцами, а потомъ Италійцевъ съ жителями провинцій и, уничтоживъ такимъ образомъ различіе между исключительно властвующими и наслаждающимися жизнію членами государства съ одной стороны и исключительно повинующимися и трудящимися съ другой, разрѣшить соціальный вопросъ посредствомъ самого обширнаго и самого систематическаго выселенія эмигрантовъ, какое встрѣчается въ исторіи. Съ свойственными старческому безсилію, желчною раздражительностью и злобнымъ своенравіемъ, возстановленная олигархія стала навязывать и новому поколѣнію тотъ принципъ отжившихъ поколѣній, что Италія должна оставаться господствующей страной, а Римъ господствующимъ въ Италіи городомъ. Еще при жизни Гракха притязанія италійскихъ союзниковъ были окончательно отвергнуты, а на грандіозный замыселъ основывать заморскія колоніи было сдѣлано очень энергичное нападеніе, которое и было ближайшей причиной гибели Гракха. Послѣ его смерти былъ безъ большихъ усилій устраненъ правительственной партіей его проэктъ возстановить Карѳагенъ, хотя нѣкоторые изъ розданныхъ тамъ земельныхъ участковъ и остались у тѣхъ, кто ихъ получилъ. Однако правительство не могло помѣшать демократической партіи основывать такія-же колоніи въ другихъ мѣстахъ: въ то время, какъ Римляне завоевывали, по почину Марка Флакка, новыя страны на той сторонѣ Альповъ, тамъ была основана въ 636 году колонія Нарбонъ (теперешняя Narbonne); это была самая древняя изъ заморскихъ 118
гражданскихъ колоній въ римскомъ государствѣ, которая не переставала существовать не смотря на неоднократныя на нее нападки со стороны правительственной партіи и даже не смотря на сдѣланное сенатомъ предложеніе упразднить ее, и которая, по всему вѣроятію, находила для себя опору въ интересахъ купеческаго сословія. Помимо этого исключенія, которое было незначительнымъ потому что было единственнымъ въ своемъ родѣ, правительство успѣло совершенно прекратить раздачу земель внѣ Италіи.

Вопросъ о казенныхъ земляхъ при господствѣ реставраціи.

Въ томъ-же смыслѣ былъ разрѣшенъ вопросъ о раздачѣ казенныхъ земель въ Италіи. Основаніе задуманныхъ Гаемъ италійскихъ колоній, въ особенности Капуи, было отложено въ сторону, а тѣ изъ этихъ колоній, основаніе которыхъ уже состоялось, были упразднены; уцѣлѣла только небольшая тарентинская колонія въ томъ смыслѣ, что новый городъ Нептунія возникъ рядомъ съ прежней греческой общиной. Тѣ казенныя земли, которыя были розданы не съ цѣлію основанія колоній, были оставлены за тѣми, кто ихъ получилъ; наложенныя на нихъ Гракхомъ въ общественномъ интересѣ ограниченія—наслѣдственная обязанность уплачивать поземель-

ную ренту и неотчуждаемость, уже были отмѣнены Маркомъ Друзомъ. Иначе поступило правительство съ тѣми казенными землями, которыя находились во временномъ пользованіи и которыя, за исключеніемъ земель, находившихся въ пользованіи Латиновъ, вѣроятно состояли изъ участковъ, оставленныхъ за прежними владѣльцами въ размѣрѣ установленнаго Гракхомъ максимума (стр. 86); было рѣшено окончательно укрѣпить эти земли за ихъ прежними владѣльцами и пресѣчь всякую возможность дальнѣйшей раздачи. Правда, это были тѣ самыя земли, изъ которыхъ слѣдовало нарѣзать тѣ 36.000 пахатныхъ участковъ, которые были обѣщаны Друзомъ; но правительство желало избавиться отъ труда розыскивать, гдѣ могли бы оказаться на лицо эти сотни тысячъ моргеновъ италійскихъ казенныхъ земель, и молча сложило въ архивъ уже исполнившій свое назначеніе Ливіевскій колоніальный законъ; только существованіе маленькой колоніи Сколація (Squillace) можетъ быть приписано колоніальному закону Друза. Съ другой стороны, въ силу закона, предложеннаго, по порученію сената, народнымъ трибуномъ Спуріемъ
119 Ѳоріемъ, была упразднена въ 635 году аграрная коммиссія, а на владѣльцевъ казенныхъ земель была наложена въ неизмѣнномъ размѣрѣ рента, которая шла въ пользу столичной черни,—такъ какъ частію этими средствами покрывались расходы по раздачѣ хлѣба; дальнѣйшія предложенія въ томъ-же духѣ, быть можетъ клонившіяся къ увеличенію размѣровъ хлѣбной раздачи, были отклонены благоразумнымъ народнымъ трибуномъ Гаемъ Маріемъ. По проше-
111 ствіи восьми лѣтъ (643) былъ сдѣланъ послѣдній шагъ въ этомъ направленіи—въ силу новаго народнаго постановленія *) занятыя казенныя земли были признаны свободною отъ арендной платы частною собственностью ихъ владѣльцевъ. Кромѣ того было постановлено, что впредь не будетъ дозволено занимать казенныя земли, и что онѣ будутъ отдаваться въ аренду или-же будутъ служить доступными для всѣхъ пастбищами; въ этомъ послѣднемъ случаѣ право пользоваться пастбищемъ было ограничено очень низкимъ максимумомъ въ десять штукъ крупнаго и пятьдесятъ штукъ мелкаго скота для того, чтобъ крупные стадовладѣльцы не могли совершенно вытѣснить мелкихъ; въ этихъ благоразумныхъ мѣрахъ ясно выразилось официальное признаніе вреда, который происходилъ отъ дозволенія занимать казенныя земли, впрочемъ уже давно отмѣненнаго (томъ 1, стр. 791). Къ сожалѣнію эти мѣры были приняты уже послѣ того, какъ прежняя система отняла у государства бо́льшую часть казенныхъ земель. Между тѣмъ какъ рим-

*) Оно въ большей своей части дошло до насъ и извѣстно подъ неправильнымъ названіемъ Ѳоріевскаго аграрнаго закона, которое уже въ теченіе трехъсотъ лѣтъ неизмѣнно всѣми повторяется.

ская аристократія оберегала этими способами свои собственные интересы и обращала въ свою собственность занятыя ею казенныя земли, она постаралась что-нибудь сдѣлать и для италійскихъ союзниковъ: хотя она и не предоставила правъ собственности на тѣ латинскія казенныя земли, которыя находились въ пользованіи этихъ союзниковъ и въ особенности ихъ муниципальной аристократіи, но она укрѣпила во всей неприкосновенности права на это пользованіе, обезпеченныя особыми хартіями. Противная партія была поставлена въ невыгодное положеніе тѣмъ, что по самымъ важнымъ матеріальнымъ вопросамъ интересы Италійцевъ находились въ рѣзкой противоположности съ интересами столичной оппозиціи; Италійцы даже, какъ будто, держали сторону римскаго правительства: они искали и находили у римскаго сената защиту отъ разныхъ слишкомъ смѣлыхъ затѣй иныхъ римскихъ демагоговъ.

Пролетаріатъ и всадничество при реставраціи.

Между тѣмъ какъ реставрированное правительство такимъ образомъ старалось совершенно искоренить тѣ зачатки лучшихъ порядковъ, какіе лежали въ основѣ Гракховскихъ учрежденій, оно было совершенно безсильно для борьбы съ тѣми враждебными силами, которыя были призваны къ жизни Гракхомъ не для общей пользы. За столичнымъ пролетаріатомъ было оставлено право кормиться на чужой счетъ; съ выборами присяжныхъ изъ среды коммерческаго сословія сенатъ также мирился, какъ ни было непріятно это ярмо для лучшихъ и самыхъ гордыхъ членовъ аристократіи. На аристократію были наложены поистинѣ позорныя оковы, но мы не видимъ, чтобъ она серьозно старалась освободиться отъ нихъ. Изданный въ 632 году законъ Марка Эмилія Скавра, по меньшей мѣрѣ подтверж- **122**
дававшій легальныя ограниченія, которыя были наложены на участіе вольноотпущенниковъ въ подачѣ голосовъ, былъ въ теченіе многихъ лѣтъ единственною очень мягкою попыткой сенатскаго правительства снова надѣть узду на его уличныхъ тирановъ. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ введенія всадническихъ судовъ (648), консулъ Квинтъ **106**
Цепіонъ внесъ предложеніе объ обратной передачѣ процессовъ въ вѣдѣніе сенатскихъ присяжныхъ; но обнаруживъ тайныя желанія правительства, это предложеніе вмѣстѣ съ тѣмъ послужило мѣриломъ его могущества въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло не о присвоеніи казенныхъ земель, а о проведеніи серьозной мѣры, направленной противъ вліятельнаго сословія: предложеніе было отвергнуто *).

---

*) Это видно изъ дальнѣйшихъ событій. Противъ этого приводили то возраженіе, что у Валерія Максима [6, 9, 13] Квинтъ Цепіонъ названъ патрономъ сената; но съ одной стороны это недостаточное доказательство, а съ другой стороны то, что тамъ говорится, не можетъ относиться къ консулу 648 года и заставляетъ предполагать, что тутъ есть какая нибудь ошибка или въ имени или въ описываемыхъ фактахъ.

Правительству неудалось отдѣлаться отъ неудобныхъ соучастниковъ въ его власти, а попытки, которыя оно дѣлало съ этою цѣлію, только нарушали согласіе правительствующей аристократіи съ купечествомъ и съ пролетаріатомъ, которое и безъ того никогда не было искреннимъ. И купцы и пролетаріи очень хорошо понимали, что всѣ уступки дѣлаются сенатомъ только изъ страха и противъ воли; они не были прочно привязаны къ сенату ни чувствомъ признательности ни своими личными интересами, были готовы оказывать услуги всякому другому властителю, отъ котораго могли-бы ожидать болѣе значительныхъ или даже одинаковыхъ выгодъ, и охотно пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ дѣлать сенату придирки и помѣхи. Такимъ образомъ, реставрація властвовала съ желаніями и съ воззрѣніями легитимной аристократіи, но съ такими государственными учрежденіями и средствами управленія, которыя свойственны тираніи. Ея господство было основано на однихъ началахъ съ господствомъ Гракха, но было такъ-же непрочно, какъ это послѣднее и даже было еще болѣе шатко; она была сильна, когда въ союзѣ съ чернью ниспровергала полезныя учрежденія, но была совершенно безсильна, когда ей приходилось сталкиваться съ уличными шайками или съ купеческими интересами. Она заняла оказавшійся вакантнымъ престолъ съ нечистою совѣстью и съ неясно сознаваемыми цѣлями; она была крайне недовольна существовавшими въ государствѣ учрежденіями, но была неспособна предпринять ихъ измѣненіе по зрѣло-обдуманному плану; она была нерѣшительна и въ дѣйствіи и въ бездѣйствіи кромѣ тѣхъ случаевъ, когда руководствовалась своими собственными матеріальными выгодами; это было олицетвореніе вѣроломства какъ противъ собственной партіи такъ и противъ партіи враждебной,—олицетвореніе внутренняго противорѣчія, самаго жалкаго безсилія, самаго грубаго своекорыстія и недосягаемаго идеала дурнаго управленія.

Люди реставраціи. Иначе и быть не могло; вся нація и въ особенности ея высшіе классы пришли въ упадокъ и въ интеллектуальномъ отношеніи и въ нравственномъ. Правда, и до эпохи Гракховъ аристократія не была богата талантами и зала сенатскихъ засѣданій была биткомъ набита малодушною и безнравственною аристократическою сволочью; однако тамъ также засѣдали Сципіонъ Эмиліанъ, Гай Лелій, Квинтъ Метеллъ, Публій Крассъ, Публій Сцевола и многіе другіе достойные уваженія и даровитые люди, а въ глазахъ снисходительныхъ судей сенатъ соблюдалъ нѣкоторую мѣру въ несправедливостяхъ и нѣкоторыя приличія въ негодномъ управленіи. Эта аристократія была низвергнута и затѣмъ возстановлена; съ тѣхъ поръ на ней лежало проклятіе реставраціи. Прежде она управляла какъ случится— то дурно, то хорошо, и въ теченіе болѣе ста лѣтъ не встрѣчала сколько нибудь серьозной оппозиціи, а пережитой ею кризисъ, по-

добно молніи въ темную ночь, освѣтилъ передъ ея глазами пропасть, которая зіяла подъ ея ногами. Можно-ли же удивляться тому, что система управленія старинной знати впредь стала отличаться озлобленіемъ, а, когда у аристократовъ доставало на то смѣлости, переходила въ терроризмъ,—что члены властвовавшаго сословія еще рѣзче и плотнѣе прежняго соединились въ замкнутую партію для борьбы съ неучаствовавшей въ управленіи народной массой,—что фамильная политика снова стала преобладать, какъ въ самыя дурныя времена владычества патриціевъ и что, напримѣръ, четверо сыновей и (по всему вѣроятію) двое племянниковъ Квинта Метелла,—люди, за исключеніемъ только одного изъ нихъ, совершенно ничтожные и выдвинутые впередъ отчасти именно за свою умственную ограниченность,—всѣ достигли въ теченіе пятнадцати
лѣтъ (631—645) консульскаго званія и даже удостоились, за 123—109
исключеніемъ только одного, почестей тріумфа, не говоря уже о зятьяхъ и о другихъ родственникахъ,—что насилія и жестокости въ борьбѣ съ противниками давали особое право на уваженіе, такъ какъ настоящему аристократу прощалось всякое злодѣяніе и всякое позорное дѣло,—что правители и управляемые только тѣмъ и отличались отъ двухъ воюющихъ сторонъ, что въ ихъ борьбѣ не признавалось никакого международнаго права. Къ сожалѣнію стало уже слишкомъ ясно, что если старинная аристократія сѣкла народъ розгами, то эта реставрированная аристократія истязала его скорпіонами. Она возвратилась на прежнее мѣсто, но не сдѣлалась ни умнѣе ни лучше. До того времени еще никогда не было въ средѣ римской аристократіи такого-же полнаго недостатка въ даровитыхъ государственныхъ людяхъ и полководцахъ, какъ въ эту эпоху реставраціи, то есть въ промежутокъ времени между революціями Гракховской и Цинновской. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ корифей тогдашней сенаторской партіи, Маркъ Эмилій Скавръ. Вынужденный извлекать пользу изъ своихъ недюжинныхъ дарованій, **Маркъ Эмилій Скавръ.**
такъ какъ былъ сыномъ знатныхъ, но небогатыхъ родителей, онъ
достигъ консульства (639) и цензорства (645), былъ въ теченіе 115 109
многихъ лѣтъ вожакомъ сената и политическимъ оракуломъ своего сословія и обезсмертилъ свое имя не только тѣмъ, что былъ ораторомъ-писателемъ, но и тѣмъ, что по его почину были возведены нѣкоторыя изъ самыхъ значительныхъ въ томъ столѣтіи государственныхъ сооруженій. Однако при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его дѣятельностью всѣ его прославленныя великія дѣла сводятся къ тому, что, въ качествѣ полководца, онъ пріобрѣлъ въ Альпахъ право на нѣсколько дешовыхъ деревенскихъ тріумфовъ, а въ качествѣ государственнаго человѣка одержалъ изданіемъ своихъ законовъ о подачѣ голосовъ и о воспрещеніи роскоши нѣсколько почти столь-же незначительныхъ побѣдъ надъ революціоннымъ духомъ

своего времени; его настоящій талантъ заключался въ томъ, что будучи столько-же доступенъ для подкупа, какъ и всѣ другіе честные сенаторы, онъ однако умѣлъ ловко вывертываться въ ту самую минуту, когда дѣло становилось рискованнымъ, и главнымъ образомъ умѣлъ, благодаря своей важной и почтенной осанкѣ, разыгрывать передъ публикой роль Фабриція. Хотя въ высшихъ сферахъ аристократіи и нашлось, въ видѣ исключенія, нѣсколько способныхъ военачальниковъ, но общимъ правиломъ было то, что когда знатному человѣку приходилось стать во главѣ арміи, онъ торопливо вычитывалъ изъ греческихъ учебниковъ и изъ римскихъ лѣтописей всё, что было ему нужно для веденія разговоровъ о военныхъ дѣлахъ, и за тѣмъ, по прибытіи въ военный лагерь, передавалъ дѣйствительное командованіе арміей какому-нибудь офицеру незнатнаго происхожденія съ испытанными дарованіями и съ испытанной скромностью. Если за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ сенатъ дѣйствительно походилъ на собраніе царей, то преемники этихъ царей недурно разыгрывали роль принцевъ. Но неспособность этой реставрированной знати была совершенно на одномъ уровнѣ съ ея негодностью и политической и нравственной. Если-бы нравственная испорченность того времени не отразилась въ положеніи религіи (къ которому мы впослѣдствіи вернемся) такъ-же вѣрно, какъ въ зеркалѣ, и если-бы внѣшняя исторія этого періода не указывала на крайнюю негодность римской знати какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ факторовъ, то для характеристики высшихъ римскихъ сферъ было-бы достаточно только тѣхъ странныхъ преступленій, которыя совершались въ этихъ сферахъ одно вслѣдъ за другимъ.

Управленіе реставраціи. Система управленія и внутренняго и внѣшняго была именно такою, какою могла быть при такомъ правительствѣ. Соціальный упадокъ Италіи сталъ усиливаться съ страшною быстротой; съ тѣхъ поръ, какъ аристократія добилась легальнаго разрѣшенія скупать участки мелкихъ землевладѣльцевъ и снова до того зазналась, что стала все чаще и чаще выгонять этихъ землевладѣльцевъ, и мелкіе пахатные участки стали исчезать какъ дождевыя капли въ морѣ. **Соціальное положеніе Италіи.** Что экономическая негодность олигархіи ни въ чемъ не уступала ея политической негодности, видно изъ сдѣланнаго около 650 года умѣ- 100
реннымъ демократомъ Луціемъ Марціемъ Филиппомъ заявленія, что во всемъ гражданствѣ едва наберется 2000 зажиточныхъ семействъ. Практическимъ комментаріемъ къ этому факту служили возстанія рабовъ, ежегодно вспыхивавшія въ Италіи въ первые годы войны съ Кимврами, какъ напримѣръ въ Нуцеріи, въ Капуѣ, въ округѣ Ѳурій. Въ этой послѣдней мѣстности инсургенты собрались въ такомъ значительномъ числѣ, что противъ нихъ былъ вынужденъ выступить съ цѣлымъ легіономъ городской преторъ, который и подавилъ возстаніе, но не силою оружія, а предательской измѣной. Зловѣщимъ

было и то обстоятельство, что во главѣ мятежниковъ стоялъ не рабъ, а римскій всадникъ Титъ Веттій, который былъ доведенъ своими неоплатными долгами до такого безразсудства, что далъ свободу своимъ рабамъ и провозгласилъ себя ихъ царемъ (650). До какой 104
степени правительство считало опасными возраставшія въ Италіи массы невольниковъ, видно изъ предосторожностей, которыя были приняты въ Виктумулахъ при промываніи золота, производившемся съ 611 года на счётъ римскаго правительства: сначала обязали 143
арендаторовъ употреблять на производство этихъ работъ не болѣе 5000 работниковъ, а потомъ и совершенно прекратили эти работы сенатскимъ декретомъ. Дѣйствительно, при тогдашнемъ правительствѣ государство могло подвергнуться крайней опасности въ случаѣ, если-бы какіе-нибудь заальпійцы—какъ это было весьма возможно,— вторгнулись въ Италію и призвали къ оружію рабовъ, которые были бо́льшею частію ихъ соплеменниками.

Сравнительно еще больше страдали провинціи. Чтобъ составить **Провинціи.** себѣ понятіе о положеніи дѣлъ въ Сициліи и въ Азіи, достаточно представить себѣ, что́ дѣлалось-бы въ Остъ-Индіи, если-бы англійская аристократія была такою-же, какой была въ то время римская. Законодательство, передавши контроль надъ должностными лицами купеческому сословію, принудило первыхъ дѣйствовать до нѣкоторой степени за-одно съ этимъ послѣднимъ; а въ награду за свою безусловную готовность угождать капиталистамъ въ провинціяхъ, должностныя лица пріобрѣли право грабить безъ всякихъ стѣсненій и были гарантированы отъ уголовнаго преслѣдованія.

На ряду съ этими офиціально и полуофиціально свыше-ниспосланными грабителями, сухопутные и морскіе разбойники грабили **Морскіе разбои.** всѣ страны по берегамъ Средиземнаго моря. Въ особенности въ азіатскихъ водахъ пираты такъ свирѣпствовали, что въ 652 году рим- 102
ское правительство нашлось вынужденнымъ отправить къ берегамъ Киликіи флотъ, который состоялъ бо́льшею частію изъ кораблей, принадлежавшихъ подвластнымъ Риму торговымъ городамъ, и находился подъ начальствомъ претора Марка Антонія, облеченнаго проконсульскою властію. Дѣло неограничилось только тѣмъ, что этотъ флотъ захватилъ нѣсколько разбойничьихъ кораблей и уничтожилъ нѣсколько разбойничьихъ притоновъ на скалахъ; Римляне основались тамъ прочнымъ образомъ и, намѣреваясь совершенно прекратить морскіе разбои, заняли крѣпкія военныя позиціи въ главномъ гнѣздилищѣ этихъ разбоевъ — въ гористой или западной Киликіи, что́ и послужило поводомъ для учрежденія провинціи Киликіи, которая впослѣдствіи упоминается въ числѣ римскихъ намѣстничествъ *).

*) Многіе утверждали, что учрежденіе провинціи Киликіи состоялось лишь послѣ экспедицій, предпринятыхъ въ Киликію Публіемъ Серзиліемъ въ 676 и въ

Занятіе Киликіи.

Это намѣреніе было похвально и принятыя для его исполненія мѣры были цѣлесообразны; но морскіе разбои не прекращались и даже усилились въ азіатскихъ водахъ и въ особенности у береговъ Киликіи, что̀ доказываетъ, какъ недостаточны были тѣ средства, съ которыми Римляне вели борьбу съ пиратами изъ вновь занятой позиціи.

Возстанія невольниковъ.

Но безсиліе и негодность римскаго провинціальнаго управленія ни въ чемъ не обнаруживались такъ ясно, какъ въ возстаніяхъ невольническаго пролетаріата, которыя, по видимому, возобновились съ реставраціей аристократіи въ прежнихъ размѣрахъ. Тогда снова стали вспыхивать съ прискорбнымъ однообразіемъ такія-же разроставшіяся до настоящихъ войнъ возстанія рабовъ, какія были около
134 620 года едва-ли не главной причиной Гракховской революціи. Точно такъ-же, какъ и за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ стало обнаруживаться броженіе умовъ среди невольническаго сословія. О возстаніяхъ рабовъ въ Италіи уже было разсказано ранѣе. Въ Аттикѣ возмутились рудокопы, работавшіе въ серебряныхъ рудникахъ; они укрѣпились на мысу Суніонѣ и оттуда долго грабили окрестныя страны; такія-же волненія обнаружились и въ другихъ мѣстахъ.

Вторая невольническая война въ Сициліи.

Но главною сценой такихъ страшныхъ смутъ снова сдѣлалась Сицилія съ своими плантаціями и со стекавшимися туда ордами мало-азіатскихъ рабовъ. О печальномъ положеніи дѣлъ въ этой провинціи даетъ понятіе тотъ фактъ, что главной причиной новаго возстанія была попытка правительства положить предѣлъ злоупотребленіямъ рабовладѣльцевъ. Что положеніе свободныхъ про-

---

слѣд. годахъ; но это невѣрно, такъ какъ еще въ 662 году былъ намѣстникомъ Киликіи Сулла (Аппіанъ, Mithr. 57; Цезарь, de Bel. Civ. 1, 77; Викторъ,
80 79 75), а въ 674 и 675 годахъ Гней Долабелла (Циц. Verr. 1, 1, 16, 44), а изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что учрежденіе провинціи Киликіи должно
102. быть отнесено къ 652 году. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и тотъ фактъ, что въ ту пору экспедиціи Римлянъ противъ корсаровъ, какъ напримѣръ противъ тѣхъ, которые укрывались на Балеарскихъ островахъ, на берегахъ Лигуріи и Далмаціи, постоянно имѣли цѣлію занятіе прибрежныхъ пунктовъ, изъ которыхъ предпринимались морскіе разбои, — и это было вполнѣ естественно, такъ какъ у Римлянъ не было постояннаго флота и занятіе прибрежныхъ пунктовъ было для нихъ единственнымъ средствомъ подавить разбойничество. Впрочемъ, неслѣдуетъ позабывать, что подъ словомъ provincia Римляне разумѣли не безспорное обладаніе какою-либо мѣстностью, а самостоятельное военное командованіе; весьма вѣроятно, что Римляне сначала заняли въ этомъ гористомъ краю лишь нѣсколько стоянокъ для кораблей и для войскъ. — Плоская восточная Киликія оставалась принадлежностью сирійскаго царства (Аппіанъ Syr. 48) вплоть до войны съ Тиграномъ; нѣкогда причислявшіяся къ Киликіи страны на сѣверѣ отъ Тавра,—такъ называемая каппадокійская Киликія и Катаонія входили въ составъ Каппадокіи, первая со времени распаденія царства Атталидовъ (Юстинъ 37, 1; см. выше стр. 54), послѣдняя еще со времени заключенія мира съ Антіохомъ.

летаріевъ въ Силиціи было немного болѣе сноснымъ, чѣмъ положеніе невольниковъ, было ясно видно изъ того, какъ они себя вели во время перваго возстанія невольниковъ (стр. 78); послѣ того, какъ это возстаніе было подавлено, римскіе спекуляторы, желая отмстить за прошлое, стали массами забирать свободныхъ провинціальныхъ жителей въ рабство. Вслѣдствіе принятыхъ въ 650 году 104
сенатомъ строгихъ мѣръ противъ такихъ насилій, тогдашній намѣстникъ Силиціи, Публій Лициній Нерва, учредилъ въ Сиракузахъ судъ для разсмотрѣнія спорныхъ дѣлъ о личной свободѣ; этотъ судъ сталъ дѣйствовать съ большой энергіей: въ короткое время онъ разрѣшилъ восемьсотъ спорныхъ дѣлъ не въ пользу рабовладѣльцевъ, а число такихъ дѣлъ все возрастало. Испуганные плантаторы поспѣшили въ Сиракузы съ цѣлію вынудить отъ римскаго намѣстника прекращеніе такихъ неслыханныхъ судебныхъ рѣшеній; Нерва былъ такой слабохарактерный человѣкъ, что испугался угрозъ и сталъ грубо отталкивать искавшихъ свободы просителей, совѣтуя имъ отказаться отъ ихъ несносныхъ требованій суда и справедливости и немедленно возвращаться къ тѣмъ, кто называлъ себя ихъ господами. Прогнанные соединились вмѣсто того въ шайки и отправились въ горы. Намѣстникъ не сдѣлалъ заранѣе никакихъ военныхъ приготовленій и даже не имѣлъ подъ рукой жалкаго туземнаго ополченія; поэтому онъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ на островѣ разбойничьихъ атамановъ, который, за обѣщанное ему личное помилованіе, предалъ возставшихъ рабовъ въ руки Римлянъ путемъ измѣны. Такимъ способомъ намѣстникъ справился съ этой шайкой. Но другому сборищу бѣглыхъ рабовъ удалось разбить одинъ отрядъ изъ стоявшаго въ Эннѣ (Кастроджіованни) гарнизона, а этотъ успѣхъ доставилъ инсургентамъ именно то, въ чемъ они болѣе всего нуждались—оружіе и возможность привлекать въ свои ряды другихъ мятежниковъ. Амуниція убитыхъ или обратившихся въ бѣгство противниковъ доставила имъ первыя средства для введенія правильной военной организаціи и число инсургентовъ скоро возросло до нѣсколькихъ тысячъ. Эти жившіе на чужбинѣ Сирійцы, по видимому, полагали, что они не менѣе своихъ соотечественниковъ, жившихъ въ Сиріи, достойны управляться царями, и, изъ подражанія этимъ соотечественникамъ, признавшимъ мишурнаго царя Трифона, избрали своимъ вождемъ раба Салвія, котораго также назвали царемъ Трифономъ. На пространствѣ между Энной и Леонтиной (Lentini), гдѣ преимущественно держались эти скопища, вся плоская мѣстность находилась во власти инсургентовъ, уже приступившихъ къ осадѣ Морганціи и нѣкоторыхъ другихъ обнесенныхъ стѣнами городовъ, когда римскій намѣстникъ напалъ во главѣ наскоро собранныхъ сицилійскихъ и италійскихъ войскъ на стоявшую подъ стѣнами Морганціи армію невольниковъ.

Онъ занялъ безъ сопротивленія ихъ лагерь; однако, хотя невольники и были застигнуты въ расплохъ, они стали упорно сопротивляться, и когда дѣло дошло до сраженія, то туземная милиція не выдержала непріятельскаго натиска; мало того,—такъ какъ невольники предоставляли свободу всякому, кто бросалъ свое оружіе, то милиціонеры почти всѣ безъ исключенія воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ воротиться домой, и вся римская армія разбѣжалась. Еслибы находившіеся въ Морганціи рабы захотѣли дѣйствовать заодно съ своими товарищами, осаждавшими городъ, то Морганція неизбѣжно пала-бы; но они предпочли получить отъ своихъ господъ свободу законнымъ путемъ и своей храбростью помогли имъ отстоять Морганцію, а римскій намѣстникъ немедленно вслѣдъ затѣмъ призналъ легально-необязательнымъ публично данное господами невольникамъ обѣщаніе свободы, такъ какъ оно было вынуждено въ нарушеніе законовъ.

Аѳеніонъ. Въ то время, какъ возстаніе внутри острова принимало угрожающіе размѣры, другое возстаніе вспыхнуло на его западныхъ берегахъ. Во главѣ этого послѣдняго стоялъ Аѳеніонъ. Онъ, подобно Клеону, когда-то былъ грознымъ разбойничьимъ атаманомъ на своей родинѣ въ Киликіи и оттуда былъ привезенъ невольникомъ въ Сицилію. Подобно своему предшественнику, онъ снискалъ расположеніе Грековъ и Сирійцевъ главнымъ образомъ пророчествами и разными другими заманчивыми плутнями; но такъ какъ онъ былъ свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то онъ не сталъ вооружать, подобно другимъ вождямъ, всѣхъ стекавшихся къ нему людей, а сформировалъ изъ годныхъ къ военной службѣ мятежниковъ регулярную армію, поручивъ остальнымъ мирныя занятія. Онъ скоро достигъ значительныхъ успѣховъ благодаря строгой дисциплинѣ, не дозволявшей его солдатамъ бродить по окресностямъ и своевольничать, и благодаря мягкому обхожденію съ мирными поселянами и даже съ плѣнниками. Римляне и на этотъ разъ обманулись въ своихъ расчетахъ на разладъ между двумя вождями: Аѳеніонъ добровольно подчинился гораздо менѣе его даровитому царю Трифону и этимъ упрочилъ единодушіе между инсургентами. Эти послѣдніе скоро стали почти неограниченно господствовать надъ всей плоской мѣстностью, а свободные пролетаріи снова стали брать ихъ сторону болѣе или менѣе открыто; римскія власти не были въ состояніи напасть на нихъ въ открытомъ полѣ и были принуждены ограничиться тѣмъ, что при помощи ополченій сицилійскаго и наскоро собраннаго африканскаго охраняли города, находившіеся въ самомъ печальномъ положеніи. Отправленіе правосудія прекратилось на всемъ полуостровѣ и стало господствовать только право сильнаго. Такъ какъ ни одинъ изъ жившихъ въ городахъ землевладѣльцевъ не отваживался выходить за городскія ворота, а поселяне не

могли проникать въ города, то возникъ страшный голодъ и римское правительство было вынуждено снабжать хлѣбомъ городскихъ жителей острова, когда-то кормившаго всю Италію. Къ тому-же внутри страны повсюду опасались заговоровъ между городскими рабами, а подъ стѣнами городовъ стояли войска инсургентовъ,—даже Мессана едва не была взята Аѳеніономъ. Какъ ни трудно было правительству выставить въ поле цѣлую армію во время опасной войны съ Кимврами, оно все таки было вынуждено отправить въ 651 году въ Сицилію подъ начальствомъ претора Луція Лукулла войска состоявшія изъ 14.000 Римлянъ и Италійцевъ и изъ заморскихъ милицій. Соединенная армія невольниковъ, стоявшая въ горахъ къ верху отъ Сціакки, приняла предложенное ей Лукулломъ сраженіе. Превосходство военной организаціи доставило Римлянамъ побѣду. Аѳеніонъ палъ за-мертво на полѣ сраженія, а Трифонъ былъ принужденъ укрыться въ нагорной крѣпости Тріокалѣ; инсургенты стали серьозно обсуждать вопросъ о возможности продолжать борьбу. Но одержала верхъ та партія, которая рѣшилась бороться до послѣдней капли крови; какимъ-то чудомъ спасшійся Аѳеніонъ снова присоединился къ своимъ боевымъ товарищамъ и вдохнулъ въ нихъ новое мужество; а важнѣе всего было то, что Лукуллъ, по какой-то непонятной причинѣ, вовсе не попытался воспользоваться своей побѣдой; онъ, какъ утверждали, даже нарочно дезорганизировалъ свою армію и сжегъ ея амуниціи съ цѣлію прикрыть совершенную безуспѣшность принятыхъ имъ мѣръ и не доставить преемнику возможности затмить его. Правда это или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ его преемникъ Гай Сервилій (652) не достигъ лучшихъ результатовъ и эти оба генерала были впослѣдствіи отданы подъ судъ за свое управленіе и признаны виновными,—что, впрочемъ, конечно не можетъ считаться за несомнѣнное доказательство ихъ виновности. Аѳеніонъ, принявшій послѣ смерти Трифона (652) высшее начальство надъ всѣми инсургентами, стоялъ во главѣ побѣдоносной и значительной арміи, когда веденіе войны въ Сициліи принялъ на себя въ 653 году, въ качествѣ консула и намѣстника, Маній Аквиллій, отличившійся въ предшествовавшемъ году въ войнѣ съ Тевтонами подъ начальствомъ Марія. Послѣ двухъ-лѣтней упорной борьбы и послѣ того какъ Аквиллій, будто-бы, убилъ Аѳеніона на поединкѣ, римскому главнокомандующему наконецъ удалось сломить отчаянное сопротивленіе инсургентовъ и при помощи голода завладѣть ихъ послѣднимъ убѣжищемъ. Жившимъ на островѣ рабамъ было запрещено носить оружіе и тамъ снова воцарилось спокойствіе, то есть новые мучители были замѣнены старыми,—вѣдь и самъ побѣдитель занималъ выдающееся мѣсто между тѣми многочисленными должностными лицами того времени, которые были настоящими грабителями. Если бы кому нибудь нужны были доказа-

[Margin notes: 103. (beside "651 году"); 102. (beside "652"); 102 (beside "(652)"); Аквиллій. 101. (beside "653 году")]

тельства того, какъ было дурно внутреннее управленіе реставрированной аристократіи, тотъ пусть ближе познакомится съ причинами и съ способомъ веденія этой второй пятилѣтней войны съ сицилійскими невольниками.

Вассальныя государства. Куда бы мы ни обратили наши взоры въ обширной сферѣ римскаго управленія, повсюду мы находимъ однѣ и тѣ-же причины и вытекающія изъ нихъ одинакія послѣдствія. Если война съ сицилійскими невольниками доказываетъ намъ, что правительству была не по силамъ даже такая вовсе нетрудная задача, какъ принятіе строгихъ мѣръ для обузданія пролетаріевъ, то одновременныя событія въ Африкѣ объясняютъ намъ, какъ въ то время управлялись изъ Рима вассальныя государства. Около того времени, когда вспыхнула война съ сицилійскими невольниками, взорамъ изумлённаго міра представилось еще небывалое зрѣлище—одинъ незначительный вассальный владѣтель былъ въ состояніи въ теченіе четырнадцати лѣтъ отстаивать присвоеніе незаконной власти и поддерживать возстаніе противъ той могущественной республики, которая раздавила царства Македонію и Азію однимъ ударомъ своей тяжелой руки, и этимъ успѣхомъ онъ былъ обязанъ не своему оружію, а неспособности римскихъ правителей.

Нумидія. Нумидійское царство простиралось отъ рѣки Молохата до большаго Сирта (томъ 1, стр. 670 и сл.), такъ что оно прилегало съ одной стороны къ мавританскому Тингитскому царству (теперешнему Марокко), съ другой стороны къ Киренѣ и къ Египту, охватывая узкую береговую полосу римской провинціи Африки съ запада, съ юга и съ востока; оно заключало въ себѣ, кромѣ старинныхъ владѣній нумидійскихъ вождей, бо́льшую часть той территоріи, которою владѣлъ въ Африкѣ Карѳагенъ во времена своего процвѣтанія, между прочимъ многіе изъ значительныхъ старо-финикійскихъ городовъ, какъ напримѣръ Гиппонъ Царскій (Бону) и Большой Лептисъ (нын. Lebidah), и вообще бо́льшую и лучшую часть богатаго сѣверо-африканскаго побережья. Послѣ Египта, Нумидія была, безспорно, самымъ значительнымъ изъ всѣхъ подвластныхъ
149 Риму вассальныхъ государствъ. Послѣ смерти Массиниссы (605), Сципіонъ раздѣлилъ оставшееся послѣ него наслѣдство между его тремя сыновьями—царями Миципсой, Гулуссой и Мастанабаломъ такимъ способомъ, что старшій получилъ въ свое завѣдываніе столицу и государственную казну, второй—армію, третій—судопроизводство (стр. 32). Вслѣдствіе смерти двухъ своихъ братьевъ, старшій сынъ Массиниссы, Миципса *) сталъ одинъ царство-

*) Вотъ родословная нумидійскихъ владѣтелей:

Массинисса 516—605 [238—149].

Миципса	Гулусса	Мастанабалъ
+ 636 [118]	+ ранѣе 636 [118]	+ ранѣе 636 [118].

вать; это былъ слабый и миролюбивый старикъ, охотнѣе занимавшійся изученіемъ греческой философіи, чѣмъ государственными дѣлами. Такъ какъ его сыновья были очень молоды, то бразды правленія фактически находились въ рукахъ незаконнорожденнаго царскаго племянника, принца Югурты. Этотъ принцъ былъ достойнымъ внукомъ Массиниссы. Онъ былъ красивъ, ловокъ въ верховой ѣздѣ и смѣлъ на охотѣ; его соотечественники очень уважали его какъ благоразумнаго и осмотрительнаго администратора, а свои военныя дарованія онъ выказалъ на глазахъ Сципіона въ то время, какъ командовалъ нумидійскимъ вспомогательнымъ отрядомъ подъ стѣнами Нуманціи. Въ виду положенія, которое онъ занималъ въ нумидійскомъ царствѣ, и въ виду вліянія, которымъ онъ пользовался у римскаго правительства черезъ своихъ многочисленныхъ друзей и ратныхъ товарищей, царь Миципса усыновилъ его (634) и поста- 120
новилъ въ своемъ завѣщаніи, чтобъ послѣ его смерти двое его родныхъ сыновей, Адгербалъ и Гіэмпсалъ, и его пріемный сынъ Югурта втроемъ управляли царствомъ подобно тому, какъ онъ самъ управлялъ вмѣстѣ съ своими двумя братьями. Исполненіе этого распоряженія было, по желанію Миципсы, гарантировано римскимъ правительствомъ.

Нумидійская война за престолонаслѣдіе.

Вскорѣ послѣ того, въ 636 году, царь Миципса умеръ. Его завѣщаніе вошло въ силу; но двое сыновей Миципсы,—и не столько слабохарактерный старшій, сколько заносчивый Гіэмпсалъ, — смотрѣли на своего двоюроднаго брата какъ на человѣка, незаконно присвоившаго себѣ ихъ долю наслѣдства, и такъ сильно съ нимъ поссорились, что совмѣстное управленіе трехъ царей оказалось невозможнымъ. Была сдѣлана попытка произвести раздѣлъ владѣній; но враждовавшіе между собою царя не могли притти къ соглашенію на счетъ размѣра владѣній и сокровищъ, приходившихся на долю каждаго изъ нихъ, а держава-покровительница, которой въ этомъ случаѣ принадлежало по закону право окончательнаго рѣшенія, по своему обыкновенію, устраняла отъ себя хлопоты по такимъ дѣламъ. Дѣло дошло до разрыва; Адгербалъ и Гіэмпсалъ, вѣроятно, приписывали составленіе завѣщанія пронырствамъ Югурты, и вообще не хотѣли признавать правъ этого послѣдняго на наслѣдство; тогда Югурта выступилъ претендентомъ на обладаніе нераздѣльнымъ цар-

---

Адгербалъ + 642 [112 | Гіэмпсалъ + около 637 [117] [Діодоръ, стр. 607]. | Миципса

Массива + 643 [111]

Гауда + ранѣе 666 [88] | Гіэмпсалъ II | Юба I | Юба II

Югурта. + 650 [104] | Оксинтъ.

ствомъ. Еще во время переговоровъ о дѣлежѣ, Гіэмпсалъ былъ устраненъ руками наемныхъ убійцъ; между Адгербаломъ и Югуртой дѣло дошло до междоусобной войны, въ которой приняла участіе вся Нумидія. Во главѣ своихъ менѣе многочисленныхъ, но лучше обученныхъ и лучше предводимыхъ войскъ, Югурта одержалъ побѣду и, завладѣвши всей территоріей нумидійскаго царства, сталъ безжалостно преслѣдовать тѣхъ вождей, которые держали сторону его двоюроднаго брата. Адгербалъ бѣжалъ въ римскія владѣнія, а оттуда отправился въ Римъ для предъявленія своихъ жалобъ. Югурта это предвидѣлъ и принялъ нужныя мѣры, чтобъ предотвратить угрожавшее ему вмѣшательство Римлянъ. Въ лагерѣ подъ Нуманціей онъ научился у Римлянъ не одной только военной тактикѣ; введенный въ сферу римской аристократіи, нумидійскій принцъ былъ, кромѣ того, посвященъ въ интриги римскихъ партій и узналъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, на что способна римская знать; еще въ ту пору, то есть за шестнадцать лѣтъ до смерти Миципсы, онъ заводилъ съ своими знатными римскими товарищами измѣнническіе переговоры о нумидійскомъ престолонаслѣдіи, а Сципіонъ нашолся вынужденнымъ строго напомнить ему, что иноземнымъ принцамъ болѣе прилично вести дружбу съ римскимъ государствомъ, чѣмъ съ тѣмъ или съ другимъ изъ римскихъ гражданъ. Послы отъ Югурты явились въ Римъ не съ одними только словесными настояніями; результатъ ихъ усилій доказалъ, что они избрали самыя вѣрныя средства для успѣшнаго веденія дипломатическихъ переговоровъ. Самые ревностные защитники законныхъ правъ Адгербала съ невѣроятною быстротой пришли къ убѣжденію, что Гіэмпсалъ былъ убитъ своими подданными за свое жестокосердіе, и что виновникомъ войны за престолонаслѣдіе былъ не Югурта, а Адгербалъ. Даже самые вліятельные изъ сенаторовъ устрашились такого скандала; Маркъ Скавръ попытался дать дѣлу другой оборотъ, но его усилія были тщетны. Сенатъ умолчалъ о случившемся и постановилъ рѣшеніе, что два оставшихся въ живыхъ наслѣдника по завѣщанію раздѣлятъ между собою царство по-ровну, а въ предупрежденіе новыхъ раздоровъ дѣлежъ будетъ произведенъ сенатской коммиссіей. Эта коммиссія прибыла на мѣсто; консуляръ Луцій Опимій, отличившійся тѣмъ, что содѣйствовалъ подавленію революціи, воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ испросить въ видѣ награды за свой патріотизмъ званіе предсѣдателя этой коммиссіи. Раздѣлъ былъ произведенъ въ пользу Югурты и не безъ пользы для коммиссаровъ; хотя Адгербалу и досталась столица Цирта (Константина) вмѣстѣ съ ея портомъ Рузикадой (Филиппевиллемъ), но именно вслѣдствіе того на его долю пришлась восточная часть царства, почти вся состоявшая изъ песчаныхъ степей, между тѣмъ какъ Югуртѣ досталась плодородная и густо-населенная западная часть (впослѣд-

ствіи носившая названіе ситифенской и цезарейской Мавританіи).— Все это было возмутительно, но скоро стали совершаться еще болѣе возмутительныя дѣла. Чтобъ отнять у Адгербала его долю владѣній подъ сколько-нибудь благовиднымъ предлогомъ и подъ видомъ самообороны, Югурта сталъ всячески раздражать его, чтобъ вырвать отъ него объявленіе войны, а когда умудренный опытомъ, слабохарактерный Адгербалъ, дозволилъ Югуртовскимъ всадникамъ безпрепятственно опустошать свои владѣнія и ограничился предъявленіемъ жалобъ въ Римѣ, тогда выведенный этими проволочками изъ терпѣнія Югурта началъ войну безъ всякаго къ тому повода. Въ окрестностяхъ теперешняго Филиппевилля Адгербалъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и укрылся въ находившейся неподалеку оттуда своей столицѣ Циртѣ. Въ то время, какъ велась осада Цирты, а войска Югурты ежедневно сражались съ многочисленными Италійцами, поселившимися въ Циртѣ и принимавшими въ защитѣ города еще болѣе горячее участіе, чѣмъ сами Африканцы, прибыла коммиссія, командированная сенатомъ по первымъ жалобамъ Адгербала; она состояла изъ такихъ-же неопытныхъ молодыхъ людей, какихъ римское правительство того времени обыкновенно выбирало для исполненія своихъ порученій. Послы потребовали, чтобъ Югурта впустилъ ихъ въ городъ, какъ уполномоченныхъ, присланныхъ державой-покровительницей къ Адгербалу, чтобъ онъ прекратилъ войну и принялъ ихъ посредничество. Югурта рѣшительно отказалъ имъ и въ томъ и въ другомъ и послы, какъ малолѣтніе дѣти,—какими они въ дѣйствительности были,— немедленно возвратились домой, чтобъ донести отцамъ города о случившемся. Отцы города выслушали ихъ донесеніе и предоставили на волю своихъ, жившихъ въ Циртѣ, соотечественниковъ продолжать борьбу такъ долго, какъ пожелаютъ. Только послѣ того, какъ на пятомъ мѣсяцѣ осады посланецъ Адгербала пробрался сквозь непріятельскіе окопы и доставилъ сенату письмо царя, наполненное самыми неотступными мольбами, сенатъ пробудился изъ своего усыпленія и постановилъ—не объявить Югуртѣ войну, какъ того требовало меньшинство, а отправить новое посольство; но на этотъ разъ во главѣ посольства былъ поставленъ великій укротитель Тврисковъ и вольноотпущенниковъ и всѣми чтимый герой аристократіи, Маркъ Скавръ, который уже однимъ своимъ появленіемъ долженъ быть образумить непокорнаго царя. Дѣйствительно, Югурта явился, какъ ему было приказано, въ Утику для объясненій съ Скавромъ; тогда завязались безконечные переговоры, но когда конференція закрылась, то на дѣлѣ не оказалось никакихъ результатовъ. Посольство возвратилось въ Римъ, не объявивъ Югуртѣ войны, а царь снова принялся за осаду Цирты. Доведенный до послѣдней крайности, Адгербалъ утратилъ всякую надежду на римскую помощь, а жившіе въ Циртѣ Италійцы были

такъ измучены осадой и были такъ увѣрены, что ихъ личная безопасность совершенно обезпечена тѣмъ страхомъ, который внушало римское имя, что стали настоятельно требовать сдачи города. Поэтому городъ сдался на капитуляцію. Югурта приказалъ предать своего своднаго брата мучительной смертной казни, а всѣхъ взрослыхъ мущинъ въ городѣ перебить, не разбирая Африканцы они или
112 Италійцы (642).

Вмѣшательство Римлянъ. По всей Италіи стали раздаваться вопли негодованія. Даже меньшинство сенаторовъ и всякій, кто не принадлежалъ къ составу сената, стали единогласно осуждать правительство, для котораго честь и интересы страны, по видимому, были ничѣмъ инымъ, какъ годнымъ для продажи товаромъ; всѣхъ громче протестовало купечество, такъ какъ оно было ближе всѣхъ затронуто гибелью жившихъ въ Циртѣ римскихъ и италійскихъ торговцевъ. Сенатское большинство все еще упорствовало; оно ссылалось на сословные интересы аристократіи и, чтобъ сохранить дорогой для нея миръ, прибѣгало ко всякимъ проволочкамъ, какія возможны при коллегіальной системѣ управленія. Однако, когда избранный на 643 годъ народнымъ трибуномъ, дѣятельный и краснорѣчивый Гай Меммій публично поднялъ этотъ вопросъ немедленно послѣ своего вступленія въ должность и сталъ грозить привлеченіемъ главныхъ виновниковъ къ уголовной отвѣтственности, то сенатъ наконецъ согласился объявить Югуртѣ войну
112/1 (642/3). Дѣло, по видимому, принимало серьозный оборотъ. Послы Югурты были высланы изъ Италіи, не добившись аудіенціи; новый консулъ Луцій Калпурній Бестія, отличавшійся своей смышленостью и энергіей по меньшей мѣрѣ между лицами своего сословія, дѣятельно занялся военными приготовленіями; самъ Маркъ Скавръ принялъ на себя званіе одного изъ начальниковъ африканской арміи; римская армія скоро появилась въ Африкѣ и, подвигаясь вверхъ по Баграду (Медшердѣ), вступила въ нумидійскія владѣнія, гдѣ ей стали добровольно изъявлять свою покорность самые отдаленные отъ царской столицы города, какъ напримѣръ Большой Лептисъ; тѣмъ временемъ царь Мавританіи Бокхъ предложилъ Римлянамъ свою дружбу и заключеніе союза не смотря на то, что его дочь была за-мужемъ за Югуртой. Самъ Югурта упалъ духомъ и прислалъ въ римскую главную квартиру пословъ съ просьбой о перемиріи. Конецъ войны уже былъ, по видимому, близокъ; онъ наступилъ еще скорѣе, чѣмъ ожидали. Заключеніе договора съ царемъ Бокхомъ не состоялось вслѣдствіе того, что незнакомый съ римскими нравами царь считалъ возможнымъ заключеніе этого выгоднаго для Римлянъ договора безъ всякихъ денежныхъ затратъ и потому не снабдилъ своихъ уполномоченныхъ нужными средствами для уплаты обыкновенной рыночной цѣны римскихъ мирныхъ договоровъ. Но Югурта былъ, конечно, ближе знакомъ съ установившимися въ Римѣ порядками и потому подкрѣпилъ свое предложеніе

перемирія надлежащими денежными пожертвованіями; однако и онъ ошибся. Изъ первыхъ переговоровъ обнаружилось, что въ римской главной квартирѣ можно купить не только перемиріе, но даже миръ. Царская казна была еще со временъ Массиниссы наполнена до-верху; въ условіяхъ скоро сговорились. Договоръ былъ заключенъ послѣ того, какъ только для виду былъ предоставленъ на разсмотрѣніе военнаго совѣта, который одобрилъ его послѣ безпорядочнаго и непродолжительнаго обсужденія. Югурта покорился безусловно; но побѣдитель оказался милостивымъ: онъ возвратилъ царю его владѣнія въ неуменьшенномъ видѣ съ обязательствомъ уплатить умѣренную пеню и выдать римскихъ перебѣжчиковъ и военныхъ слоновъ (643); большую часть этихъ слоновъ царь впослѣдствіи обратно пріобрѣлъ путемъ сдѣлокъ съ римскими комендантами и офицерами. **Договоръ между Римомъ и Нумидией. 111.**

Когда въ Римѣ узнали объ этомъ, тамъ снова разразилась буря. Всѣмъ было извѣстно, какъ былъ заключенъ миръ и что, стало быть, даже Скавра можно было купить, но только за такую цѣну, которая была выше средней продажной цѣны остальныхъ сенаторовъ. Легальную силу мирнаго договора стали горячо оспаривать въ сенатѣ; Гай Меммій объявилъ, что если царь дѣйствительно изъявилъ безусловную покорность, то онъ не можетъ отказаться отъ прибытія въ Римъ и что его слѣдуетъ вызвать для того, чтобъ путемъ допроса обѣихъ договаривавшихся сторонъ выяснить, въ чемъ заключалась неправильность мирныхъ переговоровъ. Это непріятное требованіе было исполнено; но царю дали надежный конвой,—чтó было совершенно противозаконно, такъ какъ Югурта являлся въ Римѣ не какъ врагъ, а какъ покорившійся Риму владѣтель. Послѣ этого царь дѣйствительно прибылъ въ Римъ и предсталъ для отвѣта передъ собравшимся народомъ, котораго съ трудомъ удержали отъ нападенія на конвой и отъ исполненія его намѣренія на мѣстѣ разорвать въ куски того, кто перебилъ жившихъ въ Циртѣ Италійцевъ. Но лишь только Гай Меммій обратился къ царю съ первымъ вопросомъ, какъ его товарищъ по трибунскому званію заявилъ свое veto и приказалъ царю молчать. Стало быть и въ этомъ случаѣ африканское золото взяло верхъ надъ волею самодержавнаго народа и его высшихъ должностныхъ лицъ. Между тѣмъ въ сенатѣ продолжались пренія объ обязательной силѣ только-что заключеннаго мирнаго договора, а новый консулъ Спурій Постумій Альбинъ горячо требовалъ его кассированія въ надеждѣ, что тогда къ нему перейдетъ высшее командованіе въ Африкѣ. Это побудило жившаго въ Римѣ, внука Массиниссы, Массиву предъявить сенату свои права на вакантный нумидійскій престолъ; тогда одинъ изъ приближенныхъ Югурты, Бомилькаръ убійствомъ избавилъ своего повелителя (безъ сомнѣнія, по его порученію) отъ этого конкурента, а когда противъ него возбу-

дили уголовное преслѣдованіе, онъ убѣжалъ изъ Рима при содѣйствіи Югурты.

Мирный договоръ кассированъ.

Это новое преступленіе, совершонное на глазахъ у римскаго правительства, по крайней мѣрѣ привело къ тому, что сенатъ кассировалъ мирный договоръ и выслалъ царя изъ Рима (зимой 643/4 года). Поэтому военныя дѣйствія возобновились, а консулъ Спурій Альбинъ принялъ главное командованіе (644). Но африканская армія дошла до такой глубокой дезорганизаціи, какая вполнѣ соотвѣтствовала негодности и государственнаго и военнаго управленія. Не только уже не могло быть и рѣчи о дисциплинѣ, не только опустошеніе какъ нумидійскихъ, такъ и римскихъ владѣній было главнымъ занятіемъ римской солдатчины во время пріостановки военныхъ дѣйствій, но даже нашлось не мало такихъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, которые завели тайныя сношенія съ непріятелемъ. Понятно, что такая армія негодилась для военныхъ дѣйствій въ открытомъ полѣ; если-же Югурта и на этотъ разъ купилъ бездѣйствіе римскаго главнокомандующаго, какъ его впослѣдствіи обвиняли передъ судомъ, то онъ по истинѣ напрасно тратилъ свои деньги. Спурій Альбинъ, конечно, ограничился тѣмъ, что ничего не предпринималъ; напротивъ того, его братъ, столько-же безразсудно-смѣлый, сколько бездарный Авлъ Постумій, вступившій во временное командованіе арміей послѣ отъѣзда Альбина, задумалъ среди зимы удалой набѣгъ съ цѣлію завладѣть сокровищами царя, хранившимися въ городѣ Суѳулѣ (впослѣдствіи носившемъ названіе Каламы, а теперь извѣстномъ подъ названіемъ Гуэльмы), къ которому было трудно подступить и которымъ было нелегко завладѣть. Римская армія двинулась туда и достигла города; но осада была безуспѣшна и приходилось отказаться отъ надежды завладѣть городомъ, а такъ какъ царь, стоявшій нѣкоторое время съ своей арміей передъ городомъ, отступилъ въ степь, то римскій главнокомандующій предпочелъ пуститься за нимъ въ погоню. Именно этого и желалъ Югурта; Нумидійцы напали ночью на римскій лагерь и завладѣли имъ, при чемъ не мало содѣйствовали ихъ успѣху неровная мѣстность и тайныя сношенія, которыя завелъ Югурта въ римской арміи; тогда Нумидійцы бросились преслѣдовать Римлянъ, которые были большею частію безоружны и обратились въ самое постыдное бѣгство. Послѣдствіемъ этихъ событій была капитуляція на слѣдующихъ условіяхъ: прохожденіе римской арміи подъ игомъ, немедленное очищеніе всей нумидійской территоріи и возстановленіе кассированнаго сенатомъ союзнаго договора; эти условія были предписаны Югуртой и были приняты Римлянами (въ началѣ 645 года).

Объявленіе войны.

109

Настроеніе умовъ въ столицѣ.

Это уже превосходило всякую мѣру. Въ то время, какъ Африканцы ликовали, а внезапно возникшая и прежде считавшаяся почти неосуществимой, надежда низвергнуть владычество иноземцевъ при-

влекала подъ знамена побѣдоноснаго царя многочисленныя свободныя и полусвободныя степныя племена, въ Италіи общественное мнѣніе было до крайности возмущено противъ правительственной аристократіи и нравственно испорченной и повсюду распространявшей нравственную порчу; это неудовольствіе разразилось бурей процессовъ, которая нашла для себя пищу въ озлобленіи купечества и вырвала цѣлый рядъ жертвъ изъ высшихъ сферъ знати. По предложенію народнаго трибуна Гайя Мамилія Лиметана и не смотря на робкія попытки сената предотвратить уголовное преслѣдованіе, была назначена экстренная коммиссія присяжныхъ для разслѣдованій о государственной измѣнѣ при разрѣшеніи вопроса о нумидійскомъ престолонаслѣдіи, а ея приговоры отправили въ ссылку обоихъ бывшихъ главнокомандующихъ Гайя Бестію и Спурія Альбина, предсѣдателя первой африканской коммиссіи и виновника смерти Гайя Гракха, Луція Опимія и многихъ другихъ, какъ виновныхъ такъ и невиновныхъ, но менѣе знатныхъ членовъ правительственной партіи. Но что эти процессы велись только съ цѣлію удовлетворить сильновозбужденное общественное мнѣніе и въ особенности капиталистовъ принесеніемъ въ жертву нѣсколькихъ наиболѣе компрометированныхъ людей, и что при этомъ не обнаружилось ни малѣйшихъ признаковъ народнаго негодованія противъ несправедливой и безчестной системы управленія, очень ясно видно изъ того факта, что не только никто не осмѣлился затронуть главнаго виновника, мудраго и могущественнаго Скавра, но что этотъ Скавръ именно около того времени попалъ въ цензоры и даже, — чтó казалось-бы невѣроятнымъ, — былъ выбранъ однимъ изъ предсѣдателей чрезвычайной коммиссіи по дѣламъ государственной измѣны. Тѣмъ болѣе не было сдѣлано никакой попытки ограничить сферу правительственной власти и было предоставлено одному сенату покончить съ этимъ нумидійскимъ скандаломъ по возможности самымъ снисходительнымъ для аристократіи образомъ, — а что съ нимъ уже пора было покончить, это, конечно, начинали понимать даже самые знатные изъ аристократовъ.

Кассированіе мирнаго договора.

Сенатъ началъ съ того, что кассировалъ и второй мирный договоръ, но выдавать непріятелю заключившаго этотъ договоръ главнокомандующаго, — какъ это дѣлалось еще за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, — уже считалось излишнимъ по новымъ понятіямъ о святости договоровъ; сверхъ того было рѣшено возобновить войну — и на этотъ разъ уже не-нашутку. Главное командованіе въ Африкѣ было возложено, по обыкновенію, на аристократа, но этотъ аристократъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ знатныхъ людей, которымъ такая задача была по силамъ и въ военномъ отношеніи и въ нравственномъ. Выборъ палъ на Квинта Метелла. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ такъ-же, какъ и всѣ другіе члены его вліятельнаго семейства, закоренѣлымъ и безпощаднымъ аристократомъ; въ качествѣ одного

Метеллъ назначенъ главнокомандующимъ.

изъ высшихъ сановниковъ, онъ ставилъ себѣ въ заслугу наёмъ убійцъ для пользы государства и, конечно, осмѣялъ-бы какъ непрактичное донъ-кихотство поступокъ Фабриція съ Пирромъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ недоступнымъ ни для страха ни для подкупа администраторомъ и осмотрительнымъ и опытнымъ военачальникомъ. Въ качествѣ полководца, онъ былъ до такой степени свободенъ отъ свойственныхъ его сословію предразсудковъ, что взялъ себѣ въ помощники не людей знатнаго происхожденія, а превосходнаго офицера Публія Рутилія,—пользовавшагося въ военныхъ сферахъ большимъ уваженіемъ за введенную имъ образцовую дисциплину и за придуманную имъ усовершенствованную систему военныхъ упражненій, —и храбраго Гайя Марія, который былъ сынъ латинскаго пахаря и выслужился изъ простыхъ солдатъ. Въ сопровожденіи этихъ людей и нѣсколькихъ другихъ способныхъ офицеровъ, Метеллъ прибылъ въ
109 645 году, въ званіи консула и главнокомандующаго, въ африканскую армію, которую нашолъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что генералы не осмѣливались вести ее въ непріятельскія владѣнія и что она была страшна только для несчастныхъ жителей римской провинціи. Метеллъ очень скоро и энергично преобразовалъ ее и весной 646 *) года перешолъ съ нею черезъ нумидійскую границу. Когда Югурта убѣдился, что дѣла приняли совершенно новый оборотъ, онъ счелъ себя погибшимъ и еще до начала борьбы предложилъ искренно желаемое соглашеніе, настаивая только на одномъ условіи, — чтобъ

---

*) Въ увлекательномъ и талантливомъ описаніи этой войны у Саллюстія хро-
105 нологія оставлена въ чрезмѣрномъ пренебреженіи. Война окончилась лѣтомъ 649
года [глава 114]; стало быть, если Марій сталъ руководить военными дѣйствія-
107 ми въ званіи консула съ 647 года, то слѣдовало-бы полагать, что онъ командовалъ
арміей въ трехъ кампаніяхъ. Но въ разсказѣ Саллюстія идетъ рѣчь только о двухъ
кампаніяхъ,—что вполнѣ основательно по слѣдующимъ соображеніямъ: Метеллъ,
109 по всему вѣроятію, отправился въ Африку еще въ 645 году, но такъ какъ онъ
прибылъ туда поздно [гл. 37, 44], а на переустройство арміи потребовалось
время [гл. 44], то онъ началъ военныя дѣйствія только въ слѣдующемъ году;
точно такъ и Марій, будучи долго задержанъ въ Италіи военными приготовле-
107 ніями [гл. 84], вступилъ въ главное командованіе или въ 647 году въ званіи
консула въ концѣ года и послѣ того, какъ кампанія уже окончилась, или только
106 въ 648 году въ званіи проконсула; поэтому, двѣ кампаніи Метелла относятся
108 107 106 105 къ 646 и 647 годамъ, а двѣ кампаніи Марія къ 648 и 649 годамъ. Съ этимъ со-
106 гласуется и то, что Меттелъ былъ удостоенъ почестей тріумфа лишь въ 648 году
[Eph. epigr. IV, стр. 257]. Съ этимъ-же согласуется и то соображеніе, что
битва на Муеулѣ и осада Замы, — судя по ихъ соотношенію съ кандидатурой
108 Марія на консульство — должны быть отнесены не иначе, какъ къ 646 году.
Саллюстія нельзя не упрекнуть въ неточностяхъ; такъ напримѣръ, говоря о со-
105 бытіяхъ 649 года, онъ еще называетъ Марія консуломъ. — Упоминаемое Саллюс-
тіемъ [62, 10] продленіе срока командованія Метелла,—судя по мѣсту, зани-
107 маемому имъ въ разсказѣ,— можетъ быть отнесено неиначе, какъ къ 647 году;

ему была обезпечена личная безопасность. Но Метеллъ рѣшился — или по собственной инниціативѣ, или, быть можетъ, въ исполненіе данныхъ ему инструкцій, — окончить войну не иначе, какъ послѣ его казни; дѣйствительно, это былъ единственный исходъ, способный удовлетворить Римлянъ. Съ того времени, какъ Югурта одержалъ побѣду надъ Альбиномъ, онъ считался избавителемъ Либіи отъ владычества ненавистныхъ иноземцевъ; при его безсовѣстности и лукавствѣ и при безсиліи римскаго правительства, онъ и послѣ заключенія мира могъ-бы во всякое время возжечь на своей родинѣ войну; внутреннее спокойствіе могло быть обезпечено и африканская армія могла удалиться только послѣ того, какъ царя Югурты не будетъ на свѣтѣ. На предложеніе царя, Метеллъ офиціально далъ уклончивый отвѣтъ, а въ тайнѣ подстрекалъ царскихъ пословъ выдать Римлянамъ ихъ повелителя живымъ или мертвымъ. Но римскій главнокомандующій, задумавшій состязаться съ Африканцемъ на поприщѣ убійствъ, не сообразилъ, что онъ имѣлъ дѣло съ знатокомъ по этой части; Югурта догадался о его замыслахъ и сталъ готовиться къ отчаянному сопротивленію, потому что для него не было другаго исхода.

Возобновленіе войны.

По ту сторону вовсе незаселенной цѣпи горъ, черезъ которую лежалъ путь Римлянъ во внутренность края, тянулась въ ширину четырехъ нѣмецкихъ миль вплоть до бѣгущей параллельно горамъ рѣки Муѳула пространная равнина, которая была почти вплоть до рѣки безводна и безлѣсна и только пересѣкалась поперёгъ цѣпью холмовъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ. На этомъ хребтѣ холмовъ Югурта ожидалъ римскую армію. Его войска были раздѣлены на двѣ массы: одна масса, въ которую входили часть пѣхоты и слоны, и которая находилась подъ начальствомъ Бомилькара, была поставлена тамъ, гдѣ хребетъ холмовъ спускался къ рѣкѣ; другая масса, состоявшая изъ лучшей части пѣхоты и изъ всей конницы, стояла немного выше и ближе къ хребту холмовъ подъ прикрытіемъ кустарниковъ. Перейдя черезъ горы, Римляне замѣтили, что непріятель

Битва на Муѳулѣ.

когда лѣтомъ 646 года пришлось, на основаніи Семпроніевскаго закона, распредѣлять провинціи между консулами, которыхъ предстояло избрать на 647 годъ, то сенатъ предоставилъ этимъ консуламъ двѣ другія провинціи и стало быть оставилъ Нумидію за Метелломъ. Это сенатское рѣшеніе было отмѣнено плебисцитомъ, о которомъ упоминаетъ Саллюстій [72, 7]. Слѣдующія слова, сообщаемыя съ пропусками въ лучшихъ рукописяхъ обѣихъ фамилій sed paulo.... decreverat: ea res frustra fuit должны были обозначать провинціи, назначенныя сенатомъ въ завѣдываніе консуловъ, примѣрно такимъ образомъ sed paulo [ante uti consulibus Italia et Gallia provinciae essent senatus] decreverat, или же, придерживаясь дополненія общеизвѣстныхъ рукописей, ихъ слѣдуетъ читать такъ: sed paulo [ante senatus Metello Numidiam] decreverat.

108
107

занимаетъ позицію, совершенно господствующую надъ ихъ правымъ флангомъ, а такъ какъ имъ не было возможности оставаться на голомъ безводномъ горномъ хребтѣ и было необходимо достигнуть рѣки, то имъ приходилось разрѣшить трудную задачу—пройти до рѣки четыре мили совершенно гладкой равнины на глазахъ у непріятельской кавалеріи и не имѣя при себѣ легкой конницы. Метеллъ выслалъ впередъ отрядъ подъ начальствомъ Руфа съ приказаніемъ итти прямо къ рѣкѣ и разбить тамъ лагерь, а главная армія, выйдя изъ горныхъ ущельевъ, двинулась черезъ равнину въ косвенномъ направленіи къ хребту холмовъ съ цѣлію вытѣснить оттуда непріятеля. Но это движеніе черезъ равнину могло погубить армію, такъ какъ нумидійская пѣхота занимала горныя ущелья въ тылу Римлянъ по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе удалялись оттуда, а римскую наступательную колонну окружали со всѣхъ сторонъ массы непріятельской конницы, спустившейся съ холмовъ. Безпрестанныя нападенія непріятельскихъ всадниковъ непозволяли подвигаться впередъ и битва, повидимому, могла превратиться въ множество отдѣльныхъ безцѣльныхъ стычекъ; тѣмъ временемъ Бомилькаръ во главѣ своихъ войскъ удерживалъ отрядъ Руфа, чтобъ помѣшать ему итти на помощь къ сильно-тѣснимой главной римской арміи. Однако Метеллу и Марію удалось достигнуть до подошвы холмовъ во главѣ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ; защищавшая эти высоты, нумидійская пѣхота, не смотря на свое численное превосходство и на свою выгодную позицію, бѣжала оттуда почти безъ всякаго сопротивленія, лишь только легіонеры устремились на приступъ высотъ. Такъ-же слабо сопротивлялась и та часть нумидійской пѣхоты, съ которой имѣлъ дѣло Руфъ; она разсѣялась при первомъ напорѣ Римлянъ, а слоны были всѣ перебиты или захвачены на этой неровной мѣстности. Поздно вечеромъ, на промежуточномъ пространствѣ между двумя полями сраженій, сошлись обѣ римскія арміи, изъ которыхъ каждая одержала побѣду и каждая заботилась объ участи другой. Эта битва свидѣтельствовала какъ о необыкновенныхъ воинскихъ дарованіяхъ Югурты, такъ и о несокрушимой стойкости римской пѣхоты, которая безъ всякой посторонней помощи превратила стратегическое пораженіе въ побѣду. Послѣ битвы, Югурта распустилъ бо́льшую часть своихъ войскъ по домамъ и ограничился веденіемъ мелкой войны, въ которой онъ также былъ очень искусенъ.

Нумидія занята Римлянами. Двѣ римскія колонны, одна подъ начальствомъ Метелла, а другая подъ начальствомъ Марія (который былъ самымъ младшимъ изъ корпусныхъ начальниковъ по происхожденію и по рангу, но послѣ битвы на Муѳулѣ занялъ между ними первое мѣсто), стали подвигаться далѣе по нумидійской территоріи, занимая города и умерщвляя всѣхъ взрослыхъ мущинъ въ тѣхъ городахъ, которые не растворяли передъ ними своихъ воротъ. Однако самый значительный изъ горо-

довъ, находившихся въ восточной части внутреннихъ странъ, Зама, оказалъ Римлянамъ упорное сопротивленіе, которое энергически поддерживалъ и самъ царь. Югуртѣ даже удалось нападеніе на римскій лагерь и Римляне, наконецъ, были вынуждены прекратить осаду и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Эти зимнія квартиры Метеллъ занялъ, ради удобствъ продовольствія, въ римской провинціи, предварительно оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ; онъ воспользовался прекращеніемъ военныхъ дѣйствій для того, чтобъ снова завести переговоры, и обнаружилъ готовность заключить съ царемъ миръ на сносныхъ условіяхъ. Югурта охотно на это согласился; онъ уже обязался уплатить 200.000 фунтовъ серебра и выдалъ Римлянамъ своихъ слоновъ и 300 римскихъ дезертировъ, которые были немедленно лишены жизни. Въ то-же время Метеллъ склонилъ на свою сторону ближайшаго совѣтника Югурты Бомилькара, который не безъ основанія опасался, что, въ случаѣ заключенія мира, царь выдастъ его римскимъ судьямъ, какъ убійцу Массивы; Метеллъ обѣщалъ Бомилькару безнаказанность за это убійство и большія награды и этимъ выманилъ отъ него обѣщаніе выдать въ руки Римлянъ царя живымъ или мертвымъ. Однако ни официальные переговоры ни эти интриги не привели къ желаемому результату. Когда Метеллъ предъявилъ требованіе, чтобъ самъ царь отдался въ плѣнъ, то этотъ послѣдній прекратилъ мирные переговоры; тайныя сношенія Бомилькара съ непріятелемъ были открыты; онъ былъ арестованъ и казненъ. Для этихъ дипломатическихъ козней самаго низкаго сорта, конечно, нѣтъ никакого оправданія; но со стороны Римлянъ совершенно понятно желаніе захватить ихъ противника. Война уже была доведена до такого пункта, что ее нельзя было ни продолжать ни прекратить. О настроеніи умовъ въ Нумидіи свидѣтельствуетъ, напримѣръ, возстаніе зимой 646/7 года 108/7
самаго значительнаго изъ занятыхъ Римлянами городовъ, Ваги *), причемъ были перерѣзаны всѣ офицеры и солдаты римскаго гарнизона, за исключеніемъ коменданта Тита Турпилія Силана, который былъ впослѣдствіи казненъ по приговору римскаго военнаго суда за тайныя сношенія съ непріятелемъ, — неизвѣстно, основательно или нѣтъ. На другой день послѣ своего отпаденія, городъ былъ захваченъ въ расплохъ Метелломъ и съ нимъ было поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; но если такъ были настроены умы среди жившаго по берегамъ Баграда народа, до котораго Римлянамъ не трудно было добраться и который былъ сравнительно склоненъ къ покорности, то чего-же можно было ожидать отъ населенія внутреннихъ странъ и отъ бродячихъ степныхъ племенъ? Югурта былъ идоломъ Африканцевъ, которые охотно позабывали, что онъ совер-

*) Теперешній Бедшахъ на берегахъ Медшерды.

шилъ двойное братоубійство и видѣли въ немъ лишь спасителя всей націи и мстителя за нее. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, когда въ непріятельскихъ рядахъ появился сынъ Югурты, пришлось какъ можно скорѣе отправить обратно въ Африку нумидійскій отрядъ, сражавшійся въ Италіи на сторонѣ Римлянъ; отсюда можно заключить, какъ велико было вліяніе самаго Югурты среди его народа. Можно-ли же было ожидать окончанія войны въ такой странѣ, гдѣ своеобразныя свойства и населенія и почвы доставляли пріобрѣвшему симпатіи націи вождю возможность затягивать войну безконечными мелкими стычками или же, прекративъ ее на время, возобновлять съ новой энергіей въ благопріятную минуту?

107 Когда Метеллъ снова выступилъ въ 647 году въ походъ, Югурта нигдѣ не былъ въ состояніи оказать ему серьозное сопротивленіе; онъ внезапно появлялся то на одномъ пунктѣ, то на другомъ, въ большомъ отдаленіи отъ перваго; съ его кавалеріей было, повидимому, такъ-же трудно справиться, какъ съ бродившими по степи львами. Давались сраженія, одерживались побѣды, но трудно бы было сказать, въ чемъ заключалась польза отъ этихъ побѣдъ. Царь исчезалъ въ непроницаемой дали. Внутри теперешняго тунисскаго пашалыка, у самаго края великой степи, въ обильномъ источниками оазисѣ, стояла крѣпость Θала *); тамъ укрылся Югурта съ своими дѣтьми, съ своими сокровищами и съ своими отборными войсками въ надеждѣ дождаться тамъ болѣе счастливаго времени. Метеллъ имѣлъ смѣлость пуститься въ погоню за царемъ черезъ степь, при чемъ ему пришлось везти съ собою воду въ кожаныхъ мѣшкахъ на протяженіи десяти нѣмецкихъ миль; онъ достигъ Θалы и завладѣлъ ею послѣ двухъ-недѣльной осады; но римскіе дезертиры уничтожили самую цѣнную часть добычи вмѣстѣ съ зданіемъ, въ которомъ они сами себя сожгли послѣ взятія города Римлянами, а еще важнѣе было то, что царь Югурта успѣлъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми и своею казной. Нумидія уже была почти совершенно въ рукахъ Римлянъ; но это не привело къ желаемой цѣли, а только, по видимому, расширило сферу военныхъ дѣйствій. На югѣ, свободныя степныя племена Гетуловъ начали, по приглашенію Югурты, народную войну противъ Римлянъ. На западѣ, мавританскій царь Бокхъ, дружбой котораго Римляне до того времени пренебрегали, обнаружилъ намѣреніе дѣйствовать противъ нихъ за-одно съ своимъ зятемъ: онъ не только дружески принялъ у себя Югурту,

Степная война.

Замѣшательства въ Мавританіи.

*) Мѣсто, гдѣ находился этотъ городъ, не было найдено. Прежде высказывавшееся предположеніе, что названіемъ Θалы обозначали Θелепту [подлѣ Феріаны, къ сѣверу отъ Капсы], неосновательно, а другое предположеніе, что древняя Θала находилась тамъ-же, гдѣ стоитъ въ настоящее время мѣстечко, называемое Θалой [къ востоку отъ Капсы], также не подтверждается достаточными доказательствами.

но, соединивши своихъ безчисленныхъ наѣздниковъ съ войсками нумидійскаго царя, двинулся къ Циртѣ, гдѣ Метеллъ расположился на зимнихъ квартирахъ. Завязались переговоры, которые ясно обнаружили, что въ рукахъ Бокха находилось въ лицѣ Югурты именно то, изъ-за чего Римляне вели борьбу. Но, чего именно желалъ Бокхъ—продать-ли Римлянамъ своего зятя какъ можно дороже или же за-одно съ этимъ зятемъ начать народную войну,—это не было извѣстно ни Римлянамъ ни Югуртѣ, да, можетъ быть, этого не зналъ и самъ Бокхъ, нисколько не торопившійся выйти изъ своего двусмысленнаго положенія.

Марій назначенъ главнокомандующимъ.

Между тѣмъ Метеллъ покинулъ провинцію, которую былъ принужденъ уступить, въ исполненіе народнаго постановленія, своему бывшему подчиненному, а теперь избранному въ консулы, Марію; поэтому Марій принялъ главное командованіе арміей на предстоявшую
106 кампанію 648 года. Онъ былъ этимъ обязанъ чему-то въ родѣ государственнаго переворота. Расчитывая на оказанныя имъ государству услуги и вмѣстѣ съ тѣмъ на благопріятное для него изреченіе оракула, онъ рѣшился выступить кандидатомъ на консульство. Еслибы аристократія поддержала столько-же невоспрещенныя законами, сколько вполнѣ основательныя притязанія на консульство со стороны этого даровитаго и вовсе несочувствовавшаго оппозиціи человѣка, то послѣдствіемъ этого было бы лишь внесеніе новаго знатнаго рода въ консульскіе списки; вмѣсто того, вся правительственная партія стала издѣваться надъ этимъ дерзкимъ новаторомъ и революціонеромъ, который, не будучи знатнаго происхожденія, добивался высшей общественной должности; она обходилась съ нимъ точно такъ-же, какъ прежде обходились патриціи съ плебейскими кандидатами,—только на этотъ разъ безъ всякаго формально-законнаго основанія; Метеллъ оскорблялъ храбраго офицера колкими насмѣшками—Марій, говорилъ онъ, можетъ подождать съ своей кандидатурой, пока не выступитъ его конкурентомъ мой сынъ, у котораго еще не выросла борода; наконецъ Марія отпустили самымъ неблагосклоннымъ образомъ съ
тѣмъ, что онъ выступитъ въ столицѣ въ 647 году кандидатомъ на 107
консульское званіе. Тогда Марій постарался щедро отплатить своему бывшему начальнику за всѣ несправедливости: передъ толпою уличныхъ зѣвакъ онъ сталъ нападать на Метелла за его способъ веденія войны и за его управленіе въ Африкѣ, недобросовѣстно искажая факты; онъ даже не побрезгалъ польстить вкусамъ черни, постоянно перешептывавшейся о какихъ-то тайныхъ, еще небывалыхъ, но вполнѣ несомнѣнныхъ заговорахъ знати, и угостилъ ее пошлой выдумкой, будто Метеллъ намѣренно затягивалъ войну, чтобъ какъ можно дольше оставаться главнокомандующимъ. Уличнымъ ротозѣямъ это казалось яснымъ, какъ день; нашлось не мало людей, недовольныхъ правительствомъ по болѣе или менѣе основательнымъ при-

чинамъ, и въ особенности не мало людей изъ задѣтаго въ своихъ интересахъ купечества, которые были рады такому удобному случаю нанести аристократіи ударъ въ самое чувствительное мѣсто; не только Марій былъ выбранъ въ консулы громаднымъ большинствомъ голосовъ, но постановленіе самодержавныхъ комицій предоставило ему и высшее начальство въ африканской войнѣ, причемъ былъ нарушенъ законъ Гайя Гракха, предоставлявшій сенату право установлять сферу дѣятельности каждаго консула (стр. 113) и было отмѣнено распоряженіе сената, оставлявшее Метелла на его прежнемъ посту.

Безуспѣшная война. И такъ Марій замѣнилъ въ 647 году Метелла и руководилъ военными дѣйствіями во время кампаніи слѣдующаго года; однако на дѣлѣ оказалось, что было легче дать, чѣмъ исполнить положительное обѣщаніе, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ при Метеллѣ, и что Югурта будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени доставленъ въ Римъ связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Марій сражался съ Гетулами, завладѣлъ нѣсколькими городами, которые еще не были заняты Римлянами, предпринялъ экспедицію въ стоявшую на крайней юго-восточной оконечности царства Капсу (Гафсу), при чемъ ему пришлось преодолѣвать еще большія препятствія, чѣмъ при нападеніи на Ѳалу, принудилъ этотъ городъ сдаться на капитуляцію и, въ нарушеніе договора, приказалъ умертвить всѣхъ взрослыхъ мущинъ, что, конечно, было единственнымъ средствомъ предотвратить отпаденіе этого дальняго степнаго города; онъ напалъ на укрѣпленный зàмокъ (стоявшій у береговъ рѣки Молохаѳа, которая отдѣляла нумидійскую территорію отъ мавританской), въ которомъ хранилась казна Югурты, и въ то время, какъ онъ утратилъ всякую надежду на успѣхъ и уже намѣревался снять осаду, завладѣлъ зàмкомъ благодаря отвагѣ нѣсколькихъ солдатъ, успѣвшихъ вскарабкаться на этотъ неприступный утесъ. Если бы имѣлось въ виду только пріучить армію къ перенесенію трудностей войны посредствомъ такихъ смѣлыхъ экспедицій и доставить солдатамъ случай обогатиться добычей, или если бы Марій намѣревался только затмить походъ Метелла въ степь другимъ походомъ, предпринятымъ еще далѣе, то, пожалуй, еще можно-бы было признать этотъ способъ веденія войны цѣлесообразнымъ; но при этомъ была совершенно отложена въ сторону главная цѣль войны, та цѣль, которую Метеллъ преслѣдовалъ съ строгой послѣдовательностью—взятіе въ плѣнъ Югурты. Походъ Марія въ Капсу былъ столько-же безцѣльнымъ рискованнымъ предпріятіемъ, сколько рискованный походъ Метелла въ Ѳулу былъ цѣлесообразенъ; но экспедиція на берега Молохаѳа, направленная если не внутрь мавританскихъ владѣній, то къ ихъ границамъ, была предпринята рѣшительно наперекоръ тому, чего было желательно достигнуть. Отъ царя Бокха вполнѣ зависѣло положить конецъ войнѣ въ пользу Римлянъ или затянуть ее до безконечности; а теперь

онъ заключилъ съ Югуртой договоръ, по которому Югурта уступилъ ему часть своихъ владѣній, а Бокхъ обязался дѣятельно поддерживать своего зятя въ борьбѣ съ Римлянами. Возвращавшаяся съ береговъ Молохаѳа римская армія была однажды вечеромъ внезапно окружена несмѣтными массами мавританской и нумидійской конницы; римскимъ отрядамъ пришлось сражаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были настигнуты непріятелемъ такъ, что они не могли построиться въ настоящемъ боевомъ порядкѣ, а высшіе начальники не могли руководить ихъ движеніями; эти начальники были довольны и тѣмъ, что имъ удалось хоть на ночь занять съ своими сильно порѣдѣвшими войсками базопасныя позиціи на двухъ возвышенностяхъ, находившихся не въ далекомъ разстояніи одна отъ другой. Впрочемъ непростительная небрежность опьянѣвшихъ отъ своего успѣха Африканцевъ помѣшала имъ воспользоваться плодами ихъ побѣды; римская армія, успѣвшая немного оправиться въ теченіе ночи, напала на нихъ на разсвѣтѣ въ то время, какъ они спали глубокимъ сномъ, и разсѣяла ихъ. Послѣ того она продолжала свое отступленіе въ лучшемъ порядкѣ и съ бо́льшею осмотрительностью; но на нее было еще разъ сдѣлано нападеніе съ четырехъ сторонъ и она находилась въ большой опасности до той минуты, когда кавалерійскій полковникъ Луцій Корнелій Сулла, разогнавшій стоявшія противъ него толпы непріятельскихъ всадниковъ и быстро вернувшійся отъ ихъ преслѣдованія, устремился на Югурту и Бокха, которые лично командовали войсками, сильно тѣснившими римскую пѣхоту съ тылу. Такимъ образомъ и эта аттака была удачно отбита; Марій привелъ свою армію обратно въ Цирту и расположился тамъ на зимнихъ квартирахъ (648/9). 106/5

Переговоры съ Бокхомъ.

Могло бы казаться страннымъ, но вполнѣ понятно, почему Римляне стали настойчиво искать дружбы Бокха послѣ того, какъ онъ началъ войну, а сначала пренебрегали этой дружбой и впослѣдствіи по меньшей мѣрѣ не старались снискать ее; при этомъ послужило на пользу Римлянъ то обстоятельство, что со стороны мавританскаго царя не было сдѣлано формальнаго объявленія войны. Бокхъ былъ не прочь снова занять свое прежнее двусмысленное положеніе. Не разрывая своего договора съ Югуртой и не отталкивая отъ себя нумидійскаго царя, онъ завелъ съ римскимъ главнокомандующимъ переговоры объ условіяхъ союзнаго договора съ Римомъ. Когда дѣло дошло до дѣйствительнаго или только кажущагося соглашенія, Бокхъ предложилъ Марію, для заключенія договора и для принятія царственнаго плѣнника, прислать Луція Суллу, котораго онъ лично зналъ и къ которому питалъ расположеніе частію съ того времени, какъ Сулла явился при мавританскомъ дворѣ посломъ отъ сената, частію по рекомендаціи назначенныхъ въ Римъ мавританскихъ пословъ, которымъ Сулла оказалъ во время пути нѣкоторыя услуги.

Марій былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Если бы онъ отвергнулъ предложеніе Бокха, то это, по всему вѣроятію, привело бы къ разрыву, а исполняя желаніе царя, онъ отдалъ-бы самаго знатнаго и самаго храбраго изъ своихъ офицеровъ въ руки болѣе чѣмъ ненадежнаго человѣка, который, — какъ было всѣмъ извѣстно,— кривилъ душою и съ Римлянами и съ Югуртой и, повидимому, желалъ предварительно добыть въ лицѣ Югурты и въ лицѣ Суллы заложниковъ отъ обѣихъ сторонъ. Однако желаніе окончить войну взяло верхъ надъ всѣми другими соображеніями и Сулла взялся за предложенное ему Маріемъ опасное порученіе. Онъ смѣло пустился въ путь въ сопровожденіи Бокхова сына, Волукса, а его энергія не ослабѣла даже тогда, когда его путеводитель повелъ его черезъ лагерь Югурты. Онъ отвергнулъ малодушные совѣты своихъ спутниковъ искать спасенія въ бѣгствѣ и рядомъ съ царскимъ сыномъ прошолъ сквозь толпы враговъ. Этотъ безстрашный офицеръ обнаружилъ такую же энергію въ своихъ переговорахъ съ султаномъ и убѣдилъ его принять окончательное рѣшеніе.

Выдача и казнь Югурты. Югурта былъ принесенъ въ жертву. Положившись на обѣщаніе, что всѣ его желанія будутъ исполнены, онъ попался въ устроенную его тестемъ ловушку, его свита была изрублена и онъ самъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ этотъ великій измѣнникъ палъ отъ измѣны своихъ близкихъ родственниковъ. Луцій Сулла привезъ этого хитраго и неугомоннаго Африканца вмѣстѣ съ его дѣтьми скованнымъ въ римскую главную квартиру; это положило конецъ длившейся семь лѣтъ войнѣ. Честь побѣды была приписана
104 Марію; когда онъ въѣзжалъ 1 января 650 года въ Римъ въ качествѣ побѣдителя на тріумфальной колесницѣ, то впереди этой колесницы шолъ въ царскомъ одѣяніи и въ цѣпяхъ царь Югурта вмѣстѣ съ своими обоими сыновьями; черезъ нѣсколько дней послѣ того, этотъ сынъ степей былъ, по приказанію Марія, лишонъ жизни въ подземной городской тюрьмѣ, въ старинномъ такъ называемомъ зданіи колодца на Капитоліи,—въ этой «ледяной банѣ», какъ ее назвалъ Африканецъ въ то время, какъ переступалъ черезъ ея порогъ, за которымъ ему предстояло или быть удавленнымъ или умереть отъ стужи и голода. Однако, нѣтъ возможности отрицать того, что доля участія Марія въ достигнутыхъ результатахъ была самая ничтожная, что завоеваніе Нумидіи вплоть до степей было дѣломъ Метелла, что взятіе въ плѣнъ Югурты было дѣломъ Суллы и что въ сравненіи съ этими двумя людьми Марій игралъ роль, не дѣлавшую большой чести честолюбивому выскочкѣ. Марію было очень непріятно, что его предмѣстникъ принялъ названіе завоевателя Нумидіи; онъ разразился сильнымъ гнѣвомъ, когда царь Бокхъ впослѣдствіи поставилъ на Капитоліи освященное золотое изваяніе, изображавшее выдачу Югурты Суллѣ; однако въ глазахъ безпристрастныхъ судей

заслуги этихъ двухъ Римлянъ сильно затмѣвали заслуги Марія въ качествѣ главнокомандующаго, — въ особенности блестящая экспедиція Суллы въ глубь степей выказала въ такомъ яркомъ свѣтѣ его отвагу, его присутствіе духа, его прозорливость и способность властвовать надъ людьми, что этимъ достоинствамъ отдавали справедливость и самъ главнокомандующій и вся армія. Это соперничество изъ-за военныхъ заслугъ не имѣло-бы само по себѣ важнаго значенія, еслибы оно не было впутано въ борьбу политическихъ партій, — еслибы оппозиція не вытѣснила назначеннаго сенатомъ главнокомандующаго для того, чтобъ замѣнить его Маріемъ, и еслибы правительственная партія не превозносила Метелла и въ особенности Суллу съ злобнымъ намѣреніемъ поставить ихъ выше номинальнаго побѣдителя; впрочемъ намъ еще придется говорить при изложеніи внутреннихъ событій объ опасныхъ послѣдствіяхъ такихъ подстрекательствъ къ взаимной ненависти.

Переустройство Нумидіи.

Впрочемъ, это возстаніе въ вассальномъ нумидійскомъ царствѣ не вызвало замѣтныхъ перемѣнъ ни въ общемъ положеніи государственныхъ дѣлъ ни даже въ положеніи африканской провинціи. Римское правительство уклонилось отъ политическихъ принциповъ, которыхъ придерживалось въ то время въ другихъ странахъ и не обратило Нумидіи въ римскую провинцію, очевидно, потому, что этой страной можно-бы было владѣть только при помощи арміи, которая защищала-бы ея границы отъ жившихъ въ степи дикихъ племенъ, а Римляне вовсе ненамѣревались держать въ Африкѣ постоянную армію. Поэтому всѣ перемѣны ограничились тѣмъ, что западная часть Нумидіи, то есть, по всему вѣроятію, та полоса земли, которая тянется отъ рѣки Молохаеа до порта Салды (Bougie) и впослѣдствіи носила названіе Цезарейской Мавританіи (провинція Алжиръ), была присоединена къ владѣніямъ Бокха, а вслѣдствіе того уменьшившееся въ объемѣ нумидійское царство было отдано послѣднему оставшемуся въ живыхъ внуку Массиниссы, слабому и тѣломъ и умомъ сводному брату Югурты, Гавдѣ, который еще въ 646 году предъявилъ, по совѣту Марія, сенату свои притязанія на нумидійскій престолъ *). Жившія внутри Африки, гетулійскія племена были 108.

*) Нарисованная Саллюстіемъ въ политическомъ жанрѣ, картина Югуртинской войны составляетъ единственный написанный живыми красками разсказъ, который дошелъ до насъ и который рѣзко отличается отъ совершенно безцвѣтныхъ и неясныхъ преданій объ этой эпохѣ; она заканчивается, согласно съ манерой писать Саллюстія, гибелью Югурты, — то есть поэтически, а не исторически; мы не имѣемъ послѣдовательныхъ указаній и на то, какъ римское правительство распорядилось съ нумидійскимъ царствомъ. Что Гавда замѣнилъ Югурту, видно изъ словъ Саллюстія [гл. 65] и Діона [Fragm. 79, 4, изд. Беккера] и подтверждается найденной въ Картагенѣ надписью [Orell. 603], въ которой Гавда названъ царемъ и отцемъ Гіэмпсала II. Что въ западной части

въ то-же время приняты въ число независимыхъ націй, находившихся по добровольному соглашенію въ союзѣ съ Римлянами.

Политическіе результаты. Важнѣе этого переустройства вассальныхъ африканскихъ государствъ были политическія послѣдствія Югуртинской войны, или, вѣрнѣе, Югуртинскаго возстанія, хотя и имъ нерѣдко придавали не въ мѣру высокое значеніе. Они безспорно обнаружили въ ничѣмъ неприкрытой наготѣ всѣ язвы тогдашней системы управленія; тогда не только стало всѣмъ извѣстно, но даже было, такъ сказать, удостовѣрено судебнымъ порядкомъ, что у властвовавшей въ Римѣ знати всё было продажно — и мирные договоры и право протеста и лагерный валъ и жизнь солдатъ; Африканецъ сказалъ не болѣе, какъ простую правду, когда передъ своимъ отъѣздомъ изъ Рима высказалъ убѣжденіе, что, будь у него достаточно золота, онъ могъ-бы купить самый городъ. И все внѣшнее и внутреннее управленіе того времени носило на себѣ такой-же отпечатокъ гнусной низости. Послѣдствія Югуртинской войны пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ чрезмѣрную важность вслѣдствіе той случайности, что о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Африкѣ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ о другихъ одновременныхъ событіяхъ военныхъ и политическихъ; но изъ вызванныхъ этой войною разоблаченій современники узнали только то, что́ уже давно было всѣмъ извѣстно и что́ каждый неустрашимый патріотъ уже давно былъ въ состояніи доказать неоспоримыми фактами. Конечно, теперь были добыты новыя, еще болѣе вѣскія и еще болѣе неопровержимыя, доказательства гнусности возстановленнаго сенатскаго управленія, стоявшей на одномъ уровнѣ только съ его неспособностью; но этотъ фактъ могъ имѣть важное значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы была на лицѣ оппозиція и еслибы существовало общественное мнѣніе, съ которымъ правительство было-бы вынуждено считаться; а африканская война въ сущности столько-же опозорила правительство, сколько обнару-

---

страны остались безъ измѣненій тѣ границы, которыя и прежде отдѣляли Нумидію отъ римской провинціи Африки и отъ Кирены, видно изъ словъ Цезаря [De bel. civ. 2, 38; bel. Afr. 43, 77] и изъ позднѣйшихъ провинціальныхъ учрежденій. Напротивъ было совершенно въ порядкѣ вещей, — да и Саллюстій на это намекаетъ [гл. 97. 102. 111], — что владѣнія Бокха были значительно расширены; съ этимъ, безъ сомнѣнія, находится въ связи и тотъ фактъ, что Мавританія, первоначально состоявшая только изъ Тингитской территоріи [Марокко], впослѣдствіи заключала въ себѣ территорію Цезареи [провинцію Алжиръ] и Ситифиса [западную половину провинціи Константины]. А такъ какъ Маври-
105 танія была два раза расширена Римлянами, въ первый разъ въ 649 году послѣ
46 выдачи Римлянамъ Югурты, во второй разъ въ 708 году послѣ уничтоженія нумидійскаго царства, то слѣдуетъ полагать, что территорія Цезареи была къ ней присоединена во время перваго расширенія ея границъ, а территорія Ситифиса во время втораго.

жила совершенное ничтожество оппозиціи. Не было возможности хуже управлять, чѣмъ управляли люди реставраціи въ теченіе 637—645 г., 117-109
и никогда еще римскій сенатъ не былъ такимъ безпомощнымъ и растеряннымъ, какъ въ 645 году; еслибы въ Римѣ существовала на- 109
стоящая оппозиція, то есть такая партія, которая желала-бы и добивалась-бы существеннаго измѣненія государственныхъ учрежденій, то она неизбѣжно хоть попыталась-бы въ ту пору низвергнуть возстановленное сенатское управленіе. Но такой попытки не было сдѣлано; изъ политическаго вопроса сдѣлали вопросъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, стали смѣнять главнокомандующихъ и отправили въ ссылку нѣсколькихъ негодныхъ и незначительныхъ людей. Тогда стало вполнѣ ясно, что такъ называемая народная партія и не могла и не желала управлять государствомъ, что въ Римѣ были возможны только двѣ формы правленія — тиранія и олигархія, что пока не появится хотя бы и не особенно даровитый, но пріобрѣвшій извѣстность человѣкъ, который былъ-бы способенъ захватить въ свои руки верховную власть, самыя возмутительныя злоупотребленія будутъ грозить опасностью по бо́льшей мѣрѣ нѣсколькимъ олигархамъ, а не олигархіи, но что, еслибы появился такой претендентъ, то было-бы вовсе нетрудно опрокинуть гнилыя курульныя кресла сенаторовъ. Въ этомъ отношеніи было знаменательно возвышеніе Марія именно потому, что для него вовсе не было достаточныхъ мотивовъ. Еслибы, послѣ отозванія Альбина, гражданство низвергнуло курію, то это было-бы понятно, чтобъ не сказать въ порядкѣ вещей; но послѣ того оборота. который былъ данъ нумидійской войнѣ Метелломъ, не могло быть и рѣчи о дурномъ веденіи военныхъ дѣйствій или о какой-либо опасности этого рода для государства; однако первому даровитому и честолюбивому военачальнику удалось совершить то, чѣмъ когда то угрожалъ правительству старшій Африканскій (томъ 1, стр. 820), и достигнуть одного изъ высшихъ военныхъ постовъ наперекоръ ясно выраженной волѣ правительства. Общественное мнѣніе, совершенно безсильное въ рукахъ такъ-называемой народной партіи, сдѣлалось непреодолимымъ орудіемъ въ рукахъ будущаго римскаго монарха. Мы не хотимъ этимъ сказать, что Марій намѣревался разыграть роль претендента, — онъ не могъ имѣть такихъ замысловъ по меньшей мѣрѣ въ то время, когда добивался отъ гражданъ своего назначенія главнокомандующимъ въ Африку; но понималъ онъ или не понималъ, что́ дѣлалъ, во всякомъ случаѣ для возстановленнаго аристократическаго правительства, очевидно, насталъ конецъ съ той минуты, какъ комиціи стали назначать главнокомандующихъ или, — что́ было почти то-же самое,—съ той минуты, какъ для всякаго популярнаго военачальника открылась возможность возводить самого себя легальнымъ путемъ въ главнокомандующіе. Въ этихъ случайныхъ кризи-

сахъ выступилъ наружу только одинъ новый элементъ — вмѣшательство людей военнаго званія и военной силы въ политическую революцію. Пока еще не было возможности рѣшить, послужитъ-ли возвышеніе Марія началомъ для новой попытки замѣнить олигархію тираніей или же, подобно другимъ однороднымъ явленіямъ, останется безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ единичный случай посягательства на прерогативы правительства; но уже можно было предвидѣть, что еслибы достигли полнаго развитія зачатки этой второй тираніи, то во главѣ ея сталъ-бы не государственный человѣкъ, въ родѣ Гайя Гракха, а человѣкъ военнаго званія. Марій, быть можетъ, руководствовался чисто военными соображеніями, когда при составленіи своей африканской арміи измѣнилъ прежнюю военную организацію, отмѣнивши прежнее требованіе имущественнаго ценза и дозволивши вступать въ легіоны, въ качествѣ добровольцевъ, самымъ бѣднымъ гражданамъ, если только они были годны для военной службы; тѣмъ не менѣе то было важнымъ по своимъ послѣдствіямъ политическимъ событіемъ, что армія стала составляться уже не изъ такихъ людей, которые, какъ въ старыя времена, могли понести значительныя матеріальныя потери, и не изъ такихъ людей, которые, какъ въ болѣе позднюю пору, могли понести хоть какія-нибудь потери, а стала превращаться въ сборище людей, у которыхъ не было ничего, кромѣ ихъ рукъ и кромѣ того, чѣмъ ихъ надѣлялъ главнокомадующій. Аристократія властвовала
104 134 въ 650 году такъ-же неограниченно, какъ и въ 620 году; но предзнаменованія приближавшейся катастрофы стали болѣе многочисленными и на политическомъ горизонтѣ появился рядомъ съ короной мечъ.

ГЛАВА V.

Сѣверные народы.

Съ конца шестаго столѣтія римская община господствовала надъ тремя большими полуостровами, которые, выдѣляясь изъ сѣвернаго материка, врѣзываются въ Средиземное море; но вялому римскому правительству еще не подчинялись свободныя и полу-свободныя племена, жившія внутри тѣхъ полуостровов, на сѣверѣ и на западѣ Испаніи, въ лигурійскихъ Апеннинахъ и въ альпійскихъ долинахъ, въ горахъ Македоніи и Ѳракіи. Кромѣ того, континентальныя сообщенія между Испаніей и Италіей и между Италіей и Македоніей были не прочно установлены, а страны, лежащія по ту сторону Пиренеевъ, Альповъ и балканской цѣпи горъ, равно какъ обширные бассейны Роны, Рейна и Дуная находились въ сущности внѣ политическаго кругозора Римлянъ. Здѣсь намъ предстоитъ описать, что̀ было сдѣлано съ этой стороны Римлянами для безопасности и для округленія государства, и какъ громадныя народныя массы, безпрестанно передвигавшіяся позади той горной преграды съ мѣста на мѣсто, стали стучаться въ ворота сѣверныхъ горныхъ проходовъ и снова грубо напоминать греко-римскому міру, что онъ не въ правѣ считать всю землю своимъ достояніемъ. **Сношенія съ сѣверомъ.**

Прежде всего посмотримъ, что̀ дѣлалось въ тѣхъ странахъ, которыя лежатъ между западными Альпами и Пиренеями. Римляне издавна господствовали надъ этой частію береговъ Средиземнаго моря чрезъ посредство своего вассальнаго города Массиліи, который былъ самой старинной, самой преданной и самой могущественной изъ всѣхъ зависимыхъ отъ Рима союзныхъ общинъ; принадлежавшія Массиліи, приморскія владѣнія — къ западу отъ нея Агаѳа (нын. Agde) и Родъ (нын. Rosas), и къ востоку Тавроэнцій (нын. Ciotat), Ольбія (нын. Hyères?), Антиполь (нын. Antibes) и Никея (нын. Nizza),—обезпечивали плаваніе вдоль береговъ и сухопутныя сообщенія на пространствѣ между Пиренеями и Альпами, а торговыя и политическія сношенія Массиліи прони- **Страны между Альпами и Пиренеями.**

Борьба съ кали далеко внутрь страны. Экспедиція въ Альпы къ сѣверу отъ
Лигурами. Ниццы и отъ Антибъ противъ лигурійскихъ Оксибіевъ и Декіетовъ
154 была предпринята въ 600 году Римлянами частію по настоянію
Массилійцевъ, частію въ собственныхъ интересахъ; послѣ упорной
борьбы, иногда стоившей большихъ потерь, населеніе этой части
горъ было впредь обязано выдавать Массилійцамъ постоянныхъ заложниковъ
и уплачивать имъ ежегодную дань. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго
въ томъ, что въ интересахъ италійскихъ землевладѣльцевъ
и торговцевъ именно въ ту пору было воспрещено винодѣліе
и разведеніе маслинъ, процвѣтавшія во всѣхъ подчиненныхъ Массиліи
за-альпійскихъ странахъ *).

Борьба съ Такой-же отпечатокъ финансовой спекуляціи носила и война, ко-
Салассами. торую Римляне вели въ 611 году, подъ начальствомъ консула Аппія 143
Клавдія, съ Салассами изъ-за золотыхъ пріисковъ и золотопромываленъ,
находившихся въ Виктумулахъ (въ окрестностяхъ Верчеллъ
и Барда и во всей долинѣ Доры Балтеи). Большое протяженіе этихъ
золотопромываленъ, отнимавшихъ у жителей нижележащихъ мѣстностей
воду, необходимую для орошенія ихъ полей, вызвало сначала
посредничество Римлянъ, а потомъ и вооруженное вмѣшательство;
хотя эта война и началась, подобно всѣмъ другимъ войнамъ того
времени, пораженіемъ Римлянъ, но она окончилась покореніемъ Салассовъ
и уступкой золотоносной территоріи въ пользу римской
100 казны. По прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій (654), на пріобрѣтенной
тамъ территоріи была основана колонія Эпоредія (**Ivrea**)
главнымъ образомъ съ цѣлію господствовать оттуда надъ западными
проходами Альповъ точно такъ-же, какъ изъ Аквилеи Римляне господствовали
надъ восточными проходами.

Заальпійскія Эти войны среди Альповъ приняли болѣе серьозный характеръ
сношенія. только съ тѣхъ поръ, какъ вѣрный союзникъ Гайя Гракха, Маркъ
125 Фульвій Флаккъ принялъ, въ качествѣ консула 629 года, высшее
командованіе въ тѣхъ странахъ. Онъ первый вступилъ на путь
заальпійскихъ завоеваній. Съ тѣхъ поръ какъ волость Битуриговъ
утратила свою гегемонію и сохранила только право по-
Арверны. четнаго предсѣдательства, волость Арверновъ **) сдѣлалась между

*) Если Цицеронъ не впалъ въ анахронизмъ, утверждая, что Африканскій го-
129 ворилъ это еще въ 625 году [De Rep. 3, 9], то оказывается правдоподобнымъ
только то мнѣніе, которое высказано нами въ текстѣ. Это запрещеніе не касалось
сѣверной Италіи и Лигуріи, какъ это доказываетъ занятіе Генуэзцевъ винодѣліемъ
117 въ 637 году [томъ 1, стр. 839, прим.]; оно не распространялось и на непосредственно
принадлежавшую Массиліи территорію [Юст. 43, 4; Поссид. Fragm.,
25, изд. Müll.; Страбонъ 4, 179]. Въ седьмомъ столѣтіи отъ осн. Р., оливковое
масло и вино, какъ извѣстно, вывозились изъ Италіи въ большомъ количествѣ
въ страны, черезъ которыя протекаетъ Рона.

**) Въ Оверни. Ихъ главный городъ Nemetum или Nemossus находился
неподалеку отъ Клермона.

всѣми многочисленными кельтскими племенами самой вліятельной на всемъ пространствѣ отъ Пиренеевъ до Рейна и отъ Средиземнаго моря до Атлантическаго океана; поэтому едва-ли можно считать преувеличеннымъ разсказъ, что она была въ состояніи выставить армію изъ 180.000 человѣкъ. Съ Арвернами соперничали изъ-за гегемоніи менѣе могущественные Гедуи (въ окрестностяхъ Отёна), а въ сѣверо-восточной части Галліи короли Свессіоновъ (въ окрестностяхъ теперешняго Суассона) держали подъ своимъ протекторатомъ конфедерацію союзныхъ Белговъ, въ составъ которой входили даже нѣкоторыя изъ племенъ, жившихъ въ Британіи. Греческіе путешественники того времени много разсказывали о пышной обстановкѣ двора у арвернскаго короля Луэрія, о томъ, какъ этотъ король, окруженный блестящею свитой изъ членовъ своего клана, егерями со стаей гончихъ на сворахъ и труппой странствующихъ пѣвцовъ, разъѣзжалъ на окованной серебромъ колесницѣ по городамъ своего королевства, бросая въ толпу пригоршнями золото и въ особенности веселя сердце поэта блестящимъ золотымъ дождемъ; а разсказы объ открытомъ обѣденномъ столѣ, который онъ приказывалъ устраивать на пространствѣ въ 1500 квадратныхъ двойныхъ шаговъ и къ которому приглашалъ всякаго, кто проходилъ мимо, живо напоминаютъ о свадебномъ столѣ Камаха. Дѣйствительно, дошедшія до насъ многочисленныя арвернскія золотыя монеты того времени доказываютъ, что волость Арверновъ достигла необычайнаго богатства и сравнительно высокой степени цивилизаціи.

Однако Флаккъ напалъ прежде всего не на Арверновъ, а на болѣе мелкія племена, жившія на пространствѣ между Альпами и Роной, гдѣ коренные лигурійскіе жители смѣшались съ толпами кельтскихъ переселенцевъ и гдѣ образовалось, подобно келтиберскому населенію, населеніе кельто-лигурійское. Онъ успѣшно сражался (629, 630) съ Саліями или Саллувіями, жившими въ окрестностяхъ Экса и въ долинѣ Дюрансы, и съ ихъ сѣверными сосѣдями Вокontіями (въ теперешнемъ департаментѣ Воклюзы и Дромы); такъ-же успѣшно сражался его преемникъ Гай Секстій Кальвинъ (631, 632) съ Аллоброгами — могущественнымъ кельтскимъ кланомъ, который жилъ въ богатой долинѣ Изеры и, по просьбѣ бѣжавшаго изъ своего отечества короля Саліевъ Тутомотула, пришолъ помогать обратному завоеванію его владѣній, но былъ разбитъ въ окрестностяхъ Экса. Такъ какъ Аллоброги все таки не соглашались выдать короля Саліевъ, то преемникъ Кальвина, Гней Домицій Агенобарбъ проникъ въ ихъ собственныя владѣнія (632). Самое могущественное изъ кельтскихъ племенъ до того времени равнодушно смотрѣло на расширеніе владычества своихъ италійскихъ сосѣдей; сынъ вышеупомянутаго Луэрія, король Арверновъ Битуитъ, по видимому, вовсе не былъ расположенъ впутываться въ опасную войну для защиты восточ-

Война съ Аллоброгами и съ Арвернами.

125 124

123 122

122

ныхъ волостей, находившихся лишь въ слабой вассальной отъ него зависимости. Но когда Римляне обнаружили намѣреніе напасть на Аллоброговъ на ихъ собственной территоріи, то онъ предложилъ свое посредничество и, получивъ отказъ, пришелъ на помощь къ Аллоброгамъ со всѣми своими военными силами, а Гедуи снова приняли сторону Римлянъ. Узнавши, что Арверны взялись за оружіе. Рим-
121 ляне прислали консула 633 года, Квинта Фабія Максима съ порученіемъ предотвратить угрожавшую опасность при содѣйствіи Агенобарба. На южной границѣ территоріи Аллоброговъ, у впаденія
121 Изеры въ Рону, произошло 8 августа 633 года сраженіе, разрѣшившее вопросъ, кто будетъ впредь владычествовать надъ южной Галліей. Когда многочисленныя войска зависимыхъ клановъ проходили на глазахъ у Битуита по наведенному черезъ Рону понтонному мосту, а выстроившіеся противъ нихъ Римляне казались втрое менѣе многочисленными, то король, какъ разсказываютъ, воскликнулъ, что этихъ враговъ не будетъ достаточно даже для того, чтобъ до-сыта накормить находившихся при кельтской арміи собакъ. Однако, внукъ побѣдителя при Пиднѣ, Максимъ одержалъ рѣшительную побѣду, которая окончилась гибелью большей части арвернской арміи вслѣдствіе того, что понтонный мостъ провалился подъ тяжестью спасавшихся бѣгствомъ враговъ. Такъ какъ король Арверновъ заявилъ, что не въ состояніи долѣе вступаться за Аллоброговъ и самъ посовѣтовалъ имъ заключить миръ съ Максимомъ, то они покорились консулу, который возвратился послѣ того въ Италію съ прозвищемъ «Аллоброгскаго», предоставивъ Агенобарбу довести до конца войну съ Аллоброгами, которая, повидимому, уже не могла быть продолжительной. Но Агенобарбъ былъ озлобленъ на короля Битуита за то, что онъ присовѣтовалъ Аллоброгамъ сдаться не ему, Агенобарбу, а Максиму; поэтому онъ вѣроломнымъ образомъ захватилъ короля и отправилъ въ Римъ, а сенатъ хотя и не одобрилъ нарушенія честнаго слова, тѣмъ не менѣе не только задержалъ въ плѣну обманутаго короля, но приказалъ доставить въ Римъ и королевскаго сына Конгоннетіака. По видимому, это и было причиной того, что уже почти оконченная война съ Арвернами снова вспыхнула и снова дѣло дошло до рѣшительнаго сраженія при Виндаліи (къ сѣверу отъ Авиньона) при впаденіи Сорги въ Рону. Оно кончилось такъ-же, какъ и первое, только на этотъ разъ армію Кельтовъ обратили въ бѣгство главнымъ образомъ африканскіе слоны. Послѣ того Кельты согласились на заключеніе мира и спокойствіе было возстановлено въ ихъ странѣ *).

*) Хотя по словамъ того, кто дѣлалъ извлеченія изъ сочиненій Ливія, и по словамъ Орозія, битва при Виндаліи происходила ранѣе битвы на Изарѣ, но объ обратномъ порядкѣ этихъ событій свидѣтельствуютъ слова Флора и Страбона

Результатомъ этихъ войнъ было учрежденіе новой римской провинціи между приморскими Альпами и Пиренеями. Всѣ жившія между Альпами и Роной племена поступили въ зависимость отъ Римлянъ: а тѣ изъ нихъ, которыя не платили дани Массиліи, вѣроятно, уже съ тѣхъ поръ сдѣлались данниками Римлянъ. Хотя Арверны и сохранили свою независимость въ странахъ между Роной и Пиренеями и не обратились въ римскихъ данниковъ, но они уступили Римлянамъ самую южную часть своихъ непосредственныхъ или вассальныхъ владѣній, то есть территорію на югъ отъ Севеннъ вплоть до Толозы (Тулузы). Такъ какъ ближайшею цѣлію этихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній было установленіе сухопутныхъ сообщеній между Испаніей и Италіей, то немедленно вслѣдъ за занятіемъ этой территоріи было приступлено къ проведенію вдоль морскаго берега шоссейной дороги. Такъ какъ Массилійцы уже владѣли на этихъ берегахъ нѣсколькими приморскими пунктами, то имъ была уступлена береговая полоса земли отъ Альповъ до Роны шириною отъ $^1/_5$ до $^3/_{10}$ нѣмецкой мили съ обязательствомъ содержать дорогу въ надлежащемъ порядкѣ; а отъ Роны до Пиренеевъ Римляне сами провели военное шоссе, которому было дано названіе Домиціевскаго по имени его строителя, Агенобарба. **Провинція Нарбонъ.**

Съ проведеніемъ дорогъ, по обыкновенію, соединялось сооруженіе новыхъ крѣпостей. Въ восточной части новыхъ владѣній выборъ палъ на то мѣсто, гдѣ Гай Секстій разбилъ Кельтовъ и куда привлекали переселенцевъ какъ красивая и плодородная мѣстность, такъ и многочисленные холодные и теплые источники; тамъ было основано римское поселеніе, названное Aquae Sextiae (Aix), Секстіевыми минеральными водами. Къ западу отъ Роны Римляне поселились въ Нарбонѣ, — старинномъ кельтскомъ городѣ, который стоялъ на судоходной рѣкѣ Атаксѣ (Aude) въ небольшомъ отдаленіи отъ морскаго берега, и о которомъ упоминалъ еще Гекатей; еще до своего занятія Римлянами этотъ городъ дѣятельно соперничалъ съ Массиліей, участвуя въ британской торговлѣ оловомъ. Аквы не получили городскихъ правъ, а оставались постояннымъ военнымъ лагеремъ *); напротивъ того Нарбонъ, хотя также основанный глав- **Римскія поселенія въ области Роны.**

[4, 191], мнѣніе которыхъ подтверждается частію тѣмъ, что согласно съ извлеченіями изъ Ливія и со свидѣтельствомъ Плинія Hist. Nat. 7, 50], Максимъ командовалъ въ сраженіи, состоя въ должности консула, частію и въ особенности капитолійскими фастами, изъ которыхъ видно не только то, что Максимъ былъ удостоенъ почестей тріумфа ранѣе Агенобарба, но и то, что первый изъ нихъ одержалъ побѣду и надъ Аллоброгами и надъ королемъ Арверновъ, а второй только надъ Арвернами. Битва съ соединившимися Аллоброгами и Арвернами, очевидно, должна была происходить ранѣе, чѣмъ битва съ одними Арвернами.

*) Аквы были не колоніей, какъ то утверждаетъ Ливій [Ep. 61], а укрѣ-

нымъ образомъ для того, чтобъ служить сторожевымъ и передовымъ постомъ противъ Кельтовъ, сдѣлался подъ названіемъ «Марсова города» римской гражданской колоніей и обычнымъ мѣстопребываніемъ намѣстника новой за-альпійской кельтской провинціи или, — какъ ее чаще называли, — провинціи нарбонской.

Наступательное движеніе Римлянъ пріостановлено политикой реставраціи. Гракховская партія, по желанію которой были предприняты эти за-альпійскія завоеванія, очевидно, разсчитывала, что для ея замысла основывать колоніи тамъ откроется новое и безконечно широкое поле, которое представляло такія-же удобства, какъ Сицилія и Африка, но которое было не такъ трудно отнять у туземнаго населенія, какъ было трудно отнять сицилійскія и либійскія пахатныя поля у италійскихъ капиталистовъ. Вслѣдствіе гибели Гайя Гракха, конечно, былъ положенъ предѣлъ и завоеваніямъ и въ особенности основанію новыхъ городовъ; но хотя его планъ и не былъ приведенъ въ исполненіе въ полномъ объемѣ, все-таки онъ не потерпѣлъ и полной неудачи. Вновь пріобрѣтенная территорія и въ особенности основаніе Нарбона (для котораго сенатъ тщетно старался приготовить такую-же участь, какая постигла Карѳагенъ) оставались такими зачатками недоконченнаго зданія, которые настоятельно требовали отъ будущаго Гракхова преемника продолженія начатой работы. Такъ какъ римское купечество могло конкурировать съ Массиліей по галльско-британской торговлѣ только изъ Нарбона, то, конечно, оно и защитило эту колонію отъ нападеній оптиматовъ.

Иллирійскія страны. На сѣверо-востокѣ Италіи Римлянамъ предстояла такая-же задача, какъ и на сѣверо-западѣ; къ ней также не относились съ пренебреженіемъ, но разрѣшили ее еще хуже той. Съ основаніемъ
183 Аквилеи (571) истрійскій полуостровъ перешолъ во власть Римлянъ (томъ 1, стр. 663); въ Эпирѣ и на бывшей территоріи владѣтелей Сводры они отчасти утвердили свое господство уже много ранѣе.
Далматы. Но ихъ владычество нигдѣ не проникало во внутреннія страны и даже на морскомъ берегу имъ принадлежала только номинальная власть надъ той негостепріимной береговой окраиной между Истріей и Эпиромъ, которая состоитъ изъ непрерывнаго ряда чешуеобразныхъ котловинъ, непересѣкаемыхъ ни долинами рѣкъ, ни прибрежными равнинами; вдоль ея береговъ тянется цѣпь утесистыхъ островов, такъ что она скорѣе отдѣляетъ Италію отъ Греціи, чѣмъ соединяетъ ихъ. Вокругъ города Делминія (на Цеттинѣ подлѣ Тригля) образо-

---

пленнымъ зàмкомъ [Страбонъ, 4, 180; Веллей, 1, 15; Madvig, Opusc. 1, 303]. То-же можно сказать объ Италикѣ [стр. 4] и о многихъ другихъ поселеніяхъ; такъ напримѣръ Виндонисса всегда легально была ничѣмъ инымъ, какъ кельтскимъ селеніемъ, но въ то-же время она была укрѣпленнымъ римскимъ лагеремъ и очень значительнымъ центромъ.

валась конфедерація Делматовъ или Далматовъ, у которыхъ нравы были такъ-же суровы, какъ ихъ горы; между тѣмъ какъ сосѣднія страны уже достигли высокой культуры, въ Далмаціи еще не знали употребленія монеты, а пахатныя поля, еще не признававшіяся частною собственностью земледѣльцевъ, заново дѣлились каждые восемь лѣтъ между осѣдлыми жителями. Разбои на сушѣ и на морѣ были единственнымъ, процвѣтавшимъ тамъ, промысломъ. Эти племена находились въ болѣе древнюю пору въ слабой зависимости отъ владѣтелей Скодры и потому на ихъ судьбу имѣли соразмѣрное съ этой зависимостью вліяніе экспедиціи, которыя предпринимались Римлянами противъ царицы Тевты (томъ 1, стр. 547) и противъ Димитрія Фаросскаго (томъ 1, стр. 549); однако при воцареніи Генѳія они отложились и вслѣдствіе того избѣгли участи, постигшей южную Иллирію, которая была вовлечена въ паденіе македонскаго царства и поступила въ постоянную зависимость отъ Рима (томъ 1, стр. 766). Римляне охотно предоставили свободу этой непривлекательной странѣ. Однако туземцы сильно обижали подвластныхъ Риму Иллирійцевъ, а именно Даорсовъ, которые жили на берегахъ Наренты къ югу отъ Далматовъ, и жителей острова Иссы (Лиссы), для которыхъ служили континентальными стоянками Трагиріонъ (Trau) и Эпетіонъ (подлѣ Спалато); жалобы угнетенныхъ принудили римское правительство отправить къ туземцамъ пословъ, а такъ какъ эти послы возвратились съ отвѣтомъ, что Далматы и до того времени не хотѣли имѣть никакого дѣла съ Римлянами и впредь не желаютъ имѣть никакого дѣла, то въ 598 году было 156
рѣшено отправить туда армію подъ начальствомъ консула Гайя Марція Фигула. Онъ проникъ въ Далмацію, но былъ обратно оттѣсненъ на римскую территорію. Только его преемнику Публію Сципіону Назикѣ удалось овладѣть въ 599 году большимъ и хорошо 155
укрѣпленнымъ городомъ Делминіемъ, вслѣдствіе чего конфедерація покорилась и поступила въ подданство къ Римлянамъ. Однако, эта бѣдная и лишь невполнѣ покорившаяся страна не была достаточно значительна для того, чтобъ заводить для нея особое управленіе; поэтому Римляне ввели тамъ такіе-же порядки, какіе существовали въ болѣе значительныхъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ Риму въ Эпирѣ, — они стали управлять этой страной вмѣстѣ съ Цизальпійской кельтской областью изъ Италіи; это распоряженіе осталось въ силѣ и послѣ того, какъ была учреждена въ 608 году про- 146
винція Македонія, и послѣ того, какъ сѣверо-восточная граница этой провинціи была проведена къ сѣверу отъ Скодры *).

Покореніе Далматовъ.

*) Стр. 41. Жившіе въ долинахъ Дрина, Пирусты принадлежали къ провинціи Македоніи, но производили набѣги въ сосѣднюю Иллирію [Цезарь, De Bel. Gal. 5, 1].

Римляне въ Македоніи и во Өракіи.

Но именно это превращеніе Македоніи въ страну, непосредственно зависимую отъ Рима, и придало отношеніямъ Рима къ сѣверо-восточнымъ народамъ болѣе важное значеніе, возложивъ на Римлянъ обязанность защищать отъ сосѣднихъ варварскихъ племенъ сѣверныя и восточныя границы, повсюду доступныя для вторженій; точно
133 такъ и вслѣдствіе состоявшагося вскорѣ послѣ того (621) пріобрѣтенія Өракійскаго Херсонеса (полуострова Галлиполійскаго), прежде принадлежавшаго къ владѣніямъ Атталидовъ, на Римлянъ перешла обязанность защищать Лизимахію отъ Өракійцевъ, прежде лежавшая на пергамскихъ царяхъ. Тогда для Римлянъ открылась возможность проникнуть изъ долины рѣки По и изъ Македоніи въ тѣ страны, гдѣ находятся истоки Рейна и Дуная, и завладѣть сѣверными горами по меньшей мѣрѣ настолько, насколько этого требовала безопасность южныхъ странъ.

Народы, жившіе у истоковъ Рейна и Дуная. Гельветы.

И въ тѣхъ краяхъ былъ въ то время самымъ могущественнымъ великій кельтскій народъ, который, по туземнымъ сказаніямъ (томъ 1, стр. 325), покинулъ около того времени свои поселенія на берегахъ западнаго океана и разлился на югѣ отъ главной цѣпи Альповъ по долинѣ По и къ сѣверу отъ нея по верхнему Рейну и по Дунаю. Принадлежавшіе къ числу этихъ кельтскихъ племенъ, могущественные и богатые Гельветы поселились на обоихъ берегахъ верхняго Рейна; они жили въ мирѣ и въ установленномъ договорами согласіи съ Римлянами, съ которыми нигдѣ не имѣли непосредственныхъ соприкосновеній; ихъ владѣнія простирались въ ту пору отъ Женевскаго озера до Майна и, какъ кажется, обнимали теперешнюю Швейцарію, Швабію и Франконію.

Бойи.

Ихъ сосѣдями были Бойи, какъ кажется, занимавшіе теперешнюю Баварію и Богемію *). Къ юго-востоку отъ Бойевъ мы находимъ

---

*) „Между Герцинскимъ лѣсомъ [т.-е., по всему вѣроятію, самою недоступною частію Альповъ], Рейномъ и Майномъ жили“,— говоритъ Тацитъ [Germ. 28] — „Гельветы, а дальше за ними Бойи“. И Поссидоній [у Страбона, 7, 293] свидѣтельствуетъ о томъ, что въ то время, когда Бойи отразили нападеніе Кимвровъ, они жили въ Герцинскомъ лѣсу, т.-е. въ горахъ на всемъ пространствѣ отъ неприступныхъ Альповъ до Богемскаго лѣса. Хотя Цезарь и говоритъ, что они жили „по ту сторону Рейна“ [Bel. Gal. 1, 5], но это не противорѣчитъ вышеприведеннымъ указаніямъ, потому что для Цезаря служило точкой исхода положеніе дѣлъ въ Гельвеціи и онъ могъ разумѣть страну, которая лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Боденскаго озера; съ этимъ вполнѣ согласуется и указаніе Страбона [7, 292], что прежняя территорія Бойевъ граничила Боденскимъ озеромъ; только Страбонъ несовсѣмъ вѣрно замѣчаетъ, что рядомъ съ Бойями жили на берегахъ Боденскаго озера Винделики, такъ какъ эти послѣдніе поселились тамъ только послѣ того, какъ эта мѣстность была очищена Бойями. Изъ этихъ поселеній Бойи были вытѣснены Маркоманами и другими германскими племе-
100 нами еще до временъ Поссидонія, стало быть ранѣе 650 года; ихъ остатки бродили во времена Цезаря по Каринтіи [Цезарь, Bel. Gal. 1, 5] и оттуда захо-

Тависки, Карны.

другое кельтское племя, которое появилось въ Штиріи и въ Каринтіи подъ именемъ Тависковъ, впослѣдствіи называвшихся Нориками, а въ Фріулѣ, въ Крайнѣ и въ Истріи подъ именемъ Карновъ. Ихъ городъ Норея (неподалеку отъ Сен-Вейта, къ сѣверу отъ Клагенфурта) процвѣталъ и славился благодаря тому, что тамъ уже въ ту пору дѣятельно разработывались желѣзныя копи; еще сильнѣе привлекали туда Италійцевъ открытые тамъ въ ту пору золотые пріиски, пока туземцы не вытѣснили этихъ пришельцевъ и не захватили эту Калифорнію того времени исключительно въ свои руки. Эти толпы Кельтовъ, селившіяся по обѣимъ сторонамъ Альповъ, занимали, по своему обыкновенію, преимущественно плоскія и холмистыя мѣстности; настоящія гористыя альпійскія страны, равно

Реты, Эвганейцы, Венеты.

какъ страны по теченію Эча и нижняго По, не были ими заняты, а оставались во власти ранѣе тамъ поселившагося туземнаго населенія, о національности котораго до сихъ поръ не удалось узнать чего-нибудь достовѣрнаго и которое въ горахъ восточной Швейцаріи и Тироля носило названіе Ретовъ, а въ окрестностяхъ Падуи и Венеціи носило названіе Эвганейцевъ и Венетовъ; такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ почти соприкасались оба великихъ кельтскихъ потока и только заселенная туземцами узкая полоса земли отдѣляла жившихъ въ окрестностяхъ Брешіи кельтскихъ Кеномановъ отъ жившихъ въ Фріулѣ кельтскихъ Карновъ. Эвганейцы и Венеты уже давно сдѣлались мирными подданными Римлянъ; напротивъ того, настоящія альпійскія племена не только еще были свободны, но изъ своихъ горъ безпрестанно предпринимали нашествія на равнину, которая тянется между Альпами и По; при этомъ они не довольствовались грабежемъ, а совершали страшныя жестокости въ захваченныхъ селеніяхъ и нерѣдко избивали всѣхъ жителей мужескаго пола, даже не щадя дѣтей, которыя еще не вышли изъ пеленокъ, — это, по всему вѣроятію, дѣлалось въ отмщеніе за опустошительныя нашествія Римлянъ на альпійскія долины. Какъ были опасны эти нашествія Ретовъ, видно изъ того факта, что во время одного изъ такихъ нашествій, около 660 года, былъ до основанія разрушенъ значительный городъ Комъ. Если для этихъ; 94
жившихъ по сю и по ту сторону Альповъ, кельтскихъ и не кельтскихъ племенъ представлялось немало случаевъ смѣшиваться между собою, то смѣшеніе племенъ, понятно, происходило еще въ большихъ размѣрахъ въ тѣхъ странахъ на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ оно

дили къ Гельветамъ и въ западную Галлію; другое сборище Бойевъ нашло новыя мѣста для поселенія на Платтенскомъ озерѣ, гдѣ было впослѣдствіи истреблено Гетами; но эта мѣстность, прозванная „бойской пустыней“, сохранила названіе этого племени, — самаго несчастнаго изъ всѣхъ кельтскихъ племенъ. Сравн. томъ 1, стр. 664, прим.

не находило такой-же, какъ на западѣ, преграды въ высокихъ горахъ.

Иллирійскія племена. Коренное иллирійское населеніе, послѣдними чистыми остатками котораго, какъ кажется, можно считать теперешнихъ Албанцевъ, было вообще сильно перемѣшано съ кельтскими элементами, по меньшей мѣрѣ внутри страны; тамъ повсюду было въ употребленіи кельтское оружіе и способъ веденія войны былъ такой-же,
Япиды. какъ у Кельтовъ. Ближайшими сосѣдями Таврисковъ были Япиды, жившіе въ Юлійскихъ Альпахъ, въ теперешней Кроаціи, вплоть до Фіуме и до Ценга; это племя было иллирійскаго происхожденія, но было сильно смѣшано съ Кельтами. Ихъ сосѣдями на побережьѣ были ранѣе упомянутые Далматы, жившіе въ такихъ неприступныхъ горахъ, что туда, какъ кажется, вовсе не проникали Кельты;
Скордиски. напротивъ того, внутри страны, на нижней Савѣ вплоть до Моравы, то есть въ теперешнихъ Босніи и Сербіи, господствующей націей были кельтскіе Скордиски, которые истребили когда-то самое могущественное изъ туземныхъ племенъ — Трибалловъ и уже играли главную роль въ кельтскихъ походахъ на Дельфы; въ своихъ набѣгахъ они проникали далеко внутрь Мезіи, Ѳракіи и Македоніи, а объ ихъ дикой храбрости и жестокихъ обычаяхъ ходили страшные разсказы. Ихъ главнымъ военнымъ оплотомъ былъ укрѣпленный городъ Сегестика или Сисція, стоявшій при впаденіи Кульпы въ Саву. Народы, жившіе въ то время въ Венгріи, въ Трансильваніи, въ Румыніи и въ Болгаріи, еще оставались внѣ кругозора Римлянъ; только съ Ѳракійцами Римляне соприкасались на восточной границѣ Македоніи въ Родопскихъ горахъ.

Пограничныя столкновенія. И для правительства болѣе энергичнаго, чѣмъ тогдашнее римское, было-бы нелегко организовать правильную и достаточную охрану границъ, отдѣлявшихъ римскія владѣнія отъ этихъ обширныхъ и варварскихъ странъ, а то, что̀ было сдѣлано для этой важной цѣли правительствомъ реставраціи, не удовлетворяло и самыхъ скромныхъ
Въ Альпахъ. требованій. Въ экспедиціяхъ противъ жившихъ среди Альповъ пле-
118 менъ, по-видимому, не было недостатка; въ 636 году были одержаны побѣды надъ Стоэнами, жившими, какъ слѣдуетъ полагать,
95 въ горахъ къ сѣверу отъ Вероны; въ 659 году консулъ Луцій Крассъ приказалъ обойти альпійскія долины вдоль и поперегъ и умерщвлять жителей, но ему не удалось перебить этихъ жителей въ достаточномъ числѣ для того, чтобъ имѣть поводъ отпраздновать хоть деревенскій тріумфъ, и для того, чтобъ присоединить побѣдные лавры къ своей ораторской извѣстности. Но такъ какъ нашествія этого рода только ожесточали туземцевъ, не лишая ихъ возможности вредить Римлянамъ, и такъ какъ послѣ каждаго изъ такихъ набѣговъ римскія войска, какъ кажется, всегда возвращались домой, то положеніе дѣлъ въ странахъ по ту сторону По въ сущности оста-

валось такимъ-же, какимъ было прежде. О своихъ сосѣдяхъ, живших на противоположной границѣ, во Ѳракіи, Римляне, по видимому, мало заботились; есть указанія только на происходившія въ 651 году сраженія съ Ѳракійцами и на происходившія въ 657 году столкновенія съ Медами, жившими въ пограничныхъ горахъ между Македоніей и Ѳракіей.—Болѣе серьезная борьба велась въ Иллиріи вслѣдствіе того, что на жившихъ тамъ безпокойныхъ Далматовъ безпрестанно жаловались Римлянамъ и сосѣдніе жители и владѣльцы плававшихъ по Адріатическому морю судовъ; борьба съ сосѣдями не прекращалась и на совершенно открытой сѣверной македонской границѣ, которая, по мѣткому выраженію одного Римлянина, простиралась такъ далеко, какъ далеко доставали римскіе мечи и копья. Въ 619 году была предпринята экспедиція противъ Ардіэевъ или Вардеевъ и противъ Плерэевъ или Параліевъ—далматскаго племени, жившаго на побережьѣ къ сѣверу отъ устьевъ Наренты и не перестававшаго безчинствовать на морѣ и на противолежащихъ берегахъ; по требованію Римлянъ, они переселились съ морскаго побережья внутрь страны и стали заниматься земледѣліемъ, но скоро зачахли въ этой суровой странѣ за новыми непривычными занятіями. Въ то-же время было сдѣлано изъ Македоніи нападеніе на Скордисковъ, вѣроятно, дѣйствовавшихъ за-одно съ только-что упомянутыми прибрежными жителями, которые были побѣждены Римлянами. Вскорѣ послѣ того (625), консулъ Тудитанъ усмирилъ Япидовъ при содѣйствіи побѣдителя испанскихъ Галлековъ, даровитаго Децима Брута; сначала онъ потерпѣлъ пораженіе, но въ концѣ концевъ проникъ внутрь Далмаціи до рѣки Керки, на разстояніе 25 нѣмецкихъ миль отъ Аквилеи; съ тѣхъ поръ о Япидахъ упоминаютъ какъ о мирной націи, жившей въ дружбѣ съ Римомъ. Однако, по прошествіи десяти лѣтъ (635) Далматы снова возстали и снова дѣйствовали за-одно съ Скордисками. Въ то время, какъ консулъ Луцій Котта боролся съ Скордисками и, какъ кажется, проникъ до Сегестики, противъ Далматовъ выступилъ его товарищъ, старшій братъ завоевателя Нумидіи, Луцій Метеллъ, носившій съ тѣхъ поръ названіе „Далмаційскаго“; Метеллъ покорилъ Далматовъ и провелъ зиму въ городѣ Салонѣ (Спалато), который съ тѣхъ поръ считался главнымъ военнымъ оплотомъ Римлянъ въ той странѣ. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что именно къ этому времени относится проведеніе Габиніевской шоссейной дороги, которая шла отъ Салоны въ восточномъ направленіи на Андетрій (у Муха) и оттуда далѣе внутрь страны.

[Margin notes: Во Ѳракіи. — 103 97 (beside "651 году … 657 году") — Въ Иллиріи. — 135 (beside "619 году") — 129 (beside "(625)") — 119 (beside "(635)")]

Экспедиція, которая была предпринята противъ Таврисковъ *) кон- **Римляне на той сторонѣ восточныхъ Альповъ.**

*) Въ тріумфальныхъ спискахъ они называются Galli Karni, а у Виктора Ligures Taurisci [потому что такъ слѣдуетъ писать это названіе вмѣсто упоминаемыхъ въ преданіяхъ Ligures et Caurisci].

115 сулом 639 года Марком Эмиліем Скавром, была болѣе похожа на войну, задуманную съ цѣлію завоеваній; Скавръ былъ первый римскій полководецъ, перешедшій черезъ цѣпь восточныхъ Альповъ по самой низкой ея отлогости между Тріестомъ и Лайбахомъ; онъ завелъ дружескія сношенія съ Тавринсками и этимъ упрочилъ немаловажныя торговыя сношенія, не налагая на Римлянъ такой же необходимости вмѣшиваться въ происходившее къ сѣверу отъ Альповъ броженіе народовъ, какая была-бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ формальнаго покоренія страны. — Недавно найденный вблизи отъ
118 Өессалоники надгробный камень (поставленный въ 636 году отъ основ. Р.) служитъ хотя и отрывочнымъ, но краснорѣчивымъ источникомъ свѣдѣній о борьбѣ съ Скордисками, о которой до насъ не дошло почти никакихъ извѣстій. Изъ сдѣланной на этомъ камнѣ надписи видно, что намѣстникъ Македоніи, Секстъ Помпей палъ въ 636 году подлѣ Аргоса (неподалеку отъ Стоби, что̀ на верхнемъ Аксіѣ или Вардарѣ), сражаясь съ этими Кельтами, а послѣ того какъ состоявшій при немъ квесторъ Маркъ Анній прибылъ съ своими войсками на помощь къ Римлянамъ и до нѣкоторой степени успѣлъ одержать верхъ надъ непріятелемъ, тѣ-же самые Кельты вскорѣ снова взялись за оружіе еще въ болѣе значительномъ числѣ при содѣйствіи царя Медовъ (жившихъ на верхнемъ Стримонѣ), Типаты, и Римлянамъ стоило большаго труда устоять противъ напора варваровъ *). Дѣла скоро приняли тамъ такой опасный оборотъ, что пришлось отправить въ Македонію консульскую армію **). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Скорди-

---

*) О квесторѣ Македоніи, M. Annius P. f., въ честь котораго былъ поставленъ этотъ памятникъ [Revue archéologique 25,1875, стр.6] городомъ Лете [Аивати, 4 гор. къ сѣверо-западу отъ Өессалоники] въ 29 году отъ осно-
118 ванія провинціи и въ 636 году отъ основанія Рима, намъ ничего болѣе неизвѣстно; преторъ Секс. Помпей, о смерти котораго тамъ идетъ рѣчь, былъ безъ сомнѣнія никто другой, какъ дѣдъ того Помпея, съ которымъ боролся Цезарь, и зять поэта Луцилія. Враги названы словами Γαλατῶν ἔθνος. Указано и на то, что Анній, изъ желанія щадить провинціальное населеніе, не потребовалъ отъ него доставки вспомогательныхъ войскъ, а отразилъ варваровъ во главѣ однихъ римскихъ войскъ. Однако, какъ кажется, уже въ ту пору приходилось содержать въ Македоніи постоянную оккупаціонную армію.

116 **) Если консулъ Фабій Максимъ Эбурнъ былъ отправленъ въ 638 году въ Македонію [C. I. Gr. 1534; Zumpt Comm. epigr. 2, 167], то слѣдуетъ полагать, что и онъ потерпѣлъ тамъ неудачу, такъ какъ Цицеронъ [in Pison. 16, 38] говоритъ: ex [Macedonia] aliquot praetorio imperio, consulari quidem nemo rediit, qui incolumis fuerit, quin triumpharit, а въ относящихся къ этой эпохѣ спискахъ тріумфовъ, дошедшихъ до насъ безъ всякихъ пробѣловъ, значатся только три маке-
111 110 106 донскихъ тріумфа—Метелла 643, Друза 644 и Минуція 648.

ски напали въ сербскихъ горахъ на консула 640 года, Гайя Порція Катона; армія Катона была совершенно разбита, а онъ самъ спасся вмѣстѣ съ нѣсколькими людьми постыднымъ бѣгствомъ; преторъ Маркъ Дидій съ трудомъ успѣлъ защитить границу римскихъ владѣній. Съ бóльшимъ успѣхомъ сражались его преемники Гай Метеллъ Капрарій (641, 642), Маркъ Ливій Друзъ (642, 643), который былъ первымъ римскимъ полководцемъ, достигшимъ береговъ Дуная, и Маркъ Минуцій Руфъ (644—647), который прошолъ вдоль береговъ Моравы *) и нанесъ Скордискамъ рѣшительное пораженіе. Тѣмъ не менѣе Скордиски вскорѣ послѣ того снова вторгнулись въ римскія владѣнія въ союзѣ съ Медами и съ Дарданами и даже ограбили дельфійское святилище; только тогда Луцій Сципіонъ довелъ до конца тридцати-двухъ-лѣтнюю войну съ Скордисками и прогналъ остатки этого народа на лѣвый берегъ Дуная **). Съ тѣхъ поръ вмѣсто нихъ стали играть главную роль только-что упомянутые Дарданы (въ Сербіи), переселившіеся на территорію, которая лежитъ между сѣверною границей Македоніи и Дунаемъ.

114

Борьба на Дунаѣ.

113 112 112 111

110-107

Кимвры.

Впрочемъ, эти побѣды имѣли такія послѣдствія, какихъ не предвидѣли побѣдители. У сѣверныхъ окраинъ той территоріи, которая была занята Кельтами по обѣимъ сторонамъ Дуная, уже давно бродилъ одинъ «неусидчивый народъ». Онъ назывался Кимврами, то есть Chempho или Kämpen (бойцами) или-же, какъ переводили это слово его враги, разбойниками; впрочемъ это прозвище сдѣлалось его народнымъ названіемъ, какъ кажется, еще до того

*) Такъ какъ по словамъ Фронтина [2, 4, 3], Веллейя и Эвтропія, побѣжденный Минуціемъ народъ были Скордиски, то Флоръ, безъ сомнѣнія, впалъ въ ошибку, называя вмѣсто Марга [Моравы] Гебръ [Марицу].

**) О томъ, что Скордиски были на этотъ разъ совершенно истреблены, между тѣмъ какъ Меды и Дарданы были допущены къ заключенію мирнаго договора, упоминаетъ Аппіанъ [Illyr. 5]; дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Скордиски совершенно исчезли въ томъ краю. То, что окончательная побѣда отнесена къ 32 году, ἀπὸ τῆς πρώτης ἐς Κελτοὺς πείρας, слѣдуетъ, какъ кажется, понимать въ такомъ смыслѣ, что война между Римлянами и Сардисками продолжалась тридцать два года; эта война началась, по всему вѣроятію, вскорѣ послѣ учрежденія провинціи Македоніи [608], а вышеописанныя военныя событія 636—647 г. были ея эпизодами. Что окончательная побѣда была одержана не задолго до начала въ Италіи междоусобной войны, и стало быть никакъ не позже 663 года, видно изъ разсказа Аппіана. Если вслѣдъ за нею праздновался тріумфъ, то она была одержана въ промежуткѣ времени между 650 и 656 годами, такъ какъ и до и послѣ этого промежутка времени списки тріумфовъ дошли до насъ вполнѣ; впрочемъ, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что по какой нибудь причинѣ вовсе не было тріумфа. О побѣдителѣ нѣтъ никакихъ другихъ свѣдѣній; быть можетъ, это былъ никто другой, какъ консулъ 671 года, такъ какъ этотъ послѣдній достигъ консульскаго званія значительно позднѣе обыкновеннаго срока вслѣдствіе раздоровъ между Цинной и Маріемъ.

146
118—107
91
104 98
83

времени, когда онъ покинулъ свои прежнія мѣста жительства. Они пришли съ сѣвера; первыми Кельтами, съ которыми они столкнулись, были, сколько намъ извѣстно Бойи, а столкновеніе произошло, по всему вѣроятію, въ Богеміи. Современники не оставили намъ никакихъ свѣдѣній о причинахъ и о направленіи ихъ наступательнаго движенія *), а мы сами не въ состояніи пополнить этотъ пробѣлъ догадками, потому что отъ нашихъ взоровъ совершенно ускользаетъ то, чтó дѣлалось въ ту пору къ сѣверу отъ Богеміи и отъ Майна и къ востоку отъ нижняго Рейна. За то мы имѣемъ цѣлый рядъ самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что какъ эти Кимвры, такъ и присоединившіяся къ нимъ впослѣдствіи однородныя сборища Тевтоновъ, принадлежали по своему происхожденію не къ кельтской народности, къ которой ихъ сначала причисляли Римляне, а къ германской; этими доказательствами служатъ: появленіе двухъ небольшихъ племенъ того-же названія,—по всему вѣроятію состоявшихъ изъ тѣхъ остатковъ населенія, которые не покинули своихъ прежнихъ мѣстъ жительства,—Кимвровъ въ теперешней Даніи, Тевтоновъ въ сѣверо-восточной Германіи вблизи отъ Балтійскаго моря; объ ихъ пребываніи въ тѣхъ мѣстахъ упоминалъ еще современникъ Александра Великаго, Пиѳей, говоря о торговлѣ янтаремъ; включеніе Кимвровъ и Тевтоновъ въ списокъ германскихъ народовъ въ числѣ Ингевоновъ рядомъ съ Хавками; мнѣніе Цезаря, который впервые научилъ Римлянъ различать Германцевъ отъ Кельтовъ и который причисляетъ Кимвровъ, конечно не разъ имъ лично видѣнныхъ, къ Германцамъ; наконецъ самыя названія этихъ народовъ и дошедшіе до насъ разсказы объ ихъ тѣлосложеніи и оригинальныхъ нравахъ, конечно примѣнимые ко всѣмъ сѣвернымъ народамъ, но преимущественно къ Германцамъ. Съ другой стороны, совершенно понятно, что такая масса людей, переходившая съ мѣста на мѣсто, быть можетъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и, при проходѣ черезъ кельтскія страны, безъ сомнѣнія, охотно принимавшая всякаго примыкавшаго къ ней ратника, должна была заключать въ себѣ не мало кельтскихъ элементовъ; поэтому нисколько не удивительно, что во главѣ Кимвровъ появлялись люди съ кельтскими именами или что Римляне поручали говорившимъ по-кельтски шпіонамъ добывать нужныя свѣдѣнія. То было странное народное движеніе, подобнаго которому Римляне еще никогда не видали: это былъ не хищническій набѣгъ конныхъ шаекъ и не переселеніе на чужбину юношей «по-

*) Разсказы о томъ, что морскія волны оторвали во время бури большія массы земли у береговъ Сѣвернаго моря и что это происшествіе побудило Кимвровъ массами переселяться въ другія страны [Страбонъ, 7, 293], хотя и не кажутся намъ такими-же баснословными, какими казались тѣмъ, кто ихъ записывалъ, однако мы не въ состояніи рѣшить, были-ли они основаны на преданіяхъ или только на догадкахъ.

«священной весны», а блужданіе цѣлаго народа, двинувшагося вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ и пожитками, съ цѣлію найти для себя новое отечество. Повозки, которыя у всѣхъ еще не вполнѣ осѣдлыхъ сѣверныхъ народовъ имѣли совершенно другое назначеніе, чѣмъ у Эллиновъ и у Италійцевъ, и которыя всегда слѣдовали за Кельтами въ ихъ военный лагерь, были у нихъ чѣмъ-то въ родѣ домовъ; онѣ обтягивались кожаными навѣсами, подъ которыми помѣщались вмѣстѣ съ домашней утварью и жены и дѣти и даже дворовыя собаки. Жители южныхъ странъ съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ высокихъ стройныхъ людей съ темно-русыми кудрями и свѣтло-голубыми глазами, на этихъ здоровыхъ осанистыхъ женщинъ, мало уступавшихъ ростомъ и силою своимъ мужьямъ, и на этихъ дѣтей съ стариковскими волосами, — какъ называли удивленные Италійцы этихъ бѣлокурыхъ дѣтей сѣвера. Военная организація была у нихъ въ сущности такая-же, какъ у тогдашнихъ Кельтовъ, которые уже не сражались, подобно прежнимъ италійскимъ Кельтамъ съ непокрытыми головами и только съ мечомъ и кинжаломъ въ рукахъ, а носили мѣдные шлемы, нерѣдко отличавшіеся богатыми украшеніями, и были вооружены оригинальнымъ метательнымъ оружіемъ (materis); сверхъ того у нихъ остались въ употребленіи большой мечъ и длинный тонкій щитъ, и они носили панцыри. У нихъ не было недостатка въ конницѣ, но Римляне превосходили ихъ въ этомъ отношеніи. Ихъ боевой строй по прежнему имѣлъ грубое сходство съ фалангой, въ которой было одинакое число рядовъ и въ глубину и въ ширину и въ которой воины перваго ряда, въ случаѣ опаснаго боя, нерѣдко связывали свои металлическіе пояса веревками. Ихъ нравы были грубы. Мясо они нерѣдко ѣли сырымъ. Въ начальники арміи они выбирали того, кто былъ храбрымъ и по возможности самымъ высокорослымъ. Нерѣдко случалось, что, подобно Кельтамъ и другимъ варварамъ, они заранѣе условливались съ непріятелемъ о днѣ и мѣстѣ сраженія, а передъ началомъ битвы вызывали одного изъ враговъ на единоборство. Передъ началомъ сраженія они выражали свое презрѣніе къ врагу разными непристойными жестами и подымали страшный шумъ, при чемъ мущины оглашали воздухъ своими боевыми возгласами, а женщины и дѣти помогали имъ тѣмъ, что барабанили по кожанымъ крышамъ повозокъ. Кимвръ дрался храбро, потому что смерть на полѣ чести была, по его мнѣнію, единственной, какая прилична свободному человѣку; но послѣ побѣды онъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что предавался самымъ дикимъ звѣрствамъ и нерѣдко заранѣе давалъ обѣтъ, что принесетъ въ жертву богамъ брани все, что побѣда доставитъ побѣдителю. Тогда онъ разбивалъ утварь, убивалъ лошадей, а плѣнниковъ или вѣшалъ или оставлялъ въ живыхъ только для того, чтобъ ихъ принести въ жертву богамъ.

жрицы,— сѣдыя женщины въ бѣлыхъ холстяныхъ одѣяніяхъ и съ необутыми ногами, — совершали эти жертвоприношенія такъ-же какъ ихъ совершала въ скиѳскихъ странахъ Ифигенія, и предсказывали будущее по струившейся крови принесеннаго въ жертву военноплѣннаго или преступника. Нѣтъ возможности рѣшить, въ какой мѣрѣ эти обычаи были общимъ достояніемъ сѣверныхъ варваровъ и въ какой мѣрѣ они были заимствованы отъ Кельтовъ или-же были отличительной особенностью Германцевъ; только то обыкновеніе, что не жрецы, а жрицы сопровождали армію и руководили ея движеніями, должно быть, безъ всякаго сомнѣнія, отнесено къ числу германскихъ. И такъ эти Кимвры подвигались внутрь невѣдомыхъ странъ вмѣстѣ съ громадной массой разноплеменнаго люда, приставшаго къ кореннымъ германскимъ выходцамъ съ береговъ Балтійскаго моря; это было нѣчто похожее на тѣ массы эмигрантовъ, которыя въ наше время переселяются за-море точно такъ-же обремененными поклажей, точно такъ-же состоятъ изъ разнообразныхъ элементовъ и почти такъ-же пускаются въ путь на-авось; Кимвры перевозили свой грузный обозъ черезъ рѣки и горы съ той ловкостью, которая пріобрѣтается въ долгихъ странствованіяхъ; они были такъ-же опасны для цивилизованныхъ націй, какъ бурныя морскія волны и какъ ураганы, но были такъ-же, какъ они, своенравны и двигались безъ всякой опредѣленной цѣли, то быстро устремляясь впередъ, то внезапно останавливаясь и поворачивая или куда-нибудь въ сторону или назадъ. Они появлялись и поражали какъ молнія; исчезали они такъ-же, какъ молнія, а въ ту безжизненную эпоху, когда они появились, къ сожалѣнію, ни одинъ наблюдатель не нашолъ, что стóитъ труда подробно описать этотъ удивительный метеоръ. Впослѣдствіи, когда стали догадываться, что это первое вторженіе Германцевъ въ сферу античной цивилизаціи было лишь отдѣльнымъ фазисомъ длиннаго ряда подобныхъ явленій, то уже успѣли совершенно заглохнуть непосредственныя и живыя о немъ преданія.

Походы и войны Кимвровъ.

Этимъ бездомнымъ Кимврамъ мѣшали проникнуть на югъ жившіе на берегахъ Дуная Кельты и въ особенности Бойи; но имъ удалось преодолѣть эту преграду благодаря нападеніямъ Римлянъ на придунайскихъ Кельтовъ, то есть благодаря или тому, что придунайскіе Кельты стали просить у своихъ прежнихъ враговъ—Кимвровъ помощи для отраженія наступавшихъ легіоновъ, или тому, что нападеніе Римлянъ помѣшало этимъ Кельтамъ по прежнему защищать

Пораженіе Карбона.

их сѣверныя границы. Кимвры проникли черезъ территорію Скордисковъ во-владѣнія Таврисковъ и приблизились въ 641 году къ 113
проходамъ Карнійскихъ Альповъ, для прикрытія которыхъ консулъ Гней Папирій Карбонъ занялъ позицію на высотахъ неподалеку отъ Аквилеи. За семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, именно тамъ пы-

тались кельтскія племена найти для себя мѣста для поселенія по сю сторону Альповъ, но, по требованію Римлянъ, безъ сопротивленія очистили уже занятую ими территорію (томъ 1, стр. 663); и теперь, какъ оказалось, еще былъ силенъ страхъ, который внушали заальпійскимъ народамъ Римляне. Кимвры не нападали на Римлянъ; они даже повиновались, когда Карбонъ приказалъ имъ очистить территорію жившихъ въ дружбѣ съ Римомъ, Таврисковъ (къ чему нисколько не обязывали Карбона условія мирнаго договора съ Тврисками), и послѣдовали за проводниками, которыхъ имъ далъ Карбонъ для того, чтобъ провести ихъ черезъ границу. Но этимъ проводникамъ было приказано завести Кимвровъ въ засаду, гдѣ ихъ поджидалъ консулъ. Такимъ образомъ, неподалеку отъ Нореи, въ теперешней Каринтіи, дѣло дошло до битвы, въ которой жертвы измѣны одержали побѣду надъ измѣнникомъ и нанесли ему чувствительныя потери; только прекратившая битву гроза спасла римскую армію отъ совершеннаго истребленія. Кимвры могли-бы немедленно вслѣдъ за тѣмъ напасть на Италію, но они предпочли двинуться на западъ. Они проложили себѣ путь на лѣвый берегъ Рейна и черезъ Юру нестолько силою оружія, сколько благодаря соглашенію съ Гельветами и съ Секванами, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нанесеннаго Карбону пораженія снова стали угрожать римскимъ владѣніямъ на
109 самомъ близкомъ разстояніи. Въ 645 году появилась въ южной Галліи римская армія подъ начальствомъ Марка Юнія Силана съ цѣлію защищать рейнскую границу и владѣнія Аллоброговъ, положеніе которыхъ стало крайне опаснымъ. Кимвры стали просить объ отводѣ земель, на которыхъ могли-бы мирно поселиться; но ихъ просьба, конечно, не могла быть исполнена. Вмѣсто отвѣта, консулъ напалъ на Кимвровъ: онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и римскій лагерь былъ взятъ непріятелемъ. Вызванные этой неудачей, новые наборы рекрутъ встрѣтили такія серьозныя затрудненія, что сенатъ добился отмѣны законовъ, которыми ограничивался срокъ обязательной военной службы и которые, какъ кажется, были введены Гаемъ Гракхомъ (стр. 108). Однако Кимвры не попытались воспользоваться плодами побѣды, которую одержали надъ Римлянами; они обратились къ римскому сенату съ прежней просьбой объ отводѣ земель, а между тѣмъ, какъ кажется, занялись покореніемъ окрестныхъ кельтскихъ кантоновъ.

Пораженіе Силана.

Такимъ образомъ, Германцы оставили покуда въ покоѣ и римскія владѣнія и новую римскую армію; за то внутри самой кельтской страны противъ Римлянъ возстали новые враги. Гельветы, сильно страдавшіе отъ непрерывныхъ войнъ съ своими сѣверо-восточными сосѣдями, увлеклись примѣромъ Кимвровъ и стали, подобно имъ, искать въ западной Галліи болѣе спокойныхъ и болѣе плодородныхъ мѣстъ для поселенія; они быть можетъ уже заранѣе

Вторженіе Гельветовъ въ южную Галлію.

сговорились на этотъ счетъ съ Кимврами въ то время, какъ эти послѣдніе проходили по ихъ территоріи; толпы Тугеновъ (неизвѣстно, откуда вышедшихъ) и Тигориновъ (съ береговъ Муртенскаго озера) перешли подъ предводительствомъ Дивикона черезъ Юру *) и до-
Пораженіе Лонгина. стигли владѣній Нитіоброговъ подлѣ Агена, на Гароннѣ. Они встрѣтились тамъ съ римской арміей, находившейся подъ начальствомъ консула Луція Кассія Лонгина; эта армія попала въ устроенную Гельветами засаду, причемъ и самъ главнокомандующій и его помощникъ, консуляръ Гай Пизонъ были убиты вмѣстѣ съ бо́льшею частію солдатъ; временный главнокомандующій той части арміи, которая укрылась въ лагерѣ, Гай Попиллій сдался на капитуляцію съ условіемъ пройти подъ ярмомъ, уступить половину находивша-
107 гося при арміи имущества и выдать заложниковъ (647). Положеніе дѣлъ приняло такой опасный для Римлянъ оборотъ, что одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Толоза, возсталъ противъ нихъ и заключилъ римскій гарнизонъ въ оковы. — Впрочемъ Кимвры были по прежнему чѣмъ-то заняты въ другомъ мѣстѣ, а Гельветы пока не предпринимали новыхъ нападеній на римскія владѣнія; поэтому новый римскій главнокомандующій Квинтъ Сервилій Цепіонъ имѣлъ достаточно свободнаго времени для того, чтобъ снова завладѣть городомъ Толозой при помощи измѣнниковъ и для того, чтобъ не-спѣша забрать громадныя сокровища, накопившіяся въ старинномъ и знаменитомъ святилищѣ кельтскаго Аполлона; это пріобрѣтеніе было очень кстати для опустѣвшей государственной казны; къ сожалѣнію, золотые и серебряные сосуды были отбиты у слабаго конвоя шайкой разбойниковъ на пути изъ Толозы въ Массилію и исчезли безслѣдно; зачинщиками этого нападенія, какъ въ то время разсказывали, были самъ консулъ и его
106 штабъ (648). Тѣмъ временемъ Римляне ограничивались самой строгой оборонительной системой военныхъ дѣйствій противъ главнаго врага; они охраняли римскую провинцію тремя сильными арміями, выжидая той минуты, когда Кимвры пожелаютъ возобновить свое нападеніе.

Пораженіе при Аравзіонѣ. Кимвры снова появились въ 649 году подъ предводительствомъ 105
своего царя Бойорикса и на этотъ разъ съ серьознымъ намѣреніемъ проникнуть въ Италію. Римлянами командовали: на правомъ берегу Роны проконсулъ Цепіонъ, на лѣвомъ консулъ Гней Маллій Максимъ и помощникъ Максима, консуляръ Маркъ Аврелій Скавръ, подъ на-

*) Ходячее мнѣніе, что Тугены и Тигорины вторгнулись въ Галлію въ одно время съ Кимврами, не подтверждается Страбономъ (7, 293) и плохо согласуется съ самостоятельнымъ нашествіемъ Гельветовъ. Впрочемъ, дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этой войнѣ до такой степени отрывочны, что послѣдовательное ея описаніе,—точно такъ-же какъ и описаніе самнитскихъ войнъ,—можетъ претендовать только на приблизительную достовѣрность.

чальствомъ котораго находился отдѣльный корпусъ. Первое нападеніе обрушилось на Скаврѣ: онъ былъ совершенно разбитъ и былъ отведенъ плѣнникомъ въ непріятельскую главную квартиру, гдѣ царь Кимвровъ,—разгнѣванный высокомѣрнымъ совѣтомъ плѣннаго Римлянина воздержаться отъ опаснаго намѣренія вторгнуться въ Италію,— закололъ его. Послѣ того Максимъ приказалъ своему сотоварищу перевести его армію на другой берегъ Роны; неохотно исполняя это приказаніе, Цепіонъ наконецъ появился у Аравзіона (Оранжа) на лѣвомъ берегу рѣки; тогда тамъ сосредоточились всѣ боевыя силы Римлянъ, до такой степени превосходившія числомъ кимврскую армію, что испуганные Кимвры завели мирные переговоры. Къ несчастію, два римскихъ военачальника были въ сильной ссорѣ. Незнатный и неспособный Максимъ стоялъ, по своему званію консула, выше своего гордаго и болѣе знатнаго, но не болѣе способнаго сотоварища, проконсула Цепіона; тѣмъ не менѣе, Цепіонъ не хотѣлъ занять общій для обѣихъ армій лагерь, не хотѣлъ вмѣстѣ съ Максимомъ обсуждать ходъ военныхъ дѣйствій и по прежнему настаивалъ на своемъ правѣ командовать самостоятельно. Уполномоченные отъ римскаго сената тщетно пытались склонить ихъ къ соглашенію; даже состоявшееся по требованію офицеровъ, личное свиданіе двухъ полководцевъ только усилило разладъ. Узнавши, что Максимъ ведетъ переговоры съ кимврскими уполномоченными, Цепіонъ заподозрилъ Максима въ намѣреніи приписать одному себѣ честь покоренія Кимвровъ и торопливо устремился съ своими войсками на непріятеля. Его армія была совершенно уничтожена и даже его лагерь достался врагамъ (6 окт. 649), а его пораженіе 105
повлекло вслѣдъ за собой не менѣе полное пораженіе и второй римской арміи. По разсказамъ, тамъ погибли 80.000 римскихъ солдатъ и огромная масса разнаго безпомощнаго сброда, достигавшая половины вышеуказанной цифры, а спаслись только десять человѣкъ; во всякомъ случаѣ неподлежитъ сомнѣнію, что изъ двухъ армій могла спастись лишь небольшая часть, потому что Римляне сражались тыломъ къ рѣкѣ. Это была такая катастрофа, которая и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи имѣла гораздо болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ пораженіе при Каннахъ. Пораженія Карбона, Силана и Лонгина не произвели на Италійцевъ глубокаго впечатлѣнія. Они уже привыкли къ тому, что каждая война начиналась неудачами, а убѣжденіе въ непобѣдимости Римлянъ было такъ непоколебимо, что считалось неумѣстнымъ придавать важное значеніе многочисленнымъ исключеніямъ изъ общаго правила. Но изъ этого сладкаго усыпленія Римляне были безжалостно пробуждены извѣстіями о пораженіи при Аравзіонѣ, о небольшомъ разстояніи, отдѣлявшемъ побѣдоносную кимврскую армію отъ незащищенныхъ альпійскихъ проходовъ, о снова вспыхнувшихъ съ небывалою силою возстаніяхъ и въ римскихъ за-аль-

пійскихъ владѣніяхъ и въ Лузитаніи, и о безпомощномъ положеніи Италіи. Тогда они снова стали вспоминать о никогда не изглаживавшихся совершенно изъ памяти нашествіяхъ Кельтовъ въ четвертомъ столѣтіи, о битвѣ при Алліи и о сожженіи Рима; страхъ галльскаго нашествія охватилъ Италію съ удвоенною силой, такъ какъ къ сознанію угрожавшей опасности присоединялись воспоминанія о прошлыхъ бѣдствіяхъ; на всемъ западѣ, по видимому, распространилось убѣжденіе, что римское могущество начинаетъ расшатываться. Точно такъ-же, какъ и послѣ битвы при Каннахъ, срокъ траура былъ сокращенъ сенатскимъ постановленіемъ *). Новые наборы рекрутъ обнаружили крайне стѣснительный недостатокъ въ людяхъ. Отъ всѣхъ годныхъ къ военной службѣ Италійцевъ была потребована клятва, что они не покинутъ Италіи; капитанамъ стоявшихъ въ италійскихъ гаваняхъ кораблей было запрещено принимать на бортъ кого либо изъ обязанныхъ нести военную службу. Трудно сказать, что могло-бы случиться, еслибы Кимвры проникли черезъ Альпійскія ворота въ Италію немедленно послѣ своей двойной побѣды. Но они сначала разлились по владѣніямъ Арверновъ, съ трудомъ оборонявшихся отъ непріятеля въ своихъ крѣпостяхъ, а вскорѣ послѣ того, утомившись осадой городовъ, двинулись не въ Италію, а на западъ, въ направленіи къ Пиренеямъ.

Римская оппозиція. Еслибы окоченѣлая система римскаго государственнаго управленія еще была способна сама вызвать спасительный кризисъ, то этотъ кризисъ долженъ-бы былъ произойти именно теперь, когда, благодаря одной изъ тѣхъ удивительныхъ счастливыхъ случайностей, которыми такъ богата римская исторія, опасность уже была настолько близка, что могла пробудить въ гражданствѣ всю его энергію и весь его патріотизмъ, а между тѣмъ наступила не такъ внезапно, чтобъ не дать этимъ силамъ достаточнаго времени для ихъ развитія. Однако и на этотъ разъ только повторились точно такія-же явленія, какія были вызваны за четыре года передъ тѣмъ пораженіями въ Африкѣ. Неудачи въ Африкѣ и неудачи въ Галліи были въ сущности однородны. Отвѣтственность за первыя, по видимому, падала главнымъ образомъ на всю олигархію вообще, а отвѣтственность за вторыя — главнымъ образомъ на отдѣльныхъ должностныхъ лицъ; однако и въ тѣхъ и въ другихъ общественное мнѣніе основательно усматривало негодность правительства, которая, постепенно усиливаясь, сначала пренебрегала честью государства, а теперь уже подвергала опасности и самое его существованіе. И теперь, по прежнему, не обманывались на счетъ настоящей причины зла, но и теперь, по прежнему, не сдѣлали даже попытки уничтожить ее въ самомъ корнѣ. Для всякаго было ясно, что виною всего

Борьба посредствомъ уго-

*) Сюда, безъ сомнѣнія, относится отрывокъ изъ Діодора V a t. стр. 122.

была система управленія, однако и на этотъ разъ все ограничилось **ловныхъ** привлеченіемъ къ отвѣтственности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ,— **процессовъ.** съ тою только разницей, что эта новая буря навлекла на головы олигарховъ настолько болѣе тяжелые удары, насколько катастрофа 649 года превосходила катастрофу 645 года и своими размѣрами **105 109** и величиною грозившей опасности. Вѣрный инстинктъ народной массы говорилъ ей, что противъ олигархіи нѣтъ никакого другаго средства, кромѣ тираніи, а это убѣжденіе снова стало сказываться въ томъ, что народная масса охотно стала поддерживать всякую попытку именитыхъ полководцевъ дѣйствовать наперекоръ правительству и низвергнуть олигархическое правительство подъ какою-бы то ни было формою диктаруры. — Нападеніе было направлено прежде всего на Квинта Цеіона и вполнѣ основательно, такъ какъ главною причиной пораженія при Аравзіонѣ было его нежеланіе подчиняться законному начальнику, — не говоря уже о падавшемъ на него, по всему вѣроятію, основательномъ, но не подкрѣпленномъ доказательствами подозрѣніи, что онъ вполнѣ присвоилъ себѣ добычу, которая была захвачена въ Толозѣ; впрочемъ оппозиція напала на него съ чрезвычайной яростью отчасти и потому, что, въ бытность консуломъ, онъ отважился на попытку отнять у капиталистовъ мѣста присяжныхъ (стр. 131). Ради его былъ нарущенъ старинный почтенный принципъ,что святость общественной власти должна быть уважаема даже въ лицѣ самыхъ недостойныхъ ея представителей, и между тѣмъ какъ негодованіе противъ виновника каннскаго пораженія было затаено въ глубинѣ души, напротивъ того виновникъ пораженія при Аравзіонѣ былъ лишенъ народнымъ декретомъ проконсульскаго званія и повторилось то, чего уже никогда не случалось со времени внутреннихъ потрясеній, окончившихся паденіемъ царей—его имущество было конфисковано въ пользу государственной казны (649?) Вскорѣ послѣ того, новое постановленіе гражданства **105** исключило его изъ числа снеаторовъ (650). Но и этимъ неудовольст- **104** вовались,—хотѣли новыхъ жертвъ и главнымъ образомъ хотѣли казни Цепіона. Нѣсколько преданныхъ оппозиціи народныхъ трибуновъ съ Луціемъ Аппулеемъ Сатурниномъ и Гаіемъ Норбаномъ во главѣ, предложили въ 651 году организовать экстаординарный судъ надъ **103** тѣми, кто провинился въ Галліи въ хищничествахъ и въ государственной измѣнѣ; не смотря на то, что арестъ обвиняемыхъ во время производства слѣдствія и смертная казнь за политическія преступленія были фактически отмѣнены, Цепіонъ былъ арестованъ и открыто выскаывазалось намѣреніе произнести надъ нимъ и исполнить смертный приговоръ. Правительственная партія попыталась устранить предложеніе оппозиціи съ помощью трибунскаго протеста; но предъявившіе протестъ, трибуны были силою выгнаны изъ собранія, а среди буйной свалки нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ сена-

торовъ были ранены брошенными въ нихъ каменьями. Производству слѣдствія не было возможности воспрепятствовать и борьба путемъ
103 уголовныхъ процессовъ пошла своимъ порядкомъ въ 651 году точно такъ-же, какъ и за шесть лѣтъ передъ тѣмъ; обвинительные приговоры были постановлены надъ самимъ Цепіономъ, надъ его товарищемъ по главному командованію Гнеемъ Малліемъ Максимомъ и надъ многими другими высокопоставленными людьми; одинъ изъ бывшихъ въ дружбѣ съ Цепіономъ народныхъ трибуновъ съ трудомъ успѣлъ,—рискуя своимъ собственнымъ гражданскимъ существованіемъ, — спасти по меньшей мѣрѣ жизнь главныхъ осужденныхъ *).

---

*) Отрѣшеніе Цепіона отъ должности проконсула и находившаяся въ связи съ этимъ отрѣшеніемъ, конфискація имущества [Ливій, Ep. 67] состоялись въ силу народнаго рѣшенія, вѣроятно, непосредственно вслѣдъ за битвой при Аравзіонѣ
105 [6 окт. 649]. Что между отрѣшеніемъ Цепіона отъ должности и его окончательной
101 гибелью прошло нѣкоторое время, ясно видно изъ внесеннаго въ 650 году и направленнаго именно противъ Цепіона законопроэкта, по которому отрѣшеніе отъ должности влекло вслѣдъ за собою лишеніе права засѣдать въ сенатѣ [Асконій, in Cornel. 78]. Отрывки Лициніана [стр. 10: Cn. Manilius ob eandem causam quam et Caepio L. Saturnini rogatione e civitate est cito [?] eiectus; отсюда ясно значеніе намёка, который встрѣчается у Цицерона въ De Or. 2, 28, 125] теперь объяснили намъ, что окончательная гибель Цепіона была послѣдствіемъ законопроэкта, внесеннаго Луціемъ Аппулеемъ Сатурниномъ. Это, очевидно, былъ никакой другой, какъ Аппулеевскій законъ объ умаленіи величія римскаго государства [Цицер. De Or. 2, 25, 107. 49, 201], или,—какъ было ранѣе [2, стр. 193 перв. изд.] объяснено его содержаніе, —предложеніе Сатурнина о назначеніи экстраординарной коммиссіи для разслѣдованія случаевъ государственной измѣны, обнаружившихся во время вызванныхъ Кимврами смутъ. Слѣдственная коммиссія, назначенная по дѣлу о похищенномъ изъ Толозы золотѣ [Цицер. De Nat. Deor. 3, 30, 74], была вызвана Аппулеевскимъ закономъ совершенно такъ-же, какъ далѣе тамъ упоминаемыя спеціальныя коммиссіи „о скандальномъ подкупѣ су-
141 дей“—была вызвана Муціевскимъ закономъ 613 года, „о случаяхъ съ Веста-
113 лками“—была вызвана Педуцеевскимъ закономъ 641 года, „о Югуртинской вой-
110 нѣ“—Мамиліевскимъ закономъ 644 года. Изъ сравненія этихъ случаевъ мы узнаемъ, что такія спеціальныя коммиссіи, въ отличіе отъ ординарныхъ, могли приговаривать и дѣйствительно приговаривали къ смертной казни. Хотя въ другихъ случаяхъ говорится о Гаѣ Норбанѣ, какъ о томъ народномъ трибунѣ, который возбудилъ преслѣдованіе противъ Цепіона и за это былъ впослѣдствіи привлеченъ къ отвѣтственности [Цицер. De Or. 2, 40, 167. 48, 199. 4, 200. Orat. part. 30, 105 и въ друг. мѣст.], но это не противорѣчитъ вышесказанному: такъ какъ предложеніе исходило, по обыкновенію, отъ нѣсколькихъ народныхъ трибуновъ [Ad Herenn. 1, 14, 24. Цицер. De Orat. 2, 47, 197] и такъ какъ Сатурнина уже не было въ живыхъ въ то время, когда аристократическая партія могла помышлять о возмездіи за прошлое, то эта партія и взялась за товарища Сатурнина. Что касается времени, когда состоялся этотъ

начение я главкоман- ющихъ. Важнѣе этой вызванной жаждою мщенія расправы было разрѣшеніе вопроса, какъ продолжать опасную войну на той сторонѣ Альповъ и, главнымъ образомъ, кому поручить главное тамъ командованіе. При безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, вовсе нетрудно было сдѣлать хорошій выборъ. Хотя, сравнительно съ прежними временами, Римъ не былъ богатъ военными знаменитостями, однако Квинтъ Максимъ съ отличіемъ командовалъ въ Галліи, Маркъ Эмилій Скавръ и Маркъ Минуцій въ придунайскихъ странахъ, Квинтъ Метеллъ, Публій Рутилій Руфъ и Гай Марій въ Африкѣ; да и дѣло шло не о томъ, чтобъ побѣдить какого-нибудь новаго Пирра или Аннибала, а о томъ, чтобъ возстановить часто испытанное на дѣлѣ превосходство римской арміи и римской тактики въ борьбѣ съ сѣверными варварами, для чего требовался полководецъ не геніальный, а только строгій и способный. Но именно въ ту пору все было скорѣй возможно, чѣмъ

второй и окончательный приговоръ надъ Цепіономъ, то неосновательное обык-
95 новеніе относить его къ 659 году,—когда уже прошло десять лѣтъ послѣ битвы при Аравзіонѣ,—уже было опровергнуто ранѣе. Оно основано только на томъ,
95 что Крассъ, будучи консуломъ, стало быть въ 659 году, говорилъ въ защиту Цепіона [Цицер. Brut. 44, 162]; но онъ сдѣлалъ это, очевидно, не въ качествѣ Цепіонова адвоката, а по тому случаю, что Норбанъ былъ привлеченъ въ
95 659 году Публіемъ Сульпиціемъ Руфомъ къ отвѣтственности за преслѣдованіе
104 Цепіона. Прежде это вторичное обвиненіе обыкновенно относилось къ 650 году; но съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что оно возникло изъ предложенія Сатур-
103 нина, то можно только колебаться въ выборѣ между 651 годомъ, когда онъ былъ народнымъ трибуномъ въ первый разъ [Плутархъ, Mar. 14. Ороз. 5, 17; Апп.
100 1, 28; Діодоръ, стр. 608. 631] и 654 годомъ, когда онъ былъ избранъ въ народные трибуны вторично. Мы не имѣемъ такихъ данныхъ, которыя позволяли бы намъ разрѣшить этотъ вопросъ окончательно, но на сторонѣ перваго изъ этихъ годовъ гораздо болѣе вѣроятія, частію потому, что онъ болѣе близокъ къ эпохѣ несчастныхъ событій въ Галліи, частію потому, что въ довольно подробныхъ разсказахъ о вторичномъ трибунатѣ Сатурнина ничего не говорится о Квинтѣ Цепіонѣ-отцѣ и о направленныхъ противъ него насильственныхъ мѣрахъ. Правда, суммы, внесенныя, въ исполненіе судебнаго рѣшенія, въ государственную казну въ возмѣщеніе похищенной толозской добычи, были потребованы Сатурниномъ во время его втораго трибуната для его колонизаціонныхъ плановъ [De viris ill. 73, 5 и кромѣ того Орелли, Ind. Legg. стр. 137], но этотъ фактъ самъ по себѣ ничего не разрѣшаетъ и сверхъ того могъ быть по ошибкѣ перенесенъ съ перваго африканскаго аграрнаго закона на второй всеобщій аграрный законъ Сатурнина.— Что Норбанъ былъ привлеченъ къ суду на основаніи того самаго закона, утвержденію котораго онъ содѣйствовалъ, было пикантной оригинальностью, которая нерѣдко встрѣчалась въ римскихъ политическихъ процессахъ того времени [Цицер. Brut. 89, 305]; изъ нея никакъ не слѣдуетъ дѣлать неосновательнаго заключенія, что Аппулеевскій законъ былъ, подобно позднѣйшему Корнеліевскому, общимъ закономъ о государственной измѣнѣ.

безпристрастное разрѣшеніе административнаго вопроса. Правительство,—какъ иначе и быть не могло и какъ это было доказано еще Югуртинской войной,—такъ низко упало въ общественномъ мнѣніи, что самые даровитые его полководцы были принуждены покидать еще непройденное до конца побѣдное поприще, лишь только какому нибудь прославившемуся офицеру угодно было очернить ихъ репутацію передъ народомъ и самому стать во главѣ управленія при помощи оппозиціи, въ качествѣ ея кандидата. То, что̀ случилось послѣ побѣдъ, одержанныхъ Метелломъ, повторилось въ усиленной степени послѣ пораженій Гнея Маллія и Квинта Цепіона, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Не смотря на существованіе закона, запрещавшаго принимать званіе консула болѣе одного раза, Гай Марій снова выступилъ кандидатомъ на эту высшую государственную должность и не только былъ выбранъ консуломъ и назначенъ главнокомандующимъ въ галльской войнѣ въ то время, какъ еще находился въ Африкѣ во главѣ тамошней арміи, но въ теченіе пяти
104—100 лѣтъ (650 — 654) былъ ежегодно снова выбираемъ въ консулы; это имѣло видъ умышленнаго издѣвательства надъ корпоративнымъ духомъ знати, который обнаружилъ все свое безразсудство и всю свою недальновидность именно по отношенію къ Марію; но этотъ фактъ былъ неслыханнымъ въ лѣтописяхъ республики и въ сущности никакъ не могъ совмѣщаться съ духомъ свободныхъ римскихъ учрежденій. Это противозаконное занятіе должности главнокомандующаго первымъ генераломъ изъ демократовъ оставило на всѣ грядущія времена глубокіе слѣды въ особенности на организаціи арміи; Марій началъ преобразовывать ее, во время африканской войны, изъ гражданскаго ополченія въ сборище наёмниковъ; онъ продолжалъ это дѣло и довелъ до конца въ теченіе тѣхъ пяти лѣтъ, когда командовалъ арміей съ тою неограниченною властію, которая была ему предоставлена еще не столько въ силу условій его назначенія, сколько подъ гнетомъ стѣснительныхъ обстоятельствъ того времени.

Римская оборонительная система.

Новый главнокомандующій Гай Марій появился въ 650 году на 104
той сторонѣ Альповъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ опытныхъ офицеровъ, между которыми скоро снова отличился отважный Луцій Сулла, захватившій въ плѣнъ Югурту; сверхъ того Марій привелъ съ собою многочисленные отряды италійскихъ и союзническихъ солдатъ. Сначала онъ не нашолъ врага, противъ котораго былъ посланъ. Тотъ странный народъ, который одержалъ побѣду при Аравзіонѣ, тѣмъ временемъ пробрался черезъ Пиренеи, предварительно опустошивъ страну на западѣ отъ Роны, и дрался въ Испаніи съ храбрыми жителями ея сѣвернаго побережья и внутреннихъ странъ,—точно будто Германцы желали, при своемъ первомъ появленіи на сценѣ исторіи, выказать свое умѣнье не придерживаться никакой опредѣленной цѣли. Поэтому Марій имѣлъ достаточно времени для

того, чтобъ снова привести въ покорность отложившихся Тектосаговъ, укрѣпить поколебавшуюся преданность подвластныхъ Риму галльскихъ и лигурійскихъ волостей и получить помощь и подкрѣпленія какъ внутри, такъ и внѣ римскихъ владѣній отъ тѣхъ союзниковъ, для которыхъ Кимвры были такъ-же опасны, какъ и для самихъ Римлянъ. — какъ напримѣръ отъ Массилійцевъ, отъ Аллоброговъ и отъ Секвановъ; въ то-же время онъ старался возстановить въ ввѣренной ему арміи дисциплину путемъ строгой взыскательности и безпристрастной справедливости и къ знатнымъ и къ незнатнымъ людямъ, и подготовить своихъ солдатъ къ болѣе серьознымъ военнымъ трудамъ, пріучая ихъ къ походамъ и заставляя ихъ заниматься возведеніемъ обширныхъ земляныхъ окоповъ—въ особенности по устройству ронскаго канала, который былъ нуженъ для облегченія доставки транспортовъ изъ Италіи въ армію и который былъ впослѣдствіи переданъ Массилійцамъ. Онъ также строго держался оборонительнаго положенія и не переходилъ за границу римскихъ владѣній. Наконецъ, какъ кажется, въ теченіе 651 года, кимврскій 103
потокъ, разбившись въ Испаніи о мужественное сопротивленіе туземныхъ племенъ, и въ особенности Кельтиберовъ, отхлынулъ обратно за Пиренеи и оттуда, какъ кажется, направился вверхъ по берегамъ Атлантическаго океана, гдѣ этимъ страшнымъ людямъ всё покорялось на всемъ пространствѣ отъ Пиренеевъ до береговъ Сены. Только на границѣ владѣній конфедераціи храбрыхъ Белговъ онъ встрѣтилъ энергическое сопротивленіе; однако даже тамъ Кимвры получили значительныя подкрѣпленія въ то время, какъ стояли на территоріи Веллокассовъ (подлѣ Руана). Какъ кажется, именно въ то время къ Кимврамъ присоединились не только три квартала Гельветовъ (въ томъ числѣ Тигорины и Тугены, уже ранѣе сражавшіеся съ Римлянами на берегахъ Гаронны), но и предводимые своимъ царемъ Тевтободомъ, соплеменники ихъ Тевтоны, которые переселились съ береговъ Балтійскаго моря на берега Сены по причинамъ, оставшимся для насъ неизвѣстными *). Но и эти соединенныя силы не были въ состояніи преодолѣть мужественное сопротивленіе Белговъ.

Кимвры, Тевтоны и Гельветы соединяютъ свои силы.

Рѣшено вторгнуться въ Италію.

Тогда вожди Кимвровъ окончательно рѣшились предпринять при содѣйствіи своихъ союзниковъ походъ на Италію, который уже много

---

*) Эти факты заимствованы главнымъ образомъ изъ сравнительно самаго достовѣрнаго Ливіевскаго разсказа въ сокращеніяхъ [гдѣ слѣдуетъ читать: reversi in Galliam in Vellocassis se Teutonis coniunxerunt] и отъ Обсеквента; при этомъ мы отбрасываемъ менѣе вѣскія свидѣтельства о томъ, что Тевтоны уже ранѣе являются союзниками Кимвровъ; такъ напримѣръ, по словамъ Аппіана [Celt. 13], Тевтоны участвовали еще вмѣстѣ съ Кимврами въ битвѣ при Нореѣ. Въ связи съ этимъ находятся и указанія Цезаря [Bell. Gall. 1, 33. 2, 4, 29], такъ какъ, говоря о нашествіи Кимвровъ на римскія владѣнія и на Италію, онъ могъ разумѣть только экспедицію 652 года. 102

разъ былъ предметомъ ихъ совѣщаній. Чтобъ не везти вслѣдъ за собой прежде награбленной добычи, они оставили ее подъ охраной отряда изъ 6000 человѣкъ, которые, послѣ разныхъ походовъ, поселились на Самбрѣ; изъ ихъ потомковъ впослѣдствіи образовалось племя Адуатуковъ. Однако, вслѣдствіе-ли трудности добывать продовольствіе на пути черезъ Альпы, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, это сборище снова раздѣлилось на двѣ арміи; одна изъ нихъ, состоявшая изъ Кимвровъ и Тигориновъ, должна была перейти обратно черезъ Рейнъ и вторгнуться въ Италію черезъ зна-
113 комые ей съ 641 года проходы восточныхъ Альповъ, а другая, состоявшая изъ вновь прибывшихъ Тевтоновъ, Тугеновъ и уже испытаннаго въ битвѣ при Аравзіонѣ кимврскаго отборнаго отряда Амброновъ, должна была проникнуть въ Италію черезъ римскую Галлію и черезъ западные альпійскіе проходы.

Тевтоны въ галльской провинціи.

Эта вторая армія снова безпрепятственно перешла черезъ Рону лѣтомъ 652 года и 102
послѣ почти трехлѣтняго перерыва снова вступила въ борьбу съ Римлянами на лѣвомъ берегу этой рѣки. Марій ожидалъ ее въ раскинутомъ на хорошо выбранномъ мѣстѣ и въ снабженномъ припасами лагерѣ у впаденія Изеры въ Рону; занимая эту позицію, онъ преграждалъ варварамъ оба пути, по которымъ непріятельскія арміи могли въ то время проникать въ Италію, — путь черезъ Малый Сенъ-Бернаръ и путь вдоль морского берега. Тевтоны напали на лагерь, который загораживалъ имъ дорогу; три дня сряду варвары неистово нападали на римскіе окопы, но ихъ необузданная отвага не могла взять верхъ надъ римскимъ умѣньемъ защищать укрѣпленныя позиціи и надъ предусмотрительностью главнокомандующаго. Понеся тяжелыя потери, эти дерзкіе удальцы рѣшились прекратить приступъ и, пройдя мимо римскаго лагеря, двинуться въ Италію. Они проходили мимо этого лагеря безъ перерыва въ теченіе шести сутокъ,—что̀ служитъ доказательствомъ не столько ихъ многочисленности, сколько неповоротливости ихъ обоза. Римскій главнокомандующій не пытался напасть на нихъ и воспрепятствовать ихъ наступленію; что онъ равнодушно выслушивалъ насмѣшливые вопросы враговъ, не дадутъ-ли имъ Римляне порученій къ своимъ женамъ, вполнѣ понятно; но тотъ фактъ, что онъ не напалъ на непріятельскія колонны, смѣло проходившія мимо сосредоточенной массы римскихъ войскъ, служитъ доказательствомъ того, что онъ мало полагался на своихъ непривычныхъ къ бою солдатъ.

Битва при Aquae Sextiae.

Когда вся непріятельская армія прошла мимо, и Марій покинулъ свой лагерь для того, чтобъ итти по пятамъ вслѣдъ за непріятелемъ; онъ поддерживалъ въ своей арміи строгій порядокъ и каждую ночь тщательно окружалъ ее окопами. Стремившіеся на береговой путь, Тевтоны шли внизъ по теченію Роны и достигли **A q u a e S e x t i a e**, куда вслѣдъ за ними прибыли и Римляне. У водопоя

легкія лигурійскія войска Римлянъ столкнулись съ Амбронами, составлявшими непріятельскій арьергардъ; сраженіе скоро приняло широкіе размѣры: послѣ упорной борьбы Римляне одержали верхъ и преслѣдовали отступавшаго непріятеля вплоть до его обоза. Это первое удачное сраженіе ободрило и главнокомандующаго и солдатъ; на третій день послѣ того Марій выстроилъ для рѣшительнаго боя свою армію на томъ возвышеніи, вершина котораго была занята римскимъ лагеремъ. Тевтоны, уже давно горѣвшіе нетерпѣніемъ помѣряться силами съ своими противниками, немедленно устремились на возвышеніе и завязали битву. Она была упорна и утомительна; до полудня Германцы были непоколебимы какъ стѣна; но непривычный для нихъ зной провансальскаго солнца ослабилъ ихъ воинственный пылъ, а фальшивая тревога у нихъ въ тылу,—гдѣ толпа римскихъ обозныхъ погонщиковъ выбѣжала съ громкими криками изъ лѣсной засады, — привела ихъ колеблющіеся ряды въ окончательное разстройство. Все сборище разсѣялось, а такъ какъ оно находилось въ чужой странѣ, то было частію перебито, частію захвачено въ плѣнъ; въ числѣ плѣнниковъ находился и царь Тевтободъ; въ числѣ убитыхъ было много женщинъ, которыя, зная, какъ будутъ съ ними обходиться, когда онѣ поступятъ въ рабыни, отчаянно сопротивлялись на своихъ повозкахъ, пока не были перерѣзаны; тѣ изъ нихъ, которыя были захвачены въ плѣнъ, просили дозволенія посвятить себя служенію богамъ и священнымъ дѣламъ Весты, а когда имъ было въ этомъ отказано, сами лишили себя жизни (лѣтомъ 652 года).

102. Кимвры въ Италіи.

Такимъ образомъ Галлія была избавлена отъ Германцевъ,—да и пора было съ ними покончить, такъ какъ ихъ соратники уже проникли по сю сторону Альповъ. Въ союзѣ съ Гельветами Кимвры безъ затрудненій прошли отъ береговъ Сены до долины верхняго Рейна, затѣмъ переправились черезъ цѣпь Альповъ Бреннерскимъ проходомъ и оттуда спустились на равнины Италіи по долинамъ Эйзака и Эча. Тамъ долженъ былъ охранять горные проходы консулъ Квинтъ Лутацій Катулъ; но будучи мало знакомъ съ мѣстностью и опасаясь, что непріятель обойдетъ его, онъ не осмѣлился подойти ближе къ Альпамъ, а занялъ позицію ниже Тріента, на лѣвомъ берегу Эча и на всякій случай обезпечилъ себѣ возможность отступленія на правый берегъ, построивши мостъ черезъ рѣку. Но, когда Кимвры стали выходить изъ горъ густыми массами, римскою арміею овладѣлъ паническій страхъ: и легіонные солдаты и всадники обратились въ бѣгство; послѣдніе ускакали по прямому пути къ столицѣ, а первые бросились на ближайшую возвышенность, гдѣ ихъ положеніе было, повидимому, менѣе опаснымъ. При помощи военной хитрости Катулъ съ большимъ трудомъ успѣлъ вернуть большую часть своей арміи къ рѣкѣ и перевести ее черезъ мостъ,

прежде чѣмъ непріятель,—уже овладѣвшій верхнимъ теченіемъ Эча и пускавшій въ мостъ деревья и бревна,—успѣлъ разрушить его и тѣмъ отрѣзать римской арміи отступленіе. Однако главнокомандующій былъ вынужденъ оставить на противоположномъ берегу одинъ легіонъ, а начальствовавшій этимъ легіономъ, трусливый военный трибунъ, уже готовъ былъ сдаться на капитуляцію; тогда одинъ изъ ротныхъ начальниковъ, Гней Петрей (родомъ изъ Атины) закололъ этого трибуна и, пробившись сквозь непріятельскіе ряды, перешолъ на правый берегъ Эча, гдѣ присоединился къ главной арміи. Такимъ образомъ были спасены и армія и до нѣкоторой степени даже военная честь; однако, послѣдствія того, что горные проходы не были во время заняты и что отступленіе было совершено съ большой торопливостью, сильно давали себя чувствовать. Катулъ былъ принужденъ отступить на правый берегъ По и предоставить во власть Кимвровъ всю равнину между По и Альпами, такъ что сношенія съ Аквилеей можно было поддерживать только
102 моремъ. Это происходило лѣтомъ 652 года, около того времени, когда между Тевтонами и Римлянами дѣло дошло до рѣшительной битвы подлѣ Aquae Sextiae. Еслибы Кимвры не пріостановили своего наступленія, то Римъ могъ-бы быть поставленъ въ крайне затруднительное положеніе; но они и на этотъ разъ не измѣнили своей привычкѣ проводить зиму въ отдыхѣ тѣмъ болѣе потому, что богатство края, непривычное удобство помѣщеній въ домахъ, теплыя ванны, новыя роскошныя кушанья и напитки внушали имъ желаніе спокойно наслаждаться жизнію. Благодаря этому, Римляне имѣли достаточно времени, чтобъ сосредоточить всѣ свои военныя силы для отраженія непріятельскаго нашествія. Теперь уже не время было снова приниматься за прерванный планъ завоеванія кельтской страны въ томъ видѣ, какъ онъ могъ быть задуманъ Гайемъ Гракхомъ, — хотя демократическій полководецъ, конечно, такъ-бы и сдѣлалъ; побѣдоносныя войска были приведены съ поля битвы при Эксѣ на берега По и къ двумъ соединившимся арміямъ прибылъ самъ Марій, пробывшій нѣсколько времени передъ тѣмъ въ столицѣ, гдѣ отложилъ предложенный ему тріумфъ до окончательной
101 побѣды надъ варварами. Весной 653 года эти соединенныя силы перешли, въ числѣ 50,000 человѣкъ, обратно черезъ По, подъ начальствомъ консула Марія и проконсула Катула, и двинулись противъ Кельтовъ, которые, какъ кажется, также подвигались вверхъ по теченію съ цѣлію перейти черезъ эту быструю рѣку у ея истоковъ.

Битва на Равдійскомъ полѣ.

Двѣ арміи сошлись къ югу отъ Верчеллъ, неподалеку отъ впаденія Сезіи въ По *), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила

*) Иные неосновательно уклоняясь отъ дошедшихъ до насъ указаній, утвер-

первая битва съ Аннибаломъ на италійской территоріи. Кимвры желали боя и по своему обыкновенію обратились къ Римлянамъ съ предложеніемъ условиться на счетъ выбора дня и мѣста сраженія; Марій исполнилъ ихъ желаніе: онъ выбралъ слѣдующій день (30 іюля 653 года) и Равдійское поле, представлявшее обширную равнину, на которой болѣе многочисленная римская конница могла найти для себя выгодный просторъ. Здѣсь Римляне напали на непріятеля, который хотя и ожидалъ ихъ, но все таки былъ застигнутъ въ расплохъ, такъ какъ по причинѣ густаго утренняго тумана кимврская конница вступила въ бой съ болѣе многочисленной римской раньше, чѣмъ разсчитывала, и была опрокинута на пѣхоту, которая еще только строилась для боя. Съ небольшими потерями была одержана полная побѣда и Кимвры были совершенно уничтожены. Счастливыми могли считать себя тѣ изъ нихъ, которые нашли смерть на полѣ сраженія,—а они были въ большинствѣ и въ числѣ ихъ находился храбрый царь Бойориксъ; они были по меньшей мѣрѣ счастливѣе тѣхъ, которые потомъ съ отчаянія сами налагали на себя руки или должны были ожидать на невольничьемъ рынкѣ въ Римѣ покупателя, который потомъ мстилъ имъ за дерзкое желаніе преждевременно промѣнять сѣверъ на прекрасный югъ. Тигорины, остававшіеся на предгорьяхъ Альповъ съ цѣлію потомъ итти вслѣдъ за Кимврами, бѣжали къ себѣ на родину, лишь только узнали о пораженіи своихъ союзниковъ. Несмѣтныя массы людей, въ теченіе тринадцати лѣтъ наводившія страхъ на всемъ пространствѣ отъ Дуная до Эбро и отъ Сены до По, теперь покоились въ землѣ или же томились подъ игомъ рабства; обреченный на гибель передовой отрядъ германскихъ переселенцевъ исполнилъ свое назначеніе; бездомный кимврскій народъ исчезъ съ лица земли вмѣстѣ съ своими союзниками. 101.

Побѣда и политическія партіи.

Надъ трупами враговъ политическія партіи не прекратили въ Римѣ своихъ мелочныхъ распрей, не обращая вниманія на то, что именно съ той минуты начиналась первая строка новой великой главы во всемірной исторіи, и даже не выражая благороднаго сознанія, что въ тотъ день исполнили свой долгъ и римскіе аристократы и рим-

---

ждая, что эта битва происходила подлѣ Вероны; при этомъ упускалось изъ виду то обстоятельство, что между сраженіями на берегахъ Эча и окончательной битвой прошла цѣлая зима, во время которой происходили неоднократныя передвиженія войскъ, и что Катулъ, по положительному свидѣтельству Плутарха [Mar. 24], отступилъ на правый берегъ По. Даже оба предположенія, что Кимвры были разбиты на берегахъ По [Hieron. Chron.] и что они были разбиты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи Стилихонъ разбилъ Гетовъ, т. е. подлѣ Хераско на берегахъ Танаро, хотя и не вѣрны, но все таки указываютъ скорѣе на Верчеллы, чѣмъ на Верону.

скіе демократы. Тотчасъ послѣ битвы вспыхнуло въ самой безобразной формѣ соперничество между двумя полководцами, между которыми существовалъ разладъ не только потому, что они были разныхъ политическихъ убѣжденій, но и потому, что двѣ кампаніи предшествовавшаго года привели къ столь различнымъ результатамъ. Катулъ имѣлъ полное право утверждать, что побѣду окончательно одержалъ центръ арміи, которымъ онъ командовалъ, и что его солдаты отняли у непріятеля тридцать одно знамя, между тѣмъ какъ солдаты Марія принесли только два непріятельскихъ знамени,—солдаты Катула даже водили пармскихъ депутатовъ по усѣянному трупами полю сраженія для того, чтобъ доказать имъ, что Марій положилъ на мѣстѣ тысячу враговъ, а Катулъ десять тысячъ. Тѣмъ не менѣе Марія считали настоящимъ побѣдителемъ Кимвровъ и это было вполнѣ основательно не только потому, что въ силу своего высшаго ранга онъ въ рѣшительный день командовалъ всей арміей и безспорно превосходилъ своего товарища и военными дарованіями и опытностью, но главнымъ образомъ также потому, что вторая побѣда, одержанная при Верчеллахъ, стала возможной только благодаря первой побѣдѣ, одержанной при Aquae Sextiae. Однако въ ту пору не столько по этимъ соображеніямъ, сколько изъ политическихъ расчетовъ Марію всецѣло приписывалась слава избавленія Рима отъ Кимвровъ и отъ Тевтоновъ. Катулъ былъ образованный и умный человѣкъ, умѣвшій такъ хорошо говорить, что благозвучіе его словъ было похоже на краснорѣчіе; онъ не дурно писалъ мемуары и сочинялъ стихи на случайныя темы, былъ превосходнымъ знатокомъ и цѣнителемъ искуствъ, но онъ вовсе не былъ популярнымъ человѣкъ и его побѣда была побѣдой аристократіи. Но побѣды, одержанныя тѣмъ грубымъ пахаремъ, который былъ поднятъ простымъ народомъ на щитѣ и привелъ этотъ народъ къ побѣдѣ, были не только пораженіями Кимвровъ и Тевтоновъ, но и пораженіями правительства; съ личностью Марія были связаны совершенно иныя надежды, чѣмъ разсчеты на возможность снова безпрепятственно заниматься денежными спекуляціями на той сторонѣ Альповъ или безпрепятственно обработывать поля по сю сторону горъ. Уже прошло двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ окровавленный трупъ Гайя Гракха былъ унесенъ водою внизъ по теченію Тибра; уже въ теченіе двадцати лѣтъ выносилось и проклиналось правительство возстановленной олигархіи, но все еще никто не отмстилъ за Гракха и никто не брался докончить начатое имъ зданіе. Ненависть и ожиданіе перемѣнъ закрались въ сердца какъ многихъ изъ самыхъ худшихъ гражданъ, такъ и многихъ изъ самыхъ достойныхъ, а теперь возникла и надежда: не нашолся-ли наконецъ въ лицѣ сына арпинскаго поденщика такой человѣкъ, который способенъ удовлетворить эту ненависть и осуществить эти ожиданія? Не настала-ли наконецъ пора новой революціи, которой одни такъ страшились, а другіе такъ горячо желали?

ГЛАВА VI.

Революціонная попытка Марія и попытка Друза ввести реформы.

55 Сынъ бѣднаго поденщика, Гай Марій родился въ 599 году вблизи от города Арпина въ селеніи, которое въ то время называлось Цереатами, а впослѣдствіи получило городскія права подъ названіемъ Маріевскихъ Цереатъ (Cereatae Marianae) и до сихъ поръ называется «родиной Марія» (Casamare). Онъ выросъ за плугомъ въ такой нуждѣ, что ему, повидимому, былъ закрытъ доступъ даже къ общественнымъ должностямъ Арпина: онъ рано пріучился выносить голодъ и жажду, солнечный зной и зимнюю стужу, и сохранялъ эти привычки даже когда былъ главнокомандующимъ. Онъ поступилъ въ армію, лишь только достигъ надлежащаго возраста, и въ трудной школѣ испанской войны скоро выслужился въ офицеры. Во время осады Нуманціи Сципіономъ, онъ, бывши двадцати-трехъ-лѣтнимъ юношей, обратилъ на себя вниманіе строгаго начальника отличнымъ порядкомъ, въ которомъ содержалъ своего коня и свое оружіе, равно какъ своею храбростью въ бою и своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ въ лагерѣ. Онъ возвратился на родину съ рубцами почетныхъ ранъ, съ военными знаками отличія и съ горячимъ желаніемъ пріобрѣсти извѣстность на славно-начатомъ поприщѣ; но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ даже самый достойный человѣкъ, у котораго не было ни состоянія ни связей, не могъ достигнуть тѣхъ политическихъ должностей, которыя открывали доступъ къ высшимъ военнымъ должностямъ. Молодой офицеръ достигъ и того и другаго удачными комерческими спекуляціями и бракосочетаніемъ съ дѣвушкой изъ стариннаго знатнаго рода Юліевъ; съ большимъ трудомъ и послѣ многократныхъ неудачъ онъ достигъ въ 639 году преторскаго званія и, занимая въ этомъ званіи постъ намѣстника Дальней Испаніи, снова нашелъ случай выказать свои воинскія дарованія. Ранѣе уже было разсказано, какъ онъ вслѣдъ за тѣмъ добился въ 647 году, наперекоръ аристократіи, консульства и довелъ до конца африканскую войну въ званіи проконсула (648. 649), какъ онъ былъ

Марій. 115. 107. 106 105.

назначенъ,—послѣ несчастной битвы при Аравзіонѣ,—главнокомандующимъ въ войнѣ съ Германцами и какъ въ теченіе своего четырехъ-лѣтняго, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ республики, пребыванія
104—101. въ консульскомъ званіи (съ 650 по 653 годъ), разбилъ и истребилъ Кимвровъ на той сторонѣ Альповъ, а Тевтоновъ по сю сторону горъ. На своемъ военномъ посту онъ выказалъ себя храбрымъ и справедливымъ начальникомъ, безпристрастно чинившимъ расправу, распоряжавшимся военной добычей съ рѣдкою честностью и безкорыстіемъ, и недоступнымъ для подкупа; онъ выказалъ себя искуснымъ организаторомъ, снова сдѣлавшимъ годной для употребленія заржавленную машину римскаго военнаго устройства, и способнымъ полководцемъ, умѣвшимъ держать солдатъ въ строгой дисциплинѣ и тѣмъ не менѣе въ хорошемъ настроеніи духа, умѣвшимъ снискивать любовь этихъ солдатъ своимъ товарищескимъ обхожденіемъ, но смѣло смотрѣвшимъ въ глаза врагу и умѣвшимъ выбирать самую удобную минуту для рѣшительнаго боя. Насколько мы въ состояніи судить о немъ, онъ не былъ одаренъ выдающимися военными дарованіями; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ было вполнѣ достаточно и тѣхъ достоинствъ, которыми онъ обладалъ, для того, чтобъ создать ему репутацію геніальнаго полководца, и, опираясь на нее, онъ съ небывалымъ почетомъ занялъ мѣсто между консулярами и тріумфаторами. Однако онъ отъ этого не сдѣлался своимъ человѣкомъ въ средѣ блестящаго высшаго общества. Его голосъ остался по прежнему грубымъ и громкимъ, а его взглядъ дикимъ,—точно будто онъ все еще имѣлъ дѣло съ Либійцами или съ Кимврами, а не съ благовоспитанными и раздушенными товарищами. Въ томъ еще не было ничего рѣзко-неаристократическаго, что онъ былъ суевѣренъ, какъ настоящій военный авантюристъ, что его побудило въ первый разъ выступить кандидатомъ на консульское званіе не сознаніе своихъ дарованій, а предсказаніе одного этрусскаго гадальщика по внутренностямъ животныхъ, и что во время его экспедиціи противъ Тевтоновъ рѣшенія военнаго совѣта постановлялись при содѣйствіи сирійской пророчицы Мареы,—вѣдь и въ ту пору, какъ во всѣ другія времена, въ такихъ вещахъ сходились между собою и высшіе и низшіе слои общества. Но Марію нельзя было простить недостатка политическаго воспитанія; хотя его умѣнье побѣждать варваровъ и было достойно похвалъ, но что́ же можно было подумать о консулѣ, до такой степени незнакомомъ съ установленными требованіями этикета, что онъ появлялся въ сенатѣ въ одеждѣ тріумфатора! И въ другихъ отношеніяхъ на немъ лежалъ неизгладимый отпечатокъ его низкаго происхожденія. Онъ не только былъ, по аристократической терминологіи, бѣднымъ человѣкамъ, но,—что́ еще хуже,—онъ умѣлъ довольствоваться малымъ и былъ отъявленнымъ врагомъ всякихъ подкуповъ и плутней. Онъ былъ по-солдатски неприхотливъ, но браж-

ничалъ охотно,—въ особенности въ болѣе поздніе годы своей жизни; устроивать пиры онъ не умѣлъ и держалъ плохаго повара. Нехорошо было и то, что консуляръ зналъ только латинскій языкъ и былъ принужденъ отказываться отъ участія въ разговорахъ на греческомъ языкѣ; ему еще можно было простить то, что онъ скучалъ на греческихъ театральныхъ представленіяхъ, такъ какъ, по всему вѣроятію, скучали и многіе другіе, но открыто выражать скуку было съ его стороны наивностью. И такъ онъ въ теченіе всей своей жизни оставался случайно попавшимъ въ среду аристократовъ мужикомъ, котораго товарищи терзали язвительными насмѣшками и еще болѣе язвительнымъ состраданіемъ, а онъ не былъ въ состояніи относиться къ этимъ выраженіямъ состраданія съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ относился къ самимъ аристократамъ.

Марій не примкнулъ ни къ одной изъ политическихъ партій почти так же, какъ онъ не примкнулъ къ высшему обществу. Мѣры, ко- **Политическое положеніе Марія.**
119 торыя ему удалось провести въ бытность народнымъ трибуномъ (635)—введеніе болѣе правильнаго контроля при подачѣ голосовальныхъ дощечекъ съ цѣлію устранить происходившія при этомъ плутни и запрещеніе вносить предложенія о чрезмѣрно щедрыхъ пожертвованіяхъ въ пользу народа (стр. 130)—не носятъ на себѣ отпечатка какой либо политической партіи и всего менѣе могутъ быть приписаны демократическимъ тенденціямъ; онѣ доказываютъ только то, что онъ ненавидѣлъ беззаконія и безразсудства; и развѣ могъ быть по своимъ природнымъ влеченіямъ революціонеромъ такой человѣкъ, который родился пахаремъ и сдѣлался по склонности солдатомъ? Его впослѣдствіи загнало въ лагерь враговъ правительства враждебное расположеніе къ нему аристократіи; тогда онъ быстро пошелъ въ гору: сначала онъ былъ возведенъ оппозиціей въ званіе главнокомандующаго, а потомъ его, быть можетъ, имѣли въ виду и для болѣе важной роли. Но все это было нестолько плодомъ его собственныхъ усилій, сколько послѣдствіемъ неотразимаго давленія обстоятельствъ и необходимости найти вождя для оппозиціи; вѣдь со времени своего отъѣзда въ Африку въ 647/8 107/6.
году онъ пробылъ въ столицѣ мимоѣздомъ лишь очень короткое время. Только во второй половинѣ 653 года, когда онъ возвратился 101
въ Римъ послѣ побѣдъ надъ Тевтонами и надъ Кимврами для того, чтобъ отпраздновать на время отложенный двойной тріумфъ, его считали первымъ человѣкомъ въ Римѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ новичкомъ въ политикѣ. Всѣми безспорно признавалось не только то, что Марій спасъ Римъ, но и то, что онъ былъ единственный человѣкъ, способный спасти Римъ; его имя было у всѣхъ на устахъ; знать признавала его заслуги; въ народѣ онъ былъ популяренъ такъ, какъ никто не былъ популяренъ ни до, ни послѣ него, а этой популярностью онъ былъ обязанъ столько же своимъ достоинствамъ, сколько своимъ недостаткамъ,—своему вовсе неаристократическому безкорыстію

столько же, сколько своей мужицкой грубости; въ толпѣ его называли третьимъ Ромуломъ и вторымъ Камилломъ; въ честь его дѣлались жертвенныя возліянія такъ же, какъ въ честь боговъ. Неудивительно, что у этого крестьянскаго сына кружилась голова отъ такого величія, — что онъ сравнивалъ свой переходъ изъ Африки въ страну Кельтовъ съ побѣднымъ шествіемъ Діониса изъ одной части свѣта въ другую, и что онъ заказалъ для своего употребленія кубокъ, — и не изъ самыхъ маленькихъ, — по образцу вакхическаго. Не одна только признательность, но вмѣстѣ съ нею и надежда сказывалась въ этомъ бурномъ народномъ увлеченіи, которое было способно ввести въ заблужденіе даже человѣка съ болѣе хладнокровнымъ темпераментомъ и съ болѣе зрѣлою политическою опытностью. Въ глазахъ своихъ поклонниковъ Марій еще далеко не выполнилъ своей задачи. Еще тяжелѣе варваровъ удручало страну ея негодное правительство; на Маріѣ, какъ на первомъ въ Римѣ человѣкѣ, какъ на любимцѣ народа, какъ на вождѣ оппозиціи, лежала обязанность вторично спасти Римъ. Однако онъ былъ изъ пахарей и изъ солдатъ, поэтому и не умѣлъ и не желалъ впутываться въ столичныя политическія интриги; онъ говорилъ такъ же плохо, какъ хорошо командовалъ арміей, а передъ непріятельскими копьями и мечами онъ обнаруживалъ болѣе мужества, чѣмъ передъ аплодирующей или шикающей народной толпой; но до его природныхъ влеченій никому не было дѣла. Надежды обязываютъ того, на кого онѣ возлагаются. Марій такъ высоко стоялъ и въ военномъ отношеніи и въ политическомъ, что былъ обязанъ прекратить негодное распоряженіе общественными дѣлами и положить конецъ возстановленному аристократическому режиму, если не хотѣлъ порвать съ своимъ славнымъ прошлымъ, если не хотѣлъ обмануть ожиданій своей партіи и даже всей націи и если не хотѣлъ заглушить требованій своей собственной совѣсти, а если-бы онъ былъ одаренъ отъ природы тѣми качествами, какія нужны для управленія цѣлымъ народомъ, то онъ, конечно, могъ бы обойтись и безъ тѣхъ свойствъ, которыхъ ему недоставало, чтобъ выступить въ роли народнаго вождя.

Новое военное устройство. Заново организованная армія была въ его рукахъ страшнымъ орудіемъ. Правда, еще до него были сдѣланы значительныя отступленія отъ основнаго правила Сервіевскихъ постановленій ограничиваться при наборѣ рекрутъ только зажиточными гражданами и распредѣлять рекрутъ по различнымъ родамъ оружія, сообразуясь только съ раздѣленіемъ гражданъ на разряды по имуществу (томъ I, стр. 92. 306): наименьшій размѣръ имущества въ 11.000 ассовъ (300 талер.), налагавшій обязанность служить въ гражданской арміи, былъ уменьшенъ до 4000 ассовъ (115 тал.; томъ I, стр. 814); прежніе шесть разрядовъ по имуществу, отличавшіеся одинъ отъ другаго и по роду оружія, были сокращены на три; хотя всадниковъ все еще выбирали,

согласно съ Сервіевскими учрежденіями, изъ зажиточныхъ людей, а легко-вооруженныхъ изъ самыхъ бѣдныхъ, но центръ арміи, состоявшій изъ настоящей линейной пѣхоты, раздѣлялся на разряды уже не по состоянію, а по старшинству службы на три строя—на гастатовъ, принцепсовъ и тріаріевъ. Кромѣ того, уже давно стали привлекать италійскихъ союзниковъ къ военной службѣ въ огромномъ числѣ, хотя и между ними, точно такъ-же, какъ между римскими гражданами, выбирались преимущественно зажиточные люди. Тѣмъ не менѣе до временъ Марія римская военная организація была въ сущности основана на старинной системѣ гражданскаго ополченія. Но она уже не годилась для измѣнившагося положенія римскаго государства. Лучшіе классы общества стали все болѣе и болѣе уклоняться отъ военной службы, а среднее сословіе Римлянъ и Италійцевъ стало исчезать; съ другой стороны, въ распоряженіи правительства находились значительныя военныя силы жившихъ внѣ Италіи союзниковъ и подданныхъ, да и италійскіе пролетаріи,—еслибы правительство умѣло ими пользоваться,—представляли весьма годный для военнаго дѣла матеріалъ. Гражданская конница (томъ 1, стр. 783), въ которую слѣдовало набирать только зажиточныхъ людей, не участвовала въ походахъ еще до временъ Марія. Какъ о находившемся на лицо военномъ отрядѣ, о ней упоминаютъ въ послѣдній разъ при описаніи испанской кампаніи 614 года; тогда 140
она доводила главнокомандующаго до отчаянія своимъ презрительнымъ высокомѣріемъ и своей инсубординаціей, такъ что дѣло дошло между ними до борьбы, которая велась съ одинаковой безсовѣстностью и всадниками и главнокомандующимъ. Въ Югуртинской войнѣ она уже является чѣмъ-то въ родѣ почетной стражи при главнокомандующемъ и при иностранныхъ принцахъ; съ тѣхъ поръ она совершенно исчезаетъ. И комплектованіе легіоновъ рекрутами съ надлежащимъ имущественнымъ цензомъ сдѣлалось труднымъ даже при нормальномъ положеніи дѣлъ, такъ что тѣ чрезвычайныя усилія, какія оказались необходимыми послѣ битвы при Аравзіонѣ, были-бы на самомъ дѣлѣ невозможны при соблюденіи существовавшихъ въ то время правилъ о военной повинности. Съ другой стороны, еще до Марія принимались въ римскія арміи, въ особенности въ кавалерію и въ легкую пѣхоту, внѣ-италійскіе подданные—тяжело-вооруженные ѳракійскіе всадники, легкая африканская конница, превосходная легкая пѣхота ловкихъ Лигуровъ, пращники съ Балеарскихъ острововъ; эти чужеземцы поступали въ римскія войска въ постоянно возраставшемъ числѣ и служили даже внѣ своихъ провинцій; а между тѣмъ, какъ сказывался недостатокъ въ рекрутахъ съ надлежащимъ имущественнымъ цензомъ, бѣдные граждане сами искали службы въ арміи; поэтому было бы вовсе нетрудно набирать добровольцевъ изъ многочисленнаго сброда тѣхъ гражданъ, которые не находили ника-

кой работы или не желали работать,—это было-бы не трудно тѣмъ болѣе потому, что римская военная служба доставляла значительныя матеріальныя выгоды. Стало быть, ничѣмъ другимъ, какъ неизбѣжными послѣдствіями совершившихся въ государствѣ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, были тѣ перемѣны, что въ военномъ устройствѣ совершился переходъ отъ системы гражданскаго ополченія къ призыву вспомогательныхъ войскъ и къ вербовкѣ рекрутъ, что конницу и легко-вооруженные отряды стали формировать преимущественно изъ контингентовъ, доставлявшихся римскими подданными (такъ напримѣръ для похода противъ Кимвровъ были вытребованы вспомогательныя войска даже изъ такой отдаленной страны, какъ Виѳинія), а относительно линейной пѣхоты хотя и не отмѣнили прежде установленныхъ правилъ объ отбываніи воинской повинности, но при этомъ стали дозволять всѣмъ свободнымъ по рожденію гражданамъ поступать въ армію добровольцами; эта послѣд-
107 няя мѣра была проведена Маріемъ въ 647 году. — Кромѣ того и въ составѣ линейной пѣхоты были уничтожены прежнія раздѣленія на разряды,—что также ведетъ свое начало отъ Марія. До того времени и въ организаціи легіоновъ преобладала римская система аристократической классификаціи. Четыре строя легко-вооруженныхъ, гастатовъ, принцепсовъ и тріаріевъ или,—какъ ихъ можно иначе назвать,—передовой отрядъ, первая, вторая и третья линіи, прежде различались по имущественному цензу или по служебному старшинству и большею частію также по вооруженію; каждый изъ этихъ разрядовъ занималъ въ боевомъ строю разъ навсегда назначенное мѣсто, имѣлъ свой особый военный рангъ и свое собственное знамя. Всѣ эти различія были теперь отмѣнены. Всякій, кто былъ принятъ на службу въ легіоны, уже не нуждался ни въ какомъ цензѣ, чтобъ поступить въ тотъ или другой разрядъ, а его мѣсто въ рядахъ легіона опредѣлялось единственно по усмотрѣнію офицеровъ. Всѣ различія по вооруженію были отмѣнены и всѣхъ рекрутъ стали обучать одинакимъ способомъ. Безъ сомнѣнія, въ связи съ этими перемѣнами находились и различныя улучшенія, которыя были введены Маріемъ въ вооруженіи, въ способѣ носить багажъ и проч. и которыя дѣлаютъ честь какъ его предусмотрительности во всемъ, что касалось практическихъ подробностей военнаго ремесла, такъ и его заботливости о солдатахъ; сюда слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ новыя правила строевой службы, составленныя товарищемъ Марія въ африкан-
105 ской войнѣ, Публіемъ Рутиліемъ Руфомъ (консуломъ 649 года); достоинъ вниманія тотъ фактъ, что эти правила значительно улучшили военную выправку каждаго отдѣльнаго солдата и въ сущности были основаны на принятой въ тогдашнихъ фехтовальныхъ школахъ системѣ выучки будущихъ гладіаторовъ. И раздѣленіе легіона на составныя части стало совершенно инымъ. Въ замѣнъ прежде состав-

лявшихъ тактическую единицу 30-ти ротъ (manipuli) тяжелой пѣхоты,—изъ которыхъ каждая дѣлилась на два взвода (centuriae), состоявшіе каждый изъ 60 человѣкъ въ двухъ первыхъ строяхъ и изъ 30 человѣкъ въ третьемъ строю,—являются 10 когортъ (cohortes), каждая съ своимъ особымъ знаменемъ и каждая изъ 6-ти, а нерѣдко и только изъ 5-ти взводовъ въ 100 человѣкъ; поэтому, хотя устраненіе изъ легіона легкой пѣхоты и уменьшало его составъ на 1.200 человѣкъ, но тѣмъ не менѣе этотъ составъ увеличился съ 4.200 человѣкъ на 5000 или 6000. Обыкновеніе сражаться въ три линіи осталось, но прежде каждая линія состояла изъ особаго отряда, а теперь было предоставлено главнокомандующему право разставлять находившіяся въ его распоряженіи когорты въ три линіи по его собственному усмотрѣнію. Военный рангъ опредѣлялся единственно строевымъ нумеромъ солдатъ и отрядовъ. Тогда исчезли изъ употребленія тѣ четыре значка отдѣльныхъ частей легіона съ изображеніями волка, быка съ человѣчьей головой, коня и вепря, которые, по всему вѣроятію, вплоть до того времени были носимы впереди конницы и трехъ строевъ тяжелой пѣхоты; ихъ замѣнили значки новыхъ когортъ и данное Маріемъ всему легіону новое знамя съ изображеніемъ серебрянаго орла. Такимъ образомъ, въ составѣ легіона исчезли всѣ слѣды прежней гражданской и аристократической классификаціи и съ тѣхъ поръ существовали между легіонерами лишь чисто-солдатскія различія; за то, уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, нѣкоторыя случайныя соображенія вызвали появленіе на ряду съ легіонами особаго привилегированнаго военнаго отряда—тѣлохранителей главнокомандующаго. До того времени, личный конвой главнокомандующаго составляли отборные люди изъ союзническихъ контингентовъ; строгія требованія республиканскаго общественнаго строя не дозволяли употреблять на такую личную службу ни римскихъ легіонеровъ, ни даже добровольцевъ. Но когда была собрана до крайности деморализованная армія для войны съ Нуманціей, а Сципіонъ Эмиліанъ, которому было поручено прекратить безчинства этой солдатчины, не добился отъ правительства дозволенія набрать совершенно новыя войска, то ему по меньшей мѣрѣ дозволили организовать лично для себя конвой изъ 500 добровольно вступившихъ въ военную службу римскихъ гражданъ (стр. 16) помимо тѣхъ отрядовъ, которые были предоставлены въ его распоряженіе зависимыми отъ Рима царями и вольными городами. Эта когорта, состоявшая частію изъ людей высшихъ сословій, частію изъ незнатныхъ личныхъ кліентовъ главнокомандующаго, и потому называвшаяся то когортой друзей, то когортой главной квартиры (praetoriani), несла службу при этой главной квартирѣ (praetorium); за это она была освобождена отъ лагерной и отъ саперной службы, получала болѣе высокое жалованіе и пользовалась особымъ почетомъ.

Политическое значеніе Маріевской военной реформы.

Этотъ рѣшительный переворотъ въ организаціи римской арміи, какъ кажется, былъ въ сущности вызванъ чисто-военными соображеніями и не былъ дѣломъ одного человѣка или расчетливаго честолюбца,—это была совершонная подъ гнетомъ необходимости реформа прежнихъ учрежденій, которыя уже оказывались негодными. Введенная Маріемъ система вербовки рекрутъ среди туземнаго населенія, по всему вѣроятію, спасла государство отъ совершеннаго упадка его военныхъ силъ, точно такъ-же, какъ нѣсколькими столѣтіями позже, Арбогастъ и Стилихонъ на время продлили его существованіе введеніемъ вербовки среди иноземцевъ. Тѣмъ не менѣе она была настоящей политической революціей, хотя еще не успѣвшей достигнуть своего полнаго развитія. Республиканскія учрежденія были основаны главнымъ образомъ на томъ принципѣ, что каждый гражданинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и солдатомъ, а каждый солдатъ былъ прежде всего гражданиномъ; этимъ порядкамъ насталъ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ образовалось особое солдатское сословіе. Къ этому результату неизбѣжно вели и новыя правила строевой службы съ своей рутиной, заимствованной отъ мастеровъ фехтовальнаго искусства; военная служба стала мало по малу превращаться въ военное ремесло. Еще гораздо быстрѣе повліяло хотя и ограниченное въ своихъ размѣрахъ привлеченіе пролетаріевъ къ военной службѣ, въ особенности потому, что въ силу изстари существовавшаго правила главнокомандующій имѣлъ право,—совмѣстимое лишь съ очень солидными республиканскими учрежденіями,—награждать солдатъ по своему личному произволу, а способному и съ успѣхомъ сражавшемуся солдату предоставлялось нѣчто въ родѣ права на полученіе отъ главнокомандующаго доли изъ движимой добычи и отъ государства клочка вновь пріобрѣтенныхъ пахатныхъ полей. Набранные въ солдаты граждане и хлѣбопашцы видѣли въ военной службѣ лишь бремя, наложенное на нихъ ради общей пользы, а въ военной добычѣ лишь небольшое вознагражденіе за понесенные отъ службы гораздо болѣе значительные убытки; напротивъ того, завербованный на службу пролетарій жилъ однимъ жалованьемъ, а такъ какъ въ то время не существовало ни домовъ для инвалидовъ, ни даже богадѣлень, въ которыхъ онъ могъ-бы найти пріютъ послѣ выхода въ отставку, то онъ естественно желалъ оставаться подъ знаменами и покидалъ ихъ только въ томъ случаѣ, если достигалъ обезпеченнаго гражданскаго существованія. Для него единственнымъ отечествомъ былъ лагерь, единственной наукой—военное дѣло, единственнымъ источникомъ надеждъ—главнокомандующій; а что̀ отсюда истекало, понятно само собой. Послѣ битвы на Равдійскомъ полѣ Марій противозаконно даровалъ на самомъ полѣ сраженія гражданскія права двумъ когортамъ италійскихъ союзниковъ за ихъ храбрость и впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что среди шума битвы не могъ разслышать голоса законовъ. А еслибы

у арміи и у ея главнокомандующаго возникли еще болѣе широкія желанія, несовмѣстимыя съ дѣйствующими законами, то кто-же могъ-бы поручиться, что и тогда стукъ оружія не заглушитъ требованій закона? Уже существовали и постоянная армія и солдатское сословіе, и гвардія; какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ военныхъ уже были заложены основы для будущей монархіи; недоставало только монарха. Подобно тому, какъ кружившіеся надъ Палатинскимъ холмомъ двѣнадцать орловъ призывали царей, и новый орелъ, дарованный Маріемъ легіонамъ, возвѣщалъ о владычествѣ императоровъ.

Политическіе замыслы Марія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Марій увлекся блестящей перспективой, которую открывало передъ нимъ его военное и политическое положеніе. То было тяжелое, смутное время. Внутреннее спокойствіе было возстановлено, но оно никого неудовлетворяло; теперь уже не такъ жилось, какъ послѣ перваго грознаго нашествія сѣверныхъ народовъ на Римъ: тогда, вслѣдъ за пережитымъ кризисомъ, всѣ силы націи были снова возбуждены бодрымъ сознаніемъ выздоровленія и въ своемъ роскошномъ развитіи быстро и съ избыткомъ загладили понесенныя утраты. А теперь всѣ сознавали, что хотя бы даровитые полководцы еще не разъ спасали отъ немедленной гибели, республика отъ того еще неизбѣжнѣе приближалась къ своему паденію подъ управленіемъ возстановленной олигархіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сознавали, что уже прошло то время, когда въ подобныхъ случаяхъ гражданство искало помощи въ самомъ себѣ, и что нельзя ожидать перемѣны къ лучшему, пока никѣмъ не будетъ занято мѣсто Гайя Гракха. О томъ, какъ глубоко сознавала народная толпа пробѣлъ, произведенный исчезновеніемъ тѣхъ двухъ благородныхъ юношей, которые растворили двери для революціи, и съ какимъ ребячествомъ она увлекалась всякимъ повидимому способнымъ ихъ замѣнить призракомъ, свидѣтельствуетъ появленіе самозванца, который выдавалъ себя за сына Тиберія Гракха; не смотря на то, что родная сестра двухъ Гракховъ публично уличила его на городской площади въ обманѣ, народъ выбралъ его на 655 годъ въ трибуны только за незаконно-присвоенное имъ имя. 99
Съ такою же заднею мыслію толпа привѣтствовала радостными возгласами Марія, и могла ли она поступать иначе? Если дѣйствительно могъ найтись такой человѣкъ, какой былъ нуженъ, то такимъ человѣкомъ, повидимому, былъ Марій; вѣдь онъ былъ первымъ полководцемъ и самымъ популярнымъ человѣкомъ своего времени; всѣмъ были извѣстны его мужество и его честность и даже потому, что онъ держался въ сторонѣ отъ происковъ политическихъ партій, онъ, повидимому, былъ предназначенъ для роли реформатора, — могъ ли же народъ не считать его именно такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ, и могъ ли самъ онъ не считать себя за такого человѣка! Общественное мнѣніе такъ рѣши-

тельно высказывалось за оппозицію, какъ только было можно; въ
145 этомъ отношеніи знаменателенъ тотъ фактъ, что еще въ 609 году,
по настоянію правительства, руководствовавшагося въ этомъ случаѣ
религіозными соображеніями, былъ отвергнутъ комиціями проэктъ о
замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ въ высшихъ священныхъ коллегіяхъ
по выбору гражданъ, а не по выбору самихъ коллегій; но когда
104 тотъ же самый проэктъ былъ внесенъ въ комиціи въ 650 году
Гнеемъ Домиціемъ, то сенатъ даже не осмѣлился оказать ему сколько
нибудь серьозное противодѣйствіе. По всему было видно, что недоставало только вождя, который служилъ бы средоточіемъ для оппозиціи и указалъ бы ей практическую цѣль,—а теперь нашолся такой вождь въ лицѣ Марія.

Для выполненія своей задачи Марій могъ выбирать одинъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ: или низвергнуть олигархію, какъ императоръ, во главѣ арміи, или ввести конституціонныя реформы легальнымъ путемъ; на первый путь его наводила прошлая дѣятельность, а на второй —примѣръ Гракха. Нетрудно понять, почему онъ не пошелъ по первому пути и, быть можетъ, даже не считалъ возможнымъ избрать его. Сенатъ былъ на самомъ дѣлѣ или только съ виду такимъ безсильнымъ и безпомощнымъ, такимъ ненавистнымъ и презрѣннымъ, что для борьбы съ нимъ Марій, повидимому, не нуждался ни въ какой другой опорѣ, кромѣ своей громадной популярности, а въ крайнемъ случаѣ,—не смотря на то, что армія уже была распущена,—могъ расчитывать на отставныхъ солдатъ, которые ожидали отъ него наградъ. Въ виду легкаго и по наружности почти полнаго успѣха, какимъ увѣнчалось предпріятіе Гракха, и въ виду громаднаго превосходства своихъ собственныхъ средствъ надъ средствами Гракха, Марій, по всему вѣроятію, считалъ гораздо болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, низпроверженіе такихъ государственныхъ учрежденій, которыя успѣли въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ тѣсно сростись съ организованнымъ по системѣ сложной іерархіи государственнымъ строемъ и съ самыми разнообразными привычками и интересами. Но всякій, кто глубже самого Марія вникалъ въ трудности предпріятія, могъ сообразить, что хотя армія и находилась на пути къ своему превращенію изъ гражданскаго ополченія въ сборище наемниковъ, она еще не могла, въ такомъ переходномъ состояніи, служить слѣпымъ орудіемъ для государственнаго переворота и что попытка устранить всякое противодѣйствіе при помощи военной силы, вѣроятно, увеличила бы способность противника къ сопротивленію. Вмѣшивать въ борьбу правильно-организованную военную силу казалось, съ перваго взгляда, излишнимъ, а при болѣе внимательномъ обсужденіи — опаснымъ; вѣдь кризисъ былъ еще въ самомъ началѣ, а противоположныя стремленія еще были далеки отъ того, чтобъ выразиться въ своей окончательной, кратчайшей и простѣйшей формѣ.

Поэтому Марій, согласно съ установленными порядками, распустилъ свою армію лишь только отпраздновалъ свой тріумфъ, и прибѣгнулъ къ указанному Гаемъ Гракхомъ способу достигать верховной власти путемъ занятія государственныхъ должностей. Тогда ему пришлось искать опоры въ такъ называемой народной партіи и союзниковъ въ ея тогдашнихъ вождяхъ тѣмъ болѣе потому, что побѣдоносному полководцу недоставало тѣхъ дарованій и той опытности, какія необходимы для господства надъ уличной толпой. Вслѣдствіе этого, демократическая партія, послѣ долгаго ничтожества, снова пріобрѣла политическое значеніе. Въ длинный промежутокъ времени отъ Гайя Гракха до Марія она значительно ухудшилась. Недовольство сенатскимъ управленіемъ было такъ же сильно, какъ и прежде, но многія изъ тѣхъ надеждъ, которыя привлекли къ Гракхамъ самыхъ вѣрныхъ изъ ихъ приверженцецъ, были тѣмъ временемъ признаны за иллюзіи и у многихъ зародилось тѣмъ временемъ предчувствіе, что Гракховская агитація вела къ такой цѣли, которой вовсе нежелало преслѣдовать значительное большинство недовольныхъ; да и вообще, послѣ двадцати-лѣтней вражды и хлопотни, уже значительно ослабѣли и заглохли и то бодрое воодушевленіе, и та непоколебимая увѣренность, и та нравственная чистота влеченій, которыми обыкновенно отличаются первыя стадіи революцій. Но между тѣмъ какъ демократическая партія уже не была такою, какой была при Гайѣ Гракхѣ, и тѣ люди, которые были ея вождями въ тотъ промежутокъ времени, стояли на столько же ниже своей партіи, на сколько Гай Гракхъ былъ выше ея. И это было въ порядкѣ вещей. Пока снова не появился человѣкъ, который дерзнулъ бы, подобно Гайю Гракху, присвоить себѣ верховную власть въ государствѣ, вожди демократовъ могли играть роль только временныхъ подставокъ: то были или политическіе новички, которые шумно выражали свои юношескія оппозиціонныя убѣжденія и затѣмъ, составивъ себѣ репутацію неудержимо пылкихъ людей и популярныхъ ораторовъ, съ большей или меньшей ловкостью переходили въ лагерь правительственной партіи; или же то были люди, которымъ ни по ихъ состоянію, ни по ихъ вліянію нечего было терять, которымъ былъ закрытъ всякій путь къ славѣ, и которые изъ личнаго озлобленія или просто изъ желанія пошумѣть, занимались тѣмъ, что создавали помѣхи для правительства и выводили его изъ терпѣнія. Къ первому разряду принадлежали, напримѣръ, Гай Меммій (стр. 144) и извѣстный ораторъ Луцій Крассъ, которые сначала пожинали ораторскіе лавры въ рядахъ оппозиціи, а потомъ извлекали изъ этихъ лавровъ личную пользу въ качествѣ ревностныхъ сторонниковъ правительства. **Народная партія.**

Но самыми знаменитыми вождями народной партіи были въ ту пору люди втораго разряда--получившій отъ Цицерона прозвище рим- **Главція.**

скаго Гипербола, Гай Сервилій Главція, который былъ ничтожнымъ человѣкомъ самаго низкаго происхожденія, отличался самымъ безстыднымъ уличнымъ краснобайствомъ, но былъ предпріимчивъ и даже внушалъ страхъ своимъ дерзкимъ остроуміемъ, и превосходившій его и нравственными достоинствами и даровитостью, его то-
Сатурнинъ. варищъ, Луцій Аппулей Сатурнинъ, который даже по отзывамъ его враговъ былъ пылкимъ и увлекательнымъ ораторомъ и по меньшей мѣрѣ не руководствовался низкими своекорыстными расчетами. Въ бытность квесторомъ Сатурнинъ былъ устраненъ сенатскимъ постановленіемъ отъ хлѣбной администраціи, которая должна была находиться въ его завѣдываніи въ силу установившагося обыкновенія; эта мѣра была вызвана нестолько промахами Сатурнина при исполненіи его служебныхъ обязанностей, сколько желаніемъ правительства, чтобъ эту должность, сдѣлавшуюся именно въ ту пору очень популярной, занималъ одинъ изъ вождей правительственной партіи, Маркъ Скавръ, а не ничтожный, ничѣмъ не прославившійся молодой человѣкъ, который не принадлежалъ ни къ одной изъ властвовавшихъ фамилій. Эта обида побудила честолюбиваго и пылкаго Сатурнина перейти на сторону оппозиціи и онъ съ избыткомъ от-
103 платилъ за нее, состоя въ 651 году въ званіи народнаго трибуна. Разныя возмутительныя продѣлки обнаруживались въ ту пору одна вслѣдъ за другой. Сатурнинъ публично разсказалъ на городской площади, какіе подкупы совершались въ Римѣ послами царя Митридата, а за эти въ высшей степени позорныя для сената разоблаченія отважный трибунъ едва не поплатился жизнію. Онъ возбудилъ народную смуту противъ побѣдителя Нумидійцевъ Квинта Метелла въ
102 то время, какъ этотъ послѣдній добивался въ 652 году цензорскаго званія, и держалъ его въ Капитоліи въ осадѣ, пока его не освободили всадники,—при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія; отмщеніемъ за это была попытка цензора Метелла позорно изгнать изъ сената и Сатурнина и Главцію по случаю пересмотра сенаторскихъ списковъ; она не удалась только по оплошности назначеннаго Метеллу сотоварища. Сатурнинъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ назначенію экстраординарнаго суда надъ Цепіономъ и его товарищами (стр. 181) не смотря на энергическое сопротивленіе правительственной партіи; онъ-же настоялъ, наперекоръ этой партіи, на вызывавшемъ горячіе протесты повторительномъ избраніи Марія въ кон-
102 сулы на 652 годъ. Онъ, безспорно, былъ самымъ энергичнымъ изъ всѣхъ враговъ сената, самымъ дѣятельнымъ и самымъ краснорѣчивымъ изъ всѣхъ вождей народной партіи, какіе появлялись послѣ Гайя Гракха; но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе склоненъ къ насиліямъ и болѣе безпощаденъ, чѣмъ кто-либо изъ его предмѣстниковъ; онъ былъ всегда готовъ перенести споръ на улицу и опровергать противника не словами, а палочными ударами.

Таковы были два вождя такъ называемой народной партіи, которые стали теперь дѣйствовать за одно съ побѣдоноснымъ полководцемъ. Этотъ союзъ былъ въ порядкѣ вещей: интересы и цѣли были съ обѣихъ сторонъ одинаковы и еще при прежнихъ кандидатурахъ Марія, Сатурнинъ бралъ его сторону самымъ рѣшительнымъ образомъ и съ полнымъ успѣхомъ. Было условлено, что на 654 годъ Марій выступитъ 100
въ шестой разъ кандидатомъ на званіе консула, Сатурнинъ—кандидатомъ на вторичное избраніе въ трибуны, а Главція—кандидатомъ на званіе претора; предполагалось, что при занятіи этихъ должностей можно будетъ привести въ исполненіе задуманный государственный переворотъ. Сенатъ не воспротивился избранію наименѣе опаснаго изъ трехъ, но сдѣлалъ все что́ могъ, чтобы не допустить избранія Марія и Сатурнина, или, по меньшей мѣрѣ, чтобъ дать Марію въ товарищи по консульскому званію энергическаго противника въ лицѣ Квинта Метелла. Съ обѣихъ сторонъ были употреблены въ дѣло всѣ средства и дозволенныя и недозволенныя; однако сенату неудалось подавить опасный заговоръ въ его зародышѣ. Самъ Марій не счелъ за униженіе вымаливать подачу голосовъ въ свою пользу и даже, какъ утверждали, покупать голоса избирателей, а когда на трибунскихъ выборахъ были провозглашены имена девяти человѣкъ изъ списка правительственной партіи и десятое трибунское мѣсто, повидимому, уже было обезпечено за почтеннымъ приверженцемъ той же партіи, Квинтомъ Нунціемъ,—то буйная народная толпа, состоявшая, какъ утверждали, большею частію изъ отставныхъ солдатъ Марія, напала на Нунція и убила его. Такимъ образомъ заговорщики достигли своей цѣли, но конечно лишь съ помощью насилія. Марій былъ выбранъ на 654 годъ въ консулы, Главція — въ преторы, 100
Сатурнинъ—въ народные трибуны; мѣсто втораго консула занялъ не Квинтъ Метеллъ, а незначительный человѣкъ — Луцій Валерій Флаккъ; вслѣдъ за тѣмъ союзники могли приступить къ исполненію своихъ дальнѣйшихъ замысловъ и довести до конца дѣло, остававшееся недоконченнымъ съ 633 года. 121

Аппулеевскіе законы.

Припомнимъ, какія цѣли преслѣдовалъ Гай Гракхъ и къ какимъ онъ прибѣгалъ средствамъ, чтобъ ихъ достигнуть. Онъ старался отнять у олигарховъ завѣдываніе и внутренними и внѣшними дѣлами управленія; стало быть ему нужно было съ одной стороны возстановить старинныя верховныя права магистратуры, поставленной въ полную зависимость отъ сената, и снова сдѣлать изъ сената не правительственное, а совѣщательное собраніе, а съ другой стороны уничтожить аристократическое раздѣленіе жителей на три класса—на властвующихъ гражданъ, италійскихъ союзниковъ и подданныхъ путемъ постепеннаго сглаживанія этихъ различій, несовмѣстимыхъ съ неолигархической формой правленія. Трое союзниковъ приступили къ осуществленію тѣхъ-же замысловъ путемъ изданія колоніальныхъ

законовъ, которые были предложены Сатурниномъ частію еще въ
103 651 году, когда онъ состоялъ въ званіи народнаго трибуна, частію
100 теперь (654). *) Еще въ 651 году снова было приступлено къ непрерывной раздачѣ кароагенскихъ земель преимущественно Маріевскимъ солдатамъ и не только тѣмъ изъ нихъ, которые были гражданами, но и, какъ кажется, тѣмъ, которые были изъ италійскихъ союзниковъ; при этомъ на каждаго ветерана отводили въ провинціи Африкѣ земельный участокъ въ 100 моргеновъ, то есть превышавшій почти въ пять разъ размѣры обыкновеннаго италійскаго крестьянскаго надѣла. А теперь были предназначены для римско-италійскихъ переселенцевъ не только уже находившіяся въ распоряженіи правительства провинціальныя земли въ самомъ широкомъ размѣрѣ, но и земли, занятыя еще независимыми кельтскими племенами на той сторонѣ Альповъ, на основаніи той юридической фикціи, что вслѣдствіе побѣды надъ Кимврами Римлянамъ должна принадлежать вся занятая побѣжденными территорія. На Марія возлагалось порученіе завѣдывать раздачей земель и принимать дальнѣйшія мѣры, если бы таковыя оказались необходимыми, а на обзаведеніе новыхъ землевладѣльцевъ назначались расхищенныя въ Толозѣ храмовыя сокровища, за которыя было взыскано или только предполагалось взыскать вознагражденіе съ виновныхъ въ расхищеніи аристократовъ. Стало быть этотъ законъ не только имѣлъ въ виду осуществленіе въ самомъ широкомъ размѣрѣ замысловъ Гай Гракха и Флакка касательно завоеваній на той сторонѣ Альповъ и основанія за-альпійскихъ и заморскихъ колоній, но онъ кромѣ того дозволялъ Италійцамъ переселяться на-равнѣ съ Римлянами и, безъ сомнѣнія, предписывалъ учреждать новыя общины на правахъ гражданскихъ колоній, а это было первымъ шагомъ къ удовлетворенію тѣхъ притязаній Италійцевъ на уравненіе въ правахъ съ Римлянами, которыя встрѣчали такъ много препятствій, но которыхъ уже нельзя было долѣе оставлять безъ вниманія. Но еслибы этотъ законъ прошолъ и еслибы Марію было поручено по его собственному усмотрѣнію осуществлять такіе обширные замыслы завоеваній и земельныхъ раздачъ, то онъ сдѣлался-бы въ сущности пожизненнымъ римскимъ монархомъ вслѣд-

*) Нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, что относится къ первому трибунату Сатурнина и что ко второму,—тѣмъ болѣе потому, что въ обоихъ законопроэктахъ онъ открыто преслѣдовалъ однѣ и тѣ-же Гракховскія цѣли. Сочиненіе De Viris Illustribus [73, 1] положительно относитъ африкан-
103 скій аграрный законъ къ 651 году, а изданіе этого закона именно въ этомъ году можетъ быть легко согласовано съ состоявшимся не задолго передъ тѣмъ окончаніемъ Югуртинской войны. Второй аграрный законъ несомнѣнно относится
100 къ 654 году. Касательно закона объ ущербѣ государственному величію и хлѣб-
103 наго закона, можно только догадываться, что первый относится къ 651 году
100 [стр. 182, прим.], а второй къ 654.

ствіе необходимости довести начатое дѣло до конца или вѣрнѣе вслѣдствіе неопредѣленности и безпредѣльности самихъ замысловъ; при этомъ Марій, по всему вѣроятію, предполагалъ, что его будутъ ежегодно выбирать въ консулы подобно тому, какъ Гракха ежегодно выбирали въ трибуны. Политическое положеніе, которое предполагалось создать для Марія, было во многихъ отношеніяхъ сходно съ политическимъ положеніемъ младшаго Гракха, но между раздающимъ земли трибуномъ и раздающимъ земли консуломъ существовало то важное различіе, что первый изъ нихъ занималъ чисто гражданское положеніе, а второй долженъ былъ занять вмѣстѣ съ гражданскимъ положеніемъ и военное; причина этого различія заключалась только отчасти, но вовсе не исключительно, въ тѣхъ личныхъ условіяхъ, при которыхъ эти два человѣка стали во главѣ государства.—Такова была цѣль, намѣченная Маріемъ и его сообщниками; за тѣмъ возникалъ вопросъ о средствахъ, съ помощью которыхъ предполагалось осилить правительственную партію, отъ которой слѣдовало ожидать упорнаго сопротивленія. Гай Гракхъ велъ свои сраженія при помощи капиталистовъ и пролетаріевъ. Его преемники также постарались привлечь эти двѣ силы на свою сторону. Не только всадникамъ были оставлены ихъ суды, но кромѣ того была значительно увеличена ихъ власть въ званіи присяжныхъ частію вслѣдствіе изданія (по предложенію Главціи, вѣроятно, въ томъ-же году) болѣе строгаго наказа для той постоянной судной коммиссіи, которая вѣдала дѣла о вымогательствахъ должностныхъ лицъ въ провинціяхъ и которая имѣла особенно важное значеніе для купеческаго сословія, частію вслѣдствіе учрежденія—конечно еще въ 651 году, по предложенію 103
Сатурнина,—спеціальнаго суда для разбирательства дѣлъ о расхищеніяхъ, совершавшихся въ Галліи во время нашествія Кимвровъ и о другихъ преступленіяхъ по должности. Кромѣ того, въ пользу столичныхъ пролетаріевъ была понижена до $^5/_6$ асса, то есть до простой формальности уплаты, та до крайности низкая цѣна $6^1/_3$ ассовъ за римскій шеффель, которая прежде взималась при раздачѣ хлѣба. Однако, хотя союзники и не пренебрегали содѣйствіемъ всадниковъ и столичныхъ пролетаріевъ, все таки ихъ главную силу составляли не всадники и не пролетаріи, а отставные солдаты Маріевской арміи, которые потому-то и были предметомъ такой щедрой заботливости при составленіи колоніальныхъ законовъ. И въ этомъ фактѣ обнаруживается тотъ преимущественно военный характеръ этой революціонной попытки, которымъ она всего болѣе отличалась отъ попытки ей предшествовавшей.

Насилія при отбираніи голосовъ.

Итакъ союзники приступили къ дѣлу. И хлѣбный законопроэктъ и колоніальный, понятно, встрѣтили самое энергическое сопротивленіе со стороны правительства. Въ сенатѣ доказывалось неопровержимыми цифровыми данными, что первый изъ этихъ законовъ дове-

детъ государственную казну до банкротства; но Сатурнину не было до этого никакого дѣла. По настоянію правительства былъ предъявленъ противъ обоихъ законовъ трибунскій протестъ, но Сатурнинъ приказалъ продолжать отбираніе голосовъ. Вниманіе должностныхъ лицъ, руководившихъ подачею голосовъ, было обращено на разразившійся громовой ударъ, который, по старымъ вѣрованіямъ, былъ признакомъ того, что боги желаютъ распущенія народнаго собранія; но Сатурнинъ замѣтилъ принесшему это извѣстіе посланцу, что сенаторы хорошо сдѣлаютъ, если будутъ сидѣть спокойно, потому что въ противномъ случаѣ вслѣдъ за громомъ можетъ посыпаться и градъ. Городской квесторъ Квинтъ Цепіонъ,—по всему вѣроятію сынъ осужденнаго за три года передъ тѣмъ полководца *) и, подобно своему отцу, горячій противникъ народной партіи,—наконецъ силою разогналъ собравшихся при помощи толпы своихъ сторонниковъ. Но дюжіе солдаты Марія, массами нахлынувшіе въ Римъ ко дню голосованія, быстро собрались и въ свою очередь разогнали толпы горожанъ; тогда, на вновь отвоеванномъ полѣ сраженія, была доведена до конца подача голосовъ по Аппулеевскимъ законопроэктамъ. Скандалъ вышелъ ужасный; однако, когда дѣло дошло до вопроса, согласится-ли сенатъ подчиниться той добавочной статьѣ закона, что въ теченіе пяти дней послѣ его утвержденія каждый сенаторъ долженъ клятвенно обязаться исполнять его, а въ противномъ случаѣ лишится своего сенаторскаго мѣста, то эта клятва была принесена всѣми сенаторами за исключеніемъ одного Метелла, который предпочелъ покинуть свое отечество. Марій и Сатурнинъ вовсе не были недовольны тѣмъ, что лучшій полководецъ и самый даровитый изъ членовъ противной партіи добровольно удалялся изъ государства.

Паденіе революціонной партіи.

Цѣль уже была, по видимому, близка; но въ глазахъ болѣе дальновиднаго наблюдателя даже въ то время предпріятіе должно было казаться неудавшимся. Главною причиной неудачи былъ неестественный союзъ между политически-неспособнымъ полководцемъ и способнымъ, но неудержимо-пылкимъ уличнымъ демагогомъ, который руководствовался не столько государственными цѣлями, сколько своими страстями. Они прекрасно уживались, пока дѣло шло только о составленіи плановъ; но когда они приступили къ исполненію этихъ плановъ, то очень скоро обнаружилось, что прославленный полково-

*) Въ пользу этого предположенія говорятъ всѣ извѣстные намъ факты. Стар-
106 шій Квинтъ Цепіонъ былъ консуломъ въ 648 году, а младшій былъ квесторомъ
103 100 149 въ 651 или въ 654 году; стало быть первый родился около или до 605 года, а
130 127 второй около 624 или 627 года; что первый умеръ, неоставивъ послѣ себя сыновей [Страбонъ, 4, 188], нисколько этому не противорѣчитъ, потому что млад-
90 шій Цепіонъ погибъ въ 664 году, а старшій, окончившій свою жизнь изгнанникомъ въ Смирнѣ, могъ пережить его.

децъ былъ совершенной бездарностью во всемъ, что касалось политики,—что у него было честолюбіе мужика, желавшаго сравняться съ аристократами по своимъ титуламъ и по возможности даже перещеголять ихъ, а не честолюбіе государственнаго человѣка, который хочетъ управлять потому что чувствуетъ себя къ тому способнымъ, и что всякое предпріятіе, задуманное съ расчетами на его личное политическое вліяніе, не удастся по его собственной винѣ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Марій неумѣлъ ни привлекать противниковъ на свою сторону, ни обуздывать приверженцевъ своей собственной партіи. Оппозиція противъ него и противъ его сообщниковъ уже была сама по себѣ довольно значительна: къ ней принадлежали не только всѣ безъ исключенія члены правительственной партіи, но и большинство гражданъ, ревниво оберегавшихъ свои привилегіи отъ притязаній Италійцевъ; а вслѣдствіе того направленія, которое было дано ходу дѣлъ, и всѣ зажиточные классы были вынуждены перейти на сторону правительства. Сатурнинъ и Главція были съ самаго начала своей общественной дѣятельности повелителями и прислужниками пролетаріевъ и потому были вовсе не въ ладу съ денежной аристократіей, которая, конечно, была-бы не прочь ослабить власть сената при содѣйствіи черни, но не любила уличныхъ свалокъ и грубыхъ насилій. Еще въ бытность Сатурнина въ первый разъ трибуномъ, его вооруженныя шайки дрались съ всадниками, а сильная оппозиція, которую встрѣтило его избраніе въ трибуны на 654 годъ, ясно доказала, какъ была незначительна расположенная въ его пользу партія. Марій долженъ-бы былъ пользоваться услугами этихъ опасныхъ сообщниковъ съ большой осмотрительностью и всѣмъ внушать убѣжденіе, что эти люди не руководятъ его дѣйствіями, а только исполняютъ его приказанія. А такъ какъ онъ дѣйствовалъ совершенно на оборотъ и дѣло приняло такой видъ, что какъ будто хотятъ поставить во главѣ управленія не умнаго и энергичнаго властителя, а настоящую сволочь, то, въ виду этой общей опасности, люди матеріальныхъ интересовъ снова тѣсно примкнули къ сенату во избѣжаніе неурядицы. Гай Гракхъ ясно сознавалъ, что съ помощью одного пролетаріата нѣтъ возможности низвергнуть какое-бы то ни было правительство и потому старался привлечь на свою сторону зажиточные классы населенія, а люди, которые намѣревались довести до конца его предпріятіе, начали съ того, что примирили аристократію съ буржуазіей.

Оппозиція со стороны всей аристократіи.

Но предпріятіе неудалось еще не столько по причинѣ этого примиренія между бывшими врагами, сколько по причинѣ раздоровъ, вызванныхъ въ средѣ революціонной партіи болѣе чѣмъ двумысленнымъ образомъ дѣйствій самого Марія. Въ то время, какъ самые важные законопроэкты предлагались его сообщниками и проводились

Разрывъ между Маріемъ и демагогами.

съ бою его солдатами, самъ онъ держался въ сторонѣ, какъ будто на политическомъ вождѣ не лежитъ такая-же какъ на военномъ вождѣ обязанность лично всѣмъ руководить въ моментъ главной аттаки. Мало того,—онъ самъ испугался нечистой силы, которую призвалъ къ себѣ на помощь, и пустился на утёкъ. Когда его сообщники прибѣгали къ такимъ средствамъ, которыхъ не могъ одобрять честный человѣкъ, но безъ которыхъ не было возможности достигнуть желаемой цѣли, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ обыкновенно дѣйствуютъ люди, у которыхъ нѣтъ твердыхъ нравственыхъ и политическихъ убѣжденій,—отрекался отъ участія въ совершонныхъ преступленіяхъ и въ то-же время пользовался ихъ плодами. Разсказывали, будто генералъ однажны велъ тайные переговоры въ двухъ разныхъ комнатахъ своего дома,—въ одной съ Сатурниномъ и съ своими сообщниками, въ другой съ уполномоченными отъ олигарховъ, въ первой—о рѣшительномъ нападеніи на сенатъ, во второй о мѣрахъ противъ мятежа, и что подъ гнетомъ своего труднаго положенія онъ переходилъ изъ одного засѣданія въ другое; что этотъ разсказъ вымышленъ, такъ-же несомнѣнно, какъ и то, что онъ обрисовывалъ настоящее положеніе дѣлъ не менѣе мѣтко, чѣмъ Аристофановскія колкія остроты. Двусмысленность занятаго Маріемъ положенія сдѣлалась для всѣхъ очевидной по поводу вопроса о присягѣ: сначала онъ сдѣлалъ видъ, будто не намѣренъ давать предписанной Аппулеевскими законами присяги по причинѣ нарушенія нѣкоторыхъ формальностей во время ихъ утвержденія, а потомъ поклялся исполнять ихъ съ оговоркой, что клятва связываетъ его лишь въ той мѣрѣ, въ какой исполненіе этихъ законовъ дѣйствительно обязательно; эта оговорка, въ сущности уничтожавшая обязательную силу принесенной клятвы, была, конечно, повторена всѣми сенаторами, такъ что обязанность исполнять новые законы не только не была упрочена принесеніемъ клятвы, а напротивъ того сдѣлалась сомнительной.—Скоро обнаружились и послѣдствія такого не въ мѣру безсмысленнаго образа дѣйствій знаменитаго полководца. Сатурнинъ и Главція предприняли государственный переворотъ и поставили Марія во главѣ государства вовсе не для того, чтобъ онъ отрекся отъ нихъ и принесъ ихъ въ жертву; если Главція, такъ хорошо умѣвшій забавлять народную толпу своими шуточками, и осыпалъ до того времени Марія самыми игривыми цвѣтками своего игриваго краснорѣчія, то тѣ вѣнки, которые онъ сталъ теперь сплетать для Марія, пахли вовсе не розами и не фіалками. Дѣло дошло до совершеннаго разрыва, который былъ одинаково гибеленъ для обѣихъ сторонъ, потому что безъ посторонней помощи Марій не былъ во состояніи поддерживать колоніальный законъ, обязательную силу котораго самъ поколебалъ, и не былъ въ состояніи занять то высокое положеніе, которое ему было предназначено этими законами,

а Сатурнинъ и Главція также не были въ состояніи продолжать на свой собственный рискъ предпріятіе, задуманное ими въ расчетѣ на Марія.

Оба демагога уже зашли такъ далеко, что отступленіе сдѣлалось для нихъ невозможнымъ; имъ приходилось выбирать одно изъ двухъ—или отказаться отъ своихъ должностей и отдаться со связанными руками во власть своихъ озлобленныхъ противниковъ, или захватить въ собственныя руки скипетръ, тяжесть котораго,—какъ они, конечно, сами это сознавали,—была имъ не по силамъ. Они рѣшились на послѣднее: Сатурнинъ задумалъ снова выступить кандидатомъ на званіе народнаго трибуна на 655 годъ, а Главція задумалъ добиваться консульства не смотря на то, что занималъ въ то время должность претора и по закону могъ быть выбранъ въ консулы не прежде, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ. Они имѣли полный успѣхъ на трибунскихъ выборахъ, а попытка Марія воспротивиться избранію самозванца Тиберія Гракха привела лишь къ тому, что доказала этому знаменитому полководцу, какую низкую цѣну имѣла его тогдашняя популярность: толпа разломала двери тюрьмы, въ которой былъ заключенъ Гракхъ, пронесла его съ тріумфомъ по улицамъ и выбрала его значительнымъ большинствомъ голосовъ въ трибуны. При болѣе важныхъ выборахъ въ консулы, Сатурнинъ и Главція попытались достигнуть своихъ цѣлей тѣмъ-же средствомъ, какое испробовали на дѣлѣ въ предшествовавшемъ году—посредствомъ устраненія неудобныхъ конкуррентовъ: состоявшая изъ разнаго сброда, толпа напала на кандидата правительственной партіи Гайя Меммія,—того самого, который за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ стоялъ во главѣ оппозиціи (стр. 145),—и убила его палками.

Сатурнинъ.

99

Но правительственная партія только и ожидала какой нибудь возмутительной выходки въ этомъ родѣ для того, чтобъ прибѣгнуть къ насилію. Сенатъ обратился къ консулу Гайю Марію съ требованіемъ принять необходимыя мѣры и Марій изъявилъ готовность обнажить за консервативную партію тотъ самый мечъ, который онъ получилъ отъ демократіи и обѣщалъ употреблять въ дѣло на ея пользу. Молодёжъ была торопливо созвана, снабжена оружіемъ изъ общественныхъ зданій и организована для боя; сами сенаторы, съ своимъ престарѣлымъ вождемъ Маркомъ Скавромъ во главѣ, появились вооруженными на городской площади. Приверженцы противной партіи были способны одерживать верхъ въ уличныхъ безчинствахъ, но они не были приготовлены къ такому нападенію и должны были обороняться какъ попало. Они выломали двери тюремъ, призвали рабовъ къ свободѣ и къ оружію, и даже, какъ разсказывали, провозгласили Сатурнина царемъ или главнокомандующимъ; въ тотъ день, когда новые народные трибуны должны были вступать въ

Нападеніе на Сатурнина.

100 должность, 10 декабря 654 года, дѣло дошло до битвы на главной городской площади; съ тѣхъ поръ, какъ существовалъ Римъ, это была первая битва, происходившая внутри столичныхъ городскихъ

Сатурнинъ побѣжденъ. стѣнъ. Ея исходъ не былъ ни на минуту сомнителенъ. Народники были разбиты и оттѣснены на Капитолій, гдѣ ихъ отрѣзали отъ воды и тѣмъ принудили сдаться. Командовавшій въ этомъ сраженіи, Марій желалъ спасти жизнь своихъ прежнихъ сообщниковъ, которые были теперь его плѣнниками; Сатурнинъ громогласно заявлялъ толпѣ, что вносилъ всѣ свои предложенія по соглашенію съ консуломъ; даже болѣе дурнаго человѣка, чѣмъ какимъ былъ Марій, должна была ужаснуть та безчестная роль, которую ему приходилось исполнять въ этотъ день. Но Марій уже давно переcталъ руководить ходомъ дѣлъ. Не дожидаясь его приказаній, знатная молодёжъ взобралась на крышу сенатскаго зданія, въ которомъ были временно заперты плѣнники, и перебила ихъ снятыми съ крыши черепицами. Такъ погибъ Сатурнинъ вмѣстѣ съ большинствомъ самыхъ именитыхъ плѣнниковъ. Спрятавшійся Главція былъ отысканъ и также убитъ. Безъ суда и безъ соблюденія законовъ были лишены въ этотъ день жизни четыре поставленныхъ надъ римскимъ народомъ должностныхъ лица — одинъ преторъ, одинъ квесторъ и два народныхъ трибуна; вмѣстѣ съ ними погибло нѣсколько другихъ извѣстныхъ людей, частію принадлежавшихъ къ хорошимъ фамиліямъ. Хотя вожди народной партіи и навлекли на себя обвиненіе въ тяжелыхъ и кровавыхъ преступленіяхъ, но они все таки достойны сожалѣнія; они погибли такъ, какъ погибаютъ аванпосты, которые покинуты главной арміей и вслѣдствіе того вынуждены безцѣльно жертвовать своею жизнію въ отчаянной борьбѣ.

Могущество правительственной партіи. Никогда еще правительственная партія не одерживала болѣе полной побѣды, а оппозія не терпѣла болѣе тяжелаго пораженія, чѣмъ въ этотъ день десятаго декабря. Всего менѣе важно было то, что правительству удалось избавиться отъ нѣсколькихъ безпокойныхъ крикуновъ, которые могли быть каждый день замѣщены людьми такого-же сорта; болѣе важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что единственный человѣкъ, который могъ-бы сдѣлаться въ то время опаснымъ для правительства, самъ себя уничтожилъ публично и вполнѣ; а важнѣе всего было то, что два элемента оппозиціи — капиталисты и пролетаріи вышли изъ этой борьбы совершенно разрозненными. Правда, этотъ успѣхъ не былъ дѣломъ правительства; частію сила обстоятельствъ, частію и главнымъ образомъ мужицкій кулакъ неспособнаго Гракхова преемника снова разъединили тѣхъ, кого съумѣло примирить искусство Гайя Гракха; но въ результатѣ было все равно, что́ именно доставило правительству побѣду — его предусмотрительность или просто удача.

Марій утрачиваетъ Трудно себѣ представить болѣе жалкое положеніе, чѣмъ то, въ

которое былъ поставленъ послѣ этой катастрофы побѣдитель при Аквахъ и при Верчеллахъ; оно было еще болѣе жалко потому, что его нельзя было не сравнить съ тѣмъ блескомъ, которымъ былъ окруженъ тотъ-же человѣкъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. При замѣщеніи общественныхъ должностей не вспоминали о побѣдоносномъ полководцѣ ни аристократы ни демократы; человѣкъ, который былъ шесть разъ консуломъ, даже не осмѣлился выступить въ 656 году кандидатомъ на званіе цензора. Онъ отправился на востокъ для того, какъ онъ увѣрялъ, чтобъ исполнить данный обѣтъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ не быть свидѣтелемъ торжественнаго возвращенія въ Римъ своего смертельнаго врага, Квинта Метелла; его никто и не удерживалъ. Онъ возвратился въ Римъ и открылъ свой домъ для пріемовъ, но его салоны оставались пустыми. Онъ все еще надѣялся, что снова настанетъ время войнъ и битвъ и что снова понадобится его опытная рука; онъ думалъ, что найдетъ случай для войны на востокѣ, гдѣ, конечно, было не мало поводовъ для энергическаго вмѣшательства Римлянъ. Но и эти надежды не осуществились такъ-же, какъ и всѣ другія его желанія; глубокій миръ ничѣмъ не былъ нарушенъ. Къ тому-же мучительная жажда почестей тѣмъ глубже проникала въ его душу, чѣмъ чаще онъ ошибался въ надеждѣ удовлетворить ее; будучи склоненъ къ суевѣрію, онъ лелѣялъ въ своемъ сердцѣ старинное предсказаніе оракула, что будетъ семь разъ консуломъ и, погружаясь въ мрачныя думы, соображалъ, какимъ способомъ могло бы исполниться то предсказаніе и какимъ путемъ онъ могъ бы отмстить за себя,—а между тѣмъ всѣ, кромѣ его самого, считали его человѣкомъ и ничтожнымъ и ни для кого неопаснымъ.

всякое политическое значеніе.

98

Партія всадниковъ.

Раздраженіе противъ такъ называемыхъ народниковъ, которое было возбуждено возстаніемъ Сатурнина въ партіи матеріальныхъ интересовъ, имѣло еще болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ устраненіе такого опаснаго человѣка, какимъ былъ Марій. Всадническіе суды стали съ безпощадной строгостью карать всякаго, кто открыто раздѣлялъ убѣжденія оппозиціи; такъ напримѣръ, Секстъ Тицій былъ ими осужденъ еще не столько за свой аграрный законопроэктъ, сколько за то, что имѣлъ у себя въ домѣ изображеніе Сатурнина, а Гай Апулей Деціанъ былъ осужденъ за то, что въ бытность народнымъ трибуномъ называлъ принятыя противъ Сатурнина мѣры противо-законными. Даже и за давнишнія обиды, которыя были нанесены народниками аристократамъ, теперь можно было искать во всадническихъ судахъ удовлетворенія не безъ надежды на успѣхъ. За то, что восемь лѣтъ тому назадъ Гай Норбанъ, при содѣйствіи Сатурнина, довелъ консуляра Квинта Цепіона до изгнанія (стр. 181), онъ былъ преданъ суду (659) на основаніи имъ самимъ предложеннаго закона о государственной измѣнѣ, а присяжные долго колеба- 95

лись надъ разрѣшеніемъ вопроса не о томъ, виновенъ ли или невиновенъ обвиняемый, а о томъ, кто былъ болѣе достоинъ ихъ ненависти, сообщникъ ли Норбана Сатурнинъ или его врагъ Цепіонъ, и наконецъ постановили оправдательный приговоръ. Въ сущности правительство не сдѣлалось болѣе популярнымъ, но всякій, у кого было что̀ терять, сталъ смотрѣть на него другими глазами съ той минуты, какъ владычество настоящей черни сдѣлалось возможнымъ хоть на одно мгновеніе; всѣ считали его негоднымъ и вреднымъ для государства, но его возвышало въ общемъ мнѣніи малодушное опасеніе, чтобъ его не замѣнило еще болѣе негодное и еще болѣе вредное для государства правительство изъ пролетаріевъ. Какъ были въ то время настроены умы, видно изъ того, что толпа разорвала на куски народнаго трибуна, осмѣлившагося замедлить возвращеніе Квинта Метелла и что демократы стали искать спасенія въ союзѣ съ убійцами и съ отравителями, — такъ напримѣръ, они избавились отъ ненавистнаго Метелла при помощи яда, — а нѣкоторые изъ нихъ даже искали спасенія въ союзѣ съ врагомъ своего отечества, такъ какъ укрылись при дворѣ царя Митридата, втайнѣ готовившагося къ войнѣ съ Римомъ. И внѣшнія дѣла складывались благопріятнымъ образомъ для правительства. Въ промежутокъ времени между войнами кимврской и союзнической Римлянамъ рѣдко приходилось браться за оружіе, но всякій разъ какъ ихъ принуждала къ тому необходимость, они выходили изъ борьбы съ честью. Серьозная борьба велась только въ
105 Испаніи, гдѣ въ послѣдніе, столь тяжелые для Рима годы (649 и сл.) Лузитанцы и Кельтиберы оказывали Римлянамъ необычайно-энергичное сопротивленіе; въ сѣверной провинціи консулъ Титъ Дидій,
98 а въ южной консулъ Публій Крассъ сражались тамъ съ 656 до
93 661 года съ мужествомъ и съ успѣхомъ: они не только снова доставили перевѣсъ римскому оружію, но срыли до основанія мятежные города и, гдѣ это оказалось необходимымъ, переселили жителей изъ укрѣпленныхъ горныхъ городовъ на равнины. Далѣе будетъ разсказано, что римское правительство около того же времени снова обратило свое вниманіе на востокъ, о которомъ вовсе не заботилось при жизни цѣлаго поколѣнія, и что оно дѣйствовало съ давно неслыханной энергіей въ Киренѣ, въ Сиріи и въ Малой Азіи. Съ той минуты, какъ началась революція, правительство реставраціи еще никогда не было такимъ прочно-установленнымъ, какъ теперь, и еще никогда не пользовалось такой популярностью. Законы консуляровъ отмѣнили законы трибуновъ, а постановленія, стѣснявшія свободу, отмѣнили прогрессивныя мѣры. Что законы Сатурнина были кассированы, разумѣется само-собой; заморскія колоніи Марія сократились до размѣровъ только одного маленькаго поселенія на пустынномъ островѣ Корсикѣ. Когда народный трибунъ Секстъ Тицій, — этотъ Алкивіадъ въ карикатурѣ, который былъ болѣе силенъ въ танцахъ

и игрѣ въ мячъ, чѣмъ въ политикѣ, и главный талантъ котораго заключался въ томъ, что по ночамъ онъ разбивалъ на улицахъ изображенія боговъ,— снова внесъ и провелъ въ 655 году Аппулеевскій аграрный законопроэктъ, то сенатъ былъ въ состояніи кассировать новый законъ подъ какимъ-то религіознымъ предлогомъ, не вызвавъ ни съ чьей стороны даже попытки противодѣйствія; а провинившійся трибунъ,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—понесъ заслуженное наказаніе по приговору всадническаго суда. Законъ, предложенный въ слѣдующемъ (656) году однимъ изъ двухъ консуловъ, 99
сдѣлалъ обязательнымъ соблюденіе обычнаго семидневнаго промежутка времени между внесеніемъ и утвержденіемъ законопроэктовъ и запретилъ соединять въ одномъ законопроэктѣ нѣсколько разнородныхъ постановленій; этимъ способомъ было по меньшей мѣрѣ ограничено неблагоразумное расширеніе законодательной инициативы и была устранена возможность нападать врасплохъ на правительство путемъ утвержденія новыхъ законовъ. Все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ, что пережившія своего виновника, Гракховскія утвержденія были поколеблены въ самомъ основаніи съ той минуты, какъ народная толпа и денежная аристократія перестали дѣйствовать за-одно. Подобно тому, какъ разладъ въ средѣ аристократіи служилъ опорой для этихъ учрежденій, и разладъ въ средѣ оппозиціи, по видимому, неминуемо велъ къ ихъ упраздненію. Именно теперь, по видимому, наконецъ настало время довершить не вполнѣ оконченное дѣло реставраціи 633 года, то есть, избавившись отъ тирана, избавиться и 98 121
отъ его нововведеній, а правительственной олигархіи возвратить нераздѣльное обладаніе политическою властію.

Столкновенія между сенатомъ и всадниками въ дѣлахъ провинціальнаго управленія.

Прежде всего правительству было нужно снова пріобрѣсть право избранія присяжныхъ. Провинціальная администрація, служившая главной опорой для сенатскаго управленія, была поставлена въ такую зависимость отъ суда присяжныхъ и въ особенности отъ коммиссіи, разбиравшей дѣла о вымогательствахъ, что намѣстники провинцій, по видимому, старались угождать не сенату, а капиталистамъ и торговцамъ. Денежная аристократія была готова оказывать правительству содѣйствіе всякій разъ, какъ дѣло шло о принятіи мѣръ противъ демократовъ, но она безпощадно мстила за всякую попытку ограничить пріобрѣтенное ею право хозяйничать по своему произволу въ провинціяхъ. Теперь было сдѣлано нѣсколько частныхъ попытокъ въ этомъ направленіи; правительствующая аристократія снова стала сознавать свою силу, а ея лучшіе представители считали своимъ долгомъ противодѣйствовать,—по меньшей мѣрѣ отъ своего собственнаго лица,—тѣмъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ, которыя совершались въ провинціяхъ. Особенную энергію выказалъ въ этомъ отношеніи Квинтъ Муцій Сцевола, который былъ, подобно своему отцу, верховнымъ понтифексомъ, въ 659 году консуломъ, и считался 95

первымъ юристомъ и однимъ изъ лучшихъ людей своего времени. Состоя,
98 въ преторскомъ званіи, въ должности намѣстника Азіи (около 656),
которая была самой богатой изъ римскихъ провинцій, но болѣе всѣхъ
другихъ страдала отъ злоупотребленій, онъ совершилъ тамъ примѣрную расправу при содѣйствіи своего старшаго по рангу друга, консуляра Публія Рутилія Руфа, который славился и какъ военачальникъ и какъ юристъ и какъ историкъ. Не допуская никакихъ различій между Италійцами и провинціальными жителями, между знатными людьми и незнатными, онъ принималъ всякую жалобу и не только принудилъ римскихъ купцовъ и откупщиковъ государственныхъ доходовъ уплатить полное денежное вознагражденіе за причиненные ими убытки, но приказалъ,—не смотря ни на какія попытки подкупа,— распять на крестѣ тѣхъ изъ самыхъ вліятельныхъ и самыхъ безсовѣстныхъ купеческихъ агентовъ, которые были уличены въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Сенатъ одобрилъ его образъ дѣйствій и даже сталъ съ тѣхъ поръ включать въ инструкціи азіатскихъ намѣстниковъ предписаніе, чтобъ они принимали за образецъ административные принципы Сцеволы; но всадники, неосмѣливавшіеся нападать на знатнаго и богатаго Сцеволу,
92 стали привлекать къ суду его помощниковъ и наконецъ (около 622)
привлекли къ суду самого значительнаго изъ этихъ послѣднихъ — легата Публія Руфа, для котораго могли служить защитой не связи съ знатными фамиліями, а только личныя заслуги и всѣмъ извѣстная честность. Взведенное на этого человѣка обвиненіе, будто онъ совершалъ въ Азіи вымогательства, опровергалось какъ своей нелѣпостью, такъ и нравственною несостоятельностью обвинителя—нѣкоего Апиція; тѣмъ не менѣе судьи не хотѣли пропустить удобнаго случая, чтобъ смирить консуляра, а такъ какъ Руфъ защищался просто, коротко и дѣльно, не прибѣгая ни къ фальшивому краснорѣчію, ни къ траурной одеждѣ, ни къ слезамъ, и гордо отказался выразить всемогущимъ капиталистамъ свою преданность, то онъ былъ признанъ виновнымъ и его небольшое состояніе было отобрано на удовлетвореніе вымышленныхъ претензій. Осужденный удалился въ ту самую провинцію, которая, будто бы, была имъ ограблена; тамъ всѣ общины присылали къ нему на встрѣчу почетныя депутаціи и онъ провелъ тамъ, всѣми уважаемымъ и любимымъ, послѣдніе дни своей жизни, посвящая свои досуги литературнымъ занятіямъ. Этотъ позорный обвинительный приговоръ былъ самымъ возмутительнымъ, но не единственнымъ въ своемъ родѣ. Сенаторская партія была раздражена еще не столько тѣмъ, что жертвами такихъ злоупотребленій судебной власти дѣлались люди хотя и безукоризненно честные, но принадлежавшіе не къ стариннымъ знатнымъ родамъ, сколько тѣмъ, что и самая старинная родовитость уже не могла прикрывать безчестныхъ продѣлокъ. Вслѣдъ за изгнаніемъ Руфа былъ привлеченъ

за вымогательства къ суду самый знатный изъ всѣхъ аристократовъ, бывшій въ теченіе двадцати лѣтъ самымъ вліятельнымъ членомъ сената,—семидесяти-лѣтній Маркъ Скавръ; по понятіямъ аристократіи, это было святотатствомъ даже въ случаѣ, если-бы Скавръ дѣйствительно былъ виновенъ. Роль обвинителей стали принимать на себя самые негодные люди, дѣлавшіе изъ этого занятія ремесло, и уже ничто немогло предохранить отъ самыхъ наглыхъ и опасныхъ обвиненій — ни безукоризненная репутація, ни санъ, ни возрастъ. Разбиравшая дѣла о вымогательствахъ, коммиссія превратилась изъ спасительнаго для провинціальныхъ жителей учрежденія въ самый тяжелый бичъ; самый отъявленный воръ выходилъ изъ нея оправданнымъ, если только не впутывалъ въ дѣло своихъ сообщниковъ и изъявлялъ готовность уступить присяжнымъ часть награбленныхъ денегъ; но всякая попытка удовлетворить справедливыя требованія провинціальныхъ жителей навлекала на ея виновника обвинительный приговоръ. Римское правительство, повидимому, должно было въ концѣ концовъ очутиться въ такой же зависимости отъ судебнаго контроля, въ какой когда-то находился карѳагенскій верховный совѣтъ отъ судейской корпораціи. Тогда стало сбываться мѣткое предсказаніе Гайя Гракха, что его законъ о судѣ присяжныхъ будетъ кинжаломъ, которымъ знать будетъ сама себѣ наносить раны.

Надъ всадническими судами неизбѣжно должна была разразиться буря. Всякій изъ членовъ правительственной партіи, въ которой еще не заглохло сознаніе, что съ верховною властію соединялись не одни права, но также обязанности, или въ которомъ еще не угасла послѣдняя искра болѣе благороднаго и болѣе гордаго честолюбія, долженъ былъ возмущаться такимъ тяжелымъ и позорнымъ для него политическимъ контролемъ, который отнималъ всякую возможность управлять какъ слѣдуетъ. Скандальный обвинительный приговоръ надъ Рутиліемъ Руфомъ, по видимому, недозволялъ медлить нападеніемъ, а Маркъ Ливій Друзъ, бывшій въ 663 году народнымъ трибуномъ, находилъ, что этотъ приговоръ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ него. Онъ былъ сынъ того Друза, который за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ главнымъ виновникомъ паденія Гайя Гракха (стр. 122), а впослѣдствіи пріобрѣлъ, покореніемъ Скордисковъ, репутацію хорошаго полководца; Ливій Друзъ держался подобно своему отцу строго-консервативныхъ убѣжденій и уже успѣлъ доказать это на дѣлѣ во время возстанія Сатурнина. Онъ принадлежалъ къ сферамъ высшей знати и обладалъ колоссальнымъ состояніемъ; и по своему складу ума онъ былъ настоящимъ аристократомъ,—это былъ до крайности гордый человѣкъ, гнушавшійся даже тѣхъ почетныхъ отличій, которыми имѣлъ право украшать себя, занимая разныя общественныя должности, но высказавшій на смертномъ одрѣ убѣжденіе, что не скоро найдется другой похожій на него гражданинъ; это былъ

Ливій Друзъ.

91

такой человѣкъ, для котораго въ теченіе всей его жизни служило руководствомъ прекрасное правило, что съ благородствомъ происхожденія связаны своего рода обязанности. Онъ отвернулся отъ чванной и продажной аристократической черни съ тѣмъ глубокимъ негодованіемъ, какое соотвѣтствовало пылкости его характера; будучи человѣкомъ вполнѣ надёжнымъ и строго-нравственнымъ, онъ пользовался не столько любовью, сколько уваженіемъ простолюдиновъ, для которыхъ всегда были открыты и двери его дома и его кошелекъ, и не смотря на свои молодые лѣта пользовался вліяніемъ и въ сенатѣ и на городской площади благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ. И онъ не былъ одинокъ. Когда Маркъ Скавръ былъ доведенъ до необходимости защищаться передъ судомъ противъ обвиненія въ вымогательствахъ, онъ имѣлъ смѣлость публично потребовать отъ Друза реформы суда присяжныхъ; Скавръ и знаменитый ораторъ Луцій Крассъ были въ сенатѣ самыми ревностными защитниками и, быть можетъ, соучастниками законопроэктовъ Друза. Но большинство властвовавшей аристократіи вовсе не раздѣляло убѣжденій Друза, Скавра и Красса. Въ сенатѣ не было недостатка въ рѣшительныхъ сторонникахъ партіи капиталистовъ; между ними особенно выдавались тогдашній консулъ Луціи Марцій Филиппъ, который вступался теперь за всадническое сословіе такъ-же горячо и расчетливо, какъ прежде вступался за интересы демократіи (стр. 134), и отважный, ни чѣмъ не стѣснявшійся Квинтъ Цепіонъ, который примкнулъ къ оппозиціи противъ Друза и Скавра главнымъ образомъ изъ личной къ нимъ непріязни. Но еще опаснѣе этихъ рѣшительныхъ противниковъ была трусливая и нравственно-испорченная толпа тѣхъ аристократовъ, которые, конечно, предпочли бы возможность грабить провинціи въ свою исключительную пользу, но были не прочь и отъ дѣлежа добычи со всадниками; вмѣсто того, чтобъ принимать участіе въ трудной и опасной борьбѣ съ надменными капиталистами, они находили болѣе выгоднымъ и болѣе удобнымъ покупать у этихъ капиталистовъ безнаказанность любезными заискиваніями, а при случаѣ даже колѣнопреклоненіями и порядочными денежными суммами. Только исходъ борьбы могъ доказать, въ какой степени можно было увлечь вслѣдъ за собою эту массу, безъ содѣйствія которой не было возможности достигнуть цѣли.

Попытка реформы со стороны умѣренных аристократовъ.

Друзъ предполагалъ отнять мѣста присяжныхъ у гражданъ, принадлежавшихъ по цензу къ всадническому сословію, и возвратить ихъ сенату, который принялъ-бы въ свою среду 300 новыхъ членовъ для того, чтобъ быть въ состояніи исполнять новыя болѣе сложныя обязанности, а для судебнаго преслѣдованія тѣхъ присяжныхъ, которые провинились или впредь могли провиниться во взяточничествѣ, предполагалось учредить особую уголовную коммиссію. Этимъ способомъ достигалась-бы главная цѣль Друза — отнять у

капиталистовъ ихъ политическія привилегіи и привлечь ихъ къ отвѣтственности за совершонныя ими беззаконія. Впрочемъ предложенія и замыслы Друза этимъ не ограничивались; его законопроэкты заключали въ себѣ не вызванныя временною необходимостью мѣропріятія, а обширные и глубоко-обдуманные планы реформъ. Онъ кромѣ того предложилъ увеличить размѣръ хлѣбной раздачи, а излишекъ потребныхъ на этотъ предметъ расходовъ покрывать постояннымъ выпускомъ достаточнаго количества мѣдныхъ плакированныхъ денаріевъ вмѣстѣ съ настоящими серебряными, и за тѣмъ назначить подъ поселеніе гражданскихъ колонистовъ всѣ еще оставшіяся нерозданными италійскія пахатныя земли, — стало быть тѣ государственныя земли, которыя находились въ Кампаніи, и лучшую часть Сициліи; наконецъ онъ принялъ на себя положительное обязательство доставить италійскимъ союзникамъ права римскаго гражданства. Такимъ образомъ оказывается, что задумавшіе реформу аристократы искали для себя точно такой-же опоры, какую создалъ для себя Гракхъ, и имѣли въ виду схожіе съ Гракховскими нововведенія, — странное совпаденіе, которое однако совершенно понятно. То было въ порядкѣ вещей, что и тиранія въ борьбѣ съ олигархіей и олигархія въ борьбѣ съ денежной аристократіей опирались на пролетаріатъ, получавшій отъ нихъ постоянное содержаніе и до нѣкоторой степени правильную организацію; прокормленіе пролетаріевъ на государственный счетъ до того времени допускалось правительствомъ, какъ неизбѣжное зло, а теперь Друзъ задумалъ сдѣлать изъ него,—по меньшей мѣрѣ на время,—орудіе для борьбы съ денежной аристократіей. То было въ порядкѣ вещей, что точно такъ-же, какъ и при внесеніи Тиберіемъ Гракхомъ его аграрнаго законопроэкта, лучшіе представители аристократіи охотно согласились на введеніе всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя, не касаясь вопроса о томъ, въ чьихъ рукахъ должно находиться государственное управленіе, клонились только къ тому, чтобъ залечить старыя общественныя язвы. Въ вопросѣ о выселеніи гражданъ и объ основаніи колоній правительство, конечно, не могло заходить такъ-же далеко, какъ демократія, потому что владычество олигархіи было основано главнымъ образомъ на возможности хозяйничать въ провинціяхъ и было-бы стѣснено назначеніемъ на продолжительное время высшихъ начальниковъ арміи, а намѣреніе поставить Италію на равнѣ съ провинціями и предпринять завоеванія на той сторонѣ Альповъ не согласовалось съ консервативными принципами. Но сенатъ могъ пожертвовать какъ латинскими и кампанскими казенными землями, такъ и Сициліей, для того, чтобъ улучшить положеніе италійскаго земледѣльческаго сословія, а между тѣмъ все таки удержать въ своихъ рукахъ правительственную власть; къ этому присоединялось и то соображеніе, что у аристократіи не было лучшаго средства

предотвратить новыя смуты, какъ по собственному почину раздать всѣ свободныя земли и, — по собственному выраженію Друза,—не оставить будущимъ демагогамъ для раздачи народу ничего, кромѣ уличной грязи и утренней зари. Все равно, олицетворялось-ли правительство въ монархѣ или въ нѣсколькихъ властвующихъ семействахъ, для него было почти безразлично, будетъ-ли входить въ составъ римскаго гражданскаго союза вся Италія или только одна ея часть; поэтому сторонники реформы сходились въ убѣжденіи, что цѣлесообразное и своевременное распространеніе гражданскихъ правъ предохранитъ отъ возобновленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ такихъ-же возстаній, какое было подавлено въ Фрегеллахъ, и сверхъ того побудитъ многочисленныхъ и вліятельныхъ Италійцевъ содѣйствовать исполненію ихъ замысловъ. Хотя по вопросу о государственномъ главенствѣ двѣ главныя политическія партіи рѣзко отличались одна отъ другой и своими воззрѣніями и своими цѣлями, но лучшіе люди изъ обоихъ лагерей должны были сходиться между собою во многихъ пунктахъ въ томъ, что касалось способовъ дѣйствія и преобразовательныхъ стремленій; подобно тому, какъ Сципіонъ Эмиліанъ можетъ быть отнесенъ и къ числу противниковъ Тиберія Гракха и къ числу сторонниковъ Гракховскихъ реформъ, и Друзъ былъ преемникомъ и ученикомъ Гайя Гракха столько-же, сколько былъ его противникомъ. Между этими двумя родовитыми и великодушными юными реформаторами было болѣе сходства, чѣмъ сколько казалось на первый взглядъ; и по своимъ личнымъ качествамъ они были-бы способны стать выше всякихъ интригъ, порождаемыхъ пристрастіемъ политическихъ партій, и сойтись въ самыхъ чистыхъ и самыхъ возвышенныхъ воззрѣніяхъ на то, что могло удовлетворить ихъ патріотическія стремленія.

Пренія о Ливіевскихъ законахъ.

Дѣло дошло до разсмотрѣнія Друзовскихъ законопроэктовъ; впрочемъ ихъ авторъ, подобно Гайю Гракху, отложилъ на время въ сторону опасное намѣреніе предоставить союзникамъ права римскаго гражданства и внесъ на утвержденіе только три законопроэкта—о судѣ присяжныхъ, аграрный и хлѣбный. Партія капиталистовъ оказала самое упорное сопротивленіе, а при нерѣшительности большинства аристократовъ и при неустойчивости комицій ей безъ сомнѣнія удалось-бы провалить законопроэктъ о присяжныхъ, еслибы онъ не былъ подвергнутъ голосованію въ связи съ другими. Поэтому Друзъ соединилъ всѣ свои предложенія въ одно нераздѣльное цѣлое и добился утвержденія своихъ законопроэктовъ благодаря тому, что всѣ граждане, заинтересованные въ раздачѣ хлѣба и земель, поневолѣ должны были подавать голоса и въ пользу законопроэкта о присяжныхъ, и благодаря содѣйствію Италійцевъ, которые твердо стояли за Друза, за исключеніемъ только крупныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности умбрійскихъ и этрусскихъ, опасавшихся что у нихъ

отнимутъ находившіяся въ ихъ пользованіи казенныя земли; впрочемъ этотъ успѣхъ былъ достигнутъ лишь послѣ того, какъ Друзъ приказалъ арестовать неперестававшаго оказывать сопротивленіе консула Филиппа и отправить его подъ полицейскимъ надзоромъ въ тюрьму. Народъ превозносилъ трибуна, какъ своего благодѣтеля; при появленіи Друза въ театрѣ всѣ встали съ своихъ мѣстъ и встрѣтили его одобрительными рукоплесканіями; однако голосованіе не положило конца борьбѣ, а лишь перенесло ее на другую почву, такъ какъ противная партія основательно считала предложенія Друза несогласными съ закономъ 656 года (стр. 213) и вслѣдствіе того лишен- 98
ными обязательной силы. Главный противникъ трибуна, консулъ Филиппъ, потребовалъ отъ сената, чтобъ онъ на этомъ основаніи кассировалъ Ливіевскій законъ, какъ составленный безъ соблюденія установленныхъ формъ; но сенатское большинство было довольно тѣмъ, что отдѣлалось отъ всадническихъ судовъ и потому отвергло требованіе консула. Тогда Филиппъ объявилъ на публичной площади, что нѣтъ никакой возможности управлять съ такимъ сенатомъ и что онъ постарается замѣнить это собраніе другимъ; можно было подумать, что онъ замышляетъ государственный переворотъ. Сенатъ, созванный по этому поводу Друзомъ, рѣшилъ, послѣ бурныхъ преній, выразить консулу свое неодобреніе и недовѣріе; однако въ душѣ значительнаго большинства сенаторовъ зародился страхъ революціи, которою, по видимому, угрожали ему какъ Филиппъ, такъ и большинство капиталистовъ. Къ этому присоединились и другія обстоятельства. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ вліятельныхъ сторонниковъ Друза, ораторъ Луцій Крассъ внезапно умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго выше сенатскаго засѣданія (сент. 663). Сношенія, 91
которыя Друзъ завелъ съ Италійцами и о которыхъ онъ сначала сообщалъ лишь немногимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, мало по малу огласились, а когда его противники стали по этому поводу осыпать его яростными обвиненіями въ государственной измѣнѣ, то въ этихъ нападкахъ по всему вѣроятію участвовало и большинство правительственной партіи; даже когда Друзъ великодушно предупредилъ консула Филиппа, что во время союзнаго праздника на Альбанской горѣ онъ долженъ остерегаться подосланныхъ Италійцами убійцъ, то это лишь еще болѣе скомпрометтировало трибуна, потому что доказало, какъ онъ былъ глубоко замѣшанъ въ составлявшіеся между Италійцами заговоры.

Кассированіе Ливіевскихъ законовъ.

Филиппъ все сильнѣе и сильнѣе настаивалъ на кассаціи Ливіевскаго закона, а большинство все слабѣе и слабѣе этому противилось. Большинство робкихъ и нерѣшительныхъ сенаторовъ скоро пришло къ убѣжденію, что возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ было единственнымъ способомъ выйти изъ затруднительнаго положенія, и Ливіескій законъ былъ кассированъ за несоблюденіе установ-

ленныхъ формъ. Друзъ былъ по обыкновенію очень сдержанъ въ своихъ дѣйствіяхъ; поэтому онъ ограничился напоминаніемъ, что ненавистные всадническіе суды такимъ образомъ возстановлены самимъ сенатомъ, и не захотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ отмѣнить кассаціонное рѣшеніе путемъ предъявленія трибунскаго протеста. Нападеніе сената на партію капиталистовъ было окончательно отражено и онъ волей или неволей снова поступилъ подъ прежнее ярмо.

Смерть Друза.

Но высшія финансовыя сферы не удовольствовались своей побѣдой. Однажды вечеромъ, въ ту минуту, какъ Друзъ, дойдя до порога своего дома, хотѣлъ отпустить толпу, обыкновенно сопровождавшую его по улицамъ, онъ внезапно повалился передъ изображеніемъ своего отца; рука убійцы поразила его и поразила такъ мѣтко, что по прошествіи нѣсколькихъ часовъ онъ испустилъ духъ. Преступникъ успѣлъ скрыться благодаря наступившимъ сумеркамъ; онъ не былъ узнанъ и судебнаго слѣдствія не было назначено; но и безъ слѣдствія не трудно было догадаться, что Друзъ былъ заколотъ тѣмъ самымъ ножемъ, которымъ аристократія сама себѣ наносила раны. Такая-же насильственная и страшная смерть, какая похитила демократическихъ реформаторовъ, ожидала и Гракха аристократіи. Это было краснорѣчивымъ и прискорбнымъ предостереженіемъ. Реформа не удалась вслѣдствіе малодушія аристократіи даже тогда, когда попытка произвести ее исходила отъ одного изъ представителей этой аристократіи. Друзъ посвятилъ всѣ свои силы и всю свою жизнь на то, чтобъ низвергнуть господство купеческаго сословія, организовать эмиграцію и предотвратить междоусобную войну; но онъ видѣлъ собственными глазами, какъ купцы господствовали еще болѣе неограниченно, чѣмъ прежде, и какъ рушились всѣ его замыслы о реформахъ, и умеръ съ сознаніемъ, что его преждевременная смерть послужитъ сигналомъ для самой ужасной междоусобной войны, какая когда либо опустошала прекрасную италійскую землю.

ГЛАВА VII.

Возстаніе италійскихъ подданныхъ и Сульпиціевская революція.

Римляне и Италійцы.

Съ тѣхъ поръ, какъ побѣда надъ Пирромъ положила конецъ послѣдней войнѣ, веденной Италійцами за ихъ независимость, то есть уже въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ, римское верховенство было такъ твердо установлено въ Италіи, что оно ни разу не пошатнулось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государство находилось въ крайней опасности. И геройскій родъ Баркидовъ и преемники великаго Александра и Ахеменидовъ тщетно пытались возбудить италійскую націю къ борьбѣ съ чрезмѣрно могущественной столицей; эта нація съ покорностью являлась на поляхъ сраженій и на берегахъ Гвадальквивира и Меджерды, и въ Темпейскомъ ущельѣ, и на Сипилѣ, и, проливая кровь своей отборной молодёжи, помогла своимъ властителямъ завоевать три части свѣта. Ея собственное положеніе тѣмъ временемъ, конечно, измѣнилось,—но измѣнилось къ худшему, а не къ лучшему. Правда, въ матеріальномъ отношеніи она не имѣла основанія быть недовольной. Хотя владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ и участковъ средней величины страдали во всей Италіи отъ безразсудныхъ римскихъ законовъ касательно хлѣбной торговли, за то богатѣли крупные землевладѣльцы и въ особенности купцы и капиталисты, такъ какъ Италійцы пользовались почти наравнѣ съ римскими гражданами покровительствомъ правительственныхъ властей и особыми привилегіями при извлеченіи денежныхъ прибылей изъ римскихъ провинцій; такимъ образомъ и они пользовались въ значительной мѣрѣ тѣми матеріальными выгодами, какія истекали изъ политическаго преобладанія Римлянъ. Экономическое и соціальное положеніе Италіи вообще не находилось въ непосредственной зависимости отъ политическихъ различій; преимущественно въ союзныхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Этруріи и въ Умбріи, сословіе свободныхъ землепашцевъ совершенно исчезло; а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ долинахъ Абруццовъ,

оно удержалось въ довольно сносномъ положеніи и частію даже нисколько не пострадало,—но различія этого рода встрѣчались и въ римскихъ гражданскихъ округахъ. Напротивъ того, оскорбительное отличіе отъ Римлянъ въ политическихъ правахъ становилось все болѣе рѣзкимъ и невыносимымъ. Правда, Римляне не позволяли себѣ формально и явно совершать беззаконія,—по меньшей мѣрѣ въ дѣлахъ первостепенной важности. Римское правительство вообще не нарушало общинной свободы, которая была предоставлена италійскимъ общинамъ договорами подъ названіемъ самодержавія, а когда римская партія реформы попыталась въ самомъ началѣ аграрной агитаціи отнять казенныя земли, предоставленныя договорами самымъ привилегированнымъ общинамъ, то не только партіи строго-консервативная и умѣренная энергически этому воспротивились, но и римская оппозиція очень скоро отказалась отъ такого намѣренія.

Униженіе подданныхъ и дурное съ ними обхожденіе.

Но тѣми правами, которыя по праву принадлежали и должны были принадлежать Риму, какъ первенствующей общинѣ,—высшимъ завѣдываніемъ военнаго дѣла и высшимъ надзоромъ за всей администраціей, — римское правительство пользовалось такимъ способомъ, что положеніе союзниковъ едва-ли могло-бы ухудшиться, еслибы ихъ признали за безправныхъ римскихъ подданныхъ. Многочисленныя смягченія безпощадно-строгихъ римскихъ военныхъ законовъ, которыя были введены въ Римѣ въ теченіе седьмаго столѣтія, какъ кажется, относились только къ тѣмъ солдатамъ, которые были изъ римскихъ гражданъ; относительно главнаго изъ этихъ смягченій—отмѣны смертной казни по приговорамъ военныхъ судовъ (стр. 108),—это намъ положительно извѣстно, и не трудно себѣ представить, какое производилъ впечатлѣніе тотъ фактъ, что знатные латинскіе офицеры (какъ это случалось во время Югуртинской войны) бывали обезглавлены по приговору римскаго военнаго совѣта, между тѣмъ какъ посредній солдатъ изъ римскихъ гражданъ могъ въ подобномъ случаѣ аппеллировать къ римскимъ гражданскимъ судамъ. Договорами, конечно, не было опредѣлено, въ какомъ размѣрѣ можно было привлекать гражданъ и италійскихъ союзниковъ къ отбыванію воинской повинности; но въ прежнія времена граждане и союзники доставляли одинакое число солдатъ (томъ 1, стр. 104, 337), а теперь,—не смотря на то, что число гражданъ, по всему вѣроятію, не уменьшилось, а увеличилось, — къ союзникамъ стали мало по малу предъявлять несоразмѣрныя съ числомъ населенія требованія (томъ 1, стр. 419, 795): на нихъ стали предпочтительно возлагать самую тяжелую и требовавшую самыхъ большихъ издержекъ службу и стали постоянно набирать на одного рекрута изъ гражданъ по два рекрута изъ союзниковъ. Подобно высшему руководительству въ военной сферѣ, и высшій гражданскій контроль надъ зависимыми италійскими общинами,—который, со включеніемъ почти нераздѣльной

съ нимъ административной юрисдикціи, римское правительство постоянно и по праву удерживало въ своихъ рукахъ,—былъ до такой степени расширенъ, что Италійцы почти не менѣе провинціальныхъ жителей страдали отъ произвола безчисленныхъ римскихъ должностныхъ лицъ. Въ Теанѣ Сидицинскомъ,—одномъ изъ самыхъ значительныхъ союзныхъ городовъ,—римскій консулъ приказалъ привязать бургомистра къ позорному столбу на городской площади и высѣчь розгами за то, что когда супруга консула пожелала выкупаться въ мужской купальнѣ, то муниципальные чиновники не достаточно скоро выгнали оттуда купавшихся и купальня показалась ей не достаточно чистой. Выходки этого рода случались въ Ферентинѣ, также принадлежавшемъ къ числу привилегированныхъ городовъ, и даже въ старинной и важной латинской колоніи Калесѣ. Въ латинской колоніи Венузіи, одинъ вольный хлѣбопашецъ позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ портшезомъ, въ которомъ несли какого-то юнаго римскаго дипломата, не занимавшаго никакой должности; за это хлѣбопашца повалили на земь и избили до смерти ремнями отъ портшеза. О случаяхъ этого рода мимоходомъ упоминалось не задолго до возстанія Фрегеллъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что беззаконія этого рода совершались нерѣдко и что нигдѣ нельзя было добиться серьознаго удовлетворенія за такія злодѣянія; напротивъ того, попытки отмѣнить право аппелляціи на смертные приговоры рѣдко оставались безнаказанными и потому до нѣкоторой степени оберегали и тѣло и жизнь римскаго гражданина. Вслѣдствіе такого обхожденія римскаго правительства съ Италійцами неизбѣжно долженъ былъ если не совершенно исчезнуть, то ослабѣть тотъ разладъ между латинскими и остальными италійскими общинами, который тщательно поддерживала мудрость предковъ (томъ 1, стр. 798). И укрѣпленные зàмки, которые служили оплотами для римскаго владычества, и тѣ страны, надъ которыми Римляне господствовали изъ этихъ зàмковъ, находились теперь подъ одинаково тяжелымъ гнетомъ; Латинъ могъ напомнить Пицентинцу, что надъ ними обоими одинаково «властвуетъ топоръ»; прежнихъ господъ и холоповъ примирила теперь общая ненависть къ общему притѣснителю.—Между тѣмъ какъ положеніе италійскихъ союзниковъ превратилось изъ сносной зависимости въ самое тяжелое рабство, у нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ отнята и всякая надежда на пріобрѣтеніе лучшихъ правъ. Уже съ окончательнымъ покореніемъ Италіи римское гражданство замкнуло свои ряды: дарованіе гражданскихъ правъ цѣлымъ общинамъ совершенно прекратилось, а ихъ дарованіе отдѣльнымъ лицамъ было очень ограниченно (томъ 1, стр. 796). Теперь былъ сдѣланъ еще дальнѣйшій шагъ въ томъ-же направленіи: по случаю агитаціи, которая велась въ 628 и 632 годахъ съ цѣлію распространить 126 122
на всю Италію права римскаго гражданства, теперь было сдѣлано

нападеніе даже на право переселенія и, въ силу постановленій народнаго и сенатскаго, изъ столицы были выгнаны всѣ проживавшіе тамъ неграждане (стр. 103, 120); эта мѣра была столько-же ненавистна тѣмъ, что нарушала требованія человѣколюбія, сколько была опасна тѣмъ, что нарушала множество частныхъ интересовъ. Короче сказать, — италійскіе союзники прежде относились къ Римлянамъ или какъ опекаемые меньшіе братья, состоявшіе скорѣе подъ охраной, чѣмъ подъ властію своихъ опекуновъ и не осужденные на всегдашнее несовершеннолѣтіе, или же какъ рабы, съ которыми сносно обходились и у которыхъ не отнимали навсегда надежды получить свободу; напротивъ того теперь всѣ они находились въ одинакой безвыходной подданнической зависимости подъ розгами и подъ топорами своихъ притѣснителей и, въ качествѣ привилегированныхъ холоповъ, могли по большей мѣрѣ передавать несчастнымъ провинціаламъ тѣ пинки, которые сами получали отъ своихъ господъ.

Разрывъ. Разладъ такого рода обыкновенно сначала сдерживается сознаніемъ національнаго единства и воспоминаніями о вмѣстѣ пережитыхъ опасностяхъ и потому сначала обнаруживается слегка и какъ бы стыдясь самого себя; но онъ мало по малу усиливается, пока наконецъ не выступитъ явно наружу ничѣмъ неприкрытая насильственная связь между властителями, право которыхъ основано только на силѣ, и подчиненными, покорность которыхъ не заходитъ далѣе того, что имъ внушаетъ страхъ.

Война съ Фрегеллами. 125 Броженіе умовъ среди Италіцевъ не принимало настоящаго революціоннаго отпечатка до того времени, пока возстаніе и срытіе Фрегеллъ въ 629 году не констатировали, такъ сказать, оффиціально, что характеръ римскаго владычества измѣнился. Стремленіе къ уравненію въ правахъ мало по малу усилилось до того, что отъ затаенныхъ желаній перешло къ громкимъ требованіямъ; но чѣмъ опредѣленнѣе оно высказывалось, тѣмъ рѣшительнѣе былъ отказъ.

Трудность всеобщаго возстанія. Очень скоро пришлось убѣдиться, что нельзя расчитывать на добровольную уступчивость Римлянъ; понятно, что тогда зародилось желаніе силою добыть то, въ чемъ отказывали Римляне; но при тогдашнемъ положеніи Рима нельзя было помышлять о приведеніи такого желанія въ исполненіе. Хотя и нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить численное отношеніе между жившими въ Италіи гражданами и негражданами, однако можно принять за достовѣрное, что число гражданъ было немного ниже числа италійскихъ союзниковъ и что приблизительно на 400,000 годныхъ для военной службы гражданъ приходилось по меньшей мѣрѣ 500,000, но вѣроятнѣе 600.000 союзниковъ *). Пока, при такой численной пропорціи,

---

115 70 *) Эти цифры взяты изъ цензовыхъ списковъ 639 и 684 годовъ: въ первомъ насчитывалось годныхъ для военной службы гражданъ 394.336, а во второмъ

гражданство было единодушно и пока ему не приходилось имѣть дѣла съ опасными внѣшними врагами, италійскіе союзники не были въ состояніи чтó-либо предпринять соединенными силами, такъ какъ были раздѣлены на безчисленное множество отдѣльныхъ городскихъ и волостныхъ общинъ и были связаны съ Римомъ тысячами общественныхъ и частныхъ интересовъ, а правительству не нужно было особенной мудрости для того, чтобъ сдерживать непокорныхъ и недовольныхъ подданныхъ, то опираясь на массу гражданства, то пользуясь тѣми значительными ресcурсами, какіе могло извлекать изъ провинцій, то господствуя надъ общинами путемъ подчиненія однѣхъ другимъ.

Италійцы и римскія политическія партіи.

Поэтому Италійцы не шевелились, пока революція не стала расшатывать могущество Рима, а когда она вспыхнула, они стали участвовать въ интригахъ римскихъ политическихъ партій въ надеждѣ, что при помощи той или другой изъ нихъ они достигнутъ уравненія въ правахъ. Они дѣйствовали за-одно сначала съ народной партіей, а потомъ съ сенатской, но и отъ той и отъ другой добились немногаго. Они, наконецъ, должны были убѣдиться, что хотя лучшіе люди обѣихъ партій и признавали основательность и умѣренность ихъ требованій, но все равно, принадлежали-ли эти лучшіе люди къ аристократіи или къ народной партіи, они не были въ состояніи расположить своихъ сторонниковъ въ пользу требованій союзниковъ. Къ тому же на дѣлѣ оказалось, что лишь только самые даровитые, самые энергичные и самые популярные римскіе государственные люди брали на себя роль ходатаевъ за Италійцевъ, ихъ покидали прежніе приверженцы, и ихъ ожидала неизбѣжная гибель. Среди разнообразныхъ переворотовъ, происходившихъ въ теченіе тѣхъ тридцати лѣтъ, когда господствовали попеременно то революція, то реставрація, правительственная власть не разъ переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія; но какъ ни измѣнялась правительственная программа, а кормиломъ правленія постоянно руководило недальновидное малодушіе.

910.000 [по Флегону, Fragm. 12, изд. Мюлл., свидѣтельство котораго ошибочно относится Клинтономъ и тѣми, кто на него ссылался, къ цензу 668 года; по свидѣтельству Ливія, Epit. 98, — если читать это мѣсто правильно, — ихъ насчитывалось 900.000]. Единственная извѣстная намъ промежуточная цифра между двумя вышеуказанными — цифра ценза 668 указывала, по словамъ Іеронима, на 463.000 человѣкъ; но она такъ мала, конечно, потому, что цензъ былъ 86
составленъ во время революціоннаго кризиса. Такъ какъ народонаселеніе Италіи не могло увеличиться въ промежутокъ времени между 639 и 684 годами и даже 115 70
Сулловская раздача земель могла по большей мѣрѣ лишь пополнить убыль, причиненную войной, то слѣдуетъ полагать, что происходившее тѣмъ временемъ принятіе союзниковъ въ римское гражданство было причиной того, что число годныхъ къ военной службѣ гражданъ увеличилось слишкомъ на 500.000. Однако весьма возможно и даже вѣроятно, что въ эти тяжелые годы общая цифра италійскаго населенія понизилась; а если допустить, что убыль годныхъ къ военной

Италійцы и олигархія.

Въ особенности послѣднія событія ясно доказали, какъ тщетны были надежды Италійцевъ, что Римъ когда-нибудь уважитъ ихъ притязанія. Пока стремленія Италійцевъ примѣшивались къ стремленіямъ революціонной партіи и встрѣчали препятствіе въ безразсудствѣ народной массы, еще можно было ласкать себя надеждой, что олигархія враждебно настроена только противъ тѣхъ людей, которые предлагали уравненіе правъ, а не противъ такого нововведенія, и что болѣе интеллигентный сенатъ будетъ поддерживать такую мѣру, которая не нарушаетъ интересовъ олигархіи и спасительна для государства. Но въ теченіе тѣхъ послѣднихъ лѣтъ, когда сенатъ снова управлялъ государствомъ съ почти неограниченною властію, разсѣялись всѣ иллюзіи на счетъ намѣреній и римской олигархіи.

Лициніевско-Муціевскій законъ.

Вмѣсто ожидаемыхъ облегченій появился въ 659 году консульскій 95
законъ, который строжайшимъ образомъ запрещалъ негражданамъ присвоивать себѣ права гражданъ, а тѣмъ, кто его нарушитъ, угрожалъ судебнымъ преслѣдованіемъ и наказаніемъ; тогда множество самыхъ почтенныхъ людей, всѣхъ болѣе заинтересованныхъ въ разрѣшеніи вопроса объ уравненіи правъ, было вынуждено перейти изъ рядовъ Римлянъ въ ряды Италійцевъ; по своей юридической безупречности и по своему политическому безразсудству этотъ законъ можетъ быть поставленъ совершенно на-равнѣ съ тѣмъ знаменитымъ парламентскимъ постановленіемъ, которымъ было вызвано отдѣленіе сѣверной Америки отъ метрополіи, и подобно этому постановленію онъ сдѣлался главной причиной междоусобной войны. Для союзниковъ этотъ ударъ былъ еще болѣе тяжелымъ потому, что виновниками новаго закона были вовсе не закоснѣлые и неисправимые оптиматы, а такіе люди, какъ Квинтъ Сцевола и ораторъ Луцій Крассъ: первый былъ умный и всѣми уважаемый человѣкъ, который, подобно Георгу Гренвиллю, былъ по своимъ врожденнымъ способностямъ законовѣдцемъ, а по волѣ судьбы сдѣлался государственнымъ человѣкомъ; вслѣдствіе своей столько же почтенной, сколько вредной привязанности къ буквѣ законовъ, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой былъ виновникомъ борьбы, вспыхнувшей сначала между сенатомъ и всадниками, а потомъ между Римлянами и Италійцами; второй былъ другомъ и сторонникомъ Друза и вообще принадлежалъ къ числу самыхъ умѣренныхъ и самыхъ благоразумныхъ оптиматовъ.

Италійцы и Друзъ.

Въ то время какъ въ Италіи всѣ умы были въ сильномъ броженіи вслѣдствіе изданія новаго закона и возникавшихъ изъ него многочисленныхъ процессовъ, для Италійцевъ, повидимому, снова взошла звѣзда надежды въ лицѣ Марка Друза. Теперь случилось то, о чемъ, повидимому, нельзя было и мечтать — консерваторъ усвоилъ реформаторскія идеи Гракховъ и выступилъ бойцемъ за равноправ-

службѣ людей доходила до 100.000, то мы едва-ли впадемъ въ преувеличеніе полагая, что передъ началомъ союзнической войны въ Италіи приходилось на двухъ гражданъ по три негражданина.

ность Италійцевъ,—высоко-рожденный аристократъ задумалъ эманципировать и Италійцевъ на всемъ пространствѣ отъ Сицилійскаго пролива до Альповъ и правительство, а на осуществленіе этихъ великодушныхъ преобразовательныхъ замысловъ употребить все свое горячее усердіе, все свое искреннее самоотверженіе. Трудно рѣшить, дѣйствительно-ли онъ, какъ разсказывали, сталъ во главѣ тайнаго общества, нити котораго расходились по всей Италіи и члены котораго клятвенно *) обязывались дружно стоять за Друза и за общее дѣло; но если онъ и не принималъ участія въ такихъ опасныхъ и конечно непозволительныхъ для римскаго должностнаго лица интригахъ, то все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло не ограничилось одними неопредѣленными обѣщаніями и что отъ его имени были заведены подозрительныя связи, — хотя, быть можетъ это дѣлалось безъ его вѣдома и противъ его воли. Италійцы съ восторгомъ встрѣтили извѣстіе, что Друзъ провелъ свои первыя предложенія съ одобренія значительнаго большинства сенаторовъ; вскорѣ послѣ того, всѣ италійскія общины еще съ большимъ восторгомъ праздновали выздоровленіе внезапно и тяжело заболѣвшаго трибуна. Но все измѣнилось, когда обнаружились дальнѣйшія намѣренія Друза,—когда онъ не осмѣлился внести свой главный законопроэктъ и былъ принужденъ на время отложить его въ сторону, когда онъ сталъ медлить и наконецъ былъ принужденъ отступиться. Стало извѣстно, что большинство сената было ненадежно и что оно грозило отпасть отъ своего вождя; быстро пронеслись по италійскимъ общинамъ одни вслѣдъ за другими извѣстія, что утвержденный законопроектъ кас-

*) Формула этой клятвы дошла до насъ [у Діодора, Vatic., стр. 128]; вотъ ея содержаніе: „Клянусь и Капитолійскимъ Юпитеромъ и римскою Вестой и богомъ нашихъ предковъ Марсомъ и животворящимъ Солнцемъ и кормилицею Землей и божественными основателями и покровителями [пенатами] города Рима, что для меня будетъ другомъ или недругомъ тотъ, кто будетъ другомъ или недругомъ Друза и что я буду щадить и мою собственную жизнь, и жизнь моихъ дѣтей, и жизнь моихъ родителей лишь въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ согласно съ пользой Друза и тѣхъ, кто принесъ эту клятву. Если же я сдѣлаюсь гражданиномъ вслѣдствіе предложеннаго Друзомъ закона, то буду чтить Римъ, какъ мое отечество, а Друза какъ величайшаго изъ моихъ благодѣтелей. Къ принесенію этой клятвы я буду склонять столькихъ изъ моихъ соотечественниковъ, сколькихъ буду въ состояніи, и если я клянусь искренно, то да будетъ мнѣ хорошо, а если клянусь притворно, то да будетъ мнѣ худо“.—Впрочемъ, къ этому сообщенію слѣдуетъ относиться осмотрительно; оно заимствовано или изъ рѣчей, которыя произносилъ Филиппъ противъ Друза [на что, повидимому, указываетъ безсмысленный заголовокъ „Клятва Филиппа“, поставленный во главѣ клятвенной формулы тѣмъ, кто сдѣлалъ это извлеченіе], или, въ лучшемъ случаѣ, изъ актовъ уголовнаго судопроизводства, впослѣдствіи составленныхъ въ Римѣ по поводу этого заговора; даже если принять эту послѣднюю гипотезу, все-таки останется неразрѣшеннымъ вопросъ: признались-ли въ принесеніи такой клятвы сами обвиняемые или же она приписывалась имъ обвинителями.

сированъ, что капиталисты властвуютъ еще болѣе неограниченно, чѣмъ когда либо, что трибунъ пораженъ рукою убійцы, что онъ уже кончилъ жизнь (около 663).

91 **Приготовленія къ всеобщему возстанію противъ Рима.**

Со смертію Друза для Италійцевъ исчезла послѣдняя надежда достигнуть вступленія въ римскій гражданскій союзъ путемъ соглашенія. Они поняли, что нѣтъ никакой возможности добиться мирными средствами того, къ чему не былъ въ состояніи склонить свою собственную партію этотъ консервативный и энергичный человѣкъ даже при стеченіи самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Имъ приходилось выбирать только одно изъ двухъ — или терпѣливо покориться своей судьбѣ или возобновить еще разъ и соединенными силами ту попытку, которая за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ была подавлена въ самомъ началѣ разрушеніемъ Фрегеллъ, и, взявшись за оружіе, или уничтожить Римъ и завладѣть его наслѣдствомъ, или же по меньшей мѣрѣ достигнуть уравненія въ правахъ съ Римлянами. Только съ отчаянія можно было рѣшиться на это послѣднее срество: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, возстаніе отдѣльныхъ италійскихъ общинъ противъ римскаго правительства было съ виду едва ли не болѣе безнадежнымъ, чѣмъ возстаніе американскихъ колоній противъ британскаго правительства; даже при умѣренной бдительности и энергіи римское правительство, повидимому, было въ состояніи покончить съ этимъ вторымъ возстаніемъ такъ же, какъ покончило съ первымъ. Однако, развѣ такъ-же не съ отчаянія можно было рѣшиться на то, чтобъ сидѣть сложа руки и молча все выносить? Въ виду того, какъ Римляне привыкли притѣснять Италійцевъ даже безъ всякаго къ тому повода, чего-же можно было ожидать теперь, когда въ каждомъ италійскомъ городѣ самые значительные люди находились или могли находиться (что по своимъ послѣдствіямъ было одно и то-же) въ тайномъ соглашеніи съ Друзомъ, которое было прямо направлено противъ только что одержавшей верхъ партіи и могло быть отнесено къ разряду государственныхъ преступленій? Для всякаго, кто принималъ участіе въ этомъ тайномъ соглашеніи, и даже для всякаго, кто могъ быть только заподозрѣнъ въ такомъ участіи, не оставалось никакого другаго, выбора, какъ начать войну или-же подставить свою голову подъ топоръ палача. Къ этому присоединялось и то соображеніе, что въ тотъ моментъ представлялось не мало благопріятныхъ обстоятельствъ, обѣщавшихъ успѣхъ всеобщему возстанію Италійцевъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ Римляне успѣли уничтожить существованіе крупныхъ италійскихъ федерацій (томъ I, стр. 421); но нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что общинныя федераціи Марсовъ, Пелигновъ и, быть можетъ, даже Самнитовъ и Луканцевъ, еще существовали въ ту пору въ своей старинной, конечно, утратившей всякое политическое значеніе, формѣ и частію были низведены до положенія ассоціацій, завѣдывавшихъ

только общими празднествами и жертвоприношеніями. Однако и въ этихъ ассоціаціяхъ могло найти для себя опору замышлявшееся возстаніе, а развѣ можно было предсказать, какъ скоро Римляне уничтожать и эту опору? Кромѣ того, тайное общество, во главѣ котораго, какъ утверждали, стоялъ Друзъ, утратило въ немъ своего дѣйствительнаго или ожидаемаго вождя, но его собственное существованіе отъ того не прекратилось и оно могло служить важной опорой для политической организаціи возстанія, между тѣмъ какъ военная организація могла опираться на то, что каждый изъ союзныхъ городовъ имѣлъ собственную армію и испытанныхъ въ дѣлѣ солдатъ. Съ другой стороны, въ Римѣ не ожидали ничего сколько нибудь серьезнаго. Туда доходили слухи, что въ Италіи обнаруживаются волненія и что союзныя общины ведутъ между собою чрезвычайно оживленныя сношенія; но вмѣсто того, чтобъ немедленно призвать гражданъ къ оружію, правительственная коллегія ограничилась тѣмъ, что по принятому обыкновенію предписала должностнымъ лицамъ быть бдительными и послала шпіоновъ съ порученіемъ добыть какія нибудь болѣе точныя свѣдѣнія. Столица находилась въ такомъ беззащитномъ положеніи, что одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Друза, энергичный офицеръ, родомъ изъ Марсовъ, Квинтъ Помпедій Силонъ задумалъ, — какъ разсказывали, — пробраться внутрь ея во главѣ отряда надежныхъ людей, вооруженныхъ только скрытыми подъ платьемъ мечами, и завладѣть ею въ расплохъ. И такъ все готовилось къ возстанію — заключались договоры и втихомолку заготовлялось оружіе; но возстаніе, — какъ это обыкновенно бываетъ, — вспыхнуло случайнымъ образомъ немного ранѣе, чѣмъ предполагали тѣ люди, которые всѣмъ руководители.

Взрывъ возстанія въ Аскулѣ.

Римскій преторъ съ проконсульскою властью, Гай Сервилій, узналъ отъ своихъ лазутчиковъ, что городъ Аскулъ (Ascoli) въ Абруццахъ отправляетъ въ сосѣднія общины заложниковъ; поэтому онъ отправился туда въ сопровожденіи своего легата Фонтейя и небольшой свиты и обратился съ громовою рѣчью къ жителямъ, именно въ то время собравшимся въ театрѣ для празднованія игръ. Видъ слишкомъ хорошо знакомыхъ топоровъ и слишкомъ серьозный смыслъ произнесенныхъ угрозъ воспламенили вѣками накопленные горючіе запасы ожесточенной ненависти; римскія должностныя лица были растерзаны народной толпой въ самомъ театрѣ и какъ будто съ цѣлію закрыть всякій путь къ примиренію страшнымъ злодѣяніемъ, городскія ворота были заперты по приказанію мѣстнаго начальства и всѣ жившіе въ Аскулѣ Римляне были перебиты, а ихъ имущество было разграблено. Возстаніе распространилось по полуострову съ быстротою степнаго пожара. Впереди всѣхъ было храброе и многочисленное племя Марсовъ, дѣйствовавшее за-одно съ находившимися

Марсы и Сабеллы.

въ Абруццахъ мелкими, но энергичными федераціями Пелигновъ,

Марруциновъ, Френтановъ и Вестиновъ; вышеупомянутый, храбрый и осмотрительный Квинтъ Силонъ былъ тамъ душою возстанія. Марсы прежде всѣхъ формально отложились отъ Римлянъ, вслѣдствіе чего за этой войной и впослѣдствіи осталось названіе марсійской.

Средняя и южная Италія.

Этому примѣру послѣдовали самнитскія общины и вообще всѣ многочисленныя общины отъ береговъ Лириса и отъ Абруццовъ внизъ вплоть до Калабріи и до Апуліи, такъ что во всей средней и южной Италіи шли приготовленія къ борьбѣ съ Римомъ. Напротивъ того, Эруски и Умбры держали сторону Рима подобно тому, какъ и ранѣе того они держали сторону всадниковъ противъ Друза (стр. 218).

Преданные Римлянамъ Италійцы.

Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ этихъ странахъ, занятыхъ Этрусками и Умбрами, съ давнихъ временъ была всесильна земельная и денежная аристократія, а среднее сословіе совершенно исчезло; напротивъ того, въ Абруццахъ и въ смежныхъ странахъ сословіе земледѣльцевъ оставалось какимъ было прежде, безъ всякой посторонней примѣси, и сохранило свою прежнюю энергію лучше чѣмъ гдѣ либо въ остальной Италіи; поэтому возстаніе исходило главнымъ образомъ изъ земледѣльческаго сословія и вообще изъ среднихъ классовъ населенія, а муниципальная аристократія и въ ту пору дѣйствовала за-одно съ столичнымъ правительствомъ. Этимъ объясняется, почему за союзъ съ Римомъ твердо держались въ возставшихъ округахъ нѣкоторыя отдѣльныя общины, а въ возставшихъ общинахъ та партія, которая была въ меньшинствѣ; такъ напримѣръ городъ Вестиновъ Пинна выдержалъ тяжелую осаду, отстаивая интересы Рима, а отрядъ изъ поборниковъ легальнаго порядка, организованный въ странѣ Гирпиновъ подъ предводительствомъ экланскаго уроженца Минація Магія, поддерживалъ военныя операціи Римлянъ въ Кампаніи. Наконецъ, твердо стояли за Римъ самыя привилегированныя изъ союзническихъ общинъ: въ Кампаніи Нола, Нуцерія и греческіе приморскіе города Неаполь и Регіонъ, равно какъ большинство латинскихъ колоній,—какъ напримѣръ Альба и Эзернія; точно такъ-же какъ и во время Аннибаловской войны, латинскіе и греческіе города вообще стояли за Римъ, а сабелльскіе города перешли на сторону его противниковъ. Предки Римлянъ основали свое владычество въ Италіи на аристократической классификаціи покореннаго населенія: они ввели искусное раздѣленіе зависимости по степенямъ и держали менѣе привилегированныя общины въ покорности при помощи болѣе привилегированныхъ, а внутри каждой общины держали гражданство въ покорности при помощи муниципальной аристократіи. Только теперь, при крайне-негодномъ управленіи олигархіи, опытъ доказалъ, какъ государственные люди четвертаго и пятаго столѣтій умѣли прочно прикрѣплять одни къ другимъ тѣ камни, изъ которыхъ строили свое зданіе; не смотря на то, что это зданіе не разъ было потрясено въ самомъ основа

оно и на этотъ разъ устояло противъ бури. Впрочемъ, изъ того, что самые привилегированные города не отпали отъ Рима при первомъ сотрясеніи, еще никакъ нельзя было заключить, что и теперь такъ-же, какъ во время Аннибаловской войны, ихъ преданность Риму не поколеблется отъ тяжелыхъ пораженій; вѣдь дѣло еще не дошло до самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ возстаніемъ.

И такъ первая кровь уже была пролита и Италія раздѣлилась на два большихъ военныхъ лагеря. Конечно, еще было далеко до всеобщаго возстанія италійскихъ союзниковъ; однако мятежъ уже принялъ такіе размѣры, какихъ едва-ли ожидали его вожди, а въ томъ не было никакой неумѣстной заносчивости, что инсургенты попытались предложить римскому правительству безобидное для обѣихъ сторонъ соглашеніе. Они отправили въ Римъ пословъ и обязывались положить оружіе, если будутъ приняты въ гражданскій союзъ,—но не имѣли успѣха. Уже давно заглохнувшее въ Римѣ, сочувствіе къ общественнымъ интересамъ, какъ будто снова внезапно теперь ожило для того, чтобъ съ грознымъ безразсудствомъ воспротивиться такимъ требованіямъ подданныхъ, которыя были и сами по себѣ справедливы и сверхъ того опирались на значительныя военныя силы.

Предложеніе полюбовнаго соглашенія отвергнуто.

Коммиссія по дѣламъ о государственной измѣнѣ.

Точно такъ-же, какъ послѣдствіемъ неудачъ, постигшихъ правительственную политику въ Африкѣ и въ Галліи (стр. 148, 181), и ближайшимъ послѣдствіемъ италійскаго возстанія были судебныя преслѣдованія, посредствомъ которыхъ всадническая аристократія старалась отомстить тѣмъ членамъ правительственной партіи, которыхъ она считала,—основательно или неосновательно,—главными виновниками этого бѣдствія. По предложенію трибуна Квинта Варія и не смотря ни на сопротивленіе оптиматовъ, ни на трибунскій протестъ, была учреждена особая коммиссія для разбирательства дѣлъ о государственной измѣнѣ; она, конечно, была составлена изъ людей всадническаго сословія, прибѣгавшихъ къ явнымъ насиліямъ, чтобъ провести предложенія Варія, а ея задачей было разслѣдованіе затѣяннаго Друзомъ и широко распространившагося какъ въ Италіи, такъ и въ Римѣ, заговора, изъ котораго возникло возстаніе, и который,—въ ту минуту какъ половина Италіи взялась за оружіе,—былъ въ глазахъ озлобленныхъ и испуганныхъ гражданъ ничѣмъ инымъ, какъ несомнѣнной государственной измѣной. Приговоры этой коммиссіи производили сильное опустошеніе въ рядахъ той сенатской партіи, которая желала примиренія; въ числѣ другихъ значительныхъ людей былъ отправленъ въ ссылку одинъ изъ близкихъ друзей Друза, молодой и даровитый Гай Готта; даже престарѣлый Маркъ Скавръ съ трудомъ избѣгнулъ такой-же участи. Недовѣріе къ тѣмъ сенаторамъ, которые сочувствовали реформамъ Друза, зашло такъ далеко, что вскорѣ послѣ того консулъ Лупъ увѣдомлялъ сенатъ изъ своего лагеря о сношеніяхъ, которыя

будто бы постоянно велись между находившимися въ этомъ лагерѣ оптиматами и непріятелемъ; поимка марсійскихъ шпіоновъ скоро доказала, что эти подозрѣнія были неосновательны. Тѣмъ не менѣе царь Митридатъ не безъ основанія замѣтилъ, что вражда партій раздирала римское государство даже сильнѣе, чѣмъ союзническая война.

Энергическія мѣры.

Однако взрывъ возстанія и терроризмъ, къ которому прибѣгала коммиссія по дѣламъ о государственной измѣнѣ, возстановили, — по меньшей мѣрѣ съ виду, — единодушіе и возбудили энергію. Раздоры партій прекратились; способные офицеры всѣхъ политическихъ оттѣнковъ — и демократъ Гай Марій и аристократъ Луцій Сулла и другъ Друза, Публій Сульпицій Руфъ предоставили себя въ распоряженіе правительства; раздача хлѣба была, какъ кажется, около того времени значительно ограничена народнымъ постановленіемъ съ цѣлію приберечь финансовые рессурсы государства для войны; эта мѣра была необходима тѣмъ болѣе потому, что при грозившемъ опасностью образѣ дѣйствій царя Митридата провинція Азія могла очутиться въ рукахъ непріятеля и вслѣдствіе того могъ изсякнуть одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ; всѣ суды, за исключеніемъ коммиссіи по дѣламъ о государственной измѣнѣ, временно прекратили свою дѣятельность, по распоряженію сената; теченіе всѣхъ дѣлъ пріостановилось и всѣ заботы сосредоточились на наборѣ солдатъ и на заготовленіи оружія.

Политическая организація возстанія. Анти-Римъ.

Между тѣмъ какъ первенствующая держава собирала всѣ свои силы въ виду предстоявшей трудной войны, инсургентамъ предстояло разрѣшить болѣе трудную задачу — ввести у себя политическую организацію во время самой войны. Анти - Римомъ или городомъ «Италіей» былъ избранъ городъ Корфиній, который стоялъ на прелестной равнинѣ у береговъ Пескары на территоріи Пелигновъ, лежавшей среди марсійскихъ, самнитскихъ, марруцинскихъ и вестинскихъ волостей, то есть въ самомъ центрѣ возставшихъ странъ; гражданскія права этого города были дарованы всѣмъ жителямъ возставшихъ общинъ, и тамъ были отведены мѣста для городской площади и для сенатскаго зданія въ такихъ размѣрамъ, какіе соотвѣтствовали назначенію города. Сенату изъ пяти сотъ членовъ было поручено составить конституцію и руководить дѣлами военнаго управленія. По его требованію, гражданство избрало изъ среды лицъ сенаторскаго званія двухъ консуловъ и двѣнадцать преторовъ, которые приняли на себя, — подобно двумъ римскимъ консуламъ и шести римскимъ преторамъ, — высшую правительственную власть и въ военное и въ мирное время. Латинскій языкъ, уже бывшій въ то время въ общемъ употребленіи у Марсовъ и у Пицентинцевъ, остался оффиціальнымъ языкомъ, но на ряду съ нимъ и на равныхъ съ нимъ правахъ былъ поставленъ самнитскій языкъ, какъ преобладавшій

въ южной Италіи; эти два языка стали попеременно употребляться на серебряныхъ монетахъ, которыя стало чеканить новое италійское государство отъ своего имени по римскому образцу и римской пробы; такимъ образомъ была фактически отмѣнена монетная монополія, принадлежавшая Риму въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ. Изъ этихъ распоряженій видно то-же, что и само по себѣ понятно,— что Италійцы уже не намѣревались достигнуть только уравненія въ правахъ съ Римлянами, а замышляли уничтоженіе или покореніе Римлянъ и основаніе новаго государства. Но изъ этихъ распоряженій также видно, что государственныя учрежденія Италійцевъ были ничто иное, какъ вѣрная копія съ римскихъ, или,—что одно и тоже,—были тѣ самыя, которыя съ незапамятныхъ временъ существовали у всѣхъ италійскихъ націй: они ввели у себя вмѣсто государственнаго устройства городское съ коренными народными сходками, столь же неудобными на практикѣ и столь-же ничтожными, какъ римскія комиціи; они учредили правительственную коллегію, заключавшую въ себѣ одинакіе съ римскимъ сенатомъ элементы олигархіи, и подобно Римлянамъ ввѣрили исполнительную власть нѣсколькимъ высшимъ должностнымъ лицамъ, которые соперничали другъ съ другомъ; это подражаніе доходило до мельчайшихъ подробностей,— такъ напримѣръ консульскій или преторскій титулъ главнокомандующихъ и у Италійцевъ замѣнялся послѣ одержанной побѣды титуломъ императора. Измѣнились только нѣкоторыя названія, подобно тому какъ на монетахъ инсургентовъ изображалось такое-же божество, какъ у Римлянъ, и только вмѣсто надписи Roma стояла надпись Italia. Римъ инсургентовъ отличался не въ свою пользу отъ настоящаго Рима только тѣмъ, что этотъ послѣдній пережилъ развитіе городскихъ учрежденій, а свое неестественное серединное положеніе между городомъ и государствомъ занялъ по меньшей мѣрѣ путемъ естественнаго развитія, между тѣмъ какъ новая Италія была для инсургентовъ ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ собранія конгресса, а предоставленное жителямъ полуострова названіе гражданъ этой новой столицы было ничѣмъ инымъ, какъ юридической фикціей. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что внезапное соединеніе многочисленныхъ отдѣльныхъ общинъ въ новое политическое цѣлое, по видимому, должно бы было навести на мысль о представительной формѣ правленія въ ея теперешнемъ смыслѣ, однако мы не находимъ никакихъ слѣдовъ чего либо подобнаго; мы замѣчаемъ даже нѣчто совершенно противоположное *), такъ напримѣръ общины были

*) Это очень ясно видно даже изъ дошедшихъ до насъ скудныхъ указаній, изъ которыхъ еще удовлетворительнѣе другихъ указанія Діодора, стр. 538, и Страбона, 5, 4, 2: такъ напримѣръ послѣдній положительно утверждаетъ, что должностныя лица выбирались гражданами. Нѣкоторые утверждали,—но это ничѣмъ недоказано,—что сенатъ Италіи былъ организованъ иначе, чѣмъ римскій, и что

организованы еще болѣе безсмысленно, чѣмъ прежде. Отсюда видно едва-ли не яснѣе чѣмъ изъ чего либо другаго, что, по понятіямъ древнихъ, съ существованіемъ свободныхъ учрежденій было неразрывно связано личное участіе самодержавнаго народа въ старинныхъ или въ городскихъ сходкахъ, и что великая основная идея нынѣшняго республиканско-конституціоннаго государственнаго управленія—олицетвореніе народнаго самодержавія въ собраніи представителей,—та основная идея, безъ которой немыслимо свободное государство, вполнѣ принадлежитъ новому времени. Даже италійскія государства никогда не были въ состояніи перешагнуть за этотъ рубежъ ни подъ владычествомъ Рима, ни подъ общимъ названіемъ Италіи, хотя и имѣли нѣкоторое сходство съ свободными государствами новаго времени благодаря тому, что у нихъ былъ сенатъ, состоявшій до нѣкоторой степени изъ народныхъ преставителей, а народныя сходки были упразднены.

Вооруженія. Итакъ, зимой 663/4 года, то есть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ после смерти Друза, началась та борьба, которая была борьбой сабелльскаго быка съ римской волчицей,—какъ ее изобразили инсургенты на одной изъ своихъ монетъ. Обѣ стороны дѣятельно готовились къ войнѣ; въ Италіи были собраны большіе запасы оружія, продовольствія и денегъ; въ Римъ свозились изъ провинцій, и въ особенности изъ Сициліи, необходимые для войны запасы, и тамъ на всякій случай приводили въ оборонительное положеніе городскія стѣны, о поддержаніи которыхъ уже давно перестали заботиться. Военныя силы обѣихъ сторонъ почти уравновѣшивались. Римляне пополнили отсутствіе италійскихъ контингентовъ частію усиленнымъ наборомъ рекрутъ изъ среды гражданства и изъ среды жившихъ по сю сторону Альповъ Кельтовъ, уже успѣвшихъ почти совершенно романизироваться (въ одной кампанской арміи они служили въ числѣ 10.000 человѣкъ *), частію вспомогательными войсками Нумидійцевъ и другихъ заморскихъ народовъ; кромѣ того они собрали военный флотъ при помощи греческихъ и малоазіатскихъ вольныхъ городовъ **). Съ каждой стороны были готовы къ выступленію въ 91

у него была другая сфера вѣдомства. При его первоначальной организаціи, натурально, позаботились о томъ, чтобъ возставшіе города имѣли въ немъ своихъ представителей до нѣкоторой степени равномѣрно; но до насъ не дошло никакихъ указаній на то, что сенаторы были по закону депутатами отъ общинъ. И изъ того, что сенату было поручено составленіе конституціи, никакъ нельзя дѣлать такого вывода, что эта конституція была обнародована не должностными липами и что она не была утверждена народнымъ собраніемъ.

*) Свинцовыя пули, которыя были найдены въ Аскулѣ, служатъ доказательствомъ того, что и въ арміи Страбона Галлы были въ большомъ числѣ.

78 **) До насъ дошло то постановленіе римскаго сената отъ 22 мая 676 года, которое предоставляло различныя почетныя отличія и преимущества тремъ гре-

походъ около 100.000 *) человѣкъ, не включая въ это число гарнизоны, а Италійцы ни въ чемъ не уступали Римлянамъ ни по боевымъ качествамъ своихъ войскъ, ни по военной тактикѣ, ни по вооруженію.

Раздробленіе обѣихъ армій.

Веденіе войны было и для инсургентовъ и для Римлянъ очень затруднительно отъ того, что возставшія страны были очень обширны, и отъ того, что на нихъ было разбросано много крѣпостей, державшихъ сторону Рима; поэтому съ одной стороны инсургенты были принуждены соединять оборону очень длинной пограничной линіи съ осадой крѣпостей, которая заставляла ихъ раздроблять ихъ силы и тратить на это дѣло много времени, а съ другой стороны и Римлянамъ приходилось одновременно вести войну во всѣхъ возставшихъ странахъ съ инсургентами, нигдѣ не сосредоточивавшими своихъ военныхъ силъ. Въ военномъ отношеніи возставшія страны дѣлились на двѣ половины: въ сѣверной половинѣ, простиравшейся отъ Пицена и отъ Абруццовъ до сѣверной границы Кампаніи и заключавшей въ себѣ тѣ округа, гдѣ былъ въ общемъ употребленіи латинскій языкъ, приняли на себя высшее командованіе, въ качествѣ консуловъ, со стороны Италійцевъ марсійскій уроженецъ Квинтъ Силонъ, со стороны Римлянъ Публій Рутилій Лупъ; въ южной половинѣ, которая обнимала Кампанію, Самній и вообще тѣ страны, гдѣ былъ въ общемъ употребленіи сабелльскій языкъ, командовали: въ званіи консула инсургентовъ самнитскій уроженецъ Гай Папій Мутилій, и въ званіи римскаго консула Луцій Юлій Цезарь. При италійскомъ главнокомандующемъ состояло шесть подчиненныхъ ему военачальниковъ, а при римскомъ пять; каждый изъ этихъ помощниковъ руководилъ нападеніемъ и обороной въ отведенномъ ему округѣ, между тѣмъ какъ консульскія арміи должны были дѣйствовать самостоятельно и стараться нанести противнику рѣшительный ударъ. Для занятія тѣхъ второстепенныхъ военныхъ должностей предоставили себя въ распоряженіе консуловъ самые знаменитые изъ тогдашнихъ римскихъ полководцевъ, какъ напримѣръ Гай Марій, Квинтъ Катуллъ, и оба отличившихся въ испанской войнѣ консуляра, Титъ Дидій и Публій Крассъ, а хотя Италійцы не могли противопоставить этимъ именамъ столь-же громко-извѣстныя, однако резуль-

ческимъ капитанамъ кораблей при увольненіи ихъ отъ службы; эти капитаны были изъ Кариста, изъ Клазоменъ и изъ Милета и получили эти награды за свою вѣрную службу съ самаго начала италійской войны [664]. Сюда-же относится сообщеніе Мемнона, что изъ Гераклеи, съ береговъ Чернаго моря, были вытребованы для италійской войны два трехвесельныхъ судна, которыя по прошествіи десяти лѣтъ воротились домой съ богатыми почетными наградами. 90

*) Что это утвержденіе Аппіана не преувеличено, доказываютъ найденные въ Аскулѣ свинцовые метательные снаряды, на которыхъ названъ въ числѣ другихъ легіоновъ и двадцатый.

татъ борьбы доказалъ, что ихъ вожди нисколько не уступали римскимъ по своимъ воинскимъ дарованіямъ.—Въ этой войнѣ, не имѣвшей никакого опредѣленнаго центра, роль нападающихъ принадлежала Римлянамъ, но они нигдѣ не брались за нее съ энергіей. Замѣчательно, что ни Римляне не сосредоточивали своихъ войскъ съ цѣлію напасть на инсургентовъ, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, ни инсургенты не пытались вторгнуться въ Лаціумъ и напасть на непріятельскую столицу; впрочемъ мы такъ мало знакомы съ соображеніями, которыя руководили дѣйствіями обѣихъ сторонъ, что мы не въ состояніи рѣшить, можно-ли было и какъ было можно дѣйствовать иначе; мы также не въ состояніи рѣшить, въ какой мѣрѣ этотъ недостатокъ единства въ веденіи военныхъ дѣйствій былъ послѣдствіемъ съ одной стороны вялости римскаго правительства, съ другой стороны слабости федеративной связи между возставшими общинами. Понятно, что при такой системѣ военныхъ операцій случались и побѣды и пораженія, но борьба очень долго не приходила къ окончательной развязкѣ; не менѣе понятно и то, что по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ нѣтъ возможности ясно описать ходъ войны, которая состояла изъ длиннаго ряда сраженій между отрядами, дѣйствовавшими то отдѣльно, то сообща.

Начало войны. Само собой разумѣется, что первыя нападенія были сдѣланы на тѣ, находившіяся въ возставшихъ странахъ крѣпости, которыя держали сторону Рима; онѣ поспѣшили запереть свои городскія ворота и перевезти движимость изъ окрестностей въ города. **Крѣпости.** Силонъ напалъ на главный оплотъ Марсовъ — на крѣпость Альбу, а Мутилъ на стоявшій въ самомъ центрѣ Самнія, латинскій городъ Эзернію: и тутъ и тамъ было оказано самое энергическое сопротивленіе. Борьба этого рода, вѣроятно, также велась на сѣверѣ около Фирма, Атріи и Пинны, на югѣ около Луцеріи, Беневента, Нолы и Песта и прежде и послѣ того, какъ римскія войска появились на границахъ возставшихъ странъ.

Цезарь въ Кампаніи и въ Самніи. Южная армія собралась подъ начальствомъ Цезаря весной 664 90
года въ Кампаніи, бо́льшая часть которой оставалась вѣрной Риму; она снабдила гарнизонами Капуу съ ея столь важными для римскихъ финансовъ казенными землями и самые значительные изъ союзныхъ городовъ; за тѣмъ она попыталась перейти въ наступленіе и придти на помощь къ менѣе многочисленнымъ отрядамъ Марка Марцелла и Публія Красса, высланнымъ впередъ по дорогѣ въ Самній и въ Луканію. Но Самниты и Марсы, подъ предводительствомъ Публія Веттія Скатона, отразили Цезаря, нанеся ему большія потери; вслѣдъ за этимъ, важный городъ Венафръ перешолъ на сторону инсургентовъ, которымъ выдалъ римскій гарнизонъ. Вслѣдствіе отпаденія этого города, стоявшаго на военной дорогѣ, которая шла изъ Кампаніи въ Самній, Эзернія была отрѣзана; этой крѣпости и ранѣе того

уже приходилось обороняться отъ энергически веденной осады, а теперь ей пришлось разсчитывать только на мужество и стойкость ея гарнизона и ея коменданта Марцелла. Сильно тѣснимые защитники Эзерніи могли на минуту вздохнуть свободно, благодаря экскурсіи, которую успѣшно довелъ до конца Сулла съ такою-же отважной изворотливостью, какую выказалъ за много лѣтъ передъ тѣмъ во время своей командировки къ Бокху; но жестокій голодъ принудилъ ихъ послѣ упорнаго сопротивленія сдаться въ концѣ года на капитуляцію. И въ Луканіи Публій Крассъ былъ разбитъ Маркомъ Лампоніемъ и былъ принужденъ запереться въ Грументѣ, который сдался послѣ продолжительной и упорной осады. Апулію и южныя страны пришлось предоставить ихъ собственнымъ оборонительнымъ средствамъ. Возстаніе распространялось все шире и шире; когда Мутилъ вступилъ во главѣ самнитской арміи въ Кампанію, гражданство Нолы сдало ему городъ и выдало римскій гарнизонъ, начальникъ котораго былъ, по приказанію Мутила, казненъ, а солдаты были размѣщены въ рядахъ побѣдоносной арміи. За исключеніемъ одной Нуцеріи, упорно стоявшей за Римъ, вся Кампанія вплоть до Везувія была утрачена Римлянами; Салернъ, Стабіи, Помпеи и Геркуланъ приняли сторону инсургентовъ; Мутилъ былъ въ состояніи проникнуть въ страны, лежащія къ сѣверу отъ Везувія, и во главѣ своей самнитско-луканской арміи осадить Ацерры. Нумидійцы, которыхъ было очень много въ арміи Цезаря, стали толпами переходить къ Мутилу, или, вѣрнѣе, къ сыну Югурты Оксинту, который попался въ руки Самнитовъ при сдачѣ Венузіи, а теперь появился въ рядахъ Самнитовъ въ царскомъ пурпуровомъ одѣяніи; это принудило Цезаря отослать весь африканскій отрядъ обратно на родину. Мутилъ даже осмѣлился напасть на римскій лагерь; но онъ былъ отбитъ, а Самниты, на которыхъ римская конница напала съ тылу во время ихъ отступленія, оставили на полѣ сраженія около 6000 убитыхъ. Это былъ первый значительный успѣхъ, достигнутый Римлянами въ этой войнѣ; армія провозгласила своего начальника императоромъ, а сильно упавшая духомъ столица стала ободряться. Вскорѣ послѣ того, на эту побѣдоносную армію напалъ Марій Эгнацій во время ея переправы черезъ какую-то рѣку, и она потерпѣла такое рѣшительное пораженіе, что съ нею пришлось отступить въ Теанъ для того, чтобъ за-ново ее организовать; однако дѣятельный консулъ успѣлъ еще до наступленія зимы возстановить боевыя силы своей арміи и снова занять свою прежнюю позицію подъ стѣнами Ацерръ, которыя все еше держала въ осадѣ главная самнитская армія подъ начальствомъ Мутила.

Эзернія взята инсургентами.

Взятіе Нолы.

Большая часть Кампаніи утрачена Римлянами.

Въ то же время начались военныя дѣйствія и въ средней Италіи, гдѣ возстаніе угрожало опасностью столицѣ, такъ какъ вспыхнуло неподалеку отъ нея въ Абруццахъ и въ окрестностяхъ Фуцинскаго

Сраженія съ Марсами.

озера. Самостоятельный отрядъ былъ отправленъ подъ начальствомъ Гнея Помпея Страбона въ Пиценскій округъ съ порученіемъ угрожать Аскулу, опираясь на Фирмъ и на Фалеріи, а главныя силы сѣверной римской арміи заняли подъ начальствомъ консула Лупа позиціи на границѣ между областями латинскими и марсійскими, гдѣ непріятель, стоявшій на Валерійскомъ и на Саларійскомъ шоссе, былъ ближе къ столицѣ, чѣмъ всѣ другіе непріятельскіе отряды; маленькая рѣчка Толенъ (Turano), пересѣкающуя Валерійскую дорогу между Тибуромъ и Альбой и впадающая подлѣ Ріети въ Велино, раздѣляла двѣ арміи. Консулъ Лупъ нетерпѣливо желалъ рѣшительнаго сраженія и пренебрегъ непріятнымъ для него совѣтомъ Марія предварительно упражнять неопытныхъ солдатовъ въ мелкихъ стычкахъ. Одинъ изъ его отрядовъ, состоявшій подъ начальствомъ Гайя Перпенны изъ 10.000 человѣкъ, потерпѣлъ полное пораженіе. Главнокомандующій устранилъ разбитаго генерала отъ командованія и присоединилъ остатки его отряда къ войскамъ, находившимся подъ начальствомъ Марія; однако это не удержало его отъ намѣренія дѣйствовать наступательно: двумя отрядами, нахоходившимися частію подъ его личнымъ начальствомъ, частію подъ начальствомъ Марія, онъ перевелъ свою армію черезъ Толенъ по двумъ мостамъ, наведеннымъ на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго. На той сторонѣ рѣки стоялъ Публій Скатонъ съ Марсами; онъ разбилъ свой лагерь на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ переходилъ черезъ рѣку Марій; но прежде чѣмъ началась переправа, онъ ушелъ оттуда, оставивъ тамъ лишь передовые лагерные посты и сталъ въ засадѣ далѣе вверхъ по теченію рѣки; оттуда онъ неожиданно напалъ на отрядъ Лупа во время его переправы черезъ рѣку и частію

Пораженіе и смерть Лупа.

уничтожилъ его, частію загналъ въ рѣку (11 іюня 664). Самъ 90
консулъ палъ на полѣ сраженія вмѣстѣ съ 8000 своихъ солдатъ. Едва-ли можно было считать вознагражденіемъ за это пораженіе то, что Марій, наконецъ убѣдившись въ отступленіи Скатона, перешолъ черезъ рѣку и отнялъ у непріятеля его лагерь не безъ значительныхъ для него потерь. Однако этотъ переходъ черезъ рѣку и побѣда, одержанная вч то же время надъ Пелигнами Сервіемъ Сульпиціемъ, заставили Марсовъ отодвинуть ихъ линію обороны немного назадъ, а Марій, по рѣшенію сената замѣнившій Лупа въ званіи главнокомандующаго, по меньшей мѣрѣ воспрепятствовалъ дальнѣйшимъ успѣхамъ непріятеля. Вскорѣ послѣ того, Квинтъ Цепіонъ былъ назначенъ его сотоварищемъ на равныхъ съ нимъ правахъ не столько потому, что съ успѣхомъ выдержалъ битву, сколько потому, что всѣмъ руководившіе въ то время въ Римѣ всадники благоволили къ нему за его горячую оппозицію противъ Друза; Цепіонъ повѣрилъ притворному намѣренію Силона измѣннически предать Римлянамъ свою армію, попался вслѣдствіе этого въ засаду

и былъ изрубленъ Марсами и Вестинами съ большею частію своихъ войскъ. Марій, снова одинъ оставшійся во главѣ арміи послѣ смерти Цепіона, не дозволилъ непріятелю воспользоваться его успѣхомъ и мало по малу проникъ внутрь территоріи Марсовъ. Отъ битвы онъ долго уклонялся; наконецъ, рѣшившись на нее, онъ одолѣлъ своего пылкаго противника, который оставилъ на полѣ сраженія въ числѣ другихъ убитыхъ и вождя Марруциновъ, Герія Азинія. Во второмъ сраженіи армія Марія, при содѣйствіи принадлежавшаго къ южной арміи отряда Суллы, нанесла Марсамъ еще болѣе чувствительное пораженіе, которое стоило имъ 6000 человѣкъ; но честь этой побѣды принадлежала младшему начальнику, такъ какъ хотя битва была дана и выиграна Маріемъ, но Сулла отрѣзалъ непріятелю отступленіе и уничтожилъ его.

Война въ Пиценѣ.

Въ то время, какъ у Фуцинскаго озера борьба велась упорно и съ перемѣннымъ успѣхомъ, и находившійся подъ начальствомъ Страбона пиценскій отрядъ то дѣйствовалъ съ успѣхомъ, то терпѣлъ неудачи. Вожди инсургентовъ — уроженецъ Аскула Гай Юдацилій, Публій Веттій Скатонъ и Титъ Лафреній напали на этотъ отрядъ соединенными силами, разбили его и принудили укрыться въ Фирмѣ, гдѣ Лафреній держалъ Страбона въ осадѣ, между тѣмъ какъ Юдацилій проникъ въ Апулію и склонилъ Канузій, Венузію и другіе еще державшіе тамъ сторону Рима города принять сторону инсургентовъ. Однако, побѣда Сервія Сульпиція надъ Пелигнами доставила ему возможность проникнуть въ Пиценъ и подать помощь Страбону. Въ то время, какъ Страбонъ напалъ на Лафренія съ фронта, Сульпицій напалъ на него съ тылу; непріятельскій лагерь былъ сожженъ, самъ Лафреній былъ убитъ, а остатки его арміи въ безпорядкѣ бѣжали въ Аскулъ. Положеніе дѣлъ въ Пиценскомъ округѣ до такой степени измѣнилось, что прежде тамъ оставался во власти Римлянъ только Фирмъ, а теперь остался во власти Италійцевъ только Аскулъ; такимъ образомъ военныя дѣйствія снова ограничились тамъ осадой.

Борьба въ Умбріи и въ Этруріи.

Наконецъ въ теченіе того же года Римлянамъ пришлось вести, кромѣ трудной и происходившей на обширномъ пространствѣ борьбы въ южной и въ средней Италіи, еще третью войну въ сѣверныхъ странахъ; опасное положеніе, въ которомъ находился Римъ послѣ первыхъ мѣсяцевъ войны, побудило большую часть умбрійскихъ общинъ и нѣкоторыя изъ этрусскихъ общинъ принять сторону инсургентовъ; поэтому Римляне были вынуждены поручить веденіе войны съ Умбрами Авру Плоцію, а веденіе войны съ Этрусками Луцію Порцію Катону. Впрочемъ Римляне встрѣтили тамъ гораздо менѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ въ странахъ Марсовъ и Самнитовъ, и постоянно имѣли рѣшительный перевѣсъ въ открытомъ полѣ.

Неблагопрі-

Такимъ образомъ истекъ тяжелый первый годъ войны, оставивъ

ятные результаты перваго года войны.

послѣ себя, какъ въ военномъ такъ и въ политическомъ отношеніи, мрачныя воспоминанія и плохія надежды. Въ военномъ отношеніи, двѣ римскія арміи, дѣйствовавшія въ странѣ Марсовъ и въ Кампаніи, были ослаблены и обезкуражены тяжелыми пораженіями; сѣверная армія была принуждена заботиться прежде всего объ охранѣ столицы; стоявшей подлѣ Неаполя южной арміи угрожала серьозная опасность быть отрѣзанной, такъ какъ инсургенты могли безъ большаго труда проникнуть туда съ территоріи Марсовъ или съ территоріи Самнитовъ и стать твердою ногой между Римомъ и Неаполемъ; поэтому было признано необходимымъ по меньшей мѣрѣ протянуть цѣпь сторожевыхъ постовъ отъ Кумъ до Рима. Въ политическомъ отношеніи, возстаніе распространилось во всѣ стороны въ теченіе этого перваго года борьбы; переходъ Нолы на сторону инсургентовъ, торопливая капитуляція хорошо укрѣпленной и большой латинской колоніи Венузіи, возстаніе Умбровъ и Этрусковъ—все это были тревожные признаки того, что римская симмахія была глубоко расшатана въ своихъ основахъ и что она не была въ состояніи выдержать этого послѣдняго испытанія. Уже были потребованы отъ гражданства самыя крайнія усилія: чтобъ организовать упомянутую выше цѣпь сторожевыхъ постовъ вдоль латинско-кампанскихъ береговъ уже были зачислены въ гражданскую милицію около 6000 вольноотпущенниковъ; на оставшихся вѣрными Риму союзниковъ уже были наложены самыя тяжелыя жертвы; уже не было возможности натягивать тетиву лука еще туже, не рискуя, что она лопнетъ.

Римляне падаютъ духомъ.

Гражданство впало въ крайнее уныніе. Послѣ битвы при Толенѣ, когда трупы консула и многочисленныхъ павшихъ вмѣстѣ съ нимъ именитыхъ гражданъ были привезены въ столицу съ недалекаго отъ нея поля сраженія и были тамъ погребены, когда должностныя лица, въ знакъ публичнаго траура, сложили съ себя пурпуровыя одѣянія и свои почетныя отличія, когда правительство приказало всѣмъ столичнымъ жителямъ запасаться оружіемъ, тогда многіе впали въ отчаяніе и полагали, что все погибло. Отъ крайняго упадка духомъ, правда, предохраняли побѣды, которыя были одержаны Цезаремъ при Ацеррахъ и Страбономъ въ Пиценскомъ округѣ; когда было получено извѣстіе о первой изъ этихъ побѣдъ, въ столицѣ снова замѣнили военное одѣяніе гражданскимъ, а когда было получено извѣстіе о второй, перестали носить знаки публичнаго траура; тѣмъ не менѣе не подлежало никакому сомнѣнію, что въ общемъ итогѣ Римляне вели борьбу неудачно, а всего важнѣе было то, что и сенатъ и гражданство уже утратили то мужество, которое помогло имъ вынести всѣ тяжелыя испытанія во время войны съ Аннибаломъ и наконецъ доставило имъ побѣду. Правда, войну Римляне начали съ такой-же заносчивой самонадѣянностью,

какъ и въ ту пору, но они не съумѣли, какъ въ ту пору, довести ее до конца, не утрачивая этой самонадѣянности; вмѣсто непреклоннаго упорства и стойкой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ обнаруживались вялость и малодушіе. Уже по истеченіи перваго года войны внѣшняя и внутренняя политика внезапно измѣнилась и обнаружила склонность къ мирному соглашенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ самый благоразумный способъ покончить войну,—но вовсе не потому, что военныя неудачи принуждали Римлянъ согласиться на невыгодныя для нихъ условія, а потому, что война велась изъ желанія навсегда удержать за собою такія политическія преимущества надъ остальными Италійцами, которыя были болѣе вредны, чѣмъ полезны для самой республики. Въ общественной жизни иногда случается, что одна ошибка заглаживаетъ другую, а въ настоящемъ случаѣ малодушіе до нѣкоторой степени загладило вредъ, причиненный безразсуднымъ упорствомъ.

Переворотъ въ политическихъ процессахъ.

90 664-й годъ начался самымъ рѣшительнымъ отказомъ отъ предложеннаго инсургентами соглашенія и уголовными преслѣдованіями, посредствомъ которыхъ самые пылкіе поборники патріотическаго эгоизма — капиталисты мстили всѣмъ тѣмъ, кого подозрѣвали въ умѣренномъ образѣ мыслей и въ склонности къ своевременной уступчивости. Наоборотъ, трибунъ Маркъ Плавцій Сильванъ, вступившій въ отправленіе своей должности 10 декабря того-же года, провелъ законъ, который отнялъ коммиссію по дѣламъ о государственной измѣнѣ у присяжныхъ изъ сословія капиталистовъ и ввѣрилъ ее другимъ присяжнымъ, которые назначались по свободному выбору округовъ, не стѣсненному никакими ограниченіями въ пользу какого либо сословія; послѣдствіемъ этого было то, что эта коммиссія превратилась изъ бича умѣренной партіи въ бичъ крайней партіи и въ числѣ другихъ отправила въ изгнаніе своего собственнаго учредителя Квинта Варія, котораго общественное мнѣніе обвиняло въ самыхъ гнусныхъ демократическихъ злодѣяніяхъ—въ отравленіи Квинта Метелла и въ умерщвленіи Друза.

Дарованіе гражданскихъ правъ тѣмъ Италійцамъ, которые оставались вѣрными Риму и которые добровольно покорились.

Еще болѣе важнымъ, чѣмъ это странное и непритворное отреченіе отъ прежнихъ убѣжденій, было измѣненіе той политики, которой прежде держались по отношенію къ Италійцамъ. Ровно триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Римъ былъ въ послѣдній разъ вынужденъ принять предписанныя ему мирныя условія; теперь Римъ былъ снова побѣжденъ, а миръ, котораго онъ сильно желалъ, былъ возможенъ только при томъ условіи, чтобъ было изъявлено согласіе по меньшей мѣрѣ на нѣкоторыя изъ предъявленныхъ противникомъ требованій. Съ тѣми общинами, которыя взялись за оружіе съ цѣлію покорить и разрушить Римъ, вражда дошла до такого ожесточенія, что Римъ никакъ не могъ-бы унизиться до изъявленія согласія на потребованныя ими уступки, а еслибы и сдѣлалъ это, то его уступки,

быть можетъ, были-бы теперь отвергнуты противной стороной. Напротивъ того, еслибы первоначальныя требованія тѣхъ общинъ которыя до того времени не измѣняли Риму, были удовлетворены съ нѣкоторыми ограниченіями, то съ одной стороны Римляне соблюли-бы наружный видъ добровольной уступчивости, а съ другой стороны предотвратили-бы неизбѣжное въ противномъ случаѣ болѣе прочное соединеніе союзниковъ въ одну федерацію, и тѣмъ расчистили-бы для себя путь къ побѣдѣ. Вотъ почему двери римскаго гражданства, такъ долго нерастворявшіяся ни передъ чьими просьбами, внезапно растворились, когда въ нихъ стали стучаться съ мечами въ рукахъ, — однако и на этотъ разъ онѣ растворились не вполнѣ, не охотно и даже оскорбительнымъ образомъ для тѣхъ, кто въ нихъ вступалъ. Изданный по предложенію консула Луція Цезаря *) законъ предоставлялъ римскія гражданскія права гражданамъ всѣхъ тѣхъ италійскихъ союзныхъ общинъ, которыя до того времени еще не отложились отъ Рима; другой законъ, изданный по предложенію народныхъ трибуновъ Марка Плавція Сильвана и Гайя Папирія Карбона, дозволилъ всякому, кто имѣлъ постоянное жительство въ Италіи на правахъ италійскаго гражданства, пріобрѣтать права римскаго гражданства путемъ подачи заявленія одному изъ римскихъ должностныхъ лицъ въ теченіе двухмѣсячнаго срока. Однако, эти новые граждане были, подобно вольноотпущенникамъ, ограничены въ своемъ правѣ подавать голоса: они могли быть приписаны только къ восьми округамъ изъ общаго числа тридцати пяти, подобно тому, какъ вольноотпущенники могли быть приписаны только къ четыремъ; было-ли это ограниченіе личнымъ или,—какъ повидимому слѣдуетъ полагать,—наслѣдственнымъ, нѣтъ возможности рѣшить съ точностью. Эта мѣра относилась первоначально къ собственной Италіи, которая простиралась въ ту пору на сѣверъ немного далѣе Анконы и Флоренціи.

Дарованіе латинскаго права италійскимъ Кельтамъ. Въ странахъ, которыя были заняты Кельтами по сю сторону Альповъ и по закону считались заграничными, но по своему управленію и по заведенію тамъ колоній въ сущности уже давно входили въ составъ Италіи, Римляне обошлись со всѣми латинскими колоніями такъ-же, какъ и съ италійскими общинами. Послѣ того, какъ было прекращено по сю сторону По существованіе старинныхъ кельтскихъ племенныхъ общинъ, страна была организована бо́льшею частію не по муниципальному образцу, а находилась во владѣніи римскихъ гражданъ, жившихъ большею частію въ торговыхъ мѣ-

---

90 *) Юліевскій законъ былъ утвержденъ, вѣроятно, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 664 года, такъ какъ въ хорошее время года Цезарь былъ въ походѣ; Плавціевскій законъ былъ, по всему вѣроятію, утвержденъ въ обыкновенномъ порядкѣ трибунскихъ предложеній немедленно вслѣдъ за вступленіемъ трибуновъ въ
90 89 должность, то есть въ декабрѣ 664 года или въ январѣ 665 года.

стечкахъ (fora). Находившіяся по сю сторону По, немногочисленныя поселенія союзниковъ, а именно Равенна и вся мѣстность промежъ По и Альпами, получили италійскія городскія учрежденія вслѣдствіе закона, изданнаго въ 665 году по предложенію консула 89
Страбона, а тѣ общины, въ которыхъ было неудобно вводить эти учрежденія, въ особенности поселенія въ альпійскихъ долинахъ, были приписаны къ отдѣльнымъ городамъ въ качествѣ зависимыхъ отъ нихъ и обязанныхъ уплачивать имъ оброкъ деревень; однако эти новыя городскія общины не были надѣлены римскими гражданскими правами; путемъ юридической фикціи, что эти общины—латинскія колоніи, имъ были предоставлены такія-же права, какія прежде предоставлялись латинскимъ городамъ, не пользовавшимся привилегированнымъ положеніемъ. Стало быть, Италія фактически простиралась въ ту пору до береговъ По, а страны по ту сторону этой рѣки считались какъ-бы ея преддверіемъ. Къ сѣверу отъ По вовсе не было гражданскихъ или латинскихъ колоній, кромѣ Кремоны, Эпоредіи и Аквилеи; даже туземныя племена не были вытѣснены оттуда такъ-же, какъ были вытѣснены изъ странъ, лежащихъ къ югу отъ этой рѣки. Упраздненіе кельтскаго волостнаго устройства и введеніе италійскихъ городскихъ учрежденій расчистили для романизаціи путь въ эти богатыя и обширныя страны; это былъ первый шагъ къ продолжительному и богатому послѣдствіями превращенію галльскаго племени въ собрата его италійскихъ властителей, — того самаго галльскаго племени, для борьбы съ которымъ когда-то соединяла свои силы Италія.—Какъ ни были важны эти уступки въ сравненіи съ непрекращавшеюся въ теченіи слишкомъ ста пятидесяти лѣтъ непреклонною замкнутостью римскаго гражданства, все таки онѣ не были капитуляціей передъ настоящими инсургентами, а клонились частію къ тому, чтобъ удержать въ повиновеніи колебавшіяся и грозившія отпаденіемъ общины, частію къ тому, чтобъ привлекать какъ можно болѣе перебѣжчиковъ изъ непріятельскихъ рядовъ. Въ какомъ объемѣ примѣнялись на практикѣ эти законы и въ особенности самый важный изъ нихъ— изданный по предложенію Цезаря, нельзя съ точностью опредѣлить, потому что размѣры возстанія во время изданія этого закона извѣстны намъ только въ своихъ общихъ чертахъ. Во всякомъ случаѣ важно было то, что этимъ путемъ вступили въ римскій гражданскій союзъ и тѣ общины, которыя до того времени были латинскими, и остатки прежней латинской конфедераціи — Тибуръ и Пренестъ, и въ особенности латинскія колоніи за исключеніемъ немногихъ, перешедшихъ на сторону инсургентовъ. Кромѣ того новый законъ былъ примѣненъ къ тѣмъ союзнымъ городамъ Этруріи и въ особенности южной Италіи, которые оставались вѣрными Риму, какъ напримѣръ къ Нуцеріи и къ Неаполю. Понятно, что нѣкоторыя изъ

общинъ, до того времени пользовавшихся особыми привилегіями, колебались, не зная, слѣдуетъ-ли принять предлагаемыя имъ гражданскія права; такъ напримѣръ Неаполь нерѣшался промѣнять на ограниченныя права новыхъ гражданъ условія своего прежняго договора съ Римомъ, которыя обезпечивали его жителямъ свободу отъ сухопутной военной службы, его греческія учрежденія и, быть можетъ, также пользованіе казенными землями; эти колебанія, по всему вѣроятію, и были причиной заключенія договоровъ, въ силу которыхъ Неаполь, Регіонъ и, быть можетъ, нѣкоторыя другія изъ находившихся въ Италіи греческихъ общинъ сохранили, даже послѣ своего вступленія въ гражданскій союзъ, и свои прежнія общинныя учрежденія и оффиціальное употребленіе греческаго языка. Во всякомъ случаѣ, новые законы очень расширили римскій гражданскій союзъ, включивъ въ его составъ многочисленныя и значительныя городскія общины, которыя были разбросаны на всемъ пространствѣ отъ Сицилійскаго пролива до береговъ По; да и дарованіе высшихъ союзническихъ правъ жителямъ тѣхъ странъ, которыя лежатъ между По и Альпами, служило какъ-бы легальнымъ предвѣстникомъ дарованія полныхъ гражданскихъ правъ.

Второй годъ войны. Опираясь на сдѣланныя въ пользу колебавшихся общинъ уступки, Римляне съ свѣжимъ мужествомъ снова принялись за борьбу съ возставшими округами. Прежнія политическія учрежденія были упразднены въ той мѣрѣ, въ какой это казалось необходимымъ для того, чтобъ предотвратить распространеніе пожара; съ тѣхъ поръ возстаніе, по меньшей мѣрѣ, перестало расширяться. **Спокойствіе возстановлено въ Этруріи и въ Умбріи.** Въ особенности въ Этруріи и въ Умбріи, гдѣ возстаніе только что начиналось, оно было подавлено съ поразительной быстротой, конечно, не столько успѣхами римскаго оружія, сколько Юліевскимъ закономъ. Въ прежнихъ латинскихъ колоніяхъ, въ густо населенныхъ странахъ вдоль теченія По, нашлись обильные ресурсы, на которые теперь можно было съ довѣріемъ полагаться; съ помощью этихъ ресурсовъ и тѣхъ, которые заключались въ самомъ гражданствѣ, уже можно было приступить къ тушенію изолированнаго пожара. Оба прежнихъ главнокомандующихъ возвратились въ Римъ,—Цезарь, потому что былъ выбранъ въ цензоры, а Марій, потому что его порицали за нерѣшительное и медленное веденіе военныхъ дѣйствій и потому что этого шестидесяти-шести-лѣтняго человѣка считали одряхлѣвшимъ отъ старости. Эти нападки были, по всему вѣроятію, неосновательны: ежедневно появляясь въ Римѣ на гимнастическихъ упражненіяхъ, Марій по меньшей мѣрѣ доказалъ, что сохранилъ всю бодрость своихъ физическихъ силъ, а въ качествѣ главнокомандующаго онъ, какъ кажется, велъ послѣднюю кампанію съ такимъ же, какъ прежде, знаніемъ военнаго дѣла; но онъ не достигъ такихъ блестящихъ успѣховъ, безъ которыхъ не могъ снова подняться въ

общественномъ мнѣніи послѣ своего политическаго банкротства; поэтому этотъ прославленный воинъ былъ къ своему крайнему огорченію устраненъ безъ всякихъ околичностей подобно тому, какъ отдаютъ въ ломъ сдѣлавшійся негоднымъ для употребленія мечъ. Марія замѣнилъ во главѣ марсійской арміи консулъ того года Луцій Порцій Катонъ, съ отличіемъ сражавшійся въ Этруріи; Цезаря замѣнилъ во главѣ кампанской арміи его помощникъ Луцій Сулла, которому были обязаны нѣкоторыми изъ самыхъ важныхъ успѣховъ прошлой кампаніи, а въ Пиценскомъ округѣ былъ оставленъ во главѣ арміи выбранный на тотъ годъ въ консулы, Гней Страбонъ, который и прежде руководилъ тамъ военными дѣйствіями съ большимъ успѣхомъ.

89 Въ 665 году вторая кампанія началась напоминавшею грандіозный ходъ самнитской войны, смѣлою попыткою инсургентовъ отправить еще въ теченіе зимы пятнадцати тысячный отрядъ Марсовъ въ Этрурію на помощь къ готовившемуся въ сѣверной Италіи возстанію. Но этому отряду пришлось проходить черезъ тотъ округъ, въ которомъ командовалъ Страбонъ; ему былъ загражденъ путь и было нанесено рѣшительное пораженіе; лишь немногимъ изъ Марсовъ удалось возвратиться на ихъ отдаленную родину. Когда время года позволило римской арміи перейти въ наступленіе, Катонъ вступилъ на территорію Марсовъ и, одерживая побѣды, подвигался впередъ, но былъ убитъ въ окрестностяхъ Фуцинскаго озера во время попытки взять непріятельскій лагерь приступомъ; тогда Страбонъ сталъ одинъ руководить военными дѣйствіями въ средней Италіи. Онъ занялся частію продолженіемъ осады Аскула, частію покореніемъ Марсовъ, Сабелловъ и Апулійцевъ. На выручку своего роднаго города появился подъ стѣнами Аскула Юдацилій съ пиценскимъ ополченіемъ; онъ напалъ на осаждающихъ, а гарнизонъ въ то же время сдѣлалъ вылазку и устремился на римскія линіи. Въ этотъ день, какъ утверждаютъ, 75.000 Римлянъ дрались съ 60.000 Италійцевъ. Побѣда осталась на сторонѣ Римлянъ; однако Юдацилій успѣлъ войти въ городъ съ частію приведенныхъ имъ войскъ. Осада возобновилась; она была продолжительна [1]) потому что городъ былъ хорошо укрѣпленъ, а жители отчаянно оборонялись, не позабывая, въ какой грозной формѣ была объявлена война внутри ихъ городскихъ стѣнъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мужественнаго сопротивленія Юдацилій наконецъ убѣдился въ неизбѣжности капитуляціи; тогда онъ приказалъ казнить мучительною смертію вождей преданной Риму партіи и вслѣдъ затѣмъ самъ лишилъ себя жизни.

Война въ Пиценскомъ округѣ.

Осада Аскула.

---

[1]) Въ окрестностяхъ Асколи до сихъ поръ находятъ свинцовыя пули, на которыхъ обозначены названія тѣхъ легіоновъ, которые употребляли ихъ въ дѣло; на нѣкоторыхъ изъ нихъ написано: „попади въ Пицентовъ“ или „попади въ Помпея“; первыя, конечно, были римскія, а вторыя—италійскія.

Взятіе Аскула. Городскія ворота растворились передъ осаждающими и казни стали совершаться уже не по усмотрѣнію Италійцевъ, а по усмотрѣнію Римлянъ: всѣ офицеры и всѣ вліятельные граждане были казнены; остальные жители были выгнаны изъ города и имъ пришлось жить нищенскими подаяніями, потому что все ихъ имущество было конфисковано въ пользу государства.

Покореніе Сабелловъ и Марсовъ. И во время осады Аскула и послѣ его паденія многочисленные римскіе отряды проникали въ сосѣдніе возставшие округа и приводили ихъ въ покорность. Марруцины покорились послѣ того, какъ Сервій Сульпицій нанесъ имъ рѣшительное пораженіе подлѣ Теате (Кіэти). Преторъ Гай Косконій проникъ въ Апулію, завладѣлъ Салапіей и Каннами и приступилъ къ осадѣ Канузія. Самнитскій отрядъ подъ предводительствомъ Марія Эгнація пришолъ на помощь къ этой невоинственной странѣ и успѣлъ оттѣснить Римлянъ, но былъ разбитъ римскимъ главнокомандующимъ во время переправы черезъ Авфидъ; самъ Эгнацій былъ убитъ, а остатки его отряда были принуждены укрыться за стѣнами Канузія. Римляне снова стали подвигаться впередъ, достигли Венузіи и Руби и завладѣли всей Апуліей. Они возстановили свое владычество и въ главныхъ центрахъ возстанія—у Фуцинскаго озера и въ горахъ Майеллы: Марсы покорились помощникамъ Страбона, Квинту Метеллу Пію и Гайю
88 Циннѣ, а Вестины и Пелигны въ слѣдующемъ году (666) самому Страбону; столица инсургентовъ «Италія» скоро сдѣлалась тѣмъ-же, чѣмъ была прежде—скромнымъ городкомъ Пелигновъ Корфиніемъ; остатки италійскаго сената укрылись на самнитской территоріи.

Кампанія покорена вплоть до Нолы. Южная римская армія, которою командовалъ въ то время Луцій Сулла, также стала дѣйствовать наступательно и проникла въ занятую непріятелемъ южную Кампанію. Стабіи были взяты и разрушены самимъ Суллой (30 апрѣля 665), а Геркуланъ былъ 89
взятъ и разрушенъ Титомъ Дидіемъ, который однако самъ, какъ кажется, былъ убитъ при штурмѣ этого города (11 іюня). Дольше сопротивлялись Помпеи. Самнитскій полководецъ Луцій Клуэнцій пришелъ на помощь къ Геркулану, но былъ отраженъ Суллой, а когда онъ, получивши въ подкрѣпленіе отряды Кельтовъ, возобновилъ свое нападеніе, то главнымъ образомъ по причинѣ неустойчивости этихъ ненадежныхъ союзниковъ потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе, что его лагерь былъ взятъ Римлянами; онъ самъ былъ убитъ и его войско было истреблено въ то время, какъ спасалось бѣгствомъ въ Нолу. Благодарная римская армія поднесла своему главнокомандующему вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, которымъ по лагерному обыкновенію украшали того, кто своею доблестью спасъ отъ гибели отрядъ своихъ боевыхъ товарищей.

Сулла въ Самніи. Не тратя времени на осаду Нолы и другихъ кампанскихъ городовъ, еще находившихся въ рукахъ Самнитовъ, Сулла немедленно

двинулся во внутрь страны, гдѣ находился главный очагъ возстанія. Быстрое завладѣніе Экланомъ и его страшное наказаніе навели ужасъ на всю страну Гирпиновъ; она покорилась еще до прибытія шедшихъ къ ней на помощь луканскихъ войскъ, такъ что Сулла могъ безпрепятственно проникнуть на территорію самнитской конфедераціи. Онъ обошолъ тѣснину, гдѣ его ожидало самнитское ополченіе подъ предводительствомъ Мутила, напалъ на самнитскую армію съ тылу и разбилъ ее; непріятельскій лагерь былъ взятъ, а раненый непріятельскій вождь спасся бѣгствомъ въ Эзернію. Сулла подступилъ къ главному городу Самнитовъ Бовіану и принудилъ его сдаться на капитуляцію послѣ вторичной побѣды, одержанной подъ его стѣнами. Только съ наступленіемъ поздняго времени года тамъ прекратились военныя дѣйствія.

Возстаніе въ общемъ итогѣ подавлено.

Въ ходѣ дѣлъ произошелъ рѣшительный переворотъ. Насколько возстаніе было грозно, побѣдоносно и способно расширяться въ на-
19 чалѣ кампаніи 665 года, настолько-же оно оказалось подавленнымъ, повсюду терпѣвшимъ пораженія и совершенно безнадежнымъ въ концѣ кампаніи. Вся сѣверная Италія была усмирена. Въ средней Италіи оба берега были вполнѣ во власти Римлянъ, а Абруццы почти вполнѣ; кромѣ того въ ихъ власти находились Апулія вплоть до Венузіи, Кампанія вплоть до Нолы, а занявши гирпинскую территорію они пресѣкли сообщенія между тѣми двумя странами, которыя еще упорствовали въ открытомъ сопротивленіи—между странами самнитской и лукано-бреттійской. Территорія, на которой произошло возстаніе, имѣла видъ потухавшаго громаднаго пожарища; взорамъ повсюду представлялись обращенныя въ пепелъ зданія, развалины и тлѣвшія головни; между развалинами еще вздымалось мѣстами пламя, но съ пожаромъ уже повсюду совладали и онъ уже не грозилъ опасностью ни съ которой стороны. По дошедшимъ до насъ поверхностнымъ свѣдѣніямъ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности обстоятельно выяснить причину такого быстраго переворота. Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣху Римлянъ много содѣйствовали искусное веденіе военныхъ дѣйствій Страбономъ и въ особенности Суллой, болѣе рѣшительное сосредоточеніе римскихъ боевыхъ силъ и быстрое наступательное движеніе; однако безпримѣрно-быстрое подавленіе возстанія, вѣроятно, было послѣдствіемъ какъ военныхъ причинъ, такъ и политическихъ; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что законъ Сильвана и Карбона достигъ своей цѣли,—что онъ возбудилъ въ непріятельскихъ рядахъ нежеланіе участвовать въ общемъ дѣлѣ и измѣну, и что неудача,—какъ это часто случалось,—вызвала раздоры между возставшими общинами, которыя были связаны между собою лишь очень некрѣпкими узами.

Упорное сопротивленіе Самнитовъ.

Что разложеніе италійской конфедераціи сопровождалось сильными внутренними потрясеніями, видно изъ слѣдующаго факта: Самниты ввели у себя новую, чисто

мѣстную организацію, быть можетъ, подъ руководствомъ марсійскаго уроженца Квинта Силона (который былъ душою возстанія съ самаго начала, а послѣ капитуляціи Марсовъ бѣжалъ къ сосѣднему народу), а послѣ того, какъ «Италія» была побѣждена, рѣшились продолжать борьбу въ качествѣ «Сафиновъ» или Самнитовъ *). Хорошо укрѣпленная Эсернія превратилась изъ надежной опоры владычества въ послѣднее убѣжище самнитской свободы; тамъ была собрана армія, которая, какъ утверждаютъ, состояла почти изъ 30.000 пѣхоты и 1000 всадниковъ и которая была усилена отпущеніемъ на свободу и зачисленіемъ въ ея ряды двадцати тысячъ рабовъ; во главѣ ея стали пять полководцевъ, между которыми Силонъ занималъ первое мѣсто, а Мутилъ второе. Всѣхъ поразило удивленіемъ, что самнитскія войны переначинались послѣ двухъ-сотъ лѣтняго перерыва и что послѣ распаденія италійской конфедераціи энергичный земледѣльческій народъ возобновилъ сдѣланную имъ въ пятомъ столѣтіи попытку отстоять противъ Рима свою независимость на свой собственный рискъ. Однако, эта вызванная геройскимъ отчаяніемъ рѣшимость не произвела большой перемѣны въ общемъ ходѣ дѣлъ; хотя на веденіе военныхъ дѣйствій въ горахъ Самнія и Луканіи потребовалось нѣсколько времени и нѣсколько новыхъ жертвъ, все таки возстаніе въ сущности уже было подавлено.

Взрывъ войны съ Митридатомъ. Тѣмъ временемъ возникли новыя затрудненія: въ Азіи дѣла приняли такой оборотъ, что римское правительство было поставлено въ необходимость объявить войну понтійскому царю Митридату и отправить на слѣдующій годъ (666) въ Малую Азію одного изъ 88
консуловъ и консульскую армію. Если бы эта война вспыхнула годомъ ранѣе, то одновременное возстаніе половины Италіи и одной изъ самыхъ важныхъ римскихъ провинцій подвергло-бы римское государство громадной опасности. А теперь,—послѣ того какъ необыкновенное счастье Рима еще разъ обнаружилось въ быстромъ прекращеніи италійскаго возстанія,—хотя эта только что начинавшаяся азіатская война и совпадала съ оканчивавшейся италійской войной, но она все таки не была особенно страшной тѣмъ болѣе потому, что Митридатъ въ своемъ высокомѣріи отклонилъ просьбу Италійцевъ объ оказаніи имъ непосредственнаго содѣйствія. Однако правительству все таки приходилось преодолѣвать очень серьозныя затрудненія: уже прошли тѣ времена, когда можно было, не задумываясь, предпринимать одновременно и войну въ Италіи и войну въ заморскихъ

---

*) Безъ сомнѣнія, къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести рѣдкіе денаріи съ словами Safinim и G. Mutil, написанными на языкѣ Осковъ,—вѣдь пока инсургенты твердо держались общаго названія Italia, ни одна община не была на столько самодержавна, чтобъ чеканить монеты съ своимъ собственнымъ названіемъ.

странахъ; послѣ двухлѣтней войны государственная казна была совершенно истощена, а сформированіе новой арміи кромѣ тѣхъ, которыя уже были въ походѣ, казалось почти невозможнымъ. Однако это затрудненіе преодолѣли по мѣрѣ возможности. Денежныя средства доставила продажа подъ постройки тѣхъ мѣстъ на крѣпостномъ холмѣ и около него, которыя изстари оставались незанятыми (томъ I, стр. 107); этимъ способомъ было добыто 9000 фунтовъ золота ($2^1/_2$ милл. талер.). Правительство не приступило къ сформированію новыхъ войскъ, а рѣшило, что стоявшая въ Кампаніи подъ начальствомъ Суллы армія отплыветъ въ Азію, лишь только положеніе дѣлъ въ южной Италіи позволитъ ей удалиться оттуда; въ виду успѣшныхъ военныхъ дѣйствій Страбона въ сѣверной Италіи можно было надѣяться, что это случится очень скоро.

Третье кампанія.

88 И такъ третья кампанія началась въ 666 году при благопріятныхъ для Рима условіяхъ. Страбонъ подавилъ послѣднее сопротивленіе, которое ему оказывали инсургенты въ Абруццахъ. Въ Апуліи, преемникъ Косконія, Квинтъ Метеллъ Пій,—сынъ завоевателя Нумидіи, не уступавшій своему отцу ни строго-консервативными убѣжденіями, ни военными дарованіями,—положилъ конецъ возстанію взятіемъ Венузіи, при чемъ захватилъ въ плѣнъ 3000 вооруженныхъ инсургентовъ. Въ Самніи, Силону удалось снова завладѣть Бовіаномъ; но когда онъ вступилъ въ сраженіе съ римскимъ генераломъ Мамеркомъ Эмиліемъ, то Римляне остались побѣдителями, а еще важнѣе этой побѣды было то, что въ числѣ 6000 убитыхъ, оставленныхъ Самнитами на полѣ сраженія, находился и Силонъ. Въ Кампаніи, Сулла отнялъ у Самнитовъ еще находившіеся въ ихъ власти мелкіе города и обложилъ Нолу. И въ Луканіи римскій полководецъ Авлъ Габиній проникъ во внутренность страны и достигъ немаловажныхъ успѣховъ, но послѣ того, какъ онъ былъ убитъ при нападеніи на непріятельскій лагерь, вождь инсургентовъ Лампоній снова сталъ почти безпрепятственно владычествовать надъ обширными и пустынными луканско-бреттійскими странами. Онъ даже попытался овладѣть Регіономъ, но сицилійскій намѣстникъ Гай Норбанъ разрушилъ его замыслы. Не смотря на нѣкоторыя частныя неудачи, Римляне неудержимо приближались къ своей цѣли; повидимому, уже не долго приходилось ждать паденія Нолы, покоренія Самнія и возможности отправить значительныя боевыя силы въ Азію; но уже почти совершенно подавленное возстаніе внезапно снова разгорѣлось вслѣдствіе оборота, который приняли дѣла въ столицѣ.

Взятіе Венузіи.

Смерть Силона.

Волненія въ Римѣ.

Въ Римѣ умы были въ страшномъ волненіи. Нападеніе Друза на всадническіе суды, его внезапная смерть, въ которой винили всадническую партію, и опасныя для обѣихъ сторонъ Варіевскія уголовныя преслѣдованія возбудили ожесточенную вражду между аристократіей и буржуазіей, равно какъ между партіями умѣренной и

крайней. Событія вполнѣ оправдали тѣхъ, кто совѣтовалъ согласиться на уступки: то, что они предлагали даровать добровольно, пришлось уступить бо́льшею частію подъ гнётомъ необходимости; но форма, въ которой были сдѣланы эти уступки, носила на себѣ, подобно прежнему отказу, отпечатокъ упорной и недальновидной завистливости. Вмѣсто того, чтобъ предоставить всѣмъ италійскимъ общинамъ одинакія права, только придали иную форму ихъ прежнему униженному положенію. Множество италійскихъ общинъ было принято въ римскій гражданскій союзъ, но въ пользованіи тѣми правами, которыя были имъ дарованы, онѣ были стѣснены оскорбительными ограниченіями, и новые граждане заняли рядомъ съ старыми почти такое-же положеніе, какое занимали вольноотпущенники рядомъ съ людьми свободными отъ рожденія. Общины, которыя находились между По и Альпами, были скорѣй раздражены, чѣмъ удовлетворены тѣмъ, что имъ предоставили права латинскаго гражданства. Наконецъ, римское правительство не только не предоставило гражданскихъ правъ очень значительной и вовсе не худшей части Италійцевъ, принадлежавшихъ къ тѣмъ возставшимъ общинамъ, которыя были силою приведены въ покорность, но оно даже не возобновило въ легальной формѣ прежнихъ съ ними договоровъ, уничтоженныхъ возстаніемъ, а если и возобновило, то въ видѣ милости и съ правомъ отмѣнять ихъ по своему усмотрѣнію *). Огра-

Дарованіе гражданскихъ правъ и ихъ ограниченія.

---

87 *) Dediticiis,—говоритъ Лициніанъ, стр. 15, подъ рубрикою 667 года,—omnibus [ci] vita [s] data; qui polliciti mult [a] milia militum vix XV.. cohortes miserunt; въ этихъ словахъ повторяется сообщеніе Ливія [Epit. 80]: Italicis populis a senatu civitas data est: только здѣсь смыслъ нѣсколько болѣе ясенъ. Dediticii были по римскому государственному праву тѣ свободные чужестранцы [Гай, 1, 13—15. 25. Ульп. 20, 14. 22, 2], которые поступили въ римское подданство, но не были приняты ни въ какой союзъ. Они сохраняли жизнь, свободу и собственность, даже могли соединяться въ общины по своимъ собственнымъ законамъ; ἀπόλιδες, nullius certae civitatis cives [Ульп. 20, 14; сравн. Дигесты 48, 19, 17, 1]—конечно, нечто иное, какъ вольноотпущенники, поставленные при помощи юридической фикціи наравнѣ съ dediticii [ii qui dediticiorum numero sunt]; только по ошибкѣ, рѣдко встрѣчающейся у лучшихъ писателей, эти вольноотпущенники называются просто дедитиціями [Гай, 1, 12; Ульп. 1, 14; Павелъ 4, 12, 6], равно какъ и близкіе съ ними liberti Latini Iuniani; но ни Латины, ни сами дедитиціи, конечно, не были лишены общиннаго устройства. Однако эти послѣдніе были передъ римскимъ государствомъ безправными, такъ какъ по римскому государственову праву всякая deditio [сдача или капитуляція] была неминуемо безусловна [Полибій 21, 1; сравн. 20, 9. 10. 36, 2] и всѣ права, предоставленныя дедитиціямъ или опредѣленнымъ образомъ или путемъ подразумѣваемаго на нихъ согласія, были только милостью [precario] и, стало быть, могли быть отмѣняемы по произволу [Аппіанъ, Hisp. 44]; поэтому, на что бы римское государство ни обрекало

ничения въ правѣ подавать голоса было оскорбительно тѣмъ болѣе потому, что при тогдашнемъ положеніи комицій оно не имѣло никакого политическаго значенія, а притворное стараніе правительства охранять незапятнанную чистоту избирательнаго собранія должно было казаться смѣшнымъ всякому беспристрастному наблюдателю; кромѣ того всѣ эти ограниченія были опасны въ томъ отношеніи, что впредь демагоги могли преслѣдовать свои цѣли, поддерживая болѣе или менѣе справедливыя требованія новыхъ гражданъ и вступаясь за тѣхъ Италійцевъ, которые были лишены гражданскихъ правъ.

Послѣдствія политическихъ процессовъ.

Итакъ эти уступки, сдѣланныя изъ недовѣрія только на половину, должны были казаться самымъ дальновиднымъ изъ аристократовъ такими-же неудовлетворительными, какими онѣ были въ глазахъ новыхъ гражданъ и въ глазахъ тѣхъ, кто былъ совершенно устраненъ отъ пользованія гражданскими правами; кромѣ того для аристократіи было крайне прискорбно отсутствіе въ ея рядахъ многихъ самыхъ вліятельныхъ людей, которые были отправлены въ изгнаніе Варіевской коммиссіей по дѣламъ о государственной измѣнѣ, и которыхъ было нелегко возвратить изъ ссылки главнымъ образомъ потому, что они были осуждены не народными рѣшеніями, а приговорами суда присяжныхъ, — вѣдь правительство могло-бы безъ всякихъ опасеній кассировать одно народное постановленіе посредствомъ другаго такого-же постановленія, даже если дѣло шло объ уголовномъ наказаніи, но кассированіе вердикта присяжныхъ посредствомъ на-

своихъ дедитиціевъ или въ ту пору или впослѣдствіи, оно никогда не могло нарушать ихъ правъ. Это безправное положеніе прекращалось лишь заключеніемъ союзнаго договора [Ливій, 34, 57]. Поэтому deditio и foedus представляютъ съ точки зрѣнія государственнаго права такія противоположности, которыя взаимно исключаютъ одна другую [Ливій, 4, 30. 28, 34. Кодексъ Өеодосія 7, 13, 16 и комент. къ нему Gothofr.]; это совершенно такая-же противоположность, какъ хорошо знакомая юристамъ противоположность между quasi—дедитиціями и quasi—Латинами, такъ какъ Латины были по преимуществу федератами [Цицеронъ, pro Balb. 24, 54].—По старинному государственному праву, не было никакихъ италійскихъ дедитиціевъ за исключеніемъ тѣхъ немногихъ общинъ, которыя были объявлены утратившими предоставленныя имъ договорами права вслѣдъ за войной съ Аннибаломъ [томъ I, стр. 794]; еще въ Плавціевскомъ законѣ 664/5 года, подъ опредѣленіе: qui foederatis civitatibus adscripti fuerunt [Цицер. pro Arch. 4, 7] въ сущности подходили всѣ Италійцы. Но такъ какъ подъ дедитиціями, получившими въ 667 году гражданскія права, нельзя разумѣть только Бреттіевъ и Пицентовъ, то приходится предположить, что было поступлено какъ съ дедитиціями со всѣми инсургентами, которые положили оружіе и не получили гражданскихъ правъ по закону Плавція и Папирія; а это значитъ, что ихъ договоры, кассированные возстаніемъ [оттого-то въ выше-приведенномъ мѣстѣ у Цицерона и сказано: qui foederati fuerunt], не были легально возобновлены въ то время, какъ они покорились. 90/89 87

роднаго постановленія было-бы, по мнѣнію лучшихъ представителей аристократіи, очень опаснымъ прецедентомъ. И такъ ни сторонники крайней партіи ни сторонники партіи умѣренной не были довольны развязкой италійскаго кризиса. Но еще болѣе глубокимъ негодованіемъ было переполнено сердце того престарѣлаго человѣка, который отправился на войну съ Италійцами въ надеждѣ пожать новые лавры, а возвратился назадъ не по доброй волѣ съ сознаніемъ новыхъ заслугъ и полученныхъ имъ въ награду за эти заслуги новыхъ крайне тяжелыхъ оскорбленій; онъ пришолъ къ прискорбному убѣжденію, что враги уже перестали бояться его и что онъ не имѣетъ большаго значенія въ ихъ глазахъ; тогда его сердце стала разъѣдать та жажда мщенія, которая питается своимъ собственнымъ ядомъ. И къ нему можно отнести то-же, что было замѣчено касательно положенія новыхъ гражданъ и людей, вовсе лишенныхъ гражданскихъ правъ: не смотря на то, что онъ оказался на дѣлѣ человѣкомъ неспособнымъ и неосмотрительнымъ, его популярное имя все таки могло сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь демагога.

Марій.

Упадокъ военной дисциплины.

Къ этимъ элементамъ политическихъ потрясеній присоединялся быстро усиливавшійся упадокъ честныхъ воинскихъ нравовъ и военной дисциплины. Сѣмена, посѣянныя наборомъ рекрутъ между пролетаріями, развились съ страшной быстротой во время столь дурно влiявшей на нравственность войны съ инсургентами, такъ какъ правительство было вынуждено принимать на военную службу всякаго, кто былъ къ ней способенъ, и этимъ расчищало для политической пропаганды путь и въ главную квартиру и въ солдатскую палатку. Послѣдствія этого скоро обнаружились въ ослабленіи всѣхъ узъ военнаго чиноначалія. Во время осады Помпей, солдаты убили камнями и палками командовавшаго Сулловскимъ осаднымъ корпусомъ, консуляра Авла Постумія Албина; они подозрѣвали, что ихъ начальникъ измѣннически предалъ ихъ непріятелю; а главнокомандующій Сулла ограничился тѣмъ, что обратился къ войскамъ съ увѣщаніемъ загладить воспоминаніе объ этомъ событіи ихъ мужествомъ въ борьбѣ съ непріятелемъ. Виновниками этого злодѣянія были флотскіе солдаты, издавна составлявшіе самую негодную часть арміи; ихъ примѣру скоро послѣдовалъ отрядъ легіонеровъ, набранный бо̀льшею частію изъ городской черни. По наущенію одного изъ уличныхъ героевъ, Гайя Тиція, онъ покусился на жизнь консула Катона. Благодаря счастливой случайности Катонъ избѣжалъ смерти, однако Тицій хотя и былъ арестованъ, но не былъ наказанъ. Когда, вскорѣ послѣ того, Катонъ палъ на полѣ сраженія, виновниками его смерти считали его собственныхъ офицеровъ и въ особенности младшаго Гайя Марія,—но мы не въ состояніи рѣшить, насколько эти обвиненія были основательны.

Къ этому кризису, готовившемуся и въ политической сферѣ и въ военной, присоединился едва-ли не еще болѣе опасный экономическій кризисъ, который разразился надъ римскими капиталистами вслѣдствіе союзнической войны и вслѣдствіе происшедшихъ въ Азіи замѣшательствъ. Должники, которые даже не были въ состояніи уплачивать процентовъ и не взирая на это подверглись самымъ безпощаднымъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ кредиторовъ, частію стали обращаться къ надлежащей судебной власти—къ городскому претору Азелліону съ просьбою объ отсрочкѣ взысканій для того, чтобъ дать имъ достаточно времени для продажи ихъ имущества, частію стали ссылаться на старые, вышедшіе изъ употребленія законы о лихоимствѣ (томъ 1, стр. 300) и стали взыскивать съ заимодавцевъ противозаконно взысканные проценты въ четверо. Азелліонъ согласился предоставить буквѣ закона преимущество передъ фактически существовавшими правами, и сталъ давать легальный ходъ предъявленнымъ искамъ объ обратномъ взысканіи процентовъ; тогда раздраженные заимодавцы собрались на городской площади подъ предводительствомъ народнаго трибуна Луція Кассія и убили претора передъ храмомъ Согласія въ ту самую минуту, какъ онъ совершалъ въ жреческомъ облаченіи жертвоприношеніе; по поводу этого злодѣянія даже не было произведено разслѣдованіе (665). Съ другой стороны, между должниками ходили толки о томъ, что массѣ страдальцевъ нельзя помочь иначе, какъ заведеніемъ «новыхъ счетныхъ книгъ»,—то-есть легальнымъ уничтоженіемъ всякихъ требованій, какія предъявлялись какимъ либо кредиторомъ къ какому либо должнику. Тогда возобновилось тò-же, что происходило во время сословныхъ распрей: капиталисты, въ союзѣ съ заинтересованной въ этомъ дѣлѣ аристократіей, снова вступили при помощи процессовъ въ борьбу съ угнетенной народной массой и съ сторонниками умѣренной партіи, требовавшими смягченія строгихъ законовъ; Римъ снова очутился на краю той пропасти, въ которую доведенный до отчаянія должникъ увлекаетъ вслѣдъ за собою заимодавца; разница заключалась только въ томъ, что прежній государственный строй Рима былъ гражданскимъ и нравственнымъ строемъ большаго земледѣльческаго города, а теперь раздоры вспыхнули въ столицѣ многихъ націй и обнаружилась та деморализація, при которой знатная особа вступаетъ въ столкновеніе съ человѣкомъ, просящимъ милостыню; поэтому разладъ принялъ болѣе широкіе размѣры, сдѣлался болѣе рѣзкимъ и грозилъ болѣе опасными послѣдствіями. Когда союзническая война возбуждала столкновеніе между всѣми политическими и соціальными элементами, находившимися въ состояніи броженія среди гражданства, она въ то-же время подготовляла новую революцію. Взрывъ этой революціи былъ вызванъ случайностью.

Экономическій кризисъ.

Умерщвленіе Азелліона.

Сульпиціевскіе законы. Народный трибунъ Публій Сульпицій Руфъ внесъ въ 666 году въ собраніе гражданъ предложеніе, чтобъ всякій сенаторъ, задолжавшій болѣе 2000 динаріевъ (600 талер.), лишался своего званія; сверхъ того онъ предложилъ дозволить возвратиться въ отечество тѣмъ гражданамъ, которые были изгнаны по несвободному приговору суда присяжныхъ, распредѣлить новыхъ гражданъ по всѣмъ округамъ и предоставить вольноотпущенникамъ право голоса также во всѣхъ

Сульпицій Руфъ. округахъ. Изъ устъ такого человѣка эти предложенія были неожиданностью. Публій Сульпицій Руфъ (родившійся въ 630) былъ обязанъ своимъ политическимъ вліяніемъ не столько знатности своего происхожденія, своимъ сильнымъ связямъ и наслѣдственному богатству, сколько своимъ необыкновеннымъ ораторскимъ дарованіямъ, въ которыхъ съ нимъ не могъ равняться ни одинъ изъ его сверстниковъ; его могучій голосъ, его жестикуляція, нерѣдко походившая на театральную, и обильный потокъ его рѣчи увлекали слушателей даже тогда, когда не убѣждали ихъ. По положенію, которое онъ занималъ среди различныхъ политическихъ партій, онъ постоянно былъ сторонникомъ сената: онъ впервые выступилъ на
95 политическую арену (659) съ публичнымъ обвиненіемъ Норбана, котораго смертельно ненавидѣла правительственная партія (стр. 211). Въ средѣ консерваторовъ онъ принадлежалъ къ партіи Красса и Друза.
88 Намъ неизвѣстно, что побудило его добиваться на 666 годъ званія народнаго трибуна и для этой цѣли отказаться отъ его патриціанской знатности; но оттого, что консерваторы преслѣдовали его вмѣстѣ съ другими сторонниками умѣренной партіи, какъ революціонера, онъ, какъ кажется, нисколько не сдѣлался настоящимъ революціонеромъ и вовсе не замышлялъ ниспроверженія существующихъ учрежденій по примѣру Гайя Гракха. Скорѣе можно предполагать, что будучи единственнымъ вліятельнымъ членомъ Крассовской и Друзовской партіи, который вышелъ невредимымъ изъ бури процессовъ, поднятой Варіемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе довести до конца дѣло, начатое Друзомъ, и уничтожить ограниченія въ правахъ, предоставленныхъ новымъ гражданамъ,—а для этого ему нужно было попасть въ народные трибуны. Даже въ то время, какъ онъ состоялъ въ этомъ званіи, онъ, какъ разсказывали, нерѣдко дѣйствовалъ такъ, что шолъ прямо въ разрѣзъ съ замыслами демагоговъ; такъ напримѣръ, онъ не дозволилъ одному изъ своихъ сотоварищей кассировать посредствомъ народныхъ постановленій тѣ приговоры суда присяжныхъ, которые были постановлены на основаніи Варіевскаго закона, а когда бывшій эдилъ Гай Цезарь сталъ
87 противузаконно добиваться на 667 годъ консульскаго званія помимо претуры, какъ разсказывали, съ тѣмъ разсчетомъ, что ему поручатъ веденіе азіатской войны, то противъ его избранія всѣхъ рѣшительнѣе возсталъ Сульпицій. Отсюда видно, что онъ дѣйствовалъ въ

духѣ Друза, налагая и на самого себя и на другихъ главную изъ всѣхъ обязанностей—соблюденіе установленныхъ законовъ. Но точно такъ-же, какъ и Друзъ, онъ, конечно, не былъ въ состояніи согласовать то, что было несовмѣстимо, и потому не могъ провести строго законнымъ путемъ задуманное имъ измѣненіе государственныхъ учрежденій, которое было само по себѣ разумно, но на которое никогда не согласилось-бы громадное большинство старыхъ гражданъ. Его ссора съ могущественнымъ семействомъ Юліевъ (въ особенности принадлежавшій къ этому семейству братъ Гайя, консуляръ Луцій Цезарь, пользовался большимъ вліяніемъ въ сенатѣ) и съ примыкавшей къ нему фракціей аристократіи, безъ сомнѣнія, была одной изъ главныхъ причинъ того, что этотъ раздражительный человѣкъ изъ личнаго озлобленія зашолъ далѣе своей первоначальной цѣли.

Тенденція Сульпиціевскихъ законовъ.

Однако внесенные Сульпиціемъ законопроэкты были по своему характеру таковы, что нисколько не противорѣчили ни личному характеру ихъ составителя, ни его прежнему положенію среди политическихъ партій. Предложеніе уравнять въ правахъ новыхъ гражданъ съ старыми было ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ одной части законопроэкта, составленнаго Друзомъ въ пользу Италійцевъ и, подобно этому законопроэкту, лишь удовлетворяло требованія здравой политики. Чтобъ дозволить возвратиться тѣмъ, кто былъ сосланъ по приговорамъ Варіевскихъ присяжныхъ, конечно, приходилось отказаться отъ того принципа ненарушимости вердиктовъ присяжныхъ, за который еще такъ недавно вступался на дѣлѣ самъ Сульпицій; но этой мѣрой воспользовались-бы преимущественно члены той партіи, къ которой принадлежалъ самъ составитель законопроэкта, то есть умѣренные консерваторы; да и совершенно понятно, что такой заносчивый человѣкъ, какъ Сульпицій, сначала рѣшительно возставалъ противъ такой мѣры, а потомъ самъ предложилъ ее, когда раздражился отъ встрѣченнаго сопротивленія. Мѣра противъ обремененныхъ долгами сенаторовъ была, безъ всякаго сомнѣнія, вызвана тѣмъ, что послѣдній финансовый кризисъ доказалъ, до какой степени властвовавшія семейства, при всемъ своемъ внѣшнемъ блескѣ, были стѣснены въ своихъ денежныхъ средствахъ; то было, конечно, очень прискорбно, но тѣмъ не менѣе вполнѣ согласно съ правильно-понимаемыми интересами аристократіи, что вслѣдствіе Сульпиціевскаго законопроэкта пришлось бы удалить изъ сената всѣхъ тѣхъ, кто не былъ въ состояніи скоро расплатиться съ своими кредиторами, и что устраненіе завѣдомо-продажной сенатской сволочи прекратило бы интриги тѣхъ партій, которыя расчитывали на несостоятельность многихъ сенаторовъ и на зависимость этихъ послѣднихъ отъ ихъ богатыхъ сотоварищей; однако, само собой понятно, что еслибы Руфъ не былъ въ личной ссорѣ съ самыми вліятельными вожаками сенатскихъ партій, то онъ не предложилъ бы такого очи-

щенія римской куріи, которое покрывало сенатъ столь сильнымъ и гнуснымъ позоромъ. Наконецъ постановленіе въ пользу вольноотпущенниковъ, безъ сомнѣнія, было задумано главнымъ образомъ съ цѣлію доставить составителю законопроэкта владычество надъ уличною чернью; но само по себѣ оно не было лишено достаточныхъ основаній и не было несовмѣстимо съ аристократической формой правленія. Съ тѣхъ поръ, какъ отъ вольноотпущенниковъ стали требовать военной службы, ихъ желаніе получить право голоса оправдывалось тѣмъ, что эго право всегда предоставлялось тѣмъ, кто былъ обязанъ отбывать воинскую повинность. Въ особенности въ виду ничтожества комицій нельзя было придавать никакого политическаго значенія тому факту, что въ это болото стали-бы спускать нечистоты еще изъ одного клоака. Олигархамъ было-бы не труднѣе, а легче властвовать надъ комиціями,еслибы былъ открытъ туда доступъ вольноотпущенникамъ, которые бóльшею частію находились въ личной и въ экономической зависимости отъ властвовавшихъ семействъ и которые, при умѣньи ими руководить, доставили бы правительству возможность распоряжаться выборами еще болѣе полновластно, чѣмъ прежде. Конечно и эта мѣра, подобно всякой другой, задуманной съ цѣлію увеличить политическое значеніе пролетаріата, была несогласна съ тенденціями тѣхъ аристократовъ, которые желали реформъ; но и въ глазахъ Руфа она по всему вѣроятію имѣла лишь такое-же значеніе, какое придавалъ Друзъ хлѣбному закону: это было средствомъ привлечь на свою сторону пролетаріатъ и съ помощью его одолѣть сопротивленіе тѣмъ задуманнымъ реформамъ, которыя были дѣйствительно общеполезны. Не трудно было предвидѣть, что это сопротивленіе будетъ немаловажно,—что тупоумная аристократія и тупоумная буржуазія будутъ дѣйствовать и послѣ подавленія возстанія съ такой-же безразсудной недовѣрчивостью, съ какой дѣйствовали до его взрыва, что въ средѣ каждой изъ политическихъ партій значительное большинство будетъ втайнѣ или явно относиться къ сдѣланнымъ въ минуту крайней опасности полу-уступкамъ, какъ къ несвоевременной потачкѣ, и что оно будетъ энергически противиться всякому расширенію этихъ уступокъ. Примѣръ Друза доказалъ, чего можно было ожидать отъ попытки ввести консервативныя реформы при исключительномъ содѣйствіи сенатскаго большинства; поэтому совершенно понятно, что другъ и единомышленникъ Друза попытался осуществить однородные замыслы въ оппозиціи съ сенатскимъ большинствомъ и въ демагогической формѣ. Этимъ объясняется, почему онъ вовсе не пытался склонить на свою сторону сенаторовъ заманчивымъ обѣщаніемъ предоставить имъ мѣста присяжныхъ. Онъ нашолъ болѣе надежную опору въ вольноотпущенникахъ и въ особенности въ вооруженной свитѣ, въ сопровожденіи которой появлялся и на улицахъ и на городской площади; по словамъ его враговъ, эту свиту состав-

няли 3000 наемниковъ и анти-сенатъ изъ 600 молодыхъ людей, принадлежавшихъ въ высшимъ классамъ общества.

Законопроэкты Сульпиція, дѣйствительно, встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны сенатскаго большинства; чтобъ выиграть время, оно начало съ того, что поручило двумъ отъявленнымъ врагамъ демагоговъ, консуламъ Луцію Корнелію Суллѣ и Квинту Помпею Руфу устроить экстраординарныя религіозныя празднества, во время которыхъ нельзя было созывать народныхъ сходокъ. Въ отвѣтъ на это Сульпицій возбудилъ сильное уличное волненіе, во время котораго лишился жизни, въ числѣ другихъ жертвъ, молодой Квинтъ Помпей, сынъ одного изъ консуловъ и зять другаго; даже жизни обоихъ консуловъ угрожала серьозная опасность и Сулла, какъ разсказывали, спасся только благодаря тому, что Марій укрылъ его въ своемъ домѣ. Тогда правительство было вынуждено уступить: Сулла отмѣнилъ возвѣщенныя празднества и Сульпиціевскія предложенія были приняты безъ дальнѣйшихъ препятствій. Однако это еще не обезпечивало ихъ успѣха. Хотя аристократія и была побѣждена въ столицѣ, но въ Италіи уже появилась въ то время,—въ первый разъ съ начала революція,—новая сила, съ которой также необходимо было считаться: то были двѣ сильныя и побѣдоносныя арміи проконсула Страбона и консула Суллы. Если политическое положеніе Страбона и было двусмысленно, за то Сулла, лишь на мгновеніе преклонившійся передъ открытою силой, держалъ сторону сенатскаго большинства и, отмѣнивши назначенныя празднества, немедленно отправился къ своей арміи въ Кампанію. Запугивать безоружнаго консула дубинами мятежной толпы въ сущности было тоже, что запугивать беззащитную столицу мечами легіоновъ; Сульпицій полагалъ, что его противникъ воспользуется теперь возможностью отплатить за насиліе также насиліемъ и возвратится во главѣ своихъ легіоновъ въ столицу для того, чтобъ низвергуть консервативнаго демагога вмѣстѣ съ его законопроэктами. Онъ, быть можетъ, ошибался. Сулла желалъ войны съ Митридатомъ такъ-же сильно, какъ, по всему вѣроятію, было сильно его нежеланіе впутываться въ столичныя политическія смуты; въ виду его оригинальнаго политическаго индифферентизма и его крайняго пренебреженія ко всему, что касалось политики, очень правдоподобно, что онъ вовсе не замышлялъ того насильственнаго государственнаго переворота, котораго ожидалъ отъ него Сульпицій, и что, еслибы ему въ томъ не помѣшали, онъ отплылъ-бы съ своей арміей въ Азію немедленно послѣ взятія Нолы, которую въ то время осаждалъ.

Сопротивленіе правительства.

Смуты.

Положеніе Суллы.

Какъ-бы то ни было, а Сульпицій все таки попытался отклонить ожидаемый ударъ: онъ задумалъ отнять у Суллы командованіе арміей и съ этой цѣлію сошолся съ Маріемъ; имя Марія еще было настолько популярно, что народную толпу можно было склонить къ

Марій назначенъ главнокомандую-

щимъ вмѣсто Суллы.

назначенію его главнокомандующимъ въ азіатской войнѣ, а его военнымъ положенімъ и воинскими дарованіями можно было воспользоваться въ случаѣ разрыва съ Суллой. Сульпицій, конечно, понималъ, какъ было-бы опасно поставить во главѣ кампанской арміи столько-же неспособнаго, сколько мстительнаго и честолюбиваго старика, и какъ было-бы неприлично поручать частному человѣку экстраординарное высшее командованіе въ исполненіе народнаго постановленія; но именно испытанная на дѣлѣ политическая бездарность Марія служила въ нѣкоторой мѣрѣ порукой за то, что государственнымъ учрежденіямъ не могла грозить съ его стороны серьозная опасность, а важнѣе всего было то, что Сульпиція едва-ли могли стѣснять соображенія этого рода, такъ какъ его собственное положеніе было крайне опаснымъ, если только онъ вѣрно угадывалъ замыслы Суллы. Что уволенный въ отставку герой охотно шолъ на встрѣчу всякому, кто желалъ взять его къ себѣ на службу, разумѣется само собой; къ тому же онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лелѣялъ въ своемъ сердцѣ надежду, что ему достанется главное командованіе въ азіатской войнѣ и, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что тогда онъ найдетъ возможность какъ слѣдуетъ расплатиться съ сенатскимъ большинствомъ. И такъ, по предложенію Сульпиція, народное постановленіе назначило Марія начальникомъ кампанской арміи съ высшею экстраординарною или такъ называемою проконсульскою властію и главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ; вслѣдъ за тѣмъ въ находившійся подлѣ Нолы римскій лагерь были отравлены два народныхъ трибуна для того, чтобъ принять армію отъ Суллы.

Отозваніе Суллы.

Но эти посланцы попали не на такого человѣка, какого ожидали найти. Если кто нибудь имѣлъ серьозныя права на званіе главнокомандующаго въ азіатской войнѣ, то это былъ именно Сулла. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ съ большимъ успѣхомъ командовалъ на томъ-же театрѣ военныхъ дѣйствій; онъ болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ подавленію опаснаго возстанія Италійцевъ; такъ какъ онъ былъ консуломъ того года, въ теченіе котораго вспыхнула азіатская война, то ему было предоставлено высшее въ ней командованіе и по изстари установившемуся обыкновенію и съ безусловнаго одобренія со стороны его сотоварища по должности, который былъ связанъ съ нимъ и узами дружбы и узами родства. Едва-ли можно было ожидать отъ Суллы, что онъ подчинится рѣшенію верховнаго римскаго гражданства и уступитъ принятое имъ при такихъ обстоятельствахъ высшее командованіе старому военному и политическому противнику, въ рукахъ котораго армія могла-бы сдѣлаться орудіемъ для совершенія всевозможныхъ насилій и сумасбродствъ. Сулла не былъ ни достаточно добродушенъ для того, чтобъ подчиниться такому приказанію, ни достаточно зависимъ для того, чтобъ быть къ тому вынужденнымъ. Частію вслѣдствіе введенныхъ Маріемъ пре-

образованій въ военномъ устройствѣ, частію вслѣдствіе того, что Сулла допускалъ среди своихъ солдатъ нравственную распущенность, но требовалъ отъ нихъ соблюденія строгой военной дисциплины, его армія немногимъ отличалась отъ сборища наемниковъ, безусловно преданнаго своему вождю, а къ политическимъ вопросамъ относившагося съ полнымъ равнодушіемъ. Самъ Сулла былъ человѣкъ, пресытившійся жизнію, хладнокровный и одаренный яснымъ умомъ; въ его глазахъ верховное римское гражданство было сборищемъ черни, герой, отличившійся при **Aquae Sextiae**, былъ ни на что неспособный сумасбродъ, строгая легальность—пустая фраза, а самъ Римъ—городъ безъ гарнизона и съ полуразвалившимися городскими стѣнами, которымъ было гораздо легче овладѣть, чѣмъ Нолой.

Походъ Суллы на Римъ. Согласно съ такими воззрѣніями онъ сталъ дѣйствовать. Онъ собралъ своихъ солдатъ—ихъ было шесть легіоновъ или около 35.000 человѣкъ,—и сообщилъ имъ о полученномъ изъ Рима извѣстіи, не позабывъ при этомъ замѣтить, что новый главнокомандующій, конечно, поведетъ въ Малую Азію не эту армію, а за-ново сформированную. Высшіе офицеры, въ которыхъ сознаніе гражданскаго долга еще брало верхъ надъ требованіями военной дисциплины, отстранились и только одинъ изъ нихъ пошелъ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ на столицу; но солдаты, знавшіе по прежнему опыту, что ихъ ожидаетъ въ Азіи легкая и нескончаемая добыча, пришли въ ярость; оба прибывшихъ изъ Рима трибуна были мгновенно растерзаны и со всѣхъ сторонъ раздались громкія требованія, чтобъ главнокомандующій велъ свою армію въ Римъ. Консулъ немедленно выступилъ въ походъ, дорогой увлекъ вслѣдъ за собою раздѣлявшаго его убѣжденія сотоварища, и, не обращая никакого вниманія на спѣшившихъ на встрѣчу къ нему изъ Рима посланцевъ, старавшихся удержать его, онъ быстро достигъ столицы. Колонны Сулловской арміи неожиданно заняли позиціи у моста черезъ Тибръ и у Коллинскихъ и Эсквилинскихъ воротъ; затѣмъ два легіона, выстроившіеся въ боевомъ порядкѣ и съ знаменами впереди, проникли за городскія стѣны, позади которыхъ война была запрещена закономъ. Внутри этихъ стѣнъ вспыхивало не мало злобныхъ распрей и важныхъ раздоровъ, но всё кончалось безъ вмѣшательства римской арміи, которая никогда не нарушала священнаго спокойствія столицы; а теперь это спокойствіе было нарушено главнымъ образомъ изъ-за неважнаго вопроса о томъ, тотъ или другой генералъ будетъ командовать на востокѣ.

Взятіе Рима. Вступившіе въ городъ легіоны дошли до вершины Эсквилина; когда жизни солдатъ стали угрожать сыпавшіеся на нихъ съ крышъ метательные снаряды и каменья, они стали подаваться назадъ; тогда самъ Сулла взялъ въ руки зажженный факелъ, а легіоны, вооружившись зажигательными стрѣлами и грозя зажечь городъ, проби-

лись до эвксилинской торговой площади (неподалеку отъ S. Maria Maggiore). Тамъ ихъ ожидали на скоро собранныя Маріемъ и Сульпиціемъ войска, которыя благодаря своему численному превосходству опрокинули шедшія впереди колонны. Но къ нападающимъ шли на помощь подкрѣпленія; другой отрядъ Сулловской арміи грозилъ обойти городскихъ защитниковъ по Субурской улицѣ и они были принуждены отступить. Подлѣ храма богини Геи, тамъ, гдѣ начинается склонъ Эсквилина къ большой городской площади, Марій еще разъ попытался дать непріятелю отпоръ; онъ умолялъ и сенаторовъ и всадниковъ и всѣхъ гражданъ устремиться на встрѣчу легіонамъ. Но онъ самъ превратилъ эти легіоны изъ сборища гражданъ въ сборище наемниковъ; противъ него было употреблено къ дѣло то орудіе, которое онъ самъ создалъ; легіоны исполняли приказанія не правительства, а своего вождя. Даже рабы, которые были призваны къ оружію съ обѣщаніемъ получить свободу, явились только въ числѣ трехъ человѣкъ. Тѣмъ, кто руководилъ обороной, не оставалось ничего другаго, какъ спасаться бѣгствомъ черезъ тѣ городскія ворота, которыя еще не были заняты непріятелемъ; по прошествіи нѣсколькихъ часовъ Сулла сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ Рима. Въ слѣдующую ночь сторожевые огни легіоновъ пылали на главной столичной площади.

Первая Сулловская реставрація. Первое вмѣшательство арміи въ гражданскія распри Римлянъ вполнѣ ясно доказало какъ то, что политическая борьба дошла до такого пункта, на которомъ всё рѣшается открытымъ и непосредственнымъ вмѣшательствомъ грубой силы, такъ и то, что сила палки ничтожна въ сравненіи съ силой меча. Консервативная партія прежде всякой другой обнажила мечъ и оттого именно на ней въ свое время оправдалось пророческое евангельское изреченіе касательно того, кто первый берется за мечъ. Теперь эта партія одержала полную побѣду и могла дѣлать все, что было ей угодно. Само собой разумѣется, что Сульпиціевскіе законы были объявлены лишенными легальной силы. Ихъ составитель спасся бѣгствомъ вмѣстѣ съ самыми выдающимися изъ своихъ сторонниковъ; этихъ людей (ихъ было двѣнадцать) сенатъ объявилъ врагами отечества, подлежавшими задержанію и смертной казни. Поэтому Публій Сульпицій былъ схваченъ подлѣ Лаврента и умерщвленъ, а доставленная Суллѣ голова бывшаго трибуна была, по его приказанію, выставлена на показъ на той самой ораторской каѳедрѣ, на которой лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ Сульпицій стоялъ въ полномъ цвѣтѣ своей молодости и своего ораторскаго таланта. За другими опальными была послана погоня; даже за престарѣлымъ Гаемъ Маріемъ гнались по пятамъ убійцы.

Смерть Сульпиція

Бѣгство Марія. Хотя воспоминанія о славныхъ подвигахъ престарѣлаго полководца и были омрачены цѣлымъ рядомъ совершонныхъ имъ безразсудствъ,

все таки, когда избавителю отечества пришлось оберегать его собственную жизнь, онъ снова сдѣлался побѣдителемъ при Верцеллахъ и вся Италія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за подробностями его удивительнаго бѣгства. Въ Остіи онъ сѣлъ на корабль съ цѣлію отплыть въ Африку; но противные вѣтры и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудили его высадиться у Цирцейскаго мыса и скитаться на-авось. Престарѣлый консуляръ, не полагавшійся ни на чье гостепріимство, добрался въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ пѣшкомъ и не рѣдко страдая отъ голода до окрестностей римской колоніи Минтурнъ близь устьевъ Гарильяно. Тамъ показались въ дали преслѣдовавшіе его всадники; онъ съ большимъ трудомъ добрался до берега и спасся отъ своихъ преслѣдователей на стоявшемъ тамъ торговомъ кораблѣ; но трусливые корабельщики скоро снова причалили къ берегу и уплыли въ то время, какъ Марій спалъ на берегу. Преслѣдователи нашли его подлѣ Минтурнъ въ прибрежномъ болотѣ увязнувшимъ по поясъ въ илѣ и съ головою, запрятанною подъ кучей тростника; они передали его минтурнскимъ городскимъ властямъ. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму и исполнявшему обязанности городскаго палача, кимврскому рабу было дано приказаніе совершить надъ нимъ смертную казнь; однако Германецъ испугался сверкающихъ взоровъ того, кто когда-то побѣждалъ его соотечественниковъ; сѣкира выпала изъ его рукъ, когда полководецъ воскликнулъ своимъ мощнымъ голосомъ: «неужели ты осмѣлишься убить Гайя Марія?» Когда объ этомъ узнали минтурнскія городскія власти, имъ стало стыдно, что спаситель Рима внушаетъ больше уваженія къ себѣ невольнику, который попалъ черезъ него въ рабство, чѣмъ своимъ согражданамъ, которыхъ онъ спасъ отъ порабощенія; они сняли съ него оковы, доставили ему корабль, снабдили его деньгами на дорогу и отправили на островъ Энарію (Исхію.) Всѣ изгнанники, за исключеніемъ одного Сульпиція, мало по малу собрались въ тамошнихъ водахъ; они пытались высадиться подлѣ Эрикса и тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ Карѳагенъ, но ни въ Сициліи ни въ Африкѣ не были допущены до высадки мѣстными властями. Поэтому они направились къ Нумидіи, на берегахъ которой легко могли найти на зиму пріютъ среди пустынныхъ песчаныхъ отмелей. Но царь Гіэмпсалъ II, котораго они старались расположить къ себѣ и который одно время обнаруживалъ готовность войти съ ними въ соглашеніе, дѣлалъ это только для того, чтобъ внушить имъ къ себѣ довѣріе, а потомъ попытался задержать ихъ. Изгнанники съ большимъ трудомъ спаслись отъ его наѣздниковъ и нашли на время убѣжище на маленькомъ островѣ Керкинѣ (Kerkena) у тунисскихъ береговъ. Намъ неизвѣстно, былъ-ли Сулла обязанъ своей счастливой звѣздѣ и тѣмъ, что она избавила его отъ позора сдѣлаться убійцей побѣдителя Кимвровъ; по крайней мѣрѣ

нѣтъ указаній на то, чтобъ минтурнскія городскія власти были наказаны.

Сулловское законодательство. Чтобъ положить конецъ внутренней неурядицѣ и предотвратить возможность новыхъ потрясеній, Сулла предложилъ цѣлый рядъ новыхъ мѣръ. Въ пользу угнетенныхъ должниковъ, какъ кажется, не было сдѣлано ничего кромѣ того, что было строго предписано соблюдать прежнія правила касательно высшаго размѣра процентовъ *); сверхъ того было сдѣлано распоряженіе объ основаніи нѣсколькихъ новыхъ колоній. Личный составъ сената, значительно уменьшившійся во время союзнической войны вслѣдствіе битвъ и уголовныхъ процессовъ, былъ пополненъ назначеніемъ 300 новыхъ сенаторовъ, выборъ которыхъ былъ сдѣланъ, понятно, въ интересахъ оптиматовъ. Наконецъ были произведены значительныя перемѣны касательно способа производства выборовъ и законодательной ини-
241 ціативы. Установленный въ 513 году порядокъ подачи голосовъ въ центуріальныхъ комиціяхъ (1, стр. 815), которымъ предоставлялось равное число голосовъ каждому изъ пяти имущественныхъ разрядовъ, былъ замѣненъ старымъ Сервіевскимъ порядкомъ, при которомъ первый окладной разрядъ съ имуществомъ во 100.000 сестерцій (7600 тал.), или болѣе, одинъ располагалъ почти половиннымъ числомъ голосовъ. На практикѣ этимъ установлялся цензъ для избранія въ консулы, въ преторы и въ цензоры и на дѣлѣ выходило, что незажиточные люди лишались права быть избранными на эти должности. Законодательная иниціатива народныхъ трибуновъ была стѣснена тѣмъ, что каждое изъ ихъ предложеній впредь должно было поступать на предварительное разсмотрѣніе сената и могло быть предложено на утвержденіе народа только послѣ изъявленнаго сенатомъ одобренія.—Эти, вызванныя Сульпиціевскою революціонною попыткою, мѣропріятія консула Суллы, который игралъ при этомъ роль щита и меча правительственной партіи, носятъ на себѣ очень своеобразный отпечатокъ. Сулла осмѣлился, не спросясь ни гражданства, ни присяжныхъ, постановить смертный приговоръ надъ двѣнадцатью самыми значительными гражданами, въ числѣ которыхъ находились состоявшіе въ должности сановники и самый знаменитый изъ полководцевъ того времени; онъ даже публично сознавался въ томъ, что именно отъ него исходили эти мѣры; это было такое нарушеніе изстари считавшагося священнымъ закона объ аппелляціи, которое строго порицали даже люди крайнихъ консервативныхъ

*) Для насъ не совсѣмъ ясно, что именно предписывалъ въ этомъ отношеніи
88 законъ консуловъ Суллы и Руфа [666] „о двѣнадцатой долѣ"; всего естествен-
357 нѣе предположить, что это было возобновленіе закона 397 года [томъ 1, стр. 281] такъ что высшимъ дозволеннымъ размѣромъ процентовъ опять стала $^1/_{12}$ капитала для десятимѣсячнаго года или $10^0/_0$ для двѣнадцатимѣсячнаго года.

убѣжденій, какъ напримѣръ Квинтъ Сцевола. Онъ осмѣлился отмѣнить существовавшій въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ порядокъ выборовъ и возстановить давно вышедшій изъ употребленія и признанный негоднымъ избирательный цензъ. Онъ осмѣлился фактически отнять законодательное право у его двухъ старинныхъ факторовъ — у должностныхъ лицъ и у комицій, и передать такой правительственной коллегіи, которая никогда не имѣла въ этомъ отношеніи никакихъ другихъ правъ, кромѣ того, что къ ней можно было обращаться за совѣтомъ (1, стр. 315). Едва-ли можно назвать даже какого нибудь демократа, который отправлялъ правосудіе въ такой тираннической формѣ и расшатывалъ самыя основы государственныхъ учрежденій съ такою ничѣмъ нестѣснявшеюся смѣлостью, какъ этотъ консервативный реформаторъ. Но если взглянуть на сущность дѣла, а не на его внѣшнюю форму, то придется сдѣлать совершенно иные выводы. Нигдѣ, и въ особенности въ Римѣ, революціи никогда неоканчивались безъ принесенія нѣсколькихъ жертвъ, которыя платились за свое пораженіе, какъ за преступленіе, съ болѣе или менѣе точнымъ соблюденіемъ формъ, заимствованныхъ у правосудія. Если припомнить, какія уголовныя преслѣдованія были возбуждены побѣдоносной партіей послѣ паденія Гракховъ и Сатурнина (стр. 91, 125, 208), то, пожалуй, придется похвалить побѣдителя на Эсквилинской торговой площади за его прямодушіе и сравнительную умѣренность,—во-первыхъ за то, что онъ безъ всякихъ околичностей призналъ за войну то, что было въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ войной, и объявилъ побѣжденныхъ, какъ безправныхъ враговъ, лишенными покровительства законовъ, и во вторыхъ за то, что онъ по мѣрѣ возможности ограничилъ число жертвъ и по крайней мѣрѣ не позволилъ побѣдителямъ удовлетворять ихъ ярость на мелкомъ людѣ. Такая-же умѣренность видна и въ его государственныхъ реформахъ. Самая важная и съ виду самая коренная изъ его реформъ,—та, которая касалась законодательства, въ сущности лишь установила гармонію между буквою государственныхъ учрежденій и ихъ духомъ. Римское законодательство, дозволявшее каждому консулу, претору или трибуну предлагать гражданству любую мѣру и безъ предварительныхъ преній подвергать ее голосованію, всегда было безсмысленнымъ и становилось все болѣе безсмысленнымъ по мѣрѣ того, какъ комиціи утрачивали серьезное значеніе; оно могло быть терпимо только потому, что сенатъ фактически присвоилъ себѣ право предварительнаго обсужденія и при помощи политическихъ или религіозныхъ протестовъ постоянно не давалъ дальнѣйшаго хода тѣмъ предложеніямъ, которыя пускались на голоса безъ такого предварительнаго обсужденія (1, стр. 315). Эта преграда была разрушена революціей; тогда та нелѣпая система стала доходить до своихъ крайнихъ послѣдствій,

доставляя всякому отважному негодяю возможность низпровергнуть государственныя учрежденія такимъ способомъ, который былъ легальнымъ съ своей формальной стороны. При такомъ положеніи дѣлъ, что же могло быть болѣе естественнымъ, болѣе необходимымъ и болѣе согласнымъ съ настоящимъ консерватизмомъ, чѣмъ формальное и положительное предоставленіе сенату той законодательной власти, которою онъ прежде пользовался лишь окольными путями? Почти то-же самое можно сказать и о возстановленіи избирательнаго ценза. Для древнѣйшихъ государственныхъ учрежденій служилъ
241 основой цензъ; даже реформа 513 года только ограничила преимущества зажиточныхъ людей; она все таки строго придерживалась правила, что не слѣдуетъ предоставлять какого-бы то ни было вліянія на выборы тѣмъ гражданамъ, имущество которыхъ оцѣнено ниже 11.000 сестерцій (840 талер.). Но послѣ того совершился громадный финансовый переворотъ, который могъ-бы служить достаточнымъ поводомъ даже для номинальнаго возвышенія минимальнаго ценза. Стало быть и новая тимократія измѣняла букву государственныхъ учрежденій только для того, чтобъ оставаться вѣрной ихъ духу; вмѣстѣ съ тѣмъ она по меньшей мѣрѣ попыталась въ самой мягкой формѣ прекратить позорный подкупъ голосовъ со всѣми его послѣдствіями. Наконецъ, постановленія въ пользу должниковъ и возобновленіе плановъ колонизаціи ясно доказываютъ, что хотя Сулла и не одобрялъ пристрастныхъ предложеній Сульпиція, тѣмъ не менѣе онъ былъ такъ-же расположенъ къ матеріальнымъ реформамъ, какъ Сульпицій, какъ Друзъ и вообще какъ всѣ самые прозорливые изъ аристократовъ; при этомъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и того обстоятельства, что онъ предлагалъ всѣ нововведенія послѣ одержанной побѣды и вполнѣ добровольно. Если къ этому прибавить, что Сулла не прикоснулся до главныхъ основъ Гракховскаго государственнаго устройства и оставилъ въ прежнемъ видѣ и всадническіе суды и раздачу хлѣба, то придется согласиться съ мнѣніемъ, что введенные Суллой
88 въ 666 году порядки въ сущности не измѣнили того положенія дѣлъ, которое существовало со времени паденія Гайя Гракха, — что онъ лишь частію измѣнилъ тѣ изъ прежнихъ постановленій, которыя были самыми опасными для установленной системы управленія и пытался устранить бросавшіеся въ глаза соціальные недуги насколько могъ сдѣлать то и другое, не проникая до самыхъ глубокихъ причинъ этихъ недуговъ. Эта законодательная дѣятельность обнаруживаетъ рѣшительное пренебреженіе къ конституціонному формализму, соединенное съ сильною привязанностью къ существующимъ порядкамъ, съ яснымъ пониманіемъ дѣла и съ похвальными намѣреніями; но при этомъ въ ней замѣтно нѣчто похожее на легкомысліе и на поверхностное отношеніе къ дѣлу; дѣй-

ствительно, требовалось много доброй воли, чтобъ воображать, что установленіе максимума процентовъ положитъ конецъ запутаннымъ отношеніямъ между должниками и кредиторами и что предоставленное сенату право предварительнаго обсужденія законопроэктовъ будетъ болѣе надежной охраной отъ будущихъ демагоговъ, чѣмъ прежніе трибунскіе и религіозные протесты.

Новыя замѣшательства. Дѣйствительно, на безоблачномъ небѣ консерваторовъ скоро появились новыя тучи. Азіатскія дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Государству былъ нанесенъ очень большой вредъ уже тѣмъ, что Сульпиціевская революція замедлила отправку римской арміи въ Азію; теперь уже никакъ нельзя было долѣе откладывать отплытіе этой арміи. Сулла надѣялся, что послѣ его отъѣзда олигархію будутъ оберегать отъ новыхъ нападеній частію консулы, которые будутъ выбраны по новымъ избирательнымъ порядкамъ, частію и главнымъ образомъ тѣ арміи, которыя были въ то время заняты подавленіемъ послѣднихъ вспышекъ италійскаго возстанія. Однако при выборѣ консуловъ въ комиціяхъ голоса были поданы не за тѣхъ кандидатовъ, которые были указаны Суллой: вмѣстѣ съ Гнеемъ Октавіемъ, который былъ по своимъ убѣжденіямъ рѣшительно преданъ оптиматамъ, былъ выбранъ Луцій Корнелій Цинна, принадлежавшій къ числу самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ оппозиціи. **Цинна.** Главной виновницей этого послѣдняго избранія, по всему вѣроятію, была партія капиталистовъ, желавшая этимъ способомъ отмстить составителю законопроэкта о лихоимствѣ. Узнавши о такомъ исходѣ выборовъ, Сулла сказалъ, что ему пріятно видѣть, какъ граждане пользуются законною свободой выборовъ, и ограничился отобраніемъ отъ обоихъ консуловъ клятвы, что они будутъ вѣрно соблюдать существующіе законы. Что касается римскихъ армій, то Сулла имѣлъ въ виду главнымъ образомъ сѣверную армію, такъ какъ та, которая находилась въ Кампаніи, была бо́льшею частію назначена къ отплытію въ Азію. Главное командованіе надъ сѣверной арміей было предоставлено народнымъ постановленіемъ, по предложенію Суллы, самому преданному изъ его сотоварищей, Квинту Руфу; ея прежняго начальника Гнейя Страбона отозвали, подыскавъ наименѣе обидный для него предлогъ; **Страбонъ.** это считали необходимымъ тѣмъ болѣе потому, что Страбонъ принадлежалъ къ партіи всадниковъ и своимъ бездѣйствіемъ во время Сульпиціевскихъ смутъ причинялъ аристократіи не мало тревогъ. Руфъ прибылъ въ армію и принялъ вмѣсто Страбона главное надъ нею начальство; но черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ былъ убитъ солдатами и Страбонъ снова вступилъ въ только-что сданную имъ должность. Страбона считали подстрекателемъ этого убійства; не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ изъ такихъ людей, которые были способны на такое дѣло, что онъ воспользовался плодами злодѣянія и что онъ наказалъ всѣмъ хорошо извѣстнаго убійцу

только словеснымъ выговоромъ. Смерть Руфа и назначеніе Страбона главнокомандующимъ создавали для Суллы новую и серьезную опасность; однако онъ не попытался отнять у Страбона высшее командованіе арміей. Такъ какъ скоро истекалъ срокъ его консульства, то съ одной стороны его преемникъ Цинна настаивалъ на его отъѣздѣ въ Азію, гдѣ его личное присутствіе было крайне необходимо, а съ другой стороны онъ былъ потребованъ однимъ изъ новыхъ трибуновъ къ народному суду; даже для самыхъ недальновидныхъ людей было ясно, что противъ него и противъ его сторонниковъ собиралась новая буря и что его враги желали его отсутствія. Суллѣ предстояло выбирать одно изъ двухъ—или довести дѣло до разрыва съ Цинной, а быть можетъ, и съ Страбономъ, и снова итти на Римъ, или-же оставить италійскія дѣла на произволъ судьбы и удалиться въ другую часть свѣта. Сулла избралъ послѣднее; но что́ послужило въ этомъ случаѣ главной побудительной причиной—патріотизмъ или полное равнодушіе, навсегда останется для насъ неразгаданнымъ; остававшійся въ Самніи корпусъ онъ передалъ надежному и опытному въ военномъ дѣлѣ Квинту Метеллу Пію, которому было предоставлено въ замѣнъ Суллы главное командованіе въ нижней Италіи съ проконсульскою властію; осаду Нолы онъ поручилъ пропретору Аппію Клавдію и вслѣдъ за тѣмъ отплылъ
87 въ началѣ 667 года съ своими легіонами на эллинскій востокъ.

Отплытіе Суллы въ Азію.

ГЛАВА VIII.

Востокъ и царь Митридатъ.

Положеніе дѣлъ на востокѣ.

Римское правительство было такъ озабочено безпрестанно возоб-
новлявшимися революціонными смутами, что не имѣло времени за-
ниматься провинціальными дѣлами и въ особенности тѣмъ, что̀ дѣ-
лалось на азіатскомъ востокѣ, потому что жившіе тамъ невоин-
ственные народы, по дальности разстоянія, не входили въ такое-же
непосредственное соприкосновеніе съ Римлянами, какъ жители Аф-
рики, Италіи и за-альпійскихъ странъ. Послѣ совпавшаго съ нача-
ломъ революціи, завладѣнія царствомъ Атталидовъ, при жизни цѣ-
лаго поколѣнія не было почти никакихъ указаній на сколько нибудь
серьезное вмѣшательство Рима въ восточныя дѣла; единственнымъ
исключеніемъ было учрежденіе въ 652 году провинціи Киликіи, которое 102
было вызвано чрезмѣрною наглостью киликійскихъ пиратовъ (стр. 135)
и въ сущности сводилось только къ тому, что въ восточныхъ во-
дахъ была заведена постоянная стоянка для небольшаго отряда
римскихъ войскъ и для небольшаго римскаго флота. Только послѣ
того, какъ Маріевская катастрофа въ 654 году нѣсколько упрочила 100
владычество реставраціи, римское правительство снова стало обра-
щать нѣкоторое вниманіе на восточныя дѣла.

Египетъ.

Положеніе дѣлъ оставалось тамъ во многихъ отношеніяхъ точно
такимъ-же, какимъ было за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ и какимъ
было нами ранѣе описано. Египетское государство съ своими двумя
придаточными владѣніями Киреной и Кипромъ распалось со смертію
Эвергета II (637) частію легальнымъ путемъ, частію фактически. 117
Кирена досталась незаконному сыну Эвергета, Птолемею Апіону и
навсегда отдѣлилась отъ метрополіи. Обладаніе этой метрополіей
сдѣлалось предметомъ спора между вдовой послѣдняго царя Кле-
опатрой (+665) и его двумя сыновьями, Сотеромъ II Лаѳиромъ 89
(+673) и Александромъ I (+666), вслѣдствіе чего и Кипръ на- 81 88
долго отпалъ отъ Египта. Римляне не вмѣшивались въ эти смуты;
а когда киренейское царство досталось имъ въ 658 году по завѣ-

Кирена во власти Римлянъ.

щанію умершаго бездѣтнымъ царя Апіона, то они хотя и не отказались отъ этого пріобрѣтенія, но даровали этой странѣ полное самоуправленіе, признавши находившіеся тамъ греческіе города Кирену, Птолемаиду, Беренику, вольными городами, и даже предоставили этимъ городамъ пользованіе коронными землями. Принадлежавшее африканскому намѣстнику, право высшаго надзора за этой страной было, по причинѣ ея отдаленности, еще гораздо болѣе номинальнымъ, чѣмъ принадлежавшее македонскому намѣстнику право высшаго надзора за свободными эллинскими городами. Эта мѣра, вызванная нестолько эллинофильствомъ римскаго правительства, сколько его слабостью и небрежностью, имѣла въ сущности точно такія-же послѣдствія, какія обнаружились при одинакихъ условіяхъ въ Элладѣ: страна такъ сильно страдала отъ междоусобныхъ войнъ и насильственныхъ захватовъ верховной вла-
86 сти, что когда туда случайно прибылъ въ 668 году одинъ изъ высшихъ римскихъ военачальниковъ, то жители обратились къ нему съ настоятельными просьбами ввести у нихъ порядокъ и прочную систему управленія.

Сирія И въ Сиріи тѣмъ временемъ не произошло большихъ перемѣнъ,— по меньшей мѣрѣ ничто не измѣнилось къ лучшему. Въ теченіе двадцати-лѣтней войны изъ-за престолонаслѣдія между двумя свод-
96 ными братьями, Антіохомъ Грипомъ (+658) и Антіохомъ Кизик-
95 скимъ (+659),—войны, которая продолжалась и при наслѣдникахъ двухъ сводныхъ братьевъ,—царство, изъ-за котораго воевали, существовало почти только по названію: носители царской діадемы имѣли тамъ менѣе вліянія, чѣмъ властвовавшіе надъ берегами Киликіи цари, чѣмъ жившіе въ сирійскихъ степяхъ арабскіе шейхи, чѣмъ іудейскіе цари и чѣмъ высшія должностныя лица большихъ городовъ. Тѣмъ временемъ Римляне утвердились въ западной Киликіи, а обладаніе такой важной страной, какъ Месопотамія, окончательно перешло въ руки Пареянъ.

Пареянское государство. Монархіи Арсакидовъ пришлось переживать во времена Гракховъ опасный кризисъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вторженій туранскихъ племенъ. Девятый Арсакидъ, Митридатъ II или Великій
124? 87? (630?—667?) возвратилъ этому государству его преобладающее положеніе во внутренней Азіи, отразилъ нападенія Скиеовъ и расширилъ границы своихъ владѣній со стороны Сиріи и Арменіи, но въ концѣ его жизни новыя смуты поколебали его могущество: его вельможи и даже его родной братъ Ородъ возстали противъ него; борьба кончилась тѣмъ, что этотъ братъ низвергнулъ его съ престола и приказалъ лишить жизни, а тѣмъ временемъ усиливалась Арменія, прежде не имѣвшая большаго значенія.

Арменія. Эта страна была раздѣлена, со времени провозглашенія ея независимости (1, стр. 738), на сѣверо-восточную область или собственно такъ-называемую Арменію, составлявшую царство Артаксі-

адовъ, и юго-западную область или Софену, составлявшую царство Заріадридовъ; она была впервые соединена въ одно цѣлое Артаксіадомъ Тиграномъ (царств. съ 660 г.) и частію благодаря такому 94
удвоившемуся могуществу, частію вслѣдствіе слабости пареянскаго владычества, новый царь всей Арменіи былъ въ состояніи не только высвободиться изъ-подъ протектората Пареянъ и снова пріобрѣсть ранѣе уступленныя имъ владѣнія, но даже доставить Арменіи то первенствующее вліяніе въ Азіи, которое перешло отъ Ахеменидовъ къ Селевкидамъ, а отъ этихъ послѣднихъ къ Арсакидамъ.

Наконецъ, въ Малой Азіи территоріальное раздѣленіе оставалось **Малая Азія.**
въ сущности такимъ-же, какимъ было установлено подъ римскимъ вліяніемъ послѣ распаденія царства Атталидовъ (стр. 54); исключеніе составляла только Великая Фригія, которая была отнята у понтійскаго царя послѣ того, какъ Гай Гракхъ вывелъ наружу торговую сдѣлку, состоявшуюся между Митридатомъ Эвергетомъ и консуломъ Аквилліемъ (стр. 117); тогда она была присоединена (около 634), въ качествѣ свободной страны, къ римской провинціи Азіи 120
подобно тому, какъ Эллада была присоединена къ Македоніи. Въ положеніи вассальныхъ государствъ—царствъ виеинскаго, каппадокійскаго, понтійскаго, княжествъ пафлагонскаго и галатскаго и многочисленныхъ городскихъ федерацій и вольныхъ городовъ, не замѣтно большихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Напротивъ того, характеръ римскаго владычества повсюду значительно измѣнился. Частію вслѣдствіе того, что тягость римскаго владычества постоянно усиливалась, какъ это обыкновенно случается при всякой тираннической системѣ управленія, частію подъ непосредственнымъ вліяніемъ римской революціи (достаточно припомнить, кто Гай Гракхъ отбиралъ въ провинціи Азіи земли у собственниковъ, что тамъ были введены римскіе десятинные сборы и пошлины и что сборщики налоговъ занимались тамъ, между прочимъ, травлей людей), и безъ того уже тягостное римское владычество превратилось въ Азіи въ такой невыносимый гнётъ, что ни царскій вѣнецъ ни хижина поселянина не были ограждены отъ конфискаціи, что каждый колосъ росъ для римскаго сборщика десятины, что каждый ребенокъ свободныхъ родителей, по видимому, появлялся на свѣтъ для того, чтобъ сдѣлаться жертвою торговцевъ рабами. Хотя Азіатцы выносили даже эти страданія вслѣдствіе своей безпредѣльной склонности къ бездѣйствію, но ихъ миролюбіе происходило не отъ выносливости и не отъ благоразумія, а отъ свойственной восточнымъ народамъ неспособности что-либо предпринимать по собственному почину; а еслибы въ этихъ мирныхъ странахъ и среди жившихъ тамъ изнѣженныхъ народовъ появился человѣкъ, способный подать сигналъ къ всеобщему возстанію, то тамъ можно было ожидать самыхъ изумительныхъ и самыхъ страшныхъ событій.

Митридатъ Эвпаторъ. Въ то время царствовалъ въ Понтѣ Митридатъ VI, прозванный
Эвпаторомъ (родился около 624, + 691); съ отцовской стороны онъ 130-(
считалъ себя въ шестнадцатомъ колѣнѣ потомкомъ царя Дарія Ги-
стаспа Младшаго, въ восьмомъ колѣнѣ потомкомъ основателя понтійскаго
царства, Митридата I; съ материнской стороны онъ велъ свое про-
исхожденіе отъ Александридовъ и отъ Селевкидовъ. Послѣ прежде-
временной смерти своего отца Митридата Эвергета, погибшаго въ
120 Синопѣ отъ руки убійцы, онъ вступилъ на престолъ около 634 года
одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, но царская діадема не доставила
ему ничего кромѣ лишеній и опасностей. Его опекуны,—въ числѣ
которыхъ, какъ кажется, находилась и его родная мать, назначенная
по завѣщанію его отца соправительницей, — задумали убить цар-
ственнаго ребенка; чтобъ спастись отъ кинжаловъ своихъ законныхъ
защитниковъ, Митридатъ, какъ разсказываютъ, добровольно обрекъ
себя на скитальческую жизнь и въ теченіе семи лѣтъ бродилъ по
своимъ собственнымъ владѣніямъ, занимаясь охотой и каждую ночь
мѣняя мѣсто своего ночлега. Такимъ образомъ мальчикъ превратился
въ полнаго энергіи мущину. Хотя наши свѣдѣнія о немъ и почер-
пнуты въ главныхъ чертахъ изъ письменныхъ указаній его совре-
менниковъ, но легендарныя сказанія, слагающіяся на востокѣ съ
быстротою молніи, рано успѣли украсить могущественнаго царя мно-
гими достоинствами своихъ Самсоновъ и Рустемовъ; впрочемъ и эти
достоинства идутъ къ его характеру точно такъ-же, какъ вѣнецъ
изъ облаковъ идетъ къ самымъ высокимъ горнымъ вершинамъ: въ
обоихъ случаяхъ главныя очертанія предмета получаютъ болѣе яркій и
болѣе фантастическій колоритъ, но отъ того неискажаются и не под-
вергаются существеннымъ измѣненіямъ. Военные доспѣхи, которые
приходились по исполинскому росту царя Митридата, поражали удив-
леніемъ Азіатцевъ и еще болѣе Италійцевъ. На бѣгу онъ обгонялъ
самыхъ быстроногихъ дикихъ звѣрей; верхомъ онъ объѣзжалъ ди-
кихъ коней и былъ способенъ проскакать въ одинъ день на пере-
мѣнныхъ лошадяхъ 25 нѣмецкихъ миль; онъ былъ въ состояніи
править за-разъ шестнадцатью лошадьми и не разъ выигрывалъ
призы на бѣгахъ,—хотя, конечно, было-бы не безопасно одержать
надъ царемъ верхъ въ состязаніи такого рода. На охотѣ онъ на
всемъ скаку безъ промаха попадалъ въ дикаго звѣря; но и за сто-
ломъ съ нимъ не легко было тягаться: онъ устраивалъ пирушки для
состязанія въ ѣдѣ и въ питьѣ и самъ получалъ призы за то, что
ѣлъ и пилъ больше всѣхъ; точно такъ-же отличался онъ и въ га-
ремныхъ наслажденіяхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденныя
въ его бумагахъ нескромныя записочки отъ его греческихъ любов-
ницъ. Свои умственныя потребности онъ удовлетворялъ самыми не-
лѣпыми суевѣріями (онъ тратилъ не мало времени на истолкованіе
сновъ и на изученіе греческихъ мистерій) и тѣмъ, что грубо усвои-

валъ эллинскую цивилизацію. Онъ любилъ греческое искусство и греческую музыку, то-есть собиралъ дорогія вещи, богатую утварь, старинные персидскіе и греческіе предметы роскоши (его собраніе колецъ было въ большой славѣ), постоянно окружалъ себя греческими историками, философами и поэтами и на своихъ придворныхъ пирахъ назначалъ призы какъ тѣмъ, кто больше всѣхъ ѣлъ и пилъ, такъ и тѣмъ, кто показывалъ самые забавные фокусы и всѣхъ лучше пѣлъ. Таковъ былъ Митридатъ, какъ человѣкъ; такимъ-же онъ былъ и какъ султанъ. На востокѣ, отношенія между повелителемъ и подданными установляются не столько требованіями нравственности, сколько естественными влеченіями; тамъ подданный вѣренъ, какъ собака, и фальшивъ, какъ собака, а властитель жестокосердъ и недовѣрчивъ. Въ этихъ двухъ свойствахъ едва ли кто либо могъ превзойти Митридата. По его приказанію были подвергнуты смертной казни или вѣчному заточенію, за дѣйствительную или за мнимую измѣну, его мать, его братъ, его сестра, находившаяся съ нимъ въ бракѣ, трое его сыновей и столько-же его дочерей. Едва-ли не еще болѣе возмутителенъ тотъ фактъ, что между его секретными бумагами были найдены заранѣе изготовленные смертные приговоры надъ многими изъ его самыхъ преданныхъ слугъ. Совершенно по-султански поступилъ онъ и тогда, когда умертвилъ своихъ двухъ греческихъ женъ, своихъ сестеръ и всѣхъ, кто находился въ его гаремѣ, дозволивъ женщинамъ только выбирать родъ смерти,—а поступилъ онъ такъ только изъ желанія, чтобъ эти побѣдные трофеи не достались его врагамъ. Изученіемъ на опытѣ ядовъ и противуядій онъ занимался какъ важною отраслью государственнаго управленія и пытался пріучить свой организмъ къ нѣкоторымъ отравамъ. Онъ съ раннихъ лѣтъ пріучился ожидать предательства и убійства отъ всякаго и въ особенности отъ своихъ приближенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научился прибѣгать къ предательству и къ убійству противъ всякаго и въ особенности противъ своихъ приближенныхъ; вотъ почему,—какъ это доказываетъ вся исторія его царствованія,—всѣ его предпріятія кончались неудачей по причинѣ измѣны его приближенныхъ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ дѣйствовалъ съ великодушной справедливостью; наказывая измѣнниковъ, онъ обыкновенно щадилъ тѣхъ, которые были замѣшаны въ измѣну только вслѣдствіе своихъ личныхъ связей съ главнымъ преступникомъ; но и съ жестокими тиранами случается, что они иногда внимаютъ требованіямъ справедливости. Если Митридатъ дѣйствительно чѣмъ-нибудь отличался отъ множества другихъ подобныхъ ему султановъ, то именно своею неутомимою дѣятельностью. Въ одно прекрасное утро онъ исчезъ изъ своего дворца и пропадалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ что его уже считали погибшимъ; по его возвращеніи оказалось, что онъ, не будучи никѣмъ узнанъ,

обошелъ всю переднюю Азію, всюду собирая на случай войны свѣдѣнія о мѣстности и о людяхъ. Сюда-же слѣдуетъ отнести и тотъ фактъ, что онъ не только обладалъ даромъ краснорѣчія, но, отправляя правосудіе надъ двадцатью двумя подвластными ему народами, объяснялся на языкѣ каждаго изъ этихъ народовъ безъ помощи переводчика,—это замѣчательная черта въ неутомимомъ властителѣ востока, столь богатаго различными нарѣчіями. Таковъ же былъ характеръ и его правительственной дѣятельности. Насколько намъ извѣстна эта дѣятельность (въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ указаній на его внутреннее управленіе), она ограничивалась, какъ и у всѣхъ другихъ султановъ, накопленіемъ сокровищъ, наборомъ армій, которыя водилъ противъ непріятеля, по меньшей мѣрѣ въ первые годы Митридатова царствованія, не самъ царь, а какой-нибудь греческій кондотьеръ, и стараніемъ присоединять къ прежнимъ сатрапіямъ новыя; что касается болѣе возвышенныхъ стремленій,—какъ напримѣръ желанія распространять цивилизацію, стать во главѣ національной оппозиціи или выказать въ чемъ-либо другомъ особыя умственныя дарованія, — то мы вовсе не замѣчаемъ ихъ въ Митридатѣ по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ; поэтому мы не имѣемъ никакого основанія ставить его на ряду даже съ такими повелителями Османовъ, какъ Магометъ II и Сулейманъ. Не смотря на свое эллинское образованіе, которое шло къ нему не лучше, чѣмъ римскіе военные доспѣхи къ его Каппадокійцамъ, онъ былъ восточнымъ уроженцемъ самаго обыкновеннаго разряда,—былъ чрезвычайно склоненъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, былъ суевѣренъ, жестокосердъ, вѣроломенъ и безсовѣстенъ, но былъ такого крѣпкаго тѣлосложенія и обладалъ такою физическою силой, что его дерзкая отвага и неистощимое мужество въ сопротивленіи нерѣдко принимались за выдающіяся дарованія, а иногда даже за геніальность. Даже въ виду того соображенія, что во время агоніи республики бороться съ Римомъ было легче, чѣмъ во времена Сципіона или Траяна, и что только благодаря совпаденію азіатскихъ событій съ внутренними волненіями въ Италіи, Митридатъ былъ въ состояніи сопротивляться Римлянамъ вдвое дольше Югурты, все таки нельзя отвергать того, что до войнъ съ Пареянами Митридатъ былъ единственный врагъ, причинявшій Римлянамъ серьозныя заботы на востокѣ и что онъ оборонялся отъ нихъ такъ, какъ обороняется въ степи левъ отъ охотника. Но судя по тому, что намъ извѣстно, мы не можемъ признать за Митридатомъ никакихъ болѣе высокихъ достоинствъ, чѣмъ эта природная способность къ энергическому сопротивленію. — Однако, какого бы мы ни были мнѣнія о личныхъ достоинствахъ царя, его историческая роль нисколько отъ того не утрачиваетъ чрезвычайно важнаго значенія. Войны Митридата были въ одно и тоже время и послѣднимъ проявле-

ніемъ политической оппозиціи Эллады противъ Рима и началомъ возстанія противъ Римлянъ, вызваннаго совершенно иными и гораздо болѣе глубокими причинами несочувствія, — онѣ были началомъ національной реакціи Азіатцевъ противъ западныхъ народовъ. Какъ личность Митридата, такъ и его царство были чисто-восточными: многоженство и гаремная жизнь преобладали и при дворѣ и въ средѣ знати; религія мѣстнаго населенія, точно такъ-же какъ и офиціальная религія, которую исповѣдывали при царскомъ дворѣ, заключалась преимущественно въ старинномъ національномъ богопочитаніи: тамошній эллинизмъ мало отличался отъ эллинизма армянскихъ Тигранидовъ и пареянскихъ Арсакидовъ. Малоазіатскіе Греки могли очень недолго увлекаться надеждой, что этотъ царь осуществитъ ихъ политическія мечтанія; на дѣлѣ оказалось, что онъ сражался вовсе не изъ-за такихъ-же вопросовъ, какіе разрѣшались на поляхъ битвъ при Пиднѣ и при Магнезіи. Послѣ долгаго перемирія это было новымъ фазисомъ въ той гигантской борьбѣ запада съ востокомъ, которая продолжается отъ Мараеонской битвы до настоящаго времени и которой, какъ кажется, придется считать свою будущность, такъ-же, какъ она считаетъ свое прошлое—цѣлыми тысячелѣтіями.

Малоазіатскіе народы.

Однако, какъ ни очевиденъ въ характерѣ и въ дѣятельности каппадокійскаго царя чужеземный и вовсе не эллинскій отпечатокъ, все таки очень трудно съ точностью опредѣлить преобладавшіе въ нихъ національные элементы; въ этомъ отношеніи едва-ли когда нибудь откроется возможность не ограничиваться общими чертами и достигнуть болѣе опредѣленныхъ воззрѣній. Во всей сферѣ античной цивилизаціи не было другой страны, гдѣ жило-бы такъ-же много разнородныхъ племенъ, какъ въ Малой Азіи, и гдѣ такія племена перемѣшивались-бы между собою съ древнѣйшихъ временъ въ такихъ-же, какъ въ Малой Азіи, разнообразныхъ видахъ,—вслѣдствіе чего и взаимныя отношенія между тамошними національностями не могутъ быть съ точностью выяснены. Семитическіе народы непрерывно передвигались отъ Сиріи до Кипра и до Киликіи; коренное населеніе восточныхъ береговъ Каріи и Лидіи, какъ кажется, также принадлежало къ Семитамъ, между тѣмъ какъ въ сѣверо-западномъ уголкѣ этихъ странъ жили соплеменники европейскихъ Ѳракійцевъ, Виѳины. Напротивъ того, внутренность страны и ея сѣверные берега были заселены бо́льшею частію индо-германскими народами, находившимися въ самомъ близкомъ племенномъ родствѣ съ иранскими. Относительно языковъ армянскаго и фригійскаго *) дознано

*) Выдаваемыя за фригійскія, слова Βαγαῖος=Zeus и старинное царское имя Μάνις, безъ сомнѣнія, правильно производятся—первое отъ зендскаго слова bagha—богъ, а германское слово Mannus отъ индійскаго Manus. Las-

положительно, а относительно каппадокійскаго въ высшей степени вѣроятно, что они ближе всего подходятъ къ зендскому языку; а когда о Мизійцахъ говорится, что у нихъ смѣшивались языки лидійскій и фригійскій, то это указываетъ на такое-же смѣшеніе семитической расы съ иранской, какое встрѣчается въ Ассиріи. Что́же касается странъ, лежащихъ между Киликіей и Каріей, и въ особенности Ликіи, то не смотря на сохранившіеся тамъ въ изобиліи остатки мѣстнаго языка и письменности, до сихъ поръ нельзя было придти ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ относительно ихъ населенія, и можно только предполагать, что жившія тамъ племена принадлежали скорѣй къ индо-германскимъ, чѣмъ къ семитическимъ. А какимъ образомъ вся эта смѣсь различныхъ народовъ была сначала охвачена сѣтью греческихъ торговыхъ городовъ, а потомъ подверглась вліянію эллинизма вслѣдствіе военнаго и умственнаго перевѣса греческой націи, уже было ранѣе нами описано въ главныхъ чертахъ.

Понтъ. Царь Митридатъ владычествовалъ именно въ этихъ странахъ и главнымъ образомъ въ лежавшей на берегахъ Чернаго моря Каппадокіи или такъ называемомъ Понтѣ; тамъ, на сѣверо-восточной оконечности мало-азіатскаго материка, примыкавшей къ Арменіи и находившейся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этой послѣдней, иранская національность, по всему вѣроятію, смѣшивалась съ другими племенами менѣе, чѣмъ въ какой либо другой мало-азіатской странѣ. Даже эллинизмъ не пустилъ тамъ глубокихъ корней. Страна находилась въ самомъ первобытномъ состояніи; исключеніе составляли только приморскіе берега, гдѣ находились основанныя Греками поселенія, а именно значительные торговые города Трапезъ, Амизъ и въ особенности родина и столица Митридата, Синопъ, который былъ самымъ цвѣтущимъ во всемъ государствѣ городомъ. Нельзя сказать, чтобъ страна была въ запустѣніи; напротивъ того, понтійская область, и въ наше время считающаяся за одну изъ самыхъ привлекательныхъ странъ на землѣ благодаря тому, что ея пахатныя поля безпрестанно пересѣкаются рощами дикихъ фруктовыхъ деревьевъ, безъ сомнѣнія, была и во времена Митридата хорошо обработана и сравнительно густо населена. Но тамъ почти вовсе не было настоящихъ городовъ, а были только укрѣпленные зáмки, служившіе для земледѣльцевъ мѣстами убѣжища, а для царя казнохранилищами, въ которыя стекались подати; такъ напримѣръ въ одной Малой Арменіи насчитывалось семьдесятъ пять такихъ небольшихъ царскихъ зáмковъ. Мы не замѣчаемъ, чтобъ Митридатъ серьозно заботился о развитіи городскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ; это объясняется тѣмъ,

---

sen, Ztschr. der deutschen morgenländ. Gesellschaft, томъ 10, стр. 329 и сл.

что онъ фактически стоялъ во главѣ реакціи противъ эллинизма, хотя быть можетъ самъ этого ясно и не сознавалъ.

Территоріальныя пріобрѣтенія Митридата.

Его дѣятельность преимущественно проявлялась,—хотя и совершенно на восточный манеръ,—въ стараніи расширять во всѣ стороны его владѣнія, которыя были и безъ того немаловажны, если даже и не достигали преувеличеннаго разсказами протяженія на 500 нѣмецкихъ миль. И на берегахъ Чернаго моря, и въ Арменіи и въ Малой Азіи мы видимъ слѣды предпріимчивости его армій, его флотовъ и его пословъ. Но нигдѣ не открывалось для него такого свободнаго и широкаго поприща, какъ на восточныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, тогдашнее положеніе которыхъ мы и должны описать не смотря на то, что очень трудно или вѣрнѣе невозможно исполнить эту задачу вполѣ удовлетворительно.

Колхида.

На восточныхъ берегахъ Чернаго моря. о которыхъ до того времени не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній и которые впервые пріобрѣли извѣстность благодаря Митридату, царь отнялъ у туземныхъ владѣтелей на берегахъ Фазиса Колхиду (Мингрелію и Имеретію) вмѣстѣ съ важнымъ торговымъ городомъ Діоскуріей и превратилъ ее въ понтійскую сатрапію. Еще богаче результатами были предпріятія Митридата въ сѣверныхъ странахъ *). Обширныя, совершенно плоскія и безлѣсныя степи, которыя тянутся къ сѣверу отъ Чернаго моря, отъ Кавказа и отъ Каспійскаго моря, мало пригодны для земледѣлія и для заведенія на нихъ прочныхъ поселеній по причинѣ природныхъ мѣстныхъ условій,—въ особенности вслѣдствіе рѣзкихъ перемѣнъ температуры, которая напоминаетъ то климатъ Стокгольма, то климатъ Мадеры, и вслѣдтвіе того, что тамъ не выпадаетъ ни дождя ни снѣга иногда въ теченіе 22 мѣсяцевъ; эти страны всегда находились въ такомъ положеніи, хотя и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ климатическія условія были тамъ менѣе неблагопріятны, чѣмъ въ настоящее время **). Различныя племена, заходившія туда по своей

Сѣверные берега Чернаго моря.

*) Здѣсь описаны эти предпріятія въ своей совокупности, несмотря на то, что они частію относятся къ промежутку времени между первой войной съ Римомъ и второй, частію предшествовали первой войнѣ [Мемнонъ, 30; Юстинъ, 38, 7, въ концѣ; Аппіанъ, Mithr., 13; Эвтропій, 5, 5]; это сдѣлано по той причинѣ, что описать эти событія въ ихъ хронологической послѣдовательности нѣтъ никакой возможности. И недавно найденный декретъ города Херсонеса [стр. 278, прим.] не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній. Изъ него видно, что Діофантъ былъ два раза посыланъ противъ таврическихъ Скиѳовъ; но изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, да и само по себѣ неправдоподобно, чтобъ вторичное возстаніе этихъ Скиѳовъ находилось въ связи съ постановленіемъ римскаго сената, состоявшимся въ пользу скиѳскихъ князей [стр. 282].

**) Весьма правдоподобно, что чрезвычайныя засухи, составляющія главное препятствіе для процвѣтанія земледѣлія въ Крыму и въ окрестныхъ странахъ,

привычкѣ къ бродячей жизни, подчинялись требованіямъ мѣстной природы: они вели тамъ и частію до сихъ поръ еще ведутъ пастушескій образъ жизни, переходя съ своими стадами рогатаго скота или чаще съ своими конскими табунами съ одного пастбища на другое и везя въ слѣдъ за собою свои пожитки на фургонахъ. Съ этимъ согласовались и вооруженіе и манера сражаться: жители этихъ степей сражались большею частію верхомъ и всегда въ-разсыпную; ихъ вооруженіе состояло изъ кожаныхъ шлемовъ и панцырей, изъ обтянутыхъ кожей щитовъ, изъ меча, копья и лука,— это были предки теперешнихъ казаковъ. Поселившіеся тамъ съ незапамятныхъ временъ, Скиѳы, какъ кажется, принадлежали къ монгольской расѣ, а по своимъ нравамъ и тѣлосложенію имѣли племенное сходство съ теперешними жителями Сибири; подвигаясь впередъ съ востока на западъ, они увлекли вслѣдъ за собою сарматскія племена—Савроматовъ, Роксоланъ и Язиговъ, которыхъ обыкновенно считаютъ Славянами, хотя приписываемыя имъ собственныя имена имѣютъ болѣе сходства съ мидійскими и съ персидскими; нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что эти народы принадлежали скорѣе къ великому зендскому племени. Съ противоположной стороны надвигались орды Ѳракійцевъ и въ особенности Гетовъ, успѣвшихъ проникнуть до береговъ Днѣстра; въ промежуткѣ тѣснились, по всему вѣроятію, передовые отряды великаго германскаго переселенія народовъ, главная масса котораго, какъ кажется, не добралась до береговъ Чернаго моря,—а именно по берегамъ Днѣпра тѣснились такъ называемые Кельты и Бастарны, а близъ устьевъ Дуная Певкины. Нигдѣ не образовалось государствъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а каждое племя жило особнякомъ подъ управленіемъ своихъ князей и старшинъ.

Эллинизмъ въ тѣхъ странахъ. Въ рѣзкой противоположности со всѣми этими варварами находились эллинскія колоніи, основанныя на тѣхъ берегахъ во время сильнаго развитія греческой торговли преимущественно изъ Милета, частію для того, чтобъ служить складочными мѣстами для товаровъ, частію для того, чтобъ служить стоянками для тѣхъ, кто занимался рыбной ловлей и даже земледѣліемъ, которое,—какъ уже было ранѣе нами замѣчено,—въ древности находило для себя на сѣверо-западныхъ берегахъ Чернаго моря менѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ въ настоящее время; за пользованіе землей Эллины уплачивали тамъ мѣстнымъ владѣтелямъ, точно такъ-же какъ и Финикіяне въ Ливіи, поземельный налогъ. Самыми значительными изъ этихъ колоній были: вольный городъ Херсонесъ (неподалеку отъ Севастополя), по-

---

очень усилились вслѣдствіе истребленія лѣсовъ въ средней и южной Россіи, такъ какъ эти лѣса до нѣкоторой степени защищали приморскія страны отъ производящихъ засуху сѣверо-восточныхъ вѣтровъ.

строенный на Таврическомъ полуостровѣ (въ Крыму) на территоріи Скиѳовъ, и не смотря на неблагопріятныя мѣстныя условія достигшій въ нѣкоторой мѣрѣ процвѣтанія благодаря хорошему управленію и патріотическому духу своихъ гражданъ,—и стоявшій на противоположной сторонѣ полуострова, на дорогѣ отъ Чернаго моря къ Азовскому, городъ Пантикапея (Керчь), управлявшійся съ 457 года наслѣдственными старшинами, которые впослѣдствіи назывались босфорскими царями—Археанактидами, Спартокидами и Перизадами. Благодаря земледѣлію и рыбнымъ ловлямъ въ Азовскомъ морѣ, этотъ городъ быстро достигъ цвѣтущаго состоянія. Къ его владѣніямъ принадлежали во времена Митридата: менѣе обширная восточная часть Крыма со включеніемъ города Ѳеодосіи и на противолежащемъ азіатскомъ континентѣ городъ Фанагорія и область Синдовъ. Въ болѣе счастливыя времена, владѣтели Пантикапеи господствовали на сушѣ надъ народами, жившими на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря и въ кубанской долинѣ, а на морѣ посредствомъ флота, который содержали на Черномъ морѣ; но теперь Пантикапея уже не была тѣмъ, чѣмъ была прежде. Жалкій упадокъ, въ который пришла эллинская нація, нигдѣ не чувствовался такъ сильно, какъ въ этихъ дальнихъ пограничныхъ ея пунктахъ. Аѳины были въ свои цвѣтущія времена единственнымъ греческимъ государствомъ, которое исполняло тамъ обязанности руководящей державы, и этими правами Аѳиняне очень дорожили, потому что нуждались въ доставлявшемся изъ Понта хлѣбѣ. Но эти страны были предоставлены самимъ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ морское могущество Аттики пришло въ упадокъ. Греческимъ континентальнымъ государствамъ никогда не удавалось пріобрѣсть тамъ значительнаго вліянія, хотя къ этой цѣли неоднократно стремились и отецъ Александра Великаго, Филиппъ, и Лизимахъ; и Римляне, на которыхъ перешла со времени завоеванія Македоніи и Малой Азіи политическая обязанность охранять греческую цивилизацію повсюду, гдѣ она въ томъ нуждалась, совершенно пренебрегали и требованіями своихъ собственныхъ интересовъ и требованіями чести. Паденіе Синопа и упадокъ Родоса довершили изолированіе тѣхъ Эллиновъ, которые жили на берегахъ Чернаго моря. Положеніе, которое они занимали среди кочевыхъ варварскихъ племенъ, живо изображено въ надписи, которая была найдена въ Ольбіи (неподалеку отъ устьевъ Днѣпра, подлѣ Очакова) и которая, по всему вѣроятію, относится приблизительно ко временамъ Митридата. Изъ нея видно, что гражданство было обязано не только присылать ежегодную дань въ царскую резиденцію, но и подносить царю подарки всякій разъ, какъ онъ останавливался или даже только проѣзжалъ вблизи отъ города; оно было вынуждено откупаться подарками и отъ менѣе могущественныхъ владѣтелей и даже нерѣдко отъ цѣлой орды варваровъ, и ему приходилось плохо, если его подарки казались не-

достаточными. Городская казна доходила до банкротства, такъ что приходилось закладывать хранившіяся въ храмахъ драгоцѣнности. Между тѣмъ, за городскими воротами толпились дикія племена; они опустошали городскую территорію и уводили массами въ плѣнъ земледѣльцевъ; а всего хуже было то, что самые слабые изъ варварскихъ сосѣдей Грековъ, Скиѳы, пытались овладѣть обнесеннымъ стѣнами городомъ для того, чтобъ укрыться въ немъ отъ болѣе хищныхъ Кельтовъ; поэтому многіе изъ гражданъ удалялись изъ города, а иные уже помышляли о необходимости окончательно уступить его варварамъ.

Въ такомъ положеніи нашолъ Митридатъ страну, когда его македонская фаланга, перейдя черезъ хребетъ Кавказскихъ горъ, спустилась въ долины Кубани и Терека, а его флотъ въ то-же время появился на омывавшихъ берега Крыма водахъ. Нисколько неудивительно, что и тамъ повторилось то-же, что происходило въ Діоскуріи, — что Эллины повсюду встрѣчали понтійскаго царя съ отверстыми объятіями и что они видѣли своихъ избавителей въ этомъ полу-Эллинѣ и его вооруженныхъ по-гречески Каппадокійцахъ. Тогда обнаружились на дѣлѣ пагубныя послѣдствія римской небрежности. Именно въ то время владѣтели Пантикапеи были обложены такою данью, которая была имъ не по силамъ, а городъ Херсонесъ былъ сильно тѣснимъ царемъ бродившихъ по полуострову Скиѳовъ, Скилуромъ, и его пятидесятью сыновьями; поэтому первые охотно отказались отъ своей наслѣдственной власти, а второй отъ своей давнишней свободы, лишь бы сохранить свое послѣднее достояніе — эллинизмъ. И эти жертвы не были напрасными. Храбрые Митридатовы полководцы Діофантъ и Неоптолемъ и его привыкшія къ дисциплинѣ войска легко справились съ степными племенами. Неоптолемъ разбилъ ихъ на морѣ, въ проливѣ подлѣ Пантикапеи, а зимой на замерзшей поверхности моря; Херсонесъ былъ освобожденъ, твердыни Тавровъ пали, а сооруженіемъ крѣпостей было обезпечено владычество Митридата надъ полуостровомъ. Противъ Ревксиналовъ или, — какъ они впослѣдствіи назывались, — Роксолановъ (жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ), пришедшихъ на помощь къ Таврамъ, выступилъ Діофантъ; они были въ числѣ 50,000, но ихъ обратила въ бѣгство фаланга изъ 6000 солдатъ, и войска понтійскаго царя достигли береговъ Днѣпра.*) Такимъ образомъ Митридатъ пріобрѣлъ тамъ

*) Недавно найденный декретъ, которымъ городъ Херсонесъ назначалъ этому Діофанту почетныя отличія (Foucart Bull. de corr. hell. 5—1881—стр. 70), подтверждаетъ дошедшія до насъ свѣдѣнія. Изъ него ясно видно, въ какомъ положеніи находился въ то время этотъ городъ: гавань Балаклавы, какъ слѣдуетъ полагать, находилась во власти Тавровъ, а Симферополь во власти Скиѳовъ; городъ тѣснили съ южныхъ береговъ Крыма Тавры, а въ особенности Скиѳы, во власти которыхъ находились внутреннія страны полуострова и

второе, тѣсно связанное съ понтійскимъ, царство, главную силу котораго также составляли многочисленные греческіе города и которое получило названіе босфорскаго; оно состояло изъ теперешняго Крыма и противолежащаго выступа азіатскаго континента; въ царскую казну оно ежегодно вносило 200 талантовъ (314,000 талер.), а царскіе магазины ежегодно снабжало 180,000 шеффелей зерноваго хлѣба. Даже степные народы, жившіе на пространствѣ между сѣверными склонами Кавказа и устьями Дуная, бо́льшею частію поступили въ зависимость отъ понтійскаго царя или заключили съ нимъ договоры, и если не оказывали ему никакой помощи, то по меньшей мѣрѣ служили для него неистощимымъ источникомъ для набора солдатъ.

Въ то время, какъ царь достигалъ такихъ значительныхъ успѣховъ на сѣверѣ, онъ также распространялъ свои владѣнія на востокъ и на западъ. Малую Арменію онъ превратилъ изъ зависимаго государства въ составную часть понтійскаго царства; но еще важнѣе было то, что онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ царемъ великой Арменіи. Онъ не только выдалъ за Тиграна свою дочь Клеопатру, но дѣятельно помогалъ ему высвободиться изъ-подъ владычества Арсакидовъ и занять въ Азіи ихъ мѣсто. Они, какъ кажется, условились, что Тигранъ завладѣетъ Сиріей и внутренней Азіей, а Митридатъ Малой Азіей и берегами Чернаго моря и что они будутъ помогать другъ другу; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта сдѣлка была заключена по предложенію болѣе предпріимчиваго, чѣмъ Тигранъ, и болѣе даровитаго Митридата, который надѣялся этимъ способомъ защитить свой тылъ и пріобрѣсти могущественнаго союзника.

Наконецъ, что касается Малой Азіи, то царь обратилъ тамъ свое вниманіе на Пафлагонію и на Каппадокію.*) Притязанія понтійскаго

примыкавшій къ нему континентъ; далѣе видно изъ декрета, что полководецъ царя Митридата старался доставить греческому городу просторъ со всѣхъ сторонъ, что онъ разбилъ Тавровъ и построилъ на ихъ территоріи укрѣпленный замокъ (вѣроятно, Эвпаторію), что онъ возстановилъ сообщенія между западными и восточными эллинскими обитателями полуострова, на западѣ одолѣлъ династію Скилуровъ, на востокѣ—скиѳскаго царя Савмака, преслѣдовалъ Скиѳовъ даже на континентѣ и наконецъ разбилъ ихъ вмѣстѣ съ Ревксиналами (такъ названъ здѣсь, при своемъ первомъ выступленіи на сцену, тотъ народъ, который впослѣдствіи назывался Роксоланами) въ большомъ сраженіи, о которомъ упоминаютъ и дошедшія до насъ письменныя преданія. Греческій городъ, какъ кажется, не поступилъ въ формальную подданническую зависимость отъ царя; Митридатъ появляется въ роли только союзника-покровителя, который сражался изъ-за интересовъ города съ считавшимися за непобѣдимых (τοὺς ἀνυποστάτους δοκοῦντας εἶμεν) Скиѳами, а положеніе, въ которое былъ поставленъ Херсонесъ по отношенію къ царю, было, по всему вѣроятію, схоже съ положеніемъ, въ которое были поставлены Массилія и Аѳины по отношенію къ Риму. Напротивъ того, жившіе въ Крыму Скиѳы сдѣлались подданными (ὑπάκοοι) Митридата.

*) Хронологія послѣдующихъ событій можетъ быть установлена лишь приб-

царя на Пафлагонію были основаны на завѣщаніи послѣдняго изъ Пилеменидовъ, который предоставилъ ее царю Митридату Эвергету,— противъ чего, конечно, протестовали какъ законные или незаконные претенденты, такъ и мѣстные жители. Что-же касается Каппадокіи, то владѣтели Понта не позабывали, что эта страна и приморская Каппадокія когда-то составляли одно цѣлое и постоянно мечтали о своемъ сліяніи. Пафлагонію Митридатъ занялъ при содѣйствіи виѳинскаго царя Никомеда, съ которымъ раздѣлилъ эту страну, чѣмъ и склонилъ его окончательно на свою сторону. Чтобъ сколько нибудь прикрыть такое явное нарушеніе справедливости, Никомедъ далъ одному изъ своихъ сыновей имя Пилемена и назначилъ его номинальнымъ правителемъ Пафлагоніи. Въ Каппадокіи политика двухъ союзниковъ прибѣгала еще къ худшимъ способамъ. Царь Аріараѳъ VI былъ убитъ Гордіемъ, какъ утверждали, по порученію Аріараѳова зятя, Митридата Эвпатора и во всякомъ случаѣ къ выгодѣ этого послѣдняго; его юный сынъ Аріараѳъ былъ въ состояніи воспротивиться захватамъ виѳинскаго царя только благодаря двусмысленной помощи своего дяди, за которую этотъ послѣдній потребовалъ, чтобъ Аріараѳъ дозволилъ возвратиться въ Каппадокію спасшемуся бѣгствомъ убійцѣ своего отца. Вслѣдствіе этого, дѣло дошло до разрыва и до войны; но въ то время, какъ арміи двухъ противниковъ стояли одна противъ другой готовыми къ бою, дядя изъявилъ желаніе предварительно лично переговорить съ племянникомъ и во время свиданія собственноручно закололъ безоружнаго юношу. За тѣмъ, убійца Аріараѳа—отца, Гордій вступилъ, по порученію Митридата, въ управленіе страной; хотя недовольное населеніе возстало противъ Гордія и призвало къ управленію младшаго сына послѣдняго царя, но этотъ послѣдній не былъ въ состояніи долго бороться съ болѣе многочисленной арміей Митридата. Случившаяся вскорѣ послѣ того смерть юноши, призваннаго народомъ на престолъ, развязала руки понтійскому царю тѣмъ болѣе потому, что со смертію этого юноши пресѣкся родъ каппадокійскихъ царей. Точно такъ-же, какъ и въ Ви-

лизительно. Митридатъ Эвпаторъ фактически вступилъ въ управленіе, какъ ка-
114 92 жется, около 640 года. Вмѣшательство Суллы состоялось въ 662 году (Ливій,
Epit. 70), съ тѣмъ согласуется и опредѣленіе продолжительности Митридатов-
92—63 скихъ войнъ въ тридцать лѣтъ (662—691); [Плиній Hist. Nat. 7, 26, 97.] Въ
промежуткѣ этого времени происходили пафлагонскія и каппадокійскія распри
о престолонаслѣдіи, съ которыми, по всему вѣроятію, находится въ связи попытка
Митридата подкупить римскихъ сенаторовъ (Діод. 631)), какъ кажется, во время
103 перваго трибуната Сатурнина, въ 651 году (стр. 200) Марій, покинувшій Римъ
99 въ 655 году и недолго пробывшій на востокѣ, засталъ Митридата уже въ Каппадокіи и велъ съ нимъ переговоры касательно его захватовъ (Цицер. ad Brut. 1, 5; Плут. Mar. 31); стало быть, слѣдуетъ полагать, что въ то время Аріараѳъ VI уже былъ умерщвленъ.

ѳинiи, тамъ былъ назначенъ номинальнымъ правителемъ лже-Арiараѳъ, отъ имени котораго сталъ управлять государствомъ, въ качествѣ Митридатова намѣстника, Гордiй.

Тогда Митридатъ сталъ владычествовать какъ надъ сѣверными, такъ и надъ южными берегами Чернаго моря съ такимъ могуществомъ, какого давно уже не проявлялъ ни одинъ изъ туземныхъ монарховъ; его владычество далеко распространилось даже внутрь Малой Азiи. Его рессурсы, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, казались неистощимыми. Онъ набиралъ рекрутъ на всемъ пространствѣ отъ устьевъ Дуная до Кавказа и до береговъ Каспiйскаго моря; подъ его знамена собирались толпами Ѳракiйцы, Скиѳы, Савроматы, Бастарны, Колхидцы, Иберы (въ теперешней Грузiи), но онъ набиралъ въ свои войска преимущественно храбрыхъ Бастарновъ. Для его флота колхидская сатрапiя доставляла кромѣ льна, пеньки, смолы и воска, превосходный строевой лѣсъ, который сплавляли изъ Кавказскихъ горъ; кормчiе и флотскiе офицеры нанимались въ Финикiи и въ Сирiи. Въ Каппадокiю царь, какъ разсказывали, вступилъ съ армiей, въ которой было 600 боевыхъ колесницъ съ косами, 1000 всадниковъ и 80.000 пѣхотинцевъ, а для этой войны онъ еще не употребилъ въ дѣло всѣхъ средствъ, какими могъ располагать. При отсутствiи римскихъ или какихъ нибудь другихъ значительныхъ морскихъ силъ, понтiйскiй флотъ одинъ господствовалъ на Черномъ морѣ, опираясь на Синопъ и на крымскiе порты.

Владѣнiя Митридата.

Римскiй сенатъ спокойно взиралъ на эти захваты чужихъ владѣнiй и на это могущество, постоянно усиливавшееся въ теченiе почти двадцати лѣтъ. Онъ допустилъ, чтобъ одно изъ вассальныхъ государствъ превратилось въ сильную военную державу, имѣвшую въ своемъ распоряженiи сто-тысячную армiю, чтобъ оно вступило въ самый тѣсный союзъ съ новымъ великимъ восточнымъ царемъ, ставшимъ во главѣ внутреннихъ азiатскихъ государствъ отчасти благодаря его-же содѣйствiю, чтобъ оно поглотило сосѣднiя азiатскiя государства и княжества подъ такими предлогами, которые походили на насмѣшку надъ незнакомою съ настоящимъ положенiемъ дѣлъ и отдаленною державой-покровительницей, и, наконецъ, чтобъ оно утвердило свое владычество даже надъ нѣкоторыми изъ европейскихъ странъ и повелѣвало на Таврическомъ полуостровѣ въ качествѣ неограниченнаго властителя, а далѣе вплоть до границъ Ѳракiи и Македонiи въ качествѣ державы—покровительницы. Правда, въ сенатѣ иногда заходила рѣчь объ этихъ событiяхъ; но такъ какъ по вопросу о престолонаслѣдiи въ Пафлагонiи это высшее коллегiальное учрежденiе удовольствовалось тѣмъ, что Митридатъ сослался на завѣщанiе, а Никомедъ на своего лже-Пилемена, то стало очевидно, что оно само желало быть обманутымъ и что оно было благодарно за всякiй

Римляне и Митридатъ.

доставленный ему благовидный предлогъ для невмѣшательства. А между тѣмъ жалобы становились все болѣе многочисленными и все болѣе настоятельными. Вытѣсненные Митридатомъ изъ Крыма князья таврическихъ Скиѳовъ обратились въ Римъ съ просьбами о помощи; тѣ изъ римскихъ сенаторовъ, у которыхъ еще не изгладились изъ памяти традиціонные принципы римской политики, должны были вспомнить, что въ былое время и при совершенно иныхъ условіяхъ высадка царя Антіоха на берегахъ Европы и занятіе его войсками Ѳракійскаго Херсонеса послужили сигналомъ къ азіатской войнѣ (1, стр. 724); они также должны были понимать, что теперь еще менѣе можно было допустить занятіе Таврическаго Херсонеса понтійскимъ царемъ.

Вмѣшательство сената. Наконецъ сенатъ былъ вынужденъ принять какія нибудь мѣры вслѣдствіе того, что Митридатъ фактически присоединилъ каппадокійское царство къ своимъ владѣніямъ, — по поводу чего конечно просилъ у римскаго правительства защиты и Никомедъ виѳинскій, такъ какъ и онъ съ своей стороны надѣялся завладѣть Каппадокіей при помощи какого нибудь новаго лже-Аріараѳа, а выставленный имъ претендентъ на каппадокійскій престолъ былъ устраненъ претендентомъ понтійскимъ. Сенатъ рѣшилъ, что Митридатъ долженъ возвратить скиѳскимъ князьямъ отнятыя у нихъ владѣнія, — вслѣдствіе вялой системы управленія, Римляне нашлись вынужденными до такой степени пренебрегать требованіями здравой политики, что стали теперь защищать не Эллиновъ противъ варваровъ, а наоборотъ Скиѳовъ противъ своихъ полу-соотечественниковъ. Пафлагонія была объявлена независимой, и какъ Никомедовскому лже-Пилемену, такъ и Митридату было приказано очистить захваченныя ими владѣнія. Лже-Аріараѳу также пришлось удалиться изъ Каппадокіи, а такъ какъ депутаты отъ этой страны отказались отъ предложенной ей свободы, то было рѣшено, что народъ самъ назначитъ себѣ царя путемъ свободнаго народнаго выбора.

Сулла отправленъ въ Каппадокію. Эти требованія отзывались большой энергіей; но плохо было то, что вмѣсто отправки цѣлой арміи было приказано вступить въ Каппадокію намѣстнику Киликіи Луцію Суллѣ съ горстью тѣхъ солдатъ, во главѣ которыхъ онъ сражался въ Киликіи съ разбойниками и съ пиратами. Къ счастію, сохранившееся на востокѣ воспоминаніе о прежней энергіи Римлянъ оказалось болѣе надежной для ихъ интересовъ защитой, чѣмъ распоряженіе тогдашняго правительства, а энергія и находчивость намѣстника восполнили отсутствіе этихъ двухъ качествъ въ средѣ сената. Митридатъ держался въ сторонѣ и ограничился тѣмъ, что склонилъ къ отправкѣ войскъ въ Каппадокію великаго царя Арменіи Тиграна, который былъ менѣе его стѣсненъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму. Сулла быстро собралъ свой отрядъ и вспомогательныя войска азіатскихъ союзни-

ковъ, перешолъ черезъ Тавръ и вытѣснилъ изъ Каппадокіи намѣстника Гордія вмѣстѣ съ его армянскими войсками. Это произвело сильное впечатлѣніе. Митридатъ уступилъ во всемъ, чего отъ него требовали; Гордій былъ принужденъ взять на себя отвѣтственность за каппадокійскія смуты, а лже-Аріараѳъ исчезъ; царемъ былъ выбранъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ Каппадокійцевъ Аріобарзанъ не смотря на старанія понтійской партіи направить выборы въ пользу Гордія.

Первыя сношенія Римлянъ съ Пареянами.

Въ то время, какъ Сулла, преслѣдуя цѣль своей экспедиціи, достигъ береговъ Евфрата, въ волнахъ котораго тогда въ первый разъ отразились римскія знамена, произошло первое соприкосновеніе Римлянъ съ Пареянами; эти послѣдніе старались сблизиться съ Римлянами вслѣдствіе распри, возникшей между ними и Тиграномъ. Обѣ стороны, повидимому, сознавали, какъ было важно, чтобъ при этомъ первомъ соприкосновеніи великой западной державы съ самой могущественной изъ восточныхъ державъ ни та ни другая неотказывалась отъ своихъ притязаній на всемірное владычество; но Сулла былъ смѣлѣе пареянскаго посла: онъ занялъ и удержалъ за собою на конференціи почетное мѣсто между царемъ Каппадокіи и пареянскимъ уполномоченнымъ. Эта знаменитая конференція на берегу Евфрата увеличила славу Суллы еще болѣе, чѣмъ его побѣды на востокѣ; пареянскій посолъ впослѣдствіи поплатился за это передъ своимъ повелителемъ своею жизнію. Однако, въ ту минуту это столкновеніе не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Направленныя противъ Митридата сенатскія постановленія были приведены въ исполненіе; Пафлагонія была очищена Митридатомъ и онъ по меньшей мѣрѣ далъ обѣщаніе, что возвратитъ скиѳскимъ князьямъ ихъ владѣнія; на востокѣ были, повидимому, возстановлены прежніе
порядки (662). 92

Новые захваты со стороны Митридата.

Такъ было только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ не видно было почти никакихъ признаковъ возстановленія прежнихъ порядковъ. Немедленно вслѣдъ за удаленіемъ Суллы изъ Азіи, царь Великой Арменіи Тигранъ напалъ на новаго царя Каппадокіи Аріобарзана, выгналъ его и снова посадилъ на его мѣсто понтійскаго претендента Аріараѳа. Въ Виѳиніи, послѣ смерти престарѣлаго царя Никомеда II (около 663), его сынъ Никомедъ III Филопаторъ всту- 91
пилъ на престолъ по народному выбору, а римскій сенатъ призналъ его законнымъ царемъ; но его младшій братъ Сократъ выступилъ претендентомъ на престолъ и захватилъ верховную власть въ свои руки. Всѣмъ было извѣстно, что настоящимъ виновникомъ смутъ какъ въ Каппадокіи, такъ и въ Виѳиніи, былъ никто иной какъ Митридатъ, хотя онъ и воздерживался въ то время отъ всякаго открытаго въ нихъ участія. Всѣмъ было извѣстно, что Тигранъ дѣйствовалъ по его наущенію; а въ Виѳинію Сократъ вступилъ во

главѣ понтійскихъ войскъ и жизни законнаго царя грозила опасность отъ убійцъ, подосланныхъ Митридатомъ. Правда, внутреннія страны Каппадокіи еще оставались во власти туземныхъ владѣтелей; но все побережье было во власти Митридата вплоть до границъ Виѳиніи вслѣдствіе-ли того, что онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снова завладѣть этимъ побережьемъ при содѣйствіи Сократа, вслѣдствіе ли того, что никогда не выводилъ оттуда своихъ войскъ. Даже въ Крыму и въ близь-лежащихъ странахъ понтійскій царь вовсе не обнаруживалъ намѣренія отступать, а напротивъ того все болѣе и болѣе расширялъ свое владычество.

Аквиллій отправленъ въ Азію.

Римское правительство, къ которому лично обращались съ просьбами о помощи цари Аріобарзанъ и Никомедъ, отправило въ Малую Азію въ подкрѣпленіе тамошнему намѣстнику Луцію Кассію испытаннаго въ войнахъ съ Кимврами и съ Сицилійцами полководца, консуляра Манія Аквиллія; но Аквиллій былъ командированъ не въ качествѣ полководца во главѣ арміи, а въ качествѣ посла, между тѣмъ какъ азіатскимъ государствамъ и въ особенности Митридату было приказано оказывать этому послу, въ случаѣ надобности, содѣйствіе силою оружія. Римскій полководецъ исполнилъ возложенное на него порученіе при помощи небольшаго римскаго отряда, находившагося въ распоряженіи намѣстника провинціи Азіи и при помощи ополченія вольныхъ Фригійцевъ и Галатовъ; цари Никомедъ и Аріобарзанъ снова вступили на свои шаткіе троны; хотя Митридатъ и уклонился подъ разными предлогами отъ доставки потребованныхъ отъ него подкрѣпленій, однако онъ не только не оказывалъ Римлянамъ никакого открытаго сопротивленія, но даже по его приказанію былъ убитъ претендентъ на виѳинскій престолъ,
90 Сократъ (664).

Положеніе дѣлъ въ промежуткѣ времени между войной и миромъ.

Положеніе дѣлъ было въ то время очень странное. Митридатъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что открытая борьба съ Римлянами не приведетъ ни къ какимъ полезнымъ для него результатамъ и потому твердо рѣшился не доводить дѣло до разрыва съ ними и до войны. Еслибы онъ не пришолъ къ такому рѣшенію, то едва-ли могъ бы найти болѣе благопріятную, чѣмъ тогда, минуту для начала войны: именно въ то время, какъ Аквиллій вступилъ въ Виѳинію и въ Каппадокію, италійское возстаніе находилось на вершинѣ своего могущества и было способно поощрить даже самыхъ слабыхъ владѣтелей на борьбу съ Римомъ; тѣмъ не менѣе
90 Митридатъ не воспользовался событіями 664 года. Но онъ съ прежнимъ упорствомъ и предпріимчивостью расширялъ свое владычество въ Малой Азіи. Это странное сочетаніе завоевательныхъ замысловъ съ желаніемъ держаться во что-бы то ни стало мирной политики не могло быть долговѣчнымъ; оно служитъ новымъ доказательствомъ того, что Митридатъ не былъ изъ числа настоящихъ

государственныхъ людей, что онъ не умѣлъ ни рѣшиться, какъ царь Филиппъ, на борьбу, ни покориться подобно царю Атталу, а чисто по-султански постоянно метался изъ стороны въ сторону, то увлекаясь ненасытною жаждою завоеваній, то смиряясь отъ сознанія своего собственнаго безсилія. И все таки его образъ дѣйствій будетъ для насъ вполнѣ понятенъ только тогда, когда мы припомнимъ, что двадцати-лѣтній опытъ близко ознакомилъ Митридата съ тогдашней римской политикой. Ему было хорошо извѣстно, что римское правительство вовсе не было воинственнымъ и что въ минуту серьозной опасности, угрожавшей его могуществу со стороны какого нибудь знаменитаго полководца, оно еще больше самого Митридата страшилось войны, такъ какъ еще не позабыло войны съ Кимврами и Марія. Онъ и дѣйствовалъ, сообразуясь съ этими указаніями опыта. Онъ не боялся пускаться на такія предпріятія, которыя доставили-бы сотню поводовъ для объявленія войны со стороны всякаго другаго энергическаго правительства, не связаннаго разными эгоистическими соображеніями; но онъ тщательно избѣгалъ явнаго разрыва, который поставилъ-бы сенатъ въ необходимость объявить ему войну. Лишь только дѣла принимали угрожающій оборотъ, онъ отступалъ и передъ Суллой и передъ Аквилліемъ; онъ, безъ всякаго сомнѣнія, расчитывалъ на то, что ему не всегда-же придется имѣть дѣло съ энергичными римскими полководцами, и что онъ когда нибудь попадетъ, подобно Югуртѣ, на какого нибудь новаго Скавра или Альбина. Нельзя не признать, что этотъ расчетъ не былъ вполнѣ неоснователенъ, хотя именно на примѣрѣ того-же Югурты было видно, что было крайне ошибочно считать подкупъ римскихъ полководцевъ и деморализацію римскихъ армій за вѣрное средство одолѣть римскую націю.

...шій ...дить ...до ...ы.

Такимъ образомъ положеніе дѣлъ колебалось между миромъ и войной, и можно было ожидать, что оно еще долго такъ протянется. Но Аквиллій вовсе не былъ намѣренъ этого допустить, а такъ какъ онъ не могъ принудить свое правительство къ объявленію войны Митридату, то постарался достигнуть своей цѣли черезъ посредство

...едъ.

царя Никомеда. Этотъ царь находился въ полной зависимости отъ римскаго главнокомандующаго; сверхъ того онъ былъ долженъ главнокомандующему и издержанныя на содержаніе войскъ суммы и тѣ, которыя были обѣщаны въ личную пользу этого послѣдняго, поэтому онъ не могъ уклониться отъ исполненія предъявленнаго Аквилліемъ требованія начать войну съ Митридатомъ. И такъ Виѳинія объявила Митридату войну; но даже послѣ того, какъ корабли Никомеда заперли понтійскимъ кораблямъ входъ въ Босфоръ, а его армія вторгнулась въ пограничныя понтійскія области и опустошила окрестности Амастриды, Митридатъ все еще упорно держался своей мирной политики; вмѣсто того, чтобъ прогнать Виѳиновъ за

границу своихъ владѣній, онъ обратился къ римскому посольству съ жалобами и съ просьбой или вступиться за него или дозволить ему обороняться собственными силами. Въ отвѣтъ на это Аквиллій объявилъ ему, что онъ во всякомъ случаѣ долженъ воздерживаться отъ войны съ Никомедомъ. Что́ значилъ этотъ отвѣтъ, было ясно. Это была точно такая-же политика, какой держались Римляне по отношенію къ Карѳагену; на того, кто былъ обреченъ на гибель, натравливали римскихъ союзниковъ, а ему самому запрещали обороняться. И Митридатъ, такъ-же какъ Карѳагенъ, счелъ себя погибшимъ; но Финикіяне съ отчаянія сдались, а царь синопскій поступилъ совершенно иначе: онъ собралъ свои войска и свои корабли и, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: «развѣ и тотъ, кто обреченъ на гибель, не защищается отъ разбойника?» Его сынъ Аріобарзанъ получилъ приказаніе вступить въ Каппадокію; еще разъ были отправлены въ римское посольство уполномоченные съ порученіемъ заявить, что царь дѣйствуетъ подъ гнетомъ крайней необходимости, и потребовать окончательныхъ объясненій. Они получили такой отвѣтъ, какого слѣдовало ожидать. Хотя разрыва не желали ни римскій сенатъ, ни царь Митридатъ, ни царь Никомедъ, но его же-
89 лалъ Аквиллій,—и война началась (въ концѣ 665).

Приготовленія Митридата къ войнѣ. Со всей свойственной ему энергіей Митридатъ занялся политическими и военными приготовленіями къ борьбѣ, которой вовсе не желалъ. Онъ началъ съ того, что заключилъ еще болѣе тѣсный союзъ съ царемъ Арменіи Тиграномъ и получилъ отъ него обѣщаніе доставить вспомогательную армію, которая должна была вторгнуться въ переднюю Азію съ тѣмъ условіемъ, что вся завоеванная тамъ территорія достанется царю Митридату, а вся захваченная тамъ движимая добыча царю Тиграну. Парѳянскій царь былъ обиженъ высокомѣріемъ Суллы; поэтому онъ хотя и не принялъ открыто сторону враговъ Рима, но и не вступилъ въ союзъ съ Римлянами. Передъ Греками Матридатъ старался разыграть роль Филиппа и Персея, выдавая себя за представителя греческой націи, который защищаетъ ее отъ чужеземнаго римскаго владычества. Понтійскіе послы обратились къ египетскому царю и къ послѣднему остатку свободной Греціи—къ конфедераціи критскихъ городовъ съ мольбами постоять въ послѣдній разъ за спасеніе эллинской національности, такъ какъ и для нихъ Римъ уже приготовилъ оковы; эта попытка оказалась небезуспѣшной по меньшей мѣрѣ въ Критѣ и множество Критянъ стало поступать на службу въ понтійскую армію. Расчитывали также на возстаніе болѣе мелкихъ и незначительныхъ вассальныхъ государствъ—Нумидіи, Сиріи, эллинскихъ республикъ, и на бунты въ римскихъ провинціяхъ, въ особенности въ передней Азіи, гдѣ угнетеніе туземныхъ жителей превосходило всякую мѣру. Старались возбудить возстаніе во Ѳракіи и даже въ Македоніи. И ранѣе того

уже процвѣтавшей профессіи морскихъ разбойниковъ совершенно развязали руки, какъ самой драгоцѣнной союзницѣ: тогда Средиземное море съ страшной быстротой покрылось на далекое разстояніе разбойничьими кораблями, которые называли себя понтійскими каперами. Съ напряженнымъ любопытствомъ и съ радостью внимали извѣстіямъ о смутахъ въ средѣ римскаго гражданства и о возстаніи италійцевъ, которое хотя и было осилено, но еще не было совершенно подавлено. Однако въ Италіи не было заведено непосредственныхъ сношеній съ недовольными и съ инсургентами; только въ Азіи былъ сформированъ вооруженный и организованный на римскій манеръ отрядъ иноземцевъ, въ которомъ главное ядро состояло изъ римскихъ и италійскихъ бѣглецовъ. Со времени персидскихъ войнъ въ Азіи еще ни разу не видали такой громадной арміи, какую собралъ Митридатъ. Разсказъ о томъ, что кромѣ армянской вспомогательной арміи онъ вывелъ въ поле 250.000 пѣхоты и 40.000 конницы, а на моря выслалъ 300 понтійскихъ палубныхъ судовъ и 100 открытыхъ судовъ, не кажется очень преувеличеннымъ именно потому, что Митридатъ могъ набирать въ свою армію безчисленныхъ рекрутъ среди степнаго населенія. Начальствовали этими военными силами опытные и осмотрительные греческіе полководцы, между которыми особенно отличались два брата – Неоптолемъ и Архелай; между царскими солдатами не было недостатка и въ храбрыхъ, презиравшихъ смерть, воинахъ, а блестѣвшіе золотомъ и серебромъ военные доспѣхи и богатыя одежды Скиѳовъ и Медовъ пріятно перемѣшивались съ бронзой и сталью греческихъ всадниковъ. Эти пестрыя массы людей, конечно, не были соединены въ одно цѣлое посредствомъ твердой военной организаціи и Митридатовская армія была ничто иное, какъ одно изъ тѣхъ громадныхъ азіатскихъ сборищъ, которыя уже много разъ, — а въ послѣдній разъ, ровно за сто лѣтъ передъ тѣмъ, при Магнезіи, — разсыпались при столкновеніи съ лучше организованными арміями; но какъ бы то ни было, а востокъ взялся за оружіе для борьбы съ Римлянами въ такое время, когда и въ западной половинѣ римскихъ владѣній дѣла приняли далеко не мирный оборотъ.

Слабыя приготовленія Римлянъ.

Хотя Римъ и былъ поставленъ въ политическую необходимость объявить Митридату войну, но выбранная для того минута была крайне неудобна, — что̀ и заставляетъ думать, что Маній Аквиллій ускорилъ разрывъ между Римомъ и Митридатомъ въ эгоистической надеждѣ извлечь изъ него личныя выгоды. Въ ту минуту въ Азіи не было никакихъ другихъ войскъ, кромѣ небольшаго римскаго отряда, находившагося въ распоряженіи Луція Кассія, и кромѣ набранныхъ въ передней Азіи милицій, а при тѣхъ военныхъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, въ которыя было поставлено римское правительство италійскимъ возстаніемъ, римская армія могла-бы высадиться въ Азіи при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не ранѣе лѣта

88 666 года. Положеніе римскихъ властей въ тѣхъ странахъ было до того времени очень трchoднымъ; тѣмъ не менѣе онѣ надѣялись защитить римскія владѣнія и удержаться на своихъ мѣстахъ,—онѣ расчитывали, что виѳинская армія удержится подъ начальствомъ царя Никомеда на позиціи, которая была ею занята въ предшествовавшемъ году на пафлагонской территоріи между Амастридой и Синопомъ, а дальше внутри страны удержатся на территоріи Виѳиніи, Галатіи и Каппадокіи тѣ отряды, которые находились подъ начальствомъ Луція Кассія, Манія Аквиллія и Квинта Оппія; тѣмъ временемъ виѳино-римскій флотъ долженъ былъ преграждать непріятелю доступъ въ Босфоръ.

Митридатъ занимаетъ Малую Азію.

Съ наступленіемъ весны 666 года Митридатъ началъ дѣйство- 88
вать наступательно. На одномъ изъ притоковъ Галиса, Амніѣ (теперешнемъ Tesch köpri), понтійскій авангардъ, состоявшій изъ конницы и легковооруженныхъ войскъ, столкнулся съ виѳинской арміей и не смотря на ея численное превосходство нанесъ ей съ перваго натиска такое рѣшительное пораженіе, что побѣжденная армія разсыпалась въ разныя стороны, оставивъ въ рукахъ побѣдителей и свой лагерь и свою военную кассу. Этимъ блестящимъ успѣхомъ царь былъ обязанъ преимущественно Неоптолему и Архелаю. Стоявшія позади виѳинской арміи, еще менѣе надежныя азіатскія милиціи сочли себя побѣжденными, еще не успѣвши помѣряться съ непріятелемъ; онѣ разбѣгались повсюду, гдѣ сталкивались съ полководцами Митридата. Одинъ изъ римскихъ отрядовъ былъ разбитъ въ Каппадокіи; Кассій сначала попытался защищать Фригію во главѣ мѣстной милиціи, но потомъ распустилъ ее, не осмѣлившись вести ее противъ непріятеля, и укрылся съ немногочисленнымъ отрядомъ надежныхъ солдатъ въ городахъ на верхнемъ Меандрѣ, главнымъ образомъ въ Апамеѣ; Оппій точно такъ-же очистилъ Памфилію и заперся во фригійской Лаодикеѣ; Аквиллій былъ во время отступленія настигнутъ непріятелемъ у береговъ Сангарія на виѳинской территоріи и потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе, что его лагерь былъ взятъ, а самъ онъ былъ принужденъ укрыться въ Пергамѣ, въ римской провинціи; непріятель скоро наводнилъ и эту провинцію и царь завладѣлъ Пергамомъ, даже Босфоромъ и стоявшими тамъ кораблями. Послѣ каждой побѣды Митридатъ отпускалъ на свободу всѣхъ попавшихся въ плѣнъ мало-азіатскихъ милиціонеровъ и старался при всякомъ удобномъ случаѣ усиливать сочувствіе, которое питали къ нему мѣстные жители съ самаго начала войны. Теперь въ его властя находилась вся страна вплоть до береговъ Меандра, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ крѣпостей; тѣмъ временемъ было получено извѣстіе, что въ Римѣ вспыхнула новая революція, что консулъ Сулла, которому было поручено вести войну съ Митридатомъ, пошелъ на Римъ вмѣсто того, чтобъ от-

плыть въ Азію, и что самые знаменитые римскіе полководцы съ оружіемъ въ рукахъ оспаривали другъ у друга званіе главнокомандующаго въ азіатской войнѣ.

Жители Малой Азіи возстаютъ противъ Рима.

Римъ, повидимому, усердно старался довести себя до гибели; поэтому неудивительно, что хотя меньшинство мѣстнаго населенія все еще повсюду стояло за Римъ, но главная масса Мало-Азіатцевъ приняла сторону Понта. Эллины и Азіатцы соединялись въ общемъ восторгѣ, съ которымъ встрѣчали своего освободителя, и между ними вошло въ обыкновеніе чтить царя подъ именемъ Діониса, такъ какъ онъ снова соединилъ Азію съ Элладой подобно тому божественному побѣдителю Индійцевъ. При его приближеніи, города и острова высылали къ нему навстрѣчу пословъ и просили этого «бога-избавителя» посѣтить ихъ; граждане встрѣчали его въ праздничныхъ одеждахъ у городскихъ воротъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ царю выдавали связанными случайно оставшихся тамъ римскихъ офицеровъ, такъ напримѣръ Лаодикея выдала ему городскаго коменданта Квинта Оппія, а Митилена на Лесбосѣ выдала консуляра Манія Аквиллія *). Тогда несчастному виновнику войны пришлось испытать на себѣ, съ какой жестокостью обходятся варвары, когда попадается въ ихъ руки человѣкъ, предъ которымъ они прежде трепетали отъ страха. Этого старика водили по всей Малой Азіи то пѣшкомъ, привязаннымъ цѣпью къ сидѣвшему на лошади Бастарну, то верхомъ и связаннымъ на ослѣ; при этомъ его заставляли выкрикивать его собственное имя; а когда его привели въ такомъ жалкомъ видѣ назадъ въ Пергамъ къ царскому двору, то царь,—въ насмѣшку надъ его алчностью, которая была главной причиной войны,—приказалъ вливать ему въ ротъ расплавленное золото, пока онъ не испустилъ духъ въ страшныхъ страданіяхъ.

Убійства, предписанныя изъ Эфеса.

Но Митридатъ не ограничился этимъ безчеловѣчнымъ мщеніемъ, котораго уже было достаточно для того, чтобъ исключить царя изъ числа благородныхъ людей. Изъ Эфеса онъ разослалъ по всѣмъ подвластнымъ ему намѣстникамъ и городамъ приказаніе умертвить въ одинъ и тотъ-же день всѣхъ жившихъ въ ихъ округѣ Италійцевъ, какъ свободныхъ такъ и рабовъ, безъ различія пола и возраста, и подъ угрозой строгаго наказанія запретилъ содѣйствовать спасенію кого либо изъ обреченныхъ на смерть; тѣла убитыхъ онъ приказалъ бросать на съѣденіе птицамъ, а ихъ имущество конфисковать и одну его половину отдавать убійцамъ, а другую доставить царю. Ужасное приказаніе было въ точности исполнено повсюду за исключеніемъ лишь немногихъ округовъ, какъ напримѣръ острова Коса,

*] Виновники задержанія и выдачи Аквиллія поплатились за это по прошествіи двадцати пяти лѣтъ тѣмъ, что, послѣ смерти Митридата, его сынъ Фарнакъ выдалъ ихъ Римлянамъ.

и, по однимъ разсказамъ, восемьдесятъ тысячъ, а, по другимъ, сто пятьдесятъ тысячъ если не совершенно невинныхъ, то во всякомъ случаѣ безоружныхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей были хладнокровно умерщвлены въ Малой Азіи въ одинъ и тотъ-же день: желаніе воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ долговъ, и свойственная Азіатцамъ готовность принимать на себя въ угодливость султану роль палача участвовали въ этой страшной экзекуціи по меньшей мѣрѣ столько-же, сколько и болѣе благородная жажда мщенія. Въ политическомъ отношеніи эта мѣра не имѣла никакой разумной цѣли, такъ какъ ея финансовыхъ результатовъ можно было достигнуть и безъ такого кровопролитія, а сознаніе такого ужаснаго злодѣянія не внушило Азіатцамъ болѣе горячаго желанія участвовать въ войнѣ; мало того, — эта мѣра даже шла въ разрѣзъ съ задуманною цѣлью, такъ какъ съ одной стороны она принуждала римскій сенатъ къ энергическому веденію войны, насколько онъ еще былъ способенъ къ энергіи, съ другой стороны она обрушивалась не на однихъ Римлянъ, а также и на естественныхъ союзниковъ царя, на не-римскихъ Италійцевъ. Эта, предписанная изъ Эфеса, рѣзня была вызвана ничѣмъ инымъ, какъ безцѣльною и звѣрскою слѣпою мстительностью, а пріобрѣтаетъ она какой-то ложный оттѣнокъ величія только благодаря колоссальнымъ размѣрамъ, въ которыхъ проявила себя по этому случаю султанская тираннія.

Устройство завоеванныхъ странъ. Царь, однако, зазнался: онъ началъ войну съ отчаянія, но вслѣдствіе неожиданно-легкой побѣды и замедлившагося прибытія страшнаго Суллы онъ перешелъ отъ отчаянія къ самымъ высокопарнымъ надеждамъ. Онъ устроился въ передней Азіи, какъ у себя дома; Пергамъ, бывшій до того времени резиденціей римскаго намѣстника, сдѣлался его столицей; старое синопское царство было отдано, въ качествѣ намѣстничества, въ управленіе царскому сыну Митридату; изъ Каппадокіи, Фригіи и Виѳиніи были организованы понтійскія сатрапіи. Вельможи и царскіе фавориты были надѣлены щедрыми подарками и вассальными помѣстьями; всѣ общины не только были освобождены отъ уплаты числившихся на нихъ въ недоимкѣ налоговъ, но и были освобождены на пять лѣтъ отъ уплаты всякихъ налоговъ, —эта мѣра была такъ-же безразсудна, какъ и умерщвленіе Римлянъ, если царь воображалъ, что онъ этимъ способомъ упрочитъ преданность Малоазіатцевъ.—Царская казна и безъ того уже была переполнена громадными суммами, которыя были доставлены ей отобраннымъ у Италійцевъ имуществомъ и другими конфискаціями: такъ напримѣръ только на одномъ островѣ Косѣ Митридатъ захватилъ 800 талантовъ (1.250.000 талер.), которые были положены тамъ на храненіе Іудеями. И сѣверная часть Малой Азіи и большая часть принадлежавшихъ къ ней острововъ находились во власти

царя; за исключеніемъ мелкихъ пафлагонскихъ династовъ, тамъ едва-ли оставался хоть одинъ, еще не отложившійся отъ Рима, округъ; на всемъ Эгейскомъ морѣ господствовали царскія эскадры. Только на юго-западѣ ему еще оказывали сопротивленіе городскія федераціи Каріи и Ликіи и городъ Родосъ. Въ Каріи хотя и была силою взята Стратоникея, но Магнезія на Меандрѣ успѣшно выдержала тяжелую осаду, причемъ одинъ изъ самыхъ способныхъ Митридатовыхъ полководцевъ, Архелай, былъ разбитъ и раненъ. Митридатъ напалъ съ огромными военными силами и съ сухаго пути и съ моря на Родосъ, который служилъ убѣжищемъ для спасшихся изъ Азіи бѣгствомъ Римлянъ и въ томъ числѣ для римскаго намѣстника Луція Кассія. Но хотя его моряки мужественно исполняли свой долгъ на глазахъ у самого царя, они все таки были неопытными въ морскомъ дѣлѣ новичками; поэтому римскія эскадры не разъ одерживали побѣды надъ болѣе многочисленнымъ понтійскимъ флотомъ и возвращались домой съ захваченными непріятельскими кораблями. И на сушѣ осада не подвигалась впередъ; послѣ того, какъ осадныя сооруженія были частію разрушены Родосцами, Митридатъ отказался отъ своего предпріятія и какъ этотъ важный островъ, такъ и лежащій противъ него материкъ остались во власти Римлянъ.

Вторженіе Понтійцевъ въ Европу. Набѣги ѳракійскихъ хищниковъ.

Митридатъ не только овладѣлъ почти вовсе незащищенной азіатской провинціей главнымъ образомъ вслѣдствіе не во время вспыхнувшей Сульпиціевской революціи, но и направилъ свои нападенія на Европу. Пограничные сѣверные и восточные сосѣди Македоніи еще съ 662 года стали возобновлять свои вторженія съ замѣчательною энергіей и упорствомъ; въ 664 и 665 годахъ Ѳракійцы наводнили Македонію и весь Эпиръ и ограбили додонскій храмъ. Еще болѣе удивительно было то, что въ связи съ этими вторженіями была еще разъ сдѣлана попытка выставить претендента на македонскій престолъ въ лицѣ какого-то Эвфена. Митридатъ, поддерживавшій изъ Крыма сношенія съ Ѳракійцами, по всему вѣроятію, принималъ участіе во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ. Хотя преторъ Гай Сентій и отражалъ эти нашествія при помощи ѳракійскихъ Денѳелетовъ, но ему скоро пришлось имѣть дѣло съ болѣе сильнымъ врагомъ. Увлекшійся своими успѣхами, Митридатъ задумалъ, подобно Антіоху, разрѣшить въ Греціи борьбу изъ-за обладанія Азіей, и направилъ туда сухимъ путемъ и моремъ свои отборныя войска.

Ѳракія и Македонія заняты Понтійцами.

Сынъ Митридата Аріараѳъ проникъ изъ Ѳракіи въ слабо-защищенную Македонію, завоевывая лежавшія на пути страны и организуя изъ нихъ понтійскія сатрапіи. Абдера и Филиппы сдѣлались главными опорами понтійскаго владычества въ Европѣ. Понтійскій флотъ появился подъ предводительствомъ лучшаго изъ Митридатовыхъ полководцевъ, Архелая, на Эгейскомъ морѣ, гдѣ лишь рѣдко

можно было встрѣтить какое нибудь римское парусное судно. Делосъ, служившій въ тѣхъ водахъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для римской торговли, былъ взятъ и тамъ было убито около 20.000 человѣкъ, — большею частію Италійцевъ; Эвбею постигла такая-же участь; всѣ острова къ востоку отъ Малійскаго мыса скоро перешли въ руки непріятеля, который уже могъ предпринять нападеніе и на материкъ. Хотя одинъ изъ храбрыхъ помощниковъ македонскаго намѣстника, Бруттій Сура и отбилъ, во главѣ небольшой горсти солдатъ и нѣсколькихъ наскоро собранныхъ кораблей, нападеніе, которое было сдѣлано понтійскимъ флотомъ изъ Эвбеи на важный городъ Деметріаду, и даже занялъ островъ Скіаѳъ, но онъ не былъ въ состояніи помѣшать врагу утвердиться въ собственной Греціи.

И тамъ Митридатъ прибѣгалъ не къ одному только оружію, но и къ національной пропагандѣ. Въ Аѳинахъ его главнымъ агентомъ былъ нѣкій Аристіонъ, по происхожденію аѳинскій рабъ, по профессіи школьный преподаватель эпикурейской философіи, сдѣлавшійся любимцемъ Митридата; это былъ превосходный ораторъ, одаренный такою-же, какъ Пиѳо, способностью убѣждать своихъ слушателей; пользуясь своимъ блестящимъ успѣхомъ при дворѣ, онъ пускалъ простому народу въ глаза пыль и даже успѣлъ увѣрить его, что изъ разрушеннаго почти за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ Карѳагена уже отправлены къ Митридату вспомогательныя войска. Благодаря краснорѣчію этого новаго Перикла и благодаря обѣщанію Митридата возвратить Аѳинянамъ прежде принадлежавшій имъ островъ Делосъ, дѣло дошло до того, что благоразумные Аѳиняне удалились изъ города, а чернь и нѣсколько обезумѣвшихъ отъ радости литераторовъ формально отложились отъ Рима. Такимъ образомъ бывшій философъ превратился въ властителя, который при помощи своихъ наемныхъ понтійскихъ шаекъ ввелъ позорную и кровожадную тираннію, а Пирей сдѣлался мѣстомъ высадки для Понтійцевъ. Лишь только войска Митридата появились на греческомъ континентѣ, на сторону царя стали переходить почти всѣ мелкія греческія государства — ахейское, лаконское, беотійское и многія другія вплоть до границъ Ѳессаліи. Сура, получивъ подкрѣпленія изъ Македоніи, вступилъ въ Беотію съ цѣлію помочь осажденнымъ Ѳеспіямъ; онъ выдержалъ при Херонеѣ трехъ-дневный бой съ Архелаемъ и съ Аристіономъ, но не достигъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ и былъ принужденъ отступить, когда узналъ о приближеніи шедшихъ изъ Пелопоннеса понтійскихъ подкрѣпленій (въ концѣ 666 и въ началѣ 667). — Митридатъ былъ въ то время такъ силенъ, въ особенности, на моряхъ, что италійскіе инсургенты прислали къ нему пословъ съ просьбой предпринять высадку въ Италіи; но ихъ дѣло уже было въ то время почти окончательно проиграннымъ, поэтому царь отказался исполнить ихъ просьбу.

Положеніе римскаго правительства становилось очень затруднительнымъ. Въ рукахъ непріятеля находилась вся Малая Азія, вся Эллада и значительная часть Македоніи; на моряхъ господствовалъ безъ соперниковъ понтійскій флотъ. Сверхъ того, италійское возстаніе, хотя и подавленное въ своемъ общемъ составѣ, все еще безусловно господствовало надъ обширною частію Италіи; только что подавленная революція ежеминутно грозила вспыхнуть съ новою и еще болѣе страшною силой; наконецъ, внутреннія смуты въ Италіи и громадныя потери, понесенныя азіатскими капиталистами, привели къ опасному торговому и денежному кризису (стр. 252), а правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи надежныхъ войскъ. Правительству были нужны три арміи—одна для того, чтобъ сдерживать въ Римѣ революціонеровъ, другая для того, чтобъ окончательно подавить возстаніе Италійцевъ, и третья для того, чтобъ вести войну въ Малой Азіи, а у него была только одна армія,—та, которою командовалъ Сулла, такъ какъ сѣверная армія, находившаяся подъ начальствомъ неблагонадежнаго Гнейя Страбона, создавала лишь новыя затрудненія для правительства. Выборъ между вышеуказанными тремя задачами зависѣлъ отъ Суллы, и онъ, какъ уже было ранѣе сказано, рѣшился на войну въ Азіи. То было немаловажнымъ и, почти можно сказать, великимъ патріотическимъ подвигомъ, что при этомъ столкновеніи интересовъ государственныхъ съ интересами его партіи, Сулла отдалъ предпочтеніе первымъ, и что не смотря на опасности, которымъ онъ подвергалъ своимъ удаленіемъ изъ Италіи и свои новыя учрежденія и своихъ приверженцевъ, онъ все таки высадился весной 667 года на берегахъ Эпира. Но онъ прибылъ туда не въ такой обстановкѣ, въ какой обыкновенно появлялись на востокѣ римскіе полководцы. Главное отличіе отъ прошлаго еще не заключалось въ томъ, что его армія, состоявшая изъ 5 легіоновъ или по большей мѣрѣ изъ 30,000 человѣкъ*), была немного многочисленнѣе обыкновенной консульской арміи. Прежде, если предпринимались войны на востокѣ, то никогда не чувствовалось недостатка въ римскомъ флотѣ,—даже этотъ флотъ исключительно господствовалъ на моряхъ, а Сулла, отправленный съ порученіемъ снова завоевать два континента и острова Эгейскаго моря, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одного военнаго корабля. Прежде, полководецъ везъ съ собою хорошо наполненную казну и бо́льшая часть того, что было нужно для его арміи, доставлялась ему моремъ изъ его отечества, а Сулла отправился съ пустыми руками (такъ какъ суммы, съ большимъ трудомъ собранныя для кампаніи 666 года,

Положеніе Римлянъ.

87
Высадка Суллы въ Эпирѣ.

*) Не слѣдуетъ позабывать, что со времени союзнической войны личный составъ легіоновъ уменьшился по меньшей мѣрѣ на половину вслѣдствіе того, что къ нимъ уже не прикомандировывались италійскіе контингенты.

были издержаны въ Италіи) и былъ вынужденъ содержать свою армію исключительно однѣми реквизиціями. Прежде, единственнымъ противникомъ полководца былъ тотъ, котораго онъ находилъ въ непріятельскомъ лагерѣ, такъ какъ послѣ прекращенія сословныхъ распрей всѣ безъ исключенія политическія партіи соединяли свои усилія для борьбы съ врагами отечества, а теперь подъ знаменами Митридата сражались именитые Римляне, обширныя италійскія страны горячо желали вступить съ нимъ въ союзъ и было по меньшей мѣрѣ сомнительно, послѣдуетъ-ли демократическая партія прекрасному примѣру Суллы и будетъ-ли она соблюдать съ нимъ перемиріе, пока онъ будетъ вести войну съ азіатскимъ царемъ. Но энергичный полководецъ, которому приходилось бороться съ этими затрудненіями, не имѣлъ привычки заботиться объ ожидавшихъ его въ будущемъ опасностяхъ прежде, чѣмъ исполнитъ свою ближайшую задачу. Такъ какъ царь отвергнулъ его мирныя предложенія, въ сущности сводившіяся къ возстановленію тѣхъ порядковъ, какіе существовали до объявленія войны, то онъ тотчасъ послѣ высадки передвинулъ свою армію отъ эпирскихъ портовъ до Беотіи, разбилъ подлѣ Тильфосской горы непріятельскихъ полководцевъ Архелая и Аристіона и послѣ этой побѣды завладѣлъ почти безъ всякаго сопротивленія всѣмъ греческимъ материкомъ за исключеніемъ укрѣпленныхъ Аѳинъ и Пирея, въ которомъ укрылись Аристіонъ и Архелай и которымъ Суллѣ не удалось завладѣть въ расплохъ. Одинъ римскій отрядъ занялъ подъ начальствомъ Луція Гортензія Ѳессалію и проникъ до Македоніи; другой отрядъ занялъ подъ начальствомъ Мунація позиціи подлѣ Халкиды съ цѣлію обороняться отъ непріятельскаго корпуса, стоявшаго на Эвбеѣ подъ начальствомъ Неоптолема; самъ Сулла сталъ лагеремъ подлѣ Элевзиса и Мегары, откуда господствовалъ надъ Греціей и Пелопоннесомъ и руководилъ осадою Аѳинъ и Пирея. Эллинскіе города, привыкшіе подчиняться вліянію ближайшей опасности, безусловно покорились Римлянамъ и были довольны тѣмъ, что, обязавшись доставлять припасы и рекрутъ и уплатить денежный штрафъ, отдѣлались отъ болѣе тяжелыхъ взысканій.

Греція занята Римлянами.

Продолжительная осада Аѳинъ и Пирея.

Менѣе успѣшно велась осада Аѳинъ. Сулла былъ вынужденъ запастись тяжелыми осадными машинами, для которыхъ доставляли строевой матеріалъ рощи Академіи и Ликея. Архелай руководилъ обороной и съ энергіей и съ знаніемъ дѣла: онъ снабдилъ оружіемъ своихъ матросовъ и, такимъ способомъ усиливши свою армію, отражалъ нападенія Римлянъ и нерѣдко предпринималъ вылазки, которыя часто бывали очень удачными. Хотя шедшая на помощь Аѳинамъ понтійская армія Дромихета и была разбита подъ стѣнами Аѳинъ послѣ упорнаго боя, въ которомъ особенно отличился храбрый помощникъ Суллы Луцій Лициній, но это нисколько не ускорило веденія осады. Изъ Македоніи, гдѣ Каппадокійцы тѣмъ временемъ

окончательно утвердились, Аѳинянамъ постоянно доставлялись моремъ значительныя подкрѣпленія, которымъ Сулла не былъ въ состояніи загородить доступъ въ укрѣпленную гавань; хотя Аѳиняне и начинали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ, но благодаря близкому разстоянію между двумя крѣпостями, Архелай неоднократно дѣлалъ попытки снабдить осажденныхъ хлѣбомъ и эти попытки не всегда кончались неудачей. Такимъ образомъ зима 667/8 года прошла въ трудной борьбѣ, которая не привела ни къ какимъ результатамъ. Лишь только наступило болѣе благопріятное время года, Сулла стремительно напалъ на Пирей; ему удалось при помощи осадныхъ машинъ и подкоповъ пробить брешь въ крѣпкихъ Перикловскихъ стѣнахъ и Римляне немедленно пошли на приступъ; но это нападеніе было отражено, а при его возобновленіи оказалось, что позади разрушенной части стѣны были сооружены въ формѣ полумѣсяца укрѣпленія, изъ-за которыхъ стрѣляли въ нападающихъ съ трехъ сторонъ и тѣмъ принудили ихъ къ отступленію. Послѣ того Сулла снялъ осаду и ограничился блокадой. Тѣмъ временемъ въ Аѳинахъ совершенно истощились съѣстные припасы; гарнизонъ попытался сговориться на счетъ капитуляціи; но Сулла отвѣчалъ краснорѣчивымъ аѳинскимъ посламъ, что они имѣютъ дѣло не съ ученикомъ, а съ полководцемъ и что онъ приметъ только безусловное изъявленіе покорности. Такъ какъ Аристіонъ, хорошо знавшій, какая ожидала его участь, все еще колебался, то къ городскимъ стѣнамъ были приставлены лѣстницы и слабо оборонявшійся городъ былъ взятъ приступомъ (1 марта 668). Аристіонъ укрылся въ Акрополѣ, но вскорѣ послѣ того сдался. Римскій главнокомандующій дозволилъ своимъ солдатамъ предаваться въ завоеванномъ городѣ убійствамъ и грабежу, а самыхъ вліятельныхъ между виновниками возстанія казнилъ смертію; но самый городъ получилъ отъ него прежнюю свободу, прежнія владѣнія и даже недавно подаренный ему Митридатомъ Делосъ, и такимъ образомъ еще разъ былъ обязанъ спасеніемъ своимъ знаменитымъ покойникамъ.

87/6 (margin, beside "зима 667/8 года")

86 Взятіе Аѳинъ. (margin, beside "(1 марта 668)")

Затруднительное положеніе Суллы.

И такъ школьный преподаватель эпикурейской философіи былъ побѣжденъ; однако положеніе Суллы по прежнему было крайне затруднительнымъ и даже отчаяннымъ. Уже прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ кампанію, но онъ еще не сдѣлалъ никакого рѣшительнаго шага впередъ: единственная, годная для высадки войскъ гавань, устояла противъ всѣхъ его нападеній, между тѣмъ какъ вся Азія была оставлена на произволъ судьбы, а завоеваніе Македоніи Митридатовскими намѣстниками было незадолго передъ тѣмъ довершено взятіемъ Амфиполя. Съ каждымъ днемъ становилось болѣе очевиднымъ, что безъ флота не только не было возможности оберегать отъ безчисленныхъ корсаровъ сообщенія съ Италіей и подвозъ подкрѣпленій, но и не было возможности завла-

Недостатокъ флота.

дѣть даже Пиреемъ, не говоря уже объ Азіи и объ островахъ, а между тѣмъ не было никакого способа добыть военные корабли.
87/6 Еще зимой 667/8 года Сулла отправилъ на востокъ одного изъ самыхъ способныхъ и самыхъ ловкихъ своихъ офицеровъ, Луція Лицинія Лукулла, съ порученіемъ собрать тамъ какъ можно больше кораблей. Лукуллъ вышелъ въ море съ шестью открытыми лодками, которыя занялъ у Родосцевъ и у нѣкоторыхъ другихъ общинъ; онъ самъ лишь благодаря счастливой случайности спасся отъ эскадры пиратовъ, которая захватила большую часть его судовъ; обманувъ непріятеля тѣмъ, что пересаживался съ одного корабля на другой, онъ пробрался черезъ Критъ и Кирену въ Александрію; но египетское правительство отказало въ просьбѣ о доставкѣ военныхъ кораблей столько-же вѣжливо, сколько рѣшительно. Въ этомъ фактѣ яснѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, обнаруживался глубокій упадокъ, до котораго дошло римское государство: прежде оно было въ состояніи съ благодарностью отклонить предложенную египетскими царями присылку всего ихъ флота на помощь Римлянамъ, а теперь оно было банкротомъ даже въ глазахъ александрійскихъ государственныхъ людей. Къ тому-же и финансовое положеніе было крайне затруднительно; подъ гнетомъ необходимости Сулла уже опустошилъ сокровищницы олимпійскаго Зевса, дельфійскаго Аполлона, эпидаврскаго Асклепія, а боговъ вознаградилъ за это половиною территоріи, отобранной у Ѳивъ въ видѣ наказанія. Но еще гораздо пагубнѣе всѣхъ этихъ военныхъ и финансовыхъ затрудненій было вліяніе происшедшаго въ Римѣ государственнаго переворота, который превзошелъ самыя худшія опасенія своей быстрой, рѣшительной и насильственной развязкой. Революція властвовала въ столицѣ; Сулла былъ отставленъ и командованіе азіатской арміей было поручено вмѣсто него демократическому консулу Марку Валерію Флакку, прибытіе котораго въ Грецію ожидалось со дня на день. Хотя солдаты и были преданы Суллѣ, который дѣлалъ все что могъ, чтобъ поддерживать въ нихъ бодрость духа, но развѣ онъ могъ увлекаться какими либо надеждами, когда ему неоткуда было добыть ни денегъ ни подкрѣпленій, когда онъ былъ отставленъ отъ должности главнокомандующаго и осужденъ, когда уже ожидалось прибытіе его преемника и когда при всемъ этомъ не предвидѣлось никакого конца войнѣ вслѣдствіе упорнаго сопротивленія со стороны господствовавшаго на моряхъ непріятеля!

Вступленіе понтійскихъ армій въ Грецію.
87 Царь Митридатъ взялъ на себя трудъ вывести своего противника изъ его затруднительнаго положенія. Онъ, какъ по всему видно, не одобрялъ своихъ генераловъ за оборонительную систему войны и прислалъ имъ предписаніе какъ можно скорѣе окончательно одолѣть врага. Еще въ 667 году его сынъ Аріараѳъ двинулся изъ Македоніи съ цѣлію вступить съ Суллой въ борьбу въ собственной Гре-

цiи; эта экспедицiя была прiостановлена только въ слѣдствiе внезапной смерти, постигшей Арiараѳа во время похода у Тизейскаго мыса въ Ѳессалiи. Его преемникъ Таксилъ, преслѣдовавшiй тотъ римскiй корпусъ, который стоялъ въ Ѳессалiи, появился (668) подлѣ Ѳермопилъ съ армiей, которая, по разсказамъ, состояла изъ 100,000 пѣхоты и 10,000 конницы. Къ нему присоединился и Дромихетъ. И Архелай очистилъ Пирей сначала частiю, а потомъ и вполнѣ, — какъ кажется не столько вслѣдствiе военныхъ успѣховъ Суллы, сколько въ исполненiе полученныхъ отъ Митридата приказанiй, — и вслѣдъ за тѣмъ присоединился въ Беотiи къ главной понтiйской армiи. Сулла приказалъ разрушить всѣ сооруженiя Пирея, бывшiя предметомъ такихъ восторженныхъ похвалъ, и двинулся вслѣдъ за понтiйской армiей въ надеждѣ, что ему удастся дать генеральное сраженiе еще до прибытiя Флакка. Тщетно совѣтовалъ Архелай не вступать въ рѣшительную битву, а, утвердившись на морѣ и на берегахъ, препятствовать движенiямъ непрiятеля; точно такъ-же, какъ во времена Дарiя и Антiоха, массы восточныхъ солдатъ устремились на бой такъ-же торопливо и неосмотрительно, какъ устремляется прямо въ пламя испуганное стадо животныхъ; а въ настоящемъ случаѣ это было тѣмъ болѣе безразсудно, что Азiатцамъ, быть можетъ, приходилось подождать только нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ сдѣлаться зрителями борьбы между Суллой и Флаккомъ. 86

Пирей очищенъ непрiятелемъ.

86 Въ мартѣ 668 года двѣ армiи сошлись на долинѣ Кефисса неподалеку отъ Херонеи. Даже со включенiемъ вытѣсненнаго изъ Ѳессалiи отряда, который успѣлъ присоединиться къ главной римской армiи, и со включенiемъ греческихъ контингентовъ, римская армiя была втрое малочисленнѣе непрiятельской; кромѣ того на сторонѣ этой послѣдней было то важное преимущество, что она имѣла при себѣ многочисленную конницу, которая была очень опасна на той мѣстности, гдѣ происходила битва, и отъ которой Сулла былъ вынужденъ защитить свои фланги окопами, точно такъ-же, какъ онъ защитилъ свой фронтъ отъ непрiятельскихъ боевыхъ колесницъ, соорудивъ рядъ палисадъ въ промежуткѣ между первою и второю линiями своего боеваго строя. Битва началась тѣмъ, что непрiтельскiя боевыя колесницы двинулись на Римлянъ; тогда первая римская линiя отступила за палисады; наткнувшiяся на это препятствiе колесницы были отражены римскими пращниками и стрѣлками и устремились назадъ на свою собственную боевую линiю, чѣмъ привели въ разстройство какъ македонскую фалангу, такъ и отрядъ италiйскихъ эмигрантовъ. Архелай торопливо стянулъ къ себѣ съ обоихъ фланговъ свою конницу и устремилъ ее на непрiятеля, чтобъ имѣть время снова выстроить въ порядкѣ свою пѣхоту; эта конница стремительно напала на Римлянъ и прорвала ихъ ряды; но римская пѣхота быстро построилась въ густыя колонны и оказала

Битва при Херонеѣ.

мужественное сопротивленіе нападавшимъ на нее со всѣхъ сторонъ всадникамъ. Тѣмъ временемъ Сулла самъ повелъ на правомъ флангѣ свою конницу на ничѣмъ незащищенный флангъ непріятеля; азіатская пѣхота подалась назадъ почти безъ боя, а ея отступленіе навело страхъ и на массы кавалеріи. Окончательную побѣду доставило наступленіе всей римской пѣхоты, которая снова получила возможность свободно двигаться благодаря смятенію въ рядахъ непріятельской конницы. Съ цѣлію остановить бѣгущихъ, Архелай приказалъ запереть ворота своего лагеря, но отъ этого только увеличилось число убитыхъ, а когда ворота наконецъ растворились, то Римляне ворвались въ нихъ вмѣстѣ съ Азіатцами. Изъ своей арміи Архелай, какъ разсказывали, не привелъ въ Халкиду и двѣнадцатой части. Сулла преслѣдовалъ его до береговъ Эврипа, но не былъ въ состояніи переправиться на другую сторону этого неширокаго пролива.

Незначительные результаты побѣды. Это была великая побѣда, но ея результаты были незначительны, частію по недостатку флота, частію потому, что побѣдитель, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать побѣжденныхъ, былъ вынужденъ защищаться отъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ. На морѣ все еще господствовали понтійскія эскадры, которыя теперь появились даже на западѣ отъ Малійскаго мыса; еще послѣ битвы при Херонеѣ Архелай высадилъ свои войска на Закинѳѣ и попытался прочно утвердиться на этомъ островѣ. **Сулла и Флаккъ** Между тѣмъ Луцій Флаккъ высадился съ двумя легіонами въ Эпирѣ, понеся на пути значительныя потери и отъ бурь и отъ крейсировавшихъ въ Адріатическомъ морѣ непріятельскихъ военныхъ кораблей; его войска уже стояли въ Ѳессаліи и туда пришлось прежде всего направиться Суллѣ. Подлѣ Мелитеи, на сѣверномъ склонѣ Ѳоризскихъ горъ, сошлись двѣ римскія арміи; столкновеніе между ними казалось неизбѣжнымъ. Но Флаккъ имѣлъ случай убѣдиться, что Сулловскія солдаты вовсе нерасположены промѣнять своего побѣдоноснаго начальника на совершенно ничѣмъ не прославившагося демократическаго полководца и что солдаты его собственнаго авангарда уже начали перебѣгать въ лагерь Суллы; поэтому онъ уклонился отъ борьбы, которая была ему не по силамъ, и двинулся на сѣверъ съ цѣлію проникнуть въ Азію черезъ Македонію и Ѳракію и, одержавши тамъ верхъ надъ Митридатомъ, расчистить себѣ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Съ военной точки зрѣнія, можетъ показаться страннымъ, что Сулла не воспрепятствовалъ отступленію болѣе слабаго противника и вмѣсто того, чтобъ двинуться вслѣдъ за нимъ, возвратился въ Аѳины, гдѣ, какъ ка-
86/5 жется, провелъ зиму 668/9 года; слѣдуетъ полагать, что онъ и въ этомъ случаѣ руководствовался политическими соображеніями: при своихъ умѣренныхъ и патріотическихъ убѣжденіяхъ онъ, вѣроятно, не желалъ одерживать побѣды надъ своими соотечественниками, по меньшей мѣрѣ пока не кончится война въ Азіи, и считалъ сноснымъ

способомъ избѣжать прискорбныхъ столкновеній, сражаясь съ общимъ врагомъ во главѣ арміи олигарховъ въ Европѣ, между тѣмъ какъ армія революціонеровъ сражалась-бы съ этимъ врагомъ въ Азіи.

Появленіе второй понтійской арміи въ Греціи.

85 Весной 669 года нашлось не мало дѣла и въ Европѣ. Митридатъ, неутомимо занимавшійся въ Малой Азіи приготовленіями къ войнѣ, отправилъ на Эвбею, подъ начальствомъ Дорилая, немного менѣе многочисленную армію чѣмъ та, которая была уничтожена подлѣ Херонеи; съ Эвбеи эта армія перешла черезъ Эврипъ въ Беотію, предварительно присоединивъ къ себѣ остатки арміи Архелая. Понтійскій царь, судившій о достоинствахъ своей арміи по тѣмъ побѣдамъ, которыя она одерживала надъ миліціями Виѳиніи и Каппадокіи, не зналъ, чему приписать неблагопріятный для него оборотъ дѣлъ въ Европѣ; среди царедворцевъ уже передавались шопотомъ слухи объ измѣнѣ Архелая; начальнику новой арміи было послано рѣшительное приказаніе вторично вступить въ бой съ Римлянами и непремѣнно уничтожить ихъ. Царская воля была исполнена если не

Битва при Орхоменѣ.

въ томъ, что́ касалось побѣды, то по меньшей мѣрѣ въ томъ, что́ касалось вторичной битвы. Римляне встрѣтились съ Азіатцами снова въ долинѣ Кефисса, подлѣ Орхомена. Многочисленная и превосходная азіатская конница неистово устремилась на римскую пѣхоту, которая поколебалась и стала отступать; опасность была такъ велика, что Сулла схватилъ знамя и, устремляясь на непріятеля въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и ординарцевъ, обратился къ солдатамъ съ словами: «когда на вашей родинѣ васъ спросятъ, гдѣ вы покинули вашего вождя, то не забудьте отвѣчать: при Орхоменѣ». Эти слова подѣйствовали: легіоны снова выстроились и одолѣли непріятельскую конницу, послѣ чего имъ было уже нетрудно опрокинуть и непріятельскую пѣхоту. На слѣдующій день лагерь Азіатцевъ былъ окруженъ и взятъ приступомъ; большая часть побѣжденныхъ погибла или потонула въ болотахъ Копайскаго озера; лишь немногіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ Архелай, спаслись бѣгствомъ на островъ Эвбею. Беотійскія общины тяжело поплатились за это новое отпаденіе отъ Рима и частію утратили свое существованіе. Уже ничто не препятствовало вступленію Римлянъ въ Македонію и во Ѳракію: городъ Филиппы былъ ими занятъ, понтійскій гарнизонъ добровольно удалился изъ Абдеры, и весь европейскій материкъ былъ очищенъ непріятелемъ. Въ концѣ третьяго года войны (669) Сулла уже могъ 85
расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Ѳессаліи съ цѣлію предпринять весной 670 *) года кампанію въ Азію, для чего и прика- 84
залъ строить въ ѳессалійскихъ портахъ корабли.

*) Хронологія этихъ событій и вообще всѣхъ ихъ подробностей покрыта такимъ мракомъ, что историческія изслѣдованія съ трудомъ могутъ замѣнить этотъ мракъ, по бо́льшей мѣрѣ, сумерками. Почти несомнѣнно доказано, что битва при Херонеѣ происходила если не въ одинъ и тотъ-же день со штурмомъ Аѳинъ

Реакція въ Малой Азіи противъ Митридата.

Тѣмъ временемъ и въ Малой Азіи положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Митридатъ прежде принималъ на себя роль освободителя Эллиновъ: въ началѣ своего владычества онъ поддерживалъ независимость городовъ и освобождалъ отъ уплаты налоговъ; но вслѣдъ за этимъ непродолжительнымъ періодомъ сладкихъ иллюзій настало слишкомъ скорое и слишкомъ горькое разочарованіе. Онъ очень скоро обнаружилъ свой настоящій характеръ и сталъ управлять съ такимъ деспотизмомъ, который далеко превосходилъ тираннію римскихъ намѣстниковъ, такъ что даже терпѣливые Малоазіатцы открыто возстали противъ него. Тогда и султанъ прибѣгнулъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ. Изъявившимъ покорность областямъ онъ предоставилъ независимость, мѣстнымъ жителямъ—право гражданства, должникамъ—полное освобожденіе отъ уплаты долговъ, неимущимъ—земли, рабамъ—свободу; около 15.000 такихъ отпущенныхъ на волю рабовъ сражались въ арміи Архелая. Самыя ужасныя сцены были послѣдствіемъ этого, нисходившаго свыше, низпроверженія всѣхъ установленныхъ порядковъ. Самые значительные изъ торговыхъ городовъ—Смирна, Колофонъ, Эфесъ, Траллы, Сарды,—заперли свои ворота передъ царскими намѣстниками или убили этихъ намѣстниковъ и объявили, что держатъ сторону Рима *). Съ другой стороны, царскій намѣстникъ Діодоръ,—такой-же знаменитый философъ, какъ Аристіонъ, только изъ другой школы, и такъ-же, какъ Аристіонъ способный совершать въ угоду своему повелителю самыя гнусныя дѣла,—приказалъ, въ исполненіе царской воли, умертвить въ Адрамитіи всѣхъ членовъ городскаго совѣта. Заподозрѣнные въ преданности Римлянамъ, жители Хіоса были обложены контрибуціей въ 2000 талантовъ (3.150.000 талер.), а такъ какъ они уплачивали эту сумму неакуратно, то ихъ посадили массами на суда и перевезли связанными, подъ надзоромъ ихъ собственныхъ рабовъ, на берега

[Павзан. 1, 20], то вскорѣ послѣ того, приблизительно въ Мартѣ 668 года. Что слѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ кампаніи ѳессалійская и вторая беотійская заняли не только остальную часть 668 года, но и весь 669 годъ, само по себѣ
86 85
правдоподобно и становится еще болѣе правдоподобнымъ въ виду того соображенія, что на предпріятія Суллы въ Азіи не требовалось больше одной кампаніи. И Лициніанъ, по видимому, намекаетъ на то, что Сулла возвратился въ Аѳины
86/5
на зиму 668/9 года и занялся тамъ судебными преслѣдованіями и наказаніями; вслѣдъ за тѣмъ описана битва при Орхоменѣ. Поэтому переходъ Суллы въ
85 84
Азію и относится не къ 669, а къ 670 году.

*) Недавно найдено [Waddington дополн. къ Inscr. Lebas, 3, 136, a] изданное въ этомъ смыслѣ постановленіе эфесскаго гражданства. Эти граждане заявили, что они подчинились „каппадокійскому царю" Митридату вслѣдствіе того, что устрашились огромной массы его боевыхъ силъ и были испуганы внезапностью его нападенія, но пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ, объявили ему войну за „владычество [ἡγεμονία] Римлянъ и за общественное благо".

Колхиды, а островъ заселили понтійскими колонистами. Вождей малоазіатскихъ Кельтовъ царь приказалъ умертвить всѣхъ въ одинъ день вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, а Галатію превратить въ понтійскую сатрапію. Большая часть этихъ смертныхъ приговоровъ была приведена въ исполненіе или въ собственной главной квартирѣ царя или въ галатской области, но тѣ немногіе изъ осужденныхъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ, стали во главѣ своихъ мужественныхъ соплеменниковъ и прогнали за предѣлы своей страны царскаго намѣстника Эвмаха. Само собой понятно, что такого царя преслѣдовали кинжалы убійцъ; тысяча шестьсотъ человѣкъ были приговорены царскими уголовными судами къ смертной казни за участіе въ заговорахъ этого рода.

Лукуллъ появляется съ флотомъ у береговъ Азіи.

Въ то время какъ ярость, съ которою царь преслѣдовалъ убійцъ, возбуждала его новыхъ подданныхъ къ возстанію, его начинали и въ Азіи тѣснить Римляне и съ сухого пути и со стороны моря. Послѣ своей неудачной попытки привести для борьбы съ Митридатомъ египетскій флотъ, Лукуллъ добылъ военные корабли въ приморскихъ городахъ Сиріи и, усиливъ свой зарождавшійся флотъ въ портахъ кипрскихъ, памфилійскихъ и родосскихъ, счелъ себя достаточно сильнымъ для наступательной войны. Онъ искусно избѣгалъ встрѣчъ съ болѣе сильнымъ непріятелемъ и тѣмъ не мѣнѣе достигъ немаловажныхъ успѣховъ. Книдскіе островъ и полуостровъ были имъ заняты; онъ предпринялъ нападеніе на Самосъ и отнялъ у непріятеля Колофонъ и Хіосъ,

Флаккъ въ Азіи. 86

Тѣмъ временемъ Флаккъ провелъ свою армію черезъ Македонію и Ѳракію въ Византію и, переправившись оттуда черезъ проливъ, достигъ Халкедона (въ концѣ 668). Въ этомъ городѣ армія взбунтовалась противъ своего главнокомандующаго, какъ полагали, потому, что онъ утаилъ отъ солдатъ военную добычу; душой возстанія былъ одинъ изъ высшихъ офицеровъ римской арміи, имя котораго обратилось въ Римѣ въ прозвище настоящихъ ораторовъ черни, — Гай Флавій Фимбрія; поссорившись съ главнокомандующимъ, онъ завелъ и въ военномъ лагерѣ демагогическіе происки, которыми прежде занимался на римской городской площади. Армія отставила Флакка отъ должности и вскорѣ послѣ того убила его въ Никомедіи, неподалеку отъ Халкедона; на мѣсто Флакка солдаты выбрали Фимбрію. Само собой понятно, что новый главнокомандующій старался угождать своимъ подчиненнымъ; такъ напримѣръ, въ принявшемъ сторону Римлянъ Кизикѣ гражданамъ было приказано выдать солдатамъ все свое имущество подъ страхомъ смертной казни и въ видѣ предостереженія были немедленно казнены двое изъ самыхъ именитыхъ гражданъ. Однако въ военномъ отношеніи замѣна одного начальника другимъ оказалась полезной; Фимбрія не былъ такимъ-же несποсобнымъ главнокомандующимъ, какимъ былъ Флаккъ; напротивъ того онъ былъ и предпріимчивъ и даровитъ.

Фимбрія.

Побѣда Фимбріи при Мелитополѣ. Подлѣ Мелитополя (на Риндакѣ, къ западу отъ Бруссы) Фимбрія ночью напалъ на младшаго Митридатова сына, выступившаго къ нему на встрѣчу въ качествѣ намѣстника понтійской сатрапіи, и нанесъ ему рѣшительное пораженіе; этимъ онъ расчистилъ себѣ путь къ Пергаму, превратившемуся изъ главнаго города римской провинціи въ столицу понтійскаго царя, выгналъ оттуда Митридата и принудилъ его укрыться въ находившейся неподалеку оттуда гавани Питанѣ, гдѣ Митридатъ намѣревался сѣсть на какой нибудь корабль. Именно въ то время Лукуллъ появился въ тѣхъ водахъ съ своимъ флотомъ; Фимбрія умолялъ его дѣйствовать за-одно для того, чтобъ захватить царя въ плѣнъ. Но убѣжденія оптимата заглушили въ Лукуллѣ требованія патріотизма; онъ проплылъ мимо и далъ царю возможность уплыть въ Митилену.

Опасное положеніе Митридата. Положеніе Митридата все таки было очень стѣсненнымъ. Въ концѣ 669 года онъ уже ничѣмъ не владѣлъ въ Европѣ, а Малая Азія частію возстала противъ него, частію была занята римской арміей, 85
которая угрожала и ему самому на самомъ близкомъ разстояніи. Находившійся подъ начальствомъ Лукулла, римскій флотъ удачно выдержалъ двѣ морскія битвы у береговъ троянской страны, подлѣ мыса Лектона и у береговъ острова Тенедоса; тамъ къ нему присоединились корабли, построенные въ Θессаліи по приказанію Суллы, и онъ сталъ господствовать надъ Геллеспонтомъ такъ, что начальникъ римской сенатской арміи могъ слѣдующей весной безопасно и удобно переправиться въ Азію.

Мирные переговоры. Митридатъ попытался завести мирные переговоры. При другомъ положеніи дѣлъ виновникъ эфесскаго кровожаднаго эдикта никакъ не могъ-бы питать надежды, что Римляне согласятся на миръ; но римская республика страдала въ то время отъ внутреннихъ смутъ; находившаяся во главѣ управленія партія объявила лишеннымъ покровительства законовъ того самого полководца, который былъ высланъ противъ Митридата, а у себя дома подвергала его сторонниковъ самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ; между тѣмъ два римскихъ главнокомандующихъ дѣйствовали другъ противъ друга, въ то-же время сражаясь съ общимъ врагомъ; поэтому Митридатъ надѣялся достигнуть не только мира, но и выгоднаго мира. Ему предстоялъ выборъ между Суллой и Фимбріей, такъ какъ онъ могъ обратиться съ своими предложеніями и къ тому и къ другому; онъ завёлъ переговоры съ ними обоими, но, по видимому, съ самаго начала желалъ окончательнаго соглашенія съ Суллой, который стоялъ въ мнѣніи царя гораздо выше своего соперника. Его полководецъ Архелай потребовалъ, по приказанію своего повелителя, отъ Суллы уступки Азіи и въ вознагражденіе за это обѣщалъ помощь царя въ борьбѣ съ господствовавшей въ Римѣ демократической партіей. Но Сулла и на этотъ разъ поступилъ съ своимъ обычнымъ хладнокро-

віемъ и благоразуміемъ: хотя онъ и горячо желалъ скорѣйшей развязки азіатскихъ дѣлъ въ виду положенія дѣлъ въ Италіи, но онъ не высоко цѣнилъ выгоды, которыя могъ ему доставить союзъ съ Каппадокіей въ предстоявшей междоусобной войнѣ въ Италіи, да и вообще былъ такимъ хорошимъ Римляниномъ, что никакъ не могъ-бы согласиться на такую позорную и вредную уступку.

85/4 Во время мирныхъ переговоровъ, которые велись зимой 669-70 года въ Деліонѣ, на берегахъ Беотіи, насупротивъ Эвбеи, Сулла рѣшительно отказался отъ уступки хотя-бы одной пяди римской территоріи, но не вышелъ изъ предѣловъ прежде предъявленныхъ условій, оставаясь, не безъ основательной причины, вѣрнымъ старинному римскому обыкновенію не требовать послѣ одержанной побѣды болѣе того, что̀ требовалось до начала борьбы. Онъ потребовалъ возвращенія всѣхъ завоеванныхъ царемъ и еще неотнятыхъ у него Римлянами странъ — Каппадокіи, Пафлагоніи, Галатіи, Виѳиніи, Малой Азіи и острововъ, выдачи плѣнниковъ и дезертировъ, уступки восьмидесяти военныхъ кораблей Архелая для усиленія все еще незначительнаго римскаго флота, наконецъ жалованья и продовольствія для своей арміи и вознагражденія за военныя издержки въ очень умѣренномъ размѣрѣ 3000 талантовъ ($4^3/_4$ милл. талер.). Сосланныхъ на берега Чернаго моря, жителей Хіоса, Митридатъ долженъ былъ снова переселить на ихъ родину; преданнымъ Риму Македонянамъ онъ долженъ быть возвратить уведенныхъ у нихъ родственниковъ, и долженъ былъ доставить нѣсколько военныхъ кораблей городамъ, находившимся въ союзѣ съ Римомъ. Конечно, и Тиграна слѣдовало-бы привлечь къ участію въ заключеніи мира; но обѣ стороны умалчивали о немъ, такъ какъ его вмѣшательство вызвало-бы безконечныя усложненія, которыя не были въ интересахъ ни одной изъ договаривавшихся сторонъ. Такимъ образомъ во власти царя оставлялось всё то, чѣмъ онъ владѣлъ до начала войны, и отъ него не было потребовано ничего оскорбительнаго для его чести.*) Архелай хорошо понималъ, что неожиданно достигъ болѣе того, чего можно было ожидать, и что нельзя желать чего-нибудь лучшаго; поэтому онъ согласился на изложенныя выше мирныя условія, заключилъ перемиріе и вывелъ войска изъ тѣхъ городовъ, которые еще оставались въ Европѣ во власти Азіатцевъ. Мирные переговоры въ Деліонѣ.

Но Митридатъ не согласился на эти мирныя условія; онъ хотѣлъ, чтобъ Римляне по меньшей мѣрѣ отказались отъ требованія Новыя затрудненія.

*) Нѣкоторые утверждали, что Митридатъ выговорилъ при заключеніи мира безнаказанность въ пользу тѣхъ городовъ, которые перешли на его сторону (Мемнонъ, 35); но этотъ фактъ неправдоподобенъ, потому что несогласенъ ни съ характеромъ побѣдителя ни съ характеромъ побѣжденнаго; о немъ не упоминаютъ ни Аппіанъ ни Лициніанъ. Мирныя условія не были изложены письменно, что впослѣдствіи и послужило поводомъ для разныхъ неосновательныхъ предположеній.

военныхъ кораблей и уступили ему Пафлагонію; вмѣстѣ съ этимъ онъ ссылался на готовность Фимбріи заключить миръ на гораздо болѣе выгодныхъ для него условіяхъ. Суллу оскорбило это сопоставленіе его мирныхъ условій съ условіями не имѣвшаго офиціальныхъ полномочій авантюриста; къ тому-же онъ уже дошолъ до крайнихъ предѣловъ уступчивости; поэтому онъ прервалъ переговоры. Между тѣмъ онъ воспользовался свободнымъ временемъ для того, чтобъ возстановить порядокъ въ Македоніи, наказать Дардановъ, Синтовъ и Медовъ, — при чемъ доставилъ своей арміи случай обогатиться военной добычей, — и приблизиться къ предѣламъ Азіи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ рѣшился проникнуть туда для того, чтобъ раздѣлаться съ Фимбіей.

Появленіе Суллы въ Азіи. Лишь только были прерваны мирные переговоры, Сулла двинулъ свои, стоявшіе во Ѳракіи, легіоны и свой флотъ къ берегамъ Геллеспонта. Тогда Архелаю наконецъ удалось склонить своего своенравнаго повелителя къ изъявленію согласія на мирныя условія; за это на него впослѣдствіи косо смотрѣли при царскомъ дворѣ, такъ какъ считали его виновникомъ заключенія невыгоднаго мира; его даже стали обвинять въ измѣнѣ, такъ что онъ былъ скоро вынужденъ покинуть свое отечество и бѣжать къ Римлянамъ, которые охотно его приняли и осыпали почестями. Римскіе солдаты также роптали, конечно, главнымъ образомъ потому, что изъ ихъ рукъ ускользала азіатская добыча, на которую они расчитывали, а не по той болѣе основательной причинѣ, что варварскому царю, убившему восемьдесятъ тысячъ ихъ соотечественниковъ и навлекшему несказанныя бѣдствія на Италію и на Азію, было дозволено безнаказанно возвратиться на его родину съ большею частію награбленныхъ въ Азіи сокровищъ. Суллѣ, конечно, также было прискорбно, что политическія затрудненія препятствовали исполненію его задачи, столь простой въ военномъ отношеніи, и что они заставляли его довольствоваться такими мирными условіями послѣ такихъ побѣдъ. Однако его согласіе на эти мирныя условія служитъ новымъ доказательствомъ самоотверженія и осмотрительности, съ которыми онъ велъ войну: во власти Митридата еще находились всѣ берега Чернаго моря, а его стойкость ясно обнаружилась во время веденія мирныхъ переговоровъ; поэтому для войны съ нимъ потребовался-бы въ самомъ благопріятномъ случаѣ цѣлый годъ, а положеніе дѣлъ въ Италіи было таково, что, по мнѣнію Суллы, уже едвали не было слишкомъ поздно вступать въ борьбу съ господствовавшей тамъ партіей во главѣ немногихъ, находившихся въ его распоряженіи легіоновъ *). Между

*) И въ армянскихъ преданіяхъ есть указанія на первую войну съ Митридатомъ. Армянскій царь Ардасхъ,—какъ разсказываетъ Моисей Хоренскій, недовольствовался второстепеннымъ положеніемъ, которое принадлежало ему по

тѣмъ, прежде чѣмъ предпринять эту борьбу, было необходимо низложить стоявшаго въ Азіи во главѣ демократической арміи дерзкаго полководца для того, чтобъ онъ не пришолъ на помощь къ италійскимъ революціонерамъ въ то время, какъ Сулла будетъ съ ними бороться въ Италіи. Подлѣ Кипселы, на берегахъ Гебра, Сулла получилъ увѣдомленіе, что условія мирнаго трактата приняты Митридатомъ, но это не помѣшало ему продолжать его походъ въ Азію. Царь, какъ утверждали, желалъ свиданія съ римскимъ главнокомандующимъ для того, чтобъ договориться съ нимъ объ условіяхъ мира; но это было, по всему вѣроятію, выдумано для того, чтобъ Сулла имѣлъ благовидный предлогъ перевести свою армію въ Азію и покончить тамъ съ Фимбріей.

закону въ персидскомъ (пароянскомъ) царствѣ: онъ принудилъ пароянскаго царя Арсхагана уступить ему верховную власть; вслѣдъ за тѣмъ онъ выстроилъ себѣ въ Персіи дворецъ, сталъ чеканить тамъ монеты съ своимъ собственнымъ изображеніемъ, назначилъ Арсхагана вассальнымъ царемъ Персіи, своего сына Дикрана (Тиграна) вассальнымъ царемъ Арменія, а свою дочь Ардасхаму выдалъ за-мужъ за великаго князя Иберовъ Мирдата (Митридата), который происходилъ отъ Мирдата, бывшаго Даріевскаго сатрапа и Александрова намѣстника надъ побѣжденными Иберами и владычествовалъ какъ въ сѣверныхъ горахъ, такъ и на берегахъ Чернаго моря. Послѣ того, Ардасхъ захватилъ въ плѣнъ царя Лидійцевъ Креза, завоевалъ твердую землю между двумя великими морями (Малую Азію) и отправился съ безчисленными кораблями за море съ цѣлью завоевать западъ. Такъ какъ въ Римѣ господствовала въ то время анархія, то онъ нигдѣ не встрѣтилъ серьознаго сопротивленія, но его солдаты стали убивать одни другихъ и Ардасхъ былъ убитъ своими приближенными. Послѣ смерти Ардасха, его преемникъ Дикранъ двинулъ свою армію противъ Грековъ (то есть противъ Римлянъ), которые также вторгнулись въ Арменію; онъ остановилъ ихъ наступленіе, передалъ своему зятю Митридату управленіе Мадшагомъ (Мазака, въ Каппадокіи) и внутренней страной вмѣстѣ съ значительными военными силами, а самъ возвратился въ Арменію. По прошествіи многихъ лѣтъ еще можно было видѣть въ армянскихъ городахъ статуи греческихъ боговъ, сдѣланныя самыми знаменитыми художниками; это были трофеи тогдашней кампаніи.—Въ этомъ разсказѣ не трудно распознать различныя подробности изъ первой Митридатовской войны; но онъ, очевидно, весь перепутанъ, украшенъ вовсе неподходящими къ нему прибавками и отнесенъ къ Арменіи путемъ патріотическаго извращенія фактовъ. Точно такимъ-же образомъ была впослѣдствіи приписана Арменіи побѣда, одержанная надъ Крассомъ. Къ этимъ восточнымъ разсказамъ слѣдуетъ относиться осмотрительно тѣмъ болѣе потому, что они заимствованы не изъ настоящихъ народныхъ сказаній, а частію изъ указаній Іосифа, Эвсевія и другихъ хорошо знакомыхъ христіанамъ пятаго столѣтія источниковъ, перепутанныхъ съ армянскими преданіями, частію изъ историческихъ романовъ Грековъ и безъ сомнѣнія также изъ собственныхъ патріотическихъ фантазій Моисея. Какъ ни плохи наши западные источники свѣдѣній, все таки мы еще болѣе затемнили-бы ихъ, если-бы стали (подобно незнакомому съ исторической критикой Сенъ-Мартену) въ этомъ случаѣ и въ другихъ ему подобныхъ обращаться за свѣдѣніями на востокъ.

Мирный договоръ въ Дарданѣ. И такъ Сулла переправился черезъ Геллеспонтъ съ своими легіонами и въ сопровожденіи Архелая; на азіатскомъ берегу Геллеспонта, въ Дарданѣ, онъ имѣлъ свиданіе съ Митридатомъ и заключилъ съ нимъ мирный договоръ на словахъ; за тѣмъ онъ шолъ далѣе, пока не достигъ подлѣ Ѳіатиры, неподалеку отъ Пергама, того мѣста, гдѣ находился лагерь Фимбріи; тогда онъ остановился и раскинулъ свой лагерь на самомъ близкомъ разстояніи отъ лагеря Фимбріи. **Сулла въ борьбѣ съ Фимбріей.** Сулловскіе солдаты, далеко превосходившіе Фимбріевскихъ и числомъ и дисциплиной и опытностью своихъ вождей и своимъ знаніемъ военнаго дѣла, съ презрѣніемъ смотрѣли на эти оробѣвшія и деморализованныя войска и на того, кто самъ возвелъ себя въ званіе ихъ главнокомандующаго. Солдаты Фимбріи стали все чаще и чаще перебѣгать въ лагерь его противника. Когда Фимбрія приказалъ имъ перейти въ наступленіе, они отказались сражаться съ своими согражданами и даже отказались дать ему клятву, что будутъ неизмѣнно стоять другъ за друга. Попытка убить Суллу не имѣла успѣха: на предложенное Фимбріей свиданіе Сулла не согласился; онъ ограничился тѣмъ, что черезъ посредство одного изъ своихъ офицеровъ указалъ Фимбріи возможность спасти его жизнь. **Смерть Фимбріи.** Фимбрія былъ нахалъ, но вовсе не трусъ; вмѣсто того, чтобъ сѣсть на предложенный Суллою въ его распоряженіе корабль и бѣжать къ варварамъ, онъ отправился въ Пергамъ и тамъ, въ храмѣ Асклепія, бросился на свой собственный мечъ. Тѣ изъ его подчиненныхъ, которые боялись отвѣтственности за прошлое, перешли къ Митридату или къ пиратамъ, которые охотно ихъ приняли, а большинство поступило подъ команду Суллы.

Устройство азіатскихъ дѣлъ Такъ какъ Сулла не полагался на преданность этихъ двухъ легіоновъ въ предстоявшей войнѣ, то онъ оставилъ ихъ въ Азіи, гдѣ нѣкоторые отдѣльные города и округа еще долго не могли успокоиться отъ только-что пережитаго страшнаго переворота. Начальство надъ этимъ корпусомъ и званіе намѣстника римской Азіи онъ возложилъ на лучшаго изъ своихъ офицеровъ, Луція Лицинія Мурену. Революціонныя мѣры Митридата, въ родѣ освобожденія рабовъ и уничтоженія долговыхъ претензій, понятно, были отмѣнены, а для такого возстановленія прежнихъ порядковъ потребовалось во многихъ мѣстахъ содѣйствіе военной силы. Затѣмъ были удовлетворены и требованія справедливости такъ, какъ ихъ понимали побѣдители. Самыхъ именитыхъ между приверженцами Митридата, равно какъ виновниковъ избіенія Италійцевъ, постигла смертная казнь. Плательщики податей были обязаны немедленно послѣ раскладки уплатить чистыми деньгами всѣ накопившіяся за ними въ теченіе пяти лѣтъ недоимки десятиннаго и пошлиннаго сбора; сверхъ того отъ нихъ потребовали вознагражденія за военныя издержки въ размѣрѣ 20.000 талантовъ (32 мил. тал.), для взысканія которыхъ былъ оставленъ въ Азіи Луцій Лукуллъ. Эти мѣры были чрезвычайно

строги и имѣли страшныя послѣдствія, но онѣ кажутся умѣренными возмездіемъ въ сравненіи съ эфесскимъ декретомъ и съ вызванными имъ злодѣяніями. Что всѣ другія вымогательства не были особенно обременительны, видно изъ того факта, что выставленная на показъ во время празднованія тріумфа, военная добыча въ благородныхъ металлахъ представляла въ итогѣ лишь сумму почти въ 8 милл. талеровъ. Напротивъ того, тѣ немногія общины, которыя оставались вѣрными Риму, а именно островъ Родосъ, ликійская область, Магнезія на Меандрѣ, были щедро награждены; Родосъ получилъ обратно по меньшей мѣрѣ часть тѣхъ владѣній, которыя были у него отняты послѣ войны съ Персеемъ (1, стр. 770). Точно также были по мѣрѣ возможности вознаграждены разными вольностями и привилегіями жители Хіоса за вынесенныя ими страданія, а жители Иліона за неистовыя жестокости, которыя совершалъ надъ ними Фимбрія въ возмездіе за то, что они завели переговоры съ Суллой. Еще во время своего пребыванія въ Дарданѣ, Сулла свелъ царей Виѳиніи и Каппадокіи съ понтійскимъ царемъ и взялъ отъ нихъ обѣщаніе жить съ нимъ въ мирѣ и не нарушать добрыхъ отношеній между сосѣдями; впрочемъ гордый Митридатъ отказался поэтому случаю допустить въ свое присутствіе Аріобарзана, который происходилъ не отъ царскаго рода и котораго онъ называлъ рабомъ. Гайю Скрибонію Куріону было поручено наблюдать въ обоихъ, очищенныхъ Митридатомъ, царствахъ за возстановленіемъ законнаго порядка.—Такимъ образомъ цѣль была достигнута. Послѣ четырехълѣтней войны понтійскій царь снова сдѣлался римскимъ кліентомъ, а въ Греціи, Македоніи и Малой Азіи было возстановлено однообразное и правильно организованное управленіе; и требованія государственной пользы и требованія чести были удовлетворены если и не вполнѣ, то по мѣрѣ возможности. Сулла не только выказалъ свои блестящія дарованія, какъ воинъ и полководецъ, но и съумѣлъ на своемъ усѣянномъ препятствіями поприщѣ держаться трудной середины между отважной настойчивостью и благоразумной уступчивостью. Онъ сражался и побѣдилъ почти такъ-же, какъ Аннибалъ; тѣми боевыми силами, которыя доставляла ему первая побѣда, онъ пользовался для того, чтобъ немедленно предпринимать новую и еще болѣе трудную борьбу.

Отплытіе Суллы въ Италію.

Сулла доставилъ своимъ солдатамъ возможность отдохнуть отъ вынесенныхъ лишеній на роскошныхъ зимнихъ квартирахъ въ богатой передней Азіи, а весной 671 года отплылъ на 1600 судахъ изъ Эфеса въ Пирей; оттуда онъ прошелъ сухимъ путемъ въ Патры, гдѣ его снова ожидали суда для перевозки его арміи въ Брундизій. Онъ предварительно отправилъ въ сенатъ донесеніе о своихъ походахъ въ Грецію и въ Азію, какъ будто ничего не зная о томъ, что онъ былъ отставленъ; это было нѣчто въ родѣ предувѣдомленія о предстоявшей реставраціи.

ГЛАВА IX.

Цинна и Сулла.

Волненія въ Италіи. 87

Ранѣе уже было нами описано натянутое и смутное положеніе, въ которомъ Сулла оставилъ Италію, когда отправился въ началѣ 667 года въ Грецію: возстаніе Италійцевъ было подавлено еще не вполнѣ, главная армія находилась подъ начальствомъ генерала, который достигъ званія главнокомандующаго преимущественно путемъ самовольнаго захвата и былъ въ политическомъ отношеніи очень неблагонадеженъ, а въ столицѣ не прекращались смуты и дѣятельные происки партій. Побѣда, одержанная олигархіей при содѣйствіи вооруженной силы, создала множество недовольныхъ не смотря на то или по причинѣ того, что побѣдители выказали умѣренность. Капиталисты, сильно пострадавшіе отъ такого ужаснаго финансоваго кризиса, какого еще никогда не переживалъ Римъ, роптали на правительство и за изданный имъ законъ о процентахъ и за то, что оно не умѣло предотвратить ни войну въ Италіи, ни войну въ Азіи. Тѣ изъ инсургентовъ, которые положили оружіе, сѣтовали не только на утрату горделивой надежды достигнуть уравненія въ правахъ съ господствовавшимъ гражданствомъ, но также на отмѣну своихъ старинныхъ договоровъ съ Римомъ и на свое новое совершенно безправное положеніе римскихъ подданныхъ. Общины между Альпами и По были недовольны сдѣланными въ ихъ пользу полу-уступками, а новыхъ граждан и вольноотпущенниковъ раздражила отмѣна Сульпиціевскихъ законовъ. Столичная чернь страдала отъ общаго крайне стѣсненнаго положенія и находила непозволительнымъ, чтобъ господство солдатчины не допускало согласнаго съ конституціей господства дубины. Приверженцы тѣхъ, кто былъ осужденъ послѣ побѣды надъ Сульпиціемъ, оставались въ столицѣ въ очень значительномъ числѣ вслѣдствіе необыкновенной умѣренности Суллы и усердно заботились о дозволеніи осужденнымъ возвратиться въ Римъ; въ особенности нѣкоторыя изъ богатыхъ и вліятельныхъ женщинъ не жалѣли для этой цѣли ни труда, ни денегъ. Ни одна изъ этихъ причинъ неудовольствія въ сущности не была такъ значительна,

чтобъ могла угрожать въ близкомъ будущемъ новыми насиліями со стороны которой либо изъ политическихъ партій; выраженія неудовольствія были большею частію безцѣльными и преходящими; но въ своей совокупности они поддерживали общее тревожное настроеніе умовъ и болѣе или менѣе были причиной умерщвленія Руфа, неоднократныхъ попытокъ убить Суллу и частію благопріятнаго для оппозиціи исхода консульскихъ и трибунскихъ выборовъ на 667 годъ. 87

Луцій Корнелій Цинна, который былъ приглашенъ недовольными стать во главѣ государства, не пользовался до того времени громкой извѣстностью; всѣ его заслуги заключались только въ томъ, что онъ съ отличіемъ служилъ офицеромъ во время союзнической войны; о его личности и первоначальныхъ замыслахъ мы имѣемъ менѣе свѣдѣній, чѣмъ о которомъ либо изъ вождей политическихъ партій въ эпоху римской революціи. Это, по видимому, вполнѣ объясняется тѣмъ, что этотъ человѣкъ, руководствовавшійся самымъ грубымъ и низкимъ эгоизмомъ, никогда не имѣлъ никакихъ широкихъ политическихъ замысловъ. При его первомъ выступленіи на политическое поприще ходили слухи, что онъ продалъ себя новымъ гражданамъ и приверженцамъ Марія за порядочную денежную сумму, и это обвиненіе кажется правдоподобнымъ; но даже если оно и не было основательно, все-таки для характеристики Цинны очень важно подозрѣніе въ подкупѣ, никогда не высказывавшееся ни противъ Сатурнина, ни противъ Сульпиція. Движеніе, во главѣ котораго онъ сталъ, дѣйствительно, казалось ничтожнымъ какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по своимъ цѣлямъ. Оно было возбуждено не столько цѣльной политической партіей, сколько множествомъ недовольныхъ, у которыхъ не было ни настоящей политической цѣли, ни какой нибудь серьозной точки опоры, а стремилось оно главнымъ образомъ къ возвращенію изъ ссылки изгнанниковъ какимъ-бы то ни было способомъ — законнымъ или незаконнымъ. Цинна принялъ участіе въ заговорѣ, какъ кажется, не съ самаго начала и лишь по той причинѣ, что заговорщики, нуждавшіеся для проведенія своихъ законопроэктовъ въ консулѣ (вслѣдствіе ограниченія трибунской власти), нашли, что изъ всѣхъ кандидатовъ на консульское званіе на 667 87
годъ Цинна былъ бы самымъ удобнымъ для нихъ орудіемъ и потому предложили его избраніе. Между второстепенными вождями движенія было нѣсколько болѣе даровитыхъ людей, какъ напримѣръ народный трибунъ Гней Папирій Карбонъ, прославившійся своимъ бурнымъ простонароднымъ краснорѣчіемъ и въ особенности Квинтъ Серторій; этотъ послѣдній былъ изъ числа самыхъ даровитыхъ римскихъ офицеровъ и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннымъ человѣкомъ; онъ поссорился съ Суллой съ того времени, какъ добивался званія народнаго трибуна, а эта ссора побудила его примкнуть къ партіи недовольныхъ, съ которой онъ въ сущности не

имѣлъ ничего общаго. Проконсулъ Страбонъ и не подумалъ сближаться съ этой партіей не смотря на то, что не ладилъ съ правительствомъ.

Взрывъ Цинновской революціи. Пока Сулла находился въ Италіи, союзники,—по очень основательнымъ причинамъ,—ничего не предпринимали. Но когда страшный проконсулъ отплылъ изъ Италіи не въ исполненіе настоятельныхъ просьбъ консула Цинны, а въ виду крайне опаснаго положенія дѣлъ на востокѣ, то Цинна, опираясь на большинство трибунской коллегіи, немедленно предложилъ на утвержденіе законопроэкты, посредствомъ которыхъ было условлено уничтожить нѣкоторыя изъ послѣдствій Сулловской реставраціи 666 года; предполагалось уравнять новыхъ гражданъ и вольноотпущенниковъ съ Римлянами въ политическихъ правахъ такъ, какъ это было предложено Сульпиціемъ, и возвратить прежнія права тѣмъ, кто былъ сосланъ въ слѣдствіе Сульпиціевской революціи. Новые граждане стали массами стекаться въ столицу для того, чтобъ при содѣйствіи вольноотпущенниковъ запугать своихъ противниковъ, а въ случаѣ необходимости и силою сломить ихъ сопротивленіе. Но и правительственная партія твердо рѣшилась не уступать; противъ консула Луція Цинны возсталъ консулъ Гней Октавій, и одни трибуны возстали противъ другихъ; въ день подачи голосовъ, сторонники обѣихъ партій прибыли на мѣсто голосованія большею частію вооруженными. Принадлежавшіе къ сенатской партіи трибуны заявили свой протестъ; когда противъ нихъ были обнажены на самой ораторской каѳедрѣ мечи, то и Октавій прибѣгнулъ къ насилію противъ тѣхъ, кто хотѣлъ дѣйствовать насиліемъ.

88

Побѣда правительства. Сомкнутые ряды вооруженныхъ сторонниковъ Октавія не только очистили священную улицу и городскую площадь, но стали чинить жестокую расправу надъ собравшейся народной толпой, не обращая никакого вниманія на своего болѣе человѣколюбиваго начальника. Въ этотъ такъ-называемый «Октавіевъ день» городская площадь была залита человѣческой кровью, какъ никогда ни прежде, ни послѣ,—число убитыхъ опредѣляли въ десять тысячъ. Цинна сталъ созывать рабовъ для участія въ борьбѣ, обѣщая имъ за это свободу; но его призывъ былъ такъ-же безуспѣшенъ, какъ и подобный призывъ со стороны Марія за годъ передъ тѣмъ; тогда вождямъ движенія не осталось ничего другаго, какъ спасаться бѣгствомъ. Противъ главныхъ виновниковъ заговора законъ не позволялъ принимать никакихъ мѣръ, пока не истечетъ годовой срокъ ихъ общественныхъ должностей. Но какой-то пророкъ, повидимому болѣе преданный правительству, чѣмъ по истинѣ благочестивый, предсказалъ, что изгнаніе консула Цинны и шестерыхъ, державшихъ его сторону, народныхъ трибуновъ возвратитъ отечеству миръ и спокойствіе; сообразуясь не съ требованіями закона, а съ этимъ боже-

скимъ указаніемъ, которое такъ удачно подслушалъ хранитель оракуловъ, сенатъ отставилъ консула Цинну отъ должности, выбралъ на его мѣсто Луція Корнелія Мерулу и осудилъ на смерть спасшихся бѣгствомъ зачинщиковъ заговора. Этотъ кризисъ, повидимому, не могъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что увеличилъ число людей, искавшихъ убѣжища въ Нумидіи.

Сторонники Цинны въ Италіи.

Этимъ, безъ сомнѣнія, и кончился-бы мятежъ, еслибы сенатъ отложилъ въ сторону свойственную ему небрежность и поторопился выгнать бѣглецовъ по меньшей мѣрѣ изъ Италіи и еслибы онъ не доставилъ этимъ бѣглецамъ возможность возжечь въ свою пользу возстаніе Италійцевъ, принявши на себя роль бойцевъ за эманципацію новыхъ гражданъ. Они безпрепятственно появились въ Тибурѣ, въ Пренестѣ, во всѣхъ значительныхъ общинахъ новыхъ гражданъ въ Лаціумѣ и въ Кампаніи; тамъ они стали требовать на защиту общаго дѣла денегъ и солдатъ и повсюду находили то, что́ имъ было нужно. Съ такими подкрѣпленіями они прибыли въ армію, которая осаждала Нолу. Римскія арміи того времени были проникнуты демократическимъ и революціоннымъ духомъ, если ихъ не привязывало къ вождямъ личное вліяніе этихъ послѣднихъ; рѣчи спасшихся бѣгствомъ должностныхъ лицъ, — въ числѣ которыхъ были такіе люди, какъ Цинна и Серторій, оставившіе въ послѣднюю кампанію хорошія воспоминанія среди солдатъ, — произвели глубокое впечатлѣніе на армію; противозаконное смѣщеніе популярнаго консула и захватъ сенатомъ принадлежавшихъ народу верховныхъ правъ возбудили негодованіе среди солдатъ, а золото консула или, вѣрнѣе, новыхъ гражданъ убѣдило офицеровъ въ нарушеніи основныхъ законовъ. Стоявшая въ Кампаніи армія признала Цинну консуломъ и поголовно принесла ему клятву въ вѣрности; она послужила ядромъ для тѣхъ вооруженныхъ сборищъ, которыя высылались къ ней новыми гражданами и даже союзными общинами. Изъ Кампаніи скоро двинулась на столицу армія, состоявшая большею частію изъ новобранцевъ. Другія толпы стали приближаться къ ней съ сѣвера.

Высадка Марія въ Италіи.

По приглашенію Цинны, прошлогодніе изгнаники высадились на берегахъ Этруріи подлѣ Теламона. Они привели съ собой 500 вооруженныхъ людей, которые были большею частію рабами бѣглецовъ и набранными въ Нумидіи всадниками; но Гай Марій, еще за годъ передъ тѣмъ обнаружившій готовность дѣйствовать за-одно съ столичною чернью, приказалъ теперь взломать двери казематовъ, въ которыхъ мѣстные землевладѣльцы запирали на ночь своихъ полевыхъ работниковъ, а эти работники не отказались отъ оружія, которое онъ имъ предложилъ для того, чтобъ они пріобрѣли себѣ съ бою свободу. Благодаря этимъ новобранцамъ, прибывавшимъ отъ новыхъ гражданъ подкрѣпленіямъ и со всѣхъ сторонъ стекавшимся бѣглецамъ, которые приводили съ собою своихъ приверженцевъ,

подъ знаменами Марія скоро собралось 6,000 человѣкъ и онъ былъ въ состояніи снабдить солдатами сорокъ кораблей, которые стали въ устьяхъ Тибра и занялись преслѣдованіемъ судовъ, шедшихъ въ Римъ съ хлѣбными грузами. Съ этими военными силами онъ отдалъ себя въ распоряженіе «консула» Цинны. Вожди кампанской арміи колебались; осмотрительные люди, и въ особенности Серторій, настойчиво предостерегали отъ слишкомъ тѣснаго сближенія съ человѣкомъ, который носилъ такое громкое имя, что его пришлось-бы поставить во главѣ движенія, а между тѣмъ,—какъ было всякому извѣстно,—былъ совершенно неспособенъ къ какой-либо политической дѣятельности и увлекался безразсудной жаждой мщенія; но Цинна не обратилъ вниманія на эти предостереженія и утвердилъ Марія въ званіи главнокомандующаго Этруріи и флота съ проконсульскою властію.

Двусмысленное поведеніе Страбона. Такимъ образомъ надъ столицей собиралась гроза и уже нельзя было долѣе медлить сосредоточеніемъ правительственныхъ войскъ для ея защиты *). Но военныя силы Метелла были задержаны Италійцами въ Самніи и передъ Нолой; одинъ Страбонъ могъ-бы придти на помощь къ столицѣ. Онъ дѣйствительно прибылъ и сталъ лагеремъ передъ Коллинскими воротами; съ своей сильной и испытанной въ бояхъ арміей онъ конечно былъ-бы въ состояніи быстро и вполнѣ разсѣять еще очень незначительное сборище инсургентовъ; но его

Приверженцы Цинны окружаютъ Римъ. намѣренія, повидимому, были вовсе не таковы. Напротивъ того, онъ не помѣшалъ инсургентамъ обложить Римъ. Цинна сталъ съ своимъ отрядомъ и съ отрядомъ Карбона на правомъ берегу Тибра противъ Яникула, а Серторій—на лѣвомъ берегу рѣки, передъ Сервіевской стѣной, насупротивъ Страбона. Тѣмъ временемъ Марій,—у котораго армія мало по малу разрослась до трехъ легіоновъ и который имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько военныхъ кораблей,—занималъ приморскіе города одинъ вслѣдъ за другимъ; наконецъ онъ завладѣлъ при помощи измѣны даже Остіей и его буйнымъ шайкамъ было дозволено предаваться тамъ убійствамъ и грабежу; это было чѣмъ-то въ родѣ прелюдіи къ предстоявшему террору. Столицѣ угрожала большая опасность уже только потому, что ей были отрѣзаны пути сообщенія: городскія стѣны и ворота были приведены въ оборонительное положеніе, по распоряженію сената, а гражданскому ополченію было приказано занять Яникулъ. Бездѣйствіе Страбона удивляло и раздражало какъ знать, такъ и простолюдиновъ. Возникало подозрѣніе, что онъ велъ тайные переговоры съ Цинной, но оно, по

---

*) Весь слѣдующій разсказъ въ сущности основанъ на недавно найденномъ повѣствованіи Лициніана, которое сообщаетъ много фактовъ, до того времени остававшихся неизвѣстными, и главнымъ образомъ даетъ возможность излагать описываемыя событія въ такой послѣдовательности и внутренней связи, какія прежде были невозможны.

всему вѣроятію, было неосновательно; Страбонъ выдержалъ упорный бой съ отрядомъ Серторія, а когда Марію удалось проникнуть на Яникулъ благодаря соглашенію съ однимъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ, то Страбонъ прислалъ консулу Октавію подкрѣпленія, чѣмъ и доставилъ ему возможность прогнать инсургентовъ съ большими для нихъ потерями; эти факты доказываютъ, что Страбонъ вовсе не имѣлъ намѣренія присоединиться къ вождямъ инсургентовъ или, вѣрнѣе, подчиниться имъ. Напротивъ того, онъ, повидимому, желалъ, чтобъ испуганные столичные правители и граждане купили его помощь противъ инсургентовъ цѣною консульскаго званія на слѣдующій годъ и чтобъ кормило правленія перешло въ его собственныя руки.

Переговоры съ Италійцами.

Но чтобъ спастись отъ одного узурпатора сенатъ вовсе не былъ расположенъ отдаваться въ руки другаго; поэтому онъ сталъ искать иного способа защиты. Сенатскій декретъ предоставилъ въ видѣ дополненія право гражданства всѣмъ италійскимъ общинамъ, которыя участвовали въ возстаніи союзниковъ, но, положивши оружіе, лишились прежнихъ союзническихъ правъ *). Это было чѣмъ-то въ родѣ офиціальнаго констатированія того факта, что Римъ рисковалъ въ войнѣ съ Италійцами своимъ существованіемъ не ради какой либо великой цѣли, а только для удовлетворенія своего тщеславія: вѣдь для того, чтобъ добыть нѣсколько тысячъ солдатъ, которые помогли-бы ему выйти изъ перваго преходящаго затрудненія, онъ пожертвовалъ всѣмъ, чего достигъ въ войнѣ съ союзниками такою страшно-дорогой цѣной. Дѣйствительно, въ Римъ прибыли войска отъ тѣхъ общинъ, которыя находили свою пользу въ такой уступчивости; но вмѣсто обѣщанныхъ нѣсколькихъ легіоновъ, онѣ прислали подкрѣпленія, доходившія въ общемъ итогѣ по большей мѣрѣ до десяти тысячъ человѣкъ. Еще полезнѣе было-бы достигнуть соглашенія съ Самнитами и съ жителями Нолы для того, чтобъ можно было призвать къ оборонѣ столицы войска вполнѣ благонадежнаго Метелла. Но Самниты предъявили такія требованія, которыя напоминали о Кавдинскомъ игѣ: они потребовали возвращенія захваченной у нихъ движимой военной добычи, ихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и дезертировъ, отказа отъ возвращенія той добычи, которая была захвачена Самнитами у Римлянъ, и дарованія гражданскихъ правъ какъ самимъ Самнитамъ, такъ и перешедшимъ на ихъ сторону Римлянамъ. Даже при своемъ крайне затруднительномъ положеніи

*) Стр. 251. Что это рѣшеніе сената не было утверждено комиціями, видно изъ словъ Цицерона [Philip. 12, 11, 27]. Сенатъ, какъ кажется, принялъ эту мѣру въ видѣ продленія срока Плавтовско-Папиріевскаго закона [стр. 241]; на это его уполномочивалъ старинный обычай [I, стр. 315], а въ сущности это сводилось къ дарованію гражданскихъ правъ всѣмъ Италійцамъ.

сенатъ отвергнулъ такія унизительныя для Рима мирныя условія, однако приказалъ Метеллу оставить на мѣстѣ военныхъ дѣйствій небольшой отрядъ и какъ можно скорѣе лично вести въ Римъ всѣ войска, какія могли оказаться ненужными въ южной Италіи. Метеллъ исполнилъ данное ему приказаніе, но послѣдствіемъ этого было то, что Самниты напали на оставленный въ Самніи слабый отрядъ Метеллова легата, Плавтія, и разбили его, что гарнизонъ Нолы вышелъ въ открытое поле и сжегъ сосѣдній городъ Абеллу, находившійся въ союзѣ съ Римомъ, что Цинна и Марій согласились на все, чего требовали Самниты (вѣдь они не дорожили честью Рима!), а самнитскія подкрѣпленія усилили армію инсургентовъ. Чувствительнымъ ущербомъ было и то, что послѣ одного неудачнаго для правительственной арміи сраженія, Ариминъ былъ занятъ инсургентами и вслѣдствіе того были прекращены сообщенія между Римомъ и долиной По, изъ которой ожидалась доставка и подкрѣпленій и съѣстныхъ припасовъ. Наступили нужда и голодъ. Большой многолюдный городъ, въ которомъ было сосредоточено много войскъ, не былъ снабженъ съѣстными припасами въ достаточномъ количествѣ; въ особенности Марій дѣятельно заботился о томъ, чтобъ не допускать подвоза припасовъ. Еще ранѣе того онъ загородилъ Тибръ понтоннымъ мостомъ, а теперь, благодаря тому, что успѣлъ завладѣть Анціемъ, Ланувіемъ, Ариціей и нѣкоторыми другими городами, онъ былъ въ состояніи пресѣчь и сообщенія сухимъ путемъ; въ то-же время онъ спѣшилъ утолить свою жажду мщенія, приказывая повсюду, гдѣ встрѣчалъ сопротивленіе, убивать всѣхъ гражданъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые помогали ему овладѣть тѣми городами. Послѣдствіемъ голода были заразительныя болѣзни, которыя стали страшно свирѣпствовать въ войскахъ, густо скученныхъ вокругъ столицы, — въ состоявшей изъ ветерановъ арміи Страбона онѣ похитили, какъ утверждаютъ, 11.000 человѣкъ, въ войскахъ Октавія 6.000. Однако правительство не предавалось отчаянію, а внезапная смерть Страбона была счастливымъ для него событіемъ. Онъ умеръ отъ моровой язвы *); простонародье, у котораго было много причинъ, чтобъ ненавидѣть Страбона, сорвало его трупъ съ погребальныхъ носилокъ и стало волочить его по улицамъ. Все, что уцѣлѣло отъ его арміи, консулъ Октавій присоединилъ къ своимъ войскамъ. Послѣ прибытія Метелла и послѣ смерти Страбона, правительственная армія уже была въ состояніи помѣряться съ противниками: она выстроилась на альбанской горѣ, готовая къ бою съ инсургентами.

Смерть Страбона.

*) Adflatus sidere, — какъ выражается Ливій [по Обсеквенту, 56], — значитъ „пораженный моровой язвой“ [Петроній, сат. 2; Плиній, Nat. Hist. 2, 41, 108; Ливій, 8, 9, 12], а не „пораженный молніей“, какъ ошибочно переводили позднѣйшие писатели.

Но мужество солдатъ правительственной арміи было сильно поколеблено; когда передъ ними появился Цинна, они встрѣтили его радостными возгласами, какъ будто онъ все еще былъ для нихъ главнокомандующимъ и консуломъ; Метеллъ счелъ болѣе умѣстнымъ уклониться отъ боя и отвести свои войска обратно въ лагерь. Даже между оптиматами обнаружилось колебаніе и возникъ разладъ. Между тѣмъ какъ одна партія, во главѣ которой стоялъ почтенный, но упрямый и недальновидный консулъ Октавій, упорно возставала противъ всякихъ уступокъ, болѣе опытный въ военномъ дѣлѣ и болѣе осмотрительный Метеллъ старался достигнуть мирнаго соглашенія; но его личное свиданіе съ Цинной сильно раздражило крайнихъ сторонниковъ обѣихъ партій: Марій назвалъ Цинну слабохарактернымъ человѣкомъ, а Октавій назвалъ Метелла измѣнникомъ. Солдаты, и безъ того уже упавшіе духомъ и не безъ причины не питавшіе довѣрія къ такому неопытному полководцу, какимъ былъ Октавій, предложили высшее командованіе Метеллу, а когда Метеллъ отказался, стали массами бросать свое оружіе или даже перебѣгать къ непріятелю. Настроеніе умовъ среди гражданства становилось съ каждымъ днемъ все болѣе тревожнымъ и мрачнымъ. Когда Цинна объявилъ черезъ глашатая, что всѣмъ рабамъ, которые перейдутъ на его сторону, будетъ дарована свобода, рабы массами устремились изъ столицы въ непріятельскій лагерь. Но Октавій рѣшительно воспротивился тому, чтобъ сенатъ обѣщалъ свободу рабамъ, которые вступятъ на службу въ армію.

Колебанія правительства.

Правительство было вынуждено сознаться, что оно было побѣждено и что ему не оставалось ничего другаго, какъ уладить соглашеніе съ вождями шайки подобно тому, какъ настигнутый разбойниками путешественникъ вступаетъ въ сдѣлку съ разбойничьимъ атаманомъ. Къ Циннѣ были отправлены послы; но они были такъ неблагоразумны, что создали новыя затрудненія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли признавать Цинну консуломъ; во время этихъ проволочекъ Цинна придвинулъ свой лагерь къ самымъ городскимъ воротамъ; тогда дезертирство до такой степени усилилось, что уже не было никакой возможности сговориться на счетъ какихъ либо мирныхъ условій и сенатъ безусловно подчинился осужденному на смерть консулу, только обратившись къ нему съ просьбой, чтобъ онъ воздержался отъ кровопролитія. Цинна обѣщалъ исполнить эту просьбу, но отказался подкрѣпить свое обѣщаніе клятвой; Марій, сидѣвшій рядомъ съ нимъ во время переговоровъ, мрачно хранилъ молчаніе.

Римъ сдается на капитуляцію.

Городскія ворота растворились. Консулъ вступилъ въ столицу во главѣ своихъ легіоновъ; но Марій съ насмѣшкой напомнилъ о приговорѣ, осуждавшемъ его на смерть, и не хотѣлъ вступить въ городъ, пока не получитъ на то законнаго разрѣшенія; тогда граж-

Маріевскій терроръ.

дане торопливо собрались на форумѣ и отмѣнили смертный приго-
воръ. И такъ онъ наконецъ возвратился, а съ его появленіемъ на-
стало время террора. Было рѣшено не дѣлать выбора между вра-
гами, а предать смерти всѣхъ вліятельныхъ людей изъ партіи оп-
тиматовъ и конфисковать ихъ имущество. Городскія ворота было
приказано запереть; рѣзня продолжалась въ теченіе пяти дней и
пяти ночей; но и послѣ того ежедневно убивали бѣжавшихъ или
позабытыхъ и въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ непрекращалась крово-
жадная травля во всей Италіи. Первою жертвой былъ консулъ Гней
Октавій. Онъ и теперь не хотѣлъ искать спасенія въ бѣгствѣ, ос-
таваясь вѣрнымъ тому правилу, которое такъ часто высказывалъ,—
что лучше умереть, чѣмъ сдѣлать малѣйшую уступку людямъ, не-
признающимъ законовъ; въ консульскомъ облаченіи онъ ожидалъ на
Яникулѣ прибытія убійцъ. Въ числѣ убитыхъ находились: Луцій Цезарь
90 (консулъ 664 года), прославившійся побѣдою при Ацеррахъ (стр.
237), его братъ Гай, вызвавшій своимъ неумѣстнымъ честолюбіемъ
Сульпиціевскую смуту (стр. 255) и пользовавшійся извѣстностью въ
качествѣ оратора, поэта и пріятнаго собесѣдника; Маркъ Антоній
99 (консулъ 655 года), бывшій послѣ смерти Луція Красса первымъ
97 адвокатомъ своего времени; Публій Крассъ (консулъ 657 года), съ
отличіемъ командовавшій римскими арміями и въ испанской войнѣ
и въ союзнической войнѣ и во время осады Рима; вообще говоря,
погибло множество самыхъ вліятельныхъ сторонниковъ правительст-
венной партіи, между которыми корыстолюбивые сыщики преслѣдо-
вали съ особымъ усердіемъ тѣхъ, которые были богаты. Особенно
плачевна была смерть Луція Мерулы, который очень неохотно за-
нялъ вакантное мѣсто Цинны; за это его подвергли уголовному пре-
слѣдованію и пригласили явиться на комиціи; чтобъ предупредить
неизбѣжный обвинительный приговоръ, онъ перерѣзалъ себѣ артеріи
и, снявъ съ себя жреческую головную повязку,—какъ того требо-
валъ священный долгъ всякаго умирающаго фламина, — испустилъ
духъ у алтаря верховнаго Юпитера, жрецомъ котораго былъ; еще
102 болѣе плачевна была кончина Квинта Катула (консула 652 года),
который въ болѣе счастливую пору своей жизни былъ соучастни-
комъ въ самой славной побѣдѣ и въ самомъ блестящемъ тріумфѣ
того самаго Марія, который теперь на всѣ мольбы родственниковъ
своего стараго сотоварища далъ короткій отвѣтъ: «онъ долженъ
умереть».

Послѣдніе дни Марія. Виновникомъ всѣхъ этихъ злодѣйствъ былъ Гай Марій. Онъ ука-
зывалъ жертвы и онъ назначалъ палачей; законныя формы соблю-
дались только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ
напримѣръ относительно Мерулы и Катула; нерѣдко одинъ его взглядъ
и молчаніе, съ которымъ онъ встрѣчалъ привѣтствовавшихъ его,
считались за смертный приговоръ, который обыкновенно тотчасъ же и

приводился въ исполненіе. Его мстительность не удовлетворялась даже смертію врага; онъ запрещалъ предавать трупы погребенію; онъ приказывалъ прикрѣплять головы убитыхъ сенаторовъ у ораторской трибуны, на городской площади, — что, впрочемъ, дѣлалось и прежде того Суллой; онъ иногда приказывалъ волочить убитыхъ по городской плащади; трупъ Гайя Цезаря онъ приказалъ еще разъ пронзить на могилѣ, въ которой, по всему вѣроятію, былъ похороненъ нѣкогда отданный Цезаремъ подъ судъ Квинтъ Варій (стр. 241); его съ трудомъ отговорили отъ намѣренія лично отправиться въ убѣжище, гдѣ былъ найденъ Антоній, и собственноручно заколоть врага; онъ всталъ изъ-за стола, чтобъ публично обнять того, кто принесъ ему голову Антонія. Его легіоны рабовъ и въ особенности отрядъ Ардіэевъ (стр. 171) служили для него палачами и во время этихъ сатурналій недавно пріобрѣтенной свободы грабили дома своихъ прежнихъ господъ и насиловали или убивали тѣхъ, кто имъ попадался тамъ подъ-руку. Его собственныхъ товарищей приводила въ отчаяніе такая безумная ярость; Серторій умолялъ консула во что бы то ни стало положить этому конецъ, да и самого Цинну это приводило въ ужасъ. Но въ такія времена, какъ тогдашнее, даже безуміе становится силой; тогда люди бросаются въ пропасть для того, чтобъ спастись отъ головокруженія. Обуздать свирѣпаго старика и его шайку было не легко, а у Цинны недоставало на это мужества; онъ даже выбралъ Марія на слѣдующій годъ въ сотоварищи по консульскому званію. Господство террора наводило на умѣренныхъ сторонниковъ побѣдоносной партіи почти такой-же страхъ, какъ и на сторонниковъ партіи побѣжденной; только капиталисты не были недовольны тѣмъ, что чужая рука наконецъ взялась хорошенько унизить гордыхъ олигарховъ и что имъ доставалась лучшая часть добычи благодаря конфискаціямъ и аукціоннымъ продажамъ въ обширныхъ размѣрахъ,—во время этой эпохи террора они получили отъ народа прозвище «торгашей».

И такъ, виновнику этого террора, престарѣлому Гайю Марію, судьба ниспослала исполненіе двухъ главныхъ его желаній. Онъ отомстилъ всей этой шайкѣ аристократовъ, обезцѣнивавшей его побѣды и подливавшей яду къ его пораженіямъ; за каждый булавочный уколъ онъ отплатилъ ударомъ кинжала. Кромѣ того онъ вступилъ на слѣдующій годъ въ званіе консула; теперь наконецъ осуществилась его мечта о седьмомъ консульствѣ, которое было ему обѣщано изреченіемъ оракула, и котораго онъ добивался въ теченіе тринадцати лѣтъ. Боги ниспослали ему то, чего онъ желалъ; но и теперь, точно такъ-же какъ въ старинныя баснословныя времена, они проявили свою пагубную иронію, погубивъ человѣка тѣмъ, что исполнили его собственныя желанія. Въ первые годы своего консульства онъ былъ гордостью своихъ согражданъ, въ шестое кон-

сульство былъ для нихъ посмѣшищемъ, а въ седьмое навлекъ на себя проклятія всѣхъ партій и ненависть всей націи; отъ природы онъ былъ человѣкомъ прямодушнымъ, способнымъ и честнымъ, а теперь его клеймили позоромъ, какъ безумнаго начальника шайки гнусныхъ разбойниковъ. Онъ и самъ, повидимому, это сознавалъ. Дни онъ проводилъ въ упоеніи, отъ котораго кружилась голова, а по ночамъ не находилъ покоя въ своей постели, такъ что сталъ

Смерть Марія.

прибѣгать къ вину только для того, чтобъ позабыться. Онъ занемогъ горячкой и испустилъ духъ 13 января 668 года послѣ семи- 86
дневныхъ страданій, во время которыхъ воображалъ, что одерживаетъ въ Малой Азіи тѣ побѣды, лавры которыхъ было суждено пожинать Суллѣ. Онъ умеръ слишкомъ семидесяти лѣтъ отъ роду въ полномъ обладаніи тѣмъ, что было по его мнѣнію могуществомъ и почетомъ, и притомъ въ своей постели; но Немезида прихотлива и невсегда отплачиваетъ за кровь также кровью. Развѣ то не было отплатой, что при извѣстіи о смерти прославленнаго спасителя націи Римъ и Италія вздохнули едва-ли не болѣе легко, чѣмъ при извѣстіи о побѣдѣ на Равдійскомъ полѣ? Впрочемъ и послѣ его смерти еще случались такіе отдѣльные факты, которые напоминали о временахъ террора; такъ напримѣръ Гай Фимбрія, больше всѣхъ другихъ замаравшій свои руки въ крови во время Маріевской рѣзни, попытался на похоронахъ Марія убить всѣми уважаемаго верховнаго
95 понтифекса Квинта Сцеволу (консула 659 года), жизнь котораго пощадилъ даже Марій, а послѣ того, какъ Сцевола выздоровѣлъ отъ полученной раны, онъ былъ подвергнутъ Фимбріей уголовному преслѣдованію за то,—какъ выражался шутя его обвинитель,—что не хотѣлъ дать себя убить. Но оргіи убійствъ вообще прекратились. Подъ предлогомъ уплаты жалованья, Серторій собралъ Маріевскихъ бандитовъ, окружилъ ихъ своими надежными кельтскими войсками и приказалъ ихъ перебить въ числѣ по меньшей мѣрѣ 4000 человѣкъ.

Правленіе Цинны.

Вмѣстѣ съ терроромъ появилась и тираннія. Цинна не только стоялъ въ теченіе четырехъ лѣтъ сряду (667—670) во главѣ государства 87
въ званіи консула, но и постоянно возводилъ въ это званіе самого себя и своего сотоварища, не спрашивая согласія народа,—можно было подумать, что эти демократы съ сознательнымъ пренебреженіемъ устраняли верховное народное собраніе отъ участія въ управленіи. Ни до того времени, ни послѣ того, ни одинъ изъ вождей народной партіи не пользовался такою-же вполнѣ неограниченною властію въ Римѣ и въ большей части провинцій, какою почти безпрепятственно и такъ долго пользовался Цинна; но и нельзя назвать ни одного изъ нихъ, чье управленіе было-бы такъ-же ничтожно и безцѣльно. Само собой разумѣется, что тогда снова взялись за составленный Сульпиціемъ и впослѣдствіи предложенный самимъ Цинной законопроэктъ,

который предоставлялъ новымъ гражданамъ и вольноотпущенникамъ право голоса наравнѣ съ старыми гражданами; этому нововведенію была дана сенатскимъ постановленіемъ обязательная сила закона (670). Были назначены и цензоры (668), которые должны были 84 86
распредѣлить всѣхъ Италійцевъ по тридцати пяти гражданскимъ округамъ въ исполненіе новаго закона; при этомъ было сдѣлано слѣдующее странное распоряженіе: тотъ самый Филиппъ, который былъ въ качествѣ консула 663 года главнымъ виновникомъ неудачи 91
Друзовскаго проэкта о дарованіи Италійцамъ права голоса (стр. 219), былъ теперь выбранъ,—по неимѣнію въ виду другихъ способныхъ кандидатовъ,—въ цензоры для того, чтобъ вносить этихъ Италійцевъ въ списки гражданъ. Постановленія, которыя были проведены въ 666 году Суллой въ духѣ реакціи, конечно, были отмѣнены. 88
Кое-что было сдѣлано и въ угоду пролетаріямъ,—такъ напримѣръ, введенныя, по всему вѣроятію, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ ограниченія въ раздачѣ хлѣба (стр. 232) были теперь отмѣнены: по предложенію народнаго трибуна Марка Юнія Брута, было приступлено весной 671 года къ задуманному Гаемъ Гракхомъ основанію колоніи въ Капуѣ, а Луцій Валерій Флаккъ Младшій провелъ 83
долговой законъ, въ силу котораго всякое взысканіе частными лицами долговъ уменьшалось до одной четвертой части номинальной суммы долга, а отъ уплаты остальныхъ трехъ четвертей должникъ освобождался. Но эти мѣры,—единственныя законодательныя мѣры, какія были приняты во время Цинновскаго управленія,—были всѣ безъ исключенія вызваны минутными потребностями; въ ихъ основѣ не лежало не только никакого ошибочнаго, но и вообще никакого политическаго плана,—что и составляетъ самую отвратительную особенность этой катастрофы. Чернь ласкали, но въ то-же время безъ малѣйшей надобности раздражали ее безцѣльнымъ пренебреженіемъ къ установленному законами порядку выборовъ. Въ капиталистахъ можно-бы было найти надежную опору, но имъ нанесли чрезвычайно большой вредъ изданіемъ закона о долгахъ. Настоящей опорой для правительства были,—безъ всякаго съ его стороны содѣйствія,—новые граждане; ихъ поддержкой правительство пользовалось, но оно не позаботилось о регулированіи страннаго положенія Самнитовъ, которые уже сдѣлались по названію римскими гражданами, но на дѣлѣ открыто считали свою территоріальную независимость настоящей цѣлью борьбы и были готовы защищать ее отъ всѣхъ и каждаго съ оружіемъ въ рукахъ. Именитыхъ сенаторовъ перебили, какъ бѣшеныхъ собакъ, но ровно ничего не было сдѣлано съ цѣлію преобразовать сенатъ согласно съ интересами правительства или хотябы держать его постояно въ покорности подъ вліяніямъ страха,—поэтому и на сенатъ нельзя было полагаться. По мнѣнію Гайя Гракха, низвергнуть олигархію вовсе не было то-же, что воздвигнуть

тронъ, на которомъ новый повелитель сталъ-бы вести себя такъ, какъ обыкновенно ведутъ себя законные коронованные нули. Но Цинна возвысился не силою своей воли, а благодаря случайности; можно-ли же удивляться тому, что онъ оставался тамъ, куда былъ занесенъ волнами революціи, пока новая волна не сбросила его внизъ?

Цинна и Сулла. И въ томъ, какъ революціонное правительство вело борьбу съ олигархіей,—борьбу, отъ исхода которой главнымъ образомъ зависѣло его существованіе,—видно такое-же сочетаніе неограниченнаго могущества съ полнымъ безсиліемъ и неспособностью. Въ Италіи оно господствовало неограниченно. Между старыми гражданами самая бо́льшая часть была демократическихъ убѣжденій; еще болѣе многочисленные люди умѣренныхъ убѣжденій хотя и порицали жестокости Марія, но въ возстановленіи олигархіи не видѣли ничего другаго, кромѣ начала новаго террора со стороны противоположной партіи. Неистовства 667 года не произвели особенно сильнаго впечатлѣнія на всю націю, потому что обрушились главнымъ образомъ на столичную аристократію, да и воспоминаніе о нихъ было до нѣкоторой степени изглажено наступившимъ вслѣдъ за тѣмъ трехълѣтнимъ, довольно мирнымъ управленіемъ. Наконецъ, вся масса новыхъ гражданъ, къ которой принадлежали почти три пятыхъ всего италійскаго населенія, состояла если не изъ рѣшительныхъ сторонниковъ правительства, то изъ рѣшительныхъ противниковъ олигархіи. Подобно Италіи, сторону правительства держала бо́льшая часть провинцій—Сицилія, Сардинія, обѣ Галліи и обѣ Испаніи. Квинтъ Метеллъ, успѣшно укрывшись отъ убійцъ, попытался удержать Африку во власти оптиматовъ; къ нему прибылъ изъ Испаніи Маркъ Крассъ, младшій сынъ погибшаго во время Маріевскихъ кровопролитій Публія Красса; онъ привелъ съ собою подкрѣпленіе, состоявшее изъ набраннаго въ Испаніи отряда. Но между ними возникла ссора и они были принуждены уступить власть намѣстнику революціоннаго правительства, Гаію Фабію Адріану. Азія была во власти Митридата; поэтому единственнымъ мѣстомъ убѣжища для побѣжденной аристократіи могла служить провинція Македонія въ той мѣрѣ, въ какой она находилась во власти Суллы. Тамъ укрылись жена и дѣти Суллы, съ трудомъ спасшіяся отъ убійцъ; туда-же бѣжало не мало сенаторовъ, такъ что въ главной квартирѣ Суллы образовалось нѣчто въ родѣ сената.

Италія и провинціи стоятъ за правительство.

87

Мѣры противъ Суллы. Со стороны правительства не было недостатка въ декретахъ, направленныхъ противъ олигархическаго проконсула. По приговору комицій, Сулла былъ лишонъ званія главнокомандующаго и другихъ почетныхъ отличій и былъ осужденъ на смерть; такое-же рѣшеніе было постановлено относительно Метелла, Аппія Клавдія и другихъ знатныхъ бѣглецовъ; принадлежавшій Суллѣ въ Римѣ домъ былъ срытъ

до основанія, а его помѣстья были опустошены. Но дѣло, конечно, этимъ не кончилось. Еслибы Гай Марій прожилъ долѣе, онъ, безъ сомнѣнія, самъ отправился-бы для борьбы съ Суллой въ ту страну, куда переносился въ лихорадочныхъ грезахъ, когда лежалъ на смертномъ одрѣ, а какія мѣры были приняты правительствомъ послѣ его смерти, уже было разсказано ранѣе. Вступившій послѣ смерти Марія въ званіе консула и въ командованіе на востокѣ (668), Луцій Ва- 86
лерій Флаккъ Младшій *), не былъ ни хорошимъ солдатомъ, ни хорошимъ полководцемъ; его помощникъ Гай Фимбрія былъ не безъ военныхъ дарованій, но былъ склоненъ къ инсубординаціи, а отданная въ ихъ распоряженіе армія была втрое малочисленнѣе Сулловской. Въ Римъ пришли одно вслѣдъ за другимъ извѣстія, что Флаккъ изъ опасенія быть разбитымъ Суллой прошелъ мимо него въ Азію (668), что Фимбрія устранилъ его и самъ занялъ его 86
мѣсто (въ началѣ 669) и что Сулла заключилъ миръ съ Митрида- 85
томъ (669/70). До того времени Сулла не входилъ ни въ какія 85/4
сношенія съ столичными властями, а теперь онъ обратился къ сенату съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ объ окончаніи войны и о своемъ возвращеніи въ Италію; онъ также предупреждалъ, что предоставленныя новымъ гражданамъ права не будутъ отняты, а уголовныя экзекуціи хотя и неизбѣжны, но будутъ совершены не надъ цѣлыми массами виновныхъ, а только надъ зачинщиками. Это извѣщеніе такъ напугало Цинну, что онъ вышелъ изъ своего без-

*) Луцій Валерій Флаккъ, который значится въ фастахъ консуломъ 668 года, 86
не былъ консуломъ 654 года, а былъ молодымъ человѣкомъ, носившимъ такое-же 100
имя и, быть можетъ, сыномъ того консула. Это видно во первыхъ изъ того, что законъ, запрещавшій повторительное избраніе въ консулы, сохранялъ обязательную силу съ 603 [стр. 69] до 673 года и нѣтъ основанія предполагать, что въ пользу 151 81
Флакка было допущено такое же исключеніе, какое было допущено въ пользу Сципіона Эмиліяна и Марія. Во вторыхъ, повсюду, гдѣ упоминается имя того или другаго Флакка, не говорится ни слова о вторичномъ консульствѣ,—не говорится даже тамъ, гдѣ было необходимо объ этомъ упомянуть, какъ напримѣръ у Цицерона, pro Flacc. 32, 177. Въ третьихъ, тотъ Луцій Валерій Флаккъ, который былъ въ 669 году первоприсутствующимъ въ сенатѣ и стало быть со- 85
стоялъ въ званіи консуляра [Ливій, 83], не могъ быть консуломъ 668 года, такъ 86
какъ этотъ послѣдній уже отправился въ то время въ Азію и, по всему вѣроятію, уже не находился въ живыхъ. Тотъ изъ нихъ, который былъ въ 654 году 100
консуломъ, а въ 657 году цензоромъ,—тотъ самый, о которомъ Цицеронъ упо- 97
минаетъ [ad Attic. 8, 3, 6], какъ объ одномъ изъ находившихся въ 667 году 87
въ Римѣ консуляровъ; въ 669 году онъ безъ сомнѣнія былъ самымъ старымъ 85
изъ находившихся въ живыхъ прежнихъ цензоровъ и потому годился для званія первоприсутствующаго въ сенатѣ; онъ также былъ намѣстникомъ и предводителемъ всадниковъ въ 672 году. А погибшій въ Никомедіи консулъ 668 года [стр. 82 86
301] былъ отецъ того Луція Флакка, котораго защищалъ Цицеронъ [pro Flacc. 25, 61; сравн. 23. 55; 32, 77].

дѣйствія: до того времени всѣ мѣры, которыя онъ принималъ противъ Суллы, ограничивались наборомъ нѣсколькихъ отрядовъ и отправкою нѣсколькихъ кораблей въ Адріатическое море, а теперь онъ рѣшился какъ можно скорѣе переправиться въ Грецію.

Попытки мирнаго соглашенія. Съ другой стороны въ средѣ умѣренной партіи возникла надежда на мирное соглашеніе въ виду того, что посланіе Суллы казалось при тогдашнемъ положеніи дѣлъ чрезвычайно мягкимъ. По предложенію старшаго Флакка большинство сенаторовъ попыталось мирно уладить дѣло: оно пригласило Суллу прибыть въ Италію, ручаясь за его личную безопасность, а консуловъ Цинну и Карбона оно попросило пріостановить военныя приготовленія до полученія отвѣта отъ Суллы. Предложеніе сената не было безусловно отвергнуто Суллой; хотя онъ, конечно, не прибылъ въ Италію лично, но онъ объявилъ черезъ своихъ посланцевъ, что требуетъ только возвращенія сосланнымъ ихъ прежняго общественнаго положенія и законнаго наказанія за совершонныя преступленія; что-же касается ручательствъ за личную безопасность, то онъ объявлялъ, что самъ въ нихъ не нуждается, но что намѣревается доставить ихъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается въ его отечествѣ. Его уполномоченные нашли положеніе дѣлъ въ Италіи существенно измѣнившимся. Не обращая никакого вниманія на вышеупомянутое сенатское рѣшеніе, Цинна, тотчасъ послѣ закрытія сенатскаго засѣданія, отправился въ армію и сталъ торопиться ея посадкой на суда.

Смерть Цинны. На войска, которыя были собраны подлѣ главной квартиры въ Анконѣ, было трудно полагаться, а когда имъ пришлось предпринимать опасный переѣздъ моремъ въ неблагопріятное время года, между ними вспыхнулъ мятежъ, жертвой котораго сдѣлался Цинна
84 (въ началѣ 670); тогда сотоварищъ Цинны, Карбонъ, нашелся вынужденнымъ отозвать обратно уже отправленные за море отряды и, отказавшись отъ похода въ Грецію, расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Ариминѣ. Но предложенія Суллы не были вслѣдствіе того лучше приняты; сенатъ отвергнулъ ихъ, даже не допустивъ пословъ Суллы въ Римъ, и приказалъ ему положить оружіе. Впрочемъ, главными виновниками такого энергическаго образа дѣйствій были не сторонники Марія. Именно теперь, когда имъ было необходимо удержать за своимъ вождемъ незаконно-присвоенную имъ высшую должность, они были вынуждены отказаться отъ такого намѣренія и приступить къ новымъ консульскимъ выборамъ на 671
83 годъ, въ теченіе котораго слѣдовало ожидать окончательной развязки. Голоса были поданы не за прежняго консула Карбона и не за котораго либо изъ способныхъ полководцевъ, принадлежавшихъ къ господствовавшей до того времени кликѣ, какъ напримѣръ не за Квинта Серторія или не за сына Гайя Марія, а за Луція Сципіона и за Гайя Норбана, — то-есть за двухъ совершенно неспособныхъ

Карбонъ и новые граждане вооружаются противъ Суллы.

людей, изъ которыхъ ни одинъ не умѣлъ вести сраженій, а Серторій даже не умѣлъ говорить, и изъ которыхъ первый снискалъ расположеніе народной толпы только тѣмъ, что былъ правнукомъ того, кто побѣдилъ Антіоха, а второй только тѣмъ, что былъ политическимъ противникомъ олигарховъ (стр. 211). Приверженцевъ Марія не столько ненавидѣли за ихъ злодѣянія, сколько презирали за ихъ ничтожество: но если большинство націи не хотѣло имѣть съ ними дѣла, то оно еще менѣе было расположено допускать владычество Суллы и олигархическую реставрацію. Тогда стали серьезно готовиться къ сопротивленію. Въ то время, какъ Сулла появился въ Азіи, армія Фимбріи перешла на его сторону, а ея вождь самъ себя лишилъ жизни, правительство воспользовалось дарованной ему Суллой годовой отсрочкой для того, чтобъ съ энергіей взяться за военныя приготовленія: когда Сулла высадился въ Италіи, ему пришлось бороться съ сто-тысячной арміей, а впослѣдствіи съ арміей еще вдвое болѣе многочисленной.

Затруднительное положеніе Суллы.

Для борьбы съ этой италійской арміей у Суллы было только пять легіоновъ, которые, даже со включеніемъ набранныхъ въ Македоніи и въ Пелопоннесѣ вспомогательныхъ отрядовъ, едва-ли доходили до 40,000 человѣкъ. Однако эта армія успѣла отучиться отъ вмѣшательства въ политику во время семилѣтнихъ войнъ въ Италіи, въ Греціи и въ Азіи, и была привязана къ своему вождю, который прощалъ своимъ солдатамъ всё—и кутежи и звѣрства и даже бунты противъ ихъ офицеровъ, который требовалъ отъ нихъ только храбрости и преданности главнокамандующему, а въ случаѣ побѣды сулилъ самыя щедрыя награды; они были ему преданы съ тѣмъ солдатскимъ энтузіазмомъ, который становится еще болѣе сильнымъ отъ того, что нерѣдко возбуждаетъ въ одномъ и томъ-же сердцѣ и самыя благородныя и самыя низкія страсти. Сулловскіе солдаты, по римскому обыкновенію, добровольно поклялись твердо стоять другъ за друга и каждый изъ нихъ добровольно отдалъ главнокомандующему свои грошевыя сбереженія на покрытіе военныхъ расходовъ. Однако, какъ ни была значительна эта тѣсно сплоченная армія даже въ сравненіи съ болѣе многочисленной непріятельской, Сулла все-таки ясно сознавалъ, что съ пятью легіонами нельзя было одолѣть Италію, если бы она соединила свои силы для энергическаго сопротивленія. Съ народной партіей и съ ея неспособными самодержцами было-бы не трудно справиться; но противъ Суллы возстали за-одно съ народной партіей всѣ тѣ, кто не хотѣлъ олигархической реставраціи террора, и главнымъ образомъ всѣ новые граждане,—какъ тѣ изъ нихъ, которые отказались отъ участія въ возстаніи вслѣдствіе изданія Юліевскаго закона, такъ и тѣ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ едва не довели своимъ возстаніемъ Римъ до гибели.

Умѣренность Суллы.

Сулла вникалъ въ положеніе дѣлъ во всѣхъ его подробностяхъ и былъ очень далекъ и отъ слѣпаго ожесточенія и отъ безразсуднаго упорства, которыми отличалось большинство его приверженцевъ. Въ то время, какъ государственное зданіе было объято пламенемъ, въ то время, какъ убивали его друзей, разрушали его дома и принуждали его семейство томиться въ изгнаніи, онъ, ничѣмъ не смущаясь, оставался на своемъ посту, пока не одолѣлъ враговъ своего отечества и пока не обезпечилъ безопасность римскихъ границъ. Съ такой-же патріотической и благоразумной умѣренностью относился онъ и теперь къ италійскимъ дѣламъ: онъ дѣлалъ всё, что могъ, чтобъ успокоить сторонниковъ умѣренной партіи и новыхъ гражданъ и по мѣрѣ своихъ силъ старался не допустить, чтобъ подъ названіемъ междоусобной войны снова вспыхнула гораздо болѣе опасная война между старыми римскими гражданами и италійскими союзниками. Еще въ своемъ первомъ посланіи къ сенату Сулла требовалъ только того, что́ было согласно съ законами и съ справедливостью, и положительно устранялъ всякія опасенія террора; согласно съ этимъ онъ и теперь обѣщалъ безусловное помилованіе всякому, кто отступится отъ революціоннаго правительства, и отобралъ отъ своихъ солдатъ поголовную клятву, что они будутъ обходиться съ Италійцами, какъ съ друзьями и согражданами. Самыми положительными заявленіями онъ обезпечивалъ новымъ гражданамъ пріобрѣтенныя ими политическія права, такъ что Карбонъ счелъ нужнымъ потребовать заложниковъ отъ всѣхъ италійскихъ городскихъ общинъ, но долженъ былъ отказаться отъ этой мѣры вслѣдствіе возбужденнаго ею общаго негодованія и вслѣдствіе сопротивленія сената. Положеніе Суллы было трудно главнымъ образомъ потому, что при распространившемся обыкновеніи не соблюдать даннаго слова и прибѣгать къ вѣроломству, новые граждане имѣли полное основаніе если не сомнѣваться въ его личныхъ намѣреніяхъ, то сомнѣваться въ его способности принудить его сторонниковъ, послѣ побѣды, къ исполненію данныхъ обѣщаній.

Сулла высаживается въ Италіи.

Весной 671 года Сулла высадился съ своими легіонами у пристани Брундизія. Лишь только сенатъ узналъ объ этомъ, онъ немедленно объявилъ отечество въ опасности и предоставилъ консуламъ неограниченную власть; но эти неспособные правители не приняли заранѣе никакихъ мѣръ, такъ что высадка, которую можно было предвидѣть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, застала ихъ въ расплохъ. Армія еще стояла подлѣ Аримина, портовые города не были заняты войсками, и, — что́ можетъ показаться невѣроятнымъ, — на всемъ юго-восточномъ побережьѣ не было ни одного солдата.

Сулла получаетъ подкрѣпленія отъ

Послѣдствія такой небрежности обнаружились скоро. Брундизій, который былъ значительной общиной новыхъ гражданъ, отворилъ безъ всякаго сопротивленія свои городскія ворота передъ олигархическимъ полководцемъ, а его примѣру послѣдовали вся Мессапія и

вся Апулія. Армія проходила по этимъ областямъ, какъ по дружественной странѣ и, не позабывая данной ею клятвы, соблюдала самую строгую дисциплину. Разсѣянные остатки партіи оптиматовъ стали со всѣхъ сторонъ стекаться въ лагерь Суллы. Квинтъ Метеллъ прибылъ изъ горныхъ ущелій Лигуріи, куда убѣжалъ изъ Африки; въ качествѣ сотоварища Суллы, онъ снова принялъ званіе проконсула, которое было возложено на него въ 667 году (стр. 266), но было отнято у него революціей; и Маркъ Крассъ прибылъ изъ Африки съ небольшимъ отрядомъ. Оптиматы присоединялись къ Суллѣ бо́льшею частію въ качествѣ знатныхъ эмигрантовъ съ большими претензіями, но безъ желанія участвовать въ борьбѣ; поэтому имъ приходилось выслушивать отъ самого Суллы непріятные намёки на тѣхъ знатныхъ баръ, которые позволяютъ спасать себя для блага государства, но сами даже не хотятъ вооружить своихъ рабовъ. Болѣе важно было то, что уже стали появляться перебѣжчики изъ демократическаго лагеря, какъ напримѣръ образованный и всѣми уважаемый Луцій Филиппъ, который былъ единственный консуляръ, связавшійся съ революціоннымъ правительствомъ и принимавшій отъ него разныя должности; онъ нашолъ у Суллы самый любезный пріемъ и получилъ отъ него почетное и легкое порученіе занять отъ его имени провинцію Сардинію. Точно такъ-же были приняты Квинтъ Лукрецій Офелла и нѣкоторые другіе годные въ дѣло офицеры; имъ тотчасъ были даны назначенія; даже Публій Цетегъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ сенаторовъ, которыхъ Сулла лишилъ покровительства законовъ послѣ Сульпиціевскаго мятежа, получилъ помилованіе и должность въ арміи. своихъ сторонниковъ и отъ дезертировъ. 87

Еще важнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе нѣсколькихъ новыхъ приверженцевъ, былъ переходъ на сторону Суллы Пиценской области, состоявшійся благодаря усиліямъ Страбонова сына, молодаго Гнейя Помпея. Подобно своему отцу, Помпей не былъ изъ числа приверженцевъ олигархіи; онъ призналъ революціонное правительство и даже поступилъ на службу въ армію Цинны; но ему не прощали того, что его отецъ сражался съ революціонерами; его стали всячески притѣснять и ему угрожала опасность лишиться очень значительнаго состоянія вслѣдствіе предъявленія къ нему взысканія той добычи, которую его отецъ, какъ полагали, утаилъ послѣ взятія Аскула. Хотя онъ и былъ спасенъ отъ раззоренія не столько краснорѣчивымъ заступничествомъ консуляра Луція Филиппа и молодаго Луція Гортензія, сколько протекціей лично расположеннаго къ нему консула Карбона, но это не примирило его съ революціонной партіей. Узнавши о высадкѣ Суллы въ Италіи, онъ отправился въ Пиценъ, гдѣ у него были обширныя помѣстья и унаслѣдованныя отъ отца прочныя муниципальныя связи, пріобрѣтенныя во время союзнической войны, и водрузилъ въ Авксимѣ (тепер. Озимо) знамя Помпей.

олигархической партіи. Страна, населенная бо́льшею частью старыми гражданами, приняла его сторону; мѣстная молодёжъ, бо́льшею частію служившая вмѣстѣ съ нимъ подъ начальствомъ его отца, стала охотно поступать на службу къ храброму вождю, который, еще недостигши двадцати трехъ лѣтъ, былъ и хорошимъ солдатомъ и хорошимъ полководцемъ, въ кавалерійскихъ стычкахъ всегда былъ впереди всѣхъ и смѣло врубался въ непріятельскіе ряды. Отрядъ пиценскихъ добровольцевъ скоро разросся до трехъ легіоновъ. Для подавленія вспыхнувшаго въ Пиценѣ возстанія былъ посланъ изъ столицы отрядъ подъ начальствомъ Клелія, Гайя Альбія Каррины и Луція Юнія Брута Дамазиппа *); но импровизированный полководецъ искусно воспользовался взаимными раздорами этихъ вождей, уклонился отъ встрѣчи съ ними или разбилъ ихъ поодиночкѣ и возстановилъ сообщенія съ главною арміей Суллы, какъ кажется, въ Апуліи. Сулла привѣтствовалъ его какъ императора, то есть какъ полководца, командующаго отъ своего собственнаго имени и поставленнаго не подъ его начальство, а на ряду съ нимъ; онъ осыпалъ этого юношу такими почетными отличіями, какими не награждалъ ни одного изъ своихъ знатныхъ кліентовъ, а поступилъ такъ, по всему вѣроятію, съ побочною цѣлію сдѣлать своимъ собственнымъ приверженцамъ косвенный упрекъ за ихъ безхарактерную слабость.

Сулла сражается въ Кампаніи съ Норбаномъ и съ Сципіономъ.

Получивъ такія значительныя нравственныя и матеріальныя подкрѣпленія, Сулла и Метеллъ двинулись изъ Апуліи въ Кампанію черезъ самнитскую территорію, гдѣ еще не прекращалось возстаніе. Туда-же направились и главныя непріятельскія силы и тамъ, повидимому, слѣдовало ожидать рѣшительной развязки. Армія консула Гайя Норбана уже стояла подлѣ Капуи, гдѣ только-что была учреждена новая колонія со всей демократической пышностью; вторая консульская армія также направлялась туда по Аппіевской дорогѣ.

Побѣда Суллы надъ Норбаномъ подлѣ Тифаты.

Но еще до ея прибытія Сулла занялъ позицію противъ арміи Норбана. Послѣдняя, сдѣланная Суллой, попытка примиренія привела лишь къ тому, что его посламъ было нанесено оскорбленіе. Тогда его испытанные въ бояхъ солдаты устремились на непріятеля съ удвоеннымъ ожесточеніемъ; ихъ сильный натискъ съ высотъ Тифаты разомъ разсѣялъ стоявшую внизу на равнинѣ непріятельскую армію; Норбанъ укрылся съ остатками своихъ войскъ въ революціонной колоніи Капуѣ и въ городѣ новыхъ гражданъ Неаполѣ, и не былъ въ состояніи помѣшать непріятелю блокировать эти города. Войска Суллы до того времени не безъ тревоги сравнивали свою

*) Только о немъ здѣсь и можетъ быть рѣчь, такъ какъ Маркъ Брутъ, отецъ такъ называемаго освободителя, былъ въ 671 году народнымъ трибуномъ и стало быть не могъ командовать арміей во время похода.

немногочисленность съ массами непріятельскихъ войскъ, но одержанная ими побѣда внушила имъ глубокое убѣжденіе въ ихъ военномъ превосходствѣ; вмѣсто того, чтобъ тратить время на осаду городовъ, въ которыхъ заперлись остатки разбитой арміи, Сулла обложилъ эти города, а самъ двинулся по Аппіевской дорогѣ къ Теану, гдѣ стоялъ Сципіонъ. И къ этому послѣднему Сулла обратился съ мирными предложеніями прежде чѣмъ вступать съ нимъ въ борьбу,—и, какъ кажется, искренно желалъ примиренія. Сципіонъ былъ такъ слабохарактеренъ, что принялъ эти предложенія и заключилъ съ Суллой перемиріе; между Калами и Теаномъ съѣхались на личное свиданіе два главнокомандующихъ, которые оба были одинаково знатнаго происхожденія, оба были людьми образованными и благовоспитанными и въ теченіе многихъ лѣтъ были товарищами по званію сенаторовъ; дѣло дошло до обсужденія подробностей и переговоры уже такъ много подвинулись впередъ, что Сципіонъ отправилъ гонца въ Капуу, чтобы узнать мнѣніе своего товарища. Тѣмъ временемъ солдаты двухъ лагерей стали сводить между собою знакомство; Сулловскіе солдаты, щедро снабженные отъ своего начальника деньгами, безъ большаго труда убѣдили, за чаркой вина, невоинственныхъ Сципіоновскихъ новобранцевъ, что выгоднѣе быть съ ними въ дружбѣ, чѣмъ во враждѣ; Серторій тщетно уговаривалъ главнокомандующаго положить конецъ этимъ опаснымъ сношеніямъ. Однако, соглашеніе, которое казалось столь близкимъ, не состоялось; Сципіонъ былъ тотъ, кто заявилъ о прекращеніи перемирія. Но Сулла утверждалъ, что уже поздно, такъ какъ договоръ уже заключенъ; тогда солдаты Сципіона стали массами переходить въ ряды непріятеля подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ начальникъ противозаконно превратилъ перемиріе. Сцена закончилась тѣмъ, что солдаты бросились другъ къ другу въ объятія, а начальники революціонной арміи играли при этомъ роль зрителей. Сулла потребовалъ, чтобъ консулъ отказался отъ своего званія, чтó и было исполнено; затѣмъ онъ далъ бывшему консулу и его штабу конвой, чтобъ сопровождать ихъ, куда пожелаютъ; но лишь только Сципіонъ очутился на свободѣ, онъ снова возложилъ на себя внѣшнія отличія консульскаго званія и сталъ собирать новую армію, однако уже не былъ въ состояніи достигнуть какихъ либо серьозныхъ результатовъ. Сулла и Метеллъ расположились на зимнихъ квартирахъ въ Кампаніи и, послѣ того, какъ не удалась вторичная попытка соглашенія съ Норбаномъ, блокировали Капуу въ теченіе всей зимы.

Армія Сципіона передается Суллѣ.

Первая кампанія окончилась для Суллы слѣдующими результатами: онъ завладѣлъ Апуліей, Пиценомъ и Кампаніей, разсѣялъ одну консульскую армію, разбилъ и держалъ въ блокадѣ другую. Италійскія общины, поставленныя въ необходимость по одиночкѣ выбирать ко-

Вооруженія съ обѣихъ сторонъ.

тораго нибудь изъ своихъ двухъ притѣснителей, стали вступать съ Суллой въ переговоры и заключать съ нимъ формальные договоры, которыми главнокомандующій олигархіи обезпечивалъ имъ пользованіе политическими правами, пріобрѣтенными отъ противоположной партіи; Сулла былъ положительно увѣренъ, что въ слѣдующую кампанію низвергнетъ революціонное правительство и вступитъ въ Римъ, — и эту увѣренность онъ съ намѣреніемъ громко высказывалъ.—Но и революціонной партіи отчаяніе, повидимому, придавало новыя силы. Консулами были назначены двое изъ ея самыхъ энергичныхъ вождей — Карбонъ, избранный въ консулы въ третій разъ, и сынъ Гайя Марія; послѣднему только что минуло двадцать лѣтъ и онъ по закону не могъ занимать консульской должности, но въ ту пору этимъ такъ-же мало стѣснялись, какъ и всякими другими требованіями законовъ. Квинтъ Серторій, надоѣдавшій своею критикой и по этому случаю и по поводу другихъ противозаконныхъ мѣръ, получилъ приказаніе отправиться сначала въ Этрурію для набора рекрутъ, а оттуда въ свою провинцію—въ Ближнюю Испанію. Чтобъ наполнить казну, сенатъ былъ вынужденъ чеканить монету изъ золотой и серебряной утвари столичныхъ храмовъ; о томъ, какъ велики были добытыя этимъ способомъ суммы денегъ, видно изъ того факта, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны еще оставалось въ запасѣ болѣе 4 милліоновъ талеровъ (14.000 фунтовъ золота и 6.000 фунтовъ серебра). Къ войнѣ дѣятельно готовились въ той значительной части Италіи, которая по неволѣ или добровольно держала сторону революціи. Значительные вновь организованные отряды прибыли изъ Этруріи, гдѣ было много новыхъ гражданскихъ общинъ, и съ береговъ По. Ветераны Марія отозвались на призывъ его сына и явились въ большомъ числѣ подъ знамена. Но нигдѣ не готовились къ борьбѣ съ Суллой съ такимъ-же страстнымъ увлеченіемъ, какъ въ возставшемъ Самніи и въ нѣкоторыхъ округахъ Луканіи. Вовсе не изъ преданности къ римскому революціонному правительству, изъ страны Осковъ доставлялись многочисленныя подкрѣпленія для его арміи, а потому что тамъ ясно сознавали, насколько было-бы труднѣе отстаивать тогдашнюю фактическую независимость страны отъ возстановленной Суллою олигархіи, чѣмъ отъ вялаго Цинновскаго правительства; оттого-то еще разъ и проявилось въ борьбѣ съ Суллой старинное соперничество Сабелловъ съ Латинами. Для Самнія и для Лаціума эта война была такой-же борьбой за національную независимость, какой были войны пятаго столѣтія; тамъ сражались не изъ-за пріобрѣтенія болѣе или менѣе широкихъ политическихъ правъ, а изъ желанія уничтожить врага для того, чтобъ насытить издавна таившуюся въ душѣ ненависть. Поэтому нисколько неудивительно, что эта война отличалась отъ другихъ особымъ характеромъ,—что не дѣлалось никакихъ попытокъ

къ примиренію, что никто и не давалъ и не просилъ пощады и что преслѣдованію противниковъ не было никакихъ предѣловъ.—Такимъ образомъ, кампанію 672 года обѣ стороны начали съ увеличившимися военными силами и съ усилившеюся враждой. Революціонная партія начала съ того, что пресѣкла всякій путь къ примиренію: по предложенію Карбона, римскія комиціи постановили смертный приговоръ надъ всѣми сенаторами, находившимися въ лагерѣ Суллы. Самъ Сулла не протестовалъ противъ этого: онъ, вѣроятно, думалъ, что виновники такого постановленія заранѣе подписываютъ свой собственный смертный приговоръ. 82

Армія оптиматовъ раздѣлилась. Проконсулъ Метеллъ, опираясь на возстаніе Пицена, попытался проникнуть въ верхнюю Италію между тѣмъ, какъ Сулла двинулся изъ Кампаніи прямо къ столицѣ. Противъ перваго изъ нихъ выступилъ Карбонъ, а главную непріятельскую армію ожидалъ въ Лаціумѣ Марій. Подвигаясь впередъ по латинской дорогѣ, Сулла встрѣтился неподалеку отъ Сигніи съ непріятелемъ, который отступалъ передъ нимъ до Сакрипорта, между Сигніей и укрѣпленнымъ Пренестомъ, который служилъ для приверженцевъ Марія главнымъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ запасовъ. Тамъ Марій выстроилъ свою армію для боя. Она состояла приблизительно изъ 40.000 человѣкъ, а ея вождь былъ по своей необузданной ярости и личной храбрости настоящимъ сыномъ своего отца; но онъ командовалъ не такими привычными къ бою солдатами, во главѣ которыхъ одерживалъ побѣды его отецъ, а при своей юношеской неопытности онъ никакъ не могъ равняться съ давнишнимъ знатокомъ военнаго дѣла. Его войска скоро стали подаваться назадъ; одинъ изъ его отрядовъ перешолъ на сторону непріятеля во время самаго сраженія и этимъ ускорилъ его пораженіе. Болѣе половины Маріевскихъ солдатъ были перебиты или захвачены въ плѣнъ; остальные не были въ состояніи ни держаться въ открытомъ полѣ, ни добраться до другаго берега Тибра и были принуждены искать спасенія въ сосѣднихъ крѣпостяхъ; въ столицѣ не были заблаговременно заготовлены запасы продовольствія и ей предстояла неизбѣжная гибель.

Сулла идетъ въ Лаціумъ противъ сына Марія и одерживаетъ побѣду при Сакрипортѣ.

Поэтому Марій приказалъ командовавшему въ Римѣ претору Луцію Бруту Дамазиппу очистить городъ, предварительно умертвивъ всѣхъ вліятельныхъ приверженцевъ противной партіи, жизнь которыхъ до того времени щадили. Давая такое приказаніе, сынъ превзошелъ жестокосердіемъ своего отца; тѣмъ не менѣе оно было исполнено; Дамазиппъ созвалъ подъ какимъ-то предлогомъ сенатъ и намѣченныя жертвы были перерѣзаны частію во время засѣданія, частію въ то время, какъ спасались бѣгствомъ изъ сенатскаго зданія. Несмотря на прежнее радикальное очищеніе сената, все таки нашлось еще нѣсколько выдающихся жертвъ, какъ напримѣръ: тесть Гнея Помпея, бывшій эдилъ Публій Антистій, и сынъ извѣстнаго

Злодѣянія демократовъ въ Римѣ.

друга Гракховъ, впослѣдствіи перешедшаго на сторону ихъ противниковъ (стр. 128), бывшій преторъ Гай Карбонъ; послѣ смерти стольвихъ талантливыхъ людей это были два лучшихъ оратора на той опустѣвшей трибунѣ, которая стояла на городской площади; кромѣ того погибли: консуляръ Луцій Домицій и почтенный верховный жрецъ Квинтъ Сцевола, который спасся отъ кинжала Фимбріи только для того, чтобъ во время предсмертныхъ судорогъ революціи изойти кровью во ввѣренномъ его надзору храмѣ Весты. Толпа въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣла, какъ волочили по улицамъ и потомъ бросали въ рѣку трупы этихъ послѣднихъ жертвъ террора.

Осада Пренеста. Разбитыя войска Марія укрылись въ близь-лежащихъ укрѣпленныхъ городахъ новыхъ гражданъ Норбѣ и Пренестѣ, а самъ Марій заперся съ своей казной и съ большею частію бѣглецовъ въ этомъ послѣднемъ городѣ. Передъ Пренестомъ,—точно такъ-же, какъ годомъ ранѣе передъ Капуей,—Сулла оставилъ способнаго офицера, Квинта Офеллу, съ приказаніемъ не тратить своихъ силъ на осаду укрѣпленнаго города, а окружить его широкой линіей окоповъ и голодомъ принудить къ сдачѣ; самъ онъ двинулъ свои войска съ разныхъ сторонъ на столицу; онъ не нашолъ ни въ ней, ни въ ея окрестностяхъ никакихъ непріятельскихъ войскъ и занялъ ее безъ

Взятіе Рима. всякаго сопротивленія. Онъ остановился тамъ только для того, чтобъ обратиться къ народу съ успокоительною рѣчью и сдѣлать необходимыя распоряженія и за тѣмъ отправился въ Этрурію для того, чтобъ соединиться тамъ съ Метелломъ и вытѣснить враговъ изъ сѣверной Италіи.

Борьба Метелла съ Карбономъ въ сѣверной Италіи. Тѣмъ временемъ Метеллъ столкнулся съ помощникомъ Карбона, Карриной, и разбилъ его у рѣки Эза (Esino, между Анконой и Синигаліей), отдѣлявшей пиценскую область отъ галльской провинціи; но когда самъ Карбонъ подошелъ съ болѣе сильной арміей, то Метеллъ былъ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія. Однако, когда пришло извѣстіе о битвѣ при Сакрипортѣ, Карбонъ, изъ опасенія за свои сообщенія, отступилъ къ Фламиніевскому шоссе и въ томъ пунктѣ, гдѣ это шоссе пересѣкается другими путями сообщенія, въ Ариминѣ, помѣстилъ свою главную квартиру, чтобъ оттуда господствовать надъ Апеннинскими перевалами и надъ долиной По. Во время этого отступленія нѣкоторые изъ его отрядовъ были захвачены непріятелемъ въ плѣнъ, а Помпей взялъ приступомъ Сену Галльскую и разбилъ арьергардъ Карбона въ блестящей кавалерійской схваткѣ; впрочемъ это не помѣшало Карбону достигнуть его главной цѣли. На консуляра Норбана было возложено высшее командованіе въ долинѣ По, а самъ Карбонъ отправился въ Этрурію.

Нападеніе на Карбо- Но когда Сулла появился съ своими побѣдоносными легіонами въ Этруріи, положеніе дѣлъ тамъ измѣнилось: тамъ вскорѣ соединились

три Сулловскія армія, пришедшія изъ Галліи, изъ Умбріи и изъ Рима. Метеллъ прошелъ съ флотомъ мимо Аримина въ Равенну и отрѣзалъ подлѣ Фавенціи сообщенія между Ариминомъ и долиной По, въ которую двинулъ по большой дорогѣ на Плаценцію отрядъ подъ начальствомъ состоявшаго при Суллѣ квесторомъ, Марка Лукулла, который былъ братъ начальника Сулловскаго флота во время войны съ Митридатомъ. Молодой Помпей и его сверстникъ и соперникъ Крассъ проникли изъ пиценской области горными дорогами въ Умбрію и достигли Фламиніевской дороги подлѣ Сполеція, гдѣ нанесли пораженіе помощнику Карбона Карринѣ и принудили его запереться въ городѣ; впрочемъ Карринѣ удалось ускользнуть изъ города въ одну дождливую ночь и,—хотя не безъ потерь,—проложить себѣ дорогу для соединенія съ арміей Карбона. Самъ Сулла двинулся изъ Рима въ Этрурію двумя колоннами; одна изъ нихъ, шедшая вдоль морскаго берега, разбила подлѣ Сатурніи (между рѣками Омброной и Албегной) встрѣченный ею на пути непріятельскій отрядъ; другая, находившаяся подъ начальствомъ самого Суллы, столкнулась въ долинѣ Клана съ арміей Карбона и успѣшно выдержала кавалерійскую схватку съ его испанской конницей. Но главная битва, происходившая между Карбономъ и Суллой въ окрестностяхъ Кьюзи (Chiusi), хотя и не имѣла рѣшительныхъ результатовъ, но окончилась въ пользу Карбона въ томъ отношеніи, что принудила Суллу пріостановить его побѣдоносное наступленіе.

на въ Этруріи съ трехъ сторонъ.

Борьба въ окрестностяхъ Пренеста.

Въ окрестностяхъ Рима дѣла, повидимому, начинали принимать болѣе благопріятный для революціонной партіи оборотъ и военныя дѣйствія стали сосредоточиваться въ той мѣстности. Въ то время, какъ олигархическая партія сосредоточивала всѣ свои военныя силы въ Этруріи, демократы отовсюду напрягали свои усилія, чтобъ принудить непріятеля снять блокаду съ Пренеста. Даже намѣстникъ Сициліи, Маркъ Перпенна выступилъ въ походъ съ этою цѣлію; впрочемъ онъ, какъ кажется, не дошолъ до Пренеста. Также мало успѣха имѣлъ очень значительный отрядъ, который былъ посланъ съ тою-же цѣлію Карбономъ подъ начальствомъ Марція; онъ подвергся нападенію стоявшихъ подлѣ Сполеція непріятельскихъ войскъ и былъ разбитъ; такъ какъ онъ былъ деморализованъ безпорядками, нуждой и мятежемъ, то одна его часть возвратилась къ Карбону, другая направилась въ Ариминъ, а остальная разбѣжалась. Напротивъ того, болѣе серьезную помощь оказала южная Италія: Самниты подъ предводительствомъ уроженца Телезіи Понція и Луканцы подъ предводительствомъ своего опытнаго полководца Марка Лампонія выступили въ походъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія; они вступили въ Кампанію, гдѣ Капуа все еще оборонялась, присоединили къ себѣ часть гарнизона подъ начальствомъ Гутты и двинулись къ Пренесту, какъ утверждали, въ числѣ 70.000

человѣкъ. Вслѣдствіе этого Сулла возвратился въ Лаціумъ, оставивъ на мѣстѣ корпусъ противъ Карбона, и занялъ въ ущельяхъ передъ Пренестомъ *) выгодную позицію, откуда заграждалъ путь шедшей на помощь къ Пренесту арміи. Тщетно пытался гарнизонъ прорваться сквозь окопы Офеллы и тщетно пыталась вытѣснить Суллу съ его позиціи шедшая въ Пренестъ армія; они оба непоколебимо держались въ своихъ крѣпкихъ позиціяхъ даже послѣ того, какъ присланный Карбономъ Дамазиппъ усилилъ непріятельскую армію двумя легіонами. Но въ то время, какъ война затягивалась и въ Этруріи и въ Лаціумѣ, въ долинѣ По дѣло дошло до окончательной развязки. Тамъ демократическій главнокомандующій Гай Норбанъ имѣлъ до того времени перевѣсъ; онъ напалъ на Метеллова помощника, Марка Лукулла, съ превосходными силами, принудилъ его запереться въ Плаценціи и наконецъ двинулся на встрѣчу къ самому Метеллу. Онъ нашелъ армію Метелла подлѣ Фавенціи и не смотря на то, что уже было далеко за полдень, немедленно напалъ на нее съ своими утомленными отъ похода войсками; вслѣдствіе этого онъ потерпѣлъ полное пораженіе; его корпусъ былъ совершенно уничтоженъ и только около 1000 человѣкъ возвратились въ Этрурію. Узнавши объ этомъ сраженіи, Лукуллъ выступилъ изъ Плаценціи и разбилъ подлѣ Фиденціи (между Піаченцой и Пармой) оставленный противъ него отрядъ. Луканскія войска Альбинована стали массами переходить на сторону непріятеля; ихъ вождь загладилъ свое прежнее отсутствіе энергіи тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на пиръ самыхъ знатныхъ офицеровъ революціонной партіи и приказалъ ихъ перебить; тогда стали искать примиренія всѣ, которые въ немъ нуждались. Аримінъ достался во власть Метелла вмѣстѣ со всѣми запасами и казной; Норбанъ отплылъ въ Родосъ; вся страна между Альпами и Апеннинами подчинилась управленію оптиматовъ. Находившіяся тамъ войска получили теперь возможность двинуться въ Этрурію, которая была единственной страной, гдѣ непріятель еще держался въ открытомъ полѣ. Когда стоявшій лагеремъ подлѣ Клузія, Карбонъ узналъ объ этихъ событіяхъ, онъ упалъ духомъ. Не смотря на то, что въ его распоряженіи находились еще значительныя массы войскъ, онъ тайно скрылся изъ своей главной квартиры и отплылъ въ Африку. Покинутыя имъ войска частію послѣдовали

Успѣхи Сулловскихъ приверженцевъ въ верхней Италіи.

Этрурія занята сторонниками Суллы.

*) Сулла, какъ утверждаютъ, занималъ то ущелье, черезъ которое только и можно пройти въ Пренестъ [Апп. 1,90], а дальнѣйшія событія доказываютъ, что и для его арміи и для той, которая шла на помощь къ Пренесту, была открыта дорога къ Римъ. Сулла, безъ сомнѣнія, стоялъ на той дорогѣ, которая сворачиваетъ отъ латинской дороги,—по которой шли Самниты,—подлѣ Вальмонтоне на Палестрину; въ такомъ случаѣ Сулла имѣлъ сообщеніе съ столицей по Пренестинской дорогѣ, а непріятель по латинской или лабиканской

его примѣру и разошлись по домамъ, частію были истреблены Помпеемъ; уцѣлѣвшіе отъ нихъ отряды Каррина собралъ и отвелъ въ Лаціумъ въ подкрѣпленіе къ пренестинской арміи. Тѣмъ временемъ тамъ не произошло никакихъ перемѣнъ и развязка приближалась. Приведенныя Карриной войска не были достаточно многочисленны для того, чтобъ сдѣлать опаснымъ положеніе Суллы; уже приближался авангардъ той арміи олигарховъ, которая до того времени дѣйствовала въ Этруріи подъ начальствомъ Помпея; слѣдовало ожидать, что въ самомъ непродолжительномъ времени армія демократовъ и Самнитовъ будетъ окружена со всѣхъ сторонъ.

Нападеніе демократовъ и Самнитовъ на Римъ.

Тогда вожди этой арміи рѣшились покинуть Пренестъ и устремиться со всѣми своими силами на столицу, отъ которой ихъ отдѣлялъ только однодневный усиленный переходъ. Съ военной точки зрѣнія они этимъ обрекали свою армію на гибель; вслѣдствіе этого движенія переходила во власть Суллы латинская дорога, которая была ихъ линіей отступленія, а если бы они и овладѣли Римомъ, они были-бы заперты въ неудобномъ для обороны городѣ и неизбѣжно были-бы раздавлены между двумя гораздо болѣе сильными арміями Метелла и Суллы. Но этотъ походъ на Римъ былъ вызванъ не надеждою спастись, а жаждою мщенія; это былъ послѣдній взрывъ злобы со стороны ярыхъ революціонеровъ и въ особенности со стороны доведенной до отчаянія сабельской націи. Понцій Телезіанскій вовсе не въ шутку обратился къ своимъ товарищамъ съ словами: «чтобъ избавиться отъ волковъ, которые отняли у Италіи ея свободу, слѣдуетъ уничтожить лѣсъ, въ которомъ они разводились». Положеніе Рима еще никогда не было болѣе опаснымъ, чѣмъ 1 ноября 672 года, когда Понцій, Лампоній, Каррина и Дамазиппъ подошли **82**
къ нему по латинской дорогѣ и стали лагеремъ на разстояніи почти четверти мили отъ Коллинскихъ воротъ. Ему грозили такія-же страшныя бѣдствія, какія онъ вынесъ 20 іюля 365 отъ основ. Р. и 15 **389**
іюня 455 года послѣ Р.Х. отъ Кельтовъ и отъ Вандаловъ. Уже прошли тѣ времена, когда всякая попытка завладѣть Римомъ врасплохъ былъ безразсуднымъ предпріятіемъ; къ тому-же у нападавшихъ не могло быть недостатка въ единомышленникахъ среди столичнаго населенія. Отрядъ добровольцевъ, который выступилъ изъ города и состоялъ большею частію изъ знатнаго юношества, разсѣялся какъ пыль передъ несравненно болѣе многочисленнымъ непріятелемъ.

Битва у Коллинскихъ воротъ.

Единственная надежда спастись была основана на прибытіи Суллы. Лишь только онъ узналъ о выступленіи самнитской арміи въ направленіи къ Риму, онъ также немедленно двинулся на помощь къ столицѣ. Упавшіе духомъ граждане ободрились, завидѣвши утромъ его передовой конный отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Бальба; въ полдень онъ самъ прибылъ съ главной арміей и тотчасъ построилъ ее въ боевомъ порядкѣ подлѣ храма Эрикинской

Афродиты передъ Коллинскими воротами (неподалеку отъ Porta Pia). Второстепенные начальники умоляли его не вести немедленно на бой его изнуренныя усиленнымъ переходомъ войска; но Сулла зналъ, что̀ могло случиться съ Римомъ въ теченіе ночи, и потому приказалъ немедленно напасть на непріятеля несмотря на то, что уже было далеко за полдень. Битва была упорна и кровопролитна. Лѣвое крыло, которымъ командовалъ самъ Сулла, подалось назадъ вплоть до городской стѣны, такъ что оказалось необходимымъ запереть городскія ворота; бѣглецы уже принесли Офеллѣ извѣстіе, что сраженіе проиграно. Однако, на правомъ крылѣ Маркъ Крассъ обратилъ непріятеля въ бѣгство и преслѣдовалъ его до Антемнъ; благодаря этому, лѣвое крыло снова оправилось и также перешло въ наступленіе черезъ часъ послѣ солнечнаго заката. Бой не прекращался въ теченіе всей ночи и даже утромъ слѣдующаго дня; онъ кончился только послѣ того, какъ одинъ непріятельскій трехъ-тысячный отрядъ перешолъ на сторону Суллы и немедленно напалъ на своихъ прежнихъ боевыхъ товарищей. Римъ былъ спасенъ. Арміи инсургентовъ некуда было отступить и она была вся истреблена.

Избіеніе плѣнныхъ. Захваченные во время битвы плѣнники въ числѣ 3—4000 человѣкъ, въ томъ числѣ генералы Дамазиппъ, Каррина и тяжелораненый Понцій, были по приказанію Суллы отведены на третій день послѣ битвы въ городскую мызу на Марсовомъ полѣ и тамъ всѣ до послѣдняго человѣка умерщвлены; бряцаніе оружія и стоны умирающихъ были ясно слышны въ находившемся неподалеку оттуда храмѣ Беллоны, гдѣ Сулла присутствовалъ въ то время на засѣданіи сената. Это была отвратительная экзекуція и ее нельзя оправдывать; но было-бы несправедливо не напомнить, что тѣ люди, которые тамъ умирали, устремились на столицу и на ея жителей, какъ настоящая шайка разбойниковъ, и что, если бы имъ ничто не помѣшало, они употребили бы въ дѣло огонь и мечъ, чтобъ уничтожить городъ и истребить его жителей безъ всякой пощады.

Осада городовъ. Пренестъ. Этимъ война была въ сущности окончена. Гарнизонъ Пренеста сдался, когда увидѣлъ переброшенныя къ нему черезъ городскія стѣны, головы Каррины и другихъ офицеровъ, и по этому узналъ объ исходѣ битвы, происходившей подлѣ Рима. Его начальники, консулъ Гай Марій и сынъ Понція, попытались спастись бѣгствомъ, а когда эта попытка неудалась, бросились на мечи одинъ другаго. Народная толпа предалась надеждѣ, которую поддерживалъ въ ней Цетегъ, что побѣдитель и теперь обойдется съ ней милостиво. Но тѣ времена, когда можно было расчитывать на помилованіе, уже миновали. Чѣмъ безусловнѣе Сулла до послѣдней минуты обѣщалъ полное помилованіе тѣмъ, кто перейдетъ на его сторону, тѣмъ безпощаднѣе сталъ онъ обходиться съ тѣми военачальниками и общинами, которые оказывали ему сопротивленіе до окончанія борьбы.

Изъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ Пренестѣ въ числѣ 12000 человѣкъ, были отпущены на свободу, кромѣ дѣтей и женщинъ, почти всѣ Римляне и нѣкоторые изъ Пренестинцевъ; но римскіе сенаторы, почти всѣ Пренестинцы и всѣ безъ исключенія Самниты были обезоружены и перебиты, а богатый городъ былъ преданъ грабежу. Понятно, что въ виду такого наказанія не прекращали самаго упорнаго сопротивленія тѣ города новыхъ гражданъ, которые еще не перешли на сторону Суллы. Поэтому, когда Эмилій Лепидъ проникъ **Норба.**
при содѣйствіи измѣнниковъ въ латинскій городъ Норбу, то жители стали убивать другъ друга и зажгли городъ только для того, чтобъ ихъ палачи не могли насытить свою злобу и обогатиться добычей. Въ нижней Италіи Неаполь былъ еще ранѣе того взятъ приступомъ, а Капуа, какъ кажется, сдалась добровольно; но Нола была очищена Самнитами лишь въ 674 году. Во время бѣгства изъ этого **80 Нола.**
города погибъ послѣдній изъ главныхъ вождей Италійцевъ, Гай Папій Мутилъ, который былъ консуломъ инсургентовъ въ богатомъ надеждами 664 году; онъ пробрался переодѣтымъ къ своей женѣ **90**
въ надеждѣ найти у нея убѣжище; но она не пустила его къ себѣ и онъ бросился на свой мечъ у дверей своего собственнаго дома въ Теанѣ. Что касается Самнія, то диктаторъ объявилъ, что Римъ не будетъ знать покоя, пока будетъ существовать Самній, и что стало быть слѣдуетъ съ корнемъ уничтожить самое имя Самнитовъ; это намѣреніе онъ подтвердилъ ужасными казнями, которыя совершалъ надъ захваченными подлѣ Рима и подлѣ Пренеста плѣнниками; кромѣ того, онъ, какъ кажется, предпринялъ опустошительное нашествіе на Самній, завладѣлъ Эзерніей *) (674?) и превратилъ до того вре- **80?**
мени цвѣтущую и густо-населенную страну въ пустыню, какой она и оставалась съ тѣхъ поръ. И въ Умбріи Маркъ Крассъ взялъ приступомъ Тудеръ. Дольше сопротивлялись въ Этруріи Популоній и въ особенности неприступныя Волатерры, которыя организовали изъ остатковъ побѣжденной партіи армію въ четыре легіона и выдержали двухлѣтнюю осаду, которою руководилъ сначала самъ Сулла, а потомъ бывшій преторъ Гай Карбонъ, братъ демократическаго консула; наконецъ на третьемъ году осады, послѣ битвы у Коллинскихъ воротъ (675), гарнизонъ сдался на капитуляцію съ пра- **79**
вомъ беспрепятственно удалиться. Но въ ту ужасную эпоху были безсильны и требованія военнаго права и требованія дисциплины; солдаты стали обвинять своего не въ мѣру снисходительнаго вождя въ измѣнѣ и побили его каменьями; высланный римскимъ правительствомъ отрядъ кавалеріи изрубилъ гарнизонъ, удалявшійся въ

---

*) Едва-ли можно допустить, чтобъ въ искаженномъ текстѣ Ливія [89] mіam in Samnio могла итти рѣчь о какомъ нибудь другомъ городѣ; сравн. Страбона 5, 3, 10.

силу заключенной капитуляціи. Побѣдоносная армія была частями размѣщена по Италіи, а во всѣхъ ненадежныхъ городахъ были поставлены сильные гарнизоны; подъ желѣзнымъ господствомъ Сулловскихъ офицеровъ мало по малу прекратились послѣднія вспышки революціонной и національной оппозиціи.

Провинціи. Еще оставалось не мало дѣла въ провинціяхъ. Сардинія была
82 очень скоро (672) отнята Луціемъ Филиппомъ у назначеннаго революціоннымъ правительствомъ намѣстника Квинта Антонія; и заальпійская Галлія или слабо сопротивлялась или вовсе не сопротивлялась; но въ Сициліи, въ Испаніи и въ Африкѣ дѣло побѣжденной въ Италіи партіи, повидимому, еще было далеко не проиграно. Сициліей управлялъ отъ имени этой партіи надежный намѣстникъ Маркъ Перпенна. Въ Ближней Испаніи Квинтъ Серторій съумѣлъ привязать къ себѣ провинціальное населеніе и организовать изъ поселившихся въ Испаніи на постоянное жительство Римлянъ довольно значительную армію, которая прежде всего загородила пути, по которымъ можно было переходить черезъ Пиренеи; онъ тамъ еще разъ доказалъ, что куда-бы его ни назначили, онъ вездѣ былъ на своемъ мѣстѣ и что въ средѣ бездарныхъ революціонеровъ онъ былъ единственный человѣкъ практически годный для дѣла. Въ Африкѣ, намѣстникъ Адріанъ сталъ слишкомъ усердно распространять революціонныя идеи и отпускать на волю рабовъ, вслѣдствіе чего жившіе въ Утикѣ римскіе торговцы возбудили мятежъ; на Адріана было сдѣлано нападеніе въ его офиціальной резиденціи и онъ сгорѣлъ
82 вмѣстѣ съ своей прислугой (672); однако эта провинція все таки держала сторону революціоннаго правительства и во главѣ ея былъ поставленъ зять Цинны, молодой и даровитый Гней Домицій Агенобарбъ. Оттуда даже велась пропаганда въ вассальныхъ государствахъ Нумидіи и Мавританіи. Хотя законные правители этихъ странъ—сынъ Гавды, Гіэмпсалъ II и сынъ Бокха, Богудъ и держали сторону Суллы, но первый изъ нихъ былъ низвергнутъ съ престола демократическимъ претендентомъ Гіарбою при помощи сторонниковъ Цинны, а въ мавританскомъ царствѣ также возникли подобныя распри. Спасшійся бѣгствомъ изъ Италіи, консулъ Карбонъ временно жилъ на островѣ Коссирѣ (Пантелларіи) между берегами Африки и Сициліи, повидимому, не зная на что рѣшиться—искать ли убѣжища въ Египтѣ или-же возобновить борьбу въ одной изъ преданныхъ его партіи провинцій.

Испанія. Въ Испанію Сулла послалъ Гайя Аннія и Гайя Валерія Флакка,—перваго въ качествѣ намѣстника Дальней Испаніи, втораго въ качествѣ намѣстника провинціи Эбро. Имъ предстояла трудная задача—силою проложить себѣ путь черезъ пиренейскіе проходы; но они избавились отъ нея благодаря тому, что поставленный тамъ отъ Серторія генералъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ офицеровъ,

послѣ чего его войска разбѣжались. Серторій былъ слишкомъ слабъ для борьбы при равныхъ условіяхъ; поэтому онъ торопливо собралъ стоявшія вблизи отъ него войска и отплылъ съ ними изъ Новаго Карѳагена, самъ не зная куда,—быть можетъ къ берегамъ Африки или къ Канарскимъ островамъ,—куда-нибудь, гдѣ его не могла бы достать рука Суллы. Послѣ того Испанія безъ сопротивленія подчинилась Сулловскимъ должностнымъ лицамъ (около 673), а Флаккъ успѣшно сражался съ Кельтами, черезъ территорію которыхъ ему пришлось проходить, и съ испанскими Кельтиберами (674). **Серторій уходитъ въ море.** 81 80

Въ Сицилію былъ отправленъ въ званіи пропретора Гней Помпей и лишь только онъ появился у береговъ острова съ 120 парусными судами и шестью легіонами, Перпенна очистилъ островъ безъ сопротивленія. Оттуда Помпей отправилъ эскадру съ порученіемъ захватить укрывшихся на Коссирѣ Маріевскихъ офицеровъ; Марка Брута и остальныхъ офицеровъ онъ приказалъ немедленно казнить, а консула Карбона приказалъ привезти къ себѣ въ Лилибей для того, чтобъ тамъ лично передать его палачу (672), позабывая, что этотъ самый человѣкъ оказалъ ему въ опасныя времена защиту (стр. 325). **Сицилія.** 82

Изъ Сициліи Помпей былъ командированъ въ Африку; тамъ онъ разбилъ собранныя Агенобарбомъ и Гіарбой довольно значительныя военныя силы, имѣя въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе многочисленную армію; онъ не одобрилъ намѣренія солдатъ немедленно привѣтствовать его титуломъ императора и подалъ сигналъ къ нападенію на непріятельскій лагерь. Такимъ образомъ онъ въ одинъ день справился съ непріятелемъ. Агенобарбъ былъ въ числѣ убитыхъ; при содѣйствіи царя Богуда, Гіарба былъ захваченъ въ Буллѣ и умерщвленъ, а Гіэмпсалъ былъ снова возведенъ на принадлежавшій ему по праву наслѣдованія престолъ; сверхъ того былъ предпринятъ походъ въ степи, и были снова подчинены Гіэмпсалу жившія тамъ племена Гетуловъ, которымъ Марій предоставилъ свободу; такимъ образомъ и тамъ было возстановлено ослабѣвшее вліяніе Рима; черезъ сорокъ дней послѣ своей высадки въ Африкѣ Помпей окончилъ тамъ войну (674?). Сенатъ приказалъ ему распустить его армію; это было намекомъ на то, что онъ не будетъ удостоенъ почестей тріумфа, на который онъ и не имѣлъ никакого права въ качествѣ экстраординарнаго должностнаго лица. Полководецъ роапталъ на это втайнѣ, а солдаты во всеуслышаніе; была такая минута, когда можно было подумать, что африканская армія подниметъ знамя бунта противъ сената и что Суллѣ придется выступить въ походъ противъ мужа его дочери. Однако Сулла согласился на уступку и доставилъ молодому полководцу случай похвалиться, что онъ былъ единственный Римлянинъ, сдѣлавшійся тріумфаторомъ (12 марта 675) прежде, чѣмъ сдѣлался сенаторомъ; а когда Помпей покончилъ свои нетрудные военные подвиги и возвратился домой, то «счастли- **Африка.** 80? 79

вецъ» Сулла привѣтствовалъ юношу, — не безъ нѣкоторой ироніи, — прозвищемъ «Великаго».

Новыя несогласія съ Митридатомъ.

И на востокѣ военныя дѣйствія не прекращались съ тѣхъ поръ, какъ Сулла отплылъ весной 671 года въ Европу. Въ Азіи, точно 83 такъ-же какъ въ Италіи, не разъ приходилось вести кровопролитную борьбу для того, чтобъ возстановить прежніе порядки и привести въ покорность нѣкоторые города; особенно упорно было сопротивленіе Митилены: Луцій Лукуллъ истощилъ всѣ кроткія мѣры и наконецъ былъ вынужденъ идти на этотъ городъ съ войскомъ; даже послѣ одержанной имъ побѣды въ открытомъ полѣ не прекратилось упорное сопротивленіе горожанъ. — Тѣмъ временемъ возникли новыя несогласія между римскимъ намѣстникомъ Азіи Луціемъ Муреной и царемъ Митридатомъ. Этотъ послѣдній занялся, послѣ заключенія мира съ Римлянами, упроченіемъ своего поколебленнаго владычества надъ своими сѣверными провинціями; онъ усмирилъ жителей Колхиды, назначивши къ нимъ намѣстникомъ своего даровитаго сына Митридата, а потомъ устранилъ этого сына и сталъ готовиться къ походу въ свое Босфорское царство. Архелай, тѣмъ временемъ вынужденный искать убѣжища у Мурены (стр. 304), сталъ увѣрять, что эти военныя приготовленія направлены противъ Рима; поэтому Мурена воспользовался тѣмъ предлогомъ, что каппадокійскіе пограничные округа еще находились во власти Митридата, и двинулся съ своими войсками въ каппадокійскую Коману, чѣмъ нарушилъ не-
83 прикосновенность понтійской границы (671). Митридатъ ограничился тѣмъ, что обратился съ жалобами къ Муренѣ, а когда это оказалось напраснымъ, къ римскому правительству. Присланные Суллой уполномоченные отговаривали намѣстника отъ его намѣреній, но онъ ихъ не послушалъ, перешолъ черезъ Галисъ и вступилъ на безспорно понтійскую территорію; тогда Митридатъ рѣшился прибѣгнуть къ военной силѣ. Его полководцу Гордію было поручено удерживать наступленіе римской арміи до прибытія самого царя; Митридатъ привелъ армію, которая была гораздо многочисленнѣе римской и принудилъ своего противника вступить съ нимъ въ бой; Мурена былъ побѣжденъ и отброшенъ съ большимъ урономъ за римскую границу, во Фригію; изъ всей Каппадокіи были выгнаны римскіе гарнизоны. Хотя Мурена имѣлъ смѣлость называть себя побѣдителемъ и даже
82 принялъ по поводу этихъ событій императорскій титулъ (672), но

Вторичное заключеніе мира съ Митридатомъ.

строгіе укоры и вторичное предостереженіе со стороны Суллы наконецъ принудили его измѣнить его образъ дѣйствій, и миръ между Римомъ и Митридатомъ былъ возстановленъ (673). — Эти безразсудныя распри замедлили покореніе Митиленцевъ; только преемнику Мурены удалось взять Митилену приступомъ (675) послѣ продолжительной осады съ сухаго пути и съ моря, причемъ Римлянамъ оказалъ полезныя услуги виѳинскій флотъ.

Десятилѣтняя революція и десятилѣтнее возстаніе прекратились на западѣ и на востокѣ; все римское государство снова стало признавать только одно правительство и въ немъ было возстановлено спокойствіе внутреннее и внѣшнее. Послѣ пережитыхъ потрясеній это спокойствіе уже было само по себѣ облегченіемъ; но главный вопросъ заключался въ томъ, принесетъ-ли оно еще болѣе цѣнные плоды: тому замѣчательному человѣку, который успѣшно разрѣшилъ трудную задачу одолѣть внѣшняго врага, предстояло разрѣшить еще болѣе трудную задачу—подавить революцію, и наконецъ самую трудную изъ всѣхъ — возстановить поколебленный въ своихъ устояхъ соціальный и политическій строй; былъ-ли онъ въ состояніи это исполнить, должно было выясниться въ самомъ близкомъ будущемъ. Всеобщій миръ.

ГЛАВА X.

Введенныя Суллой государственныя учрежденія.

Реставрація. 83 Около того времени, когда происходила въ открытомъ полѣ первая битва Римлянъ съ Римлянами, въ ночь 1 іюля 671 года, сгорѣлъ на Капитоліи старинный храмъ римскаго Юпитера, построенный царями, освященный юною свободой и уцѣлѣвшій среди пятисотълѣтнихъ бурь. Это было не предзнаменованіемъ, а нагляднымъ изображеніемъ положенія, въ которомъ находились римскія государственныя учрежденія. Эти учрежденія также обратились въ развалины; ихъ также нужно было воздвигать за-ново. Хотя революція и была подавлена, но еще многаго не доставало для того, чтобъ прежняя система управленія возстановилась сама собой. Аристократія полагала, что за смертію обоихъ консуловъ революціонной партіи достаточно будетъ произвести обычные дополнительные выборы и предоставить на усмотрѣніе сената, какъ наградить побѣдоносную армію, какъ наказать самыхъ виновныхъ революціонеровъ и какія слѣдуетъ принять мѣры для предотвращенія подобныхъ смутъ. Но Сулла, въ рукахъ котораго побѣда сосредоточила въ то время всю власть, имѣлъ болѣе вѣрное понятіе и о положеніи дѣлъ и объ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ свои лучшія времена, римская аристократія не заходила далѣе отчасти величественной, отчасти безразсудной привязанности къ традиціоннымъ формамъ; но при тогдашней крайне неудобной системѣ коллегіальнаго управленія развѣ возможно было съ энергіей и съ послѣдовательностью осуществить обширную государственную реформу? А послѣ того, какъ послѣдній кризисъ отнялъ у сената почти всѣхъ самыхъ вліятельныхъ его членовъ, едва-ли можно было найти въ этомъ собраніи достаточно силъ и интеллигенціи для такого предпріятія. Какъ были ни къ чему не способны вообще всѣ чистокровные аристократы, и какъ ясно сознавалъ ихъ неспособность Сулла, видно изъ того факта, что за исключеніемъ Квинта Метелла, находившагося съ нимъ въ родствѣ, онъ выбралъ всѣхъ нужныхъ ему людей между сторонниками прежней умѣренной партіи и между перебѣжчиками изъ демократическаго

лагеря, какъ напримѣръ Луція Флакка, Луція Филиппа, Квинта Офеллу, Гнейя Помпея. Сулла желалъ возстановленія прежнихъ государственныхъ учрежденій такъ-же горячо, какъ могъ-бы этого желать самый рьяный изъ аристократическихъ эмигрантовъ; но онъ понималъ лучше сторонниковъ своей партіи, какія громадныя трудности представляла такая реставрація,—понималъ, конечно, не вполнѣ, потому что иначе развѣ онъ могъ-бы взяться за такое дѣло? Онъ считалъ необходимыми съ одной стороны обширныя уступки, насколько уступчивость была возможна безъ потрясенія главныхъ основъ олигархіи, съ другой стороны возстановленіе энергической репрессивной и предохранительной системы управленія; но онъ предвидѣлъ, что сенатъ, при своемъ прежнемъ составѣ, будетъ отвергать или извращать всякую уступку и будетъ стараться окольными путями разрушить всякое вновь возведенное политическое зданіе. Еще послѣ Сульпиціевской революціи Сулла, не заботясь о мнѣніи сената, сдѣлалъ въ томъ и въ другомъ направленіи то, что́ считалъ нужнымъ; теперь-же, въ виду болѣе труднаго и натянутаго положенія дѣлъ, онъ рѣшился возстановить олигархію не при содѣйствіи олигарховъ, а помимо ихъ, по своему личному усмотрѣнію.

Сулла правитель Рима.

Но Сулла не былъ теперь, какъ въ ту пору, консуломъ: онъ былъ облеченъ только проконсульскою, то-есть чисто-военною властію; чтобъ ввести реформы, задуманныя имъ и въ пользу его друзей и въ пользу его враговъ, ему нужно было какъ можно строже придерживаться законныхъ формъ, но въ тоже время ему нужны были чрезвычайныя полномочія. Въ посланіи къ сенату онъ заявилъ, что считаетъ необходимымъ возложить установленіе государственнаго порядка на одного человѣка, облеченнаго неограниченною властью, и что считаетъ себя способнымъ исполнить эту трудную задачу. Какъ ни было для многихъ не по вкусу такое предложеніе, оно было при тогдашнихъ обстоятельствахъ равносильно приказанію. По порученію сената, его старшій членъ Луцій Валерій Флаккъ старшій, носившій въ то время санъ временнаго правителя, предложилъ гражданству утвердить всѣ тѣ распоряженія, какія были сдѣланы проконсуломъ Луціемъ Корнеліемъ Суллой въ званіи консула и проконсула, а на будущее время предоставить ему право рѣшать въ первой и въ послѣдней инстанціи дѣла, касающіяся жизни и имущества гражданъ, распоряжаться государственными имуществами по его личному усмотрѣнію, измѣнять, какъ признаетъ за нужное, границы Рима, Италіи и всего государства, упразднять или учреждать городскія общины въ Италіи, распоряжаться провинціями и вассальными государствами, надѣлять, вмѣсто народа, и другихъ полновластіемъ, назначать проконсуловъ и пропреторовъ, наконецъ издавать новые законы для упроченія государственнаго порядка; кромѣ того на собственное усмотрѣніе Суллы предоставлялось рѣ-

шить, когда его задача будетъ исполнена и когда настанетъ для него время сложить съ себя эти экстраординарныя полномочія, а пока онъ пользовался этими полномочіями, ему дозволялось, по его усмотрѣнію, замѣщать высшія ординарныя должности или-же оставлять ихъ вакантными. Само собой понятно, что это предложеніе
82 было принято безъ возраженій (въ ноябрѣ 672); только тогда появился внутри римскихъ городскихъ стѣнъ новый властитель, до того времени не въѣзжавшій въ городъ, потому что былъ проконсуломъ. Названіе этой новой должности было заимствовано отъ диктатуры, которая была фактически упразднена со времени Аннибаловской войны (1, стр. 819); но кромѣ военнаго конвоя впереди Суллы шло вдвое болѣе ликторовъ, чѣмъ впереди старинныхъ диктаторовъ; и на самомъ дѣлѣ эта новая «диктатура для изданія законовъ и для введенія порядка въ республикѣ»,— какъ гласилъ ея офиціальный титулъ,—была мало похожа на прежнюю, такъ какъ эта послѣдняя была ограничена опредѣленнымъ срокомъ и опредѣленной сферой дѣятельности, не отмѣняла аппелляціи къ народу и не оставляла незамѣщенными ординарныя должности. Новая диктатура была скорѣй похожа на полновластіе «децемвировъ, избранныхъ для изданія законовъ»; они также составляли экстраординарное правительство съ неограниченными полномочіями и при устраненіи ординарной магистратуры, а срокъ ихъ должности,—по меньшей мѣрѣ фактически,—не былъ ограниченъ. Или вѣрнѣе—эта новая должность, основанная на народномъ постановленіи и облеченная неограниченною властію, которую не стѣснили никакимъ срокомъ и никакою коллегіальностью, была ничто иное, какъ старинная царская должность, которая также была основана на добровольномъ обязательствѣ гражданъ повиноваться тому, кто былъ выбранъ изъ ихъ среды неограниченнымъ властелиномъ. Даже современники Суллы говорили въ его оправданіе, что царь лучше дурныхъ государственныхъ учрежденій *), да и титулъ диктатора былъ выбранъ, по всему вѣроятію, только въ знакъ того, что насколько прежняя диктатура была во многихъ отношеніяхъ ограничена (1, стр. 257, 289, 309), настолько-же эта новая диктатура была полнымъ возстановленіемъ царской власти. Стало быть избранный Суллою путь и въ этомъ отношеніи совпадалъ съ тѣмъ путемъ, по которому шолъ Гай Гракхъ съ совершенно иною цѣлію. И въ этомъ отношеніи консервативная партія нашлась вынужденной слѣдовать примѣру своихъ противниковъ: чтобъ предовратить постоянно грозившее водвореніе тиранніи, защитникъ олигархическихъ учрежденій самъ былъ вынужденъ взять на себя роль тирана. Въ этой послѣдней побѣдѣ олигархіи было не мало сходства съ пораженіемъ.

*) Satius est uti regibus quam uti malis legibus [ad Herenn. 2, 26].

Сулла и не добивался и не желалъ, чтобъ на него возлагали трудную и крайне непріятную работу, которая была необходима для возстановленія олигархіи; но ему приходилось выбирать одно изъ двухъ—или предоставить эту работу совершенно неспособнымъ людямъ или взять ее на себя; поэтому онъ принялся за нее съ безпощадной энергіей. Прежде всего нужно было принять какое нибудь рѣшеніе относительно виновныхъ. По своему характеру, Сулла былъ склоненъ къ помилованію. При своемъ сангвиническомъ темпераментѣ онъ былъ способенъ разразиться гнѣвной вспышкой; когда его глаза сверкали и его щеки горѣли,—тому, кто это видѣлъ, слѣдовало быть очень осторожнымъ; но по своему легкому нраву онъ не былъ способенъ хранить въ своемъ сердцѣ такую-же долговременную жажду мщенія, какою отличался Марій въ своемъ старческомъ озлобленіи. Не только послѣ первой революціи 666 года онъ поступалъ сравнительно кротко (стр. 264), но и вторая революція не вывела его изъ терпѣнія не смотря на то, что она сопровождалась ужасными злодѣйствами и что онъ самъ не мало отъ нея пострадалъ. Въ то самое время, какъ палачъ волочилъ по столичнымъ улицамъ трупы его друзей, онъ старался спасти жизнь участвовавшаго въ убійствахъ Фимбріи, а когда Фимбрія самъ лишилъ себя жизни, онъ приказалъ приличнымъ образомъ похоронить его трупъ. Послѣ высадки въ Италіи онъ искренно выражалъ готовность прощать и позабыть прошлое и не отталкивалъ никого изъ тѣхъ, кто искалъ примиренія съ нимъ. Даже послѣ своихъ первыхъ побѣдъ онъ велъ въ этомъ духѣ переговоры съ Луціемъ Сципіономъ; но революціонная партія прервала эти переговоры и наканунѣ своего паденія снова стала совершать еще болѣе ужасныя, чѣмъ прежде, злодѣянія, а съ цѣлію стереть съ лица земли городъ Римъ даже стала дѣйствовать за одно съ исконнымъ врагомъ отечества. Тогда мѣра переполнилась. Лишь только Сулла вступилъ въ управленіе государствомъ, онъ въ силу своихъ новыхъ полномочій объявилъ врагами отечества и лишенными покровительства законовъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностныхъ лицъ, которыя не переставали держать сторону революціонной партіи послѣ того, какъ состоялось его соглашеніе съ Сципіономъ,—соглашеніе, которое, по утвержденію Суллы, имѣло для всѣхъ законную обязательную силу; такая-же кара обрушилась на тѣхъ гражданъ, которые дѣятельно поддерживали революціонную партію. Кто убивалъ одного изъ такихъ обреченныхъ на смерть людей, тотъ не только оставался безнаказаннымъ, подобно палачу, совершающему смертную казнь по долгу службы, но кромѣ того получалъ награду въ 12,000 динаріевъ (3,600 талер.); напротивъ того, кто укрывалъ опальнаго, тотъ подвергался очень строгому наказанію, даже будь это одинъ изъ самыхъ близкихъ его родственниковъ. Имущество

Экзекуціи.

88

опальнаго переходило въ собственность государства подобно отнятой у непріятеля добычѣ; его дѣтямъ и внукамъ былъ закрытъ доступъ къ политическому поприщу, но если они принадлежали къ сенаторскому сословію, то на нихъ возлагалась обязанность уплачивать ихъ долю сенаторскихъ повинностей. Эти послѣднія постановленія относились даже къ имуществу и къ потомкамъ тѣхъ, кто палъ въ борьбѣ за революцію,—менѣе жестоки были наказанія, которыя назначались старыми законами даже для тѣхъ, кто сражался противъ своего отечества.

Списки проскрипціи.

Въ этой системѣ террора всего ужаснѣе была неопредѣленность установленныхъ разрядовъ виновности; противъ нея былъ немедленно заявленъ въ сенатѣ протестъ и Сулла постарался исправить этотъ недостатокъ, приказавши публично выставить списокъ проскриптовъ
81 и назначивши 1 іюня 673 года послѣднимъ срокомъ для внесенія въ него новыхъ именъ. Не смотря на то, что списокъ опальныхъ, увеличивавшійся съ каждымъ днемъ и наконецъ дошедшій до 4700 именъ *), возбуждалъ ужасъ среди гражданъ, онъ всё таки до нѣ-

*) Эту общую цифру приводитъ Валерій Максимъ [9, 2, 1]. По словамъ Аппіана [Bel. Civ. 1, 95], Сулла объявилъ лишенными покровительства законовъ около 40 сенаторовъ, къ которымъ было потомъ прибавлено еще нѣсколько именъ, и около 1600 всадниковъ; по словамъ Флора, 2, 9 [отсюда заимствовался Августинъ, De Civ. Dei 3, 28], всѣхъ осужденныхъ сенаторовъ и всадниковъ было 2000. По словамъ Плутарха [Sulla, 31], въ списокъ опальныхъ было внесено въ первые три дня 520 именъ, по словамъ Орозія [5, 21] было внесено въ первые дни 580 именъ. Между всѣми этими указаніями нѣтъ существенныхъ противорѣчій, такъ какъ въ числѣ казненныхъ находились не одни сенаторы и всадники, и такъ какъ списокъ оставался незаконченнымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Хотя Аппіанъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ [1, 103], что по приказанію Суллы были убиты или сосланы 15 консуляровъ, 90 сенаторовъ, 2600 всадниковъ, но изъ связи съ предъидущимъ видно, что здѣсь смѣшивались жертвы междоусобной войны съ тѣми, кто былъ жертвою самого Суллы. Вотъ имена только-что упомянутыхъ 15-ти консуляровъ: Квинтъ Катулъ, кон-
102 99 97 сулъ 652 года, Маркъ Антоній—655, Публій Крассъ—657, Квинтъ Сцевола—
95 94 90 659, Луцій Домицій—660, Луцій Цезарь—664, Квинтъ Руфъ—666, Луцій Цинна 88
87—84 87 667—670, Гней Октавій—667, Луцій Мерула—667, Луцій Флаккъ—668, Гней 87 86
85 84 82 Карбонъ—669, 670, 672, Гай Норбанъ—671, Луцій Сципіонъ—671, Гай Марій— 83 83
82 672; изъ нихъ четырнадцать были казнены, а одинъ—Луцій Сципіонъ былъ сосланъ. Хотя съ другой стороны, по Ливіевскому разсказу [у Эвтропія 5, 9] и по Орозію [5, 22], во время войнъ союзнической и междоусобной погибли [consumpti] 24 консуляра, 7 бывшихъ преторовъ, 60 бывшихъ эдиловъ, 200 сенаторовъ, но здѣсь частію включены люди, павшіе во время италійской
99 войны, какъ напримѣръ консуляры: Авлъ Альбинъ, консулъ 655 года, Титъ
98 90 89 Дидій—656, Публій Лупъ—664, Луцій Катонъ—665, частію, быть можетъ, включены Квинтъ Метеллъ Нумидійскій [стр. 206], Маній Аквилій, Гай Марій старшій, Гней Страбонъ, которыхъ также можно причислить къ жертвамъ той

которой степени обуздалъ личный произволъ палачей. Эта масса осужденныхъ по крайней мѣрѣ непала жертвой личной ненависти правителя; его яростная злоба обрушилась преимущественно на Маріевскихъ приверженцевъ, которые были виновниками отвратительной рѣзни въ 667 и 672 годахъ. По его приказанію, гробница побѣдителя при Аквахъ была взломана и его пепелъ былъ брошенъ въ Аніонъ; памятники побѣдъ Марія надъ Африканцами и Германцами были разрушены, а такъ какъ смерть спасла и самого Марія и его сына отъ мщенія, то пріемный племянникъ побѣдителя при Аквахъ, Маркъ Марій Гратидіанъ, бывшій два раза преторомъ и очень любимый римскими гражданами, былъ до смерти замученъ въ страшныхъ пыткахъ на могилѣ Катулла, который былъ самой достойной сожалѣнія изъ всѣхъ жертвъ Маріевской рѣзни. Но и кромѣ того смерть уже похитила самыхъ выдающихся между противниками Суллы; изъ вождей противной партіи оставались въ живыхъ только Гай Норбанъ, впослѣдствіи самъ наложившій на себя руки въ Родосѣ въ то время, какъ мѣстное народное собраніе обсуждало вопросъ о его выдачѣ, Луцій Сципіонъ, получившій, благодаря своему ничтожеству и конечно также благодаря знатности своего происхожденія, помилованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволеніе спокойно доживать свою жизнь въ Массиліи, гдѣ въ то время укрылся и Квинтъ Серторій, до того времени бродившій изгнанникомъ на берегахъ Мавританіи. Однако у Сервиліева фонтана, тамъ, гдѣ улица, называвшаяся jugarius vicus, выходила на городскую площадь, и гдѣ по приказанію диктатора выставлялись публично на показъ головы убитыхъ сенаторовъ, груда этихъ головъ постоянно увеличивалась: въ особенности страшно свирѣпствовала смерть среди людей втораго и третьяго разряда. Въ списки опальныхъ вносились безъ разбору и тотъ кто служилъ въ революціонной арміи или оказывалъ ей какія нибудь услуги, и тотъ, кто давалъ одному изъ офицеровъ этой арміи взаймы деньги или оказывалъ ему дружеское гостепріимство; но еще болѣе пострадали отъ жажды возмездія тѣ капиталисты, которые засѣдали въ судахъ надъ сенаторами, пользовались Маріевскими конфискаціями для денежныхъ спекуляцій и были прозваны «распродавцами»; въ списокъ проскрипціи было внесено около тысячи шести сотъ такъ называемыхъ всадниковъ *). Поплатились и тѣ, для которыхъ роль обвинителей

(line 5 margin) 87 82

эпохи, и нѣкоторые другіе люди, участь которыхъ намъ неизвѣстна. Изъ четырнадцати убитыхъ консуляровъ трое—Руфъ, Цинна и Флаккъ пали жертвами военнаго мятежа, а восемь преданныхъ Суллѣ консуляровъ и три консуляра, преданныхъ Марію, пали жертвами противной партіи. Изъ сличенія вышеприведенныхъ цифръ оказывается, что жертвами Марія считали 50 сенаторовъ и 1000 всадниковъ, а жертвами Суллы 40 сенаторовъ и 1600 всадниковъ; эти цифры могутъ служить по меньшей мѣрѣ не вполнѣ произвольнымъ мѣриломъ при опредѣленіи размѣровъ злодѣйствъ, совершенныхъ обѣими партіями.

*) Къ числу ихъ принадлежалъ Секстъ Альфенъ, о которомъ нерѣдко упоминается въ рѣчи Цицерона за Публія Квинкція.

составляла ремесло и которые сдѣлались самыми опасными бичами знати, промышляя тѣмъ, что привлекали лицъ сенаторскаго званія къ всадническимъ судамъ; «какъ могло случиться», — спрашивалъ вскорѣ послѣ того одинъ адвокатъ, — «что намъ еще оставили судейскія скамьи послѣ того, какъ перебили и обвинителей и судей?» Самыя дикія и постыдныя страсти необузданно свирѣпствовали по всей Италіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ столицѣ экзекуціи были возложены главнымъ образомъ на отрядъ Кельтовъ, а Сулловскіе солдаты и унтеръ-офицеры обходили съ тою-же цѣлію различные округа Италіи; но кромѣ того не дѣлалось отказа и добровольцамъ, поэтому и знатная и незнатная сволочь спѣшила предлагать свои услуги не только съ цѣлію получить обѣщанную убійцамъ награду, но и для того, чтобъ насытить свою собственную личную злобу или свое собственное корыстолюбіе подъ видомъ политическихъ преслѣдованій. При этомъ, конечно, случалось, что убійство совершалось не послѣ внесенія убитаго въ списокъ опальныхъ, а прежде. На слѣдующемъ примѣрѣ можно видѣть, какимъ способомъ совершались эти экзекуціи: въ преданномъ Марію городѣ новыхъ граждан Ларинѣ, нѣкій Стацій Альбій Оппіаникъ совершилъ убійство; чтобъ избѣжать судебнаго преслѣдованія, онъ укрылся въ главной квартирѣ Суллы, а послѣ побѣды олигарховъ возвратился въ городъ въ качествѣ коммиссара отъ новаго правителя, отставилъ городскія власти отъ должности, занялъ вмѣстѣ съ своими друзьями ихъ мѣста, а того, кто ему угрожалъ судебнымъ преслѣдованіемъ, объявилъ лишеннымъ покровительства законовъ и казнилъ вмѣстѣ съ его близкими родственниками и друзьями. Такимъ образомъ погибло отъ личной вражды или по причинѣ своего богатства безчисленное множество людей, въ числѣ которыхъ находилось не мало рѣшительныхъ сторонниковъ олигархіи; вслѣдствіе страшной неурядицы и непростительной снисходительности, съ которою Сулла по своему обыкновенію относился къ своимъ приближеннымъ, оставлялись безнаказанными даже обыкновенныя преступленія, которыя совершались въ прибавокъ къ экзекуціямъ.

Конфискаціи. Такимъ-же образомъ поступали и съ конфискованною у опальныхъ собственностью. Сулла изъ политическихъ расчетовъ желалъ, чтобъ знатные граждане пріобрѣтали эту собственность при ея продажѣ съ публичнаго торга; они бо́льшею частію охотно исполняли это желаніе, но никто изъ нихъ не обнаружилъ такого горячаго усердія, какъ молодой Маркъ Крассъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ не было возможности предотвратить крайняго упадка цѣнъ, который и безъ того уже былъ неизбѣженъ вслѣдствіе римскаго обыкновенія продавать конфискованное въ пользу государства имущество оптовымъ покупателямъ, которые потомъ распродавали его въ розницу; кромѣ того новый правитель не позабылъ ни самого себя, ни

своей супруги Метеллы, ни других приближенныхъ къ нему знатныхъ и незнатныхъ людей, даже своихъ вольноотпущенниковъ и застольныхъ пріятелей; онъ дозволялъ этимъ приближеннымъ покупать конфискованное имущество безъ всякой конкурренціи и вовсе или частію не вносить покупной суммы; такъ напримѣръ, одинъ изъ его вольноотпущенниковъ, какъ разсказывали, пріобрѣлъ съ аукціона имѣніе въ 6 милліоновъ сестерцій (457,000 тал.) за 2000 (152 тал.), а одинъ изъ его унтеръ-офицеровъ составилъ себѣ такими-же спекуляціями состояніе въ 10 милліоновъ сестерцій (761,000 талер.). Общее неудовольствіе было сильно и вполнѣ основательно; еще въ бытность Суллы диктаторомъ одинъ адвокатъ спрашивалъ: неужели знать вела междоусобную войну только для того, чтобъ сдѣлать своихъ вольноотпущенниковъ и низшихъ служителей богатыми людьми? Однако, не смотря на крайне низкую продажную цѣну, общая сумма выручки отъ конфискованныхъ имѣній составила не менѣе 350 милл. сест. (27 милл. тал.), изъ чего можно составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о громадныхъ размѣрахъ конфискацій, которымъ подвергались преимущественно богатые граждане. Это была во всѣхъ отношеніяхъ страшная расправа. Правительство обходилось безъ судебнаго разбирательства и не знало помилованія; безмолвный ужасъ давилъ всю страну своимъ тяжелымъ гнётомъ и ни въ столицѣ ни въ провинціальныхъ городахъ нельзя было услышать ни одного свободно выраженнаго мнѣнія. Впрочемъ олигархическій терроръ отличался отъ революціоннаго особымъ отпечаткомъ: Марій удовлетворялъ свою личную злобу, проливая кровь своихъ враговъ, а Сулла, повидимому, руководствовался, такъ сказать, отвлеченными соображеніями; онъ считалъ систему террора необходимой для водворенія новаго деспотизма и почти съ полнымъ хладнокровіемъ приказывалъ или дозволялъ совершать убійства. Но эта система управленія казалась еще болѣе ужасной оттого, что она вводилась консерваторами и вводилась до нѣкоторой степени безстрастно; гибель республики казалась тѣмъ болѣе неизбѣжной, что сумасбродства одной стороны и злодѣянія другой взаимно уравновѣшивались.

Ранѣе дарованныя гражданскія права оставлены неприкосновенными.

Хотя Сулла и считалъ недѣйствительными всѣ принятыя во время революціи государственныя мѣры, которыя не касались однихъ текущихъ дѣлъ, однако при введеніи новыхъ порядковъ въ Италіи и въ столицѣ онъ твердо держался установленнаго революціей принципа, что всякій, кто былъ гражданиномъ какой либо италійской общины, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданиномъ Рима; различія между гражданами и италійскими союзниками, между старыми гражданами съ полными правами и новыми гражданами съ ограниченными правами были уже ранѣе устранены и не были возстановлены Суллой. Только у вольноотпущенниковъ было снова отнято неограниченное право голоса и они были поставлены въ прежнее положеніе. Ультра-

консерваторамъ это могло казаться большой уступкой, но Сулла ясно понималъ, что было необходимо вырвать этотъ сильный рычагъ изъ рукъ вождей революціонной партіи и что увеличеніе числа граждан не представляло никакой серьозной опасности для господства олигархіи.

Наказаніе отдѣльныхъ общинъ. Но съ этимъ принципомъ уступчивости соединялось наложеніе самыхъ жестокихъ каръ на нѣкоторыя отдѣльныя общины во всѣхъ италійскихъ странахъ; эти экзекуціи совершались спеціальными коммиссарами при содѣйствіи разбросанныхъ по всему полуострову гарнизоновъ. Нѣкоторые города были награждены; такъ напримѣръ, первая, принявшая сторону Суллы, община Брундизій получила очень важное для этого портоваго города освобожденіе отъ таможенныхъ пошлинъ; многіе города были, напротивъ того, наказаны; менѣе виновные поплатились денежными пенями, срытіемъ ихъ городскихъ стѣнъ и уничтоженіемъ зàмковъ; у тѣхъ, которые оказывали болѣе упорное сопротивленіе, диктаторъ отнималъ ихъ территорію иногда частію, а иногда и всю вполнѣ; впрочемъ и по закону такія наказанія могли считаться вполнѣ заслуженными, какъ-бы ни смотрѣли на эти города — или какъ на гражданскія общины, взявшіяся за оружіе противъ своего отечества, или какъ на союзные города, предпринявшіе войну съ Римомъ въ нарушеніе союзныхъ договоровъ о вѣчномъ мирѣ. Въ этихъ случаяхъ всѣ лишившіеся земельной собственности граждане,—но только они одни,—утрачивали и свои городскія гражданскія права и права римскаго гражданства, въ замѣнъ которыхъ получали болѣе ограниченныя права Латиновъ *). Благодаря этимъ мѣрамъ, подвластныя италійскія общины съ ограниченными правами не могли сдѣлаться центрами оппозиціи; лишенные земельной собственности и бездомные горожане скоро должны были затеряться въ массѣ пролетаріевъ. Въ Кампаніи не только была упразднена демократическая колонія Капуа и казенныя земли вновь поступили въ распоряженіе государства, но, — по всему вѣроятію, около того-же времени, — островъ Энарія (Исхія) былъ отнятъ у

*) Томъ I, стр. 417. Къ этому присоединялась еще та невыгода, что латинское право, точно такъ-же какъ иноземческое, обыкновенно предполагало принадлежность къ какой нибудь латинской или иноземческой общинѣ, а въ настоящемъ случаѣ—точно такъ-же, какъ и для позднѣйшихъ вольноотпущенниковъ латинскаго права или права дедитиціевъ [сравн. стр. 250, прим.]—не существовало такого спеціально-городскаго права. Послѣдствіемъ этого было то, что эти Латины, не пользовавшіеся тѣми правами, которыя истекали изъ городскихъ учрежденій, въ сущности даже не могли совершать завѣщаній, такъ какъ завѣщанія можно было совершать не иначе какъ по законамъ своего города; впрочемъ они могли пріобрѣтать собственность по римскимъ завѣщаніямъ и могли заключать сдѣлки между собою, равно какъ съ Римлянами и съ Латинами по формамъ римскаго права.

общины Неаполя. Въ Лаціумѣ была конфискована вся территорія большаго и богатаго города Пренеста и, по всему вѣроятію, также территорія Норбы, а въ Умбріи была конфискована территорія Сполеція. Въ округѣ Пелигновъ даже былъ срытъ до основанія Сульмонъ. Но всего тяжелѣе сдавила желѣзная рука диктатора тѣ двѣ страны, которыя оказывали упорное сопротивленіе до послѣдней минуты и даже послѣ битвы у Коллинскихъ воротъ,—Этрурію и Самній. Въ Этруріи была конфискована вся территорія самыхъ значительныхъ общинъ, какъ напримѣръ Флоренціи, Фезулъ, Арреція, Волатерръ. Объ участи Самнія уже было говорено ранѣе; тамъ не занимались конфискаціей, а навсегда раззорили страну, опустошили ея цвѣтущіе города, даже прежнюю латинскую колонію Эзернію, и поставили ее наравнѣ съ округами Бруттіевъ и Луканцевъ.

Раздача земель солдатамъ.

Благодаря этимъ мѣрамъ относительно земельной собственности Италійцевъ, диктаторъ могъ распорядиться по своему усмотрѣнію съ одной стороны тѣми римскими государственными землями, которыя были ранѣе того предоставлены въ пользованіе прежнимъ союзнымъ общинамъ, а теперь съ уничтоженіемъ этихъ общинъ снова поступили въ распоряженіе римскаго правительства,—съ другой стороны тѣми землями, которыя были конфискованы у провинившихся общинъ; Сулла воспользовался этими свободными землями для того, чтобъ поселить на нихъ солдатъ своей побѣдоносной арміи. Эти новыя поселенія были основаны бо́льшею частію въ Этруріи, какъ напримѣръ въ Фезулахъ и въ Арреціи, и частію въ Лаціумѣ и въ Кампаніи, гдѣ были въ числѣ прочихъ превращены въ Сулловскія колоніи города Пренестъ и Помпеи. Диктаторъ,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—не имѣлъ намѣренія снова заселять Самній. Отводъ земель производился по способу Гракха, такъ что поселенцы причислялись къ какой нибудь уже ранѣе существовавшей городской общинѣ. Въ какихъ широкихъ размѣрахъ основывались новыя поселенія видно изъ того, что число розданныхъ земельныхъ участковъ опредѣлялось въ 120,000; впрочемъ нѣкоторымъ участкамъ было дано иное назначеніе; такъ напримѣръ, были подарены земли въ пользу стоявшаго на горѣ Тифатѣ храма Діаны; другія земли, какъ напримѣръ территорія Волатерръ и часть территоріи Арреція, остались нерозданными; наконецъ, по примѣру старинныхъ злоупотребленій, запрещенныхъ закономъ (стр. 130), а теперь снова допущенныхъ Суллой, нѣкоторыя земли были заняты любимцами диктатора на правѣ оккупаціи. Цѣли, которыми руководствовался Сулла, предпринимая эту колонизацію, были разнобразны. Прежде всего онъ выполнялъ этимъ способомъ обѣщанія, данныя своимъ солдатамъ. Кромѣ того онъ стремился къ той цѣли, въ которой партія реформы сходилась съ умѣренными консерваторами и для достиженія которой онъ самъ основалъ нѣсколько колоній еще въ 666 году,—къ увеличенію числа

мелкихъ землевладѣльцевъ путемъ раздробленія крупныхъ помѣстьевъ по распоряженію правительства; какое важное значеніе онъ придавалъ этой цѣли, видно изъ того факта, что онъ возобновилъ запрещеніе скупать земельные участки въ однѣ руки. Наконецъ, онъ главнымъ образомъ считалъ эти солдатскія колоніи за нѣчто въ родѣ постоянныхъ гарнизоновъ, которые, отстаивая свое право собственности, стали бы отстаивать и его новыя государственныя учрежденія; поэтому тамъ, гдѣ была конфискована только часть городской территоріи, какъ напримѣръ, въ Помпеяхъ, колонисты не поступали въ составъ прежней городской общины: ихъ организовали въ особое гражданство, жившее рядомъ съ прежними гражданами внутри однѣхъ и тѣхъ же городскихъ стѣнъ. Подобно прежнимъ колоніямъ, и новыя учреждались на основаніи народныхъ постановленій, но лишь косвеннымъ путемъ, потому что диктаторъ учреждалъ ихъ на основаніи относившейся къ этому предмету статьи Валеріевскаго закона; въ сущности онѣ были обязаны своимъ существованіемъ полновластію диктатора и въ этомъ отношенія напоминали самовольное распоряженіе государственными имуществами, которое предоставлялось прежнимъ царямъ. Однако, при основаніи прежнихъ колоній сглаживалось различіе между солдатами и гражданами, а въ Сулловскихъ колоніяхъ оно поддерживалось и не исчезало даже послѣ основанія колоній; поэтому новые поселенцы составляли нѣчто въ родѣ постоянной арміи, находившейся въ распоряженіи сената, и новыя колоніи не безъ основанія назывались въ отличіе отъ прежнихъ «военными».

Корнеліевскіе вольноотпущенники въ Римѣ. Въ связи съ этой фактической организаціей постоянной арміи для сената находится и то распоряженіе диктатора, что онъ выбралъ 10,000 человѣкъ между самыми молодыми и сильными рабами, принадлежавшими проскриптамъ, и всѣмъ имъ даровалъ свободу. Гражданское существованіе этихъ, такъ-называемыхъ, Корнеліевъ зависѣло отъ поддержанія обязательной силы учрежденій, введенныхъ ихъ патрономъ; они должны были служить для олигархіи чѣмъ то въ родѣ тѣлохранителей и должны были держать въ ея власти столичную чернь, отъ которой въ столицѣ въ сущности все зависѣло при отсутствіи гарнизона.

Отмѣна Гракховскихъ учрежденій. Эти экстраординарныя опоры, созданныя диктаторомъ для поддержанія олигархіи, могли казаться слабыми и ненадежными даже тому, кто ихъ придумалъ; но не было возможности создать никакихъ другихъ, если Сулла не хотѣлъ ставить въ Римѣ постояннаго гарнизона или прибѣгать къ другимъ подобнымъ мѣрамъ, которыя положили бы конецъ владычеству олигарховъ еще скорѣе всякаго нападенія со стороны демагоговъ. Прочнымъ фундаментомъ для постояннаго господства олигархіи, натурально, долженъ былъ служить сенатъ съ такою усиленною и сосредоточенною властію, что на всякомъ

пунктѣ нападенія онъ имѣлъ бы перевѣсъ надъ своими противниками, силы которыхъ не были правильно организованы. Система уступокъ, которой придерживались въ теченіе сорока лѣтъ, была отложена въ сторону. Гракховскія учрежденія, остававшіяся не вполнѣ отмѣненными при первыхъ реформахъ Суллы въ 666 году, были теперь 88
отмѣнены вполнѣ. Со времень Гайя Гракха правительство какъ будто признавало за столичными пролетаріями право мятежа и откупалось отъ этого права постоянной раздачей хлѣба тѣмъ гражданамъ, которые имѣли въ столицѣ постоянное жительство; Сулла отмѣнилъ эту раздачу. Гай Гракхъ организовалъ сословіе капиталистовъ и обезпечилъ его существованіе тѣмъ, что сталъ въ самой столицѣ отдавать на откупъ десятинные и таможенные сборы въ провинціи Азіи; Сулла отмѣнилъ отдачу. государственныхъ доходовъ на откупъ и превратилъ прежнія повинности Азіатцевъ въ постоянные налоги, которые были разложены на округа по оцѣночнымъ росписямъ, составленнымъ съ цѣлію взысканія недоимокъ *). Гай Гракхъ предоставилъ мѣста присяжныхъ людямъ всадническаго ценза и этимъ создалъ въ пользу сословія капиталистовъ такое косвенное вліяніе на администрацію и на государственныя дѣла, которое нерѣдко брало верхъ надъ вліяніемъ офиціальной администраціи и офиціальнаго правительства; Сулла упразднилъ всадническіе суды и возстановилъ сенаторскіе. Гай Гракхъ, или вѣрнѣе духъ его времени, отвелъ для всадниковъ такія же особыя мѣста на народныхъ празднествахъ, какія уже съ давнихъ поръ были отведены сенаторамъ (1, стр. 784); Сулла отнялъ у всадниковъ эту привилегію и заставилъ ихъ по прежнему довольствоваться скамьями плебеевъ **). Гай Гракхъ организовалъ всадниковъ въ особое сословіе, а Сулла лишилъ ихъ всякаго политическаго значенія. Предполагалось безусловно. нераздѣльно и

---

*) Что произведенная Суллой раскладка на азіатскія общины недоимокъ за пять лѣтъ и военныхъ издержекъ [Аппіанъ, Mithr. 62 и въ др. м.] принималась и въ послѣдствіи въ руководство, видно изъ того, что раздѣленіе Азіи на сорокъ округовъ приписывалось Суллѣ [Кассіодоръ, Chron. 670], что Сулловская раскладка принималась за основаніе при позднѣйшей таксаціи [Цицеронъ, Pro Flacc. 14, 32], что при сооруженіи въ 672 году флота издержанныя на 82
этотъ предметъ суммы были вычтены изъ уплачивавшихся налоговъ [ex pecunia vectigali populo Romano; Цицеронъ, Verr., кн. I, 35, 89]. Наконецъ, Цицеронъ [ad Quint. fratr. I, 1, 11, 33] прямо говоритъ, что Греки „не были въ состояніи, безъ посредства сборщиковъ податей, уплачивать наложенные на нихъ Суллой денежные взносы“.

**) Стр. 111. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, кѣмъ былъ изданъ этотъ законъ, сдѣлавшій необходимымъ [Becker-Friedländer 4, 531] возобновленіе прежней привилегіи путемъ изданія Росціевскаго театральнаго устава
7 687 года; но по ходу дѣлъ не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ законъ исходилъ отъ Суллы.

прочно сосредоточить въ рукахъ сената высшую власть законодательную, административную и судебную; и съ внѣшней стороны сенаторы должны были сдѣлаться не только привилегированнымъ, но и единственнымъ привилегированнымъ сословіемъ.

Преобразованіе сената. Въ этихъ видахъ нужно было прежде всего пополнить составъ правительственной коллегіи и поставить ее въ независимое положеніе. Вслѣдствіе послѣднихъ кризисовъ число сенаторовъ страшно уменьшилось. Хотя Сулла и дозволилъ возвратиться тѣмъ, кто былъ сосланъ по приговорамъ всадническихъ судовъ, какъ напримѣръ консуляру Публію Рутилію Руфу (стр. 215), который впрочемъ не воспользовался этимъ дозволеніемъ, и другу Друза, Гаію Коттѣ (стр. 231), но это было ничтожнымъ восполненіемъ той убыли, которая произошла въ рядахъ сенаторовъ вслѣдствіе терроризма и революціоннаго и реакціоннаго.

Экстраординарное пополненіе сената. Поэтому личный составъ сената былъ экстраординарнымъ путемъ пополненъ, по предложенію Суллы, почти 300 новыми сенаторами; ихъ назначеніе изъ лицъ всадническаго ценза было предоставлено народному собранію по округамъ, а были они выбраны, понятнымъ образомъ, преимущественно изъ младшихъ членовъ сенаторскихъ семействъ, изъ служившихъ у Суллы офицеровъ и частію изъ тѣхъ людей, которые чѣмъ нибудь отличились во время послѣднихъ переворотовъ. Но и на будущее время поступленіе въ число сенаторовъ было регулировано на совершенно новыхъ началахъ.

Вступленіе въ сенатъ черезъ квестуру. При прежнихъ порядкахъ въ сенатъ поступали или по приглашенію цензоровъ,—что было прямымъ и обыкновеннымъ способомъ,—или вслѣдствіе занятія одной изъ трехъ курульныхъ должностей, консульской, преторской или эдильской, съ которымъ было связано, со времени изданія Овиніевскаго закона, легальное право засѣдать и подавать голосъ въ сенатѣ (I, стр. 781); занятіе болѣе низкихъ должностей трибуна или квестора также доставляло возможность попасть въ сенатъ, потому что цензоры выбирали сенаторовъ преимущественно изъ лицъ этого званія, но оно не давало никакихъ законныхъ на то правъ. Сулла уничтожилъ первый изъ этихъ двухъ способовъ достигать сенаторскаго званія тѣмъ, что устранилъ цензоровъ по меньшей мѣрѣ фактически, а второй способъ онъ измѣнилъ тѣмъ, что присвоилъ право поступленія въ сенатъ вмѣсто эдиловъ квесторамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ число ежегодно выбиравшихся квесторовъ до двадцати *).

---

*) Намъ неизвѣстно, какъ велико было число квесторовъ, которые до того
267 времени ежегодно выбирались. Въ 487 году ихъ было восемь—два городскихъ, два военныхъ и четыре флотскихъ [I, стр. 413, 423]; впослѣдствіи къ нимъ были прибавлены квесторы, занимавшіе особыя должности [I, стр. 540]. Это видно изъ того, что флотскіе квесторы въ Остіи, въ Калахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ назначались по прежнему, а на военныхъ квесторовъ нельзя было возла-

У цензоровъ было сверхъ того отнято ихъ прежнее законное право, при возобновлявшемся черезъ каждые пяти лѣтъ пересмотрѣ сенаторскихъ списковъ, вычеркивать изъ этихъ списковъ того или другаго сенатора (1, стр. 784) съ объясненіемъ причинъ, — хотя цензоры уже давно перестали пользоваться этимъ правомъ для его первоначальной важной цѣли; этимъ способомъ Сулла окончательно упрочилъ прежнюю фактическую несмѣняемость сенаторовъ. Въ слѣдствіе этого и число сенаторовъ, — до того времени, по всему вѣроятію, рѣдко превышавшее старинный нормальный комплектъ трехъ сотъ и, конечно, нерѣдко даже недостигавшее этой цифры, — теперь значительно увеличилось и, быть можетъ, даже удвоилось *); а это стало положительно необходимымъ въ слѣдствіе того, что возложеніе на сенаторовъ обязанностей присяжныхъ судей очень расширило сферу ихъ служебныхъ обязанностей. Кромѣ того, лица, поступавшія въ составъ сената экстраординарнымъ путемъ, прежде выбирались, — точно такъ же какъ и квесторы, — комиціями по трибамъ и потому составъ сената находился лишь въ косвенной зависимости отъ народныхъ выборовъ (1, стр. 313), а теперь онъ былъ поставленъ въ прямую отъ нихъ зависимость; вслѣдствіе этого онъ пріобрѣлъ такое близкое

Цензоры лишаются права составлять сенаторскіе списки.

гать никакихъ другихъ обязанностей; поэтому тамъ, гдѣ консулъ выступалъ въ роли главнокомандующаго, онъ остался бы безъ квестора. До Суллы существовало девять особыхъ должностей, которыя возлагались на квесторовъ, и сверхъ того отправлялись въ Сицилію два квестора, поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Сулла засталъ уже восемнадцать квесторовъ. А такъ какъ въ то время число высшихъ должностныхъ лицъ было гораздо менѣе значительно, тѣмъ число ихъ спеціальныхъ вѣдомствъ [стр. 357] и возникавшія отсюда затрудненія устранялись продленіемъ сроковъ службы и другими уловками, и такъ какъ правительство старалось по мѣрѣ возможности ограничивать число должностныхъ лицъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что было больше квесторскихъ вѣдомствъ, чѣмъ квесторовъ; даже могло случиться и то, что въ мелкихъ провинціяхъ, какъ напримѣръ въ Киликіи, въ то время вовсе не было квестора. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что еще до Суллы было болѣе восьми квесторовъ.

*) О неизмѣнномъ числѣ сенаторовъ не можетъ быть и рѣчи. Хотя до временъ Суллы цензоры и составляли каждый разъ списокъ изъ 300 лицъ, но къ этому числу постоянно присоединялись тѣ лица несенаторскаго званія, которыя занимали одну изъ курульныхъ должностей въ промежутокъ времени между окончательнымъ составленіемъ прежняго списка и составленіемъ новаго; а послѣ Суллы было столько сенаторовъ, сколько было на лицо бывшихъ квесторовъ. Но вообще можно допустить, что Сулла намѣревался увеличить число сенаторовъ до 5—600; и дѣйствительно намъ указываетъ на эту цифру то соображеніе, что ежегодно поступали въ составъ сената 20 новыхъ членовъ, достигшихъ среднимъ числомъ 30-ти-лѣтняго возраста и что среднюю продолжительность пребыванія въ сенаторскомъ званіи можно опредѣлить въ 25—30 лѣтъ. Во времена Цицерона, на одномъ многолюдномъ сенатскомъ засѣданіи присутствовали 417 членовъ.

сходство съ собраніемъ народныхъ представителей, какое было совмѣстимо съ сущностью олигархіи и съ понятіями древнихъ народовъ. Изъ коллегіи, учрежденной только для оказанія содѣйствія должностнымъ лицамъ, сенатъ съ теченіемъ времени превратился въ учрежденіе, отдававшее должностнымъ лицамъ приказанія и управлявшееся само-собой; то было лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой перемѣны, что у должностныхъ лицъ было отнято ихъ первоначальное право назначать и смѣнять сенаторовъ, и что сенатъ былъ поставленъ на такомъ же легальномъ фундаментѣ, на какомъ была основана власть должностныхъ лицъ. Дѣйствительно, съ правильно организованной системой олигархическаго управленія было несовмѣстимо чрезмѣрно широкое право цензоровъ пересматривать сенаторскіе списки и по своему произволу или вычеркивать изъ нихъ то или другое имя или включать въ нихъ новыя имена. Такъ какъ правильное пополненіе сенатскаго состава было теперь достаточно обезпечено избраніемъ квесторовъ, то цензорскія ревизіи сдѣлались излишними, а ихъ отмѣна окончательно упрочила главный основной принципъ всякой олигархіи— несмѣняемость и пожизненность тѣхъ членовъ властвовавшаго сословія, которые достигли права засѣдать и подавать голосъ въ сенатѣ.

Мѣры относительно гражданства. Относительно законодательства Сулла ограничился тѣмъ, что подтвердилъ изданныя въ 666 году постановленія, а ту законодательную инициативу, которая уже давно фактически принадлежала сенату, обезпечилъ за нимъ легально, по меньшей мѣрѣ оградивъ ее отъ вмѣшательства народныхъ трибуновъ. Гражданство сохранило внѣшнія формы своего самодержавія; но относительно его старинныхъ сходокъ, диктаторъ счёлъ нужнымъ, тщательно оберегая ихъ внѣшнюю форму, еще тщательнѣе предотвратить всякую съ ихъ стороны практическую дѣятельность. Даже къ праву гражданства Сулла отнесся съ крайнимъ пренебреженіемъ; онъ нисколько не затруднялся признавать это право за общинами новыхъ гражданъ и даже предоставлять его массамъ Испанцевъ и Кельтовъ; вѣроятно не безъ задней мысли даже ничего не было сдѣлано для установленія списка гражданъ, который настоятельно нуждался въ пересмотрѣ послѣ такихъ ужасныхъ переворотовъ,—если правительство еще придавало серьозное значеніе тѣмъ привилегіямъ, которыя истекали изъ внесенія въ эти списки. Впрочемъ компетенція комицій въ дѣлѣ законодательства не была прямо ограничена; да въ этомъ и не представлялось надобности, потому что, въ слѣдствіе болѣе прочнаго обезпеченія сенатской инициативы, народу и безъ того уже было бы нелегко вмѣшиваться, противъ воли правительства, въ администрацію, въ финансовое управленіе и въ уголовную юрисдикцію и его участіе въ законодательной дѣятельности въ сущности снова сводилось къ тому, что онъ имѣлъ право отвѣчать «да» на предложенныя правительствомъ реформы.

Жреческимъ коллегіямъ возвращается право пополнять ихъ составъ.

Болѣе важно было участіе гражданъ въ тѣхъ выборахъ, безъ которыхъ, по видимому, нельзя было обойтись, если невыходившая изъ извѣстныхъ предѣловъ Сулловская реставрація не могла и не старалась производить болѣе коренныхъ преобразованій. Вызванное революціонной партіей вмѣшательство въ жреческіе выборы было
104 устранено; Сулла отмѣнилъ не только Домиціевскій законъ 650 года, предоставлявшій народу избраніе на высшія жреческія должности (стр. 200), но и болѣе старыя однородныя постановленія касательно главнаго понтифекса и главнаго куріона (1, стр. 820),—и жреческимъ коллегіямъ было возвращено безъ всякихъ ограниченій ихъ старинное право пополнять ихъ личный составъ. Но относительно выборовъ на государственныя должности были оставлены въ силѣ прежніе порядки; исключеніемъ изъ этого общаго правила были только новыя постановленія о военномъ начальствѣ, о которыхъ сейчасъ будетъ итти рѣчь; эти постановленія существенно ограничивали права гражданъ и даже до нѣкоторой степени предоставляли назначеніе главнокомандующихъ не гражданамъ, а сенату. Даже не видно, чтобъ Сулла возобновилъ свою прежнюю попытку возстановить введенный Сервіемъ порядокъ подачи голосовъ (стр. 262),—потому-ли, что онъ вообще не придавалъ никакого значенія тому или другому распредѣленію голосовъ по разрядамъ, или потому, что тѣ старинные порядки могли, по его мнѣнію, усилить опасное вліяніе капиталистовъ.

Установленіе правилъ при замѣщеніи должностей.

Только требованіе извѣстныхъ качествъ для занятія должностей было возстановлено и частію усилено. Для каждой должности былъ установленъ возрастъ, ранѣе котораго ее нельзя было получить; консульства могъ искать только тотъ, кто уже былъ преторомъ, а претуры только тотъ, кто уже былъ квесторомъ; напротивъ того дозволялось обходить эдильство. Въ виду недавнихъ и неоднократныхъ попытокъ ввести тиранію подъ формою консульской власти, удерживаемой въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, были приняты строгія мѣры противъ такихъ злоупотребленій и было постановлено, что между занятіемъ двухъ различныхъ должностей должно пройти по меньшей мѣрѣ два года, а между двукратнымъ занятіемъ одной и той-же должности по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ; это послѣднее постановленіе замѣнило то безусловное запрещеніе вторичнаго избранія въ консулы, котораго строго держались ультраолигархи въ болѣе отдаленную эпоху своего владычества (стр. 69); это было возвращеніемъ къ старымъ порядкамъ 412 года (1, стр. 308). 342
Но въ общемъ итогѣ Сулла не стѣснилъ прежней свободы выборовъ; онъ только старался такъ стѣснить должностныхъ лицъ, что на кого бы ни палъ своенравный выборъ комицій, этотъ избранникъ не былъ бы въ состояніи что́ либо предпринять во вредъ олигархіи.

Уменьшеніе власти на-

Высшими должностными лицами въ государствѣ фактически были въ то время члены трехъ коллегій — народныхъ трибуновъ, консу-

родныхъ трибуновъ. довъ съ преторами и цензоровъ. Сулловская реставрація урѣзала права каждой изъ этихъ коллегій; по мнѣнію диктатора слѣдовало всего строже и всего прочнѣе обуздать народный трибунатъ, который хотя и былъ въ его глазахъ необходимымъ для сенатскаго управленія орудіемъ, но былъ плодомъ революціи и постоянно обнаруживалъ стремленіе къ новымъ переворотамъ. Вліяніе народныхъ трибуновъ было основано на правѣ кассировать путемъ протеста служебныя распоряженія должностныхъ лицъ, на правѣ временно устранять неповинующихся отъ должности и принимать дальнѣйшія мѣры для ихъ наказанія; эти права были и теперь оставлены за трибунами, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что за употребленіе во зло права трибунскаго протеста былъ назначенъ такой тяжелый денежный штрафъ, который подрывалъ гражданское существованіе виновныхъ. Остальныя прерогативы трибуновъ, заключавшіяся въ правѣ обращаться къ народу частію для предъявленія жалобъ и въ особенности для привлеченія бывшихъ должностныхъ лицъ къ отвѣтственности, частію для предложенія законопроэктовъ на народное голосованіе, были именно тѣмъ рычагомъ, посредствомъ котораго Гракхи, Сатурнинъ и Сульпицій перевернули вверхъ дномъ все государство; эти права не были отмѣнены, но чтобъ ими пользоваться, нужно было предварительно испрашивать разрѣшеніе сената. *) Наконецъ было постановлено, что тотъ, кто занималъ должность народнаго трибуна, впредь будетъ лишенъ права занимать какую либо изъ высшихъ должностей; подобно многимъ другимъ распоряженіямъ Суллы въ пользу олигархіи, это было возстановленіемъ старинныхъ патриціанскихъ привилегій: теперь, точно такъ-же какъ во времена, предшествовавшія допущенію плебеевъ къ занятію общественныхъ должностей, занятіе три-

*) На это указываютъ слова Лепида, которыя приведены у Саллюстія [Hist. 1 41,11, изд. Dietsch]: populus Romanus exutus ...iure agitandi, и на которыя намекаетъ Тацитъ [Ann. 3, 27]: statim turbidis Lepidi rogationibus neque multo post tribunis reddita licentia quoquo vellent populum agitandi. О томъ, что трибуны не были вполнѣ лишены права обращаться къ народу, видно еще яснѣе, чѣмъ изъ словъ Цицерона [De Leg. 3, 4, 10], изъ плебисцита de Thermensibus, который и въ своей вступительной формулѣ называетъ себя изданнымъ de senatus sententia. Напротивъ того, что консулы и на основаніи Сулловскихъ государственныхъ учрежденій могли обращаться съ предложеніями къ народу безъ предварительнаго разрѣшенія сената, видно какъ изъ того, что на такія ограниченія нѣтъ никакихъ указаній въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ, такъ и изъ хода ре-
87 78 волюцій 667 и 676 годовъ: именно по этой причинѣ вождями тѣхъ революціонныхъ движеній были не трибуны, а консулы. Оттого даже въ описываемую намп эпоху встрѣчаются консульскіе законы, которые издавались по второсте-
73 пеннымъ административнымъ вопросамъ (таковъ хлѣбный законъ 681 года) и вмѣсто которыхъ, конечно, издавались-бы въ иную пору народныя постановленія.

бунской должности было признано несовмѣстимымъ съ занятіемъ курульныхъ должностей. Законодатель олигарховъ надѣялся этимъ способомъ сдерживать расчитывавшую на содѣйствіе трибуновъ демагогію и устранить отъ трибунской должности всѣхъ честолюбцевъ, стремившихся къ высшимъ должностямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упразднилъ трибунской должности, полагая, что она будетъ полезнымъ для сената орудіемъ частію для посредничества между сенатомъ и гражданствомъ, частію для того, чтобъ въ случаѣ надобности обуздывать магистратуру. Подобно тому, какъ могущество царей, а потомъ могущество республиканскихъ должностныхъ лицъ едва-ли выражалось въ чемъ либо другомъ такъ-же наглядно, какъ въ ихъ исключительномъ правѣ публично обращаться къ народу, и верховенство сената, теперь впервые установленное закономъ, всего нагляднѣе сказывалось въ томъ, что люди, поставленные во главѣ народа, могли обращаться къ нему не иначе какъ испросивши разрѣшеніе сената.

Ограниченіе правъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Хотя аристократическій преобразователь римскаго государства относился къ консульству и къ претурѣ менѣе неблагосклонно, чѣмъ къ недостойному довѣрія трибунату, однако ни консульство, ни претура не избѣгли того недовѣрія, съ которымъ олигархія постоянно относилась къ своимъ собственнымъ орудіямъ владычества. Лица, занимавшія эти двѣ должности, были значительно ограничены въ своихъ правахъ, хотя это и было сдѣлано въ самой мягкой формѣ.

Сулла устанавливаетъ сферу вѣдомства для консуловъ и для преторовъ.

Сулла ввелъ эту реформу путемъ разграниченія служебныхъ обязанностей. Въ началѣ описываемаго періода существовали слѣдующіе порядки: какъ въ прежнія времена вѣдѣнію обоихъ консуловъ подлежали вообще всѣ дѣла высшаго управленія, такъ и въ этомъ періодѣ на нихъ лежали всѣ тѣ дѣла высшаго управленія, которыя не были предоставлены закономъ въ вѣдѣніе особыхъ властей. А такія особыя власти были учреждены для отправленія въ столицѣ правосудія, въ которое консулы не вмѣшивались въ силу ненарушимо соблюдавшагося правила, и для управленія заморскими провинціями, Сициліей, Сардиніей и двумя Испаніями, гдѣ консулы хотя и могли принимать на себя высшее командованіе, но лишь въ видѣ исключенія. Поэтому, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, шесть спеціальныхъ вѣдомствъ — два столичныхъ судебныхъ управленія и четыре заморскихъ намѣстничества поручались шестерымъ преторамъ, а двоимъ консуламъ предоставлялось, — въ силу ихъ всеобщей компетенціи, — завѣдываніе столичными несудебными дѣлами и военное командованіе въ римскихъ континентальныхъ владѣніяхъ. Такъ какъ эта всеобщая компетенція признавалась за двумя должностными лицами и такъ какъ одинъ изъ двухъ консуловъ обыкновенно оставался въ распоряженіи правительства, то этихъ восьми высшихъ сановниковъ было вполнѣ и даже съ избыткомъ достаточно въ обыкновенное время. Въ чрезвы-

чайныхъ случаяхъ было дозволено частію соединять въ однѣхъ рукахъ невоенныя сферы вѣдомства, частію продлять военное командованіе долѣе установленныхъ сроковъ (prorogare). Нерѣдко случалось, что оба судебныхъ управленія ввѣрялись одному и тому-же претору, а тѣ столичныя дѣла, которыми обыкновенно завѣдывали консулы, поручались городскому претору; напротивъ того, по очень понятной причинѣ, избѣгали соединенія нѣсколькихъ военныхъ командованій въ рукахъ одного и того-же лица. Относительно военнаго командованія держались того правила, что въ военномъ полномочіи не могло быть междуцарствія; поэтому, когда истекалъ легальный срокъ такихъ полномочій, они по закону не прекращались до прибытія преемника и до передачи ему военнаго командованія, или другими словами — когда для командовавшаго арміей консула или претора истекалъ срокъ его полномочій, а его преемникъ еще не являлся, то онъ имѣлъ право и былъ обязанъ по прежнему исправлять свою должность въ замѣнъ консула или претора. Вліяніе сената на это распредѣленіе служебныхъ обязанностей обусловливалось тѣмъ, что отъ него, въ силу установившагося обыкновенія, зависѣло или оставить въ силѣ существующія правила, то есть предоставить шести преторамъ вступить по жребію въ завѣдываніе шестью спеціальными сферами ихъ дѣятельности, а на консуловъ возложить завѣдываніе континентальными несудебными дѣлами, или же предписать уклоненіе отъ этихъ правилъ: такъ напримѣръ, сенатъ могъ возложить на одного изъ консуловъ какое-нибудь особенно важное заморское военное командованіе или могъ включить въ сферу его вѣдомства какое-нибудь экстраординарное военное или судебное порученіе, какъ напримѣръ командованіе флотомъ или производство важнаго уголовнаго слѣдствія, и предписать необходимое въ этихъ случаяхъ соединеніе нѣсколькихъ вѣдомствъ въ рукахъ одного лица и продленіе срока полномочій; однако при этомъ сенату принадлежало право только разграничивать сферы вѣдомства консуловъ и преторовъ, а не назначать тѣхъ лицъ, которыя должны завѣдывать этими сферами; выборъ этихъ лицъ обыкновенно зависѣлъ отъ соглашенія между самими сановниками или отъ жребія. Въ старыя времена, обыкновенно приглашали гражданство издавать особое общинное постановленіе, чтобъ придать легальную силу фактическому продленію полномочій, которое было послѣдствіемъ того, что на мѣсто прежняго главнокомандующаго не назначали новаго (I, стр. 316); но это требовалось не столько буквой законовъ, сколько ихъ духомъ, и гражданство скоро перестало вмѣшиваться въ это дѣло. Въ теченіе седьмаго столѣтія мало по малу были прибавлены къ шести уже существовавшимъ спеціальнымъ вѣдомствамъ шесть новыхъ, а именно: пять новыхъ намѣстничествъ Македоніи, Африки, Азіи, Нарбона и Киликіи и предсѣдательство въ постоянной судной коммиссіи по дѣламъ

о вымогательствахъ (стр. 70). Сверхъ того, при постоянномъ расширеніи сферы дѣятельности римскаго правительства, все чаще и чаще случалось, что на высшихъ должностныхъ лицъ возлагались экстраординарныя порученія по военной или по судебной части. Однако число ординарныхъ высшихъ годичныхъ сановниковъ неувеличивалось; такимъ образомъ, на восемь ежегодно вновь назначавшихся должностныхъ лицъ приходилось по меньшей мѣрѣ двѣнадцать ежегодно требовавшихъ замѣщенія должностей, помимо другихъ случайныхъ занятій. Что этотъ недостатокъ не былъ разъ навсегда восполненъ учрежденіемъ новыхъ преторскихъ должностей, конечно, нельзя приписывать простой случайности. По буквѣ закона, всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ должно было ежегодно выбирать гражданство, а по новымъ порядкамъ или, вѣрнѣе, вслѣдствіе возникшаго безпорядка, открывавшіяся ваканціи обыкновенно замѣщались путемъ продленія годоваго срока тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя избирались по закону только на одинъ годъ: сенатъ оставлялъ ихъ еще на слѣдующій годъ на ихъ мѣстахъ, или же по своему произволу отказывалъ имъ въ продленіи срока; поэтому самыя важныя и самыя доходныя государственныя должности замѣщались уже негражданствомъ, а сенатомъ, который дѣлалъ выборъ между соискателями, попавшими въ списокъ избранныхъ гражданствомъ кандидатовъ. А такъ какъ между этими должностями самыми доходными и потому самыми заманчивыми были должности главнокомандующихъ въ заморскихъ странахъ, то онѣ обыкновенно предоставлялись тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыхъ привязывали къ столицѣ легальныя или фактическія требованія службы, то есть двумъ начальникамъ столичнаго судебнаго вѣдомства и нерѣдко также консуламъ послѣ истеченія годоваго срока ихъ службы; это было въ сущности то-же, что̀ пророгація, потому что хотя власть столичныхъ должностныхъ лицъ была иначе обставлена, чѣмъ власть провинціальныхъ, но по закону обѣ онѣ были однородны.

Сулла устанавляетъ сферу вѣдомства консуловъ и преторовъ.

Таковы были порядки, которые засталъ Сулла, и которые онъ принялъ за основу для своихъ новыхъ государственныхъ учрежденій. Основные принципы этихъ новыхъ учрежденій заключались въ полномъ отдѣленіи политической власти, завѣдывавшей дѣлами управленія въ гражданскихъ округахъ, отъ военной власти, завѣдывавшей дѣлами управленія въ негражданскихъ округахъ, и въ постоянномъ продленіи срока высшей должности съ одного года на два такъ, чтобъ первый годъ посвящался гражданскимъ дѣламъ, а второй—военнымъ.

Отдѣленіе политической власти отъ военной.

Въ томъ, что̀ касается самого Рима, законъ уже издавна отдѣлилъ гражданскую власть отъ военной: для первой служилъ предѣломъ померій (P o m e r i u m), а вторая начиналась за померіемъ; тѣмъ не менѣе, высшая политическая власть и высшая военная все еще соединялись въ рукахъ одного лица. Теперь

Цизальпійская Галлія обращена въ провинцію.

было установлено, что консулы и преторы будутъ имѣть дѣло съ сенатомъ и съ гражданствомъ, а проконсулы и пропреторы будутъ командовать арміями, но первые устранялись по закону отъ всякой военной дѣятельности, а вторые отъ всякой дѣятельности политической. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого нововведенія было политическое отдѣленіе сѣверо-италійскихъ странъ отъ собственной Италіи. До того времени эти страны представляли національную противоположность съ Италіей вслѣдствіе того, что были населены преимущественно Лигурами и Кельтами, между тѣмъ какъ въ средней и въ южной Италіи населеніе состояло изъ Италійцевъ; тѣмъ не менѣе, всѣ континентальныя владѣнія римскаго государства отъ пролива вплоть до Альповъ, со включеніемъ иллирійскихъ владѣній и безъ различія всѣхъ общинъ гражданскихъ, латинскихъ и неиталійскихъ, находились при нормальномъ ходѣ дѣлъ, и въ политическомъ и въ административномъ отношеніи, подъ управленіемъ тѣхъ-же должностныхъ лицъ, какія были назначены въ Римѣ; да и основаніе колоній распространялось на всѣ эти страны. По новому уставу Суллы, собственная Италія (ея сѣверною границей сдѣлался при этомъ вмѣсто рѣки Эза Рубиконъ), какъ заселенная исключительно одними римскими гражданами, была подчинена ординарной римской магистратурѣ, а то правило, что внутри этихъ предѣловъ не должно быть ни постоянныхъ войскъ, ни военныхъ начальниковъ, сдѣлалось однимъ изъ основныхъ принциповъ римскаго государственнаго права; напротивъ того, въ лежавшей по сю сторону Альповъ кельтской странѣ, въ которой нельзя было обойтись безъ военнаго начальника по причинѣ безпрестанно возобновлявшихся нашествій альпійскихъ племенъ, было учреждено особое намѣстничество по образцу болѣе старыхъ заморскихъ военныхъ управленій *). На-

*) На это нѣтъ никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ того, что италійская страна Кельтовъ, несомнѣнно непринадлежавшая въ болѣе древнія времена къ числу провинцій [если понимать подъ словомъ провинція страну съ опредѣленными границами, которою управлялъ ежегодно назначавшійся новый намѣстникъ], такъ-же несомнѣнно принадлежала къ числу провинцій во времена Цезаря [сравн. Лицин., стр. 39: Data erat et Sullae provincia Gallia cisalpina].—То-же можно сказать и о расширеніи государственныхъ границъ; намъ извѣстно, что страну Кельтовъ отдѣлялъ отъ Италіи сначала Эзъ, а во времена Цезаря Рубиконъ, но намъ неизвѣстно, когда произошло это расширеніе границъ. Изъ того, что Маркъ Теренцій Варронъ Лукуллъ занимался, въ качествѣ пропретора, регулированіемъ границъ на пространствѣ между Эзомъ и Рубикономъ [Orelli, Inscr. 570], нѣкоторые заключали, что эта страна еще была провинціальной территоріей по меньшей мѣрѣ въ слѣдующемъ послѣ Лукулловской претуры 679 году, такъ какъ пропретору нечего было дѣлать на
75 италійской территоріи. Но всякое военное полномочіе [imperium], срокъ котораго былъ продленъ, прекращалось само собой только внутри померія; напротивъ того въ

конецъ, такъ какъ число ежегодно назначавшихся преторовъ было увеличено съ шести на восемь, то служебныя обязанности были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: ежегодно назначавшіеся десять высшихъ сановниковъ завѣдывали въ теченіе своего перваго года службы столичными дѣлами въ качествѣ консуловъ или преторовъ, то есть оба консула завѣдывали управленіемъ и администраціей, двое изъ преторовъ—гражданскимъ судопроизводствомъ, остальные шестеро—преобразованнымъ уголовнымъ судопроизводствомъ, а въ теченіе своего втораго года службы они принимали на себя, въ званіи проконсуловъ или пропреторовъ, военное командованіе въ одномъ изъ слѣдующихъ десяти намѣстничествъ: въ Сициліи, въ Сардиніи, въ обѣихъ Испаніяхъ, въ Македоніи, въ Азіи, въ Африкѣ, въ Нарбонѣ, въ Киликіи и въ италійскихъ странахъ, населенныхъ Кельтами. Въ связи съ этими нововведеніями находилось и упомянутое нами ранѣе увеличеніе, по распоряженію Суллы, числа квесторовъ до двадцати *).

Улучшеніе въ порядкѣ дѣлопроизводства.

Этимъ путемъ были установлены ясныя и неизмѣнныя правила въ замѣнъ прежняго безпорядочнаго распредѣленія должностей, служившаго поводомъ для всевозможныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ и интригъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ, по мѣрѣ возможности, положенъ предѣлъ превышеніямъ власти со стороны должностныхъ лицъ и было значительно усилено вліяніе высшей правительственной коллегіи. При прежнихъ порядкахъ было установлено закономъ разли-

---

Италіи, хотя такое продленіе полномочій и не было, по Сулловской системѣ, постояннымъ, но все таки допускалось,— а должность, которую занималъ Лукуллъ, была во всякомъ случаѣ экстраординарной. Мы также въ состояніи указать, когда и какъ Лукуллъ занялъ эту должность въ той странѣ. Еще до введенныхъ Суллою преобразованій онъ служилъ именно тамъ въ 672 году высшимъ военнымъ 82
начальникомъ [стр. 331] и, по всему вѣроятію, подобно Помпею, получилъ отъ Суллы пропреторскую власть; слѣдуетъ полагать, что, состоя въ этомъ званіи, онъ и занимался регулированіемъ тамъ границъ въ 672 или въ 673 годахъ [сравн. 82 81
Аппіана, I, 95]. Стало быть, изъ приведенной выше надписи нельзя дѣлать никакихъ заключеній о легальномъ положеніи сѣверной Италіи и всего менѣе можно ихъ дѣлать по отношенію къ той эпохѣ, которая наступила послѣ Сулловской диктатуры. Напротивъ, въ ней достойно вниманія указаніе на то, что Сулла далѣе отодвинулъ римскій померій [Сенека, de brev. vitae 14; Діонъ 43, 50]; по римскому государственному праву это было позволительно только тому, кто расширитъ не только предѣлы государства, но и предѣлы города, т. е. италійскую границу [I, стр. 100].

*) Такъ какъ въ Сицилію посылались два квестора, въ остальныя провинціи по одному, сверхъ того было два городскихъ квестора, два прикомандировывались къ консуламъ въ военное время и было четыре флотскихъ квестора, то на это требовалось ежегодное назначеніе девятнадцати должностныхъ лицъ. Сфера дѣятельности двадцатаго квестора намъ неизвѣстна.

чіе только между обнесеннымъ стѣнами городомъ Римомъ и территоріей, лежавшей за померіемъ; при новыхъ порядкахъ, мѣсто Рима заняла Италія *) въ качествѣ навсегда замиренной страны, избавленной отъ военнаго управленія; ей были противопоставлены континентальныя и заморскія страны, въ которыя было необходимо назначать военныхъ начальниковъ и которыя стали съ тѣхъ поръ называться провинціями.

Усиленіе власти сената.

При прежнихъ порядкахъ, одно и то-же лицо оставалось въ должности нерѣдко по два года, а иногда и въ теченіе многихъ лѣтъ; новые порядки ограничили однимъ годомъ занятіе какъ столичныхъ, такъ и намѣстническихъ должностей, а особое постановленіе, возлагавшее на всякаго намѣстника обязанность слагать свою должность въ теченіе тридцати дней послѣ прибытія въ его провинцію преемника, объясняетъ намъ цѣль этихъ новыхъ правилъ,— въ особенности если мы примемъ въ соображеніе ранѣе упомянутое нами запрещеніе снова выбирать на ту-же или на какую либо другую должность тѣхъ, кому только-что истёкъ законный срокъ пребыванія въ ихъ прежней должности: это было примѣненіе давно испытаннаго на практикѣ правила, руководствуясь которымъ сенатъ когда-то подчинилъ себѣ царскую власть,—что ограниченіе сферы вѣдомства должностныхъ лицъ служитъ въ пользу демократіи, а ограниченіе сроковъ ихъ пребыванія въ должности служитъ въ пользу олигархіи. При прежнихъ порядкахъ Гай Марій могъ быть въ одно и то-же время и главою сената и высшимъ въ государствѣ военнымъ начальникомъ; только по причинѣ его неспособности ему неудалось низвергнуть олигархію, опираясь на предоставленную ему двойную власть; поэтому теперь были приняты предосторожности, чтобъ какой нибудь изъ его болѣе разумныхъ преемниковъ не воспользовался такою двойною властью съ бóльшимъ искусствомъ. При прежнихъ порядкахъ, и тѣ должностныя лица, которыя назначались непосредственно народомъ, могли занимать высшія военныя должности; напротивъ того, по постановленіямъ Суллы, эти должности могли быть предоставлены только тѣмъ лицамъ, которыя были оставлены сенатомъ на прежнихъ мѣстахъ путемъ продленія срока ихъ полномочій. Хотя такое продленіе законнаго срока должности и стало теперь постояннымъ, но оно и впредь оставалось экстраординарнымъ и по своимъ ауспиціямъ и по своему названію и по своей легальной внѣшней формѣ. А это различіе было немаловажнымъ. Консулы и преторы могли быть отставлены отъ должности только гражданствомъ, но проконсуловъ и

*) Италійская федерація гораздо древнѣе [I, стр. 425]; но это была федерація государствъ, между тѣмъ какъ Сулловская Италія входила съ ясно опредѣленными границами въ составъ объединившагося римскаго государства.

пропреторовъ назначалъ и увольнялъ только сенатъ, такъ что вся военная власть, отъ которой въ концѣ концевъ все зависѣло, была, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, подчинена сенату.

Наконецъ, что высшая изъ всѣхъ должностей—цензорская была хотя и не формально упразднена, но устранена такимъ-же способомъ, какимъ была нѣкогда устранена должность диктатора, уже было замѣчено нами ранѣе. Да и на практикѣ безъ нея можно было обойтись. Для пополненія личнаго состава сената уже были приняты нужныя мѣры. Съ тѣхъ поръ, какъ Италія была фактически освобождена отъ налоговъ, а армію стали пополнять главнымъ образомъ посредствомъ набора рекрутъ, и составленіе списка лицъ, обязанныхъ уплачивать подати и отбывать воинскую повинность, въ сущности сдѣлалось безцѣльнымъ, а если въ списки всадниковъ и лицъ, имѣвшихъ право голоса, и вкрадывались ошибки, то этимъ едва-ли были недовольны. Стало быть оставались только текущія финансовыя дѣла, которыми консулы и прежде завѣдывали, когда,—какъ это часто случалось,—не было произведено избраніе цензоровъ, и которыя теперь вошли въ составъ ихъ обычныхъ служебныхъ занятій. Въ виду существенной выгоды, которую доставляло отнятіе у магистратуры, въ лицѣ цензоровъ, ея высшихъ представителей, не считалось важнымъ и не причиняло никакого вреда для единовластія высшей правительственной коллегіи то обстоятельство, что для удовлетворенія честолюбія очень увеличившихся числомъ сенаторовъ число понтифексовъ и авгуровъ было увеличено съ девяти (1, стр. 297) *) на пятнадцать, число хранителей оракуловъ съ десяти (1, стр. 294) на пятнадцать, а число распорядителей пиршествъ съ трехъ (1, стр. 860) на семь. Устраненіе цензуры.

Въ финансовыхъ вопросахъ рѣшающій голосъ принадлежалъ сенату и при старыхъ порядкахъ; поэтому главная задача заключалась въ возстановленіи правильной администраціи и въ этой сферѣ. Сулла сначала находился въ немаловажныхъ денежныхъ затрудненіяхъ; суммы, которыя онъ привезъ съ собою изъ Малой Азіи, были скоро издержаны на жалованье многочисленнымъ и постоянно увеличивавшимся арміямъ. Такъ какъ государственная казна была увезена въ Пренестъ, то сенатъ былъ принужденъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ еще послѣ побѣды у Коллинскихъ воротъ. Тогда были проданы удобныя для построекъ мѣста въ столицѣ и нѣкоторые участки кампанскихъ казенныхъ земель; на вассальныхъ царей, на общины, получившія свободу, и на общины союзниковъ были наложены экстраординарныя контрибуціи; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были конфискованы земли и таможенные доходы, а нѣкоторымъ другимъ были предоставлены новыя привилегіи за деньги. Однако правительство пре- Приведеніе въ порядокъ финансовъ.

*) На 297 страницѣ I тома вкралась опечатка: вмѣсто девяти сказано десять. *(Прим. перев.)*

одолѣло эти временныя затрудненія благодаря найденному въ Пренестѣ, послѣ взятія города, остатку казенныхъ суммъ, приблизительно въ 4 милл. талер., благодаря начавшимся вскорѣ послѣ того аукціоннымъ продажамъ и нѣкоторымъ другимъ экстраординарнымъ рессурсамъ. Обезпеченіе на будущее время было найдено не столько въ азіатской податной реформѣ, отъ которой остались въ выгодѣ плательщики податей, а государственная казна лишь не потерпѣла убытка, сколько въ отобраніи кампанскихъ казенныхъ земель, въ число которыхъ была теперь включена и Энарія (стр. 348), и главнымъ образомъ въ отмѣнѣ хлѣбныхъ раздачъ, которыя со временъ Гайя Гракха, какъ язва, разъѣдали римскіе финансы.

Преобразованіе судопроизводства. Напротивъ того въ судопроизводствѣ были введены существенныя преобразованія частію изъ политическихъ соображеній, частію для того, чтобъ ввести болѣе единства и цѣлесообразности въ судебное законодательство, которое было до того времени и неудовлетворительнымъ и безсвязнымъ. **Прежніе порядки.** При прежнихъ порядкахъ процессы поступали частію на разрѣшеніе гражданства, частію на разрѣшеніе присяжныхъ. Суды, въ которыхъ рѣшенія постановлялись всѣмъ гражданствомъ по аппелляціямъ на приговоры должностныхъ лицъ, находились до времени Суллы въ полной зависимости прежде всего отъ народныхъ трибуновъ, а затѣмъ отъ эдиловъ,—такъ какъ всѣ процессы должностныхъ лицъ или общинныхъ уполномоченныхъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за ихъ должностную дѣятельность (все равно шло-ли дѣло о смертной казни или о денежной пенѣ), разрѣшались народными трибунами въ первой инстанціи и ими-же велись во второй, а всѣ остальные процессы, въ которыхъ окончательное рѣшеніе зависѣло отъ народа, разрѣшались курульными или плебейскими эдилами въ первой инстанціи и ими-же велись во второй. Если Сулла и не отмѣнилъ трибунскихъ процессовъ по дѣламъ объ отчетности, то поставилъ ихъ,—такъ-же какъ и законодательную иниціативу трибуновъ,—въ зависимость отъ предварительнаго согласія сената и, по всему вѣроятію, такимъ-же способомъ ограничилъ уголовную юрисдикцію эдиловъ. Напротивъ того онъ расширилъ сферу вѣдомства судовъ присяжныхъ. Въ то время было два способа вести дѣла въ судѣ присяжныхъ. **Обыкновенный порядокъ судопроизводства.** Обыкновенный способъ употреблялся во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, возникалъ поводъ для уголовнаго или гражданскаго процесса (за исключеніемъ преступленій, направленныхъ непосредственно противъ государства); онъ заключался въ томъ, что одинъ изъ двухъ столичныхъ судебныхъ слѣдователей производилъ разслѣдованіе, а одинъ назначенный имъ присяжный судья постановлялъ, на основаніи этого разслѣдованія, рѣшеніе. Экстраординарные процессы передъ судомъ присяжныхъ возникали въ случаѣ особенно важныхъ гражданскихъ или уголовныхъ дѣлъ,

для разсмотрѣнія которыхъ особый законъ назначалъ, въ замѣнъ одного присяжнаго, особую судебную палату изъ присяжныхъ. Сюда принадлежали частію назначавшіяся въ особыхъ случаяхъ спеціальныя судебныя коммиссіи (какъ напр. см. стр. 147,181), частію постоянныя судебныя коммиссіи въ родѣ тѣхъ, какія были учреждены въ теченіе седьмаго столѣтія для дѣлъ о вымогательствахъ (стр. 70), объ отравленіяхъ, убійствахъ, быть можетъ, также о подкупѣ избирателей и о другихъ преступленіяхъ, наконецъ, частію, оба суда децемвировъ для разбирательства дѣлъ объ отыскиваніи свободы и судъ изъ ста пяти или, короче, ста судей для разбирательства процессовъ о наслѣдствахъ; этотъ послѣдній также назывался **hasta**, потому что при всякомъ спорѣ объ имуществѣ водружалось копье. Судъ децемвировъ (**decemviri litibus iudicandis**) былъ очень стариннымъ учрежденіемъ; онъ имѣлъ цѣлію защиту плебеевъ противъ ихъ господъ (1, стр. 272). Когда и по какому поводу возникъ судъ, называвшійся **hasta**, покрыто мракомъ; но, по всему вѣроятію, онъ возникъ почти въ одно время и по одинакимъ поводамъ съ вышеупомянутыми въ сущности однородными уголовными коммиссіями. Относительно предсѣдательства въ этихъ разнообразныхъ судебныхъ коммиссіяхъ были установлены спеціальными судебными уставами различныя правила; такъ напримѣръ, во главѣ судебной коммиссіи по вымогательствамъ стоялъ преторъ, во главѣ коммиссіи по убійствамъ—предсѣдатель, выбранный между бывшими эдилами, во главѣ **hasta**—нѣсколько распорядителей, выбранныхъ между бывшими квесторами. Какъ для ординарнаго, такъ и для экстраординарнаго судебнаго разбирательства присяжные выбирались, согласно съ введенными Гракхомъ порядками, изъ людей всадническаго ценза, непринадлежавшихъ къ числу сенаторовъ; выборъ обыкновенно зависѣлъ отъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали судоустройствомъ; однако они должны были окончательно составлять списки присяжныхъ при своемъ вступленіи въ должность, а по этимъ спискамъ составлялась каждая отдѣльная коллегія присяжныхъ не по благоусмотрѣнію должностныхъ лицъ, а по жребію и съ правомъ отвода для обѣихъ сторонъ. Народъ выбиралъ только децемвировъ для разрѣшенія дѣлъ объ отыскиваніи свободы.

Постоянные и спеціальные суды.

Судъ центумвировъ.

Реформы Суллы были въ своихъ главныхъ чертахъ трояваго рода. Вопервыхъ, онъ значительно увеличилъ число судебныхъ коммиссій изъ присяжныхъ. Поэтому съ тѣхъ поръ существовали особые суды присяжныхъ для дѣлъ о вымогательствахъ, для убійствъ со включеніемъ поджоговъ и лжесвидѣтельствъ, для подкупа избирателей, для государственной измѣны и всякаго безчестія, нанесеннаго римскому имени, для самыхъ преступныхъ видовъ обмана—для составленія фальшивыхъ завѣщаній и для поддѣлки монеты, для нарушенія супружеской вѣрности, для самыхъ тяжкихъ оскорбле-

Сулловскіе суды.

ній чести — а именно для обиды дѣйствіемъ и для нарушенія домашняго спокойствія, быть можетъ даже для похищенія общественныхъ денегъ, для лихоимства и нѣкоторыхъ другихъ проступковъ; эти судебныя коммиссіи, частію существовавшія еще до Суллы, частію вновь имъ учрежденныя, почти всѣ получили отъ него особые уголовные уставы и правила уголовной процедуры. Впрочемъ, правительство не лишалось права учреждать въ случаѣ надобности специальныя судебныя коммиссіи для отдѣльныхъ разрядовъ преступленій. Результатомъ этихъ нововведеній было то, что народные суды были въ сущности упразднены, такъ какъ дѣла о государственной измѣнѣ были переданы вновь учрежденной коммиссіи по государственнымъ преступленіямъ, а сфера дѣятельности ординарнаго суда присяжныхъ была значительно ограничена тѣмъ, что изъ нея были исключены дѣла о самыхъ важныхъ подлогахъ и оскорбленіяхъ.—Во вторыхъ, что̀ касается высшаго завѣдыванія судопроизводствомъ, то для предсѣдательствованія въ различныхъ судебныхъ коммиссіяхъ правительство имѣло теперь въ своемъ распоряженіи, — какъ уже было ранѣе замѣчено, — шестерыхъ преторовъ и кромѣ того еще нѣсколькихъ распорядителей для особенно важныхъ коммиссій по дѣламъ объ убійствахъ.—Въ третьихъ, должности присяжныхъ были снова предоставлены, въ замѣнъ Гракховскихъ всадниковъ, сенаторамъ.—Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что политическою цѣлію этихъ нововведеній было устраненіе всадниковъ отъ участія въ государственномъ управленіи; но не менѣе несомнѣнно и то, что они не были вызваны исключительно политическими цѣлями, а были первою попыткой улучшить римское уголовное судопроизводство и римское уголовное законодательство, которыя становились все болѣе и болѣе запутанными съ тѣхъ поръ, какъ возникла сословная борьба. Отъ этого Sулловскаго законодательства ведетъ свое начало несуществовавшее въ болѣе древней юриспруденціи отдѣленіе уголовныхъ дѣлъ отъ гражданскихъ въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь его понимаемъ: съ тѣхъ поръ уголовными дѣлами считаются тѣ, которыя разбираются судомъ присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ претора, а гражданскими тѣ, которыя разбираются однимъ или нѣсколькими присяжными не подъ предсѣдательствомъ претора. Сулловскія судебныя учрежденія, взятыя въ своей совокупности, могутъ считаться и первымъ римскимъ сводомъ законовъ, появившимся послѣ изданія законовъ Двѣнадцати Таблицъ, и вообще первымъ особо изданнымъ уголовнымъ кодексомъ. И въ ихъ подробностяхъ проявляются достойныя похвалы, либеральныя стремленія. Какъ ни кажется страннымъ, когда идетъ рѣчь о виновникѣ проскрипцій, однако не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Сулла отмѣнилъ смертную казнь за политическія преступленія: по старинному римскому обыкновенію,

неотмѣненному и Суллой, приговоры о лишеніи жизни и о заключеніи въ тюрьму постановлялись только народнымъ судомъ, а не судебными коммиссіями присяжныхъ (стр. 109); поэтому съ передачей процессовъ о государственныхъ преступленіяхъ изъ вѣдѣнія гражданства въ вѣдѣніе постоянной судебной коммиссіи сама собою отмѣнялась и смертная казнь за эти преступленія; съ другой стороны, улучшеніемъ было и то, что былъ положенъ предѣлъ вредному учрежденію спеціальныхъ коммиссій для разбирательства какого нибудь особаго разряда государственныхъ преступленій въ родѣ той Варіевской коммиссіи (стр. 231), которая была учреждена во время союзнической войны. Всѣ эти реформы принесли чрезвычайно большую и долговременную пользу; онѣ служатъ прочнымъ памятникомъ практичности, умѣренности и государственныхъ способностей, благодаря которымъ ихъ виновникъ былъ достоинъ выступить, подобно древнимъ децемвирамъ, съ сверткомъ законовъ въ рукахъ, въ роли верховнаго посредника между политическими партіями.

Можно считать за дополненіе къ этимъ уголовнымъ законамъ и тѣ полицейскіе уставы, посредствомъ которыхъ Сулла, замѣняя власть цензора властью закона, ограждалъ порядокъ и строгую нравственность и старался уменьшить роскошь пировъ и похоронъ, установляя на этотъ предметъ новый максимумъ расходовъ въ замѣнъ стараго, уже давно переставшаго примѣняться на практикѣ. Полицейскіе уставы.

Наконецъ, если не дѣломъ самого Суллы, то дѣломъ его эпохи, было развитіе самостоятельнаго римскаго муниципальнаго устройства. Въ древности никогда не возникала мысль, что община можетъ быть включена, въ качествѣ подчиненной политической единицы, въ составъ другой высшей единицы—цѣлаго государства; восточный деспотизмъ не былъ знакомъ съ существованіемъ городскихъ республикъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а во всемъ эллинско-италійскомъ мірѣ понятія о городѣ и о государствѣ были тождественны. Поэтому ни въ Греціи ни въ Италіи изстари не было настоящихъ муниципальныхъ учрежденій. Въ особенности римская политика держалась этой системы со свойственною ей упорной послѣдовательностью; даже въ шестомъ столѣтіи римское правительство, не желая отнимать у зависимыхъ италійскихъ общинъ ихъ городскія учрежденія, давало имъ такую организацію, что онѣ оставались формально-самодержавными, но состояли изъ неграждань; если-же оно предоставляло этимъ общинамъ права римскаго гражданства, то оно не мѣшало имъ вводить у себя самостоятельное устройство, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишало ихъ настоящихъ муниципальныхъ правъ, такъ что во всѣхъ гражданскихъ колоніяхъ и гражданскихъ муниципіяхъ римскіе преторы и цензоры завѣдывали даже отправленіемъ правосудія и городскими постройками. Самая крайняя уступка, до которой доходило въ этомъ отношеніи римское правительство, заключалась въ томъ, что назна- Римское муниципальное устройство.

ченный изъ Рима замѣститель (praefectus) претора удовлетворялъ на мѣстѣ по меньшей мѣрѣ самыя неотложныя требованія правосудія (1, стр. 416). Неиначе поступали и съ провинціями, только съ той разницей, что тамъ намѣстникъ заступалъ мѣсто столичныхъ властей. Въ свободныхъ, то-есть формально-самодержавныхъ городахъ, и гражданское правосудіе и уголовное отправлялось муниципальными должностными лицами по мѣстнымъ уставамъ; но, конечно, тамъ, гдѣ этому не препятствовали особыя привилегіи, каждый Римлянинъ, какъ отвѣтчикъ такъ и истецъ, могъ потребовать, чтобъ его дѣло было рѣшено италійскими судьями по италійскому праву. Для обыкновенныхъ провинціальныхъ общинъ римскій намѣстникъ былъ единственною судебною властью, которой подлежало разбирательство всякихъ процессовъ. То было уже большой уступкой, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Сициліи, намѣстникъ былъ обязанъ провинціальнымъ статутомъ назначать для отвѣтчика изъ мѣстныхъ уроженцевъ присяжнаго изъ туземцевъ и допускать разбирательство тяжбы по мѣстнымъ обычаямъ; въ бо́льшей части провинцій и это, какъ кажется, зависѣло отъ благоусмотрѣнія производившаго разслѣдованіе должностнаго лица.—Въ седьмомъ столѣтіи пришлось отказаться,—по меньшей мѣрѣ относительно Италіи—отъ такого безусловнаго сосредоточенія общественной жизни римской общины только въ одномъ пунктѣ—въ Римѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сдѣлался единственной городской общиной, а его городская территорія тянулась отъ Арно и отъ Рубикона вплоть до Сицилійскаго пролива (стр. 360), необходимость заставила организовать внутри этой большой городской общины другія менѣе обширныя. Такимъ образомъ въ Италіи появились общины полноправныхъ гражданъ, а правительство, какъ кажется, воспользовалось этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ разбить на нѣсколько мелкихъ городскихъ округовъ тѣ волости, которыя могли быть опасными по своему широкому объему, но до того времени еще оставались въ своемъ прежнемъ видѣ (стр. 228). Положеніе этихъ новыхъ полноправныхъ гражданскихъ общинъ было компромиссомъ между тѣмъ положеніемъ, которое онѣ до того времени занимали въ качествѣ союзныхъ штатовъ, и тѣмъ, которое онѣ должны-бы были занимать при старыхъ порядкахъ въ качествѣ составныхъ частей римской общины. За основу было принято устройство прежнихъ формально-самодержавныхъ латинскихъ общинъ или же устройство римской старо-патриціанской общины, управлявшейся консулами, насколько устройство первыхъ было въ главныхъ чертахъ схоже съ устройствомъ послѣдней; различіе заключалось только въ томъ, что одинакимъ учрежденіямъ въ муниципіяхъ были даны другія менѣе громкія названія, чѣмъ въ столицѣ, то-есть въ государствѣ. Во главѣ было поставлено собраніе гражданъ съ правомъ издавать общинныя постановленія и назначать общинныхъ

должностныхъ лицъ. Общинный совѣтъ изъ ста членовъ взялъ на себя роль римскаго сената. Судебною частію стали завѣдывать четыре распорядителя,—двое ординарныхъ судей, соотвѣтствовавшихъ двумъ консуламъ, и двое рыночныхъ судей, соотвѣтствовавшихъ курульнымъ эдиламъ. Цензорскія обязанности, возобновлявшіяся точно такъ-же, какъ и въ Римѣ, черезъ каждые пять лѣтъ и, какъ кажется, заключавшіяся главнымъ образомъ въ завѣдываніи общественными постройками, возлагались на высшихъ должностныхъ лицъ общины, то-есть на обоихъ ординарныхъ представителей судебной власти, которые принимали въ этомъ случаѣ отличительный титулъ «представителей судебной власти съ цензорскими или пяти-лѣтними полномочіями». Общинною казной завѣдывали два квестора, богослуженіемъ завѣдывали ближайшимъ образомъ такія-же двѣ коллегіи знатоковъ богослужебнаго дѣла, какія только и существовали при древнѣйшей организаціи латинскихъ общинъ,—коллегіи муниципальныхъ понтифексовъ и авгуровъ.

Отношеніе муниципія къ государству.

Что касается отношеній этого второстепеннаго политическаго организма къ первостепенному государственному организму, то оба они были надѣлены всѣми политическими правами; поэтому, постановленія общины и распоряженія полновластныхъ общинныхъ должностныхъ лицъ были такъ-же обязательны для мѣстныхъ гражданъ, какъ были обязательны для Римлянъ постановленія народныхъ собраній и распоряженія полновластныхъ консуловъ. Отсюда возникала параллельная дѣятельность государственныхъ властей и городскихъ: такъ напримѣръ, тѣ и другія имѣли право производить таксацію и раскладку налоговъ, такъ что при производствѣ городскихъ таксацій и раскладки налоговъ не принимались въ соображеніе тѣ, которыя производились въ Римѣ и наоборотъ. Какъ римскія должностныя лица могли распоряжаться во всей Италіи общественными постройками, такъ и городскія должностныя лица могли ими распоряжаться въ сферѣ своего вѣдомства. Въ случаѣ столкновенія община, натурально, уступала государству, а народный декретъ отмѣнялъ муниципальное постановленіе. Формальное разграниченіе сферъ вѣдомства могло существовать только относительно судопроизводства, въ которомъ конкурренція произвела-бы страшную путаницу. Поэтому, столичнымъ властямъ и присяжнымъ было предоставлено разсмотрѣніе въ уголовной сферѣ, вѣроятно, всѣхъ важныхъ процессовъ, а въ гражданской сферѣ—всѣхъ самыхъ сложныхъ дѣлъ, требовавшихъ личнаго вмѣшательства со стороны завѣдывавшихъ судопроизводствомъ лицъ; сфера дѣятельности италійскихъ городскихъ судовъ была ограничена менѣе важными и менѣе сложными судебными дѣлами и также тѣми, которыя требовали немедленнаго разрѣшенія.

Происхожденіе муниципій. О происхожденіи этого италійскаго общиннаго устройства мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ своихъ зачаткахъ оно, по всему вѣроятію, должно быть приписано исключительнымъ постановленіямъ для тѣхъ большихъ гражданскихъ колоній, которыя были основаны въ концѣ шестаго столѣтія (1, стр. 796); по меньшей мѣрѣ нѣкоторыя отдѣльныя и сами по себѣ незначительныя различія между гражданскими колоніями и гражданскими муниципіями указываютъ на то, что новыя гражданскія колоніи, начинавшія въ то время на практикѣ замѣнять латинскія колоніи, первоначально находились въ лучшемъ легальномъ положеніи, чѣмъ гораздо болѣе древнія гражданскія муниципіи, а это преимущество могло заключаться, конечно, только въ такомъ общинномъ устройствѣ, которое было близко къ латинскому и было впослѣдствіи введено какъ во всѣхъ гражданскихъ колоніяхъ, такъ и во всѣхъ гражданскихъ муниципіяхъ. О сущности новаго общиннаго устройства намъ впервые даетъ ясное понятіе революціонная колонія Капуа (стр. 319) и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новые порядки получили полное примѣненіе на практикѣ лишь тогда, когда вслѣдствіе союзнической войны пришлось превращать въ гражданскія общины всѣ италійскіе города, бывшіе до того времени самодержавными. Но нѣтъ возможности рѣшить, были-ли впервые регулированы всѣ подробности
86 новыхъ порядковъ Юліевскимъ закономъ, или цензорами 668 года, или же самимъ Суллой; передача цензорскихъ обязанностей лицамъ, завѣдывавшимъ судопроизводствомъ, повидимому, была введена согласно съ Сулловскими учрежденіями, устранявшими цензуру; но она можетъ быть отнесена и къ древнѣйшимъ латинскимъ учрежденіямъ, также не знавшимъ цензорской должности. Во всякомъ случаѣ, это городское устройство, входившее въ составъ государственнаго устройства и въ зависимость отъ этого послѣдняго, было однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ богатыхъ послѣдствіями продуктовъ Сулловской эпохи и римскаго государственнаго развитія. Древность такъ-же мало была способна согласовать государственныя учрежденія съ городскими, какъ она была мало способна развить представительную систему управленія и другіе великіе основные принципы нашего теперешняго государственнаго устройства; но она довела свое политическое развитіе до той границы, за которой оно перерастаетъ и прорываетъ установленные предѣлы, — а это случилось прежде всего въ Римѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ на рубежѣ между старымъ духовнымъ міромъ и новымъ и служитъ связью между ними. Съ одной стороны, старинныя народныя сходки и городской характеръ римской республики исчезаютъ въ Сулловскихъ учрежденіяхъ такъ, что отъ нихъ остаются только лишенныя всякаго значенія внѣшнія формы; съ другой стороны, находившаяся внутри государства община уже вполнѣ развивается до того, что

превращается въ италійскую общину; даже по названію, которое, безъ сомнѣнія составляетъ въ подобныхъ случаяхъ половину дѣла, это новое устройство свободной республики осуществило на практикѣ и представительную систему правленія и понятіе о государствѣ, состоящемъ изъ общинъ.—Отъ этого не измѣнилось устройство общинъ въ провинціяхъ; напротивъ того, дѣятельность общинныхъ должностныхъ лицъ въ несвободныхъ городахъ была, за немногими исключеніями, по прежнему ограничена администраціей и полиціей, отъ которыхъ впрочемъ не вполнѣ отдѣлялась и судебная дѣятельность; такъ напримѣръ тѣ должностныя лица вѣдали дѣла о преступленіяхъ, совершонныхъ рабами.

Впечатлѣніе, произведенное реформами Суллы. Оппозиція офицеровъ.

Таковы были учрежденія, введенныя въ римской общинѣ Луціемъ Корнеліемъ Суллой. Они были приняты сенатомъ и сословіемъ всадниковъ, гражданствомъ и пролетаріатомъ, Италійцами и провинціалами, въ томъ видѣ, въ какомъ были продиктованы диктаторомъ; при этомъ если иногда и слышался ропотъ, но ни съ чьей стороны не было сопротивленія; нельзя того-же сказать о Сулловскихъ офицерахъ. Характеръ римской арміи совершенно измѣнился. Благодаря Маріевскимъ реформамъ, она безспорно стала болѣе способной для боя и вообще болѣе годной для военнаго дѣла, чѣмъ въ то время, когда не хотѣла сражаться подъ стѣнами Нуманціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она превратилась изъ гражданскаго ополченія въ сборище наёмниковъ, которые не питали никакой преданности къ государству, а своему начальнику были преданы только въ томъ случаѣ, если онъ умѣлъ лично привязать ихъ къ себѣ. Это совершенное измѣненіе духа римской арміи ясно обнаружилось во время междоусобной войны въ самыхъ гнусныхъ злодѣяніяхъ; отъ руки своихъ собственныхъ солдатъ пали шесть главнокомандующихъ: Альбинъ (стр. 252), Катонъ (стр. 252), Руфъ (стр. 265), Флаккъ (стр. 301), Цинна (стр. 322) и Гай Карбонъ (стр. 337); одинъ Сулла покуда умѣлъ держать въ рукахъ эту опасную сволочь, но конечно только тѣмъ, что давалъ такую волю ея дикимъ похотямъ, какой еще никогда не давалъ ни одинъ изъ прежнихъ римскихъ полководцевъ. По этой причинѣ ему ставятъ въ вину упадокъ старинной военной дисциплины; это обвиненіе нельзя назвать совершенно неосновательнымъ, но оно не вполнѣ справедливо; Сулла былъ первый изъ римскихъ сановниковъ, который былъ въ состояніи выполнить свою военную и политическую задачу неиначе, какъ принявъ на себя роль кондотьера. Но онъ принялъ на себя военную диктатуру не для того, чтобъ отдать государство на произволъ солдатчины, а для того, чтобъ подчинить требованіямъ гражданскаго порядка всё и главнымъ образомъ армію и офицеровъ. Когда это стало для всѣхъ ясно, онъ встрѣтилъ оппозицію въ своемъ собственномъ штабѣ. Этому штабу не было никакого дѣла до того, что олигархи могли

играть роль тирановъ по отношенію къ остальнымъ гражданамъ; но имъ казалось невыносимымъ, что даже тѣ генералы, которые своимъ мечомъ снова подняли опрокинутыя сѣдалища сенаторовъ, были обязаны безусловно повиноваться этому-же сенату. Противъ новыхъ порядковъ возстали именно тѣ два генерала, къ которымъ Сулла питалъ самое полное довѣріе. Когда Гней Помпей,—которому Сулла поручилъ завоеваніе Сициліи и Африки и за котораго онъ выдалъ свою дочь,—исполнилъ свою задачу и получилъ отъ сената приказаніе распустить свою армію, то онъ отказался отъ повиновенія и едва не дошолъ до открытаго мятежа. Квинтъ Офелла, — упорной стойкости котораго передъ Пренестомъ Римъ былъ всего болѣе обязанъ успѣшнымъ исходомъ послѣдней и крайне-трудной кампаніи,— сталъ добиваться консульства въ явное нарушеніе вновь изданныхъ постановленій, такъ какъ предварительно не занималъ низшихъ должностей. Съ Помпеемъ дѣло кончилось если не искреннимъ примиреніемъ, то миролюбивою сдѣлкой. Сулла хорошо зналъ этого человѣка и потому не боялся его: онъ не обратилъ вниманія на сказанную ему Помпеемъ въ глаза дерзость, что люди больше заботятся о восходящемъ солнцѣ, нежели о томъ, которое закатывается, и предоставилъ этому тщеславному юношѣ пустыя почетныя отличія, которыми тотъ такъ дорожилъ (стр. 337). Въ этомъ случаѣ Сулла выказалъ уступчивость; но въ столкновеніи съ Офеллой онъ доказалъ, что онъ не такой человѣкъ, чтобъ сталъ исполнять волю подчиненныхъ ему генераловъ: когда Офелла выступилъ передъ народнымъ собраніемъ кандидатомъ на консульское званіе въ нарушеніе предписанныхъ закономъ правилъ, то Сулла приказалъ заколоть его на публичной площади и немедленно вслѣдъ за тѣмъ объяснилъ собравшимся гражданамъ, по какой причинѣ онъ приказалъ совершить эту экзекуцію. Поэтому эта знаменательная оппозиція главной квартиры противъ новаго порядка вещей на время утихла; но она непрекратилась и могла служить практическимъ комментаріемъ къ словамъ Суллы, что нельзя-бы было еще разъ сдѣлать то, что́ онъ теперь дѣлалъ.

Возстановленіе законнаго порядка. Оставалось еще одно дѣло, едва-ли не самое трудное изъ всѣхъ,— нужно было ввести экстраординарные порядки въ легальную колею заново-преобразованныхъ старыхъ порядковъ. Достиженіе этой конечной цѣли облегчалось тѣмъ, что Сулла никогда не терялъ ее изъ виду. Валеріевскій законъ предоставилъ ему неограниченную власть и придалъ всѣмъ его распоряженіямъ обязательную силу законовъ; но онъ пользовался этими необъятными полномочіями только для такихъ мѣръ, которыя имѣли преходящее значеніе и которыя могли бы безъ всякой пользы компрометтировать сенатъ и гражданство, если бы принимались при участіи того и другаго,— какъ напримѣръ для проскрипцій. Самъ онъ постоянно соблюдалъ

тѣ постановленія, которыя издавалъ для будущаго. Что онъ испрашивалъ согласіе народа видно изъ закона о квесторахъ, который частію дошелъ до насъ; а о томъ, что другіе законы, какъ напримѣръ законъ объ ограниченіи расходовъ и законъ о конфискаціи принадлежавшихъ общинамъ земель, также были утверждены народомъ, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства. Точно такъ и въ самыхъ важныхъ административныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ при отправленіи арміи въ Африку и при ея отозваніи, равно какъ при раздачѣ городамъ льготныхъ грамотъ, Сулла выдвигалъ впередъ сенатъ. Сулла дѣйствовалъ въ томъ-же духѣ, приказавши приступить къ избранію консуловъ на 673 годъ; этимъ путемъ онъ по 81
меньшей мѣрѣ избѣгалъ ненавистной офиціальной помѣтки времени по годамъ диктатуры; однако власть еще оставалась исключительно въ рукахъ диктатора, а избраніе консуловъ былъ такъ направлено, что пало на второстепенныя личности. Но въ слѣдующемъ году (674) Сулла вполнѣ предоставилъ теченіе дѣлъ законному порядку 80
и управлялъ въ званіи консула государствомъ при содѣйствіи своего боеваго товарища Квинта Метелла; хотя онъ тѣмъ временемъ и удерживалъ за собою диктаторскія полномочія, но не пользовался ими. Онъ хорошо понималъ, какъ было-бы опасно для его собственныхъ реформъ увѣковѣчивать военную диктатуру. Такъ какъ новые порядки, по видимому, были прочно установлены и такъ какъ изъ новыхъ учрежденій оставались недоконченными лишь немногія, какъ напримѣръ тѣ, которыя касались заведенія колоній, а ихъ бо́льшая и самая важная часть уже была въ полномъ ходу, то онъ предоставилъ полную свободу выборамъ на 675 годъ, отклонилъ 79
свое повторительное избраніе въ консулы, какъ несогласное съ его собственными реформами, и вскорѣ послѣ вступленія въ должность новыхъ консуловъ Публія Сервилія и Аппія Клавдія сложилъ
9 съ себя диктатуру въ началѣ 675 года. Этотъ человѣкъ располагалъ до той минуты по своему произволу жизнію и собственностью милліоновъ людей; по поданному имъ знаку было совершено множество казней; въ каждой улицѣ Рима и въ каждомъ городѣ Италіи у него были смертельные враги, а свое дѣло государственнаго переустройства, нарушавшее тысячи интересовъ и оскорблявшее тысячи убѣжденій, онъ довелъ до конца, не имѣя преданныхъ томуже дѣлу союзниковъ и даже не имѣя твердой опоры въ тѣсно сплоченной политической партіи; поэтому даже самые черствые люди были потрясены до глубины души, когда этотъ самый человѣкъ появился на столичной площади, добровольно отказался отъ своего полновластія, отослалъ свою вооруженную свиту, распустилъ своихъ ликторовъ и обратился къ густой толпѣ гражданъ съ вопросомъ, не желаетъ-ли кто-нибудь потребовать отъ него отчета. Всѣ молчали; тогда Сулла сошолъ съ ораторской трибуны и только въ

Сулла слагаетъ съ себя диктатуру.

сопровожденіи своихъ друзей возвратился домой пѣшкомъ сквозь толпы той самой черни, которая за восемь лѣтъ передъ тѣмъ срыла до основанія его домъ.

Характеръ Суллы. Потомство не умѣло оцѣнить по достоинству ни личности Суллы ни его реформы государственныхъ учрежденій, такъ какъ оно обыкновенно несправедливо относится къ тѣмъ людямъ, которые дѣйствуютъ наперекоръ духу своего времени. Дѣйствительно, Сулла былъ однимъ изъ самыхъ удивительныхъ явленій въ исторіи и даже можно сказать единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ физическомъ и психическомъ отношеніяхъ онъ былъ сангвиникъ, съ голубыми глазами, съ свѣтлыми волосами и съ необыкновенно-бѣлымъ цвѣтомъ лица, переходившимъ въ красный при всякомъ сильномъ душевномъ волненіи; впрочемъ это былъ красивый мущина съ блестѣвшими какъ огонь глазами; онъ, по видимому, не былъ предназначенъ отъ природы для болѣе важной въ государствѣ роли, чѣмъ его предки, постоянно занимавшіе второстепенныя должности съ тѣхъ поръ,
290 277 какъ дѣдъ его дѣда Публій Корнелій Руфинъ (консулъ 464, 477) былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ полководцевъ Пирровскихъ временъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ горячихъ любителей роскоши. Сулла не требовалъ отъ жизни ничего, кромѣ веселыхъ наслажденій. Выросши среди утонченной роскоши, которая въ ту пору уже успѣла укорениться даже въ не самыхъ богатыхъ домахъ римскихъ сенаторовъ, онъ скоро достигъ той высшей мѣры чувственныхъ и умственныхъ наслажденій, какую могло доставить сочетаніе эллинскаго изящества съ римскимъ богатствомъ. Въ аристократическихъ салонахъ его любили какъ пріятнаго собесѣдника, подъ лагернымъ шатромъ его любили какъ хорошаго товарища; его знакомые и знатные и незнатные находили въ немъ дружеское участіе и готовность помочь въ нуждѣ; свое золото онъ отдавалъ охотнѣе своему нуждающемуся товарищу, чѣмъ своему богатому кредитору. Онъ со страстью предавался своимъ влеченіямъ къ вину и еще съ бо́льшею страстью предавался своимъ влеченіямъ къ женскому полу; даже въ поздніе годы своей жизни онъ переставалъ быть диктаторомъ, когда садился за обѣденный столъ послѣ окончанія своихъ дневныхъ занятій. Во всей его натурѣ проглядывала склонность къ ироніи и даже, можно сказать, къ шутовству. Въ то время, какъ онъ распоряжался, въ званіи диктатора, публичной продажей имущества, отобраннаго у проскриптовъ, кто-то поднесъ ему плохой панегирикъ въ стихахъ: онъ приказалъ выдать за это награду изъ конфискованныхъ имуществъ съ условіемъ, чтобъ поэтъ обязался впредь никогда не сочинять въ честь его панегириковъ. Объясняя гражданамъ причину казни Офеллы, онъ разсказалъ имъ басню о земледѣльцѣ и обо вшахъ. Своихъ собесѣдниковъ онъ любилъ выбирать между актерами и съ удовольствіемъ проводилъ время

за кубкомъ вина въ обществѣ не только Квинта Росція, — этого римскаго Тальмы, но и въ обществѣ гораздо менѣе даровитыхъ актеровъ; да и самъ онъ недурно пѣлъ и даже сочинялъ шуточныя пьесы, которыя исполнялись въ кружкѣ его приближенныхъ. Но и среди этихъ веселыхъ вакханалій онъ не утрачивалъ ни физической ни душевной энергіи; даже въ то время, какъ онъ праздно проводилъ въ деревнѣ послѣдніе годы своей жизни, онъ еще усердно занимался охотой, а то, что онъ привезъ въ Римъ изъ завоеванныхъ имъ Аѳинъ сочиненія Аристотеля, доказываетъ, что его занимало и чтеніе серьозныхъ книгъ. Римская національная исключительность была ему не повкусу. У него вовсе не было ни глупаго чванства, съ которымъ римскіе баричи обыкновенно относились къ Грекамъ, ни привычки важничать, свойственной высокопоставленнымъ людямъ съ ограниченнымъ умомъ; напротивъ того, онъ давалъ волю своему нраву, появлялся въ греческихъ городахъ, къ ужасу своихъ соотечественниковъ, въ греческой одеждѣ и дозволялъ своимъ аристократическимъ товарищамъ править на общественныхъ играхъ колесницами. Еще менѣе было у него склонности къ тѣмъ полупатріотическимъ полуэгоистическимъ мечтаніямъ, которыя въ странахъ съ свободными учрежденіями привлекаютъ даровитыхъ юношей къ политическому поприщу и которымъ онъ, вѣроятно, также какъ и всѣ когда-то предавался; то забываясь отъ страстныхъ упоеній, то отрезвляясь отъ слишкомъ полнаго самообладанія, онъ велъ такую жизнь, при которой быстро улетучиваются иллюзіи. Ему могло казаться безразсудствомъ чего-либо желать и къ чему-либо стремиться въ такомъ мірѣ, который безусловно управляется случайностью и въ которомъ если можно на что́-либо расчитывать, то именно только на случайность. Всеобщей въ его время наклонности соединять безвѣріе съ суевѣріемъ онъ также придерживался. Но его странное легковѣріе не имѣло сходства съ плебейскою слѣпою вѣрой Марія, который покупалъ у какого нибудь жреца за деньги предсказаніе будущаго и потомъ дѣйствовалъ по его указаніямъ; оно имѣло еще менѣе сходства съ мрачной вѣрой фанатиковъ въ предопредѣленіе; это была та вѣра въ нелѣпости, которая неизбѣжно зарождается въ душѣ всякаго, кто совершенно отказался отъ надежды отыскать причинную связь событій; это было суевѣріе счастливаго игрока, который воображаетъ, что онъ одаренъ отъ судьбы привилегіей всегда и вездѣ попадать прямо въ цѣль. Въ практическихъ вопросахъ Сулла всегда умѣлъ обходить требованія религіи при помощи ироническихъ увертокъ. Отбирая у греческихъ храмовъ ихъ сокровища, онъ сказалъ, что никогда не можетъ въ чемъ либо нуждаться тотъ, кому наполняютъ казну сами боги. Дельфійскіе жрецы увѣдомили его, что они опасаются прислать потребованныя имъ сокровища, потому что, когда

прикоснулись къ цитрѣ бога, она издала рѣзкій звукъ; Сулла отвѣчалъ имъ, что сокровище должно быть прислано тѣмъ болѣе потому, что голосъ божій явно это одобряетъ. Но это не мѣшало ему воображать, что онъ избранный любимецъ боговъ и въ особенности любимецъ Афродиты, которую онъ даже въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ чтилъ предпочтительно передъ всѣми. И въ своихъ бесѣдахъ и въ своей автобіографіи онъ много разъ хвастался сношеніями, которыя ведутъ съ нимъ безсмертные боги посредствомъ ниспосылаемыхъ ими сновидѣній и знаменій. Онъ имѣлъ такое право гордиться своими дѣлами, какое принадлежитъ лишь немногимъ; но онъ гордился не ими, а только своимъ неизмѣннымъ счастіемъ. Онъ обыкновенно утверждалъ, что импровизированныя предпріятія удавались ему лучше, чѣмъ систематически обдуманныя, а самая странная изъ его причудъ — его привычка постоянно утверждать, что число его солдатъ, павшихъ въ сраженіяхъ, было совершенно ничтожно,—была также ничѣмъ инымъ, какъ ребячествомъ любимца фортуны. То было также лишь отголоскомъ его природнаго настроенія ума, что, достигши вершины своего поприща и видя всѣхъ своихъ сверстниковъ неизмѣримо ниже себя, онъ формально принялъ прозвище счастливаго, Sulla Felix, и даже далъ своимъ дѣтямъ соотвѣтствующія этому прозвищу названія.

Политическая карьера Суллы. Ничто не было такъ несвойственно Суллѣ, какъ честолюбіе, систематически преслѣдующее свою цѣль. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ, подобно дюжиннымъ аристократамъ своего времени, ставить цѣлію своей жизни внесеніе своего имени въ списокъ консуловъ; онъ былъ человѣкомъ слишкомъ равнодушнымъ и несклоннымъ къ идеализму для того, чтобъ добровольно браться за переустройство гнилаго государственнаго зданія. Онъ держался той сферы знатнаго общества, къ которой принадлежалъ по рожденію и по воспитанію, и подобно другимъ проходилъ карьеру общественныхъ должностей; онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ напрягать свои силы и предоставлялъ это политическимъ рабочимъ пчеламъ, въ которыхъ, конечно, не было недостатка. Вслѣдствіе раздачи квесторскихъ
107 мѣстъ по жребію, лишь простая случайность привела его въ 647 году въ Африку, въ главную квартиру Гайя Марія. Неиспробованный на дѣлѣ столичный щеголь былъ не особенно хорошо принятъ суровымъ и грубымъ главнокомандующимъ и его опытнымъ въ военномъ дѣлѣ штабомъ. Задѣтый за-живо такимъ пріемомъ, Сулла скоро освоился съ военнымъ ремесломъ со свойственною ему неустрашимостью и ловкостью, а во время своей смѣлой экспедиціи въ Мавританію впервые обнаружилъ то странное сочетаніе дерзости съ хитростью, за которое современники называли его на половину львомъ, на половину лисицей, присовокупляя, что лисица въ немъ опаснѣе льва. Тогда открылась самая блестящая карьера передъ

молодымъ, знатнымъ и блестящимъ офицеромъ, котораго считали главнымъ виновникомъ окончанія тягостной нумидійской войны; онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Кимврами и выказалъ свои необыкновенныя способности организатора въ трудномъ дѣлѣ снабженія арміи продовольствіемъ; но и тогда удовольствія столичной жизни были для него болѣе заманчивы, чѣмъ война или даже чѣмъ политика. Въ то время, какъ онъ состоялъ въ должности претора,—
которую занялъ въ 661 году послѣ того, какъ разъ безуспѣшно 93
добивался ея,—счастье снова благопріятствовало ему: не смотря на то, что его провинція была изъ всѣхъ самая незначительная, ему удалось одержать первую побѣду надъ царемъ Митридатомъ, заключить первый мирный договоръ съ могущественными Арсакидами и въ первый разъ унизить ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ вспыхнула междоусобная война. Въ сущности Сулла былъ тотъ, кто закончилъ въ пользу Рима первый актъ этой войны—борьбу съ возстаніемъ Италійцевъ; при этомъ онъ пріобрѣлъ своимъ мечомъ консульское званіе; онъ же быстро и энергически подавилъ Сульпиціевское возстаніе, состоя въ званіи консула. Фортуна Суллы точно будто дѣлала все, что могла, чтобъ затмить славу престарѣлаго героя Марія славой этого юнаго полководца. Взятіе въ плѣнъ Югурты и побѣда надъ Митридатомъ, бывшія предметомъ неосуществившихся надеждъ Марія, были дѣломъ Суллы въ то время, какъ онъ занималъ второстепенныя должности; союзническая война, во время которой Марій уронилъ свою репутацію полководца и былъ отставленъ, послужила фундаментомъ для военной репутаціи Суллы и возвысила его до
консульства; революція 666 года, бывшая въ сущности личной борь- 88
бой между двумя полководцами, окончилась проскрипціей и бѣгствомъ Марія. Почти самъ того не добиваясь, Сулла сдѣлался самымъ знаменитымъ полководцемъ своего времени и оплотомъ олигархіи. Послѣ того наступили новые и еще болѣе опасные кризисы—война съ Митридатомъ и Цинновская революція, но восхожденіе Сулловской счастливой звѣзды не пріостанавливалось. Подобно капитану, который, не заботясь о тушеніи пожара на своемъ кораблѣ, не перестаетъ стрѣлять въ непріятеля, Сулла не обращалъ вниманія на бушевавшую въ Италіи революцію и не покидалъ Азіи, пока не осилилъ врага. Покончивъ это дѣло, онъ подавилъ анархію и спасъ столицу отъ сожженія, которымъ ей грозили доведенные до отчаянія Самниты и революціонеры. Моментъ возвращенія въ отечество былъ для Суллы полонъ великихъ радостей и великой скорби; онъ самъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ теченіе первой ночи, которую провелъ въ Римѣ, онъ не могъ сомкнуть глазъ, и этому нетрудно повѣрить. Но его задача все еще не была выполнена и восхожденіе его счастливой звѣзды все еще не прекращалось. Сдѣлавшись такимъ неограниченнымъ властелиномъ, что могъ быть по-

ставленъ въ этомъ отношеніи наряду съ любымъ царемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упорно придерживаясь легальныхъ формъ, онъ обуздалъ ультра-реакціонеровъ, уничтожилъ Гракховскія учрежденія, въ теченіе сорока лѣтъ стѣснявшія олигархію, и заставилъ подчиниться вновь установленнымъ законамъ сначала тѣ двѣ силы, которыя соперничали съ олигархіей — капиталистовъ и столичныхъ пролетаріевъ, а наконецъ и проявившееся въ его собственномъ штабѣ высокомѣріе меча. Онъ поставилъ олигархію въ такое независимое положеніе, какого она прежде никогда не знала; онъ отдалъ въ ея руки власть должностныхъ лицъ, обративши ихъ въ ея послушныя орудія, предоставилъ ей законодательство, суды, высшую власть въ сферахъ военной и финансовой, создалъ для нея нѣчто въ родѣ тѣлохранителей въ лицѣ освобожденныхъ рабовъ и нѣчто въ родѣ постоянной арміи въ лицѣ военныхъ колонистовъ. Наконецъ, когда дѣло было доведено до конца, творецъ новыхъ порядковъ уступилъ свое мѣсто тому, чтó было имъ создано; неограниченный властелинъ добровольно снова превратился въ простаго сенатора. Во время всей этой долгой военной и политической дѣятельности Сулла не проигралъ ни одного сраженія, никогда не былъ вынужденъ дѣлать попятный шагъ и никогда ни друзья ни враги не мѣшали ему доводить его дѣло до намѣченной имъ самимъ цѣли. Дѣйствительно, онъ имѣлъ полное основаніе превозносить свою счастливую звѣзду. На прихотливую богиню счастья точно будто нашла на этотъ разъ прихоть быть постоянной и она тѣшилась тѣмъ, что осыпала своего любимца успѣхами и почестями, —всѣмъ, чего онъ желалъ и даже тѣмъ, чего не желалъ. Но исторія должна быть къ нему болѣе справедливой, чѣмъ онъ былъ къ самому себѣ; она должна поставить его выше категоріи простыхъ баловней фортуны.

Сулла и его твореніе. Государственныя учрежденія Суллы не были такимъ же продуктомъ политической геніальности, какимъ напримѣръ были учрежденія Гракха и Цезаря. Въ нихъ незамѣтно ни одной новой политической мысли,—конечно потому, что ихъ главною цѣлію было возстановленіе прежнихъ порядковъ; они были обязаны своими главными отличительными чертами не самому Суллѣ: и вступленіе въ сенатъ черезъ квестуру, и устраненіе цензорскаго права исключать изъ сената его членовъ, и законодательная инициатива сената, и превращеніе трибунской должности въ орудіе, съ помощью котораго сенатъ могъ обуздывать полновластіе должностныхъ лицъ, и продленіе срока высшей должности на два года, и передача военнаго командованія изъ рукъ народныхъ должностныхъ лицъ въ руки сенаторскихъ проконсуловъ или пропреторовъ и даже новый порядокъ уголовнаго судопроизводства и новыя муниципальныя учрежденія были дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ олигархическихъ учрежденій и были только регулированы и прочно установлены Суллой. Даже

если сравнить сопровождавшіе Сулловскую реставрацію ужасы — проскрипціи и конфискаціи съ тѣмъ, чтó дѣлали Назика, Попиллій, Опимій, Цепіонъ и многіе другіе, то развѣ въ нихъ можно видѣть чтó либо другое, кромѣ облеченія въ легальную форму той манеры отдѣлываться отъ своихъ противниковъ, которая была издавна въ обычаяхъ олигархіи? Къ римской олигархіи того времени нельзя относиться иначе, какъ съ неумолимымъ и безусловнымъ порицаніемъ, которое падаетъ на все, чтó находилось съ нею въ связи, и конечно также на Сулловскія учрежденія. Похвала, вызванная геніальностью зла, погрѣшила-бы передъ правдивостью исторіи; однако не слѣдуетъ позабывать, что отвѣтственность за Сулловскую реставрацію падаетъ гораздо менѣе на самого Суллу, чѣмъ на властвовавшую въ теченіе многихъ столѣтій клику и на всю римскую аристократію, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе впадавшую въ старческое изнеможеніе и ожесточеніе; отъ этой послѣдней и исходило все, что было въ той реставраціи нелѣпаго и пагубнаго. Сулла переустроилъ государство, но не какъ хозяинъ дома, который по своему собственному усмотрѣнію вводитъ порядокъ въ своемъ разстроенномъ хозяйствѣ и въ средѣ своей прислуги, а какъ временный управитель, вѣрно исполняющій данныя ему указанія; въ подобныхъ случаяхъ было бы неосновательно сваливать окончательную и главную отвѣтственность съ хозяина дѣла на его управляющаго. Мы оцѣнили-бы слишкомъ высоко личное значеніе Суллы или, вѣрнѣе, мы слишкомъ легко примирились бы съ тѣми ужасными непоправимыми и никогда ничѣмъ незаглаженными проскрипціями, экспропріаціями и реставраціями, если бы считали ихъ дѣломъ тирана, случайно поставленнаго во главѣ государства. Все это было дѣломъ знати и терроромъ реставраціи, а Сулла былъ при этомъ,—какъ выразился одинъ поэтъ,—ничѣмъ инымъ, какъ сѣкирой палача, безсознательно исполняющей чужую волю. Эту роль Сулла исполнилъ въ удивительномъ, даже демонскомъ совершенствѣ; но внутри указанныхъ ею границъ его дѣятельность была не только грандіозной, но даже полезной. Ни одна аристократія, такъ-же глубоко павшая и такъ-же постоянно все глубже падавшая, какъ тогдашняя римская, никогда не находила такого защитника, который былъ бы, подобно Суллѣ, готовъ и способенъ обнажать за нее свой мечъ полководца и водить перомъ законодателя, не пытаясь захватить власть въ свои собственныя руки. Конечно есть разница въ томъ, пренебрегаетъ-ли полководецъ скипетромъ изъ сознанія гражданскаго долга или же только потому, что онъ пресытился жизнію; но по совершенному отсутствію политическаго эгоизма — и конечно только по этому одному — Сулла достоинъ того, чтобъ его ставили наравнѣ съ Вашингтономъ.

Достоинства Сулловских учреждений. Но не одна аристократія, а также вся страна была ему обязана гораздо болѣе, чѣмъ сколько это сознавали слѣдующія поколѣнія. Сулла положилъ конецъ италійской революціи, вызванной униженіемъ менѣе привилегированныхъ областей передъ болѣе привилегированными, а заставивши своихъ приверженцевъ признать легальную равноправность всѣхъ Италійцевъ, онъ сдѣлался настоящимъ и послѣднимъ творцомъ полнаго государственнаго объединенія Италіи; за этотъ благотворный результатъ было не слишкомъ дорого заплочено безпредѣльными страданіями и потоками крови. Но этимъ не ограничилась дѣятельность Суллы. Въ теченіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ могущество Рима приходило въ упадокъ и въ столицѣ постоянно господствовала анархія,—вѣдь сенатское управленіе было при Гракховскихъ учрежденіяхъ настоящей анархіей, а во время управленія Цинны и Карбона водворилось еще гораздо болѣе пагубное безначаліе, которое обнаружилось всего яснѣе и самымъ отвратительнымъ образомъ въ безсмысленномъ и противоестественномъ союзѣ съ Самнитами; это было самое смутное, самое невыносимое и самое безвыходное политическое положеніе, какое только можно себѣ представить; это было по истинѣ началомъ конца. Можно безъ всякаго преувеличенія утверждать, что давно уже расшатанная въ своихъ основаніяхъ римская республика неизбѣжно должна была рухнуть, еслибы ее не спасъ Сулла своей дѣятельностью въ Азіи и въ Италіи. Конечно, въ государственныхъ учрежденіяхъ Суллы было такъ-же мало устойчивости, какъ и въ учрежденіяхъ Кромвеля, и не трудно было замѣтить, что ихъ фундаментъ непроченъ; но лишь непростительное легкомысліе можетъ оставлять безъ вниманія тотъ фактъ, что, не будь Суллы, волны, по всему вѣроятію, унесли-бы даже то мѣсто, на которомъ было воздвигнуто государственное зданіе; къ тому-же Сулла не былъ главнымъ виновникомъ непрочности этого зданія. Государственный дѣятель сооружаетъ только то, что́ можно соорудить въ отведенной ему сферѣ. Сулла сдѣлалъ все, что́ могъ сдѣлать человѣкъ консервативныхъ убѣжденій для поддержанія старинныхъ учрежденій; онъ самъ сознавалъ, что, будучи въ состояніи воздвигнуть крѣпость, онъ не былъ въ состояніи снабдить ее гарнизономъ, и что безпредѣльное ничтожество олигарховъ сдѣлаетъ тщетной всякую попытку спасти олигархію. Его учрежденія были похожи на плотину, построенную среди бушующихъ морскихъ волнъ; строителя нельзя упрекать за то, что лѣтъ черезъ десять волны снесутъ плотину, которая построена при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и которую не оберегаютъ даже тѣ, для кого она построена. Для того, чтобъ государственный человѣкъ оцѣнилъ по достоинству Сулловскую эфемерную реставрацію, нѣтъ надобности указывать ему на очень похвальныя отдѣльныя реформы, какъ напримѣръ на азіатскую податную систему и на уголовное судопроиз-

водство; онъ усмотритъ въ этой реставраціи достойное удивленія переустройство римской республики, вѣрно задуманное и послѣдовательно исполненное не смотря на возникавшія со всѣхъ сторонъ нескончаемыя препятствія; въ его глазахъ спаситель Рима и довершитель объединенія Италіи будетъ стоять если не наравнѣ, то почти наравнѣ съ Кромвелемъ.

Безнравственность Сулловской реставраціи.

Конечно, не одни государственные люди имѣютъ право голоса въ судѣ надъ умершими: возмущенное человѣческое сердце никогда не помирится съ тѣмъ, что̀ дѣлалъ Сулла и что̀ онъ позволялъ дѣлать другимъ. Сулла не только прибѣгалъ къ страшнымъ насиліямъ, чтобъ достигнуть полновластія, но и съ цинической откровенностью называлъ вещи ихъ настоящими именами; этимъ онъ рѣшительно оттолкнулъ отъ себя огромное большинство малодушныхъ людей, которыхъ пугаетъ не столько сама вещь, сколько ея названіе, а отъ того, что онъ совершалъ злодѣянія хладнокровно и ни отъ кого ихъ не скрывая, онъ оскорбляетъ нравственное чувство еще болѣе, чѣмъ злодѣй, увлекающійся своими страстями. Проскрипціи, выдача наградъ палачамъ, конфискація собственности и короткая расправа съ непокорными офицерами были въ то время обыкновенными явленіями, а притупившаяся политическая нравственность древней цивилизаціи относилась къ такимъ дѣламъ лишь съ холоднымъ порицаніемъ; но то было, дѣйствительно, неслыханнымъ дѣломъ, что имена свободныхъ людей публично вносились въ списки проскриптовъ, что головы казненныхъ публично выставлялись на показъ, что убійцамъ назначалась въ награду опредѣленная сумма, что уплата такихъ наградъ записывалась формальнымъ порядкомъ въ кассовыхъ книгахъ, что конфискованное имущество продавалось на публичной площади съ молотка подобно отнятой у непріятеля добычи, что полководецъ приказывалъ заколоть непокорнаго офицера и открыто въ этомъ сознавался при всемъ народѣ. Такое публичное пренебреженіе къ требованіямъ человѣколюбія было кромѣ того и политической ошибкой; оно было въ значительной степени причиной того, что возникавшіе впослѣдствіи революціонные кризисы были заражены жестокосердіемъ и что до сихъ поръ лежитъ черное пятно на памяти виновника проскрипцій.—Справедливаго порицанія заслуживаетъ и то, что Сулла, поступавшій въ важныхъ дѣлахъ съ безпощадной энергіей, нерѣдко увлекался своимъ сангвиническимъ темпераментомъ, своими симпатіями или антипатіями, если дѣло шло о дѣлахъ второстепенной важности и въ особенности въ личныхъ вопросахъ. Когда въ его душѣ зарождалась ненависть въ родѣ той, какую внушали ему оба Марія, онъ приносилъ ей въ жертву даже совершенно невинныхъ людей и самъ хвастался, что никто не умѣлъ лучше его распла-

чиваться съ друзьями и съ врагами *). Пользуясь своимъ всемогуществомъ, онъ накопилъ колоссальное состояніе. Этотъ первый римскій самодержецъ нарушалъ самимъ-же имъ изданные законы о нарушеніи супружеской вѣрности и объ ограниченіи роскоши и этимъ оправдывалъ на себѣ тотъ основной принципъ абсолютизма, что для монарха необязательно исполненіе законовъ. Но снисходительность, съ которою онъ относился къ своимъ приверженцамъ и къ своимъ приближеннымъ, была еще болѣе пагубна для государства, чѣмъ снисходительность къ самому себѣ. Сюда слѣдуетъ отнести распущенность его военной дисциплины, хотя она и была отчасти вызвана политической необходимостью; но еще вреднѣе была поблажка, которую у него находили его политическіе единомышленники. Трудно повѣрить, что̀ ему случалось выносить; такъ напримѣръ, Луцій Мурена, потерпѣвшій пораженія (стр. 338) вслѣдствіе своего возмутительнаго безразсудства и неповиновенія, не только не былъ подвергнутъ никакому наказанію, но даже удостоился тріумфа, а еще болѣе провинившагося Гнейя Помпея Сулла осыпалъ еще болѣе щедрыми почестями (стр. 337, 372). Проскрипціи и конфискаціи получили страшные размѣры и сопровождались ужасными злодѣяніями, по всему вѣроятію, не столько по личному желанію Суллы, сколько вслѣдствіе такого индеферентизма, который едва-ли извинителенъ при его положеніи. Понятно, что при своей врожденной энергичности, соединявшейся съ наклонностью къ безпечности, онъ былъ то неимовѣрно снисходителенъ, то безпощадно взыскателенъ. Про него тысячу разъ писали, что до своего диктаторства онъ былъ человѣкомъ добрымъ и мягкосердечнымъ, а въ званіи диктатора былъ кровожаднымъ тираномъ; но это мнѣніе служитъ само для себя опроверженіемъ: изъ того, что, сдѣлавшись диктаторомъ, онъ обнаруживалъ нѣчто совершенно противуположное прежнему мягкосердечію, слѣдовало-бы заключить, что онъ наказывалъ съ такимъже небрежнымъ равнодушіемъ, съ какимъ миловалъ. Эта полу-ироническая безпечность проглядываетъ во всей его политической дѣятельности. Побѣдитель, обыкновенно приписывавшій свои побѣды не своимъ личнымъ достоинствамъ, а счастью, какъ будто не придавалъ никакой цѣны самимъ побѣдамъ; онъ какъ будто сознавалъ ничтожество и недолговѣчность того, что было имъ сдѣлано, и, подобно временнымъ правителямъ, предпочитая починку зданія его сломкѣ и постройкѣ за-ново, наконецъ доходилъ до того, что только замазывалъ щели.

Сулла послѣ своего удаленія отъ дѣлъ. Но какъ-бы то ни было, а этотъ политическій донъ-Жуанъ былъ

*) Медея говоритъ у Эврипида (807): „пусть никто не считаетъ меня смиренной и ничтожной или добродушной; я вовсе не такого нрава: для враговъ я страшна, къ друзьямъ благосклонна“.

человѣкъ съ цѣльнымъ характеромъ. Вся его жизнь служитъ доказательствомъ неизмѣняемости его врожденныхъ влеченій: въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ онъ всегда былъ одинъ и тотъ-же. Онъ не измѣнялъ своему нраву и когда снова сталъ предаваться столичной праздности послѣ своихъ блестящихъ успѣховъ въ Африкѣ, и когда находилъ въ своей куманской виллѣ покой и отдыхъ послѣ обладанія неограниченною властію. Въ его устахъ то не было пустой фразой, что общественная дѣятельность была для него бременемъ, которое онъ сбрасывалъ съ себя лишь только имѣлъ на то право и возможность. И послѣ своего отреченія отъ власти, онъ оставался такимъ-же, какимъ всегда былъ; въ немъ не было замѣтно ни раздраженія ни аффектаціи и онъ казался довольнымъ тѣмъ, что избавился отъ занятія государственными дѣлами, хотя при случаѣ все-таки въ нихъ вмѣшивался. Часы своего досуга онъ посвящалъ охотѣ, рыбной ловлѣ и составленію своихъ мемуаровъ, а въ промежуткахъ между этими занятіями онъ, по просьбѣ неладившихъ между собою гражданъ сосѣдней колоніи Путеоли, ввелъ у нихъ порядокъ такъ-же прочно и быстро, какъ ранѣе того ввелъ порядокъ въ столицѣ. Передъ своею смертію онъ заботился о покрытіи расходовъ на отстройку Капитолійскаго храма, которую ему не было суждено видѣть оконченной. Смерть похитила его съ небольшимъ через годъ послѣ его удаленія отъ дѣлъ, на шестидесятомъ году его жизни въ то время, какъ онъ еще былъ бодръ и тѣломъ и душою. Онъ умеръ (676) отъ кровотеченія *), очень не долго пролежавши въ постели, — еще за два дня до своей смерти онъ трудился надъ своей автобіографіей. Его неизмѣнное счастье не покинуло его и въ смерти. Ему, конечно, былобы нежелательно снова вмѣшаться въ борьбу политическихъ партій и еще разъ стать во главѣ своихъ старыхъ солдатъ для того, чтобъ подавить новую революцію; но во время его смерти Испанія и Италія находились въ такомъ положеніи, что онъ едва-ли могъ-бы уклониться отъ такого вмѣшательства, еслибы прожилъ долѣе. Даже въ то время, какъ въ столицѣ шла рѣчь о его торжественныхъ похоронахъ, нашлось не мало людей, не смѣвшихъ возвышать своего голоса при его жизни, которые стали громко протестовать противъ послѣднихъ почестей, которыя предполагалось воздать тирану. Но память о немъ еще была слишкомъ свѣжа, а страхъ, который внушали его старые солдаты, еще былъ слишкомъ силенъ; поэтому было рѣшено перенести его прахъ въ столицу и совершить тамъ обрядъ погребенія. Италія еще никогда не видала такихъ великолѣпныхъ похоронъ. Повсюду, гдѣ проносили прахъ умершаго въ

Смерть Суллы.

78

Погребеніе Суллы.

*) А не отъ вшивой болѣзни, какъ утверждаетъ другой разсказъ, — по той простой причинѣ, что такая болѣзнь существуетъ только въ воображеніи.

царскомъ убранствѣ и съ хорошо всѣмъ знакомыми знаменами и связками прутьевъ впереди, къ погребальному шествію примыкало мѣстное населеніе и въ особенности старые наемные солдаты Суллы,— точно будто вся армія Суллы хотѣла еще разъ собраться вокругъ того, кто такъ часто водилъ ее къ побѣдѣ и никогда иначе, какъ къ побѣдѣ. Нескончаемое погребальное шествіе наконецъ достигло столицы, гдѣ суды были закрыты, всякія дѣловыя занятія были прерваны, а умершаго ожидали двѣ тысячи золотыхъ вѣнцовъ, которые были послѣдними почетными дарами отъ преданныхъ ему легіоновъ, городовъ и самыхъ близкихъ друзей. Придерживаясь наслѣдственнаго въ родѣ Корнеліевъ обычая, Сулла приказалъ похоронить свой прахъ необращеннымъ въ пепелъ; но другіе лучше его помнили, что̀ случалось въ былыя времена, и предвидѣли, что̀ могло случиться въ будущемъ,—и сенатъ приказалъ сжечь прахъ того человѣка, который не позволилъ костямъ Марія спокойно лежать въ гробу. Погребальная процессія достигла главной городской площади въ сопровожденіи всѣхъ должностныхъ лицъ и всего сената, жрецовъ и жрицъ въ ихъ полномъ облаченіи, и толпы знатныхъ юношей, одѣтыхъ въ воинскіе доспѣхи; на этой площади, гдѣ всё напоминало о его подвигахъ и точно будто еще слышался отголосокъ его грозныхъ рѣчей, было произнесено надъ его прахомъ надгробное слово; погребальныя носилки были перенесены оттуда на плечахъ сенаторовъ на Марсово поле, гдѣ былъ воздвигнутъ костёръ. Въ то время, какъ пылало пламя костра, всадники и солдаты совершали вокругъ трупа почетный бѣгъ; но пепелъ отъ сожженнаго трупа диктатора былъ похороненъ на Марсовомъ полѣ рядомъ съ гробницами прежнихъ царей и римскія женщины носили по немъ трауръ въ теченіе цѣлаго года.

ГЛАВА XI.

Республика и ея хозяйство.

Внѣшнее и внутреннее банкротство римскаго государства.

И такъ, мы описали событія девяносто-лѣтняго промежутка времени, въ теченіе котораго сорокъ лѣтъ прошло въ глубокомъ спокойствіи, а пятьдесятъ лѣтъ въ почти непрерывныхъ государственныхъ тревогахъ. Это была самая безславная эпоха во всей римской исторіи. Хотя Римляне и проникли въ западномъ направленіи за Альпы (стр. 161, 170) и на испанскомъ полуостровѣ вплоть до береговъ Атлантическаго океана (стр. 18), а въ восточномъ направленіи на македонско-греческомъ полуостровѣ вплоть до береговъ Дуная (стр. 173), но это были столько-же дешёвые, сколько безплодные лавры. Въ сущности нисколько не расширилась сфера тѣхъ «иностранныхъ націй, которыя находились въ безусловной зависимости отъ римскаго гражданства, были ему подвластны, подчинялись его владычеству или состояли съ нимъ въ дружбѣ» *); римское правительство довольствовалось тѣмъ, что извлекало пользу изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ болѣе счастливыя времена, и мало по малу обращало въ полное подданство тѣ общины, которыя были привязаны къ Риму слабыми узами зависимости. Съ виду блестящее пріобрѣтеніе новыхъ провинцій прикрывало очень чувствительный упадокъ римскаго могущества. Въ то время, какъ вся древняя цивилизація все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ римскомъ государствѣ и облекалась тамъ въ обще-доступныя формы, невходившіе въ ея сферу народы, которые жили на той сторонѣ Альповъ и Евфрата, стали переходить отъ обороны къ нападенію. На поляхъ сраженій при Аквахъ и при Верчеллахъ, при Херонеѣ и при Орхоменѣ, уже слышались первые раскаты грома, предвѣщавшіе италійско-греческому міру грозныя нашествія германскихъ народовъ и

*) Словами Exterae nationes in arbitratu dicione potestate amicitiave populi Romani [Lex repet., строка 1] офиціально обозначали неиталійскихъ подданныхъ и кліентовъ въ противоположность съ италійскими „союзниками и соплеменниками“ [socii nominisve Latini].

азіатскихъ ордъ, и долетѣвшіе въ своихъ слабыхъ отголоскахъ едва-ли не до нашихъ современниковъ. И въ томъ, что касается внутренняго развитія, эта эпоха носитъ на себѣ такой-же отпечатокъ. Старые порядки рушатся безвозвратно. Римская республика была организована въ видѣ городской общины, въ которой свободные граждане сами выбирали правителей и издавали законы, а эти умудренные добрыми совѣтами правители дѣйствовали въ установленныхъ законами границахъ съ царскою властью; къ ней примкнули съ одной стороны италійскіе союзники, то есть свободныя городскія общины, въ сущности однородныя съ римскою общиной и одного съ нею племеннаго происхожденія, съ другой стороны внѣ-италійскіе союзники, то есть вольные греческіе города и варварскіе народы и правители; тѣ и другіе находились скорѣе подъ римской опекой, чѣмъ подъ римскимъ владычествомъ. Окончательнымъ результатомъ революціи было то, что отъ этого почтеннаго зданія,—въ началѣ описанной эпохи еще прямо стоявшаго на своемъ фундаментѣ не смотря на то, что оно уже начинало давать трещины и расшатываться, — не осталось въ концѣ той-же эпохи камня на камнѣ; этому содѣйствовали и въ этомъ отношеніи сходились обѣ партіи, какъ номинально-консервативная, такъ и демократическая. Верховная власть стала переходить или въ руки одного человѣка, или въ руки замкнутой олигархіи, состоявшей то изъ родовой, то изъ денежной аристократіи. Гражданство лишилось всякаго легальнаго участія въ дѣлахъ управленія. Должностныя лица превратились въ лишенныя самостоятельности орудія наличнаго властителя. Римская городская община сама подорвала свое существованіе тѣмъ, что расширилась далѣе своихъ естественныхъ границъ. Италійская федерація слилась съ городской общиной. Внѣ-италійскихъ союзниковъ неминуемо ожидало превращеніе въ подданныхъ. Всѣ органическія части римскаго общиннаго устройства исчезли и отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ безобразной груды болѣе или менѣе негоднаго матеріала. Римъ пришолъ въ такое положеніе, что слѣдовало опасаться полной анархіи и какъ внутренняго такъ и внѣшняго разложенія римскаго государства. Главною цѣлію политическихъ партій сдѣлалось водвореніе деспотизма; онѣ еще не сходились между собою только въ томъ, кому слѣдуетъ предоставить роль деспота,—замкнутой-ли сферѣ знатныхъ фамилій, сенату-ли, составленному изъ капиталистовъ, или монарху. Политическое движеніе вообще держалось того пути, который ведетъ къ деспотизму: всѣ политическія партіи отказались отъ того основнаго принципа свободныхъ республиканскихъ учрежденій, что всѣ борящіяся между собою силы должны ограничиваться косвеннымъ давленіемъ одна на другую; сначала эти партіи оспаривали одна у другой верховную власть при помощи дубины, а потомъ скоро взялись

и за мечъ. Революція уже была доведена до конца въ томъ отношеніи, что обѣ стороны признали старыя государственныя учрежденія окончательно отмѣненными, а цѣли и пути для новаго политическаго развитія были ясно установлены; но для этого государственнаго переустройства до того времени принимались только временныя мѣры: ни Гракховскія, ни Сулловскія государственныя учрежденія не были окончательнымъ рѣшеніемъ. Но въ это печальное время всего печальнѣе было то, что даже самые дальновидные патріоты утрачивали и вѣру въ будущее и душевную энергію. Солнце свободы неудержимо клонилось къ закату; вмѣстѣ съ нимъ исчезалъ неисчерпаемый источникъ благодати, и сумерки стали опускаться надъ міромъ, который еще такъ недавно былъ озаренъ такимъ блескомъ. Это не была одна изъ тѣхъ случайныхъ катастрофъ, отъ которыхъ могутъ предохранить патріотизмъ и геній; римская республика погибала отъ старинныхъ общественныхъ язвъ, главнымъ образомъ отъ того, что невольничій пролетаріатъ раззорилъ среднее сословіе. Даже самый осмотрительный государственный человѣкъ былъ теперь поставленъ въ положеніе врача, который находится въ мучительной нерѣшимости, слѣдуетъ-ли продлить или прекратить агонію умирающаго. Для Рима, безъ сомнѣнія, было-бы тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе были-бы отброшены какимъ нибудь деспотомъ всѣ остатки старинныхъ свободныхъ учрежденій и были бы отысканы новыя формы и новыя формулы для той ограниченной доли человѣческаго благосостоянія, какая совмѣстима съ абсолютизмомъ; при тогдашнемъ положеніи дѣлъ монархія имѣла то существенное преимущество надъ всякой олигархіей, что коллегіальное правительство не способно къ такому все энергически нивеллирующему и энергически вновь созидающему деспотизму, какой былъ въ то время нуженъ. Но такія хладнокровныя соображенія несоставляютъ исторіи; не разсудокъ, а страсть созидаетъ для будущаго. Поэтому Римлянамъ приходилось уживаться съ неизвѣстностью на счётъ того, долго-ли ихъ республика не будетъ въ состояніи ни жить ни умереть и найдетъ-ли она наконецъ въ какомъ нибудь энергичномъ человѣкѣ своего властелина, и, насколько это было возможно, своего возсоздателя, или же погибнетъ отъ страданій и безсилія.

Государственное хозяйство.

Намъ еще остается описать, — насколько это не было сдѣлано ранѣе, — экономическіе и соціальные порядки того времени.

Главной основой для государственнаго хозяйства служили, съ самаго начала описываемой эпохи, доходы, получавшіеся съ провинцій. Со времени битвы при Пиднѣ прекратилось въ Италіи взиманіе поземельныхъ налоговъ, которые и до того времени взыскивались въ видѣ экстраординарной прибавки къ постояннымъ доходамъ отъ государственныхъ имуществъ и изъ другихъ источниковъ; съ тѣхъ поръ полное

освобожденіе отъ поземельныхъ налоговъ стало считаться за легальную привилегію римскихъ землевладѣльцевъ. Такія государственныя регаліи, какъ соляная монополія (1, стр. 791) и право чеканить монету, если когда нибудь и считались за источники доходовъ, то никакъ не въ эту эпоху. И новый налогъ на наслѣдства (1, стр. 845) вышелъ изъ употребленія или, быть можетъ, былъ окончательно отмѣненъ. Поэтому римское государственное казначейство не извлекало изъ Италіи (со включеніемъ Цизальпійской Галліи) никакихъ другихъ денежныхъ рессурсовъ, кромѣ доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, въ особенности отъ кампанской территоріи и отъ золотыхъ пріисковъ, находившихся въ странѣ Кельтовъ, и кромѣ пошлинъ съ отпущеній на волю и съ товаровъ, привозившихся моремъ въ римскій городской округъ не для собственнаго употребленія, а для продажи; эти пошлины въ сущности были налогомъ на роскошь, а доходъ отъ нихъ долженъ былъ значительно увеличиться съ тѣхъ поръ, какъ вся Италія (по всему вѣроятію, со включеніемъ Цизальпійской Галліи) вошла въ составъ римской городской территоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сферу таможенной области.

Доходы съ провинцій.

Въ провинціяхъ римское государство объявило своею частною собственностью частію всю территорію тѣхъ государствъ, существованіе которыхъ было уничтожено по праву завоеванія, частію коронныя земли въ тѣхъ государствахъ, гдѣ римское правительство замѣнило прежнихъ владѣтелей; поэтому, территорія Леонтинъ, Кареагена и Коринеа, коронныя земли царей Македоніи, Пергама и Кирены, рудники испанскіе и македонскіе считались римскою казенною собственностью и, подобно капуанской территоріи, сдавались римскими цензорами въ аренду съ обязательствомъ уплачивать или опредѣленную долю дохода или опредѣленную годовую сумму. Ранѣе (стр. 112, 118) уже было замѣчено, что Гай Гракхъ зашолъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: онъ объявилъ всѣ провинціальныя земли римскою казенною собственностью и на практикѣ примѣнилъ этотъ принципъ прежде всего къ провинціи Азіи, такъ какъ введеніе тамъ десятинныхъ налоговъ на земельную собственность и пошлинъ пастбищныхъ и портовыхъ онъ легально мотивировалъ принадлежавшимъ римскому государству правомъ собственности на пахатныя поля, луга и берега провинціи все равно, кому-бы они прежде ни принадлежали — царямъ или частнымъ людямъ.

Доходы съ казенныхъ имуществъ.

Налоги.

Въ ту пору, какъ кажется, и въ провинціяхъ еще не было доходныхъ государственныхъ монополій; запрещеніе заниматься въ Трансальпійской Галліи винодѣліемъ и разведеніемъ маслинъ не доставило государственной казнѣ существенныхъ выгодъ. За то прямые и косвенные налоги взыскивались въ большихъ размѣрахъ. Тѣ изъ вассальныхъ государствъ, которыя были признаны вполнѣ самодержавными, какъ напримѣръ царства нумидійское и каппадокійское,

союзные города (civitates foederatae) Родосъ, Мессана, Тавроменій, Массилія, Гадесъ, были легально освобождены отъ всякихъ налоговъ и только въ силу заключенныхъ съ Римомъ договоровъ были обязаны доставлять римской республикѣ въ военное время опредѣленное число кораблей и солдатъ на свой собственный счетъ, а въ экстренныхъ случаяхъ всячески оказывать ей содѣйствіе. Напротивъ того, остальная провинціальная территорія, даже со включеніемъ вольныхъ городовъ, постоянно облагалась налогами; исключеніе составляли только тѣ города, которые были, подобно Нарбону, надѣлены правами римскаго гражданства, и тѣ общины, которыя, подобно Кенторипѣ въ Сициліи, были по особому распоряженію освобождены отъ всякихъ налоговъ (civitates immunes). Прямые налоги частію состояли, какъ напримѣръ въ Сициліи и въ Сардиніи, изъ права взыскивать десятую часть *) собраннаго хлѣба и другихъ полевыхъ продуктовъ, какъ-то винограда и маслинъ, частію изъ пастбищнаго сбора, если земля служила выгономъ для скота; а въ Македоніи, въ Ахаіи, въ Киренѣ, въ бо́льшей части Африки, въ обѣихъ Испаніяхъ и со временъ Суллы въ Азіи, они состояли изъ опредѣленной денежной суммы, которую каждая община была обязана ежегодно уплачивать Риму (stipendium, tributum) и которая была назначена, напримѣръ, для всей Македоніи въ 600.000 денаріевъ, (183.000 талер.), для маленькаго острова Гіара (подлѣ Андроса) въ 150 денаріевъ (46 тал.) и повидимому вообще была гораздо менѣе значительна, чѣмъ тѣ налоги, которые взыскивались до римскаго владычества. Эти десятинные и пастбищные сборы государство отдавало на откупъ частнымъ людямъ съ обязательствомъ доставлять опредѣленное количество зерноваго хлѣба или уплачивать опредѣленную денежную сумму, а денежную подать оно предоставляло отдѣльнымъ общинамъ распредѣлять между плательщиками и взыскивать согласно съ общими правилами, установленными на этотъ предметъ римскимъ правительствомъ **).

---

*) Эту десятинную подать, взыскивавшуюся государствомъ съ земельной собственности частныхъ лицъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ десятиннымъ сборомъ, которымъ оно облагало, въ качествѣ собственника, казенныя земли. Первая отдавалась въ Сициліи на откупъ и имѣла разъ на всегда установленный размѣръ; второй [въ особенности на леонтинской территоріи] отдавался въ Римѣ на откупъ цензорами, которые по своему усмотрѣнію устанавливали размѣръ взыскиваемой доли дохода и другія условія найма [Цицер. Verr. 3, 6, 13. 5, 21, 53; De l. agr. 1, 2, 4. 2, 18, 48]. Сравн. мое Staatsrecht, 2, 429.

**) Это, какъ кажется, дѣлалось слѣдующимъ образомъ. Римское правительство прежде всего установляло видъ подати и ея размѣры: такъ напримѣръ въ Азіи взыскивали десятый снопъ и на основаніи порядковъ, введенныхъ Суллой и Цезаремъ [Аппіанъ, Bel. Civ. 5, 4]; по распоряженію Цезаря, Іудеи упла-

Косвенные налоги. Косвенные налоги,—если не считать второстепенныхъ доходовъ, которые доставлялись сборами на шоссейныхъ дорогахъ, мостахъ и каналахъ,—состояли главнымъ образомъ изъ таможенныхъ пошлинъ. Въ древности, таможенныя пошлины взыскивались если не исключительно, то бо́льшею частію въ портовыхъ городахъ и лишь изрѣдка на сухопутной границѣ; ими облагались товары, которые ввозились или вывозились для продажи; каждая община опредѣляла ихъ размѣръ для своихъ гаваней и для своей территоріи. И Римляне придерживались этихъ общихъ правилъ, пока ихъ первоначальная таможенная область простиралась не далѣе римскаго гражданскаго округа, а границы ихъ владѣній не совпадали съ таможенными границами; поэтому у нихъ вовсе не было общихъ для всего государства таможенныхъ пошлинъ; только путемъ государственныхъ договоровъ они выговаривали въ вассальныхъ общинахъ для римскаго государства полную свободу отъ таможенныхъ пошлинъ, а для римскихъ гражданъ по меньшей мѣрѣ особыя въ этомъ отношеніи привилегіи. Но въ тѣхъ областяхъ, которыя не были допущены до заключенія союзныхъ договоровъ съ Римомъ, а находились у него въ полномъ подданствѣ и не получили особыхъ льготъ, таможенные доходы, натурально, принадлежали законному властителю, то есть римской

чивали черезъ каждые два года четвертую часть посѣва [Іосифъ, 4, 10, 6; сравн. 2. 5]; въ Киликіи и въ Сиріи впослѣдствіи взыскивалось 5 процентовъ съ имущества [Аппіанъ, Syr. 50]; въ Африкѣ, какъ кажется, также былъ введенъ такой налогъ, но имущество, какъ кажется, оцѣнивалось на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, какъ напримѣръ, по величинѣ землевладѣнія, по числу дверныхъ отверстій, по числу дѣтей и рабовъ [exactio capitum atque ostiorum, Цицер. ad Famil. 3, 8, 5,—для Киликіи; φόρος ἐπὶ τῇ γῇ καὶ τοῖς σώμασιν, Аппіанъ. Pun. 135,—для Африки]. По этой нормѣ общинныя власти установляли подъ высшимъ надзоромъ римскаго намѣстника [Цицер. ad Quint. fr. I, 1, 8; Sen. Cons. de Asclep. 22, 23], кто долженъ былъ уплачивать налоги и сколько долженъ былъ вносить плательщикъ [imperata ἐπικεφάλια, Цицер. ad Att. 5, 16]; если кто не исполнялъ этой обязанности своевременно, то его податная недоимка продавалась, такъ-же какъ это дѣлалось въ Римѣ, то есть право ея взысканія передавалось откупщику вмѣстѣ съ нѣкоторой прибавкой на покрытіе расходовъ [venditio tributorum, Цицер. ad Fam. 3, 8, 5; ὠνὰς omnium venditas, Циц. ad Att. 5, 16]. Выручка отъ сбора этихъ налоговъ доставлялась въ главную общину,—такъ напримѣръ Іудеи должны были отправлять свой зерновой хлѣбъ въ Сидонъ,—а оттуда уже доставлялись въ Римъ денежныя суммы въ установленномъ размѣрѣ. Стало быть и эти налоги взыскивались черезъ посредниковъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, или оставляли часть выручки въ свою пользу или должны были приплачивать изъ своего собственнаго кармана. Отличіе этого способа взысканія отъ взысканія чрезъ посредство откупщиковъ заключалось въ томъ, что здѣсь посредниками являются общинныя власти, а тамъ частныя лица.

общинѣ; послѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя изъ находившихся внутри государства большихъ областей были поставлены въ положеніе отдѣльныхъ римскихъ пошлинныхъ округовъ, внутри которыхъ нѣкоторыя союзныя или пользовавшіяся особыми льготами общины были совершенно освобождены отъ уплаты римскихъ таможенныхъ пошлинъ. Такъ напримѣръ, Сицилія составляла еще со временъ кареагенскихъ войнъ особый таможенный округъ, на границѣ котораго взималась со стоимости всѣхъ предметовъ вывоза и ввоза пяти-процентная пошлина; въ силу Семпроніевскаго закона (стр. 112), такія-же пошлины въ размѣрѣ $2^1/_2$ процентовъ взимались на границахъ Азіи; и провинція Нарбонъ, территорія которой находилась въ исключительной собственности римской колоніи, также составляла римскій таможенный округъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ быть можетъ имѣлись въ виду не однѣ только выгоды казны, а также другая похвальная цѣль — путемъ уравненія пограничныхъ пошлинъ устранить ту путаницу, которая неизбѣжно возникаетъ отъ разнообразія таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ общинами. Собираніе этихъ пошлинъ, точно такъ-же какъ и собираніе десятины, повсюду сдавалось съ торговъ откупщикамъ.

Издержки взиманія. Этимъ и ограничивались обыкновенныя денежныя повинности, лежавшія на плательщикахъ римскихъ налоговъ; однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что расходы по взысканію этихъ повинностей были очень значительны и что съ плательщиковъ податей взыскивалось гораздо болѣе того, что получалось отъ нихъ римскимъ правительствомъ. Система взысканія податей черезъ посредство третьихъ лицъ и въ особенности черезъ посредство такихъ, которые берутъ на откупъ цѣлыя провинціи, и сама по себѣ обходится дороже всякой другой; а въ римскихъ владѣніяхъ она была до крайности обременительна для плательщиковъ вслѣдствіе того, что отдававшіеся на откупъ податные сборы не дробились на мелкія части и что громадныя ассоціаціи капиталистовъ устраняли благотворную конкурренцію.

Реквизиціи. Къ этимъ постояннымъ повинностямъ слѣдуетъ присовокупить и реквизиціи. Расходы на военное управленіе падали по закону на римскую общину. Она снабжала всѣхъ военныхъ начальниковъ провинцій перевозочными средствами и всѣмъ, что имъ было нужно; она же уплачивала стоявшимъ въ провинціяхъ римскимъ войскамъ жалованье и снабжала ихъ продовольствіемъ. Провинціальныя общины были обязаны безвозмездно доставлять римскимъ должностнымъ лицамъ и солдатамъ только помѣщеніе, дрова, сѣно и нѣкоторые другіе предметы потребленія; вольные города обыкновенно освобождались даже отъ обязанности размѣщать у себя римскія войска на зимнихъ квартирахъ, — съ устройствомъ постоянныхъ лагерей Римляне въ то время еще не были знакомы. Поэтому, когда намѣ-

стнику нужны были хлѣбъ, корабли, невольники для службы на этихъ корабляхъ, холстъ, кожи, деньги или что-либо другое, то онъ имѣлъ право требовать отъ находившихся въ римскомъ подданствѣ общинъ и отъ самодержавныхъ вассальныхъ государствъ удовлетворенія этихъ потребностей по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности; это право принадлежало ему въ мирное время почти такъ-же безусловно, какъ и въ военное; однако доставка всего, что онъ требовалъ, считалась по закону,—такъ-же, какъ и уплата римской поземельной подати,—продажей или ссудой и за нее выдавалось вознагражденіе изъ римскаго государственнаго казначейства или немедленно или впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе эти реквизиціи были для провинціальнаго населенія одной изъ самыхъ обременительныхъ повинностей если не по теоріи государственнаго права, то на практикѣ; особенно обременительны были онѣ потому, что размѣръ вознагражденія обыкновенно назначался самимъ правительствомъ или даже самимъ намѣстникомъ, а мнѣніе противной стороны неспрашивалось. Правда, встрѣчаются нѣкоторыя легальныя ограниченія этого опаснаго права высшихъ римскихъ должностныхъ лицъ прибѣгать къ реквизиціямъ,—такъ напримѣръ ранѣе упомянутое нами (1, стр. 679) постановленіе запрещало брать въ Испаніи съ земледѣльцевъ въ видѣ реквизицій болѣе одной двадцатой доли урожая и назначать размѣръ вознагражденія по личному произволу; кромѣ того, былъ установленъ высшій размѣръ хлѣбныхъ запасовъ, которыхъ имѣлъ право требовать, въ видѣ реквизіи, намѣстникъ для самаго себя и для содержанія своей свиты, и было назначено опредѣленное, очень значительное, денежное вознагражденіе за зерновой хлѣбъ, который нерѣдко требовался для столицы, въ особенности изъ Сициліи. Однако эти мѣры лишь мѣстами облегчали, но отнюдь не устраняли тотъ тяжелый гнетъ, которымъ реквизиціи ложились на хозяйство провинціальныхъ общинъ и провинціальнаго населенія. При чрезвычайныхъ кризисахъ этотъ гнетъ неизбѣжно усиливался и нерѣдко выходилъ изъ всякихъ границъ, такъ какъ реквизиціи взыскивались тогда въ видѣ наложенныхъ въ наказаніе взысканій или въ видѣ предписанныхъ свыше добровольныхъ пособій, а вознагражденія во-
84/3 все не полагалось. Такъ напримѣръ, Сулла заставилъ въ 670/1 году жителей Малой Азіи (конечно, очень провинившихся передъ Римлянами) выдавать каждому помѣщенному къ нимъ на постой рядовому жалованье въ размѣрѣ, увеличенномъ въ сорокъ разъ (въ день по 16 денаріевъ = $3^2/_3$ талера), а каждому центуріону въ размѣрѣ, увеличенномъ въ семьдесятъ пять разъ, и кромѣ того снабжать постояльцевъ платьемъ и пищей, не отказывая имъ въ правѣ приглашать на обѣдъ гостей по ихъ усмотрѣнію; вскорѣ послѣ того, тотъ-же Сулла обложилъ вассальныя и находившіяся въ подданической зависимости общины (стр. 363) налогомъ, о возмѣщеніи котораго, конечно, не было и рѣчи.

Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду и общинныхъ повинностей. Онѣ были, по всему вѣроятію, очень значительны *), такъ какъ на бюджетъ городскихъ общинъ падали всѣ расходы по управленію, по ремонту общественныхъ зданій и вообще по гражданскому вѣдомству, а римское правительство покрывало изъ государственной казны только расходы по военному вѣдомству. Но даже нѣкоторые значительные расходы по военному вѣдомству возлагались на общины, какъ напримѣръ расходы на проведеніе и содержаніе военныхъ дорогъ внѣ Италіи, расходы на содержаніе флотовъ не въ италійскихъ моряхъ, даже въ значительной мѣрѣ расходы на содержаніе арміи, такъ какъ милиціи и вассальныхъ государствъ и тѣхъ государствъ, которыя находились въ подданствѣ у Римлянъ, обыкновенно несли военную службу внутри своей провинціи на счетъ своихъ общинъ, а римское правительство все чаще и чаще стало требовать отъ этихъ милицій военной службы даже внѣ ихъ провинцій,— Өракійцевъ оно заставляло сражаться въ Африкѣ, Африканцевъ въ Италіи и вообще повсюду, гдѣ находило въ этомъ надобность (стр. 196). Пока Италія одна несла всѣ тягости и всѣ расходы военной службы, и обложеніе прямыми налогами только провинцій, а не Италіи, было справедливо если не въ политическомъ отношеніи, то, по меньшей мѣрѣ, въ финансовомъ; но съ тѣхъ поръ какъ стали нарушать это общее правило, финансовое положеніе провинціальнаго населенія сдѣлалось крайне тяжелымъ. **Общинныя повинности.**

Наконецъ, не слѣдуетъ позабывать и множества различныхъ злоупотребленій, посредствомъ которыхъ римскія должностныя лица и откупщики податей увеличивали податное бремя провинцій. Если-бы всякій подарокъ, принятый намѣстникомъ, былъ признанъ законами за вымогательство, и еслибы законъ даже ограничилъ право намѣстника пріобрѣтать собственность путемъ покупки, то все таки,— если намѣстникъ желалъ употреблять во зло свою власть,—его офиціальная дѣятельность доставила-бы ему удобные для того случаи въ избыткѣ. Расквартированіе войскъ; безплатное занятіе квартиръ должностными лицами, адъютантами сенаторскаго или всадническаго ранга, писцами, судебными приставами, герольдами, лекарями и попами; право государственныхъ курьеровъ на безплатный проѣздъ; пріемъ и доставка тѣхъ предметовъ потребленія, которые взыскивались натурой, и главнымъ образомъ принудительныя **Вымогательства.**

*) Такъ напримѣръ, въ Іудеѣ, городъ Іафо уплачивалъ туземнымъ владѣтелямъ 26075 римскихъ шеффелей зерноваго хлѣба, а остальные Іудеи уплачивали десятый снопъ; къ этому слѣдуетъ еще присовокупить храмовой сборъ и подать въ пользу Римлянъ, доставлявшуюся въ Сидонъ. И въ Сициліи съ поземельной собственности взыскивали, кромѣ десятинныхъ сборовъ въ пользу Рима, очень значительные налоги въ пользу общинъ.

продажи и реквизиціи доставляли всѣмъ должностнымъ лицамъ возможность возвращаться изъ провинцій съ огромными состояніями; къ тому-же грабежъ становился все болѣе частымъ явленіемъ, потому что контроль со стороны правительства становился все болѣе ничтожнымъ, а состоявшіе изъ капиталистовъ суды сдѣлались опасными только для честныхъ должностныхъ лицъ. Учрежденіе въ
149 605 году (стр. 70) постоянной коммиссіи, вызванное частыми жалобами на совершавшіяся въ провинціяхъ вымогательства, и быстро слѣдовавшіе одни вслѣдъ за другими все болѣе и болѣе строгіе законы о вымогательствахъ указываютъ на постоянно возраставшіе размѣры зла такъ-же ясно, какъ гидрометръ указываетъ глубину воды.—При такомъ положеніи дѣлъ, даже умѣренное обложеніе налогами могло сдѣлаться крайне обременительнымъ; такимъ оно, безъ сомнѣнія, и было въ дѣйствительности, хотя тотъ экономическій гнетъ, которому подвергали провинціальныхъ жителей италійскіе купцы и банкиры, былъ по всему вѣроятію еще гораздо болѣе тяжелъ, чѣмъ обложеніе налогами со всѣми связанными съ нимъ злоупотребленіями.

Общій финансовый результатъ. Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ тому общему выводу, что доходы, получавшіеся Римомъ изъ провинцій, въ сущности были не налогами съподданныхъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, а чѣмъ-то въ родѣ аттической дани, съ помощью которой господствующее государство покрывало принятые имъ на себя расходы по военному вѣдомству. Этимъ объясняется и крайне незначительный размѣръ какъ валовой, такъ и чистой прибыли. Есть указаніе на то, что римскіе доходы,—по всему вѣроятію за исключеніемъ доходовъ съ Италіи и зерноваго хлѣба, получавшагося въ Италіи натурой отъ откупщиковъ десятинныхъ сборовъ,—не пре-
63 вышали до 691 года 200 милліоновъ сестерцій (15 милл. тал.) и стало быть равнялись только двумъ третямъ той суммы, которую ежегодно извлекалъ изъ своихъ владѣній египетскій царь. Но эта разница можетъ показаться удивительной только съ перваго взгляда. Птолемеи эксплуатировали нильскую долину по образцу крупныхъ плантаторовъ и извлекали громадныя суммы изъ присвоенной ими монополіи торговыхъ сношеній съ востокомъ, а римская государственная казна была не много больше, чѣмъ военно-союзная касса тѣхъ общинъ, которыя соединились подъ римскимъ протекторатомъ. Чистый доходъ былъ, по всему вѣроятію, еще менѣе значителенъ. Немаловажный чистый доходъ получался, вѣроятно, только изъ Сициліи, гдѣ оставалась въ силѣ карѳагенская система обложенія налогами, и въ особенности изъ Азіи съ тѣхъ поръ, какъ Гай Гракхъ, желая обезпечить введенную имъ раздачу хлѣба, сталъ подвергать тамъ земельную собственность конфискаціямъ и обложилъ налогомъ всѣ казенныя земли; мы имѣемъ не мало указаній на то, что для

римскихъ государственныхъ финансовъ служили главною опорой доходы съ Азіи. Очень правдоподобно и то мнѣніе, что остальныя провинціи стоили римскому правительству почти столько-же, сколько давали; а тѣ изъ нихъ, которыя требовали присутствія значительныхъ постоянныхъ армій, какъ напримѣръ обѣ Испаніи, за-альпійская Галлія и Македонія, вѣроятно, стóили еще больше того, чтó давали. Въ обыкновенное время, у римской казны, конечно, оставался излишекъ доходовъ, дававшій возможность покрывать большіе расходы на государственныя и городскія сооруженія и чтó-нибудь откладывать на черный день; въ виду обширности римскихъ владѣній даже цифры этихъ расходовъ могутъ служить доказательствомъ того, какъ былъ незначителенъ чистый доходъ отъ римскихъ податей. Стало быть можно до нѣкоторой степени допустить, что какъ въ римско-италійскомъ, такъ и въ провинціальномъ финансовомъ управленіи преобладало старинное, столько-же почтенное, сколько разумное правило, что изъ политической гегемоніи не слѣдуетъ извлекать матеріальныхъ выгодъ. То, что взыскивалось римской общиной съ ея заморскихъ подданныхъ, обыкновенно истрачивалось на военную охрану ея заморскихъ владѣній; если эти римскія подати и были для плательщиковъ болѣе тяжелы, чѣмъ прежнія, въ томъ отношеніи, что истрачивались большею частію за границей, за то для нихъ была значительнымъ экономическимъ облегченіемъ замѣна нѣсколькихъ мелкихъ владѣтелей и нѣсколькихъ небольшихъ армій одной господствующей державой и однимъ центральнымъ военнымъ управленіемъ. Но тотъ старинный основной принципъ лучшаго времени уже давно утратилъ свою силу въ примѣненіи къ провинціальному устройству, потому что правительство позволяло себѣ многочисленныя отъ него отступленія. Десятинная поземельная подать, взимавшаяся въ Сициліи со временъ владычества Гіеронима и Карѳагенянъ, много превышала размѣръ ежегодныхъ военныхъ расходовъ. Кромѣ того,—какъ основательно замѣчаетъ Сципіонъ Эмиліанъ (у Цицерона),—римскому гражданству было неприлично и повелѣвать націями и вмѣстѣ съ тѣмъ собирать съ нихъ подати. Присвоеніе портовыхъ пошлинъ не согласовалось съ принципомъ безкорыстной гегемоніи, а высокій размѣръ этихъ пошлинъ и притѣснительный способъ ихъ взиманія не могли заглушить сознанія въ несправедливости такихъ мѣръ. Уже въ описываемую нами эпоху слова сборщикъ таможенныхъ пошлинъ имѣли въ мнѣніи восточныхъ народовъ одинакое значеніе съ словами злодѣй и грабитель; никакая другая повинность не вызывала болѣе сильнаго отвращенія и болѣе сильной ненависти къ римскому имени, въ особенности на востокѣ. А когда верховная власть перешла въ руки Гайя Гракха и той партіи, которая называла себя въ Римѣ народною партіей, то политическое владычество было безъ

всякихъ обиняковъ признано за такую привилегію, которая давала всякому, кто въ ней участвовалъ, право на опредѣленное число шеффелей зерноваго хлѣба; тогда гегемонія превратилась просто въ право собственности на землю, а система эксплуатаціи не только была введена безъ всякихъ стѣсненій, но и была съ безстыдной откровенностью легально мотивирована и публично признана за руководящее правило. Что при этомъ самая тяжелая участь выпала на долю самыхъ невоинственныхъ провинцій—Сициліи и Азіи, объясняется, конечно, не простой случайностью.

Финансы и общественныя сооруженія. Приблизительно вѣрнымъ мѣриломъ для положенія римскихъ финансовъ того времени могутъ служить,—за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній,—главнымъ образомъ общественныя сооруженія. Въ первыя десятилѣтія описываемой эпохи они производились въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ особенности шоссейныя дороги никогда не проводились съ такой-же энергіей, какъ въ ту пору. Къ большой и, по всему вѣроятію, очень старинной южной шоссейной дорогѣ, которая, въ качествѣ продолженія Аппіевской дороги, шла изъ Рима черезъ Капуу, Беневентъ, Венузію, къ портовымъ городамъ Таренту и Брундизію, примкнула построенная консуломъ 622
132 года Публіемъ Попилліемъ вѣтвь отъ Капуи до Сицилійскаго пролива. На восточномъ берегу,—гдѣ до того времени былъ шоссированъ только участокъ отъ Фана до Аримина, какъ принадлежавшій къ Фламиніевской дорогѣ (1, стр. 556),—прибрежная дорога была продолжена въ южномъ направленіи до Брундизія, въ сѣверномъ черезъ Адрію на берегахъ По вплоть до Аквилеи и въ томъ-же году былъ построенъ только-что упомянутымъ Попилліемъ по меньшей мѣрѣ участокъ отъ Аримина до Адріи. Къ числу построенныхъ въ теченіе той-же эпохи римскихъ государственныхъ шоссейныхъ дорогъ слѣдуетъ отнести и двѣ большихъ этрусскихъ шоссейныхъ дороги—прибрежную или Авреліевскую дорогу, которая шла изъ Рима въ
123 Пизу и въ Луну и надъ которой работали между прочимъ въ 631 году, и Кассіевскую дорогу, которая шла черезъ Сутрій и черезъ Клузій въ Аррецій и во Флоренцію и которая, какъ кажется, была
171 построена не ранѣе 583 года. Въ окрестностяхъ самаго Рима не представлялось надобности въ новыхъ сооруженіяхъ; однако Мульвіевскій мостъ (Ponte Molle), по которому Фламиніевская дорога проходила черезъ Тибръ неподалеку отъ Рима, былъ вновь отстроенъ
109 въ 645 году изъ камня. Наконецъ въ сѣверной Италіи, гдѣ до того времени не было никакихъ другихъ искуственныхъ путей сообщенія, кромѣ Фламиніевско-Эмиліевской дороги, оканчивавшейся у Плацен-
148 ціи, была построена въ 606 году большая Постуміевская дорога; она шла отъ Генуи черезъ Дертону (гдѣ, вѣроятно, тогда-же была основана колонія), черезъ Плаценцію (гдѣ соединялась съ Фламиніевско-Эмиліевской дорогой), черезъ Кремону и Верону въ Аквилею

и такимъ образомъ соединяла берега Тирренскаго моря съ берегами Адріатическаго; кромѣ того, Маркъ Эмилій Скавръ возстановилъ въ 645 году сухопутныя сообщенія между Луной и Генуей и такимъ 109
образомъ соединилъ Постуміевскую дорогу непосредственно съ Римомъ. Дѣятельность Гайя Гракха по части италійскихъ путей сообщенія имѣла иной характеръ. Онъ обезпечилъ ремонтъ большихъ дорогъ тѣмъ, что при раздачѣ пахатныхъ земель отводилъ вдоль этихъ дорогъ земельные участки, возлагая на владѣльцевъ, въ качествѣ натуральной повинности, обязанность содержать дорогу въ исправности; кромѣ того, какъ кажется, отъ него же или отъ учрежденной имъ коммиссіи по раздачѣ земель ведутъ свое начало какъ обыкновеніе обозначать полевыя межи межевыми камнями, такъ и обыкновеніе ставить миловые камни; наконецъ, онъ заботился и объ исправности проселочныхъ дорогъ съ цѣлію поощрять земледѣліе. Но еще гораздо богаче послѣдствіями была постройка государственныхъ шоссейныхъ дорогъ въ провинціяхъ, къ которой было приступлено, безъ всякаго сомнѣнія, именно въ теченіе этой эпохи: Доминціевская дорога, послѣ долгихъ приготовленій (I, стр. 666), обезпечила сухопутныя сообщенія Италіи съ Испаніей, а ея постройка находилась въ тѣсной связи съ основаніемъ Аквъ (Aquae Sextiae) и Нарбона (стр. 165); дороги Габиніевская (стр. 171) и Эгнаціевская (стр. 42) шли отъ главныхъ городовъ, стоявшихъ на восточныхъ берегахъ Адріатическаго моря, внутрь страны,—первая шла отъ Салоны, вторая отъ Аполлоніи и отъ Диррахія; въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ преданіяхъ объ этой эпохѣ мы не находимъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ постройкахъ, которыя безъ сомнѣнія находились въ связи съ войнами въ Галліи, въ Далмаціи и въ Македоніи и получили чрезвычайно важное значеніе какъ для централизаціи государства, такъ и для распространенія цивилизаціи въ покоренныхъ варварскихъ странахъ.—Правительство не только дѣятельно занималось проведеніемъ большихъ дорогъ, но предпринимало обширныя работы съ цѣлію осушки болотъ по меньшей мѣрѣ въ Италіи. Такъ напримѣръ въ 594 году было приступлено 160
съ большой энергіей и по меньшей мѣрѣ съ временнымъ успѣхомъ къ осушкѣ Помптинскихъ болотъ, которая была жизненнымъ вопросомъ для средней Италіи; въ 645 году, одновременно съ сооруже- 109
ніемъ сѣверо-италійскихъ шоссейныхъ дорогъ, была произведена осушка низменности между Пармой и Плаценціей. Наконецъ, правительство дѣятельно заботилось о дорого стоившемъ устройствѣ римскихъ водопроводовъ, необходимыхъ какъ для здоровья, такъ и для комфорта столичнаго населенія. Существовавшіе еще съ 442 и съ 312
492 года, водопроводы Аппіевскій и тотъ, который былъ проведенъ 262
изъ Аніона, были заново устроены въ 610 году, и кромѣ того были 144
устроены два новыхъ водопровода—въ 610 году Марціевскій, даже 144

впослѣдствіи превосходившій всѣ остальные качествомъ и изобиліемъ воды, и черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ того такъ называемый тёплый. Какія работы была способна предпринимать римская государственная казна, не прибѣгая къ кредиту и за все расплачиваясь наличными деньгами, всего яснѣе видно изъ того, какъ былъ построенъ Марціевскій водопроводъ: необходимая на это сумма въ 180 милл. сестерцій (золотомъ $13^1/_2$ милл. талер.) была накоплена и издержана въ теченіе трехъ лѣтъ. Это даетъ основаніе полагать, что государственное казначейство имѣло очень значительный запасный капиталъ; еще въ началѣ этого періода этотъ капиталъ доходилъ до 6 милл. талер. (I, стр. 794, 844), а послѣ того, безъ сомнѣнія, постоянно увеличивался.—Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, приводятъ къ заключенію, что римскіе финансы того времени находились въ хорошемъ положеніи. Однако и съ финансовой точки зрѣнія не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что хотя правительство и предпринимало въ теченіе двухъ первыхъ третей этого періода блестящія и громадныя сооруженія, но за то избѣгало другихъ расходовъ, по меньшей мѣрѣ столько-же необходимыхъ. Ранѣе уже было замѣчено, какъ недостаточны были его заботы по военному вѣдомству: въ пограничныхъ странахъ, даже въ долинѣ По (стр. 169) грабили варвары; внутри римскихъ владѣній—даже въ Малой Азіи, въ Сициліи и въ Италіи безчинствовали шайки разбойниковъ. Флотъ былъ оставленъ въ полномъ пренебреженіи; у Римлянъ уже почти вовсе не было военныхъ кораблей, а тѣ военные корабли, которые строились и содержались для Римлянъ подвластными городами, были недостаточны; поэтому Римъ не только не былъ въ состояніи вести морскія войны, но даже не былъ въ состояніи прекратить морскіе разбои. Въ самомъ Римѣ правительство не предпринимало тѣхъ многочисленныхъ улучшеній, въ которыхъ чувствовалась крайняя необходимость; въ особенности къ рѣчнымъ сооруженіямъ оно относилось съ страннымъ пренебреженіемъ. Столица все еще не имѣла другаго моста черезъ Тибръ, кромѣ того стариннаго деревяннаго мостика, который велъ черезъ тибрскій островъ къ Яникулу; Тибръ по прежнему ежегодно затоплялъ улицы и сносилъ дома, даже нерѣдко цѣлые кварталы, а правительство все-таки ничего не предпринимало для укрѣпленія его береговъ; несмотря на сильное развитіе заморской торговли ничего не предпринималось и съ цѣлію предотвратить обмелѣніе остійской гавани, которая и безъ того уже была плоха. Правительство, которое уклоняется отъ исполненія такихъ обязанностей при самыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ и въ теченіе сорокалѣтняго внѣшняго и внутренняго спокойствія, конечно, можетъ не прибѣгать къ новымъ налогамъ и все-таки имѣть ежегодный перевѣсъ доходовъ надъ расходами, даже накопить значительные ре-

зервные капиталы; но такое финансовое управленіе не заслуживаетъ похвалы за свои лишь съ виду блестящіе результаты; напротивъ того, оно достойно такихъ-же упрековъ за вялость, за отсутствіе единой руководящей мысли и за безразсудное стараніе угождать народной массѣ, какіе должны быть сдѣланы сенаторскому правительству той эпохи по всякой другой отрасли его политической дѣятельности.

Само собой разумѣется, что когда разразилась революціонная буря, положеніе финансовъ значительно ухудшилось. Новое и даже съ чисто-финансовой точки зрѣнія крайне тяжелое бремя, которое было наложено на государство Гаемъ Гракхомъ вмѣстѣ съ обязанностью снабжать столичныхъ гражданъ хлѣбомъ по самой ничтожной цѣнѣ, конечно, сначала уравновѣшивалось тѣмъ, что въ провинціи Азіи были созданы новые источники доходовъ. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ, какъ кажется, почти совершенно прекратились заботы о возведеніи новыхъ общественныхъ сооруженій. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о томъ, что въ промежутокъ времени отъ битвы при Пиднѣ до временъ Гайя Гракха было воздвигнуто не мало общественныхъ сооруженій, а послѣ 632 года 122 едва-ли можно указать на что-либо другое, кромѣ постройки мостовъ и дорогъ и работъ для осушки болотъ по распоряженію Марка Эмилія Скавра въ то время, какъ онъ былъ цензоромъ 645 года. Трудно 109 рѣшить, было-ли это послѣдствіемъ хлѣбныхъ раздачъ или-же,— что кажется болѣе правдоподобнымъ,—послѣдствіемъ усиливавшейся бережливости, которая была совершенно въ духѣ правительства, все болѣе и болѣе превращавшагося въ окостенѣлую олигархію, и на которую намекаетъ указаніе, что римскій резервный капиталъ достигъ своихъ высшихъ размѣровъ въ 663 году. Страшный взрывъ 91 возстанія и революціи въ связи съ пятилѣтнимъ неполученіемъ мало-азіатскихъ доходовъ былъ для римскихъ финансовъ первымъ тяжелымъ испытаніемъ, какое постигло ихъ со времени окончанія Аннибаловскихъ войнъ; но оно не выдержало этого испытанія. Различіе между тѣми двумя эпохами едва-ли не всего яснѣе видно изъ слѣдующихъ фактовъ: во время борьбы съ Аннибаломъ запасный капиталъ былъ тронутъ (I, стр. 642) только на десятомъ году войны, когда гражданство стало совершенно изнемогать подъ бременемъ налоговъ; напротивъ того союзническая война велась съ самаго начала на средства государственной казны; уже послѣ первыхъ двухъ кампаній правительство израсходовало всѣ наличныя суммы, но все-таки предпочло обложенію гражданъ налогами продажу съ торговъ столичныхъ земель подъ постройки (стр. 249) и захватъ хранившихся въ храмахъ сокровищъ (стр. 328). Впрочемъ, какъ ни была страшна эта буря, она все-таки стихла; Сулла снова привелъ финансы въ порядокъ, хотя и цѣною громадныхъ эконо-

Финансы во время революціи.

мическихъ жертвъ, наложенныхъ на римскихъ подданныхъ и на италійскихъ революціонеровъ; тѣмъ, что онъ прекратилъ раздачу хлѣба, но удержалъ азіатскія подати, хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ, онъ создалъ удовлетворительное для республики финансовое положеніе по меньшей мѣрѣ въ томъ отношеніи, что постоянные расходы далеко не достигали цифры постоянныхъ доходовъ.

Экономическое положеніе населенія. Сельское хозяйство.

Въ экономическомъ положеніи населенія въ то время не произошло значительной перемѣны; ранѣе указанныя хорошія и дурныя стороны общественныхъ порядковъ въ Италіи (I, 825 — 855) не измѣнились, а только развились шире и рѣзче. Относительно сельскаго хозяйства мы уже ранѣе видѣли, что постоянно возроставшее могущество капиталистовъ мало по малу поглощало среднее и мелкое землевладѣніе и въ Италіи и въ провинціяхъ, подобно тому, какъ солнечные лучи поглощаютъ дождевыя капли. Правительство не только этому не препятствовало, но даже поощряло своими распоряженіями вредное распредѣленіе земельной собственности, — въ особенности тѣмъ, что въ пользу крупныхъ италійскихъ землевладѣльцевъ и торговцевъ запретило заниматься на той сторонѣ Альповъ винодѣліемъ и разведеніемъ маслинъ *). Правда, противъ этого зла принимались энергическія мѣры и оппозиціей и той фракціей консерваторовъ, которая сочувствовала идеямъ реформы: двое Гракховъ роздали почти всѣ казенныя земли по рукамъ и тѣмъ доставили государству 80.000 новыхъ италійскихъ хлѣбопашцевъ; Сулла поселилъ въ Италіи 120.000 колонистовъ и этимъ хоть частію пополнилъ ряды италійскихъ земледѣльцевъ, опустошенные и революціей и имъ самимъ; но чтобъ не опустѣлъ сосудъ, изъ котораго постоянно вытекаетъ вода, недостаточно вливать въ него по временамъ хотя бы и значительное количество жидкости, а необходимо создать для него постоянный притокъ, — это не разъ и пытались сдѣлать, но безуспѣшно. Въ провинціяхъ не было принято никакихъ мѣръ для огражденія земледѣльцевъ отъ скупавшихъ земли римскихъ спекуляторовъ, — вѣдь провинціальные жители были только людьми и не принадлежали ни къ какой политической партіи. Послѣдствіемъ этого было то, что и доходы съ внѣ-италійскихъ земель стали притекать въ Римъ. Впрочемъ, плантаторская система хозяйства, которая около средины описываемой эпохи уже стала преобладать даже въ нѣкоторыхъ италійскихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Этруріи, достигла высокаго процвѣтанія благодаря какъ энергической и раціональной

---

*) Стр. 162. Сюда-же можно отнести замѣчаніе римскаго сельскаго хозяина Сазерны [у Колум. 1, 1, 5], жившаго послѣ Катона и ранѣе Варрона, — что винодѣліе и разведеніе маслинъ постоянно переносятся все далѣе на сѣверъ. — Сюда-же относится и сенатское постановленіе касательно перевода сочиненій Магона [стр. 80].

обработкѣ полей, такъ и изобилію денежныхъ средствъ. Очень значительныхъ успѣховъ достигло и италійское винодѣліе частію благодаря тому, что нѣкоторыя провинціи были поставлены въ необходимость пользоваться его продуктами, частію благодаря тому, что въ изданный въ 593 году законъ противъ роскоши было включено 161
запрещеніе ввозить иностранныя вина въ Италію; вина Аминейское и Фалернское стали славиться на ряду съ Өазійскимъ и съ Хіосскимъ, а «Опиміевское вино» 633 года, которое Римляне сравни- 121
вали съ Эльфами, не позабывалось еще долго послѣ того, какъ была выпита послѣдняя кружка.

Промыслы.

О промыслахъ и о фабричномъ производствѣ можно замѣтить только то, что италійская нація отличалась въ этомъ отношеніи почти такимъ же отсутствіемъ всякой предпріимчивости, какое свойственно варварамъ. Римляне разрушили коринескія фабрики, въ которыхъ хранилось такъ много цѣнныхъ традицій фабричнаго мастерства, но они сдѣлали это не для того, чтобъ завести у себя такія же фабрики, а для того, чтобъ скупить по баснословно-высокимъ цѣнамъ хранившіеся въ греческихъ домахъ коринескіе глиняные или мѣдные сосуды и другія «старинныя издѣлія» въ томъ же родѣ. До нѣкоторой степени процвѣтали только немногія ремесла, какъ напримѣръ тѣ, которыя находятся въ связи съ строительнымъ искуствомъ, но и они не могли приносить большой пользы для государства, потому что и въ этой сферѣ всякое сколько-нибудь значительное предпріятіе велось при помощи рабовъ: такъ напримѣръ, для сооруженія Марціевскаго водопровода правительство заключило контракты и на производство строительныхъ работъ и на поставку матеріаловъ заразъ съ 3000 подрядчиковъ, каждый изъ которыхъ потомъ исполнялъ принятый заказъ руками своихъ рабовъ.

Дѣла денежныя и торговыя.

Самой блестящей или, вѣрнѣе, единственной блестящей стороной римскаго частнаго хозяйства были спекуляціи денежныя и торговыя. Здѣсь играло главную роль взятіе на откупъ казенныхъ земель и податныхъ сборовъ; этимъ способомъ римскіе капиталисты присвоивали себѣ очень значительную а, быть можетъ, даже самую значительную часть римскихъ государственныхъ доходовъ. Кромѣ того, денежныя спекуляціи составляли монополію Римлянъ на всемъ пространствѣ римскихъ владѣній; въ одномъ сочиненіи, написанномъ вскорѣ послѣ истеченія этого періода, говорится, что въ Галліи каждая копѣйка, пущенная въ оборотъ, проходила черезъ счетныя книги римскихъ торговцевъ,—и, безъ сомнѣнія, то-же было повсюду. Капиталы стали приносить громадный доходъ частію потому, что хозяйственные порядки были грубы, частію потому, что римское политическое могущество безпощадно эксплуатировалось въ пользу личныхъ интересовъ каждаго зажиточнаго Римлянина; это доказываетъ, напримѣръ, взысканіе военной контрибуціи, которую Сулла нало-

84 жилъ въ 670 году на провинцію Азію и которую римскіе капиталисты уплатили заимообразно: вмѣстѣ съ уплаченными и неуплаченными процентами она черезъ четырнадцать лѣтъ превысила свой первоначальный размѣръ въ шесть разъ. Чтобъ расплатиться съ своими римскими кредиторами общины были вынуждены продавать свои публичныя зданія, свои художественныя произведенія и драгоцѣнности, а родители—продавать своихъ взрослыхъ дѣтей; нерѣдко случалось, что должникъ не только терпѣлъ нравственную муку, но и подвергался настоящей пыткѣ. Наконецъ сюда же слѣдуетъ отнести и оптовую торговлю. Въ Италіи и вывозъ и ввозъ товаровъ имѣлъ очень значительные размѣры. Предметомъ перваго были главнымъ образомъ вина и оливковое масло, которыми Италія и Греція почти исключительно снабжали всѣ страны по берегамъ Средиземнаго моря,—такъ какъ винодѣліе въ странахъ массилійской и турдетанской, конечно, еще было очень незначительно въ ту пору: италійскія вина отправлялись въ значительномъ количествѣ на Балеарскіе острова, въ Кельтиберію, въ Африку, гдѣ земля находилась только подъ пашней и подъ пастбищами, въ Нарбонъ и внутрь Галліи. Еще значительнѣе былъ ввозъ товаровъ въ Италію, которая была въ то время главнымъ средоточіемъ роскоши; туда привозилось изъ-за моря почти всё, что удовлетворяло требованіямъ роскоши—съѣстные припасы, напитки, матеріи, разныя украшенія, книги, домашняя утварь, произведенія искуства. Въ особенности торговля невольниками,—вслѣдствіе постоянно увеличивавшагося со стороны римскихъ купцовъ спроса на этотъ товаръ,—достигла еще небывалыхъ въ области Средиземнаго моря размѣровъ и находилась въ самой тѣсной связи съ процвѣтаніемъ ремесла морскихъ разбойниковъ; всѣ страны и всѣ націи стали платить ей дань, а главными мѣстами ловли невольниковъ были Сирія и внутреннія малоазіатскія страны (стр. 75).

Остія. Путеоли. Въ Италіи главными центрами ввоза заморскихъ товаровъ были два главныхъ торговыхъ города на берегахъ Тирренскаго моря—Остія и Путеоли. Назначенный для столицы хлѣбъ возили въ Остію; хотя тамошняя гавань и была плоха, но она была ближе всѣхъ другихъ къ Риму и тамъ было всего удобнѣе складывать менѣе дорогіе товары; напротивъ того предметы роскоши отправлялись предпочтительно въ Путеоли, потому что гавань представляла тамъ большія удобства для кораблей съ цѣннымъ грузомъ, а окрестности Байи, съ каждымъ годомъ все гуще и гуще покрывавшіяся виллами, доставляли торговцамъ близкій рынокъ, немногимъ уступавшій столичному. Эта послѣдняя торговля долго велась черезъ посредство Коринѳа, а послѣ его разрушенія черезъ Делосъ; вотъ почему Путеоли и называются у Луцилія маленькимъ италійскимъ Делосомъ; но послѣ катастрофы, которая постигла Делосъ во время войны съ

Митридатомъ (стр. 292) и отъ которой онъ не могъ оправиться, Путеоланцы завели прямыя торговыя сношенія съ Сиріей и съ Александріей; тогда ихъ городъ сдѣлался безспорно главнымъ въ Италіи центромъ заморской торговли. Но Италійцы пользовались выгодами не отъ одной только торговли, которую вела Италія; и въ Нарбонѣ они являются соперниками Массилійцевъ по торговлѣ съ Кельтами, да и вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, что римскіе купцы, повсюду встрѣчавшіеся или въ качествѣ заѣзжихъ гостей или въ качествѣ осѣдлыхъ жителей, захватывали лучшую долю во всѣхъ спекуляціяхъ.

Олигархія капиталистовъ.

Сопоставляя всѣ приведенные факты, мы приходимъ къ заключенію, что главной отличительной чертой частнаго хозяйства была въ то время финансовая олигархія римскихъ капиталистовъ, однородная съ политической олигархіей. Въ ихъ рукахъ соединялись и поземельные доходы почти со всей Италіи и съ лучшихъ участковъ провинціальной территоріи, и громадные проценты, которые они получали съ своихъ капиталовъ благодаря предоставленной имъ монополіи, и торговые барыши со всего государства и наконецъ очень значительная часть римскихъ государственныхъ доходовъ, поступавшая къ нимъ въ видѣ прибыли отъ откупа. Постоянное накопленіе капиталовъ видно изъ того, что увеличивался средній уровень богатства: 3 милл. сестерцій (228.000 талер.) считались теперь за умѣренное сенаторское состояніе, 2 милл. сестерцій (152.000 тал.)— за приличное для всадника состояніе; а состояніе самаго богатаго человѣка Гракховской эпохи, консула 623 года, Публія Красса оцѣнивалось въ 100 милл. сест. ($7^1/_2$ милл. тал.). Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это сословіе капиталистовъ руководило внѣшней политикой Рима, что оно изъ-за соперничества по торговлѣ разрушило Карѳагенъ и Коринѳъ (стр. 23, 50) подобно тому, какъ Этруски нѣкогда разрушили Алалію, а Сиракузяне городъ Цере, и что оно наперекоръ сенату отстояло существованіе колоніи, основанной въ Нарбонѣ (стр. 166). Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что эта олигархія капиталистовъ вступила въ сферѣ внутренней политики въ упорную борьбу съ олигархіей знати и нерѣдко одерживала верхъ. Но нисколько неудивительно и то, что разорившіеся богачи становились во главѣ возмутившихся рабовъ (стр. 135) и этимъ очень неделикатно напоминали публикѣ, что вовсе нетрудно найти дорогу, которая ведетъ изъ щегольскаго публичнаго дома въ вертепъ разбойниковъ. Нельзя удивляться и тому, что эта финансовая вавилонская башня, для которой служили фундаментомъ не чисто-экономическіе интересы, а политическое преобладаніе Рима, расшатывалась при всякомъ серьозномъ политическомъ кризисѣ почти такъ-же, какъ расшатывается очень схожее съ ней зданіе нашихъ государственныхъ фондовъ. Мы не въ состояніи описать во всѣхъ

131

подробностяхъ ни страшный финансовый кризисъ, который разразился надъ сословіемъ римскихъ капиталистовъ въ слѣдствіе смутъ,
90 возникавшихъ въ Италіи и въ Азіи въ 664 и въ слѣдующихъ за нимъ годахъ, ни банкротство государства и частныхъ лицъ, ни повсемѣстный упадокъ цѣнъ на поземельную собственность и на компанейскіе паи; но о характерѣ и о важности этихъ событій ясно свидѣтельствуютъ ихъ послѣдствія—умерщвленіе отправлявшаго правосудіе претора толпою кредиторовъ (стр. 253), попытка исключить изъ сената всѣхъ сенаторовъ, у которыхъ были долги (254), возстановленіе, по распоряженію Суллы, высшаго размѣра процентовъ (стр. 262), произведенная революціонной партіей скидка 75% со всѣхъ долговыхъ обязательствъ (стр. 319).

Смѣшеніе націй. Въ провинціяхъ, послѣдствіями такой системы управленія были, какъ и слѣдовало ожидать, повсемѣстное обѣднѣніе и обезлюдѣніе; напротивъ того, повсюду увеличивалось число италійскихъ паразитовъ, или переѣзжавшихъ съ одного мѣста на другое или временно **Италійцы въ чужихъ краяхъ.** поселявшихся на жительство. Въ Малой Азіи, какъ утверждаютъ, въ одинъ день погибло 80.000 человѣкъ италійскаго происхожденія (стр. 289). Какъ много Италійцевъ жило на островѣ Делосѣ, видно изъ сохранившихся тамъ до настоящаго времени надгробныхъ камней и изъ дошедшаго до насъ разсказа, что по приказанію Митридата тамъ было убито 20.000 чужестранцевъ, которые были большею частію италійскими купцами (стр. 292). Въ Африкѣ Италійцы жили въ такомъ большомъ числѣ, что благодаря ихъ содѣйствію даже нумидійскій городъ Цирта былъ въ состояніи обороняться отъ Югурты (стр. 143). И въ Галліи, какъ разсказываютъ, жило множество римскихъ купцовъ; только относительно Испаніи мы не имѣемъ подобныхъ указаній, и это едва ли можно приписывать простой случайности. Напротивъ того въ самой Италіи общая цифра ея свободнаго населенія, безъ сомнѣнія, понизилась въ теченіе этой эпохи. Этому, конечно, много содѣйствовали междоусобныя войны, которыя, по поверхностнымъ и незаслуживающимъ большаго довѣрія вычисленіямъ, стоили римскому гражданству отъ 100 до 150 тысячъ человѣкъ, а всему италійскому населенію 300 тысячъ человѣкъ; еще пагубнѣе были въ этомъ отношеніи экономическое раззореніе средняго сословія и чрезмѣрное расширеніе купеческой эмиграціи, заставлявшее значительную часть италійскаго юношества проводить въ чужихъ краяхъ самые лучшіе годы жизни.

Чужестранцы въ Италіи. Очень сомнительнымъ за это вознагражденіемъ служили свободные уроженцы греческіе и восточные, которые проживали въ столицѣ въ качествѣ присланныхъ царями или общинами дипломатовъ, въ качествѣ врачей, школьныхъ преподавателей, поповъ, прислужниковъ, блюдолизовъ, или же пріѣзжали туда съ цѣлію заниматься разными аферами и плутовскими продѣлками; много такихъ ино-

земцевъ проживало въ Остіи, въ Путеоли и въ Брундизіи въ качествѣ торговцевъ и корабельщиковъ.

Еще болѣе зловѣщимъ было чрезмѣрное размноженіе на полуостровѣ невольниковъ. Италійское гражданство состояло по цензу 684 года изъ 910,000 способныхъ носить оружіе людей; чтобъ сдѣлать отсюда заключеніе о размѣрѣ всего свободнаго населенія на полуостровѣ, слѣдуетъ прибавить къ вышеуказанной цифрѣ случайно пропущенныхъ въ цензовомъ спискѣ Латиновъ, жившихъ на пространствѣ между Альпами и По, и иноземцевъ, поселившихся въ Италіи на постоянное жительство; напротивъ того, изъ этой цифры слѣдуетъ исключить тѣхъ римскихъ гражданъ, которые имѣли постоянное жительство въ чужихъ краяхъ. Поэтому едва-ли можно допустить, чтобъ цифра свободнаго населенія на полуостровѣ превышала 6—7 милліоновъ. Если же общая цифра тогдашняго населенія равнялась нынѣшней, то слѣдуетъ полагать, что число рабовъ доходило до 13—14 милліоновъ. Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ такимъ гадательнымъ вычисленіямъ для того, чтобъ наглядно объяснить, до какой степени было опасно внутреннее положеніе Италіи; объ этомъ достаточно ясно свидѣтельствуютъ и мѣстныя возстанія рабовъ и раздававшіяся съ самаго начала революціонныхъ смутъ послѣ каждаго возстанія воззванія, приглашавшія рабовъ взяться за оружіе противъ ихъ господъ и завоевать себѣ свободу. Если мы представимъ себѣ Англію съ ея лордами, сквайрами и въ особенности съ ея высшимъ купечествомъ, но съ вольными фермерами и арендаторами, превратившимися въ пролетаріевъ, и съ работниками и матросами, превратившимися въ рабовъ, то мы получимъ нѣчто похожее на тогдашнее населеніе италійскаго полуострова.

Италійскіе невольники.

Экономическое положеніе государства въ ту эпоху отражается передъ нашими глазами въ римской монетной системѣ такъ-же ясно, какъ въ зеркалѣ. Въ томъ, какъ Римляне относились къ монетному дѣлу, видна купеческая предусмотрительность. Золото и серебро съ давнихъ поръ считались общеупотребительными средствами уплаты; но хотя закономъ и была установлена сравнительная стоимость этихъ двухъ металловъ (I, стр. 844) для болѣе удобнаго веденія кассовой отчетности, однако не дозволялось расплачиваться однимъ металломъ вмѣсто другаго, а слѣдовало платить золотомъ или серебромъ по точному смыслу письменнаго условія. Этимъ способомъ избѣгали тѣхъ важнихъ неудобствъ, которыя неизбѣжно проистекаютъ отъ установленія двойной металлической валюты; сильные перевороты въ стоимости золота,—какъ напримѣръ тотъ, который произошолъ около 600 года вслѣдствіе открытія золотыхъ пріисковъ на территоріи Таврисковъ и который разомъ понизилъ въ Италіи стоимость золота въ отношеніи къ серебру на 150

Монетная система.

$33^1/_3$ процента,—не имѣли непосредственнаго вліянія на серебряную монету и на розничную торговлю. То было въ порядкѣ вещей, что чѣмъ болѣе расширялись торговыя сношенія съ заморскими странами, тѣмъ рѣшительнѣе золото должно было возвышаться изъ своей второстепенной роли на первостепенную; это подтверждается и дошедшими до насъ свѣдѣніями о балансахъ государственнаго казначейства и объ его денежныхъ операціяхъ; но правительство все-таки не находило нужнымъ чеканить изъ золота монету. Оно уже давно прекратило чеканку золотой монеты, вызванную во время войны съ Аннибаломъ крайнею необходимостью (I, стр. 641); немногочисленныя золотыя монеты, которыя выпустилъ въ обращеніе Сулла въ бытность диктаторомъ, были, по всему вѣроятію, лишь случайной монетой, которая была нужна Суллѣ для подарковъ по случаю празднованія тріумфа. И прежде того и послѣ, настоящей ходячей монетой исключительно была серебряная; золото принималось только на вѣсъ, всё равно было-ли оно въ обращеніи, по тогдашнему обыкновенію, въ слиткахъ, или же въ видѣ иностранной и даже мѣстной монеты. Тѣмъ не менѣе и золото и серебро, въ качествѣ орудій мѣны, стояли на равныхъ правахъ и злоумышленное примѣшиваніе къ золоту мѣди признавалось закономъ за преступленіе наравнѣ съ выдѣлкою фальшивой серебряной монеты. Этимъ способомъ достигалась та неизмѣримо благотворная цѣль, что становилась совершенно невозможной поддѣлка самаго важнаго изъ всѣхъ платежныхъ средствъ. Что же касается самой чеканки, то она производилась въ изобиліи и образцовымъ образомъ. Послѣ того, какъ серебряный денарій былъ пониженъ во время войны съ Аннибаломъ съ $^1/_{72}$ (1, стр. 446) на $^1/_{84}$ фунта (1, стр. 641), онъ сохранялъ въ теченіе слишкомъ трехъ столѣтій все тотъ-же вѣсъ и всю ту-же изящную отдѣлку; лигатура не допускалась. Мѣдная монета совершенно превратилась около начала этого періода въ размѣнную и ее перестали по прежнему употреблять въ крупныхъ торговыхъ сдѣлкахъ; по этой причинѣ, приблизительно съ начала седьмаго столѣтія перестали чеканить ассы и чеканка мѣди ограничилась такою малоцѣнною монетой, которую было неудобно чеканить изъ серебра, а именно *семисомъ* (около 3 пфенниговъ) и другими еще болѣе мелкими. Разряды монетъ были распредѣлены по степенямъ на основаніи несложной системы, а въ самой мелкой тогдашней монетѣ обыкновеннаго чекана, въ *квадрантѣ* ($1^1/_2$ пфен.) достигали нисшаго предѣла стоимости. По раціональности своихъ основныхъ принциповъ и по строгой послѣдовательности въ своемъ практическомъ примѣненіи, эта монетная система не имѣла себѣ подобной въ древнемъ мірѣ, а въ новѣйшее время лишь рѣдко встрѣчается что либо достойное стоять съ нею на ряду.

Но на этой системѣ лежало одно черное пятно. Придерживаясь обыкновенія, очень распространеннаго во всѣхъ древнихъ государствахъ и достигшаго своего высшаго развитія въ Карѳагенѣ (1, стр. 497), римское правительство чеканило вмѣстѣ съ настоящими серебряными денаріями и мѣдные съ накладнымъ серебромъ; эти послѣдніе обязательно принимались въ уплату наравнѣ съ первыми и въ сущности были похожими на наши бумажныя деньги денежными знаками съ принудительнымъ курсомъ и съ обезпеченіемъ отъ государственнаго казначейства въ томъ смыслѣ, что и казначейство не имѣло права отказываться отъ пріема плакированной монеты. Это нельзя назвать офиціальной поддѣлкой монеты точно такъ-же, какъ нельзя назвать такой поддѣлкой нашу фабрикацію бумажныхъ денегъ, потому что это дѣлалось совершенно открыто: Маркъ Друзъ, желая добыть средства для своихъ хлѣбныхъ раздачъ, предложилъ въ 663 году чеканить по одному плакированному денарію на каждые семь серебряныхъ денаріевъ, вновь выпускаемымъ монетнымъ дворомъ въ обращеніе; но эта мѣра была опаснымъ поощреніемъ для поддѣлки монеты со стороны частныхъ лицъ; кромѣ того она умышленно оставляла публику въ неизвѣстности на счетъ того, получаетъ ли она настоящую серебряную монету или денежные знаки и на какую сумму эти послѣдніе пущены въ обращеніе. Въ тяжелую пору междоусобной войны и сильнаго финансоваго кризиса правительство, какъ кажется, прибѣгало къ чеканкѣ плакированной монеты въ такихъ чрезмѣрно широкихъ размѣрахъ, что къ финансовому кризису присоединился монетный; тогда масса пущенныхъ въ обращеніе фальшивыхъ и фактически утратившихъ часть своей стоимости монетъ очень затруднила заключеніе торговыхъ сдѣлокъ. Поэтому, во время управленія Цинны, было рѣшено — по предложенію преторовъ и трибуновъ, и въ особенности Марка Марія Гратидіана (стр. 345),—уплатить за всѣ денежные знаки серебряной монетой и съ этой цѣлію была учреждена пробирная палата. Намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, но чеканка плакированной монеты все-таки не прекратилась.

Денежные знаки. **91**

Провинціальная монета.

Что касается провинцій, то римское правительство и тамъ придерживалось своего основнаго правила устранять изъ обращенія золотую монету; оно нигдѣ не дозволяло чеканить такую монету, даже не дѣлая исключенія въ пользу вассальныхъ государствъ; поэтому чеканка золота производилась въ то время только тамъ, гдѣ Римъ не имѣлъ права распоряжаться, а именно у жившихъ къ сѣверу отъ Севеннъ Кельтовъ и въ государствахъ, возставшихъ противъ Рима; такъ напримѣръ и Италійцы и Митридатъ Эвпаторъ чеканили золотую монету.

Монетное дѣло на западѣ.

И чеканку серебряной монеты римское правительство старалось все болѣе и болѣе забирать въ свои руки, въ особенности на за-

падѣ. Въ Африкѣ и въ Сардиніи, вѣроятно, и послѣ паденія карѳагенскаго государства, оставались въ обращеніи карѳагенскія золотыя и серебряныя монеты; но тамъ вовсе не чеканили изъ благородныхъ металловъ монеты ни по карѳагенскому образцу ни по римскому и не подлежитъ сомнѣнію, что, вскорѣ послѣ утвержденія тамъ римскаго владычества, въ этихъ обѣихъ странахъ стали входить во всеобщее употребленіе привозившіеся изъ Италіи денаріи. Въ Испаніи и въ Сициліи, — которыя ранѣе поступили подъ римское владычество и съ которыми римское правительство обходилось болѣе мягко, — серебряная монета чеканилась и подъ римскимъ управленіемъ, а въ первой изъ этихъ странъ чеканка серебра даже была въ первый разъ введена Римлянами и по римскому образцу (1, стр. 541, 673, 844); однако есть основаніе полагать, что и въ тѣхъ двухъ странахъ провинціальная и городская чеканка должна была ограничиваться мѣдной размѣнной монетой по меньшей мѣрѣ съ начала седьмаго столѣтія. Только въ нарбоннской Галліи не было возможности отнять право чеканки серебряной монеты у стараго римскаго союзника, — у вольнаго города Массиліи; по всему вѣроятію, то-же самое можно сказать о находившихся въ Иллиріи греческихъ городахъ Аполлоніи и Диррахіѣ. Однако и право этихъ общинъ чеканить монету было косвенно ограничено тѣмъ, что трехчетвертные денаріи, которые чеканились по распоряженію римскаго правительства и тамъ и въ Римѣ, и которые были включены въ римскую монетную систему подъ названіемъ «викторіата» (1, стр. 843), были около половины седьмаго столѣтія устранены изъ этой системы; это должно было имѣть то неизбѣжное послѣдствіе, что массилійская и иллирійская ходячая монета была вытѣснена изъ верхней Италіи и осталась въ обращеніи, кромѣ своего отечества, развѣ только въ альпійскихъ и въ придунайскихъ странахъ. И такъ Римляне уже дошли во время описываемой эпохи до того, что монетная единица денарія исключительно господствовала во всей западной половинѣ римскихъ владѣній, такъ какъ въ Италіи, въ Сициліи (есть положительныя свидѣтельства, что въ началѣ слѣдующей эпохи тамъ не было въ обращеніи никакой другой серебряной монеты, кромѣ денарія), въ Сардиніи и въ Африкѣ употреблялись исключительно римскія серебряныя монеты, а еще остававшіяся въ Испаніи въ обращеніи провинціальныя серебряныя монеты, равно какъ серебряныя монеты Массилійцевъ и Иллирійцевъ, по меньшей мѣрѣ чеканились по римскому образцу.

Монетное дѣло на востокѣ. Иначе было на востокѣ. Тамъ издревле было много государствъ, чеканившихъ свою собственную монету, а количество мѣстной монеты, находившейся въ обращеніи, было очень значительно; поэтому если денарій, — какъ можно полагать, — и былъ тамъ легально признанъ за ходячую монету, онъ все-таки проникалъ туда въ огра-

ниченномъ размѣрѣ: тамъ частію оставалась въ обращеніи прежняя монета,—такъ напримѣръ Македонія и въ качествѣ римской провинціи чеканила свои аттическія тетрадрахмы, лишь иногда присоединяя къ названію страны имя римскаго должностнаго лица, и безъ сомнѣнія употребляла преимущественно только эту монету; частію же тамъ вводились въ употребленіе, по распоряженію Римлянъ, новыя монеты, соотвѣтствовавшія особымъ мѣстнымъ условіямъ; такъ напримѣръ, во время учрежденія провинціи Азіи, тамъ былъ введенъ римскимъ правительствомъ въ употребленіе новый статиръ, такъ называемый «цистофоръ», который съ тѣхъ поръ стали чеканить подъ римскимъ надзоромъ въ главныхъ областныхъ городахъ. Это существенное различіе между монетными системами западной и восточной имѣло чрезвычайно важное историческое значеніе: романизированіе покоренныхъ странъ пріобрѣло въ распространеніи римской монеты одно изъ самыхъ сильныхъ своихъ орудій и не одной только случайности слѣдуетъ приписывать тотъ фактъ, что страны, въ которыхъ былъ въ то время въ обращеніи денарій, впослѣдствіи вошли въ составъ латинской половины римской имперіи, а страны, гдѣ была въ обращеніи драхма, вошли въ составъ греческой половины имперіи. Первая изъ нихъ и по сіе время составляетъ настоящую сферу романской культуры, между тѣмъ какъ вторая выдѣлилась изъ сферы европейской цивилизаціи.

Не трудно себѣ представить, какъ должны были установиться соціальныя отношенія при такихъ экономическихъ условіяхъ; но въ подробномъ описаніи того, какъ мало по малу усиливались изысканная роскошь, дороговизна, склонность къ гнуснымъ забавамъ и къ праздности, нельзя найти ничего ни утѣшительнаго, ни поучительнаго. Мотовство и чувственныя наслажденія служили главнымъ занятіемъ для всѣхъ,—какъ для выскочекъ, такъ и для Лициніевъ и Метелловъ; нравилась не та изящная роскошь, которая составляетъ цвѣтъ цивилизаціи, а та, которая развилась изъ приходившей въ упадокъ эллинской цивилизаціи Малой Азіи и Александріи,—которая низводила все прекрасное и достойное уваженія на степень простой декораціи и разнообразила наслажденія съ такимъ мелочнымъ педантствомъ и съ такой вычурной акуратностью, которыя внушаютъ одинакое отвращеніе и человѣку съ свѣжими чувствами и человѣку съ свѣжимъ умомъ.

Нравы.

Усиливающаяся расточительность.

Что касается народныхъ празднествъ, то ввозъ заморскихъ дикихъ звѣрей, запрещенный во времена Катона (1, стр. 872), былъ снова формально разрѣшенъ, какъ кажется около половины этого столѣтія, постановленіемъ гражданства по предложенію Гнейя Авфидія; съ тѣхъ поръ травлей звѣрей стали все больше и больше заниматься и она сдѣлалась главною составною частью гражданскихъ празднествъ. Около 651 года въ первый разъ появилось на римской аренѣ нѣ-

Народныя празднества.

99 сколько львовъ; въ 655 году въ первый разъ появились слоны;
93 въ 661 году Сулла, состоявшій въ то время въ званіи претора, приказалъ вывести на арену цѣлую сотню львовъ. То-же можно сказать и о гладіаторскихъ играхъ. Дѣды публично выставляли изображенія великихъ битвъ, а внуки стали выставлять изображенія гладіаторскихъ игръ и, предаваясь такимъ важнымъ государственнымъ занятіямъ, сами дѣлали изъ себя посмѣшище для потомства. Изъ завѣщанія, оставленнаго Маркомъ Эмиліемъ Лепидомъ (консу-
187 175 162 ломъ 567, 579; † 592), можно составить себѣ понятіе о размѣрѣ суммъ, которыя истрачивались на эти зрѣлища и вообще на похороны; такъ какъ, по мнѣнію Лепида, воздаваніе послѣднихъ почестей должно заключаться не въ пустой пышности, а въ напоминаніи о личныхъ заслугахъ умершаго и о заслугахъ предковъ, то онъ приказалъ своимъ дѣтямъ не тратить на его похороны болѣе 1 милліона ассовъ (76.000 талер.).

Постройки. Роскошь возростала и въ томъ, что̀ касалось постройки жилищъ и разведенія садовъ; великолѣпный городской домъ оратора Красса
91 († 663), особенно славившійся старыми деревьями прилегавшаго къ нему сада, оцѣнивался вмѣстѣ съ этими деревьями въ 6 милл. сест. (457.000 тал.), а безъ нихъ на половину дешевле, между тѣмъ какъ цѣну обыкновенныхъ жилыхъ домовъ Рима можно приблизительно опредѣлить въ 60.000 сест. (4.600 тал.) *) Какъ быстро росли цѣны на роскошно устроенныя имѣнія, видно на примѣрѣ мизенской виллы, за которую мать Гракховъ, Корнелія, запла-
74 тила 75.000 сест. (5700 тал.), а консулъ 680 года Луцій Лукуллъ заплатилъ въ тридцать три раза дороже. Благодаря постройкѣ виллъ, роскошной дачной жизни и близости морскихъ купаленъ, Байи и вообще всѣ окрестности Неаполитанскаго залива сдѣлались настоящимъ Эльдорадо для праздной знати.

Азартныя игры. Азартныя игры,—въ которыя играли вовсе не на орѣхи, какъ прежде, когда была въ ходу игра въ кости,—вошли въ общее употребленіе и противъ нихъ былъ изданъ цензорскій эдиктъ еще
115 въ 639 году.

Одежда. Газовыя ткани, которыя болѣе обнажали, чѣмъ прикрывали формы тѣла, и шелковыя одежды стали замѣнять старинное шерстяное верхнее платье не только у женщинъ, но даже у мущинъ. Противъ

*) Въ домѣ, гдѣ жилъ Сулла молодымъ человѣкомъ, онъ платилъ за наемъ нижняго этажа 3000 сестерцій, а жилецъ верхняго этажа платилъ 2000 сест. (Плутархъ, Sulla, 1); если капитализировать эту ренту по расчету $^2/_3$ обыкновеннаго размѣра процентовъ съ капиталовъ, то мы получимъ приблизительно вышеуказанную цифру. Это была недорогая квартира. Если столичная наемная
125 плата за квартиру въ 6000 сестерцій [460 тал.] на 629 годъ названа высокой [Vell. 1, 10], то это слѣдуетъ объяснять какими нибудь особыми причинами.

безразсуднаго мотовства на иностранные благовонные товары оказывались безсильными законы, которые издавались съ цѣлію обуздать роскошь.

Но самой блестящей стороной въ образѣ жизни высшаго общества было то, что относилось къ обѣденному столу. Лучшимъ поварамъ платили безумныя цѣны—до 100.000 сестерцій (7600 тал.); при постройкѣ домовъ особенно заботились объ удобствахъ для повара; при стоявшихъ на берегу моря виллахъ устроивали особые садки съ соленой морской водой для того, чтобъ во всякое время можно было подавать къ столу свѣжую морскую рыбу и устрицы; то считалось плохимъ обѣдомъ, если гостямъ подавали птицу цѣликомъ, а не отборными кусочками, и если отъ гостей ожидали, что они будутъ ѣсть подаваемыя кушанья, а не будутъ только отвѣдывать ихъ; выписывались за большія деньги иностранныя лакомства и греческія вина, которыя за всякимъ порядочнымъ обѣдомъ обносились вокругъ стола по меньшей мѣрѣ одинъ разъ. За обѣдомъ щеголяли толпою рабовъ, хоромъ пѣвчихъ, танцовщицами, роскошной мебелью, блестѣвшими золотомъ или разрисованными коврами, пурпурными занавѣсками, старинной бронзовой утварью, богатой серебряной посудой. Противъ этихъ излишествъ были главнымъ образомъ направлены законы о роскоши, которые стали издаваться **Столъ.**
115 (593, 639, 665, 673) чаще, чѣмъ когда-либо, и становились все 89 81
болѣе и болѣе строгими: этими законами было совершенно запрещено употребленіе многихъ лакомствъ и винъ; для нѣкоторыхъ другихъ предметовъ потребленія былъ установленъ высшій размѣръ вѣса и стоимости; количество серебряной столовой посуды также было ограничено закономъ; наконецъ былъ установленъ высшій предѣлъ расходовъ на обѣды ежедневные и праздничные, такъ напримѣръ въ
593 году такимъ предѣломъ были 10 и 100 сестерцій ($17^1/_2$ грош. 161
и $5^2/_3$ тал.), въ 673 году—30 и 300 сестерцій (1 тал. 22 гр. 81
и 17 тал.). Изъ уваженія къ истинѣ, къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ знатныхъ Римлянъ, какъ разсказываютъ, только трое, и отнюдь не сами законодатели, подчинялись этимъ внушительнымъ законамъ; да и у тѣхъ троихъ списокъ кушаньевъ былъ урѣзанъ не законами ихъ отечества, а законами стоической школы.

Серебряная посуда. Стóитъ труда еще на минуту остановить наше вниманіе на возраставшей въ нарушеніе законовъ роскоши относительно серебряной посуды. Въ шестомъ столѣтіи столовое серебро (за исключеніемъ изстари бывшей въ употребленіи серебряной солонки) было рѣдкостью; кареагенскіе послы разсказывали съ насмѣшкой, что въ каждомъ домѣ, куда ихъ приглашали въ гости, они находили все одну и туже серебряную столовую посуду (1, стр. 498). У Сципіона Эмиліана было серебряныхъ вещей вѣсомъ только въ 32 фунта (на

211 800 тал.); его племянникъ Квинтъ Фабій (консулъ 633 года) довелъ такой-же запасъ до 1000 фунтовъ (на 25.000 тал.),
91 а Маркъ Друзъ (народный трибунъ 653 года) — до 10.000 фунт. (на 250.000 тал.); во времена Суллы уже насчитывали въ столицѣ до 150 стофунтовыхъ парадныхъ серебряныхъ блюдъ; а нѣкоторые изъ этихъ предметовъ роскоши были причиной того, что имена ихъ владѣльцевъ были внесены въ списокъ проскриптовъ. Чтобъ составить себѣ вѣрное понятіе о громадности денежныхъ суммъ, которыя тратились на этотъ предметъ, не слѣдуетъ позабывать, что и за работу уже платились въ то время огромныя цѣны; такъ напримѣръ, за изящную отдѣлку серебрянаго прибора Гай Гракхъ заплатилъ
95 въ пятнадцать разъ дороже стоимости металла, а консулъ 659 года Луцій Крассъ—въ восемнадцать разъ; только за пару кубковъ работы одного знаменитаго серебряныхъ дѣлъ мастера Крассъ заплатилъ 100.000 сестерцій (7600 тал.). И такъ было сравнительно повсюду.

Бракъ.

О томъ, какъ смотрѣли Римляне на бракъ и на законныхъ дѣтей, видно уже изъ Гракховскихъ аграрныхъ законовъ, впервые назначившихъ вознагражденіе тѣмъ, у кого были законныя дѣти (стр. 87). Разводъ, который когда-то былъ въ Римѣ неслыханнымъ дѣломъ, сдѣлался теперь вседневнымъ явленіемъ; если по стариннымъ римскимъ понятіямъ о бракѣ мущина долженъ былъ покупать себѣ жену, то знатнымъ Римлянамъ описываемой эпохи можно-бы было предложить учрежденіе браковъ по найму для того, чтобъ и названіе соотвѣтствовало установившемуся обыкновенію. Даже когда такой человѣкъ, какъ Метеллъ Македонскій, — удивлявшій своихъ современниковъ и своею почтенною привязанностью къ семейной жизни и многочисленнымъ роемъ своихъ дѣтей, — сталъ объяснять (въ качествѣ
131 цензора 623 года) гражданамъ ихъ обязанность вступать въ законный бракъ, то онъ отозвался о супружествѣ, какъ объ общественномъ бремени, которое конечно тяжело, но отъ котораго патріотъ не долженъ уклоняться по чувству долга *).

Эллинизмъ и его послѣдствія.

Впрочемъ, встрѣчались и исключенія. Въ мелкихъ городахъ и въ особенности среди крупныхъ землевладѣльцевъ прочнѣе поддерживались старинные и почтенные національные нравы Латиновъ. Но въ столицѣ Катоновская оппозиція обратилась въ пустую фразу; тамъ неограниченно господствовало модное направленіе и хотя нѣкоторыя отдѣльныя личности, одаренныя отъ природы и энергіей и изяществомъ вкусовъ, въ родѣ напримѣръ Сципіона Эмиліана, умѣли

---

*) „Если-бы мы могли это сдѣлать“ — говорилъ онъ, обращаясь къ гражданамъ, — „то конечно каждый изъ насъ сложилъ-бы съ себя это бремя. Но натура устроила такъ, что и съ женами жить неудобно и обойтись безъ нихъ нельзя: потому слѣдуетъ искать не временнаго благополучія, а постоянной пользы“.

соединять римскую строгую нравственность съ аттическимъ обра-
зованіемъ, но среди огромнаго большинства слово эллинизмъ зна-
чило то-же, что интеллектуальная и нравственная испорченность.
Кто хочетъ составить себѣ вѣрное понятіе о римской революціи,
тотъ не долженъ терять изъ виду вліянія этихъ общественныхъ
золъ на политическую сферу. Нельзя не придавать серьознаго зна-
ченія тому факту, что изъ двухъ знатныхъ людей, состоявшихъ въ
662 году въ званіи высшихъ блюстителей общественной нравствен- 92
ности, одинъ публично упрекалъ другаго за слёзы, пролитыя по случаю
смерти мурены, бывшей украшеніемъ его рыбнаго пруда; а второй въ свою
очередь упрекалъ перваго за то, что онъ, похоронивши трехъ женъ, не
проронилъ слезинки ни по одной изъ нихъ. Не было лишено значенія и то,
что въ 593 году одинъ ораторъ могъ на публичной площади из-
дѣваться надъ сенаторомъ, который, исполняя должность присяж-
наго въ гражданскомъ судѣ, проводилъ время въ кутежѣ до той
минуты, когда должно было начаться разбирательство дѣлъ; вотъ
какъ этотъ ораторъ описалъ сенатора и его товарищей по кутежу:
«Опрыскавшись изящными духами, они играютъ въ азартную игру,
«окруженные своими любовницами. Когда время заходитъ за пол-
«день, они призываютъ служителя и приказываютъ ему разузнать
«на мѣстѣ народной сходки, что̀ тамъ дѣлалось, кто говорилъ за
«новый законопроэктъ и кто говорилъ противъ, какіе округа подали
«голоса въ пользу законопроэкта и какіе противъ него. Наконецъ,
«они сами отправляются въ судебное мѣсто какъ разъ во̀-время,
«чтобъ самимъ не попасть подъ судъ. Доро́гой они останавливают-
«ся у каждаго закоулка, потому что наполнили свои желудки ви-
«номъ. Нехотя являются они въ судилище и предоставляютъ право
«слова тяжущимся сторонамъ. Тѣ, кому предоставлено это право,
«излагаютъ сущность дѣла. Присяжный вызываетъ свидѣтелей, а
«самъ отходитъ въ сторонку. Вернувшись оттуда, онъ объявляетъ,
«что все слышалъ и требуетъ предъявленія документовъ. Онъ начи-
«наетъ разсматривать бумаги, но отъ выпитаго вина съ трудомъ
«открываетъ глаза. За тѣмъ, удаляясь для постановленія рѣшенія,
«онъ говоритъ, обращаясь къ своимъ собутыльникамъ: «Какое мнѣ
«дѣло до этихъ надоѣдливыхъ людей? Развѣ не лучше было-бы
«пойти выпить стаканчикъ сладкаго винца съ примѣсью греческаго
«и поѣсть жирнаго дрозда и хорошей рыбки, настоящей щучки съ
«тибрскаго острова?» Слышавшіе эти слова смѣялись; но развѣ то
не было очень знаменательно, что такія слова могли возбуждать
смѣхъ?

ГЛАВА XII.

Національность. Религія. Воспитаніе.

Исключительное господство латинскихъ и эллинскихъ воззрѣній.

Въ великой борьбѣ, происходившей между различными національностями на всемъ обширномъ пространствѣ римскихъ владѣній, второстепенныя націи или отступаютъ въ этомъ періодѣ времени на задній планъ или совершенно исчезаютъ. Самой значительной между ними — финикійской была нанесена разрушеніемъ Карѳагена смертельная рана, отъ которой она медленно истекла кровью. Тѣ изъ италійскихъ странъ, которыя еще сохранили до того времени свой старинный языкъ и свои старинные нравы, какъ-то Этрурія и Самній, сильно пострадали отъ Сулловской реакціи, а подведеніе всей Италіи подъ одинъ политическій уровень принудило ихъ и въ публичныхъ сношеніяхъ употреблять латинскій языкъ и придерживаться латинскихъ обычаевъ: такимъ образомъ старинные мѣстные языки низводились на степень быстро исчезающихъ племенныхъ нарѣчій. На всемъ пространствѣ римскихъ владѣній уже не было ни одной національности, способной даже только бороться съ національностями римскою и греческою.

Латинскій міръ.

Напротивъ того латинская національность была на пути къ рѣшительному преобладанію и потому, что сфера ея вліянія все болѣе расширялась, и потому, что ея внутренняя энергія все болѣе крѣпла. Со времени окончанія союзнической войны, всякій участокъ земли въ Италіи могъ быть пріобрѣтаемъ каждымъ изъ Италійцевъ въ признанную римскими законами полную собственность; каждый изъ италійскихъ боговъ, имѣвшій свой особый храмъ, могъ принимать приношенія отъ Римлянъ; съ тѣхъ поръ во всей Италіи (за исключеніемъ странъ, лежащихъ по ту сторону По) исключительно господствовало римское право, а всѣ другіе городскіе и земскіе законы были отмѣнены; сообразно съ этимъ и римскій языкъ сдѣлался съ того времени всеобщимъ дѣловымъ языкомъ и вскорѣ послѣ того также всеобщимъ языкомъ образованныхъ людей на всемъ полуостровѣ отъ Альповъ до Сицилійскаго пролива. Но его распространеніе уже не ограничивалось этими естественными предѣлами.

На полуостровѣ уже не находили для себя достаточно широкаго
простора ни масса стекавшихся въ Италіи капиталовъ, ни изобиліе
мѣстныхъ продуктовъ, ни смышленость мѣстныхъ сельскихъ хо-
зяевъ, ни изворотливость италійскихъ купцовъ; и эти причины и
служебныя обязанности массами привлекали Италійцевъ въ провин-
ціи (стр. 403). Такъ какъ они находились тамъ въ привилегиро-
ванномъ положеніи, то и римскій языкъ и римскіе законы стали
тамъ считаться привилегированными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда
Римляне имѣли дѣло не съ своими соотечественниками (стр. 368);
Италійцы повсюду соединялись въ тѣсно сомкнутыя и правильно
организованныя массы—солдаты примыкали къ своимъ легіонамъ,
торговцы устроивали во всѣхъ большихъ городахъ свои особыя
ассоціаціи, римскіе граждане, поселившіеся или временно проживав-
шіе въ какомъ нибудь провинціальномъ судебномъ округѣ, устрои-
вали «съѣзды» (conventus civium Romanorum) съ сво-
имъ особымъ спискомъ присяжныхъ и съ чѣмъ-то въ родѣ особыхъ
общинныхъ учрежденій; хотя эти жившіе въ провинціяхъ Римляне
рано или поздно возвращались въ Италію, все таки изъ нихъ мало
по малу образовалось особое осѣдлое племя, состоявшее частію изъ
коренныхъ Римлянъ, частію изъ примкнувшаго къ Римлянамъ смѣ-
шаннаго провинціальнаго населенія. Ранѣе уже было нами замѣче-
но, что такъ какъ въ Испаніи Римляне стали въ первый разъ содер-
жать постоянную армію, то тамъ ранѣе чѣмъ гдѣ либо появились
провинціальные города съ италійскими учрежденіями, какъ то Картейя
въ 583 году (стр. 4), Валенція въ 616 году (стр. 17) и въ бо- 171 138
лѣе позднюю пору Пальма и Полленція (стр. 18). Во внутреннія
страны полуострова еще мало проникала цивилизація,—такъ на-
примѣръ территорія Ваккаевъ еще долго послѣ того считалась од-
нимъ изъ самыхъ неудобныхъ и самыхъ непріятныхъ мѣстъ пре-
быванія для образованныхъ Италійцевъ; тѣмъ не менѣе и писатели
и надгробные камни свидѣтельствуютъ о томъ, что еще около по-
ловины седьмаго столѣтія латинскій языкъ былъ въ общемъ упо-
требленіи въ окрестностяхъ Новаго Карѳагена и въ нѣкоторыхъ дру-
гихъ мѣстахъ вблизи отъ береговъ моря. Гай Гракхъ сталъ прежде
всѣхъ сознательно проводить мысль о необходимости колонизировать,
то есть романизировать римскія провинціи путемъ переселенія Ита-
лійцевъ и сталъ осуществлять эту мысль на дѣлѣ; не смотря на то,
что консервативная оппозиція возстала противъ такого смѣлаго за-
мысла, большею частію уничтожила зачатки его практическаго ис-
полненія и приняла мѣры противъ его дальнѣйшаго развитія, коло-
нія Нарбонъ все таки уцѣлѣла; ея основаніе много способствовало
расширенію той сферы, гдѣ былъ въ употребленіи латинскій языкъ;
но оно имѣло еще гораздо болѣе важное значеніе благодаря тому,
что оставалось памятникомъ великаго замысла и послужило крае-

угольнымъ камнемъ для будущаго великолѣпнаго зданія. И древняя Галлія и даже теперешняя Франція оттуда ведутъ свое начало: въ сущности онѣ были созданіями Гайя Гракха. Но латинская національность неограничилась тѣмъ, что разлилась по всему пространству внутри естественныхъ границъ Италіи и даже проникла далѣе этихъ границъ; она кромѣ того пріобрѣла и прочную умственную основу. Она стала создавать для себя свою собственную классическую литературу и свое собственное высшее образованіе; хотя эти слабые зачатки умственной дѣятельности Италійцевъ и могутъ казаться незначительными въ сравненіи съ произведеніями эллинскихъ классиковъ и въ сравненіи съ эллинскою образованностью, но для будущности страны латинская классическая литература и латинское образованіе имѣли важное значеніе не столько по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, сколько потому, что возникли рядомъ съ греческой литературой и съ греческимъ образованіемъ, а въ виду тогдашняго упадка Эллиновъ, отразившагося и на ихъ литературѣ, пожалуй и къ Италійцамъ можно примѣнить слова поэта, что живой поденщикъ выше мертваго Ахилла.

Эллинизмъ. Однако, несмотря на то, что латинскій языкъ и латинская національность быстро и неудержимо стремились впередъ, они все таки признавали за эллинизмомъ равныя съ ними, даже болѣе старыя и неоспоримыя права и повсюду вступали въ самый тѣсный съ нимъ союзъ или проникались его духомъ для совмѣстнаго съ нимъ развитія. Италійская революція, подводившая подъ одинъ уровень всѣ нелатинскія національности, какія нашла на полуостровѣ, однако не наложила своей руки на греческіе города Тарентъ, Регіонъ, Неаполь, Локри (стр. 244). И Массилія, — не смотря на то, что она уже была со всѣхъ сторонъ окружена римскими владѣніями, — оставалась по прежнему греческимъ городомъ и именно въ качествѣ такого города была прочно привязана къ Риму. Съ полной латинизаціей Италіи шла рука объ руку и усиливавшаяся эллинизація. Въ высшихъ сферахъ италійскаго общества греческое образованіе сдѣлалось необходимою составною частію образованія
131 національнаго. Консулъ 623 года и верховный понтифексъ Публій Крассъ возбуждалъ удивленіе даже среди природныхъ Грековъ тѣмъ, что въ бытность намѣстникомъ Азіи постановлялъ свои судебные приговоры, смотря по надобности, то на общеупотребительномъ греческомъ языкѣ, то на одномъ изъ тѣхъ четырехъ греческихъ діалектовъ, которые уже пріобрѣли право книжнаго языка. А между тѣмъ какъ взоры италійскихъ писателей и художниковъ издавна были устремлены на востокъ, и эллинскіе писатели и художники стали теперь обращать свои взоры на западъ. Не только находившіеся въ Италіи греческіе города постоянно поддерживали свои духовныя связи съ Греціей, съ Малой Азіей, съ Египтомъ и осыпали

прославившихся тамъ греческихъ поэтовъ и актеровъ такими-же наградами и почестями, какими ихъ тамъ осыпали, но и въ самомъ Римѣ заводились (по примѣру, поданному разрушителемъ Коринеа во время празднованія его тріумфа въ 608 году) гимнастическія и эстетическія упражненія Грековъ—состязанія въ борьбѣ и въ музыкѣ, разныя игры, публичныя чтенія и декламаціи *). Греческіе ученые уже успѣли проникнуть въ сферу римской знати и въ особенности въ кружокъ Сципіона, а имена самыхъ выдающихся греческихъ членовъ этого кружка, историка Полибія и философа Панетія, принадлежатъ не столько къ греческой, сколько къ римской исторіи цивилизаціи. И въ другихъ менѣе знатныхъ сферахъ мы находимъ такое-же сближеніе. Здѣсь кстати упомянуть о другомъ современникѣ Сципіона, о философѣ Клейтомахѣ, потому что въ исторіи его жизни ясно видно, какъ въ то время перемѣшивались между собою различныя національности; онъ родился въ Кареагенѣ, слушалъ въ Аеинахъ лекціи Карнеада, котораго впослѣдствіи замѣнилъ въ званіи профессора; изъ Аеинъ велъ переписку съ самыми образованными Италійцами, съ историкомъ Авломъ Альбиномъ и съ поэтомъ Луциліемъ; начавшему осаду Кареагена, римскому консулу Луцію Цензорину онъ посвятилъ одно изъ своихъ ученыхъ сочиненій, а къ своимъ согражданамъ, уведеннымъ въ Италію въ рабство, онъ обратился съ философскимъ утѣшительнымъ посланіемъ. Знаменитые греческіе ученые и прежде живали въ Римѣ въ качествѣ пословъ, изгнанниковъ или по другимъ причинамъ, а теперь они стали поселяться тамъ на постоянное жительство; такъ напримѣръ, выше упомянутый Панетій жилъ въ домѣ Сципіона, а сочинитель гекза-
метровъ Архій Антіохійскій поселился въ 652 году въ Римѣ и за- 102
работывалъ тамъ достаточныя средства жизни благодаря своему таланту импровизатора и благодаря тому, что писалъ героическія поэмы, героями которыхъ были римскіе консуляры. Даже Гай Марій, едва-ли понимавшій хоть одну строчку изъ его стиховъ и вообще вовсе негодившійся для роли Мецената, счелъ необходимымъ принять стихотворца подъ свое покровительство. Такимъ образомъ, умственныя занятія и литература сдѣлались связью если не между самыми лучшими, то между самыми знатными представителями обѣихъ націй; съ другой стороны, вслѣдствіе громаднаго ввоза въ Италію малоазіатскихъ и сирійскихъ невольниковъ и вслѣдствіе переселенія въ Италію торговцевъ съ греческаго и съ полугреческаго востока, самые грубые слои эллинизма съ сильною примѣсью во-

*) Ошибочно мнѣніе, будто до 608 года въ Римѣ еще не было „греческихъ 146
игръ“ [Тацитъ, Annal. 14, 21]; еще въ 568 году тамъ можно было видѣть 186
греческихъ „художниковъ“ [τεχνῖται] и атлетовъ [Ливій 39, 22], а въ 587 году 167
греческихъ флейтистовъ, трагическихъ актеровъ и кулачныхъ бойцевъ [Полибій, 30, 13].

сточныхъ и вообще варварскихъ элементовъ, стали сливаться съ италійскимъ пролетаріатомъ, которому также придали эллинскую окраску. Замѣчаніе Цицерона, что новый языкъ и новые нравы усвоиваются прежде всего въ приморскихъ городахъ, вѣроятно относилось къ полу-эллинскому образу жизни жителей Остіи, Путеоли и Брундизія; чужеземные обычаи проникали туда вслѣдъ за чужеземными товарами и оттуда распространялись далѣе.

Смѣшеніе народовъ. Однако, непосредственный результатъ такого рѣшительнаго переворота въ международныхъ сношеніяхъ былъ вовсе неутѣшителенъ. Въ Италіи толпились Греки, Сирійцы, Финикіяне, Іудеи, Египтяне, а въ провинціяхъ Римляне; рѣзкія народныя черты характера сталкивались между собою и замѣтнымъ образомъ сглаживались; отъ нихъ, повидимому, не должно было уцѣлѣть ничего, кромѣ общаго для нихъ отпечатка изношенности. По мѣрѣ того, какъ латинскіе нравы расширяли сферу своего господства, онѣ утрачивали свой первобытный характеръ — въ особенности въ Римѣ, гдѣ среднее сословіе исчезло раньше и гдѣ отъ него уже не оставалось никакихъ слѣдовъ; тамъ жили только знатные вельможи да нищіе, а тѣ и другіе были въ одинаковой мѣрѣ космополитами. Цицеронъ утверж-
90 даетъ, что около 660 года общее образованіе достигало въ латинскихъ городахъ болѣе высокаго уровня, чѣмъ въ Римѣ; то-же доказываетъ и литература того времени, такъ какъ самыя лучшія, самыя здоровыя и самыя оригинальныя ея произведенія, какъ напримѣръ національная комедія и Луциліевская сатира, могутъ быть названы скорѣе латинскими, чѣмъ римскими. Само собой разумѣется, что италійскій эллинизмъ низшихъ слоевъ населенія былъ на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ пошлый космополитизмъ со всѣми уродливыми наростами цивилизаціи и съ варварствомъ, прикрашеннымъ только снаружи; но и лучшее общество не долго придерживалось изящныхъ вкусовъ Сципіоновскаго кружка. Чѣмъ больше начинало римское общество интересоваться греческою жизнію, тѣмъ рѣшительнѣе оно обращалось не къ классической литературѣ, а къ самымъ новымъ и самымъ легкомысленнымъ произведеніямъ греческаго ума; вмѣсто того, чтобъ вносить эллинскій духъ въ римскую жизнь, оно перенимало отъ Грековъ только такое препровожденіе времени, которое всего менѣе возбуждало умственную дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ и были сказаны арпинскимъ землевладѣльцемъ Маркомъ Цицерономъ (отцемъ оратора) слѣдующія слова: подобно сирійскому рабу и Римлянинъ тѣмъ менѣе годенъ, чѣмъ больше понимаетъ по-гречески. — Это національное разложеніе предвѣщало такъ-же мало хорошаго, какъ и все, что относится къ той эпохѣ; но кромѣ того оно было наравнѣ съ другими событіями того времени многозначительно и богато послѣдствіями. Та сфера народовъ, каторую мы привыкли называть древнимъ міромъ, начинаетъ переходить отъ

внѣшняго объединенія подъ римскимъ владычествомъ къ внутреннему объединенію подъ владычествомъ новѣйшей цивилизаціи, въ сущности состоявшей изъ эллинскихъ элементовъ. Надъ остатками второстепенныхъ народовъ двѣ господствующія націи безмолвно вступаютъ между собою въ сдѣлку, которая имѣла чрезвычайно важное историческое значеніе; національности греческая и латинская заключаютъ между собою миръ. Отъ исключительнаго господства своего національнаго языка Греки отказываются въ сферѣ просвѣщенія, а Римляне въ сферѣ политики; въ преподаваніи отводится латинскому языку — хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями — мѣсто на-ряду съ греческимъ; съ другой стороны Сулла впервые разрѣшаетъ иностраннымъ посламъ объясняться передъ римскимъ сенатомъ на греческомъ языкѣ безъ посредства переводчиковъ. Уже предчувствуется то время, когда римская республика превратится въ двуязычное государство и когда настоящимъ наслѣдникомъ могущества и замысловъ Александра Великаго сдѣлается на западѣ тотъ, кто будетъ въ одно и то-же время и Римляниномъ и Грекомъ.

И такъ изъ сдѣланнаго нами обзора международныхъ отношеній оказывается, что второстепенные народы утрачивали подъ внѣшнимъ гнетомъ свои національныя особенности, а двѣ первенствующія націи заимствовались одна отъ другой; намъ предстоитъ подробно прослѣдить то-же явленіе въ сферахъ религіи, народнаго образованія, литературы и искуства.

Римская религія такъ тѣсно срослась съ римскими республиканскими учрежденіями и съ домашнею жизнію Римлянъ, что сдѣлалась ничѣмъ инымъ, какъ благочестивымъ отблескомъ римскаго гражданскаго міра; поэтому политическая и соціальная революція неизбѣжно должна была разрушить прежній религіозный строй. Старинныя италійскія народныя вѣрованія исчезаютъ; подобно тому, какъ надъ развалинами республиканскихъ учрежденій появляются олигархія и тираннія, и надъ развалинами старинной религіи появляются съ одной стороны невѣріе, государственная религія, эллинизмъ, съ другой стороны суевѣріе, расколъ, восточная религія. Впрочемъ, зачатки тѣхъ и другихъ, точно такъ-же, какъ и зачатки политическо-соціальной революціи, принадлежатъ еще къ предшествовавшей эпохѣ (I, стр. 860—865). Эллинское образованіе высшаго общества еще тогда начало втихомолку подкапываться подъ вѣрованія предковъ, еще тогда Энній объяснялъ своимъ соотечественникамъ, что эллинская религія была лишь аллегорическимъ изображеніемъ историческихъ событій; еще тогда сенатъ, одолѣвшій Аннибала, былъ вынужденъ одобрить перенесеніе малоазіатскаго культа Кибелы въ Римъ и принять строгія мѣры противъ другихъ, еще болѣе вредныхъ суевѣрій, въ особенности противъ того ханжества, которое было связано съ культомъ Вакха. Но подобно тому, **Религія.**

какъ въ предшествовавшую эпоху революція скорѣе подготовлялась въ умахъ, чѣмъ совершалась на дѣлѣ, и настоящій религіозный переворотъ совершился лишь во времена Гракховъ и Суллы.

Греческая философія. Постараемся сначала прослѣдить то направленіе умовъ, для котораго служили опорой эллинскія воззрѣнія. Эллинская нація расцвѣла и отцвѣла гораздо ранѣе италійской и уже давно пережила эпоху вѣры; съ тѣхъ поръ она довольствовалась исключительно сферой умозрѣній и рефлексіи; тамъ уже давно не было никакой религіи, а была только философія. Но въ то время, какъ философская дѣятельность эллинскаго ума стала впервые пріобрѣтать вліяніе на Римъ, она уже давно пережила эпоху творчества; она находилась въ ту пору на такой стадіи своего развитія, когда не только не можетъ возникнуть никакая дѣйствительно новая система, но даже утрачивается способность понимать самыя законченныя между старыми ученіями и все ограничивается сначала школьнымъ, а потомъ схоластическимъ изложеніемъ самыхъ неудовлетворительныхъ между философскими теоріями предковъ; стало быть она достигла въ ту пору того пункта, на которомъ философія не даетъ человѣческому уму ни глубины, ни свободы, а напротивъ того придаетъ ему пошлость и надѣваетъ на него самыя худшія изъ всѣхъ оковъ,—тѣ, которыя онъ самъ для себя куетъ. Волшебный напитокъ умозрѣній всегда опасенъ для здоровья, а когда онъ разбавленъ водой и испортился, онъ превращается въ настоящую отраву. Въ этомъ испорченномъ и разжиженномъ видѣ Греки передали его Римлянамъ, а эти послѣдніе не съумѣли ни отвергнуть его, ни перейти отъ живыхъ школьныхъ преподавателей къ отжившимъ наставникамъ. Платонъ и Аристотель, — не говоря уже о жившихъ ранѣе Сократа мудрецахъ,—не имѣли большаго вліянія на римское образованіе не смотря на то, что ихъ прославленныя имена часто упоминались, а самыя понятныя изъ ихъ сочиненій даже читались и переводились на латинскій языкъ. Поэтому Римляне были въ томъ, что касается философіи, лишь учениками, еще болѣе плохими, чѣмъ ихъ наставники. Кромѣ историко-раціоналистическаго воззрѣнія на религію, превращавшаго миѳы въ жизнеописанія жившихъ въ глубокой древности благодѣтелей человѣческаго рода, изъ которыхъ суевѣріе сдѣлало боговъ, или кромѣ такъ-называемаго эвгемеризма (I, стр. 863), въ Италіи пріобрѣли особенно важное значеніе три философскихъ школы—двѣ догматическія школы Эпи-
270 263 кура († 484) и Зенона († 491) и скептическая школа Аркезилая
241 213-129 († 513) и Карнеада (541—625), или, по названіямъ школъ, эпикуреизмъ, стоицизмъ и новѣйшая Академія. Послѣднее изъ этихъ трехъ ученій исходило изъ убѣжденія въ невозможности достигнуть положительнаго знанія и въ замѣнъ такого знанія допускало предварительныя мнѣнія, достаточныя лишь для удовлетворенія практи-

ческихъ потребностей; оно вертѣлось преимущественно на полемикѣ, стараясь опутать сѣтями своихъ дилеммъ каждый тезисъ какъ положительной религіи, такъ и философскаго догматизма. Поэтому оно отчасти сходилось съ болѣе древней софистикой, конечно, съ той разницей, что софисты боролись преимущественно съ народными вѣрованіями, а Карнеадъ и его послѣдователи боролись преимущественно съ своими сотоварищами—философами. Напротивъ того, Эпикуръ и Зенонъ сходились и въ общей цѣли раціонально объяснить сущность вещей и въ физіологическомъ методѣ, исходившемъ изъ понятія о матеріи. Расходились они въ томъ, что Эпикуръ, придерживаясь ученія Демокрита объ атомахъ, считалъ первобытную сущность за матерію, которая получаетъ разнообразныя формы только путемъ случайной группировки атомовъ; а Зенонъ, шедшій по слѣдамъ эфесскаго уроженца Гераклита, приписывалъ и первобытной сущности двигающую силу; отсюда исходятъ и дальнѣйшія различія: въ системѣ Эпикурейцевъ боги какъ-бы вовсе не существуютъ и по большей мѣрѣ признаются за грезы изъ грезъ, а боги Стоиковъ являются вѣчно-дѣятельною душою міра и, въ качествѣ духа, солнца или божества, имѣютъ могущественное вліяніе на тѣла живыхъ существъ, на землю, на природу; Эпикуръ не признаетъ верховнаго управленія всѣмъ міромъ и личнаго безсмертія, а Зенонъ признаетъ ихъ; по мнѣнію Эпикура, цѣлью для человѣческихъ стремленій служитъ безусловное равновѣсіе «ненарушаемое ни тѣлесными похотями, ни умственной борьбой; а по мнѣнію Зенона человѣческая дѣятельность все возвышается отъ постоянной борьбы между душою и тѣломъ и старается согласоваться съ природой, которая всегда находится въ борьбѣ и всегда спокойна. Но относительно религіи всѣ эти школы сходятся въ томъ, что вѣра сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія и необходимо должна быть замѣнена мышленіемъ все равно, будетъ ли это мышленіе сознательно отказываться отъ достиженія какихъ либо результатовъ, какъ то дѣлала Академія, или будетъ отвергать тезисы народныхъ вѣрованій, какъ то дѣлала школа Эпикура, или же будетъ частію истолковывать эти тезисы, частію видоизмѣнять ихъ, какъ то дѣлали Стоики.— Поэтому вполнѣ естественно, что первое соприкосновеніе эллинской философіи съ понятіями римской націи, столько-же твердой въ своихъ вѣрованіяхъ, сколько чуждой всякихъ умозрѣній, было вообще непріязненнымъ. Римская религія имѣла полное право требовать отъ этихъ философскихъ системъ, чтобъ онѣ не дозволяли себѣ ни доказывать неосновательность народныхъ вѣрованій, ни объяснять ихъ происхожденіе, такъ какъ и тѣмъ и другимъ путемъ онѣ подкапывались подъ самыя основы религіи. Римское государство инстинктивно понимало, что нападки на религію были опасны и для него самого; поэтому оно относилось къ философамъ такъ же, какъ комендантъ

крѣпости относится къ развѣдчикамъ приближающейся осадной арміи,
161 и выслало въ 593 году изъ Рима вмѣстѣ съ риторами и греческихъ философовъ. Дѣйствительно, первый, обратившій на себя общее вниманіе, дебютъ философовъ въ Римѣ былъ формальнымъ объявленіемъ войны противъ римской религіи и римскихъ обычаевъ. Поводомъ для него послужило занятіе Оропа Аѳинянами; оправданіе этой мѣры передъ римскимъ сенатомъ было возложено на трехъ самыхъ знаменитыхъ профессоровъ философіи, въ числѣ которыхъ на-
155 ходился и знатокъ новѣйшей софистики Карнеадъ (599). Выборъ трехъ философовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли въ томъ отношеніи, что съ точки зрѣнія здраваго смысла не было никакой возможности оправдывать позорную продѣлку Аѳинянъ, а Карнеадъ съумѣлъ, при помощи прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, привести одинакое число одинаково вѣскихъ доводовъ и въ защиту несправедливости и въ защиту справедливости; онъ въ самой безупречной логической формѣ доказалъ, что требовать отъ Аѳинянъ обратной уступки Оропа было-бы точно такъ-же несправедливо, какъ требовать отъ Римлянъ, чтобъ они довольствовались своими старинными соломенными хижинами на Палатинѣ. Знавшая греческій языкъ, молодежь толпами стекалась слушать Карнеада: ее привлекали съ одной стороны скандалъ, съ другой бойкая и увлекательная аргументація знаменитаго философа; но по меньшей мѣрѣ въ этомъ случаѣ нельзя было упрекнуть Катона за то, что онъ не только не совсѣмъ вѣжливо сравнилъ діалектическую аргументацію философофъ съ монотонными воплями похоронныхъ плакальщицъ, но и настоялъ на томъ, чтобъ сенатъ выслалъ изъ Рима такого человѣка, который умѣлъ дѣлать изъ правды неправду и изъ неправды правду и чья защитительная рѣчь въ сущности была ничѣмъ инымъ, какъ наглымъ и похожимъ на насмѣшку сознаніемъ неправоты защищаемаго дѣла. Однако такія высылки невполнѣ достигали своей цѣли, потому что не было возможности запретить римскому юношеству слушать философскія лекціи въ Родосѣ или въ Аѳинахъ. Поэтому сначала смотрѣли на чужеземную философію, какъ на такое неизбѣжное зло, съ которымъ было необходимо уживаться, а потомъ стали искать въ ней опоры для римской религіи, которая уже становилась невозможной по своей чрезмѣрной наивности; хотя эта философія и губила религію своей поддержкой, но она до нѣкоторой степени доставляла образованнымъ людямъ возможность сохранять названія и внѣшнія формы народныхъ вѣрованій. Впрочемъ такой опорой не могли служить ни эвгемеризмъ, ни ученія Карнеада и Эпикура. Превращеніе миѳовъ въ историческіе факты слишкомъ рѣзко сталкивалось съ народными вѣрованіями, такъ какъ дѣлало изъ боговъ обыкновенныхъ смертныхъ; Карнеадъ даже сомнѣвался въ существованіи боговъ, а Эпикуръ по меньшей мѣрѣ не признавалъ, чтобъ они могли имѣть какое

либо вліяніе на судьбы человѣчества. Союзъ между этими системами и римской религіей былъ невозможенъ и на нихъ была наложена опала. Еще Цицеронъ доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что на гражданинѣ лежитъ обязанность отвергать эвгемеризмъ, который слишкомъ близко затрогиваетъ богослужебные уставы; когда у него выводятся на сцену Академикъ и Эпикуреецъ, то первый оправдывается тѣмъ, что хотя онъ, въ качествѣ философа, и принадлежитъ къ числу послѣдователей Карнеада, но въ качествѣ гражданина и понтифекса—правовѣрный поклонникъ Капитолійскаго Юпитера, а Эпикуреецъ даже кончаетъ тѣмъ, что признаетъ себя побѣжденнымъ и отказывается отъ прежнихъ заблужденій. Ни одна изъ тѣхъ трехъ системъ не пріобрѣла въ Римѣ настоящей популярности. Эвгемеризмъ, пожалуй, и привлекалъ Римлянъ своей доступной для каждаго удобопонятностью и имѣлъ слишкомъ сильное вліяніе на общепринятую исторію Рима съ ея столько-же ребяческой, сколько старчески-негодной манерой дѣлать изъ фабулы историческій фактъ; но на римскую религію онъ потому не имѣлъ большаго вліянія, что она изстари состояла только изъ аллегорій, а не изъ фабулъ, и въ Римѣ нельзя было дѣлать то-же, что дѣлалось въ Элладѣ—нельзя было писать біографіи Зевса перваго, Зевса втораго и Зевса третьяго. Новѣйшая софистика могла имѣть успѣхъ только тамъ, гдѣ, какъ въ Аѳинахъ, остроумное краснобайство вошло въ моду и гдѣ изъ длиннаго ряда новыхъ и отжившихъ философскихъ системъ образовались высокія кучи того мусора, который накопляется какъ послѣ пожара на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣческій умъ не оставался въ бездѣйствіи. Наконецъ, противъ квіетизма Эпикурейцевъ возставало все, что́ было бодраго и честнаго въ характерѣ Римлянъ, вообще отъ природы склонныхъ къ предпріимчивости. Однако онъ нашолъ больше послѣдователей, чѣмъ эвгемеризмъ и чѣмъ софистика; вѣроятно, по этой причинѣ римская полиція вела съ нимъ войну всего дольше и всего упорнѣе. Впрочемъ этотъ римскій эпикуреизмъ былъ не столько философской системой, сколько чѣмъ-то въ родѣ философскаго маскараднаго домино, которымъ прикрывалась въ хорошемъ обществѣ безсмысленная наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, — конечно совершенно въ разрѣзъ съ намѣреніями строго-нравственнаго основателя Эпикурейской школы; такъ напримѣръ, одинъ изъ самыхъ раннихъ послѣдователей этого ученія, Титъ Альбуцій выставленъ въ стихотвореніяхъ Луцилія прототипомъ такого Римлянина, который усвоиваетъ эллинскія воззрѣнія въ превратномъ видѣ.

Стоическая философія находилась въ Италіи въ совершено другомъ положеніи и имѣла совершенно другое вліяніе. Въ противоположность съ выше упомянутыми философскими системами она примкнула къ мѣстной религіи такъ крѣпко, какъ только можетъ при- **Римскій стоицизмъ**

норавливаться знаніе къ вѣрѣ. По своимъ принципамъ Стоикъ твердо стоялъ за народную вѣру съ ея богами и оракулами, потому что считалъ ее за инстинктивное знаніе, которое должно быть принимаемо въ соображеніе научнымъ знаніемъ и которому это послѣднее даже обязано подчиняться въ сомнительныхъ случаяхъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ не вѣрилъ въ то же, во что вѣрилъ народъ, но онъ вѣрилъ иначе: хотя настоящимъ и высшимъ богомъ была для него душа вселенной, но онъ считалъ за боговъ и всѣ проявленія этого высшаго божества — главнымъ образомъ звѣзды, также землю, виноградную лозу, душу тѣхъ великихъ смертныхъ, которыхъ народъ чтилъ какъ героевъ, даже вообще души всѣхъ умершихъ. Въ сущности эта философія даже была болѣе на своемъ мѣстѣ въ Римѣ, чѣмъ на своей родинѣ. Возраженія благочестивыхъ вѣрующихъ, что богъ Стоиковъ не имѣетъ ни пола, ни возраста, ни тѣлесной формы и превращенъ изъ личности въ отвлеченное понятіе, имѣли смыслъ въ Греціи, но не въ Римѣ. Тѣмъ, что Стоическое ученіе о богахъ прибѣгало къ грубымъ аллегоріямъ и заботилось о нравственной чистотѣ, оно уничтожало все, что̀ было лучшаго въ основѣ эллинской миѳологіи; напротивъ того, пластическія способности Римлянъ были очень скудны даже въ эпоху своего дѣтскаго простодушія; онѣ не создали ничего, кромѣ легкой и безъ большаго вреда устранимой внѣшней оболочки для тѣхъ первоначальныхъ воззрѣній или идей, изъ которыхъ возникло понятіе о божествѣ. Паллада Аѳина могла-бы разгнѣваться, еслибы ее внезапно превратили въ отвлеченное понятіе о памяти, а Минерва и ранѣе того значила немного больше. Основанная на супернатурализмѣ стоическая теологія вообще сходилась по своимъ окончательнымъ выводамъ съ аллегорической теологіей Римлянъ. Философы, конечно, иногда бывали вынуждены признать нѣкоторые изъ догматовъ жреческаго ученія сомнительными или ложными, такъ напримѣръ отвергавшіе теорію обоготворенія, Стоики видѣли въ Геркулесѣ, въ Касторѣ и въ Поллуксѣ только души выдающихся людей и не могли допустить. чтобъ изображенія боговъ могли считаться за представителей божества; но и въ этихъ случаяхъ по меньшей мѣрѣ послѣдователи Зенона не возставали противъ ложныхъ ученій и не пытались низвергнуть ложныхъ боговъ; напротивъ того, они повсюду относились съ вниманіемъ и съ уваженіемъ даже къ слабымъ сторонамъ мѣстныхъ религій. Въ духѣ Римлянъ была и склонность стоической школы вносить казуистику въ сферу морали и раціонально излагать спеціальныя науки, такъ какъ Римляне того времени уже перестали простодушно придерживаться строгаго образа жизни и добрыхъ нравовъ своихъ предковъ, а превратили старинную наивную нравственность этихъ предковъ въ катихизисъ дозволенныхъ и запрещенныхъ дѣяній; кромѣ того, ихъ грамматика и юриспруденція

настоятельно нуждались въ методической обработкѣ, къ которой сами они не были способны. Вотъ почему эта философія привилась къ римской домашней жизни какъ такое растеніе, которое хотя и было заимствовано изъ чужихъ странъ, но уже успѣло акклиматизироваться на италійской почвѣ, а ея слѣды мы находимъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ римской жизни. Зачатки стоической философіи, безъ сомнѣнія, относятся къ болѣе отдаленнымъ временамъ, но высшія сферы римскаго общества освоились съ ней вполнѣ лишь чрезъ посредство тѣхъ людей, которые принадлежали къ кружку Сципіона Эмиліана. Панетій Родосскій, познакомившій Сципіона и всѣхъ его приближенныхъ съ ученіемъ Стоиковъ и постоянно находившійся въ свитѣ Сципіона, даже обыкновенно сопровождавшій его въ поѣздкахъ, съумѣлъ приноровить стоическое ученіе къ понятіямъ этихъ умныхъ людей: онъ отодвинулъ на задній планъ умозрѣнія Стоиковъ и до нѣкоторой степени устранилъ то, что было сухаго въ ихъ терминологіи и поверхностнаго въ ихъ нравственномъ катихизисѣ, примѣшивая къ нимъ ученія болѣе старыхъ философовъ; между которыми Сципіонъ особенно уважалъ Сократа по сочиненіямъ Ксенофонта. Съ тѣхъ поръ стали придерживаться ученія Стоиковъ самые знаменитые государственные люди и ученые, въ томъ числѣ основатель наукообразной филологіи Стилонъ и основатель наукообразной юриспруденціи Квинтъ Сцевола. Отъ стоической школы ведутъ свое начало и тѣ схоластическія формы, которыя стали съ тѣхъ поръ преобладать въ этихъ спеціальныхъ наукахъ по меньшей мѣрѣ внѣшнимъ образомъ и которыя находятся въ связи съ странными этимологическими пріемами, напоминающими составленіе шарадъ. Но еще гораздо важнѣе значеніе того факта, что изъ сліянія стоической философіи съ римской религіей возникли новая государственная философія и новая государственная религія. Въ Римѣ, гдѣ никто не занимался спекуляціями, кромѣ мѣнялъ, былъ совершенно отброшенъ спекулятивный элементъ, который съ самаго начала былъ слабо развитъ въ системѣ Зенона и былъ еще болѣе ослабленъ съ введеніемъ ея въ Римѣ, послѣ того какъ въ теченіе цѣлаго столѣтія греческіе школьные преподаватели старались вбивать эту философію въ дѣтскія головы и этимъ путемъ искажали ея основную мысль; съ тѣхъ поръ уже почти вовсе не было рѣчи объ идеальномъ развитіи царящаго въ человѣческой душѣ божественнаго духа или божественнаго всемірнаго закона. Стоическіе философы оказались неравнодушными къ тому прибыльному отличію, что ихъ ученіе возводилось на степень полу-оффиціальной римской государственной философіи и вообще оказались болѣе сговорчивыми, чѣмъ того слѣдовало ожидать, судя по ихъ суровымъ принципамъ. Въ ихъ ученіи о богахъ и о государствѣ скоро стало замѣтно странное фамильное сходство съ государственными учрежденіями, существовав-

шими на практикѣ у тѣхъ, отъ кого они получали пропитаніе; вмѣсто того, чтобъ вести рѣчь о космополитическомъ государствѣ философовъ, они стали высказывать свои соображенія касательно мудрой организаціи римской магистратуры. Правда, болѣе стойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ Стоики, въ родѣ Панетія, считали божественное откровеніе путемъ чудесъ и знаменій хотя и возможнымъ, но едва ли правдоподобнымъ, а астрологію рѣшительно отвергали; но ихъ ближайшіе преемники стояли за то ученіе о божественномъ откровеніи, то-есть за науку римскихъ авгуровъ, такъ же непреклонно и твердо, какъ и за всякій другой школьный догматъ, и даже дѣлали въ пользу астрологіи вовсе несовмѣстимыя съ философіей уступки. Казуистическое ученіе о человѣческихъ обязанностяхъ все болѣе и болѣе становится главнымъ внутреннимъ содержаніемъ системы Стоиковъ. Оно льстило той пошлой привычкѣ чваниться своими добродѣтелями, въ которой Римляне того времени искали вознагражденія за нелестныя для ихъ самолюбія сопоставленія съ Греками, и облекало въ формулы такіе нравственные догматы, въ которыхъ, какъ и во всякой другой морали благовоспитанныхъ людей, крайне суровыя общія правила дѣлаютъ человѣческое сердце холоднымъ какъ ледъ, а относительно подробностей допускается самая предупредительная снисходительность *). Его практическія послѣдствія едва ли заходили много далѣе того, что, — какъ разсказывали, — въ двухъ или трехъ домахъ римской знати довольствовались, въ угоду Стоикамъ, плохимъ обѣдомъ.

Государственная религія. Новая государственная религія находилась въ тѣсной связи съ этой новой государственной философіей или въ сущности составляла ея отрасль: ея главной отличительной чертой было сознательное сохраненіе догматовъ народной вѣры ради ихъ внѣшнихъ удобствъ, не смотря на то, что они были признаны нераціональными. Еще одинъ изъ самыхъ выдающихся членовъ Сципіоновскаго кружка, Грекъ Полибій открыто говорилъ, что странные и неуклюжіе римскіе религіозные обряды придуманы только для народной толпы, надъ которой безсиленъ разумъ и которую можно сдерживать только съ помощью знаменій и чудесъ, между тѣмъ какъ разумные люди вовсе не нуждаются въ религіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что римскіе друзья Полибія въ сущности раздѣляли это мнѣніе, хотя и не выставляли противоположность между наукой и религіей въ такой грубой и пошлой формѣ. Ни Лелій, ни Сципіонъ Эмиліанъ не могли усматривать въ ученіи авгуровъ (на которое и были главнымъ образомъ направлены нападки Полибія) ничего другаго, кромѣ политическаго учрежденія; но въ нихъ еще былъ такъ силенъ національ-

---

*) Самый забавный примѣръ такой снисходительности можно найти у Цицерона [De Officiis, 3, 12. 13].

ный духъ и еще такъ было сильно уваженіе къ приличіямъ, что они не могли публично высказывать такихъ опасныхъ мнѣній. Но уже при слѣдующемъ поколѣніи верховный понтифексъ Квинтъ Сцевола (консулъ 659 года; стран. 213, 330), ничѣмъ не стѣсняясь, 95
объяснялъ, по меньшей мѣрѣ въ своемъ устномъ преподаваніи права, что есть два рода религіи, — одна, согласная съ требованіями разума, философская, другая несогласная съ требованіями разума, традиціонная, и что первая изъ нихъ не можетъ быть признана за государственную, потому что въ ней есть много такого, что народу вовсе не нужно знать, или даже можетъ быть для него вредно; отсюда Сцевола выводилъ заключеніе, что традиціонная государственная религія должна оставаться такой, какова есть. Неболѣе, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ той же основной мысли, была Варроновская теологія, которая относится къ римской религіи какъ къ государственному учрежденію. По ученію Варрона, государство старѣе государственныхъ боговъ точно такъ же, какъ живописецъ старѣе написанной имъ картины; если-бы нужно было за-ново пріискивать боговъ, то конечно было бы полезно придать имъ болѣе цѣлесообразности и постараться, чтобъ они вѣрнѣе соотвѣтствовали отдѣльнымъ проявленіямъ души вселенной и носили болѣе умѣстныя названія; такъ какъ изображенія боговъ только наводятъ на разныя ложныя идеи *), то ихъ слѣдовало бы устранить точно такъ же, какъ и ложную систему жертвоприношеній; но такъ какъ эти учрежденія уже существуютъ, то всякій хорошій гражданинъ долженъ знать ихъ, придерживаться ихъ и заботиться о томъ, чтобъ «простолюдинъ» научался не презирать боговъ, а чтить ихъ еще болѣе прежняго. И само-собой понятно и изъ дальнѣйшихъ событій будетъ видно, что тѣ простолюдины, для чьей пользы эти господа налагали оковы на свой разумъ, уже стали пренебрегать прежней вѣрой и стали помимо ея искать для себя спасенія. Такимъ образомъ возникла римская «высокая церковь», то-есть съ одной стороны лишь съ виду благочестивые жрецы и священнослужители, а съ другой—ни во что не вѣрующіе прихожане. Чѣмъ открытѣе туземная религія выдавалась за политическое учрежденіе, тѣмъ рѣшительнѣе политическія партіи превращали почву государственной церкви въ арену для нападеній и для обороны; это дѣлалось все чаще и чаще въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ ученіи авгуровъ и объ избраніи членовъ въ жреческія коллегіи. Старинное обыкновеніе распускать сходку гражданъ въ случаѣ прибли-

*) И въ Варроновской сатирѣ „Аборигены“ говорится съ насмѣшкой, что первобытные люди не могли бы удовольствоваться такимъ богомъ, который познается только мыслію, а пожелали бы имѣть изображенія боговъ въ видѣ куколокъ и образковъ.

женія грозы превратилось въ рукахъ римскихъ авгуровъ въ обширное ученіе о различныхъ небесныхъ знаменіяхъ и о томъ, чего не слѣдуетъ дѣлать при появленіи этихъ знаменій; въ теченіе первыхъ десятилѣтій описываемой эпохи даже были изданы законы Эліевскій и Фуфіевскій, которые положительно предписывали распускать народную сходку, если кому-либо изъ высшихъ должностныхъ лицъ вздумалось поискать на небѣ признаковъ приближенія грозы, а римская олигархія гордилась своимъ ловкимъ открытіемъ, что при помощи благочестивой лжи можно было отмѣнять любое народное постановленіе. Съ другой стороны, римская оппозиція возставала противъ стариннаго обыкновенія предоставлять четыремъ высшимъ жреческимъ коллегіямъ замѣщеніе открывавшихся въ ихъ средѣ вакансій; она требовала, чтобъ и члены этихъ коллегій назначались по выбору народа, подобно тому какъ въ силу ранѣе введеннаго обыкновенія назначался ихъ предсѣдатель (1, стр. 820). Эта мѣра, конечно, была несогласна съ духомъ тѣхъ корпорацій, но онѣ не имѣли права жаловаться, потому что сами уклонялись отъ своей первоначальной цѣли какъ напримѣръ тѣмъ, что стали доставлять правительству религіозные мотивы для кассированія политическихъ постановленій. Это обстоятельство сдѣлалось главной причиной раздоровъ между политическими партіями. Первое нападеніе было от-
145 ражено въ 609 году сенатомъ, а внесенное оппозиціей предложеніе не прошло главнымъ образомъ благодаря тому, что противъ него
104 возстали члены Сципіоновскаго кружка. Но въ 650 году оно прошло вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіемъ въ угоду людямъ съ робкою совѣстью, которое было ранѣе установлено для выбора предсѣдателей коллегій и которое предоставляло этотъ выборъ не всему гражданству, а лишь немногимъ избирательнымъ округамъ (стр. 200). Напротивъ того Сулла возвратилъ жреческимъ коллегіямъ во всемъ его объемѣ право пополнять ихъ личный составъ по ихъ собственному усмотрѣнію (стр. 355). Съ такой заботливостью консерваторовъ о чистотѣ туземной религіи, натурально, какъ нельзя лучше уживалось обыкновеніе высшихъ слоевъ общества осыпать эту религію явными насмѣшками. Практической стороной римскаго жречества была жреческая кухня; пиршества, которыя устроивались авгурами и понтифексами, были, такъ сказать, офиціальными свѣтлыми днями въ жизни любившихъ хорошо покушать Римлянъ, а нѣкоторыя изъ нихъ составляли эпоху въ исторіи гастрономіи, такъ напримѣръ обѣдъ, устроенный по случаю вступленія въ должность авгура Квинта Гортензія ввелъ въ моду жареныхъ павлиновъ. Религія оказывалась пригодной и въ томъ отношеніи, что иногда усиливала пикантность скандаловъ. Любимая забава знатныхъ молодыхъ людей заключалась въ томъ, что по ночамъ они оскверняли или уродовали стоявшія на городскихъ улицахъ изображенія боговъ.

Обыкновеныя любовныя интриги уже давно были въ ходу, и уже начинали заводиться любовныя связи съ замужними женщинами, но любовная связь съ весталкой казалась столько же пикантной, какъ въ мірѣ Декамерона ухаживанье за монашенками и любовныя приключенія внутри монастырскихъ стѣнъ. Въ 640 году, какъ извѣстно, 114
случился слѣдующій скандалъ: три весталки, принадлежавшія къ самымъ знатнымъ семействамъ, и находившіеся съ ними въ любовной связи трое молодыхъ людей также изъ знатныхъ семействъ были привлечены за прелюбодѣяніе къ суду сначала понтификальной коллегіей, а потомъ, когда эта коллегія попыталась замять дѣло, къ суду чрезвычайной коммиссіи, назначенной особымъ народнымъ постановленіемъ,—и всѣ они были приговорены къ смертной казни. Люди степенные, конечно, не могли оправдывать подобныхъ скандаловъ, но не было никакого основанія винить тѣхъ, кто въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ называлъ положительную религію нелѣпостью: вѣдь и авгуръ, смотря на своего сотоварища, совершавшаго священнодѣйствіе, могъ смѣяться ему въ лице безъ нарушенія своихъ религіозныхъ обязанностей. Скромное лицемѣріе тѣхъ, кто придерживается такихъ-же воззрѣній на религію, кажется намъ вполнѣ извинительнымъ, если его сравнить съ грубымъ безстыдствомъ римскихъ жрецовъ и священнослужителей. Объ оффиціальной религіи въ ту пору безцеремонно отзывались, какъ о подмосткахъ, которыя сами по себѣ ничего не стоятъ и годны развѣ только для политическихъ машинистовъ; а благодаря своимъ безчисленнымъ лазейкамъ и западнямъ, она могла служить и дѣйствительно служила орудіемъ для каждой изъ политическихъ партій. Конечно, главнымъ образомъ олигархія считала государственную религію и въ особенности ученіе авгуровъ своимъ надежнымъ оплотомъ; но и противная партія не возставала въ принципѣ противъ такого учрежденія, существованіе котораго было лишь призрачнымъ, и вообще смотрѣла на него какъ на траншею, которая могла перейти изъ рукъ непріятеля въ ея собственныя.

Восточныя религіи въ Италіи.

Рѣзкую противоположность съ этой призрачной религіей представляютъ различные чужеземные культы, которымъ Римляне того времени оказывали любезное гостепріимство и которымъ нельзя отказать въ несомнѣнной жизненной силѣ. Эти культы встрѣчаются повсюду—какъ въ средѣ знатныхъ дамъ и баричей, такъ и въ средѣ рабовъ, какъ среди генераловъ, такъ и среди наёмныхъ солдатъ, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. Трудно повѣрить, до какихъ размѣровъ уже успѣли въ то время разростись эти суевѣрія. Когда во время войны съ Кимврами, сирійская пророчица Марѳа предложила сенату указать пути и средства для одолѣнія Германцевъ, то ея предложеніе было презрительно отвергнуто; но римскія дамы, и въ томъ числѣ жена Марія, отправили пророчицу въ глав-

ную квартиру; главнокомандующій съ удовольствіемъ принялъ ее и возилъ съ собой, пока не одержалъ рѣшительной побѣды надъ Тевтонами. Во время междоусобной войны, вожди самыхъ несходныхъ партій—Марій, Октавій, Сулла, сходились въ своей вѣрѣ въ знаменія и въ предсказанія. Даже сенатъ былъ вынужденъ во время
87 смутъ 667 года дѣлать свои распоряженія, сообразуясь съ бреднями полоумной пророчицы. До какой степени римско-эллинская религія окаменѣла, а народная толпа нуждалась въ болѣе сильныхъ религіозныхъ стимулахъ, видно изъ того факта, что суевѣрія уже непримыкали, какъ въ мистеріяхъ Вакха, къ національной религіи; въ ту пору Римляне даже зашли далѣе этрусской мистики и на первомъ планѣ появляются у нихъ тѣ культы, которые созрѣли въ жаркомъ климатѣ восточныхъ странъ. Этому много содѣйствовали мало-азіатскіе и сирійскіе уроженцы, которые массами примѣшивались къ италійскому населенію частію вслѣдствіе ввоза въ Италію невольниковъ, частію вслѣдствіе усилившихся сношеній Италіи съ Востокомъ. Вліяніе этихъ чужеземныхъ религій очень ясно обнаружилось въ восстаніяхъ сицилійскихъ невольниковъ, которые были большею частію сирійскими уроженцами. Эвнъ изрыгалъ пламя, Аѳеніонъ узнавалъ будущее по звѣздамъ; на свинцовыхъ пуляхъ, которыя употреблялись невольниками во время тѣхъ войнъ, стояли большею частію имена боговъ, въ числѣ которыхъ всего чаще встрѣчались на ряду съ Зевсомъ и съ Артемидой тѣ таинственныя «матери боговъ», которыя были переселены съ острова Крита въ Сицилію и сдѣлались тамъ предметомъ ревностнаго поклоненія. Такое-же вліяніе оказывали торговыя сношенія въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ товары стали перевозиться изъ Берита и изъ Александріи прямо въ италійскія гавани: Остія и Путеоли стали служить обширными складочными мѣстами какъ для сирійскихъ душистыхъ мазей и для египетскихъ полотенъ, такъ и для восточныхъ вѣрованій. По мѣрѣ того, какъ различные народы смѣшиваются между собой, повсюду происходитъ и смѣшеніе различныхъ религій. Изъ всѣхъ дозволенныхъ культовъ самымъ популярнымъ былъ культъ пессинунтской матери боговъ, производившій сильное впечатлѣніе на толпу безбрачіемъ своихъ священнослужителей, выбиравшихся только между евнухами, своими пиршествами, музыкой, процессіями нищихъ и вообще своей сладострастной пышностью; сборъ подаяній по домамъ уже тогда былъ обременителенъ для хозяевъ. Въ самое опасное время войны съ Кимврами, въ Римъ прибылъ изъ Пессинунта верховный жрецъ Баттакъ для того, чтобъ отстаивать интересы тамошняго храма своей богини, который будто-бы былъ оскверненъ; по особому порученію матери боговъ, онъ обращался съ рѣчью къ римскому народу и при этомъ совершилъ нѣсколько чудесъ. Благоразумныхъ людей это возмущало, но женщины и простолюдины гус-

тыми толпами провожали пророка при его отъѣздѣ. Уже нерѣдко
случалось, что Италійцы давали обѣтъ совершить благочестивое
странствованіе на востокъ; самъ Марій совершилъ такое странство-
ваніе въ Пессинунтъ; даже римскіе граждане стали вступать (впер-
вые въ 653 году) въ тѣ должности священнослужителей, которыя 101
возлагались только на евнуховъ. Но недозволенные и тайные культы,
понятно, были еще гораздо болѣе популярны. Еще во времена Ка-
тона одинъ халдейскій уроженецъ, предсказывавшій будущее по не-
беснымъ свѣтиламъ, сталъ соперничать съ Этрусскими, предсказы-
вавшими будущее по внутренностямъ животныхъ, и съ Марсами,
предсказывавшими будущее по полету птицъ (I, стр. 863); наблю-
денія за теченіемъ звѣздъ и основанныя на этихъ наблюденіяхъ
предсказанія скоро сдѣлались въ Италіи такимъ-же обыкновеннымъ
занятіемъ, какимъ они были на своей склонной къ фантазіямъ ро-
динѣ. Еще въ 615 году преторъ, завѣдывавшій дѣлами иноземцевъ, 139
приказалъ всѣмъ «Халдеямъ» выѣхать изъ Рима и изъ Италіи въ
десятидневный срокъ. Въ то-же время такая-же участь постигла
Іудеевъ, которые дозволили присутствовать на ихъ шабашѣ ново-
обращеннымъ Италійцамъ. И римскій лагерь подъ Нуманціей Сци-
піону пришлось очищать отъ предвѣщателей и благочестивыхъ про-
ходимцевъ всякаго рода. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ
того (657) правительство даже было вынуждено запретить прино- 97
шеніе въ жертву людей. Уже сталъ появляться тотъ дикій культъ
каппадокійской богини Ма, или, какъ называли ее Римляне, Беллоны,
при которомъ жрецы проливали во время процессій въ знакъ жертво-
приношенія свою собственную кровь; вмѣстѣ съ тѣмъ стали вводиться
и другіе болѣе мрачные обряды египетскаго богопочитанія; только-что
названная каппадокійская богиня появлялась Суллѣ во снѣ, а изъ
возникшихъ въ болѣе позднюю пору римскихъ обществъ для покло-
ненія Изидѣ и Озирису самыя старыя возводили свое начало ко
временамъ Суллы. Римляне сбились съ толку не только въ томъ,
что касалось ихъ старинной религіи, но и въ томъ, что касалось
ихъ самихъ; страшныя потрясенія, которыя пришлось переживать
во время пятидесятилѣтней революціи, и инстинктивное сознаніе,
что междоусобная война еще далеко не кончена, усиливали тревож-
ное и мрачное настроеніе духа народной толпы. Блуждавшая въ тре-
вогѣ человѣческая мысль взбиралась на всякую высоту и спускалась
во всякую бездну, гдѣ могла найти новыя предохранительныя сред-
ства отъ угрожавшихъ опасностей, новыя надежды въ своей отча-
янной борьбѣ съ велѣніями судьбы или, быть можетъ, только новыя
причины заботъ. Уродливый мистицизмъ находилъ благопріятную
для себя почву во всеобщемъ упадкѣ политическомъ, экономическомъ,
нравственномъ и религіозномъ и распространялся съ ужасающей
быстротой: точно будто въ одну ночь выросли изъ земли гигантскія

деревья; никто не понималъ, откуда они взялись и для чего они выросли; но именно это поразительно быстрое ихъ возрастаніе производило новыя чудеса и подобно эпидемической болѣзни вовлекало въ бездну всякаго, у кого не было твердо установившихся убѣжденій.

Образованіе.

Начавшаяся въ предшествовавшую эпоху революція произвела и въ сферѣ воспитанія и образованія такой-же переворотъ, какъ и въ сферѣ религіи. Ранѣе уже было разсказано, какъ и въ этой сферѣ былъ въ теченіе шестаго столѣтія расшатанъ основной принципъ римской общественной жизни—принципъ гражданскаго равенства. Еще во времена Пиктора и Катона въ Римѣ было широко распространено греческое образованіе и кромѣ того существовало собственно-римское образованіе; однако ни въ томъ ни въ другомъ Римляне не ушли дальше первыхъ зачатковъ. Энциклопедія Катона (1, стр. 926 и сл.) даетъ намъ приблизительное понятіе о томъ, что тогда разумѣли подъ образцовымъ римско-греческимъ образованіемъ; это было не много болѣе, чѣмъ формулированіе тѣхъ свѣдѣній, которыя считались въ старину необходимыми для каждаго отца семейства, и которыя крайне скудны въ сравненіи съ тѣмъ, что давало тогдашнее эллинское образованіе. На какомъ низкомъ уровнѣ стояло образованіе римскаго юношества еще въ началѣ седьмаго столѣтія, видно изъ словъ Полибія, который съ укоромъ сравниваетъ преступное пренебреженіе Римлянъ къ образованію съ тою разумною заботливостью со стороны и частныхъ людей и всего общества, которую онъ находилъ у своихъ соотечественниковъ; впрочемъ и Полибій, точно такъ-же какъ ни одинъ изъ Эллиновъ, не былъ въ состояніи понять, что причиной такого пренебреженія была еще болѣе глубокая идея гражданскаго равенства.— Теперь все это измѣнилось. Подобно тому, какъ къ наивнымъ народнымъ вѣрованіямъ примкнулъ просвѣщенный супернатурализмъ Стоиковъ, и въ сферѣ воспитанія появилось на ряду съ простымъ народнымъ обученіемъ особое образованіе, въ которомъ исключельно господствовалъ гуманизмъ; онъ-то и искоренилъ послѣдніе остатки стариннаго соціальнаго равенства. Не лишнимъ будетъ посмотрѣть, въ чемъ именно заключалось новое образованіе юношества, какъ греческое такъ и высшее латинское.

Греческое образованіе.

По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, тотъ-же самый человѣкъ (Луцій Эмилій Павелъ), которымъ было окончательно уничтожено политическое существованіе эллинской націи, прежде всѣхъ или въ числѣ первыхъ вполнѣ призналъ эллинскую цивилизацію за то, чѣмъ она всегда съ тѣхъ поръ безспорно считалась — за цивилизацію древняго міра. Хотя онъ самъ уже успѣлъ состарѣться, прежде чѣмъ ему представился случай посмотрѣть на Фидіева Зевса съ Гомеровскими пѣснопѣніями на умѣ, но онъ былъ такъ еще

молодъ сердцемъ, что когда возвратился въ свое отечество, въ его душѣ еще не угасъ солнечный блескъ эллинской красоты и не заглохло непреодолимое влеченіе къ золотымъ яблокамъ Гесперидъ; греческіе поэты и художники нашли въ этомъ чужеземцѣ такого ревностнаго и чистосердечнаго поклонника, какого уже не находили среди мудрецовъ тогдашней Греціи. Онъ не писалъ эпиграммъ ни на Гомера ни на Фидія, но постарался ввести своихъ дѣтей въ духовное царство. Не пренебрегая національнымъ образованіемъ, насколько оно дѣйствительно существовало, онъ, подобно Грекамъ, старался физически развивать своихъ сыновей, но не посредствомъ гимнастическихъ упражненій, которыя были по римскимъ понятіямъ неприличными, а посредствомъ охоты, которая была доведена у Грековъ почти до степени искусства; сверхъ того онъ придалъ греческому образованію болѣе высокое значеніе тѣмъ, что заставлялъ своихъ сыновей изучать греческій языкъ не для того только, чтобъ умѣть на немъ разговаривать; напротивъ того онъ хотѣлъ, чтобъ, такъ-же какъ у Грековъ, все общее высшее образованіе находилось въ связи съ изученіемъ языка и изъ него развивалось; поэтому онъ ставилъ на первомъ планѣ знакомство съ греческой литературой и пріобрѣтеніе необходимыхъ для ея пониманія миѳологическихъ и историческихъ свѣдѣній, а вслѣдъ затѣмъ риторику и философію. Библіотека царя Персея была та единственная доля захваченной въ Македоніи военной добычи, которую Павелъ присвоилъ себѣ для того, чтобъ подарить ее своимъ сыновьямъ. Въ его свитѣ находились даже греческіе живописцы и скульпторы, которые потомъ доканчивали эстетическое образованіе его сыновей. Уже Катонъ сознавалъ, что прошло то время, когда въ сферѣ образованія можно было относиться къ эллинизму отрицательно; лучшіе люди стали теперь понимать, что самымъ благороднымъ сторонамъ римскихъ нравовъ опасенъ не столько эллинизмъ во всей своей цѣлости, сколько эллинизмъ въ искаженномъ безобразномъ видѣ: и въ Римѣ и въ Италіи высшее общество стало большею частію раздѣлять это новое воззрѣніе. Въ греческихъ школьныхъ преподавателяхъ уже издавна не было въ Римѣ недостатка; теперь они стали стекаться толпами на новооткрытый прибыльный рынокъ для сбыта ихъ знаній, и въ качествѣ не только преподавателей греческаго языка, но также преподавателей литературы и вообще въ качествѣ людей, способныхъ руководить общимъ образованіемъ. Въ богатыхъ римскихъ домахъ стали постоянно жить греческіе гувернеры и преподаватели философіи; впрочемъ съ ними обыкновенно обходились какъ съ домашней прислугой *), даже если

*) Цицеронъ говоритъ, что онъ обходился съ своимъ ученымъ рабомъ Діонисіемъ болѣе деликатно, чѣмъ Сципіонъ съ Панетіемъ; въ томъ-же смыслѣ сказано у Луцилія: „Мой конь, мой конюхъ, мой плащъ и моя палатка для меня нужнѣе, чѣмъ философъ“.

они не были изъ рабовъ; утонченность вкусовъ была доведена въ этомъ отношенiи до такой степени, что за одного, знакомаго съ греческой литературой, раба высшаго разряда было заплочено
161 200.000 сестерцiй (15.200 тал.). Уже въ 593 году въ столицѣ было нѣсколько учебныхъ заведенiй, въ которыхъ спецiально учили декламацiи. Между этими наставниками Римлянъ уже встрѣчаются имена, пользовавшiяся громкою извѣстностью: о философѣ Панетiѣ уже было упомянуто ранѣе (стр. 426); извѣстный грамматикъ Кратесъ (родомъ изъ Маллоса, въ Киликiи), современникъ и равно-
169 сильный соперникъ Аристарха, нашолъ около 585 года въ Римѣ слушателей какъ для своихъ публичныхъ лекцiй, такъ и для своихъ филологическихъ и объективныхъ объясненiй Гомеровскихъ поэмъ. Хотя эта новая система образованiя юношества и встрѣчала противодѣйствiе со стороны правительства за свое революцiонное и
161 антинацiональное направленiе, однако сдѣланное въ 593 году мѣстными властями распоряженiе о высылкѣ риторовъ и философовъ оставалось подобно всѣмъ другимъ распоряженiямъ этого рода безъ всякихъ серьозныхъ послѣдствiй (въ особенности по причинѣ безпрестанной замѣны однихъ должностныхъ лицъ другими), а послѣ смерти Катона старшаго хотя еще нерѣдко слышались жалобы людей, придерживавшихся его воззрѣнiй, но уже не принималось никакихъ запретительныхъ мѣръ. Съ тѣхъ поръ высшее преподаванiе греческаго языка и греческой науки постоянно признавалось за существенную составную часть италiйскаго образованiя.

Латинское образованiе. Но на ряду съ этимъ греческимъ образованiемъ развилось и высшее латинское. При описанiи предшествовавшей эпохи уже было разсказано, какъ возвысился уровень латинскаго элементарнаго обученiя и какъ появилась въ замѣнъ Двѣнадцати Таблицъ, въ видѣ усовершенствованной азбуки, латинская Одиссея, а римскiе мальчики стали на этомъ переводѣ изучать правила и обороты своего роднаго языка такъ-же, какъ греческiе мальчики изучали свой родной языкъ по оригиналу этого перевода; кромѣ того уже было ранѣе замѣчено, что знаменитые учителя греческаго языка и греческой литературы, Андроникъ, Эннiй и многiе другiе,—преподававшiе по всему вѣроятiю не самымъ молодымъ мальчикамъ, а такимъ, которые уже приближались къ юношескому возрасту, или уже зрѣлымъ юношамъ,—не пренебрегали преподаванiемъ латинскаго языка наряду съ греческимъ. Это были зачатки высшаго латинскаго образованiя, но покуда не болѣе, какъ зачатки. Преподаванiе языка не можетъ заходить далѣе элементарныхъ познанiй, пока нѣтъ никакой литературы. Латинскiй языкъ и латинская литература вступили въ сферу высшихъ элементовъ образованiя только съ тѣхъ поръ, какъ кромѣ латинскихъ учебниковъ появилась и латинская литература, а эта послѣдняя достигла до нѣкоторой сте-

пени законченности въ произведеніяхъ классиковъ шестаго столѣтія; послѣ того уже недолго приходилось ожидать эманципаціи отъ греческихъ преподавателей языковѣдѣнія.

По примѣру Кратеса, читавшаго на публичныхъ лекціяхъ произведенія Гомера, и образованные Римляне стали публично читать повѣствовательныя произведенія своихъ отечественныхъ писателей,— пуническую войну Невія, хронику Эннія, а въ болѣе позднюю пору и стихотворенія Луцилія; сначала это дѣлалось въ небольшомъ кружкѣ избранныхъ знакомыхъ, а потомъ публично, въ заранѣе назначенные дни и при большомъ стеченіи слушателей; чтеніе даже сопровождалось критическимъ анализомъ по примѣру тѣхъ грамматиковъ, которые публично читали произведенія Гомера. Эти литературныя лекціи, читавшіяся безвозмездно образованными дилетантами (litterati), конечно, не были настоящимъ преподаваніемъ, какое было нужно для юношества; тѣмъ не менѣе этимъ способомъ юношество научалось понимать и объяснять классическія произведенія латинской литературы. **Публичныя чтенія классических сочиненій.**

Такимъ-же путемъ шло и развитіе латинскаго ораторскаго искусства. Знатные римскіе юноши, съ раннихъ лѣтъ пріучавшіеся публично произносить панегирики и рѣчи по судебнымъ дѣламъ, никогда не имѣли недостатка въ ораторской практикѣ; но настоящее ораторское искуство возникло только въ теченіе описываемой нами эпохи и благодаря новой системѣ образованія. Маркъ Лепидъ Порцина (консулъ 617 года) считался первымъ адвокатомъ, который 137 сталъ обработывать и форму и содержаніе своихъ рѣчей по всѣмъ правиламъ ораторскаго искуства, а два знаменитыхъ адвоката временъ Марія, мужественный и энергичный Маркъ Антоній (611— 143— 667) и тонкій, сдержанный ораторъ Луцій Крассъ (614—663) 87 140—91 уже были искусными ораторами въ полномъ значеніи этого слова. Упражненія молодежи въ ораторскомъ искуствѣ, натурально, пріобрѣли въ сравненіи съ прежними и болѣе широкій объемъ и болѣе серьозное значеніе, однако въ сущности ограничивались,—точно также-же какъ упражненія по латинской литературѣ,—тѣмъ, что начинающій лично сближался съ знатоками этого дѣла и руководствовался ихъ примѣромъ и наставленіями. Луцій Элій Преконинъ изъ Ланувія, прозванный Стилономъ, впервые сталъ около 650 года 100 формально преподавать какъ латинскую литературу, такъ и латинское ораторское искуство; это былъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ римскій всадникъ съ строго-консервативными убѣжденіями; въ отборномъ кружкѣ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились Варронъ и Цицеронъ, онъ читалъ сочиненія Плавта и другія литературныя произведенія въ томъ-же родѣ; кромѣ того онъ просматривалъ вмѣстѣ съ авторами наброски приготовляемыхъ ими рѣчей или же снабжалъ такими набросками своихъ друзей. Это **Декламація.**

было настоящее преподаваніе; однако Стилонъ не былъ школьнымъ учителемъ по своей профессіи: онъ училъ литературѣ и краснорѣчію такъ-же, какъ въ Римѣ учили законовѣдѣнію,—какъ болѣе опытный другъ желавшихъ отличиться молодыхъ людей, а не какъ наемникъ, готовый къ услугамъ всякаго.

Курсы литературы и риторики.

Но около того времени, въ которое онъ жилъ, началось и высшее школьное преподаваніе латинскаго языка въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ отдѣльно и отъ латинскаго элементарнаго образованія и отъ греческаго; имъ занимались состоявшіе на жалованьи наставники, которые были большею частію изъ отпущенныхъ на волю рабовъ. Само собой разумѣется, что и духъ и метода этого преподаванія были заимствованы отъ греческихъ упражненій въ литературѣ и въ ораторскомъ искуствѣ, да и учениками были,—точно такъ-же какъ у Грековъ,—не молодые мальчики, а юноши. Это латинское преподаваніе, подобно греческому, скоро раздѣлилось на два курса: сначала занимались научнымъ преподаваніемъ латинской литературы, а потомъ учили составлять, по всѣмъ правиламъ искуства, панегирики, политическія и судебныя рѣчи. Первую римскую литературную школу открылъ, незадолго до Стилона, Маркъ Севій Никаноръ Постумъ, а первую спеціальную школу для
90 преподаванія латинской риторики около 660 года Луцій Плотій Галлъ; впрочемъ и въ латинскихъ литературныхъ школахъ подготовляли учениковъ къ преподаванію ораторскаго искусства. Это новое латинское школьное образованіе имѣло очень важное значеніе. Руководство къ изученію латинской литературы и латинскаго краснорѣчія въ томъ видѣ, какъ его прежде преподавали высокопоставленные знатоки и мастера этого дѣла, сохраняло нѣкоторую самостоятельность по отношенію къ Грекамъ. Правда, знатоки языка и искусные ораторы подчинялись вліянію эллинизма; но они небезусловно подчинялись вліянію греческой школьной грамматики и греческой школьной риторики; въ особенности этой послѣдней рѣшительно не хотѣли знать. И гордость Римлянъ и ихъ здравый смыслъ были возмущены утвержденіемъ Грековъ, что только въ школѣ и придерживаясь школьныхъ правилъ можно научиться ясно и убѣдительно говорить, обращаясь къ себѣ равнымъ и на своемъ родномъ языкѣ о томъ, что ораторъ понималъ или чувствовалъ. Даровитый адвокатъ, хорошо изучившій свое дѣло на практикѣ, натурально, находилъ, что лишенные всякой связи съ жизнію, пріемы греческихъ риторовъ болѣе вредны для начинающаго, чѣмъ отсутствіе всякой подготовки; человѣку съ образованіемъ и съ житейской опытностью греческая риторика казалась пустой и противной; отъ вниманія людей съ стойкими консервативными убѣжденіями не ускользало сходство между ораторскимъ искуствомъ, развившимся до степени ремесла, и тѣмъ краснорѣчіемъ, которое служило орудіемъ для дема-

тоговъ. Вотъ почему Сципіоновскій кружокъ былъ заклятымъ врагомъ риторовъ, а если греческая декламація сначала и допускалась въ преподаваніи наемныхъ наставниковъ главнымъ образомъ въ видѣ упражненія въ греческомъ языкѣ, то греческая риторика не могла проникнуть этимъ путемъ ни въ латинскую рѣчь, ни въ латинское преподаваніе ораторскаго искуства. Между тѣмъ, въ новыхъ латинскихъ риторскихъ школахъ римскіе юноши готовились къ политической и ораторской карьерѣ тѣмъ, что попарно обвиняли или оправдывали Одиссея, который былъ найденъ стоявшимъ надъ трупомъ Аякса съ окровавленнымъ мечомъ своего ратнаго товарища въ рукахъ и былъ заподозрѣнъ въ умерщвленіи этого товарища, тѣмъ что обвиняли или оправдывали Ореста въ убійствѣ матери, и, быть можетъ, также тѣмъ, что обращались къ Аннибалу съ запоздалымъ совѣтомъ на счетъ того, какъ могъ-бы онъ благоразумнѣе поступить—явиться-ли по требованію суда въ Римъ, оставаться-ли въ Карѳагенѣ, или-же спасаться бѣгствомъ. Понятно, что противъ такой отвратительной и вредной болтовни возстала
Катоновская оппозиція. Цензоры 662 года обратились къ настав- 92
никамъ и къ отцамъ семействъ съ предостереженіемъ, что молодыхъ людей не слѣдуетъ занимать цѣлые дни такими упражненіями, о которыхъ не имѣли никакого понятія ихъ предки, а тотъ человѣкъ, по почину котораго было сдѣлано это предостереженіе, былъ далеко недюжинный,—это былъ первый ораторъ того времени по судебнымъ дѣламъ Луцій Лициній Крассъ. Но, конечно, и въ этомъ случаѣ не оправдались предсказанія Кассандры; латинскіе упражненія въ декламаціи на обычныя греческія школьныя темы постоянно оставались необходимою составною частію образованія римскаго юношества и много содѣйствовали тому, что мальчики, изучавшіе адвокатское и политическое ораторское искуство, превращались въ настоящихъ актеровъ и въ нихъ убивалось въ самомъ зародышѣ всякое неподдѣльное краснорѣчіе.—Но главнымъ результатомъ этого новѣйшаго римскаго образованія было появленіе новаго понятія о такъ называемой «человѣчности» или гуманности, которое состояло частію изъ болѣе или менѣе поверхностно усвоеннаго эстетическаго образованія Эллиновъ, частію изъ плохой копіи этого послѣдняго—изъ привилегированнаго латинскаго. Эта новая гуманность не только отреклась (какъ на это указываетъ и самый смыслъ этого слова) отъ всякихъ спеціальныхъ особенностей римскаго быта, но даже стала по отношенію къ нимъ въ оппозицію и соединила въ себѣ, подобно находящемуся съ ней въ близкомъ родствѣ нашему «общему образованію», характеръ національнаго космополитизма съ характеромъ соціальной исключительности. И въ этомъ случаѣ обнаружилось вліяніе революціи, разрознившей сословія и слившей національности.

ГЛАВА XIII.

Литература и искуство.

Литературная реакція. Какъ въ политическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, шестое столѣтіе было полною жизни и великой эпохой. Хотя и на литературномъ поприщѣ, точно такъ-же, какъ на политическомъ, мы не находимъ ни одного дѣятеля первой величины, такъ какъ и Невій и Энній и Плавтъ и Катонъ были даровитыми и полными жизни писателями съ рѣзко-выдающимися индивидуальными особенностями, но не были одарены творческимъ талантомъ въ высшемъ значеніи этого слова; тѣмъ не менѣе и по высокому полету и по бойкости и смѣлости ихъ драматическихъ, эпическихъ и историческихъ очерковъ видно, что эти произведенія выросли на почвѣ гигантской борьбы съ Карѳагенянами. Въ нихъ многое искуственно пересажено съ другой почвы; въ рисункѣ и въ колоритѣ немало недостатковъ; форма изложенія и языкъ не отличаются чистотой отдѣлки; греческое и національное причудливо перемѣшаны одно съ другимъ; все это носитъ на себѣ отпечатокъ своего школьнаго происхожденія, несамостоятельно и незаконченно; тѣмъ не менѣе и въ поэтахъ и въ прозаикахъ того времени если незамѣтно достаточныхъ силъ для достиженія ихъ высокой цѣли, то все таки видна отвага и проглядываетъ надежда, что и Римляне будутъ въ состояніи состязаться съ Греками. Нельзя того-же сказать объ описываемой нами эпохѣ. Утренній туманъ разсѣялся: Римляне уже не были въ состояніи продолжать того, что было ими начато съ свѣжимъ сознаніемъ народной силы, закаленной въ борьбѣ, съ юношескимъ непониманіемъ и трудностей начатаго дѣла и размѣровъ своего собственнаго таланта, но въ то-же время съ юношескою охотой и любовью къ дѣлу; причиной этого было частію то, что въ воздухѣ стала чувствоваться томительная удушливость, предшествовавшая революціонной грозѣ, частію то, что самые зоркіе люди стали мало по малу сознавать и неподражаемыя достоинства греческой поэзіи и греческаго искуства и ограниченность художественныхъ дарованій своихъ соотечественниковъ. Литература шестаго столѣтія возникла

изъ вліянія греческаго искуства на полу-развитые, но сильно возбужденные и воспріимчивые умы. Распространеніе эллинскаго образованія въ седьмомъ столѣтіи вызвало литературную реакцію, которая убила морозомъ рефлексіи и плодотворныя сѣмена, находившіяся въ тѣхъ наивныхъ попыткахъ подражать Эллинамъ; она съ корнемъ вырвала вмѣстѣ съ плевелами болѣе стараго направленія и показавшіеся листья.

Эта реакція первоначально и главнымъ образомъ исходила изъ того кружка, который примкнулъ къ Сципіону Эмиліану и въ которомъ самыми выдающимися членами, принадлежавшими къ римской знати, были, кромѣ самого Эмиліана, болѣе старый лѣтами его другъ и совѣтникъ Гай Лелій (консулъ 614) и его болѣе молодые единомышленники Луцій Фурій Филъ (консулъ 618) и братъ того, кто разрушилъ Коринѳъ, Спурій Муммій; между римскими и греческими литераторами къ этому кружку принадлежали комикъ Теренцій, сатирикъ Луцилій, историкъ Полибій и философъ Панетій. Тѣмъ, кто былъ въ состояніи читать Иліаду, произведенія Ксенофонта и Менандра, не могъ внушать уваженія римскій Гомеръ и еще менѣе могли внушать уваженіе тѣ плохіе переводы Эврипидовскихъ трагедій, которыми занимался Энній, а послѣ него Пакувій. Хотя патріотическія соображенія и сдерживали критиковъ отечественной хроники въ нѣкоторыхъ границахъ, но Луцилію уже ничто не мѣшало преслѣдовать язвительными насмѣшками «печальныя фигуры изъ напыщенныхъ произведеній Пакувія»; и у остроумнаго автора риторики, написанной въ концѣ этого періода и посвященной Гереннію, встрѣчаются такіе-же строгіе, но нелишенные основанія нападки на Эннія, на Плавта, на Пакувія и на всѣхъ тѣхъ поэтовъ, «которые точно будто получили привилегію выражаться напыщенно и дѣлать нелогическіе выводы». Члены Сципіоновскаго кружка пожимали плечами при видѣ вставокъ, которыми грубое римское народное остроуміе портило изящныя комедіи Филемона и Дифила. Частію съ насмѣшкой, частію съ завистью отворачивались они отъ безсильныхъ попытокъ, на которыя они, вѣроятно, смотрѣли такими-же глазами, какими смотритъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ на свои юношескія стихотворенія; отказавшись отъ мысли пересадить чудное дерево на свою родную почву, они отказались и въ поэзіи и въ прозѣ отъ высшихъ отраслей искуства и ограничились тѣмъ, что стали разборчиво наслаждаться образцовыми произведеніями иноземцевъ. Производительная дѣятельность ограничивается въ теченіе этой эпохи преимущественно второстепенными литературными сферами—легкой комедіей, мелкими стихотвореніями, политическими брошюрами и спеціальными науками. Литературнымъ лозунгомъ сдѣлалась правильность въ стилѣ художественныхъ произведеній и въ особенности въ языкѣ; а по мѣрѣ того, какъ изъ народной массы выдѣлялся кружокъ развитыхъ лю-

Сципіоновскій кружокъ.

140

136

дей, и языкъ сталъ раздѣляться на классическую латынь высшаго общества и вульгарную латынь простолюдиновъ. «Чистый языкъ» сулятъ Теренціевскіе прологи; полемика по поводу грамматическихъ ошибокъ составляетъ главное содержаніе Луциліевскихъ сатиръ, а въ связи съ этимъ находится и тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ Римляне рѣшительно отказываются отъ попытокъ писать сочиненія на греческомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи, конечно, былъ сдѣланъ шагъ къ лучшему; въ теченіе этой эпохи гораздо рѣже, чѣмъ до того времени и послѣ того, встрѣчаются неудовлетворительныя произведенія и гораздо чаще встрѣчаются произведенія въ своемъ родѣ законченныя и вообще удовлетворительныя; что касается языка, то уже Цицеронъ называлъ времена Лелія и Сципіона золотымъ вѣкомъ чистой, неиспорченной латыни. И въ общественномъ мнѣніи литературная дѣятельность мало по малу возвышается изъ ремесла на степень искуства. Еще въ началѣ этого періода если и не считалось неприличнымъ для знатнаго Римлянина заниматься публикаціей повѣствовательныхъ стихотворныхъ произведеній, то во всякомъ случаѣ считалось неприличнымъ сочинять пьесы для театра: Пакувій и Теренцій жили своими театральными пьесами; сочиненіе драмъ было ремесломъ и вовсе не очень прибыльнымъ. Около временъ Суллы это положеніе совершенно измѣнилось. Уже гонорары тогдашнихъ актеровъ доказываютъ, что и любимый драматическій писатель могъ въ то время разсчитывать на такое крупное денежное вознагражденіе, которое снимало съ него клеймо низкаго ремесленника. Сочиненіе театральныхъ пьесъ возвысилось этимъ путемъ на степень свободнаго искуства и мы находимъ людей изъ самой высшей римской
90 87 знати (какъ напримѣръ Луція Цезаря, (эдила 664 года, † 667), работавшихъ для римской сцены и гордившихся тѣмъ, что они могли занимать среди «сословія поэтовъ» мѣсто на ряду съ непомнившимъ своихъ предковъ Акціемъ. Къ искуству начинаютъ относиться съ большимъ противъ прежняго участіемъ и съ большимъ почетомъ; но возвышенность стремленій исчезаетъ какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Уже ни у одного изъ позднѣйшихъ писателей не встрѣчается та свойственная лунатикамъ самоувѣренность, которая создаетъ поэтовъ и которая очень ясно обнаруживается въ особенности у Плавта — внуки тѣхъ людей, которые боролись съ Аннибаломъ. писали правильно, но безцвѣтно.

Трагедія. Прежде всего посмотримъ, въ какомъ положеніи находились римская театральная литература и сама театральная сцена. Въ сочиненіи трагедій теперь впервые появляются спеціалисты; въ теченіе этой эпохи они пишутъ только трагедіи, а не занимаются вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіемъ комедій и эпическихъ поэмъ, какъ это дѣлалось писателями предшествовавшей эпохи. Между писателями и читателями, очевидно, возрасло уваженіе къ этой отрасли искуства,

но сама трагическая поэзія едва-ли сдѣлала большіе успѣхи. Созданную Невіемъ, національную трагедію (praetexta) мы находимъ только у одного изъ позднѣйшихъ писателей Энніевской эпохи, Пакувія. Между тѣмъ, между писателями, которые принимали за образецъ греческія трагедіи, и которыхъ, по всему вѣроятію, было не мало, только двое пріобрѣли значительную извѣстность. Маркъ Пакувій изъ Брундизія (535—около 625), занимавшійся въ своей молодости живописью въ Римѣ и только въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ жившій сочиненіемъ трагедій, принадлежитъ и по времени, въ которое жилъ, и по роду своей литературной дѣятельности скорѣе къ шестому, чѣмъ къ седьмому столѣтію, хотя его поэтическая дѣятельность и относится къ этому послѣднему. Онъ, вообще, писалъ такъ-же, какъ его землякъ, дядя и наставникъ Энній. Такъ какъ онъ обдѣлывалъ свои сочиненія болѣе тщательно, чѣмъ Энній и превосходилъ этого послѣдняго возвышенностью своихъ стремленій, то благосклонные критики впослѣдствіи выдавали его произведенія за образцы художественной поэзіи и роскошнаго слога; однако въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ найдется не мало такихъ недостатковъ, которые оправдываютъ нападки Цицерона на языкъ Пакувія и нападки Луцилія на его эстетическій вкусъ; языкъ оказывается у Пакувія болѣе шероховатымъ, чѣмъ у его предшественника, а его манера писать и напыщенна и жеманна *). Есть нѣкоторыя указанія на то, что онъ, подобно Эннію, интересовался не столько религіей, сколько философіей; но онъ не предпочиталъ, какъ Энній, такихъ драмъ, въ которыхъ одобрялась соотвѣтствовавшая новому настроенію умовъ чувственность или проповѣдывалось новѣйшее просвѣщеніе, а черпалъ безразлично и у Софокла и у Эврипида,—у болѣе юнаго поэта незамѣтно и слѣдовъ той смѣлой и почти геніальной тенденціозности, которою отличался Энній.

Пакувій.

219 129

---

*) Такъ напримѣръ мы читаемъ въ его оригинальномъ сочиненіи „Павелъ" слѣдующія слова, написанныя, по всему вѣроятію, при описаніи Пиѳіонскаго ущелья [I, стр. 763]:

Qua vix caprigeno géneri gradilis gréssio est.

[Гдѣ проходъ труденъ для козлородной породы].

А въ другомъ сочиненіи слушателямъ предоставлялось понимать, какъ могутъ, слѣдующее описаніе:

Quadrupes tardigrada agrestis humilis aspera
Capite brevi, cervice anguina, aspectu truci,
Eviscerata inanima cum animali sono.

[Четвероногое, неповоротливо, водится въ поляхъ, негладко, шероховато, приземисто, съ короткой головой, съ змѣиной шеей, дико на видъ, выпотрошено, безжизненно съ звукомъ живымъ].

На это слушатели, натурально, отвѣчаютъ:

Акцій. Болѣе удобными для чтенія и болѣе искусными подражаніями греческой трагедіи были произведенія младшаго Пакувіева современника
170 103 Луція Акція (584—послѣ 651); это былъ сынъ одного вольноотпущенника изъ Пизавра и единственный, кромѣ Пакувія, извѣстный трагическій писатель седьмаго столѣтія. Онъ также занимался исторіей литературы и грамматикой и, безъ сомнѣнія, старался внести въ латинскую трагедію, въ замѣнъ грубыхъ пріемовъ своихъ соотечественниковъ, больше чистоты языка и слога; однако приверженцы строгаго соблюденія старинныхъ правилъ и его рѣзко порицали за неровность и неправильность языка.

Греческая комедія. Теренцій. Гораздо болѣе широкую дѣятельность и гораздо болѣе значительные результаты находимъ мы въ сферѣ комедіи. Въ самомъ началѣ описываемаго періода возникла достойная вниманія реакція противъ общепринятаго народнаго рода комедіи. Ея представитель—Теренцій
196—159 (558—595)—одна изъ самыхъ интересныхъ личностей въ исторіи римской литературы. Онъ родился въ финикійской Африкѣ, въ своей ранней молодости былъ привезенъ невольникомъ въ Римъ, гдѣ получилъ свойственное тому времени греческое образованіе, и ему, какъ будто, заранѣе было предназначено возвратить ново-аттической комедіи космополитическій характеръ, который она отчасти утратила въ грубыхъ рукахъ Невія, Плавта и ихъ послѣдователей, старавшихся приноравливать ее къ вкусамъ римской публики. Уже въ самомъ выборѣ образцовъ и въ манерѣ ими пользоваться видно рѣзкое различіе между нимъ и тѣмъ изъ его предшественниковъ, котораго мы только и можемъ сопоставлять съ нимъ. Плавтъ искалъ для себя сюжетовъ во всей сферѣ новой аттической комедіи, не пренебрегая самыми бойкими и популярными сочинителями комедій, въ родѣ, напримѣръ, Филемона, а Теренцій придерживался исключительно Менандра, самаго изящнаго, самаго тонкаго и самаго скромнаго изъ всѣхъ сочинителей новыхъ комедій. Хотя Теренцій и не отказывался отъ прежней манеры соединять нѣсколько греческихъ пьесъ въ одну латинскую, такъ какъ безъ этого не было возможности обойтись, но онъ дѣлалъ это несравненно искуснѣе и тщательнѣе, чѣмъ его предшественники. Плавтовскій діалогъ, безспорно,

---

Ita saeptuosa dictione abs te datur,
Quod conjectura sapiens aegre contuit;
Non intellegimus, nisi si aperte dixeris.

[Въ туманныхъ выраженіяхъ ты описываешь намъ то, что съ трудомъ уразумѣлъ-бы и мудрецъ; если не будешь выражаться ясно, мы не поймемъ, что хочешь сказать.]

За тѣмъ слѣдуетъ признаніе, что авторъ описывалъ черепаху. Впрочемъ, такія загадочныя описанія встрѣчаются и у аттическихъ трагиковъ, которымъ за это и нерѣдко и сильно достается отъ Средней Комедіи.

очень часто отступалъ отъ своихъ образцовъ, а Теренцій хвалился дословнымъ сходствомъ своихъ передѣлокъ съ оригиналомъ, при чемъ, конечно, не слѣдуетъ разумѣть подстрочный переводъ въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь его понимаемъ. Теренцій рѣшительно и сознательно избѣгалъ свойственной Плавту манеры грубо, но всегда съ поразительной вѣрностью, изображать на греческомъ фонѣ мѣстные римскіе нравы; у него не встрѣчается никакихъ намековъ на Римъ, никакихъ римскихъ поговорокъ и лишь изрѣдка слышится слабый отголосокъ римской жизни *); даже латинскія названія замѣнены греческими. Такое-же несходство замѣтно и въ художественной отдѣлкѣ. Актерамъ снова даны подходящія къ ихъ ролямъ маски и обращено болѣе серьозное вниманіе на сценическую обстановку такъ, что уже не встрѣчается свойственное Плавту обыкновеніе дѣлать изъ улицы мѣсто дѣйствія и для подходящихъ къ ней сценъ и для неподходящихъ. Плавтъ завязываетъ и развязываетъ интригу необдуманно и слабо, но его фабула всегда забавна и нерѣдко поражаетъ своимъ содержаніемъ; Теренцій гораздо менѣе энергиченъ, постоянно имѣетъ въ виду правдоподобіе хотя-бы даже въ ущербъ возбуждаемому пьесой интересу, и рѣшительно возстаетъ противъ свойственнаго его предшественникамъ обыкновенія прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ къ площаднымъ и безвкуснымъ вспомогательнымъ средствамъ, какъ напримѣръ къ аллегорическимъ вымысламъ **). Плавтъ обрисовываетъ характеръ своихъ дѣйствующихъ лицъ широкими штрихами, нерѣдко рутиннымъ способомъ и всегда съ разсчетомъ на грубый общій эффектъ; Теренцій обрисовываетъ психологическое развитіе своихъ дѣйствующихъ лицъ съ тщательной и нерѣдко превосходной обдѣлкой въ мелкихъ подробностяхъ; такъ напримѣръ въ его комедіи *Братья* мастерски выставленъ контрастъ между двумя старичками,—между тѣмъ, кото-

---

*) Едва-ли не единственное исключеніе встрѣчается въ комедіи *Дѣвушка изъ Андроса* [4, 5]; тамъ на вопросъ „какъ поживаете?“ отвѣтъ гласитъ: „какъ можемъ, потому что жить такъ, какъ бы хотѣлось, нельзя“.

Здѣсь кроется намекъ на слѣдующія слова Цецилія, безъ сомнѣнія заимствованныя изъ одной греческой поговорки:

Vivas ut possis, quando non quis ut velis.

[Если не живется такъ, какъ хочется, то живи, какъ можешь.]

Эта комедія была самой старинной изъ комедій Теренція; театральная дирекція поставила ее на сцену по рекомендаціи Цецилія. Въ ней замѣчательно деликатное изъявленіе авторомъ благодарности.

**) Наряду съ ланью, которая спасаясь отъ собакъ, со слезами проситъ защиты у молодаго человѣка, и которую осмѣялъ Теренцій [Phorm. въ прологѣ 4], можно поставить менѣе остроумную Плавтовскую аллегорію о козѣ и обезьянѣ [Merc. 2, 1]. Въ концѣ концовъ и эти нелѣпыя выходки должны быть приписаны Эврипидовской риторикѣ [напр. см. Эврипид. Hecuba, 90].

рый беззаботно ведетъ свѣтскую жизнь въ столицѣ, и тѣмъ, который ведетъ трудовую жизнь землевладѣльца, незнакомаго съ обыкновеніемъ опрыскивать себя духами. И по сюжетамъ и по языку, Плавтъ вращается въ трактирахъ, а Теренцій въ благопристойной сферѣ домашней жизни. У Теренція или вовсе не встрѣчаются или встрѣчаются въ улучшенномъ видѣ Плавтовскія площадныя сцены, въ которыхъ являются дѣйствующими лицами очень развязныя, но чрезвычайно любезныя молодыя дѣвушки съ ихъ неразлучными сводниками, гремящіе своимъ оружіемъ наемные солдаты и съ особымъ юморомъ обрисованные холопы, для которыхъ служитъ кровлей потолокъ подвала и которымъ предназначено судьбой умирать подъ плетью. У Плавта мы вообще имѣемъ дѣло съ людьми, которые или начинаютъ нисходить или даже низошли на степень сволочи, а у Теренція, напротивъ того, мы постоянно находимся въ средѣ порядочныхъ людей; если же у него и случается, что сводникъ молодыхъ дѣвушекъ ограбленъ или-же что молодаго человѣка заводятъ въ домъ публичныхъ женщинъ, то это дѣлается съ нравственною цѣлью, какъ напримѣръ изъ братской привязанности или съ намѣреніемъ внушить мальчику отвращеніе къ притонамъ разврата. Въ Плавтовскихъ комедіяхъ постоянно замѣтна филистерская оппозиція кабака противъ семейной сферы: жены постоянно унижаются въ утѣху тѣхъ мужей, которые временно сбрасываютъ съ себя брачныя узы и не вполнѣ увѣрены, что найдутъ у себя дома любезный пріемъ. Въ комедіяхъ Теренція господствуетъ не болѣе нравственное, а болѣе пристойное воззрѣніе на женскую натуру и на супружескую жизнь; онѣ всегда оканчиваются согласной съ требованіями нравственности свадьбой или даже двумя такими свадьбами, — вѣдь и Менандра хвалили за то, что у него обольщеніе дѣвушки всегда заглаживается свадьбой. Столь часто встрѣчающееся у Менандра восхваленіе безбрачной жизни повторяется и у его подражателя, но съ характеристической робостью *); напротивъ того въ комедіяхъ *Евнухъ* и *Дѣвушка изъ Андроса* очень привлекательно описаны и влюбленный съ своими сердечными страданіями, и нѣжный супругъ у кроватки новорожденнаго ребенка, и любящая сестра у постели умирающаго брата; а въ *Тещѣ* даже появляется въ концѣ комедіи, въ качествѣ ангела-избавителя, добродѣтельная публичная женщина,—но ея характеръ обрисованъ совершенно въ духѣ Менандра и она была справедливо освистана римской публикой. У Плавта отцы выводятся на сцену обыкновенно только для того, чтобъ ихъ дурачили и осмѣивали сыновья; у Те-

*) Въ комедіи *Братья* [I, 1] Миціонъ благодаритъ свою судьбу въ особенности за то, что у него никогда не было жены, присовокупляя, что „у тѣхъ [то есть у Грековъ] это считается за счастье“.

ренція, въ комедіи *Мучитель самого себя*, погибающаго сына исправляетъ отцовская мудрость, а такъ какъ Теренцій вообще на все смотрѣлъ глазами очень хорошаго педагога, то въ лучшей изъ его комедій, въ *Братьяхъ*, все вертится на томъ, чтобъ отыскать настоящую середину между слишкомъ либеральнымъ воспитаніемъ дяди и слишкомъ строгимъ отцовскимъ воспитаніемъ. Плавтъ писалъ для толпы и вкладывалъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ глумленіе надъ богами, насколько это допускалось театральной цензурой; напротивъ того, Теренцій постоянно старался нравиться хорошимъ людямъ и, подобно Менандру, никого не оскорблять. Плавтъ любилъ бойкій и даже шумный разговоръ и при исполненіи его комедій требовалась отъ актеровъ энергическая жестикуляція; Теренцій довольствовался «спокойнымъ разговоромъ». Языкъ Плавта изобилуетъ шутовскими оборотами рѣчи и игрою словъ, аллитераціями, забавными вновь придуманными въ подражаніе Аристофану выраженіями, перепутываніемъ словъ и забавно исковерканными греческими терминами. Такихъ причудъ мы не находимъ у Теренція: у него разговоръ ведется съ безукоризненной гладкостью, а острыми выходками служатъ изящныя эпиграммы и сентенціи. Въ сравненіи съ Плавтовскими комедіями, нельзя назвать комедіи Теренція шагомъ впередъ ни въ поэтическомъ отношеніи, ни въ нравственномъ. Оригинальностью не отличался ни тотъ ни другой; у Теренція ее даже было меньше, чѣмъ у Плавта, а сомнительныя похвалы за вѣрность подражанія теряютъ свою цѣну по меньшей мѣрѣ отъ того, что младшій изъ тѣхъ двухъ писателей умѣлъ заимствовать отъ Менандра привлекательность его комедій, но не ихъ веселость: вѣдь нѣкоторыя изъ написанныхъ въ подражаніе Менандру Плавтовскихъ комедій, какъ напримѣръ *Стихъ*, *Ларчикъ*, *Вакхиды*, воспроизводили блестящую заманчивость оригинала, по всему вѣроятію, гораздо лучше, чѣмъ комедіи «полу-Менандра». Какъ эстетикъ не можетъ признавать переходъ отъ грубости къ безцвѣтности за прогрессъ, такъ и моралистъ не можетъ усматривать прогресса въ переходѣ отъ сальностей Плавта и отъ его неуваженія приличій къ морали Теренція, готовой на всякія уступки. Но относительно языка замѣтенъ рѣшительный прогрессъ. Теренцій гордился изяществомъ своего языка, который отличался такой неподражаемой прелестью, что главнымъ образомъ благодаря ей такіе тонкіе цѣнители изящнаго, какъ Цицеронъ, Цезарь, Квинтиліанъ, отдавали Теренцію предпочтеніе передъ всѣми римскими поэтами республиканской эпохи. А такъ какъ главная цѣль римской литературы заключалась въ развитіи не латинской поэзіи, а латинскаго языка, то не безъ основанія считалось за начало новой литературной эры появленіе комедій Теренція,—этихъ первыхъ въ художественномъ отношеніи безупречныхъ подражаній эллинскимъ произведеніямъ искуства. Новой

комедіи пришлось прокладывать себѣ дорогу среди самой ожесточенной литературной борьбы. Съ Плавтовской манерой писать совершенно освоилась римская буржуазія, а комедіи Теренція встрѣтили энергическую оппозицію со стороны публики, невыносившей ихъ «вялаго языка» и «слабаго стиля». Самъ авторъ, какъ кажется, былъ человѣкъ обидчивый; въ прологахъ, имѣвшихъ совершенно иное назначеніе, онъ отвѣчалъ на эти нападки анти-критикой, состоявшей изъ полемики и оборонительной и наступательной; затѣмъ онъ сталъ искать поддержки въ образованныхъ сферахъ знатнаго общества, протестуя противъ приговора народной толпы, которая два раза уходила съ представленія *Тещи* на представленія гладіаторовъ и канатныхъ плясуновъ. Онъ заявлялъ, что ищетъ одобренія только отъ «хорошихъ» людей, при чемъ конечно не было недостатка въ намекахъ на то, что вообще неприлично относиться съ пренебреженіемъ къ такимъ произведеніямъ искусства, которыя удостоились одобренія со стороны «немногихъ». Онъ не опровергалъ или даже поддерживалъ слухъ, будто знатные люди помогали ему въ его сочиненіяхъ совѣтомъ и даже дѣломъ *). Онъ, дѣйствительно, добился успѣха; такъ какъ олигархія господствовала и въ сферѣ ли-

---

*) Въ прологѣ къ комедіи *Мучитель самого себя* онъ влагаетъ въ уста своего рецензента слѣдующій упрекъ:

Repente ad studium hunc se aplicasse musicum
Amicum ingenio fretum, haud natura sua.

[Онъ внезапно взялся за поэзію, полагаясь не столько на свои природныя дарованія, сколько на дарованія своихъ друзей.]

160 А позже [594], въ прологѣ къ комедіи *Братья*, говорится:

Nam quod isti dicunt malveoli, homines nobiles
Eum adjutare, assidueque una scribere:
Quod illi maledictum vehemens esse existimant
Eam laudem hic ducit maximam, quum illis placet
Qui vobis universis et populo placent;
Quorum opera in bello, in otio, in negotio,
Suo quisque tempore usus est sine superbia.

[хотя недовольные и говорятъ, что знатные люди помогаютъ ему и вмѣстѣ съ нимъ усердно пишутъ, но это тяжелое по ихъ мнѣнію обвиненіе дѣлаетъ честь поэту: оно доказываетъ, что онъ нравится тѣмъ людямъ, которые нравятся вамъ и всему народу, и помощью которыхъ пользовались вы всѣ безъ всякой заносчивости и въ военныхъ дѣлахъ, и въ мирныхъ и въ торговыхъ].

Еще во времена Цицерона всѣ сходились въ мнѣніи, что здѣсь авторъ намекалъ на Лелія и на Сципіона Эмиліана; указывались сцены, написанныя этими людьми; описывались поѣздки бѣднаго поэта въ находившіяся подлѣ Рима помѣстья этихъ знатныхъ покровителей и считалось непростительнымъ, что они ровно ничего не сдѣлали, чтобъ улучшить экономическое положеніе писателя; однако, легенды, какъ всякому извѣстно, нигдѣ не создаются такъ легко, какъ въ исторіи литературы. И само по себѣ ясно, и осмотрительные римскіе кри-

тературы, то написанная по всѣмъ правиламъ искуства комедія замкнутаго кружка вытѣснила комедію простонародья: мы замѣчаемъ, что около 620 года Плавтовскія комедіи исчезли изъ репертуара. Это 134
знаменательно еще болѣе потому, что послѣ преждевременной смерти Теренція уже не появлялось на этомъ поприщѣ ни одного выдающагося таланта; о комедіяхъ Турпилія (умершаго въ 651 году въ глубокой старости) и другихъ подобныхъ ему преемниковъ Теренція, или вовсе или почти вовсе не пользовавшихся извѣстностью, одинъ знатокъ отозвался уже въ концѣ этой эпохи, что новыя комедіи еще гораздо хуже дурныхъ новыхъ монетъ (стр. 408). 103

Національная комедія. Ранѣе уже нами было замѣчено, что вѣроятно еще въ теченіе шестаго столѣтія появилась наряду съ греческо-римской комедіей (palliata) національная комедія (togata), въ которой изображалась обыденная жизнь не однихъ только столичныхъ жителей, но также населенія всѣхъ латинскихъ странъ (1 стр. 904). Послѣдователи Теренція, натурально, поспѣшили подчинить своему вліянію и эту отрасль драматическаго искуства; то было вполнѣ согласно съ ихъ направленіемъ, что съ одной стороны они вводили въ Италіи греческую комедію въ точномъ переводѣ, а съ другой стороны принимали ее за образецъ для сочиненія театральныхъ пьесъ въ чисто-римскомъ духѣ. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ Луцій Афраній (славившійся около 660 года). 90
Афраній. Дошедшіе до насъ отрывки его сочиненій не производятъ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, но и не противорѣчатъ тому, что говорили объ этомъ писателѣ римскіе критики. Его многочисленныя національныя комедіи написаны по образцу тѣхъ греческихъ пьесъ, въ которыхъ все вертится на интригѣ; разница только въ томъ, что, въ качествѣ подражаній, онѣ и менѣе сложны и менѣе длинны, чѣмъ греческія. И въ томъ, что̀ касается подробностей, онъ заимствовался отовсюду—частію отъ Менандра, частію отъ старинныхъ національныхъ писателей. Впрочемъ у Афранія очень не много того мѣстнаго латинскаго колорита, который такъ ясно выступаетъ наружу у создавшаго эту отрасль литературы, Тицинія *);

тики признавали, что вышеприведенныя строки немогли относиться ни къ Сципіону, которому было въ то время 25 лѣтъ, ни къ другу Сципіона Лелію, который былъ лишь немного старше. По меньшей мѣрѣ менѣе неосновательно иные полагали, что здѣсь подразумѣвались поэты изъ знати—Квинтъ Лабеонъ [консулъ 571 года], 183
Маркъ Попилій [консулъ 581 года] и ученый покровитель искуствъ и математикъ Луцій Сулпицій Галлъ [консулъ 588 года]; но и это, очевидно, лишь одна догадка. Впрочемъ, неподлежитъ сомнѣнію, что Теренцій былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Сципіона; знаменателенъ тотъ фактъ, что первое представленіе комедіи *Братья* и второе представленіе комедіи *Теща* состоялись во время торжественныхъ похоронъ Луція Павла, устроенныхъ его сыновьями Сципіономъ и Фабіемъ. 173 166

*) При этомъ, вѣроятно, имѣли нѣкоторую долю вліянія условія того времени.

его сюжеты не носятъ на себѣ никакого мѣстнаго отпечатка; ихъ можно принять за заимствованія изъ той или другой греческой комедіи, лишь переодѣтыя въ иной костюмъ. Тонкій эклектизмъ и искусная композиція свойственны ему точно такъ-же, какъ Теренцію, и у него нерѣдко встрѣчаются литературные намеки; и по нравственной тенденціи, которая придаетъ его пьесамъ сходство съ драмой, и по ихъ безупречности съ полицейской точки зрѣнія и по чистотѣ ихъ языка онъ имѣлъ много общаго съ Теренціемъ. На его духовное родство съ Менандромъ и съ Теренціемъ достаточно ясно указываютъ и отзывъ позднѣйшихъ критиковъ, что онъ носилъ тогу точно такъ-же, какъ ее носилъ-бы Менандръ, еслибы пожелалъ превратиться въ Италійца, и его собственное признаніе, что Теренцій стоялъ въ его мнѣніи выше всѣхъ другихъ поэтовъ.

Ателланы. Новымъ явленіемъ въ сферѣ латинской литературы были въ эту эпоху шутовскія пьесы. Онѣ существовали съ глубокой древности (1, стр. 223); вѣроятно еще задолго до того времени, когда возникъ Римъ, веселая молодежь Лаціума импровизировала во время праздничныхъ увеселеній въ маскахъ, которыя имѣли разъ навсегда установленный характеръ. Опредѣленный мѣстный колоритъ эти шутовскія пьесы получили съ тѣхъ поръ, какъ городъ Осковъ Ателла, разрушенный во время войны съ Аннибаломъ, былъ предоставленъ на жертву сочинителямъ комедій; съ тѣхъ поръ эти представленія обыкновенно назывались «оскскими» или «ателланскими» *). Но

Съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдствіе междоусобной войны всѣ италійскія общины получили права римскаго гражданства, уже не дозволялось выбирать которую либо изъ этихъ общинъ мѣстомъ дѣйствія для комедій; тогда сочинители были вынуждены или не указывать ни на какую мѣстность или выбирать такой городъ, который уже перестаяъ существовать или находился въ чужой странѣ. Соображенія этого рода имѣлись въ виду даже при постановкѣ на сценѣ болѣе старинныхъ пьесъ; они имѣли неблагопріятное вліяніе на національную комедію.

*) Съ этими названіями изстари было связано много ошибочныхъ мнѣній. Теперь уже всѣми основательно отвергается грубое заблужденіе того греческаго писателя, который утверждалъ, что эти шутовскія пьесы разыгрывались въ Римѣ на языкѣ Осковъ; впрочемъ, если внимательно вникнуть въ это дѣло, то окажется не менѣе неправдоподобнымъ и то, чтобъ эти пьесы, состоящія изъ характеристики городской и деревенской жизни Латиновъ, имѣли какую-либо связь съ національными особенностями Осковъ. Названіе „ателланскія представленія" объясняется иначе. Для латинской шутовской фарсы съ ея неизмѣнными дѣйствующими лицами и однѣми и тѣми-же шутовскими выходками нужно было какое нибудь постоянное мѣсто дѣйствія: шутовство всегда ищетъ для себя какой нибудь заранѣе намѣченной жертвы; но при тогдашней римской театральной полиціи, конечно, нельзя было избрать такою жертвой ни одну изъ римскихъ общинъ и даже ни одну изъ тѣхъ латинскихъ общинъ, которыя находились въ союзѣ съ Римомъ, хотя и не запрещалось дѣлать ихъ сценой дѣйствія для такъ называемыхъ

эти забавныя пьесы не имѣли ничего общаго ни съ театральной сценой *) ни съ литературой; онѣ давались дилетантами гдѣ и как вздумается, а тексты самыхъ пьесъ не записывались или не издава-

togatae [1, стр. 904]. Но для этой цѣли годилась во всѣхъ отношеніяхъ Ателла, которая была легально уничтожена въ 543 году вмѣстѣ съ Капуей [1, стр. 639, 658], а фактически не переставала существовать въ качествѣ деревни, населенной римскими поселянами. Эта догадка превратится въ достовѣрность, если мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ, что мѣстомъ дѣйствія для нѣкоторыхъ изъ этихъ шутовскихъ пьесъ служатъ и другія фактически или легально утратившія свое существованіе общины, прежде принадлежавшія къ той сферѣ, гдѣ былъ въ общемъ употребленіи латинскій языкъ; такъ напримѣръ мѣстомъ дѣйствія для Campani Помпонія и, быть можетъ, также для его Adelphi и Quinquatri'а служитъ Капуа, для Milites Pometinenses Новія-Суэсса Помеція, между тѣмъ какъ ни одной изъ существовавшихъ въ то время общинъ не наносили такого-же оскорбленія. Стало быть настоящей родиной этихъ пьесъ былъ Лаціумъ, а ихъ поэтическимъ мѣстомъ дѣйствія была латинизированная страна Осковъ; съ національными-же особенностями Осковъ онѣ не имѣютъ ничего общаго. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что одна изъ пьесъ Невія [† послѣ 550] была исполнена, за недостаткомъ настоящихъ актеровъ „ателланскими" и оттого названа personata [Фестъ подъ эт. словомъ]; слово „ателланскіе актеры" употреблено здѣсь по антиципаціи и оно даже даетъ поводъ догадываться, что эти актеры прежде назывались замаскированными [personati].—Наконецъ, точно такъ-же объясняется и названіе „Фесценнинскихъ пѣсенъ", которыя также принадлежали къ числу римскихъ пародій и имѣли мѣстомъ дѣйствія южно-этрусское мѣстечко Фесценній; но это не даетъ права причислять ихъ къ произведеніямъ этрусской поэзіи, точно такъ-же, какъ нельзя причислять Ателланы къ произведеніямъ поэзіи Осковъ. Что Фесценній былъ въ историческую эпоху не городомъ, а деревней, не можетъ быть положительно доказано, но это въ высшей степени правдоподобно въ виду того, какъ упоминаютъ о Фесценніи различные писатели и въ виду того, что нѣтъ надписей въ которыхъ онъ назывался-бы городомъ.

211

200

*) Хотя Ливій и указываетъ на тѣсную связь ателланскихъ представленій съ сатурой и съ развившеюся изъ сатуры драмой, но его мнѣніе не выдерживаетъ провѣрки. Между тѣмъ, кто назывался у Римлянъ histrio, и ателланскимъ актеромъ была такая-же большая разница, какая существуетъ въ наше время между тѣмъ, кто играетъ на театральной сценѣ, и тѣмъ, кто участвуетъ въ маскарадѣ; между драмой, которая до временъ Теренція не знала масокъ, и Ателланами, коренную особенность которыхъ составляютъ характерныя маски, существуетъ исконное и никоимъ образомъ непримиримое различіе. Драма произошла изъ представленій флейтистовъ; сначала эти представленія давались безъ всякихъ речитативовъ и состояли только изъ пѣнія и танцевъ; впослѣдствіи для нихъ стали составлять текстъ [satura]; наконецъ Андроникъ снабдилъ ихъ заимствованнымъ у греческой театральной сцены либретто, въ которомъ старинныя пѣсни флейтистовъ стали играть почти одинакую роль съ греческимъ хоромъ. Ходъ этого развитія въ своихъ первыхъ стадіяхъ ни въ чемъ не соприкасается съ фарсами дилетантовъ.

лись для того, чтобъ можно было заранѣе съ ними познакомиться. Только въ теченіи описываемаго періода ателланскія представленія были переданы настоящимъ актерамъ *) и ихъ стали давать, точно такъ-же какъ и греческія сатирическія драмы, въ качествѣ эпилога, преимущественно послѣ трагедій; отсюда уже было недалеко и до того, чтобъ и писатели занялись сочиненіемъ пьесъ этого рода. Нѣтъ возможности рѣшить, развилась-ли римская артистическая фарса вполнѣ самостоятельно, или-же на ея развитіе повліяла родственная съ нею во многихъ отношеніяхъ, южно-италійская **); но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторые отдѣльныя пьесы были вполнѣ оригинальными произведеніями. Творцомъ этой новой отрасли литературы является въ первой половинѣ седьмаго столѣтія ***) Луцій Помпоній, уроженецъ латинской колоніи Бононіи; наряду съ его пьесами скоро снискали расположеніе публики и пьесы Новія. Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ немногочисленнымъ отрывкамъ и по отзывамъ старинныхъ

---

*) Во времена имперіи Ателланы разыгрывались людьми, которые были актерами по своей профессіи [Friedländer in Beckers Handbuch 4, 546]. Мы не имѣемъ указаній на то, съ какого времени такіе актеры стали участвовать въ ателланскихъ представленіяхъ; но это, по всему вѣроятію, могло случиться только съ тѣхъ поръ, какъ Ателланы поступили въ разрядъ постоянныхъ театральныхъ представленій, то есть съ до-Цицероновской эпохи [Цицер. Ad. Fam. 9, 16]. Этому не противорѣчитъ и то, что еще во времена Ливія [7, 2] ателланскіе актеры сохраняли свои почетныя привилегіи въ отличіе отъ другихъ актеровъ: вѣдь изъ того, что актеры по профессіи стали участвовать въ ателланскихъ представленіяхъ за денежное вознагражденіе, еще нельзя заключить· что Ателланы уже болѣе не исполнялись безвозмездно дилетантами напримѣръ въ провинціальныхъ городахъ, и что уже не существовало мотива для сохраненія вышеупомянутыхъ привилегій.

**) Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что не только греческая фарса приходилась всѣмъ по вкусу въ нижней Италіи, но и многія изъ ея пьесъ [какъ напримѣръ пьесы Сопатра „Блюдо чечевицы“, „Женихъ Вакхиды“, „Наемный слуга Мистака“, „Ученые“, „Физіологъ“] живо напоминаютъ своимъ содержаніемъ Ателланы. Даже слѣдуетъ полагать, что сочиненіе шуточныхъ комедій восходитъ къ тому времени, когда поселившіеся въ Неаполѣ и въ его окрестностяхъ Греки создали для себя новое греческое отечество среди говорившихъ по латыни Кампанцевъ,—потому что одинъ изъ сочинителей такихъ фарсовъ, уроженецъ Капреи, Блезъ носилъ римское имя и написалъ фарсу подъ заглавіемъ „Сатурнъ“.

90 ***) По словамъ Евсевія, Помпоній славился около 664 года; Веллей назы-
140—91 ваетъ его современникомъ Луція Красса [614—663] и Марка Антонія [611—667]. 143
Первое изъ этихъ двухъ указаній, какъ кажется, запоздало на одно поколѣніе;
100 отмѣненный около 650 года счетъ по викторіатамъ еще встрѣчается въ его „Живописцахъ“, а въ концѣ этого періода уже встрѣчаются мимы, которыми были вытѣснены Ателланы съ театральной сцены.

писателей, то были коротенькія, состоявшія изъ одного акта, шутовскія пьесы, которыя были обязаны своей привлекательностью не столько нелѣпому и безсвязному содержанію, сколько смѣлости, съ которой въ нихъ выставляли на смѣхъ какое-нибудь отдѣльное сословіе или какой-нибудь фактъ изъ обыденной жизни. Любимыми предметами насмѣшекъ были праздничные дни и факты изъ общественной жизни—«свадьба», «первое марта», «Панталонъ въ качествѣ кандидата на выборахъ», также иноземные народы—заальпійскіе Галлы, Сирійцы; чаще всего появлялись на сценѣ люди спеціальныхъ профессій—звонарь, предсказатель будущаго, гадатель по полету птицъ, докторъ, сборщикъ податей, живописецъ, рыбакъ, булочникъ; сильно доставалось глашатаямъ и еще больше доставалось валяльщикамъ, которые какъ кажется играли въ сферѣ римскаго шутовства такую же роль, какую играли у Нѣмцевъ портные. Отсюда видно, что между тѣмъ, какъ обращалось должное вниманіе на разнообразныя стороны городской жизни, выводился на сцену и поселянинъ съ своими печалями и радостями; о разнообразіи этого деревенскаго репертуара даютъ понятіе многочисленныя заглавія въ родѣ слѣдующихъ: «Корова», «Оселъ», «Ягнёнокъ», «Супоросая свинья», «Свинья», «Больная свинья», «Поселянинъ», «Землякъ», «Поселянинъ Панталонъ», «Пастухъ», «Виноградари», «Сборщикъ винныхъ ягодъ», «Рубка дровъ», «Стрижка деревьевъ», «Птичій дворъ». Въ этихъ пьесахъ по прежнему забавляли публику все однѣ и тѣже личности глупаго и плутоватаго служителя, добраго старика, мудреца; дѣло не обходилось въ особенности безъ настоящаго полишинеля этихъ шутовскихъ пьесъ—безъ того прожорливаго, сальнаго, разнаряженнаго, крайне некрасиваго и притомъ всегда влюбленнаго Макка *), который постоянно спотыкался, задѣвая одной ногой за другую, на котораго со всѣхъ сторонъ сыпались насмѣшки и побои и который въ заключеніе всегда разыгрывалъ роль козла отпущенія; такія заглавія пьесъ, какъ «Полишинель-солдатъ», «Полишинель-трактирщикъ», «Дѣвица Полишинель» «Полишинель въ ссылкѣ», «Два Полишинеля», могутъ дать любителю забавнаго чтенія понятіе о томъ, какъ было разнообразно содержаніе римскихъ шутовскихъ пьесъ. Хотя эти пьесы,—по меньшей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ стали излагать письменно,—подчинялись общимъ литературнымъ правиламъ и напримѣръ въ томъ, что касается стихотворнаго размѣра, примыкали къ греческой театральной сценѣ, но онѣ, натурально, были латинскими и національными даже гораздо больше, чѣмъ національная комедія; у Грековъ шутовскія пьесы появлялись лишь въ формѣ пародій на трагедію **), а этотъ видъ драматической поэзіи поя-

*) Maccus—шутъ, арлекинъ [прим. перев.].

**) Онѣ, вѣроятно, также были забавны. Такъ напримѣръ въ „Финикіянкахъ“ Новія говорится:

вился у Римлянъ впервые по почину Новія и вообще къ нему прибѣгали не очень часто. Фарсы этого писателя уже были достаточно смѣлы для того, чтобъ добираться если не до жившихъ на Олимпѣ боговъ, то по крайней мѣрѣ до самаго человѣческаго изъ всѣхъ боговъ—до Геркулеса; онъ написалъ пьесу подъ заглавіемъ Hercules Auctionator. Что онѣ не отличались изяществомъ тона, разумѣется само-собой; въ нихъ встрѣчаются вовсе недвусмысленныя остроты, грубыя мужицкія сальности и привидѣнія, которыя пугаютъ дѣтей, а иногда и пожираютъ ихъ; нерѣдко встрѣчаются и обидныя насмѣшки даже съ указаніемъ собственныхъ именъ. Однако въ нихъ не было недостатка ни въ яркихъ картинахъ, ни въ причудливыхъ выходкахъ, ни въ забавныхъ шуткахъ, ни въ мѣткихъ остротахъ и эта арлекинада скоро заняла значительное положеніе въ театральной жизни столичнаго населенія и даже въ литературѣ.

Положеніе римской сцены. Наконецъ, что касается развитія сценической обстановки, мы не въ состояніи прослѣдить въ подробностяхъ то, что въ общемъ итогѣ для насъ совершенно ясно,—что интересъ публики къ театральнымъ представленіямъ постоянно усиливался, и что эти представленія давались все чаще и чаще, а ихъ обстановка становилась все болѣе и болѣе роскошной. Не только никакое ординарное или экстраординарное народное празднество уже почти никогда необходилось безъ театральныхъ представленій, но даже въ провинціальныхъ городахъ и въ домахъ частныхъ людей нерѣдко устроивались представленія наемныхъ труппъ актеровъ. Впрочемъ столица еще не имѣла каменнаго зданія для театра, между тѣмъ какъ подобныя зданія, по всему вѣроятію, уже въ ту пору существовали во многихъ муниципальныхъ городахъ; контрактъ, заключенный на постройку театра,
155 былъ кассированъ въ 599 году сенатомъ по настоянію Публія Сципіона Назики. То было вполнѣ согласно съ общимъ характеромъ тогдашней притворно-благочестивой политики, что съ одной стороны не дозволяли строить постоянный театръ изъ уваженія къ прадѣдовскимъ обычаямъ, а съ другой стороны не препятствовали размноженію театральныхъ представленій и ежегодно издерживали громадныя суммы на устройство театральной сцены и на ея декораціи. Сценическая обстановка видимо совершенствовалась. Улучшенія по этой части и введеніе прежнихъ масокъ незадолго до Те-
174 ренція, безъ сомнѣнія, были послѣдствіемъ того, что въ 580 году были приняты на счетъ государственной казны расходы по устройству и содержанію театральной сцены и ея принадлежностей *).

Summe arma, jam te occidam clava scirpea.
[Берись за оружіе, иначе я убью тебя тростниковымъ сучкомъ].
Точно такимъ Менандръ выводитъ на сцену своего „мнимаго Геркулеса“.

*) Лица, завѣдывавшія публичными зрѣлищами, прежде устроивали театраль-

Началомъ новой эпохи въ исторіи театра были игры, устроенныя
Луціемъ Муммісмъ послѣ взятія Коринѳа (609). Въ то время,—по 145
всему вѣроятію въ первый разъ,—былъ поставленъ театръ, постро-
енный по примѣру Грековъ согласно съ требованіями акустики и
снабженный мѣстами для сидѣнья, и вообще къ устройству зрѣ-
лищъ стали относиться съ бóльшею заботливостью *). Съ тѣхъ поръ
уже нерѣдко идетъ рѣчь о раздачѣ призовъ, предполагавшей кон-
курренцію между нѣсколькими пьесами, о горячемъ выраженіи пуб-
ликой сочувствія или несочувствія къ которому нибудь изъ глав-
ныхъ актеровъ, о кликѣ шикальщиковъ и о клакѣ хлопальщиковъ.
Декораціи и машины были улучшены: искусно разрисованныя ку-
лиссы и ясно слышный театральный громъ появились въ бытность
эдиломъ Гайя Клавдія Пульхера въ 655 году **); черезъ двадцать 99
лѣтъ послѣ того (675), въ то время, какъ эдилами были братья 79
Луцій и Маркъ Лукуллы, начали измѣнять декораціи, выдвигая однѣ
кулиссы вмѣсто другихъ. Въ концѣ этой эпохи появился величай-
шій изъ римскихъ актеровъ, вольноотпущенникъ Квинтъ Росцій
(умершій около 692 года въ глубокой старости); онъ былъ при 62
нѣсколькихъ поколѣніяхъ украшеніемъ и гордостью римской сцены ***),

---

ную сцену и запасались сценическими принадлежностями на ту сумму, кото-
рая была предоставлена въ ихъ распоряженіе, или же на свой собственный
счетъ; поэтому не часто случалось, чтобъ на этотъ предметъ тратилось много
денегъ. Но въ 580 году цензоры распорядились, чтобъ устройство сцены для 174
публичныхъ зрѣлищъ, даваемыхъ эдилами и преторами, сдавалось подрядчикамъ
[Ливій 41, 27]; тогда вся сценическая обстановка значительно улучшилась
вслѣдствіе того, что приготовлялась не на одно представленіе.

*) Что было обращено вниманіе на акустическія приспособленія Грековъ, видно изъ словъ Витрувія 5, 5, 8. Объ устройствѣ мѣстъ для сидѣнья говоритъ Ritschl [Parerg. I, 227. XX], но этими мѣстами, какъ слѣдуетъ полагать могли пользоваться [судя по Плавтовскому прологу къ комедіи *Плѣнники*, 11 только тѣ, которые не были capite censi. Вѣроятно къ составляющимъ эпоху театральнымъ зрѣлищамъ Муммія [Тацитъ, Ann. 14, 21] и относятся слова Горація, что „покоренная Греція взяла верхъ надъ своимъ побѣдителемъ“.

**) Слѣдуетъ полагать, что кулиссы Пульхера уже были хорошо раскрашены, потому что, какъ разсказываютъ, птицы пробовали на нихъ садиться [Плиній, Hist. Nat. 35, 4, 23. Вал. Макс. 2, 4, 6]. Механизмъ для искуственнаго грома заключался до того времени въ томъ, что въ мѣдномъ котлѣ встряхивали гвозди и каменья; Пульхеръ впервые сталъ подражать настоящему грому, перекатывая камни; съ тѣхъ поръ это называлось „Клавдіевскимъ громомъ“ [Фестъ, сл. Claudiana, стр. 57].

***) Въ числѣ немногихъ, сохранившихся отъ этой эпохи, мелкихъ стихотвореній находится слѣдующая эпиграмма на этого знаменитаго актера:

Constiteram, exorientem Auroram forte salutans,
Cum subito a laeva Roscius exoritur.
Pace mihi liceat, caelestes, dicere vestra:
Mortalis visust pulchrior esse deo.

былъ другомъ Суллы и однимъ изъ его любимыхъ застольныхъ собесѣдниковъ; впрочемъ, намъ еще придется говорить о немъ далѣе.

Эпосъ. Въ сферѣ речитативной поэзіи намъ прежде всего бросается въ
глаза ничтожество эпоса, который въ шестомъ столѣтіи занималъ
рѣшительно первое мѣсто между предназначавшимися для чтенія литературными
произведеніями, а въ седьмомъ столѣтіи хотя и имѣлъ
многочисленныхъ представителей, но ни одного, который достигъ-бы
хотя временнаго успѣха. Относительно описываемой нами эпохи едва
ли можно на что либо указать, кромѣ нѣсколькихъ грубыхъ попытокъ
перевести Гомера и нѣсколькихъ продолженій Энніевской хроники,
какъ напримѣръ «Истрійской войны» Гостія и «Лѣтописей
100 (быть можетъ) галльской войны», Авла Фурія (около 650), которыя
по видимому начинались именно съ того пункта, на которомъ
178 остановился Энній въ своемъ описаніи истрійской войны 576 и
177 577 г. И въ сферѣ поэзіи дидактической и элегической не встрѣчается
ни одного сколько нибудь выдающагося имени.

Сатура. Въ речитативной поэзіи этой эпохи замѣтны успѣхи только въ сферѣ так называемой сатуры, то есть въ такой отрасли литературы, которая, подобно письму или брошюрѣ, выноситъ всякую внѣшнюю форму и допускаетъ всякое содержаніе, а за отсутствіемъ всякихъ особыхъ рамокъ воспринимаетъ индивидуальный характеръ каждаго отдѣльнаго писателя и не только стоитъ на рубежѣ между поэзіей и прозой, но даже больше чѣмъ на половину стоитъ внѣ настоящей литературы. Отличавшіяся своимъ юморомъ, поэтическія посланія, которыя писалъ къ своимъ друзьямъ изъ лагеря подъ Коринѳомъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ Сципіонскаго кружка, братъ разрушителя Коринѳа, Спурій Муммій, охотно читались еще по прошествіи ста лѣтъ; а оживленная общественная и умственная жизнь высшихъ кружковъ римскаго общества, вѣроятно, вызывала появленіе и другихъ непредназначавшихся для публикаціи поэтическихъ забавныхъ произведеній въ томъ же родѣ.

Луцилій. Ихъ представителемъ въ литературѣ былъ Гай Луцилій (606—651); 14
онъ принадлежалъ къ пользовавшемуся общимъ уваженіемъ семейству, жившему въ латинской колоніи Суэссѣ, и также былъ членомъ Сципіоновскаго кружка. И его стихотворенія были чѣмъ то въ родѣ открытыхъ писемъ къ публикѣ; ихъ содержаніемъ была,— по меткому выраженію одного остроумнаго критика, — вся жизнь просвѣщеннаго, независимаго человѣка, который смотритъ на про-

---

[Недавно случилось мнѣ съ восхищеніемъ смотрѣть на восходящую Аврору, какъ вдругъ появился влѣво отъ меня Росцій. Простите мнѣ небожители, если признаюсь вамъ, что смертный показался мнѣ прекраснѣе богини.]

Эту эпиграмму, написанную въ греческомъ вкусѣ и проникнутую греческимъ энтузіазмомъ къ искусству, сочинилъ не какой нибудь незнатный человѣкъ, а побѣдитель Кимвровъ, Квинтъ Лутацій Катуллъ, консулъ 652 года.

исходящія на политической сценѣ событія изъ партера, а при случаѣ и изъ-за кулиссъ, который вращается въ сферѣ лучшихъ людей своего времени какъ въ сферѣ себѣ равныхъ, который занимается литературой и наукой съ усердіемъ и съ пониманіемъ дѣла, но безъ желанія прослыть поэтомъ или ученымъ, и, наконецъ, который вноситъ въ свою записную книжку все, что встрѣчаетъ въ жизни хорошаго и дурнаго, — свои политическія наблюденія и надежды, свои грамматическія замѣтки и сужденія о произведеніяхъ искуства, мелочи изъ своей собственной жизни, визиты, обѣды, путешествія и слышанные анекдоты. При своей колкости, причудливости и полной индивидуальности Луциліевская поэзія носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ оппозиціонной и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительной тенденціи какъ въ литературномъ отношеніи, такъ и въ отношеніяхъ нравственномъ и политическомъ; въ ней слышится недовольство провинціальнаго жителя тѣмъ, что дѣлается въ столицѣ, и постоянно проглядываетъ сознаніе собственнаго достоинства уроженца Суэссы, который выражается на чистомъ латинскомъ языкѣ и ведетъ честную жизнь и который возмущенъ столичнымъ смѣшеніемъ языковъ и столичною нравственною испорченностью. Стараніе Сципіоновскаго кружка поддерживать соблюденіе литературныхъ правилъ и въ особенности чистоту языка нашло въ Луциліѣ, какъ въ критикѣ, самаго полнаго и самаго даровитаго представителя. Онъ посвятилъ свою первую книгу создателю римской филологіи Луцію Стилону (стр. 435); какъ на публику, для которой писалъ, онъ указывалъ не на тѣ просвѣщенныя сферы, гдѣ былъ въ употребленіи чистый и образцовый латинскій языкъ, а на Тарентинцевъ, на Бреттіевъ, на Сикуловъ, то есть на жившихъ въ Италіи полу-Грековъ, у которыхъ былъ въ употребленіи латинскій языкъ, нуждавшійся въ исправленіи. Цѣлыя книги его стихотвореній заняты установленіемъ правилъ для латинской орѳографіи и просодіи, указаніемъ пренестинскихъ, сабинскихъ и этрусскихъ провинціализмовъ, забракованіемъ ходячихъ солецизмовъ, при чемъ авторъ не пропускаетъ случая осмѣивать бездушно-схематическій Исократовскій пуризмъ относительно выбора словъ и оборотовъ рѣчи *) и подъ видомъ шутки, но очень серьезно, упрекаетъ даже своего друга Сципіона за исключительную изысканность его рѣчей **). Но еще гораздо ревностнѣе, чѣмъ за чистую безъ-

*) Quam lepide λέξεις compostae ut tesserulae omnes
Arti pavimento atque emblemate vermiculato!

[Какой красивый наборъ фразъ! Точно будто искусно подобранные одинъ къ другому камешки въ пестрой мозаикѣ].

**) Поэтъ совѣтуетъ ему

Quo facetior videare et scire plus quam ceteri,
[чтобъ казаться болѣе изящнымъ и болѣе ученымъ чѣмъ всѣ другіе],
говоритъ не pertaesum, a pertisum.

искусственную латынь поэтъ вступается за чистоту нравовъ и въ частной жизни и въ общественной. Его положеніе было въ этомъ отношеніи особенно выгодно. Хотя по своему происхожденію, состоянію и образованію онъ стоялъ на ряду съ знатными Римлянами своего времени и обладалъ въ столицѣ хорошимъ домомъ, но онъ былъ не римскимъ гражданиномъ, а латинскимъ; даже его близкія сношенія съ Сципіономъ, подъ начальствомъ котораго онъ участвовалъ въ своей ранней молодости въ войнѣ съ Нуманціей, и въ домѣ котораго часто бывалъ, вѣроятно, находились въ связи съ тѣмъ фактомъ, что Сципіонъ поддерживалъ многостороннія сношенія съ Латинами и принималъ на себя роль ихъ покровителя во время политическихъ раздоровъ (стр. 100). Поэтому, для Луцилія былъ закрытъ доступъ къ политическому поприщу, а карьерой спекулятора онъ пренебрегалъ, потому что, какъ однажды выразился, не могъ «перестать быть Луциліемъ для того, чтобъ сдѣлаться откупщикомъ азіатскихъ податей». И такъ въ то время, когда въ воздухѣ чуялось приближеніе грозы, когда вводились Гракховскія реформы и подготовлялось возстаніе союзниковъ, онъ посѣщалъ дворцы и виллы римскихъ вельможъ, не ставя себя въ зависимость настоящаго кліента, и вращался среди боровшихся между собою политическихъ кружковъ и партій, не принимая участія въ ихъ борьбѣ; въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много сходства съ Беранже, который во многомъ напоминаетъ Луцилія по той роли, которую игралъ въ политикѣ и въ литературѣ. Ставши на такую ногу, онъ высказывалъ свои замѣчанія объ общественной жизни съ неисчерпаемымъ здравымъ смысломъ, съ неистощимымъ юморомъ и съ блестящимъ остроуміемъ:

Nunc vero a mane ad noctem, festo atque profesto
Toto itidem pariterque die populusque patresque
Jactare endo foro se omnes, decedere nusquam.
Uni se atque eidem studio omnes dedere et arti:
Verba dare ut caute possint, pugnare dolose,
Blanditia certare, bonum simulare virum se,
Insidias facere ut si hostes sint omnibus omnes.

(А теперь и въ праздникъ и въ будни весь день съ утра до ночи шляются по площади и не даютъ другимъ проходу простолюдины и сенаторы, занимаясь однимъ дѣломъ и изучая одно искуство — какъ бы другъ друга надуть, причинить другъ другу вредъ, превзойти другъ друга въ лести и искуснѣе другихъ носить личину добродѣтели; всѣ они строятъ другъ другу козни, точно будто каждый изъ нихъ во враждѣ со всѣми).

Поясненія къ этой неистощимой темѣ безпощадно нападали, — не оставляя въ сторонѣ ни друзей поэта ни даже его самого, — на всѣ

общественныя язвы того времени, на интриги политическихъ кружковъ, на нескончаемую военнную службу въ Испаніи и такъ далѣе; началомъ для сатиръ служитъ важное обсужденіе олимпійскими богами вопроса, по прежнему-ли Римъ достоинъ покровительства небожителей. Корпораціи, сословія и отдѣльныя личности постоянно называются по именамъ; запрещенная на римской театральной сценѣ политическая полемика была главнымъ элементомъ и душою Луциліевскихъ стихотвореній, которыя даже въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ не утратили чарующей силы самаго мѣткаго и блестящаго самыми живыми красками остроумія и поражаютъ врага «подобно обнаженному мечу». Въ этомъ нравственномъ превосходствѣ родившагося въ Суэссѣ поэта и въ его горделивомъ сознаніи своей свободы кроется причина того, что тотъ нѣжный поэтъ родомъ изъ Венузія, который возсоздалъ Луциліевскую сатиру въ александрійскій періодъ римской поэзіи, скромно признавалъ произведенія своего предшест енника за болѣе совершенныя не смотря на свое превосходство по изяществу внѣшней формы. По своему языку Луцилій былъ человѣкъ, вполнѣ обладавшій греческой и латинской образованностью, но дававшій себѣ полную волю; сочиняя двѣсти гекзаметровъ до обѣда и столько-же послѣ обѣда, онъ писалъ слишкомъ торопливо для того, чтобъ можно было заботиться объ изящной отдѣлкѣ стиховъ; въ его произведеніяхъ часто бросаются въ глаза вовсе ненужная растянутость, неряшливое повтореніе однихъ и тѣхъже оборотовъ и крайняя небрежность; первыя слова, латинскія или греческія, всегда самыя лучшія. Точно такъ-же относится онъ къ стихотворному размѣру и въ особенности къ сильно преобладающимъ у него гекзаметрамъ; стоитъ только переставить слова, — говоритъ его даровитый подражатель, — и никто не подумаетъ, чтобъ это было что нибудь другое, а не обыкновенная проза; по внѣшнему впечатлѣнію эти стихотворенія можно сравнить только съ нашими виршами *). Стихотворенія Теренція и Луцилія стоятъ на одномъ

---

*) Слѣдующій длинный отрывокъ даетъ понятіе о стилѣ Луцилія и о его метрическомъ размѣрѣ; но нѣтъ никакой возможности воспроизвести нѣмецкими гекзаметрами небрежность того и другаго:

Virtus, Albine, est pretium persolvere verum
Queis in versamur, queis vivimu' rebu' potesse;
Virtus est homini scire id quod quaeque habeat res:
Virtus scire homini rectum, utile quid sit, honestum.
Quae bona, quae mala item, quid inutile, turpe, inhonestum;
Virtus quaerendae rei finem scire modumque;
Virtus divitiis pretium persolvere posse;
Virtus it dare quod re ipsa debetur honori,
Hostem esse atque inimicum hominum morumque malorum,
Contra defensorem hominum morumque bonorum.

уровнѣ культуры и относятся одни къ другимъ какъ тщательно обдуманное и обработанное литературное произведеніе къ письму, написанному на скорую руку. Но всадникъ изъ Суэссы превосходилъ африканскаго раба тѣмъ, что обладалъ несравненно болѣе высокими умственными способностями и болѣе свободными воззрѣніями на жизнь; оттогото его успѣхъ былъ столько же скоръ и блестящъ, сколько успѣхъ Теренція былъ достигнутъ съ трудомъ и сомнителенъ; Луцилій тотчасъ сдѣлался любимцемъ всей націи и могъ, подобно Беранже, сказать о своихъ стихотвореніяхъ, что «только они и читались народомъ». Необыкновенная популярность Луциліевскихъ стихотвореній была и въ историческомъ отношеніи замѣчательнымъ явленіемъ; она доказываетъ, что уже въ то время литература была великой силой, и мы безъ всякаго сомнѣнія нашли-бы многочисленные слѣды ея вліянія, еслибы исторія того времени была намъ извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Приговоръ современниковъ подтвердили ихъ потомки; тѣ римскіе знатоки искусства, которые были противниками александрійскаго направленія въ литературѣ, признали за Луциліемъ право занимать первое мѣсто между всѣми латинскими поэтами. Луцилій создалъ сатиру, насколько она можетъ считаться особой художественной литературной формой, а въ ней онъ создалъ тотъ единственный видъ поэзіи, который соотвѣтствовалъ отличительнымъ особенностямъ римскаго характера и былъ унаслѣдованъ отъ Римлянъ ихъ потомками.—Въ сферѣ той поэзіи, которая находилась подъ вліяніемъ александрійской школы, мы не находимъ въ Римѣ того времени ничего, кромѣ мелкихъ стихотвореній, или переведенныхъ съ александрійскихъ эпиграммъ, или написанныхъ въ подражаніе имъ; эти произведенія заслуживаютъ упоминанія не по своимъ достоинствамъ, а только въ качествѣ первыхъ предвѣстниковъ новой литературной эпохи Рима. Кромѣ нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ писателей, о которыхъ даже нельзя съ достовѣрностью сказать,

---

Hos magni facere, his bene velle, his vivere amicum;
Commoda praeterea patriae sibi prima putare,
Deinde parentum, tertia iam postremaque nostra.

[Добродѣтель заключается, Альбинъ, въ томъ, чтобъ понимать настоящую цѣну всему, среди чего мы вращаемся и живемъ; она заключается въ томъ, чтобъ понимать, что можетъ дать человѣку каждая вещь, что для него справедливо, полезно и честно, что хорошо или дурно, что безполезно, постыдно, нечестно; добродѣтель въ томъ, чтобъ знать предѣлъ всему, къ чему стремимся, и какъ слѣдуетъ взяться за дѣло; добродѣтель въ томъ, чтобъ знать настоящую цѣну богатства; добродѣтель въ томъ, чтобъ всякому воздавать должное—быть недругомъ и врагомъ людей дурныхъ и порочныхъ, быть защитникомъ людей хорошихъ и честныхъ, послѣднихъ уважать, желать имъ добра, жить съ ними въ дружбѣ, прежде всего заботиться о благѣ отечества, потомъ о пользѣ своихъ родителей и уже послѣ всего заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ].

когда именно они жили, сюда принадлежать консулъ 652 года 102
Квинтъ Катуллъ (стр. 454, прим.) и вліятельный сенаторъ Луцій
Манлій, писавшій въ 657 году. Этотъ последній впервые по- 97
знакомилъ Римлянъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ между Греками въ ходу географическихъ сказокъ, какъ напримѣръ съ делійскимъ сказаніемъ о Латонѣ, съ баснями о Европѣ и о чудесной птицѣ Фениксѣ; ему же было суждено, во время его странствованій, открыть въ Додонѣ и описать тотъ замѣчательный треножникъ, на которомъ можно было прочесть предсказаніе, сдѣланное Пелазгамъ передъ ихъ переселеніемъ въ страну Сикеловъ и Аборигеновъ; эта находка была съ благоговѣніемъ занесена на страницы римскихъ историческихъ сочиненій.

Историографія. Полибій.

Самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ исторіографіи этой эпохи было появленіе писателя, который хотя и не принадлежалъ къ сферѣ италійской культуры ни по своему происхожденію ни по своимъ умственнымъ и литературнымъ воззрѣніямъ, однако былъ первымъ или, вѣрнѣе, единственнымъ писателемъ, вѣрно оцѣнившимъ и описавшимъ міровое значеніе Рима, и которому обязаны и всѣ позднѣйшія поколѣнія и мы сами лучшею долей того, что намъ извѣстно о римской цивилизаціи. Сынъ ахейскаго государственнаго человѣка
Ликорта, Полибій (около 546—около 627) былъ родомъ изъ Ме- 208—127
галополя, въ Пелопоннесѣ; какъ кажется, еще въ 565 году онъ 189
участвовалъ въ римской экспедиціи противъ малоазіатскихъ Кельтовъ, а впослѣдствіи не разъ получалъ отъ своихъ соотечественниковъ военныя и дипломатическія порученія, въ особенности во время третьей македонской войны. Послѣ переворота, вызваннаго этой войной въ Элладѣ, онъ былъ отправленъ (1, стр. 772) вмѣстѣ съ другими ахейскими заложниками въ Италію, гдѣ прожилъ
безъ права выѣзда семнадцать лѣтъ (587—604) и былъ введенъ 167—150
сыновьями Павла въ кружки столичной знати. Когда ахейскимъ заложникамъ была возвращена свобода, и Полибій возвратился на свою родину (стр. 42), гдѣ былъ съ тѣхъ поръ постояннымъ посредникомъ между ахейской конфедераціей и Римлянами. Онъ видѣлъ
разрушеніе Карѳагена и Коринѳа (608). Сама судьба какъ будто 146
воспитала его такъ, что онъ былъ въ состояніи понимать историческое значеніе Рима яснѣе самихъ тогдашнихъ Римлянъ. Въ качествѣ греческаго государственнаго человѣка и бывшаго римскаго плѣнника, пользовавшагося уваженіемъ за свое эллинское образованіе и нерѣдко возбуждавшаго зависть въ Сципіонѣ Эмиліанѣ и вообще въ лучшихъ людяхъ Рима, онъ могъ ясно видѣть, какъ два потока, долго катившихся порознь, стали сливаться въ одно русло и какъ историческая судьба всѣхъ государствъ Средиземнаго моря стала вполнѣ зависѣть отъ гегемоніи римскаго могущества и отъ гегемоніи греческой культуры. Вотъ почему Полибій былъ первымъ зна-

менитымъ Эллиномъ, который съ искреннимъ убѣжденіемъ усвоилъ политическія воззрѣнія Сципіоновскаго кружка и призналъ первенство Эллиновъ въ умственной сферѣ и первенство Римлянъ въ сферѣ политической за такіе неоспоримые факты, которые окончательно подтвердила исторія и которымъ обѣ стороны были обязаны подчиниться. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ онъ дѣйствовалъ какъ практическій государственный человѣкъ и въ томъ же духѣ писалъ свою исторію. Хотя онъ и сочувствовалъ въ своей молодости достойнымъ уваженія, но неосуществимымъ на дѣлѣ, замысламъ ахейскихъ патріотовъ, однако въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ онъ сознавалъ необходимость подчиняться тому, чего нельзя было избѣгнуть, и былъ на своей родинѣ представителемъ политики, основанной на самомъ тѣсномъ сближеніи съ Римомъ. Это была весьма разумная и безспорно благонамѣренная политика, но въ ней вовсе незамѣтно ни ширпны замысловъ, ни національнаго чувства достоинства. Съ другой стороны, Полибій не былъ въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ тщеславія и мелочности, которыя были свойственны эллинскимъ государственнымъ людямъ того времени. Немедленно вслѣдъ за своимъ возвращеніемъ на родину онъ обратился къ римскому сенату съ приглашеніемъ письменно обезпечить за каждымъ изъ освобожденныхъ заложниковъ то общественное положеніе, которымъ они прежде пользовались въ своемъ отечествѣ; на это Катонъ мѣтко замѣтилъ, что это было бы то-же самое, какъ если-бы Одиссей возвратился въ пещеру Полифема, чтобы выпросить у великана свою шляпу и свой поясъ. Своими связями съ римскою знатью Полибій нерѣдко пользовался для блага своихъ соотечественниковъ, но то, какъ онъ преклонялся передъ этимъ высокимъ покровительствомъ и какъ онъ имъ хвастался, было нѣсколько похоже на оберъ-камеръ-лакейство. И его литературная дѣятельность отличалась такимъ же направленіемъ, какое мы видимъ въ его дѣятельности практической. Задача его жизни заключалась въ томъ, чтобъ изложить исторію объединенія государствъ Средиземнаго моря подъ гегемоніею Рима. Описывая періодъ времени отъ первой пунической войны до разрушенія Карѳагена и Коринѳа, его сочиненіе обнимаетъ судьбы всѣхъ культурныхъ государствъ, то есть Греціи, Македоніи, Малой Азіи, Сиріи, Египта, Карѳагена, Италіи, и объясняетъ ихъ вступленіе подъ римскій протекторатъ въ причинной связи; въ предѣлахъ этой задачи Полибій старается доказать, что утвержденіе римской гегемоніи было дѣломъ и полезнымъ и разумнымъ. И по своему плану и по способу изложенія эта манера писать исторію представляетъ рѣзкую и преднамѣренную противоположность какъ съ одновременной римской исторіографіей, такъ и съ одновременной греческой. Въ Римѣ въ ту пору еще твердо стояли на точкѣ зрѣнія хроники; хотя тамъ и былъ накопленъ очень значительный запасъ

историческихъ свѣдѣній, но такъ называемая исторіографія ограничивалась частію дѣтскими сказками, частію безсвязными замѣтками; исключеніе составляли только сочиненія Катона, но и тѣ, при нѣкоторыхъ достоинствахъ, были чисто индивидуальными произведеніями и не заходили далѣе первыхъ зачатковъ историческаго изслѣдованія и историческаго изложенія. У Грековъ конечно были и историческія изслѣдованія и исторіографія; но во времена Діадоховъ до такой степени затемнились понятія о національными и о государствѣ, что ни одинъ изъ тогдашнихъ безчисленныхъ историковъ не съумѣлъ усвоить себѣ направленіе и правдивость великихъ аттическихъ мастеровъ и ни одинъ не обработывалъ всемірно-историческіе матеріалы того времени съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Ихъ манера писать исторію или заключалась въ чисто-внѣшнемъ записываніи событій или была пропитана фразерствомъ и лживостью аттической риторики; сверхъ того она нерѣдко была заражена продажностью и пошлостью, стараніемъ угодить современникамъ или излить на нихъ свою злобу. У Римлянъ, какъ и у Грековъ, не было ничего другаго, кромѣ исторіи отдѣльныхъ городовъ или племенъ. Изъ такихъ узкихъ рамокъ прежде всѣхъ вышелъ Полибій, который былъ родомъ изъ Пелопоннеса, (что основательно считалось за обстоятельство, увеличивавшее его заслуги) и который по складу своего ума имѣлъ по меньшей мѣрѣ такъ же мало общаго съ жителями Аттики, какъ и съ Римлянами; онъ обработалъ римскій историческій матеріалъ съ эллински-зрѣлой критикой и создалъ исторію, хотя и не всеобщую, но уже отрѣшившуюся отъ чисто мѣстныхъ государственныхъ интересовъ и обнимающую весь ходъ развитія римско-греческаго государства. Едва-ли можно назвать другаго историка, который соединялъ бы въ себѣ, подобно Полибію, всѣ достоинства писателя, черпающаго свои свѣдѣнія прямо изъ ихъ источника. Сущность его задачи для него вполнѣ ясна и постоянно присуща его уму: его вниманіе постоянно обращено на тѣ событія, которыя имѣютъ настоящее историческое значеніе. Онъ откладываетъ въ сторону сказанія, анекдоты и массу лишенныхъ всякаго интереса лѣтописныхъ извѣстій, и берется за издавна остававшееся въ пренебреженіи описаніе странъ и народовъ, государственныхъ и торговыхъ сношеній, и всѣхъ тѣхъ чрезвычайно важныхъ фактовъ, которые ускользали отъ вниманія лѣтописцевъ, потому что не могли быть пригвождены къ какому нибудь опредѣленному году. Въ собираніи историческаго матеріала Полибій обнаруживаетъ такую осмотрительность и такую послѣдовательность, какія едва ли можно найти у котораго либо изъ древнихъ историковъ; онъ пользуется оффиціальными документами, широко обозрѣваетъ литературу различныхъ народовъ, очень часто добываетъ свѣдѣнія, — благодаря своему выгодному общественному положенію, — отъ тѣхъ, кто сами были

участниками или очевидцами событій, и наконецъ по заранѣе составленному плану объѣзжаетъ всѣ государства Средиземнаго моря и часть береговъ Атлантическаго океана *). Правдивость была въ его натурѣ; во всѣхъ важныхъ вопросахъ онъ не обнаруживаетъ пристрастія къ тому или къ другому государству, къ тому или къ другому общественному дѣятелю, а имѣетъ въ виду исключительно только внутреннюю связь событій, такъ какъ считаетъ не только главной, но и единственной задачей историка вѣрное указаніе причинъ и проистекающихъ отъ нихъ послѣдствій. Наконецъ, его изложеніе отличается образцовой полнотой, простотой и ясностью. Однако для первокласснаго историка еще недостаточно всѣхъ этихъ выдающихся достоинствъ. Полибій понималъ свою литературную задачу такъ же, какъ онъ понималъ свою практическую задачу— чрезвычайно умно, но только умно. Исторія, какъ борьба необходимости съ свободой, представляетъ нравственную проблему, а Полибій относится къ ней такъ, какъ можно относиться только къ механической проблемѣ. Только цѣлое имѣетъ для него значеніе какъ въ природѣ, такъ и въ государствѣ; исключительныя событія и отдѣльныя личности,—какъ бы они ни казались достойными удивленія,—были для него ничѣмъ инымъ, какъ случайными явленіями, какъ маленькими колесами въ томъ высоко-художественномъ механизмѣ, который называется государствомъ. Въ этомъ отношеніи Полибій, конечно, былъ больше всякаго другаго способенъ писать исторію римскаго народа, который разрѣшилъ только одну задачу—какъ достигнуть безпримѣрнаго внутренняго и внѣшняго величія безъ содѣйствія со стороны хотя бы только одного въ высшей степени геніальнаго человѣка, и который развивалъ основные несложные зачатки своего политическаго существованія съ достойною удивленія, почти математическою послѣдовательностью. Но элементъ нравственной свободы присущъ исторіи каждаго народа и его нельзя обходить безнаказанно. Сужденія Полибія о тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о законодательствѣ, о чести, о религіи, не только пошлы, но и совершенно фальшивы. Такіе же недостатки замѣтны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда историку слѣдовало придерживаться законовъ естественнаго развитія; въ замѣнъ этихъ законовъ Полибій прибѣгаетъ къ чисто механическому способу объяснять событія, такъ что нерѣдко выводитъ читателя изъ терпѣнія; напримѣръ, можно

---

*) Впрочемъ, ученыя путешествія этого рода нерѣдко предпринимались тогдашними Греками. Такъ напримѣръ, у Плавта [M e n. 248, сравн. 235] нѣкто, объѣхавшій на кораблѣ всѣ берега Средиземнаго моря, спрашиваетъ:

Quin nos hinc domum
Redimus, nisi si historiam scripturi sumus?

[Зачѣмъ мы не возвращаемся домой? Вѣдь мы не собираемся писать исторію.]

ли представить себѣ болѣе нелѣпое политическое воззрѣніе, чѣмъ то, которое усматриваетъ въ разумномъ смѣшеніи элементовъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ главную причину превосходства римскихъ государственныхъ учрежденій, и которое приписываетъ успѣхи Рима именно этому превосходству. Взгляды Полибія на положеніе дѣлъ въ ту или другую данную минуту отличаются поразительной пустотой и отсутствіемъ фантазіи, а его манера относиться къ религіознымъ вопросомъ съ небрежностью и только съ точки зрѣнія разсудка по истинѣ противна. Въ его изложеніи постоянно проглядываетъ сознательная оппозиція противъ свойственнаго греческимъ историкамъ искуственно-натянутаго слога; оно правильно и ясно, но блѣдно и вяло; оно чаще, чѣмъ слѣдуетъ, дозволяетъ себѣ отступленія, умѣстныя въ полемическихъ сочиненіяхъ или въ мемуарахъ, и нерѣдко превращается въ самодовольное описаніе происшествій изъ жизни самого автора. Духъ оппозиціи чувствуется во всемъ сочиненіи; авторъ писалъ свою исторію преимущественно для Римлянъ, но и между ними нашолъ немного людей, понимавшихъ его; онъ понималъ, что для Римлянъ всегда будетъ чужеземцемъ, а для своихъ соотечественникомъ— отступникомъ и что его сочиненія принадлежатъ скорѣе будущему, чѣмъ настоящему, по ширинѣ своихъ воззрѣній на историческія событія. Оттого-то у него и проглядываютъ недовольство и личное озлобленіе, которыя замѣтны въ его полемическихъ нападкахъ на поверхностныхъ или даже продажныхъ историковъ греческихъ и незнакомыхъ съ критикою римскихъ; этимъ объясняется, почему онъ нерѣдко бываетъ сварливъ и мелоченъ и пишетъ не тономъ историка, а тономъ рецензента. Какъ писатель, Полибій вовсе непривлекателенъ; но такъ какъ правда и правдивость выше всякой внѣшней красоты и привлекательности, то едва-ли можно назвать какого нибудь другаго изъ древнихъ писателей, которому мы были-бы обязаны такимъ-же запасомъ поучительныхъ свѣдѣній, какъ Полибію. Его сочиненія то-же, что солнце, освѣщающее своими лучами римскую исторію; съ того момента, который служитъ для нихъ началомъ, раздвигается туманная завѣса, скрывавшая отъ нашихъ глазъ самнитскія войны и войну съ Пирромъ, а съ того момента, на которомъ они заканчиваются, наступаютъ новыя и едва-ли не болѣе прежняго непроницаемыя сумерки.

Римскіе лѣтописцы.

Современная туземная историческая литература представляетъ странный контрастъ съ этими широкими воззрѣніями на римскую исторію и съ способомъ ихъ изложенія. Въ началѣ этого періода еще встрѣчаются написанныя на греческомъ языкѣ хроники, какъ напримѣръ ранѣе нами упомянутое (1, стр. 937) произведеніе Авла Постумія (консула 603 года), изобилующее плохими прагма- 151
тическими объясненіями историческихъ событій, и произведеніе Гайя

142 Ацилія (доведенное имъ до конца въ глубокой старости около 612 года); но частію подъ вліяніемъ Катоновскаго патріотизма, частію подъ вліяніемъ болѣе изящнаго образованія людей Сципіоновскаго кружка, латинскій языкъ сталъ такъ рѣшительно преобладать въ этой сферѣ, что не только между новыми историческими произведеніями рѣдко встрѣчаются написанныя на греческомъ языкѣ *), но и старинныя греческія хроники переводятся на латинскій языкъ и по всему вѣроятію читаются предпочтительно въ этихъ переводахъ. Къ сожалѣнію, едвали можно похвалить написанныя по-латыни хроники этой эпохи за что либо другое, кромѣ употребленія роднаго языка. Онѣ были многочисленны и достаточно подробны; такъ напримѣръ мы встрѣчаемъ указанія на хроники Луція Кассія
146 Гемины (около 608), Луція Кальпурнія Пизона (консула 621 года), 13
129 Гайя Семпронія Тудитана (консула 625 года), Гайя Фаннія (кон-
122 сула 632 года). Сюда-же относится составленіе и изданіе офиціальной городской хроники въ восьмидесяти книгахъ, которое предпринялъ въ качествѣ верховнаго понтифекса Публій Муцій Сцевола
133 (консулъ 621 года), пользовавшійся общимъ уваженіемъ и какъ юристъ; этимъ закончилось веденіе городской хроники въ томъ смыслѣ, что замѣтки понтифексовъ если и не совершенно прекратились, то уже болѣе не принимались въ соображеніе литературой въ слѣдствіе возраставшей дѣятельности тѣхъ частныхъ лицъ, которыя занимались составленіемъ хроникъ. Всѣ эти лѣтописи, — все равно выдавались-ли онѣ за произведенія частныхъ лицъ или за офиціальныя, — были въ сущности однородными компиляціями имѣвшагося на лице историческаго матеріала или такого, который считался историческимъ, а ихъ достоинство относительно достовѣрности фактовъ и формы изложенія, безъ сомнѣнія, уменьшалось по мѣрѣ того, какъ онѣ становились болѣе подробными. Конечно, никакая хроника не содержитъ въ себѣ одной правды безъ примѣси вымысловъ и было-бы очень неблагоразумно упрекать Невія и Пиктора за то, что и они поступали такъ-же, какъ Гекатей и Саксонъ Грамматикъ; но позднѣйшія попытки превращать такіе воздушные замки въ настоящіе дома невыносимы и для самого терпѣливаго читателя. Нѣтъ ни одного такого широкаго пробѣла въ историческихъ свѣдѣніяхъ, который была-бы не въ состояніи пополнить эта сплошная и пошлая ложь съ игривою легкостью. И солнечныя

*) Единственнымъ безспорнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила была, сколько намъ извѣстно, греческая исторія Гнейя Авфидія, который славился въ то время, когда Цицеронъ былъ отрокомъ (Tusc. 5, 38, 112), — стало быть
90 105 около 660 года. Греческіе мемуары Публія Рутилія Руфа (консула 649 года) едва-ли могутъ быть отнесены къ числу такихъ исключеній, такъ какъ Руфъ писалъ ихъ въ изгнаніи, живя въ Смирнѣ.

затменія и цифры ценза и родословныя и тріумфы—все это занесено въ лѣтописи, начиная съ перваго года отъ основанія Рима; тамъ было записано, въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ и въ какой день царь Ромулъ вознесся на небо и какъ царь Сервій Туллій праздновалъ свой тріумфъ по случаю побѣдъ надъ Этрусками сначала 25 ноября 183, а потомъ снова 25 мая 187 года. Съ 571 567
этимъ вполнѣ гармонируетъ и то, что въ римскихъ докахъ показывали вѣрующимъ парусное судно, на которомъ Эней прибылъ изъ Иліона въ Лаціумъ; даже та свинья, которая служила Энею проводникомъ, сохранялась въ римскомъ храмѣ Весты—конечно въ видѣ солонины. Съ такой поэтической склонностью ко лжи эти знатные хроникеры соединяютъ до крайности скучную канцелярскую акуратность и обыкновенно относятся къ важному сюжету своего изложенія съ той пошлостью, которая неизбѣжна при отсутствіи и всякихъ поэтическихъ и всякихъ историческихъ элементовъ. Напримѣръ, когда мы читаемъ у Пизона, что Ромулъ воздерживался отъ вина наканунѣ тѣхъ дней, когда было назначено засѣданіе, или что Тарпея измѣннически отворила Сабинянамъ ворота замка изъ любви къ отечеству, для того чтобъ лишить непріятеля его щитовъ, то насъ не удивляетъ мнѣніе здравомыслящихъ современниковъ, что писать такія вещи не значитъ писать исторію, а значитъ разсказывать дѣтскія сказки. Гораздо лучше были нѣкоторыя историческія сочиненія, въ которыхъ описывались событія изъ недавняго прошлаго и событія современныя,– въ особенности исторія Аннибаловской войны Луція Целія Антипатра (около 633) и напи- 121
санная немного раньше Публіемъ Семпроніемъ Азелліономъ исторія его времени. Въ нихъ по крайней мѣрѣ можно было найти цѣнный историческій матеріалъ и серьозное стремленіе къ исторической правдѣ, а Антипатръ кромѣ того отличался живымъ, хотя и очень вычурнымъ, изложеніемъ; однако, судя по дошедшимъ до насъ отзывамъ объ этихъ сочиненіяхъ и по сохранившимся изъ нихъ отрывкамъ, ни одно изъ нихъ не могло равняться, ни по выдающейся внѣшней формѣ, ни по оригинальности, съ Origines Катона, который къ сожалѣнію не оставилъ послѣ себя особой школы ни въ политической сферѣ, ни въ исторической.

Мемуары и публичныя рѣчи.

Второстепенные, болѣе индивидуальные и эфемерные виды исторической литературы—мемуары, письма, публичныя рѣчи, были въ большомъ ходу, по крайней мѣрѣ судя по многочисленности лицъ, которыя ими занимались. Первые государственные люди Рима—
консулъ 639 года Маркъ Скавръ, консулъ 649 года Публій Руфъ, 115 105
консулъ 652 года Квинтъ Катуллъ и даже диктаторъ Сулла сами 102
записывали событія своей жизни; но эти произведенія, какъ кажется, имѣли въ литературѣ только то значеніе, какимъ были обязаны заключавшемуся въ нихъ историческому матеріалу. Сбор-

никъ писемъ матери Гракховъ Корнеліи замѣчателенъ частію образцовой чистотой языка и высокими нравственными достоинствами писательницы, частію тѣмъ, что это было первое изданное въ Римѣ собраніе частныхъ писемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первое литературное произведеніе Римлянки. Записываніе публичныхъ рѣчей сохраняло въ этомъ періодѣ тотъ-же отпечатокъ, какой былъ наложенъ на него Катономъ; защитительныя рѣчи адвокатовъ еще не считались литературными произведеніями, а тѣ рѣчи, которыя издавались для публики, были политическими памфлетами. Во время революціонныхъ смутъ эта литература брошюръ расширилась въ своемъ объемѣ и получила болѣе важное значеніе, а въ массѣ эфемерныхъ произведеній находились и такія, которыя, подобно Филиппикамъ Демосѳена и летучимъ листкамъ Курье, заняли прочное мѣсто въ литературѣ благодаря общественному положенію авторовъ и своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Такъ напримѣръ, политическія рѣчи Гайя Лелія и Сципіона Эмиліана считались образцовыми, потому что были написаны превосходнымъ латинскимъ языкомъ и выражали самую благородную преданность отечеству; кипучія рѣчи Гайя Тиція отличались смѣлой характеристикой мѣстныхъ и современныхъ нравовъ; изъ нихъ многое заимствовала національная комедія—какъ напримѣръ ранѣе упомянутую нами характеристику присяжныхъ сенаторскаго званія (стр. 413); сюда-же слѣдуетъ отнести многочисленныя рѣчи Гайя Гракха; въ ихъ пламенныхъ выраженіяхъ отражаются какъ въ зеркалѣ и страстный пылъ и душевное благородство и трагическая судьба этого богато одареннаго отъ природы человѣка.

Науки. 150 Что касается ученой литературы, то мы находимъ у Марка Брута въ изданномъ около 600 года сборникѣ юридическихъ руководящихъ правилъ достойную вниманія попытку пересадить на римскую почву обыкновенное у Грековъ діалогическое объясненіе научныхъ предметовъ и придать изложенію этихъ предметовъ художественную полу-драматическую форму при помощи сценической обстановки діалога съ указаніемъ дѣйствующихъ лицъ, времени и мѣста бесѣды. Однако позднѣйшіе ученые—и филологъ Стилонъ и юристъ Сцевола—отбросили этотъ скорѣе поэтическій, чѣмъ практическій пріемъ, и въ примѣненіи къ общему образованію и въ примѣненіи къ спеціальнымъ наукамъ. Въ этомъ быстромъ отреченіи отъ тѣхъ оковъ, которыя накладываетъ на писателя художественность внѣшней формы, ясно обнаруживаются и возраставшее значеніе науки вообще, и практическій интересъ, который находили въ ея изученіи Римляне. О предметахъ общаго образованія,—о грамматикѣ или, вѣрнѣе, о филологіи, о риторикѣ и о философіи мы уже ранѣе замѣтили (стр. 433 и сл.), что онѣ сдѣлались теперь существенными составными частями обыкновеннаго римскаго образованія и

въ слѣдствіе того стали теперь впервые отдѣляться отъ чисто спеціальныхъ наукъ.

Въ сферѣ литературы стала процвѣтать латинская филологія, находившаяся въ тѣсной связи съ давно и прочно вкоренившимся филологическимъ способомъ изученія греческой литературы. Уже было прежде нами замѣчено, что около начала этого столѣтія и латинскіе эпическіе поэты нашли своихъ комментаторовъ и возстановителей подлиннаго текста (стр. 436); было также замѣчено, что не только Сципіоновскій кружокъ требовалъ прежде всего правильности языка, но и нѣкоторые изъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ, какъ напримѣръ Акцій и Луцилій, занимались установленіемъ орѳографическихъ и грамматическихъ правилъ. Въ то-же время встрѣчаются нѣкоторыя одиночныя попытки развить реальную филологію съ исторической стороны; сочиненія тяжеловатыхъ лѣтописцевъ того времени, какъ напримѣръ сочиненіе Гемины «о ценсорахъ» и сочиненіе Тудитана «о должностныхъ лицахъ», конечно, едва-ли были лучше задуманы, чѣмъ ихъ хроники. Болѣе интересны написанныя другомъ Гайя Гракха, Маркомъ Юніемъ, книги о должностяхъ, какъ первая попытка пользоваться изслѣдованіями древности для политическихъ цѣлей *), и написанныя трагикомъ Акціемъ въ стихахъ дидаскаліи, какъ приступъ къ литературной исторіи латинской драмы. Впрочемъ эти зачатки научной обработки отечественнаго языка еще носятъ на себѣ очень ясный отпечатокъ дилетантизма и живо напоминаютъ нашу орѳографическую литературу временъ Бодмера и Клопштока; и антикварнымъ изслѣдованіямъ этой эпохи по справедливости слѣдуетъ отвести скромное мѣсто. Филологія.

100 Луцій Элій Стилонъ (около 650 года; стр. 435) былъ тотъ Римлянинъ, который положилъ начало научному изученію латинскаго языка и латинской древности въ духѣ александрійскихъ учителей. Онъ первый взялся за памятники самаго древняго языка и написалъ комментаріи къ священнымъ пѣснямъ Саліевъ и къ римскому городскому праву; онъ обратилъ особенное вниманіе на комедію шестаго столѣтія и первый составилъ списокъ тѣхъ Плавтовскихъ пьесъ, которыя были по его мнѣнію подлинными. Онъ старался, по примѣру Грековъ, выяснить историческіе зачатки каждаго отдѣльнаго явленія въ римской жизни, а въ сношеніяхъ Римлянъ съ другими народами старался отыскать для каждаго изъ этихъ явленій его «виновника» и вмѣстѣ съ тѣмъ распространилъ свои изслѣдованія на всю сферу занесенныхъ въ лѣтописи преданій. Объ уваженіи, которое питали къ нему современники, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, Стилонъ.

*) Такъ напримѣръ предположеніе, что во времена царей квесторы назначались не царемъ, а гражданствомъ, очевидно, неосновательно и носитъ на себѣ отпечатокъ вымысла, придуманнаго въ интересахъ какой нибудь политической партіи.

что ему были посвящены самыя лучшія поэтическія и историческія произведенія его времени—сатиры Луцилія и историческія книги Антипатра; этотъ первый римскій филологъ имѣлъ вліяніе и на будущее направленіе ученыхъ занятій своихъ соотечественниковъ, такъ какъ оставилъ своему ученику Варрону въ наслѣдство и свои филологическія и свои ученыя изслѣдованія.

Риторика. Въ сферѣ латинской риторики литературная дѣятельность, понятно, играла менѣе значительную роль; тутъ было нечего больше дѣлать, какъ писать руководства и книги для упражненій по образцу греческихъ краткихъ учебниковъ Гермагора и нѣкоторыхъ другихъ,—чѣмъ, конечно, и занимались школьные наставники частію по необходимости, частію изъ тщеславія и ради денегъ. До насъ дошло одно изъ такихъ руководствъ къ изученію ораторскаго искуства, составленное во время диктаторства Суллы неизвѣстнымъ по имени авторомъ, который, по тогдашнему обыкновенію (стр. 436), преподавалъ вмѣстѣ съ латинской литературой и латинскую риторику и писалъ сочиненія по этимъ обоимъ предметамъ; этотъ учебникъ замѣчателенъ не только сжатымъ, яснымъ и точнымъ изложеніемъ, но и значительной самостоятельностью по отношенію къ греческимъ образцамъ. Хотя въ томъ, что́ касается своего метода изложенія, этотъ Римлянинъ и находился въ полной зависимости отъ Грековъ, но онъ рѣшительно и даже рѣзко отвергалъ «весь безполезный хламъ, который греки собирали въ кучу только для того, чтобъ наука казалась болѣе трудной для изученія». Самому рѣзкому порицанію онъ подвергаетъ ту педантическую діалектику, ту «безсильную науку ораторскаго искуства», лучшіе знатоки которой до такой степени опасаются двусмысленныхъ выраженій, что даже не осмѣливаются произнести свое собственное имя. Греческую школьную терминологію авторъ рѣшительно и сознательно отвергаетъ. Онъ настоятельно предостерегаетъ отъ слишкомъ усидчиваго ученья и внушаетъ золотое правило, что наставникъ долженъ главнымъ образомъ наводить своихъ учениковъ на такой путь, по которому они могли-бы идти далѣе безъ посторонней помощи; такъ-же настоятельно онъ утверждаетъ, что школа только побочный источникъ знанія, а главный источникъ—сама жизнь, и передаетъ въ самостоятельно избранныхъ цитатахъ отголоски тѣхъ судебныхъ рѣчей, которыя въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій обратили на себя вниманіе всей римской адвокатуры. Достоинъ вниманія и тотъ фактъ, что оппозиція противъ уродливыхъ наростовъ эллинизма, въ прежнія времена возстававшая противъ возникновенія особаго латинскаго ораторскаго искуства (стр. 437), не прекращалась и тогда, когда это искуство дѣйствительно возникло; послѣдствіемъ этого было то, что римское краснорѣчіе отличалось и въ теоретическомъ отношеніи и въ практическомъ бо́льшимъ достоинствомъ, чѣмъ современное греческое, и стало приносить болѣе практической пользы.

Наконецъ, что касается философіи, то она еще не имѣла представителей въ литературѣ, потому что не было на лицо ни внутренней потребности создать римскую національную философію ни такихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя вызвали-бы появленіе философскихъ сочиненій на латинскомъ языкѣ. Даже нельзя съ увѣренностью утверждать, что въ эту эпоху появлялись латинскіе переводы обще-доступныхъ учебниковъ философіи; кто занимался философіей, тотъ и преподавалъ ее и велъ философскіе диспуты на греческомъ языкѣ. **Философія.**

Въ сферѣ спеціальныхъ наукъ не замѣтно большой дѣятельности. Хотя Римляне умѣли хорошо воздѣлывать землю и вести счетоводство, но у нихъ не находили для себя почвы ни физическія ни математическія изслѣдованія. Практическимъ послѣдствіемъ ихъ пренебреженія къ теоріи былъ низкій уровень ихъ врачебнаго искуства и нѣкоторыхъ военныхъ наукъ. **Спеціальныя науки.**

Изъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ процвѣтала только юриспруденція. Мы не въ состояніи прослѣдить ея развитіе съ хронологической точностью; въ общемъ итогѣ, священные законы все болѣе и болѣе отодвигались на задній планъ и въ концѣ этого періода пришли почти въ такое-же положеніе, въ какомъ находится въ настоящее время каноническое право; наоборотъ, то болѣе тонкое и болѣе глубокое юридическое воззрѣніе,—которое принимаетъ въ соображеніе въ замѣнъ внѣшнихъ признаковъ внутреннія побужденія, какъ напримѣръ различаетъ проступокъ предумышленный отъ проступка по небрежности и признаетъ право владѣнія, временно охраняемое закономъ,—еще не существовало во времена Двѣнадцати Таблицъ, но уже несомнѣнно существовало во времена Цицерона и вѣроятно было обязано своимъ развитіемъ описываемой нами эпохѣ. О вліяніи политическихъ условій на развитіе законодательства намъ уже не разъ приходилось говорить; оно не всегда было полезно. Такъ напримѣръ, съ учрежденіемъ суда центумвировъ по дѣламъ о наслѣдствахъ (стр. 366) была введена и въ сферу имущественнаго права коллегія присяжныхъ, которая, подобно суду по уголовнымъ дѣламъ, не стала ограничиваться простымъ примѣненіемъ закона, а поставила себя выше его и подъ предлогомъ такъ называемой справедливости стала подкапываться подъ существующія учрежденія; однимъ изъ послѣдствій этого нововведенія было нелѣпое правило, что всякій, кому ничего не оставлено по завѣщанію родственника, могъ просить судъ о кассированіи завѣщанія, а судъ могъ постановлять свое рѣшеніе по собственному усмотрѣнію. Съ бо́льшей опредѣленностью можно прослѣдить развитіе юридической литературы. Она до того времени состояла только изъ сборниковъ исковыхъ формулъ и изъ объясненій юридическихъ терминовъ, а въ описываемомъ нами періодѣ впервые возникла литература юрисконсультскихъ мнѣній, имѣвшая **Юриспруденція.**

близкое сходство съ нашими теперешними сборниками судебныхъ рѣшеній. Около начала седьмаго столѣтія начинаютъ записывать и издавать въ видѣ сборниковъ юридическія указанія, которыя уже издавна давались не только членами понтификальной коллегіи, но на дому или на публичной площади всякимъ, къ кому обращались за совѣтомъ, и которыя служили поводомъ для теоретическихъ и полемическихъ разъясненій и для неизбѣжныхъ при изученіи юриспруденціи постоянныхъ споровъ; такіе сборники были въ первый разъ
150 изданы младшимъ Катономъ († около 600) и Маркомъ Брутомъ (почти одновременно) и, какъ кажется, раздѣлялись на отдѣлы, состоявшіе изъ юридическихъ указаній по однороднымъ вопросамъ *). Вскорѣ послѣ того былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ и появилось настоящее систематическое изложеніе земскаго права. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ верховному понтифексу Квинту Муцію Сцеволѣ (кон-
95 82 сулу 659 года, † 672; стр. 213, 330, 427), въ семействѣ которого были наслѣдственными какъ законовѣдѣніе, такъ и званіе верховнаго жреца. Въ его восемнадцати книгахъ «о земскомъ правѣ» собраны во всей возможной полнотѣ юридическіе матеріалы, годные для практическаго примѣненія—легальныя постановленія, судебные прецеденты и указанія авторитетовъ, заимствованныя частію изъ болѣе древнихъ сборниковъ, частію изъ устныхъ преданій; эти книги послужили точкой исхода и образцомъ для полныхъ систематическихъ изложеній римскаго права, а его юридическій обзоръ подъ заглавіемъ «опредѣленія» (ὅροι) послужилъ основой для юридическихъ учебниковъ и въ особенности для сборниковъ юридическихъ правилъ. Хотя это развитіе науки права происходило въ сущности независимо отъ эллинизма, однако не подлежитъ сомнѣнію, что для болѣе систематической обработки правовѣдѣнія послужило поощреніемъ знакомство съ философски-практическимъ схематизмомъ Грековъ, да и въ самомъ заглавіи только что упомянутаго сочиненія обнаруживается греческое вліяніе. Что въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся преимущественно внѣшней формы, римская юриспруденція подчинялась вліянію Стоиковъ, уже было замѣчено ранѣе (стр. 426).

Искуство. Въ сферѣ искуства успѣхи Римлянъ были еще менѣе значительны. Хотя среди дилетантовъ все болѣе и болѣе усиливался интересъ къ архитектурѣ, къ скульптурѣ и къ живописи, но собственная производительность сдѣлала скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ шагъ впередъ. Между Римлянами все болѣе и болѣе входило въ обыкновеніе поль-

---

*) Книга Катона носила заглавіе De juris disciplina [Gell. 13, 20) книга Брута—De jure civili [Цицер. pro Cluent. 51, 141; De orat. 2, 55, 233]; о томъ, что это въ сущности были сборники мнѣній юрисконультовъ, свидѣтельствуетъ Цицеронъ [De orat. 2, 33, 142].

зоваться ихъ пребываніемъ въ Греціи для осмотра художественныхъ произведеній; въ этомъ отношеніи составляетъ эпоху зима 670/1 84/3
года, которую армія Суллы провела въ Малой Азіи на зимнихъ квартирахъ. И въ Италіи постоянно увеличивалось число знатоковъ искуства. Прежде всего было обращено вниманіе на серебряную и бронзовую посуду, а около начала описываемой эпохи стали цѣнить не только греческія статуи, но и греческія картины. Первой картиной, публично выставленной въ Римѣ, былъ Вакхъ Аристида, обратно взятый Луціемъ Муммiемъ съ аукціона коринеской добычи, потому что царь Атталъ предложилъ за него около 6000 денаріевъ (1827 талер.). Постройки сдѣлались болѣе великолѣпными и для нихъ стали употреблять заморскій мраморъ, въ особенности гиметтскій (Cipollin),—такъ какъ въ то время еще не добывали мрамора въ самой Италіи. Возбуждавшая удивленіе даже во времена имперіи, великолѣпная колоннада, которую соорудилъ на Марсовомъ полѣ
завоеватель Македоніи Квинтъ Метеллъ (консулъ 611), окружала 143
первый храмъ, построенный въ столицѣ изъ мрамора; вскорѣ послѣ того, такія-же сооруженія были воздвигнуты Сципіономъ Назикой
(консуломъ 616) на Капитоліи, Гнеемъ Октавіемъ (консуломъ 138
626) неподалеку отъ цирка. Между зданіями, принадлежавшими 128
частнымъ людямъ, прежде всѣхъ былъ украшенъ мраморными
колоннами домъ оратора Луція Красса († 663), стоявшій на Па- 91
латинѣ (стр. 412). Но когда представлялся случай пріобрѣсти грабежемъ или покупкой то, что было имъ нужно, то Римляне предпочитали чужую работу своей собственной; то было прискорбнымъ доказательствомъ бѣдности римской архитектуры, что она стала употреблять въ дѣло колонны старинныхъ греческихъ храмовъ; такъ напримѣръ, Сулла украсилъ римскій Капитолій колоннами изъ находившагося въ Аеинахъ храма Зевса. А то, что изготовлялось въ самомъ Римѣ, было дѣломъ иноземцевъ; немногочисленные римскіе художники того времени, имена которыхъ упоминаются различными писателями, были всѣ безъ исключенія Греки, переселившіеся въ Римъ изъ италійскихъ странъ или изъ-за моря, какъ-то: уроженецъ Кипрскаго Саламина, архитекторъ Гермодоръ, между прочимъ заново отстроившій римскіе доки и соорудившій храмъ Юпитера Статора
для Квинта Метелла (консула 611) въ воздвигнутой этимъ послѣднимъ 143
галлереѣ и храмъ Марса въ Фламиніевскомъ циркѣ для Децима Брута
(консула 616); уроженецъ Великой Греціи, Пазитель, (около 665), 138 89
изготовлявшій изъ слоновой кости изображенія боговъ для римскихъ храмовъ; аеинскій уроженецъ, живописецъ и философъ Метродоръ, вызванный въ Римъ для того, чтобъ написать картины для тріумфа
Луція Павла (587). Замѣчателенъ тотъ фактъ, что хотя монеты 167
описываемой эпохи и отличаются отъ прежнихъ большимъ разнообразіемъ чеканки, но въ томъ, что касается рѣзьбы штемпеля, обнаруживаютъ скорѣе ухудшеніе, чѣмъ улучшеніе.

Наконецъ, музыка и танцы также были заимствованы Римлянами изъ Эллады единственно для того, чтобъ усиливать блескъ декоративной роскоши. Впрочемъ, чужеземныя искусства этого рода не были новостью въ Римѣ; римское государство съ давнихъ поръ допускало этрусскихъ флейтистовъ и танцовщиковъ къ участію въ публичныхъ празднествахъ, а вольноотпущенникамъ и низшимъ классамъ римскаго народа и прежде дозволялось дѣлать изъ этихъ занятій ремесло. Но то было новостью, что греческіе танцы и музыка сдѣлались постояннымъ дополнительнымъ украшеніемъ для обѣдовъ въ домахъ знати; новостью была и танцовальная школа, которую съ негодованіемъ описалъ Сципіонъ Эмиліанъ въ одной изъ своихъ рѣчей; болѣе пяти сотъ мальчиковъ и дѣвочекъ изъ простонародья обучались тамъ въ перемѣшку съ дѣтьми сановниковъ и должностныхъ лицъ, подъ руководствомъ балетмейстера, неприличной пляскѣ съ кастаньетами, сопровождавшему эту пляску пѣнію и игрѣ на обезславленныхъ струнныхъ греческихъ инструментовъ; также было новостью не столько то, что консуляръ и верховный понтифексъ
133 Публій Сцевола (консулъ 621) ловилъ на аренѣ мечи такъ-же ловко, какъ ловко разрѣшалъ самые запутанные юридическіе вопросы, сколько то, что на устроенныхъ Суллой праздничныхъ играхъ знатная римская молодежь выказывала передъ всѣмъ народомъ искуство, съ которымъ оно умѣло исполнять роль жокеевъ. Правительство
115 иногда пыталось прекратить такія забавы; такъ напримѣръ въ 639 году цензорами было запрещено употреблять какіе-либо музыкальные инструменты за исключеніемъ той простой флейты, которая была издавна въ употребленіи въ Лаціумѣ. Но Римъ былъ не Спарта; слабое римское правительство констатировало такими запрещеніями существованіе зла, но даже не попыталось прекратить его путемъ строгаго и послѣдовательнаго исполненія своихъ предписаній.

Если мы въ заключеніе постараемся составить себѣ общее понятіе о положеніи литературы и искусства въ Италіи отъ смерти Эннія до начала Цицероновской эпохи, то мы замѣтимъ и въ этой сферѣ рѣшительный упадокъ производительности сравнительно съ предшествовавшей эпохой. Высшія отрасли литературы — эпосъ, трагедія, исторія, или совершенно исчезли или пришли въ упадокъ. Процвѣтаютъ только ея второстепенныя отрасли—переводы и передѣлки комедій, построенныхъ на интригѣ, фарса, брошюры въ стихахъ и въ прозѣ; въ этой послѣдней литературной сферѣ революціонный ураганъ свирѣпствовалъ со всей своей силой; въ ней мы встрѣчаемъ оба величайшихъ литературныхъ таланта того времени—Гайя Гракха и Гайя Луцилія; они возвышались надъ толпою болѣе или менѣе посредственныхъ писателей точно такъ-же, какъ въ подобную эпоху французской литературы Курье и Беранже возвышались надъ безчисленнымъ множествомъ самонадѣянныхъ без-

дарностей. И въ сферахъ пластики и живописи совершенно прекращается производительность, которая и прежде того всегда была слаба. Напротивъ того усиливается пассивное наслажденіе искусствомъ и литературой; подобно тому, какъ въ политической сферѣ эпигоны того времени пользовались наслѣдствомъ, доставшимся на долю ихъ отцовъ, они и въ описываемой нами сферѣ являются прилежными посѣтителями публичныхъ зрѣлищъ, друзьями литераторовъ, знатоками искусства и еще чаще собирателями художественныхъ произведеній. Самой почтенной стороной этой дѣятельности были ученыя изслѣдованія, которыя обнаружили особенную умственную энергію въ сферѣ законовѣдѣнія и философіи. Научная обработка этихъ предметовъ, начавшаяся именно въ описываемую нами эпоху, и появленіе первыхъ слабыхъ зачатковъ подражанія тепличной александрійской поэзіи уже предвѣщаютъ приближеніе той эпохи, когда въ римской литературѣ преобладало вліяніе александрійской школы. Всѣ литературныя произведенія того времени отличаются отъ произведеній шестаго столѣтія своею внѣшнею отдѣлкой; они рѣже впадаютъ въ ошибки и въ нихъ болѣе систематичности; тогдашніе писатели и любители литературы не безъ нѣкотораго основанія свысока смотрѣли на своихъ предшественниковъ, какъ на неопытныхъ начинателей. Но въ то время, какъ самые даровитые изъ нихъ осмѣивали или хулили слабыя стороны тѣхъ новичковъ, они, вѣроятно, не могли не сознаться, что юность націи миновала, а въ глубинѣ ихъ души, быть можетъ, возникало тайное желаніе возвратиться къ милымъ заблужденіямъ юности.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ

Ѳ. Моммсена.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

От смерти Суллы до битвы при Ѳапсѣ

Перевелъ А. Веселовскій.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Москва, Тверская, д. Мартынова.
1887.

ПЯТАЯ КНИГА.

ОСНОВАНІЕ ВОЕННОЙ МОНАРХІИ.

Wie er sich sieht so um und um,
Kehrt es ihm fast den Kopf herum.
Wie er wollt'Worte zu allem finden?
Wie er möcht 'so viel Schwall verbinden?
Wie er möcht immer muthig bleiben
So fort und weiter fort zu schreiben?

Goethe.

ГЛАВА I.

Маркъ Лепидъ и Квинтъ Серторій.

Оппозиція и ея различные составные элементы.

Когда Сулла умеръ въ 676 году, возрожденная имъ олигархія неограниченно властвовала надъ римскимъ государствомъ; но, основанная насильственно, она и впредь нуждалась въ насиліи, чтобы бороться съ многочисленными тайными и явными противниками своими. Ей противостояла не простая партія, съ ясно высказанными цѣлями и несомнѣнно признанными вождями, а цѣлая масса разнороднѣйшихъ элементовъ, группировавшихся, правда, подъ общимъ именемъ народной партіи, но въ сущности ставшихъ въ оппозицію къ государственному порядку, введенному Суллой, подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ побужденій и съ самыми разнообразными намѣреніями. Тутъ были представители положительнаго права, не занимавшіеся политикой, да и не понимавшіе ея, но которымъ было ненавистно произвольное обращеніе Суллы съ жизнью и имуществомъ гражданъ. Еще при Суллѣ, когда всякая другая оппозиція была осуждена на безмолвіе, суровые юристы возставали противъ регента; такъ, напримѣръ, Корнеліевы законы, присвоивавшіе различнымъ италійскимъ общинамъ права римскихъ гражданъ, были признаны недѣйствительными въ разныхъ судебныхъ приговорахъ; точно также судъ призналъ, что гражданскія права не могутъ считаться отмѣненными ни взятіемъ въ плѣнъ во время войны, ни продажею въ рабство въ эпоху революціи. Рядомъ съ юристами встрѣчались въ числѣ недовольныхъ остатки стариннаго либеральнаго сенатскаго меньшинства, стремившагося въ прежнія времена къ соглашенію съ партіею реформаторовъ и съ Италиками, и теперь все еще готоваго смягчить строго-олигархическую конституцію Суллы уступками народной партіи. Далѣе видимъ мы настоящихъ народниковъ, искренно убѣжденныхъ, но ограниченныхъ радикаловъ, готовыхъ пожертвовать жизнью и состояніемъ изъ-за излюбленныхъ темъ ихъ программы, и послѣ побѣды увидать съ горькимъ изумленіемъ, что они боролись не за дѣло, а за фразу. Они главнымъ образомъ стремились къ возстановленію

власти трибуновъ, неотмѣненной, правда, Суллою, но тѣмъ не менѣе лишенной существеннѣйшихъ атрибутовъ власти, имѣвшей для массы тѣмъ болѣе таинственной прелести, что само учрежденіе было лишено всякой осязательной, практической полезности и въ сущности было только простымъ призракомъ (вѣдь вызвало-же имя народнаго трибуна революцію въ Римѣ чрезъ цѣлое тысячелѣтіе!). Кромѣ того проникнуты были тѣми-же взглядами особенно многочисленные и важные классы населенія, которыхъ революція Суллы оставила неудовлетворенными или даже попросту затронула въ ихъ политическихъ или частныхъ интересахъ. Изъ-за такихъ мотивовъ примкнуло къ оппозиціи густое и зажиточное населеніе мѣстности, лежавшей между рѣкою По и Альпами, естественно смотрѣвшее на признаніе законности латинскаго права, въ 665 г., только какъ на залогъ будущаго пріобрѣтенія полныхъ правъ римскаго гражданства, представлявшаго удобную почву для агитаціи. Подобнымъ-же настроеніемъ проникнуты были и вольноотпущенники, вліятельные по своей численности и богатству, и въ особенности опасные по своей скученности въ столицѣ; они не могли примириться съ тѣмъ, что реставрація возвратила ихъ снова къ прежнимъ ихъ избирательнымъ правамъ, ничтожнымъ на практикѣ. Точно также былъ настроенъ и высшій финансовый міръ, который, правда, оставался спокойнымъ изъ осторожности, но по прежнему таилъ въ себѣ упорное неудовольствіе и не менѣе упорную силу. Столь-же негодовала и городская чернь, видѣвшая настоящую вольность въ свободной раздачѣ хлѣба. Еще болѣе глубокое озлобленіе господствовало среди городскихъ общинъ, гдѣ, по распоряженію Суллы, были произведены конфискаціи; неудовольствіе это возникло и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя, какъ напримѣръ жители Помпеи, жили въ вѣчныхъ раздорахъ, за однѣми и тѣми-же городскими стѣнами, съ населенными Суллою колонистами, лишившими ихъ части ихъ владѣній, — и въ тѣхъ общинахъ (какъ напримѣръ у Арретинцевъ и жителей Волатерры), которыя еще фактически владѣли своею территоріею, но находились постоянно подъ дамокловымъ мечомъ конфискаціи, назначенной надъ ними римскимъ народомъ, — наконецъ, какъ это въ особенности было въ Этруріи, въ членахъ тѣхъ общинъ, которые жалко пресмыкались, какъ нищіе, въ своихъ прежнихъ жилищахъ, или-же разбойничали въ лѣсахъ. Наконецъ находилась въ броженіи вся обычная свита демократическихъ вождей, состоявшая изъ членовъ ихъ рода и вольноотпущенниковъ, чьи покровители или лишились жизни въ эпоху реставраціи, или-же частью скитались на мавританскихъ берегахъ, частью пребывали при дворѣ и въ войскѣ Митридата, терпя всѣ бѣдствія, неразлучныя съ эмиграціею; въ эту эпоху, когда политическія воззрѣнія подчинялись строго-замкнутому семейному началу, считалось дѣломъ чести *) подготовить для нахо-

*) Весьма примѣчательно, что довольно извѣстный преподаватель словесности,

дившихся въ изгнаніи близкихъ людей возвращеніе на родину, снять съ памяти умершихъ пятно, лежавшее на нихъ и на ихъ дѣтяхъ, и выхлопотать имъ возвращеніе родительскаго достоянія. Прежде всего сами дѣти изгнанниковъ, низведенныя регентомъ въ силу закона на роль политическихъ паріевъ, какъ-бы получали вслѣдствіе этого отъ самаго закона приглашеніе возстать противъ существующаго порядка.—Ко всѣмъ этимъ различнымъ фракціямъ оппозиціи присоединялась далѣе вся масса разорившихся людей. Вся знатная и незнатная толпа голяковъ, утратившая состояніе и значеніе въ вихрѣ изящнаго или низкаго разврата; аристократы, у которыхъ не осталось уже ничего знатнаго, кромѣ ихъ долговъ; копьеносцы Суллы, которыхъ могущественное слово правителя могло, правда, превратить въ землевладѣльцевъ, но не въ хлѣбопашцевъ, и которые, прокутивъ первое наслѣдіе, доставшееся имъ послѣ изгнанниковъ, стремились сдѣлать тоже самое и съ вторымъ,—всѣ они только выжидали поднятія знамени, призывающаго къ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ, не заботясь о томъ, что будетъ начертано на этомъ знамени. Въ силу такой же необходимости примыкали къ оппозиціи всѣ выдвигавшіяся изъ рядовъ оппозиціи дарованія, нуждавшіяся въ популярности, видѣвшія, что переходу их въ избранныя сферы, или, по крайней мѣрѣ, быстрой карьерѣ мѣшала строгая замкнутость кружка оптиматовъ, и которыя пытались поэтому насильственно вторгнуться въ эту фалангу и сломить, опираясь на народное расположеніе, законы олигархической исключительности и старшинства. Точно также присоединялись къ оппозиціи и тѣ наиболѣе опасные люди, чье честолюбіе стремилось въ цѣли еще болѣе высокой, чѣмъ участіе въ рѣшеніи міровыхъ судебъ среди коллегіальныхъ происковъ. Въ особенности на адвокатской трибунѣ, единственной аренѣ законной оппозиціи, которую Сулла оставилъ нетронутою, подобные претенденты, еще при жизни правителя, яростно боролись противъ реставраціи, опираясь на формальную юриспруденцію и ловкую діалектику. Такъ, напримѣръ, искусный ораторъ, Маркъ Туллій Цицеронъ (род. 3 января 648 г.), сынъ арпинскаго землевладѣльца, скоро прославилъ свое имя на половину осторожной, на половину-смѣлой оппозиціей противъ властелина. Подобныя стремленія имѣли мало значенія, если оппонентъ не желалъ ничего другого, какъ только пріобрѣсти себѣ этимъ кресло въ куріи, съ тѣмъ чтобы потомъ возсѣдать на немъ съ полнымъ удовольствіемъ до конца дней своихъ. Если-же популярный человѣкъ не удовлетворялся этимъ стуломъ, и еслибъ Гай Гракхъ нашелъ себѣ преемника, тогда борьба на жизнь и на смерть была неизбѣжна; но пока еще нельзя было назвать ни одного имени, носитель котораго стре-

вольноотпущенникъ Стаберій Эротъ, допускалъ дѣтей изгнанниковъ безплатно слушать свой курсъ.

Могущество оппозиции. мился-бы къ столь высокой цѣли.—Такова была оппозиція, съ которою приходилось бороться установленному Суллою олигархическому правительству, когда оно раньше, чѣмъ ожидалъ, вѣроятно, самъ Сулла, вслѣдствіе его смерти предоставлено было само себѣ. Задача была нелегка и еще усложнялась разными соціальными и политическими затрудненіями того времени, прежде всего необычайною трудностью держать военачальниковъ, разсѣянныхъ по провинціямъ, въ подчиненіи у высшей гражданской власти,—или, не имѣя въ своемъ распоряженіи войска, справляться въ самой столицѣ съ массою накоплявшейся тамъ италійской и пришлой черни и рабовъ, жившихъ въ Римѣ большею частью совершенно свободно. Сенатъ чувствовалъ себя какъ-бы въ открытой и угрожаемой со всѣхъ сторонъ крѣпости, и серьезная борьба была неминуема. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были значительны и прочны подготовленныя Суллою оборонительныя средства; и, хотя большинство націи очевидно не симпатизировало, даже относилось враждебно къ правительству, установленному Суллою, тѣмъ не менѣе это правительство еще долго могло бороться въ своей неприступной твердынѣ противъ сбившейся съ толку и несвязной массы оппозиціи, не имѣвшей ни общей цѣли, ни общаго пути, распадавшейся на сотни фракцій, и лишенной вождя. Но, конечно, правительство должно было желать постоять за себя и внести въ оборону своей крѣпости хоть одну искру той энергіи, которая была потрачена на ея сооруженіе; для гарнизона, не желающаго сопротивляться, лучшій фортификаторъ тщетно сталъ-бы сооружать свои стѣны и рвы.

Отсутствіе руководящаго лица и духъ котеріи. И такъ, чѣмъ болѣе для обѣихъ сторонъ все зависѣло отъ личнаго характера руководящихъ людей, тѣмъ пагубнѣе было то обстоятельство, что, если пристальнѣе вглядѣться, у обѣихъ сторонъ не было собственно и вождей. Политика въ эту пору всецѣло руководилась кружковымъ духомъ въ его худшей формѣ. Въ этомъ, правда, не было ничего новаго; семейная и клубная замкнутость нераздѣльна съ аристократическимъ строемъ государства и она первенствовала въ Римѣ въ теченіе многихъ столѣтій. Но всесильною она сдѣлалась лишь въ описываемую эпоху, какъ въ ту же эпоху (въ 690 г.) вліяніе ея скорѣе признано было, чѣмъ стѣснено законодательными репрессивными мѣрами. Всѣ люди знатные, какъ народники, такъ и настоящіе олигархи, сплачивались въ гетеріи; масса гражданъ, поскольку она принимала вообще правильное участіе въ политическихъ событіяхъ, также, составляла, смотря по избирательнымъ округамъ, замкнутыя общества съ почти военною организаціею, находившія въ раздавателяхъ земель (divisores tribuum) своихъ естественныхъ вождей и посредниковъ. Въ этихъ политическихъ клубахъ все было продажно: прежде всего голоса избирателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и голоса членовъ совѣта и суда, точно также и кулаки, дѣйствовав-

шіе въ уличныхъ свалкахъ, и вожди шаекъ, руководившіе ими — только по тарифу отличались другъ отъ друга ассоціаціи людей знатныхъ и мелкихъ. Гетерія рѣшала исходъ выборовъ, возбуждала обвиненія, гетерія же руководила защитою; она подкупала вліятельнаго адвоката, въ случаѣ нужды торговалась насчетъ оправдательнаго приговора съ какимъ нибудь изъ спекуляторовъ, въ большихъ размѣрахъ занимавшихся выгоднымъ промысломъ продажи судейскихъ голосовъ. Гетерія господствовала своими тѣсно-сплоченными шайками надъ улицами города, а вмѣстѣ съ тѣмъ — слишкомъ часто — и надъ государствомъ. Все это дѣлалось на основаніи извѣстныхъ общихъ правилъ и, такъ сказать, публично; гетеріи были лучше организованы и управляемы, чѣмъ какая-либо отрасль государственной администраціи; если здѣсь, какъ вообще водится среди цивилизованныхъ мошенниковъ, по какому-то тайному соглашенію и не говорили открыто о совершаемыхъ беззаконіяхъ, то никто и не скрывалъ ихъ, и извѣстные адвокаты не стыдились публично и понятно намекать на свои отношенія къ гетеріямъ ихъ кліентовъ. Если по временамъ и находился отдѣльный человѣкъ, который держался въ сторонѣ отъ этого образа дѣйствій, но не чуждался въ тоже время общественной жизни, то, навѣрное, это былъ, какъ наприм. Маркъ Катонъ, настоящій Донъ Кихотъ въ политикѣ. Мѣсто партій и ихъ борьбы заступали клубы съ своей конкурренціею, мѣсто администраціи — интриги. Человѣкъ болѣе чѣмъ двусмысленный, Публій Цетегъ, въ былые дни одинъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Марія, пользовавшійся впослѣдствіи милостями Суллы, какъ перебѣжчикъ, игралъ въ политическихъ проискахъ этого времени наиболѣе вліятельную роль, единственно въ качествѣ хитраго доносчика и посредника между сенаторскими фракціями и знатока тайныхъ административныхъ интригъ; слово его любовницы, Преціи, зачастую рѣшало назначеніе на самыя важныя начальническія должности. Подобное жалкое положеніе вещей было возможно лишь тамъ, гдѣ ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей не возвышался надъ общимъ уровнемъ; всякое выдающееся дарованіе уничтожило бы это господство партій, какъ паутину, но, именно, въ политическихъ и военныхъ дарованіяхъ чувствовался величайшій недостатокъ.

Филиппъ, Метеллъ, Катулъ и Лукуллы.

Послѣ междоусобныхъ войнъ не осталось въ живыхъ ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка, кромѣ престарѣлаго, мудраго и краснорѣчиваго Люція Филиппа (консулъ 663 года), который былъ сперва демократомъ, затѣмъ вождемъ партіи капиталистовъ, дѣйствовавшей противъ сената, вслѣдъ затѣмъ приверженцемъ Марія, наконецъ перешелъ на сторону торжествующей олигархіи настолько своевременно, чтобы стяжать благодарность и награду; этотъ человѣкъ какъ-то проскользнулъ между партіями. Между людьми послѣдующаго поколѣнія наиболѣе выдающимися вождями чистокровной

аристократіи были: Квинтъ Метеллъ Пій (консулъ 674 года), товарищъ Суллы по опасностямъ и побѣдамъ; Квинтъ Лутацій Катулъ, бывшій консуломъ въ годъ смерти Суллы (въ 676 г.), сынъ побѣдителя при Верцеллахъ, и два молодыхъ воина, братья Люцій и Маркъ Лукуллы, изъ которыхъ первый съ отличіемъ сражался при Суллѣ въ Азіи, второй въ Италіи; не говоримъ уже о такихъ оптиматахъ, какъ Квинтъ Гортензій (640—704), имѣвшій значеніе только какъ адвокатъ, или же, наконецъ, о Децимѣ Юніи Брутѣ (консулъ 677 года), Мамеркѣ Эмиліѣ Лепидѣ Ливіанѣ (консулъ 677 года), и другихъ подобныхъ же ничтожествахъ, лучшею стороною которыхъ являлось ихъ благозвучное артистократическое имя. Но и первые четыре человѣка мало чѣмъ возвышались надъ среднимъ уровнемъ знатныхъ баръ того времени. Катулъ былъ, подобно отцу своему, тонко образованный человѣкъ и честный аристократъ, но съ умѣренными дарованіями и отнюдь не воинъ. Метеллъ не только былъ личностью, достойною уваженія, но и способнымъ и опытнымъ военачальникомъ; не столько вслѣдствіе его тѣсныхъ родственныхъ и товарищескихъ отношеній къ правителю, сколько въ особенности вслѣдствіе всѣми признанныхъ достоинствъ, онъ былъ отправленъ въ 675 году, послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя званіе консула въ Испаніи, когда тамъ снова возстали Лузитанцы и римскіе эмигранты, предводительствуемые Квинтомъ Серторіемъ. Хорошими военачальниками были также и оба Лукулла, въ особенности старшій, соединявшій весьма солидныя военныя дарованія съ основательнымъ литературнымъ образованіемъ и писательскими наклонностями, и заслуживавшій уваженіе и какъ человѣкъ. Но, какъ государственные люди, и эти лучшіе изъ аристократовъ немногимъ превышали рѣшительностью и дальновидностью дюжинныхъ сенаторовъ того времени. Самые выдающіеся изъ нихъ оказывались, правда, годными и храбрыми при встрѣчѣ съ иноземнымъ врагомъ, но ни одинъ изъ нихъ не выказывалъ охоты или умѣнья разрѣшить настоящія политическія задачи или управлять государственнымъ кораблемъ, какъ опытный рулевой, среди бурнаго моря интригъ и дробленія на партіи. Политическая мудрость ихъ ограничивалась тѣмъ, что они искренно вѣрили въ единоспасающую олигархію и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко ненавидѣли и мужественно порицали демагогію и всякую другую эманципирующуюся единичную силу. Мелкое честолюбіе ихъ удовлетворялось немногимъ. Все, что разсказываютъ о пребываніи Метелла въ Испаніи, гдѣ онъ не только мирился съ весьма мало гармоническою лирою испанскихъ льстивыхъ поэтовъ, но даже дозволялъ встрѣчать себя, точно божество, всюду, гдѣ онъ появлялся, торжественной раздачей вина народу и воскуреніемъ ѳиміама, а за столомъ давалъ парящимъ на воздухѣ богинямъ побѣды вѣнчать свою голову

лаврами при звукѣ театральнаго грома,—все это ничѣмъ не достовѣрнѣе большинства историческихъ анекдотовъ; но и въ этихъ сплетняхъ отражается измельчавшее честолюбіе эпигоновъ. Даже лучшіе изъ нихъ чувствовали себя удовлетворенными, когда достигали не могущества или вліянія, а хоть консулата и тріумфа, или почетнаго мѣста въ совѣтѣ, и удалялись съ политической арены для того чтобъ заглохнуть среди царственной роскоши, какъ разъ въ ту минуту, когда при настоящемъ честолюбіи они только начали бы приносить истинную пользу родинѣ и своей партіи. Люди, въ родѣ Метелла и Люція Лукулла, еще будучи полководцами, столько же думали о расширеніи римскихъ владѣній покореніемъ новыхъ царей и народностей, какъ и объ обогащеніи безконечныхъ списковъ лакомой дичи, живности и дессерта, выработанныхъ римской гастрономіей, новыми африканскими и мало-азіатскими рѣдкостями, и загубили лучшую часть своей жизни среди болѣе или менѣе интеллигентной праздности. Традиціонная удача и индивидуальная покорность, на которыхъ зиждется всякое олигархическое правленіе, были совершенно утрачены павшею и искуственно возрожденною римскою аристократіею этой эпохи; она считала духъ партіи патріотизмомъ, тщеславіе — честолюбіемъ, ограниченность — послѣдовательностью. Еслибъ конституція Суллы попала подъ охрану людей, подобныхъ тѣмъ, которые возсѣдали въ коллегіи кардиналовъ и въ венеціанскомъ совѣтѣ десяти, то неизвѣстно, смогла-ли бы оппозиція такъ скоро поколебать ее: съ такими защитниками всякое нападеніе представляло бы дѣйствительно серьозную опасность.

Помпей.

Среди людей, не выставлявшихъ себя безусловными приверженцами, ни открытыми противниками конституціи Суллы, ни одинъ не привлекалъ въ такой степени на себя взоры толпы, какъ молодой Гнэй Помпей, которому въ эпоху смерти Суллы было всего только двадцать восемь лѣтъ (онъ родился 29 сентября 648 года). Это было истинное несчастіе какъ для самого виновника общаго поклоненія, такъ и для поклонниковъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было естественно. Здоровый тѣломъ и духомъ, ловкій гимнастъ, который, еще служа въ рядахъ войска старшимъ офицеромъ, прыгалъ, бѣгалъ и поднималъ тяжести, объ закладъ съ солдатами, сильный и искусный предводитель летучаго отряда, юноша этотъ, въ такомъ возрастѣ, который устранялъ его отъ всякой должности и отъ мѣста въ сенатѣ, былъ уже императоромъ и тріумфаторомъ, занималъ въ общественномъ мнѣніи первое мѣсто послѣ Суллы и даже получилъ отъ безпечнаго, отчасти признательнаго ему, отчасти иронизировавшаго надъ нимъ регента прозваніе *великаго*. Къ сожалѣнію, его умственныя дарованія далеко не соотвѣтствовали этимъ неслыханнымъ успѣхамъ. Онъ не былъ ни злымъ, ни неспособнымъ, а просто совершенно обыкновеннымъ человѣкомъ, котораго природа назначила быть

хорошимъ вахмистромъ, а обстоятельства сдѣлали полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Это былъ умный, храбрый, опытный, во всѣхъ отношеніяхъ хорошій солдатъ, но даже и тутъ въ немъ не было и слѣда высшихъ дарованій; въ качествѣ полководца, какъ и во всемъ остальномъ, ему была свойственна привычка дѣйствовать съ осторожностью, граничившею съ боязливостью, и наносить, по возможности, рѣшительный ударъ лишь тогда, когда онъ несомнѣнно убѣждался въ громадномъ превосходствѣ своемъ надъ противникомъ. Образованіе его было самымъ дюжиннымъ по тому времени; настоящій солдатъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не преминулъ, прибывъ въ Родосъ, точно по обязанности службы восхищаться тамошними ораторами-говорунами и задаривать ихъ. Честность его была честностью богатаго человѣка, разумно хозяйничающаго своимъ значительнымъ наслѣдственнымъ и нажитымъ состояніемъ; онъ не пренебрегалъ случаемъ наживаться тѣми обыкновенными путями, которые были въ ходу у сенаторовъ, но былъ слишкомъ холоденъ и богатъ для того, чтобы подвергать себя ради этого особымъ опасностямъ или покрывать себя слишкомъ бросающимся въ глаза позоромъ. Порочность, господствовавшая среди его современниковъ, доставила ему болѣе, чѣмъ его собственная добродѣтель, репутацію честности и безкорыстія, относительно, правда, заслуженную имъ. Его «честное лицо» сдѣлалось почти поговоркою, и даже послѣ своей смерти онъ все еще считался достойнымъ и нравственнымъ человѣкомъ; и дѣйствительно, это былъ хорошій сосѣдъ, не причастный возмутительному обычаю сильныхъ людей того времени расширять границы своихъ владѣній насчетъ мелкихъ сосѣдей посредствомъ принудительной купли или чего нибудь еще худшаго; въ семейной жизни онъ выказывалъ привязанность къ женѣ и дѣтямъ; къ его чести служитъ и то обстоятельство, что онъ впервые отступилъ отъ варварскаго обычая казнить плѣнныхъ непріятельскихъ царей и полководцевъ послѣ появленія ихъ во время тріумфа. Но это не мѣшало ему разлучиться съ любимой женою по приказанію его повелителя Суллы на томъ только основаніи, что она принадлежала къ опозоренному роду, и, по мановенію того же властолина, казнить на своихъ собственныхъ глазахъ съ величайшимъ душевнымъ покоемъ людей, поддерживавшихъ его въ тяжелую минуту. Онъ не былъ жестокъ, какъ это ставили ему въ упрекъ, но—что еще, быть можетъ, хуже—онъ былъ холоденъ и безстрастенъ въ добрѣ, какъ и во злѣ. Въ разгарѣ битвы онъ смѣло глядѣлъ врагу въ глаза; въ частной жизни это былъ человѣкъ робкій, который при всякомъ ничтожномъ поводѣ краснѣлъ, говорилъ публично не безъ застѣнчивости и вообще былъ угловатъ, неповоротливъ и неловокъ въ обращеніи. При всемъ своемъ заносчивомъ упрямствѣ, какъ это по большей части бываетъ съ тѣми, кто выставляетъ напоказъ свою самостоятельность, онъ былъ послушнымъ орудіемъ

въ рукѣ тѣхъ, которые умѣли приняться за него, въ особенности же его кліентовъ и вольноотпущенниковъ, такъ какъ онъ не опасался, чтобы они взяли надъ нимъ верхъ. Онъ всего менѣе былъ созданъ играть роль государственнаго человѣка. Не имѣя ясныхъ цѣлей, неловкій въ выборѣ средствъ, недальновидный и нерѣшительный въ маломъ и великомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе прикрывать свою нерѣшительность и шаткость торжественнымъ молчаніемъ, и, желая вести тонкую игру, обманывалъ себя, думая, что проводитъ другихъ. Благодаря его положенію въ военномъ мірѣ и его сношеніямъ съ населеніемъ его родины, ему, почти безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, досталась значительная, лично преданная ему партія, съ которою можно было совершить величайшіе подвиги; но Помпей былъ во всѣхъ отношеніяхъ неспособенъ руководить партіею и сплачивать ее, и если она все-таки не распадалась, то и это дѣлалось помимо его, въ силу простого тяготѣнія обстоятельствъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ напоминаетъ Марія; но Марій, съ своей мужиковато-грубой, чувственно-страстной личностью, былъ все-таки еще менѣе невыносимъ, чѣмъ этотъ скучнѣйшій и неповоротливѣйшій изъ всѣхъ мнимо-великихъ людей. Политическое положеніе его было ложное. Онъ былъ офицеромъ при Суллѣ и обязанъ былъ стоять за реставрированную конституцію, а между тѣмъ онъ былъ въ оппозиціи, какъ противъ Суллы лично, такъ и противъ всего сенаторскаго правленія. Родъ Помпеевъ, занесенный въ консульскіе списки всего только за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, отнюдь не считался значительнымъ въ глазахъ аристократіи; къ тому же отецъ Помпея находился въ весьма враждебномъ отношеніи къ сенату, самъ же онъ стоялъ нѣкогда въ рядахъ приверженцевъ Цинны.—Это были воспоминанія, о которыхъ общественное мнѣніе умалчивало, но которыхъ не забывало. Выдающееся положеніе, пріобрѣтенное Помпеемъ при Суллѣ, настолько же разрознило его внутренно съ аристократіею, насколько оно внѣшнимъ образомъ соединило его съ нею. Слабый духомъ, Помпей вскорѣ почувствовалъ, какъ у него закружилась голова на той высотѣ славы, которой онъ достигъ съ такой страшной быстротой и легкостью. Какъ будто желая примирить свою черствую, прозаическую натуру, проведя параллель между собою и наиболѣе поэтическимъ изъ всѣхъ греческихъ характеровъ, онъ началъ сравнивать себя съ Александромъ Великимъ и смотрѣть на себя, какъ на исключительнаго человѣка, которому не подобаетъ оставаться только однимъ изъ пятисотъ членовъ римскаго совѣта. На дѣлѣ же никто не былъ въ такой степени созданъ для роли члена аристократическаго правленія. Полная достоинства внѣшность Помпея, его торжественный формализмъ, личная храбрость, его скромная честная жизнь, полное отсутствіе иниціативы,—все это, еслибъ онъ родился двѣсти лѣтъ ранѣе, могло-бы доставить ему почетное мѣсто наряду

съ Публіемъ Деціемъ и Квинтомъ Максимомъ. Эта чисто-оптиматическая и чисто - римская посредственность не мало содѣйствовала упроченію внутренняго влеченія, во всѣ времена существовавшаго между Помпеемъ и массою гражданъ и сената. Въ то время для него, несомнѣнно, возможно было вполнѣ опредѣленное выдающееся положеніе, — еслибъ онъ захотѣлъ удовлетвориться ролью полководца, подвластнаго совѣту, ролью, для которой онъ былъ какъ бы созданъ. Но это его не удовлетворяло, и такимъ образомъ онъ попалъ въ роковое положеніе человѣка, желающаго быть не тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться. Постоянно стремился онъ къ обособленному положенію въ государствѣ, а когда оно открывалось передъ нимъ, онъ не могъ рѣшиться занять его; съ глубокимъ озлобленіемъ смотрѣлъ онъ, когда люди и законы не преклонялись безусловно передъ нимъ, а между тѣмъ онъ, съ скромностью, не всегда даже притворною, всюду заявлялъ свою равноправность съ остальными гражданами и дрожалъ при одной мысли совершить что либо анти-конституціонное. Такимъ образомъ, находясь въ постоянно натянутыхъ отношеніяхъ къ олигархіи и будучи вмѣстѣ ея покорнѣйшимъ слугою, постоянно терзаемый честолюбіемъ, страшившимся въ тоже время собственной цѣли, — онъ проводилъ свою взволнованную жизнь безрадостно, среди вѣчнаго внутренняго противорѣчія.

Маркъ Крассъ. Такъ же мало, какъ и Помпей, можетъ считаться безусловнымъ приверженцемъ олигархіи Маркъ Крассъ. Это была весьма характерная личность для того времени. Подобно Помпею, старше котораго онъ былъ только на нѣсколько лѣтъ, и онъ принадлежалъ къ кружку высшей римской аристократіи, получилъ обыкновенное въ его сословіи образованіе и, какъ Помпей, съ отличіемъ сражался при Суллѣ въ италійской войнѣ. Оставаясь по умственнымъ способностямъ, литературному образованію и военнымъ дарованіямъ далеко позади многихъ людей одного съ нимъ общественнаго положенія, онъ превосходилъ ихъ своей безпредѣльной подвижностью и тѣмъ упорствомъ, съ которымъ стремился всѣмъ обладать и все значить. Прежде всего онъ устремился въ спекуляцію. Пріобрѣтеніе помѣстій во время революціи положило основаніе его состоянію; но онъ тѣмъ не менѣе не пренебрегалъ никакой отраслью наживы, занимался съ большой осторожностью и въ тоже время въ грандіозныхъ размѣрахъ строительнымъ дѣломъ въ столицѣ; вступалъ въ компанію съ своими вольноотпущенными для самыхъ разнообразныхъ предпріятій, игралъ роль банкира въ самомъ Римѣ и внѣ его; какъ лично, такъ и при посредствѣ своихъ приближенныхъ, ссужалъ своихъ товарищей по сенату деньгами и принималъ на себя, смотря по обстоятельствамъ, какъ выполненіе работъ на ихъ счетъ, такъ и подкупъ судейскихъ коллегій. Онъ далеко не былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ, когда дѣло касалось наживы. Еще въ эпоху гоненій на разныхъ лицъ при

Суллѣ онъ былъ уличенъ въ подложномъ составленіи списковъ, вслѣдствіе чего Сулла съ той поры не сталъ больше пользоваться его содѣйствіемъ для государственныхъ дѣлъ. Онъ никогда не подумалъ бы отказаться отъ наслѣдства оттого только, что документъ, гдѣ стояло его имя, былъ завѣдомо поддѣланъ; онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы его фермеры насильственно или тайно вытѣсняли изъ ихъ земель мелкихъ сосѣдей своего господина. Онъ, однако, избѣгалъ открытыхъ столкновеній съ уголовнымъ судомъ, и, какъ истый капиталистъ, жилъ самъ съ буржуазной простотою. Такимъ путемъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ Крассъ изъ человѣка съ обыкновеннымъ сенаторскимъ доходомъ сдѣлался обладателемъ состоянія, простиравшагося незадолго до его смерти, послѣ покрытія громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, еще до 170 милліоновъ сестерцій (13 милліоновъ талеровъ); онъ сдѣлался богатѣйшимъ изъ Римлянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крупною политическою личностью. Если, по его же собственному выраженію, никто не имѣлъ права назвать себя богатымъ, если не могъ содержать на свои доходы цѣлое войско, то лицо, которое могло это сдѣлать, едва ли было простымъ гражданиномъ. И дѣйствительно, взоры Красса были устремлены къ болѣе высокой цѣли, чѣмъ къ обладанію всѣхъ туже набитымъ кошелькомъ въ государствѣ. Онъ не останавливался ни передъ какимъ трудомъ для расширенія своихъ сношеній. Онъ привѣтствовалъ по имени каждаго изъ столичныхъ гражданъ. Ни одному просителю не отказывалъ онъ въ своемъ содѣйствіи передъ судомъ. Природа, правда, немного сдѣлала для него, какъ для оратора; рѣчь его была суха, дикція монотонна; онъ былъ тугъ на ухо, но его упорный умъ, не страшившійся никакой скуки и не увлекавшійся никакимъ наслажденіемъ, преодолѣвалъ всѣ трудности. Никогда не казался онъ неприготовленнымъ, никогда не импровизировалъ, и такимъ образомъ онъ сдѣлался моднымъ адвокатомъ, который былъ всегда наготовѣ и для котораго не безъ пользы была привычка не очень брезгать предлагаемыми ему сомнительными дѣлами и умѣнье не только словомъ, но и связями, а въ случаѣ нужды и золотомъ своимъ вліять на судей. Половина совѣта была у него въ долгу; привычка его ссужать друзей деньгами безъ процентовъ, но до востребованія, ставила отъ него въ зависимость массу вліятельныхъ лицъ, тѣмъ болѣе что онъ, какъ истый дѣловой человѣкъ, не дѣлалъ разницы между партіями, всюду поддерживалъ связи и охотно давалъ взаймы всякому, способному уплатить или годному для него въ другомъ отношеніи. Самые отважные вожди партій, безцеремонно наносившіе удары во всѣ стороны, боялись связаться съ Крассомъ; его сравнивали съ быкомъ, стоящимъ среди стада, и дразнить котораго было бы опасно для всякаго. Что человѣкъ, занимавшій такое положеніе, не могъ стремиться къ низменнымъ цѣлямъ, было ясно для каждаго, и въ

противоположность Помпею, Крассъ зналъ, съ точностью банкира. на что и какими средствами онъ спекулируетъ въ политикѣ. Съ самаго основанія Рима политическою силою въ немъ былъ капиталъ; время было таково, что все считалось доступнымъ, какъ оружію, такъ и золоту. Если въ эпоху революціи аристократія капитала могла помышлять о низверженіи родовой олигархіи, то такой человѣкъ, какъ Крассъ, также могъ вознести взоры нѣсколько выше, чѣмъ къ обычнымъ атрибутамъ и шитому плащу тріумфаторовъ. Въ данную минуту онъ былъ приверженцемъ Суллы и сената; но онъ былъ въ слишкомъ сильной степени коммерческимъ человѣкомъ, для того чтобы отдаться въ руки какой либо опредѣленной политической партіи и преслѣдовать что либо иное, кромѣ своей личной выгоды. Почему бы Крассу, богатѣйшему человѣку и величайшему интригану Рима, который къ тому же не былъ жаднымъ скупцомъ, не спекулировать и на корону? Быть можетъ, ему одному и не удастся достигнуть цѣли; но уже не одно грандіозное дѣло сдѣлалъ онъ въ сообществѣ съ другими; ничего не было невозможнаго, чтобы для этого предпріятія нашелся подходящій участникъ. Характеристическимъ признакомъ того времени служитъ вообще тотъ фактъ, что посредственный ораторъ и воинъ, политикъ, считавшій свою подвижность за энергію, свою алчность за честолюбіе; въ сущности не имѣвшій ничего, кромѣ громаднаго состоянія и чисто-купеческаго дарованія завязывать сношенія,— что такой человѣкъ, опираясь на всесильные кружки и интриги, могъ считать себя равнымъ первымъ полководцамъ и государственнымъ людямъ эпохи и соперничать съ ними изъ-за высшей награды, манящей политическое честолюбіе.

Вожди демократіи. Бури революціи произвели ужасающія опустошенія въ рядахъ настоящей оппозиціи, какъ въ средѣ консерваторовъ, такъ и между демократами. Изъ числа первыхъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ именитымъ человѣкомъ былъ Гай Котта (630—681), другъ и союзникъ Друза, изгнанный вслѣдствіе этого въ 663 году и возвращенный вслѣдъ за тѣмъ на родину, благодаря побѣдамъ Суллы. Это былъ умный человѣкъ и дѣльный адвокатъ, но ни роль его партіи, ни его личное значеніе не предназначали его къ чему нибудь иному, кромѣ почетной второстепенной роли. Среди демократической партіи, между молодымъ поколѣніемъ, привлекалъ къ себѣ взоры какъ друзей, такъ и недруговъ своихъ, двадцатичетырехлѣтній **Юлій Цезарь.** Гай Юлій Цезарь (род. 12 іюля 652 ?) *). Его род-

*) Годомъ рожденія Цезаря обыкновенно считаютъ 654 годъ, такъ какъ на основаніи показаній Светонія (Caes., 88), Плутарха (Цез. 69) и Аппіана (b. c. 2, 149) ему было 56 лѣтъ въ годъ его смерти (15 марта 710 г.), съ чѣмъ приблизительно согласуется и то показаніе, что ему было 18 лѣтъ (въ 672) во время проскрипціи при Суллѣ (Веллей, 2, 41). Но этому вполнѣ противорѣчитъ то обстоятельство, что въ 689 г. Цезарь исполнялъ обязанность эдила,

ственныя отношенія къ Марію и Циннѣ—сестра его отца была женою Марія, самъ онъ былъ женатъ на дочери Цинны—мужественный отказъ юноши, едва вышедшаго изъ отрочества, послать по приказанію диктатора своей молодой женѣ, Корнеліи, разводную, какъ сдѣлалъ въ подобномъ же случаѣ Помпей; смѣлое упорство, съ которымъ онъ оставался въ дарованномъ ему Маріемъ и не признанномъ Суллою жреческомъ санѣ; его скитанія во время грозившаго

въ 692 году—претора, въ 695 году—консула, и что эти должности на основаніи законовъ, не могли быть исполняемы раньше, какъ на 37/8, 40/1 и 43/4 году отъ рожденія (Беккеръ, 2, 2, 24). Нельзя думать, что Цезарь могъ исполнять всѣ упомянутыя курульныя должности за два года передъ узаконеннымъ временемъ, а еще менѣе, чтобы объ этомъ нигдѣ не встрѣтилось упоминанія; факты эти, напротивъ того, даютъ право предположить, что такъ какъ день рожденія его несомнѣнно падалъ на 12 іюля, онъ родился не въ 654, а въ 652 году, что, слѣдовательно, въ 672 году ему было 20/1 лѣтъ отъ роду, и что онъ умеръ не 56, а 57 лѣтъ и восьми мѣсяцевъ. За это предположеніе говоритъ далѣе то, что, къ удивленію, приводилось какъ аргументъ противъ него, именно, что Цезарь почти ребенкомъ (paene puer) былъ назначенъ Маріемъ и Цинною жрецомъ Юпитера (Веллей, 2, 43); Марій умеръ въ январѣ 668 года, когда Цезарю, по общепринятому счисленію, было 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, словомъ, когда онъ не „почти" только, какъ говоритъ Веллей, а въ полномъ смыслѣ слова былъ мальчикомъ, и именно по этой причинѣ, весьма вѣроятно, не могъ исполнить подобной роли жреца. Если же онъ родился въ іюлѣ 652 года, то въ эпоху смерти Марія ему былъ 16-й годъ, и съ этимъ согласуется, какъ показаніе Веллея, такъ и общее правило, на основаніи котораго въ гражданскую службу не вступали до истеченія отрочества. Кромѣ того, съ принятіемъ подобнаго предположенія только и можетъ согласоваться то обстоятельство, что денаріи, отчеканенные по приказанію Цезаря при началѣ междоусобной войны, были помѣчены цифрою LII, вѣроятно, по его лѣтамъ, потому что, когда началась война, Цезарю было, по этому счисленію, немного болѣе 52 лѣтъ. Къ тому же въ подобномъ случаѣ далеко не такъ важно, какъ кажется намъ, привыкшимъ къ правильнымъ и оффиціальнымъ спискамъ рожденій, уличать въ этомъ отношеніи наши источники въ ошибкѣ. Всѣ четыре показанія могутъ очень легко быть сведены къ одному происхожденію,—и вообще, въ виду того, что въ древнѣйшую пору, до возникновенія acta diurna, свѣдѣнія о годахъ рожденія наиболѣе извѣстныхъ и высокопоставленныхъ Римлянъ, хоть бы, напр., Помпея, были поразительно шатки, показанія эти не могутъ претендовать на большую достовѣрность (См. Staatsrecht, I, 551).—Въ „Жизни Цезаря", Наполеона III (часть 2, глава 1), дѣлается противъ этого такое возраженіе, что, принимая въ разсчетъ законъ о старшинствѣ, годъ рожденія Цезаря палъ бы не на 652, а на 651 годъ, и что къ тому же извѣстны случаи, когда законъ этотъ не соблюдался. Однако, первое предположеніе основано на недоразумѣніи, такъ какъ примѣръ Цицерона показываетъ намъ, что законъ требовалъ только, чтобы при вступленіи въ должность былъ уже начатъ 43 годъ отъ рожденія, но не прожитъ. Предполагаемыя же исключенія по большей части оказываются невѣрными. Когда Тацитъ говоритъ (ann., 11, 22), что

ему изгнанія, съ трудомъ отклоненнаго отъ него, благодаря ходатайству его родственниковъ; мужество, проявленное имъ въ битвахъ при Митиленѣ и въ Киликіи, котораго никто не ожидалъ отъ изнѣженно-воспитаннаго, почти женственно-щеголеватаго мальчика; наконецъ слова Суллы, предостерегавшаго отъ «мальчика въ юбкѣ», въ которомъ скрывается болѣе, чѣмъ одинъ Марій—все это было лишь новою рекомендаціею въ глазахъ демократической партіи. Однако, съ Цезаремъ могли быть связаны надежды только въ будущемъ; люди же, которые по своему возрасту и положенію въ государствѣ были бы уже теперь призваны овладѣть управленіемъ и государствомъ и партіями, частью умерли, частью находились въ изгнаніи. Такимъ образомъ, руководство демократіею, за отсутствіемъ человѣка съ истиннымъ призваніемъ къ этому дѣлу, было доступно каждому, которому вздумалось бы выступить въ роли защитника угне-

---

въ былое время при раздачѣ должностей вовсе не принимались въ соображеніе лѣта, и что консульство и диктатура поручались совершенно молодымъ людямъ, то онъ, конечно, имѣетъ въ виду, какъ это и признано всѣми комментаторами, древнѣйшій періодъ, до обнародованія названныхъ законовъ, именно, консульство двадцатитрехлѣтняго М. Валерія Корва и другіе подобные же случаи. Мнѣніе, что Лукуллъ получилъ высшую должность до законнаго возраста—ложно: сообщается только (Cic., acad. pr., 1, 1), что на основаніи одного, неизвѣстнаго намъ точнѣе исключенія въ текстѣ закона, въ награду за какое-то совершенное имъ дѣяніе, онъ былъ избавленъ отъ законнаго двухгодичнаго промежутка между исполненіемъ должностей эдила и претора. Дѣйствительно, онъ былъ эдиломъ въ 675, преторомъ вѣроятно въ 677, консуломъ въ 680 году. Что положеніе Помпея было совершенно иного рода—вполнѣ ясно, но и о Помпеѣ неоднократно категорически сообщается (Циц., de imp. Pomp. 21, 62. Аппіанъ. 3, 88), что сенатъ избавилъ его отъ примѣненія къ нему закона, касающагося возраста. Что это было сдѣлано для Помпея, домогавшагося консульства въ качествѣ главнокомандующаго и тріумфатора, увѣнчаннаго лаврами побѣдъ и стоявшаго во главѣ войска, а, со времени своей коалиціи съ Крассомъ, и во главѣ могущественной партіи—это настолько же понятно, насколько было бы въ высшей степени поразительно, еслибъ тоже самое было сдѣлано для Цезаря, когда онъ домогался низшихъ должностей, такъ какъ въ это время онъ значилъ немного болѣе другихъ новичковъ въ политическомъ дѣлѣ. Еще поразительнѣе кажется, что встрѣчаются упоминанія о томъ, вполнѣ понятномъ, исключеніи, а не объ этомъ, болѣе, чѣмъ странномъ, хотя весьма естественно было бы подобное упоминаніе въ особенности по отношенію къ двадцатиоднолѣтнему консулу Цезарю-сыну (срав. у Аппіана, 3, 88). Когда изъ этихъ неподходящихъ вовсе примѣровъ выводили заключеніе, что въ Римѣ мало соблюдали законъ, когда приходилось примѣнять его къ „выдающимся личностямъ“, то я нахожу, что о Римѣ и Римлянахъ врядъ ли когда-нибудь высказывалось болѣе несостоятельное мнѣніе. Все величіе римскаго общиннаго быта, равно какъ и величіе его знаменитыхъ полководцевъ и государственныхъ людей, прежде всего зависѣли отъ того, что законъ касался въ равной степени и ихъ.

тенныхъ народныхъ вольностей; такъ оно досталось въ руки Марка Эмилія Лепида, приверженца Суллы, перешедшаго въ лагерь демократіи подъ вліяніемъ болѣе чѣмъ двусмысленныхъ мотивовъ. Нѣкогда ревностный оптиматъ, въ значительной степени участвовавшій въ продажѣ съ аукціона имущества изгнанниковъ, онъ,какъ намѣстникъ Сициліи, до такой степени грабилъ эту область, что ему грозило преслѣдованіе, во избѣжаніе котораго онъ и бросился въ ряды оппозиціи. Это было для нея пріобрѣтеніемъ сомнительнаго достоинства. Оппозиція, правда, получила въ лицѣ его извѣстное имя знатнаго человѣка, яраго оратора на площади; но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ незначительный, мало разсудительный, которому не слѣдовало стоять во главѣ ни совѣта, ни войска. Тѣмъ не менѣе, оппозиція привѣтствовола его, и новому вождю демократіи не только удалось устрашить своихъ обвинителей отъ начатаго противъ него нападенія, но даже добиться своего избранія въ консулы на 676 годъ, при чемъ, впрочемъ, кромѣ награбленныхъ имъ въ Сициліи сокровищъ, ему оказалось еще весьма полезнымъ нелѣпое стремленіе Помпея показать при этомъ случаѣ Суллѣ и его истиннымъ послѣдователямъ, на что онъ способенъ. Такъ какъ, по смерти Суллы, оппозиція снова нашла себѣ главу въ Лепидѣ, и такъ какъ этотъ вождь ея сдѣлался высшимъ должностнымъ лицемъ въ государствѣ, можно было съ увѣренностію предвидѣть скорую вспышку новаго революціоннаго движенія въ столицѣ. **Лепидъ.**

Но еще раньше столичныхъ демократовъ снова заволновались демократическіе эмигранты въ Испаніи. Душою этого движенія былъ Квинтъ Серторій. Этотъ замѣчательный человѣкъ, родомъ изъ Нурсіи, въ землѣ Сабинской, отличался весьма нѣжнымъ, даже слабымъ организмомъ,—это доказывается его мечтательной любовью къ его матери, Райѣ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыцарскимъ мужествомъ, о которомъ свидѣтельствовалъ рядъ шрамовъ, вынесенныхъ имъ изъ кимврской, испанской и италійской войнъ. Хотя онъ былъ вполнѣ неопытенъ, какъ ораторъ, тѣмъ не менѣе онъ возбуждалъ природной плавностью и мѣткостью своей рѣчи удивленіе ученыхъ адвокатовъ. Онъ имѣлъ въ особенности случай доказать въ блестящемъ контрастѣ свои необыкновенныя военныя и административныя дарованія во время революціонной войны, веденной демократами такимъ безгранично жалкимъ и безмозглымъ способомъ. По общему признанію онъ былъ единственнымъ демократическимъ военачальникомъ, умѣвшимъ подготовить войну и руководить ею, точно также, какъ и единственнымъ политическимъ дѣятелемъ демократіи, возставшимъ съ энергіею настоящаго государственнаго человѣка противъ безсмысленныхъ поступковъ и ярости своей партіи. Испанскіе солдаты прозвали его новымъ Аннибаломъ и не потому только, что онъ, подобно ему, лишился одного глаза въ этой войнѣ. Онъ, дѣйствительно, напоми- **Эмиграція въ Испаніи и Серторій.**

наетъ великаго этого человѣка столь же хитрыми, какъ и мужественными пріемами своей стратегіи, своимъ рѣдкимъ талантомъ организовать войну при помощи военныхъ-же случайностей, ловкостью, съ которою онъ привлекалъ къ своимъ интересамъ чуждыя ему народности и дѣлалъ ихъ орудіями своихъ цѣлей, разсудительностью своею и въ счастіи и въ несчастіи, изобрѣтательностью и быстротою, съ которыми онъ пользовался побѣдами или отвращалъ отъ себя послѣдствія своихъ пораженій. Сомнительно, могъ ли хоть одинъ римскій государственный человѣкъ минувшаго или новаго времени сравниться съ Серторіемъ разносторонностью дарованій. Послѣ того, какъ полководцы Суллы принудили его удалиться изъ Испаніи, онъ велъ бродячую жизнь авантюриста на африканскихъ и испанскихъ берегахъ, то находясь въ союзѣ, то воюя съ встрѣчавшимися и здѣсь киликійскими пиратами и предводителями кочующихъ ливійскихъ племенъ. Даже тутъ преслѣдовала его побѣдоносная римская реставрація; въ то время, какъ онъ осаждалъ Тингисъ (Тангеръ), на помощь властителю этого города явился изъ римской Африки отрядъ, предводительствуемый Паціэкомъ; но Паціэкъ былъ окончательно разбитъ Серторіемъ, а Тингисъ — занятъ. Вслѣдъ за далеко разнесшимся слухомъ объ этихъ военныхъ подвигахъ римскаго бѣглеца, Лузитанцы, которые, вопреки своему мнимому подчиненію римскому главенству, фактически сохраняли независимость и ежегодно сражались съ намѣстниками западной Испаніи, отправили пословъ къ Серторію въ Африку, чтобы призвать его къ себѣ и передать ему должность начальника надъ ихъ милиціею. Серторій, двадцать лѣтъ передъ тѣмъ служившій въ Испаніи подъ начальствомъ Тита Дидія и знавшій всѣ средства этой страны, рѣшился послѣдовать этому приглашенію и отплылъ въ Испанію (въ 674 году), оставивъ небольшой постъ на мавританскомъ берегу. Проливъ, отдѣляющій Испанію отъ Африки, былъ занятъ римскою эскадрою, предводительствуемою Коттой: прокрасться не было никакой возможности; поэтому Серторій пробился и благополучно прибылъ къ Лузитанцамъ. Не болѣе двадцати лузитанскихъ общинъ стали подъ его начальство, а изъ «Римлянъ» онъ также насчитывалъ только 2600 человѣкъ, изъ которыхъ значительная часть состояла изъ перебѣжчиковъ изъ войска Паціэка или изъ Африканцевъ, вооруженныхъ по римскому образцу. Серторій понялъ, что все зависѣло оттого, чтобы придать этимъ нестройнымъ шайкамъ гверильясовъ прочное ядро войска, хорошо дисциплинированнаго и съ римскою организаціею; онъ усилилъ для этой цѣли приведенный имъ съ собою отрядъ наборомъ четырехъ тысячъ пѣхотинцевъ и семисотъ всадниковъ и съ этимъ единственнымъ легіономъ и толпою испанскихъ волонтеровъ двинулся противъ Римлянъ. Въ западной Испаніи начальствовалъ Люцій Фуфидій, который, благодаря своей безусловной преданности Суллѣ, испытанной въ эпоху

Возобновленіе междоусобій въ Испаніи.

гоневій, былъ возведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ пропреторы; близъ Бэтиса онъ былъ совершенно разбитъ; 2000 убитыхъ Римлянъ покрывали поле сраженія. Гонцы поспѣшили призвать намѣстника сосѣдней области, лежавшей на Эбро, Марка Домиція Кальвина, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему наступленію Серторіанцевъ; вскорѣ появился (въ 675 г.) и опытный полководецъ Квинтъ Метеллъ, посланный Суллою въ южную Испанію на смѣну никуда негоднаго Фуфидія. Но Римлянамъ, однако, не удалось подавить возстанія. Въ провинціи Эбро не только было уничтожено подвластнымъ Серторію полководцемъ, квесторомъ Люціемъ Гиртулеемъ, войско Кальвина и самъ онъ убитъ, но и Люцій Манлій, намѣстникъ Галліи, перешедшій Пиренеи съ тремя легіонами на помощь своему товарищу, былъ окончательно разбитъ тѣмъ же храбрымъ вождемъ. Съ трудомъ спасся Манлій съ небольшимъ отрядомъ въ Илерду (Лериду), а оттуда въ свою область, причемъ потерялъ еще во время перехода всѣ свои транспорты вслѣдствіе нападенія аквитанскихъ племенъ. Въ западной Испаніи Метеллъ вторгся въ лузитанскія владѣнія, но Серторію удалось заманить въ засаду, во время осады Лонгобрига (недалеко отъ устья Тахо), отрядъ, предводительствуемый Аквиномъ, и этимъ принудить самого Метелла снять осаду и очистить лузитанскія владѣнія. Серторій послѣдовалъ за нимъ, разбилъ близъ Анаса (Гвадіаны) корпусъ Торія и нанесъ самому непріятельскому главнокомандующему несказанный ущербъ въ малой войнѣ. Метеллъ, методическій и нѣсколько тяжеловатый тактикъ, пришелъ въ отчаяніе отъ этого противника, упорно уклонявшагося отъ рѣшительнаго сраженія, но отрѣзывавшаго у него подвозъ и пути сообщенія и со всѣхъ сторонъ постоянно окружавшаго его. Необычайные успѣхи Серторія въ обѣихъ испанскихъ провинціяхъ были тѣмъ значительнѣе, что они были достигнуты не однимъ оружіемъ и отличались не однимъ только военнымъ характеромъ. Сами по себѣ эмигранты не были страшны; нѣкоторые успѣхи Лузитанцевъ, подъ начальствомъ того или другого чужеземнаго вождя, также мало значили. Но, съ вѣрнымъ политическимъ и патріотическимъ тактомъ, Серторій всюду, гдѣ это было только возможно, выступалъ не въ роли кондотьера возставшихъ противъ Рима Лузитанцевъ, а какъ римскій полководецъ и намѣстникъ Испаніи, въ качествѣ котораго онъ и былъ нѣкогда отправленъ туда тогдашними властителями. Онъ принялся составлять изъ вождей эмиграціи сенатъ*), въ составъ котораго должно было войти до трехсотъ членовъ и который долженъ былъ въ духѣ римскихъ уставовъ руководить дѣлами и назначать чиновниковъ. Онъ смотрѣлъ на свое войско,

Метеллъ въ Испаніи

Мѣры, принятыя Серторіемъ.

*) Организація эта, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, должна относиться къ 674, 675, 676 годамъ, хотя выполненіе ея принадлежитъ, безъ сомнѣнія, бо́льшею частью позднѣйшему времени.

какъ на римское, и замѣщалъ офицерскія должности исключительно Римлянами. Относительно Испанцевъ онъ держалъ себя, какъ намѣстникъ, въ силу своего званія требовавшій съ нихъ войска и прочей поддержки; но то былъ, правда, намѣстникъ, который, чуждаясь обычнаго деспотическаго правленія, старался привязать провинціаловъ къ Риму и къ себѣ лично. Его рыцарскій характеръ помогалъ ему примѣняться къ испанскимъ нравамъ и возбуждалъ въ испанской аристократіи самый пылкій энтузіазмъ къ родственному ей по духу, замѣчательному иностранцу; на основаніи господствовавшаго и здѣсь, какъ и среди Кельтовъ и Германцевъ, воинственнаго обычая охраны военачальника, тысячи благороднѣйшихъ Испанцевъ поклялись оставаться вѣрными своему римскому полководцу до смерти, и Серторій нашелъ въ нихъ болѣе надежныхъ боевыхъ товарищей, чѣмъ среди своихъ соотечественниковъ и членовъ своей партіи. Онъ не пренебрегалъ также эксплоатаціей суевѣрія болѣе грубыхъ испанскихъ племенъ и выдавалъ свои воинственные планы за повелѣнія Діаны, доставляемыя ему при посредствѣ бѣлой лани этой богини. Правленіе его было вполнѣ справедливое и мягкое. Войска его, по крайней мѣрѣ всюду, куда только простиралась его рука и его взоръ, должны были соблюдать строжайшую дисциплину; насколько мягокъ онъ вообще былъ въ наказаніяхъ, настолько же неумолимъ оказывался онъ при каждомъ преступленіи, совершенномъ его солдатами въ дружественной странѣ. Но и о прочномъ облегченіи положенія провинціаловъ подумалъ онъ: онъ уменьшилъ дань и приказалъ солдатамъ строить себѣ на зиму бараки, вслѣдствіе чего жители были избавлены отъ невыносимой тягости постоя; вмѣстѣ съ тѣмъ изсякъ и источникъ несказанныхъ злоупотребленій и мученій. Для дѣтей знатныхъ Испанцевъ была учреждена въ Оскѣ (Huesca) академія, гдѣ они получали обычное въ Римѣ высшее образованіе для юношества, научались говорить по латыни и по гречески и носить тогу. Это было необычайное мѣропріятіе, отнюдь не имѣвшее единственною цѣлью взять съ союзниковъ, въ наиболѣе деликатной формѣ, необходимыхъ въ Испаніи заложниковъ, а являвшееся прежде всего продолженіемъ и усиленіемъ великой мысли Гая Гракха и демократической партіи о необходимости постепеннаго романизированія провинцій. Это была первая попытка достигнуть этой цѣли не путемъ истребленія старинныхъ обитателей страны и замѣны ихъ италійскими выходцами, а путемъ латинизированія самихъ провинціаловъ. Римскіе оптиматы подсмѣивались надъ жалкимъ эмигрантомъ, бѣглецомъ изъ италійской арміи, послѣднимъ остаткомъ разбойничьей шайки Карбона, но жалкое глумленіе это обращалось противъ нихъ же самихъ. Въ полчищахъ, выведенныхъ противъ Серторія, насчитывали, включая въ это число и испанскую милицію, 120,000 пѣхотинцевъ, 2000 стрѣлковъ изъ лука и метателей копій и 6000 всадниковъ. Противъ этого гро-

маднаго превосходства силъ Серторій не только устоялъ въ цѣломъ рядѣ удачныхъ сраженій и побѣдъ, но и подчинилъ себѣ даже большую часть Испаніи. Въ западной области Метеллъ долженъ былъ ограничиваться тѣми полосами земли, которыя были непосредственно заняты его войсками; всѣ же народности, которымъ это только было возможно, были здѣсь на сторонѣ Серторія. По сю сторону горъ не было уже болѣе римскаго войска послѣ побѣдъ Гиртулея. Эмиссары Серторія искрещивали всю галльскую область; и здѣсь уже начали волноваться племена, и собравшіяся шайки дѣлали небезопасными альпійскіе проходы. Наконецъ само море настолько же принадлежало инсургентамъ, насколько и законному правительству, такъ какъ союзники первыхъ, корсары, были почти столь же могущественны въ испанскихъ водахъ, какъ и римскія военныя суда. Серторій устроилъ корсарамъ укрѣпленную стоянку близъ мыса Діаны (противъ Ивисы, между Валенсіею и Картагеной), гдѣ они частью подстерегали римскіе корабли, подвозившіе все необходимое римскимъ приморскимъ городамъ и войску, частью скупали или доставляли инсургентамъ товары, частью были посредниками ихъ сношеній съ Италіею и Малою Азіею. Эти готовые посредники повсюду разносили искры съ пылающаго пожарища; то было въ высшей степени тревожное явленіе, въ особенности въ такое время, когда въ римскихъ владѣніяхъ всюду накопилось столько горючаго матеріала.

Смерть Суллы и ея послѣдствія.

При такихъ обстоятельствахъ случилась внезапная смерть Суллы (676 г.). Пока жилъ этотъ человѣкъ, по чьему голосу опытное и надежное войско ветерановъ готово было ежеминутно возстать, олигархія могла, пожалуй, переносить какъ преходящія неудачи, почти окончательный захватъ эмигрантами испанскихъ провинцій и избраніе на должность высшаго сановника въ государствѣ вождя мѣстной оппозиціи; по своей близорукости, хотя, впрочемъ, несовсѣмъ безъ основанія, она могла также надѣяться, что оппозиція или не осмѣлится выступить на открытую борьбу, или же, въ случаѣ, еслибъ она оказалась достаточно отважною, что человѣкъ, уже дважды спасшій олигархію, возстановитъ ее и въ третій разъ. Теперь положеніе дѣлъ было иное. Пылкіе столичные демократы, давно уже нетерпѣливо переносившіе безконечную медлительность и разжигаемые блестящими извѣстіями изъ Испаніи, требовали начала дѣйствій, и Лепидъ, отъ котораго временно зависѣло рѣшеніе, согласился на это со всѣмъ рвеніемъ ренегата и свойственнымъ лично ему легкомысліемъ. Одну минуту казалось, что факелъ, которымъ зажженъ былъ костеръ регента, воспламенитъ и междоусобную войну; однако, вліяніе Помпея и настроеніе ветерановъ Суллы понудили оппозицію дать спокойно совершиться похоронной церемоніи правителя. За то, тѣмъ

Возстаніе Лепида.

открытѣе начались послѣ того приготовленія къ началу революціи. Ежедневно столичная площадь оглашалась обвиненіями противъ «кар-

рикатурнаго Ромула» и его клевретовъ. Ниспроверженіе конституціи Суллы, возобновленіе раздачи ржи, возстановленіе народныхъ трибуновъ въ прежней должности, призывъ всѣхъ противозаконно изгнанныхъ, возвращеніе имъ конфискованныхъ земель—все это открыто выдавалось Лепидомъ и его приверженцами за цѣль ихъ стремленій, едва властитель успѣлъ смежить очи. Съ изгнанниками были завязаны сношенія; Маркъ Перпенна, бывшій намѣстникомъ Сициліи при Циннѣ, находился въ это время въ столицѣ. Сыновья лицъ, считавшихся государственными измѣнниками при Суллѣ, на которыхъ законы реставраціи тяготѣли невыносимымъ гнетомъ, и вообще всѣ болѣе выдающіеся приверженцы Марія были приглашены къ участію въ движеніи; не малое число изъ нихъ, какъ напримѣръ молодой Люцій Цинна, присоединились къ оппозиціи; другіе, правда, послѣдовали примѣру Гая Цезаря, возвратившагося изъ Азіи по полученіи имъ извѣстія о смерти Суллы и планахъ Лепида, но осторожно удалившагося послѣ того, какъ онъ ознакомился съ характеромъ вождя и всего движенія. Въ столицѣ происходили кутежи и вербовка на счетъ Лепида въ винныхъ погребахъ и публичныхъ домахъ. Наконецъ, и среди недовольныхъ Этрусковъ замышлялся заговоръ противъ новаго порядка вещей *). — Все это совершалось на глазахъ правительства. Консулъ Катулъ и разумнѣйшіе изъ оптиматовъ энергично настаивали на немедленномъ вмѣшательствѣ и подавленіи возстанія въ зародышѣ, но безсильное большинство не могло рѣшиться начать борьбу, а старалось, напротивъ, какъ можно долѣе обманывать само себя цѣлою системою переговоровъ и компромиссовъ. Лепидъ вскорѣ тоже согласился съ этимъ. Но съ неменьшей силой, чѣмъ его товарищъ Катулъ, отвергъ онъ предложеніе возвратить отнятыя у народныхъ трибуновъ права. Напротивъ, раздача ржи, введенная Гракхомъ, была возстановлена въ ограниченныхъ размѣрахъ. Кажется, что на основаніи ихъ, въ противоположность закону Семпронія, не всѣ, а только опредѣленное число бѣднѣйшихъ гражданъ—вѣроятно, 40000—получали прежнее количество ржи, опредѣленное Гракхомъ, именно пять шеффелей въ мѣсяцъ за $6^1/_3$ ассовъ ($2^3/_4$ гроша),—постановленіе, вслѣдствіе котораго государственная казна понесла чистый ежегодный убытокъ, по крайней мѣрѣ, въ 300,000 талеровъ **).

---

*) Разсказъ этотъ основанъ, главнѣйшимъ образомъ, на свидѣтельствѣ Лициніева закона, которое, какъ ни отрывочно оно именно въ этомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе сообщаетъ важныя свѣдѣнія о возстаніи Лепида.

**) Подъ 676 годомъ у Лицинія сказано (стр. 23, изд. Пертца, стр. 42 бонн. изд.): (Lepidus) [le]gem frumentari[am] nullo resistente l[argi]tus est, ut annon[ae] quinque modi popu[lo da] rentur. На этомъ основаніи законъ консуловъ 681 года, Марка Теренція Лукулла и Гая Кассія Вара, о которомъ упоминаетъ Цицеронъ (in Verr., 3, 70, 136. 5, 21, 52) и на который ссылается и Саллю-

Оппозиція, конечно, столь же мало удовлетворенная этой полу-уступчивостью, сколько окончательно ободренная ею, возстала въ столицѣ тѣмъ рѣзче и насильственнѣе; въ Этруріи, настоящемъ очагѣ всѣхъ возстаній италійскихъ пролетаріевъ, уже вспыхивала междоусобная война; подвергшіеся экспропріаціи Фезуланцы возвращали себѣ свое имущество съ оружіемъ въ рукахъ, и многіе изъ поселенныхъ тамъ Суллою ветерановъ погибли во время возстанія. По полученіи этого извѣстія, сенатъ рѣшился послать туда обоихъ консуловъ, чтобы вербовать войско и подавить возстаніе. Трудно было-бы поступить болѣе необдуманно *). Сенатъ востановленіемъ хлѣбнаго закона обнаружилъ передъ лицемъ инсургентовъ свою слабохарактерность и свои опасенія; чтобъ избавиться отъ уличнаго шума, онъ давалъ завѣдомому вождю возстанія войско, и если оба консула обязывались самою торжественною клятвою, какую только можно было измыслить, не обращать ввѣреннаго имъ оружія другъ противъ друга, то,

---

стіи (hist. 3, 61, 19, изд. Dietsch), не возстановилъ продажу пяти шеффелей, а только обезпечилъ раздачу ржи и, быть можетъ, измѣнилъ многое въ частностяхъ, регулировавъ закупку хлѣба въ Сициліи. Что законъ Семпронія дозволялъ каждому, осѣдлому въ Римѣ, гражданину пользоваться раздачею хлѣба — несомнѣнно; но впослѣдствіи отъ этого, вѣроятно, отступили; такъ какъ римское гражданство располагало ежемѣсячно немного болѣе чѣмъ 33,000 медимнами ржи—198,000 римскихъ шеффелей (Cic., Verr., 3, 30, 72),—то только около 40,000 гражданъ получало въ то время хлѣбъ, между тѣмъ какъ число осѣдлыхъ въ столицѣ гражданъ навѣрное было гораздо значительнѣе. Эта важная перемѣна возникла, вѣроятно, вслѣдствіе закона Октавія, который ввелъ вмѣсто преувеличенной семпроніевой умѣренную, сносную для государства и необходимую для простого народа раздачу (Cic., de off., 2, 21, 72; Brut., 62, 222), и, вѣроятно, въ ней и нужно видѣть упоминаемую Лициніемъ lex frumentaria. Рѣшимость Лепида пойти на такое соглашеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ его политикѣ по вопросу о возстановленіи трибуната. Демократія и этимъ отнюдь не была довольна (Sallust., loco cit.). Сумма убытка опредѣляется тѣмъ, что рожь имѣла почти двойную цѣнность; убытокъ долженъ былъ еще значительно возрости, еслибъ корсары или другія причины подняли цѣны на хлѣбъ.

*) Изъ отрывковъ лициніева показанія (стр. 44, бонн. изд.) явствуетъ и то, что постановленіе сената: „uti Lepidus et Catulus decretis exercitibus maturrume proficiscerentur (Sallust., hist., 1, 14, изд. Dietsch)—слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ высылки консуловъ до истеченія срока службы въ ихъ проконсульскія области, къ чему не было вообще ни малѣйшаго повода, а въ смыслѣ командировки ихъ въ Этрурію противъ возставшихъ Фезуланцевъ, совершенно такъ, какъ во время катилиновой войны былъ отправленъ туда же консулъ Гай Антоній. Если Филиппъ говоритъ у Саллюстія (hist., 1, 84, 4), что Лепидъ ob seditionem provinciam cum exercitu adeptus est, то это согласуется съ сказаннымъ, такъ какъ экстраординарная власть, предоставленная въ Этруріи, была настолько же provincia, какъ и обычное проконсульское правленіе въ нарбоннской Галліи.

поистинѣ, нужна была демоническая закоснѣлость совѣсти олигарховъ, чтобы воздвигнуть подобный оплотъ противъ грозившаго мятежа. Понятно, что Лепидъ вооружился въ Этруріи не ради сената, а въ пользу мятежниковъ, насмѣшливо заявляя, что данная присяга связываетъ его только на текущій годъ. Сенатъ пустилъ въ ходъ оракуловъ, чтобы понудить его къ возвращенію, и поручилъ ему руководство предстоящими консульскими выборами; но Лепидъ уклонился отъ этого, и въ то время, какъ гонцы ѣздили взадъ и впередъ изъ-за этого дѣла, и должностной годъ приближался къ концу среди переговоровъ о соглашеніи, отрядъ его выросъ въ цѣлое войско. Когда, наконецъ, въ началѣ слѣдующаго года (677) Лепидъ получилъ отъ сената рѣшительный приказъ немедленно вернуться, проконсулъ дерзко отказался повиноваться и въ свою очередь требовалъ возстановленія прежней власти трибуновъ и возвращенія насильственно изгнаннымъ ихъ гражданскихъ правъ и имущества; кромѣ того еще лично для себя онъ требовалъ вторичнаго избранія въ консулы на текущій годъ, т. е., желалъ узаконенія тиранніи. Это повело къ объявленію войны. Кромѣ сулловыхъ ветерановъ, чьимъ гражданскимъ правамъ угрожалъ Лепидъ, партія сената могла разсчитывать еще на войско, созванное проконсуломъ Катуломъ; по настоятельнымъ увѣщаніямъ наиболѣе прозорливыхъ людей и въ особенности Филиппа, защита города и отраженіе стоявшихъ въ Этруріи главныхъ силъ демократической партіи была вслѣдствіе этого передана сенатомъ Катулу, и одновременно съ этимъ высланъ Гней Помпей съ другимъ отрядомъ, и ему поручено отнять у его бывшаго фаворита долину По, занятую подчиненнымъ ему полководцемъ Маркомъ Брутомъ. Въ то время какъ Помпей быстро исполнялъ данное ему порученіе и тѣсно обложилъ непріятельскаго военачальника въ Мутинѣ, Лепидъ появился передъ столицею, намѣреваясь, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Марій, насильственно завладѣть ею во имя революціи. Правый берегъ Тибра совершенно подпалъ его власти, и онъ могъ даже перейти рѣку; на Марсовомъ полѣ, подъ самыми стѣнами города, было дано рѣшительное сраженіе. Однако, побѣда осталась за Катуломъ. Лепидъ долженъ былъ отступить въ Этрурію, между тѣмъ, какъ другой отрядъ, предводительствуемый сыномъ Лепида, Сципіономъ, бросился въ крѣпость Альбу. Этимъ въ главныхъ чертахъ окончилось возстаніе. Мутина сдалась Помпею; Брутъ несмотря на гарантированный ему свободный пропускъ, былъ впослѣдствіи умерщвленъ по приказанію Помпея. Послѣ долгой осады и Альба была покорена голодомъ, и предводитель ея также казненъ. Лепидъ, тѣснимый съ двухъ сторонъ—Катуломъ и Помпеемъ, вступилъ еще разъ въ бой близъ этрусскаго берега, чтобы только сдѣлать себѣ возможнымъ отступленіе, и отплылъ изъ гавани Козы въ Сардинію, откуда онъ надѣялся отрѣзать у столицы подвозъ припасовъ и

Начало войны.

вступить въ сношенія съ испанскими инсургентами. Но намѣстникъ острова далъ ему энергическій отпоръ, и самъ онъ, вскорѣ послѣ своей высадки, умеръ отъ чахотки (въ 677 году), чѣмъ и окончилась война въ Сардиніи; часть его солдатъ разбѣжалась; съ отборными силами инсуррекціоннаго войска и хорошо набитой казною отправился потомъ въ Лигурію, а оттуда въ Испанію къ Серторіанцамъ бывшій преторъ, Маркъ Перпенна.

Смерть Лепида.

Итакъ, олигархія восторжествовала надъ Лепидомъ; за то, вслѣдствіе опаснаго оборота, принятаго серторіанскою войною, она увидѣла себя вынужденною дѣлать уступки, которыя нарушили суллову конституцію, и по буквѣ ея, и по духу. Необходимо было по меньшей мѣрѣ послать сильное войско и способнаго полководца въ Испанію; Помпей ясно показывалъ, что онъ желаетъ или вѣрнѣе требуетъ этого порученія для себя. Требованіе это было уже черезчуръ велико. Довольно было того, что, подъ давленіемъ лепидовой революціи, этому тайному врагу снова дали завладѣть чрезвычайною властью; еще гораздо опаснѣе было бы, устранивъ всѣ введенные Суллою уставы чиновничьей іерархіи, поручить человѣку, еще не занимавшему никакой гражданской должности, одно изъ важнѣйшихъ провинціальныхъ намѣстничествъ, и къ тому-же при такихъ условіяхъ, когда соблюденіе законнаго годичнаго срока было немыслимо. Такимъ образомъ олигархія, даже оставивъ въ сторонѣ уваженіе должное ея полководцу, Метеллу, имѣла всѣ причины серьозно противиться этой новой попыткѣ честолюбиваго юноши увѣковѣчить свое исключительное положеніе; но сдѣлать это было не легко. Прежде всего, у нея положительно не было человѣка, годнаго для трудной роли испанскаго полководца. Ни одинъ изъ консуловъ текущаго года не обнаруживалъ желанія помѣряться съ Серторіемъ, и пришлось согласиться съ словами, сказанными Люціемъ Филиппомъ въ полномъ собраніи совѣта, что изъ всѣхъ наличныхъ сенаторовъ ни одинъ не способенъ или же не согласенъ начальствовать надъ войскомъ въ серьозной войнѣ. Быть можетъ, на это и не обратили бы вниманія и, по привычкѣ олигарховъ, за неимѣніемъ способнаго кандидата замѣстили бы эту должность первымъ встрѣчнымъ, еслибъ Помпей только заявилъ желаніе получить начальство, а не требовать его себѣ, стоя во главѣ цѣлой арміи. Онъ уже не обратилъ вниманія на увѣщанія Катула распустить войско; сомнительно было, чтобы совѣты сената встрѣтили лучшій пріемъ, а послѣдствія разрыва были неисчислимы—дѣло аристократіи могло легко погибнуть, если на вѣсы былъ бы положенъ мечъ извѣстнаго полководца. Вслѣдствіе этого, большинство рѣшилось на уступчивость. Не изъ рукъ народа,— согласіе котораго слѣдовало спросить на основаніи конституціи, лишь только дѣло шло о врученіи высшей должностной власти частному лицу,—а отъ имени сената получилъ Помпей

Помпей захватываетъ въ свои руки власть въ Испаніи.

проконсульскую власть и главное начальство въ восточной Испаніи, и черезъ сорокъ дней послѣ полученія ея, лѣтомъ 677 года, онъ перешелъ черезъ Альпы.

Помпей въ Галліи.

Прежде всего новый полководецъ нашелъ себѣ дѣло въ странѣ Кельтовъ, гдѣ еще не вспыхнуло, правда, настоящее возстаніе, но уже во многихъ мѣстахъ было серьозно нарушено спокойствіе, вслѣдствіе чего Помпей лишилъ самостоятельности кантоны Вольковъ-Арекомиковъ и Гельвійцевъ и подчинилъ ихъ Массаліи. Имъ же было устроено кратчайшее сообщеніе между долиною По и страною Кельтовъ, благодаря проложенію новой альпійской дороги чрезъ коттскую гору (Mont Genèvre). За этой работою прошло все хорошее время года; лишь позднею осенью перешелъ Помпей Пиренеи. — Серторій тѣмъ временемъ не оставался празднымъ. Онъ отрядилъ Гиртулея въ западную часть Испаніи, чтобы сдерживать Метелла, а самъ старался добиться по сю сторону горъ окончательной побѣды и приготовиться къ пріему Помпея. Отдѣльные кельтійско-иберійскіе города, еще державшіеся здѣсь Рима, были аттакованы имъ и покорены одинъ за другимъ; подъ конецъ, уже къ половинѣ зимы, пала сильная Контребія (къ югу-востоку отъ Сарагоссы). Тщетно отряжали тѣснимые города посла за посломъ къ Помпею; никакія просьбы не могли вывести его изъ привычной ему колеи медленнаго наступленія. За исключеніемъ приморскихъ городовъ, защищаемыхъ римскимъ флотомъ, и округовъ Индигетовъ и Лалетановъ въ сѣверо-восточномъ углу Испаніи, гдѣ Помпей, перейдя наконецъ Пиренеи, укрѣпился и расположился на зиму бивакомъ, для того чтобы пріучить къ всевозможнымъ трудностямъ свое невышколенное еще войско, — вся восточная Испанія очутилась въ зависимости отъ Серторія на основаніи договоровъ или вслѣдствіе насилія, и вся страна, лежавшая вдоль верхняго и средняго Эбро, оставалась съ той поры надежнѣйшей опорой его могущества. Даже самыя опасенія, внушаемыя войску инсургентовъ прославленнымъ именемъ полководца и его новою арміею, имѣли для нихъ благодѣтельныя послѣдствія. Маркъ Перпенна, который былъ до той поры равнымъ Серторію по чину и заявлялъ притязанія на самостоятельное командованіе войскомъ, приведеннымъ имъ изъ Лигуріи, по первому извѣстію о прибытіи Помпея въ Испанію былъ вынужденъ своими собственными солдатами стать подъ начальство болѣе способнаго своего товарища.

Помпей въ Испаніи.

Для похода 678 года Серторій снова употребилъ противъ Метелла корпусъ Гиртулея, въ то время, какъ Перпенна выстроился съ сильнымъ войскомъ близъ нижняго теченія Эбро, чтобы препятствовать переправѣ Помпея черезъ эту рѣку, въ случаѣ, еслибъ онъ, какъ можно было ожидать, двинулся по направленію къ югу вдоль берега, желая подать помощь Метеллу и обезпечить продовольствіе своего войска. Для поддержки Перпенны былъ назначенъ кор-

пусъ Гая Гереннія; далѣе внутрь страны, близъ верхняго Эбро, Серторій завершилъ лично покореніе нѣкоторыхъ симпатизировавшихъ Римлянамъ округовъ, и въ тоже время держался наготовѣ, чтобы поспѣшить, смотря по обстоятельствамъ, на помощь къ Перпеннѣ или Гиртулею. И теперь всѣ намѣренія его устремлялись къ тому, какъ бы избѣжать генеральнаго сраженія, изнурить врага мелкими стычками и лишить его подвоза припасовъ. Однако, Помпей не только прорвался мимо Перпенны черезъ Эбро, но даже разбилъ при Валенціи (Valencia) Гереннія на голову и овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ. Пора было Серторію самому появиться и парализовать преимущество превосходной выправки войскъ своего противника численнымъ превосходствомъ своей арміи и своей собственной геніальностью. Борьба долгое время сосредоточивалась вокругъ города Лавро (на Хукарѣ, къ югу отъ Валенсіи), высказавшагося за Помпея и поэтому осаждаемаго Серторіемъ. Помпей напрягалъ всѣ силы, чтобы снять осаду, но послѣ того, какъ многіе изъ его отрядовъ были поодиночкѣ настигнуты и истреблены, этотъ великій полководецъ — въ ту самую минуту, когда онъ думалъ, что ему удалось окружить Серторіанцевъ и когда онъ пригласилъ осажденныхъ полюбоваться, какъ будетъ взята въ плѣнъ блокировавшая ихъ армія—внезапно увидалъ совершенно разстроенными всѣ свои стратегическіе планы и, чтобы не быть самому окруженнымъ, долженъ былъ самъ взирать изъ своего лагеря на занятіе и сожженіе до тла союзнаго ему города и на увозъ жителей въ Лузитанію. Это событіе побудило цѣлый рядъ начавшихъ было колебаться городовъ средней и южной Испаніи снова примкнуть къ Серторію. Тѣмъ временемъ Метеллъ боролся счастливѣе. **Побѣды Метелла.** Въ сильной стычкѣ близъ Италики (недалеко отъ Севильи), на которую неосторожно отважился Гиртулей, при чемъ оба полководца сразились лично и Гиртулей былъ даже раненъ, Метеллъ разбилъ его, принудилъ очистить собственно римскую область и броситься въ Лузитанію. Побѣда эта дала Метеллу возможность двинуться въ слѣдующій походъ (679) въ восточную Испанію, для того чтобы въ окрестностяхъ Валенціи соединиться съ Помпеемъ и сообща съ нимъ предложить главной арміи непріятеля сраженіе. Гиртулей пересѣкъ, правда, ему дорогу близъ Сеговіи съ наскоро собраннымъ войскомъ, но былъ не только разбитъ, но даже погибъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ.— Это была потеря, незамѣнимая для Серторіанцевъ. Помѣшать послѣ того соединенію двухъ римскихъ полководцевъ было невозможно; но въ то время, какъ Метеллъ двинулся къ Валенціи, Помпей предложилъ сперва сраженіе непріятельскому главному войску, для того чтобы загладить ошибку, сдѣланную имъ подъ Лаврою, и по возможности покрыть себя одного славою побѣды. Съ радостью воспользовался Серторій случаемъ сразиться съ Помпеемъ до прибытія Метелла, прежде, чѣмъ успѣла разнестись молва о смерти Гиртулея. Войска

Сраженіе при Сукрѣ. встрѣтились близъ рѣки Сукры (Xucar); послѣ жаркой битвы Помпей былъ разбитъ на правомъ флангѣ и унесенъ съ поля сраженія тяжело раненымъ. На лѣвомъ флангѣ, правда, побѣдилъ Афраній и завладѣлъ лагеремъ Серторіанцевъ, но, застигнутый Серторіемъ во время разграбленія лагеря, также былъ принужденъ отступить. Еслибъ Серторій имѣлъ возможность возобновить сраженіе на слѣдующій день, войско Помпея было бы, быть можетъ, уничтожено. Но тѣмъ временемъ подоспѣлъ Метеллъ, опрокинулъ выставленный противъ него корпусъ Перпенны и завладѣлъ его лагеремъ; невозможно было возобновить сраженіе противъ двухъ соединенныхъ войскъ. Сліяніе двухъ непріятельскихъ силъ, увѣренность въ истребленіи войска Гиртулея, скрывать которую болѣе было невозможно, внезапная остановка послѣ побѣды—все это распространило страхъ между Серторіанцами и, какъ нерѣдко бывало въ испанскихъ войскахъ, большинство серторіевыхъ солдатъ разбѣжалось вслѣдствіе этого поворота въ дѣлахъ. Но упадокъ духа прошелъ такъ-же быстро, какъ и проявился; бѣлая лань, служившая для массы какъ-бы представительницей военныхъ плановъ полководца, вскорѣ опять сдѣлалась популярнѣе, чѣмъ когда либо; вскорѣ Серторій выступилъ съ новой арміею противъ Римлянъ въ мѣстности, лежавшей къ югу отъ Сагунта (Мурвіедро) и крѣпко державшейся Рима, въ то время, какъ серторіанскіе каперы затрудняли Римлянамъ подвозъ съ моря, и въ римскомъ станѣ уже начали ощущаться лишенія. Опять дошло дѣло до битвы въ равнинахъ рѣки Туріи (Гвадалавіаръ), и бой долгое время колебался. Помпей съ своей конницей былъ разбитъ Серторіемъ, а зять его и квесторъ, храбрый Люцій Меммій, былъ убитъ; за то Метеллъ одолѣлъ Перпенну и побѣдоносно отразилъ направленное противъ него нападеніе непріятельской главной арміи, причемъ получилъ рану въ рукопашной схваткѣ. Снова разсѣялось послѣ того войско Серторія. Валенція, занятая Гаемъ Геренніемъ для Серторія, была взята и срыта. Римляне могли одну минуту надѣяться, что покончили съ стойкимъ противникомъ. Серторіанская армія исчезла, римскіе отряды, далеко углубившись внутрь страны, осаждали самого полководца въ крѣпости Клуніи, близъ верхняго Дуэро. Но въ то время, какъ они тщетно окружали эту скалистую крѣпость, всюду собирались контингенты возставшихъ общинъ. Серторій бѣжалъ изъ крѣпости и снова стоялъ во главѣ своего войска, принявъ санъ полководца, когда истекъ знаменательный 679 годъ.

Успѣхи Римлянъ. Тѣмъ не менѣе въ Римѣ могли быть довольны результатами этого похода. Вслѣдствіе истребленія войскъ Гиртулея и битвъ при Хукарѣ и Гвадалавіарѣ, вся южная и средняя Испанія была избавлена отъ врага и прочно обезпечена занятіемъ Метелломъ кельто-иберійскихъ городовъ Сегобрига (между Толедою и Куэнкою) и Бильбилиса (близъ Калатахуда). Борьба сосредоточилась съ той поры близъ верхняго

и средняго Эбро, вокругъ главныхъ военныхъ пунктовъ серторіанцевъ, Калагурриса, Оски, Илерды и на берегу моря вокругъ Таррака. Хотя оба полководца сражались храбро, тѣмъ не менѣе Римляне были обязаны добытыми результатами, главнымъ образомъ, не Помпею, а Метеллу.

Хотя уже не мало было достигнуто, Римляне все таки далеко еще не были у цѣли, и снова должны были расположиться на зимнихъ квартирахъ, съ безотрадной перспективой неизбѣжнаго возобновленія сизифовой работы. Избрать себѣ мѣсто для зимней стоянки было невозможно въ страшно-опустошенной и друзьями и недругами долинѣ нижняго Эбро; Помпей провелъ зиму во владѣніяхъ Ваккейцевъ (вокругъ Вальядолида), а Метеллъ даже въ Галліи. Подкрѣпленные двумя свѣжими легіонами, присланными изъ Италіи, оба полководца возобновили свои дѣйствія весною 680 года. Сраженій собственно уже болѣе не было; Серторій исключительно ограничивался осадною и партизанскою войною. Метеллъ покорилъ въ Южной Испаніи мѣстности, еще стоявшія за Серторія, и, чтобы вырвать съ корнемъ инсуррекціонныя стремленія, всюду уводилъ съ собою все мужское населеніе. Тяжело было положеніе Помпея въ долинѣ Эбро. Палланція (Паленсія, нѣсколько выше Вальядолида), которую онъ осаждалъ, была освобождена Серторіемъ; передъ Калагуррисомъ (Калагорра на верхнемъ Эбро) онъ былъ разбитъ Серторіемъ и принужденъ покинуть область, хотя Метеллъ и соединился съ нимъ для осады этого города. Война продолжалась въ этомъ же родѣ и въ 681 году, послѣ того какъ Метеллъ прозимовалъ въ своей провинціи, а Помпей въ Галліи; однако, въ этомъ году Помпей добился болѣе прочныхъ результатовъ и понудилъ значительное число общинъ отдѣлиться отъ возстанія.

Походы 680 и 681 годовъ.

Уже восемь лѣтъ длилась серторіева война, и ни съ той, ни съ другой стороны не предвидѣлось еще конца. Государство страдало отъ этого невыразимо. Цвѣтъ италійскаго юношества гибнулъ среди изнурительныхъ тревогъ испанской войны. Общественныя кассы не только были лишены испанскихъ доходовъ, но должны были даже посылать ежегодно въ Испанію, на содержаніе и жалованье испанскаго войска, весьма значительныя суммы, которыхъ почти не откуда было взять. Само собою разумѣется, что при войнѣ, веденной съ такимъ ожесточеніемъ и часто приводившей къ истребленію цѣлыхъ общинъ, Испанія пустѣла и бѣднѣла, и что роскошно распускавшейся тамъ римской цивилизаціи наносился тяжкій ударъ. Даже городамъ, державшимъ сторону господствовавшей въ Римѣ партіи, приходилось претерпѣвать несказанныя бѣдствія; тѣ, что̀ лежали на берегу, должны были получать все необходимое при помощи римскаго флота, а положеніе вѣрныхъ Риму общинъ, находившихся внутри страны, было почти отчаянное. Едва-ли менѣе страдала и галльская про-

винція, частью отъ наборовъ въ конницу и въ пѣхоту, отъ реквизицій денегъ и хлѣба, частью же отъ невыносимой тягости зимняго постоя, который, вслѣдствіе неурожая 680 года, сдѣлался почти нестерпимымъ; почти всѣ общинныя кассы должны были прибѣгать къ помощи римскихъ банкировъ и навязывать себѣ тяжелые долги. И полководцы и солдаты вели войну съ отвращеніемъ. Полководцы наткнулись на противника, значительно превосходившаго ихъ талантомъ, на скучное и упорное сопротивленіе, затянулись въ войну, сопровождаемую весьма серьозными опасностями и тяжело добываемыми, недостаточно эффектными результатами; носился слухъ, что Помпей добивался своего отозванія изъ Испаніи и назначенія на болѣе желанный имъ постъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Солдаты также весьма мало увлекались войною, гдѣ имъ не только ничего не доставалось кромѣ тяжкихъ ударовъ и незначительной добычи, но гдѣ даже жалованье выплачивалось имъ весьма неправильно; зимою $680/_1$ года Помпей извѣщалъ сенатъ, что жалованье не выплачивается уже два года и что войску грозитъ распаденіе, если сенатъ не поможетъ горю,—послѣ чего и прибыли нужныя суммы. Римское правительство, дѣйствительно, могло бы отвратить значительную часть этихъ бѣдствій, еслибы оно могло принудить себя вести войну менѣе вяло или, вѣрнѣе сказать, съ бо́льшимъ запасомъ доброй воли. Но въ наиболѣе важномъ ущербѣ для римскаго дѣла, именно въ томъ, что такая замѣчательно даровитая личность, какъ Серторій, могла изъ года въ годъ вести малую войну, вопреки численному превосходству, на почвѣ, столь пригодной для возстанія и корсарства,—въ этомъ не были виноваты ни сенатъ, ни полководцы. Трудно было здѣсь предвидѣть развязку; напротивъ того, казалось, что возстаніе Серторія сольется съ другими, одновременными съ нимъ движеніями, и этимъ увеличится степень его опасности. Какъ разъ въ это время происходила на всѣхъ моряхъ борьба съ разбойничьими флотами, въ Македоніи—съ народностями нижняго Дуная, въ Италіи—съ возставшими рабами, въ Малой Азіи—снова съ царемъ Митридатомъ. Нельзя достовѣрно утверждать, что Серторій завязалъ сношенія съ италійскими и македонскими врагами Рима, хотя онъ постоянно сносился съ приверженцами Марія въ Италіи; съ пиратами же, напротивъ того, онъ уже раньше вступилъ въ открытый союзъ, а съ понтійскимъ царемъ, съ которымъ онъ уже давно находился въ соглашеніи, благодаря посредничеству жившихъ при понтійскомъ дворѣ римскихъ эмигрантовъ, онъ заключилъ теперь формальный трактатъ, въ силу котораго Серторій уступалъ царю малоазіатскія подручныя государства, но не римскую провинцію Азію, и сверхъ того обѣщалъ прислать ему отрядъ солдатъ и военачальника, годящагося въ вожди его войска; царь же, въ свою очередь, посулилъ ему прислать сорокъ кораблей

и три тысячи талантовъ ($4^1/_2$ милліона талеровъ). Уже мудрые столичные политики припоминали то время, когда Италіи грозили съ востока и запада Филиппъ и Аннибалъ; новый Аннибалъ, говорили они, легко можетъ, преодолѣвъ, по примѣру своего предшественника, Италію собственными силами, прибыть снова, подражая ему же, въ Италію съ военными силами испанскими и притомъ явиться гораздо раньше Серторія, для того чтобы (какъ это сдѣлалъ нѣкогда и Финикіецъ) призвать къ оружію противъ Рима Этрусковъ и Самнитянъ.

Распаденіе силъ Серторія.

Сравненіе это, однако, было болѣе остроумно, чѣмъ точно. Серторій далеко не былъ достаточно силенъ, для того чтобы возобновить гигантское предпріятіе Аннибала; онъ погибъ бы немедленно, еслибъ покинулъ Испанію, отъ мѣстныхъ національныхъ особенностей которой зависѣли всѣ его успѣхи; даже здѣсь онъ вынужденъ былъ отказываться все болѣе и болѣе отъ наступательныхъ дѣйствій. Его изумительныя военачальническія дарованія не могли измѣнить свойствъ его войска; испанская милиція оставалась тѣмъ, чѣмъ была и прежде, ненадежною, какъ волна и вѣтеръ, то представляя массу въ 15,000 головъ, то превращаясь въ горсть людей; въ равной степени и римскіе эмигранты оставались непокорными, заносчивыми и упрямыми. Тѣ роды войскъ, которые требовали болѣе продолжительнаго совмѣстнаго пребыванія отдѣльныхъ корпусовъ, какъ напримѣръ, конница, составляли весьма незначительную часть его арміи. Во время войны постепенно гибли способнѣйшіе изъ офицеровъ и опытнѣйшіе изъ ветерановъ, и надежнѣйшія общины, утомленныя вознею съ Римлянами и дурнымъ обращеніемъ серторіевыхъ офицеровъ, начали обнаруживать признаки нетерпѣнія и колеблющейся преданности. Замѣчательно, что Серторій, и въ этомъ уподобляясь Аннибалу, никогда не заблуждался относительно безнадежности своего положенія; онъ не пропускалъ случая добиться соглашенія и былъ ежеминутно готовъ промѣнять свой военачальническій жезлъ на обѣщаніе мирнаго житья на родинѣ. Но политическое правовѣріе ничего не вѣдаетъ о соглашеніи и примиреніи. Серторій не смѣлъ идти ни назадъ, ни въ сторону; онъ неизбѣжно долженъ былъ устремляться далѣе по избранному имъ разъ пути, какъ-бы узокъ и опасенъ онъ ни становился. Какъ у Аннибала, и его военные успѣхи становились по необходимости все незначительнѣе; уже начинали подвергать сомнѣнію его военныя дарованія: онъ уже болѣе не тотъ, говорили про него; онъ проводитъ дни въ пирахъ и за кубкомъ и растрачиваетъ деньги и время. Число дезертировъ и отлагавшихся общинъ все увеличивалось. Вскорѣ до полководца стали доходить свѣдѣнія о замыслахъ римскихъ эмигрантовъ противъ его жизни; слухи эти звучали довольно правдоподобно, тѣмъ болѣе, что столько офицеровъ инсуррекціоннаго войска, и въ особенности Перпенна, подчиня-

лись неохотно главному начальству Серторія, и что римскіе намѣстники уже давно посулили убійцѣ непріятельскаго главнокомандующаго амнистію и крупную денежную награду. Вслѣдствіе этихъ слуховъ Серторій удалилъ изъ своей стражи римскихъ солдатъ и поручилъ эту обязанность избраннымъ Испанцамъ. Противъ людей подозрительныхъ онъ поступалъ съ страшною, но необходимою суровостью и приговорилъ къ смерти многихъ изъ обличенныхъ, не созывая для этого, какъ дѣлалъ онъ прежде, совѣтъ. Въ кругу недовольныхъ поговаривали, что онъ теперь опаснѣе для своихъ друзей, чѣмъ для враговъ. Вскорѣ былъ открытъ второй заговоръ, центромъ котораго былъ его собственный штабъ; всѣ, на кого былъ сдѣланъ доносъ, должны были либо бѣжать, либо умереть, но не всѣ были выданы, и остальные заговорщики, въ томъ числѣ Перпенна, увидали въ этомъ только поводъ ускорить свои дѣйствія. Серторій находился тогда въ главной квартирѣ въ Оскѣ. Здѣсь, по распоряженію Перпенны, была возвѣщена полководцу блестящая побѣда, одержанная, будто-бы, его войскомъ, и во время торжественнаго обѣда, устроеннаго Перпенною въ честь этого событія, появился и Серторій, сопровождаемый, какъ обыкновенно, своей испанской свитой. Въ противоположность обыкновенному порядку серторіевой главной квартиры, празднество вскорѣ превратилось въ вакханалію; разгульныя рѣчи раздавались вокругъ стола, и казалось, будто нѣкоторые изъ гостей искали случая завязать споръ. Серторій откинулся на своемъ ложѣ и старался не обращать вниманія на шумъ. Вдругъ упала на полъ чаша: это Перпенна подавалъ условный знакъ. Маркъ Антоній, сосѣдъ Серторія за столомъ, нанесъ ему первый ударъ, и такъ какъ раненый обернулся и старался встать, то убійца бросился на него и держалъ его, пока остальные гости, бывшіе всѣ участниками заговора, устремились къ борющимся и закололи беззащитнаго полководца, въ то время какъ кто-то держалъ его за обѣ руки (682). Съ нимъ погибли и вѣрные его товарищи. Такъ кончилъ свою жизнь, благодаря измѣнѣ жалкой шайки эмигрантовъ, которую онъ былъ вынужденъ вести противъ отчизны, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, если не самый замѣчательный изъ всѣхъ людей, до той поры выставленныхъ Римомъ,—человѣкъ, который при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, быть можетъ, обновилъ бы свою родину. Исторія не любитъ Коріолановъ; она не сдѣлала исключенія и для этого, самого великодушнаго, геніальнаго и наиболѣе достойнаго сожалѣнія изъ всѣхъ.

Убійство Серторія.

Убійцы думали воспользоваться наслѣдіемъ убитаго. Послѣ смерти Серторія, Перпенна, какъ старшій изъ римскихъ офицеровъ въ испанской арміи, заявилъ притязанія на главное начальство. Ему подчинились, но недовѣрчиво и неохотно. Сколько ни роптали противъ Серторія во время его жизни, смерть возстановила героя въ его прежнихъ правахъ, и велико было негодованіе солдатъ, когда

Перпенна — преемникъ Серторія.

при провозглашеніи его завѣщанія было упомянуто въ числѣ наслѣдниковъ и имя Перпенны. Часть солдатъ, въ особенности Лузитанцы, разбѣжалась; оставшимися какъ-бы овладѣло предчувствіе, что присутствіе духа и счастіе покинули ихъ со смерти Серторія. При первой же встрѣчѣ съ Помпеемъ, шайки инсургентовъ, плохо предводительствуемыя и лишенныя мужества, были окончательно разсѣяны, и въ числѣ другихъ офицеровъ былъ взятъ въ плѣнъ и Перпенна. Этотъ жалкій человѣкъ хотѣлъ купить свою жизнь выдачею переписки Серторія, которая скомпрометтировала-бы многихъ выдающихся людей въ Италіи; но Помпей приказалъ сжечь бумаги нечитанными и передалъ Перпенну, вмѣстѣ съ другими начальниками мятежа, палачу. Бѣжавшіе эмигранты разсѣялись и по большей части скрылись въ мавританскихъ пустыняхъ или у пиратовъ. Изданіе закона, ревностно поддержаннаго въ особенности юнымъ Цезаремъ, дало нѣкоторымъ изъ нихъ право вернуться на родину; тѣ же изъ нихъ, которые участвовали въ убійствѣ Серторія, умерли всѣ, за исключеніемъ одного, насильственною смертью. Оска и вообще большинство городовъ восточной Италіи, державшихся еще на сторонѣ Серторія, добровольно открыли теперь свои ворота Помпею; только Уксаму (Осму), Клунію и Калагуррисъ пришлось взять оружіемъ. Обѣ провинціи были заново организованы; въ западной Метеллъ увеличилъ ежегодную дань въ наиболѣе виновныхъ общинахъ; въ восточной хозяйничалъ Помпей, награждая и карая; такъ Калагуррисъ утратилъ свою самостоятельность и былъ подчиненъ Оскѣ. Отрядъ серторіанскихъ солдатъ, собравшійся въ Пиренеяхъ, былъ принужденъ Помпеемъ сдаться и поселенъ къ сѣверу отъ Пиренеевъ, близъ Лугудунума (St. Bertrand въ департаментѣ Верхней Гаронны), подъ названіемъ общины «сбѣжавшихся» (convenae). Въ горномъ проходѣ въ Пиренеяхъ были воздвигнуты римскіе побѣдные знаки; въ концѣ 683 года Метеллъ и Помпей проѣхали по улицамъ столицы, чтобы воздать Зевсу въ Капитоліѣ признательность націи за побѣду надъ Испанцами. Даже изъ-за могилы счастье Суллы какъ-бы не покидало его творенія и, казалось, лучше хранило его, чѣмъ приставленная для его охраны неспособная и безсильная стража. Италійская оппозиція разсѣялась, благодаря неспособности и необдуманности ея вождя,—эмиграція же вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Пораженія эти, хотя они въ гораздо большей степени зависѣли отъ собственной нелѣпости и разрозненности, чѣмъ отъ усилій противниковъ, тѣмъ не менѣе являлись какъ-бы цѣлымъ рядомъ побѣдъ олигархіи. Еще разъ укрѣпились курульныя кресла.

Помпей подавляетъ возстаніе.

ГЛАВА II.

Сулла и реставрація.

Внѣшнія дѣла. Когда по подавленіи цинновой революціи, грозившей опасностью самому существованію сената, реставрированная сенатская власть получила возможность снова посвятить внутренней и внѣшней безопасности государства все необходимое вниманіе, тогда оказалось достаточно вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не могло быть отсрочено, не нарушая важнѣйшихъ интересовъ страны и не давая временнымъ неудобствамъ превратиться въ будущую грозную опасность. Не говоря уже о весьма серьозныхъ затрудненіяхъ въ Испаніи, необходимо было съ одной стороны прочно усмирить оракійскихъ и придунайскихъ варваровъ, которыхъ Сулла во время своего македонскаго похода могъ только наказать, и кромѣ того вооруженною силою регулировать запутанныя дѣла на сѣверной границѣ полуострова; съ другой стороны нужно было положить предѣлъ и дѣятельности шаекъ флибустьеровъ, властвовавшихъ повсюду, въ особенности въ восточныхъ водахъ, и внести наконецъ порядокъ и въ смутныя малоазіатскія дѣла. Миръ, который заключенъ былъ Суллою въ 670 г. съ понтійскимъ царемъ Митридатомъ, и простымъ повтореніемъ котораго является договоръ, заключенный въ 673 г. съ Муреною, миръ этотъ носилъ полнѣйшій отпечатокъ чего-то временного, съ грѣхомъ пополамъ созданнаго для удовлетворенія минутной потребности, и отношенія Римлянъ къ царю Арменіи Тиграну, съ которымъ они, однако, фактически вели войну, были совершенно незатронуты этимъ миромъ. Весьма основательно усмотрѣлъ въ немъ Тигранъ безмолвное дозволеніе захватить въ свои руки римскія владѣнія въ Азіи. Если невозможно было допустить, чтобъ владѣнія эти могли быть отданы въ жертву варварамъ, необходимо было добромъ или силою придти къ соглашенію съ новымъ сильнымъ властелиномъ Азіи.—Послѣ того, какъ въ предшествовавшей главѣ было описано связанное съ демократическими происками движеніе въ Италіи и Испаніи, и подавленіе его сенатскимъ правительствомъ, мы разсмотримъ теперь въ настоящей главѣ внѣшнюю администрацію въ томъ видѣ, какъ она велась (а иногда и не велась) учрежденнымъ Суллою правительствомъ.

Далмато-македонская экспедиція.

Сильная рука Суллы чувствуется еще въ энергическихъ мѣропріятіяхъ, принятыхъ сенатомъ въ послѣдніе дни его регентства почти одновременно противъ Серторіанцевъ, Далматинцевъ, Ѳракійцевъ и киликійскихъ пиратовъ. Экспедиція на греко-иллирійскій полуостровъ имѣла отчасти цѣлью покорить или по меньшей мѣрѣ смирить варварскія племена, кочевавшія внутри страны отъ Чернаго до Адріатическаго моря, и въ числѣ которыхъ въ особенности племя Бессовъ (въ большихъ Балканахъ) пользовалось, какъ говорилось тогда, репутаціею особенно удалого разбойничества даже среди разбойниковъ,—отчасти же она имѣла цѣлью уничтожить скрывавшихся на далматинскомъ побережьѣ корсаровъ. Нападеніе, по обыкновенію, совершилось одновременно изъ Далмаціи и Македоніи; для этой цѣли въ послѣдней провинціи было собрано войско, состоявшее изъ пяти легіоновъ. Въ Далмаціи начальствовалъ бывшій преторъ Гай Косконій, исходившій страну во всѣ направленія и послѣ двухлѣтней осады взявшій штурмомъ крѣпость Салону. Въ Македоніи проконсулъ Аппій Клавдій (676—678 г.) пытался прежде всего завладѣть близъ македонско-ѳракійской границы нагорной страною на лѣвомъ берегу Карасу. Съ обѣихъ сторонъ война велась съ страшной свирѣпостью; Ѳракійцы разоряли завоеванныя мѣстности и истребляли плѣнныхъ, Римляне отплачивали имъ тѣмъ же самымъ. Но серьезныхъ успѣховъ не было достигнуто; тяжелые переходы и постоянные бои съ многочисленнымъ и храбрымъ горнымъ населеніемъ безплодно уменьшали войско; самъ полководецъ заболѣлъ и умеръ. Преемникъ его, Гай Скрибоній (679—681) былъ вынужденъ цѣлымъ рядомъ препятствій и въ особенности немаловажнымъ возстаніемъ въ войскѣ, оставить трудную экспедицію противъ Ѳракійцевъ и обратиться вмѣсто того къ сѣверной границѣ Македоніи, гдѣ онъ покорилъ болѣе слабыхъ Дарданцевъ (въ Сербіи) и добрался до Дуная. Только храбрый и способный Маркъ Лукуллъ снова двинулся на востокъ, разбилъ Бессовъ въ ихъ горахъ, завладѣлъ ихъ столицею Ускудамою или Филиппополемъ (Адріанополь) и принудилъ ихъ покориться верховной власти Римлянъ. Царь Одрисовъ, Садалъ, и греческіе города восточнаго побережья, лежавшіе къ сѣверу и югу отъ балканскаго хребта: Истрополь, Томы, Каллатисъ, Одессосъ (близъ Варны), Месемврія и другіе, сдѣлались зависимыми отъ Римлянъ; Ѳракія, гдѣ до сихъ поръ Римляне не обладали почти ничѣмъ, кромѣ атталійскихъ владѣній въ Херсонесѣ, сдѣлалась теперь, хотя и не очень покорною, частью македонской провинціи.

Покореніе Ѳракіи.

Разбои пиратовъ.

Но гораздо вреднѣе разбойничьихъ набѣговъ Ѳракійцевъ и Дарданцевъ, все таки ограничивавшихся лишь незначительною частью государства, былъ и для страны и для частныхъ лицъ морской разбой, распространявшійся все далѣе и далѣе и организовывавшійся все прочнѣе. Всѣ сношенія на Средиземномъ морѣ были во

власти пиратовъ; Италія не могла ни вывозить своихъ продуктовъ, ни ввозить къ себѣ хлѣбъ изъ провинцій; тамъ люди голодали; здѣсь, вслѣдствіе отсутствія сбыта, останавливалось воздѣлываніе полей. Ни одна денежная посылка, ни одинъ путешественникъ не были безопасны; государственная касса испытывала самыя тяжкія потери; множество знатныхъ Римлянъ были захвачены корсарами и должны были откупаться непомѣрными суммами, если, конечно, пиратамъ не было угодно подвергнуть нѣкоторыхъ изъ нихъ смертной казни, приправленной къ тому же дикимъ юморомъ. Купцы, и даже отправлявшіеся на востокъ римскіе отряды, начинали откладывать свои плаванья преимущественно до неблагопріятнаго времени года и менѣе страшились зимнихъ бурь, чѣмъ кораблей пиратовъ, правда, не исчезавшихъ совсѣмъ съ моря даже и объ эту пору. Но, какъ ни ощутительно было загражденіе моря, выносить его было все таки легче, чѣмъ терпѣть опустошеніе греческихъ и малоазіатскихъ береговъ и острововъ. Совершенно такъ, какъ позднѣе, въ эпоху Норманновъ, эскадры корсаровъ причаливали къ приморскимъ городамъ и принуждали ихъ либо откупаться большими суммами, либо осаждали и штурмовали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Если на глазахъ у Суллы. послѣ заключенія мира съ Митридатомъ, Самоѳракія, Клазомены, Самосъ и Іассосъ были разграблены пиратами въ 670 г., то легко себѣ представить, что дѣлалось тамъ, гдѣ не было поблизости ни римскаго флота, ни римскаго войска. Всѣ древніе богатые храмы на греческихъ и малоазіатскихъ берегахъ были разграблены поочередно; изъ одной Самоѳракіи была, какъ говорятъ, вывезена сумма въ 1000 талантовъ (1.500.000 талеровъ). Аполлонъ, говоритъ одинъ римскій поэтъ того времени, такъ обѣднѣлъ, благодаря пиратамъ, что, когда ласточка посѣщаетъ его, онъ изъ всѣхъ своихъ сокровищъ не можетъ показать ей даже щепотки золота. Насчитывали болѣе четырехсотъ мѣстностей, занятыхъ или обложенныхъ контрибуціею пиратами, и въ числѣ ихъ такіе города, какъ Книдъ, Самосъ, Колофонъ; изъ многихъ нѣкогда цвѣтущихъ острововъ и приморскихъ мѣстъ выселялось все населеніе, чтобъ только не быть захваченнымъ пиратами. Даже во внутреннихъ странахъ не было болѣе безопасности отъ нихъ; случалось, что они нападали на мѣстности, лежавшія отъ берега на разстояніи одного или двухъ дневныхъ переходовъ. Страшные долги, подъ бременемъ которыхъ изнемогли впослѣдствіи всѣ общины греческаго востока, по большей части относятся къ этому роковому времени. Весь характеръ морского разбоя совершенно измѣнился. Это уже не были болѣе смѣльчаки, которые въ критскихъ водахъ, между Киреною и Пелопонезомъ (на языкѣ флибустьеровъ въ «золотомъ морѣ») взимали дань съ длинной вереницы италико-восточныхъ купцовъ, торговавшихъ рабами и предметами роскоши; это не были также и вооруженные

Организація пиратства.

ловцы рабовъ, одновременно занимавшіеся «войною, торговлею и морскимъ разбоемъ»; это было настоящее царство корсаровъ съ своеобразнымъ духомъ солидарности, съ прочною, весьма почтенною организаціею, съ привязанностью къ родинѣ и началомъ оборонительнаго союза,—безъ сомнѣнія и съ опредѣленными политическими цѣлями. Флибустьеры называли себя Киликійцами; дѣйствительно, на ихъ корабляхъ сталкивались люди отчаянные, авантюристы всѣхъ націй: наемники, отпущенные изъ мѣстъ вербовокъ въ Критѣ, граждане уничтоженныхъ поселеній Италіи, Испаніи и Азіи, солдаты и офицеры изъ войскъ Фимбрія и Серторія, словомъ, развращенные люди всѣхъ національностей, гонимые бѣглецы всѣхъ подавленныхъ партій, все, что было въ нихъ несчастнаго и отважнаго,—а гдѣ не было горя и преступленій въ это злосчастное время? Это уже не была со всѣхъ сторонъ сбѣжавшаяся шайка воровъ, а замкнутое военное государство, гдѣ мѣсто національности заступила тайная, какъ бы масонская связь, основанная на единствѣ несчастій, гоненій и преступленій, благодаря которому, какъ это часто бываетъ, идея преступности какъ бы укрылась подъ покровомъ самаго высокаго чувства общей солидарности. Въ это разнузданное время, когда трусость и неповиновеніе ослабили всѣ связи общественнаго строя, вполнѣ законно существовавшія общины могли брать примѣръ съ этого незаконно-рожденнаго государства, основаннаго нуждою и насиліемъ, единственнаго мѣста, гдѣ, казалось, нашли убѣжище ненарушимая вѣрность всѣхъ гражданъ между собою, духъ товарищества, уваженіе къ данному честному слову и къ избранному самою общиной вождю, мужество и ловкость. Если на знамени этого государства надпись возвѣщала месть всему гражданскому обществу, справедливо или-же неправильно извергнувшему изъ своей среды его членовъ, то можно было еще поспорить, былъ ли этотъ девизъ много хуже девиза италійской олигархіи и восточнаго султанизма, готовившихся, казалось, подѣлить міръ между собою. По крайней мѣрѣ корсары чувствовали себя равными всякому законному государству; объ ихъ разбойничьей гордости и пышности, ихъ воровскомъ юморѣ свидѣтельствуютъ много разсказовъ, полныхъ истаго духа флибустьеровъ, безшабашной веселости и разбойничьяго рыцарства; они думали, и даже гордились тѣмъ, что вели справедливую войну со всѣмъ міромъ; то, что они пріобрѣтали при этомъ, не было на ихъ языкѣ награбленнымъ имуществомъ, а военною добычей, и если пойманнаго флибустьера несомнѣнно ожидала въ каждой римской гавани казнь, то и они въ свою очередь заявляли притязанія на право казнить всѣхъ своихъ плѣнныхъ. Ихъ военно-политическая организація въ особенности упрочилась со времени войны съ Митридатомъ. Ихъ корабли (большею частью такъ называемыя «мышиныя лодки», т. е. маленькія, открытыя, скороходныя барки, только изрѣдка двухъ и трехъ—палубныя суда)

плавали теперь, соединившись въ правильныя эскадры, предводительствуемыя адмиралами, барки которыхъ блестѣли золотомъ и пурпуромъ. Угрожаемому товарищу, будь онъ даже вполнѣ незнакомымъ человѣкомъ, не отказывалъ въ просимой помощи ни одинъ капитанъ пиратовъ; договоръ, заключенный съ однимъ изъ членовъ ихъ среды, неуклонно признавался всѣмъ обществомъ, но за то и за всякую, кому бы то ни было причиненную, несправедливость, мстили всѣ. Настоящею родиною ихъ было море, отъ столповъ Геркулеса до сирійскихъ и египетскихъ водъ; мавританское и далматинское побережье, островъ Критъ и, главнымъ образомъ богатый мысами и закоулками южный берегъ Малой Азіи, господствовавшій надъ важнѣйшимъ путемъ морской торговли того времени и почти не имѣвшій надъ собой властелина, гостепріимно доставляли имъ убѣжище, въ которомъ они нуждались на материкѣ для себя и для своихъ плавающихъ домовъ. Ликійскій союзъ городовъ и памфилійскія общины имѣли въ Малой Азіи мало значенія; римская станція, существовавшая съ 652 года въ Киликіи, была далеко недостаточна для господства надъ широко раскинувшимся берегомъ; сирійское владычество надъ Киликіею всегда было только номинальнымъ и недавно замѣнилось армянскимъ; властелинъ Арменіи, какъ истый «царь царей», не обращалъ никакого вниманія на море и добровольно отдавалъ его на разграбленіе Киликійцамъ. Поэтому неудивительно было, если корсары процвѣтали здѣсь, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Они не только имѣли повсюду на берегу сигнальные пункты и станціи, но и далеко внутри страны, въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ непроходимаго и гористаго ликійскаго, памфилійскаго, киликійскаго материка; они соорудили себѣ на скалахъ замки, въ которыхъ, отъѣзжая въ море, скрывали своихъ женъ, дѣтей и свои богатства и, быть можетъ, находили тамъ убѣжище и сами въ опасное время. Въ особенности многочисленны были подобные замки корсаровъ въ суровой Киликіи, лѣса которой доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ пиратамъ лучшій матеріалъ для судостроенія и гдѣ поэтому главнѣйшимъ образомъ происходило сооруженіе кораблей и находились арсеналы. Неудивительно, что это стройное военное государство завязало прочныя сношенія съ болѣе или менѣе предоставленными самимъ себѣ и управлявшимися сами собою греческими приморскими городами, вступавшими съ пиратами, какъ съ дружественною державою, въ торговыя связи, на основаніи опредѣленныхъ договоровъ, и не исполнявшими требованія римскаго намѣстника выставлять противъ нихъ корабли; такъ, напримѣръ, немаловажный городъ Сида въ Памфиліи дозволялъ пиратамъ строить суда въ своихъ верфяхъ и выставлять для продажи на его базарахъ пойманныхъ пиратами свободныхъ людей. — Подобный морской разбой былъ политическою силою, и онъ выдавалъ себя и принимался всѣми за таковую съ

той поры, когда сирійскій царь Трифонъ впервые воспользовался ею въ этомъ смыслѣ и основалъ свое владычество на ней. Мы видимъ пиратовъ союзниками понтійскаго царя Митридата, точно также какъ и римской демократической эмиграціи; мы видимъ ихъ въ бою съ флотами Суллы въ восточныхъ и западныхъ моряхъ. Мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ повелителей пиратовъ, властвовавшихъ надъ цѣлымъ рядомъ значительныхъ приморскихъ мѣстъ. Нельзя сказать, до чего бы дошло внутреннее политическое развитіе этого плавающаго государства, но несомнѣнно, что въ этой группировкѣ заключался зародышъ морской державы, уже становившейся осѣдлою и изъ которой при благопріятныхъ обстоятельствахъ могло бы развиться прочное государство.

Ничтожество римской морской полиціи.

Все это намъ доказываетъ и частью было указано нами и раньше, въ какой степени Римляне поддерживали порядокъ на «своемъ морѣ», или, вѣрнѣе сказать, не поддерживали его. Протекціонная власть Римлянъ надъ различными мѣстными властями главнымъ образомъ заключалась въ военной опекѣ. Провинціалы платили Римлянамъ дань за находившееся въ ихъ рукахъ право защиты на морѣ и на сушѣ. Но ни одинъ опекунъ не обманывалъ, вѣроятно, такъ нагло своего питомца, какъ обманывала римская олигархія подвластныя ей общины. Вмѣсто того, чтобы выставить общеимперскій флотъ и централизовать морскую полицію, римскій сенатъ привелъ въ совершенный упадокъ единоличное верховное управленіе этою полиціей,—именно то, безъ чего въ этомъ случаѣ ничего нельзя было сдѣлать, и предоставилъ каждому отдѣльному намѣстнику и каждому покровительствуемому Римлянами государству защищаться противъ пиратовъ, какъ кто хотѣлъ и могъ. Вмѣсто того, чтобы Римляне, какъ они и обязались, тратили на содержаніе флота исключительно только свое собственное имущество и жизнь, а также достояніе и жизнь подданныхъ тѣхъ государствъ, которыя остались формально независимыми подъ ихъ покровительствомъ, они совершенно запустили италійскій военный флотъ и научились обходиться кораблями, выставленными отдѣльными торговыми городами, или, еще чаще, повсюду организованною прибрежною стражею, при чемъ въ обоихъ случаяхъ всѣ расходы и тягости падали на подданныхъ. Провинціалы могли считать себя счастливыми, если римскій намѣстникъ дѣйствительно употреблялъ для предполагаемой цѣли требуемую для защиты береговъ реквизицію, ничего не утаивая для себя, и если имъ самимъ не приходилось (что случалось весьма часто) вносить за захваченнаго морскими разбойниками знатнаго Римлянина выкупъ. Если предпринималось что либо разумное, въ родѣ занятія Киликіи въ 652 г., то это предпріятіе навѣрно погибало во время своего исполненія. Тѣ изъ Римлянъ, которые не были совершенно отуманены ходячими представленіями о національномъ величіи, должны

были желать, чтобъ имъ было дано право сорвать съ ораторской каѳедры на рынкѣ украшавшіе ихъ корабельные носы, для того чтобы по крайней мѣрѣ ничто не напоминало имъ объ одержанныхъ въ болѣе счастливую пору морскихъ побѣдахъ.

Экспедиція къ южному берегу Малой Азіи.

Тѣмъ временемъ Сулла, который во время войны съ Митридатомъ, конечно, могъ достаточно убѣдиться въ томъ, какія опасности влекло за собою пренебреженіе флотомъ, предпринималъ различныя мѣры, для того чтобы серьозно остановить зло. Порученіе, данное имъ намѣстникамъ въ Малой Азіи, имъ же самимъ поставленнымъ, снарядить въ приморскихъ городахъ флотъ противъ морскихъ разбойниковъ, имѣло, правда, мало успѣха, такъ какъ Мурена предпочелъ начать войну съ Митридатомъ, а киликійскій намѣстникъ, Гнэй Долабелла, оказался совершенно неспособнымъ. Поэтому-то въ 675 г. сенатъ порѣшилъ послать въ Киликію одного изъ консуловъ; жребій палъ на храбраго Публія Сервилія. Онъ разбилъ въ кровавой стычкѣ флотъ пиратовъ и принялся вслѣдъ затѣмъ за уничтоженіе тѣхъ городовъ на малоазіатскомъ южномъ берегу, которые служили имъ якорными стоянками и торговыми станціями. Крѣпости могучаго морского царя Зеникета: Олимпъ, Корикъ, Фазелисъ въ восточной Ликіи, Атталія въ Памфиліи, были разрушены, и самъ царь погибъ среди пожара олимпійскаго замка. Вслѣдъ за

Покореніе Исаврійцевъ.

тѣмъ Публій Сервилій двинулся противъ Исаврійцевъ, жившихъ въ сѣверо-западномъ углу суровой Киликіи, на сѣверномъ склонѣ Тавра, среди поросшаго роскошными дубовыми лѣсами лабиринта крутыхъ горныхъ хребтовъ, скалистыхъ расщелинъ и глубоко-врѣзавшихся долинъ, въ странѣ, еще и понынѣ полной воспоминаній о стариннонъ разбойничествѣ. Для того, чтобы завладѣть этими исаврійскими неприступными орлиными гнѣздами, послѣднимъ и надежнѣйшимъ убѣжищемъ флибустьеровъ, Сервилій повелъ чрезъ Тавръ первое римское войско и разрушилъ непріятельскую крѣпость Ороанду, и прежде всего самую Исавру,—этотъ идеалъ разбойничьяго города,—расположенную на высотѣ трудно-доступнаго горнаго кряжа и господствовавшую надъ вполнѣ обозрѣваемой оттуда широкой равниной Иконіона. Трехлѣтняя кампанія (676—678), изъ которой Публій Сервилій вынесъ для себя и своего потомства эпитетъ Исаврійскаго, была не безплодна; значительное число корсаровъ и ихъ судовъ досталось въ это время во власть Римлянъ; Ликія, Памфилія, западная Киликія были жестоко опустошены, владѣнія разоренныхъ городовъ конфискованы и ими расширена область Киликія. Но, по самой природѣ вещей, это нисколько не подавило корсарства; оно только удалилось въ другія мѣстности, въ особенности же въ древнѣйшій притонъ пиратовъ Средиземнаго моря, Критъ. Только обширныя и стройно-проведенныя репрессивныя мѣры или, всего скорѣе учрежденіе постоянной морской полиціи могли бы принести здѣсь коренную пользу.

Въ разнообразнѣйшей связи съ этой морской войною находились и дѣла на малоазіатскомъ материкѣ. Натянутость, существовавшая здѣсь между Римомъ и царями Понта и Арменіи, не уменьшалась, а напротивъ, увеличивалась все болѣе и болѣе. Съ одной стороны царь Арменіи, Тигранъ, безпощадно завоевывалъ все вокругъ себя. Пареяне, чье государство, раздираемое въ это время внутренними смутами, находилось въ совершенномъ упадкѣ, были все далѣе тѣснимы внутрь Азіи во время продолжительныхъ распрей. Изъ мѣстностей, лежавшихъ между Арменіею, Месопотаміею и Ираномъ, Кордуэна (сѣверный Курдистанъ) и атропатенская Мидія (Адербиджанъ) превратились изъ пареянскихъ ленныхъ царствъ въ армянскія, и Ниневійское царство (Мосулъ) или Адіабена было хоть временно также вынуждено вступить въ союзную зависимость отъ Арменіи. Въ Месопотаміи, въ особенности въ самой Низибіи и вокругъ нея, было также основано армянское владычество; только одна южная, большею частью пустынная половина ея, не перешла, кажется, въ прочную собственность новаго армянскаго властелина, и въ особенности Селевкія на Тигрѣ не поддалась ему. Онъ передалъ царство Эдессу или Осроену племени кочевыхъ Арабовъ, переведенныхъ имъ сюда изъ южной Месопотаміи и поселенныхъ здѣсь, для того чтобы съ помощью ихъ господствовать надъ переправою черезъ Евфратъ и надъ большимъ торговымъ путемъ *). Но Тигранъ отнюдь не ограничивалъ своихъ завоеваній однимъ восточнымъ берегомъ Евфрата. Каппадокія сдѣлалась прежде всего цѣлью его нападеній и, оставаясь совершенно беззащитною, понесла отъ могущественнаго сосѣда тяжкіе удары. Тигранъ отнялъ у Каппадокіи находившуюся на востокѣ отъ нея страну Мелитену и соединилъ ее съ противолежавшею армянскою провинціею Софеною, вслѣдствіе чего завладѣлъ переходомъ черезъ Евфратъ и большимъ малоазіатско-армянскимъ торговымъ путемъ. Послѣ смерти

Азіатскія дѣла. Тигранъ и Ново-армянская имперія.

*) Эдесское царство, основаніе котораго туземныя хроники относятъ къ 620 году, перешло лишь черезъ нѣсколько времени послѣ своего возникновенія подъ власть аравійской династіи Абгара и Манна, которую мы застаемъ здѣсь позднѣе. Это обстоятельство очевидно находится въ связи съ поселеніемъ Тиграномъ Великимъ многихъ Арабовъ въ мѣстности около Эдессы, Калирры, Карры (Plin., h. n. 5, 20, 85. 21, 86, 6, 28, 142); Плутархъ (Лук., 21) также повѣствуетъ, что Тигранъ, измѣняя нравы кочующихъ Арабовъ, поселилъ ихъ ближе къ своему царству, чтобы посредствомъ ихъ завладѣть торговлею. Это слѣдуетъ, вѣроятно, понять въ томъ смыслѣ, что Бедуины, привыкшіе прокладывать чрезъ свои владѣнія торговые пути и взимать на нихъ опредѣленную пошлину (Страб., 14, 748), служили царю чѣмъ-то въ родѣ контролеровъ пошлины и должны были взимать ее для себя и для него у переправы чрезъ Евфратъ. Эти „осроенскіе Арабы" (Orei Arabes), какъ называетъ ихъ Плиній, должно быть, тѣ самые Арабы съ горы Амана, которые были покорены Афраніемъ (Плут., Помп., 39).

Суллы войска Тиграна вступили даже и въ настоящую Каппадокію и увели въ Арменію жителей столицы, Мазака (позднѣйшая Кесарея), и одиннадцати другихъ городовъ, заведшихъ у себя греческія учрежденія. Не больше сопротивленія могло оказать новому властелину и вполнѣ разлагавшееся царство Селевкидовъ. Здѣсь, къ югу отъ египетской границы, вплоть до Стратоновой башни (Кесареи), царилъ іудейскій царь Александръ Іанней, расширявшій и укрѣплявшій шагъ за шагомъ свое государство въ борьбѣ съ сирійскими, египетскими и аравійскими сосѣдями и съ имперскими городами. Болѣе значительные города Сиріи, Газа, Стратонова Башня, Птолемея, Берэя, старались собственными силами сохранить свою самостоятельность иногда въ видѣ свободныхъ общинъ, иногда подъ управленіемъ такъ называемыхъ тирановъ; столичный городъ Антіохія былъ почти самостоятеленъ. Дамаскъ и ливанскія долины подчинились набатейскому царю Арету изъ Петры. Въ самой Киликіи, наконецъ, господствовали морскіе разбойники и Римляне. И изъ-за этой-то короны, распадавшейся на тысячу кусковъ, князья дома Селевкидовъ упорно продолжали ссориться между собою, точно имъ хотѣлось предать царскую власть на посмѣяніе и сдѣлать ее соблазномъ для всѣхъ. Даже въ то самое время, когда отъ этого рода, обреченнаго, подобно дому Лая, на вѣчныя распри, отшатывались собственные подданные, Селевкиды заявляли притязанія даже на египетскій престолъ, освободившійся послѣ царя Александра II, умершаго, не оставивъ наслѣдниковъ. Вслѣдствіе этого царь Тигранъ дѣлалъ здѣсь безцеремонные захваты. Восточная Киликія была покорена имъ съ величайшею легкостью и граждане Солы и другихъ городовъ отведены въ Арменію, подобно гражданамъ Каппадокіи. Точно также была покорена силою оружія и верхняя часть Сиріи, за исключеніемъ храбро защищеннаго города Селевкіи близъ устья Оронта, и большая часть Финикіи. Въ 680 году была занята Армянами Птолемаида и самому іудейскому царству грозила серьозная опасность. Древній городъ Селевкидовъ, Антіохія, сдѣлался одной изъ резиденцій армянскаго властелина. Уже въ 671 году, первомъ послѣ мира между Суллою и Митридатомъ, сирійскія лѣтописи указываютъ на Тиграна, какъ на властелина всей страны, и Киликія и Сирія являются уже въ видѣ армянской сатрапіи подъ управленіемъ Магадата, намѣстника армянскаго царя. Эпоха ниневійскихъ царей, Салманассара и Санхериба, казалось, возродилась; восточный деспотизмъ снова тяготѣлъ надъ торговымъ населеніемъ сирійскаго побережья, какъ нѣкогда надъ Тиромъ и Сидономъ; снова континентальныя великія державы набрасывались на мѣстности вдоль береговъ Средиземнаго моря; снова стояли на киликійскомъ и сирійскомъ поморьѣ азіатскія войска, приблизительно въ полмилліона воиновъ. Какъ нѣкогда Салманассаръ и Навуходоносоръ отводили Іудеевъ въ Вавилонъ, такъ теперь изъ всѣхъ пограничныхъ земель

новаго царства, Кордуены, Адіабены, Ассиріи, Киликіи, Каппадокіи, жители, въ особенности греческіе или полугреческіе горожане, должны были, подъ угрозою конфискаціи всего оставленнаго ими послѣ себя имущества селиться со всѣмъ своимъ добромъ въ новой резиденціи. одномъ изъ тѣхъ гигантскихъ городовъ, свидѣтельствующихъ скорѣе о ничтожествѣ народовъ, чѣмъ о величіи властелина, и какъ-бы выроставшихъ изъ земли въ странѣ Евфрата по могучему слову новаго великаго султана послѣ каждой перемѣны на царскомъ престолѣ. Новый «городъ Тиграна», Тигранокерта, основанный на правомъ берегу Тигра въ предѣлахъ Месопотаміи и назначенный быть столицею новыхъ армянскихъ областей *), сдѣлался городомъ въ родѣ Ниневіи и Вавилона, съ стѣнами въ пятьдесятъ локтей въ вышину и съ неразлучнымъ съ султанизмомъ дворцомъ, садомъ и паркомъ. И въ остальномъ новый властелинъ остался вѣренъ традиціи; подобно тому, какъ на вѣчно младенчествующемъ востокѣ никогда вообще не исчезало ребяческое представленіе о царяхъ съ настоящими коронами на головѣ, такъ и Тигранъ, въ тѣ дни, когда онъ являлся публично, выступалъ со всей пышностью и въ костюмѣ преемника Дарія и Ксеркса, въ пурпуровомъ кафтанѣ, на половину бѣломъ, на половину также пурпуровомъ нижнемъ одѣяніи, длинныхъ и широкихъ шароварахъ, высокомъ тюрбанѣ и царской повязкѣ; гдѣ бы онъ ни ходилъ или стоялъ, всюду его сопровождали и служили ему, какъ рабы, четыре «царя». Скромнѣе держалъ себя царь Митридатъ. Онъ воздерживался въ Малой Азіи отъ захватовъ и довольствовался тѣмъ, что не воспрещалось ему никакимъ трактатомъ, именно упроченіемъ своего господства на Черномъ морѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался поставить въ болѣе опредѣленную зависимость отъ себя тѣ страны, которыя отдѣляли босфорское царство, управляемое теперь подъ его верховною властью сыномъ его Махаромъ, отъ понтскаго. Но и онъ направлялъ всѣ свои усилія на усовершенствованіе своего флота и войска и въ особенности старался вооружить и организовать войско по римскому образцу, при чемъ ему оказывали существенныя услуги римскіе эмигранты, въ большомъ числѣ пребывавшіе при его дворѣ. **Митридатъ.**

Римлянамъ совсѣмъ не хотѣлось больше запутываться въ восточныя дѣла, чѣмъ это уже было сдѣлано ими. Это выказалось съ поразительной ясностью въ особенности въ томъ, что сенатъ пренебрегъ представившимся въ это время случаемъ поставить египетское царство мирнымъ путемъ подъ непосредственное римское владычество. Законное потомство сына Птолемея Лагоса изсякло какъ разъ въ то время, когда возведенный Суллою по смерти Птолемея Сотера II, прозваннаго Лаѳиромъ, царь Александръ II, сынъ **Образъ дѣйствій Римлянъ на востокѣ.**

*) Городъ этотъ находился не близъ Діарбекра, а между Низибіею и Тигромъ, неподалеку отъ этой рѣки.

царя Александра I, былъ убитъ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего восшествія на престолъ во время возстанія въ столицѣ (673). Этотъ Александръ назначилъ въ своемъ завѣщаніи *) наслѣдницею римскую общину. Подлинность этого документа, правда, оспаривалась; однако онъ былъ признанъ сенатомъ, который на основаніи его получилъ суммы, положенныя въ Тирѣ на имя умершаго царя. Тѣмъ не менѣе сенатъ разрѣшилъ двумъ несомнѣнно незаконнымъ сыновьямъ царя Лаѳира фактически завладѣть, одному изъ нихъ, Птолемею XI, прозванному новымъ Діонисіемъ или флейтщикомъ (Auletes), Египтомъ, другому же, Птолемею кипрскому, Кипромъ; они, правда, не были прямо признаны сенатомъ, но къ нимъ также не обращались и съ прямымъ требованіемъ о выдачѣ государствъ. Причина, почему сенатъ допускалъ продленіе этого неяснаго положенія дѣлъ и не рѣшался обязательнымъ для себя образомъ отказаться отъ Египта и Кипра, заключалась, вѣроятно, въ значительной рентѣ, которую эти цари, какъ-бы выпросившіе себѣ власть, непрерывно выплачивали за удержаніе ея главамъ римскихъ котерій. Однако причина, побуждавшая сенатъ отказаться вообще отъ этого заманчиваго пріобрѣтенія, коренится въ чемъ-то иномъ. Египетъ, благодаря своему своеобразному положенію и своей финансовой организаціи, давалъ въ руки всякаго, тамъ властвовавшаго намѣстника, деньги и морскія силы, вообще независимую власть, плохо ладившую съ недовѣрчивымъ и слабымъ олигархическимъ правленіемъ; съ этой точки зрѣнія было разумно отказаться отъ непосредственнаго обладанія страной Нила.

*) Спорный вопросъ, было ли это поддѣльное или подлинное завѣщаніе составлено Александромъ I († 666) или Александромъ II (673), рѣшается обыкновенно въ пользу перваго предположенія. Однако, причины для этого недостаточны, ибо Цицеронъ (de l. agr., 1, 4, 12. 15, 38, 16, 41) не говоритъ, чтобы Египетъ достался Римлянамъ въ 666 г., а либо въ этомъ, либо въ слѣдующемъ за нимъ, и если изъ того, что Александръ I погибъ на чужбинѣ, Александръ II—въ Александріи, вывели заключеніе, что упомянутыя въ этомъ сомнительномъ завѣщаніи, хранившіяся въ Тирѣ сокровища принадлежали первому изъ этихъ царей, то при этомъ выпускали изъ виду, что Александръ II былъ убитъ 19 дней послѣ своего прибытія въ Египетъ (Letronne, Inscr. de l'Egypte, 2, 20), когда касса его еще очень хорошо могла быть въ Тирѣ. Напротивъ того, рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что второй Александръ былъ послѣднимъ настоящимъ Лагидомъ, такъ какъ при подобномъ же пріобрѣтеніи Пергама, Кирены, Виѳиніи, Римъ всегда вводился во владѣніе послѣднимъ отпрыскомъ законнаго царскаго дома. Древнее государственное право, насколько, по крайней мѣрѣ, оно было обязательно для римскихъ подручныхъ государствъ, кажется, не безусловно признавало за регентомъ привиллегію располагать государствомъ въ своемъ завѣщаніи, а только въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ.—Подлинное ли было завѣщаніе или поддѣльное — рѣшить невозможно и даже не очень важно; особыхъ причинъ предполагать поддѣлку не существуетъ.

Гораздо труднѣе оправдать то обстоятельство, что сенатъ не захотѣлъ непосредственно вмѣшаться и въ малоазіатскія и сирійскія дѣла. Римское правительство не признало, правда, армянскаго завоевателя царемъ Каппадокіи и Сиріи, но оно ничего не дѣлало и для оттѣсненія его, какъ ни настоятельно указывала ему на необходимость вмѣшаться въ сирійскія дѣла война, начатая имъ по неволѣ въ 676 году въ Киликіи противъ пиратовъ. Дѣйствительно, признавая потерю Каппадокіи и Сиріи безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, римское правительство не только жертвовало судьбою охраняемыхъ имъ союзниковъ, но и важнѣйшими основами своего собственнаго могущества. Было уже весьма странно, что оно въ греческихъ колоніяхъ и царствахъ на берегу Евфрата и Тигра приносило въ жертву передовые посты свои; но, допуская Азіатцевъ укрѣпиться на берегу Средиземнаго моря, бывшаго политическимъ базисомъ римскаго государства, правительство не высказывало вовсе своего миролюбиваго настроенія, а напротивъ доказывало, что олигархія сдѣлалась, быть можетъ, болѣе олигархическою еще благодаря реставраціи Суллы, но не стала ни мудрѣе, ни энергичнѣе, и что для римскаго міроваго владычества наступило начало конца. — Но и съ противной стороны не желали войны. Тигранъ не имѣлъ причинъ ея желать, такъ какъ Римъ и безъ войны отдавалъ ему на жертву всѣхъ своихъ союзниковъ. **Невмѣшательство въ Малой Азіи и Сиріи.**

Митридатъ, который все-таки не былъ только простымъ султаномъ, а на дѣлѣ достаточно испыталъ своихъ друзей и враговъ и въ счастіи и въ несчастіи, хорошо зналъ, что во второй римской войнѣ онъ, вѣроятно, останется такимъ же одинокимъ, какъ и въ первой, и что онъ не могъ бы сдѣлать ничего умнѣе, какъ оставаться спокойнымъ и укрѣплять свое царство внутри. Что его мирныя заявленія были серьозны — это онъ достаточно доказалъ во время своей встрѣчи съ Муреною; онъ продолжалъ избѣгать всего, что могло бы вывести римское правительство изъ его пассивности.

Но, какъ уже первая война съ Митридатомъ вспыхнула помимо того, чтобы хоть одна изъ сторонъ особенно желала ея, такъ и теперь изъ противоположныхъ интересовъ развилось взаимное недовѣріе, изъ недовѣрія обоюдныя приготовленія къ оборонѣ, которыя въ силу своего собственнаго тяготѣнія повели наконецъ къ открытому разрыву. Давно уже господствовавшее въ римской политикѣ недовѣріе къ собственной готовности къ борьбѣ, легко объяснимое при отсутствіи постояннаго войска и далеко не образцовомъ коллегіальномъ управленіи, дѣлало какъ бы аксіомой римской политики продолжать всякую войну не только до пораженія противника, но до полнаго уничтоженія его; вслѣдствіе этого въ Римѣ были съ самаго начала такъ же мало довольны миромъ, заключеннымъ Суллою, какъ и условіями, нѣкогда дарованными Сципіономъ Африканскимъ Кароагеня-

намъ. Часто высказываемое опасеніе относительно вторичнаго нападенія понтійскаго царя отчасти оправдывалось необычайнымъ сходствомъ настоящихъ обстоятельствъ съ тѣмъ, что было за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Снова опасная междоусобная война сталкивалась съ серьозными вооруженіями со стороны Митридата; снова Ѳракійцы наводняли Македонію, и флоты корсаровъ покрывали все Средиземное море; какъ нѣкогда между Митридатомъ и Италиками, такъ теперь между римскими эмигрантами въ Испаніи и эмигрантами при синопскомъ дворѣ сновали взадъ и впередъ эмиссары. Еще въ началѣ 677 года сенату было сдѣлано заявленіе, что царь поджидаетъ только случая напасть на римскія владѣнія въ Азіи во время италійской междоусобной войны; римскія арміи въ Азіи и Киликіи были усилены, для того чтобы быть готовыми встрѣтить всѣ случайности.— Съ другой стороны и Митридатъ слѣдилъ съ возраставшимъ опасеніемъ за развитіемъ римской политики. Онъ долженъ былъ сознавать, что война Римлянъ съ Тиграномъ сдѣлается подъ конецъ почти неизбѣжною, какъ ни страшился ея безсильный сенатъ, и что ему самому невозможно будетъ не участвовать въ ней. Попытка получить отъ римскаго сената все еще несоставленный на письмѣ мирный договоръ совпала со смутами лепидовой революціи и осталась безуспѣшною; Митридатъ усмотрѣлъ въ этомъ предзнаменованіе предстоявшаго возобновленія борьбы. Экспедиція противъ морскихъ разбойниковъ, стороною затрогивавшая и царей востока, чьими союзниками они состояли, казалась какъ бы прологомъ войны. Еще опаснѣе были неугасшія притязанія Рима на Египетъ и Кипръ; характеристично то, что понтійскій царь обручилъ своихъ двухъ дочерей, Митридатису и Ниссу, съ обоими Птолемеями, которыхъ сенатъ все еще отказывался признать. Эмигранты настаивали на началѣ борьбы; положеніе Серторія въ Испаніи, для выслѣживанія котораго Митридатъ отправилъ подъ разными предлогами пословъ въ главную квартиру Помпея, и которое, дѣйствительно, было весьма вѣско—какъ разъ въ это самое время, — положеніе это дало царю надежду не бороться какъ въ первую войну съ обѣими римскими партіями, а напротивъ вмѣстѣ съ одною бороться противъ другой. Болѣе благопріятной минуты почти невозможно было ожидать, и къ тому же во всякомъ случаѣ лучше было объявить самому войну, чѣмъ ожидать ея объявленія. Тогда то, въ 679 г. умеръ виѳинскій царь Никомедъ III Филопаторъ и, какъ послѣдній въ родѣ—такъ какъ сынъ его и Ниссы былъ или считался почему-то незаконнымъ—оставилъ по завѣщанію свое царство Римлянамъ, которые и не замедлили занять эту область, граничившую съ римскими владѣніями и давно уже переполненную римскими чиновниками и торговцами. Одновременно съ этимъ и Кирена, еще въ 658 году выпавшая на долю Римлянамъ, была наконецъ организована, какъ провинція, и получила римскаго намѣ-

стника (679 г.). Мѣры эти въ связи съ нападеніями, произведенными въ это же самое время противъ пиратовъ на южномъ берегу Малой Азіи, внушили, вѣроятно, опасенія царю; присоединеніе Виѳиніи въ особенности дѣлало Римлянъ непосредственными сосѣдями понтійскаго царства, такъ какъ Пафлагонію почти что нечего было считать, и это-то обстоятельство и дало, вѣроятно, послѣдній импульсъ. Царь сдѣлалъ рѣшительный шагъ и зимою 679/80 г. объявилъ Римлянамъ войну.

Вооруженія Митридата.

Митридатъ охотно принялъ бы на себя эту тяжелую обязанность не одинъ. Ближайшимъ и естественнымъ союзникомъ его былъ царь Тигранъ; но этотъ недальновидный человѣкъ отклонилъ предложеніе своего тестя. Такимъ образомъ остались только инсургенты и пираты. Митридатъ поспѣшилъ завязать сношенія съ тѣми и другими посредствомъ отправленныхъ въ Испанію и Критъ сильныхъ эскадръ. Съ Серторіемъ былъ заключенъ формальный договоръ, въ силу котораго Римъ уступалъ царю Виѳинію, Пафлагонію, Галатію и Каппадокію, — правда, все такія пріобрѣтенія, которыя должны еще были получить ратификацію на поляхъ сраженій. Важнѣе была та поддержка, которую оказалъ царю испанскій полководецъ присылкою римскихъ офицеровъ для предводительства его войсками и флотомъ. Самые дѣятельные изъ находившихся на востокѣ эмигрантовъ, Люцій Магій и Люцій Фанній, явились къ синопскому двору въ качествѣ представителей Серторія. И отъ пиратовъ также прибыла помощь; они появились въ большомъ числѣ въ понтійскомъ царствѣ; кажется, именно благодаря имъ, царю удалось образовать морскую силу, внушительную и численностью, и прочностью судовъ. Главнѣйшею опорою оставались собственныя военныя силы, посредствомъ которыхъ царь надѣялся овладѣть римскими областями въ Азіи, прежде чѣмъ прибудутъ туда Римляне, тѣмъ болѣе что въ провинціи Азіи—вызванная тамъ военнымъ налогомъ Суллы финансовая нужда, — въ Виѳиніи — отвращеніе къ новому римскому правительству, — въ Киликіи и Памфиліи оставшіеся тамъ, послѣ только что окончившейся опустошительной войны элементы броженія—все это открывало благопріятные шансы понтійскому нашествію. Въ запасахъ не было недостатка: въ царскихъ амбарахъ находилось до двухъ милліоновъ медимнъ зерна. И флотъ, и войско были многочисленны и хорошо обучены, въ особенности бастарнійскіе наемники, составлявшіе избранный отрядъ, способный помѣряться даже съ италійскими легіонами. И на этотъ разъ наступательныя движенія были сдѣланы царемъ. Отрядъ подъ управленіемъ Діофанта вступилъ въ Каппадокію, чтобы занять тамошнія крѣпости и преградить Римлянамъ входъ въ понтійское царство; присланный Серторіемъ вождь, пропреторъ Маркъ Марій, двинулся вмѣстѣ съ понтійскимъ военачальникомъ Эвмахомъ въ Фригію, съ цѣлью

въ такой полнотѣ, какъ въ немногихъ другихъ мѣстахъ; граждане его, хотя и потерпѣли во время несчастной битвы при Калхедонѣ значительный уронъ и людьми и кораблями, тѣмъ не менѣе оказали упорнѣйшее сопротивленіе. Кизикъ находился на островѣ, какъ разъ противъ материка, и соединялся съ нимъ мостомъ. Осаждающіе завладѣли какъ высотами на материкѣ, оканчивавшимися у моста, и расположеннымъ здѣсь предмѣстьемъ, такъ и на самомъ островѣ знаменитыми диндимонійскими возвышенностями; со стороны материка, точно также какъ и со стороны острова греческіе инженеры пускали въ ходъ все свое искусство, чтобы сдѣлать возможнымъ штурмъ. Однако, брешь, которую наконецъ удалось пробить, была за ночь снова задѣлана осажденными и усилія царской арміи оставались такъ же безплодными, какъ и варварская угроза царя убивать плѣнныхъ жителей Кизика передъ стѣнами города, если граждане еще долѣе станутъ отказываться отъ сдачи. Кизикійцы мужественно и успѣшно продолжали защиту; еще немного, и они во время осады завладѣли-бы самимъ царемъ. Тѣмъ временемъ Лукуллъ овладѣлъ весьма прочною позиціей въ тылу понтійской арміи, не давшею ему, правда, возможности оказать непосредственную помощь угрожаемому городу, но доставившею ему средства отрѣзать у непріятеля всякій подвозъ сухимъ путемъ. Такимъ образомъ громадное митридатово войско, въ которомъ, включая туда и обозъ, числилось до 30,000 людей, было лишено возможности и сражаться и двигаться, было крѣпко стиснуто между непобѣдимымъ городомъ и неподвижно стоявшимъ римскимъ войскомъ, и для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей зависѣло исключительно отъ моря, надъ которымъ, къ счастію для Понтійцевъ, всецѣло господствовалъ ихъ флотъ. Но наступило суровое время года; дожди разрушили большую часть осадныхъ сооруженій; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и, главное, въ кормѣ для лошадей становился невыносимымъ. Вьючныя животныя и обозъ были отосланы подъ прикрытіемъ большей части понтійской конницы, съ порученіемъ прокрасться или пробиться во что-бы то ни стало, но близъ рѣки Риндака, къ востоку отъ Кизика, ихъ нагналъ Лукуллъ и истребилъ весь отрядъ. Другой отрядъ конницы, предводительствуемый Метрофаномъ и Люціемъ Фанніемъ, долженъ былъ снова вернуться въ кизикскій лагерь послѣ долгихъ скитаній по западной части Малой Азіи. Голодъ и эпидеміи дѣлали страшныя опустошенія среди понтійскихъ отрядовъ. Съ наступленіемъ весны осажденные удвоили усилія и заняли расположенныя на Диндимонѣ укрѣпленія; царю ничего не оставалось дѣлать, какъ снять осаду и спасти, съ помощью флота, что́ только можно было. Самъ онъ двинулся съ флотомъ къ Геллеспонту, но значительно пострадалъ отъ бурь, частью при отплытіи, частью во время переправы. Туда-же направилось и сухопутное войско подъ предводительствомъ Гермэя и Марія, для того

Разгромъ понтійской арміи.

чтобы сѣсть на суда въ Лампсакѣ, подъ охраною его стѣнъ. Они покинули свой обозъ, точно также какъ и раненыхъ и плѣнныхъ, которые были умерщвлены разъяренными жителями Кизика; на пути Лукуллъ нанесъ врагамъ значительный уронъ при переправѣ черезъ рѣки Эзепъ и Граникъ. Тѣмъ не менѣе они достигли своей цѣли; понтійскія суда увезли остатки великой арміи и самихъ лампсакскихъ гражданъ за предѣлы римскихъ владѣній.

Морская война и вступленіе Лукулла въ Понтъ.

Послѣдовательное и осмотрительное веденіе войны Лукулломъ не только поправило ошибки его товарища, но и разсѣяло, безъ генеральнаго сраженія, ядро непріятельской арміи — приблизительно тысячъ двѣсти солдатъ. Еслибъ у него еще былъ флотъ, сожженный въ калхедонской гавани, онъ уничтожилъ-бы все непріятельское войско; теперь-же дѣло разрушенія осталось недоконченнымъ, и ему пришлось даже допустить, чтобы, несмотря на кизикскую катастрофу, понтійскій флотъ выстроился въ Пропонтидѣ, блокировалъ Перинѳъ и Византію на европейскомъ берегу, разграбилъ Пріапъ на азіатскомъ, и чтобы царская главная квартира была перенесена въ виѳинскій портъ Никомедію. Избранная эскадра изъ пятидесяти парусныхъ судовъ, на которой находился экипажъ, состоявшій изъ 10,000 надежнѣйшихъ людей (въ томъ числѣ Маркъ Марій и лучшіе изъ римскихъ эмигрантовъ), выплыла даже въ Егейское море; носились слухи, что она назначалась для высадки въ Италіи, съ цѣлью снова разжечь тамъ междоусобную войну. Тѣмъ временемъ начали прибывать суда, которыхъ Лукуллъ вытребовалъ у азіатскихъ общинъ вслѣдъ за калхедонскимъ погромомъ, и флотъ выступилъ изъ гавани, чтобы розыскать непріятельскую эскадру, отплывшую въ Егейское море. Самъ Лукуллъ, какъ опытный предводитель флота, взялъ на себя начальство надъ нимъ. Противъ ахейской гавани, въ пространствѣ между троянскимъ берегомъ и островомъ Тенедосомъ, были настигнуты и потоплены имъ тринадцать непріятельскихъ пятивесельныхъ судовъ, направлявшихся къ Лемносу подъ предводительствомъ Исидора. Близъ небольшаго острова Неи, между Лемносомъ и Скиросомъ, въ мало посѣщаемомъ мѣстѣ, гдѣ понтійская флотилія въ тридцать два парусныхъ судна была вытащена на берегъ, она была встрѣчена Лукулломъ, который немедленно атаковалъ корабли и разсѣявшійся по острову экипажъ, и завладѣлъ всею эскадрой. Здѣсь Маркъ Марій и лучшіе изъ римскихъ эмигрантовъ нашли смерть, частью въ битвѣ, частью впослѣдствіи подъ мечемъ палача. Весь егейскій флотъ непріятеля былъ уничтоженъ Лукулломъ. Котта и легаты Лукулла, Воконій, Гай Валерій Тріарій и Барба продолжали тѣмъ временемъ войну въ Виѳиніи съ помощью сухопутнаго войска, усиленнаго подкрѣпленіями изъ Италіи, и набранной въ Азіи эскадры. Барба занялъ внутри страны Прузію, близъ Олимпа, и Никею; Тріарій занялъ на берегу моря

Апамею (прежнюю Мирлею) и приморскую Прузію (прежній Кіосъ). Вслѣдъ за тѣмъ полководцы соединились для совмѣстнаго дѣйствія противъ Митридата въ Никомедіи, но царь, не попытавъ даже сраженія, спасся на свои корабли и отплылъ на родину, и даже это удалось ему сдѣлать лишь потому, что отряженный для блокады никомедійской гавани римскій предводитель флота Воконій прибылъ слишкомъ поздно. Во время пути важный городъ Гераклея былъ, правда, измѣннически преданъ царю и занятъ имъ; но настигшая царя въ этихъ водахъ буря потопила болѣе шестидесяти изъ его судовъ и разсѣяла остальныя; царь прибылъ въ Синопъ почти совершенно одинъ. Наступленіе Митридата окончилось полнѣйшимъ и далеко не славнымъ, въ особенности для главнаго руководителя всего предпріятія, пораженіемъ понтійской сухопутной и морской силы.

Теперь Лукуллъ въ свою очередь двинулся для нападенія. Тріарій взялъ на себя начальство надъ флотомъ, съ порученіемъ прежде всего заградить Геллеспонтъ и слѣдить за возвращавшимися изъ Крита и Испаніи понтійскими судами; Котта принялъ на себя осаду Гераклеи; трудное дѣло продовольствія было поручено преданнымъ и дѣятельнымъ властителямъ галатскимъ и царю Каппадокіи, Аріобарзану. Самъ Лукуллъ вступилъ осенью 681 года въ благословенную и издавна не посѣщаемую непріятелемъ понтійскую страну. Митридатъ, рѣшившись теперь держаться строго-оборонительнаго положенія, отступилъ безъ боя изъ Синопа къ Амизу, изъ Амиза къ Кабейрѣ (позднѣйшая Неокесарея, нынѣ Никсаръ), на берегу Лика, притока Ириса; онъ ограничивался тѣмъ, что все глубже увлекалъ за собою непріятеля внутрь страны и все болѣе затруднялъ ему подвозъ припасовъ и поддержку сношеній. Быстро слѣдовалъ за нимъ Лукуллъ; Синопъ остался въ сторонѣ; древняя сципіонова граница, Галисъ, была перейдена; значительные города, Амизъ, Евпаторія (на Ирисѣ), Ѳемискира (на Ѳермодонѣ) были обложены, пока наконецъ зима не положила предѣла переходамъ, но не блокадѣ городовъ. Лукулловы солдаты роптали на непрерывное движеніе впередъ, не давшее имъ возможности пожинать плоды ихъ усилій, и на продолжительныя и тяжелыя въ суровое время года блокады. Но Лукуллъ не имѣлъ обыкновенія выслушивать подобныя жалобы; весною 682 года онъ, немедля, двинулся далѣе къ Кабейрѣ, оставивъ передъ Амизомъ два легіона подъ начальствомъ Люція Мурены.—Въ теченіе зимы царь дѣлалъ новыя попытки, для того чтобы склонить армянскаго властелина къ участію въ борьбѣ; попытки эти остались, какъ и прежде, тщетными или же повели только къ празднымъ обѣщаніямъ. Еще менѣе охоты выказали Парѳяне принять участіе въ этомъ проигранномъ дѣлѣ. Тѣмъ временемъ, въ особенности посредствомъ вербовокъ въ скиѳской странѣ, снова собралась при Кабейрѣ значительная армія подъ начальствомъ Діофанта и Таксила. Римское войско, насчитывав-

шее теперь лишь три легіона и положительно уступавшее понтійскому войску своею конницею, было вынуждено избѣгать по возможности сраженій въ открытомъ полѣ и не безъ труда и потерь достигло Кабейры по непроходимымъ тропинкамъ. Близъ этого города оба войска долгое время стояли другъ противъ друга лагеремъ. Боролись главнѣйшимъ образомъ изъ-за подвоза припасовъ, который былъ скуденъ съ обѣихъ сторонъ. Для этой цѣли Митридатъ составилъ изъ ядра своей конницы и отряда избранныхъ пѣхотинцевъ летучій корпусъ, подъ начальствомъ Діофанта и Таксила, который и долженъ былъ бродить между Ликомъ и Галисомъ и перехватывать римскіе транспорты съ съѣстными припасами, прибывавшіе изъ Каппадокіи. Но помощникъ Лукулла, военачальникъ Маркъ Фабій Адріанъ, сопровождавшій подобный транспортъ, не только разбилъ на голову отрядъ, подстерегавшій его въ ущельѣ и замышлявшій сдѣлать тамъ на него нападеніе, но, получивъ подкрѣпленіе изъ лагеря, разбилъ и армію Діофанта и Таксила, такъ что она вполнѣ разсѣялась. Погибель конницы, на которую царь возлагалъ всѣ свои надежды, была для него незамѣнимою потерею; лишь только онъ получилъ страшную вѣсть отъ первыхъ бѣглецовъ, прибывшихъ съ поля сраженія въ Кабейру (весьма характерно то, что бѣглецами этими были сами разбитые генералы), и еще прежде, чѣмъ извѣстіе о побѣдѣ дошло до Лукулла, царь рѣшился уже на немедленное дальнѣйшее отступленіе.

Побѣда при Кабейрѣ.

Вѣсть о принятомъ царемъ рѣшеніи распространилась съ быстротою молніи среди его приближенныхъ, и лишь только солдаты увидали быстрые сборы довѣренныхъ лицъ царя, какъ и ими овладѣлъ паническій страхъ. Никто не хотѣлъ быть послѣднимъ при отступленіи; знатные и простые люди метались во всѣ стороны, точно испуганная дичь; даже авторитетъ самого царя не признавался болѣе, и самъ онъ былъ увлеченъ въ эту дикую сумагоху. Замѣтивъ неурядицу, Лукуллъ сдѣлалъ нападеніе, и, почти не оказывая сопротивленія, понтійскіе отряды давали рубить себя. Еслибъ легіоны съумѣли сохранить дисциплину и умѣрить свою алчность къ добычѣ, врядъ ли хоть одинъ человѣкъ укрылся бы отъ нихъ, и самъ царь, безъ сомнѣнія, попался бы въ плѣнъ. Съ трудомъ пробрался Митридатъ съ немногими спутниками чрезъ горы въ Коману (недалеко отъ Токата и источниковъ Ириса), откуда его однако вскорѣ снова изгналъ римскій отрядъ подъ начальствомъ Марка Помпея, преслѣдовавшій его до той поры, когда онъ, сопровождаемый уже не болѣе какъ двумя тысячами всадниковъ, переступилъ при Талаврѣ, въ Малой Арменіи, черезъ границу своего царства. Во владѣніяхъ армянскаго царя нашелъ онъ себѣ только убѣжище, но никакъ не болѣе того (конецъ 682 года). Тигранъ велѣлъ, правда, оказывать своему бездомному тестю царскія почести, но не пригласилъ его даже къ своему двору, а держалъ его въ далекой погра-

ничной странѣ, гдѣ онъ находился какъ бы въ почетномъ плѣну. Римскія войска наводнили весь Понтъ и Малую Арменію, и вплоть до Трапеза вся низменность безъ сопротивленія подчинилась побѣдителю. Начальники надъ царскими сокровищницами также выражали покорность, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго колебанія, и выдавали все, что было припасено у нихъ въ кассѣ. Женщинъ изъ царскаго гарема, сестеръ царя, его многочисленныхъ женъ и наложницъ царь повелѣлъ одному изъ своихъ евнуховъ умертвить въ Фарнакеѣ (Керасунтѣ), такъ какъ спасти ихъ бѣгствомъ не было никакой возможности. Упорное сопротивленіе оказали одни только города. Немногіе континентальные города, Кабейра, Амазея, Евпаторія, правда, скоро достались въ руки Римлянъ; но значительнѣйшіе изъ приморскихъ городовъ, Амизъ и Синопъ на Понтѣ, Амастрисъ въ Пафлагоніи, Тіосъ и понтійская Гераклея въ Виѳиніи, сопротивлялись отчаянно, частью одушевляемые привязанностью къ царю и къ защищаемымъ имъ свободнымъ эллинскимъ городскимъ учрежденіямъ, частью устрашенные толпами призванныхъ царемъ корсаровъ. Синопъ и Гераклея выслали даже противъ Римлянъ суда, и синопская эскадра завладѣла римскою флотиліею, которая везла для войска Лукулла хлѣбъ съ таврическаго полуострова. Гераклея пала лишь послѣ двухлѣтней осады, когда римскій флотъ отрѣзалъ городъ отъ всякихъ сношеній съ греческими городами на таврическомъ полуостровѣ, и когда среди самаго гарнизона вспыхнула измѣна. Когда Амизъ былъ доведенъ до крайности, гарнизонъ его зажегъ городъ и сѣлъ на корабли подъ прикрытіемъ пламени. Въ Синопѣ, гдѣ обороною руководили смѣлый капитанъ пиратовъ Селевкъ и Бакхидъ, царскій евнухъ, гарнизонъ разграбилъ городъ до своего удаленія и зажегъ всѣ корабли, которые не могъ взять съ собою; говорятъ, что здѣсь, несмотря на то, что большая часть защитниковъ города могла сѣсть на суда, Лукуллъ все таки умертвилъ восемь тысячъ корсаровъ. Цѣлыхъ два года послѣ битвы при Кабейрѣ и даже нѣсколько долѣе (съ 682 по 684 г.) длились эти осады городовъ, которыя Лукуллъ большею частью велъ при посредствѣ подчиненныхъ ему военачальниковъ, между тѣмъ какъ самъ онъ приводилъ въ порядокъ дѣла провинціи Азіи, нуждавшіяся въ основательной реформѣ, которая и была проведена. Какъ ни замѣчательно съ исторической точки зрѣнія упорное сопротивленіе понтійскихъ торговыхъ городовъ побѣдоноснымъ Римлянамъ, изъ этого однако сначала вышло мало толку; дѣло царя Митридата все таки оставалось проиграннымъ. Армянскій властелинъ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія снова водворить его въ его царство. Вслѣдствіе уничтоженія егейскаго флота римская эмиграція въ Азіи лишилась своихъ лучшихъ представителей; изъ уцѣлѣвшихъ немалое число примирилось съ Лукулломъ, какъ напримѣръ, дѣятельные вожди Лю-

Осада понтійскихъ городовъ.

цій Магій и Люцій Фанній, и со смертью Серторія, погибшаго въ годъ битвы при Кабейрѣ, исчезла послѣдняя надежда эмиграціи. Собственное могущество Митридата было окончательно разрушено, и одна за другою падали и остальныя опоры его; возвращавшіяся изъ Крита и Испаніи эскадры, состоявшія изъ семидесяти парусныхъ судовъ, были настигнуты и уничтожены Тріаріемъ близъ острова Тенедоса. Даже намѣстникъ босфорскаго царства, собственный сынъ царя, Махаръ, отложился отъ него и, какъ самостоятельный властитель таврическаго Херсонеса, заключилъ съ Римлянами по личному усмотрѣнію миръ и дружбу (684 г.). Самъ царь, послѣ далеко не достославнаго сопротивленія, находился въ далекомъ армянскомъ горномъ замкѣ, какъ бѣглецъ изъ своего же царства и почти что плѣнный у собственнаго зятя. Хотя полчища корсаровъ еще держались на Критѣ, хотя еще укрывались на трудно-доступномъ восточномъ прибрежьѣ Чернаго моря, у Саниговъ и Лазовъ, всѣ бѣглецы изъ Амиза и Синопа, тѣмъ не менѣе искусное веденіе войны Лукулломъ, разумная умѣренность, съ которою онъ не считалъ недостойнымъ его внимать законному недовольству провинціаловъ и допускать въ свое войско въ качествѣ офицеровъ раскаявшихся эмигрантовъ, все это при весьма незначительныхъ жертвахъ избавило Малую Азію отъ враговъ и уничтожило понтійское царство, такъ что оно изъ римской подручной страны могло быть превращено въ римскую провинцію. Ожидалась коммиссія сената, для того чтобы, совмѣстно съ главнокомандующимъ, разработать новую провинціальную организацію.

Начало армянской войны.

Но отношенія къ Арменіи все еще не были окончательно установлены. Мы уже прежде указали на то, что объявленіе Римлянами войны Тиграну было бы справедливо, даже требовалось обстоятельствами. Лукуллъ, ближе знакомый съ дѣлами и смотрѣвшій на нихъ съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, чѣмъ коллегія сенаторовъ въ Римѣ, ясно сознавалъ необходимость отодвинуть Арменію за Тигръ и возстановить утраченное Римомъ господство надъ Средиземнымъ моремъ. Въ руководствѣ азіатскими дѣлами Лукуллъ выказалъ себя достойнымъ преемникомъ своего учителя и друга Суллы; большой поклонникъ эллинизма, какъ немногіе изъ современныхъ ему Римлянъ, онъ не былъ равнодушенъ къ обязательству, принятому на себя Римомъ вмѣстѣ съ наслѣдствомъ Александра, именно, къ защитѣ и охранѣ Грековъ на Востокѣ. Личныя побудительныя причины, желаніе пожинать лавры и по ту сторону Евфрата, чувство обиды, причиненное тѣмъ, что армянскій царь въ посланіи къ нему выпустилъ титулъ императора, — все это, конечно, могло повліять на Лукулла; однако, несправедливо предполагать мелочные и эгоистическіе мотивы поступковъ, для объясненія которыхъ весьма достаточно и законныхъ мотивовъ. Но отъ робкой, небрежной, мало свѣдущей и, прежде всего, не выходившей изъ финансовыхъ за-

трудненій административной коллегіи невозможно было ожидать, чтобы она, не будучи къ этому непосредственно вынуждена, взяла на себя иниціативу такой сложной и дорого стоющей экспедиціи. Около 682 года законные представители династіи Селевкидовъ, Антіохъ, прозванный Азіатцемъ, и братъ его, подстрекаемые благопріятнымъ оборотомъ въ понтійской войнѣ, отправились въ Римъ, чтобы добиться римскаго вмѣшательства въ Сиріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признанія ихъ собственныхъ наслѣдственныхъ правъ на Египетъ. Если послѣднее требованіе и не могло быть исполнено, то нельзя было найти болѣе благопріятной минуты или повода для того, чтобы начать давно необходимую войну противъ Тиграна; сенатъ, однако, призналъ обоихъ государей законными владѣтелями Сиріи, но не могъ рѣшиться на вооруженное вмѣшательство. Для того, чтобы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и энергически дѣйствовать противъ Арменіи, Лукуллу слѣдовало начать войну по собственной иниціативѣ и на свой страхъ, безъ надлежащаго порученія отъ сената; онъ, какъ и Сулла, былъ поставленъ въ необходимость начать то, что теперь дѣлалось въ несомнѣнныхъ интересахъ существующаго правительства, не вмѣстѣ съ нимъ, а вопреки ему. Рѣшеніе это облегчалось Лукуллу отношеніями Рима къ Арменіи, давно уже неясно колебавшимися между войною и миромъ и до извѣстной степени прикрывавшими произволъ его образа дѣйствій, давая множество формальныхъ поводовъ къ войнѣ. Каппадокійскія и сирійскія дѣла представляли достаточно поводовъ къ войнѣ, и уже во время преслѣдованія понтійскаго царя римскія войска вторгались во владѣнія армянскаго властителя. Но такъ какъ порученіе, данное Лукуллу, касалось только веденія войны противъ Митридата, а Лукуллъ желалъ связать съ этимъ порученіемъ и новое дѣло, онъ предпочелъ отправить одного изъ своихъ офицеровъ, Аппія Клавдія, къ царю въ Антіохію, съ требованіемъ о выдачѣ Митридата, что, конечно, должно было повести къ войнѣ. Рѣшеніе это было серьозно, въ особенности же принимая въ разсчетъ составъ римской арміи. Во время похода въ Арменію необходима была сильная оккупація обширныхъ понтійскихъ владѣній, такъ какъ иначе стоявшее въ Арменіи войско лишилось бы сношеній съ родиною, да къ тому же легко было предвидѣть и вторженіе Митридата въ его прежнее царство. Войско, во главѣ котораго Лукуллъ окончилъ войну съ Митридатомъ, состоявшее приблизительно изъ тридцати тысячъ человѣкъ, было, очевидно, недостаточно для этой двойной задачи. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ полководецъ просилъ бы свое правительство о присылкѣ ему второй арміи и, конечно, получилъ бы ее, но такъ какъ Лукуллъ хотѣлъ и до извѣстной степени долженъ былъ вести войну вопреки правительству, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ этого, и перенести войну за Евфратъ, имѣя

всего только два легіона, словомъ, не болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ, хотя онъ и включилъ въ ряды своихъ войскъ плѣнныхъ ѳракійскихъ наемниковъ понтійскаго царя. Уже это одно было опасно; однако ничтожность численности могла до извѣстной степени вознаграждаться испытаннымъ мужествомъ арміи, состоявшей сплошь изъ ветерановъ. Гораздо хуже было настроеніе солдатъ, на которыхъ Лукуллъ, по своей аристократической привычкѣ, обращалъ слишкомъ мало вниманія. Лукуллъ былъ отличный генералъ и—съ аристократической точки зрѣнія—честный и доброжелательный человѣкъ, но онъ далеко не былъ любимъ солдатами. Онъ былъ непопуляренъ, какъ рѣшительный приверженецъ олигархіи, а также и потому, что въ Малой Азіи энергически противился страшному ростовщичеству римскихъ капиталистовъ,—непопуляренъ и вслѣдствіе работъ и трудностей, которыя онъ взваливалъ на солдатъ, вслѣдствіе строгой дисциплины, которой онъ требовалъ отъ нихъ, вслѣдствіе того, что онъ по возможности препятствовалъ разграбленію греческихъ городовъ своими войсками, а рядомъ съ этимъ нагружалъ для себя сокровищами востока не одну колесницу, не одного верблюда; не любили его и за утонченное, аристократическое, на эллинскій ладъ, далеко не товарищеское обращеніе, за склонность жить удобно и роскошно всюду, гдѣ это только было возможно. Въ немъ не было и слѣда того обаянія, которое составляетъ личную связь между полководцемъ и солдатомъ. Къ тому же значительная часть его лучшихъ воиновъ имѣла всѣ причины жаловаться на непомѣрное продленіе служебнаго срока. Лучшіе два легіона его были какъ разъ тѣ самые, которые были отведены Флаккомъ и Фимбріемъ на востокъ въ 668 году. Несмотря на то, что еще недавно, вслѣдъ за битвою при Кабейрѣ, имъ была обѣщана отставка, вполнѣ заслуженная тринадцатью походами, Лукуллъ тѣмъ не менѣе перевелъ ихъ теперь за Евфратъ, на встрѣчу новой, необозримой войнѣ,—съ побѣдителями при Кабейрѣ какъ будто хотѣли поступить хуже, чѣмъ съ побѣжденными при Каннахъ. Въ самомъ дѣлѣ, для полководца было болѣе, чѣмъ отважно, предпринять экспедицію на собственный страхъ и, такъ сказать, противозаконно, къ тому же еще съ столь слабыми и плохо настроенными войсками, въ страну далекую и невѣдомую, съ бурными потоками и снѣговыми горами, страну, которая уже однимъ своимъ громаднымъ протяженіемъ дѣлала опаснымъ всякое легкомысленно предпринятое нападеніе. Неоднократно и не безъ основанія порицалось поэтому въ Римѣ поведеніе Лукулла; не слѣдовало бы только при этомъ умалчивать, что неумѣлость самого правительства дала ближайшій поводъ къ этому отважному наступленію полководца и, если и не оправдывала, то извиняла его.

Переходъ Лукулла за

Уже одна отправка Аппія Клавдія имѣла цѣлью не только дипломатически мотивировать войну, но и поднять противъ армянскаго царя

Евфратъ; осада и битва при Тигранокертѣ.

прежде всего города и властителей Сиріи; весною 685 года послѣдовало формальное нападеніе. Въ продолженіе зимы царь Каппадокіи втихомолку приготовлялъ транспортныя суда; на нихъ была совершена переправа чрезъ Евфратъ при Милитенѣ, и войско двинулось далѣе къ Тигру чрезъ таврскія ущелья. Лукуллъ переправился и чрезъ Тигръ близъ Амида (Діарбекра), и направился къ большой дорогѣ, которая тянулась отъ Низибіи къ сѣверу и соединяла вновь основанную армянскую столицу, Тигранокерту *), съ старинною метрополіею, Артаксатою. Здѣсь расположился станомъ самъ армянскій царь, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Сиріи, послѣ того какъ онъ, въ виду усложненій съ Римлянами, отсрочилъ свои завоевательные планы относительно береговъ Средиземнаго моря. Онъ только что обдумывалъ вторженіе въ Римскую Малую Азію изъ Киликіи и Ликаоніи, и соображалъ. тотчасъ ли очистятъ Римляне Азію, или же встрѣтятся съ нимъ прежде того въ какой-нибудь битвѣ, быть можетъ при Эфесѣ,—какъ вдругъ ему доставили вѣсть о приближеніи Лукулла, грозившаго отрѣзать его отъ всякихъ сношеній съ Артаксатою. Онъ велѣлъ повѣсить гонца; тѣмъ не менѣе тягостная дѣйствительность осталась неизмѣнною; онъ покинулъ тогда новую столицу, направляясь внутрь Арменіи, чтобы вооружаться тамъ противъ Римлянъ,—чего не было сдѣлано до той поры. Тѣмъ временемъ Митробарзанъ долженъ былъ задерживать Римлянъ съ бывшими наготовѣ войсками и созванными второпяхъ сосѣдними бедуинскими племенами. Но корпусъ Митробарзана былъ разсѣянъ еще римскимъ авангардомъ, Арабы же—отрядомъ, предводительствуемымъ Секстиліемъ. Лукуллъ достигъ дороги, ведущей изъ Тигранокерты къ Артаксатѣ, и въ то время, какъ на правомъ берегу Тигра римскій отрядъ преслѣдовалъ направившагося къ сѣверу армянскаго царя, самъ Лукуллъ перешелъ на лѣвую сторону и сталъ передъ Тигранокертой. Никогда не изсякавшій дождь стрѣлъ, которыми гарнизонъ осыпалъ римское войско, и заряженіе осадныхъ машинъ нефтью, открыли здѣсь Римлянамъ новыя опасности иранскихъ войнъ, а храбрый комендантъ Манкэй удерживалъ за собой городъ, пока наконецъ изъ всѣхъ частей обширнаго царства и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей, доступныхъ армянскимъ вербовщикамъ, не собралась сильная царская резервная армія и не придвинулась чрезъ сѣверовосточныя ущелья на выручку къ столицѣ. Испытанный уже въ

*) Тигранокерта, повидимому, находилась въ окрестностяхъ Мардина, приблизительно въ двухъ переходахъ отъ Низибіи; это доказалъ Захау (Ueber die Lage von Tigranokerta, Abh. der Berl. Akademie, 1880), предпринявшій изслѣдованіе на мѣстѣ; предложенное имъ точное опредѣленіе пункта еще остается подъ сомнѣніемъ. Противъ его изложенія похода Лукулла говоритъ то обстоятельство, что по маршруту, принимаемому Захау, не можетъ быть рѣчи о переходѣ черезъ Тигръ.

войнахъ Митридата вождь Таксилъ совѣтовалъ избѣгать сраженія, а вмѣсто того окружить конницею небольшой римскій отрядъ и сморить его голодомъ. Но, когда царь увидалъ, что римскій полководецъ, рѣшившійся дать сраженіе, не снимая для того осады, двинулся, имѣя немного болѣе десяти тысячъ человѣкъ, противъ силы въ двадцать разъ его превосходившей, и отважно перешелъ рѣку, раздѣлявшую оба войска; когда онъ съ одной стороны обозрѣлъ этотъ небольшой отрядъ «слишкомъ многочисленный для посольства, слишкомъ малый для войска», съ другой же стороны увидалъ свои громадныя полчища, гдѣ народности береговъ Чернаго и Каспійскаго морей встрѣчались съ народностями Средиземнаго моря и Персидскаго залива, гдѣ грозные, покрытые желѣзомъ и вооруженные пиками всадники одни уже были многочисленнѣе всего Лукуллова войска, и гдѣ не было недостатка и въ пѣхотѣ, вооруженной по римскому образцу, — тогда царь рѣшился неотлагательно принять требуемое непріятелемъ сраженіе. Но пока армянская армія еще выстраивалась для битвы, зоркое око Лукулла усмотрѣло, что она упустила занять высоту, господствовавшую надъ позиціею ея конницы; онъ поспѣшилъ занять ее двумя когортами, между тѣмъ какъ слабая конница его отвлекала вниманіе непріятеля отъ этого движенія нападеніемъ съ фланга. Лишь только онъ достигъ вершины, какъ онъ немедленно повелъ свой маленькій отрядъ въ тылъ непріятельской кавалеріи. Она была совершенно разсѣяна и бросилась на не вполнѣ выстроившуюся еще пѣхоту, которая и бѣжала, не вступивъ даже въ бой. Бюллетень побѣдителя, возвѣщавшій о гибели ста тысячъ Армянъ и одного Римлянина, и о томъ, какъ царь, бросивъ тюрбанъ и головную повязку, умчался незамѣченный съ небольшимъ числомъ всадниковъ, былъ составленъ въ стилѣ Лукуллова учителя, Суллы; тѣмъ не менѣе, одержанная при Тигранокертѣ 6 октября 685 года побѣда остается звѣздою первой величины въ славной военной исторіи Рима, и побѣда эта была не менѣе важна и по результатамъ. Всѣ отнятыя у Парѳянъ или Сирійцевъ мѣстности къ югу отъ Тигра были вслѣдствіе этого событія стратегически потеряны для Армянъ и по большей части безъ дальнѣйшихъ хлопотъ переходили во власть побѣдителя. Вновь сооруженная вторая армянская столица сдѣлала въ этомъ случаѣ починъ. Насильственно поселенные въ ней многочисленные греческіе колонисты возмутились противъ гарнизона и открыли римскому войску ворота города, который былъ отданъ солдатамъ на разграбленіе. Столица эта была создана для новой великой державы и уничтожена вмѣстѣ съ ней. Армянскій сатрапъ Магадатъ уже вывелъ всѣ войска изъ Киликіи и Сиріи для усиленія арміи, собранной передъ Тигранокертою. Лукуллъ вступилъ въ самую сѣверную часть Сиріи, Коммагену, и штурмовалъ ея столицу, Самосату; до настоящей Сиріи онъ однако не дошелъ; тѣмъ не менѣе отъ династовъ и общинъ, вплоть до самаго

Чернаго моря, отъ Эллиновъ, Сирійцевъ, Іудеевъ, Арабовъ, прибывали послы на поклонъ къ Римлянамъ, какъ къ новымъ сюзеренамъ. Даже властитель Кордуены, мѣстности, лежавшей на востокѣ отъ Тигранокерты, выразилъ покорность; за то въ Низибіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Месопотаміи, удержался братъ армянскаго царя, Гурасъ. Лукуллъ во что бы то ни стало появлялся всюду, какъ защитникъ эллинскихъ властителей и гражданства; въ Коммагенѣ онъ возвелъ на престолъ князя изъ дома Селевкидовъ, Антіоха; Антіоха же, прозваннаго Азіатцемъ, вернувшагося въ Антіохію послѣ отступленія Армянъ, Лукуллъ призналъ сирійскимъ царемъ; насильственно поселенныхъ колонистовъ Тигранокерты онъ снова отпустилъ на родину. Необъятные запасы и сокровища армянскаго царя (хлѣба было взято тридцать милліоновъ медимнъ, одними деньгами въ Тигранокертѣ 8000 талантовъ=$12\frac{1}{2}$ милліоновъ талеровъ) дали Лукуллу возможность покрыть военные расходы, не прибѣгая къ государственной казнѣ, и дать каждому солдату, кромѣ самаго щедраго продовольствія, еще вознагражденіе въ восемьсотъ динаріевъ (240 талеровъ).

Тигранъ и Митридатъ.—Возобновленіе войны. Армянскій царь былъ глубоко униженъ. Это былъ человѣкъ слабохарактерный, чванливый въ счастіи, унывающій въ бѣдѣ; между нимъ и Лукулломъ, вѣроятно, состоялось бы соглашеніе, которое царь имѣлъ всѣ причины купить даже значительными жертвами; римскій же полководецъ могъ его даровать на сносныхъ условіяхъ, еслибъ только на лицо не было старика Митридата. Митридатъ не принималъ участія въ битвахъ при Тигранокертѣ. Освобожденный въ половинѣ 684 года послѣ двадцатимѣсячнаго заключенія, вслѣдствіе натянутости, установившейся между армянскимъ властителемъ и Римлянами, онъ былъ отправленъ въ свое прежнее царство съ 10,000 всадниковъ, чтобы угрожать оттуда сообщеніямъ непріятеля. Отозванный отсюда, еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-либо сдѣлать, въ ту минуту, когда армянскій царь созывалъ всѣ свои наличныя силы для освобожденія сооруженной имъ столицы, онъ, еще до прибытія передъ Тигранокерту, встрѣчалъ уже бѣжавшіе съ поля сраженія отряды. Дѣло считали потеряннымъ всѣ, начиная съ армянскаго царя и кончая простыми солдатами. Если же Тигранъ заключилъ бы теперь миръ, то для Митридата не только исчезла бы послѣдняя возможность возвращенія въ свое царство, но выдача его была бы, безъ сомнѣнія, первымъ условіемъ мира, и навѣрное Тигранъ не иначе поступилъ бы въ отношеніи его, чѣмъ нѣкогда Бокхъ въ отношеніи Югурты. Вслѣдствіе этого царь употребилъ все свое личное вліяніе, чтобы препятствовать этому обороту дѣлъ и склонить армянскій дворъ къ продолженію войны, во время которой онъ ничѣмъ не рисковалъ, а могъ только выиграть; хотя и бѣглецъ, лишенный престола, Митридатъ пользовался далеко не

ничтожнымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ все еще былъ осанистымъ и сильнымъ человѣкомъ и могъ, хотя ему было и за шестьдесятъ лѣтъ, вскочить на лошадь въ полномъ вооруженіи и помѣряться силами съ противникомъ въ рукопашной схваткѣ, наряду съ лучшими бойцами. Годы и судьба закалили его духъ; тогда какъ въ прежнее время онъ высылалъ въ дѣло своихъ военачальниковъ и не принималъ непосредственнаго участія въ войнѣ, мы встрѣчаемъ его въ старости лично предводительствующимъ въ бою, или сражающимся. Ему, пережившему во время своего пятидесятилѣтняго царствованія столько неслыханныхъ поворотовъ въ счастіи, дѣло армянскаго царя отнюдь не казалось проиграннымъ вслѣдствіе пораженія при Тигранокертѣ; напротивъ того, положеніе Лукулла казалось ему очень труднымъ и, если миръ не будетъ заключенъ и война поведется далѣе цѣлесообразнымъ способомъ, даже въ высшей степени опаснымъ. Многоиспытанный старецъ, годившійся почти въ отцы армянскому царю и имѣвшій теперь случай лично повліять на него, покорилъ этого слабаго человѣка своей энергіею и склонилъ его не только рѣшиться на продолженіе войны, но и поручить ему самому политическое и военное руководство ею. Изъ кабинетной войны она должна была сдѣлаться теперь національно азіатскою; цари и народности Азіи должны были соединиться противъ всесильныхъ и заносчивыхъ западныхъ завоевателей. Были сдѣланы величайшія усилія, для того, чтобы примирить между собою Армянъ и Пароянъ и склонить ихъ къ совмѣстной войнѣ противъ Рима. По предложенію Митридата Тигранъ вызвался возвратить Арзакиду Фраату, прозванному *Богомъ* (воцарился съ 684 г.) отнятыя Арменіею месопотамскія земли, Адіабену или «Большія Долины», и заключить съ нимъ дружественный союзъ. Однако, послѣ всего совершившагося, предложеніе это врядъ ли могло встрѣтить благопріятный пріемъ; Фраатъ предпочелъ обезпечить за собою границы Евфрата договоромъ, заключеннымъ не съ Армянами, а съ Римлянами, и спокойно слѣдить за тѣмъ, какъ будутъ уничтожать другъ друга ненавистный ему сосѣдъ и неудобные чужеземцы. Съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ отношеніи царей, обратился Митридатъ къ народностямъ востока. Не трудно было изобразить войну національною борьбою востока съ западомъ, такъ какъ она дѣйствительно была таковою; легко можно было превратить ее и въ религіозную войну и распустить слухъ, что цѣлью нашествія Лукуллова войска было завладѣніе храмомъ персидской Нанеи или Анаиты въ Элимаидѣ или нынѣшнемъ Луристанѣ, наиболѣе чествуемымъ и богатымъ святилищемъ на всемъ прибрежьѣ Евфрата *). Толпами стекались изъ дальнихъ

*) Цицеронъ (de imp. Pomp., 9, 23), вѣроятно, не говоритъ здѣсь ни о чемъ иномъ, кромѣ богатаго храма въ Элимаидѣ, куда постоянно направлялись разбойничьи набѣги сирійскихъ и пароянскихъ царей (Страбонъ, II, 744; Полиб.

и близкихъ мѣстъ Азіатцы подъ знамена царей, созывавшихъ ихъ на защиту востока и его боговъ противъ безбожныхъ иноземцевъ. Но факты уже доказали, что простое скопленіе громадныхъ полчищъ не только было безплодно, но что, благодаря смѣшенію съ ними, отряды, даже дѣйствительно способные къ борьбѣ и къ переходамъ, становились негодными и вовлекались въ общую гибель. Митридатъ прежде всего старался усовершенствовать тотъ родъ войска, который въ одно и тоже время былъ слабѣйшимъ у западныхъ народовъ и наиболѣе сильнымъ у народовъ Азіи, именно, конницу: въ ново-созданной имъ арміи половину солдатъ составляли всадники. Для службы въ пѣхотѣ онъ тщательно выбиралъ изъ массы созванныхъ или добровольно явившихся рекрутовъ наиболѣе годныхъ людей и поручалъ ихъ обученіе своимъ понтійскимъ офицерамъ. Значительное войско, вскорѣ снова стоявшее подъ знаменами армянскаго царя, не предназначалось, однако, для борьбы съ римскими ветеранами на первомъ попавшемся полѣ сраженія, а должно было ограничиваться обороною и малою войною. Послѣднюю кампанію въ своемъ государствѣ Митридатъ также велъ, постоянно отступая и избѣгая сраженія; и теперь онъ принялъ ту-же тактику. Для театра войны предназначалась собственно Арменія, наслѣдственныя владѣнія Тиграна, до которыхъ еще не коснулся непріятель, и которыя, какъ по своимъ природнымъ условіямъ, такъ и по патріотизму своихъ обитателей, особенно годились для этого способа веденія войны.

Неудовольствіе противъ Лукулла въ столицѣ и въ арміи.

686 годъ засталъ Лукулла въ положеніи затруднительномъ, ежедневно становившемся все опаснѣе. Несмотря на его блестящія побѣды, имъ далеко не были довольны въ Римѣ. Сенатъ былъ оскорбленъ произволомъ его образа дѣйствій; чувствительно затронутая имъ партія капиталистовъ пускала въ ходъ всѣ средства интриги и подкупа, чтобы добиться его отзыва изъ арміи. Ежедневно столичный рынокъ оглашался справедливыми и несправедливыми жалобами на безумно отважнаго, алчнаго, враждебнаго Риму, измѣнническаго полководца. Жалобамъ на соединеніе въ рукахъ такого человѣка столь безграничной власти,—управленія двумя намѣстничествами и предводительства войскомъ, обставленнаго чрезвычайными полномочіями,—сенатъ уступилъ уже настолько, что предназначилъ провинцію Азію одному изъ преторовъ, провинцію же Киликію, вмѣстѣ съ тремя вновь избранными легіонами, консулу Квинту Марцію Рексу, и ограничилъ полководца однимъ только предводительствомъ войска, дѣйствовавшаго противъ Митридата и Тиграна. Обвиненія эти, раздававшіяся въ Римѣ противъ полководца, находили себѣ опасный отго-

---

31, 11; 1. Маккав., 6, и мн. др.) и, вѣроятно, разумѣетъ именно этотъ храмъ, какъ наиболѣе извѣстный; ни въ какомъ случаѣ нельзя подразумѣвать тутъ храмъ въ Команѣ, или вообще какое-либо святилище въ понтійскомъ царствѣ.

лосокъ въ главныхъ квартирахъ на Ирисѣ и Тигрѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры, и въ томъ числѣ собственный зять полководца, Публій Клодій, дѣйствовали въ этомъ смыслѣ на солдатъ. Слухъ, безъ сомнѣнія преднамѣренно распространенный ими, будто Лукуллъ замышлялъ теперь соединить съ понтійско-армянской войною еще и экспедицію противъ Парѳянъ, поддерживалъ озлобленіе въ войскѣ.

Въ то время, какъ тяжелое настроеніе правительства и солдатъ грозило побѣдоносному полководцу возвращеніемъ на родину и возстаніемъ, самъ онъ, подобно отчаянному игроку, продолжалъ увеличивать свою ставку и свой рискъ. Онъ не двинулся, правда, противъ Парѳянъ, но, видя, что Тигранъ не выказывалъ готовности заключить миръ, или, какъ этого желалъ Лукуллъ, дать второе большое сраженіе, онъ рѣшился проникнуть отъ Тигранокерты чрезъ непроходимую горную страну, вдоль восточнаго берега озера Вана, въ долину восточнаго Евфрата (или Арзанія, нынѣ Мурадъ-Чая), а отсюда въ долину Аракса, гдѣ на сѣверномъ склонѣ Арарата находилась столица настоящей Арменіи, Артаксата, съ родовымъ замкомъ и гаремомъ царя. Угрожая наслѣдственной резиденціи его, онъ надѣялся принудить его сразиться съ нимъ или по дорогѣ, или, по крайней мѣрѣ, передъ Артаксатою. Необходимо было, конечно, оставить отрядъ при Тигранокертѣ, и такъ какъ уменьшить находившееся въ походѣ войско было невозможно, то ничего не оставалось дѣлать, какъ ослабить позицію на Понтѣ и призвать оттуда войска къ Тигранокертѣ. Главная трудность заключалась, однако, въ столь неудобной для военныхъ предпріятій краткости армянскаго лѣта. На армянской плоской возвышенности, лежащей на 5000 футовъ, и даже болѣе, надъ поверхностью моря, рожь въ окрестностяхъ Эрзерума даетъ ростки лишь въ началѣ іюня, и въ сентябрѣ вмѣстѣ съ жатвою наступаетъ и начало зимы; необходимо было, не болѣе какъ въ четыре мѣсяца, достигнуть Артаксаты и окончить кампанію. Въ половинѣ лѣта 686 года Лукуллъ выступилъ изъ подъ Тигранокерты и, двигаясь, безъ сомнѣнія, чрезъ Битлійское ущелье и далѣе къ западу, вдоль озера Вана, достигъ мушской плоской возвышенности и береговъ Евфрата. Походъ, при непрерывныхъ, очень тягостныхъ стычкахъ съ непріятельскою конницею, въ особенности же съ верховыми стрѣлками, совершался медленно, но безъ существенныхъ препятствій, и даже переправа чрезъ Евфратъ, энергично защищаемая армянскою конницею, была удачно взята съ бою; показалась и армянская пѣхота, но вовлечь ее въ схватку не удалось. Такимъ образомъ армія достигла плоской возвышенности и продолжала углубляться въ невѣдомую страну. Она не претерпѣла еще пока настоящей неудачи, но уже простое, неизбѣжное замедленіе похода трудностями почвы и стычками съ непріятельскою конницею было для нея весьма чувствительнымъ ущербомъ. Еще задолго до приближенія

Вступленіе Лукулла въ Арменію и обратное движеніе къ Месопотаміи.

войска къ Артаксатѣ наступила зима, и, только что италійскіе солдаты увидали вокругъ себя снѣгъ и ледъ, военная дисциплина порвалась, какъ слишкомъ туго натянутая струна. Вспыхнувшій мятежъ вынудилъ полководца организовать отступленіе, что онъ сдѣлалъ съ обычной ловкостью. Счастливо достигнувъ Месопотаміи, гдѣ время года допускало еще дальнѣйшія предпріятія, Лукуллъ перешелъ чрезъ Тигръ и бросился со всей массой своего войска на послѣдній городъ, оставшійся еще за Армянами въ Месопотаміи, именно на Низибію.

Завоеваніе Низибіи и битвы при Понтѣ и Тигранокертѣ. Армянскій царь, наученный опытомъ, пріобрѣтеннымъ при Тигранокертѣ, предоставилъ городъ самому себѣ; несмотря на храбрую оборону, онъ былъ взятъ штурмомъ осаждающими въ темную, дождливую ночь, и войско Лукулла нашло здѣсь не менѣе богатую добычу и не менѣе удобныя зимнія квартиры, чѣмъ въ предыдущемъ году въ Тигранокертѣ. Но тѣмъ временемъ вся сила непріятельскаго наступленія обрушилась на слабые римскіе корпуса, оставшіеся на Понтѣ и въ Арменіи. Здѣсь Тигранъ вынудилъ римскаго военачальника, Люція Фаннія, того самаго, который нѣкогда былъ посредникомъ между Серторіемъ и Митридатомъ—броситься въ крѣпость, и осадилъ его тамъ. Туда вступилъ Митридатъ съ 4000 армянскихъ и 4000 собственныхъ всадниковъ и, какъ освободитель и мститель, призывалъ народъ къ возстанію противъ врага страны. Всѣ примкнули къ нему; разсѣявшихся римскихъ воиновъ всюду захватывали и умерщвляли; когда римскій военачальникъ въ Понтѣ, Адріанъ, повелъ свои войска противъ Митридата, бывшіе наемники царя и многочисленные Понтійцы, слѣдовавшіе за войскомъ въ качествѣ рабовъ, перешли на сторону непріятеля. Два дня сряду длилась неравная борьба; только благодаря тому, что царя пришлось унести съ поля битвы послѣ двухъ полученныхъ имъ ранъ, римскій военачальникъ имѣлъ возможность прервать почти проигранную битву и броситься съ небольшимъ остаткомъ своего войска къ Кабейрѣ. Другой изъ подчиненныхъ Лукуллу военачальниковъ, случайно прибывшій въ эту мѣстность, энергическій Тріарій, собралъ, правда, вокругъ себя отрядъ и счастливо боролся съ царемъ, но былъ слишкомъ малосиленъ, чтобы изгнать его съ понтійской почвы и долженъ былъ допустить царя расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Команѣ.

Дальнѣйшее отступленіе къ Понту. Такимъ образомъ приблизилась весна 687 года. Скопленіе войска при Низибіи, праздность на зимнихъ квартирахъ, частыя отлучки полководца, усилили тѣмъ временемъ еще болѣе распущенность арміи; она не только настойчиво требовала возвращенія на родину, но уже становилось достаточно очевиднымъ, что, въ случаѣ отказа полководца вести ее обратно, она двинется и сама по себѣ. Запасы были скудны; въ этомъ стѣсненномъ положеніи Фанній и Тріарій обращались къ главнокомандующему съ настойчивыми просьбами о помощи.

Съ тяжелымъ сердцемъ рѣшился Лукуллъ уступить необходимости, очистить Низибію и Тиграноверту и, отказавшись отъ всѣхъ блестящихъ надеждъ, подаваемыхъ его армянской экспедиціею, вернуться на правый берегъ Евфрата. Фанній былъ освобожденъ, но въ Понтъ Лукуллъ уже опоздалъ. Тріарій, недостаточно сильный для борьбы съ Митридатомъ, занялъ крѣпкую позицію при Газіурѣ (Турксалъ на Ирисѣ, къ западу отъ Токата), между тѣмъ какъ обозъ оставался при Дадазѣ. Когда, однако, Митридатъ осадилъ этотъ послѣдній пунктъ, римскіе солдаты, озабоченные мыслью о своемъ имуществѣ, вынудили полководца покинуть безопасную позицію, и дать царю сраженіе между Газіурой и Зіелой (Zilleh), на скотійскихъ высотахъ. То, что предвидѣлъ Тріарій, случилось; несмотря на мужественнѣйшее сопротивленіе, флангъ, предводительствуемый самимъ царемъ, прорвалъ римскую линію и стѣснилъ пѣхоту въ глинистое ущелье, гдѣ она не могла двинуться ни впередъ, ни въ сторону, и была безпощадно изрублена. Правда, что, благодаря одному римскому центуріону, пожертвовавшему для этого своей жизнью, царь былъ раненъ на смерть, но пораженіе было отъ этого не менѣе полно. Римскій лагерь былъ взятъ; лучшіе изъ пѣхотинцевъ, почти всѣ главные начальники и простые офицеры покрывали своими тѣлами землю; трупы оставались на полѣ сраженія непохороненными, и когда Лукуллъ прибылъ на правый берегъ Евфрата, онъ узналъ о пораженіи не отъ своихъ, а изъ отзывовъ туземцевъ.—Одновременно съ этимъ пораженіемъ вспыхнулъ было и военный заговоръ. Какъ разъ въ это время прибыла изъ Рима вѣсть, что народъ порѣшилъ дать отставку солдатамъ, чей законный срокъ служенія истекъ (именно Фимбріанцамъ), и передать одному изъ консуловъ текущаго года главное начальство въ Виѳиніи и Понтѣ; уже прибылъ въ Малую Азію преемникъ Лукулла, консулъ Маній Ацилій Глабріонъ. Отставка лучшихъ и самыхъ безпокойныхъ легіоновъ и удаленіе главнокомандующаго, въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ пораженіемъ при Зіелѣ, порвали въ войскѣ всѣ связи авторитета, какъ разъ въ то время, когда полководецъ всего болѣе нуждался въ немъ. Онъ стоялъ въ Малой Арменіи противъ понтійскихъ войскъ, во главѣ которыхъ зять Тиграна, Митридатъ мидійскій, уже имѣлъ съ Римлянами счастливую кавалерійскую стычку; туда же надвигались изъ Арменіи и главныя силы армянскаго царя. Лукуллъ отправилъ гонцовъ къ новому намѣстнику Киликіи, Квинту Марію, только что прибывшему въ Ликаонію съ тремя легіонами, на пути въ свою провинцію, и просилъ у него помощи; Квинтъ Марій объявилъ, что его солдаты отказываются идти въ Арменію. Лукуллъ обратился къ Глабріону съ просьбою взять на себя переданное ему народомъ главное начальство; Глабріонъ выказалъ еще менѣе готовности взяться за эту задачу, сдѣлавшуюся теперь столь трудною и опасною. Лукуллъ, вынужден-

Пораженіе Римлянъ при Зіелѣ.

ный остаться главнокомандующимъ и не желая сражаться при Талаврѣ одновременно и противъ армянской арміи и противъ понтійцевъ, издалъ приказъ двинуться противъ надвигающагося армянскаго войска. Солдаты повиновались приказанію выступать; но, прибывъ на то мѣсто, гдѣ развѣтвлялись пути въ Арменію и Каппадокію, масса войска направилась по послѣднему пути и двинулась въ провинцію Азію. Здѣсь Фимбріанцы потребовали себѣ немедленной отставки, и, хотя они и отказались отъ этого требованія по настоятельной просьбѣ главнокомандующаго и прочихъ отрядовъ, но все-таки остались при своемъ намѣреніи разойтись, если съ наступленіемъ зимы они не увидятъ передъ собою непріятеля, что и случилось. Митридатъ не только снова занялъ почти все свое царство, но всадники его объѣздили и всю Каппадокію вплоть до Виѳиніи; такъ-же тщетно просилъ помощи у Квинта Марія, Лукулла и Глабріона и царь Аріобарзанъ. Это былъ странный, почти невѣроятный исходъ войны, веденной столь блестящимъ образомъ. Если принять въ соображеніе одни только военныя дѣянія, то врядъ-ли хоть одинъ римскій генералъ совершилъ столько подвиговъ съ такими малыми средствами, какъ Лукуллъ. Дарованія и счастіе Суллы, казалось, перешли на ученика его. Что при существовавшихъ обстоятельствахъ римское войско могло вернуться въ цѣлости въ Малую Азію—это является такимъ чудомъ въ военномъ дѣлѣ, которое, на сколько мы можемъ судить, далеко превосходитъ отступленіе Ксенофонта и объясняется прежде всего солидностью военнаго дѣла у Римлянъ и негодностью его у народовъ востока, но во всякомъ случаѣ это обезпечиваетъ за руководителемъ похода почетное мѣсто въ кругу первоклассныхъ военныхъ дарованій. Если имя Лукулла не упоминается обыкновенно въ числѣ ихъ, то причина этого заключается, повидимому, отчасти въ томъ, что до насъ не дошло сколько-нибудь сноснаго военнаго отчета о его походахъ, отчасти-же и въ томъ, что всюду, въ особенности на войнѣ, ничто не цѣнится, кромѣ конечнаго результата, который въ этомъ случаѣ равнялся, полному пораженію. Благодаря послѣднему несчастному повороту въ дѣлахъ, главнѣйшимъ образомъ благодаря возмущенію между солдатами, были утрачены всѣ результаты восьмилѣтней войны; зимою 687/8 года Римляне стояли какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они были зимою 679/80 года.

Война съ пиратами и пораженіе Антонія при Кидоніи.

Отнюдь не болѣе удачные результаты, чѣмъ континентальная война, дала и морская война противъ пиратовъ, начавшаяся одновременно съ первою и постоянно находившаяся съ нею въ тѣснѣйшей связи. Мы уже сообщали, что въ 680 году сенатъ принялъ разумное рѣшеніе поручить очищеніе моря отъ корсаровъ одному лишь адмиралу, претору Марку Антонію. Но съ самаго начала была сдѣлана ошибка въ выборѣ вождя, или, вѣрнѣе, тѣ, кто провелъ эту весьма цѣлесообразную мѣру, не взвѣсили, что въ

сенатѣ всѣ личные вопросы рѣшались вліяніемъ Цетега и другими соображеніями извѣстнаго кружка. Помимо этого, сенатъ не снабдилъ избраннаго имъ адмирала деньгами и кораблями, соотвѣтственно его обширной задачѣ, такъ что онъ своими страшными поборами сдѣлался почти такъ-же тягостенъ дружественнымъ провинціаламъ, какъ и сами корсары. Результатъ соотвѣтствовалъ этому обстоятельству. Въ кампанскихъ водахъ флотъ Антонія взялъ извѣстное число разбойничьихъ судовъ. Съ Критянами-же, заключившими дружбу и союзъ съ пиратами, и наотрѣзъ отказавшимися отъ этого союза, дѣло дошло до сраженія; цѣпи, запасъ которыхъ Антоній заботливо сдѣлалъ на своихъ корабляхъ, чтобы сковывать ими плѣнныхъ флибустьеровъ, послужили только для того, чтобы приковать къ мачтамъ захваченныхъ римскихъ судовъ квестора и прочихъ римскихъ плѣнныхъ, когда критскіе полководцы, Ласѳенъ и Панаръ, съ торжествомъ возвращались къ Кидоніи послѣ морского сраженія, даннаго ими Римлянамъ близъ ихъ острова. Послѣ того какъ Антоній истратилъ громадныя суммы на столь легкомысленно веденную имъ войну и не достигнулъ ни малѣйшаго результата, онъ умеръ въ 683 году на Критѣ. Отчасти дурной успѣхъ экспедиціи, отчасти дороговизна сооруженія флота и нерасположеніе олигархіи ко всякой болѣе полномочной административной власти были причиною того, что, послѣ фактическаго завершенія этой экспедиціи смертью Антонія, не назначали уже одного главнаго адмирала, а была напротивъ принята старая система, состоявшая въ томъ, что каждому намѣстнику поручалось подавленіе морского разбоя въ его области, какъ дѣлалъ, напримѣръ, въ Егейскомъ морѣ созданный Лукулломъ флотъ.

Критская война и покореніе Крита Метелломъ

Что же касается Критянъ, то даже этому павшему поколѣнію показалось, что на позоръ въ родѣ того, который былъ вынесенъ Римлянами при Кидоніи, можно было отвѣчать только объявленіемъ войны. Тѣмъ не менѣе критскіе послы, появившіеся въ Римѣ въ 684 году съ просьбою взять назадъ плѣнныхъ и возстановить прежній союзъ, едва не добились благопріятнаго сенатскаго постановленія; то, что вся корпорація считала позоромъ, продавалось охотно за звонкую монету отдѣльными сенаторами. Лишь послѣ того, какъ формальное постановленіе сената признало займы, сдѣланные критскими послами у римскихъ банкировъ, т. е. послѣ того какъ сенатъ поставилъ самого себя въ невозможность быть подкупленнымъ, состоялся декретъ, обязывавшій критскія общины, если онѣ желали избѣжать войны, выдать Римлянамъ для надлежащаго наказанія, кромѣ римскихъ перебѣжчиковъ, также и виновниковъ кидонскаго преступленія, предводителей войска, Ласѳена и Панара, далѣе, всѣ корабли и лодки, имѣвшія четыре и болѣе веселъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить четыреста заложниковъ и заплатить пеню въ 4000 талан-

товъ (6.250.000 талеровъ). Когда послы объявили, что не имѣютъ полномочій для заключенія подобныхъ условій, одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года былъ назначенъ для отправки на Критъ по истеченіи своего должностного срока, чтобы принять тамъ требуемое, или же начать войну. На основаніи этого, въ 686 году появился въ критскихъ водахъ проконсулъ Квинтъ Метеллъ. Общины острова, съ болѣе значительными городами, Гортиною, Кноссомъ, Кидоніею во главѣ, рѣшились лучше защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ подчиниться этимъ черезмѣрнымъ требованіямъ. Критяне были развращенный, безчестный народъ, съ общественною и частною жизнью котораго морской разбой былъ такъ же тѣсно связанъ, какъ разбой на сушѣ съ общиннымъ бытомъ Этолійцевъ, но они походили на Этолійцевъ кромѣ многихъ другихъ сторонъ, также и своей храбростью, и эти двѣ греческія общины были единственными, гдѣ борьба за независимость велась мужественно и честно. При Кидоніи, гдѣ Метеллъ высадилъ свои три легіона, стояла критская армія въ 24.000 человѣкъ, готовая встрѣтить его подъ предводительствомъ Ласѳена и Панара; завязалась битва въ открытомъ полѣ, въ которой послѣ жестокой борьбы побѣда осталась за Римлянами. Тѣмъ не менѣе города, защищаемые своими стѣнами, упорно противились римскому полководцу; Метеллъ долженъ былъ рѣшиться осаждать одинъ городъ за другимъ. Прежде всего Кидонія, куда бросились обломки разбитой арміи, была сдана послѣ долгой осады Панаромъ, которому было обѣщано за это свободное отступленіе. Ласѳенъ, скрывшійся изъ города, долженъ былъ вынести вторичную осаду въ Кноссѣ, и когда и эта крѣпость была готова къ сдачѣ, онъ уничтожилъ свои сокровища и снова бѣжалъ въ тѣ мѣстности, которыя, какъ Ликтосъ, Элевѳерна и другія, еще продолжали оборону. Два года (686, 687) прошли, прежде чѣмъ Метеллъ овладѣлъ всѣмъ островомъ и прежде чѣмъ достался въ руки всесильныхъ Римлянъ послѣдній клочокъ свободной греческой земли; критскія общины, которыя первыя изъ всѣхъ греческихъ общинъ развили у себя свободную городскую конституцію и морское владычество, должны были быть и послѣдними изъ всѣхъ, нѣкогда наполнявшихъ Средиземное море приморскихъ государствъ, поддавшихся римскому континентальному могуществу.

Пираты на Средиземномъ морѣ. Всѣ юридическія условія были исполнены, для того чтобы еще разъ отпраздновать одинъ изъ обычныхъ роскошныхъ тріумфовъ: родъ Метелловъ могъ съ одинаковымъ правомъ присоединить къ своему македонскому, нумидійскому, далматинскому, балеарскому титулу и новый критскій титулъ, и Римъ обладалъ отнынѣ лишнимъ славнымъ именемъ. Несмотря на это, никогда могущество Римлянъ на Средиземномъ морѣ не стояло ниже, могущество же корсаровъ выше, чѣмъ въ эти годы. Приморскіе Киликійцы и Критяне.

насчитывавшіе у себя въ то время до 1000 судовъ, могли по истинѣ издѣваться надъ Исаврійцемъ и Критяниномъ и ихъ ничтожными побѣдами. Какъ энергично вмѣшивались въ войну Митридата морскіе разбойники, и какимъ образомъ упорное сопротивленіе понтійскихъ приморскихъ городовъ отвлекало лучшія силы корсаровъ за предѣлы ихъ государства, уже разсказано нами. Но государство это совершало и лично для себя не менѣе блестящія дѣла. Почти передъ самымъ флотомъ Лукулла напалъ въ 685 году пиратъ Аѳенодоръ на островъ Делосъ, разорилъ его прославленныя святилища и храмы, и увелъ все населеніе въ рабство. Липарскій островъ близъ Сициліи выплачивалъ ежегодно пиратамъ опредѣленную дань, чтобы быть избавленнымъ отъ подобныхъ нападеній. Другой вождь пиратовъ, Гераклеонъ, уничтожилъ въ 682 году снаряженную противъ него въ Сициліи эскадру и отваживался даже появляться въ сиракузской гавани, имѣя всего только четыре открытыя лодки. Два года спустя товарищъ его, Пирганіонъ, высадился даже на берегъ въ этой гавани, укрѣпился тамъ и посылалъ оттуда летучіе отряды внутрь острова, пока римскій намѣстникъ не вынудилъ его наконецъ снова удалиться. Подъ конецъ всѣ свыклись съ тѣмъ, что провинціи снаряжали эскадры и выставляли прибрежную стражу или по крайней мѣрѣ вносили налогъ для этой цѣли; между тѣмъ корсары такъ же правильно появлялись, для того чтобы опустошать провинціи, какъ появлялись и сами римскіе намѣстники. Эти безсовѣстные преступники не уважали уже болѣе даже священной почвы Италіи: изъ Кротона они увезли храмовыя сокровища лаконской Геры; они причаливали въ Брундизіумѣ, Мизенѣ, Кайетѣ, въ этрусскихъ гаваняхъ, даже въ Остіи, брали въ плѣнъ самыхъ знатныхъ римскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ предводителя флота при киликійской арміи и двухъ преторовъ со всей ихъ свитою, съ ихъ грозными сѣкирами и прутьями и всѣми аттрибутами ихъ сана; они похитили изъ одной виллы при Мизенѣ сестру высланнаго для уничтоженія пиратовъ римскаго старшаго адмирала, Антонія, уничтожили въ остійской гавани военный флотъ, снаряженный противъ нихъ подъ предводительствомъ одного консула. Латинскій поселянинъ, путешественникъ, странствовавшій по аппіевой дорогѣ, знатное лицо, лѣчившееся водами въ Байяхъ, прозванныхъ земнымъ раемъ,— никто отнынѣ не былъ спокоенъ за свою жизнь или имущество; торговля и сношенія были въ застоѣ; самая страшная дороговизна господствовала въ Италіи и въ особенности въ столицѣ, существовавшей только благодаря иноземному хлѣбу. Какъ современники, такъ и исторія щедры на жалобы на невыносимость бѣдствій; здѣсь онѣ совершенно у мѣста.

Волненія рабовъ.

Мы уже раньше разсказали, какъ въ рукахъ реставрированнаго Суллою сената велась охрана македонской границы, надзоръ за

подручными царьками въ Малой Азіи и наконецъ наблюденіе за судоходствомъ; результаты нигдѣ не были отрадны. Не лучшихъ успѣховъ достигало правительство и по другому, быть можетъ еще болѣе настоятельному, вопросу, именно, по надзору за провинціальнымъ и, прежде всего, италійскимъ пролетаріатомъ. Язва невольничьяго пролетаріата подтачивала всѣ государства древности тѣмъ болѣе, чѣмъ могущественнѣе было ихъ развитіе, такъ какъ сила и богатство государства неизбѣжно вели при существующихъ обстоятельствахъ къ несоразмѣрному умноженію массы рабовъ. Естественно, что Римъ страдалъ отъ этого болѣе, чѣмъ любое государство древности. Уже въ шестомъ столѣтіи правительство должно было высылать войска противъ шаекъ бѣглыхъ рабовъ—земледѣльцевъ и пастуховъ. Все болѣе и болѣе развивавшаяся среди италійскихъ спекуляторовъ система плантацій до безконечности усилила это опасное зло. Въ эпоху кризиса временъ Гракховъ и Марія и въ тѣсной связи съ нимъ происходили возстанія рабовъ во многихъ пунктахъ римскаго царства; въ Сициліи же они развились даже въ двѣ кровавыя войны (619—622 и 652—654). Но десятилѣтіе реставраціи, послѣдовавшее за смертью Суллы, было золотымъ вѣкомъ, какъ для флибустьеровъ на морѣ, такъ и для подобныхъ же шаекъ на материкѣ, преимущественно на италійскомъ полуостровѣ, до той поры еще сносно организованномъ. О мирѣ въ этой странѣ не могло быть даже и рѣчи. Въ столицѣ и въ менѣе заселенныхъ мѣстностяхъ Италіи грабежи совершались ежедневно, убійства зачастую. Противъ похищенія чужихъ рабовъ или свободныхъ людей состоялось—быть можетъ, въ эту эпоху—особое народное постановленіе; противъ насильственнаго отчужденія поземельныхъ участковъ было въ это время заведено особое суммарное судопроизводство. Преступленія эти должны были въ особенности казаться опасными, потому что, хотя они обыкновенно совершались пролетаріями, но въ нихъ участвовали въ значительномъ числѣ и лица изъ знатнаго сословія, какъ моральные виновники ихъ и участники въ прибыли. Въ особенности же похищеніе людей и имущества бывало зачастую организовано управляющими крупныхъ имѣній и выполнялось находившимися тамъ, нерѣдко вооруженными, шайками рабовъ; весьма многіе изъ высокопоставленныхъ людей не пренебрегали тѣми благами, которыя какой нибудь ревностный надсмотрщикъ рабовъ добывалъ для нихъ тѣмъ самымъ путемъ, какимъ нѣкогда Мефистофель добылъ для Фауста липы Филемона. Каково было положеніе вещей, видно изъ усиленнаго наказанія проступковъ, совершаемыхъ вооруженными шайками противъ собственности,—наказанія, введеннаго въ 676 году *) однимъ изъ лучшихъ оптиматовъ, Маркомъ

*) Изъ этихъ постановленій развилось понятіе о грабежѣ, какъ объ особомъ

Лукулломъ, представителемъ столичнаго судебнаго сословія, и имѣвшаго прямо высказанное намѣреніе принудить собственниковъ большихъ партій рабовъ бдительно слѣдить за ними, подъ страхомъ лишиться ихъ судебнымъ порядкомъ. Тамъ же, гдѣ по приказанію знати совершались грабежи и убійства, легко было массамъ рабовъ и пролетаріевъ приняться за тоже самое дѣло и на собственный страхъ; достаточно было одной искры, чтобы воспламенить эту страшную массу горючихъ веществъ и превратить пролетаріатъ въ инсуррекціонное войско. Поводъ къ этому скоро нашелся.

Начало войны гладіаторовъ и побѣды Спартака.

Гладіаторскія игры, занимавшія въ то время въ Италіи первое мѣсто въ народныхъ увеселеніяхъ, дали поводъ къ возникновенію многочисленныхъ заведеній, — главнымъ образомъ въ Капуѣ и ея окрестностяхъ, гдѣ частью содержались, частью обучались тѣ невольники, которые были назначены убивать или умирать для увеселенія державной толпы. Это были, конечно, большею частью храбрые военноплѣнные, не забывшіе, что они нѣкогда стояли противъ Римлянъ на полѣ сраженія. Нѣкоторые изъ этихъ отчаянныхъ людей бѣжали изъ одной изъ капуанскихъ гладіаторскихъ школъ (681) и бросились къ Везувію. Во главѣ ихъ стояли два Кельта, называвшіеся въ рабствѣ Криксомъ и Эномаемъ, и Ѳракіецъ Спартакъ. Спартакъ, быть можетъ, потомокъ благороднаго рода Спартакидовъ, пользовавшихся и во Ѳракіи и въ Пантикапеѣ царскими почестями, служилъ въ римскомъ войскѣ въ ѳракійскомъ вспомогательномъ отрядѣ, дезертировалъ и пошелъ разбойничать въ горы, былъ пойманъ здѣсь и предназначенъ для гладіаторскихъ игръ. Набѣги этой маленькой шайки, сначала насчитывавшей только семьдесятъ четыре человѣка, но быстро увеличивавшейся вслѣдствіе наплыва рабовъ изъ окрестностей, вскорѣ сдѣлались до того тягостными жителямъ богатой Кампаніи, что они, послѣ тщетныхъ попытокъ избавиться отъ нихъ собственными силами, просили помощи у Рима. Къ нимъ прибылъ наскоро собранный отрядъ въ три тысячи человѣкъ, предводительствуемыхъ Клодіемъ Глаберомъ, и занялъ всходы на Везувій, чтобы сморить голодомъ толпу невольниковъ. Но разбойники, несмотря на свое незначительное число и плохое вооруженіе, отваживались спускаться по крутымъ склонамъ и нападать на римскіе посты; и когда жалкая милиція увидала неожиданный напоръ на нее этой горсти отчаянныхъ людей, она обратилась въ бѣгство и разсѣялась во всѣ стороны. Первый успѣхъ этотъ доставилъ разбойникамъ оружіе и усилилъ наплывъ къ нимъ людей. Если и теперь еще большая часть изъ нихъ ничего не имѣла, кромѣ заостренныхъ кольевъ, то тѣмъ не менѣе новый и болѣе сильный отрядъ милиціи, два легіона, пред-

видѣ преступленія, между тѣмъ какъ старинное право понимало подъ кражею и грабежъ.

водительствуемые преторомъ Публіемъ Вариніемъ, двинувшись изъ Рима къ Кампаніи, засталъ ихъ въ равнинѣ расположившимися лагеремъ, какъ настоящее войско. Положеніе Варинія было трудно. его, вынужденная стать бивуакомъ въ виду не Милиція пріятеля, сильно страдала отъ сырой осенней погоды и порождаемыхъ ею болѣзней; еще хуже эпидеміи опустошали ея ряды трусость и неповиновеніе. Съ самаго начала разбѣжался одинъ изъ отрядовъ, такъ что бѣглецы не направились даже къ главному корпусу, а прямо бѣжали домой. Когда вслѣдъ за тѣмъ былъ изданъ приказъ двинуться противъ непріятельскихъ укрѣпленій и аттаковать ихъ, большая часть отряда отказалась исполнить это приказаніе. Тѣмъ не менѣе Вариній двинулся противъ разбойничьей шайки съ тѣми солдатами, которые остались ему вѣрными, но уже не засталъ ея тамъ, гдѣ искалъ. Въ величайшей тишинѣ поднялись разбойники и направились къ югу по направленію къ Пиценціи (Виченцѣ, близъ Амальфи), гдѣ Вариній, правда, настигъ ихъ, но уже не могъ помѣшать имъ отступить черезъ Силаръ внутрь Луканіи, въ эту обѣтованную землю пастуховъ и разбойниковъ. Туда послѣдовалъ за ними Вариній, и здѣсь наконецъ выстроился для боя презираемый имъ врагъ. Всѣ обстоятельства. при которыхъ происходила борьба. были враждебны Римлянамъ; какъ ни неистово требовали передъ этимъ битвы солдаты, они однако сражались плохо. Вариній былъ окончательно разбитъ, лошадь его и всѣ знаки его достоинства достались вмѣстѣ съ римскимъ лагеремъ въ руки непріятеля. Массами стекались южно-италійскіе рабы, въ особенности же храбрые, полудикіе пастухи, подъ знамена этихъ неожиданно появившихся избавителей; по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ число вооруженныхъ инсургентовъ достигало 40,000 человѣкъ. Кампанія, только что очищенная, снова была быстро занята; оставленный тамъ подъ начальствомъ квестора Вариніева, Гая Торанія, римскій корпусъ былъ разсѣянъ и уничтоженъ. Вся открытая полоса южной и юго-западной Италіи была въ рукахъ побѣдоносныхъ разбойничьихъ вождей; даже такіе значительные города, какъ Консенція въ брутской области, Турія и Метапонтъ въ Луканіи. Нола и Нуцерія въ Кампаніи были взяты ими штурмомъ и вынесли всѣ ужасы, которые только могутъ причинить побѣдоносные варвары беззащитнымъ цивилизованнымъ людямъ, разнузданные рабы—своимъ прежнимъ господамъ. Понятно, что подобная борьба была вообще беззаконна и болѣе походила на истребленіе, чѣмъ на войну; хозяева по праву распинали всякаго плѣннаго раба; рабы въ свою очередь убивали плѣнныхъ или даже, соединяя съ мщеніемъ насмѣшку, принуждали Римлянъ умерщвлять другъ друга въ гладіаторскихъ играхъ, что случилось позднѣе съ тремя стами Римлянъ во время погребенія одного изъ павшихъ въ бою разбойничьихъ вождей. Въ Римѣ весьма осно-

вательно опасались все необъятнѣе распространявшагося опустошительнаго пожара. Было рѣшено послать въ слѣдующемъ году (682) обоихъ консуловъ противъ страшныхъ разбойничьихъ вождей. Дѣйствительно, претору Квинту Аррію, полководцу, находившемуся подъ начальствомъ консула Люція Геллія, удалось настигнуть и уничтожить близъ Гаргана въ Апуліи кельтійскій отрядъ, отдѣлившійся подъ управленіемъ Крикса отъ главной массы разбойничьяго войска и взимавшій контрибуцію на собственный страхъ. Но тѣмъ болѣе блестящи были побѣды, одержанныя въ Аппенинахъ и въ сѣверной Италіи Спартакомъ, гдѣ одинъ за другимъ пали подъ его ударами консулъ Гней Лентулъ, какъ разъ въ то время, когда онъ думалъ окружить и захватить разбойниковъ, вслѣдъ за тѣмъ его товарищъ Геллій и только что одержавшій побѣду преторъ Аррій, и наконецъ при Мутинѣ намѣстникъ этой части Галліи Гай Кассій (бывшій консуломъ въ 681 г.) и преторъ Гней Манлій. Плохо вооруженныя шайки невольниковъ наводили ужасъ на легіоны; вереница пораженій напоминала собою первые годы войнъ Аннибала.

Внутренняя неурядица среди инсургентовъ.

Невозможно сказать, что случилось бы, если бы во главѣ побѣдоносныхъ отрядовъ стояли не бѣглые рабы-гладіаторы, а народные вожди изъ овернскихъ или балканскихъ горъ; при данномъ положеніи возстанія оно, несмотря на блестящія побѣды, оставалось простымъ разбойничьимъ мятежомъ и погибло не столько отъ превосходства силъ противника, сколько отъ внутреннихъ несогласій и отсутствія стройнаго плана дѣйствій. Въ этой италійской войнѣ невольниковъ отсутствуетъ то единодушіе передъ общимъ врагомъ, которое такъ поразительно сказывалось въ прежнихъ сицилійскихъ войнахъ; причину этого явленія слѣдуетъ искать въ томъ, что сицилійскіе рабы находили въ общемъ имъ всѣмъ сиро-эллинизмѣ какъ-бы національную точку сближенія; италійскіе-же рабы, напротивъ того, распадались на двѣ массы: Эллино-варваровъ и Кельто-германцевъ. Несогласіе между Кельтомъ Криксомъ и Ѳракійцемъ Спартакомъ (Эномай палъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій) и другіе подобные-же раздоры не давали воспользоваться добытыми результатами и доставили Римлянамъ не одну важную побѣду. Но еще вреднѣе, чѣмъ отсутствіе дисциплины между Кельто-германцами, вліяло на предпріятіе отсутствіе опредѣленнаго плана и цѣли. Правда, что Спартакъ, судя по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя дошли до насъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, стоялъ въ этомъ случаѣ выше своей партіи. Наряду съ стратегическими дарованіями, онъ проявлялъ и необычайный организаторскій талантъ; справедливость, съ которою онъ управлялъ своимъ отрядомъ и дѣлилъ между нимъ добычу, съ самаго начала обратила на него взоры толпы, по крайней мѣрѣ на столько-же, какъ и его мужество. Чтобы пособить чувствительному недостатку въ конницѣ и въ

оружія, онъ попытался обучить и дисциплинировать кавалерію, воспользовавшись захваченными въ Нижней Италіи табунами, и, лишь только завладѣлъ турійскою гаванью, какъ сталъ добывать оттуда мѣдь и желѣзо, безъ сомнѣнія при содѣйствіи пиратовъ. Но въ главныхъ вопросахъ даже онъ не могъ направить къ опредѣленнымъ конечнымъ цѣлямъ предводительствуемыя имъ дикія орды. Охотно помѣшалъ-бы онъ безумно-жестокимъ вакханаліямъ, которыя дозволяли себѣ въ занятыхъ ими городахъ разбойники, и которыя были главнѣйшею причиною, почему ни одинъ италійскій городъ не хотѣлъ добровольно идти за одно съ инсургентами; но повиновеніе, которое оказывалось вождю разбойниковъ въ бою, прекращалось съ наступленіемъ побѣды, и представленія и просьбы его были тщетны. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ 682 году въ Аппенинахъ, войску невольниковъ были открыты пути во всѣ направленія. Самъ Спартакъ задумывалъ, говорятъ, перейти Альпы и проложить себѣ и своимъ дорогу къ возвращенію на ихъ ѳракійскую или кельтійскую родину; если свѣдѣнія эти точны, то они доказываютъ, какъ мало самъ побѣдитель преувеличивалъ значеніе своихъ успѣховъ и своего могущества. Такъ какъ команда его отказалась такъ скоро покинуть богатую Италію, Спартакъ двинулся по пути къ Риму и помышлялъ, говорятъ, о блокадѣ столицы. Но и этому, правда, отчаянному, но все таки обдуманному начинанію воспротивились отряды; они принудили своего предводителя, который хотѣлъ стать полководцемъ, оставаться разбойничьимъ вождемъ и безцѣльно скитаться по Италіи съ цѣлью грабежа. Римъ могъ считать себя счастливымъ, что дѣло приняло такой оборотъ: но и теперь трудно было на что-нибудь рѣшиться. Не было ни опытныхъ воиновъ, ни испытанныхъ полководцевъ; Квинтъ Метеллъ и Гней Помпей были заняты въ Испаніи, Маркъ Лукуллъ во Ѳракіи, Люцій Лукуллъ въ Малой Азіи, и Римляне располагали только нестройною милиціею и самыми посредственными офицерами. Главнокомандующимъ въ Италіи, съ чрезвычайными полномочіями, былъ назначенъ преторъ Маркъ Крассъ, который, правда, не былъ замѣчательнымъ полководцемъ, но сражался, однако, съ честью подъ начальствомъ Суллы и отличался твердостью характера; въ его распоряженіе была дана армія изъ десяти легіоновъ, внушительная если не качествами своими, то хоть численностью. Новый главнокомандующій началъ съ того, что съ первымъ отрядомъ, который бѣжалъ передъ разбойниками, побросавъ оружіе, поступилъ по всей строгости законовъ и казнилъ изъ него каждаго десятаго человѣка, послѣ чего легіоны, дѣйствительно, нѣсколько собрались съ духомъ. Спартакъ, разбитый въ слѣдующемъ-же сраженіи, отступилъ и пытался пробраться въ Регіонъ чрезъ Луканію. Какъ разъ въ это время пираты господствовали не только надъ сицилійскими водами, но и надъ сиракузскою гаванью; съ помощью ихъ лодокъ Спартакъ задумалъ перевезти от-

рядъ въ Сицилію, гдѣ невольники ожидали только повода, чтобы сразиться въ третій разъ. Походъ въ Регіонъ удался, но корсары, быть можетъ, устрашенные прибрежною стражею, учрежденною въ Сициліи преторомъ Гаемъ Верромъ, или, быть можетъ, подкупленные Римлянами, взяли со Спартака выговоренную ими плату, не исполнивъ, однако, принятаго обязательства. Тѣмъ временемъ Крассъ шелъ по слѣдамъ разбойничьяго войска приблизительно до устья Краѳиса и, подобно Сципіону при Нуманціи, заставилъ своихъ солдатъ, въ виду того, что они не дрались какъ слѣдуетъ, возвести на протяженіи семи нѣмецкихъ миль укрѣпленный валъ, отрѣзавшій брутскій полуостровъ отъ остальной Италіи *), преградившій путь возвращавшемуся изъ Регіона войску инсургентовъ и лишившій его подвоза. Но въ темную зимнюю ночь Спартакъ прорвалъ непріятельскія линіи и весною 683 года снова находился въ Луканіи **). Весь тяжкій трудъ этотъ былъ поэтому безплоденъ. Крассъ началъ отчаяваться въ возможности разрѣшить свою задачу и требовалъ, чтобы сенатъ созвалъ въ Италію для оказанія ему поддержки войска, стоявшія въ Македоніи подъ начальствомъ Марка Лукулла и въ восточной Испаніи подъ начальствомъ Гнея Помпея. Не было, однако, никакой необходимости въ этой крайней мѣрѣ; несогласій и заносчивости, господствовавшихъ среди разбойничьихъ шаекъ, было весьма достаточно, для того чтобы парализовать всѣ ихъ успѣхи. Снова Кельты и Германцы отдѣлились отъ союза, главой и душой котораго былъ Ѳракіецъ, чтобы подъ руководствомъ вождей ихъ собственной національности, Ганника и Каста, идти порознь подъ ножи Римлянъ. Своевременное появленіе Спартака близъ луканскаго озера спасло ихъ; они, правда, разбили тогда свой лагерь близъ его стана, — тѣмъ не менѣе Крассу удалось отвлечь Спартака своей конницей, окружить тѣмъ временемъ кельтскій отрядъ, вызвать его на отдѣльный бой, въ которомъ всѣ сражавшіеся (говорятъ, ихъ было до 12,300 человѣкъ) пали, храбро борясь, не сходя съ мѣста и раненые всѣ спереди. Спартакъ попробовалъ тогда броситься съ своимъ отрядомъ въ горы, окружавшія Петелію (близъ Стронголи въ Калабріи), и жестоко разбилъ римскій авангардъ, шедшій по слѣдамъ отступавшихъ. Но побѣда эта, однако, болѣе повредила побѣдителю, чѣмъ побѣжденному. Опьяненные успѣхомъ, разбойники отказались отступать далѣе и принудили своего

*) Такъ какъ валъ былъ длиною въ семь нѣмецкихъ миль (Sallust.. hist., 4. 19. Dietsch; Плутархъ, Крассъ, 10),то онъ, вѣроятно, тянулся не отъ Squillace къ Пиццо. а сѣвернѣе, приблизительно при Кастровиллари и Кассано, черезъ полуостровъ, имѣющій здѣсь по прямой линіи около шести нѣмецкихъ миль.

**) Что Крассъ принялъ на себя главное начальство еще въ 682 году, видно изъ устраненія консуловъ (Плутархъ, Крассъ, 10); что зима 682/3 года была проведена обоими войсками у брутскаго вала, явствуетъ изъ упоминанія о „снѣжной ночи“ (Plut., loc. cit.).

полководца повести ихъ чрезъ Луканію въ Апулію на послѣдній, рѣшительный бой. До начала битвы Спартакъ закололъ своего коня; неразлучный со своими и въ счастіи и въ несчастіи, онъ этимъ поступкомъ доказалъ имъ, что шелъ, какъ и всѣ они, или къ побѣдѣ или на смерть. Во время битвы онъ сражался какъ левъ; два центуріона пали отъ его руки; раненый и повергнутый на землю, онъ все еще отражалъ копьемъ напиравшихъ на него враговъ. Такъ умеръ великій разбойничій атаманъ, а съ нимъ лучшіе изъ его товарищей, смертью свободныхъ людей и честныхъ воиновъ (683). Послѣ этой побѣды, купленной дорогою цѣною, войска, одержавшія ее, вмѣстѣ съ войсками Помпея, тѣмъ временемъ прибывшими изъ Испаніи послѣ покоренія Серторіанцевъ, начали по всей Апуліи и Луканіи такую травлю людей, какой никогда еще не было до той поры, желая потушить послѣднюю искру страшнаго пожара. Хотя въ южныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ маленькомъ городкѣ Темпеѣ, который былъ занятъ шайкою разбойниковъ въ 683 году, и въ Этруріи, тяжко пострадавшей отъ произведенной Суллою экспропріаціи, далеко еще не былъ водворенъ настоящій миръ, онъ тѣмъ не менѣе оффиціально считался возстановленнымъ въ Италіи. Позорно утраченные орлы были по крайней мѣрѣ снова завоеваны,— послѣ одной только побѣды надъ Кельтами ихъ было взято до пяти;—а по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ, шесть тысячъ крестовъ, съ распятыми на нихъ рабами, свидѣтельствовали о вновь водворенномъ порядкѣ и о новой побѣдѣ признаннаго права надъ возмутившимся своеволіемъ.

Общій обзоръ господства реставраціи.

Оглянемся на событія, наполнившія десятилѣтіе со времени реставраціи Суллы. Сильной опасности, которая неизбѣжно коснулась бы жизненнаго нерва націи, не заключалось ни въ одномъ изъ внутреннихъ или внѣшнихъ движеній этой эпохи, ни въ возстаніи Лепида, ни въ предпріятіяхъ испанскихъ эмигрантовъ, ни въ ѳракійско-македонскихъ или малоазіатскихъ войнахъ, ни въ мятежахъ пиратовъ или рабовъ; тѣмъ не менѣе, почти во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ государство боролось за свое существованіе. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что всѣ задачи оставались неразрѣшенными, пока ихъ можно еще было разрѣшить легко; пренебреженіе самыми простыми предосторожностями повлекло за собой ужаснѣйшую неурядицу и несчастія, и изъ зависимыхъ сословій и безсильныхъ царей создало равноправныхъ противниковъ. Демократія и возстаніе рабовъ были, правда, подавлены, но, по свойству этихъ побѣдъ, они не подняли духа побѣдителя, не усилили его и внѣшнимъ образомъ. Не было никакой чести въ томъ, что два наиболѣе чествуемые полководца правительственной партіи не осилили во время восьмилѣтней борьбы, отмѣченной бо́льшимъ числомъ пораженій, чѣмъ побѣдъ, вождя инсургентовъ Серторія и его испанскихъ гверильясовъ, что только кинжалъ его друзей рѣшилъ серторіанскую

войну въ пользу законнаго правительства. Что же касается рабовъ, то и въ этомъ случаѣ Римлянамъ было менѣе чести отъ побѣды надъ ними, чѣмъ стыда отъ того, что они въ теченіе многихъ лѣтъ боролись съ ними какъ равные съ равными. Со времени войнъ Аннибала прошло не много болѣе столѣтія; кровь должна была броситься въ лицо всякаго честнаго Римлянина, если онъ вглядывался въ страшно быстрый упадокъ націи, совершившійся съ того времени. Тогда италійскіе рабы стояли, какъ стѣна, противъ ветерановъ Аннибала; теперь же италійская милиція мгновенно разсѣявалась въ виду страшныхъ дубинъ бѣглыхъ невольниковъ. Тогда каждый простой предводитель отряда становился, въ случаѣ нужды, полководцемъ и сражался, правда, часто несчастливо, но всегда съ честью; теперь же трудно было найти между всѣми знатными офицерами хотя бы одного вождя, сколько нибудь годнаго на дѣло. Тогда правительство скорѣе взяло бы отъ сохи послѣдняго крестьянина, чѣмъ отказалось отъ завоеванія Греціи и Испаніи; теперь же оно готово было снова пожертвовать обѣими давно уже завоеванными областями, для того только, чтобы имѣть возможность бороться дома противъ возставшихъ рабовъ. Подобно Аннибалу, и Спартакъ прошелъ съ войскомъ чрезъ всю Италію, отъ По до сицилійскаго пролива, разбилъ обоихъ консуловъ, и угрожалъ Риму блокадою; то, для чего въ прежнемъ Римѣ потребовался величайшій полководецъ древняго міра, могло въ настоящемъ Римѣ быть выполнено смѣлымъ атаманомъ разбойниковъ. Удивительно-ли, что изъ этихъ побѣдъ надъ инсургентами и предводителями разбойниковъ не зарождалось новой жизни? — Еще менѣе отрадный результатъ дали внѣшнія войны. Правда, что ѳракійско-македонская война, если она и не соотвѣтствовала значительной затратѣ людей и денегъ, все таки не имѣла положительно неблагопріятнаго исхода. Въ мало-азіатской же войнѣ и въ борьбѣ съ пиратами правительство напротивъ того потерпѣло полнѣйшее крушеніе. Первая война закончилась потерею всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ во время восьми кровавыхъ походовъ, — послѣдняя война завершилась полнѣйшимъ оттѣсненіемъ Римлянъ отъ «ихъ моря». Нѣкогда Римъ, упоенный чувствомъ непреодолимости своихъ сухопутныхъ силъ, распространилъ свое владычество и на вторую стихію; теперь же могущественное государство было безсильно на морѣ и, казалось, готовилось утратить свое господство и надъ азіатскимъ материкомъ. Матеріальныя блага государственной жизни: обезпеченность границъ, ненарушимость мирныхъ сношеній, покровительство законовъ, стройное управленіе — все это начало понемногу утрачиваться народностями, сгруппированными въ римскомъ государствѣ; благодѣтельныя божества, казалось, удалились на Олимпъ, предоставивъ жалкую землю должностнымъ или добровольнымъ грабителямъ и мучителямъ. Этотъ упадокъ государства ощущался, какъ общественное бѣдствіе, не

только тѣми людьми, которые пользовались политическими правами и отличались гражданскимъ духомъ, но возстаніе пролетаріевъ и грабежи корсаровъ распространяли сознаніе этого упадка даже въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ, въ самыхъ убогихъ хижинахъ Италіи и оно ощущалось, какъ личное бѣдствіе всякимъ, кто занимался торговлею и международными сношеніями, или кто покупалъ хотя одну мѣру пшеницы.—Если же доискивались виновниковъ этихъ страшныхъ, безпримѣрныхъ бѣдствій, то не трудно было съ полною справедливостью обвинять весьма многихъ. Рабовладѣльцы, которые жили только для своего кошеля, непокорные солдаты, генералы то трусливые, неспособные, то безумно-отважные, площадные демагоги, по большей части разжигавшіе дурныя страсти,—всѣ они имѣли свою долю виновности; да и кто не имѣлъ ея въ то время? Инстинктивно чувствовалось всѣми, что эти бѣдствія, этотъ позоръ, это распаденіе были слишкомъ громадны, чтобы быть дѣломъ одного человѣка. Подобно тому, какъ величіе римскаго общиннаго быта не было дѣломъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, а стройно организованнаго гражданства, точно также и упадокъ этого громаднаго зданія не произошелъ отъ разрушительнаго генія отдѣльныхъ лицъ, а отъ всеобщаго разложенія. Большинство гражданъ никуда не годилось, и каждый разрушавшійся камень содѣйствовалъ паденію всего зданія; нація искупала вину всей же націи. Несправедливо было дѣлать правительство, это осязательнѣйшее воплощеніе идеи государства, отвѣтственнымъ за всѣ излечимые и неизлечимые общественные недуги; вѣрно, однако, что администрація въ страшной степени участвовала въ общей винѣ. Во время мало-азіатской войны, напримѣръ, когда ни одинъ изъ людей, въ чьихъ рукахъ была власть, не сдѣлалъ выдающагося промаха, Лукуллъ же держалъ себя хорошо, даже покрылъ себя славою, по крайней мѣрѣ, какъ воинъ,—въ это время въ особенности выяснилось, что причина неудачи всей системы и самого правительства заключалась прежде всего въ прежнемъ пренебрежительномъ взглядѣ на Каппадокію и Сирію и въ дурныхъ отношеніяхъ хорошаго полководца къ правительственной коллегіи, неспособной ни на какое энергическое рѣшеніе. Точно тоже было и въ дѣлѣ морской полиціи, гдѣ сенатъ прежде всего испортилъ во время исполненія свою правильную мысль о необходимости всеобщаго истребленія пиратовъ, а вслѣдъ за тѣмъ и совершенно оставилъ эту мысль, для того чтобы по старой нелѣпой системѣ высылать легіоны противъ этихъ «морскихъ коней». По этой системѣ были предприняты экспедиціи Сервилія и Марція въ Киликію, Метелла—на Критъ; на основаніи ея же Тріарій повелѣлъ окружить островъ Делосъ стѣною для защиты его отъ пиратовъ. Подобныя попытки упроченія морского владычества напоминаютъ того персидскаго царя, который высѣкъ море розгами, чтобы подчинить его себѣ. Поэтому нація имѣла пол-

ное право прежде всего обвинять правительство, выдвинутое реставраціею, въ своемъ банкротствѣ. И прежде съ возстановленіемъ олигархіи нерѣдко было связано подобное извращеніе правительственной политики; такъ было послѣ паденія Гракховъ, послѣ Марія и Сатурнина, но никогда еще плохая администрація не дѣйствовала такъ насильственно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ слабо, такъ порочно и губительно. Если же правительство не можетъ править, оно перестаетъ быть законнымъ, и тотъ. кто имѣетъ власть, имѣетъ и право его ниспровергнуть. Къ сожалѣнію, вполнѣ вѣрно, что неспособное и преступное правительство можетъ долго попирать ногами благо и честь государства, прежде чѣмъ найдутся люди, которые обратятъ противъ него имъ же самимъ выкованное страшное оружіе, и которые изъ нравственнаго негодованія лучшихъ людей и бѣдственнаго положенія массы съумѣютъ и захотятъ создать вполнѣ законную въ этомъ случаѣ революцію. Но если игра съ народнымъ счастіемъ можетъ быть забавною и можетъ безмятежно продолжаться долгое время, то вмѣстѣ съ тѣмъ это и коварная игра, которая въ свое время поглотитъ играющихъ; кто обвинитъ топоръ, если онъ подрубитъ въ корнѣ дерево, носящее подобные плоды! Для римской олигархіи наступало теперь это время. Понтійско-армянская война и отношенія къ пиратамъ сдѣлались ближайшими причинами ниспроверженія Сулловой конституціи и водворѣнія революціонной военной диктатуры.

ГЛАВА III.

Паденіе олигархіи и господство Помпея.

Дальнѣйшее существованіе Сулловой конституціи.

Конституція Суллы все еще держалась непоколебимо. Буря, поднятая противъ нея Лепидомъ и Серторіемъ, была отражена съ значительнымъ ущербомъ для нея. Правительство, правда, не взяло на себя труда докончить недостроенное государственное зданіе въ энергическомъ духѣ его основателя. Характеристично то, что оно не раздѣлило земель, предназначавшихся для этой цѣли Суллою, но еще не раздробленныхъ имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказалось прямо отъ всякихъ притязаній на нихъ, а напротивъ, не узаконивъ правъ прежнихъ владѣтелей, оставило за ними временное обладаніе этими землями, или даже допустило отдѣльныхъ лицъ произвольно завладѣть многими нерозданными еще полосами сулловыхъ государственныхъ земель, на основаніи оккупаціонной системы, фактически и вполнѣ законно отмѣненной реформами Гракховъ. Тѣ стороны постановленій Суллы, которыя не интересовали оптиматовъ или были имъ неудобны, безъ разсужденія игнорировались или упразднялись ими; такъ было, напримѣръ, съ лишеніемъ цѣлыхъ общинъ гражданскихъ правъ, съ запрещеніемъ группировки новыхъ крестьянскихъ участковъ, со многими освободительными грамотами, дарованными Суллою отдѣльнымъ общинамъ, причемъ, конечно, выплаченныя за эти вольности суммы не возвращались общинамъ. Но, если эти нарушенія постановленій Суллы самимъ правительствомъ содѣйствовали расшатыванію основъ воздвигнутаго Суллою зданія, то тѣмъ не менѣе семпроніевы законы были и оставались отмѣненными въ самыхъ существенныхъ подробностяхъ.

Нападки со стороны демократіи и попытки возстановленія власти трибуновъ.

Не было, конечно, недостатка въ людяхъ, которые мечтали о возстановленіи конституціи Гракховъ, или въ попыткахъ шагъ за шагомъ, путемъ конституціонныхъ реформъ достигнуть того, чего добивались Лепидъ и Серторій путемъ революціи. Вслѣдъ за смертью Суллы правительство, уступая давленію агитаціи Лепида (676), согласилось на возстановленіе раздачи ржи въ ограниченномъ количе-

ствѣ; оно и впослѣдствіи дѣлало все возможное, для того чтобы исполнить его волю въ этомъ жизненномъ для столичнаго пролетаріата вопросѣ. Когда несмотря на эту раздачу хлѣба, высокія цѣны на рожь, главнѣйшимъ образомъ поднявшіяся благодаря корсарамъ, вызвали въ Римѣ страшную дороговизну, кончившуюся въ 679 году сильнымъ уличнымъ волненіемъ, особая закупка сицилійской ржи на счетъ правительства временно пособила самой крайней нуждѣ; для будущихъ же временъ хлѣбные законы, изданные консулами 681 года, регулировали закупку сицилійской ржи и дали правительству средства вѣрнѣе предупреждать подобныя бѣдствія, правда, на счетъ провинціаловъ. Но и менѣе существенныя основы несогласія, какъ напримѣръ возстановленіе власти трибуновъ въ прежнемъ объемѣ и устраненіе сенаторскихъ судовъ, не переставали служить предметомъ народныхъ волненій, и въ этомъ случаѣ правительство давало болѣе энергичный отпоръ. Споръ изъ-за должности трибуновъ былъ начатъ еще въ 678 году, немедленно вслѣдъ за пораженіемъ Лепида, народнымъ трибуномъ Люціемъ Сициніемъ, быть можетъ, потомкомъ его соименника, который болѣе чѣмъ за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ первый занималъ эту должность; но попытка его разбилась о сопротивленіе, оказанное ему дѣятельнымъ консуломъ Гаемъ Куріономъ. Въ 680 году Люцій Квинктій возобновилъ агитацію, но потомъ отказался отъ своего намѣренія, благодаря авторитету консула Люція Лукулла. Съ бо́льшимъ рвеніемъ пошелъ въ слѣдующемъ году по его слѣдамъ Гай Лициній Мацеръ, и — что́ весьма характерно для данной эпохи — перенесъ въ общественную жизнь свои литературныя свѣдѣнія и, подобно тому какъ онъ читалъ это въ старинныхъ хроникахъ, совѣтовалъ гражданамъ уклониться отъ конскрипціи.

Нападки на сенаторскіе суды.

Вскорѣ раздались весьма основательныя жалобы на плохое веденіе судопроизводства присяжными изъ сенаторовъ. Добиться приговора надъ сколько нибудь вліятельнымъ лицомъ было почти невозможно. Мало того, что товарищъ чувствовалъ справедливое состраданіе къ товарищу, прежній или будущій обвиненный — къ настоящему преступнику; даже продажность голосовъ присяжныхъ не составляла уже почти исключенія. Многіе изъ сенаторовъ были уличены въ этомъ преступленіи судебнымъ порядкомъ; на другихъ, столь же виновныхъ, указывали пальцами; вліятельнѣйшіе изъ оптиматовъ, какъ, напримѣръ, Квинтъ Катулъ, сознавались въ открытомъ засѣданіи сената, что жалобы эти были вполнѣ основательны; нѣкоторые, особенно выдающіеся случаи неоднократно вынуждали сенатъ (напримѣръ, въ 680 году) обсуждать мѣры противъ продажности присяжныхъ, конечно, только на то время, пока улегался первый шумъ и получалась возможность предать дѣло забвенію. Послѣдствія этой жалкой юрисдикціи обнаружились въ особенности въ систематическомъ ограбленіи и терзаніи провинціаловъ, въ

сравненіи съ чѣмъ даже совершавшіяся до той поры преступленія казались сносными и умѣренными. Въ силу привычки, кража и грабежъ сдѣлались до извѣстной степени законными; коммиссія по дѣлу о вымогательствахъ могла считаться учрежденіемъ, цѣлью котораго было облагать данью, въ пользу оставшихся дома товарищей, тѣхъ сенаторовъ, которые возвращались на родину изъ своихъ областей; но когда одинъ знатный Сикеліотъ былъ заочно и безъ допроса приговоренъ къ смерти намѣстникомъ за нежеланіе оказать ему помощь при совершеніи имъ преступленія; когда даже римскіе граждане, если они не были всадниками или сенаторами, должны были бояться въ провинціяхъ меча или розогъ римскихъ управителей, и древнѣйшее достояніе римской демократіи, безопасность тѣла и жизни, стало попираться господствовавшею олигархіею, — тогда и публика на римскихъ площадяхъ стала прислушиваться къ жалобамъ, раздававшимся противъ провинціальныхъ правителей и противъ несправедливыхъ судей, которые становились нравственными соучастниками подобныхъ преступленій. Оппозиція, конечно, не преминула напасть на своихъ противниковъ на единственной почти, оставшейся за ней, почвѣ, именно, въ сферѣ судебной. Такъ, напримѣръ, молодой Гай Цезарь, который, насколько дозволялъ это его возрастъ, ревностно участвовалъ въ агитаціи по поводу возстановленія власти трибуновъ, вызвалъ въ судъ въ 677 году одного изъ значительнѣйшихъ приверженцевъ Суллы, консуляра Гнея Долабеллу, а въ слѣдующемъ году другого офицера изъ войска Суллы, Гая Антонія; такъ вызвалъ Маркъ Цицеронъ въ 684 году Гая Верра, самую жалкую креатуру Суллы и злѣйшаго бича провинціаловъ. Все съизнова изображались передъ собравшеюся толпой, со всею помпою итальянской риторики, со всей желчью итальянскаго юмора, картины этой мрачной эпохи гоненій, страшныя страданія провинціаловъ, позорное состояніе римскаго уголовнаго судопроизводства; усопшій властитель, и оставшіеся въ живыхъ клевреты его безпощадно отдавались на жертву гнѣву и насмѣшкѣ толпы. Возстановленіе полной власти трибуновъ, съ которою свобода, могущество и счастіе народной общины казались связанными какъ-будто древними, священными чарами, возстановленіе «строгихъ» судовъ, возобновленіе упраздненной Суллою цензуры для очищенія высшей государственной инстанціи отъ гнилостныхъ и вредныхъ частей ея — все это ежедневно громко требовалось ораторами народной партіи.

Безуспѣшность демократической агитаціи.

Но со всѣмъ этимъ дѣло не шло впередъ. Скандала и шума было достаточно, но настоящій успѣхъ все-таки далеко не достигался тѣмъ, что правительство подвергалось позору частью по заслугамъ, частью даже больше, чѣмъ слѣдовало. Матеріальная сила, пока не происходило военнаго вмѣшательства, все еще оставалась въ рукахъ столичныхъ гражданъ; а тотъ «народъ», который тол-

пился на улицахъ Рима, на базарныхъ площадяхъ издавалъ законы и назначалъ должностныхъ лицъ, отнюдь не былъ лучше правящаго сената. Правда, что правительство должно было приходить къ соглашенію съ толпою тамъ, гдѣ дѣло шло о ея собственныхъ ближайшихъ интересахъ; такова причина возобновленія хлѣбнаго закона Семпроніева. Но чтобъ гражданство отнеслось серьозно къ какой-либо идеѣ, цѣлесообразной реформѣ — объ этомъ и думать нечего было. Справедливо примѣняли къ Римлянамъ того времени то, что Демосѳенъ сказалъ о своихъ Аѳинянахъ: они очень ревностны, пока стоятъ вокругъ ораторской трибуны и выслушиваютъ предлагаемыя реформы; но лишь только приходятъ они домой, какъ уже никто не думаетъ о томъ, что слышалъ на площади. Какъ ни раздували пламя демократическіе агитаторы, ничто не помогало, такъ какъ не было наготовѣ горючаго матеріала. Правительство знало это, и въ важныхъ принципіальныхъ вопросахъ не давало вынудить у себя никакой уступки; самое большее, что оно соглашалось сдѣлать (въ 682 г.), было дарованіе амнистіи людямъ, эмигрировавшимъ съ Лепидомъ. Всѣ сдѣланныя уступки были не столько результатомъ настояній демократіи, сколько плодомъ посредничества умѣренныхъ аристократовъ. Но изъ двухъ законовъ, проведенныхъ въ 679 году единственнымъ еще уцѣлѣвшимъ вождемъ этой фракціи, Гаемъ Коттою, во время его консульства, одинъ законъ, касавшійся судовъ, былъ устраненъ уже въ слѣдующемъ году, а второй, отмѣнявшій постановленное Суллою правило, что исполненіе должности трибуна лишаетъ человѣка права на отправленіе другихъ обязанностей по магистратурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставившій въ силѣ всѣ прочія ограниченія, только возбудилъ, какъ и всѣ полумѣры, неудовольствіе обѣихъ партій. Партія реформаторовъ-консервативовъ, которая въ лицѣ Котты, вскорѣ послѣ того (въ 681 г.) умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ, лишилась своего главнаго вождя, все болѣе приходила въ упадокъ, подавляемая обѣими крайними сторонами, контрастъ которыхъ все рѣзче проявлялся въ ту пору. Изъ двухъ же крайнихъ направленій правительственная партія, какъ ни плоха и безсильна она была, все таки естественно имѣла преимущество надъ столь же плохою и безсильною оппозиціею.

Раздоры между правительствомъ и Помпеемъ.

Но это положеніе дѣлъ, столь выгодное для правительства, измѣнилось, когда рѣзче сказалась рознь между нимъ и тѣми изъ его приверженцевъ, чьи надежды направлялись къ болѣе высокимъ цѣлямъ, чѣмъ почетное мѣсто въ куріи или обладаніе аристократической виллой. На первомъ мѣстѣ стоялъ тутъ Гней Помпей. И онъ, правда, былъ приверженцемъ Суллы, но мы уже раньше указали, какъ мало сходился онъ съ своей собственной партіею, какимъ образомъ его происхожденіе, его прошлое и его надежды все снова разлучали его

съ аристократіею, оплотомъ и орудіемъ которой онъ оффиціально считался. Зіявшая уже бездна безповоротно расширилась во время предпринятыхъ этимъ полководцемъ испанскихъ походовъ (677—683). Неохотно, почти по принужденію, назначило его правительство въ товарищи къ настоящему представителю своему, Квинту Метеллу; въ свою очередь и онъ, вѣроятно не безъ основанія, обвинялъ сенатъ въ томъ, что частью безтолковымъ, частью злонамѣреннымъ пренебреженіемъ, оказываемымъ испанскимъ войскамъ, онъ сдѣлался виновникомъ ихъ. пораженій и поставилъ на карту судьбу экспедиціи. Теперь же Помпей возвращался на родину побѣдителемъ надъ явными и тайными врагами, во главѣ привычнаго къ бою и совершенно преданнаго ему войска, требуя для своихъ солдатъ раздачи участковъ, для себя тріумфа и консулата. Послѣднія требованія были противозаконны. Помпей, хотя неоднократно пользовался въ видѣ исключенія высшею властью, не исполнялъ еще ни одной правильной должности, не былъ даже квесторомъ и все еще не состоялъ членомъ совѣта; быть же консуломъ могъ только тотъ, кто прошелъ всю лѣстницу нисшихъ штатныхъ должностей; пользоваться тріумфомъ могъ лишь тотъ, кто на законномъ основаніи имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую власть. Сенатъ имѣлъ право отвѣтить на его ходатайство о консулатѣ указаніемъ на необходимость добиться сначала квестуры; когда онъ испрашивалъ себѣ честь тріумфа, сенатъ могъ припомнить ему великаго Сципіона, который, при такихъ же обстоятельствахъ, отказался отъ тріумфа надъ завоеванной Испаніею. На основаніи конституціи Помпей не менѣе зависѣлъ отъ доброй воли сената и по отношенію къ выдачѣ участковъ, обѣщанныхъ имъ своимъ солдатамъ. Наконецъ, еслибъ даже сенатъ (что было вполнѣ возможно въ виду его неспособности даже къ гнѣву) уступилъ въ этомъ случаѣ и обѣщалъ побѣдоносному полководцу тріумфъ, консулатъ, раздачу участковъ взамѣнъ исполненной имъ относительно демократическихъ вождей обязанности сыщика, то и тогда счастливѣйшею участью, которую олигархія могла приготовить тридцатишестилѣтнему полководцу, было бы торжественное его обезличеніе среди длинной вереницы апатичныхъ сенатскихъ вельможъ, утопавшихъ въ сановнической лѣни. Того, чего жаждала его душа—именно, добровольнаго возложенія на него сенатомъ главнаго начальства надъ войскомъ въ войнѣ противъ Митридата,—этого онъ никогда не могъ ожидать; въ своихъ же собственныхъ. хорошо сознаваемыхъ ею интересахъ, олигархія никакъ не могла допустить, чтобы онъ присоединилъ къ африканскимъ и европейскимъ трофеямъ еще трофеи, добытые въ третьей части свѣта; лавры, легко и въ изобиліи пожинаемые на востокѣ, во всякомъ случаѣ предоставлялись чистокровной аристократіи. Такъ какъ прославляемый генералъ не находилъ никакого разсчета для себя въ

сношеніяхъ съ господствовавшей олигархіею, а для чисто-личной, открыто-династической политики не наступило еще время, да и вся личность Помпея была къ этому не пригодна, то ему не оставалось иного выбора, какъ дѣйствовать съобща съ демократіею. Съ конституціею Суллы его не связывалъ никакой личный интересъ; онъ преслѣдовалъ свои собственныя цѣли такъ-же хорошо, если еще не лучше, и при демократической конституціи. Къ тому же онъ въ демократической партіи находилъ все, что было для него нужно. Дѣятельные и ловкіе вожди ея были готовы и вполнѣ способны избавить неумѣлаго и нѣсколько неповоротливаго героя отъ трудностей политическаго руководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были слишкомъ ничтожны, чтобы мочь или даже хотѣть оспаривать у торжествующаго полководца первую роль, въ особенности-же должность главнокомандующаго. Даже самый значительный изъ нихъ, Гай Цезарь, былъ молодой человѣкъ, гораздо болѣе прославившійся своей эффектной, вызывающей манерой показываться на улицѣ и своими модными долгами, чѣмъ пламеннымъ демократическимъ краснорѣчіемъ; ему было бы весьма лестно, еслибъ прославленный императоръ дозволилъ ему быть его политическимъ наперсникомъ. Популярность, которой такіе люди, какъ Помпей, отличающіеся больше притязаніями, чѣмъ способностями, придаютъ болѣе цѣны, чѣмъ они хотѣли бы сознаться даже передъ самими собою, должна была въ значительной степени выпасть на долю молодого генерала, своимъ присоединеніемъ обезпечившаго торжество почти безнадежнаго демократическаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама собою доставалась ему награда за побѣду, требуемая имъ для себя и своихъ солдатъ. При полномъ отсутствіи другихъ значительныхъ вождей оппозиціи, казалось вообще, что съ паденіемъ олигархіи Помпей получитъ возможность самъ опредѣлить свое дальнѣйшее положеніе. Трудно почти было сомнѣваться въ томъ, что присоединеніе къ оппозиціонной партіи главнокомандующаго надъ войскомъ, только что побѣдоносно возвратившимся изъ Испаніи и стоявшимъ еще въ Италіи тѣсно сплоченной массой, должно было повлечь за собой паденіе существующаго порядка. Правительство и оппозиція были одинаково безсильны; съ той минуты, какъ оппозиція перестала-бы бороться одной только декламаціею, и любой побѣдоносный полководецъ готовъ былъ поддержать ея требованія своимъ мечемъ, правительство было несомнѣнно побѣждено, быть можетъ, даже безъ всякой борьбы.

Коалиція вождей войска и демократіи.

Такимъ образомъ обѣ стороны увидали себя вынужденными къ коалиціи. Не было, вѣроятно, недостатка въ личной антипатіи и на той и на другой сторонѣ; побѣдоносный полководецъ не могъ симпатизировать уличнымъ ораторамъ, которые, въ свою очередь, не могли радостно привѣтствовать своимъ вождемъ палача Карбона и Брута. Тѣмъ не менѣе политическая необходимость взяла

верхъ, по крайней мѣрѣ на время, надъ всякимъ внутреннимъ колебаніемъ. — Но демократы и Помпей не одни заключили свой союзъ. И Маркъ Крассъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ самъ Помпей. Хотя и онъ былъ приверженцемъ Суллы, тѣмъ не менѣе его политика, какъ и образъ дѣйствій Помпея, была прежде всего чисто-личная, а никакъ не политика господствовавшей олигархіи. Онъ также стоялъ теперь въ Италіи во главѣ сильной и побѣдоносной арміи, съ помощью которой только что подавилъ возстаніе рабовъ. Ему представлялся выборъ, или соединиться съ олигархіею противъ коалиціи, или-же вступить въ коалицію; онъ избралъ послѣдній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, вѣрнѣйшій путь. При его громадномъ состояніи и вліяніи на столичные клубы, онъ вообще былъ драгоцѣннымъ союзникомъ; при данныхъ-же обстоятельствахъ было неоцѣнимою выгодою, чтобы единственное войско, которое сенатъ могъ еще противопоставить войскамъ Помпея, присоединилось къ наступавшимъ отрядамъ. Къ тому же демократы, которымъ, быть можетъ, было несовсѣмъ по себѣ въ союзѣ съ полновластнымъ полководцемъ, не безъ удовольствія видѣли въ лицѣ Марка Красса противовѣсъ ему и, быть можетъ, даже его будущаго соперника. — Такимъ образомъ состоялась лѣтомъ 683 года первая коалиція между демократіею съ одной стороны и двумя генералами Суллы, Гнеемъ Помпеемъ и Маркомъ Крассомъ, съ другой. Оба они сдѣлали програму демократической партіи своей программою; за это имъ былъ обѣщанъ консулатъ на будущій годъ. Помпею, кромѣ того, еще обѣщали тріумфъ и требуемые имъ участки для его солдатъ; Крассу-же, какъ побѣдителю Спартака, по крайней мѣрѣ честь торжественнаго въѣзда въ столицу. — Двумъ италійскимъ арміямъ, столпамъ финансоваго міра, и демократіи, соединившимся для ниспроверженія конституціи Суллы, сенатъ не могъ противопоставить ничего, кромѣ второго испанскаго войска подъ начальствомъ Квинта Метелла Пія. Но Сулла вѣрно предсказывалъ, что выполненное имъ однажды не повторится уже болѣе; Метеллъ, отнюдь не желавшій впутываться въ междоусобную войну, распустилъ своихъ воиновъ немедленно по переходѣ черезъ Альпы. Такимъ образомъ олигархіи ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться неизбѣжному. Совѣтъ далъ необходимое для консулата и тріумфа разрѣшеніе; Помпей и Крассъ были избраны безъ сопротивленія въ консулы на 684 годъ, между тѣмъ какъ войска ихъ, подъ предлогомъ ожиданія тріумфа, стояли передъ городомъ. Еще до вступленія своего въ должность, Помпей открыто и формально призналъ демократическую программу въ народномъ собраніи, созванномъ трибуномъ Маркомъ Лолліемъ Паликаномъ. Измѣненіе конституціи было этимъ самымъ рѣшено въ принципѣ.

Возстановленіе власти Съ того времени ревностно принялись за устраненіе всѣхъ учрежденій Суллы. Должность трибуновъ получила прежде всего прежнее значе-

ніе. Помпей, въ качествѣ консула, самъ предложилъ законъ, возвращавшій народнымъ трибунамъ ихъ традиціонныя права, въ особенности же законодательную инициативу; это былъ, правда, странный даръ изъ рукъ человѣка, который болѣе чѣмъ кто либо другой содѣйствовалъ лишенію общины ея древнихъ привиллегій. — Относительно должности присяжныхъ было, правда, отмѣнено постановленіе Суллы, по которому списокъ сенаторовъ долженъ былъ служить основою для назначенія присяжныхъ; дѣло, однако, далеко не дошло до простого возстановленія гракховыхъ судовъ. На будущее время, какъ гласилъ новый авреліевъ законъ, коллегіи присяжныхъ должны были состоять на одну треть изъ сенаторовъ и на двѣ трети изъ людей всадническаго ценза, изъ которыхъ опять таки половина должна была состоять изъ людей, бывшихъ представителями округа или служившихъ въ такъ-называемомъ трибунатѣ казначейства. Послѣднее нововведеніе было дальнѣйшею уступкою, сдѣланною демократіи, такъ какъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ третья часть присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ косвенно проистекала изъ выборовъ самихъ округовъ. Если же сенатъ не былъ окончательно вытѣсненъ изъ судовъ, то причину этого явленія слѣдуетъ, вѣроятно, искать частью въ отношеніяхъ самого Красса къ сенату, частью въ присоединеніи центра сенаторской партіи къ коалиціи, съ чѣмъ, безъ сомнѣнія, связано и то обстоятельство, что именно братъ только-что умершаго вождя этой партіи, преторъ Люцій Котта, предложилъ этотъ законъ.

трибуновъ.

Новыя правила о присяжныхъ.

Не менѣе важна была и отмѣна установленной Суллою въ Азіи податной системы, вѣроятно, также относящаяся къ этому году; тогдашнему намѣстнику Азіи, Люцію Лукуллу, было дано порученіе снова возстановить введенную Гаемъ Гракхомъ откупную систему, благодаря чему высшему финансовому міру возвращался этотъ важный источникъ дохода и могущества. — Вмѣстѣ съ тѣмъ была возобновлена и цензура. На выборахъ, назначенныхъ новыми консулами вскорѣ по вступленіи ихъ въ должность, были избраны на должность цензоровъ, въ явную насмѣшку надъ сенатомъ, оба консула 682 года, Гней Лентулъ Клодіанъ и Люцій Геллій, лишенные сенатомъ командованія надъ войскомъ за ихъ жалкое веденіе войны противъ Спартака. Понятно, что люди эти пустили въ ходъ всѣ средства, данныя въ ихъ распоряженіе новою и важною должностью, чтобы польстить новымъ властителямъ и разсердить сенатъ. По меньшей мѣрѣ восьмая часть сената, шестьдесятъ четыре сенатора,—неслыханная до той поры цифра,—были вычеркнуты изъ списка, въ томъ числѣ Гай Антоній, уже обвинявшійся однажды безуспѣшно Гаемъ Цезаремъ, консулъ 683 года, Публій Лентулъ Сура, и, вѣроятно, не малое число самыхъ ненавистныхъ креатуръ Суллы.

Возстановленіе въ Азіи откупной системы.

Возстановленіе цензуры.

Такимъ образомъ въ 684 году снова вернулись во всѣхъ суще-

Новая конституція.

ственныхъ подробностяхъ къ порядку, господствовавшему до реставраціи, совершонной Суллою. Столичная толпа снова прокармливалась на счетъ государственной кассы, т. е. провинцій; снова трибуны своей властью давали всякому демагогу законное право извращать государственныя постановленія, снова денежная аристократія, державшая въ своихъ рукахъ податные откупа и судебный контроль надъ намѣстниками, поднимала голову рядомъ съ правительствомъ могущественнѣе, чѣмъ когда либо, и сенатъ трепеталъ передъ приговоромъ присяжныхъ изъ класса всадниковъ и передъ хулою цензоровъ. Система Суллы, основавшаго единодержавіе знати на политическомъ уничтоженіи торговой аристократіи и демагогіи, была этимъ окончательно упразднена. За исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ постановленій, которыя были отмѣнены лишь позднѣе, какъ напримѣръ, возвращенія жреческимъ коллегіямъ права пополняться по собственному усмотрѣнію, изъ всѣхъ общихъ постановленій Суллы не уцѣлѣло ничего, кромѣ тѣхъ уступокъ, которыя онъ самъ счелъ нужнымъ сдѣлать оппозиціи, въ родѣ, напримѣръ, признанія римскихъ гражданскихъ правъ за всѣми Италиками, или распоряженій, не имѣвшихъ рѣзкаго отпечатка партіи, и въ которыхъ поэтому и разсудительные демократы не находили ничего вреднаго, какъ наприм. ограниченія числа вольноотпущенныхъ, регулированія чиновничьей компетентности, существенныхъ измѣненій въ уголовномъ кодексѣ. — Относительно личныхъ вопросовъ, возбужденныхъ подобнымъ государственнымъ переворотомъ, коалиція была гораздо менѣе единодушна, чѣмъ въ этихъ принципіальныхъ вопросахъ. Понятно, что демократы не удовлетворялись однимъ только общимъ признаніемъ ихъ программы, а требовали теперь реставраціи въ своемъ духѣ: возстановленія почетной памяти умершихъ членовъ ихъ партіи, наказанія убійцамъ, возвращенія изгнанниковъ изъ ссылки, снятія политической неравноправности, тяготѣвшей надъ ихъ дѣтьми, выдачи конфискованнаго Суллою имущества, вознагражденія за понесенные убытки изъ состоянія наслѣдниковъ и помощниковъ диктатора. Все это было, дѣйствительно, только логическимъ послѣдствіемъ полной побѣды демократіи; но побѣда коалиціи 683 года далеко не была чисто-демократическою. Демократія дала лишь свое имя и программу; примкнувшіе же къ ней военачальники, и въ особенности Помпей, дали ей силу и окончательную форму; ни теперь, ни когда либо вообще, они не могли дать свое согласіе на реакцію, которая не только потрясла бы до основанія существующій порядокъ, но обратилась бы подъ конецъ противъ нихъ самихъ, — вѣдь свѣжа еще была память о томъ, чью кровь пролилъ Помпей, какими средствами Крассъ положилъ основу своему громадному состоянію. Поэтому весьма понятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристично для слабости демократіи, что коалиція

683 года ничего не сдѣлала для того, чтобы доставить демократамъ отмщеніе или, по крайней мѣрѣ, реабилитацію. Позднѣйшее требованіе уплаты всѣхъ покупныхъ суммъ, которыя не были еще внесены покупателями за пріобрѣтенныя конфискованныя имѣнія, или которыя были прощены имъ Суллою,—требованіе, установленное въ видѣ особаго закона цензоромъ Лентуломъ, врядъ ли можетъ считаться исключеніемъ, такъ какъ если не малое число приверженцевъ Суллы было чувствительно затронуто этимъ постановленіемъ въ своихъ личныхъ интересахъ, то сама мѣра была въ сущности только подтвержденіемъ предпринятыхъ Суллою конфискацій.

Предвѣстія военной диктатуры Помпея.

Твореніе Суллы было уничтожено, но что должно было возникнуть изъ всего этого, было далеко нерѣшеннымъ вопросомъ. Коалиція, сдерживаемая только общей цѣлью уничтоженія дѣла реставраціи, распалась, лишь только цѣль эта была достигнута, если не формально, то по своей сущности; относительно же того вопроса, куда прежде всего перенесется центръ тяжести, казалось, подготовлялось столь же быстрое, какъ и насильственное рѣшеніе. Войска Помпея и Красса все еще стояли предъ городскими воротами. Помпей, правда, обѣщалъ распустить своихъ воиновъ послѣ тріумфа (въ декабрѣ 683 года), но это не было исполнено, для того чтобы съ помощью давленія, которое стоявшее передъ столицею испанское войско производило на сенатъ и городъ, спокойно окончить государственный переворотъ; то-же самое было и съ арміей Красса. Причина эта уже болѣе не существовала,—тѣмъ не менѣе распущеніе войска все еще откладывалось. Дѣла приняли такой оборотъ, какъ будто одинъ изъ двухъ сблизившихся съ демократіею полководцевъ долженъ былъ захватить въ свои руки военную диктатуру и повергнуть въ оковы олигархію и демократовъ. Этимъ полководцемъ могъ быть только Помпей. Крассъ съ самаго начала игралъ второстепенную роль въ коалиціи; онъ долженъ былъ предложить ей самого себя и даже своимъ выборомъ въ консулы былъ главнѣйшимъ образомъ обязанъ горделивому вмѣшательству Помпея. Помпей, какъ наиболѣе сильный изъ двухъ, очевидно, господствовалъ надъ ситуаціею; еслибъ онъ принялся за дѣло, то, казалось, ему надлежало сдѣлаться тѣмъ, на что уже теперь указывалъ инстинктъ толпы, именно неограниченнымъ властелиномъ могущественнѣйшаго государства цивилизованнаго міра. Уже теперь раболѣпная толпа тѣснилась вокругъ будущаго монарха. Болѣе слабые противники его искали послѣдней поддержки въ новой коалиціи. Крассъ, преисполненный застарѣлой и снова усилившеюся завистью къ младшему, настолько превзошедшему его сопернику, сближался съ сенатомъ и старался привлечь къ себѣ столичную толпу безпримѣрною щедростью,—точно надломленная съ помощью Красса олигархія и вѣчно неблагодарная масса могли оказать ему какую-нибудь помощь противъ

ветерановъ испанской арміи. На мгновеніе казалось, что передъ воротами столицы завяжется борьба между войсками Помпея и Красса.— Но демократы своею изворотливостью и разсудительностью отклонили эту катастрофу. Какъ для сената и Красса, такъ и для ихъ партіи было важно, чтобы Помпей не захватилъ въ свои руки диктатуры; но, вѣрно понимая собственную слабость и характеръ своего могучаго противника, вожди ихъ попытались дѣйствовать добромъ. Помпей соединялъ въ себѣ всѣ условія, для того чтобы захватить престолъ, кромѣ самаго главнаго,—царственнаго духа. Мы уже прежде характеризовали этого человѣка съ его стремленіемъ быть въ тоже время честнымъ республиканцемъ и властелиномъ Рима, съ неясностью его цѣлей и безхарактерностью, съ его уступчивостью, скрывавшеюся подъ личиною самостоятельной рѣшимости. Это было первое важное испытаніе, которому подвергла его судьба: онъ его не выдержалъ. Предлогъ, подъ которымъ Помпей отказался распустить армію, состоялъ въ томъ, будто онъ не довѣряетъ Крассу и не можетъ поэтому начать дѣло съ распущенія солдатъ. Демократы убѣдили Красса сдѣлать нѣсколько шаговъ къ соглашенію и помириться съ товарищемъ на глазахъ у всѣхъ. И тайно, и явно склоняли они его присоединить къ своимъ двумъ заслугамъ, покоренію врага и умиротворенію партій—еще третью и большую заслугу, именно, сохраненіе въ отчизнѣ внутренняго мира и устраненіе грознаго страшилища междоусобной войны. Все, что только можетъ дѣйствовать на человѣка тщеславнаго, неумѣлаго, колеблющагося, всѣ льстивые происки дипломатіи, весь театральный аппаратъ патріотическаго одушевленія, все было пущено въ ходъ для достиженія желанной цѣли; но всего важнѣе было то, что вслѣдствіе своевременной уступчивости Красса дѣла приняли такой оборотъ, что Помпею оставался только выборъ, либо явиться открыто тираномъ Рима, либо отступить. Такимъ образомъ онъ уступилъ наконецъ, и согласился на распущеніе войска. Желать главнаго начальства въ войнѣ съ Митридатомъ, достигнуть чего онъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, когда соглашался на свое избраніе въ консулы на 684 годъ, онъ уже болѣе не могъ, такъ какъ послѣ похода 683 года Лукуллъ, казалось, фактически покончилъ съ этой войною; принять-же назначенное ему сенатомъ, на основаніи семпроніева закона, консульство въ провинціи онъ счелъ ниже своего достоинства, и Крассъ послѣдовалъ въ этомъ случаѣ его примѣру. Такимъ образомъ, когда, по распущеніи своихъ воиновъ въ послѣдній день 684 года, Помпей сложилъ съ себя консульство, онъ совершенно удалился отъ общественныхъ дѣлъ и выразилъ желаніе жить впредь простымъ гражданиномъ въ полномъ бездѣйствіи. Онъ поставилъ себя такъ, что ему необходимо было добиваться короны, и, такъ какъ онъ этого еще не хотѣлъ дѣлать, ему выпадала на долю лишь ничтожная роль смирившагося кандидата на престолъ.

Удаленіе съ политической арены того человѣка, которому, по свойству положенія дѣлъ, принадлежало первое мѣсто, немедленно повлекло за собою то соотношеніе партій, которое мы видѣли въ эпоху Гракховъ и Марія. Сулла только усилилъ власть сената, а не даровалъ ее ему; вслѣдствіе того все таки власть осталась за сенатомъ даже послѣ того, какъ пали воздвигнутые Суллою оплоты, хотя конституція, на основаніи которой сенатъ правилъ, была въ главныхъ чертахъ возстановленною гракховою конституціею, проникнутою духомъ, враждебнымъ олигархіи. Демократія добилась возстановленія гракховыхъ законовъ, но безъ новаго Гракха она была какъ-бы обезглавленнымъ тѣломъ; ни Помпей, ни Крассъ не могли быть надолго этимъ главою, это было вполнѣ ясно для всѣхъ и еще болѣе выяснилось, благодаря послѣднимъ событіямъ. Такимъ образомъ демократическая оппозиція, за неимѣніемъ вождя, который открыто взялъ-бы въ свои руки бразды правленія, должна была на время довольствоваться тѣмъ, что мѣшала правительству и раздражала его на каждомъ шагу. Но наряду съ олигархіею и демократіею получала теперь новое значеніе партія капиталистовъ, которая въ послѣднемъ кризисѣ дѣйствовала сообща съ демократіею, и которую въ настоящее время ревностно старались перетянуть на свою сторону олигархи, съ тѣмъ чтобы найти въ ней противовѣсъ противъ демократіи. Окруженные искательствомъ обѣихъ сторонъ, капиталисты не преминули воспользоваться выгодами своего положенія, и въ 687 году добились народнаго постановленія, возвращавшаго имъ единственную изъ ихъ прежнихъ привиллегій, которую они еще не вернули себѣ, именно, пользованіе четырнадцатью скамьями въ театрѣ, назначенными для сословія всадниковъ. Вообще они, не порывая рѣзко сношеній съ демократіею, все таки склонялись на сторону правительства. Въ связи съ этимъ находится уже сближеніе сената съ Крассомъ и его кліентами; но кажется, что лучшія отношенія между сенатомъ и денежною аристократіею были установлены благодаря тому, что сенатъ, по требованію тяжко оскорбленныхъ имъ капиталистовъ, отнялъ въ 686 году у лучшаго изъ преданныхъ ему полководцевъ, Люція Лукулла, управленіе столь важной для капиталистовъ провинціею Азіею.

Сенатъ, всадники и народники.

Въ то время, какъ столичныя партіи враждовали, по обыкновенію, между собою, хотя изъ этой вражды никогда не могло произойти чего-нибудь рѣшительнаго, событія на востокѣ шли тѣмъ роковымъ путемъ, который мы описали уже прежде, и вели къ кризису медленное теченіе столичной политики. И сухопутная, и морская война приняли на востокѣ самый неблагопріятный оборотъ. Въ началѣ 687 года понтійское войско Римлянъ было вполнѣ истощено; армія, дѣйствовавшая въ Арменіи, окончательно разсѣянная, отступала; всѣ завоеванія были утрачены; море находилось въ исклю-

Событія на востокѣ и воздѣйствіе ихъ на Римъ.

чительной власти пиратовъ, вслѣдствіе чего цѣны на хлѣбъ до того возросли въ Италіи, что можно было бояться полнѣйшаго голода. Мы видѣли, правда, что полная неспособность адмирала Марка Антонія и отвага столь дѣльнаго вообще Люція Лукулла были отчасти причиною этого бѣдственнаго положенія; демократія своими происками также существеннымъ образомъ содѣйствовала распаденію войска, дѣйствовавшаго въ Арменіи. Тѣмъ не менѣе правительство было, понятно, сдѣлано огульно отвѣтственнымъ за все, въ чемъ провинилось и оно само, и другіе; разгнѣванная, голодная толпа ждала только случая, чтобы посчитаться съ сенатомъ.

Появленіе Помпея.

Олигархія, хотя и униженная и обезоруженная, еще не была ниспровергнута, такъ какъ руководство общественными дѣлами по прежнему находилось въ рукахъ сената; но она должна была пасть, если противники ея захватятъ въ свои руки это руководство и въ особенности верховное управленіе военными дѣлами, а теперь это становилось возможнымъ. Еслибъ были сдѣланы комиціямъ предложенія относительно иного, лучшаго способа веденія сухопутной и морской войны, то, при настроеніи гражданства, сенатъ врядъ ли могъ препятствовать ихъ примѣненію; вмѣшательство же гражданъ въ эти высшіе административные вопросы равнялось бы низложенію сената и передачѣ управленія государствомъ вождямъ оппозиціи. Снова сцѣпленіе дѣлъ передавало рѣшеніе вопроса въ руки Помпея. Уже болѣе двухъ лѣтъ этотъ уважаемый полководецъ жилъ въ столицѣ, какъ частное лицо. Голосъ его рѣдко слышался въ ратушѣ и на площади; въ ратушѣ его неохотно встрѣчали и онъ пользовался тамъ значительнымъ вліяніемъ; на площади же онъ боялся бурныхъ сходокъ партіи. Когда же онъ появлялся передъ народомъ, то всегда въ сопровожденіи всей свиты знатныхъ и мелкихъ кліентовъ, и именно его эффектное умѣнье держаться поодаль и импонировало массѣ. Если онъ, выступая въ ореолѣ все еще блестящихъ необычайныхъ успѣховъ, вызывался теперь идти на востокъ, то ему безъ сомнѣнія были добровольно вручены гражданами всѣ требуемыя имъ военныя и политическія полномочія. Это былъ сокрушительный ударъ для олигархіи, видѣвшей въ военно-политической диктатурѣ свое вѣрное паденіе, въ самомъ же Помпеѣ, со времени коалиціи 683 года—своего злѣйшаго врага; но это не могло быть пріятно и демократической партіи. Какъ ни желала она положить конецъ господству сената, но въ этой формѣ это было не столько побѣдою ея партіи, сколько личной побѣдой ея всесильнаго союзника. Въ его лицѣ легко могъ появиться соперникъ демократической партіи, гораздо болѣе опасный, чѣмъ самъ сенатъ. Опасность, счастливо избѣгнутая нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ благодаря распущенію испанской арміи и удаленію Помпея, возникла бы снова въ усиленной степени, еслибъ Помпей сталъ теперь во главѣ восточной арміи.

Паденіе сената и новое усиленіе Помпея.

На этотъ разъ Помпей рѣшился вмѣшаться или-же допустилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы другіе это сдѣлали. Въ 687 году было предложено два закона, изъ которыхъ одинъ, кромѣ требуемаго демократіею распущенія воиновъ, отслужившихъ свой срокъ въ азіатской арміи, постановилъ еще отозваніе главнокомандующаго ея, Люція Лукулла, и замѣну его однимъ изъ консуловъ текущаго года, Гаемъ Пизономъ или Маніемъ Глабріономъ; другой же законъ принялъ и расширилъ планъ освобожденія моря отъ пиратовъ, составленный самимъ сенатомъ. Одинъ только полководецъ, на котораго самъ сенатъ обязанъ былъ указать консуларамъ, долженъ былъ избираться, для того чтобы исключительно властвовать на всемъ Средиземномъ морѣ, отъ столповъ Геркулеса вплоть до понтійскаго и сирійскаго береговъ; на сушѣ же онъ долженъ былъ, соперничая съ мѣстными римскими намѣстниками, принять на себя главное начальство надъ всѣми берегами, углубляясь внутрь страны приблизительно на десять нѣмецкихъ миль. Должность его обезпечивалась за нимъ на три года впередъ. Его окружалъ генеральный штабъ, какого Римъ еще не видывалъ до той поры,—онъ состоялъ изъ двадцати-пяти подвластныхъ ему полководцевъ сенаторскаго званія, украшенныхъ всѣми знаками достоинства и власти преторовъ, и изъ двухъ подчиненныхъ ему казнохранителей, имѣвшихъ права квесторовъ. Всѣ они должны были избираться исключительно по волѣ главнокомандующаго. Ему было разрѣшено вводить въ дѣло до 120.000 человѣкъ пѣхотинцевъ, 5000 всадниковъ, 500 военныхъ судовъ, и неограниченно располагать для этой цѣли средствами провинцій и подручныхъ государствъ; кромѣ того, ему были немедленно переданы наличныя военныя суда и значительное число войска. Государственная касса, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, равно какъ и кассы зависимыхъ отъ Рима общинъ должны были находиться въ его безусловномъ распоряженіи, и, несмотря на тягостныя финансовыя затрудненія, ему была немедленно выплачена изъ государственной казны сумма въ одиннадцать милліоновъ талеровъ (144 милліона сестерц.)—Понятно, что благодаря этимъ законопроектамъ, въ особенности же тому, который касался экспедиціи противъ пиратовъ, власть сената была ниспровергнута. Назначаемые гражданствомъ высшіе штатные чиновники были по праву настоящими полководцами, служащими общинѣ, и должностныя лица, назначаемыя въ чрезвычайныхъ случаяхъ, для того чтобы сдѣлаться полководцами нуждались, по строгой справедливости, въ утвержденіи со стороны гражданъ; тѣмъ не менѣе, на замѣщеніе отдѣльныхъ военачальническихъ должностей община не имѣла никакого конституціоннаго вліянія, и только по предложенію сената, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ чиновниковъ, имѣвшихъ право на занятіе должности полководца, комиціи вмѣшивались до той поры по временамъ въ это дѣло и даже

раздавали специальныя полномочія. Съ тѣхъ поръ, какъ существовало римское свободное государство, рѣшающее слово въ этомъ случаѣ фактически принадлежало сенату, и это право его достигло съ теченіемъ времени окончательнаго признанія. Демократія, правда, уже коснулась и его, но, даже въ самомъ серьозномъ изъ всѣхъ бывшихъ до того времени случаевъ, именно, при передачѣ начальства надъ африканскимъ войскомъ Гаю Марію въ 647 г., опредѣленная экспедиція была поручаема постановленіемъ гражданства лишь такому должностному лицу, которое имѣло вообще по смыслу конституціи право пріобрѣсти званіе полководца. Теперь же гражданство должно было не только снабжать любое частное лицо высшими, чрезвычайными полномочіями, но даже имъ же опредѣленною компетентностью. То обстоятельство, что сенатъ долженъ былъ избрать этого человѣка изъ рядовъ консуларовъ, было смягченіемъ только по формѣ, такъ какъ выборъ предоставлялся ему лишь оттого, что онъ собственно не былъ выборомъ, и что въ виду бурной, возбужденной толпы, сенатъ никакъ не могъ передать главнаго начальства надъ морями и берегами другому лицу, кромѣ Помпея. Но еще опаснѣе этого принципіальнаго отрицанія господства сената было фактическое упраздненіе его власти вслѣдствіе учрежденія новой должности, съ почти неограниченною военною и финансовою компетентностью. Въ то время, какъ должность полководца ограничивалась обыкновенно годичнымъ срокомъ, опредѣленною областью, строго отмѣренными военными и финансовыми средствами, за новою, экстренною должностью обезпечивался съ самаго начала трехгодичный срокъ, не исключавшій, понятно, возможности дальнѣйшаго продолженія; ей подчинялась большая часть всѣхъ провинцій, даже сама Италія, до той поры всегда свободная отъ военной власти; солдаты, корабли, государственныя кассы отдавались почти неограниченно въ ея распоряженіе. Даже только что упомянутое нами, древнѣйшее основное положеніе римскаго республиканскаго государственнаго права, въ силу котораго высшая военная и гражданская власть не могла никому вручаться безъ содѣйствія гражданъ, было нарушено въ пользу новаго главнокомандующаго, такъ какъ законъ, касавшійся двадцати пяти помощниковъ, которыхъ онъ долженъ былъ себѣ избрать, уже впередъ придавалъ имъ званіе и права преторовъ *), то высшая должность въ республиканскомъ Римѣ

*) Чрезвычайная правительственная власть (pro consule, pro praetore, pro quaestore) могла возникнуть по римскому государственному праву троякимъ способомъ. Она либо возникала изъ принципа, господствовавшаго относительно внѣгородской служебной дѣятельности, и въ силу котораго служба продолжалась до законнаго срока, служебная же власть — вплоть до прибытія преемника, и это составляло древнѣйшее, простѣйшее и наиболѣе частое явленіе. Иногда же она возникала такимъ путемъ, что соотвѣтственные органы, въ особенности же ко-

подчинялась вновь созданной, найти подходящее имя для которой предоставлялось будущему, но которая на дѣлѣ уже теперь заключала въ себѣ зародыши монархіи. Законопроектъ этотъ положилъ основаніе полнѣйшему перевороту въ существующемъ порядкѣ.

Помпей и габиніевы законы.

Мѣры эти, принятыя человѣкомъ, только что давшимъ такое поразительное доказательство слабости и двоедушія, изумляютъ насъ своей энергіею. Тѣмъ не менѣе легко понять, почему Помпей дѣйствовалъ теперь рѣшительнѣе, чѣмъ во время своего консульства. Дѣло для него шло не о томъ, чтобы немедленно выступить въ качествѣ монарха, а только о подготовленіи монархіи исключительною военною мѣрою, которая, какъ ни революціонна она была въ сущности, все таки могла еще быть выполнена сообразно существующей конституціи, и прямо вела Помпея къ исконной цѣли его желаній, къ главному начальству надъ войскомъ, дѣйствовавшимъ противъ Митридата и Тиграна. Въ пользу эманципаціи военной власти отъ сената говорила и цѣлесообразность этой мѣры. Помпей не могъ, конечно, забыть, что планъ подавленія пиратства, задуманный на совершенно однородныхъ основаніяхъ, распался за нѣ-

---

миціи, въ позднѣйшее время, вѣроятно, также и сенатъ, назначали высшее должностное лицо, не предусмотрѣнное конституціею, причемъ лицо это, правда, равнялось штатному чиновнику, но въ доказательство чрезвычайности его полномочія называлось только „исполняющимъ должность претора или консула". Сюда принадлежали и правильно назначаемые на должность квесторовъ чиновники, вслѣдствіи экстренным способомъ снабженные властью преторовъ или даже консуловъ (quaestores pro praetore или pro consule; Becker-Marquardt, 3, 1,284); въ этомъ званіи отправился, напр., въ Кирену Публій Лентулъ Марцеллинъ въ 679 г. (Sallust., hist., 2, 39), Гней Пизонъ въ 689 г., въ восточную Испанію (Sallust., Cat., 19), Катонъ въ 696 году въ Кипръ (Vell., 2, 45). Иногда же чрезвычайныя полномочія возникали изъ принадлежавшаго высшему должностному лицу права высылать уполномоченныхъ. Оставляя свой округъ или не имѣя по другой причинѣ возможности исполнять свою должность, онъ имѣлъ право назначать своимъ преемникомъ одного изъ своихъ приближенныхъ, который назывался тогда legatus pro praetore (Саллюстій, Jug., 36, 37, 38), или же, если выборъ падалъ на квестора — quaestor pro praetore (Салл., Jug., 103). Равнымъ образомъ имѣлъ онъ право въ случаѣ, если у него не было квестора, поручать исполненіе его обязанности одному изъ своей свиты, который и назывался тогда legatus pro quaestore; подъ этимъ именемъ впервые встрѣчаемъ на македонскихъ тетрадрахмахъ Сузы, военачальника подвластнаго македонскому намѣстнику (665—667). Но это противорѣчило сущности чрезвычайнаго полномочія и поэтому древнѣйшее государственное право не допускало, чтобъ какое-либо высшее должностное лицо могло, безъ ущерба своей собственной дѣятельности, тотчасъ по вступленіи въ должность облекать высшей же административной властью одного или нѣсколькихъ изъ своихъ подчиненныхъ; въ этомъ отношеніи назначенные проконсуломъ Помпеемъ legati pro praetore представляли собой нововведеніе и уже походили на тѣхъ легатовъ, которые играли такую большую роль въ дни имперіи.

сколько лѣтъ передъ тѣмъ, благодаря нелѣпому выполненію его сенатомъ,—что исходъ испанской войны подвергался высшей опасности вслѣдствіе пренебреженія, выказаннаго по отношенію къ войску сенатомъ, и вслѣдствіе его неразумнаго финансоваго управленія. Онъ не могъ также не замѣтить, какъ было настроено относительно его, отщепенца отъ партіи Суллы, значительное большинство аристократіи, и какая судьба ожидала его, еслибъ онъ отправился на востокъ, въ качествѣ правительственнаго полководца съ обыкновенными полномочіями. Понятно поэтому, что онъ указалъ на независимое отъ сената положеніе, какъ на первое условіе принятія имъ главнаго начальства надъ войскомъ, и что граждане охотно согласились на это. Къ тому же въ высшей степени вѣроятно, что Помпея вынуждали къ болѣе быстрому образу дѣйствій его приближенные, безъ всякаго сомнѣнія весьма недовольные его удаленіемъ, за два года передъ тѣмъ. Законопроекты относительно отозванія Лукулла и экспедиціи противъ пиратовъ были предложены народнымъ трибуномъ Авломъ Габиніемъ, человѣкомъ, совершенно погибшимъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи, но ловкимъ посредникомъ, смѣлымъ ораторомъ и мужественнымъ воиномъ. Какъ ни малозначительны были увѣренія Помпея, утверждавшаго, что онъ отнюдь не желаетъ главнаго начальства въ войнѣ противъ пиратовъ и только жаждетъ тишины домашняго очага, достовѣрно только то, что смѣлый и подвижный кліентъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ Помпеемъ и его кружкомъ и хорошо понимавшій и дѣла, и людей, въ значительной степени вынудилъ рѣшеніе у своего недальновиднаго и неповоротливаго патрона.

Отношеніе партій къ законамъ Габинія.

Демократія, какъ ни недовольны были, вѣроятно, втихомолку вожди ея, не могла, однако, открыто возстать противъ законопроекта. По всей вѣроятности, она ни въ какомъ случаѣ не могла бы помѣшать проведенію этого закона, а только явно порвала бы сношенія съ Помпеемъ и этимъ вынудила бы его либо сблизиться съ олигархіею. либо безпощадно преслѣдовать свою личную политику въ виду обѣихъ партій. Демократамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ и теперь еще держаться союза съ Помпеемъ, какъ шатокъ онъ ни былъ, и воспользоваться случаемъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, окончательно ниспровергнуть сенатъ и перейти отъ оппозиціи на сторону правительства, предоставляя все дальнѣйшее будущему и хорошо извѣстной всѣмъ слабости характера Помпея. Вслѣдствіе этого и ихъ вожди, преторъ Люцій Квинктій, тотъ самый, что за семь лѣтъ передъ тѣмъ ратовалъ за возстановленіе власти трибуновъ, и бывшій квесторъ Гай Цезарь поддерживали габиніевы законопроекты.—Привиллегированные классы были внѣ себя, и не только знать, но и торговая аристократія, видѣвшая въ этомъ коренномъ государственномъ переворотѣ опасность и для своихъ особыхъ правъ, и снова признавшая въ сенатѣ своего настоящаго патрона. Когда трибунъ Габиній поя-

вился въ куріи послѣ сдѣланныхъ имъ предложеній, его чуть не задушили собственными руками отцы отечества, не взвѣсившіе въ своемъ рвеніи, какъ невыгодно окончился бы для нихъ подобный методъ аргументаціи. Трибунъ спасся на базарную площадь и сзывалъ толпу штурмовать ратушу, но тутъ, какъ разъ во время, было прервано засѣданіе. Консулъ Пизонъ, вождь олигархіи, случайно доставшійся въ руки толпы, навѣрно сдѣлался бы жертвою народной ярости, еслибъ не подоспѣлъ Габиній и, не желая рисковать своимъ вѣрнымъ успѣхомъ изъ-за несвоевременныхъ преступленій, не освободилъ консула. Тѣмъ временемъ озлобленіе толпы не уменьшалось и находило новую пищу для себя въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и въ многочисленныхъ, отчасти нелѣпыхъ слухахъ, въ родѣ того, напримѣръ, будто Люцій Лукуллъ частью отдалъ на проценты въ Римѣ данныя ему для веденія войны суммы, частью старался отвратить посредствомъ ихъ отъ народнаго дѣла претора Квинктія, или же, что сенатъ хотѣлъ приготовить «второму Ромулу», какъ называли Помпея, участь перваго *), и т. д. Среди этого наступилъ день голосованія. Тѣсною толпою стоялъ народъ на площади. Всѣ зданія, откуда можно было видѣть ораторскую трибуну, были покрыты людьми до самой крыши. Товарищи Габинія разрѣшили сенату право вмѣшательства; но въ виду бушующей толпы всѣ молчали, за исключеніемъ одного только Люція Требеллія, который поклялся и себѣ, и сенату скорѣе умереть, чѣмъ уступить. Не успѣлъ онъ вмѣшаться въ дѣло, какъ Габиній тотчасъ же прервалъ голосованіе своихъ законопроектовъ и потребовалъ отъ собравшагося народа, чтобъ поступлено было съ его сопротивляющимся товарищемъ, какъ сдѣлано было нѣкогда, по предложенію Тиверія Гракха, съ Октавіемъ, т. е. чтобъ немедленно лишили его должности. Произошло голосованіе, и началось чтеніе баллотировочныхъ таблицъ; когда первые семнадцать округовъ, заявленіе которыхъ было прочтено, высказались въ пользу предложенія, и слѣдующій утвердительный голосъ далъ имъ большинство, Требеллій, забывъ о своей клятвѣ, малодушно взялъ назадъ свою интерпелляцію. Тщетно старался послѣ этого трибунъ Отонъ добиться, чтобы была по крайней мѣрѣ сохранена коллегіальность, и чтобы вмѣсто одного полководца было избрано два; тщетно напрягалъ свои послѣднія силы престарѣлый Квинтъ Катулъ, самый уважаемый человѣкъ въ сенатѣ, желавшій добиться того, чтобы второстепенные полководцы не назначались бы главнокомандующимъ, а избирались народомъ. Среди шума толпы Отонъ не могъ даже достигнуть того, чтобы его выслушали; Катулъ добился этого, благодаря хорошо разсчитанной предупредительности Габинія, и въ почтительномъ молчаніи внимала толпа сло-

*) Согласно сказанію, царь Ромулъ былъ разорванъ на части сенаторами.

вамъ старца; но они тѣмъ не менѣе оставались тщетными. Предложенія не только были возведены въ законъ неизмѣненными, со всѣми добавочными пунктами, но и всѣ подробности, которыя Помпей добавилъ впослѣдствіи, были разрѣшены ему немедленно и всецѣло.

Успѣхи Помпея на востокѣ. Съ большими надеждами взирали Римляне на отъѣздъ двухъ полководцевъ, Помпея и Глабріона, къ ихъ мѣсту назначенія. Цѣны на хлѣбъ немедленно вернулись къ обыкновенной нормѣ, вслѣдъ за принятіемъ габиніевыхъ законовъ; это доказываетъ, какія надежды возлагались на грандіозную экспедицію и ея славнаго руководителя. Надежды эти, какъ видно будетъ далѣе, не только осуществлялись, но были даже превзойдены; въ три мѣсяца было окончено очищеніе моря. Со времени войнъ Аннибала римское правительство не дѣйствовало столь энергически внѣ Рима; въ противоположность слабому и неспособному управленію олигархіи, демократическо-военная оппозиція блестящимъ образомъ заявила свое призваніе держать бразды правленія и руководить государствомъ. Столь же непатріотическія, какъ и неловкія попытки консула Пизона тормозить мелочными препятствіями усилія Помпея подавить пиратство въ нарбонской Галліи, только увеличивали озлобленіе гражданъ противъ олигархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и энтузіазмъ ихъ къ Помпею: только благодаря личному вмѣшательству его, народное собраніе не низложило консула.— На азіатскомъ материкѣ неурядица тѣмъ временемъ усилилась. Глабріонъ, который вмѣсто Лукулла долженъ былъ принять главное начальство надъ войскомъ, дѣйствовавшимъ противъ Митридата и Тиграна, засѣлъ въ передней Азіи и возбуждалъ, правда, солдатъ противъ Лукулла разными прокламаціями, но не приступалъ къ исполненію обязанности главнокомандующаго, такъ что Лукуллъ былъ вынужденъ оставаться въ этой должности. Противъ Митридата ничего, конечно, не было сдѣлано; понтійскіе всадники безбоязненно и безнаказанно грабили въ Виѳиніи и Каппадокіи. Благодаря войнѣ противъ пиратовъ, и Помпей былъ вынужденъ двинуться съ своимъ войскомъ въ Малую Азію; ничего не было естественнѣе, какъ передать ему главное начальство въ понтійско-армянской войнѣ, къ чему онъ самъ издавна стремился. Но римская демократическая партія естественно не раздѣляла желаній своего генерала и не хотѣла брать на себя въ этомъ случаѣ иниціативы. Весьма вѣроятно, что партія эта склонила Габинія не поручать сразу Помпею главнаго начальства надъ войсками въ войнѣ противъ Митридата и противъ пиратовъ, а назначить противъ Митридата Глабріона; ни въ какомъ случаѣ демократы не могли желать усилить и продлить до безконечности исключительное положеніе и безъ того уже черезчуръ могущественнаго полководца. Самъ Помпей по своему обыкновенію держался пассивно, и, быть можетъ, дѣйствительно вернулся бы домой по исполненіи даннаго ему порученія, еслибъ не случилось происшествіе, совершенно неожиданное для всѣхъ партій.

Законъ Манилія.

Гай Манилій, человѣкъ пустой и ничтожный, перессорился, будучи народнымъ трибуномъ, и съ аристократіею, и съ демократіею благодаря своимъ нелѣпымъ законопроѣктамъ. Въ надеждѣ укрыться подъ покровительство могущественнаго полководца въ случаѣ, если онъ доставитъ ему то, чего завѣдомо всѣмъ онъ такъ искренно желалъ, но не рѣшался требовать, онъ обратился къ гражданамъ съ предложеніемъ отозвать намѣстника Глабріона изъ Виѳиніи и Понта, а Марція Рекса изъ Киликіи, и передать эти должности, равно какъ и веденіе войны на востокѣ, какъ кажется, на неограниченное время и съ обширнѣйшими полномочіями заключать миръ и союзы,— проконсулу надъ морями и побережьями, наряду съ его прежнею должностью (начало 688 г.). Здѣсь ясно высказалось, какъ расшатанъ былъ римскій конституціонный механизмъ, съ той поры какъ инициатива законодательной власти находилась отчасти въ рукахъ всякаго ничтожнѣйшаго демагога, а рѣшеніе вопросовъ въ рукахъ неразумной толпы; отчасти тоже распространялось и на важнѣйшіе вопросы администраціи. Предложеніе Манилія не было пріятно ни одной изъ политическихъ партій; тѣмъ не менѣе оно почти нигдѣ не встрѣтило серьознаго противодѣйствія. Демократическіе вожди по тѣмъ же причинамъ, которыя вынудили ихъ допустить законъ Габинія, не смѣли открыто противиться и закону Манилія; они затаили свое негодованіе и свои опасенія и открыто говорили въ пользу демократическаго полководца. Умѣренные оптиматы высказались за законъ Манилія, такъ какъ на основаніи габиніева закона сопротивленіе было во всякомъ случаѣ безполезно, и люди дальновидные уже тогда поняли, что самою правильною политикою для сената было сблизиться по возможности съ Помпеемъ и привлечь его на свою сторону въ виду предвидѣвшагося разрыва между нимъ и демократами. Наконецъ люди шаткаго образа мыслей благословляли день, когда и они могли какъ будто имѣть мнѣнія и дѣйствовать рѣшительно, не порывая ни съ одною изъ партій (характеристично, что Маркъ Цицеронъ впервые вступилъ на политическую ораторскую трибуну, именно защищая маниліевъ законъ). Одни только суровые оптиматы, съ Квинтомъ Катуломъ во главѣ, обнаружили свои настоящія убѣжденія и говорили противъ предложенія. Понятно, что оно было возведено въ законъ большинствомъ голосовъ, почти что равнявшимся единогласію. Благодаря этому, Помпей, кромѣ своихъ прежнихъ обширныхъ полномочій, получилъ еще управленіе важнѣйшими малоазіатскими провинціями, такъ что въ обширныхъ римскихъ владѣніяхъ почти не было клочка земли, который не былъ бы ему подвластнымъ, а сверхъ того въ его рукахъ находилось еще веденіе войны, про которую, какъ про походъ Александра, можно было, правда, сказать, гдѣ и когда она началась, но не опредѣлить, гдѣ и когда она кончится. Во

все время существованія Рима такая власть не сосредоточивалась еще въ рукахъ одного человѣка.

Демократическо-военная революція.

Законы Габинія и Манилія завершили борьбу между сенатомъ и народною партіею, начатую за шестьдесятъ семь лѣтъ передъ тѣмъ законами Семпронія. Подобно тому, какъ семпроніевы законы прежде всего создали изъ революціонной партіи политическую оппозицію, такъ съ законами Габинія и Манилія революціонная партія перешла изъ оппозиціи къ правительству; и, если то былъ грандіозный моментъ, когда, послѣ тщетнаго вмѣшательства Октавія, совершилось первое нарушеніе существующей конституціи, то не менѣе важна была и та пора, когда, съ отступничествомъ Требеллія, палъ послѣдній оплотъ сенаторскаго правленія. Это чувствовалось обѣими сторонами, и даже сердца безхарактерныхъ сенаторовъ дрогнули въ этой предсмертной борьбѣ; тѣмъ не менѣе, конституціонныя распри окончились совершенно инымъ и гораздо болѣе жалкимъ способомъ, чѣмъ начались. Юноша, во всѣхъ отношеніяхъ благородный, началъ революцію, — она была окончена дерзкими интриганами и демагогами самаго мелкаго пошиба. Если, съ другой стороны, оптиматы начали дѣло строго обдуманнымъ сопротивленіемъ, сурово обороняясь даже на потерянной уже позиціи, то кончили они инціативою кулачнаго права, хвастливою слабостью и жалкимъ клятвопреступленіемъ. Теперь было достигнуто то, что нѣкогда казалось смѣлою мечтою: сенатъ пересталъ править. Но если нѣкоторые старцы, видѣвшіе еще бури первой революціи, внимавшіе словамъ Гракховъ, сравнили бы то время съ настоящимъ, то они нашли бы все измѣненнымъ, страну и гражданство, государственное право и военную дисциплину, жизнь и нравы; и тотъ, кто сравнивалъ идеалы временъ Гракховъ съ ихъ осуществленіемъ, могъ поистинѣ грустно улыбнуться. Но подобныя размышленія были дѣломъ прошлаго. Въ настоящемъ же и, вѣроятно, и въ будущемъ, паденіе аристократіи должно было считаться совершившимся фактомъ. Олигархи уподоблялись совершенно распавшейся арміи, разсѣянные отряды которой могутъ еще служить подкрѣпленіемъ для другого войска, но сами по себѣ не могутъ уже ни удержаться въ полѣ, ни отважиться на самостоятельный бой. Но вмѣстѣ съ окончаніемъ старинной борьбы подготовлялось и начало новой, именно борьбы двухъ силъ, сливавшихся до той поры для ниспроверженія аристократической государственной конституціи, т. е. борьбы демократической оппозиціи и военной власти, становившейся все могущественнѣе. Исключительное положеніе Помпея было, уже на основаніи законовъ Габинія, а тѣмъ болѣе Манилія, несовмѣстимо съ республиканскимъ государственнымъ строемъ. Законъ Габинія, какъ говорили уже тогда вполнѣ основательно его противники, дѣлалъ изъ Помпея не только адмирала, но регента государства; не безъ причины называлъ его

одинъ Грекъ, хорошо знакомый съ восточными дѣлами, «царемъ царей». Если впослѣдствіи, когда онъ вернется съ востока побѣдителемъ, съ увеличившеюся славою и полною казною, съ готовыми къ борьбѣ и преданными ему войсками, онъ протянетъ руку къ коронѣ—кто остановитъ его? Ужъ не консулару ли Квинту Катулу слѣдовало созвать сенаторовъ на бой противъ перваго полководца того времени и его испытанныхъ легіоновъ? Или, быть можетъ, слѣдовало эдилу Гаю Цезарю поднять городскую чернь, взоры которой онъ только что тѣшилъ своими тремя стами двадцатью парами гладіаторовъ въ серебряныхъ латахъ? Вскорѣ придется, восклицалъ Катулъ, снова укрываться на скалахъ Капитолія, чтобы спасти свободу. Вѣщій человѣкъ этотъ былъ невиноватъ въ томъ, что буря разразилась не съ востока, какъ онъ это думалъ, а что судьба, исполняя его пророчества буквальнѣе, чѣмъ онъ самъ предвидѣлъ, занесла губительную непогоду нѣсколько лѣтъ спустя изъ страны Кельтовъ.

ГЛАВА IV.

Помпей и Восточныя дѣла.

Помпей подавляетъ пиратство.

Мы уже раньше видѣли, какъ плачевны были на востокѣ дѣла Римлянъ и на сушѣ и на морѣ, когда въ началѣ 687 года Помпей принялъ на себя веденіе войны противъ пиратовъ съ почти неограниченными полномочіями. Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ громадную, отведенную ему область на тринадцать округовъ, и поручилъ каждый изъ нихъ одному изъ подвластныхъ ему полководцевъ, чтобы вооружать тамъ корабли и отряды, изслѣдовать берега, захватывать лодки корсаровъ или искусно загонять ихъ туда, гдѣ они доставались бы въ руки другому римскому отряду. Самъ онъ въ раннюю пору года выступилъ въ море съ лучшей частью наличныхъ военныхъ судовъ, среди которыхъ и теперь отличались родосскіе корабли, и прежде всего очистилъ отъ пиратовъ сицилійскія, африканскія и сардинскія воды, чтобы снова сдѣлать возможнымъ подвозъ ржи изъ этихъ провинцій въ Италію. Объ очищеніи испанскихъ и галльскихъ береговъ заботились тѣмъ временемъ подвластные ему полководцы. При этомъ случаѣ, консулъ Гай Пизонъ старался препятствовать изъ Рима вербовкѣ войскъ, которую производилъ въ нарбонской провинціи, въ силу габиніева закона, легатъ Помпея, Маркъ Помпоній. Чтобы помѣшать этому неразумному поступку и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать справедливое озлобленіе толпы противъ консула въ законныхъ предѣлахъ, Помпей временно появился въ Римѣ. Когда, по истеченіи сорока дней, судоходство стало свободно во всемъ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, Помпей двинулся далѣе въ восточное море съ шестидесятью лучшими кораблями своими и прежде всего появился въ древнѣйшемъ и главномъ центрѣ пиратства, въ киликійскихъ и ликійскихъ водахъ. При вѣсти о приближеніи римскаго флота, всюду исчезали изъ открытаго моря не однѣ только лодки пиратовъ; даже сильныя ликійскія крѣпости, Антикрагъ и Крагъ, сдались, не оказавъ серьознаго сопротивленія. Ворота этихъ трудно-доступныхъ морскихъ укрѣпленій

были открыты жителями не столько подъ влiянiемъ страха, сколько вслѣдствiе хорошо-разсчитанной кротости Помпея. Предшественники его распинали всякаго плѣннаго пирата; Помпей, не колеблясь, щадилъ всѣхъ и обращался съ непривычнымъ снисхожденiемъ въ особенности съ находившимися на захваченныхъ разбойничьихъ лодкахъ простыми гребцами. Только одни отважные киликiйскiе морскiе цари рѣшились съ оружiемъ въ рукахъ защищать хоть собственныя воды противъ Римлянъ; укрывъ женщинъ и дѣтей и богатыя сокровища свои въ горные замки Тавра, они поджидали римскiй флотъ на западной границѣ Киликiи, на вершинѣ Коракезiя. Но хорошо защищаемые и снабженные всевозможнымъ военнымъ матерiаломъ корабли Помпея одержали здѣсь полнѣйшую побѣду. Безпрепятственно причалилъ онъ тогда и началъ штурмовать и разрушать горные замки корсаровъ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ предлагать всѣмъ, въ награду за покорность, свободу и жизнь. Вскорѣ масса народа отказалась вести безнадежную войну въ замкахъ и городахъ и согласилась на сдачу. Въ сорокъ девять дней послѣ появленiя Помпея въ восточномъ морѣ Киликiя была покорена и война окончена. Быстрое подавленiе пиратства было значительнымъ облегченiемъ для Римлянъ, но не великимъ дѣянiемъ; съ средствами римскаго государства, расходуемыми съ большою расточительностью, корсары такъ же мало могли помѣряться, какъ соединенная воровская шайка большого города съ правильно-организованной полицiею. Было наивно торжествовать подобный партизанскiй набѣгъ, точно побѣду. Но если вспомнить долголѣтнее существованiе и ежедневное безпредѣльное распространенiе зла, то понятно, что изумительно быстрое покоренiе страшныхъ пиратовъ произвело на массу сильнѣйшее впечатлѣнiе, тѣмъ болѣе, что это былъ первый подвигъ администрацiи, сосредоточенной въ однѣхъ рукахъ, и партiи напряженно выжидали, съумѣетъ ли она править лучше коллегiальнаго управленiя. Около четырехсотъ кораблей и лодокъ, и въ томъ числѣ девяносто настоящихъ военныхъ судовъ были частью взяты Помпеемъ, частью выданы ему; говорятъ, что вообще погибло до 1300 пиратскихъ судовъ, да кромѣ того сдѣлались жертвою пламени богато-наполненные арсеналы и цейхгаузы флибустьеровъ. Изъ морскихъ разбойниковъ погибло до десяти тысячъ человѣкъ; двадцать тысячъ досталось живьемъ въ руки побѣдителя, въ то время, какъ Публiй Клодiй, предводитель стоявшаго въ Киликiи римскаго войска, и множество другихъ людей, увезенныхъ пиратами и по большей части считавшихся на родинѣ уже давно умершими, были освобождены Помпеемъ. Лѣтомъ 687 года, чрезъ три мѣсяца послѣ начала похода, торговля и жизнь снова потекли обычнымъ путемъ, и вмѣсто прежняго голода въ Италiи распространилось обилiе.

Непрiятныя происшествiя, разыгравшiяся тѣмъ временемъ на **Несогласiя**

между Помпеемъ и Метелломъ изъ-за Крита. островѣ Критѣ, омрачили до извѣстной степени успѣхи римскаго оружія. Тамъ стоялъ уже второй годъ Квинтъ Метеллъ, занимавшійся окончательнымъ покореніемъ острова, въ главныхъ чертахъ уже покореннаго въ то время, когда въ восточныхъ водахъ появился Помпей. Коллизія была близка, такъ какъ въ силу габиніева закона, власть Помпея, соперничая съ властью Метелла, распространялась на весь островъ, тянущійся значительно въ длину, но нигдѣ не имѣющій болѣе двадцати миль въ ширину. Тѣмъ не менѣе Помпей былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы передать островъ кому нибудь изъ подчиненныхъ ему полководцевъ. Но сопротивлявшіяся еще критскія общины, видѣвшія, съ какою страшной строгостью Метеллъ привлекалъ къ отвѣтственности ихъ покоренныхъ соотечественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣдавшія о мягкихъ условіяхъ, предлагаемыхъ Помпеемъ покорявшимся ему мѣстностямъ южной части Малой Азіи, предпочли отправить къ нему единогласное выраженіе своей покорности, которое и было принято Помпеемъ въ Памфиліи, гдѣ онъ находился въ то время, послѣ чего онъ далъ критскимъ посламъ своего легата, Люція Октавія, для того чтобы объявить Метеллу о заключеніи договоровъ и для принятія городовъ. Образъ дѣйствій этотъ, конечно, не отличался коллегіальностью; но формальное право, безспорно, было на сторонѣ Помпея, и Метеллъ былъ вполнѣ неправъ, когда онъ, игнорируя договоръ городовъ съ Помпеемъ, продолжалъ обращаться съ ними, какъ съ непріятелемъ. Тщетно протестовалъ Октавій; тщетно призывалъ онъ изъ Ахеи (самъ онъ прибылъ безъ войска) стоявшаго тамъ подвластнаго Помпею полководца, Люція Сизенну: Метеллъ, не обращая вниманія ни на Октавія, ни на Сизенну, осадилъ Элевѳерну и взялъ Лаппу штурмомъ, гдѣ захватилъ и потомъ съ позоромъ отпустилъ самого Октавія; взятые же вмѣстѣ съ нимъ Критяне были отданы въ руки палача. Такимъ образомъ дѣло дошло до настоящихъ битвъ между войсками Сизенны, во главѣ которыхъ по смерти этого вождя сталъ Октавій, и войсками Метелла; даже послѣ того, какъ первыя были откомандированы въ Ахею, Октавій продолжалъ войну съ помощью Критянина Аристіона, а Гіерапитна, гдѣ они держались оба, была покорена Метелломъ лишь послѣ упорнѣйшаго сопротивленія. Такимъ образомъ ревностный оптиматъ Метеллъ началъ на собственный страхъ настоящую междоусобную войну противъ демократическаго главнокомандующаго; о невыразимой расшатанности римскихъ государственныхъ дѣлъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что эти стычки не повели ни къ чему другому, какъ къ озлобленной перепискѣ между двумя генералами, нѣсколько лѣтъ спустя снова мирно и даже «дружественно» возсѣдавшими другъ около друга въ сенатѣ.

Помпей Помпей находился во время этихъ событій въ Киликіи; повиди-

мому онъ подготовлялъ на будущій годъ походъ противъ Критянъ или, скорѣе, противъ Метелла; на дѣлѣ же онъ выжидалъ минуту для вмѣшательства въ страшно запутанныя дѣла на малоазіатскомъ материкѣ. Остатки войска Лукулла, уцѣлѣвшіе послѣ вынесенныхъ имъ потерь и распущенія фимбріевыхъ легіоновъ, стояли въ бездѣйствіи близъ верхняго Галиса, въ трокмійской странѣ, на границѣ понтійскихъ владѣній. Главнымъ начальникомъ все еще оставался Лукуллъ, такъ какъ назначенный преемникъ его, Глабріонъ, попрежнему медлилъ въ передней Азіи. Точто также въ Киликіи стояли въ бездѣйствіи три легіона, предводительствуемые Квинтомъ Марціемъ Рексомъ. Понтійская область находилась всецѣло во власти царя Митридата, который съ страшной жестокостью каралъ за отпаденіе, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общины, примкнувшія къ Римлянамъ, въ родѣ, напримѣръ, города Евпаторіи. Къ серьозному наступленію противъ Римлянъ цари востока не прибѣгали, потому ли, что это не входило вообще въ ихъ планы, или потому, какъ полагали иные, что высадка Помпея въ Киликіи побудила царей Митридата и Тиграна воздержаться отъ дальнѣйшаго наступленія. Быстрѣе, чѣмъ могъ ожидать самъ Помпей, законъ Манилія осуществилъ его тайныя надежды: Глабріонъ и Рексъ были отозваны, и понтійско-виѳинское и киликійское намѣстничества, съ находившимися тамъ войсками, равно какъ и веденіе понтійско-армянской войны, съ правомъ воевать съ восточными династами, заключать съ ними миръ и союзы, были переданы Помпею. Въ виду такихъ важныхъ почестей и такой добычи, Помпей охотно отказался отъ каранія капризнаго оптимата, завистливо охранявшаго свои скудные лавры, оставилъ походъ противъ Крита и дальнѣйшее преслѣдованіе корсаровъ и назначилъ свой флотъ для поддержанія нападенія, задуманнаго имъ противъ царей Понта и Арменіи. Но за сухопутной войною онъ однако отнюдь не терялъ изъ виду пиратства, все съизнова поднимавшаго голову. Еще прежде, чѣмъ онъ оставилъ Азію, онъ велѣлъ привести въ порядокъ корабли, необходимые для дѣйствій противъ корсаровъ; по его предложенію, подобная мѣра была принята въ слѣдующемъ году и по отношенію къ Италіи, и необходимая для этого сумма была разрѣшена сенатомъ. Берега попрежнему были защищаемы конными отрядами и маленькими эскадрами. Если Римляне и не подавили вполнѣ пиратства, что доказывается позднѣйшими экспедиціями ихъ противъ Кипра въ 696 и противъ Египта въ 699 годахъ, то тѣмъ не менѣе послѣ похода Помпея, пиратство, несмотря на всѣ превратности и кризисы, случавшіеся въ Римѣ, никогда уже болѣе не могло такъ смѣло дѣйствовать и до такой степени вытѣснять Римлянъ на морѣ, какъ это было во время господства разлагавшейся олигархіи.

становится главнокомандующимъ надъ войскомъ, дѣйствующимъ противъ Митридата.

Немногіе мѣсяцы, оставашіеся еще до начала малоазіатскаго

Приготовле-

ніе Помпея къ войнѣ и союзъ съ Пареянами.

похода, были съ усиленной дѣятельностью употреблены новымъ главнокомандующимъ для дипломатическихъ и военныхъ приготовленій. Къ Митридату были отправлены послы, скорѣе для развѣдыванія, чѣмъ для попытки серьознаго посредничества. При понтійскомъ дворѣ надѣялись, что пареянскій царь Фраатъ согласится примкнуть къ понтійско-армянскому союзу, въ виду недавнихъ значительныхъ успѣховъ, одержанныхъ союзниками надъ Римомъ. Для противодѣйствія этому были отправлены къ ктезифонскому двору римскіе послы, которымъ внутреннія смуты, раздиравшія армянскій царствующій домъ, оказались весьма полезными. Соименный Тиграну сынъ его возсталъ противъ своего отца, оттого ли, что не могъ дождаться кончины старца, или оттого, что подозрительность отца, уже стоившая жизни многимъ изъ его братьевъ, указывала ему на открытое возстаніе, какъ на единственную возможность спасенія. Побѣжденный отцемъ, онъ бѣжалъ съ нѣсколькими знатными Армянами къ двору Арзакида и интриговалъ оттуда противъ отца. Отчасти благодаря ему Фраатъ охотнѣе принялъ награду за присоединеніе къ союзу, предлагаемому съ обѣихъ сторонъ (именно прочное обладаніе Месопотаміею) изъ рукъ Римлянъ, возобновилъ съ Помпеемъ договоръ, заключенный имъ съ Лукулломъ относительно границъ Евфрата, и даже согласился дѣйствовать сообща съ Римлянами противъ Арменіи.

Натянутость между Митридатомъ и Тиграномъ.

Еще болѣе, чѣмъ заключеніемъ союза между Римлянами и Пареянами, младшій Тигранъ повредилъ царямъ Тиграну и Митридату тѣмъ, что возстаніе его дало поводъ къ охлажденію между ними. Тигранъ былъ втайнѣ увѣренъ, что тесть принималъ участіе въ возстаніи внука (мать младшаго Тиграна, Клеопатра, была дочерью Митридата), и, если это и не дало повода къ явному разрыву, то тѣмъ не менѣе, добрыя отношенія двухъ монарховъ разстроились какъ разъ въ ту минуту, когда они въ нихъ всего болѣе нуждались.—Одновременно съ этимъ Помпей энергично занимался вооруженіями. Союзныя и подручныя общины Азіи были приглашены выставить обязательный для нихъ контингентъ; публичныя объявленія вызывали отпускныхъ ветерановъ фимбріевыхъ легіоновъ снова вернуться подъ знамена, и, благодаря обѣщаніямъ и имени Помпея, значительная часть ихъ дѣйствительно послѣдовала призыву. Совокупная рать, собравшаяся подъ начальствомъ Помпея, состояла, за исключеніемъ вспомогательныхъ союзныхъ народностей, изъ 40—50,000 человѣкъ *).

*) Помпей раздѣлилъ между своими солдатами и офицерами, въ качествѣ почетнаго дара, 384 милліона сестерцій (=16,000 талантовъ; App., Mithr., 116): такъ какъ офицеры получили сто милліоновъ (Plin., h. n., 37, 2, 16), простые же солдаты по 6000 сестерцій каждый (Plin., App.), то, даже во время тріумфа въ войскѣ насчитывалось до 40,000 человѣкъ.

Весною 688 года Помпей направился къ Галатіи, чтобы принять главное начальство надъ отрядомъ Лукулла и двинуться съ нимъ въ понтійскія владѣнія, куда должны были послѣдовать за нимъ и киликійскіе легіоны. Въ Даналѣ, мѣстности въ странѣ трокмійской, оба полководца встрѣтились; но примиреніе, котораго надѣялись достигнуть ихъ обоюдные друзья, не состоялось. Вступительныя любезности вскорѣ перешли въ ожесточенное объясненіе, а объясненіе — въ яростный споръ; полководцы разстались болѣе недовольными, чѣмъ сошлись. Такъ какъ Лукуллъ продолжалъ дѣлать почетные подарки и раздавать земли, точно все еще находился въ должности, то Помпей и объявилъ недѣйствительными всѣ распоряженія, сдѣланныя его предшественникомъ послѣ его прибытія. По формѣ онъ былъ правъ; въ немъ нельзя было искать нравственнаго такта въ обращеніи съ заслуженнымъ и непомѣрно оскорбленнымъ противникомъ. **Помпей и Лукуллъ.**

Лишь только позволило время года, римскія войска перешли понтійскую границу. Передъ ними стоялъ царь Митридатъ съ 30,000 пѣхотинцевъ и 3000 всадниковъ. Покинутый своими союзниками и аттакованный Римлянами съ удвоенною силою и энергіею, онъ сдѣлалъ попытку добиться мира; но о безусловномъ повиновеніи, какого требовалъ Помпей, онъ и слышать не хотѣлъ, — могъ ли несчастнѣйшій походъ окончиться для него хуже? Чтобы не подвергнуть своего войска, состоявшаго большею частью изъ стрѣлковъ и всадниковъ, страшному напору римской линейной пѣхоты, онъ медленно отступалъ передъ врагомъ и принудилъ Римлянъ слѣдовать за нимъ въ его перекрестныхъ переходахъ, во время которыхъ онъ всюду, гдѣ представлялся случай, задерживалъ своею превосходною конницею непріятельскую кавалерію и причинялъ Римлянамъ не мало бѣдствій, затрудняя продовольствіе ихъ войска. Наконецъ Помпей потерялъ терпѣнье и отказался отъ преслѣдованія понтійской арміи; оставивъ царя стоять на мѣстѣ, онъ принялся за покореніе страны, двинулся къ верхнему Евфрату, перешелъ его и вступилъ въ восточныя провинціи понтійскаго царства. Но и Митридатъ послѣдовалъ за нимъ на лѣвый берегъ Евфрата и, прибывъ въ анаитскую или акилизенскую мѣстность, преградилъ Римлянамъ путь близъ укрѣпленнаго и хорошо снабженнаго водою замка Дастейры, откуда онъ съ своими летучими отрядами господствовалъ надъ равниною. Помпей, все еще ожидавшій киликійскихъ легіоновъ и недостаточно сильный, для того чтобы удержаться безъ нихъ въ этой позиціи, долженъ былъ отступить черезъ Евфратъ и искать защиты отъ всадниковъ и стрѣлковъ царя въ лѣсистой понтійской Арменіи, пересѣченной многочисленными скалистыми ущельями и глубокими долинами. Только тогда, когда прибыли войска изъ Киликіи и дали ему возможность снова начать наступленіе съ превосходными силами, Помпей двинулся впередъ, окружилъ царскій лагерь цѣпью своихъ **Вступленіе въ Понтъ.**

постовъ, длиною почти въ четыре нѣмецкія мили, и совершенно блокировалъ его, въ то время какъ римскіе отряды искрещивали страну на далекое разстояніе. Нужда была велика въ понтійскомъ лагерѣ; уже приходилось закалывать коней; наконецъ, по истеченіи сорока пяти дней, царь, не имѣя возможности спасти больныхъ и раненыхъ и не желая предать ихъ въ руки врага, приказалъ своимъ собственнымъ солдатамъ умертвить ихъ и въ величайшей тишинѣ направился ночью на востокъ. Осторожно слѣдовалъ за нимъ Помпей по незнакомой странѣ; они приближались уже къ границѣ, отдѣлявшей владѣнія Митридата и Тиграна.

Отступленіе Митридата и битва при Никополѣ. Когда римскій полководецъ понялъ, что Митридатъ не желалъ рѣшать борьбы въ своихъ владѣніяхъ, а хотѣлъ увлечь за собою врага въ безпредѣльныя пространства востока, онъ рѣшился не допустить этого. Оба войска стояли близко другъ около друга. Во время полуденнаго отдыха римское войско, незамѣченное непріятелемъ, выступило, обошло его и заняло на южномъ берегу рѣки Лика (Іешиль-Ирмакъ) недалеко отъ нынѣшняго Эндереса, тамъ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Никополь, высоты, лежащія нѣсколько впереди и господствовавшія надъ ущельемъ, гдѣ слѣдовало пройти непріятелю. На слѣдующее утро Понтійцы поднялись по обыкновенію и, предполагая врага по прежнему за собою, расположились по окончаніи дневного перехода лагеремъ какъ разъ въ той долинѣ, кольцеобразныя высоты которой были заняты Римлянами. Внезапно раздался вокругъ нихъ въ ночной тиши страшный боевой кликъ легіоновъ; со всѣхъ сторонъ посыпались огнемъ выстрѣлы въ азіатскія полчища, въ которыхъ солдаты, обозъ, колесницы, лошади, верблюды смѣшались между собою, и гдѣ, благодаря скученности, не пропадалъ даромъ, не смотря на темноту, ни одинъ выстрѣлъ. Когда Римляне исчерпали всѣ свои выстрѣлы, они бросились съ высотъ на отряды, видимые при свѣтѣ вошедшей тѣмъ временемъ луны и почти беззащитно отданные имъ на жертву; кто не погибъ подъ ударомъ врага, былъ задавленъ въ страшной тѣснотѣ подъ копытами лошадей и колесами. Это было послѣднее поле битвы, гдѣ состязался съ Римлянами престарѣлый царь. Съ тремя спутниками, двумя всадниками и своей любовницей, всегда слѣдовавшей за нимъ въ мужскомъ платьѣ и храбро сражавшейся рядомъ съ нимъ, онъ бѣжалъ въ крѣпость Синорію, куда послѣдовала за нимъ часть его приверженцевъ. Здѣсь онъ раздѣлилъ между ними сбереженныя имъ сокровища, 6000 талантовъ (11 милліоновъ талеровъ), снабдилъ ихъ и себя ядомъ и поспѣшилъ съ оставшимся при немъ отрядомъ вверхъ по Евфрату, чтобы соединиться съ своимъ союзникомъ, царемъ Арменіи.

Тигранъ порываетъ Но и эта надежда оказалась тщетною; союзъ, разсчитывая на который Митридатъ направился въ Арменію, въ то время уже болѣе

не существовалъ. Въ продолженіе только что описанной нами борьбы между Митридатомъ и Помпеемъ, пароянскій царь, уступая настояніямъ Римлянъ, а еще болѣе изгнаннаго армянскаго властителя, вторгся съ вооруженною силою во владѣнія Тиграна и принудилъ его удалиться въ неприступныя горы. Непріятельская армія начала даже осаду столичнаго города, Артаксаты; но такъ какъ осада затягивалась, то царь Фраатъ и удалился съ большей частью своего войска, послѣ чего Тигранъ осилилъ оставшійся тамъ пароянскій отрядъ и предводительствуемыхъ его сыномъ армянскихъ эмигрантовъ и возстановилъ свою власть во всемъ государствѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ царь былъ мало расположенъ сразиться съ побѣдоносными Римлянами, а еще меньше пожертвовать собою для Митридата, которому онъ довѣрялъ менѣе, чѣмъ когда либо, съ той поры, когда до него дошелъ слухъ, что его непокорный сынъ намѣревался отправиться къ своему дѣду. Такимъ образомъ онъ завязалъ съ Римлянами переговоры относительно частнаго мира, но, еще не дождавшись заключенія договора, нарушилъ союзъ, связывавшій его съ Митридатомъ. Прибывъ на армянскую границу, Митридату пришлось узнать, что царь Тигранъ назначилъ награду въ сто талантовъ (150,000 талеровъ) за его голову, захватилъ его пословъ и выдалъ ихъ Римлянамъ. Митридатъ увидалъ свое царство въ рукахъ враговъ, союзниковъ же своихъ нашелъ готовыми примириться съ ними; продолжать войну было невозможно; онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, если ему удастся спастись на восточномъ или сѣверномъ прибрежьѣ Чернаго моря, снова вытѣснить своего непокорнаго сына Махара, вступившаго въ союзъ съ Римлянами, изъ босфорскаго царства и найти въ Мэотидѣ новую арену для новыхъ замысловъ. Вслѣдствіе этого онъ направился къ сѣверу. Когда царь, во время своего бѣгства, переступилъ за старинную границу Малой Азіи, Фазисъ, Помпей временно пріостановилъ свое преслѣдованіе, но, вмѣсто того, чтобы вернуться къ источникамъ Евфрата, онъ направился въ сторону, въ область Аракса, чтобы покончить съ Тиграномъ. Не встрѣтивъ почти сопротивленія, онъ достигъ Артаксаты (недалеко отъ Эривани) и расположился лагеремъ на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ города. Тамъ присоединился къ нему сынъ армянскаго царя, послѣ паденія своего отца надѣявшійся получить армянскую корону изъ рукъ Римлянъ и поэтому всѣми силами старавшійся помѣшать заключенію договора между его отцемъ и Римлянами. Вслѣдствіе этого армянскій царь окончательно рѣшился купить себѣ миръ какою-бы то ни было цѣною. Верхомъ и безъ пурпуровой одежды, но украшенный царскою діадемою и царскимъ тюрбаномъ, появился онъ передъ въѣздомъ въ римскій лагерь и потребовалъ, чтобы его отвели къ полководцу.

сношенія съ Митридатомъ.

Послѣ того, какъ вслѣдствіе требованія ликторовъ, онъ, по заведенному въ римскомъ лагерѣ порядку, отдалъ своего коня и мечъ, царь, по обычаю варваровъ, бросился въ ноги проконсулу, и положилъ въ его руки діадему и тіару, въ знакъ безусловнаго подчиненія. Помпей, сильно обрадованный легкою побѣдою, поднялъ униженнаго царя царей, снова украсилъ его знаками его сана и продиктовалъ ему миръ. Кромѣ уплаты девяти милліоновъ талеровъ (6000 талантовъ) въ военную казну и подарка солдатамъ, изъ котораго каждому досталось по пятидесяти денаріевъ (15 талеровъ), царь возвращалъ всѣ сдѣланныя имъ завоеванія, не только финикійскія, каппадокійскія, сирійскія и киликійскія владѣнія, но и Софену и Кордуену на правомъ берегу Евфрата; ему снова приходилось ограничиваться собственно Арменіею, и его роли великаго царя наступилъ конецъ. Однимъ походомъ окончательно покорилъ Помпей двухъ могущественнѣйшихъ царей Понта и Арменіи. Въ началѣ 688 года ни одного римскаго солдата не стояло болѣе по ту сторону границы старо-римскихъ владѣній; въ концѣ этого же года царь Митридатъ скитался изгнанникомъ, безъ войска, въ ущельяхъ Кавказа, а царь Тигранъ возсѣдалъ на армянскомъ престолѣ уже не въ качествѣ царя царей, а въ роли римскаго вассала. Вся малоазіатская область къ западу отъ Евфрата безусловно повиновались Римлянамъ; побѣдоносное войско расположилось на зимнія квартиры къ востоку отъ этой рѣки, на армянской почвѣ, въ мѣстности. простиравшейся отъ верхняго Евфрата до рѣки Куры, въ которой тогда впервые Италики напоили своихъ коней.

Народности Кавказа. Но въ области, куда вступили Римляне, ихъ ожидала новая борьба. Съ неудовольствіемъ видѣли храбрыя народности средняго и восточнаго Кавказа, какъ располагались въ ихъ владѣніяхъ пришельцы съ далекаго запада. На плодоносной и многоводной плоской возвышенности нынѣшней Грузіи жили Иверійцы, храброе, благоустроенное, земледѣльческое племя, чьи родовые поселки, управляемые старшинами, воздѣлывали землю на основаніи общиннаго владѣнія полями, безъ частной собственности отдѣльныхъ поселянъ. Народъ и войско составляли одно и тоже; во главѣ народа стояли частью аристократическіе роды, изъ которыхъ старшій членъ всегда былъ царемъ всей иверійской народности; слѣдующій же за нимъ по возрасту—судьею и предводителемъ войска,—частью же нѣкоторыя греческія семьи, на обязанности которыхъ въ особенности лежало сохраненіе памяти о договорахъ, заключенныхъ съ другими народностями, и забота объ ихъ исполненіи. Вся масса несвободныхъ людей считалась крѣпостными царя. На гораздо болѣе низкой ступени культуры стояли ихъ восточные сосѣди, Албанцы или Аланы, жившіе вдоль нижней Куры до самаго Каспійскаго моря. Преимущественно народъ пастушескій, они пасли, верхомъ или пѣшіе,

свои многочисленныя стада на роскошныхъ пастбищахъ нынѣшняго Ширвана; немногія пахотныя поля воздѣлывались еще старинной деревянной сохой безъ желѣзнаго сошника. Денежные знаки были имъ неизвѣстны, и далѣе ста они не считали. Каждое изъ ихъ племенъ, которыхъ было до двадцати шести, имѣло своего собственнаго вождя и говорило на своемъ особомъ нарѣчіи. Далеко превосходя численностью Иверійцевъ, Албанцы отнюдь не могли сравниться съ ними мужествомъ. Сражались, впрочемъ, оба народа одинаковымъ способомъ; они преимущественно употребляли стрѣлы и легкія метательныя копья, которыя они зачастую, подобно Индійцамъ, бросали на враговъ въ лѣсныхъ засадахъ изъ-за деревьевъ или съ ихъ вершинъ; Албанцы имѣли также большое число всадниковъ, закованныхъ по мидійско-армянскому образцу въ тяжелыя латы. Оба народа жили среди своихъ полей и пастбищъ въ полнѣйшей, съ незапамятныхъ временъ сохранившейся независимости. Сама природа какъ-будто воздвигла Кавказъ между Европою и Азіею, чтобы служить плотиной противъ наплыва народовъ; оружіе Кира, какъ и Александра, встрѣтило нѣкогда здѣсь преграду; теперь же храбрый гарнизонъ этого естественнаго укрѣпленія готовился защитить его и противъ Римлянъ. Встревоженные вѣстью о намѣреніи римскаго главнокомандующаго перейти будущей весною горы и преслѣдовать понтійскаго царя по ту сторону Кавказа, — Митридатъ, какъ сдѣлалось извѣстно, зимовалъ въ Діоскуріи (Искурія, между Сухумъ-Кале и Анакліею) близъ Чернаго моря, — Албанцы, подъ предводительствомъ князя Ороиза, первые перешли Куру въ рединѣ зимы 688/9 года и бросились на римское войско, раздѣленное для удобствъ продовольствія на три большіе корпуса, подъ начальствомъ Квинта Метелла Целера, Люція Флакка и самого Помпея. Но Целеръ, на котораго былъ устремленъ главный ударъ, держался храбро, и самъ Помпей, освободившись отъ посланнаго противъ него отряда, преслѣдовалъ разбитыхъ на всѣхъ пунктахъ варваровъ вплоть до Куры. Иверійскій царь Артокъ оставался спокойнымъ и обѣщалъ Римлянамъ миръ и дружбу; но Помпей, провѣдавъ, что онъ втайнѣ вооружается, чтобъ напасть на Римлянъ во время ихъ движенія чрезъ кавказскія ущелья, появился весною 689 года, еще прежде, чѣмъ возобновилъ преслѣдованіе Митридата, передъ двумя крѣпостями, Гармозикою (Горумзиха или Армази) и Севзаморою (Цумаръ), лежавшими другъ отъ друга въ разстояніи не болѣе, чѣмъ полънѣмецкой мили и господствовавшими немного повыше нынѣшняго Тифлиса, надъ двумя рѣчными долинами Куры и ея притока Арагвы, а вслѣдствіе этого и надъ единственными проходами, ведущими изъ Арменіи въ Иверію. Настигнутый непріятелемъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, Артокъ поспѣшно сжегъ мостъ черезъ Куру и отступилъ внутрь страны, ведя все время переговоры. Помпей за-

нялъ крѣпости и послѣдовалъ за Иверійцами на противоположный берегъ Куры, надѣясь принудить ихъ этимъ къ немедленному подчиненію. Но Артокъ удалялся все глубже внутрь страны, и, когда онъ, наконецъ, остановился близъ рѣки Пелора, онъ сдѣлалъ это не съ тѣмъ, чтобы сдаться, а для того, чтобы вступить въ бой. Но иверійскіе стрѣлки не устояли, однако, ни одной минуты передъ напоромъ легіоновъ, и, когда Артокъ увидалъ, что Римляне переправились и черезъ Пелоръ, онъ подчинился наконецъ условіямъ побѣдителей и выставилъ своихъ дѣтей заложниками. Помпей, согласно еще прежде набросанному имъ плану, двинулся тогда чрезъ сарапанское ущелье изъ области Куры въ бассейнъ Фазиса, а оттуда вдоль рѣки къ Черному морю, гдѣ, близъ колхидскаго берега. его уже ожидалъ флотъ подъ начальствомъ Сервилія. Но то была небезопасная мысль и почти химерическая цѣль, во имя которой флотъ и войско были направлены къ сказочному колхидскому берегу. Только что совершонный тяжелый походъ посреди невѣдомыхъ, по большей части враждебныхъ племенъ, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, который еще предстоялъ; и, еслибъ дѣйствительно удалось провести войско отъ устьевъ Фазиса въ Крымъ, среди воинственныхъ и бѣдныхъ варварскихъ племенъ, по негостепріимнымъ и незнакомымъ водамъ, вдоль берега, гдѣ мѣстами горы отвѣсно опускаются въ море, такъ что приходилось бы даже иногда для объѣзда сѣсть на корабли,— еслибъ удалось совершить этотъ походъ, который, быть можетъ. былъ-бы труднѣе походовъ Александра и Аннибала, то, въ лучшемъ случаѣ, что-же было бы достигнуто этимъ такого, что могло-бы вознаградить за всѣ трудности и опасности? Правда, война не могла окончиться, пока находился въ живыхъ старый царь, но могъ ли кто поручиться за то, что удастся захватить эту царственную добычу, изъ-за которой затѣвалась эта безпримѣрная охота? Не лучше ли было бы отказаться отъ преслѣдованія, сулившаго такъ мало выгодъ и столько опасностей, хотя бы даже Митридатъ, благодаря этому, снова разжегъ войну въ Малой Азіи? Многочисленные голоса въ войскѣ и еще многочисленнѣйшіе въ столицѣ требовали, чтобы полководецъ продолжалъ преслѣдованіе неустанно, во что бы то ни стало; но голоса эти частью принадлежали безумно горячимъ смѣльчакамъ, частью тѣмъ коварнымъ друзьямъ, которыя всѣми силами желали удержать слишкомъ могущественнаго императора вдали отъ столицы и охотно запутали бы его на востокѣ въ безконечныя предпріятія. Помпей былъ слишкомъ опытный и разсудительный воинъ, чтобы поставить на карту свою славу и свое войско изъ-за упорнаго выполненія такой неразумной экспедиціи; возстаніе Албанцевъ въ тылу войска послужило поводомъ, чтобъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе царя и начать отступленіе. Флотъ получилъ приказаніе крейсеро-

вать въ Черномъ морѣ, прикрывать сѣверный берегъ Малой Азіи отъ всякаго непріятельскаго вторженія, строго блокировать киммерійскій Босфоръ, подъ угрозою смертной казни экипажу всякаго торговаго судна, которое нарушило бы блокаду. Не безъ большихъ трудностей провелъ Помпей сухопутное войско свое чрезъ колхидскія и армянскія области къ нижнему теченію Куры и, переправясь черезъ рѣку, еще далѣе, въ албанскую равнину. Въ продолженіе многихъ дней должно было римское войско двигаться, при палящемъ зноѣ, по этой маловодной равнинѣ, не встрѣтивъ нигдѣ врага; только на лѣвомъ берегу Абаса (вѣроятно, той рѣки, которая называлась прежде Алазоніемъ, нынѣ Алазанью) войско Албанцевъ, предводительствуемое Козомъ, братомъ царя Ороиза, преградило путь Римлянамъ; включая въ него контингентъ закавказскихъ степныхъ обитателей, войско это насчитывало, говорятъ, 60,000 пѣхотинцевъ и 12,000 всадниковъ. Тѣмъ не менѣе оно врядъ ли рѣшилось бы на борьбу, если бы ему не представилось, что оно имѣетъ дѣло съ одною римскою конницею; но всадники были только выстроены впереди и, когда они удалились, за ними показалась вся скрытая масса римской пѣхоты. Послѣ непродолжительной борьбы войско варваровъ было разсѣяно по лѣсамъ, которые Помпей приказалъ окружить и поджечь. Тогда Албанцы согласились заключить миръ и, слѣдуя примѣру болѣе могущественныхъ народовъ, всѣ племена, жившія между Курою и Каспійскимъ моремъ, заключили договоръ съ римскимъ полководцемъ. Албанцы, Иверійцы и вообще всѣ народности, жившія на югѣ, у самаго Кавказа и нѣсколько ниже, вступили, хотя временно, въ зависимыя отношенія къ Риму. Если же, напротивъ того, народности, жившія между Фазисомъ и Мэотійскимъ заливомъ: Колхійцы, Соаны, Геніохи, Языги, Ахейцы, даже отдаленные Бастарны, были занесены въ длинный списокъ народовъ, покоренныхъ Помпеемъ, то очевидно, что слово *покореніе* понималось въ весьма неточномъ смыслѣ. Кавказъ снова выказалъ свое міровое значеніе; подобно персидскимъ и эллинскимъ завоеваніямъ, и римскіе захваты нашли здѣсь свой предѣлъ.

Митридатъ направляется къ Пантикапеѣ.

Такимъ образомъ Митридатъ былъ предоставленъ самому себѣ и своей участи. Какъ нѣкогда его предокъ, основатель понтійскаго царства, впервые вступилъ въ свои будущія владѣнія, спасаясь отъ сыщиковъ Антигона и сопровождаемый всего только шестью всадниками, такъ теперь потомокъ его долженъ былъ снова переступить за предѣлы своего царства и оставить позади себя завоеванія своихъ отцовъ и свои собственныя. Но никому судьба не посылала чаще и капризнѣе то высшія блага, то страшнѣйшія утраты, какъ старому синопскому султану; быстро и непредвидимо мѣняются дѣла на востокѣ. Теперь, на склонѣ лѣтъ, Митридатъ имѣлъ полное право думать, что каждая перемѣна въ его судьбѣ

подготовляла только новый переворотъ, и что единственно неизмѣнное въ жизни—это вѣчныя колебанія въ судьбахъ человѣчества. Римское владычество, по самому существу своему, было нестерпимо для жителей востока, а самъ Митридатъ, какъ по хорошимъ, такъ и по дурнымъ свойствамъ своимъ, былъ настоящимъ восточнымъ властелиномъ; въ виду слабости управленія римскаго сената въ провинціяхъ и усиленія вполнѣ созрѣвшаго для междоусобицъ разлада римскихъ политическихъ партій, Митридатъ, если ему только удалось бы выждать время, могъ возстановить въ третій разъ свое владычество. Именно потому, что онъ продолжалъ надѣяться и строить планы, пока въ немъ таилась жизнь, Митридатъ оставался опаснымъ для Римлянъ навсегда,—и теперь, уже какъ изгнанный старецъ, не менѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ съ войскомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ надвигался, чтобы отнять у Римлянъ Элладу и Македонію. Неутомимый старикъ съ неимовѣрными трудностями прибылъ въ 689 году изъ Діоскуріи въ царство Пантикапейское. частью сухимъ путемъ, частью моремъ, ниспровергнулъ здѣсь, благодаря своему вліянію и численности сопровождавшаго его отряда, своего непокорнаго сына Махара и принудилъ его лишить себя жизни. Отсюда онъ еще разъ попытался завязать переговоры съ Римлянами; онъ просилъ ихъ возвратить ему отцовское царство и выражалъ готовность признать главенство Рима и платить дань, какъ вассалъ. Однако Помпей отказался возвратить царю положеніе, при которомъ онъ снова принялся бы за старую игру, и настаивалъ на личномъ подчиненіи его. Но Митридатъ не имѣлъ намѣренія предать себя въ руки врага, а, напротивъ того, составлялъ все новые и обширнѣйшіе планы. Напрягая всѣ средства, заключавшіяся еще въ спасенныхъ имъ сокровищахъ и въ обломкахъ его царства, онъ снарядилъ новое войско въ 36,000 человѣкъ, состоявшее частью изъ рабовъ, вооружилъ и обучилъ его по римскому образцу, а также снарядилъ и военный флотъ; по слухамъ, онъ намѣревался двинуться на западъ чрезъ Ѳракію, Македонію и Паннонію, увлечь за собою, въ качествѣ союзниковъ, Скиѳовъ въ сарматскихъ степяхъ и Кельтовъ на Дунаѣ и низринуться съ этою массою народа на Италію. Многіе смотрятъ на этотъ замыселъ, какъ на нѣчто грандіозное; военный планъ понтійскаго царя нерѣдко сравнивали съ походомъ Аннибала; но тотъ же замыселъ, который является геніальнымъ въ геніальномъ умѣ, становится нелѣпымъ въ умѣ извращенномъ. Это предполагаемое нашествіе восточныхъ народовъ на Италію было просто смѣшно и является ничѣмъ инымъ, какъ только продуктомъ безсильно-фантазирующаго отчаянія. Осторожность и хладнокровіе вождя ихъ спасло Римлянъ отъ фантастическаго преслѣдованія противника-авантюриста и помѣшало имъ отражать въ далекомъ Крыму нападеніе, отбросить которое (если ему не суждено было заглохнуть са-

му по себѣ) всегда еще было достаточно времени у подножія Альпъ. И дѣйствительно,—пока Помпей, не заботясь объ угрозахъ безсильнаго исполина, занимался устроеніемъ завоеванной области, судьба престарѣлаго царя свершилась на дальнемъ сѣверѣ и безъ его содѣйствія. Несоразмѣрныя приготовленія вызвали сильнѣйшее броженіе среди босфорскаго населенія, у котораго разрушали дома, отпрягали и закалывали воловъ отъ плуга, чтобы получить бревна и жилы для сооруженія машинъ. Солдаты также неохотно готовились къ безнадежной италійской экспедиціи. Митридатъ издавна былъ окруженъ недовѣріемъ и измѣною; онъ не имѣлъ дара внушать любовь и преданность своимъ приближеннымъ. Если въ прежніе годы онъ вынудилъ своего славнаго полководца Архелая искать защиты въ римскомъ лагерѣ, если, во время лукулловыхъ походовъ, его довѣреннѣйшіе офицеры, Діоклъ и Фениксъ, даже наиболѣе извѣстные римскіе эмигранты переходили на сторону врага, то теперь, когда звѣзда его померкла, и старый, больной, озлобленный султанъ былъ доступенъ только для своихъ евнуховъ, измѣна еще быстрѣе слѣдовала за измѣною. Касторъ, комендантъ крѣпости Фанагоріи (на азіатскомъ берегу, противъ Керчи), первый поднялъ знамя возстанія; онъ провозгласилъ независимость города и предалъ находившихся въ крѣпости сыновей Митридата въ руки Римлянъ. Между тѣмъ, какъ возстаніе распространялось среди босфорскихъ городовъ, и Херсонесъ (недалеко отъ Севастополя), Өеодосія (Каффа) и друг. присоединялись къ Фанагорійцамъ, царь далъ волю своей недовѣрчивости и жестокости. На основаніи доноса презрѣнныхъ евнуховъ распинались на крестѣ самые приближенные къ нему люди; собственные сыновья царя всего менѣе могли считать себя безопасными. Тотъ изъ нихъ, который былъ любимцемъ отца и котораго онъ, вѣроятно, назначалъ въ преемники себѣ, Фарнакъ, первый рѣшился стать во главѣ инсургентовъ. Сыщики, посланные Митридатомъ, для того чтобы арестовать его, войска, отряженныя противъ него, перешли на его сторону; отрядъ италійскихъ перебѣжчиковъ, быть можетъ, лучшій во всемъ митридатовомъ войскѣ и именно поэтому наименѣе расположенный участвовать въ рискованной и особенно опасной для перебѣжчиковъ экспедиціи противъ Италіи, огульно высказался за царевича; остальныя части войска и флотъ послѣдовали данному имъ примѣру. Послѣ того, какъ страна и войско отступились отъ царя, столичный городъ, Пантикапея, открылъ свои ворота инсургентамъ и передалъ имъ престарѣлаго, запертаго въ своемъ дворцѣ, государя. Съ высокой стѣны своего замка молилъ онъ сына оставить ему, по крайней мѣрѣ, жизнь и не обагрять рукъ кровью отца; но просьба эта какъ-то плохо звучала въ устахъ человѣка, чьи руки были запятнаны кровью матери и только что пролитою кровью его невиновнаго сына Ксифара, и Фарнакъ превзошелъ бездушною жестокостью и безчеловѣчностью даже сво-

его отца. Такъ какъ ему приходилось идти на встрѣчу смерти, то султанъ рѣшился умереть, по крайней мѣрѣ такъ, какъ онъ жилъ; его жены, наложницы и дочери, въ числѣ ихъ и юныя невѣсты египетскаго и кипрскаго царей, всѣ должны были вынести всю горечь смерти и осушить стаканъ съ ядомъ, прежде, чѣмъ онъ самъ выпилъ его, а когда ядъ не дѣйствовалъ достаточно быстро, онъ подставилъ кельтійскому наемнику, Бетуиту, затылокъ для смертельнаго удара. Такъ умеръ въ 691 году Митридатъ Эвпаторъ, на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія, на пятьдесятъ седьмомъ своего царствованія и двадцать шесть лѣтъ послѣ того, какъ онъ въ первый разъ выступилъ въ походъ противъ Римлянъ. Трупъ его, который Фарнакъ отправилъ къ Помпею, въ доказательство своихъ заслугъ и своей вѣрности, былъ погребенъ, по распоряженію римскаго полководца, въ царской гробницѣ близъ Синопа. Смерть Митридата равнялась для Римлянъ побѣдѣ: вѣнчанные лаврами, какъ будто дѣйствительно возвѣщая побѣду, появились въ римскомъ лагерѣ, близъ Іерихона, гонцы, сообщившіе полководцу о случившейся катастрофѣ. Дѣйствительно, сильный врагъ былъ навѣки погребенъ въ лицѣ Митридата, сильнѣйшій изъ всѣхъ, которыхъ Римляне когда-либо встрѣчали на одряхлѣвшемъ востокѣ. Инстинктивно чувствовала это толпа; какъ нѣкогда Сципіонъ болѣе радовался паденію Аннибала, чѣмъ Карѳагена, такъ и теперь покореніе многочисленныхъ восточныхъ племенъ и армянскаго царя было почти забыто за смертью Митридата, и при торжественномъ въѣздѣ Помпея ничто не привлекло такъ взоровъ толпы, какъ изображенія, представлявшія царя Митридата бѣглецомъ, ведущимъ за узду своего коня, а потомъ падавшимъ за-мертво между трупами своихъ дочерей. Какъ ни судили бы мы о своеобразности царя, онъ все таки является передъ нами замѣчательною, въ полномъ смыслѣ слова міровою личностью. Онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, вѣроятно даже не былъ богато одаренъ, но онъ обладалъ весьма существеннымъ даромъ—умѣньемъ ненавидѣть, и, благодаря этой ненависти, онъ, если не съ успѣхомъ, то съ честью, велъ въ продолженіе цѣлаго полувѣка неравную борьбу противъ непріятеля, превосходившаго его силами. Еще болѣе, чѣмъ своей индивидуальности, обязанъ онъ былъ своею ролью тому мѣсту, которое отведено ему было въ исторіи. Онъ началъ новую борьбу востока противъ запада, какъ предвозвѣстникъ національной реакціи народовъ Азіи противъ Европы, и сознаніе, что смерть его была не концомъ, а началомъ дѣла, осталось и у побѣжденныхъ, и у побѣдителей.

Помпей направляется къ Сиріи. Тѣмъ временемъ Помпей, проведя весь 689 годъ въ борьбѣ съ народностями Кавказа, вернулся въ понтійское царство и овладѣлъ тамъ послѣдними замками, еще оказавшими сопротивленіе; они были срыты для прекращенія разбойничества, замковые же колодцы сдѣ-

ланы негодными къ употребленію, и въ нихъ брошены обломки скалъ. Оттуда, лѣтомъ 690 года, онъ двинулся въ Сирію, для приведенія въ порядокъ тамошнихъ дѣлъ.—Трудно наглядно изобразить разнузданное состояніе, въ которомъ въ то время находились сирійскія владѣнія. Вслѣдствіе нападеній Лукулла, армянскій намѣстникъ Магадатъ очистилъ, правда, въ 685 году эти области, и сами Птолемеи, какъ ни охотно возобновили бы они попытки своихъ предковъ присоединить сирійское побережье къ своимъ владѣніямъ, боялись, однако, раздражить римское правительство оккупаціею Сиріи, тѣмъ болѣе, что оно даже не регулировало еще ихъ, болѣе чѣмъ сомнительныя, юридическія права на Египетъ; сирійскіе же властители неоднократно ходатайствовали о признаніи ихъ законными наслѣдниками угасшаго дома Лагидовъ. Но если болѣе значительныя державы временно воздерживались отъ вмѣшательства въ дѣла Сиріи, страна, тѣмъ не менѣе, несравненно болѣе страдала отъ безконечныхъ и безцѣльныхъ распрей властителей, рыцарей и городовъ, чѣмъ она пострадала бы отъ большой войны. Настоящими властелинами царства Селевкидовъ были въ то время бедуины, Іудеи и Набатеи. Негостепріимная, безводная и безлѣсная песчаная степь, разстилающаяся отъ аравійскаго полуострова до береговъ Евфрата и за него, тянущаяся на западъ вплоть до сирійскаго горнаго хребта и узкаго сирійскаго побережья, на востокъ же до богатыхъ низменностей Тигра и нижняго Евфрата—эта азіатская Сахара была исконною родиною сыновъ Измаила; съ той самой поры, съ какой ведетъ свое начало преданіе, мы видимъ тамъ «Бедавина», «сына пустыни», раскидывающаго свои шатры, пасущаго верблюдовъ, или же охотящагося на своемъ конѣ, то за племеннымъ врагомъ, то за странствующимъ торговцемъ. Пользуясь сперва покровительствомъ царя Тиграна, который дѣлалъ ихъ орудіемъ своихъ торгово-политическихъ цѣлей, а потомъ, благодаря полнѣйшему безначалію, господствовавшему въ сирійской землѣ, эти дѣти пустыни распространились по всей сѣверной Сиріи; въ особенности играли здѣсь почти первую политическую роль тѣ племена, которыя благодаря сосѣдству цивилизованныхъ Сирійцевъ, восприняли первые элементы благоустроеннаго существованія. Наиболѣе выдающіеся изъ этихъ эмировъ были: Абгаръ, вождь аравійскаго племени Мардановъ, поселеннаго Тиграномъ вокругъ Эдессы и Карры въ верхней Месопотаміи; затѣмъ, къ западу отъ Евфрата, Сампсикерамъ, эмиръ гемесскихъ Арабовъ, между Дамаскомъ и Антіохіею, и владѣтель сильной крѣпости Аретузы; Азизъ, глава другой орды, кочевавшей въ той же мѣстности; Алкавдоній, повелитель Рамбеевъ, вступавшій въ сношенія еще съ Лукулломъ,—и многіе другіе. Наряду съ этими предводителями бедуиновъ, всюду выступали смѣльчаки, соперничавшіе съ сынами пустыни въ благородномъ ремеслѣ разбой-

ничества и даже превосходившіе ихъ: таковы были — Птолемей, сынъ Меннея, могущественнѣйшій, быть можетъ, изъ этихъ сирійскихъ разбойничьихъ рыцарей, и одинъ изъ богатѣйшихъ людей того времени, господствовавшій надъ областью Итиреевъ—нынѣшнихъ Друзовъ, надъ долинами Ливана, приморскимъ берегомъ и надъ выдвигающеюся къ сѣверу долиною массійской, съ городами Геліуполемъ (Баалбекомъ) и Халкидою, и содержавшій на свой счетъ 8000 всадниковъ; таковы же были Діонисій и Киниръ, владѣтели приморскихъ городовъ Триполиса (Тарабль) и Библа (между Тараблом̃ъ и Бейрутомъ), и, наконецъ, Еврей Сила въ Лизіи, крѣпости, находившейся недалеко отъ Апамеи на Оронтѣ. —Въ южной Сиріи, напротивъ того, іудейское племя хотѣло, казалось, консолидироваться въ политическую силу. Благодаря набожной и смѣлой защитѣ древняго іудейскаго національнаго культа, которому угрожалъ нивеллирующій эллинизмъ сирійскихъ царей, родъ Гасмонеевъ или

Евреи. Маккавеевъ не только достигъ наслѣдственной власти, а мало по малу и царскихъ почестей, но эти царственные первосвященники стали распространять свои завоеванія къ сѣверу, востоку и югу. По смерти храбраго Александра Іаннея (въ 675 году), іудейское царство распространилось къ югу по всей землѣ филистимлянъ, вплоть до египетской границы, къ югу-востоку до предѣловъ набатейскаго царства въ Петрѣ, отъ котораго Іанней отторгнулъ значительныя полосы земли на правомъ берегу Іордана и Мертваго моря, къ сѣверу же по всей Самаріи и Декаполису, вплоть до Генисаретскаго озера; здѣсь онъ приготовлялся занять Птолемаиду (Acco) и отразить, путемъ завоеваній, захваты Итиреевъ. Все побережье, отъ горы Кармела до Ринокоруры, включая сюда и столь важную Газу (одинъ только Аскалонъ былъ еще свободенъ), повиновалось Іудеямъ, такъ что нѣкогда почти совсѣмъ отрѣзанныя отъ моря владѣнія ихъ могли теперь считаться однимъ изъ очаговъ пиратства. Даровитые властелины изъ гасмонейскаго рода занесли бы, быть можетъ, свое оружіе и далѣе, тѣмъ болѣе, что армянское нашествіе, какъ разъ въ ту минуту, когда оно приближалось къ границамъ Іудеи, было отстранено отъ этой области вмѣшательствомъ Лукулла,—еслибъ развитіе могущества этого страннаго, воинственнаго церковнаго государства не было остановлено въ самомъ зародышѣ внутренними раздорами. Религіозность и національный духъ независимости, энергическое сочетаніе которыхъ создало царство Маккавеевъ, быстро распались и даже возстали другъ противъ друга. Вновь укрѣпившаяся во времена Маккавеевъ іудейская ортодоксія или такъ называемое

Фарисеи. фарисейство поставило себѣ практическою цѣлью созиданіе іудейской общины, вполнѣ независимой отъ свѣтской власти и состоящей изъ правовѣрныхъ, избранныхъ во всѣхъ государствахъ. Община эта нашла для себя видимую точку опоры въ дани въ пользу іеруса-

лимскаго храма, обязательной для каждаго добросовѣстнаго Еврея, въ религіозныхъ школахъ и духовныхъ судахъ; своего же каноническаго главу она находила въ большой іерусалимской храмовой консисторіи, возстановленной въ первое время царствованія Маккавеевъ и схожей по своимъ полномочіямъ съ римскою первосвященнической коллегіею. Противъ этой ортодоксіи, все болѣе и болѣе застывавшей въ богословскомъ безсмысліи и въ мелочномъ церемоніалѣ культа, возстала оппозиція въ лицѣ такъ называемыхъ саддукеевъ, частью догматически, такъ какъ эти новаторы признавали одни только священныя книги, а «завѣщаніямъ законоучителей», т. е. канонической традиціи, приписывали только извѣстный авторитетъ, но не каноническое значеніе *), — частью же и политически, такъ какъ они, вмѣсто фаталистическаго упованія на могущественную руку Бога Саваоѳа, внушали массѣ ждать спасенія націи отъ оружія міра сего и въ особенности отъ внутренняго и внѣшняго усиленія давидова царства, возстановленнаго въ достославную эпоху Маккавеевъ. Правовѣрные находили точку опоры въ духовенствѣ и народной массѣ и боролись противъ злостныхъ еретиковъ со всею безпощадною непримиримостью, съ которою набожные люди привыкли бороться за обладаніе земными благами. Новаторы, напротивъ того, опирались на интеллигенцію, которой уже коснулось вліяніе эллинизма, на войско, гдѣ служило множество пизидійскихъ и киликійскихъ наемниковъ, и на болѣе дѣльныхъ изъ царей, которые боролись здѣсь съ церковною властью, какъ тысячелѣтіе спустя Гогенштауфены боролись съ папскою властью. Сильною рукою сдерживалъ Іанней духовенство; при его двухъ сыновьяхъ дѣло дошло (въ 685 году и слѣд.) до междоусобной войны и даже до борьбы между братьями, благодаря тому, что фарисеи возстали противъ энергическаго Аристовула и пытались достигнуть своихъ цѣлей подъ номинальнымъ управленіемъ его брата, добродушнаго и безсильнаго Гиркана. Распря эта не только остановила іудейскія завоеванія, но дала даже иноземнымъ народностямъ случай вмѣшаться и достигнуть въ южной Сиріи первенствующаго положенія. Это удалось прежде всего Набатеямъ. Странный народъ этотъ часто смѣшивался съ восточными сосѣдями его, кочующими Арабами, но, болѣе чѣмъ настоящимъ сынамъ Измаила, онъ былъ средни арамейской вѣтви. Это арамей-

Саддукеи.

Набатеи.

*) Такъ, напримѣръ, саддукеи отвергали ученіе объ ангелахъ и духахъ. Большинство дошедшихъ до насъ причинъ несогласій между саддукеями и фарисеями касается второстепенныхъ богослужебныхъ, юридическихъ и календарныхъ вопросовъ. Характерно то, что торжествующіе фарисеи занесли въ списокъ памятныхъ и праздничныхъ дней націи тѣ дни, когда одержали верхъ въ отдѣльныхъ препирательствахъ или вытѣснили изъ высшей консисторіи еретическихъ членовъ ея.

ское, или, какъ говорили на западѣ, сирійское племя выслало, вѣроятно, въ весьма раннюю пору изъ своихъ древнѣйшихъ поселеній вокругъ Вавилона, колонію къ сѣверной оконечности аравійскаго залива, должно быть, съ торговыми цѣлями; это-то и были Набатеи, жившіе на синайскомъ полуостровѣ; между суэзскимъ заливомъ и Аилою и въ окрестностяхъ Петры (Вади-Музы). Въ ихъ гаваняхъ обмѣнивались товары Средиземнаго моря на индійскіе; большой южный караванный путь, идущій отъ Газы къ устью Евфрата и персидскому заливу, пролегалъ чрезъ столицу набатейскую, Петру, роскошные и понынѣ еще, горные дворцы и гробницы которой яснѣе свидѣтельствуютъ о набатейской цивилизаціи, чѣмъ почти совершенно забытыя преданія. Фарисейская партія, которой, по обычаю всѣхъ жреческихъ кастъ, побѣда казалась не слишкомъ дорого заплаченною цѣною независимости и цѣлости страны, просила набатейскаго царя Арета о помощи противъ Аристовула, обѣщая за это возвратить всѣ отторгнутыя у него Іаннеемъ завоеванія. На основаніи этого обѣщанія Аретъ вступилъ въ іудейскую страну приблизительно съ 50,000 войска и, усиленный поддержкою фарисеевъ, осадилъ царя Аристовула въ его столицѣ.

Сирійскіе города. Послѣдніе изъ Селевкидовъ.

При кулачномъ правѣ и распряхъ, господствовавшихъ такимъ образомъ отъ одного конца Сиріи до другого, всего сильнѣе страдали, конечно, болѣе значительные города, Антіохія, Селевкія, Дамаскъ, граждане которыхъ видѣли себя стѣсненными и въ земледѣліи, и въ морской и караванной торговлѣ. Граждане Библа и Берита (Байрута) не могли охранять ни поля, ни корабли свои отъ Итиреевъ, которые изъ своихъ нагорныхъ и приморскихъ замковъ одинаково тревожили ихъ и на морѣ, и на сушѣ. Граждане Дамаска пытались оградить себя отъ нападеній Итиреевъ и Птолемея тѣмъ, что отдавали себя въ руки болѣе отдаленныхъ царей Набатеевъ или Іудеевъ. Въ Антіохіи Сампсикерамъ и Азизъ вмѣшивались во внутреннія распри гражданъ, и этотъ большой эллинскій городъ едва не сдѣлался уже тогда резиденціею арабскаго эмира. Положеніе это напоминаетъ эпоху средневѣковаго германскаго безкоролевья, когда Нюрнбергъ и Аугсбургъ находили защиту не въ царскихъ правахъ и судахъ, а исключительно въ своихъ окопахъ; нетерпѣливо ждали сирійскіе купцы той сильной руки, которая возвратила бы имъ миръ и безопасность сношеній. Въ Сиріи не было, правда, недостатка въ законномъ властелинѣ; ихъ было даже до двухъ или трехъ. Антіохійскаго принца изъ дома Селевкидовъ Лукуллъ сдѣлалъ главою самой сѣверной сирійской области, Коммагены. Антіохъ Азіатецъ, чьи притязанія на сирійскій престолъ были признаны и сенатомъ, и Лукулломъ, былъ принятъ въ Антіохіи, послѣ удаленія оттуда Армянъ, и провозглашенъ тамъ царемъ. Соперникомъ его немедленно выступилъ третій царевичъ изъ дома Селевкидовъ, Филиппъ, и многочисленное антіо-

хійское гражданство, подвижное и оппозиціонное почти столько же, какъ и александрійское, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые изъ сосѣднихъ эмировъ вмѣшались въ семейную распрю, какъ-бы нераздѣльную съ господствомъ Селевкидовъ. Удивительно ли, что законные властелины сдѣлались предметомъ насмѣшки и отвращенія для подданныхъ, и что, такъ называемые, законные цари пользовались въ странѣ еще меньшимъ значеніемъ, чѣмъ мелкіе князьки и разбойничьи рыцари.

Присоединеніе Сиріи.

Для введенія порядка въ этомъ хаосѣ не требовалось ни геніальныхъ замысловъ, ни громаднаго развитія силъ, но необходимо было ясное пониманіе интересовъ Рима и его подданныхъ, энергическое и послѣдовательное поддержаніе учрежденій, признанныхъ разъ необходимыми. Сенатская политика легитимизма уже достаточно уронила себя; полководецъ, поставленный оппозиціею во главѣ правленія, не долженъ былъ руководиться династическими соображеніями, а исключительно заботиться о томъ, чтобы ни распри претендентовъ, ни алчность сосѣднихъ народовъ не освободили въ будущемъ сирійское царство изъ-подъ римской власти. Для достиженія же этой цѣли существовалъ лишь одинъ путь: надо было, чтобы римская община энергически, посредствомъ назначеннаго ею сатрапа, захватила бразды правленія, давно уже фактически выпущенныя изъ рукъ царями правящаго дома, и болѣе по собственной ихъ винѣ, чѣмъ благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ. По этому пути пошелъ Помпей. Антіохъ, на свою просьбу признать его природнымъ властелиномъ Сиріи, получилъ отвѣтъ, что Помпей даже по просьбѣ подданныхъ не возвратитъ власти царю, не умѣющему ни сохранить ее, ни править государствомъ, а тѣмъ менѣе сдѣлаетъ онъ это вопреки ихъ опредѣленно высказаннымъ желаніямъ. Этимъ письмомъ римскаго проконсула низвергался родъ Селевка съ престола, занимаемаго имъ уже двѣсти шестьдесятъ лѣтъ. Антіохъ вскорѣ послѣ того лишился жизни, благодаря коварству эмира Сампсикерама, въ качествѣ подручника котораго онъ игралъ въ Антіохіи роль властелина.

Усмиреніе Сиріи.

Съ той поры не было болѣе рѣчи объ этихъ призрачныхъ царькахъ и ихъ притязаніяхъ. Но для упроченія новаго римскаго владычества и для водворенія сноснаго порядка въ запутанныхъ мѣстныхъ дѣлахъ все еще необходимо было вступить въ Сирію съ войскомъ и устрашить или покорить посредствомъ римскихъ легіоновъ всѣхъ нарушителей мирнаго порядка, которые выдвинулись во время многолѣтней анархіи. Еще во время походовъ въ понтійскомъ государствѣ и на Кавказѣ, Помпей обратилъ свое вниманіе на сирійскія дѣла и поручалъ отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ группамъ вмѣшиваться тамъ, гдѣ это было необходимо. Авлъ Габиній — тотъ самый, который, будучи народнымъ трибуномъ, отправилъ

Помпея на востокъ—еще въ 689 году двинулся къ Тигру, а оттуда чрезъ Месопотамію въ Сирію, для того чтобы уладить запутанныя дѣла въ іудейской странѣ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Дамаскъ былъ также занятъ Лолліемъ и Метелломъ. Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Іудею другой адъютантъ Помпея, Маркъ Скавръ, чтобы подавить постоянно возникавшія тамъ распри. Люцій Афраній, командовавшій въ Арменіи римскими войсками, во время экспедиціи Помпея на Кавказъ также направился къ верхней Месопотаміи изъ Кордуэны (сѣвернаго Курдистана) и, благополучно совершивъ трудный путь чрезъ пустыню, благодаря дѣятельному участію жившихъ въ Каррахъ Эллиновъ, покорилъ Арабовъ въ Осроэнѣ. Къ концу 690 года самъ Помпей прибылъ въ Сирію *) и пробылъ тамъ до лѣта слѣдующаго года, дѣйствуя энергически и приводя дѣла въ порядокъ и для нуждъ настоящей минуты, и для будущаго. Возвращаясь къ государственному устройству лучшей поры господства Селевкидовъ, онъ устранилъ всѣ незаконныя власти, потребовалъ отъ насильниковъ сдачи ихъ замковъ, удалилъ аравійскихъ шейховъ въ ихъ пустыни и окончательно устроилъ дѣла отдѣльныхъ общинъ. Для того, чтобы заставить повиноваться этимъ строгимъ законамъ, были наготовѣ легіоны, и вмѣшательство ихъ оказалось въ особенности необходимымъ относительно разбойничавшихъ рыцарей. Повелитель Лизіи, Сира, властители Триполиса Діонисій, и Библа Киниръ были взяты въ плѣнъ въ ихъ замкахъ и казнены; горные и приморскіе замки Итиреевъ были срыты, Птолемей, сынъ Меннея, былъ вынужденъ въ Халкидѣ заплатить за свою свободу и власть выкупъ въ 1000 талантовъ (1.827,000 талеровъ). Въ остальныхъ случаяхъ приказанія новыхъ властителей встрѣчали, по большей части, безпорное повиновеніе. Одни только Іудеи колебались. Посредники, еще прежде отправленные къ нимъ Помпеемъ, Габиній и Скавръ, подкупленные, какъ говорятъ, значительными суммами денегъ, высказались въ ссорѣ двухъ братьевъ, Гиркана и Аристовула, въ пользу послѣдняго, побудили царя Арета снять осаду Іерусалима и возвратиться на родину, причемъ на возвратномъ пути онъ былъ разбитъ Аристовуломъ. Когда же Помпей прибылъ въ Сирію, онъ кассировалъ распоряженіе своихъ подчиненныхъ и за-

*) Зиму 689/90 года Помпей провелъ еще близъ Каспійскаго моря (Діонъ, 37, 7). Въ 690 году онъ прежде всего покорилъ въ понтійскомъ царствѣ послѣдніе замки, оказывавшіе еще сопротивленіе, и двинулся вслѣдъ затѣмъ медленно, всюду водворяя порядокъ, къ югу. Что спокойствіе утвердилось въ Сиріи съ 690 года, подтверждается тѣмъ, что эрой для сирійской провинціи считается этотъ годъ и кромѣ того показаніями Цицерона относительно Коммагены (ad Q. fr. 2. 12, 2; сличи у Діона, 37, 7). Зимою 690/1 главная квартира Помпея находилась, кажется, въ Дамаскѣ (Іосиф., 14, 3, 1. 2, хотя здѣсь многое запутано; Diodor., fr. Vat., p. 139).

ставилъ Іудеевъ вернуться къ ихъ прежней первосвященнической конституціи, признанной сенатомъ еще въ 593 году, и отказаться отъ всѣхъ завоеваній гасмонейскихъ царей. То было вліяніе фарисеевъ, которые отправили къ римскому полководцу посольство изъ двухсотъ или болѣе значительныхъ мужей и исходатайствовали у него ниспроверженіе царской власти; но сдѣлали они это не на пользу собственной націи своей, а скорѣе на пользу Римлянъ, которые, по самому существу дѣла, должны были и здѣсь вернуться къ стариннымъ правамъ Селевкидовъ и не могли бы потерпѣть среди своей державы завоевательную силу, въ родѣ могущества Іаннея. Аристовулъ не могъ рѣшить, что будетъ лучше—терпѣливо ли снести неизбѣжное или пасть подъ ударами судьбы съ оружіемъ въ рукахъ; то онъ казался готовымъ подчиниться Помпею, то — поднять національную партію въ Іудеѣ противъ Римлянъ. Когда наконецъ, въ то время, какъ легіоны стояли уже передъ воротами города, онъ сдался непріятелю, болѣе энергическая или фанатизированная часть его арміи отказалась подчиниться волѣ несвободнаго царя. Столица сдалась; фанатическій же отрядъ съ мужественнымъ упорствомъ защищалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ крутую храмовую скалу, пока наконецъ, во время субботняго отдохновенія осажденныхъ, къ нимъ ворвались осаждающіе, овладѣли святилищемъ и предали въ руки ликторовъ тѣхъ изъ зачинщиковъ этого отчаяннаго сопротивленія, которые не пали еще подъ мечами Римлянъ. Этимъ кончилось послѣднее сопротивленіе въ областяхъ, вновь присоединенныхъ къ римскому государству.

Новыя сношенія Римлянъ на востокѣ.

Помпей довершилъ дѣло, начатое Лукулломъ; вполнѣ самостоятельныя до той поры государства, Виѳинія, Понтъ и Сирія, были присоединены къ римскимъ владѣніямъ; признанная болѣе ста лѣтъ передъ тѣмъ необходимою замѣна слабой системы кліентства непосредственнымъ господствомъ Римлянъ надъ важнѣйшими, зависимыми отъ нихъ, областями, была наконецъ осуществлена, лишь только палъ сенатъ и партія Гракховъ стала во главѣ государства. На востокѣ были пріобрѣтены новыя границы, новые сосѣди, новыя дружественныя и враждебныя отношенія. Въ число непосредственныхъ римскихъ владѣній вступили вновь: армянское царство и кавказскія княжества, далѣе, владѣнія на киммерійскомъ Босфорѣ, ничтожный остатокъ обширныхъ завоеваній Митридата Эвпатора, сдѣлавшійся теперь, подъ управленіемъ его сына и убійцы, Фарнака, римскимъ подручнымъ государствомъ; одинъ только городъ Фанагорія, повелитель котораго, Касторъ, подалъ сигналъ къ возстанію, былъ признанъ за это Римлянами свободнымъ и независимымъ. Относительно Набатеевъ нельзя было похвастать такими же успѣхами. Царь Аретъ, повинуясь требованію Римлянъ, покинулъ, правда, страну; однако, Дамаскъ все еще находился въ его рукахъ и въ

Борьба съ Набатеями. набатейскія владѣнія не вступалъ еще ни одинъ римскій солдатъ. Для покоренія ихъ или, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы показать новымъ сосѣдямъ въ аравійской землѣ, что на Оронтѣ и Іорданѣ властвуютъ теперь римскіе орлы, и что времена миновали, когда съ Сиріи, какъ съ страны никому не принадлежавшей, всякій желающій могъ взимать контрибуцію, Помпей началъ въ 691 году экспедицію противъ Петры; но, задержанный возстаніемъ Іудеевъ, вспыхнувшимъ во время этого похода, онъ не безъ удовольствія предоставилъ своему преемнику, Марку Скавру, выполненіе труднаго предпріятія противъ далеко расположеннаго среди пустыни города Набатеевъ *). Скавръ также вскорѣ увидалъ себя вынужденнымъ возвратиться, не исполнивъ дѣла. Онъ долженъ былъ удовольствоваться стычками съ Набатеями въ пустынѣ на лѣвомъ берегу Іордана, гдѣ онъ могъ опираться на Іудеевъ; но и здѣсь успѣхъ былъ весьма незначителенъ. Ловкій іудейскій министръ, Антипатръ изъ Идумеи, убѣдилъ, наконецъ, царя Арета купить денежною суммою у римскаго намѣстника признаніе законности всѣхъ своихъ владѣній, включая туда и Дамаскъ; и это-то былъ миръ, прославленный на монетахъ Скавра, на которыхъ царь Аретъ изображенъ держащимъ верблюда за узду и подающимъ, стоя на колѣнахъ, Римлянамъ масличную вѣтвь.— Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ эти новыя отношенія Римлянъ къ Армянамъ, Иверійцамъ, Босѳорцамъ и Набатеямъ, было близкое сосѣдство, въ которомъ они очутились съ парѳянскимъ государствомъ, благодаря оккупаціи Сиріи. Насколько римская дипломатія была податлива относительно Фраата, когда еще были невредимы понтійское и армянское государства, насколько охотно и Лукуллъ, и Помпей уступали ему обладаніе мѣстностью по ту сторону Евфрата, настолько же теперь новый сосѣдъ занялъ рѣзкое положеніе относительно Арзакида; и еслибъ царское умѣнье забывать собственныя ошибки дозволило ему это, Фраатъ могъ бы вспомнить теперь слова Митридата, предостерегавшаго его, что своимъ союзомъ съ народами запада противъ родственныхъ ему по племени государствъ Парѳяниъ приготовитъ гибель сперва имъ, а потомъ и себѣ. Римляне, въ связи съ Парѳянами, загубили Арменію; послѣ ея паденія Римъ,

*) Орозій, 6, 6, и Діонъ, 37, 15, безъ сомнѣнія руководясь Ливіемъ, повѣствуютъ даже о томъ, какъ Помпей достигъ Петры, занялъ городъ и дошелъ до Чернаго моря; но Плутархъ разсказываетъ, что, напротивъ того, вскорѣ по прибытіи извѣстія о смерти Митридата, полученнаго имъ во время похода въ Іерусалимъ, онъ вернулся изъ Сиріи къ Понту (Помп., 41, 42) и это подтверждается показаніемъ Флора, 1, 39 и Іосифа, 14, 3, 3. 4. Если царь Аретъ упоминается въ реляціяхъ въ числѣ лицъ, покоренныхъ Помпеемъ, то для этого достаточно было его отсутствія изъ Іерусалима, къ чему онъ былъ вынужденъ Помпеемъ.

вѣрный своей традиціонной политикѣ, извратилъ роли и покровительствовалъ примиренному врагу въ ущербъ могущественному союзнику. Къ подобнымъ явленіямъ относится уже поразительное предпочтеніе, оказанное Помпеемъ Тиграну передъ его сыномъ, союзникомъ и зятемъ пареянскаго царя; но было уже прямымъ оскорбленіемъ. когда вскорѣ послѣ того младшій Тигранъ былъ, по приказанію Помпея, подвергнутъ заключенію съ своимъ семействомъ и не былъ освобожденъ даже послѣ того, какъ Фраатъ ходатайствовалъ за дочь и зятя передъ дружественнымъ полководцемъ. Но Помпей не ограничился этимъ. Кордуэнская земля, на которую заявляли притязанія, какъ Фраатъ, такъ и Тигранъ, была занята римскими войсками, по приказанію Помпея, въ пользу послѣдняго; владѣвшіе ею Пареяне были изгнаны за предѣлы страны и преслѣдуемы вплоть до Арбелы въ Адіабенѣ, причемъ никто не выслушалъ, даже предварительно, представленій ктезифонскаго правительства (689). Гораздо серьознѣе было еще то, что Римляне отнюдь не казались расположенными уважать установленную особымъ договоромъ границу Евфрата. Римскіе отряды, направляемые изъ Арменіи въ Сирію, неоднократно пересѣкали Месопотамію; аравійскій эмиръ Абгаръ изъ Осроэны былъ принятъ въ римское подручничество на поразительно благопріятныхъ условіяхъ; наконецъ Оруръ, находившійся въ верхней Месопотаміи, приблизительно между Низибіею и Тигромъ, на пятьдесятъ нѣмецкихъ миль къ востоку отъ коммагенскаго перехода черезъ Евфратъ, былъ назначенъ восточнымъ пограничнымъ пунктомъ римскаго владычества, но, вѣроятно, не непосредственнаго, такъ какъ большая и плодовитѣйшая сѣверная часть Месопотаміи, точно также, какъ и Кордуэна, были приданы Римлянами армянскому царству. Границею между Римлянами и Пареянами былъ уже такимъ образомъ не Евфратъ, а обширная сирійско-месопотамская пустыня, да и это, казалось, было только на время. Пареянскимъ посламъ, прибывшимъ для того, чтобы настаивать на соблюденіи договоровъ относительно границы Евфрата, заключенныхъ, впрочемъ, какъ кажется, только устно, Помпей далъ весьма двусмысленный отвѣтъ, гласившій, что владѣнія Рима простираются столь же далеко, какъ и его права. Комментаріемъ къ этой рѣчи являлись странныя сношенія, завязавшіяся между римскимъ главнокомандующимъ и пареянскими сатрапами Мидіи и даже отдаленной провинціи Элимаиды (между Сузіаной, Мидіею и Персіею, въ нынѣшнемъ Луристанѣ *). Намѣстники этой послѣдней страны, **Столкновеніе съ Пареянами.**

---

*) Мнѣніе это опирается на разсказъ Плутарха (Помп., 36), подтверждаемый Страбоновымъ описаніемъ положенія элимаидскаго сатрапа (16,744). Если же въ спискахъ странъ и царей, побѣжденныхъ Помпеемъ, упоминаются Мидія и ея царь Дарій (Diodor., fr. Vat., p. 140; Appian., Mithr., 117), то это лишь

гористой, воинственной и отдаленной, издавна старались стать въ независимыя отношенія къ армянскому царю; тѣмъ оскорбительнѣе и опаснѣе было бы для пароянскаго правительства, еслибъ Помпей принялъ предлагаемое ему этимъ династомъ выраженіе покорности. Не менѣе знаменательно было и то, что титулъ «царя царей», придаваемый до той поры пароянскому царю даже Римлянами въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, былъ теперь внезапно замѣненъ ими простымъ царскимъ титуломъ. Это была скорѣе угроза, чѣмъ нарушеніе этикета. Съ той поры, какъ Римъ принялъ на себя наслѣдіе Селевкидовъ, казалось, будто тамъ замышляютъ вернуться при удобномъ случаѣ къ тѣмъ старымъ временамъ, когда весь Иранъ и Туранъ управлялись изъ Антіохіи и не существовало еще пароянскаго царства, а только пароянская сатрапія. Ктезифонскій дворъ имѣлъ бы такимъ образомъ достаточно причинъ начать войну съ Римомъ; вступленіемъ къ ней служила какъ-будто война, объявленная имъ въ 690 году Арменіи по поводу пограничнаго вопроса. Но у Фраата не хватило мужества открыто возстать противъ Римлянъ, какъ разъ тогда, когда грозный полководецъ стоялъ на границахъ пароянскаго царства съ своимъ сильнымъ войскомъ. Когда Помпей прислалъ коммиссаровъ для мирнаго рѣшенія спора между Пароянами и Арменіею, Фраатъ подчинился навязанному ему римскому посредничеству и примирился съ тѣмъ, что по приговору коммиссіи Кордуэна и сѣверная Месопотамія досталась Армянамъ. Вскорѣ послѣ того дочь его, съ сыномъ и мужемъ, украсили собою тріумфъ римскаго полководца. Пароянe трепетали передъ римскимъ могуществомъ; и если они не были покорены римскимъ оружіемъ, подобно Понтійцамъ и Армянамъ, то причина этого заключалась, какъ кажется, только въ томъ, что они не отважились вступить съ Римлянами въ бой.

Организація провинцій. Римскому полководцу предстояло еще регулировать внутреннія дѣла вновь пріобрѣтенныхъ странъ и, по возможности, сгладить слѣды тринадцатилѣтней опустошительной войны. Дѣло организаціи, начатое въ Малой Азіи Лукулломъ и приставленной къ нему ком-

---

одна прикраса, точно также, какъ и дальнѣйшій вымыселъ о войнѣ Помпея съ Мидійцами (Vell., 2, 40 Appian., Mithr., 106, 114) и тѣмъ болѣе о походѣ его въ Экбатану (Oros., 6, 5). Смѣшеніе со сказочнымъ одноименнымъ городомъ на Кармелѣ едва ли могло здѣсь произойти; это просто ничто иное, какъ то несносное преувеличеніе, которое проистекало изъ напыщенныхъ, намѣренно-двусмысленныхъ бюллетеней Помпея, и дѣлало изъ рацціи его среди Гетулеевъ походъ къ африканскому западному берегу (Плут., Помп. 38), изъ его неудачной экспедиціи противъ Набатеевъ—завоеваніе города Петры, изъ рѣшенія вопроса относительно границъ Арменіи — установленіе границъ римскаго царства по ту сторону Низибіи.

миссіей, на Критѣ-же — Метелломъ, получило окончательное завершеніе, благодаря Помпею. Прежняя провинція Азія, заключавшая въ себѣ Мизію, Лидію, Фригію, Карію и Ликію, сдѣлалась изъ пограничной области центральною; вновь устроены были провинціи Виѳинія и Понтъ, образовавшіяся изъ всего бывшаго царства Никомеда и западной части прежняго понтійскаго государства, вплоть до Галиса и даже далѣе; провинція Киликія, болѣе древняя, но только расширенная и организованная, согласно ея имени, и включившая въ себя Памфилію и Изаврію, наконецъ провинціи Сирія и Критъ. Правда, что вся эта масса земель далеко не могла считаться римскою территоріальною собственностью въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Форма и порядокъ управленія остались во всемъ существенномъ тѣмъ, чѣмъ они были; только мѣсто прежнихъ монарховъ заступила римская община. Какъ и прежде, эти азіатскія страны состояли изъ пестрой смѣси государственныхъ имуществъ, фактическихъ или вполнѣ законно автономныхъ городскихъ округовъ, княжескихъ и жреческихъ владѣній и царствъ, которыя всѣ были болѣе или менѣе предоставлены сами себѣ во всемъ, что касалось внутренняго управленія; вообще же, либо въ болѣе мягкой, либо въ болѣе суровой формѣ, они зависѣли отъ римскаго правительства и его проконсуловъ, подобно тому, какъ нѣкогда отъ армянскаго царя и его сатраповъ.

Ленные цари. Каппадокія, Коммагена Галатія.

Первое мѣсто среди зависимыхъ династовъ занималъ, по крайней мѣрѣ по значенію своему, царь Каппадокіи, чьи владѣнія еще Лукуллъ расширилъ вплоть до Евфрата, отдавъ ему въ ленъ Мелитенскую область (вокругъ Малатіи), и которому Помпей даровалъ на западной границѣ нѣкоторые, отторгнутые отъ Киликіи, округа, простиравшіеся отъ Кастабалы до Дербы близъ Иконіона; на восточной же границѣ мѣстность Софену, на лѣвомъ берегу Евфрата, противъ Мелитены, первоначально назначавшуюся армянскому принцу Тиграну; вслѣдствіе этого важнѣйшая переправа чрезъ Евфратъ была въ рукахъ этого властителя. Небольшая коммагенская земля, лежавшая между Сиріею и Каппадокіею и имѣвшая столичнымъ городомъ Самосату (Самсатъ), осталась въ видѣ зависимаго царства за упомянутымъ уже выше Селевкидомъ Антіохомъ *); ему же была отдана крѣпость Селевкія (близъ Бираджика), господствовавшая надъ южною переправою чрезъ Евфратъ, и ближайшія полосы земли на лѣвомъ берегу этой рѣки, благодаря чему дости-

*) Война, веденная, будто-бы, этимъ Антіохомъ съ Помпеемъ (Appian., Mithr., 106, 117), мало согласуется съ договоромъ, заключеннымъ имъ съ Лукулломъ (Dio., 36, 4), и съ его спокойнымъ пребываніемъ въ прежнемъ санѣ; война эта выдумана, вѣроятно, только на томъ основаніи, что Антіохъ коммагенскій фигурировалъ въ числѣ покоренныхъ Помпеемъ царей.

галась та выгода, что двѣ главныя переправы чрезъ Евфратъ, съ соотвѣтствующей имъ областью на восточномъ берегу рѣки, оставались въ рукахъ двухъ династовъ, вполнѣ зависимыхъ отъ Рима. Наряду съ царями Каппадокіи и Коммагены, и далеко превосходя ихъ истиннымъ могуществомъ, господствовалъ въ Малой Азіи новый царь Діотаръ. Одинъ изъ князей осѣдлаго вокругъ Пессина кельтскаго племени Толистобогіевъ, призванный Лукулломъ и Помпеемъ, наряду съ прочими мелкими римскими кліентами, къ исполненію военной повинности, Діотаръ, въ противуположность всѣмъ безсильнымъ восточнымъ властителямъ, проявилъ въ этихъ походахъ свою надежность и энергію столь блестящимъ образомъ, что римскіе полководцы присоединили подъ названіемъ мало-армянскаго царства къ его галатскому наслѣдію и къ его владѣніямъ въ богатой странѣ между Амизомъ и устьемъ Галиса, и восточную половину прежняго понтійскаго царства, съ приморскими городами Фарнакіею и Трапезомъ, и понтійскую Арменію вплоть до колхидской и велико-армянской границы. Вскорѣ онъ еще увеличилъ и безъ того значительныя свои владѣнія присоединеніемъ къ нимъ страны кельтскихъ Трокмійцевъ, чьихъ властителей онъ вытѣснилъ. Такимъ образомъ незначительный вассалъ превратился въ одного изъ могущественнѣйшихъ династовъ Малой Азіи, которому могло быть поручено охраненіе важной части государственной границы.

Менѣе значительными вассалами были всѣ остальные, многочисленные галатскіе князьки, изъ которыхъ одинъ, повелитель Трокмійцевъ, Богодіатаръ, получилъ отъ Помпея, въ награду за заслуги во время войны съ Митридатомъ, бывшій понтійскій пограничный городъ Митридатіонъ; кромѣ того мы видимъ еще повелителя Пафлагоніи Аттала, который велъ свой родъ отъ древняго дома Пилеменидовъ; Аристарха и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ владѣтелей изъ колхидской области; Таркондимота, повелѣвавшаго въ восточной Киликіи, въ горныхъ долинахъ Амана; Птолемея, сына Менеева, продолжавшаго властвовать въ Халкидѣ у подножья Ливана; набатейскаго царя Арета, повелителя Дамаска; наконецъ арабскихъ эмировъ, жившихъ въ мѣстности по ту и по сю сторону Евфрата, какъ-то: Абгара въ Осроэнѣ, котораго Римляне, чтобы воспользоваться имъ, какъ форпостомъ противъ Парѳянъ, старались всѣми силами вовлечь въ свои интересы; Сампсикерама въ Гемезѣ, Алкавдонія, властителя Рамбеевъ и еще одного эмира въ Бострѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и владыкъ духовнаго сана, которые на востокѣ зачастую повелѣвали надъ страною и ея населеніемъ, подобно свѣтскимъ династамъ; поколебать ихъ прочно основанный авторитетъ или хотя бы только лишить храмы ихъ накопленнаго тамъ богатства Римляне благоразумно воздерживались, въ виду окружавшаго ихъ всеобщаго фанатизма. Таковы были: первосвященникъ богини-матери

въ Пессинѣ; два первосвященника богини Ма въ каппадокійской Команѣ (на верхнемъ Саросѣ) и въ одноименномъ понтійскомъ городѣ (Гюменекѣ близъ Токата): оба они по своимъ владѣніямъ уступали могуществомъ одному только царю и даже въ гораздо болѣе позднее время имѣли обширныя владѣнія съ самостоятельной юрисдикціею, и почти шесть тысячъ храмовыхъ невольниковъ,— понтійское первосвященство было дано въ немъ Помпеемъ Архелаю, сыну полководца того же имени, перешедшаго отъ Митридата къ Римлянамъ; первосвященникъ веназійскаго Зевса въ каппадокійскомъ округѣ Морименѣ, доходы котораго простирались ежегодно до 23,300 талеровъ (15 талантовъ); „первосвященникъ и повелитель" той области въ суровой Киликіи, гдѣ Тевкръ, сынъ Аякса, основалъ Зевсовъ храмъ, во главѣ котораго стояли его потомки въ силу наслѣдственнаго права; «верховный святитель и народный владыка» Іудеевъ, котораго Помпей вновь поставилъ во главѣ народа съ серьознымъ увѣщаніемъ жить въ мирѣ и не идти болѣе на завоеванія. Рядомъ съ этими свѣтскими и духовными сановниками находились городскія общины. Онѣ частью были организованы въ видѣ довольно обширныхъ союзовъ, пользовавшихся относительною самостоятельностью, какимъ былъ, напримѣръ, благоустроенный союзъ двадцати трехъ ликійскихъ городовъ, не принимавшій никогда участія въ разгулѣ пиратства; съ другой стороны, многочисленныя, разрозненныя общины, даже если онѣ владѣли документами на право самоуправленія, находились въ дѣйствительности въ полнѣйшей зависимости отъ римскихъ намѣстниковъ. Римляне поняли, что, являясь представителями эллинизма и принявъ на себя задачу охранять и расширять на востокѣ границы царства Александра, имъ прежде всего надлежало поднять значеніе городского быта, такъ какъ, если города всюду являются носителями облагороженныхъ нравовъ, то антагонизмъ между народами востока и запада обнаружился вполнѣ рѣзко въ противоположности между восточной военно-деспотической ленной іерархіею и эллино-италійскимъ промышленнымъ и торговымъ городскимъ строемъ. Лукуллъ и Помпей, какъ ни мало они вообще стремились къ нивеллировкѣ всѣхъ отношеній на востокѣ, и какъ Помпей ни былъ расположенъ вмѣшиваться въ частности распоряженій своего предшественника и измѣнять ихъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ сходились во взглядахъ на необходимость посильно содѣйствовать развитію въ Малой Азіи и Сиріи городского быта. Кизикъ, энергическое сопротивленіе котораго пріостановило съ самаго начала быстроту напора въ послѣднюю войну, получилъ отъ Лукулла значительное расширеніе владѣній. Понтійская Гераклея, какъ ни упорно сопротивлялась она Римлянамъ, получила, однако, отъ нихъ обратно свои владѣнія и гавани, и варварское обращеніе Котты съ этимъ несчастнымъ городомъ вызвало въ сенатѣ рѣзкое

порицаніе. Лукуллъ глубоко и искренно сожалѣлъ о томъ, что судьба лишила его счастія спасти Синопъ и Амизъ отъ опустошеній, какъ со стороны понтійскихъ, такъ и собственныхъ его войскъ; онъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, все, что могъ, для того чтобы снова возстановить ихъ, расширилъ ихъ владѣнія, заселилъ ихъ вновь, частью прежними обитателями, толпами возвращавшимися по его приглашенію на любимую родину, частью новыми поселенцами эллинскаго происхожденія, и наконецъ заботился о возстановленіи разрушенныхъ зданій. Въ томъ же смыслѣ, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, дѣйствовалъ Помпей. Еще прежде, вслѣдъ за покореніемъ пиратовъ, онъ вмѣсто того, чтобы по примѣру своихъ предшественниковъ распинать плѣнныхъ, число которыхъ доходило до двадцати тысячъ, поселилъ ихъ частью въ опустѣвшихъ городахъ киликійской равнины, какъ напримѣръ, въ Маллосѣ, Аданѣ, Эпифанеѣ и особенно въ Солахъ, получившихъ съ того времени названіе города Помпеева (Pompeiupolis), частью же въ Димахъ въ Ахеѣ, даже въ Тарентѣ. Это заселеніе страны пиратами встрѣтило сильное порицаніе *), такъ какъ оно до извѣстной степени служило какъ бы наградою за преступленіе; на дѣлѣ же оно было вполнѣ правильно и съ политической, и съ нравственной точки зрѣнія, такъ какъ, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, пиратство было совсѣмъ отлично отъ разбоя, и съ плѣнными по справедливости слѣдовало обращаться на основаніи военныхъ законовъ. Прежде всего Помпей заботился о поднятіи городского быта въ новыхъ римскихъ областяхъ. Какъ бѣдно городами было понтійское царство, мы указывали уже выше; большинство каппадокійскихъ округовъ, даже цѣлое столѣтіе спустя, не имѣло еще городовъ, а только горныя укрѣпленія, какъ убѣжища для землецѣльческаго населенія на время войны; тоже самое было, вѣроятно, въ эту эпоху и во всей восточной части Малой Азіи, за исключеніемъ рѣдкихъ греческихъ колоній вдоль береговъ. Число городовъ, вновь основанныхъ Помпеемъ въ этихъ мѣстностяхъ, включая сюда и киликійскія поселенія, равнялось, вѣроятно, тридцати девяти, и многіе изъ нихъ достигли высокой степени процвѣтанія. Важнѣйшими изъ этихъ пунктовъ въ прежнемъ понтійскомъ царствѣ были Никополь, «побѣдный городъ», основанный на томъ мѣстѣ, гдѣ Митридатъ потерпѣлъ послѣднее, окончательное пораженіе — лучшій памятникъ побѣдъ богатаго трофеями полководца; Мегалополь (позднѣйшая Севастія, нынѣ Сивасъ), названный такъ по прозвищу Помпея, и находившійся на границѣ

*) Къ этому относится, вѣроятно, укоръ Цицерона (De off., 3, 12, 49): piratas immunes habemus, socios vectigales, если только эти колоніи пиратовъ были изъяты Помпеемъ отъ повинностей, между тѣмъ какъ извѣстно, что зависѣвшія отъ Рима провинціальныя общины были всѣ обложены данью.

Каппадокіи и Малой Арменіи; Зіела, гдѣ Римляне дали неудачное сраженіе, мѣстечко, возникшее вокругъ храма Анаиты, принадлежавшее до той поры верховному жрецу ея и получившее отъ Помпея городское положеніе и юрисдикцію; Діополь, прежняя Кабейра, позднѣйшая Неокесарія (Никсаръ), гдѣ также происходила одна изъ битвъ въ послѣднюю войну; Магнополь или Помпеюполь, прежняя Эвпаторія при сліяніи Лика съ Ирисомъ, первоначально построенная Митридатомъ, но снова разоренная имъ вслѣдствіе перехода города къ Римлянамъ; наконецъ, Неаполь, бывшій Фаземонъ, между Амазіею и Галисомъ. Большинство этихъ городовъ было основано не колонистами, пришедшими издали, а было результатомъ уничтоженія деревень и привлеченія ихъ жителей въ районъ новыхъ городскихъ стѣнъ; въ одномъ только Никополѣ Помпей поселилъ инвалидовъ и старцевъ изъ своего войска, предпочитавшихъ основать себѣ здѣсь новую родину немедленно же, чѣмъ устраиваться позднѣе въ Италіи. Но и въ другихъ мѣстахъ возникали по мановенію властелина новые центры эллинской цивилизаціи. Въ Пафлагоніи третій Помпеюполь отмѣчаетъ то мѣсто, гдѣ войско Митридата одержало въ 666 году большую побѣду надъ Виѳинянами. Въ Каппадокіи, пострадавшей отъ войны болѣе, чѣмъ какая либо другая провинція, Помпеемъ были востановлены резиденція Мазака (позднѣйшая Кесарія, нынѣ Кайсаріэ) и семь другихъ поселеній, которыя и получили городскія учрежденія. Въ Киликіи и Келесиріи насчитывали до двадцати городовъ, основанныхъ Помпеемъ. Въ оставленныхъ Іудеями округахъ возникла изъ развалинъ, по приказанію Помпея, Годара въ Декаполѣ, а городъ Селевкія былъ основанъ вновь. Большая часть государственныхъ земель на азіатскомъ материкѣ была, вѣроятно, употреблена Помпеемъ для его новыхъ поселеній, между тѣмъ какъ на Критѣ, о которомъ Помпей, какъ кажется, либо вовсе не заботился, либо весьма мало думалъ, римскія государственныя владѣнія оставались повидимому весьма обширными. Не менѣе, чѣмъ объ основаніи новыхъ городовъ, заботился Помпей объ устроеніи и поднятіи уже существовавшихъ общинъ.— Укоренившіеся злоупотребленія и захваты были, по возможности, отмѣнены; подробныя, заботливо составленныя для каждой отдѣльной провинціи, правила установили въ частностяхъ муниципальный бытъ. Цѣлому ряду значительныхъ городовъ были дарованы новыя привиллегіи; автономію получили: Антіохія на Оронтѣ, замѣчательнѣйшій городъ римской Азіи, мало уступавшій египетской Александріи, древнему Багдаду и городу Селевкіи въ парѳянскомъ царствѣ; далѣе, сосѣдній съ Антіохіею городъ, Селевкія піерійская, получившая такимъ образомъ награду за свое мужественное сопротивленіе Тиграну; за симъ Газа и вообще всѣ города, освободившіеся отъ іудейскаго владычества; Митилена въ передней Азіи; Фанагорія на Черномъ морѣ.

Общіе результаты.

Такимъ образомъ завершилось созиданіе римскаго государства въ Азіи, живо напоминающаго своими ленными царями и вассалами, своими жрецами, облеченными царскою властью, и цѣлымъ рядомъ свободныхъ и полу-свободныхъ городовъ священную римскую имперію германскаго народа. Это не было чудомъ искусства, ни по преодолѣннымъ ради него трудностямъ, ни по достигнутому результату, и не сдѣлалось удивительнымъ государственнымъ организмомъ, несмотря на всѣ громкія слова, которыя въ Римѣ аристократія расточала въ пользу Лукулла, толпа же—въ восхваленіе Помпея. Въ особенности давалъ себя чествовать и самъ себя прославлялъ Помпей, въ такой степени, что его можно было бы счесть еще слабоумнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Если Митилена соорудила ему памятникъ, какъ своему основателю и избавителю, какъ тому лицу, которое покончило войны, раздиравшія вселенную и на морѣ и на сушѣ, то подобный почетъ можетъ казаться не черезчуръ преувеличеннымъ по отношенію къ побѣдителю пиратовъ и государствъ востока. Но Римляне на этотъ разъ превзошли Грековъ. Тріумфальныя надписи въ честь Помпея насчитывали до 12 милліоновъ покоренныхъ душъ и до 1538 завоеванныхъ городовъ и замковъ (казалось, будто численность должна была вознаградить за качество) и распространяли кругъ его побѣдъ отъ Меотійскаго до Каспійскаго, а отсюда до Чернаго морей, изъ которыхъ онъ между тѣмъ никогда не видалъ ни одного; кромѣ того, если онъ и не говоритъ этого прямо, то тѣмъ не менѣе даетъ массѣ поводъ думать, что занятіе Сиріи, которое далеко не было геройскимъ подвигомъ, присоединило къ римскому государству весь востокъ вплоть до Бактріи и Индіи,—въ такой туманной дали исчезала въ его реляціяхъ пограничная линія его восточныхъ завоеваній. Демократическое раболѣпіе, испоконъ вѣку соперничавшее съ придворнымъ, охотно поддавалось этому нелѣпому обману. Ему мало было пышной тріумфальной процессіи, прослѣдовавшей 28 и 29 сентября 593 года, въ сорокъ шестую годовщину дня рожденія Помпея Великаго, по улицамъ Рима, и украшенной, не говоря уже о всевозможныхъ другихъ драгоцѣнностяхъ, знаками царскаго достоинства, принадлежавшими Митридату, и присутствіемъ дѣтей трехъ могущественнѣйшихъ царей Азіи, Митридата, Тиграна и Фраата; Римляне вознаградили царскими почестями своего полководца, покорившаго двадцать двухъ царей, и вручили ему золотой вѣнокъ и знаки достоинства магистратуры, передаваемой ему пожизненно. Вычеканенныя въ честь его монеты показываютъ намъ даже земной шаръ среди тройственныхъ лавровъ, принесенныхъ изъ трехъ частей свѣта, а надъ землею паритъ золотой вѣнокъ, поднесенный гражданствомъ Рима побѣдителю Африки, Испаніи и Азіи. Въ виду такихъ ребяческихъ чествованій нельзя удивляться, что раздавались голоса и въ противоположномъ духѣ. Въ римскихъ

аристократическихъ сферахъ говорилось нерѣдко, что настоящая честь покоренія востока принадлежитъ Лукуллу, и что Помпей отправился въ Азію лишь для того, чтобы вытѣснить Лукулла и увѣнчать свое чело лаврами, добытыми рукой другого. И то и другое было совершенно ложно; не Помпей, а Глабріонъ былъ отправленъ въ Азію на смѣну Лукуллу, и, какъ ни храбро сражался Лукуллъ, достовѣрно однако, что, когда Помпей принялъ на себя главное начальство надъ войскомъ, Римляне утратили уже всѣ свои прежнія завоеванія и не владѣли уже болѣе ни одной пядью понтійской земли. Прямѣе въ цѣль попадали насмѣшки столичныхъ жителей, не преминувшихъ придать могущественному побѣдителю вселенной имена покоренныхъ имъ великихъ державъ въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ, и то величавшихъ его «салемскимъ побѣдителемъ», то «эмиромъ» (arabarches), то римскимъ Сампсикерамомъ. Безпристрастная же оцѣнка не будетъ вторить ни этимъ преувеличеніямъ, ни насмѣшкамъ. Лукуллъ и Помпей, покоряя Азію и организуя ея дѣла, выказали себя не героями или созидателями царствъ, а проницательными и энергическими военачальниками и намѣстниками. Какъ полководецъ, Лукуллъ обнаружилъ дарованія выше обыкновеннаго уровня и самоувѣренность, граничившую съ отвагой. Помпей же проявилъ военную сообразительность и рѣдкую воздержность, и можно сказать, ни одинъ полководецъ, при такихъ военныхъ силахъ и такомъ независимомъ положеніи, не дѣйствовалъ такъ осторожно, какъ Помпей на востокѣ. Со всѣхъ сторонъ какъ бы сами представлялись ему блестящія задачи; онъ могъ двинуться къ киммерійскому Босфору и Чермному морю; онъ имѣлъ случай объявить войну Пареянамъ; возставшія египетскія области приглашали его низвергнуть съ престола непризнаннаго Римомъ царя Птолемея и привести въ исполненіе завѣщаніе Александра; но Помпей не пошелъ ни въ Пантикапею, ни въ Петру, ни въ Ктезифонъ, ни въ Александрію; онъ положительно срывалъ лишь тѣ цвѣты, которые сами давались ему въ руку. Точно также начиналъ онъ всѣ свои сраженія, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, только располагая подавляющимъ превосходствомъ силъ. Если эта умѣренность проистекала изъ строгаго соблюденія данныхъ ему инструкцій, какъ это утверждалъ Помпей, или даже изъ того убѣжденія, что завоеванія Рима должны же встрѣтить гдѣ нибудь предѣлъ, и что новое расширеніе владѣній было бы вредно для государства, то она заслуживаетъ высшей похвалы, когда либо произнесенной исторіею въ честь талантливѣйшаго военачальника. Но по свойству характера самого Помпея, воздержность его являлась исключительно результатомъ прирожденнаго ему отсутствія инищіативы и увѣренности въ себѣ—свойствъ, принесшихъ, правда, въ этомъ случаѣ гораздо болѣе пользы государству, чѣмъ противоположныя преимущества его предшественника. Конечно, и Лукулломъ,

и Помпеемъ были сдѣланы весьма грубыя ошибки. Лукуллъ самъ пожалъ плоды ихъ, такъ какъ его неосмотрительный образъ дѣйствій лишилъ его всѣхъ результатовъ его побѣдъ; Помпей предоставилъ своимъ преемникамъ нести послѣдствія его ложной политики относительно Парѳянъ. Онъ могъ либо воевать съ ними, еслибъ у него на это хватило смѣлости, либо жить съ ними въ мирѣ и признать, какъ онъ это обѣщалъ, границу Евфрата; для перваго образа дѣйствій онъ былъ слишкомъ нерѣшителенъ, для второго слишкомъ тщеславенъ, и такимъ образомъ онъ дошелъ до нелѣпой низости, сдѣлавъ невозможными, путемъ самыхъ непомѣрныхъ захватовъ, добрыя сосѣдственныя отношенія, которыхъ желалъ (и со своей стороны соблюдалъ) ктезифонскій дворъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давая врагу возможность выбрать время для разрыва и отместки. Какъ управитель Азіи, Лукуллъ пріобрѣлъ болѣе чѣмъ царское состояніе, и Помпей также получилъ, въ награду за устройство ихъ дѣлъ, большія суммы чистыми деньгами и еще большія долговыя обязательства отъ царя Каппадокіи, отъ богатаго города Антіохіи и другихъ властителей и общинъ. Подобныя вымогательства сдѣлались въ ту пору почти обычнымъ налогомъ, и оба полководца выказывали себя продажными въ неважныхъ вопросахъ и по возможности брали деньги только съ той партіи, чьи интересы совпадали съ выгодами Рима. При существовавшихъ тогда взглядахъ можно считать управленіе этихъ двухъ людей относительно хорошимъ и веденнымъ въ интересахъ Рима и, слѣдовательно, провинціаловъ. Превращеніе кліентовъ въ подданныхъ, болѣе основательное регулированіе восточной границы, введеніе цѣльнаго и сильнаго управленія были благотворны и для правителей и для управляемыхъ. Финансовая прибыль Рима была неисчислима; новый подоходный налогъ, который, за исключеніемъ отдѣльныхъ, спеціально освобождаемыхъ отъ этого, общинъ, долженъ былъ уплачиваться Риму всѣми этими князьями, жрецами и городами, увеличилъ государственный доходъ почти на половину его прежней суммы. Азія, правда, страдала отъ этого тяжко. Помпей положилъ въ государственную казну деньгами и драгоцѣнностями до 15 милліоновъ талеровъ (200 милліоновъ сестерцій) и роздалъ 29 милліоновъ (16000 талантовъ) своимъ офицерамъ и солдатамъ; если причислить сюда значительныя суммы, принесенныя домой Лукулломъ, негласныя вымогательства римской арміи и собственно военные убытки, то финансовое истощеніе страны становится понятнымъ. Римскіе налоги въ Азіи были, быть можетъ, не тяжелѣе налоговъ прежнихъ правителей, но они болѣе тяготѣли надъ страной, потому что платимая дань немедленно вывозилась за границу и лишь незначительная часть ея расходовалась въ Азіи; во всякомъ случаѣ она, какъ въ старыхъ, такъ и во вновь пріобрѣтенныхъ провинціяхъ, была основана на систематической эксплуатаціи страны въ

пользу Рима. Но отвѣтственность за это гораздо менѣе падаетъ лично на полководцевъ, чѣмъ на столичныя партіи, съ которыми имъ приходилось считаться; Лукуллъ энергически старался положить въ Азіи предѣлъ ростовщичеству римскихъ капиталистовъ, и паденіе его было существеннымъ образомъ вызвано этимъ обстоятельствомъ. Насколько Лукуллъ и Помпей желали поднять разоренныя мѣстности, доказывается ихъ дѣятельностью всюду, гдѣ имъ не связывали руки различныя политическія партіи, и въ особенности ихъ заботливостью о малоазіатскихъ городахъ. Если, даже нѣсколько столѣтій спустя, развалины многихъ азіатскихъ деревень напоминали эпоху великой войны, то Синопъ могъ считать новую эру съ года своего возстановленія при Лукуллѣ, а внутренніе города понтійскаго царства могли съ благодарностью поминать Помпея, какъ своего основателя. Организація, приданная римской Азіи Лукулломъ и Помпеемъ, несмотря на всѣ свои несомнѣнные недостатки, можетъ быть признана въ общемъ разумною и достойною похвалы; какъ ни тяжки были неудобства, связанныя съ нею, она должна была казаться хорошею измученнымъ жителямъ Азіи уже потому, что совпадала съ внутреннимъ и внѣшнимъ миромъ, отъ отсутствія котораго они такъ долго и тяжко страдали.

Востокъ послѣ удаленія Помпея.

Миръ, дѣйствительно, господствовалъ на востокѣ въ главныхъ чертахъ до той поры, когда мысль Помпея присоединить къ римскому государству мѣстности къ востоку отъ Евфрата, мысль, только намѣченная имъ съ свойственной ему нерѣшительностью, стала энергически, но неудачно приводиться въ исполненіе новою тріархіею римскихъ властителей, и междоусобная война вскорѣ охватила своимъ роковымъ водоворотомъ, какъ всѣ остальныя, такъ и восточныя провинціи. То обстоятельсство, что въ этотъ промежутокъ времени намѣстники Киликіи присуждены были непрерывно бороться съ горными жителями Амана, сирійскіе же намѣстники съ полчищами обитателей пустыни, и что въ особенности въ этой войнѣ съ бедуинами погибло немало римскихъ отрядовъ, все это имѣетъ мало значенія. Болѣе достойно вниманія то упрямое сопротивленіе, которое оказывалось завоевателямъ упорнымъ іудейскимъ народомъ. Частью сынъ низложеннаго царя Аристовула, Александръ, частью самъ Аристовулъ, которому нѣсколько времени спустя удалось бѣжать изъ плѣна, возбудили во время намѣстничества Авла Габинія (697—700) три различныя возстанія противъ новыхъ властителей, причемъ каждый разъ безсильно падало учрежденное Римомъ правленіе первосвященника Гиркана. Не политическія соображенія, а непреодолимое отвращеніе обитателей востока къ навязанному имъ противоестественному игу заставляло ихъ возставать противъ гнета; такъ послѣднее и опаснѣйшее изъ этихъ возстаній, ближайшимъ поводомъ къ которому послужило удаленіе сирійской

оккупаціонной арміи, вызванное египетскимъ кризисомъ, началось съ умерщленія поселившихся въ Палестинѣ Римлянъ. Не безъ труда удалось энергическому намѣстнику спасти немногихъ Римлянъ, избѣгнувшихъ этой участи и нашедшихъ временное убѣжище на горѣ Гаризимѣ, отъ блокировавшихъ ихъ тамъ инсургентовъ и подавить возстаніе послѣ многихъ тяжкихъ сраженій въ открытомъ полѣ и продолжительныхъ осадъ. Вслѣдствіе этого, управленіе первосвященниковъ было отмѣнено, и іудейская земля, какъ нѣкогда Македонія, раздѣлена на пять самостоятельныхъ округовъ, управляемыхъ административными коллегіями съ оптиматическимъ строемъ; Самарія и другіе, разрушенные Іудеями, города были возстановлены для противовѣса Іерусалиму, а Іудеи обложены болѣе тяжкою данью, чѣмъ остальные сирійскіе подданные Рима.

Египетское царство. Намъ остается бросить теперь взоръ на египетское государство съ сосѣднею съ нимъ страною, прекраснымъ островомъ Кипромъ, послѣднимъ остаткомъ обширныхъ завоеваній Лагидовъ. Египетъ былъ теперь единственнымъ государствомъ эллинскаго востока, оставшимся независимымъ, по крайней мѣрѣ по имени; подобно тому, какъ нѣкогда, когда Персы укрѣплялись въ восточной части Средиземнаго моря, Египетъ былъ ихъ послѣднимъ завоеваніемъ, такъ и теперь могущественные западные завоеватели всего долѣе медлили занятіемъ этой богатой и своеобразной страны. Причина этого явленія коренилась, какъ было уже выше сказано, не въ страхѣ передъ сопротивленіемъ Египта и не въ отсутствіи удобнаго случая. Египетъ былъ почти столь же безсиленъ, какъ и Сирія, и еще въ 673 году достался римской общинѣ, при соблюденіи всѣхъ юридическихъ формальностей; правившая въ Александріи царсвая гвардія, возводившая и низлагавшая министровъ, и при случаѣ и царей, бравшая для себя все, что ей нравилось и, въ случаѣ, если ей отказывали въ увеличеніи жалованья, осаждавшая царя въ самомъ его дворцѣ, была весьма нелюбима въ странѣ, или скорѣе въ столицѣ—такъ какъ страна, съ ея населеніемъ, состоявшимъ изъ земледѣльцевъ-рабовъ, почти не принималась въ соображеніе, — и по крайней мѣрѣ одна партія желала занятія Египта Римлянами и даже принимала мѣры къ осуществленію этой цѣли. Но, чѣмъ меньше египетскіе цари могли думать о вооруженной борьбѣ съ Римомъ, тѣмъ энергичнѣе дѣйствовало египетское золото противъ римскихъ плановъ присоединенія; и, благодаря своеобразной, деспотически - коммунистической централизаціи народнаго хозяйства въ Египтѣ, доходы александрійскаго двора были почти равны римскимъ государственнымъ доходамъ, даже послѣ увеличенія ихъ Помпеемъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить ревнивую недовѣрчивость олигархіи, не желавшей ни завоеванія Египта, ни управленія его однимъ лицомъ. Такимъ образомъ, настоящіе вла-

стители Египта и Кипра могли, путемъ подкупа руководящихъ лицъ въ сенатѣ, не только удерживать за собою свои колеблющіяся короны, но даже вновь упрочивать ихъ и покупать у сената утвержденіе своихъ царскихъ титуловъ. Но этимъ они, однако, еще не достигали цѣли. Формальное государственное право требовало утвержденія отъ имени римскаго гражданства; пока оно не было произнесено, Птолемеи зависѣли отъ каприза каждаго демократическаго вождя, и имъ приходилось прибѣгать къ подкупу и второй римской партіи, которая, какъ наиболѣе могущественная, требовала и цѣну, гораздо болѣе высокую.

Исходъ борьбы былъ неравенъ. Занятіе Кипра было въ 696 году постановлено народомъ, т. е. вождями демократіи, при чемъ оффиціальнымъ поводомъ для этого занятія было выставлено содѣйствіе Кипріотовъ пиратству. Маркъ Катонъ, которому его противники поручили исполненіе этой мѣры, прибылъ на островъ безъ войска; но оно, впрочемъ, и не нужно было. Царь принялъ яду; жители покорились неизбѣжному року, не оказавъ даже сопротивленія, и были подчинены киликійскому намѣстнику. **Занятіе Кипра. Признаніе Птолемея Римомъ. Изгнаніе его подданными.**

Переполненная казна, въ которой находилось до семи тысячъ талантовъ (почти 13 милліоновъ талеровъ), и которую столь же алчный, какъ и скупой царь не могъ рѣшиться затронуть для необходимыхъ, въ видахъ спасенія его короны, подкуповъ, досталась вмѣстѣ съ нею въ руки Римлянъ и наполнила весьма кстати пустые подвалы ихъ казначейства. Тому же брату, который царствовалъ въ Египтѣ, удалось напротивъ того, купить себѣ въ 695 году у новыхъ властелиновъ Рима признаніе своихъ правъ путемъ народнаго постановленія; это стоило ему, какъ говорятъ, около 6,000 талантовъ (11 милліоновъ талеровъ). Правда, что гражданство, давно уже озлобленное противъ искуснаго игрока на флейтѣ и плохого правителя и доведенное теперь до крайности окончательною утратою Кипра и страшно увеличившимся, благодаря сдѣлкамъ съ Римомъ, давленіемъ налоговъ (696), выгнало его за то изъ страны. Когда же вслѣдъ за тѣмъ царь, въ виду отнятія у него купленнаго имъ права, обратился къ лицамъ, заключившимъ съ нимъ сдѣлку, они имѣли добросовѣстность согласиться, что имъ, какъ честнымъ дѣловымъ людямъ, надлежало возвратить Птолемею его царство; партіи не могли только никакъ придти къ соглашенію относительно того, кому должно было достаться важное порученіе занять Египетъ вооруженною силою и воспользоваться ожидаемыми отъ этого дѣла выгодами. Только тогда, когда тріархія снова окрѣпла на конференціи въ Лукѣ,—это обстоятельство было окончательно рѣшено, послѣ того, какъ Птолемей согласился на выдачу еще 10,000 талантовъ (18 милліоновъ талеровъ); сирійскій намѣстникъ, Авлъ Габиній, получилъ тогда повелѣніе принять всѣ необходимыя мѣры

къ водворенію царя. Тѣмъ временемъ александрійское гражданство возвело на престолъ старшую дочь изгнаннаго царя, Беренику, и дало ей супруга въ лицѣ одного изъ церковныхъ властителей римской Азіи, верховнаго жреца города Команы, Архелая, который былъ достаточно честолюбивъ, для того чтобы рисковать своимъ обезпеченнымъ и значительнымъ положеніемъ изъ-за надежды вступить на престолъ Лагидовъ.

Птоломей водворенъ на египетскій престолъ Габиніемъ.

Попытки Архелая склонить на свою сторону римскихъ властителей остались безуспѣшными; но онъ не устрашился даже мысли защищать свое новое царство противъ Римлянъ съ оружіемъ въ рукахъ: Габиній, не имѣя явныхъ полномочій начать войну противъ Египта, но назначенный для этой цѣли людьми, державшими въ въ своихъ рукахъ власть, избралъ предлогомъ для своихъ дѣйствій мнимую поддержку пиратства Египтянами и сооруженіе флота Архелаемъ, и неотлагательно двинулся къ египетской границѣ (699). Переходъ чрезъ песчаную степь между Газою и Пелузіемъ, который погубилъ уже не одно нашествіе, направленное противъ Египта, былъ теперь благополучно оконченъ, въ особенности благодаря усиліямъ ловкаго и проворнаго предводителя конницы, Марка Антонія. Пограничная крѣпость Пелузій была также сдана безъ сопротивленія стоявшимъ тамъ іудейскимъ гарнизономъ. Передъ этимъ городомъ встрѣтились Римляне съ Египтянами и разбили ихъ, при чемъ Антоній снова отличился послѣ чего впервые римское войско достигло Нила. Здѣсь флотъ и армія Египтянъ выстроились для послѣдней, рѣшительной борьбы; но Римляне снова побѣдили ихъ, и самъ Архелай погибъ съ многими изъ своихъ во время схватки. Немедленно послѣ этой битвы сдалась столица, и этимъ кончилось всякое сопротивленіе. Несчастная страна была предана въ руки ея законнаго тирана; вѣшаніе и обезглавленіе, которыми, еслибъ не вмѣшался благородный Маркъ Антоній, Птолемей началъ еще въ Пелузіѣ праздновать возстановленіе законной власти, теперь пошли своимъ чередомъ, и прежде всего была отправлена отцемъ на плаху ни въ чемъ неповинная дочь его. Уплата выговоренной римскими властителями награды неудалась, благодаря полнѣйшей невозможности получить требуемыя громадныя суммы съ истощенной страны, хотя у бѣднаго народа и былъ отнятъ послѣдній грошъ; о спокойствіи же края заботился оставленный въ столицѣ гарнизонъ, состоявшій изъ римской пѣхоты и кельтской и германской конницы, смѣнившій мѣстныхъ преторіанцевъ и не безуспѣшно соперничавшій, впрочемъ, съ ними. Существовавшая до той поры гегемонія Рима надъ Египтомъ была, благодаря этому, превращена въ непосредственную военную оккупацію, и номинальное существованіе туземнаго царства являлось такимъ образомъ не столько льготою для страны, сколько двойнымъ гнетомъ.

ГЛАВА V.

Борьба партій во время отсутствія Помпея.

Пораженіе аристократіи. Маркъ Порцій Катонъ.

Вслѣдъ за закономъ Габинія столичныя партіи помѣнялись ролями. Съ той поры, какъ полководецъ, избранный демократіею, взялъ въ свои руки мечъ, его партія или та, что считалась ему приверженною, была всесильна въ столицѣ. Аристократія все еще стояла, правда, сплоченною массою, и изъ колеса комицій вынимались только имена такихъ консуловъ, которые, по выраженію демократовъ, еще въ пеленкахъ предназначены были для консульства; управлять выборами и сломить въ этомъ случаѣ вліяніе древнихъ родовъ—этого не могли сдѣлать даже властелины Рима. Но, къ сожалѣнію, консульство, какъ разъ въ то время, когда почти совершенно удалось исключить изъ него «новыхъ людей», стало блѣднѣть передъ вновь восходившей звѣздою исключительной военной власти. Аристократія чувствовала это, если и не сознавалась въ этомъ даже сама себѣ; она считала себя погибшею. Кромѣ Квинта Катула, который съ твердостью, достойною уваженія, оставался до самой смерти (694) на своемъ нерадостномъ постѣ передового борца побѣжденной партіи, въ верхнихъ слояхъ знати нельзя назвать ни одного оптимата, который съ твердостью и мужествомъ защищалъ бы интересы своей партіи. Самые даровитые и уважаемые члены ея, въ родѣ Квинта Метелла Пія и Люція Лукулла, слагали съ себя власть и удалялись, если это было сколько нибудь возможно, на свои виллы, для того чтобы среди своихъ садовъ и библіотекъ, птицъ и рыбьихъ садковъ забывать, по возможности, впечатлѣнія площади и ратуши. Еще болѣе замѣчалось это среди молодого аристократическаго поколѣнія, которое либо совершенно погружалось въ роскошь и литературныя занятія, либо шло на встрѣчу восходящему свѣтилу. Изъ числа молодыхъ только одинъ человѣкъ составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе, именно, Маркъ Порцій Катонъ (род. въ 659); это былъ человѣкъ, отличавшійся большимъ запасомъ доброй воли и рѣдкою способностью пре-

даваться своему дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было одно изъ наиболѣе причудливыхъ и безотрадныхъ явленій этого времени, столь богатаго политическими фантасмагоріями. Честный и постоянный, серьозный въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, исполненный привязанности къ родинѣ и господствовавшей въ ней конституціи, но одаренный головою туго мыслившею и безстрастною, какъ въ чувственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, онъ развѣ годился бы въ сносные государственные контролеры. Къ несчастію, онъ рано подпалъ подъ вліяніе фразы, и, частью увлеченный пріемами стоиковъ, которые со всей своей отвлеченной пустотой и безсмысленной отрывистостью были тогда въ модѣ даже въ аристократической сферѣ, частью же примѣромъ своего прадѣда, воскресить котораго онъ считалъ своею особою задачею, онъ началъ появляться среди грѣховной столицы въ роли образцоваго гражданина и зеркала добродѣтели, бранить, подобно старику Катону, свое время, ходить пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить верхомъ, не брать процентовъ, отклонять военные знаки отличія и дѣлать починъ возстановленія добраго стараго времени тѣмъ, чтобъ, по примѣру царя Ромула, ходить безъ сорочки. Странною каррикатурою своего предка, престарѣлаго крестьянина, котораго ненависть и гнѣвъ сдѣлали ораторомъ, который въ совершенствѣ владѣлъ мечомъ и плугомъ и съ своимъ ограниченнымъ, но оригинальнымъ и здоровымъ смысломъ обыкновенно попадалъ прямо въ цѣль—являлся этотъ молодой, хладнокровный ученый, у котораго школьная мудрость всегда была на устахъ и котораго всегда можно было видѣть съ книгою въ рукѣ, философъ, непонимавшій ни военнаго, ни какого либо другого ремесла, и жившій въ заоблачномъ мірѣ абстрактной нравственной философіи. Тѣмъ не менѣе онъ достигъ нравственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическаго значенія. Въ эту жалкую и трусливую эпоху его мужество и отрицательныя добродѣтели импонировали массѣ; онъ былъ даже основателемъ школы, и нашлись лица—правда, ни на что другое непригодныя—которыя копировали этотъ живой философскій шаблонъ и въ свою очередь извращали его. Въ той же причинѣ коренится и его политическое вліяніе. Такъ какъ онъ былъ единственнымъ извѣстнымъ консерваторомъ, одареннымъ если не талантомъ и сообразительностью, то хоть мужествомъ и честностью, и такъ какъ онъ къ тому-же всегда былъ готовъ рисковать своею особою, гдѣ нужно и гдѣ ненужно, то вскорѣ онъ сдѣлался признаннымъ вождемъ партіи оптиматовъ, хотя ни лѣта, ни санъ, ни умъ его не давали ему на это права. Тамъ, гдѣ упорство одного энергическаго человѣка могло рѣшить дѣло, онъ безспорно достигалъ успѣха, и въ частныхъ вопросахъ, въ особенности финансоваго свойства, дѣйствовалъ нерѣдко весьма цѣлесообразно; никогда не пропускалъ онъ засѣданія сената, такъ что квестура его соста-

вила настоящую эпоху въ исторіи Рима; провѣрялъ въ продолженіе всей своей жизни общественный бюджетъ во всѣхъ его подробностяхъ, и, конечно, жилъ, вслѣдствіе этого, въ вѣчной войнѣ съ откупщиками податей. Тѣмъ не менѣе у него не было никакихъ свойствъ, необходимыхъ для государственнаго человѣка. Онъ былъ неспособенъ даже уразумѣть политическую цѣль и обозрѣть политическія отношенія; его тактика состояла въ томъ, что онъ нападалъ на все, что дѣйствительно или даже только повидимому уклонялось отъ традиціоннаго нравственно-политическаго катехизиса аристократіи, вслѣдствіе чего онъ такъ-же часто являлся пособникомъ своихъ противниковъ, какъ и своихъ приверженцевъ. Донъ-Кихотъ аристократіи, онъ доказалъ своимъ характеромъ и поступками, что въ то время еще существовала аристократія, но что аристократическая политика стала только химерою.

Продолжать борьбу съ этой аристократіею доставляло вообще мало чести. Тѣмъ не менѣе нападки демократіи на побѣжденнаго врага, конечно, не прекращались. Подобно тому, какъ устремляется даже обозная прислуга на завоеванный станъ, такъ кинулась народная масса на разсѣявшуюся знать, и отъ этой агитаціи заколыхалась политическая поверхность высокими пѣнистыми волнами. Масса тѣмъ охотнѣе пошла на это, что Гай Цезарь поддерживалъ въ ней хорошее расположеніе духа безумною роскошью своихъ игръ (689), во время которыхъ вся утварь, даже клѣтки дикихъ звѣрей были изъ массивнаго серебра, и вообще своею щедростью, которая была особенно велика именно потому, что все дѣлалось исключительно въ долгъ. Нападки на аристократію были самаго разнообразнаго свойства. Обильный матеріалъ доставляли злоупотребленія аристократическаго правленія; либеральные или только казавшіеся либеральными чиновники и управители, въ родѣ Гая Корнелія, Авла Габинія, Марка Цицерона, продолжали раскрывать самыя отталкивающія и низкія стороны дѣятельности оптиматовъ и предлагать противъ нихъ законы. Сенатъ былъ вынужденъ давать доступъ къ себѣ по извѣстнымъ днямъ иноземнымъ посламъ, чтобы этимъ прекратить обычныя проволочки аудіенцій. По займамъ, сдѣланнымъ у иноземныхъ пословъ, были запрещены законные иски, такъ какъ это былъ единственный способъ прекратить систему подкупа, господствовавшую въ сенатѣ (687). Право сената избавлять въ извѣстныхъ случаяхъ отъ дѣйствія законовъ было ограничено (687), точно также, какъ и то злоупотребленіе, что всякій знатный Римлянинъ, имѣвшій частныя дѣла въ провинціи, могъ исходатайствовать себѣ отъ сената званіе римскаго посла (691). Были усилены карательныя мѣры противъ продажности голосовъ и происковъ при выборахъ (687, 691), такъ какъ въ особенности послѣднее злоупотребленіе самымъ зловреднымъ образомъ усиливалось

Демократическія подстрекательства.

вслѣдствіе попытокъ лицъ, изгнанныхъ изъ сената, снова возвратиться въ него посредствомъ новыхъ выборовъ. Было установлено закономъ то, что до той поры только какъ бы подразумѣвалось,—судьи обязаны были отправлять судопроизводство согласно установляемой ими, по римскому обычаю, при вступленіи въ должность, нормѣ (687). Прежде всего позаботились объ усовершенствованіи демократической реставраціи и объ осуществленіи сообразно духу времени руководящихъ идей эпохи Гракховъ. Избраніе жрецовъ комиціями, установленное Гнеемъ Домиціемъ и отмѣненное Суллою, было возстановлено въ 691 году закономъ народнаго трибуна Тита Лабіена. Охотно указывали на то, сколько еще недоставало для полнаго возстановленія семпроніева хлѣбнаго закона, умалчивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ, при стѣсненномъ положеніи общественныхъ финансовъ и значительномъ увеличеніи числа полноправныхъ римскихъ гражданъ, возобновленіе этого закона становилось просто неосуществимымъ. Въ мѣстности между По и Альпами ревностно поддерживалась агитація въ пользу политической равноправности съ Италиками. Еще въ 686 году Гай Цезарь разъѣзжалъ тамъ съ этой цѣлью изъ одного мѣста въ другое; въ 689 году Маркъ Крассъ дѣлалъ, въ качествѣ цензора, приготовленія къ занесенію жителей въ списки гражданъ,—замыселъ, который разбился только о сопротивленіе его товарища; при послѣдующихъ цензорствахъ эти попытки возобновлялись, кажется, правильно. Какъ нѣкогда Гракхъ и Флаккъ были патронами Латиновъ, такъ тогдашніе вожди демократовъ выступили въ качествѣ защитниковъ Транспаданцевъ, и Гаю Пизону (консулу 687 года) пришлось горько раскаяться въ томъ, что онъ дерзнулъ затронуть одного изъ этихъ кліентовъ Цезаря и Красса.

Вольноотпущенники. Тѣ же самые вожди, однако, не выказывали ни малѣйшаго желанія являться заступниками за политическую равноправность вольноотпущенныхъ; народный трибунъ Гай Манилій, возстановившій на одномъ скудно-посѣщенномъ засѣданіи сульпиціевъ законъ о правѣ подачи голоса для вольноотпущенныхъ (31 декабря 687 года), былъ немедленно отвергнутъ руководящими членами демократіи, и предложенный имъ законъ былъ на другой же день послѣ его проведенія кассированъ сенатомъ съ ихъ согласія. Равнымъ образомъ были въ 689 году изгнаны изъ столицы народнымъ постановленіемъ всѣ чужеземцы, не пользовавшіеся ни римскими, ни латинскими гражданскими правами. Изъ этого видно, что внутреннее противорѣчіе гракховой политики, желавшей принять въ соображеніе стремленія лицъ исключенныхъ быть снова принятыми въ кругъ людей привиллегированныхъ и поддержать свои особыя права, перешло и на ихъ преемниковъ; въ то самое время, когда Цезарь и его приверженцы давали съ одной стороны Транспаданцамъ надежду на граж-

данскія права, они съ другой соглашались по прежнему ставить на задній планъ вольноотпущенныхъ и варварски устранять конкурренцію, которую промышленность и торговыя способности Эллиновъ и жителей востока воздвигали въ Италіи въ ущербъ самимъ Италикамъ.

Процессъ Рабирія.

Весьма характеристично поступила демократія относительно старинной уголовной юрисдикціи комицій. Сулла собственно не отмѣнилъ ее, но на практикѣ мѣсто комицій заступили въ дѣлахъ, касавшихся государственной измѣны или убійствъ, коммиссіи присяжныхъ, и о серьозномъ возстановленіи стариннаго обычая, оказавшагося непрактичнымъ еще задолго до Суллы, не могъ думать ни одинъ разумный человѣкъ. Но такъ какъ идея народнаго господства требовала, казалось, по крайней мѣрѣ принципіальнаго признанія за гражданствомъ права на производство уголовнаго суда, то народный трибунъ Титъ Лабіенъ призвалъ въ 691 году старца, убившаго за тридцать восемь лѣтъ передъ тѣмъ народнаго трибуна Люція Сатурнина, или, быть можетъ, только слывшаго убійцею, въ тотъ же самый завѣдомо суровый уголовный судъ, опираясь на который, если хроника гласитъ истину, царь Туллъ нѣкогда покончилъ съ Горацiемъ, убившимъ свою сестру. Обвиняемымъ былъ нѣкій Гай Рабирій, который, если не убилъ Сатурнина, то по крайней мѣрѣ выставлялъ на показъ голову убитаго за трапезою знатныхъ и вообще пользовался дурною славою среди апулійскихъ землевладѣльцевъ, благодаря своему таланту сыщика и своимъ кровавымъ дѣяніямъ. Если не самому обвинителю, то хоть болѣе умнымъ изъ людей, скрывавшихся за нимъ, далеко не желательно было дать умереть на креслѣ этому презрѣнному человѣку; не безъ удовольствія допустили они, что прежде всего сама форма обвиненія была въ значительной степени смягчена сенатомъ: вслѣдъ за тѣмъ было подъ какимъ-то предлогомъ распущено противною партіею народное собраніе, созванное для произнесенія приговора надъ виновнымъ, а потомъ покончена и вся процедура. Благодаря всему этому, палладіумъ римской свободы, право гражданъ на апелляцію и неприкосновенность народнаго трибуната, былъ еще разъ объявленъ фактическимъ правомъ, и почва демократической юрисдикціи значительно упрощена.

Личныя нападки.

Съ еще большею страстностью выступала демократическая реакція во всѣхъ личныхъ вопросахъ, всюду, гдѣ она только могла или смѣла это сдѣлать. Осторожность внушала ей, правда, не настаивать на возвращеніи прежнимъ владѣльцамъ земель, конфискованныхъ Суллою, изъ опасенія поссориться съ собственными союзниками и вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ борьбу съ матеріальными интересами, съ которыми тенденціозная политика рѣдко въ состояніи помѣриться; съ этимъ имущественнымъ вопросомъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ и вопросъ о возвращеніи эмигрантовъ, такъ что касаться его

казалось неудобнымъ. Взамѣнъ этого дѣлались большія усилія съ цѣлью возвратить дѣтямъ изгнанниковъ отнятыя у нихъ политическія права (691), и вожди сенатской партіи подвергались непрерывнымъ личнымъ нападкамъ. Такъ Гай Меммій затѣялъ въ 688 г. тенденціозный процессъ съ Маркомъ Лукулломъ. Еще болѣе знаменитый братъ его былъ вынужденъ выжидать въ продолженіе трехъ лѣтъ передъ вратами столицы вполнѣ заслуженнаго имъ тріумфа (688—691). Подобно этому были оскорблены Квинтъ Рексъ и завоеватель Крита Квинтъ Метеллъ. Еще большее впечатлѣніе произвело то обстоятельство, что молодой вождь демократіи, Гай Цезарь, не только осмѣлился конкуррировать на должность верховнаго жреца съ двумя наиболѣе значительными членами аристократіи, Квинтомъ Катуломъ и Публіемъ Сервиліемъ, побѣдителемъ при Изаврѣ, но даже одержалъ надъ ними верхъ передъ лицомъ граждань. Наслѣдникамъ Суллы, въ особенности сыну его Фавсту, постоянно грозило требованіе возврата общественныхъ суммъ, будто бы скрытыхъ регентомъ. Поговаривали даже о возобновленіи тѣхъ. возбужденныхъ демократами, обвиненій, которыя были пріостановлены въ 664 г. на основаніи закона Вара. Всего энергичнѣе преслѣдовались, конечно, судомъ личности, замѣшанныя въ расправахъ Суллы. Если квесторъ Маркъ Катонъ, съ его грубоватой честностью, первый сдѣлалъ починъ въ этомъ случаѣ, потребовавъ возврата розданныхъ за убійства премій, какъ имущества, противузаконно отчужденнаго у государства (689), то нельзя удивляться, если въ слѣдующемъ (690) году Гай Цезарь, въ качествѣ президента уголовнаго суда, прямо объявилъ недѣйствительнымъ тотъ параграфъ сулловой конституціи, гдѣ за убійство изгнанника обѣщалась безнаказанность, вызвалъ на судъ присяжныхъ главнѣйшихъ агентовъ Суллы, Люція Катилину, Люція Белліена, Люція Лусція, и отчасти добился ихъ обвиненія.

Реабилитація Сатурнина и Марія. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали вызывать публично и чествовать память такъ долго гонимыхъ героевъ и мучениковъ демократіи. Какимъ образомъ произошла реабилитація Сатурнина, благодаря процессу, начатому противъ его убійцы, было уже разсказано выше. Но совершенно иначе звучало имя Гая Марія, при произнесеніи котораго нѣкогда бились всѣ сердца; случилось такъ, что человѣкъ, которому Италія была обязана своимъ спасеніемъ отъ сѣверныхъ варваровъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дядею тогдашняго вождя демократіи. Громко ликовала толпа, когда въ 688 году, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, Гай Цезарь осмѣлился при погребеніи вдовы Марія публично показать на площади уважаемый образъ умершаго героя. Когда же три года спустя (689) побѣдные знаки, воздвигнутые въ Капитоліѣ Маріемъ и ниспровергнутые Суллою, неожиданно для всѣхъ въ одно прекрасное утро снова заблестѣли на прежнемъ мѣстѣ во всей

красѣ мрамора и золота, тогда инвалиды африканскихъ и кимврскихъ войнъ обступили со слезами на глазахъ изображенія своего любимаго полководца, и, передъ лицомъ ликующей массы, сенатъ не осмѣлился прикоснуться къ трофеямъ, которые были возобновлены тою же смѣлою рукою наперекоръ законамъ.

Ничтожность результатовъ, добытыхъ демократами.

Всѣ эти распри и происки, несмотря на шумъ, производимый ими, имѣли все таки весьма второстепенное значеніе съ политической точки зрѣнія. Олигархія была побѣждена, и демократія стояла во главѣ управленія. Что самые малые и ничтожные люди торопились нанести ударъ повергнутому на землю врагу; что демократы также имѣли свою юридическую почву и свой культъ принциповъ; что ихъ доктринеры не успокоились, прежде чѣмъ возстановили во всѣхъ подробностяхъ всѣ привиллегіи общины, причемъ нерѣдко становились смѣшными, какъ бываетъ вообще съ легитимистами,—все это столь же понятно, какъ и маловажно. Взятая въ совокупности агитація была безцѣльна, и въ ней замѣчается затрудненіе ея виновниковъ найти предметъ для своей дѣятельности, такъ что она какъ-бы сама себя упразднила во всемъ существенномъ и вращалась вокругъ второстепенныхъ вопросовъ. Иначе и не могло быть. Въ борьбѣ съ аристократами демократы остались побѣдителями; но они побѣдили не одни, и имъ предстоялъ еще искусъ—сведеніе счетовъ не съ прежнимъ врагомъ, а съ всесильнымъ союзникомъ, которому они главнымъ образомъ были обязаны своей побѣдою въ борьбѣ съ аристократіею и которому они теперь сами вручили безпримѣрную политическую и военную власть потому только, что не имѣли смѣлости отказать ему въ ней.

Предстоявшее столкновеніе между демократами и Помпеемъ.

Главнокомандующій надъ востокомъ и надъ морями былъ пока все еще занятъ возведеніемъ и низложеніемъ царей; сколько времени потребуется ему на это, когда сочтетъ онъ оконченнымъ свое военное дѣло—этого никто не могъ бы рѣшить, кромѣ его самого, такъ какъ, подобно всему остальному, и эпоха его возвращенія въ Италію, т. е. рѣшительная минута, зависѣла отъ него. Тѣмъ временемъ партіи въ Римѣ бездѣйствовали и выжидали. Оптиматы, правда, сравнительно спокойно ожидали возвращенія грознаго полководца; при разрывѣ между Помпеемъ и демократіею, приближеніе котораго было ясно и для нихъ, они ничѣмъ не рисковали, а могли только выиграть. Демократы, напротивъ того, ожидали этого событія съ томительнымъ страхомъ и пользовались срокомъ, даннымъ имъ отсутствіемъ Помпея, для подведенія контръ-мины противъ грозившаго имъ взрыва.

Планы учрежденія демократической воен-

Въ этомъ случаѣ демократы снова сходились съ Крассомъ, которому, для того чтобы помѣриться съ ненавистнымъ соперникомъ, возбуждавшимъ его зависть, ничего не оставалось дѣлать, какъ только соединиться снова и тѣснѣе, чѣмъ прежде, съ демократіею.

ной диктатуры. Еще во время первой коалиціи Цезарь и Крассъ, какъ наиболѣе слабые изъ всѣхъ, были особенно близки другъ другу; общность интересовъ и опасности еще болѣе сплотила связь, которая тѣсно соединяла самаго богатаго съ наиболѣе задолжавшимъ изъ римскихъ гражданъ. Въ то самое время, когда демократы всенародно называли отсутствующаго полководца главою и гордостью своей партіи и, казалось, устремляли всѣ свои стрѣлы противъ аристократіи, они втихомолку вооружались противъ Помпея; эти попытки демократіи избавиться отъ грозившей ей военной диктатуры имѣютъ гораздо важнѣйшее историческое значеніе, чѣмъ шумная и по большей части только кажущаяся агитація противъ знати. Правда, они дѣйствовали во мракѣ, на который преданіе бросаетъ только рѣдкіе лучи свѣта, такъ какъ не только тогдашнее время, но и будущее имѣло основаніе накинуть на все это дѣло покровъ. Но все таки въ общемъ, какъ цѣли, такъ и ходъ этихъ стремленій вполнѣ ясны: военная власть могла быть съ успѣхомъ парализована только другою военною же властью. Демократы имѣли намѣреніе овладѣть, по примѣру Марія и Цинны, браздами правленія, поручить вслѣдъ за тѣмъ одному изъ своихъ вождей завоеваніе Египта, испанское намѣстничество, или другую подобную штатную или чрезвычайную должность, и найти въ немъ и его войскѣ противовѣсъ противъ Помпея и его арміи. Для этого они нуждались въ революціи, направленной для виду противъ номинальнаго правительства, на дѣлѣ же противъ Помпея, *) какъ будущаго монарха; для того же чтобы достигнуть этой революціи, заговоры не прекращались въ Римѣ, начиная съ обнародованія законовъ Габинія и Манилія вплоть до возвращенія Помпея (688—692). Столица была въ страшномъ напряженіи; подавленное настроеніе духа капиталистовъ, прекращеніе платежей, частыя банкротства были предвѣстниками готовившагося переворота, который, казалось, долженъ былъ совершенно измѣнить положеніе партій. Замыселъ демократовъ, цѣлившихся черезъ сенатъ въ Помпея, казалось, подготовлялъ примиреніе между ними. Демократія же, стараясь противопоставить диктатурѣ Помпея диктатуру другого, болѣе пригоднаго для нея человѣка, въ сущности признавала въ свою очередь

---

*) Тому, кто окинетъ взоромъ политическія обстоятельства этого времени, не нужно особыхъ доказательствъ, что конечною цѣлью демократическихъ махинацій 688 года было ниспроверженіе не сената, а Помпея. Впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ подобныхъ доказательствахъ. Что законы Габинія и Манилія нанесли смертельный ударъ демократіи, это сообщаетъ намъ Саллюстій (Cat., 39); что заговоръ 688—689 годовъ и Сервиліева „рогація" были спеціально направлены противъ Помпея, точно также, достовѣрно извѣстно (Sallust., Cat., 19; Val. Max., 6, 2, 4; Cic., de lege agr., 2, 17, 46). Наконецъ отношеніе Красса къ заговору достаточно ясно доказываетъ, что онъ былъ направленъ противъ Помпея.

военную власть, и, такъ сказать, изгоняла одно зло другимъ; въ ея рукахъ принципіальный вопросъ сдѣлался вопросомъ личнымъ.

И такъ, вступленіемъ къ революціи, задуманной вождями демократіи, должно было служить паденіе существующаго правительства, какъ послѣдствіе возстанія, подготовленнаго въ Римѣ демократическими заговорщиками. Нравственное состояніе, какъ низшихъ, такъ и высшихъ слоевъ столичнаго общества давало для этого матеріалъ въ самомъ ужасающемъ обиліи. Здѣсь не мѣсто повторять, каковы были свойства столичнаго пролетаріата, состоявшаго, какъ изъ свободныхъ людей, такъ и изъ рабовъ. Уже раздалось то многознаменательное слово, что только бѣднякъ можетъ быть представителемъ бѣдняковъ; — мысль, что масса бѣдныхъ можетъ также хорошо, какъ и олигархія богатыхъ, сплотиться въ самостоятельную силу и, вмѣсто того, чтобы дать тиранить себя, въ свою очередь разыграть роль тирана — уже пробудилась. Но и въ кругу знатной молодежи подобныя мысли находили отзвукъ. Модная столичная жизнь разстроивала не только состоянія, но и духовную и тѣлесную силу. Этотъ изящный міръ надушенныхъ кудрей, модныхъ усовъ и манжетъ, какъ ни веселилась въ немъ молодежь за танцами и игрою на цитрѣ, или поздней ночью за кубкомъ вина, скрывалъ все таки въ себѣ ужасающую бездну нравственнаго и экономическаго разложенія, худо или хорошо скрытаго отчаянія и безумныхъ или мошенническихъ плановъ. Въ этихъ кругахъ, не скрывая этого, вздыхали по временамъ Цинны, съ ихъ частыми осужденіями на изгнаніе, конфискаціями и уничтоженіемъ долговыхъ книгъ; было немало людей, а въ ихъ числѣ и лицъ высокаго происхожденія, которые выжидали только знака, для того чтобы, точно шайка разбойниковъ, кинуться на гражданское общество и снова награбить себѣ прокученное ими состояніе. Тамъ, гдѣ образуется шайка, не бываетъ недостатка въ вождяхъ; и здѣсь скоро нашлись люди, годившіеся на роль разбойничьихъ атамановъ. Бывшій преторъ Люцій Катилина и квесторъ Гней Пизонъ отличались отъ своихъ товарищей не одной только знатностью происхожденія и высокимъ саномъ. Они окончательно сожгли корабли свои и вліяли на сообщниковъ столько же своимъ знатнымъ происхожденіемъ, какъ и дарованіями. Въ особенности Катилина былъ преступнѣе всѣхъ въ это развращенное время. Его мошенническіе поступки принадлежатъ не къ области исторіи, а должны бы быть занесены въ криминальные акты; уже одна внѣшность его: блѣдное лицо, дикій взглядъ, то вялая, то торопливая походка — говорили о его таинственномъ прошломъ. Онъ обладалъ въ высшей степени тѣми свойствами, которые требуются отъ вождя подобной шайки: способностью всѣмъ наслаждаться и безъ всего обходиться, мужествомъ, военными дарованіями, знаніемъ людей, энергіею прес-

Союзъ демократовъ съ анархистами.

Катилина.

тупника и той страшной школой порока, которая приводитъ слабаго къ гибели и изъ человѣка павшаго умѣетъ воспитать преступника.—Составить изъ такихъ элементовъ заговоръ для ниспроверженія существующаго порядка не могло представлять трудностей для людей, имѣвшихъ деньги и политическое вліяніе. Катилина, Пизонъ и ихъ единомышленники охотно соглашались на всякій планъ, обѣщавшій имъ изгнаніе ихъ противниковъ и кассацію долговыхъ книгъ; первый былъ къ тому же въ особой враждѣ съ аристократіею, которая воспротивилась избранію въ консулы этого отверженнаго человѣка. Подобно тому, какъ нѣкогда, въ качествѣ сыщика Суллы, онъ травилъ во главѣ кельтскаго отряда изгнанниковъ и въ томъ числѣ умертвилъ собственною рукою своего престарѣлаго зятя, такъ и теперь онъ охотно сулилъ противной партіи подобныя же услуги. Тайный союзъ былъ основанъ. Число принятыхъ въ него лицъ превышало, говорятъ, четыреста человѣкъ; союзъ имѣлъ членовъ во всѣхъ мѣстностяхъ и городскихъ общинахъ Италіи; кромѣ того, вполнѣ понятно, что къ возстанію, внесшему въ свою программу погашеніе долговыхъ обязательствъ, должны были безъ зова стекаться многочисленные приверженцы изъ рядовъ безпутной молодежи.

Неудача перваго заговора.

Въ декабрѣ 688 года—такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ—вожди союза нашли, какъ имъ казалось, хорошій поводъ къ нанесенію перваго удара. Оба консула, избранные на 689 годъ, Публій Корнелій Сулла и Публій Автроній Пэтъ, были незадолго передъ тѣмъ уличены судомъ въ подкупѣ избирателей и, вслѣдствіе этого, лишены законнымъ путемъ права на высшую должность. Вскорѣ оба они приступили къ союзу. Заговорщики рѣшились силою доставить имъ консульство и этимъ самымъ завладѣть лично высшею государственною властью. Въ тотъ день, когда новымъ консуламъ надлежало вступить въ должность, 1 января 689 года, курія должна была быть осаждена толпою вооруженныхъ лицъ, новые консулы и другія, впередъ избранныя жертвы умерщвлены, а Сулла и Пэтъ, послѣ кассаціи судебнаго приговора, удалявшаго ихъ отъ должности, провозглашены консулами. Крассъ долженъ былъ тогда сдѣлаться диктаторомъ, Цезарь—принять на себя должность предводителя всадниковъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы собрать значительныя военныя силы, пока Помпей былъ занятъ на далекомъ Кавказѣ. Начальники и рядовые были уже набраны и получили необходимыя указанія; Катилина ожидалъ въ назначенный день вблизи ратуши условнаго сигнала, который долженъ былъ ему подать Цезарь по знаку Красса. Но онъ ждалъ тщетно; Крассъ отсутствовалъ въ этомъ важномъ засѣданіи совѣта, и такимъ образомъ распалось на этотъ разъ задуманное возстаніе. Подобный же, но только еще болѣе обширный планъ убійства былъ тогда задуманъ на пятое февраля; но и этотъ

планъ не удался, такъ какъ Катилина подалъ знакъ слишкомъ рано, еще прежде чѣмъ успѣли собраться нанятые бандиты. Между тѣмъ, тайна стала разглашаться. Правительство не смѣло, правда, открыто возстать противъ заговора, но дало, однако, подвергавшимся опасности консуламъ стражу и противопоставило шайкѣ заговорщиковъ другую, оплачиваемую правительствомъ. Для того, чтобы удалить Пизона, было сдѣлано предложеніе отправить его въ Западную Италію, въ качествѣ квестора, съ преторскими полномочіями, на что согласился Крассъ, въ надеждѣ воспользоваться, благодаря ему, средствами этой важной области для нуждъ возстанія. Болѣе обширныя предложенія были пріостановлены трибунами. Такъ гласитъ преданіе, очевидно передающее слухи, носившіеся въ правительственныхъ сферахъ, хотя достовѣрность ихъ въ частностяхъ остается недоказанною, за невозможностью какой-либо провѣрки. Что-же касается главнаго вопроса, именно, участія Цезаря и Красса въ заговорѣ, то, конечно, показанія ихъ политическихъ противниковъ не могутъ считаться достаточнымъ доказательствомъ. Но явная ихъ дѣятельность въ эту эпоху поразительно совпадаетъ съ негласною, приписываемою имъ этими показаніями. Что Крассъ, бывшій въ этомъ году цензоромъ, дѣлалъ попытку занести Транспаданцевъ въ гражданскіе списки, было уже вполнѣ революціонной попыткой. Еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что при этомъ же случаѣ Крассъ старался занести и Египетъ съ Кипромъ въ списокъ римскихъ государственныхъ земель *), и что Цезарь около того же времени (689 или 690 г.) предложилъ гражданамъ чрезъ трибуновъ послать его въ Египетъ, для того чтобы снова водворить тамъ изгнаннаго Александрійцами царя Птолемея. Махинаціи эти зловѣщимъ образомъ совпадаютъ съ обвиненіями, высказываемыми противниками Цезаря и Красса. Достовѣрнаго здѣсь ничего нельзя сказать, но весьма вѣроятно, что Цезарь и Крассъ задумали завладѣть во время отсутствія Помпея военною диктатурою, что Египетъ долженъ былъ служить базисомъ для этой демократической

---

*) Плутархъ, Крассъ, 13; Цицеронъ, de l. agr., 2. 17, 44. Къ этому году (689) относится и рѣчь Цицерона: de rege Alexandrino, неправильно относимая къ 698 году. Въ ней, какъ ясно видно изъ сохранившихся отрывковъ, Цицеронъ опровергаетъ мнѣніе Красса, будто, на основаніи завѣщанія царя Александра, Египетъ сдѣлался римской собственностью. Юридическій вопросъ этотъ могъ и долженъ былъ обсуждаться именно въ 689 году; въ 698 же году онъ, благодаря Юліеву закону 695 года, былъ уже лишенъ всякаго значенія. Къ тому же, въ 698 году дѣло шло вовсе не о томъ, кому принадлежитъ Египетъ, а о водвореніи царя, изгнаннаго во время возстанія, и при этихъ, намъ точно извѣстныхъ переговорахъ, Крассъ не игралъ никакой роли. Наконецъ и самъ Цицеронъ, послѣ конференціи въ Лукѣ, отнюдь не былъ въ состояніи серьозно противиться одному изъ тріумвировъ.

военной силы и что, наконецъ, инсуррекціонная попытка 689 года была задумана для осуществленія этихъ замысловъ, такъ что Катилина и Пизонъ были только орудіями въ рукахъ Красса и Цезаря.

Возобновленіе заговора.

На нѣкоторое время заговоръ пріостановился. Произошли выборы на 690 годъ, при чемъ Цезарь и Крассъ не возобновили своей попытки завладѣть консульствомъ; быть можетъ, этому содѣйствовало то обстоятельство, что родственникъ вождя демократіи, Люцій Цезарь, безхарактерный человѣкъ, нерѣдко служившій орудіемъ своему родственнику, добивался на этотъ разъ консульства. Тѣмъ временемъ извѣстія изъ Азіи понуждали къ ускоренію дѣйствій. Малоазіатскія и армянскія дѣла были уже вполнѣ устроены. Какъ ни силились доказать демократическіе стратеги, что война съ Митридатомъ могла считаться оконченною лишь со взятіемъ въ плѣнъ царя, и что поэтому необходимо было снова начать травлю вокругъ Чернаго моря и, главное, держаться какъ можно дальше отъ Сиріи,—Помпей, не обращая вниманія на эту болтовню, выступилъ весною 690 года изъ Арменіи и двинулся къ Сиріи. Если Египетъ дѣйствительно былъ избранъ главною квартирою демократовъ, то медлить было нечего; иначе Помпей легко могъ появиться тамъ раньше Цезаря. Заговоръ 688 года, отнюдь не подавленный слабыми и робкими репрессивными мѣрами, снова пробудился, когда подошло время для выборовъ въ консулы на 691 годъ. Личности, участвовавшія въ немъ, были, вѣроятно, въ главныхъ чертахъ тѣже самыя; планъ также мало измѣнился. Вожди движенія снова держались позади. Соискателями консульской должности выставили они на этотъ разъ самого Катилину и Гая Антонія, младшаго сына оратора, брата полководца, пользовавшагося дурной славою еще съ Крита. Въ Катилинѣ заговорщики были увѣрены; Антоній, бывшій нѣкогда приверженцемъ Суллы, какъ и Катилина, и подобно ему вызванный за это въ судъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ демократическою партіею и изгнанный изъ сената, вообще же человѣкъ безхарактерный, незначительный, ни въ какомъ отношеніи не годный на роль вождя, вполнѣ раззорившійся, охотно сдѣлался орудіемъ демократовъ изъ-за консульства и связанныхъ съ нимъ выгодъ. При помощи этихъ консуловъ вожди возстанія намѣревались завладѣть браздами правленія, захватить оставшихся въ столицѣ дѣтей Помпея въ качествѣ заложниковъ, и вооружаться противъ него, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. При первомъ же извѣстіи о произведенномъ въ столицѣ переворотѣ, намѣстникъ Гней Пизонъ долженъ былъ поднять знамя возстанія въ западной Испаніи. Сообщеніе съ нимъ не могло происходить морскимъ путемъ, такъ какъ Помпей господствовалъ на морѣ; для этого разсчитывали на Транспаданцевъ, старинныхъ кліентовъ демократіи, среди которыхъ происходило сильное броженіе и которые, конечно, немед-

ленно получили бы за это гражданскія права; далѣе расчитывали и на различныя кельтскія племена *). Вплоть до Мавританіи простирались нити этого союза. Одинъ изъ заговорщиковъ, римскій оптовой торговецъ Публій Ситтій изъ Нуцеріи, вынужденный удалиться изъ Италіи вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, вооружилъ какъ тамъ, такъ и въ Испаніи, отрядъ отчаянныхъ людей и скитался съ ними, въ качествѣ предводителя волонтеровъ, въ западной Африкѣ, гдѣ онъ имѣлъ старинныя торговыя сношенія.

Демократическая партія напрягала всѣ свои силы для избирательной борьбы. Крассъ и Цезарь ставили на карту деньги—неизвѣстно, собственныя-ли или занятыя—и свои связи, для того чтобы доставить Катилинѣ и Антонію консульство; Катилина съ товарищами напрягали всѣ нервы, чтобы поставить во главѣ правленія человѣка, обѣщавшаго имъ должности и санъ жрецовъ, дворцы и помѣстья ихъ противниковъ, а главное освобожденіе отъ долговъ,—человѣка, про котораго они къ тому же знали, что онъ сдержитъ слово. Аристократія была въ большомъ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что она не могла даже противопоставить демократамъ встрѣчныхъ кандидатовъ. Что подобный кандидатъ рисковалъ бы своей головою, было очевидно; времена прошли, когда опасныя должности заманивали гражданъ,—теперь даже честолюбіе умолкало передъ страхомъ. Такимъ образомъ аристократія ограничилась слабою попыткою помѣшать избирательнымъ злоупотребленіямъ обнародованіемъ новаго закона относительно продажности голосовъ,—что, впрочемъ, неудалось, благодаря вмѣшательству одного народнаго трибуна,—и дала свои голоса кандидату, который, правда, не былъ ей особенно пріятенъ, но былъ, по крайней мѣрѣ, безвреденъ. То былъ Маркъ Цицеронъ, извѣстный политическій лицемѣръ **), привыкшій заигрывать то съ демократами, то съ Помпеемъ, то нѣсколько издали и съ аристократами, и оказывать адвокатскія услуги всякому вліятельному обвиненному, не разбирая личности или партіи,—даже Катилина считался въ числѣ его кліентовъ. Въ сущности онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, или, что почти тоже самое, держался партіи матеріальныхъ выгодъ, господствовавшей въ судахъ и любившей краснорѣчиваго ходатая по дѣламъ, вѣжливаго и остроумнаго собесѣдника. У него было достаточно связей въ столицѣ

Выборы консуловъ.

*) Въ Амбранахъ (Suet., Caes., 9), вѣроятно, не слѣдуетъ видѣть упоминаемыхъ вмѣстѣ съ Кимврами Амброновъ (Плут., Мар. 19); тутъ, вѣроятно, описка вмѣсто Arverni.

**) Наивнѣе нельзя выразиться, чѣмъ сдѣлалъ это его собственный братъ (de pet. cons., 1, 5, 13, 51, 53) въ 690 году. Въ подтвержденіе этого люди безпристрастные прочтутъ не безъ интереса вторую рѣчь противъ Рулла, гдѣ „первый демократическій консулъ“, весьма забавно проводя публику, развиваетъ передъ нею понятіе „о настоящей демократіи“.

и провинціальныхъ городахъ, для того чтобы имѣть шансы наряду съ кандидатами демократіи; и такъ какъ знать, хотя и неохотно, а также приверженцы Помпея подавали голосъ за него, то онъ и былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Оба демократическіе кандидата имѣли почти равное число голосовъ, но Антоній, семейство котораго пользовалось большимъ значеніемъ, чѣмъ семейство его конкуррента, получилъ нѣсколько лишнихъ голосовъ. Случай этотъ помѣшалъ избранію Катилины и спасъ Римъ отъ второго Цинны. Еще раньше этого событія былъ умерщвленъ въ Испаніи туземною эскортою Пизонъ, какъ говорятъ, по наущенію его политическаго и личнаго врага, Помпея *). Съ однимъ только консуломъ Антоніемъ ничего нельзя было сдѣлать; Цицеронъ порвалъ хрупкую связь, соединившую его съ заговоромъ, еще прежде чѣмъ оба они вступили въ должность, отказавшись отъ своего законнаго права бросить жребій о консульскихъ провинціяхъ, и предоставивъ сильно задолжавшему товарищу своему доходное намѣстничество въ Македоніи. Такимъ образомъ распались существеннѣйшія условія успѣха и этого плана.

Новые замыслы заговорщиковъ. Тѣмъ временемъ восточныя дѣла принимали опасный оборотъ для демократіи. Устроеніе Сиріи быстро подвигалось впередъ; изъ Египта были уже сдѣланы Помпею предложенія вступить въ эту страну и занять ее для Рима; можно было опасаться вслѣдъ за тѣмъ извѣстія о занятіи Помпеемъ долины Нила. Это обстоятельство вызвало, быть можетъ, попытку Цезаря добиться для себя у народа командировки въ Египетъ, для оказанія тамошнему царю поддержки противъ его возставшихъ подданныхъ; попытка эта разбилась, кажется, о нежеланіе какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, предпринять что либо, противное интересамъ Помпея. Возвращеніе Помпея, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣроятная катастрофа, все приближались; какъ часто ни обрывался лукъ, все-таки слѣдовало попытаться натянуть его вновь. Въ городѣ происходило глухое броженіе; частыя совѣщанія вождей движенія доказывали, что что-то снова подготовлялось.

Аграрный законъ Сервилія. Въ чемъ состояли эти приготовленія, обнаружилось, когда вступили въ должность новые народные трибуны (10 декабря 690 года) и когда одинъ изъ нихъ, Публій Сервилій Руллъ, предложилъ новый аграрный законъ, который долженъ былъ доставить вождямъ демократіи такое же положеніе, какое занялъ Помпей на основаніи габино-манилiевыхъ законовъ. Номинальною цѣлью служило основаніе въ Италіи колоній, земли для которыхъ не должны были, однако, пріобрѣтаться посредствомъ экспропріаціи; — напротивъ того, всѣ уже существующія частныя права получали гарантіи, и даже противозаконныя окупаціи новѣйшаго времени превращались въ пол-

*) Уцѣлѣвшая еще могильная надпись его гласитъ: Cn. Calpurnius Cn. f. Piso quaestor pro pr. ex s. c. provinciam Hispaniam citeriorem optinuit.

ную собственность. Однѣ только отданныя въ аренду государственныя земли въ Кампаніи должны были быть раздроблены и колонизованы, въ остальныхъ же правительство должно было покупать обыкновеннымъ способомъ земли, предназначенныя для раздачи. Чтобы добыть необходимыя для этого суммы, должны были поочередно продаваться всѣ государственныя земли, какъ въ самой Италіи, такъ преимущественно внѣ ея; подъ ними въ особенности понимались бывшія царскія помѣстья въ Македоніи ѳракійскомъ Херсоннесѣ, Виѳиніи, Понтѣ, Киренѣ; далѣе, всѣ городскія владѣнія въ Испаніи, Африкѣ, Сициліи, Элладѣ, Киликіи, завоеванныя Римомъ и взятыя въ полную собственность. Продаваться должно было точно также все движимое и недвижимое имущество, пріобрѣтенное государствомъ съ 666 года, и которымъ оно до той поры еще не распорядилось; при этомъ главнѣйшимъ образомъ имѣлись въ виду Египетъ и Кипръ. Для той же цѣли были обложены весьма высокими податями и десятинами всѣ подвластныя Риму общины, за исключеніемъ городовъ съ латинскою юрисдикціею и прочихъ вольныхъ городовъ. Для этихъ покупокъ былъ назначенъ, наконецъ, и доходъ съ новыхъ провинціальныхъ налоговъ, начиная съ 692 года, и выручка со всей добычи, еще не распредѣленной законнымъ путемъ; мѣры эти относились къ новымъ налогамъ, назначеннымъ Помпеемъ на востокѣ, и къ общественнымъ суммамъ, находившимся еще въ рукахъ какъ Помпея, такъ и наслѣдниковъ Суллы. Для примѣненія этихъ мѣръ должны были избираться коммиссіи изъ десяти членовъ, съ собственной юрисдикціей и властью; коммиссіи эти должны были оставаться въ силѣ въ продолженіе пяти лѣтъ и окружить себя 200 второстепенныхъ должностныхъ лицъ изъ всадническаго сословія; при избраніи же десяти членовъ могли приниматься въ соображеніе только тѣ кандидаты, которые явились бы лично и, какъ это дѣлалось при избраніи жрецовъ, только семнадцать изъ тридцати пяти округовъ могли по жребію участвовать въ выборахъ. Не нужно было большой проницательности, чтобы убѣдиться въ томъ, что изъ этой коллегіи десяти хотѣли создать силу, похожую на созданную Помпеемъ, только нѣсколько менѣе воинственную и съ болѣе демократической окраской. Судебная власть требовалась въ особенности для рѣшенія египетскаго вопроса, военная власть для вооруженій противъ Помпея; параграфъ, воспрещавшій избраніе лица отсутствующаго, устранялъ Помпея, а уменьшеніе числа избирательныхъ округовъ, равно какъ и весь пріемъ метанія жребія, должны были облегчить руководство выборами въ духѣ демократіи. Попытка эта, однако, совершенно не достигла цѣли. Чернь, которой было гораздо удобнѣе получать рожь изъ общественныхъ складовъ, въ прохладныхъ римскихъ портикахъ, чѣмъ воздѣлывать почву въ потѣ лица, встрѣтила предложеніе съ величайшимъ равнодушіемъ. Она вскорѣ

постигла, что Помпей никакъ не согласится на подобное, столь обидное для него во всѣхъ отношеніяхъ, постановленіе, и что дѣла партіи, которая въ минуту томительнаго страха рѣшается на такія эксцентрическія предложенія, должны быть плохи. При такихъ обстоятельствахъ правительству было не трудно парализовать предложеніе; новый консулъ Цицеронъ воспользовался случаемъ еще разъ проявить свою способность пользоваться всѣми лазейками; еще прежде, чѣмъ бывшіе наготовѣ трибуны успѣли протестовать, самъ виновникъ предложенія уже взялъ его назадъ (1 января 691). Демократія ничего не пріобрѣла, кромѣ нерадостнаго сознанія, что масса, изъ привязанности или страха, все еще держалась за Помпея, и что каждое предложеніе, въ которомъ публика усматривала вредъ ему, должно было неминуемо пасть.

Вооруженія анархистовъ въ Этруріи. Утомленный всѣми этими тщетными подкопами и безполезными планами, Катилина задумалъ добиться рѣшенія дѣла и покончить съ нимъ разъ навсегда. Въ теченіе лѣта онъ принялъ мѣры для того, чтобы начать междоусобную войну. Фезулы (Фіезоле), сильно укрѣпленный городъ въ Этруріи, кишившій людьми обѣднѣвшими и заговорщиками и бывшій пятнадцать лѣтъ назадъ очагомъ лепидова возстанія, снова былъ избранъ главною квартирой инсургентовъ. Туда направлялись денежныя посылки, въ которыхъ въ особенности участвовали замѣшанныя въ заговорѣ столичныя знатныя дамы; тамъ набирали солдатъ и оружіе; старый вождь временъ Суллы, Гай Манлій, человѣкъ храбрый и свободный отъ всякихъ угрызеній совѣсти, какъ любой ланцкнехтъ, временно принялъ на себя главное начальство. Подобныя же приготовленія, хотя и менѣе обширныя, дѣлались и на другихъ пунктахъ Италіи. Транспаданцы были въ такомъ возбужденіи, что, казалось, только ждали сигнала для начала борьбы. Въ бруттской странѣ, на восточномъ побережьѣ Италіи, въ Капуѣ, гдѣ всюду были скоплены большими массами невольники, казалось, готовилось второе возстаніе рабовъ, въ родѣ возстанія Спартака... И въ самой столицѣ что-то подготовлялось; тотъ, кто видѣлъ вызывающую осанку, съ которою появлялись передъ городскимъ преторомъ призываемые къ нему должники, долженъ былъ вспомнить сцены, предшествовавшія убійству Азеллія. Капиталисты находились въ безконечномъ страхѣ; пришлось энергически возобновить воспрещеніе вывоза золота и серебра и учредить надзоръ за главными портами. Планъ заговорщиковъ состоялъ въ томъ, чтобы при выборахъ консуловъ на 692 годъ, гдѣ кандидатомъ снова являлся Катилина, безъ церемоніи умертвить руководившаго выборами консула, равно какъ и прочихъ неудобныхъ соискателей, во что бы то ни стало добиться избранія Катилины, въ случаѣ нужды направить даже на столицу изъ Фезулъ и другихъ сборныхъ пунктовъ вооруженные отряды и, съ помощью ихъ, сломить всякое сопротивленіе.

Избраніе Катилины на консульство снова неудается.

Цицеронъ, всегда быстро и основательно увѣдомляемый своими агентами о ходѣ переговоровъ, заявилъ въ день, назначенный для выборовъ (20 октября), въ полномъ засѣданіи сената и въ присутствіи главныхъ вождей заговорщиковъ, о существованіи заговора. Катилина не унизился до лжи; онъ дерзко отвѣтилъ, что если выборъ на должность консула падетъ на него, то партія сильная, но лишенная вождя, не останется, дѣйствительно, безъ главы въ борьбѣ съ незначительною партіею, предводительствуемою жалкими руководителями. Но такъ какъ осязательныхъ доказательствъ существованія заговора не было, то отъ робкаго сената можно было добиться только того, что онъ обыкновеннымъ способомъ далъ впередъ свою санкцію тѣмъ исключительнымъ мѣрамъ, которыя были признаны чиновниками за цѣлесообразныя (21 октября). Такимъ образомъ приближалась избирательная борьба, на этотъ разъ болѣе похожая на битву, чѣмъ на выборы, такъ какъ и Цицеронъ организовалъ себѣ вооруженную стражу изъ молодежи, особенно купеческаго сословія; его вооруженные люди заняли все Марсово поле и господствовали на немъ 28 октября, въ тотъ день, до котораго выборы были отложены по распоряженію сената. Заговорщикамъ не удалось ни умертвить руководившаго выборами консула, ни рѣшить выборы въ своемъ духѣ.

Вспышка возстанія въ Этруріи.

Тѣмъ временемъ началась междоусобная война. 27 Октября Гай Манлій водрузилъ въ Фезулахъ орла, вокругъ котораго должна была группироваться армія мятежниковъ,—то былъ одинъ изъ орловъ Марія, изъ временъ кимврской войны, — и вызвалъ горныхъ разбойниковъ и сельское населеніе присоединиться къ нему. Его воззванія, опираясь на старинныя традиціи народной партіи, требовали освобожденія отъ подавляющей тяжести долговъ и смягченія долговыхъ процессовъ, которые, если долги превышали состояніе должника, дѣйствительно все еще юридически влекли за собою для него утрату свободы. Казалось, что столичная чернь, выступая какъ-бы законной преемницей древняго плебейско-крестьянскаго сословія и давая свои сраженія подъ сѣнью достославныхъ орловъ кимврскихъ войнъ, хотѣла запятнать не только настоящее, но и прошлое Рима. Но эта вспышка возстанія осталась, однако, одиночнымъ явленіемъ; въ другихъ сборныхъ пунктахъ заговоръ не поднялся выше скопленія оружія и учрежденія тайныхъ сборищъ, такъ какъ всюду оказалось полное отсутствіе энергическихъ вождей. Это было счастьемъ для правительства, — какъ ни открыто провозглашалась уже довольно долгое время междоусобная война, тѣмъ не менѣе собственная нерѣшительность и тяжеловѣсность заржавѣвшей правительственной машины не дозволяли администраціи сдѣлать какія-либо военныя приготовленія. Лишь теперь только была созвана милиція и командированы въ различныя мѣстно-

сти Италіи офицеры для подавленія, каждымъ въ своемъ округѣ, мятежа; вмѣстѣ съ тѣмъ были высланы изъ столицы невольники гладіаторы и назначены патрули изъ опасенія поджоговъ.

Римскіе заговорщики. Катилина находился въ весьма мучительномъ состояніи. По его предположеніямъ возстаніе должно было вспыхнуть при консульскихъ выборахъ одновременно въ столицѣ и въ Этруріи; неудача перваго и вспышка второго движенія подвергали опасности, какъ его лично, такъ и успѣхъ всего предпріятія. Послѣ того, какъ его приверженцы взялись при Фезулахъ за оружіе противъ правительства, ему неудобно было оставаться долѣе въ Римѣ, а между тѣмъ ему не только важно было хоть теперь склонить столичныхъ заговорщиковъ къ быстрому началу дѣйствій, но это должно было еще совершиться, прежде чѣмъ онъ покинетъ Римъ— такъ какъ онъ слишкомъ хорошо зналъ своихъ пособниковъ, чтобы положиться въ этомъ случаѣ на нихъ. Наиболѣе выдающіеся изъ заговорщиковъ, Публій Лентулъ Сура, консулъ 683 года, впослѣдствіи изгнанный изъ сената, теперь же снова сдѣлавшійся преторомъ, для того чтобы вернуться туда, и два бывшіе претора, Публій Автроній и Люцій Кассій, были люди неспособные. Лентулъ былъ просто аристократъ, хвастливый и съ большими претензіями, но медленный въ пониманіи и нерѣшительный въ дѣйствіи; Автроній ничѣмъ не отличался, кромѣ крикливаго голоса; что же касается Люція Кассія, то никто не могъ понять, какимъ образомъ такой тучный и простоватый человѣкъ попалъ въ число заговорщиковъ. Болѣе способныхъ же участниковъ, въ родѣ молодого сенатора Гая Цетега и всадниковъ Люція Статилія и Публія Габинія Капитона, Катилина не смѣлъ поставить во главѣ заговора, такъ какъ даже въ кругу заговорщиковъ еще господствовала традиціонная сословная іерархія и сами анархисты не надѣялись бы восторжествовать, еслибъ во главѣ ихъ не стоялъ консуларъ или, по крайней мѣрѣ, преторіанецъ. Вслѣдствіе этого, какъ ни настоятельно призывало инсуррекціонное войско своего полководца и какъ ни опасно было для него самого оставаться долѣе въ центрѣ администраціи, Катилина рѣшился, однако, пробыть еще нѣкоторое время въ Римѣ. Привыкнувъ импонировать своимъ робкимъ противникамъ дерзкой заносчивостью, онъ показывался публично, какъ на площади, такъ и въ ратушѣ, и отвѣчалъ на угрозы, сыпавшіяся тамъ на него, просьбою не доводить его до крайности, такъ какъ человѣкъ, чей домъ поджигаютъ, бываетъ вынужденъ потушить пожаръ подъ грудою развалинъ. И дѣйствительно, ни частныя лица, ни цѣлыя вѣдомства не рѣшались наложить руку на этого опаснаго человѣка; вызовъ его въ судъ однимъ молодымъ аристократомъ по обвиненію въ превышеніи власти, имѣлъ весьма мало значенія, такъ какъ, еще прежде чѣмъ процессъ могъ быть оконченъ, дѣло давно уже должно было

рѣшиться въ другомъ мѣстѣ. Замыслы Катилины неудались еще главнѣйшимъ образомъ благодаря тому, что агенты правительства втѣснились въ кругъ заговорщиковъ и постоянно увѣдомляли его о всѣхъ подробностяхъ заговора. Когда, напримѣръ, заговорщики появились передъ важною крѣпостью Пренестой (1 ноября), которую они надѣялись завладѣть посредствомъ неожиданнаго нападенія, они нашли гарнизонъ уже предупрежденымъ и совсѣмъ наготовѣ; такимъ же образомъ неудалось и все остальное. Не смотря на всю свою отвагу, Катилина нашелъ однако полезнымъ назначить теперь свой отъѣздъ на одинъ изъ ближайшихъ дней; но еще прежде этого, въ одно изъ послѣднихъ собраній заговорщиковъ, ночью съ 6 на 7 ноября, было рѣшено по его настоянію умертвить, еще до отъѣзда вождя, консула Цицерона, главнымъ образомъ руководившаго контръ-миною, и, во избѣжаніе какой либо измѣны, немедленно привести въ исполненіе это постановленіе. Рано утромъ, 7 ноября, назначенные для этого дѣла убійцы постучались въ домъ консула, но стража была усилена, и ихъ не допустили въ домъ;—и на этотъ разъ правительственные шпіоны превзошли заговорщиковъ. На слѣдующій день Цицеронъ созвалъ сенатъ. Катилина еще разъ дерзнулъ появиться передъ нимъ и пытался защищить себя противъ гнѣвныхъ нападокъ консула, въ упоръ разоблачавшаго въ его присутствіи смыслъ событій послѣднихъ дней, но его уже больше не слушали и близъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, мало по малу пустѣли скамьи. Онъ оставилъ засѣданіе и удалился, согласно уговору, въ Этрурію, что онъ впрочемъ, сдѣлалъ бы, вѣроятно, и безъ этого событія.

Катилина въ Этруріи.

Въ Этруріи Катилина самъ провозгласилъ себя консуломъ и принялъ выжидающее положеніе, для того чтобы, по первому извѣстію о возстаніи въ столицѣ, двинуть туда свои войска. Правительство объявило обоихъ вождей, Катилину и Манлія, и тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые не положатъ оружіе къ извѣстному дню, внѣ закона, и созвало новую милицію, но во главѣ войска, назначеннаго дѣйствовать противъ Катилины, былъ поставленъ консулъ Гай Антоній; человѣкъ, завѣдомо замѣшанный въ заговорѣ и отличавшійся такимъ характеромъ, что одинъ только случай могъ рѣшить, поведетъ ли онъ свое войско противъ Катилины или же къ нему на помощь. Казалось, все какъ бы нарочно складывалось такъ, чтобы изъ этого Антонія сдѣлать второго Лепида. Такъ же мало мѣръ было принято и противъ оставшихся въ столицѣ вождей заговора, хотя всѣ указывали на нихъ пальцами, и мысль поднять столицу далеко не была оставлена заговорщиками; напротивъ того, планъ возстанія былъ обдуманъ самимъ Катилиною, еще до его удаленія изъ Рима. Одинъ изъ трибуновъ долженъ былъ подать сигналъ къ возстанію созывомъ народнаго собранія; въ слѣдующую же ночь Цетегъ долженъ былъ умертвить консула Цицерона; Габиній и Стати-

лій должны были поджечь городъ въ двѣнадцати мѣстахъ заразъ, и сношенія съ подоспѣвшимъ тѣмъ временемъ войскомъ Катилины должны были завязаться какъ можно скорѣе. Еслибъ настоятельныя увѣщанія Цетега принесли пользу, и Лентулъ, поставленный послѣ отъѣзда Катилины во главѣ войска, рѣшился бы немедленно нанести ударъ, заговоръ могъ бы еще удаться даже теперь. Но заговорщики были столь же неспособны и трусливы, какъ противники ихъ; протекали недѣли и дѣло все не приближалось къ развязкѣ.

Арестъ столичныхъ заговорщиковъ.

Наконецъ, рѣшеніе было вызвано контръ-миною. Съ свойственной ему медленностью и привычкою прикрывать упущенія, дѣлаемыя имъ въ самыхъ ближайшихъ и необходимыхъ дѣлахъ составленіемъ далекихъ и многосложныхъ плановъ, Лентулъ вступилъ въ переговоры съ депутатами одного кельтскаго поселка Аллоброговъ, пытался запутать въ заговоръ этихъ представителей вполнѣ расшатавшагося общиннаго быта, къ тому же сильно задолжавшихъ, и даже далъ имъ при ихъ отъѣздѣ гонцовъ и письма къ ихъ довѣрителямъ. Аллоброги покинули Римъ, но въ ночь съ 2 на 3 декабря были задержаны римскими властями у самыхъ воротъ города, и всѣ бумаги ихъ отобраны. Оказалось, что аллоброгскіе депутаты играли роль шпіоновъ правительства и вели переговоры только съ тѣмъ, чтобы доставить ему въ руки желанныя доказательства противъ главныхъ вождей заговора. На слѣдующій день были сдѣланы Цицерономъ въ величайшей тайнѣ распоряженія объ арестѣ наиболѣе опасныхъ вождей возстанія, что дѣйствительно, и было исполнено относительно Лентула, Цетега, Габинія и Статилія, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе избѣжали ареста бѣгствомъ. Виновность какъ арестованныхъ, такъ и бѣжавшихъ, была вполнѣ очевидна. Немедленно вслѣдъ за арестами были представлены сенату отобранные документы, печать и почеркъ которыхъ заключенные не могли не признать, а вмѣстѣ съ тѣмъ были выслушаны показанія арестованныхъ и свидѣтелей; вскорѣ обнаружились дальнѣйшіе факты, подтверждавшіе ихъ виновность: склады оружій въ домахъ заговорщиковъ, угрожающія слова, произнесенныя ими; фактическая сторона заговора была окончательно и юридически выяснена и главнѣйшіе документы немедленно обнародованы въ летучихъ листкахъ, по распоряженію Цицерона. Озлобленіе противъ заговора анархистовъ было всеобщее. Олигархическая партія охотно воспользовалась бы сдѣланными открытіями, для того чтобы свести счеты съ демократіею вообще и въ особенности съ Цезаремъ, но она была слишкомъ основательно поколеблена, для того чтобы имѣть возможность исполнить это и покончить съ нимъ, какъ нѣкогда съ обоими Гракхами и съ Сатурниномъ. Въ этомъ случаѣ дѣло осталось при одной доброй волѣ. Столичное населеніе возмущалось особенно поджогами, которые замышляли заговорщики. Купечество и та партія, которая руководилась одними только матеріальными интересами, признали, конечно, въ этой

войнѣ должниковъ съ кредиторами борьбу противъ ихъ собственнаго существованія; въ страшномъ волненіи толпилось юношество ихъ вокругъ ратуши съ оружіемъ въ рукахъ и направляло его противъ тайныхъ и явныхъ приверженцевъ Катилины. Заговоръ былъ, дѣйствительно, на время парализованъ; если, быть можетъ, послѣдніе зачинщики его были еще на свободѣ, то, тѣмъ не менѣе, весь штабъ заговорщиковъ, тѣ, кому было поручено выполненіе замысла, были либо захвачены, либо бѣжали; отрядъ, собранный близъ Фезулъ, едва ли могъ сдѣлать многое безъ поддержки его возстаніемъ въ столицѣ.

Пренія Сената по поводу казни заключенныхъ.

Въ сколько нибудь сносно устроенномъ государственномъ быту все дѣло въ политическомъ отношеніи и окончилось бы этимъ, и дальнѣйшее разслѣдованіе перешло бы въ вѣдѣніе военныхъ властей и суда. Но Римъ дожилъ до того, что правительство не было даже въ состояніи удержать подъ надежною стражею двухъ, трехъ изъ выдающихся аристократовъ. Невольники и вольноотпущенные Лентула и остальныхъ заключенныхъ взволновались; носились слухи о какихъ-то планахъ насильственнаго освобожденія ихъ изъ частныхъ домовъ, гдѣ они содержались; благодаря анархическимъ проискамъ послѣднихъ лѣтъ, въ Римѣ не было недостатка въ вождяхъ шаекъ, которые, по извѣстной таксѣ, подряжались устраивать возстанія или совершать преступленія; наконецъ, Катилина былъ уже увѣдомленъ о случившемся событіи и находился достаточно близко, чтобы отважиться съ своими войсками на смѣлую попытку. Насколько было правды въ всѣхъ этихъ слухахъ, сказать трудно; но опасенія были основательны, такъ какъ, согласно конституціи, правительство не располагало въ столицѣ ни войсками, ни даже сколько нибудь внушительною полицейскою силою и было фактически отдано на жертву всякой разбойничьей шайкѣ. Громко высказывалась мысль предупредить какія-либо попытки освобожденія, немедленно казнивъ всѣхъ плѣнныхъ. Конституціоннымъ порядкомъ этого сдѣлать было нельзя. На основаніи издревле-священнаго права провокаціи, смертный приговоръ надъ гражданиномъ общины могъ быть произнесенъ лишь совокупностью всѣхъ гражданъ, и никакою другою властью; съ тѣхъ поръ, какъ гражданскіе суды стали дѣломъ прошлаго, уже не произносилось болѣе смертныхъ приговоровъ. Охотно отклонилъ бы Цицеронъ этотъ опасный замыселъ; какъ ни равнодушенъ былъ онъ къ этому юридическому вопросу, онъ хорошо зналъ, что именно ему, какъ адвокату, полезно слыть за либерала, и мало былъ расположенъ навсегда разсориться съ демократической партіею, благодаря этой, пролитой имъ, крови. Но приближенные его, и въ особенности его аристократка-жена, настаивали на томъ, чтобъ онъ увѣнчалъ свои заслуги передъ родиною этимъ смѣлымъ шагомъ; консулъ, какъ и всѣ трусы, вообще страшно боявшійся прослыть человѣкомъ робкимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ трепетавшій пе-

редъ громадностью отвѣтственности, созвалъ въ эту затруднительную минуту сенатъ и предоставилъ ему рѣшить вопросъ о жизни или смерти четырехъ заключенныхъ. Правда, это не имѣло никакого смысла, — такъ какъ сенатъ на основаніи конституціи еще меньше могъ рѣшить этотъ вопросъ, чѣмъ самъ консулъ, то вся отвѣтственность юридически все таки падала на него, — но когда же трусость была послѣдовательна? Цезарь употребилъ всѣ усилія для спасенія плѣнныхъ, и рѣчь его, преисполненная угрозъ, въ которыхъ говорилось о будущемъ неизбѣжномъ мщеніи демократіи, произвела глубочайшее впечатлѣніе. Хотя всѣ консулары и значительное большинство въ сенатѣ высказались уже за казнь, большая часть изъ нихъ, съ Цицерономъ во главѣ, казалось, склонялась теперь въ пользу соблюденія законныхъ предѣловъ. Но такъ какъ Катонъ, по привычкѣ всѣхъ крючкотворовъ, заподозрилъ защитниковъ болѣе снисходительнаго мнѣнія въ сообщничествѣ съ заговорщиками и указалъ на готовившееся освобожденіе плѣнныхъ посредствомъ уличнаго волненія, то ему и удалось нагнать новый страхъ на людей, уже колебавшихся, и склонить большинство въ пользу немедленной казни преступниковъ.

Казнь сторонниковъ Катилины. Исполненіе этого постановленія было, конечно, возложено на того консула, который вызвалъ его. Поздно вечеромъ пятаго декабря заключенные были взяты изъ ихъ прежнихъ помѣщеній и по торговой площади, все еще густо покрытой народомъ, отведены въ тюрьму, гдѣ обыкновенно помѣщались преступники, приговоренные къ смерти. Это былъ подземный сводъ, двѣнадцати футовъ глубины, находившійся у подножія Капитолія и нѣкогда служившій колодцомъ. Самъ консулъ велъ Лентула, преторы—остальныхъ; всѣ они были окружены сильной стражей, но ожидаемая попытка освобожденія не совершилась. Никто не зналъ навѣрно, вели ли заключенныхъ лишь въ болѣе надежное мѣсто или на казнь. У дверей темницы они были переданы тремъ лицамъ, руководившимъ казнью, и при свѣтѣ факеловъ задушены въ подземной тюрьмѣ. Консулъ ждалъ за дверью, пока окончилась эта церемонія, послѣ чего своимъ громкимъ, хорошо знакомымъ всѣмъ голосомъ закричалъ чрезъ всю площадь безмолвно ожидавшей толпѣ: «Они умерли». До самой глубокой ночи группы людей двигались по улицамъ и восторженно привѣтствовали консула, полагая, что они ему обязаны обезпеченіемъ своихъ домовъ и своего имущества. Совѣтъ учредилъ публичныя благодарственныя празднества, и передовые люди аристократіи, Маркъ Катонъ и Квинтъ Катулъ, привѣтствовали виновника этого смертнаго приговора впервые произнесеннымъ тогда названіемъ «отца отчизны».—Но это было страшное дѣяніе, тѣмъ болѣе страшное, что оно казалось цѣлому народу великимъ и достойнымъ хвалы. Еще ни одна община не заявляла свою несостоятельность болѣе жалкимъ

способомъ, чѣмъ это сдѣлалъ Римъ своимъ рѣшеніемъ, такъ хладнокровно постановленнымъ большинствомъ правительства и одобреннымъ общественнымъ мнѣніемъ, именно рѣшеніемъ поспѣшить казнью нѣсколькихъ политическихъ плѣнныхъ, которые, если и подлежали карѣ по закону, то никакъ не лишенію жизни,—и поспѣшить потому только, что власть не довѣряла надежности тюремъ и не располагала хорошей полиціей! Юмористическою чертою, безъ которой рѣдко обходятся историческія трагедіи, являлось то обстоятельство, что этотъ поступокъ, полный самой грубой тиранніи, долженъ былъ совершить именно самый неустойчивый и робкій изъ римскихъ государственныхъ людей, и что «первый демократическій консулъ» былъ какъ разъ избранъ для того, чтобы уничтожить палладіумъ древней римской общинной свободы, право апелляціи.

Подавленіе этрусскаго возстанія.

Послѣ того, какъ заговоръ былъ подавленъ въ столицѣ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вспыхнуть, оставалось только покончить съ возстаніемъ въ Этруріи. Войско въ двѣ тысячи человѣкъ, найденное тамъ Катилиной, успѣло увеличиться въ пять разъ, благодаря многочисленнымъ рекрутамъ, стекавшимся къ нему, и составляло уже два довольно полныхъ легіона, гдѣ, впрочемъ, только одна четверть воиновъ была достаточно вооружена. Катилина бросился съ ними въ горы и избѣгалъ битвы съ войсками Антонія, чтобы окончить организацію своихъ отрядовъ и выждать возстанія въ Римѣ. Но извѣстіе о неудачѣ этого возстанія разсѣяло и армію инсургентовъ; вся масса людей, менѣе скомпрометтированныхъ, вернулась вслѣдъ за тѣмъ домой. Остальные, болѣе рѣшительные или скорѣе отчаянные люди, сдѣлали попытку пробиться чрезъ апеннинскіе проходы въ Галлію, но, когда этотъ маленькій отрядъ прибылъ къ подножію горъ при Писторіи (Пистойѣ), онъ очутился между двумя войсками. Передъ нимъ находился корпусъ Квинта Метелла, прибывшій изъ Равенны и Ариминума, съ цѣлью занять сѣверные склоны Апеннинъ; за нимъ стояла армія Антонія, который уступилъ, наконецъ, настояніямъ своихъ офицеровъ и согласился на зимній походъ. Катилина былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ, и съѣстные припасы его приближались къ концу; ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только броситься на ближайшаго врага, т. е. на Антонія. Въ узкой долинѣ, замкнутой скалистыми горами, началась борьба между инсургентами и войсками Антонія, которыхъ онъ, для того чтобы не казнить, по крайней мѣрѣ, самому своихъ прежнихъ союзниковъ, передалъ на этотъ день, подъ какимъ-то предлогомъ, Марку Петрею, храброму офицеру, посѣдѣвшему въ битвахъ. При расположеніи поля сраженія превосходство силъ правительственной арміи имѣло мало значенія. Катилина, какъ и Петрей, поставили своихъ лучшихъ солдатъ въ передніе ряды; пощады не давали никому, да и не принимали. Долго тянулась борьба, и съ обѣихъ сторонъ пали

многіе храбрые люди; Катилина, при самомъ началѣ битвы отославшій своего коня и коней всѣхъ своихъ офицеровъ, доказалъ въ этотъ день, что природа назначила его для дѣлъ, выходящихъ изъ ряда вонъ, и что онъ умѣлъ повелѣвать, какъ полководецъ, и сражаться, какъ солдатъ. Наконецъ Петрей прорвалъ съ своей гвардіей центръ непріятеля и, опрокинувъ его, аттаковалъ оба фланга—это рѣшило побѣду. Трупы приверженцевъ Катилины (ихъ насчитывали до 3000) покрывали рядами почву тамъ, гдѣ они сражались; офицеры и самъ полководецъ бросились на враговъ, видя, что все пропало, искали и нашли себѣ смерть (начало 692 г.). Антоній, послѣ этой побѣды, былъ заклейменъ сенатомъ титуломъ императора, и новыя благодарственныя празднества доказали, что и правительство и управляемые начинали свыкаться съ междоусобною войною.

Отношеніе Красса и Цезаря къ анархистамъ. И такъ, заговоръ анархистовъ былъ подавленъ въ столицѣ и во всей Италіи кровавымъ насиліемъ; о немъ напоминали еще только уголовные процессы, которые очищали ряды приверженцевъ побѣжденной партіи въ провинціальныхъ городахъ Этруріи и въ самой столицѣ, да еще увеличивающіяся шайки разбойниковъ, въ родѣ, напримѣръ, той банды, образовавшейся изъ остатковъ войскъ Спартака и Катилины, которая въ 694 году была уничтожена въ турійской области римскимъ отрядомъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ударъ далеко не коснулся однихъ только настоящихъ анархистовъ, которые сговорились поднять столицу и сражались при Писторіи, но и всей демократической партіи. Что эта партія, въ особенности же Крассъ и Цезарь, участвовали здѣсь настолько же, какъ и въ заговорѣ 688 года, должно считаться если не юридически, то исторически доказаннымъ фактомъ. Правда, что когда Катулъ и остальные вожди сенатской партіи уличали главу демократовъ въ сообщничествѣ съ анархистскимъ заговоромъ, и когда онъ, въ качествѣ сенатора, говорилъ и подавалъ голосъ противъ задуманнаго олигархіею грубаго юридическаго убійства,—это обстоятельство могло выставляться на видъ, какъ доказательство его участія въ планахъ Катилины, только враждебною ему партіею. Гораздо болѣе вѣсокъ цѣлый рядъ другихъ фактовъ. На основаніи вполнѣ опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельскихъ показаній, можно думать, что именно Цезарь и Крассъ главнѣйшимъ образомъ поддерживали Катилину въ его домогательствѣ консульскаго званія. Когда въ 690 году Цезарь вызвалъ въ уголовный судъ клевретовъ Суллы, онъ добился осужденія всѣхъ остальныхъ; Катилину же, наиболѣе виновнаго и гнуснаго изъ нихъ, онъ освободилъ. Во время разоблаченій 3-го декабря, Цицеронъ не назвалъ, правда, въ числѣ именъ извѣстныхъ ему заговорщиковъ имена двухъ наиболѣе вліятельныхъ людей, но достовѣрно извѣстно, что доносчики указывали не только на тѣхъ, о которыхъ впослѣдствіи производилось слѣдствіе, но, кромѣ того, и

на многихъ «невинныхъ», имена которыхъ консулъ Цицеронъ счелъ полезнымъ вычеркнуть изъ списка, и въ позднѣйшіе годы, когда онъ уже не имѣлъ болѣе причинъ искажать истину, онъ прямо называлъ Цезаря въ числѣ соучастниковъ заговора. Косвенное, но вполнѣ понятное обличеніе заключается и въ томъ, что изъ четырехъ лицъ, арестованныхъ 3 декабря, два наименѣе опасныя, Статилій и Габиній, были отданы подъ надзоръ сенаторовъ Цезаря и Красса; очевидно, что еслибъ они дали имъ бѣжать, они скомпрометтировали бы себя передъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ соучастники; если бы они дѣйствительно задержали ихъ, они явились бы передъ остальными заговорщиками въ качествѣ измѣнниковъ. Весьма характеристична для всего положенія дѣлъ слѣдующая сцена, разыгравшаяся въ сенатѣ. Непосредственно вслѣдъ за арестомъ Лентула и его товарищей былъ задержанъ агентами правительства отправленный столичными заговорщиками къ Катилинѣ гонецъ, который послѣ того, какъ ему была обѣщана полная безнаказанность, далъ пространныя показанія въ сенатѣ. Когда же онъ дошелъ до нѣсколько неловкой части своего признанія и въ особенности назвалъ своимъ довѣрителемъ Красса, онъ былъ прерванъ сенаторами, и, по предложенію Цицерона, было рѣшено кассировать безъ дальнѣйшаго разслѣдованія все показаніе; виновника же его, несмотря на обѣщанную ему амнистію, заключить въ тюрьму, пока онъ не только возьметъ назадъ свои слова, но даже укажетъ, кто побудилъ его давать подобныя ложныя показанія. Ясно, что не только человѣкъ этотъ хорошо зналъ всѣ обстоятельства дѣла, если онъ, на вызовъ нападать на Красса, далъ такой отвѣтъ, что не желаетъ раздразнивать быка среди стада; ясно также и то, что большинство сенаторовъ, съ Цицерономъ во главѣ, согласилось между собою не допускать разоблаченій далѣе извѣстной границы. Публика не была такъ проста; молодежь, взявшаяся за оружіе противъ поджигателей, была всего болѣе озлоблена противъ Цезаря; пятаго декабря, въ ту минуту, когда онъ удалялся изъ куріи, молодые люди направили оружіе противъ него, и онъ чуть не лишился жизни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его поразилъ смертельный ударъ семнадцать лѣтъ спустя. Послѣ того онъ долгое время не появлялся болѣе въ куріи. Тотъ, кто безпристрастно взвѣситъ весь ходъ заговора, не удержится отъ подозрѣнія, что во все это время за Катилиною скрывались болѣе могущественные люди, которые, опираясь на отсутствіе юридически-полныхъ доказательствъ и на равнодушіе и трусость сенатскаго большинства, только на половину посвященнаго въ дѣло и жадно хватавшагося за всякій поводъ къ бездѣйствію, съумѣли затормозить серьозное вмѣшательство властей въ дѣло заговора, доставить вождю инсургентовъ свободное отступленіе, руководить объявленіемъ войны и отправкою

войска противъ мятежниковъ, такъ что это почти равнялось высылкѣ къ нимъ вспомогательнаго отряда. Такимъ образомъ, если самый ходъ событій свидѣтельствуетъ о томъ, что нити заговора Катилины восходили гораздо выше его или Лентула, то нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что гораздо позднѣе, когда Цезарь стоялъ во главѣ государства, онъ былъ весьма близокъ съ единственнымъ, еще уцѣлѣвшимъ сторонникомъ Катилины, мавританскимъ предводителемъ волонтеровъ, Публіемъ Ситтіемъ, и что онъ смягчилъ долговыя обязательства совершенно въ духѣ прокламацій Манлія.— Всѣ эти отдѣльныя данныя достаточно говорятъ за себя; но еслибъ даже этого не было, то отчаянное положеніе демократіи въ отношеніи военной власти, со временъ габиноманиліевыхъ законовъ все грознѣе возвышавшейся рядомъ съ нею, почти давало бы намъ увѣренность, что демократія, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, искала послѣдней опоры въ тайныхъ заговорахъ и въ союзѣ съ анархіею. Обстоятельства были весьма схожи съ эпохою Цинны. Если Помпей занималъ на востокѣ положеніе, подобное нѣкогда занятому Суллою, то Крассъ и Цезарь старались воздвигнуть передъ нимъ въ Италіи силу, въ родѣ той, какою обладали Марій и Цинна, но съ тѣмъ, чтобы по возможности воспользоваться ею лучше ихъ. Къ этому снова велъ путь террора и анархіи, и проложить его, конечно, могъ хорошо именно Катилина. Понятно, что болѣе уважаемые вожди демократіи держались при этомъ, по возможности, на заднемъ планѣ и предоставляли менѣе чистоплотнымъ товарищамъ своимъ исполненіе всей грязной работы, политическіе результаты которой они впослѣдствіи надѣялись присвоить себѣ. Когда же предпріятіе неудалось, то, конечно, болѣе высокопоставленные участники его употребили всѣ усилія, для того чтобы скрыть свою прикосновенность къ нему. И даже въ позднѣйшее время, когда личность прежняго заговорщика сама вызывала противъ себя политическіе заговоры, завѣса еще гуще закрыла эти темные годы въ жизни великаго человѣка; въ этомъ смыслѣ даже писались особыя апологіи въ его защиту *).

*) Подобною апологіею является „Катилина“ Саллюстія, обнародованный авторомъ, завѣдомымъ цезаріанцемъ, послѣ 708 года, либо во время единодержавія Цезаря, либо же, что гораздо вѣроятнѣе, во время тріумвирата его преемниковъ; это было, очевидно, тенденціозное политическое сочиненіе, гдѣ старались снова поднять демократическую партію, на которую опиралась римская монархія, и очистить память Цезаря отъ самаго темнаго пятна, покрывавшаго ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить, по возможности, и репутацію дяди тріумвира, Марка Антонія (срав. напр. с. 59 съ Діон., 37, 39). Точно также и „Югурта“ того же автора долженъ частью раскрыть все ничтожество олигархическаго правленія, частью же прославить корифея демократіи, Гая Марія. Если ловкій писатель скрываетъ защитительный и обличительный характеръ своихъ произ-

Полное поражение демократической партии.

Уже цѣлыхъ пять лѣтъ стоялъ Помпей на востокѣ во главѣ своего войска и флота; цѣлыхъ пять лѣтъ демократія замышляла на родинѣ его ниспровержение. Результатъ былъ неутѣшителенъ. Послѣ несказанныхъ усилій не только ничего не было достигнуто, но даже былъ понесенъ громадный, и матеріальный, и нравственный, ущербъ. Уже коалиція 683 года должна была служить соблазномъ для чистокровной демократіи, хотя демократы того времени сносились только съ двумя вліятельными людьми противной партіи и привлекли ихъ къ своей программѣ. Теперь же демократическая партія дѣйствовала сообща съ шайкою убійцъ и людей несостоятельныхъ, которые, къ тому же были почти всѣ перебѣжчиками изъ аристократическаго лагеря, и хотя временно приняла ихъ програму, т. е. терроръ Цинны. Партія, стоявшая за чисто матеріальные интересы,— одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ коалиціи 683 года,—была этимъ самымъ отчуждена отъ демократіи и брошена прежде всего въ руки оптиматовъ и вообще каждой силы, которая могла служить защитою противъ анархіи. Даже столичная чернь, не имѣвшая, правда, ничего противъ уличныхъ волненій, но тѣмъ не менѣе находившая неудобнымъ, чтобы поджигали домъ надъ ея же головою, нѣсколько встревожилась. Замѣчательно, что именно въ этомъ году (691) состоялось полное возстановленіе семпроніевыхъ хлѣбныхъ законовъ и именно вслѣдствіе распоряженія сената, по предложенію Катона. Очевидно, что союзъ вождей демократовъ съ анархіею разъединилъ ихъ съ гражданами и что олигархія, хотя и съ временнымъ успѣхомъ, старалась увеличить эту рознь и привлечь массу на свою сторону. Наконецъ, всѣ эти происки отчасти предупредили, отчасти озлобили Гнея Помпея; послѣ всего случившагося и послѣ того, какъ сама демократія почти порвала связи, соединявшія ее съ Помпеемъ, она не могла уже по справедливости ожидать отъ него того, что въ 684 году было бы вполнѣ законно, именно, чтобы онъ не уничтожалъ мечемъ демократической власти, которая сперва выдвинула его, и которую впослѣдствіи онъ самъ возвысилъ. Такимъ образомъ демократія была обезчещена и ослаблена; но прежде всего она сдѣлалась смѣшною, благодаря безпощадному обличенію ея безпомощности и слабости. Тамъ, гдѣ дѣло шло объ униженіи ниспровергнутой власти и о подобныхъ мелочахъ, она являлась величественною и сильною; но каждая ея попытка добиться настоящаго политическаго результата разбивалась самымъ жалкимъ образомъ. Отношенія ея къ Помпею были столь же фальшивы, какъ и плачевны. Въ то самое время, когда она осыпала его похвалами и почестями, она начинала противъ него одну интригу за другой, но

ведепій,—то это не доказываетъ, что они не были написаны въ интересахъ извѣстной партіи, но подтверждаетъ только, что они были написаны хорошо.

онѣ, какъ мыльные пузыри, немедленно лопались сами собою. Главнокомандующій надъ восточными войсками и моремъ, вмѣсто того чтобы защищаться противъ всѣхъ этихъ происковъ, казалось, не замѣчалъ даже всей хлопотливой суетни и одерживалъ свои побѣды надъ демократіею, какъ Гераклъ надъ пигмеями, самъ того не замѣчая. Попытка разжечь междоусобную войну неудалась самымъ плачевнымъ образомъ; если анархическая фракція выказала хоть нѣкоторую энергію, за то чистая демократія съумѣла, правда, организовать шайки, но не могла ни руководить ими, ни умереть вмѣстѣ съ ними. Даже древняя, до смерти усталая олигархія, усиленная перешедшими къ ней изъ рядовъ демократіи массами и, главнѣйшимъ образомъ, несомнѣннымъ въ этомъ отношеніи тождествомъ ея интересовъ съ интересами Помпея, съумѣла побороть эту революціонную попытку и одержать такимъ образомъ еще одну послѣднюю побѣду надъ демократіею. Тѣмъ временемъ уже умеръ царь Митридатъ; въ Малой Азіи и Сиріи былъ возстановленъ порядокъ; возвращенія Помпея въ Италію можно было ожидать со дня на день. Развязка была недалека; но могла ли быть рѣчь о какой нибудь развязкѣ между полководцемъ, возвращавшимся въ ореолѣ наиболѣе полнаго могущества и славы, и безпримѣрно униженной и вполнѣ безсильной демократіей! Крассъ готовился отправить на корабли свою семью и свое золото и искать гдѣ нибудь на востокѣ свободнаго пристанища; даже такая эластичная и энергическая натура, какъ Цезарь, казалась готовою бросить игру. Къ этому году (691) относится его попытка добиться должности первосвященника; покидая утромъ въ день выборовъ свое жилище, онъ заявилъ, что, если и тутъ его постигнетъ неудача, онъ не переступитъ болѣе черезъ порогъ своего дома.

ГЛАВА VI.

Отступленіе Помпея и коалиція претендентовъ.

Когда Помпей, по окончаніи возложенныхъ на него порученій, снова обратилъ свои взоры на родину, онъ опять увидалъ у ногъ своихъ діадему. Уже давно развитіе римскаго общиннаго быта клонилось къ подобной катастрофѣ; тысячу разъ предсказывалось, и всякому безпристрастному наблюдателю было ясно, что лишь только наступитъ конецъ господству аристократіи, монархія сдѣлается неизбѣжною. Теперь сенатъ былъ одновременно ниспровергнутъ и гражданско-либеральною оппозиціею и военною силою; теперь все дѣло сводилось къ тому, чтобы найти для новаго строя людей, названія и формы, впрочемъ, уже довольно ясно намѣченныя отчасти въ демократическихъ, отчасти въ военныхъ элементахъ переворота. Событія послѣднихъ пяти лѣтъ какъ-бы наложили послѣдній отпечатокъ на предстоявшее переустройство республики. Въ новоучрежденныхъ азіатскихъ провинціяхъ, воздававшихъ своему учредителю, какъ преемнику великаго Александра, царственныя почести, и уже принимавшихъ наиболѣе близкихъ къ нему вольноотпущенниковъ точно лицъ царскаго рода, Помпей положилъ начало своего господства и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ тамъ богатство, войско и тотъ ореолъ, которые были необходимы для будущаго повелителя римскаго государства. Разыгравшійся въ столицѣ анархистскій заговоръ и связанная съ нимъ междоусобная война весьма ощутительно доказали каждому, имѣвшему политическіе или хотя бы даже матеріальные интересы, что правительство, лишенное авторитета и военной власти, какимъ былъ сенатъ, подвергало государство столь же нелѣпой, какъ и страшной тиранніи политическихъ искателей приключеній, и что измѣненіе конституціи, которое тѣснѣе сблизило бы военную власть съ администраціею, было неотлагательной необходимостью, если общественному строю суждено было существовать и далѣе. Такимъ образомъ повелитель нашелся на востокѣ, въ Италіи же былъ готовъ престолъ; казалось, что 692 годъ будетъ послѣднимъ годомъ республики и первымъ монархіи.

Помпей на востокѣ.

Противники будущей монархіи.

Безъ борьбы, впрочемъ, нельзя было достигнуть этой цѣли. Конституція, существовавшая полъ-тысячелѣтія и подъ чьей охраной ничтожный городъ на Тибрѣ достигъ безпримѣрнаго величія и блеска, пустила корни на невѣдомую глубину, и невозможно было никакъ предвидѣть, до какихъ слоевъ взволнуетъ гражданское общество попытка ниспроверженія конституціи. Многіе изъ соперниковъ были только опережены Помпеемъ въ состязаніи изъ-за великой цѣли, но не отстранены окончательно. Нельзя было вполнѣ отрицать возможность, что всѣ эти элементы сольются для ниспроверженія новаго властелина, и что Помпей увидитъ передъ собой коалицію Квинта Катула и Марка Катона съ Маркомъ Крассомъ, Гаемъ Цезаремъ и Титомъ Лабіеномъ. Но, тѣмъ не менѣе, неизбѣжная и несомнѣнно-серьозная борьба нелегко могла бы начаться при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ высшей степени вѣроятно было, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возстанія Катилины къ правительству, сулившему порядокъ и обезпеченность, хотя бы даже купленные цѣною свободы, присоединится вся умѣренная партія, прежде всего купечество, исключительно поглощенное матеріальными интересами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большая часть аристократіи, которая, потрясенная сама въ себѣ и политически-безнадежная, должна была довольствоваться и тѣмъ, если ей, благодаря временному договору съ повелителемъ, удастся обезпечить за собою богатство, положеніе и вліяніе; быть можетъ, даже часть демократіи, тяжело пораженной послѣдними ударами, согласилась бы также ожидать осуществленія хоть нѣкоторой доли своихъ требованій отъ поднятаго ею на щитѣ военачальника. Но, каковы бы ни были вообще отношенія партій, что значили онѣ, по крайней мѣрѣ въ Италіи, сравнительно съ Помпеемъ и его побѣдоноснымъ войскомъ? Двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Сулла, заключивъ съ Митридатомъ вынужденный миръ, могъ съ своими пятью легіонами, вопреки всей либеральной партіи, въ теченіе многихъ лѣтъ вооружавшейся массами, начиная съ умѣренныхъ аристократовъ и либеральнаго купечества и кончая анархистами, произвести реставрацію, идущую въ разрѣзъ съ естественнымъ ходомъ вещей. Задача Помпея была гораздо менѣе трудна. Онъ возвращался, окончательно и добросовѣстно разрѣшивъ свои многочисленныя задачи, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Онъ могъ надѣяться, что не натолкнется ни на какую серьозную оппозицію, кромѣ развѣ отпора со стороны различныхъ крайнихъ партій, изъ которыхъ каждая, взятая порознь, ничего не могла сдѣлать, и которыя, даже слившись, были только коалиціею шаекъ, еще недавно горячо враждовавшихъ между собою и съ глубокой внутренней рознью другъ съ другомъ. Вполнѣ неподготовленныя, онѣ не имѣли ни вождя, ни войска, ни организаціи въ Италіи, ни точки опоры въ провинціяхъ, а, главное, не

имѣли полководца; въ ихъ рядахъ не было ни одного извѣстнаго воина, не говоря уже о военачальникахъ, который рѣшился бы призвать гражданъ къ борьбѣ противъ Помпея. Слѣдовало также принять въ соображеніе, что революціонный волканъ, уже семьдесятъ лѣтъ безпрерывно пылавшій и питавшійся собственнымъ пламенемъ, очевидно выгорѣлъ и начиналъ теперь угасать. Было весьма сомнительно, удастся ли еще вооружить Италиковъ изъ-за интересовъ партій, какъ это могли еще сдѣлать Цинна и Карбонъ. Еслибъ Помпей принялся за дѣло, могло ли это помѣшать ему произвести государственный переворотъ, предначертанный въ самомъ органическомъ развитіи римскаго народнаго государства, какъ-бы въ силу природной необходимости?

Отправленіе Непота въ Римъ.

Помпей удачно воспользовался минутою, отправляясь на востокъ; казалось, что онъ и дальше будетъ дѣйствовать такимъ же образомъ. Осенью 691 года прибылъ въ столицу изъ лагеря Помпея Квинтъ Метеллъ Непотъ и выступилъ кандидатомъ на должность трибуна съ несомнѣннымъ намѣреніемъ доставить Помпею, въ качествѣ народнаго трибуна, консульство на 693 годъ, а еще прежде этого, по особому народному постановленію, главное начальство въ войнѣ противъ Катилины. Возбужденіе въ Римѣ было сильное. Несомнѣнно было, что Непотъ дѣйствовалъ по прямому или косвенному порученію Помпея; желаніе Помпея появиться въ Италіи, какъ полководцу во главѣ своихъ азіатскихъ легіоновъ, и принять тамъ одновременно высшую военную и гражданскую власть, было истолковано, какъ дальнѣйшій шагъ на пути къ престолу, миссія же Непота—какъ полуоффиціальное провозглашеніе монархіи.

Помпей и его отношенія къ партіямъ.

Все дѣло зависѣло оттого, какъ отнесутся двѣ сильныя политическія партіи къ этимъ планамъ; ихъ собственное положеніе и вся будущность націи зависѣли отъ этого. Пріемъ же, сдѣланный Непоту, опять таки обусловливался тогдашними отношеніями партій къ Помпею, которыя были весьма своеобразны. Помпей отправился на востокъ въ качествѣ полководца, выставленнаго демократіею. Онъ имѣлъ достаточно причинъ быть недовольнымъ Цезаремъ и его приверженцами, но открытаго разрыва не произошло. Весьма вѣроятно, что Помпей, находившійся вдали и занятый другими дѣлами, къ тому же вполнѣ лишенный способности политически оріентироваться, отнюдь не понималъ, по крайней мѣрѣ въ то время, размѣра и связи всѣхъ замышлявшихся противъ него демократическихъ происковъ и даже, быть можетъ, въ своей обыкновенной заносчивости и недальновидности, гордился тѣмъ, что вполнѣ игнорировалъ эту подпольную дѣятельность. Къ тому-же, что весьма важно для человѣка съ характеромъ Помпея, демократія, никогда не теряя изъ виду внѣшнихъ проявленій уваженія къ великому человѣку, даже теперь (въ 691 году) осыпала его неслыханными почестями и зна-

ками отличія, и именно такъ, какъ онъ это любилъ, безъ всякаго принужденія, въ силу особаго народнаго постановленія. Наконецъ, еслибъ даже всего этого и не было, то въ своихъ собственныхъ, хорошо сознаваемыхъ имъ интересахъ, Помпей долженъ былъ постоянно держаться, хотя бы только внѣшнимъ образомъ, народной партіи; демократія и монархія находятся въ такой тѣсной связи, что Помпей, стремясь къ коронѣ, почти неизбѣжно долженъ былъ называть себя попрежнему поборникомъ народныхъ правъ. Если, съ одной стороны, политическія и личныя причины, несмотря на все случившееся, удерживали Помпея и вождей демократіи въ ихъ прежнихъ отношеніяхъ, то съ противной стороны ничего не дѣлалось, для того чтобы наполнить бездну, которая, съ перехода Помпея въ демократическій лагерь, отдѣляла его отъ прежнихъ его товарищей — сулланцевъ. Его личные раздоры съ Метелломъ и Суллою распространились и на ихъ обширные и вліятельные кружки. Мелочная, но именно поэтому особенно раздражительная для такого мелочнаго характера, оппозиція сената, сопровождала Помпея на всемъ его военачальническомъ пути. Онъ болѣзненно сознавалъ, что сенатъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы по заслугамъ, т. е. чрезвычайнымъ пріемомъ, чествовать въ его лицѣ необыкновеннаго человѣка. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что аристократія была именно тогда совершенно отуманена своей недавней побѣдою, демократія же—глубоко унижена, и что аристократіею руководилъ упорный и полу-помѣщанный Катонъ, демократіею же изворотливый виртуозъ въ дѣлѣ интриги, Цезарь.

Разрывъ между Помпеемъ и аристократіею.

При такихъ обстоятельствахъ прибылъ эмиссаръ, присланный Помпеемъ. Аристократія не только сочла предложенія, сдѣланныя въ пользу Помпея, за объявленіе войны противъ существующей конституціи, но даже открыто относилась къ нимъ въ этомъ смыслѣ, и не давала себѣ ни малѣйшаго труда скрыть свои опасенія и свою злобу; съ явнымъ намѣреніемъ противиться этимъ предложеніямъ Маркъ Катонъ далъ избрать себя въ народные трибуны вмѣстѣ съ Непотомъ и рѣзко отстранялъ всѣ неоднократныя попытки Помпея лично сблизиться съ нимъ. Понятно, что послѣ этого Непотъ не видѣлъ причинъ щадить аристократію, а напротивъ того тѣмъ охотнѣе примкнулъ къ демократіи, когда, изворотливая какъ всегда, она покорилась необходимости и предпочла добровольно дать Помпею званіе полководца въ Италіи и консульство, чѣмъ уступить силѣ оружія. Сердечное согласіе это обнаружилось весьма скоро. Въ декабрѣ 691 года Непотъ публично призналъ, вмѣстѣ съ демократами, недавно постановленныя сенатскимъ большинствомъ казни за противныя конституціи юридическія убійства; что его повелитель смотрѣлъ на это дѣло не иначе, доказывается его многознаменательнымъ молчаніемъ въ отвѣтъ на обширную оправдательную статью,

присланную ему Цицерономъ. Съ другой стороны, первое дѣло, которымъ Цезарь открылъ свою дѣятельность, какъ преторъ, состояло въ томъ, что онъ призвалъ къ отвѣту Квинта Катула по обвиненію въ скрытіи суммъ при перестройкѣ капитолійскаго храма, а окончаніе постройки поручилъ Помпею. Это былъ истинно-геніальный шагъ. Катулъ уже около шестнадцати лѣтъ занимался сооруженіемъ этого храма и, казалось, былъ не прочь жить и умереть въ качествѣ главнаго смотрителя за капитолійскими постройками; обличеніе этого злоупотребленія въ общественномъ дѣлѣ, прикрываемаго только вліяніемъ знатнаго лица, которому оно было поручено, было по самому существу своему вполнѣ основательно и въ высшей степени популярно. Такъ какъ это къ тому же давало Помпею надежду заставить самый гордый городъ земнаго шара забыть имя Катула и замѣнить именемъ полководца, то ему такимъ образомъ досталось то, что онъ всего болѣе цѣнилъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не вредило демократіи—именно напыщенныя, но пустыя почести; къ тому же это самымъ непріятнымъ образомъ разстроивало Помпея съ аристократіею, которая, конечно, никакъ не могла отшатнуться отъ своего лучшаго представителя. Тѣмъ временемъ Непотъ уже успѣлъ сдѣлать гражданамъ предложенія относительно Помпея. Въ день голосованія Катонъ и его другъ и товарищъ Квинтъ Минуцій внесли запросъ. Когда Непотъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ свой докладъ, дѣло дошло до настоящей рукопашной схватки: Катонъ и Минуцій накинулись на своего товарища и принудили его остановиться; вооруженный отрядъ освободилъ его, правда, и прогналъ съ площади аристократическую фракцію, но Катонъ и Минуцій вернулись вновь, сопровождаемые въ свою очередь вооруженными людьми, и удержали на этотъ разъ поле сраженія за правительствомъ. Ободренный побѣдою своей шайки надъ шайкою противника, сенатъ отрѣшилъ отъ должности трибуна Непота и претора Цезаря, посильно поддерживавшаго Непота во время предложенія имъ закона; низложеніе это, предложенное въ сенатѣ, было пріостановлено Катономъ, скорѣе вслѣдствіе его антиконституціоннаго характера, чѣмъ по его безполезности. Цезарь не обратилъ вниманія на это постановленіе и продолжалъ исправлять свою должность, пока сенатъ не употребилъ противъ него силу. Лишь только это сдѣлалось извѣстнымъ, толпа появилась передъ его домомъ и отдала себя въ его распоряженіе; теперь вполнѣ зависѣло отъ него начать уличную борьбу или, по крайней мѣрѣ, снова возбудить предложенія, сдѣланныя Метелломъ, и доставить Помпею желанный военачальническій постъ въ Италіи; но это не было въ его интересахъ, и поэтому онъ уговорилъ толпу разойтись, послѣ чего сенатъ взялъ назадъ назначавшуюся ему кару. Самъ же Непотъ покинулъ городъ немедленно послѣ своего отрѣ-

шенія отъ должности и отплылъ къ Азіи, чтобы сообщить Помпею о результатѣ своей миссіи.

Отступленіе Помпея.

Помпей имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ оборотомъ дѣлъ. Путь къ престолу по необходимости пролегалъ чрезъ междоусобную войну, и, благодаря неисправимой нелѣпости Катона, онъ могъ начать ее съ полнымъ правомъ. Послѣ незаконной казни приверженцевъ Катилины, неслыханнаго насилія противъ народнаго трибуна Метелла, Помпей могъ вести войну одновременно и какъ поборникъ двухъ палладіумовъ римской общинной свободы, права апелляціи и неприкосновенности народнаго трибуната, противъ аристократіи, и какъ защитникъ партіи порядка противъ катилиновыхъ шаекъ. Казалось почти невозможнымъ, чтобы Помпей выпустилъ все это изъ виду и сознательно попалъ вторично въ то мучительное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ распущеніемъ своей арміи въ 684 году и изъ котораго его освободилъ только законъ Габинія. Тѣмъ не менѣе, какъ ни легко было ему украсить свое чело бѣлою повязкою, какъ ни стремилась къ этому его душа, но, когда наступила рѣшительная минута, ему снова измѣнило мужество. Этотъ человѣкъ, вполнѣ дюжинный во всемъ, кромѣ своихъ притязаній, охотно поставилъ бы себя внѣ закона, еслибъ только это можно было сдѣлать, не покидая законной почвы. Уже его колебанія въ Азіи заставляли предугадывать это. Еслибъ онъ захотѣлъ, онъ легко могъ еще въ январѣ 692 года появиться въ гавани Брундизіума съ своимъ флотомъ и войскомъ и встрѣтить здѣсь Непота. Промедленіе его въ Азіи въ теченіе всей зимы 691—2 года имѣло прежде всего то вредное послѣдствіе, что аристократія, ускорившая, конечно, по мѣрѣ силъ походъ противъ Катилины, справилась тѣмъ временемъ съ его шайками, вслѣдствіе чего исчезъ самый удобный предлогъ удержать въ Италіи азіатскіе легіоны. Для человѣка, въ родѣ Помпея, который, за отсутствіемъ вѣры въ себя и свою звѣзду, боязливо цѣплялся въ общественной жизни за формальное право, и для котораго предлогъ значилъ приблизительно столько же, какъ и настоящая причина, это обстоятельство имѣло важное значеніе. Онъ могъ еще увѣрять себя въ томъ, что, даже распустивъ войско, онъ не выпускаетъ его окончательно изъ своихъ рукъ и, въ случаѣ нужды, можетъ созвать годную къ бою армію скорѣе, чѣмъ какой-либо другой вождь партіи; онъ могъ далѣе утѣшать себя еще тѣмъ, что демократія выжидаетъ его сигнала съ самымъ униженнымъ видомъ, что съ непокорнымъ сенатомъ можно будетъ справиться и безъ арміи, — и тѣшиться еще другими, подобными же соображеніями, въ которыхъ было какъ разъ настолько правды, чтобы сдѣлать ихъ вѣроятными для того, кто желалъ обманывать самого себя. Исходъ былъ данъ, конечно, природными свойствами самого Помпея. Онъ принадлежалъ къ числу людей, спо-

собныхъ, правда, на преступленіе, но не на нарушеніе субординаціи; онъ былъ настоящій солдатъ и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ этого слова. Выдающіяся личности уважаютъ законъ, какъ нравственную необходимость, дюжинныя же, какъ рутинное, обыденное правило; именно поэтому военная дисциплина, въ которой, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, законъ является какъ-бы привычкою, сковываетъ каждаго не очень твердаго человѣка точно какимъ-то волшебнымъ заклинаніемъ. Часто было замѣчено, что солдатъ, даже рѣшившись оказать неповиновеніе своему начальству, тѣмъ не менѣе невольно возвращается въ строй, лишь только наступаетъ моментъ непослушанія; это самое чувство заставило колебаться Лафайэтта и Дюмурье въ послѣднюю минуту передъ нарушеніемъ присяги, и оно же погубило Помпея. Осенью 692 года Помпей отплылъ въ Италію. Въ то самое время, когда въ столицѣ все готовилось къ встрѣчѣ новаго монарха, пришло извѣстіе, что Помпей, немедленно послѣ своей высадки въ Брундизіумѣ, распустилъ свои легіоны и пустился въ путь къ столицѣ съ незначительной свитой. Если получить корону безъ труда можетъ считаться счастіемъ, то никогда счастье не дѣлало ни для одного смертнаго, такъ много, какъ для Помпея; но даже боги не расточаютъ даромъ своихъ милостей человѣку, лишенному мужества.

Ничтожное вліяніе Помпея.

Партіи вздохнули свободно. Помпей вторично отрекся; побѣжденные уже соперники его могли снова начать состязаніе, причемъ всего курьознѣе было то, что въ состязаніи участвовалъ опять самъ Помпей. Въ январѣ 693 года онъ прибылъ въ Римъ. Положеніе его было неловко, и онъ такъ неопредѣленно колебался между партіями, что ему дали прозвище Гнея Цицерона. Онъ перессорился со всѣми. Анархисты видѣли въ немъ противника, демократы—неудобнаго друга, Маркъ Крассъ—соперника, зажиточное сословіе — ненадежнаго покровителя, аристократія—отъявленнаго врага. *) Онъ все еще, конечно, былъ могущественнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ; его разсѣянныя по всей Италіи военные приверженцы, его вліяніе въ провинціяхъ, въ особенности восточныхъ, его военная слава, громадныя богатства, давали ему значеніе, какого не имѣлъ никто другой; но вмѣсто восторженнаго пріема, на который онъ разсчитывалъ, встрѣча, сдѣланная ему, была болѣе чѣмъ холодна, и еще холоднѣе отнеслись граждане къ его притязаніямъ. Онъ требовалъ для себя, какъ было уже возвѣ-

*) Впечатлѣніе первой рѣчи, съ которою Помпей обратился къ гражданамъ послѣ своего возвращенія, описывается Цицерономъ слѣдующимъ образомъ (ad Att., 1, 14): prima contio Pompei non iucunda miseris (сволочи) inanis improbis (демократамъ), beatis (людямъ зажиточнымъ) non grata, bonis (аристократамъ) non gravis; itaque frigebat.

щено Непотомъ, второго консульства. кромѣ того, конечно, еще утвержденія всѣхъ сдѣланныхъ имъ на востокѣ распоряженій и исполненія даннаго имъ солдатамъ обѣщанія наградить ихъ землею. Противъ этого поднялась въ сенатѣ систематическая оппозиція. главные элементы которой составляли личное ожесточеніе Лукулла и Метелла Критянина, старинная злоба Красса и добросовѣстная нелѣпость Катона. Во второмъ консульствѣ, котораго желалъ для себя Помпей, ему было немедленно, необинуясь, отказано. Уже первая просьба, съ которою возвращавшійся на родину полководецъ обратился къ сенату, именно просьба отсрочить выборъ консуловъ на 693 годъ до его прибытія въ столицу, встрѣтила отказъ; еще менѣе можно было надѣяться добиться отъ сената необходимаго для Помпея изъятія изъ закона Суллы касательно вторичнаго избранія. Для всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ имъ въ восточныхъ провинціяхъ. Помпей, конечно, требовалъ утвержденія ихъ въ цѣломъ составѣ; Лукуллъ добился того, что всякая мѣра обсуждалась и голосовалась отдѣльно, чѣмъ открывалось широкое поле для безконечныхъ придирокъ и множества пораженій въ мелочахъ. Обѣщаніе раздачи земель солдатамъ азіатской арміи было, правда, утверждено сенатомъ вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространено и на критскіе легіоны Метелла и, что еще хуже, не было исполнено, такъ какъ общинная касса была пуста, а сенатъ не желалъ затронуть для этой цѣли государственныхъ земель. Помпей, потерявъ надежду побороть упорную и коварную оппозицію совѣта, обратился къ гражданамъ. Но здѣсь онъ дѣйствовалъ еще хуже. Демократическіе вожди, хотя и не противились ему открыто, не имѣли однако также никакой причины дѣлать его интересы своими и держались въ сторонѣ. Собственныя орудія Помпея, какъ напримѣръ, избранные, благодаря его вліянію и отчасти деньгамъ, консулы Маркъ Пупій Пизонъ (693) и Люцій Афраній (694 г.), оказались неумѣлыми и негодными. Когда наконецъ раздача земель старымъ солдатамъ Помпея была предложена на разсмотрѣніе гражданъ въ формѣ общаго аграрнаго закона, то это предложеніе, не поддерживаемое демократами и явно преслѣдуемое аристократіею, имѣло за себя только меньшинство (начало 694 года). Почти униженно добивался теперь высокопоставленный полководецъ милости массы; такъ, по его иниціативѣ, были отмѣнены италійскія пошлины благодаря закону. предложенному преторомъ Метелломъ Непотомъ (694 г.). Но онъ разыгрывалъ роль демагога неловко и неудачно; это умаляло его значеніе, а того, что онъ желалъ, онъ все таки не получалъ. Онъ запутался окончательно. Одинъ изъ его противниковъ характеризуетъ его тогдашнее политическое положеніе въ такихъ выраженіяхъ. что «онъ силился втихомолку сберечь себѣ свой вышитый тріумфальный плащъ». Ему, дѣйствительно, ничего не оставалось дѣлать, какъ только сердиться.

Тогда представилась новая комбинація. Вождь демократической партіи дѣятельно воспользовался для своихъ интересовъ политическимъ затишьемъ, послѣдовавшимъ за отступленіемъ властелина того времени. Когда вернулся изъ Азіи Помпей, Цезарь былъ немного болѣе того, чѣмъ былъ и Катилина: главою политической партіи, низведенной почти на степень политическаго клуба, и человѣкомъ разоренным. Послѣ того, исполнивъ въ 692 году должность претора, онъ принялъ на себя намѣстничество въ Испаніи и нашелъ, благодаря этому, возможность частью покрыть свои долги, частью положить основаніе своей военной репутаціи. Старинный другъ и союзникъ его, Крассъ, побуждаемый надеждою найти въ Цезарѣ ту опору противъ Помпея, которой онъ лишился въ лицѣ Пизона, рѣшился избавить его отъ самой тягостной части его долговъ, еще до его отбытія въ провинцію. Самъ онъ энергически пользовался своимъ краткимъ пребываніемъ тамъ. Вернувшись въ 694 году изъ Испаніи съ полною казною и имѣя, какъ императоръ, основательныя притязанія на тріумфъ, онъ выступилъ въ слѣдующемъ году кандидатомъ на консульство, ради котораго, когда сенатъ отказалъ ему въ позволеніи заочно баллотироваться въ консулы, онъ немедленно отказался отъ чести тріумфа. Долгіе годы добивалась демократія возможности доставить одному изъ своихъ членовъ высшую должность и этимъ способомъ достигнуть военной власти. Давно уже разсудительнымъ людямъ всѣхъ оттѣнковъ стало ясно, что распри партій могли быть рѣшены не борьбою между гражданами, а только военною силою; ходъ союза демократіи съ могущественными военными вождями, положившаго конецъ господству сената, доказалъ съ неумолимою рѣзкостью, что всякій такой союзъ въ концѣ концовъ сводился на подчиненіе гражданскихъ элементовъ военнымъ, и что народная партія, если она дѣйствительно хотѣла властвовать, не должна была соединяться съ чуждыми ей, въ сущности даже враждебными военачальниками, а должна была избирать полководцевъ изъ своихъ же собственныхъ вождей. Стремившіяся къ этой цѣли попытки добиться избранія Катилины на консульство, найти военную точку опоры въ Испаніи или Египтѣ—неудались; теперь же демократіи представлялась возможность доставить выдающемуся стороннику ея партіи консульство и завѣдываніе провинціей обыкновеннымъ конституціоннымъ путемъ и избавиться отъ сомнительнаго и опаснаго союзника своего, Помпея, организовавъ домашнюю демократическую силу, если такъ можно выразиться.

Возвышеніе Цезаря.

Но, чѣмъ важнѣе было для демократіи вступить на этотъ путь, предлагавшій ей не только самые благопріятные, но единственные шансы успѣха, тѣмъ вѣрнѣе могла она разсчитывать на энергическое сопротивленіе со стороны своихъ политическихъ соперниковъ. Все зависѣло оттого, кого она встрѣтитъ на этомъ пути. Арис-

Вторая коалиція Помпея, Цезаря и Красса.

тократія, взятая отдѣльно, не была страшна, — тѣмъ не менѣе, дѣло Катилины только что показало, что она все еще была на что-нибудь способна тамъ, гдѣ ее болѣе или менѣе открыто поддерживали защитники матеріальныхъ интересовъ и приверженцы Помпея. Она неоднократно препятствовала избранію Катилины на консульство, и несомнѣнно было, что она попытается сдѣлать тоже самое и противъ Цезаря. Но еслибъ, наперекоръ ей, Цезарь и былъ даже избранъ, то одного выбора было еще мало. Ему необходима была спокойная дѣятельность внѣ Италіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы пріобрѣсти твердое военное положеніе; аристократія же, конечно, не упустила бы ни одного случая, чтобъ помѣшать исполненію его плановъ въ эту приготовительную пору. Естественно было подумать о томъ, не удастся ли снова изолировать аристократію, какъ было сдѣлано въ 683/4 году, и создать между демократами и ихъ союзникомъ Крассомъ, съ одной стороны, Помпеемъ и высшимъ финансовымъ міромъ съ другой, коалицію, - прочно опирающуюся на взаимную выгоду. Для Помпея подобный союзъ былъ въ сущности политическимъ самоубійствомъ. Все его значеніе въ государствѣ зависѣло оттого, что онъ былъ единственнымъ вождемъ партіи, располагавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени легіонами, хотя и распущенными въ то время. Планъ демократіи стремился именно къ тому, чтобы лишить его этого преобладанія и поставить около него военнаго соперника въ лицѣ ея собственнаго главы. Ему никакъ не слѣдовало соглашаться на это и еще менѣе слѣдовало домогаться должности главнокомандующаго для такого человѣка, какъ Цезарь, который надѣлалъ ему немало хлопотъ, еще будучи простымъ политическимъ агитаторомъ, и только что далъ въ Испаніи блестящія доказательства своихъ военныхъ способностей. Но, съ другой стороны, положеніе Помпея, особенно въ отношеніи его старыхъ солдатъ, стало столь мучительно и унизительно, вслѣдствіе придирчивой оппозиціи сената и равнодушія толпы къ самому Помпею и его желаніямъ, что, при его характерѣ, можно было легко надѣяться склонить его къ подобной коалиціи цѣною избавленія отъ подобнаго неловкаго положенія. Что же касается такъ называемой партіи всадниковъ, то она всегда была на сторонѣ силы, и съ увѣренностью можно было сказать, что она не заставитъ долго ждать себя, разъ только Помпей и демократія снова заключатъ прочный союзъ. Къ тому же и высшій финансовый міръ находился какъ разъ въ это время въ сильнѣйшемъ несогласіи съ сенатомъ благодаря весьма похвальной, впрочемъ, строгости Катона.

Измѣненіе положенія Цезаря.

Такимъ образомъ, лѣтомъ 694 года была заключена вторая коалиція. Цезарь обезпечилъ за собою консульство на слѣдующій годъ,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и намѣстничество; Помпею была обѣщана ратификація сдѣланныхъ имъ на востокѣ распоряженій и раздача земель солдатамъ азіатской арміи; всадникамъ Цезарь также посулилъ доставить чрезъ гражданъ то, въ чемъ имъ отказалъ сенатъ; наконецъ неизбѣжный Крассъ также могъ, по крайней мѣрѣ, приступить къ союзу, не получивъ, правда, опредѣленныхъ обѣщаній за свое присоединеніе, въ которомъ онъ, впрочемъ, не имѣлъ возможности отказать. Это были какъ-разъ тѣже элементы, даже тѣже лица, которыя заключили между собою союзъ осенью 683 года и лѣтомъ 694, но какъ несхоже было положеніе партій тогда и теперь! Тогда демократія была простою политическою партіею; союзники ея были побѣдоносные полководцы, стоявшіе во главѣ своихъ армій; теперь же вождемъ демократіи былъ императоръ, вѣнчанный побѣдными лаврами, преисполненный грандіозныхъ военныхъ плановъ; союзниками же были отставные полководцы безъ армій. Тогда демократія торжествовала въ принципіальныхъ вопросахъ и ради этого открывала своимъ двумъ союзникамъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ; теперь она стала практичнѣе и завладѣвала лично для себя высшею гражданскою и военною властью, дѣлая взамѣнъ этого союзникамъ уступки лишь во второстепенныхъ вопросахъ и, что довольно характеристично, не принимая во вниманіе даже старинныхъ притязаній Помпея на вторичное консульство. Тогда демократія отдавалась въ руки своихъ союзниковъ; теперь они должны были довѣриться ей. Всѣ отношенія совершенно измѣнились, всего-же болѣе измѣнился характеръ самой демократіи. Правда, что она, съ самаго начала своего существованія, носила въ себѣ зародышъ монархическаго элемента; тѣмъ не менѣе, конституціонный идеалъ, какъ онъ, въ болѣе или менѣе ясной формѣ, представлялся лучшимъ умамъ, все еще носилъ на себѣ отпечатокъ настоящаго общиннаго быта, напоминавшаго перикловъ государственный строй, гдѣ все могущество правителя заключалось въ томъ, что онъ явился благороднѣйшимъ и совершеннѣйшимъ представителемъ гражданства и что избранная и лучшая часть гражданъ признавала его такимъ. Самъ Цезарь исходилъ изъ такихъ воззрѣній; однако, это были такіе идеалы, которые могутъ, правда, вліять на реальные факты, но не могутъ быть всецѣло осуществлены. Ни простая гражданская власть, какою обладалъ Гай Гракхъ, ни вооруженіе демократической партіи, котораго добивался Цинна, правда, въ очень несовершенной формѣ, не могли удержаться въ римской республикѣ, какъ прочный центръ тяжести; войско, боровшееся не изъ-за какой-либо партіи, а изъ-за полководца, грубая сила кондотьеровъ, выступивъ впервые на арену, какъ орудіе реставраціи, вскорѣ стало безусловно выше всѣхъ политическихъ партій. Самъ Цезарь принужденъ былъ убѣдиться въ

этомъ на практикѣ во время борьбы партій, и такимъ образомъ въ немъ созрѣла роковая рѣшимость подчинить эту военную машину служенію своихъ идеаловъ и создать общинный бытъ, какъ онъ представлялся его уму, съ помощью кондотьеровъ. Съ этимъ намѣреніемъ заключилъ онъ въ 683 году съ генералами противной партіи союзъ, который несмотря на то, что они признали демократическую программу, довелъ, какъ демократію, такъ и самаго Цезаря, до края гибели. Съ этимъ-же намѣреніемъ выступилъ онъ самъ одиннадцать лѣтъ спустя въ качествѣ кондотьера. Въ обоихъ случаяхъ это дѣлалось съ извѣстной долею наивности, съ вѣрою въ возможность основать свободный общинный бытъ при помощи если не чужаго, то хоть своего меча. Понятно, что эта увѣренность оказалась обманчивою, такъ какъ невозможно сдѣлать своимъ слугою злого духа, не подчинившись ему въ концѣ концовъ; но величайшіе люди не тѣ, что всего менѣе ошибаются. Если мы послѣ тысячелѣтій все еще почтительно склоняемся передъ тѣмъ, что хотѣлъ и сдѣлалъ Цезарь, то причина этого заключается не въ томъ, что онъ добивался короны и получилъ ее (что само по себѣ также маловажно, какъ и сама корона), но въ томъ, что его могущественный идеалъ свободной общины съ однимъ властителемъ не покидалъ его никогда и не далъ ему, даже въ тѣ дни, когда онъ сдѣлался монархомъ, опуститься до степени дюжиннаго властелина.

Цезарь консуломъ. Его аграрный законъ.

Безъ всякаго затрудненія было проведено соединенными партіями избраніе Цезаря консуломъ на 695 годъ. Аристократы должны были довольствоваться тѣмъ, что посредствомъ подкупа голосовъ, произведшаго впечатлѣніе даже въ эту эпоху глубочайшаго упадка нравовъ, и для котораго средства были доставлены всѣмъ знатнымъ сословіемъ въ совокупности, имъ удалось придать ему товарища въ лицѣ Марка Бибула, чье ограниченное упорство принималось въ ихъ кружкахъ за консервативную энергію. Если эти знатные господа не были вознаграждены, какъ слѣдуетъ, за свои патріотическіе расходы, то это, конечно, зависѣло не отъ отсутствія доброй воли у Бибула. Состоя консуломъ, Цезарь прежде всего предложилъ на обсужденіе желанія своихъ союзниковъ, изъ которыхъ раздача земель ветеранамъ азіатской арміи была самымъ важнымъ. Набросанный для этой цѣли Цезаремъ аграрный законъ твердо держался въ главныхъ чертахъ основъ законопроекта, предложеннаго уже за годъ передъ тѣмъ по порученію Помпея и потерпѣвшаго тогда пораженіе. Для раздачи предназначались только италійскія государственныя земли, т. е. въ сущности область Капуанская, а въ случаѣ, еслибъ этого было мало, и другія земли въ Италіи, которыя должны были покупаться изъ доходовъ новыхъ восточныхъ провинцій по цѣнѣ, назначенной въ цензовыхъ спискахъ; такимъ образомъ оставались неприкосновенными всѣ существующія уже имуще-

ственныя и наслѣдственныя права. Отдѣльные участки были незначительны, получателями земель должны были быть бѣдные граждане, отцы по крайней мѣрѣ трехъ дѣтей; весьма опасный принципъ, будто отбытіе военной службы даетъ право на поземельную собственность, не былъ выдвинутъ впередъ; но, что было вполнѣ справедливо и дѣлалось во всѣ времена, старые солдаты, и кромѣ того временные арендаторы, которыхъ приходилось выселять, были поручены особому вниманію раздавателей земель. Выполненіе было возложено на коммиссію изъ двадцати членовъ, въ которую Цезарь наотрѣзъ отказался быть избраннымъ.

Оппозиція аристократовъ.

Положеніе оппозиціи относительно этого предложенія было весьма трудно. Не было никакой разумной возможности отрицать, что, по учрежденіи провинцій Понта и Сиріи государственные финансы должны быть въ состояніи отказаться отъ арендныхъ суммъ съ Кампаніи; что непростительно было изъять изъ рукъ частныхъ людей одинъ изъ лучшихъ и особенно пригодныхъ для дробленія на мелкую собственность округовъ Италіи; наконецъ, что было-бы столь же несправедливо, какъ и смѣшно, все еще лишать Капую муниципальныхъ правъ теперь, когда гражданскія права распространились уже на жителей всей Италіи. Все предложеніе носило отпечатокъ умѣренности, честности и солидности, съ чѣмъ весьма искусно былъ соединенъ и демократическій характеръ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ предложеніе сводилось все таки къ возстановленію капуанской колоніи, основанной въ эпоху Марія и упраздненной Суллою. Относительно формы Цезарь также соблюдалъ всевозможную осторожность. Онъ началъ съ того, что внесъ на разсмотрѣніе сената планъ аграрнаго закона, предложеніе огульно утвердить сдѣланныя Помпеемъ на востокѣ распоряженія и просьбу откупщиковъ налоговъ о снятіи съ нихъ одной трети арендныхъ суммъ, причемъ высказалъ готовность выслушать и обсудить всѣ могущія быть предложенными измѣненія. Коллегія имѣла теперь случай убѣдиться въ томъ, какъ глупо поступила она, бросивъ Помпея и партію всадниковъ въ объятія противника, благодаря своему отказу исполнить ихъ требованія. Быть можетъ, это же самое тайное сознаніе вызвало со стороны высокорожденныхъ сенаторовъ громкое, рѣзко противоположное сдержанной манерѣ Цезаря, сопротивленіе. Аграрный законъ былъ просто отвергнутъ ими даже безъ обсужденія. На рѣшеніе по дѣлу о постановленіяхъ Помпея въ Азіи они взглянули столь же неблагопріятно. Что же касается предложенія арендаторовъ, то, по весьма непохвальному обычаю римскаго парламентаризма, Катонъ попытался заговорить его до смерти, т. е. продлить свою рѣчь до законнаго часа закрытія засѣданія; когда же Цезарь обнаружилъ намѣреніе велѣть арестовать этого безпокойнаго человѣка, и это предложеніе было окончательно отвергнуто. — Конечно, всѣ

эти предложенія были тогда же представлены на разсмотрѣніе гражданъ. Не уклоняясь далеко отъ истины, Цезарь могъ сказать толпѣ, что сенатъ презрительно отвергъ разумнѣйшія и необходимѣйшіе проекты, изложенные къ тому же въ самой почтительной формѣ, и только потому, что они исходили отъ демократическаго консула. Если онъ къ этому присовокуплялъ, что аристократы составили заговоръ, съ цѣлью добиться отклоненія предложеній, и взывалъ къ гражданамъ, въ особенности же къ самому Помпею и его старымъ солдатамъ, поддержать его въ борьбѣ съ коварствомъ и насиліемъ, то и это отнюдь не было лишено основанія. Аристократія, съ упрямымъ, слабоголовымъ Бибуломъ и упорнымъ, помѣшаннымъ на принципахъ, Катономъ во главѣ, дѣйствительно замышляла довести дѣло до открытаго насилія. Помпей, понуждаемый Цезаремъ высказаться по поводу своего отношенія къ спорному вопросу, не обинуясь заявилъ, хотя это не было вообще въ его нравахъ, что, если кто нибудь отважится обнажить мечь, и онъ возьмется за свой, причемъ не оставитъ дома и своего щита. Въ такомъ же смыслѣ высказался и Крассъ. Старые солдаты Помпея получили приказаніе прибыть на площадь въ день голосованія, всего ближе касавшагося именно ихъ, въ большомъ числѣ и съ оружіемъ, спрятаннымъ подъ одеждою.—Но аристократія не оставила не испытаннымъ ни одного средства помѣшать предложеніямъ Цезаря. Всякій разъ, когда Цезарь являлся передъ народомъ, товарищъ его Бибулъ принимался за извѣстныя всѣмъ политико-метеорологическія наблюденія, прерывавшія всѣ общественныя занятія. Цезарь не заботился о себѣ и продолжалъ предаваться своимъ житейскимъ дѣламъ. Трибуны вмѣшались тогда въ дѣло. Цезарь не обратилъ вниманія и на нихъ. Бибулъ и Катонъ бросились на ораторскую трибуну, говорили оттуда къ толпѣ и вызвали обычную неурядицу. Цезарь велѣлъ приставамъ увести ихъ съ площади, впрочемъ, позаботиться о томъ, чтобы имъ не было сдѣлано зла; для него же было выгодно, чтобы политическая комедія оставалась тѣмъ, чѣмъ она была.

Проведеніе аграрнаго закона. Пассивное сопротивленіе аристократіи.

Несмотря на всѣ интриги и весь шумъ, произведенный аристократіею, аграрный законъ, утвержденіе организаціи Азіи и уступка арендаторамъ были приняты гражданами; коммиссія двадцати, съ Помпеемъ и Крассомъ во главѣ, была избрана и введена въ должность; при всѣхъ своихъ усиліяхъ аристократія добилась только того, что, благодаря ея слѣпому и враждебному сопротивленію, коалиція сплотилась тѣснѣе, въ то время какъ ея собственная энергія, которая вскорѣ должна была потребоваться ей для болѣе важныхъ случаевъ, истратилась на эти, въ сущности маловначительные, вопросы. Всѣ поздравляли другъ друга съ выказаннымъ геройствомъ; заявленіе Бибула, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ уступитъ, отвага,

съ которою Катонъ даже въ рукахъ полицейскихъ служителей продолжалъ ораторствовать, — все это считалось великими патріотическими дѣяніями; въ остальномъ же всѣ покорились своей участи. Консулъ Бибулъ заперся въ своемъ домѣ на весь остатокъ года, вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣсивъ всюду объявленія о своемъ набожномъ намѣреніи изучать небесныя знаменія во всѣ дни текущаго года, отведенные для народныхъ собраній. Товарищи его снова преклонились передъ великимъ человѣкомъ, который, подобно тому какъ сказалъ Энній о старомъ Фабіѣ, «спасъ государство своими колебаніями», и рѣшились поступить, какъ онъ. Большинство изъ нихъ, въ томъ числѣ и Катонъ, не появлялись уже болѣе въ сенатѣ и, сидя въ четырехъ стѣнахъ, помогали своему консулу злиться на то, что, вопреки политической астрономіи, всемірная исторія двигалась далѣе. Публикѣ эта пассивность консула и вообще всей аристократіи естественно показалась чѣмъ-то въ родѣ политическаго отреченія; коалиція же была, понятно, весьма довольна тѣмъ, что ей давали возможность сдѣлать остальные шаги почти безпрепятственно.

Цезарь намѣстникомъ обѣихъ Галлій.

На основаніи конституціи сенату предлежало опредѣлить еще до выбора консуловъ полномочія на второй консульскій должностной годъ; въ виду возможности выбора Цезаря, сенатъ выбралъ на 696 годъ двѣ провинціи, гдѣ намѣстнику нечего было дѣлать, какъ только прокладывать дороги и исполнять другія, столь же полезныя работы. Конечно, на этомъ нельзя было остановиться; союзниками было рѣшено дать Цезарю, посредствомъ народнаго постановленія, чрезвычайную власть, созданную по образцу габино-маниліевыхъ законовъ. Цезарь, однако, публично заявилъ, что не сдѣлаетъ никакого предложенія въ свою пользу; вслѣдствіе этого, народный трибунъ Публій Ватиній взялъ на себя обязанность сдѣлать предложеніе гражданамъ, которые, понятно, повиновались безусловно. Благодаря этому, Цезарь получилъ намѣстничество въ цизальпійской Галліи и главное начальство надъ тремя находившимися тамъ легіонами, испытанными уже въ пограничныхъ стычкахъ при Люціи Афраніи; кромѣ того его адъютантамъ было дано званіе пропреторовъ, которымъ пользовались адъютанты Помпея; должность была закрѣплена за Цезаремъ на пять лѣтъ, — срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ вообще отводился полководцамъ, ограниченнымъ опредѣленнымъ временемъ. Ядро населенія его намѣстничества составляли Транспаданцы, которые, въ надеждѣ получить гражданскія права, были уже въ теченіе многихъ лѣтъ кліентами демократической партіи въ Римѣ, въ особенности Красса и Цезаря. Округъ его распространялся къ югу до Арно и Рубикона и включалъ въ себя Лукку и Равенну. Впослѣдствіи къ должностному району Цезаря была присоединена нарбонская провинція, съ единственнымъ находившимся въ ней легіономъ; это было рѣшено сенатомъ, по предложенію

Помпея, для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть эта власть не отдана была Цезарю экстраординарнымъ постановленіемъ гражданъ. Этимъ достигнуто было все, что требовалось. Такъ какъ, на основаніи конституціи, въ Италіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не должны были стоять войска, то главнокомандующій легіонами сѣверной Италіи и Галліи господствовалъ впродолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ надъ Италіею и Римомъ; а кто властвуетъ пять лѣтъ, тотъ властвуетъ и пожизненно. Консульство Цезаря достигло своей цѣли. Само собою разумѣется, новые властители не преминули поддерживать хорошее настроеніе духа толпы играми и всевозможными увеселеніями, и пользовались всякимъ случаемъ для наполненія своей кассы; такъ, напримѣръ, народное постановленіе, признавшее египетскаго царя законнымъ властелиномъ, было продано ему коалиціею за высокую цѣну; точно также пріобрѣтали при этомъ же случаѣ всевозможныя привиллегіи и льготныя грамоты и другіе династы и общины.

Мѣры безопасности, принятыя союзниками. Прочность всѣхъ сдѣланныхъ распоряженій казалась достаточно обезпеченною. Консульство было отдано въ вѣрныя руки, по крайней мѣрѣ на слѣдующій годъ. Публика думала сначала, что оно предназначено самому Помпею и Крассу; но люди, власть имѣвшіе, предпочли заставить избрать въ консулы на 696 годъ двухъ второстепенныхъ, но вполнѣ надежныхъ членовъ своей партіи, Авла Габинія, лучшаго изъ адъютантовъ Помпея, и Люція Пизона, пользовавшагося меньшимъ значеніемъ, но бывшаго тестемъ Цезаря. Помпей обязался лично охранять Италію, гдѣ онъ, во главѣ коммиссіи двадцати, занялся примѣненіемъ аграрнаго закона и надѣлилъ поземельной собственностью въ капуанской области до 20,000 гражданъ, большею частью старыхъ солдатъ его арміи; оплотомъ противъ столичной оппозиціи служили ему сѣверо-италійскіе легіоны Цезаря. На разрывъ между властителями нельзя было разсчитывать, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Законы, издаваемые Цезаремъ въ званіи консула и въ сохраненіи которыхъ Помпей былъ почти столь же заинтересованъ, какъ и самъ Цезарь, ручались за продолженіе разлада между Помпеемъ и аристократіею, вожди которой, и въ особенности Катонъ, продолжали считать эти законы несуществующими; вмѣстѣ съ тѣмъ это было ручательствомъ и продолженія коалиціи. Случилось такъ, что и личныя связи ея вождей сдѣлались тѣснѣе. Цезарь честно и вѣрно сдержалъ слово, данное имъ союзникамъ, не урѣзая у нихъ обѣщаннаго и не придираясь въ мелочахъ; въ особенности же аграрный законъ, предложенный имъ въ интересахъ Помпея, былъ защищаемъ имъ съ такою ловкостью и энергіею, какъ бы его личное дѣло. Помпей не былъ нечувствителенъ къ честному образу дѣйствій и вѣрности, и чувствовалъ расположеніе къ тому кто однимъ

ударомъ вывелъ его изъ жалкой роли просителя, разыгрываемой имъ уже цѣлыхъ три года. Частыя и интимныя сношенія съ человѣкомъ, столь неотразимо привлекательнымъ, какимъ былъ Цезарь, съ своей стороны превратили союзъ интересовъ въ союзъ дружбы. Результатомъ и залогомъ этой дружбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и открытымъ, не допускающимъ никакого недоразумѣнія, провозглашеніемъ вновь основаннаго коллективнаго правленія, былъ бракъ Помпея съ единственною двадцати-трехлѣтнею дочерью Цезаря. Юлія, унаслѣдовавшая привлекательность отца, жила съ своимъ мужемъ, который былъ вдвое старше ея, въ самой счастливой домашней обстановкѣ, и граждане, жаждавшіе, послѣ стольких бѣдствій и кризисовъ, спокойствія и порядка, усматривали въ этомъ брачномъ союзѣ гарантію мирнаго и цвѣтущаго будущаго.

Положеніе аристократіи.

Чѣмъ теснѣе и прочнѣе сплачивался союзъ между Помпеемъ и Цезаремъ, тѣмъ безнадежнѣе становилось дѣло аристократіи. Она видѣла мечъ, висѣвшій надъ ея головою, и достаточно знала Цезаря, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что онъ не колеблясь пуститъ его въ дѣло, если въ этомъ окажется необходимость. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ одинъ изъ аристократовъ, «насъ стѣсняютъ; изъ боязни смерти или изгнанія мы уже отказались отъ «свободы»; всѣ только вздыхаютъ, и никто не отваживается говорить». Болѣе этого не могли требовать союзники. Но если большинство аристократовъ находилось въ этомъ желанномъ настроеніи духа, то, конечно, и въ этой партіи не было недостатка въ пылкихъ умахъ. Не успѣлъ Цезарь сложить съ себя консульство, какъ нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ аристократовъ, Люцій Домицій и Гай Меммій, сдѣлали въ полномъ засѣданіи сената предложеніе кассировать юліевы законы. Правда, что это была просто нелѣпость, кончившаяся въ пользу коалиціи; такъ какъ Цезарь самъ настаивалъ теперь на томъ, чтобы сенатъ разслѣдовалъ легальность оспариваемыхъ законовъ, то ему ничего не оставалось дѣлать, какъ формально признать эту легальность. Но, понятно, что вожди коалиціи усмотрѣли въ этомъ новый поводъ покарать, ради примѣра, нѣкоторыхъ изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе громко высказывавшихся оппонентовъ и при этомъ убѣдить себя, что остальная масса упорствуетъ въ столь цѣлесообразномъ для нея вздыханіи и молчаніи. Сначала надѣялись, что статья аграрнаго закона, требовавшая, какъ обыкновенно, отъ всѣхъ сенаторовъ присяги новому постановленію подъ угрозою лишенія ихъ политическихъ правъ, побудитъ, по примѣру Метелла Нумидійскаго, самыхъ ярыхъ оппонентовъ осудить себя на изгнаніе своимъ отказомъ произнести эту присягу. Но сенаторы не оказались столь услужливыми; даже суровый Катонъ рѣшился присягнуть, и всѣ его Санчо послѣдовали за нимъ. Вторая, довольно недостойная попытка, угрожавшая

вождямъ аристократіи уголовнымъ преслѣдованіемъ, подъ предлогомъ будто-бы замышлявшагося ими убійства Помпея, для того чтобы этимъ путемъ осудить ихъ на изгнаніе, неудалась, благодаря неспособности исполнителей; доносчикъ, нѣкій Веттій, впалъ въ преувеличеніе и противорѣчилъ себѣ такъ сильно, а трибунъ Ватиній, руководившій этимъ нечистымъ дѣломъ, такъ обнаружилъ свое сообщничество съ Веттіемъ, что нашли удобнымъ придушить его въ тюрьмѣ и оставить все дѣло безъ послѣдствій. При этомъ случаѣ вожди коалиціи убѣдились, однако, вдоволь въ полнѣйшемъ разложеніи аристократіи и въ безграничной трусливости знатныхъ особъ; даже такой человѣкъ, какъ Люцій Лукуллъ, бросился въ ноги Цезарю и открыто объявилъ, что принужденъ въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ удалиться отъ общественной жизни. Пришлось удовлетвориться небольшимъ числомъ жертвъ.

Удаленіе Катона и Цицерона. Прежде всего слѣдовало удалить Катона, не скрывавшаго своего взгляда въ ничтожество всѣхъ юліевыхъ законовъ и способнаго дѣйствовать такъ, какъ онъ думалъ. Не таковъ былъ, правда, Маркъ Цицеронъ, и никто не бралъ даже на себя труда его бояться. Однако демократическая партія, игравшая въ коалиціи первую роль, не могла послѣ своего торжества оставить безнаказаннымъ юридическое убійство 5 декабря 691 года, которое она такъ громко и такъ справедливо порицала. Если-бы хотѣли призвать къ отвѣтственности настоящихъ виновниковъ рокового рѣшенія, то, конечно, слѣдовало приняться не за безхарактернаго консула, а за ту фракцію строгой аристократіи, которая понуждала этого боязливаго человѣка назначить казнь. Но, на основаніи формальнаго права, отвѣтственными были, конечно, не совѣтчики консула, а онъ самъ; къ тому же, болѣе милосердно было призвать къ отчету одного только консула и оставить совершенно въ сторонѣ сенатскую коллегію, вслѣдствіе чего въ числѣ мотивовъ направленнаго противъ Цицерона заявленія, сенатское постановленіе, на основаніи котораго была назначена казнь, прямо называлось подложнымъ. Даже относительно Цицерона властители охотно избѣжали-бы мѣръ, рѣзко бросающихся въ глаза; но Цицеронъ никакъ не могъ заставить себя ни дать требуемыхъ отъ него гарантій, ни удалиться добровольно изъ Рима подъ однимъ изъ многократно предлагаемыхъ ему благовидныхъ предлоговъ, ни молчать. При величайшемъ желаніи избѣгнуть всякаго столкновенія и, несмотря на искреннѣйшій страхъ свой, онъ все-таки не имѣлъ достаточно твердости, чтобы быть осторожнымъ; слово вырывалось у него, если шаловливая острота подзадоривала его, или если самонадѣянность, доведенная похвалою такого множества знатныхъ господъ до степени умопомраченія, изливалась въ благозвучныхъ періодахъ плебея-адвоката. Выполненіе мѣръ, задуманныхъ противъ Катона и Цицерона, было поручено знатному и безнравствен-

ному, но дѣльному и, главное, дерзкому Публію Клодію, уже многіе годы жившему съ Цицерономъ въ злѣйшей враждѣ; чтобы удовлетворить ее и имѣть возможность играть роль въ качествѣ демагога, онъ во время консульства Цезаря быстро превратился изъ патриція въ плебея и добился своего избранія на 696 годъ въ должность народнаго трибуна. Для того чтобы служить опорой Клодію, проконсулъ Цезарь остался въ непосредственной близости столицы вплоть до той поры, когда былъ нанесенъ ударъ обѣимъ жертвамъ. На основаніи данныхъ ему инструкцій Клодій предложилъ гражданамъ поручить Катону привести въ ясность запутанныя общинныя дѣла Византійцевъ и занять кипрское царство, которое, подобно Египту, досталось Римлянамъ по завѣщанію Александра II, не откупившись (какъ это сдѣлано было Египтомъ) отъ римской оккупаціи,—и царь котораго къ тому-же задолго передъ тѣмъ лично оскорбилъ Клодія. Относительно Цицерона Клодій предложилъ законопроектъ, по которому казнь гражданина безъ суда объявлялась преступленіемъ, заслуживающимъ кары изгнаніемъ изъ страны. И такъ, Катонъ былъ удаленъ подъ предлогомъ почетной миссіи, Цицерону-же была присуждена возможно слабѣйшая мѣра наказанія; къ тому-же въ заявленіи даже не было упомянуто его имя. Но лишить себя удовольствія съ одной стороны наказать за выказанную имъ охранительную энергію человѣка завѣдомо нерѣшительнаго, принадлежавшаго къ числу политическихъ флюгеровъ,—съ другой-же стороны вручить при посредствѣ народнаго постановленія чрезвычайную власть именно тайному противнику ея и вообще всякаго вмѣшательства гражданъ въ дѣла правленія,—этого не хотѣли сдѣлать люди, власть имѣвшіе; предложеніе, касавшееся Катона, съ такимъ-же юморомъ мотивировано было безпримѣрной добродѣтелью этого человѣка, которая дѣлала его болѣе всѣхъ другихъ способнымъ выполнить столь щекотливое порученіе, какъ конфискація значительныхъ коронныхъ богатствъ Кипра, не утаивъ при этомъ ничего. Оба предложенія носятъ отпечатокъ деликатнаго вниманія и спокойной ироніи, вообще характеризующихъ обращеніе Цезаря съ сенатомъ. Сопротивленія они не встрѣтили. Толку, конечно, было мало въ томъ, что сенатское большинство, чтобъ хоть чѣмъ нибудь протестовать противъ осмѣянія его постановленія по дѣлу Катилины, публично облеклось въ траурныя одежды, и что теперь, когда было уже поздно, самъ Цицеронъ на колѣнахъ молилъ Помпея о пощадѣ; онъ вынужденъ былъ удалиться въ изгнаніе еще прежде, чѣмъ прошелъ законъ, закрывавшій ему доступъ на родину (апрѣль 696 года). Катонъ также не пожелалъ вызвать противъ себя болѣе суровыхъ мѣръ отклоненіемъ даннаго ему порученія, а напротивъ того принялъ его и отплылъ на востокъ. Ближайшее было такимъ образомъ сдѣлано; самъ Цезарь могъ теперь покинутъ Италію и посвятить себя выполненію болѣе серьозныхъ задачъ.

ГЛАВА VII.

Покореніе Запада.

Романизированіе Запада. Когда ходъ исторіи снова обращается отъ жалкаго однообразія политическаго эгоизма, борьба котораго разыгрывалась въ куріи и на улицахъ столицы, къ событіямъ болѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о томъ, будетъ ли называться первый монархъ Рима Гнеемъ, Гаемъ или Маркомъ, то позволительно, кажется, стоя на порогѣ событія, чьи послѣдствія и нынѣ еще опредѣляютъ судьбы міра, оглядѣться хоть на минуту и указать послѣдовательность, въ которой слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія міровой исторіи завоеваніе нынѣшней Франціи Римлянами и первое сближеніе ихъ съ жителями Германіи и Великобританіи.—Въ силу того закона, что народъ, развившійся въ государство, растворяетъ въ себѣ народъ политически несовершеннолѣтній, что цивилизованное племя поглощаетъ сосѣдей духовно неразвитыхъ, въ силу этого закона, столь же неоспоримаго и естественнаго, какъ и законъ тяготѣнія, италійская нація, единственная нація древняго міра, съумѣвшая соединить высшее политическое развитіе съ высшею цивилизаціею (послѣднее, правда, лишь въ весьма несовершенной и внѣшней формѣ), была одна только способна подчинить себѣ готовыя къ паденію греческія государства на Востокѣ и вытѣснить на Западѣ, посредствомъ своихъ колонистовъ, народности низшей степени культуры, Ливійцевъ, Иберійцевъ, Кельтовъ, Германцевъ; съ такимъ же правомъ Англія покорила себѣ въ Азіи равноправную съ нею, но политически-безсильную цивилизацію, наложила печать своей національности и облагородила въ Америкѣ и Австраліи пространныя варварскія страны и продолжаетъ и теперь тамъ свою дѣятельность. Первое условіе задачи, объединеніе Италіи, было исполнено римскою аристократіею; сама задача еще не была рѣшена ею, а напротивъ того, всѣ внѣшнія завоеванія Италіи постоянно считались либо неизбѣжнымъ зломъ, либо стоящею внѣ государства доходною статьею. — Умѣнье правильно понять и энергически осуществить свое высшее назначеніе

составляетъ неувядающую славу римской демократіи или монархіи (и та и другая со временемъ совпали). Все, что неотразимая сила обстоятельствъ подготовила, при посредствѣ сената, противъ своей воли положившаго и на западѣ, и на востокѣ основы будущаго римскаго владычества,—все, что инстинктивно поняли римскіе эмигранты въ провинціяхъ, явившіеся туда, правда, какъ бичъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ западныхъ странахъ и какъ піонеры высшей культуры, все это понялъ и началъ осуществлять съ увѣренностью и ясностью взгляда настоящаго государственнаго человѣка основатель римской демократіи, Гай Гракхъ. Двѣ основныя идеи новой политики: соединеніе всѣхъ эллинскихъ областей Рима и колонизація не-эллинскихъ земель, были на практикѣ признаны еще въ эпоху Гракховъ, въ пору конфискаціи атталійскаго царства и трансальпійскихъ завоеваній Флакка; но торжествующая реакція снова дала дѣлу этому заглохнуть. Римское государство осталось нестройною массою земель безъ сильной оккупаціи и надлежащихъ границъ. Испанія и греко-азіатскія владѣнія были отдѣлены отъ метрополіи обширными областями, едва подвластными Римлянамъ на своихъ береговыхъ полосахъ; на сѣверномъ берегу Африки одни только карѳагенскія и киренейскія владѣнія были заняты римскими колоніями, разбросанными повсюду точно острова; даже изъ подвластныхъ Римлянамъ владѣній большія пространства, въ особенности въ Испаніи, принадлежали имъ лишь на бумагѣ: со стороны правительства ничего не дѣлалось для сосредоточенія и округленія владѣній, и упадокъ флота порвалъ, казалось, послѣднюю связь между отдаленными областями. Демократія пыталась, правда, со времени своего усиленія, создать внѣшнюю политику въ духѣ Гракха; съ подобными идеями носился въ особенности Марій; но, такъ-какъ демократія не долго оставалась во главѣ правленія, то все дѣло и ограничивалось одними замыслами. Лишь тогда, когда, съ паденіемъ сулловой конституціи въ 684 году, демократія фактически взяла въ свои руки бразды правленія, совершился переворотъ и въ этомъ отношеніи. Прежде всего было возстановлено римское господство надъ Средиземнымъ моремъ, первый жизненный вопросъ для такого государства, какимъ былъ Римъ. Посредствомъ захвата понтійскихъ и сирійскихъ владѣній была обезпечена пограничная линія Евфрата.

Историческое значеніе завоевательныхъ походовъ Цезаря.

Необходимо было теперь установить границы римскаго государства по ту сторону Альпъ, на сѣверѣ и западѣ, и завоевать новую дѣвственную почву для эллинской культуры и для далеко еще несломленной силы италійскаго племени. Эту задачу выполнилъ Гай Цезарь. Было бы болѣе чѣмъ ошибкою, было бы преступленіемъ противъ божественнаго духа исторіи, еслибы мы смотрѣли на Галлію исключительно только, какъ на учебный плацъ, на которомъ Цезарь готовилъ себя и свои легіоны для престоявшей междоусоб-

ной войны. Хотя покореніе запада было для Цезаря средствомъ для достиженія цѣли, въ томъ смыслѣ, что заальпійскія войны положили начало его позднѣйшему могуществу, но геніальные государственные люди имѣютъ ту привиллегію, что средства ихъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлями. Цезарю нужна была въ интересахъ его партіи военная власть, но Галлію онъ завоевалъ не какъ сторонникъ партіи. Для Рима было политическою необходимостью встрѣтиться съ вѣчно грозившимъ нашествіемъ Германцевъ еще по ту сторону Альпъ и воздвигнуть тамъ оплотъ, который обезпечилъ бы миръ римской державы. Но и эта важная цѣль не была высшею и послѣднею, изъ-за которой Цезарь завоевалъ Галлію. Когда старая родина стала тѣсна римскому гражданству и ей угрожала гибель, италійская завоевательная политика сената спасла ее. Теперь и италійская родина стала тѣсна; государство снова изнывало вслѣдствіе той же соціальной неурядицы, принявшей только большіе размѣры; геніальная мысль, грандіозная надежда увлекла Цезаря за Альпы,—именно мысль и надежда найти тамъ для своихъ согражданъ новую безпредѣльную родину и вторично обновить государство, поставивъ его на болѣе широкую основу.

Цезарь въ Испаніи. До извѣстной степени можно отнести къ числу предпріятій, клонившихъ къ покоренію Запада, и тотъ походъ, который Цезарь предпринялъ въ 693 году въ западную Испанію. Какъ ни долго повиновалась Испанія Римлянамъ, западное побережье все еще оставалось независимымъ отъ нихъ, даже послѣ экспедиціи Децима Брута противъ Каллековъ, а на сѣверное они даже вовсе не вступали. Грабежи, которымъ съ той стороны непрерывно подвергались покоренныя Римлянами мѣстности, наносили немалый ущербъ культурѣ и романизированію Испаніи. Противъ этого былъ направленъ походъ Цезаря вдоль западнаго берега. Предварительно разбивъ жителей и частью переселивъ ихъ въ равнину, онъ перешелъ чрезъ примыкавшую къ Тахо съ сѣвера цѣпь герминійскихъ горъ (Сьерра де Эстрелья), подчинилъ себѣ мѣстность по обѣ стороны Дуэро и достигъ сѣверо-западной оконечности полуострова, гдѣ съ помощью прибывшей изъ Гадеса флотиліи, занялъ Бриганціумъ (Корунью). Этимъ онъ принудилъ жителей береговъ Атлантическаго океана, Лузитанцевъ и Каллековъ, признать римское главенство; вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдитель немедленно позаботился и о томъ, чтобы уменьшеніемъ выплачиваемой Риму дани и регулированіемъ экономическаго положенія общинъ сдѣлать существованіе подданныхъ вообще сноснымъ.— Тѣмъ не менѣе, если въ этомъ административномъ и военномъ дебютѣ великаго полководца и государственнаго человѣка уже сквозятъ тѣ же дарованія и руководящія идеи, которыя онъ впослѣдствіи обнаружилъ на болѣе широкой аренѣ, то все таки дѣятельность его на иберійскомъ полуостровѣ была слишкомъ кратковременна, для того

чтобы пустить глубокіе корни, тѣмъ болѣе, что при своеобразныхъ физическихъ и національныхъ условіяхъ Иберіи только продолжительная и энергическая дѣятельность могла оказать прочное вліяніе.

Страна Кельтовъ.

Болѣе значительная роль въ романскомъ развитіи запада выпала на долю той страны, которая разстилается между Пиренеями и Рейномъ, Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, и которой со времени Августа давалось по преимуществу названіе страны Кельтовъ, Галліи, хотя въ точномъ смыслѣ слова кельтская страна была частью менѣе обширна, частью простиралась гораздо дальше, и хотя кромѣ того страна эта никогда не представляла національнаго, а до Августа и политическаго цѣлаго. Вслѣдствіе этого нелегко представить наглядную картину тѣхъ весьма разнородныхъ порядковъ, которые засталъ тамъ Цезарь при своемъ прибытіи въ страну въ 696 году.

Римская провинція. Войны и возстаніе.

Въ мѣстности, лежавшей на Средиземномъ морѣ, обнимая, приблизительно къ западу отъ Роны, Лангедокъ, къ востоку — Дофинэ и Провансъ, и бывшей уже въ теченіе шестидесяти лѣтъ римской провинціею, римское оружіе рѣдко оставалось въ бездѣйствіи, со времени кимврскаго погрома, коснувшагося и ея. Въ 664 году Гай Целій сражался съ Салійцами при Aquae sextiae; въ 674 году Гай Флаккъ, находясь на пути въ Испанію, боролся съ населеніемъ другихъ кельтскихъ поселковъ. Когда во время серторіевой войны, намѣстникъ Люцій Манлій, вынужденный поспѣшить на помощь къ своему товарищу по ту сторону Пиренеевъ, вернулся разбитый изъ Илерды (Лериды) и на обратномъ пути былъ вторично разбитъ западными сосѣдями римской провинціи, Аквитанами (въ 676 году), это вызвало, повидимому, всеобщее возстаніе провинціаловъ между Пиренеями и Роною, быть можетъ, даже тѣхъ, которые жили между Роною и Альпами. Помпей долженъ былъ проложить себѣ путь въ Испанію чрезъ возмутившуюся Галлію съ мечемъ въ рукѣ и, въ наказаніе за возстаніе, отдалъ въ собственность Массаліотамъ владѣнія Вольковъ-Арекомиковъ и Гельвійцевъ (департ. Гарда и Ардешъ); намѣстникъ Маній Фонтей (678 — 680) привелъ въ исполненіе эти постановленія и возстановилъ спокойствіе въ провинціи, покоривъ Воконтійцевъ (департ. Дромы), охранивъ Массалію отъ инсургентовъ и освободивъ римскую столицу Нарбонъ, которую они осадили. Но отчаяніе и экономическая неурядица, вызванныя въ галльскихъ провинціяхъ бѣдствіями испанской войны, законными и незаконными вымогательствами Римлянъ, не дали странѣ успокоиться; въ особенности наиболѣе отдаленный отъ Нарбона кантонъ Аллоброговъ находился въ постоянномъ броженіи, о которомъ свидѣтельствуютъ предпринятое тамъ въ 688 году Гаемъ Пизономъ «водвореніе мира», равно какъ и поведеніе въ Римѣ аллоброгскаго посольства во время анархистскаго заговора; броженіе вскорѣ перешло въ открытое возстаніе (693 годъ). Катугнатъ, вождь Аллоброговъ въ этой войнѣ, вызванной отчаяні-

емъ, былъ покоренъ при Солоніумѣ, послѣ славнаго сопротивленія, намѣстникомъ Гаемъ Помптиномъ, хотя боролся вначалѣ не безъ успѣха.

Границы; сношенія съ Римомъ и начало романизированія.

Несмотря на всю эту борьбу, границы римскихъ владѣній не были значительно выдвинуты впередъ; Лугудунумъ Конвенарумъ, гдѣ Помпей поселилъ остатки серторіевой арміи, Толоза, Віенна и Генава все еще были крайними римскими владѣніями на западѣ и сѣверѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло значеніе для метрополіи этихъ галльскихъ владѣній; превосходный климатъ, схожій съ итальянскимъ, благопріятныя почвенныя условія, обширная, богатая и столь полезная для торговли страна, раастилавшаяся за римскими предѣлами, съ тянувшимися вплоть до Британіи торговыми путями, удобныя морскія и сухопутныя сношенія съ родиною, вскорѣ дали южной части кельтской земли такое экономическое значеніе для Италіи, какого не достигли въ теченіе столѣтій гораздо болѣе старыя владѣнія ея, какъ напримѣръ, испанскія и, подобно тому, какъ политически пострадавшіе Римляне искали въ это время убѣжища преимущественно въ Массаліи и находили тамъ итальянскую культуру и роскошь, такъ и добровольные эмигранты изъ Италіи стягивались все болѣе и болѣе къ берегамъ Роны и Гаронны. «Провинція Галлія,» читаемъ мы въ одномъ очеркѣ этой страны, за десять лѣтъ до прибытія Цезаря, «переполнена торговцами; въ ней множество римскихъ гражданъ. Ни одинъ Галлъ не совершаетъ сдѣлки безъ посредничества Римлянина; каждый грошъ, который переходитъ въ Галліи изъ рукъ въ руки, проходитъ чрезъ счетную книгу римскихъ гражданъ». Изъ того же описанія явствуетъ, что въ Нарбонѣ, кромѣ колонистовъ, находилось и большое число римскихъ сельскихъ хозяевъ и скотоводовъ, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что большая часть принадлежавшихъ Римлянамъ провинціальныхъ земель, подобно тому, какъ было это въ раннюю пору съ значительною частью англійскихъ владѣній въ сѣверной Америкѣ, находилась въ рукахъ знати, жившей въ Италіи, и что упомянутые хлѣбопашцы и скотоводы были по большей части ея управителями, рабами или вольноотпущенниками. Понятно, что при такихъ условіяхъ культура и романизированіе быстро распространились среди населенія. Кельты не любили земледѣлія, новые же повелители принудили ихъ промѣнять мечъ на плугъ, и весьма вѣроятно, что ожесточенное сопротивленіе Аллоброговъ было отчасти вызвано подобными постановленіями. Въ древнѣйшія времена эллинизмъ царилъ до извѣстной степени и въ этихъ мѣстностяхъ; элементы высшей культуры, стремленіе къ воздѣлыванію вина и маслинъ, къ употребленію письменъ *), чеканъ монетъ были вызваны

*) Такъ, напримѣръ, въ Везонѣ, въ кельтскомъ поселкѣ была найдена над-

воздѣйствіемъ Массаліи. Эллинская культура отнюдь не была вытѣснена отсюда Римлянами. Благодаря имъ, Массалія получила больше вліянія, чѣмъ утратила, и еще въ римскую эпоху греческіе врачи и риторы избирались въ галльскихъ кантонахъ по распоряженію общины. Понятно, однако, что эллинизмъ получилъ, благодаря Римлянамъ, тотъ же характеръ въ южной кельтской странѣ, что и въ Италіи. Чисто эллинская цивилизація отступила передъ смѣшанной латино-греческой культурой, вскорѣ сдѣлавшей здѣсь многочисленныхъ прозелитовъ. «Галлы-шароварники», какъ называли въ противоположность сѣверо-итальянскимъ «Галламъ въ тогѣ» жителей южной кельтской страны, не были еще, правда, вполнѣ романизированы, подобно послѣднимъ, но они все-таки весьма замѣтно отличались уже отъ «длинноволосыхъ Галловъ», жившихъ въ еще не покоренныхъ сѣверныхъ странахъ. Установившаяся у нихъ полу-культура давала, правда, достаточно пищи для насмѣшекъ надъ ихъ варварской латынью, и никто не преминулъ бы напомнить человѣку, подозрѣваемому въ кельтскомъ происхожденіи, о его роднѣ, «щеголяющей въ шароварахъ»; но этой плохой латыни было однако достаточно для того, чтобы даже далекіе Аллоброги могли вступать въ дѣловыя сношенія съ римскими властями и даже безъ помощи толмачей давать свидѣтельскія показанія въ римскихъ судахъ. Если поэтому кельтское и лигурійское населеніе этихъ мѣстностей готово было утратить свою національность и вмѣстѣ съ тѣмъ изнемогало и истощалось подъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ, о нестерпимости котораго достаточно свидѣтельствуетъ рядъ безнадежныхъ возстаній, то тѣмъ не менѣе паденіе мѣстнаго населенія шло здѣсь рука объ руку съ водвореніемъ той же высшей культуры, которую мы въ это время застаемъ въ Италіи. Aquae Sextiae и еще болѣе того Нарбонъ были значительными центрами, которые, по справедливости, могли быть называемы на ряду съ Беневентомъ и Капуею; Массалія же, самый благоустроенный, свободный, сильный и могущественный изъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ Рима греческихъ городовъ, съ ея строго аристократическимъ образомъ правленія, на которое римскіе консерваторы указывали, безъ сомнѣнія, какъ на образецъ хорошей городской конституціи, Массалія, владѣвшая обширной и еще значительно увеличенной Римлянами областью и распространенной торговлею, относилась къ латинскимъ городамъ, какъ въ Италіи Регіонъ и Неаполь къ Капуѣ и Беневенту.

пись на кельтскомъ языкѣ, написанная обыкновеннымъ греческимъ алфавитомъ. Она гласитъ такъ; σεγομαρος ουιλλονεος τοουτιους ναμαυσατις ειωρου βηλησαμισοσιν νεμητον. Послѣднее слово значитъ „священный“.

Свободная кельтская страна. Иныя впечатлѣнія возникаютъ, если переступить за римскую границу. Великая кельтская нація, которая въ южныхъ мѣстностяхъ начинала уже чувствовать гнетъ италійской эмиграціи, жила къ сѣверу отъ Севеннъ въ традиціонной свободѣ. Не впервые встрѣчаемся мы съ этой народностью; съ выходцами и передовыми постами этого громаднаго племени Италики боролись уже на Тибрѣ и По; въ горахъ Кастильи и Каринтіи, даже далеко въ центрѣ Малой Азіи; но здѣсь впервые подвергся ихъ нападеніямъ главный корень этого племени въ самомъ центрѣ своемъ. Кельтское племя, во время своего поселенія въ Средней Европѣ, распространилось преимущественно по плодороднымъ рѣчнымъ долинамъ и красивой холмистой мѣстности нынѣшней Франціи и западной полосѣ Германіи и Швейцаріи и заняло отсюда, по крайней мѣрѣ, южную часть Англіи, а быть можетъ, уже тогда и всю Великобританію и Ирландію *); болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой мѣстности, оно образовало здѣсь большую, географически замкнутую народную массу. Несмотря на различіе говора и нравовъ, которое, конечно, было неизбѣжно въ столь обширныхъ владѣніяхъ, тѣсныя взаимныя сношенія, чувство духовнаго родства тѣмъ не менѣе соединяло, повидимому, народности, жившія отъ Роны и Гаронны до Рейна и Темзы, между тѣмъ какъ съ Кельтами Испаніи и нынѣшней Австріи они хотя и были связаны до извѣстной степени условіями мѣстности, но за то громадные горные кряжи Пиренеевъ и Альпъ и захваты Римлянъ и Германцевъ гораздо болѣе нарушали здѣсь сношенія и духовную связь между соплеменниками, чѣмъ могла разъединить континентальныхъ и британскихъ Кельтовъ узкая полоса моря. Къ сожалѣнію, намъ не дано прослѣдить шагъ за шагомъ ходъ внутренняго развитія этого интереснаго народа въ его главныхъ центрахъ: мы должны ограничиться общимъ начертаніемъ его культурно-историческаго и политическаго положенія, какимъ мы застаемъ его здѣсь въ эпоху Цезаря.

Населеніе, хлѣбопашество и скотоводство. По свидѣтельству древнихъ писателей, Галлія была относительно хорошо заселена. Нѣкоторыя показанія даютъ право предположить, что въ бельгійскихъ округахъ приходилось на каждую квадратную милю до девятисотъ человѣкъ—отношеніе, встрѣчаемое нынѣ въ

*) На продолжительное переселеніе бельгійскихъ Кельтовъ въ Британію указываютъ названія англійскихъ народностей, жившихъ по обѣ стороны Темзы, заимствованныя у бельгійскихъ поселковъ, какъ напримѣръ названіе Атребатовъ, Белговъ, даже самихъ Британцевъ, причемъ послѣднее слово съ жившихъ на берегу Соммы, около Амьена, Бриттоновъ было перенесено, какъ кажется, сперва на одинъ англійскій поселокъ, а за симъ и на весь островъ. Даже чеканъ англійскихъ денегъ заимствованъ у Белговъ и былъ первоначально тождественъ съ ихъ чеканомъ.

Валлисѣ и Лифляндіи,—въ швейцарскихъ же кантонахъ—приблизительно до тысячи ста *); весьма вѣроятно, что въ округахъ, болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ бельгійскіе, и менѣе гористыхъ, чѣмъ округа Гельвеціи, напримѣръ, у Битуриговъ, Арверновъ, Гедуевъ, цифра эта еще увеличивалась. Хлѣбопашество процвѣтало въ Галліи, такъ какъ въ прирейнской области умѣнье удобрять почву **) поразило еще современниковъ Цезаря, а древне-кельтскій обычай варить изъ ячменя пиво (cervesia) точно также свидѣтельствуетъ о раннемъ и далекомъ распространеніи культуры злаковъ; но хлѣбопашество тѣмъ не менѣе не пользовалось уваженіемъ. Даже въ болѣе цивилизованныхъ южныхъ странахъ считалось недостойнымъ свободнаго Кельта идти за плугомъ. Гораздо выше стояло у Кельтовъ скотоводство, для котораго римскіе землевладѣльцы этой эпохи предпочтительно пользовались, какъ кельтскими породами скота, такъ и храбрыми, свѣдущими въ верховой ѣздѣ и въ уходѣ за животными, кельтскими рабами ***). Скотоводство

*) Первый созывъ милиціи въ бельгійскихъ кантонахъ, за исключеніемъ Ремовъ, словомъ, въ мѣстности, лежавшей между Сеною и Шельдою и къ востоку вплоть до Реймса и Андернаха, и занимавшей отъ 2000 до 2200 квадратныхъ миль, исчисляется въ 300,000 человѣкъ; на этомъ основаніи, если считать общеобязательнымъ отношеніе перваго призыва у Белловаковъ къ совокупности населенія, годнаго къ военной службѣ, то число способныхъ носить оружіе Белговъ будетъ равняться 500,000, а вся масса населенія по крайней мѣрѣ двумъ милліонамъ. Гельветы и сосѣднія съ ними народности насчитывали до своего выселенія до 336,000 челов.; если предположить, что они уже тогда были вытѣснены съ праваго берега Рейна, то ихъ владѣнія могутъ считаться приблизительно въ 300 квадратныхъ миль. Рѣшить вопросъ, причислялись-ли къ населенію рабы, тѣмъ труднѣе, что мы не знаемъ, какую форму приняло рабство у Кельтовъ; то, что Цезарь (1, 4) разсказываетъ о рабахъ, и спутникахъ Оргеторига, говоритъ скорѣе противъ причисленія, чѣмъ за него. Разумный читатель, конечно, несомнѣнно признаетъ, не отвергая ея безусловно, что всякая попытка замѣнить комбинаціями то, чего наиболѣе недостаетъ въ древней исторіи, именно статистическую основу, должна приниматься съ справедливою осторожностью.

**) „Въ Галліи по ту сторону Альпъ, во внутренней странѣ на Рейнѣ“, повѣствуетъ Скрофа у Варрона, de r. r., 1, 7, 8, „я посѣтилъ, когда предводительствовалъ тамъ отрядомъ, нѣкоторыя мѣстности, гдѣ не произростаетъ ни виноградъ, ни маслина, ни фруктовыя дерева, гдѣ бѣлымъ мѣломъ удобряютъ поля, гдѣ нѣтъ ни морской, ни рудниковой соли, а вмѣсто нея употребляютъ соленый уголь нѣкоторыхъ сожженныхъ древесныхъ породъ“. Описаніе это относится, вѣроятно, къ до-цезаревской эпохѣ и къ восточнымъ полосамъ древней провинціи, какъ напримѣръ, къ аллоброгской странѣ; позднѣе Плиній подробно описываетъ галло-британскій способъ удобренія (h. n., 17, 6, 42 и слѣд.).

***) „Хорошею породою отличаются въ Италіи въ особенности галльскіе быки; главнымъ образомъ пригодны они для полевыхъ работъ; лигурійскіе, напротивъ того, не годятся ни на что путное“ (Varr., de r. r., 2, 5, 9). Здѣсь гово-

преобладало въ особенности въ сѣверныхъ кельтскихъ земляхъ. Въ эпоху Цезаря Бретань была бѣдна хлѣбомъ. На сѣверо-востокѣ густые лѣса, примыкавшіе къ самому центру Арденнъ, тянулись почти непрерывно отъ Сѣвернаго моря до Рейна и на столь благодатныхъ нынѣ лугахъ Фландріи и Лотарингіи менапійскіе и треверійскіе пастухи пасли въ то время своихъ полудикихъ свиней въ непроходимыхъ дубовыхъ лѣсахъ. Подобно тому какъ, благодаря Римлянамъ, выдѣлка шерсти и хлѣбопашество заняли въ долинѣ По мѣсто кельтскаго обычая откармливанія свиней желудями, такъ въ равнинахъ Шельды и Мааса разведеніе овецъ и полевое хозяйство также относится къ порѣ Римлянъ. Въ Бретани молотьба ржи вовсе не была въ употребленіи, а въ болѣе сѣверныхъ полосахъ хлѣбопашество прекращалось совершенно, и скотоводство являлось единственнымъ извѣстнымъ тамъ способомъ пользованія почвою. Культура маслинъ и винограда, дававшая Массаліотамъ большую прибыль, еще не была въ ходу по ту сторону Севеннъ въ эпоху Цезаря.

Городская жизнь. Сношенія. Торговля. Ремесла. Рудники. Наука и искусства.

Галлы издавна имѣли склонность къ совмѣстному житью; открытыя села всюду существовали, и въ одномъ только гельветскомъ кантонѣ насчитывалось ихъ въ 696 году четыреста, кромѣ множества отдѣльныхъ дворовъ. Но не было недостатка и въ обнесенныхъ оградами городахъ, искусно возведенныя стѣны которыхъ поразили Римлянъ, какъ своею цѣлесообразностью, такъ и красивымъ способомъ кладки бревенъ и камней, хотя, правда, въ городахъ Аллоброговъ зданія были возведены исключительно изъ дерева. Такихъ городовъ Гелльвіцы имѣли двадцать, и Суэссіоны столько же; въ болѣе сѣверныхъ округахъ, напримѣръ, у Нервійцевъ, также были города, но населеніе искало во время войны единственнаго убѣжища скорѣе среди болотъ и лѣсовъ, чѣмъ за городскими стѣнами, а по ту сторону Темзы первобытный способъ огражденія лѣсныхъ засѣкъ вполнѣ замѣнялъ города и представлялъ во время войны пріютъ для людей и стадъ. Съ сравнительно значительнымъ развитіемъ городской жизни находятся въ тѣсной связи и оживленныя сношенія по сухому пути и водою. Всюду были устроены дороги и мосты. Рѣчное судоходство, къ которому такія рѣки, какъ Рона, Гаронна, Луара и Сена, какъ бы побуждали сами собою, было очень развито и производительно. Но гораздо

рится, правда, о цизальпійской Галліи; однако тамошнее скотоводство несомнѣнно относится къ галльской эпохѣ. „Галльскаго клепера“ (Gallici canterii) поминаетъ еще Плавтъ (Aul., 3, 5, 21). „Не каждая порода людей годится для пастушескаго дѣла; ни Бастулы, ни Турдулы (тѣ и другіе въ Андалузіи) не пригодны для этого; всего лучше годятся для этого дѣла Кельты, въ особенности для ухода за верховыми и вьючными животными (iumenta)“. Varr., de r r., 2, 10, 4.

замѣчательнѣе было еще морское судоходство Кельтовъ. Кельты не только были, по всему вѣроятію, той націею, которая первая правильно объѣзжала Атлантическій океанъ, но мы даже застаемъ у нихъ искусство судостроенія и управленіе судномъ на замѣчательной степени совершенства. Судоходство у народностей Средиземнаго моря, какъ и понятно въ виду свойствъ тѣхъ водъ, по которымъ имъ приходилось плыть, сравнительно долгое время совершалось съ помощью веселъ; военныя суда Финикіянъ, Эллиновъ и Римлянъ оставались во всѣ времена весельными галерами, гдѣ паруса употреблялись лишь для временного усиленія весла. Одни только торговые корабли были настоящими парусными судами въ эпоху развитой античной цивилизаціи *). Галлы, напротивъ того, употребляли для плаванія по каналу, во время Цезаря и еще долго спустя, что-то въ родѣ переносныхъ кожаныхъ лодокъ, которыя въ сущности были, какъ кажется, простыми весельными лодками; но Сантоны, Пикты и, главное, Венеты плыли вдоль западнаго побережья Галліи на большихъ, правда, неуклюже построенныхъ корабляхъ, которые приводились въ движеніе не веслами, а были снабжены кожаными парусами и якорными цѣпями, и суда эти они употребляли не для однихъ только торговыхъ сношеній съ Британіею, но и въ морскихъ сраженіяхъ. Здѣсь мы, такимъ образомъ, не только встрѣчаемся впервые съ судоходствомъ въ открытомъ океанѣ, но парусное судно впервые вполнѣ заняло тутъ мѣсто весельной лодки,—прогрессъ, которымъ, правда, не умѣлъ воспользоваться разлагавшійся древній міръ и необозримыми результатами котораго только постепенно пользуется нашъ обновленный культурный періодъ.—При этихъ правильныхъ морскихъ сношеніяхъ между британскими и галльскими берегами также легко понять необыкновенно тѣсныя политическія связи между обитателями обѣихъ сторонъ канала, какъ и процвѣтаніе заморской торговли и рыбной ловли. Кельтскіе жители Бретани ѣздили въ Англію за оловомъ изъ рудниковъ корнваллійскихъ и перевозили его по рѣчнымъ путямъ и по сушѣ черезъ кельтскую страну въ Нарбоннъ и Массалію. Извѣстіе, что во времена Цезаря нѣкоторыя народности, жившія близь устьевъ Рейна, питались рыбою и птичьими яйцами, можно, вѣроятно, отнести къ тому, что здѣсь производилась въ большихъ размѣрахъ морская рыбная ловля и собираніе

*) На это указываетъ названіе торговыхъ или „круглыхъ" кораблей въ противоположность „длиннымъ" или военнымъ судамъ и подобное же сопоставленіе „весельныхъ судовъ" (ἐπίκωποι νῆες) и „торговыхъ" (ὁλκάδες, Діонис., 3, 44); далѣе, ничтожный экипажъ торговыхъ кораблей, который на самыхъ большихъ судахъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 20 человѣкъ (Rhein. Mus., N. F., 11, 625), между тѣмъ какъ на обыкновенной трехпалубной галерѣ употреблялось уже до 170 гребцовъ. Сравни Movers, Phön., 2, 3, 167 и слѣд.

яицъ морскихъ птицъ. Если сгруппировать и мысленно дополнить разрозненныя и скудныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ относительно кельтской торговли и сношеній, то станетъ понятно, что пошлины съ рѣчныхъ и приморскихъ гаваней играли важную роль въ бюджетѣ отдѣльныхъ кантоновъ, напримѣръ, у Гедуевъ и Венетовъ, и что главный національный богъ почитался, какъ покровитель дорогъ и торговли, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ изобрѣтатель ремеслъ. Поэтому и кельтская промышленность не могла быть совершенно ничтожною. Цезарь указываетъ на необычайную пригодность Кельтовъ ко всякому дѣлу и на замѣчательную ловкость, съ которою они подражали любому образцу и выполняли всякія указанія. Но въ большинствѣ отраслей ремесла, какъ кажется, не возвышались у нихъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ; процвѣтавшее позднѣе въ средней и сѣверной Галліи производство льняныхъ и шерстяныхъ матерій было завѣдомо введено у нихъ лишь Римлянами. Исключеніе, к насколько намъ извѣстно, единственное, составляла обработка металловъ. Нерѣдко замѣчательная въ техническомъ отношеніи и понынѣ еще гибкая мѣдная утварь, находимая въ могилахъ кельтской страны, и тщательно вычеканенныя арвернскія золотыя монеты и понынѣ служатъ живымъ доказательствомъ искусства кельтскихъ мѣдниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ; съ этимъ вполнѣ согласуются показанія древнихъ, что Римляне научились отъ Битуриговъ луженію, отъ Алезиновъ серебренію,—изобрѣтеніямъ, изъ которыхъ первое было довольно понятно при торговлѣ оловомъ, и которыя, вѣроятно, относятся къ эпохѣ кельтской независимости. Рука объ руку съ искусствомъ обработки металловъ шла и техника добыванія ихъ, доведенная отчасти, особенно въ желѣзныхъ рудникахъ береговъ Луары, до такого совершенства, что рудокопы играли выдающуюся роль во время осадъ. Господствовавшее среди Римлянъ этого времени мнѣніе, будто Галлія была одной изъ наиболѣе богатыхъ золотомъ странъ всего земного шара, опровергается, правда, хорошо извѣстными почвенными условіями и находками, открываемыми въ кельтскихъ могилахъ, гдѣ золото встрѣчается лишь въ маломъ количествѣ и далеко не такъ часто, какъ въ однородныхъ съ ними находкахъ въ настоящей родинѣ золота. Представленіе это было, вѣроятно, вызвано тѣми подробностями, которыя греческіе путешественники и римскіе солдаты разсказывали своимъ соотечественникамъ, безъ сомнѣнія, не безъ сильнаго преувеличенія, о пышности арвернскихъ царей и о сокровищахъ толозскихъ храмовъ. Однако, разсказы эти не были вполнѣ лишены основанія. Весьма возможно, что на днѣ и на берегахъ рѣкъ, текущихъ изъ Альпъ и Пиренеевъ, съ пользою и въ значительныхъ размѣрахъ производились въ болѣе грубыя времена и при существованіи рабства, промывка и добываніе золота, которыя при ны-

нѣшней цѣнности рабочей силы были бы непроизводительны; кромѣ того, торговыя сношенія Галліи, какъ нерѣдко бываетъ у полу-цивилизованныхъ народовъ, содѣйствовали накопленію мертваго капитала въ видѣ благородныхъ металловъ.—Замѣчателенъ низкій уровень искусства, въ особенности рѣзко бросающійся въ глаза въ виду механической ловкости въ обработываніи металловъ. Пристрастіе къ пестрымъ и блестящимъ украшеніямъ указываетъ на отсутствіе чувства изящнаго, и это подтверждается галльскими монетами, съ ихъ черезчуръ простыми, то вычурными, но всегда ребячески задуманными и почти безъ исключенія изумительно грубо исполненными изображеніями. Быть можетъ, нѣтъ другого подобнаго примѣра, чтобы выдѣлка монетъ, производившаяся въ теченіе многихъ столѣтій съ нѣкоторымъ техническимъ умѣньемъ, ограничивалась въ сущности воспроизведеніемъ двухъ, трехъ греческихъ клеймъ, притомъ все болѣе и болѣе искаженныхъ. Поэзія, напротивъ того, цѣнилась Кельтами высоко и тѣсно сплеталась съ религіозными и даже политическими учрежденіями націи; мы находимъ духовную, равно какъ и придворную и нищенствовавшую поэзію въ полномъ цвѣтѣ. До извѣстной степени Кельты предавались также занятію естественными науками и философіею, хотя онѣ, конечно, были скованы формами мѣстнаго богословія; эллинскій гуманизмъ, гдѣ и въ какомъ бы видѣ онъ имъ ни представлялся, встрѣчалъ у Кельтовъ радушный пріемъ. Знаніе письменности было всеобщимъ, по крайней мѣрѣ среди жрецовъ. Во времена Цезаря въ свободной Галліи употреблялись большею частью греческія письмена, что дѣлали между прочими и Гельветы; только въ самыхъ южныхъ округахъ, вслѣдствіе сношеній съ романизированными Кельтами, преобладалъ латинскій языкъ, который мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на арвернскихъ монетахъ той эпохи.

Политическое развитіе кельтской націи представляетъ весьма замѣчательное явленіе. Государственное устройство всюду опирается у нея на родовой бытъ, съ княземъ, совѣтомъ старѣйшихъ и общиной свободныхъ людей, годныхъ носить оружіе; но своеобразно въ ней то, что она никогда не вышла за предѣлы этого сельскаго устройства. У Грековъ и Римлянъ мѣсто поселка, какъ основы политическаго единства, весьма рано заняла вмѣстимость ограды; тамъ, гдѣ два поселка помѣщались за однѣми стѣнами, они сливались въ одну общину; тамъ, гдѣ гражданство разрѣшало какой либо части своихъ согражданъ сооруженіе новыхъ стѣнъ, правильно возникало вмѣстѣ съ тѣмъ и новое государство, связанное съ главною общиною только связями почтенія къ старшимъ, много если кліентствомъ. У Кельтовъ, напротивъ того, «гражданствомъ» остается навсегда кланъ. Князь и совѣтъ стоятъ во главѣ поселка, а не какого либо города, и общій сходъ составляетъ послѣднюю

Государственный строй. Внутреннее устройство поселковъ. Развитіе сословія всадниковъ.

инстанцію въ государствѣ. Городъ, какъ и на востокѣ, имѣетъ только торговое и стратегическое, но не политическое значеніе, вслѣдствіе чего галльскія поселенія, даже обнесенныя стѣнами и очень значительныя, какъ напримѣръ, Віенна и Генава, были въ глазахъ Грековъ и Римлянъ простыми селами. Во времена Цезаря первоначальное устройство клановъ сохранилось еще неизмѣннымъ въ главныхъ чертахъ у островныхъ Кельтовъ и въ сѣверныхъ поселеніяхъ на материкѣ; община пользовалась высшимъ авторитетомъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ; князь былъ связанъ ея рѣшеніями; общинный совѣтъ былъ многочисленъ—въ нѣкоторыхъ кланахъ въ немъ насчитывали до шестисотъ членовъ,—но кажется, что онъ значилъ не болѣе, чѣмъ сенатъ при римскихъ царяхъ. Напротивъ того, въ болѣе оживленной южной части страны совершился за одно или за два поколѣнія до Цезаря (дѣти послѣднихъ королей жили еще въ его время) переворотъ, который по крайней мѣрѣ въ главныхъ кланахъ, у Арверновъ, Гедуевъ, Секвановъ, Гельвійцевъ, упразднилъ королевскую власть и передалъ господство въ руки знати. То обстоятельство, что противоположный полюсъ политическаго развитія, всадничество, получилъ такое полное преобладаніе въ государственномъ устройствѣ кельтскихъ клановъ, является лишь оборотной стороною только что указаннаго нами полнѣйшаго отсутствія городского общиннаго быта у Кельтовъ. Кельтская аристократія была, повидимому, весьма знатнаго происхожденія: она состояла, быть можетъ, большею частью изъ членовъ царскихъ или бывшихъ владѣтельныхъ семей. Замѣчательно, что вожди противоположныхъ партій въ одномъ и томъ же кланѣ зачастую принадлежали къ тому же самому роду. Эти знатныя семьи соединяли въ своихъ рукахъ экономическое, политическое и военное превосходство силъ. Онѣ монополизировали пользованіе доходнѣйшими государственными привиллегіями, принуждали свободныхъ общинниковъ, подавленныхъ тягостью податей, дѣлать у нихъ займы и поступаться своею свободою сперва фактически, какъ должники, затѣмъ юридически, вступая въ зависимость отъ нихъ. Они развили у себя обычай спутничества, т. е. привиллегію аристократіи окружать себя извѣстнымъ числомъ наемныхъ верховыхъ слугъ, такъ называемыхъ амбактовъ *), и создавать такимъ образомъ государство

*) Это странное слово употреблялось у Кельтовъ долины По еще, вѣроятно, въ 6 столѣтіи съ основанія Рима, такъ какъ оно было извѣстно уже Эннію; лишь оттуда могло оно въ столь раннюю пору перейти къ Италикамъ. Но слово это не только кельтское, но и нѣмецкое, и составляетъ корень нашего слова „Amt“, подобно тому, какъ упомянутый обычай былъ извѣстенъ еще Кельтамъ и Нѣмцамъ. Было бы весьма важно въ историческомъ отношеніи выяснить, перешло ли слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обычай, къ Кельтамъ отъ Нѣмцевъ или къ Нѣмцамъ отъ Кельтовъ. Если, какъ полагаютъ обыкновенно, слово это было

въ государствѣ; опираясь на свою собственную челядь, они противились законнымъ властямъ и общинному призыву къ оружію и фактически разрушали общинный бытъ. Если въ какомъ нибудь кланѣ, гдѣ насчитывалось до 80000 способныхъ къ военному дѣлу людей, какой либо изъ аристократовъ могъ появиться на сеймѣ съ тысячью слугъ, не считая «спутниковъ» и должниковъ, то ясно, что подобное лицо было скорѣе независимымъ династомъ, чѣмъ гражданиномъ своего клана. Къ тому же знатныя семьи различныхъ клановъ были тѣсно связаны между собою, и посредствомъ браковъ и частныхъ договоровъ составляли какъ-бы замкнутый союзъ, передъ которымъ отдѣльный кланъ былъ безсиленъ. Поэтому-то общины не могли долѣе сохранять миръ въ странѣ, и кулачное право господствовало повсемѣстно. Одни только прямо зависимые люди находили еще покровительство у своего господина, котораго долгъ и выгода заставляли мстить за несправедливость, оказанную его кліенту; охранять людей свободныхъ было уже не во власти государства, вслѣдствіе чего они въ большомъ числѣ отдавались въ собственность лицу могущественному, въ качествѣ его кліентовъ. Общинное собраніе утрачивало свое политическое значеніе, и даже княжеская власть, которая должна была бы остановить захваты знати, пала передъ нею у Кельтовъ, точно также, какъ и въ Лаціумѣ. Мѣсто короля заступилъ

первоначально нѣмецкое и прежде всего обозначало слугу, стоявшаго въ битвѣ „противъ спины“ господина своего (a n d—противъ, b a k—спина), то это совмѣстимо съ поразительно раннимъ появленіемъ этого слова у Кельтовъ. По всей аналогіи право держать Амбактовъ, т. е. δοῦλοι μισθωτοί, могло не принадлежать съ самаго начала кельтской аристократіи, и развиться лишь постепенно изъ антагонизма къ древней королевской власти и къ равенству всѣхъ общинниковъ. Если, поэтому, амбактство было у Кельтовъ не старо-національнымъ, а сравнительно новымъ учрежденіемъ, то при отношеніяхъ, существовавшихъ между Кельтами и Нѣмцами въ теченіе вѣковъ и о которыхъ будетъ говорено далѣе, не только возможно, но даже вѣроятно, что Кельты въ Италіи какъ и въ Галліи, брали по преимуществу Нѣмцевъ на должность наемныхъ оруженосцевъ. Наемные „Швейцарцы“ были бы въ такомъ случаѣ на нѣсколько тысячелѣтій древнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.—Если же имя, которымъ, быть можетъ по примѣру Кельтовъ, Римляне обозначали Нѣмцевъ, какъ націю, имя Germani дѣйствительно было кельтскаго происхожденія, то это вполнѣ согласовалось бы съ нашимъ предположеніемъ. — Правда, что всѣ эти догадки должны будутъ совершенно пасть, если удастся удовлетворительнымъ образомъ произвести слово ambactus изъ кельтскаго корня; такъ напримѣръ, Цейссъ (Грамм., стр. 761) относитъ его, хотя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, къ ambi—вокругъ и ag — agere — двигающійся или же двигаемый вокругъ, т. е. провожатый, слуга. То обстоятельство, что слово это встрѣчается въ видѣ кельтскаго собственнаго имени (Цейссъ, стр. 77), а, быть можетъ и въ камбрійскомъ amaeth — крестьянинъ, рабочій (Цейссъ, стр. 156), не можетъ рѣшить вопроса ни въ какую сторону.

«хранитель права» или вергобретъ, *) который, подобно римскому консулу, назначался только на одинъ годъ. Поскольку поселокъ составлялъ еще нераздѣльное цѣлое, онъ управлялся общиннымъ совѣтомъ, въ которомъ, конечно, главы аристократіи захватывали бразды правленія въ свои руки. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ отдѣльныхъ кланахъ происходило совершенно такое же броженіе, какъ было въ Лаціумѣ въ теченіе многихъ столѣтій послѣ изгнанія царей; въ то время, какъ аристократія различныхъ общинъ соединялась въ особый союзъ, враждебный господству общины, масса народа не переставала требовать возстановленія королевской власти, и нерѣдко какой-нибудь изъ выдающихся аристократовъ пытался, какъ дѣлалъ это въ Римѣ Спурій Кассій, сломить, опираясь на массу членовъ поселка, могущество своего сословія и возвратить коронѣ ея права, конечно, изъ своихъ собственныхъ выгодъ.

Стремленія къ національному объединенію. Религіозное единство. Друиды.

Если, такимъ образомъ, отдѣльные поселки гибли безвозвратно, то рядомъ съ этимъ въ націи могущественно жило сознаніе единства и стремилось различными способами найти себѣ форму и точку опоры. Сліяніе всей совокупности кельтской аристократіи противъ отдѣльныхъ поселковъ потрясало, правда, существующій порядокъ вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ побуждало и поддерживало представленіе о неразрывности націи. Такимъ же образомъ дѣйствовали и нападки, направленныя противъ націи извнѣ, и непрерывное урѣзываніе ея владѣній въ войнѣ съ сосѣдями. Какъ Эллины въ борьбѣ съ Персами, Италики съ Кельтами, такъ и трансальпійскіе Галлы сознали, кажется, въ борьбѣ съ Римомъ существованіе и могущество своего національнаго единства. Среди распрей соперничествовавшихъ клановъ и всѣхъ феодальныхъ ссоръ обращали на себя вниманіе голоса тѣхъ, которые были готовы купить независимость націи цѣною самостоятельности отдѣльныхъ поселковъ и даже владѣльческихъ правъ аристократовъ. Насколько популярна была оппозиція противъ чужеземнаго владычества, доказали войны Цезаря, въ отношеніи котораго партія кельтскихъ патріотовъ занимала совершенно такое же положеніе, какъ нѣмецкая патріотическая партія относительно Наполеона; въ пользу ея организаціи и распространенія говоритъ между прочимъ та изумительная быстрота, съ которою передавались тогда извѣстія. — Могущество и всеобщность кельтскаго національнаго сознанія были-бы необъяснимы, еслибъ, при величайшей политической раздробленности, кельтская нація не была издавна религіозною и даже богословски-централизованною. Кельтское жречество или, употребляя туземное названіе, корпорація друидовъ, несомнѣнно соединяло британскіе острова и всю Галлію, а быть можетъ и другія кельтскія страны одной общей религіозно-

*) Отъ кельтскихъ словъ guerg—дѣятель и breth—судъ.

національной связью. Она имѣла своего собственнаго главу, избираемаго самими жрецами, собственныя школы, гдѣ передавались весьма обширныя преданія, свои привиллегіи, въ особенности освобожденіе отъ податей и военной повинности, которое уважалъ всякій кланъ, ежегодные соборы, происходившіе въ Шартрѣ, «средоточіи кельтской земли», а главное, она имѣла вѣрующую общину, которая въ отношеніи мелочной набожности и слѣпаго повиновенія жрецамъ не уступала, кажется, ни въ чемъ нынѣшнимъ Ирландцамъ. Понятно, что подобное жречество старалось захватить и отчасти захватывало въ свои руки и свѣтскую власть; тамъ, гдѣ существовалъ обычай избранія царя на годъ, жрецы руководили, въ случаѣ междуцарствія, выборами; они успѣшно заявляли притязаніе исключать изъ религіознаго, а слѣдовательно, и гражданскаго союза, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыя общины; они умѣли завладѣть важнѣйшими частными дѣлами, въ особенности процессами изъ-за границъ и наслѣдства; опираясь, какъ кажется, на свое право исключать изъ общины, а, быть можетъ, и на національный обычай, въ силу котораго для обычнаго принесенія жертвъ людьми избирались по преимуществу преступники, они развили обширную жреческую уголовную юрисдикцію, соперничавшую съ юрисдикціею королей и вергобретовъ; они заявляли даже притязанія на рѣшеніе вопросовъ о мирѣ или войнѣ. Отъ этого было недалеко до церковнаго государства съ папою и соборами, съ клерикальной свободой отъ повинностей, отлученіями и духовными судами,—только это церковное государство не отрѣшалось, какъ новѣйшее римское, отъ всякаго принципа народности, но было, напротивъ, прежде всего національнымъ.

Отсутствіе политической централизаціи. Союзы поселковъ. Бельгійскій союзъ. Приморскіе поселки. Средне-гальскій союзъ. Характеръ этихъ союзовъ.

Но если сознаніе общности пробудилось съ полною силою въ кельтскихъ племенахъ, то, тѣмъ не менѣе, народу этому не было дано найти точку опоры для политической централизаціи, какую нашла Италія въ римскомъ гражданствѣ, Эллины и Германцы въ македонскихъ и франкскихъ царяхъ. Хотя кельтское жречество и аристократія и являлись въ извѣстномъ смыслѣ представителями и связующимъ звеномъ націи, тѣмъ не менѣе они были съ одной стороны неспособны объединить ее вслѣдствіе своихъ сословно-сепаратистскихъ интересовъ, съ другой же достаточно могущественны, для того, чтобы не допустить ни одного короля или поселеніе совершить это дѣло объединенія. Въ начинаніяхъ этого рода не было недостатка; всѣ они, какъ и слѣдовало по свойству учрежденія самихъ поселковъ, шли по пути системы гегемоніи. Могущественный кантонъ склонялъ болѣе слабый подчиниться ему въ такомъ смыслѣ, что являлся представителемъ другого во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ и заключалъ всѣ условія за него въ государственныхъ договорахъ, между тѣмъ какъ первенствующій кантонъ

принималъ на себя обязательство слѣдовать воинскому призыву и даже, быть можетъ, выплачивать дань. Этимъ путемъ возникъ цѣлый рядъ сепаратныхъ союзовъ; одного руководящаго поселка для всей кельтской страны, одного, хотя-бы даже шаткаго, союза всей націи — не существовало. Мы уже упоминали о томъ, что Римляне, при началѣ своихъ заальпійскихъ завоеваній, застали тамъ на сѣверѣ бретонско-бельгійскій союзъ подъ руководствомъ Суэссіоновъ, въ средней и южной Галліи арвернскую федерацію, съ которою соперничали Гедуи съ ихъ болѣе слабыми кліентами. Въ эпоху Цезаря мы еще видимъ подобный союзъ Белговъ въ сѣверо-восточной Галліи, между Сеною и Рейномъ, но союзъ этотъ уже болѣе не распространялся, какъ кажется, на Британію; рядомъ съ ними видимъ въ нынѣшней Нормандіи и Бретани союзъ арморикансвихъ, т. е. приморскихъ поселковъ; въ средней или настоящей Галліи боролись изъ-за гегемоніи, какъ и прежде, двѣ партіи, во главѣ которыхъ стояли съ одной стороны Гедуи, съ другой, послѣ того какъ отступились отъ этого Арверны, ослабленные войнами съ Римомъ, Секваны. Различные союзы эти стояли независимо другъ около друга; руководящія государства средней Галліи никогда, кажется не распространяли своего кліентства на сѣверо-западъ страны. Стремленіе народа къ объединенію находило, конечно, нѣкоторое удовлетвореніе въ этихъ союзахъ поселковъ; но все-таки они были во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительными. Связь была самая непрочная и постоянно колебалась между союзомъ и гегемоніею; представительство всего цѣлаго, въ мирное время въ видѣ сеймовъ, въ военное въ лицѣ герцога *) было крайне слабо. Одинъ только бельгійскій союзъ былъ, какъ кажется, сплоченъ тѣснѣе. Національный подъемъ силъ, изъ котораго произошло удачное отраженіе Кимвровъ, быть можетъ, послужилъ ему на пользу. Соперничество изъ-за гегемоніи производило въ каждомъ отдѣльномъ союзѣ расколъ, который время не залѣчивало, а напротивъ увеличивало, такъ какъ даже побѣда одного изъ соперниковъ не лишила противника политическаго существованія, и за нимъ всегда оставалось право возобновить впослѣдствіи борьбу, хотя бы даже онъ и подчинился роли кліента. Соревнованіе могущественнѣйшихъ поселковъ не только разрознивало ихъ самихъ, но борьба продолжалась даже въ каждомъ зависимомъ кланѣ, каждой деревнѣ, даже зачастую въ каждомъ домѣ, такъ какъ частныя лица становились на ту или другую сторону, смотря по ихъ собственнымъ дѣламъ. Подобно тому, какъ Эллада истощалась не столько въ борьбѣ Аѳинъ со Спартою, сколько во внутреннихъ распряхъ аѳин-

*) Какое положеніе занималъ подобный союзный полководецъ относительно своихъ воиновъ, явствуетъ изъ обвиненія Верцингеторига въ государственной измѣнѣ (Цезарь, B. g., 7, 20).

скихъ и лакедемонскихъ партій въ каждой зависимой общинѣ, даже въ самихъ Аѳинахъ,—такъ и соперничество Арверновъ и Гедуевъ. повторявшееся въ болѣе незначительномъ масштабѣ, погубило кельтскій народъ.

Кельтскій военный строй. Конница. Пѣхота.

Оборонительныя силы народа воспринимали отраженіе этого политическаго и соціальнаго положенія его. Конница была безспорно главнымъ родомъ войскъ, причемъ у Белговъ, а еще болѣе на британскихъ островахъ, старо-національныя военныя колесницы достигли замѣчательнаго совершенства. Эти столь же многочисленные, какъ и храбрые отряды конныхъ и колесничныхъ бойцовъ образовались изъ аристократіи и ея челяди; знать, истинно по рыцарски. имѣла страсть къ собакамъ и лошадямъ и тратила большія деньги для того только, чтобы ѣздить на благородныхъ коняхъ иностранной породы. Характеристично для духа и способа борьбы этихъ аристократовъ, что, когда раздавался призывъ, всѣ, кто только могъ держаться на конѣ, даже старцы, садились на лошадей и, готовясь вступить въ бой съ презираемымъ ими врагомъ, клялись поголовно не показываться въ домъ и дворъ свой, если отрядъ ихъ не прорвется по крайней мѣрѣ дважды чрезъ непріятельскую линію. Среди наемной челяди духъ ланцкнехтства царилъ со всѣмъ его деморализующимъ и притупляющимъ равнодушіемъ къ чужой и собственной жизни;—объ этомъ свидѣтельствуютъ разсказы, какъ ни анекдотична ихъ окраска, о кельтскомъ обычаѣ драться въ шутку на рапирахъ во время трапезы и при случаѣ бороться даже на жизнь и на смерть, а точно также и преданія о господствовавшемъ тамъ обычаѣ, превосходившемъ даже римскіе гладіаторскіе бои,— продавать себя на закланіе за опредѣленную сумму денегъ или извѣстное число бочекъ вина, и добровольно принимать смертельный ударъ на глазахъ всей толпы, лежа на щитѣ. Въ сравненіи съ этою конницею пѣхота отступила на задній планъ. Въ главныхъ чертахъ она походила на кельтскіе отряды, съ которыми Римляне боролись въ Италіи и Испаніи. Большой щитъ былъ, какъ и въ то время, главнѣйшимъ средствомъ обороны; что же касается оружія, то вмѣсто меча первую роль играло теперь длинное ударное копье. Тамъ, гдѣ нѣсколько поселковъ вели войну сообща, кланъ стоялъ и сражался, конечно, противъ клана; нигдѣ не видно и слѣда, чтобы контингентъ отдѣльнаго поселка дѣлился на части и составлялъ небольшіе, тактически-правильные отряды. Длинный обозъ все еще тащилъ за кельтскимъ войскомъ багажъ; мѣсто укрѣпленнаго стана, подобнаго тому, который каждый вечеръ разбивали Римляне, все еще занималъ скудный вагенбургъ. Въ иныхъ поселеніяхъ, какъ напримѣръ. у Нервійцевъ, особенно отличалась храбростью пѣхота; замѣчательно, что именно у нихъ не было сословія всадниковъ, и что они не были, быть можетъ, даже вовсе кельт-

скимъ, а пришлымъ германскимъ племенемъ. Вообще же кельтская пѣхота этого времени является передъ нами въ видѣ воинственнаго и тяжеловѣснаго ополченія, въ особенности въ южныхъ мѣстностяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ грубостью исчезла и храбрость. Кельтъ, говоритъ Цезарь, не смѣетъ въ борьбѣ взглянуть въ глаза Германцу; еще рѣзче, чѣмъ этимъ приговоромъ, римскій полководецъ осудилъ кельтскую пѣхоту, сказавъ, что послѣ того, какъ узналъ ее во время своего перваго похода, онъ уже никда болѣе не употреблялъ ее одновременно съ римскою.

Степень развитія кельтской цивилизаціи. Если мы взглянемъ на общее состояніе Кельтовъ, какое засталъ Цезарь въ трансальпійскихъ мѣстностяхъ, то, сравнивъ его съ степенью культуры Кельтовъ въ долинѣ По, за полтора столѣтія передъ тѣмъ, нельзя не признать успѣха цивилизаціи. Въ то время въ войскахъ преобладала; безспорно, хорошая въ своемъ родѣ милиція; теперь же всадники занимаютъ первое мѣсто. Тогда Кельты жили въ открытыхъ мѣстечкахъ; теперь поселенія ихъ были обнесены хорошо сложенными стѣнами. Предметы, находимые въ ломбардскихъ могилахъ, въ особенности мѣдные и стеклянные сосуды, далеко уступаютъ находкамъ въ сѣверной кельтской статьѣ. Быть можетъ, самымъ надежнымъ мѣриломъ увеличившейся культуры можетъ служить чувство солидарности всей націи; какъ мало оно проявлялось въ кельтскихъ бояхъ на почвѣ нынѣшней Ломбардіи, настолько же сильно проявилось оно въ борьбѣ съ Цезаремъ. Повидимому кельтская нація, когда встрѣтился съ ней Цезарь, уже достигла крайняго предѣла отведенной ей культуры и находилась на пути упадка. Цивилизація трансальпійскихъ Кельтовъ временъ Цезаря представляетъ даже для насъ, несмотря на неполноту нашихъ свѣдѣній о ней, много достойныхъ уваженія и еще болѣе интересныхъ сторонъ; во многихъ отношеніяхъ она тѣснѣе примыкаетъ къ новѣйшей, чѣмъ къ эллино-римской культурѣ, своими парусными судами; рыцарствомъ, церковнымъ бытомъ, а прежде всего своими, хотя и несовершенными попытками искать опоры для государства не въ городахъ, а въ племени и (въ высшей инстанціи) въ націи. Но, именно потому, что мы застаемъ здѣсь кельтскій народъ на высотѣ его развитія, передъ нами тѣмъ опредѣленнѣе выступаетъ меньшая степень его нравственныхъ дарованій, или, что одно и тоже, его меньшая способность къ культурѣ. Онъ не могъ выработать въ себѣ народныхъ особенностей въ искусствѣ, ни формъ національнаго государства и дошелъ только до національнаго богословія и собственной аристократіи. Первоначальная наивная храбрость утратилось; воинское мужество, основанное на высшей нравственности и цѣлесообразномъ порядкѣ и являющееся вслѣдъ за увеличившейся цивилизаціею, проявилось лишь въ весьма скудной формѣ во всадничествѣ. Настоящее варварство, правда, исчезло; прошло то время, когда наиболѣе жирный кусокъ мяса предлагался храбрѣйшему изъ го-

стей, а каждый изъ остальныхъ приглашенныхъ, который почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ этимъ, имѣлъ право вызвать получателя на бой, — когда вмѣстѣ съ умершимъ вождемъ сжигали и преданнѣйшихъ приверженцевъ его. Но закланіе людей все еще продолжалось, и та статья закона, въ силу которой нельзя было пытать свободнаго мужчину, но дозволялась пытка свободной женщины наравнѣ съ пыткою рабовъ, бросаетъ нерадостный свѣтъ на положеніе, которое занимала женщина у Кельтовъ даже въ ихъ культурную эпоху. Преимущества, свойственныя первобытной порѣ жизни народовъ, были утрачены Кельтами, но они не пріобрѣли еще тѣхъ, которыя приноситъ съ собою культура, если она глубоко и всецѣло проникаетъ въ народъ.

Внѣшнія дѣла. Кельты и Иберійцы. Кельты и Римляне. Вторженіе римской торговли въ свободную кельтскую сторону.

Таковъ былъ внутренній строй кельтской націи. Остается еще изобразить ея внѣшнія сношенія съ сосѣдями и характеризовать роль, которую она играла въ то время въ могучемъ состязаніи и борьбѣ народовъ, когда отстоять себя было всюду труднѣе, чѣмъ пріобрѣсти что-нибудь. У подножья Пиринеевъ отношенія народовъ давно уже сложились мирно и тѣ времена уже прошли, когда Кельты тѣснили здѣсь иберійское, т. е., баскское коренное населеніе и отчасти даже вытѣснили его. Долины Пиринеевъ, равно какъ и горы Беарна и Гасконьи и прибрежныя степи къ югу отъ Гаронны находились въ эпоху Цезаря въ неоспоримой власти Аквитановъ, значительнаго числа мелкихъ народностей иберійскаго происхожденія, мало сносившихся между собою, а еще менѣе съ иноземными странами; здѣсь только устья Гаронны съ значительною гаванью Бурдигалою (Бордо) находились во власти кельтскаго племени Битуриговъ-Вивисковъ. — Гораздо большее значеніе имѣли сношенія кельтскаго народа съ Римлянами и Германцами. Мы не станемъ повторять здѣсь того, что было разсказано уже раньше, какъ Римляне путемъ медленнаго наступленія постепенно отодвигали Кельтовъ, подъ конецъ заняли даже береговую полосу между Альпами и Пиренеями и тѣмъ окончательно отрѣзали ихъ отъ Италіи, Испаніи и Средиземнаго моря, послѣ того какъ эта катастрофа подготовилась еще за много столѣтій передъ тѣмъ, посредствомъ заложенія близъ устьевъ Роны эллинской крѣпости; но одно мы снова должны припомнить здѣсь, именно, что не одно только превосходство римскаго оружія вытѣснило Кельтовъ, но и превосходство римской культуры, которой точно также весьма полезны были значительные зародыши эллинской цивилизаціи въ кельтской странѣ. И здѣсь, какъ часто случается, торговля и международныя сношенія проложили путь завоеванію. Кельты, какъ свойственно жителямъ сѣвера, любили горячительные напитки; привычка ихъ, подобно Скиѳамъ, напиваться до опьяненія неподмѣшаннымъ благороднымъ виномъ, возбуждала удивленіе и отвращеніе въ умѣренныхъ южанахъ, но торговецъ охотно ведетъ дѣла съ подобными покупателями. Вскорѣ торговля съ кельтскою страною сдѣлалась зо-

лотымъ дномъ для италійскаго купца; нерѣдко кружка вина вымѣнивалась тамъ на раба. И другіе предметы роскоши, какъ напримѣръ, италійскія лошади, находили выгодный сбытъ въ кельтской странѣ. Случалось уже, что римскіе граждане пріобрѣтали земли по ту сторону римской границы и разработывали ихъ на свой ладъ; такъ напримѣръ, римскія помѣстья въ кантонѣ Сегусіавовъ (близъ Ліона) упоминаются еще въ 673 году. Вѣроятно вслѣдствіе этого, какъ уже говорилось выше, даже въ свободной Галліи, напримѣръ, у Арверновъ, римскій языкъ былъ извѣстенъ еще до завоеванія, хотя, конечно, знаніе это распространялось, вѣроятно, на немногихъ, и даже съ знатными лицами союзнаго поселенія Гедуевъ приходилось объясняться черезъ переводчиковъ. Подобно тому, какъ продавцы «огненной воды» подготовили завоеваніе Сѣверной Америки, такъ и эти римскіе виноторговцы и землевладѣльцы привлекли за собой будущаго завоевателя Галліи. Какъ хорошо сознавалось это и противоположною стороною, доказывается запрещеніемъ, изданнымъ, какъ нѣкоторыми нѣмецкими народностями, такъ и лучшимъ изъ племенъ кельтской страны, кланомъ Нервійцевъ, противъ торговыхъ сношеній съ Римлянами.

Кельты и Нѣмцы. Еще смѣлѣе, чѣмъ со Средиземнаго моря Римляне, наступали съ Балтійскаго и Сѣвернаго моря Германцы, новое племя, вышедшее изъ обширной народной колыбели востока, и съ юношескою силою, хотя, правда, и съ юношескою грубостью завоевывавшее себѣ мѣсто на ряду съ своими старшими братьями. Если народности этого племени, жившія ближе по Рейну, Узипеты, Тенктеры, Сугамбры, Убіи, начинали цивилизоваться до извѣстной степени и перестали, по крайней мѣрѣ, добровольно мѣнять осѣдлость, то всѣ извѣстія тѣмъ не менѣе единогласны въ томъ, что далѣе, въ глубинѣ страны, хлѣбопашество имѣло мало значенія и что отдѣльныя племена едва ли достигли прочной осѣдлости. На это обстоятельство указываетъ то, что въ это время западные сосѣди Нѣмцевъ едва ли умѣли назвать по имени ихъ поселка хотя бы одинъ изъ народовъ внутренней Германіи, и что они были извѣстны имъ только подъ общими названіями Свевовъ, т. е., странствующихъ людей, номадовъ, и Маркомановъ, т. е. стражей страны; *) названія эти во

*) Такъ Свевы Цезаря были, вѣроятно, Хатты; но тоже прозвище навѣрно давалось въ эпоху Цезаря и еще гораздо позднѣе всякому другому нѣмецкому племени, которое могло считаться правильно кочующимъ. Если поэтому (что не представляетъ никакого сомнѣнія) „царемъ Свевовъ“ у Мелы (3, 1) и Плинія (h. n., 2, 67, 170) былъ Аріовистъ, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы Аріовистъ былъ родомъ Хаттъ. Упоминаніе о Маркоманахъ, какъ опредѣленномъ народѣ, не встрѣчается до Марбода; весьма возможно, что слово это до той поры не значило ничего, кромѣ того, что оно выражало этимологически, т. е. стражу границъ или страны. Если Цезарь (1, 51) упоминаетъ въ числѣ

времена Цезаря врядъ ли были уже именами поселковъ, хотя и и казались таковыми Римлянамъ и впослѣдствіи дѣлались часто названіями урочищъ. Самый сильный натискъ былъ сдѣланъ этой великой націей на Кельтовъ. Борьба, которую Нѣмцы вели, быть можетъ, съ Кельтами изъ-за обладанія мѣстностями къ востоку отъ Рейна, совершенно ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ. Мы можемъ только усмотрѣть, что къ концу седьмого столѣтія, по римскому счисленію, Кельты утратили уже всю страну вплоть до Рейна, что Бойи, которые, быть можетъ, жили нѣкогда въ Баваріи и Богеміи, скитались безъ пріюта, и что даже Шварцвальдъ, когда-то принадлежавшій Гельветамъ, если онъ и не былъ занятъ близживущими нѣмецкими племенами, то былъ, по крайней мѣрѣ, спорною и опустошенною пограничною землею, т. е., вѣроятно, уже тѣмъ, чѣмъ онъ назывался впослѣдствіи,—Гельветской пустынею. Варварская стратегія Нѣмцевъ, ограждавшихъ себя отъ вражескихъ нападеній опустошеніемъ сосѣдней страны на нѣсколько миль, примѣнялась здѣсь, очевидно, въ большихъ размѣрахъ.

Нѣмцы на лѣвомъ берегу Рейна.

Но Нѣмцы не остановились на Рейнѣ. За пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ такъ грозно пронесшееся по Панноніи, Галліи, Италіи и Испаніи войско Кимвровъ и Тевтоновъ, ядро котораго состояло изъ нѣмецкихъ племенъ, было, какъ кажется, ничѣмъ инымъ, какъ только грандіозною рекогносцировкою. Многія нѣмецкія племена уже нашли себѣ прочную осѣдлость къ западу отъ Рейна, въ особенности вдоль нижняго теченія его; вторгнувшись, какъ завоеватели, эти поселенцы продолжали требовать отъ своихъ галльскихъ сосѣдей, точно отъ подданныхъ, заложниковъ и взимать ежегодную дань. Къ числу ихъ относятся Адуатуки, изъ обломка всей массы Кимвровъ превратившіеся въ значительное поселеніе, и нѣкоторыя другія народности на Маасѣ, близъ Люттиха, позднѣе слившіяся воедино подъ именемъ Тунгровъ; даже Треверійцы (вокругъ Трира) и Нервійцы (въ Геннегау) считаются за Германцевъ многими авторитетными людьми. Вполнѣ достовѣрными нельзя, конечно, признать эти свѣдѣнія, такъ какъ, согласно показаніямъ Тацита относительно послѣднихъ двухъ народностей, въ этихъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время считалось за честь быть нѣмецкаго происхожденія и не принадлежать къ малоуважаемой кельтской націи; однако, населеніе областей Мааса, Шельды и Мозеля дѣйствительно, въ той или другой формѣ, сильно смѣшалось съ нѣмецкими элементами или по крайней мѣрѣ находилось подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Сами по себѣ германскія колоніи были, быть можетъ, ничтожны, но

народовъ, сражавшихся въ войскѣ Аріовиста, и Маркомановъ, то онъ и въ этомъ случаѣ могъ не понять простого нарицательнаго названія, какъ, безспорно, онъ это сдѣлалъ относительно Свевовъ.

онѣ не были лишены значенія, такъ какъ въ хаотическомъ мракѣ, въ которомъ двигаются передъ нами въ это время народности на правомъ берегу Рейна, тѣмъ не менѣе можно распознать, что большія массы Нѣмцевъ готовились перейти Рейнъ по слѣдамъ этого авангарда. Невозможно было ожидать, чтобы кельтская нація, которой съ двухъ сторонъ грозило иноземное господство и которая была разрознена сама въ себѣ, могла еще подняться и спастись собственными усиліями. Раздробленіе и гибель вслѣдствіе этого—вотъ въ чемъ состояла до той поры ихъ исторія; могла ли нація, не насчитывавшая ни одного славнаго дня, въ родѣ Мараѳонскаго и Саламинскаго, битвы при Ариціи или на Раудскомъ полѣ,—нація, которая даже во время процвѣтанія своего не сдѣлала ни одной попытки уничтожить Массалію соединенными силами, могла ли она теперь, на закатѣ дней своихъ, бороться съ столь страшнымъ врагомъ?

Римская политика относительно германскаго нашествія. Чѣмъ меньше Кельты, предоставленные сами себѣ, могли помѣриться съ Германцами, тѣмъ болѣе причинъ имѣли Римляне заботливо слѣдить за несогласіями между двумя народами. Если волненія, возникавшія изъ этого, и не коснулись еще непосредственно ихъ самихъ, тѣмъ не менѣе, важнѣйшіе римскіе интересы были связаны съ исходомъ ихъ. Понятно, что внутренній строй кельтской націи быстро и прочно повліялъ и на ихъ внѣшнія сношенія. Какъ въ Греціи лакедемонская партія соединилась противъ Аѳинянъ съ Персами, такъ и Римляне, съ перваго появленія своего по ту сторону Альпъ, нашли себѣ опору противъ Арверновъ, тогдашней руководящей силы среди южныхъ Кельтовъ, въ лицѣ Гедуевъ, ихъ соперниковъ изъ-за гегемоніи, и съ помощью этихъ новыхъ «братьевъ римской націи», не только подчинили себѣ Аллоброговъ и значительную часть средней области арвернской, но даже и въ оставшейся свободною части Галліи добились, благодаря своему вліянію, перехода гегемоніи отъ Арверновъ къ этимъ самымъ Гедуямъ. Но если національности Грековъ грозила опасность только съ одной стороны, то Кельтовъ тѣснили заразъ два врага, и естественно было, что они искали у одного изъ нихъ опоры противъ другого, и что если одна кельтская партія примыкала къ Римлянамъ, противники ея вступали въ союзъ съ Нѣмцами. Всего естественнѣе было это для Белговъ, которые по сосѣдству и частому смѣшенію съ зарейнскими Нѣмцами сблизились съ ними и, къ тому же, вслѣдствіе низшей степени своей культуры, могли чувствовать себя по крайней мѣрѣ настолько же близкими совершенно чуждому имъ племени Свевовъ, какъ и образованнымъ аллоброгскимъ или гельветскимъ соотечественникамъ своимъ. Но и южные Кельты, у которыхъ теперь, какъ уже было сказано, значительный поселокъ Секвановъ (близъ Безансона) стоялъ во главѣ партіи, враж-

дебной Римлянамъ, имѣли всѣ причины призвать именно теперь Нѣмцевъ противъ Римлянъ, прежде всего грозившихъ имъ; слабое правленіе сената и признаки готовившейся въ Римѣ революціи, которые не укрылись отъ Кельтовъ, дѣлали именно эту минуту пригодною для освобожденія отъ римскаго вліянія и для униженія прежде всего ихъ кліентовъ, Гедуевъ. По поводу таможенныхъ заставъ на Сонѣ, отдѣлявшихъ другъ отъ друга владѣнія Гедуевъ и Секвановъ, произошелъ разрывъ между обоими поселеніями, и въ 683 году нѣмецкій князь Аріовистъ переправился черезъ Рейнъ съ 15000 воиновъ въ качествѣ кондотьера Секвановъ. Война тянулась въ продолженіе многихъ лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ; результаты ея не были благопріятны для Гедуевъ. Вождь ихъ, Эпоредоригъ, созвалъ наконецъ всѣхъ своихъ кліентовъ и двинулся противъ Германцевъ съ страшнымъ превосходствомъ силъ; но Германцы упорно избѣгали борьбы и скрывались среди болотъ и лѣсовъ. Лишь тогда, когда кланы, утомленные ожиданіемъ, поднялись и начали расходиться, Нѣмцы появились въ открытомъ полѣ и близъ Адмагетобриги Аріовистъ выигралъ сраженіе, въ которомъ цвѣтъ гедуйскихъ всадниковъ остался на полѣ битвы. Гедуи, вынужденные этимъ пораженіемъ заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя постановлялъ побѣдитель, отказались отъ гегемоніи, вступили со всей своей партіею въ число кліентовъ Секвановъ, обязались выплатить имъ или, вѣрнѣе, Аріовисту, дань, отдать дѣтей самыхъ знатныхъ аристократовъ заложниками и наконецъ клятвенно обѣщать никогда не требовать возврата этихъ заложниковъ или вмѣшательства Римлянъ. Миръ этотъ былъ заключенъ, какъ кажется, въ 693 году. *) Честь и выгода вынуждали Римлянъ воспротивиться ему; знатный Гедуй Дивитіакъ, вождь римской партіи въ своемъ кланѣ, изгнанный теперь вслѣдствіе этого своими соотечественниками, лично отправился въ Римъ, чтобы испросить римскаго вмѣшательства; еще болѣе серьознымъ предостереженіемъ было возстаніе Аллоброговъ, сосѣдей Секвановъ (693 г.), безъ сомнѣнія связанное съ этими событіями. Галльскимъ намѣстникамъ были, дѣйствительно, даны приказанія поддержать Гедуевъ; говорилось о необходимости выслать консуловъ и консульскія войска за Альпы, но сенатъ, которому дѣла эти были прежде всего представлены на рѣшеніе, увѣнчалъ и здѣсь громкія слова малыми дѣяніями; возстаніе Аллоброговъ было подавлено силою оружія; для Гедуевъ же не только ничего не было сдѣлано, но даже въ 695 году

*) По показанію Цезаря (1, 36) прибытіе Аріовиста въ Галлію относится къ 683 г.; битва при Адмагетобригѣ (ибо такъ именно зовется мѣстность, на основаніи одной неправильной надписи называемая обыкновенно Магетобригою) произошла по Цезарю (1, 35) и Цицерону (ad. Att., 1, 19) въ 693 году.

Аріовистъ былъ занесенъ въ списокъ властителей, дружественныхъ Римлянамъ *).

Основаніе нѣмецкой державы въ Галіи.

Нѣмецкій военачальникъ усмотрѣлъ, конечно, въ этомъ обстоятельствѣ отреченіе Римлянъ отъ кельтской страны, незанятой ими; вслѣдствіе этого онъ прочно основался тамъ и принялся за организацію на галльской почвѣ нѣмецкаго государства. Многочисленныя войска, приведенныя имъ съ собой, еще болѣе значительные отряды, прибывшіе впослѣдствіи съ родины по его призыву (полагають, что до 696 года около 120,000 нѣмцевъ перешло черезъ Рейнъ),—всю эту могучую эмиграцію нѣмецкаго народа, наводнившую прекрасный западъ черезъ открывшіеся передъ нею шлюзы, задумалъ онъ поселить тамъ и основать на этомъ свое владычество надъ кельтскою страною. Число заложенныхъ имъ на лѣвомъ берегу Рейна нѣмецкихъ поселеній нельзя опредѣлить; безъ сомнѣнія, оно было велико, и еще обширнѣе были замыслы Аріовиста. Съ Кельтами онъ обращался, какъ съ націею, покоренною имъ совершенно, и между отдѣльными поселками не дѣлалось разницы. Даже Секваны, въ качествѣ наемнаго полководца которыхъ онъ перешелъ Рейнъ, должны были, точно и они были побѣжденные враги, уступить ему для его войска треть своей области, вѣроятно занятый впослѣдствіи Трибоками верхній Эльзасъ, гдѣ Аріовистъ расположился со своими приверженцами надолго; наконецъ, точно и этого было недостаточно, была вслѣдъ за тѣмъ вытребована у Секвановъ еще одна треть ихъ владѣній для прибывшихъ впослѣдствіи Харудовъ. Аріовистъ хотѣлъ, казалось, играть въ кельтской странѣ роль Филиппа Македонскаго и властвовать надъ тѣми Кельтами, которые симпатизировали Германцамъ, не менѣе чѣмъ надъ приверженцами Римлянъ.—Появленіе въ столь опасной близости могущественнаго нѣмецкаго властелина, которое уже само по себѣ должно было серьозно встревожить Римлянъ, казалось еще грознѣе потому, что оно отнюдь не было одиночнымъ явленіемъ. Жившіе на правомъ берегу Рейна Узипеты и Тенктеры, выведенные изъ терпѣнія постоянными опустошеніями своихъ владѣній дерзкими племенами свевскими, поднялись за годъ до появленія Цезаря въ Галліи (695) съ своихъ прежнихъ поселеній, съ цѣлью поискать себѣ другихъ жилищъ близъ устьевъ Рейна. Они отняли уже у Менапійцевъ часть ихъ владѣній, лежавшую на правомъ берегу рѣки, и можно было предвидѣть, что они сдѣлають попытку утвердиться и на лѣвомъ.

*) Для того, чтобы не найти подобный образъ дѣйствій невѣроятнымъ и не приписать ему даже, пожалуй, болѣе глубокихъ мотивовъ, чѣмъ невѣжество и лѣнь государственныхъ людей, хорошо вспомнить легкомысленный тонъ, съ которымъ такой уважаемый сенаторъ, какъ Цицеронъ, говоритъ въ своей перепискѣ объ этихъ важныхъ транзальпійскихъ дѣлахъ.

Кромѣ того собрались еще между Кельномъ и Майнцомъ свевскіе отряды и грозили появиться въ противолежавшемъ кельтскомъ поселкѣ Треверійцевъ, въ качествѣ непрошенныхъ гостей. Наконецъ даже владѣнія самаго восточнаго изъ кельтскихъ клановъ, воинственныхъ и многочисленныхъ Гельветовъ, все болѣе и болѣе подвергались нападеніямъ Германцевъ, такъ что Гельветы, быть можетъ, страдавшіе еще кромѣ того и отъ избытка населенія, вслѣдствіе обратнаго движенія ихъ колонистовъ изъ утраченныхъ ими областей къ сѣверу отъ Рейна, и къ тому же предвидѣвшіе полное изолированіе свое отъ соплеменниковъ, благодаря поселенію Аріовиста во владѣніяхъ Секвановъ, приняли отчаянное рѣшеніе добровольно очистить свою прежнюю область Германцамъ, найти себѣ болѣе просторныя и плодоносныя земли къ западу отъ Юры и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть по возможности гегемоніи во внутренней Галліи,— планъ, который еще во время кимврскаго нашествія былъ задуманъ и началъ приводиться въ исполненіе нѣкоторыми изъ ихъ округовъ. Раураки, владѣнія которыхъ (Базель и южный Эльзасъ) подвергались подобной же опасности, далѣе, остатки Бойевъ, еще раньше вынужденные Германцами покинуть родину и теперь скитавшіеся безпріютно, и еще нѣкоторыя небольшія племена соединились съ Гельветами. Уже въ 693 году перебрались летучіе отряды ихъ черезъ Юру и дошли даже до римской провинціи; настоящее переселеніе не могло уже откладываться долѣе; тогда германскіе колонисты должны были неизбѣжно вступить въ столь важную мѣстность между Констанцскимъ и Женевскимъ озерами, покинутую ея защитниками. Отъ истоковъ Рейна вплоть до Атлантическаго океана задвигались нѣмецкія племена, грозя всей линіи Рейна; это была минута, подобная той, когда Алеманны и Франки бросились на разлагающееся царство цезарей; теперь, казалось, должно было осуществиться противъ Кельтовъ то, что полъ-тысячелѣтія спустя удалось сдѣлать противъ Римлянъ.

Прибытіе Цезаря.

При такихъ обстоятельствахъ прибылъ весною 696 года новый намѣстникъ Гай Цезарь въ нарбонскую Галлію, присоединенную сенатскимъ постановленіемъ къ его первоначальному намѣстничеству, обнимавшему юговосточную Галлію вмѣстѣ съ Истріею и Далмаціею. Должность его, порученная ему сперва на пять лѣтъ (до конца 700 г.), вслѣдъ затѣмъ въ 699 году еще на пять лѣтъ (до конца 705 г.), давала ему право назначать десять второстепенныхъ начальниковъ, въ должности преторовъ, и—по крайней мѣрѣ, по его толкованію—пополнять по усмотрѣнію свои легіоны или даже образовать новые изъ среды многочисленнаго, въ особенности въ юговосточной Галліи, гражданскаго населенія подвластной ему области. Войско, принятое имъ подъ свое начальство въ обѣихъ провинціяхъ, состояло, по части линейной пѣхоты, изъ четырехъ хорошо обу-

ченныхъ и привыкшихъ къ войнѣ легіоновъ, седьмого, восьмого, девятаго и десятаго, —словомъ, не болѣе, какъ изъ 24,000 человѣкъ, къ которымъ, по обыкновенію, примыкали контингенты новыхъ подданныхъ. Конница и легко вооруженные отряды состояли изъ испанскихъ всадниковъ и нумидійскихъ, критскихъ, балеарскихъ стрѣлковъ и метателей копій. Штабъ Цезаря, цвѣтъ столичной демократіи, заключалъ въ себѣ, кромѣ многихъ никуда негодныхъ знатныхъ молодыхъ людей, и нѣкоторыхъ способныхъ офицеровъ, какъ напримѣръ, Публія Красса, младшаго сына стараго политическаго союзника Цезаря, и Тита Лабіена, который, какъ вѣрный наперсникъ, послѣдовалъ за вождемъ демократіи съ форума на поле битвы. Опредѣленныхъ порученій Цезарь не получалъ; храброму и проницательному человѣку дѣло было ясно изъ самихъ обстоятельствъ. И здѣсь надо было исправить упущенія сената и, прежде всего, остановить переселеніе нѣмецкихъ народностей.

Какъ разъ въ то время началось гельветское нашествіе, тѣсно связанное съ нѣмецкимъ и подготовлявшееся въ теченіе многихъ лѣтъ. Для того, чтобы не оставить своихъ покинутыхъ хижинъ Германцамъ и сдѣлать самимъ себѣ возвратъ невозможнымъ, Гельветы сожгли свои города и села, и ихъ длинные обозы, нагруженные женщинами, дѣтьми и лучшею частью движимаго имущества, прибывали со всѣхъ сторонъ на Леманъ, близъ Генавы (Женевы), гдѣ они и ихъ товарищи назначили себѣ свиданіе на 28 марта того года *). По ихъ собственному счисленію вся эта масса народа состояла изъ 368,000 человѣкъ, изъ которыхъ только одна четверть могла носить оружіе. Вожди порѣшили обойти съ южной стороны хребетъ Юры, простирающійся отъ Рейна до Роны, почти вполнѣ замыкавшій съ запада гельветскую страну и своими узкими ущельями столь же мало пригодный для прохода такого каравана, какъ удобный для обороны, и открыть себѣ путь на западъ тамъ, гдѣ между юго-западною и самою высокою частью Юры и Савойскими горами, близъ ны-нѣшняго Fort de l'Ecluse, Рона прорываетъ горныя цѣпи. Но на правомъ берегу утесы и обрывы такъ близко подступаютъ къ рѣкѣ, что остается лишь узкая, легко преграждаемая тропинка; Секваны, которымъ принадлежалъ этотъ берегъ, могли безъ труда запереть передъ Гельветами этотъ проходъ. Гельветы предпочли поэтому переправиться на лѣвый аллоброгскій берегъ нѣсколько выше того мѣста, гдѣ прорывается Рона, съ тѣмъ чтобы далѣе внизъ по рѣкѣ, тамъ, гдѣ она вступаетъ въ равнину, снова перебраться на правую сторону и двинуться впередъ къ плоскому западу Галліи, гдѣ плодородный кан-

*) По неисправленному календарю. По принятому же исправленію, которое однако, отнюдь не опирается здѣсь на вполнѣ достовѣрныя числа, день этотъ соотвѣтствуетъ 26 апрѣля юліанскаго календаря.

тонъ Сентоновъ (Сентонжъ, долина Шаранты), близъ Атлантическаго океана, былъ избранъ путниками для новаго поселенія. Путь этотъ, тамъ, гдѣ онъ пролегалъ по лѣвому берегу Роны, шелъ черезъ римскія владѣнія, и Цезарь, вообще не располагавшій допустить укрѣпленіе власти Гельветовъ въ западной Галліи, твердо рѣшился преградить имъ дорогу. Но изъ четырехъ легіоновъ три стояли далеко, близъ Аквилеи; хотя онъ и созвалъ поспѣшно милицію противулежавшей провинціи, но, тѣмъ не менѣе, казалось едва возможнымъ помѣшать съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ переправѣ несмѣтной кельтской толпы черезъ Рону, отъ ея истока изъ Лемана близъ Генавы вплоть до того мѣста, гдѣ она прорываетъ горы, — словомъ, на протяженіи болѣе чѣмъ трехъ нѣмецкихъ миль. Но, посредствомъ переговоровъ съ Гельветами, охотно-бы совершившими переправу чрезъ рѣку и походъ чрезъ аллоброгскія владѣнія мирнымъ путемъ, Цезарь добился пятнадцатидневнаго срока, который пошелъ на уничтоженіе моста чрезъ Рону близъ Генавы и на преграждение врагу южнаго берега Роны посредствомъ укрѣпленія, длиною почти въ четыре нѣмецкія мили, — это было первое примѣненіе, впослѣдствіи въ громадныхъ размѣрахъ практиковавшейся Римлянами, системы устройства военной границы государства посредствомъ цѣпи отдѣльныхъ окоповъ, соединенныхъ между собою рвами и валами. Попытки Гельветовъ достигнуть въ разныхъ мѣстахъ противоположнаго берега на лодкахъ или вбродъ, были на этой линіи благополучно отражены Римлянами, и Гельветы увидѣли себя вынужденными отказаться отъ переправы черезъ Рону. Враждебная Римлянамъ партія въ Галліи, разсчитывавшая найти въ Гельветахъ сильное подкрѣпленіе, и въ особенности Гедуй Думноригъ, братъ Дивитіака, который, подобно тому, какъ Дивитіакъ стоялъ въ своемъ поселеніи во главѣ римской партіи, былъ вождемъ партіи націоналовъ, добились для Гельветовъ прохода черезъ юрскія ущелія и владѣнія Секвановъ. Запретить это Римляне не имѣли никакого юридическаго права; но съ гельветскимъ походомъ были связаны для нихъ другіе и болѣе важные интересы, чѣмъ вопросъ о формальной неприкосновенности римской области, — интересы, которые были бы ограждены лишь въ томъ случаѣ, еслибъ Цезарь, вмѣсто того, чтобы ограничиваться, какъ это дѣлали всѣ намѣстники, даже самъ Марій, скромною задачею охраненія границъ, переступилъ во главѣ значительной арміи за тогдашніе предѣлы государства. Цезарь былъ полководцемъ не сената, а государства; онъ не колебался. Прямо изъ Генавы онъ отправился въ Италію и, съ свойственною ему быстротою, привелъ оттуда стоявшіе тамъ три легіона, равно какъ и другіе два, составленные изъ рекрутовъ. Эти войска онъ соединилъ съ стоявшимъ близъ Генавы корпусомъ и съ совокупными силами этими перешелъ черезъ Рону. Неожиданное появ-

Гельветская война.

леніе его во владѣніяхъ Гедуевъ естественно немедленно же поставило тамъ во главѣ правленія римскую партію, что отнюдь не было безразлично въ видахъ продовольствія. Гельветовъ онъ засталъ занятыми преправою черезъ Сону и переходомъ изъ владѣній Секвановъ въ область гедуйскую; та часть, которая оставалась еще на лѣвомъ берегу Соны, въ особенности отрядъ Тигориновъ, была аттакована и уничтожена быстро наступавшими Римлянами. Большая часть войска была, однако, уже на правомъ берегу рѣки; Цезарь послѣдовалъ за нею и совершилъ переправу,—которую неумѣлая масса Гельветовъ не могла окончить въ двадцать дней,—въ двадцать четыре часа. Гельветы, которымъ эта переправа римской арміи черезъ рѣку помѣшала продолжать ихъ путь на западъ, пустились на сѣверъ, безъ сомнѣнія, предполагая, что Цезарь не осмѣлится слѣдовать за ними далеко внутрь Галліи, и думая снова обратиться къ настоящей цѣли своей, лишь только онъ удалится отъ нихъ. Въ продолженіе пятнадцати дней двигалось римское войско за непріятельскимъ на разстояніи около одной нѣмецкой мили, не теряя его слѣда и все выжидая благопріятной минуты, чтобы съ вѣрной надеждою на успѣхъ напасть на непріятельское войско и уничтожить его. Но минута эта не наступала; какъ ни тяжеловѣсно двигался гельветскій караванъ, вожди его все таки умѣли предупреждать нападеніе и не только были богато снабжены припасами, но имѣли чрезъ своихъ лазутчиковъ точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ римскомъ лагерѣ. Римляне же, напротивъ того, стали ощущать недостатокъ въ самомъ необходимомъ, въ особенности же тогда, когда Гельветы удалились отъ Соны и рѣчной подвозъ прекратился. Отсутствіе обѣщаннаго Гедуями подвоза, благодаря которому прежде всего возникло это затрудненіе, возбуждало тѣмъ болѣе подозрѣнія, что оба войска все еще передвигались по ихъ владѣніямъ. Наконецъ значительная римская конница, насчитывавшая до 4000 лошадей, оказалась совершенно ненадежною,—что, было, правда, объяснимо, такъ какъ она состояла почти исключительно изъ кельтскихъ всадниковъ, въ особенности же изъ гедуйской конницы подъ начальствомъ извѣстнаго врага Римлянъ, Думнорига, и самъ Цезарь принялъ ихъ скорѣе, какъ заложниковъ, чѣмъ какъ солдатъ. Было полное основаніе думать, что пораженіе, нанесенное имъ значительно слабѣйшей гельветской конницей, было вызвано ими же самими и что именно благодаря имъ непріятель былъ увѣдомленъ обо всемъ, что дѣлалось въ римскомъ станѣ. Положеніе Цезаря становилось опаснымъ; съ достаточной ясностью обнаружилось, что могла сдѣлать партія кельтскихъ патріотовъ даже среди Гедуевъ, не смотря на ихъ оффиціальный союзъ съ Римомъ и на склонявшіеся въ пользу Римлянъ сепаратистскіе интересы этого поселенія; что же могло-бы случиться, еслибъ Рим-

ляне еще более углубились въ возбужденную страну и удалились-бы отъ всякихъ сношеній съ родиною? Какъ разъ въ это время войска проходили въ небольшомъ разстояніи отъ столицы Гедуевъ, Бибракты (Отэнъ); Цезарь рѣшился силою завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ, прежде чѣмъ продолжать путь внутрь страны, и весьма возможно, что онъ вообще намѣревался отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія и укрѣпиться въ Бибрактѣ. Но когда онъ, оставивъ преслѣдованіе, обратился въ сторону Бибракты, Гельветы подумали, что Римляне готовятся къ бѣгству, и напали тогда въ свою очередь. Цезарь и не желалъ ничего другого. Войска выстроились на двухъ параллельно тянувшихся рядахъ холмовъ. Кельты начали бой, разсѣяли выдвинувшуюся въ равнину римскую конницу и напали на расположенные по склону холма легіоны, но были здѣсь вынуждены отступить передъ ветеранами Цезаря. Когда вслѣдъ затѣмъ Римляне, желая воспользоваться выгодою своего положенія, спустились въ свою очередь въ равнину, Кельты снова двинулись на нихъ, и оставшійся въ запасѣ кельтскій корпусъ аттаковалъ ихъ съ фланга. Ему былъ противопоставленъ резервъ римской наступательной колонны; онъ оттѣснилъ кельтскій отрядъ отъ главной массы войска на обозъ и вагенбургъ, гдѣ онъ и былъ уничтоженъ. Главныя силы гельветскаго войска были, наконецъ, принуждены отступить и двинуться въ восточномъ направленіи, какъ разъ противоположномъ тому, куда направились онѣ. День этотъ разстроилъ планы Гельветовъ основать себѣ новую осѣдлость близъ Атлантическаго океана и предалъ ихъ на произволъ побѣдителя; но день этотъ былъ тяжелымъ и для него самого. Цезарь, имѣвшій причину не довѣрять сплошь составу своихъ офицеровъ, отослалъ съ самаго начала всѣхъ ихъ лошадей, чтобы категорически выяснить передъ своими воинами необходимость держаться стойко; и дѣйствительно, битва эта, еслибъ Римляне ее проиграли, повела бы, вѣроятно, къ полному уничтоженію римской арміи. Римскія войска были слишкомъ изнурены для того, чтобы энергично преслѣдовать побѣжденныхъ; но вслѣдствіе заявленія Цезаря, что онъ будетъ обращаться со всѣми, кто поддержитъ Гельветовъ, какъ съ врагами Римлянъ, всюду, гдѣ только появлялась разбитая армія, начиная съ поселка Лингоновъ (вокругъ Лангра), ей отказывали во всякой поддержкѣ, такъ что, лишенные подвоза и своего имущества, обремененные массою неспособнаго къ борьбѣ служебнаго люда, Гельветы должны были подчиниться римскому полководцу. Участь Гельветовъ была сравнительно мягкая. Гедуямъ было приказано дать мѣсто въ ихъ владѣніяхъ безроднымъ Бойямъ; и это поселеніе покоренныхъ враговъ среди могущественнѣйшихъ кельтскихъ поселковъ оказывало почти ту-же пользу, какъ настоящая римская ко-

лонія. Уцѣлѣвшіе еще Гельветы и Рауракн, немного болѣе одной трети всей выселившейся массы, были, конечно, отосланы обратно въ ихъ прежнія владѣнія, для того чтобы подъ римскимъ главенствомъ защищать на верхнемъ Рейнѣ границу государства противъ нѣмцевъ. Одна только западная оконечность гельветскаго поселка была занята Римлянами, и древній кельтскій городъ Новіодунумъ (нынѣ Ніонъ) на красивомъ берегу Лемана былъ превращенъ въ римскую пограничную крѣпость, «Юліеву колонію всадниковъ» *).

Цезарь и Аріовистъ. И такъ, на верхнемъ Рейнѣ было отражено нашествіе Нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ была унижена непріязненная Римлянамъ кельтская партія. Тоже самое слѣдовало сдѣлать и на среднемъ Рейнѣ, гдѣ Нѣмцы переправились уже много лѣтъ передъ тѣмъ, и гдѣ могущество Аріовиста, соперничавшее въ Галліи съ римскимъ, ежедневно распространялось все далѣе. Предлогъ къ разрыву найти было легко. Въ сравненіи съ игомъ, грозившимъ имъ или уже наложеннымъ на нихъ со стороны Аріовиста, верховенство Римлянъ могло казаться теперь большей части Кельтовъ сноснымъ зломъ; по крайней мѣрѣ меньшинство, сохранявшее еще ненависть къ Римлянамъ, должно было замолкнуть. Сеймъ кельтскихъ племенъ средней Галліи, созванный подъ вліяніемъ Римлянъ, обратился отъ имени кельтскаго народа къ римскому полководцу съ просьбою о его содѣйствіи противъ Нѣмцевъ. Цезарь согласился на это. По его настоянію Гедуи пріостановили уплату дани, слѣдовавщей по договору Аріовисту, и потребовали возврата заложниковъ; когда Аріовистъ напалъ на римскихъ кліентовъ вслѣдствіе этого нарушенія договора, Цезарь выбралъ это поводомъ для того, чтобы вступить съ нимъ въ прямыя сношенія и, кромѣ выдачи заложниковъ и обѣщанія примириться съ Гедуями, потребовать еще обѣщанія не привлекать болѣе Нѣмцевъ изъ-за Рейна. Германскій полководецъ отвѣчалъ римскому съ сознаніемъ своей равноправности. Сѣверная Галлія покорилась ему по праву войны точно такъ-же, какъ южная Римлянамъ; какъ онъ не мѣшаетъ Римлянамъ взимать дань съ Аллоброговъ, такъ и они не должны мѣшать ему облагать податью его подданныхъ. Въ позднѣйшихъ тайныхъ переговорахъ обнаружилось, что Аріовисту хорошо были извѣстны римскія дѣла; онъ упомянулъ о предложеніяхъ, дѣлаемыхъ ему изъ Рима, устранить Цезаря съ пути, и изъявилъ готовность, въ случаѣ если Цезарь предоставитъ ему сѣверную Галлію, помочь ему взамѣнъ этого достигнуть господства

*) Julia Equestris, гдѣ послѣдній эпитетъ слѣдуетъ понимать такъ, какъ въ другихъ колоніяхъ Цезаря приставки sextanorum, decimanorum. Кельтскіе или нѣмецкіе всадники Цезаря получали здѣсь земельные участки, конечно, вмѣстѣ съ правомъ римскихъ или по крайней мѣрѣ латинскихъ гражданъ.

надъ Италіею;—подобно тому, какъ распри кельтскихъ партій открыли ему доступъ въ Галлію, такъ, казалось, ожидалъ онъ укрѣпленія своей власти отъ несогласій между италійскими партіями. Въ теченіе уже многихъ вѣковъ никто не говорилъ съ Римлянами, какъ равный съ равнымъ, никакая сила не проявляла свою самостоятельность такъ рѣзко и безпощадно, какъ дѣлалъ это теперь нѣмецкій военачальникъ; онъ наотрѣзъ отказался прибыть, когда римскій полководецъ, какъ водилось обыкновенно относительно мелкихъ владѣтелей-кліентовъ, потребовалъ его личнаго посѣщенія. Тѣмъ необходимѣе было не медлить. Цезарь тотчасъ же двинулся противъ Аріовиста. Паническій страхъ овладѣлъ его войскомъ, въ особенности его офицерами, когда они увидали себя наканунѣ столкновенія съ лучшими нѣмецкими войсками, цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ не покидавшими боевой жизни; даже въ лагерѣ Цезаря готовъ былъ обнаружиться глубокій упадокъ римскихъ нравовъ и дисциплины, и вызвать побѣги и мятежъ. Но полководецъ, объявивъ, что въ случаѣ нужды онъ двинется противъ непріятеля съ однимъ только десятымъ легіономъ, съумѣлъ этимъ обращеніемъ къ его чести, приковать къ своимъ знаменамъ не только его, но, благодаря воинскому соревнованію, и другіе полки, и вдохнулъ часть своей энергіи и въ войско. Не давъ ему времени образумиться, онъ повелъ его быстрыми переходами впередъ и, счастливо предупредивъ Аріовиста, занялъ секванскую столицу Везонцію (Безансонъ). Личная встрѣча двухъ полководцевъ, совершившаяся по желанію Аріовиста, должна была, повидимому, исключительно служить предлогомъ для покушенія противъ Цезаря; вопросъ между двумя поработителями Галліи могла рѣшить только сила оружія. Временно война пріостановилась. Въ нижнемъ Эльзасѣ, приблизительно въ окрестностяхъ Мюльгаузена, *) въ разстояніи одной нѣмецкой мили отъ Рейна,

---

*) Гёлеръ (Caesars gall. Krieg, стр. 45 и слѣд.) думаетъ, что онъ открылъ поле битвы близъ Сернэ, недалеко отъ Мюльгаузеня, что вообще согласуется съ мнѣніемъ Наполеона, который относилъ поле сраженія въ мѣстность около Бельфора (Précis, p. 35). Предположеніе это, правда, не вполнѣ достовѣрно, но согласуется съ обстоятельствами, такъ какъ, если Цезарь совершилъ короткій переходъ туда изъ Безансона въ семидневный срокъ, то онъ объясняетъ это дѣло тѣмъ (1, 41), что онъ сдѣлалъ обходъ болѣе чѣмъ въ десять нѣмецкихъ миль для избѣжанія горныхъ дорогъ; въ пользу же того, что битва происходила въ пяти, а не въ пятидесяти миляхъ отъ Рейна, свидѣтельствуетъ, съ одинаковымъ авторитетомъ преданія, все описаніе преслѣдованія, продолжавшагося вплоть до Рейна и длившагося, очевидно, не нѣсколько дней, а окончившагося въ самый день битвы. Предложеніе Рюстова (Введеніе къ Коммен. Цезаря, стр. 117) отнести поле битвы къ верхнему теченію Саары, опирается на недоразумѣніе. Хлѣбъ, ожидаемый отъ Секвановъ, Левковъ, Лингоновъ, долженъ былъ достаться римскому войску не на пути противъ Аріо-

войска расположились въ небольшомъ разстояніи другъ противъ друга, пока Аріовисту удалось пройти съ своимъ значительно сильнѣйшимъ войскомъ мимо римскаго стана, расположиться въ тылу его и отрѣзать Римлянъ отъ ихъ центра и подвозовъ. Цезарь пытался избавиться отъ своего томительнаго положенія посредствомъ битвы, но Аріовистъ ея не принялъ. Римскому полководцу ничего не оставалось дѣлать, какъ только подражать, несмотря на свою незначительную силу, движеніямъ непріятеля и снова возстановить прежнія сношенія, приказавъ двумъ легіонамъ миновать врага и занять позицію за нѣмецкимъ лагеремъ въ то время, какъ четыре легіона остановились въ прежнемъ станѣ. Аріовистъ, увидѣвъ раздробленіе Римлянъ, попытался взять штурмомъ ихъ меньшій лагерь; но Римляне отразили его. Подъ впечатлѣніемъ этого успѣха все римское войско было поведено въ аттаку; Нѣмцы также выстроились въ боевой порядокъ длинною линіею, каждое племя само по себѣ; за ними, съ цѣлью затруднить бѣгство, находились войсковыя колесницы, съ обозомъ и женщинами. Правое римское крыло, подъ предводительствомъ самого Цезаря, быстро устремилось на врага и погнало его передъ собою; тоже самое удалось сдѣлать и правому нѣмецкому флангу. Равновѣсіе еще удержалось, но движеніе резервовъ рѣшило борьбу съ Германцами въ пользу Римлянъ, какъ бывало и во многихъ другихъ столкновеніяхъ съ варварами; третья линія Римлянъ, своевременно высланная на помощь къ нимъ Публіемъ Крассомъ, снова возстановила сраженіе на лѣвомъ крылѣ, и это рѣшило побѣду. Преслѣдованіе продолжалось вплоть до Рейна; лишь немногимъ, въ томъ числѣ королю, удалось достигнуть противоположнаго берега (696).

Нѣмецкія поселенія на лѣвомъ берегу Рейна. Съ такимъ блескомъ началось римское владычество на берегу могучей рѣки, которую итальянскіе солдаты увидали здѣсь впервые; однимъ счастливымъ сраженіемъ была завоевана линія Рейна. Судьба нѣмецкихъ поселеній на лѣвомъ берегу находилась въ рукахъ Цезаря; побѣдитель могъ уничтожить ихъ; но онъ этого не сдѣлалъ. Сосѣднія кельтскія поселенія, Секваны, Левки, Медіоматрики были не надежны и не способны обороняться; нѣмецкіе же переселенцы не только обѣщали быть храбрыми пограничными стражами, но и болѣе вѣрными подданными Рима, такъ какъ съ Кельтами ихъ разъединяла національность, съ за-рейнскими соотечест-

---

виста, а передъ выступленіемъ противъ Безансона, и войско должно было захватить его съ собою, что вполнѣ явствуетъ изъ того, что Цезарь указывалъ своимъ войскамъ на эти припасы и вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживалъ ихъ еще обѣщаніемъ доставки хлѣба на пути. Изъ Безансона Цезарь господствовалъ надъ мѣстностью вокругъ Лангра и Эпиналя и, понятно, охотнѣе выписывалъ свои припасы оттуда, чѣмъ изъ истощенныхъ округовъ, откуда онъ пришелъ.

венниками же — личная выгода изъ-за удержанія новопріобрѣтенныхъ жилищъ, а при своемъ изолированномъ положеніи они не могли не держаться за центральную власть. Цезарь здѣсь, какъ и всюду, предпочелъ побѣжденныхъ враговъ сомнительнымъ друзьямъ; онъ оставилъ поселеннымъ Аріовистомъ на лѣвомъ берегу Рейна Германцамъ, Трибокамъ около Страсбурга, Неметамъ близъ Шпейера, Вангіонамъ, вокругъ Вормса, ихъ новыя поселенія и поручилъ имъ защиту пограничной линіи Рейна противъ ихъ соотечественниковъ *).— Свевы же, угрожавшіе на среднемъ Рейнѣ треверійскимъ владѣніямъ, снова удалились внутрь Германіи, узнавъ о пораженіи Аріовиста, причемъ имъ по дорогѣ былъ нанесенъ значительный уронъ со стороны окрестныхъ народностей.

Рейнская Граница.

Результаты этого одного похода были неисчислимы; они ощущались даже много вѣковъ спустя. Рейнъ сдѣлался границею римскаго государства противъ Нѣмцевъ. Въ Галліи, неспособной болѣе управляться самостоятельно, Римляне господствовали до той поры на южномъ берегу, а незадолго передъ тѣмъ Нѣмцы попытались укрѣпиться нѣсколько выше. Послѣднія событія опредѣлили, что Галлія не только отчасти, но и всецѣло подпадетъ подъ римское владычество, и что естественной границѣ, образуемой могучею рѣкою, предназначено сдѣлаться и государственною границею. Въ лучшія времена свои сенатъ не зналъ покоя, пока господство Рима не достигло естественныхъ границъ Италіи, Альпъ, Средиземнаго моря и ближайшихъ острововъ его. Въ подобномъ же стратегическомъ округленіи нуждалось и увеличившееся государство; но тогдашнее правительство предоставило дѣло случаю и заботилось не о томъ, чтобы границы могли быть защищены, а лишь о томъ, чтобы ему самому не пришлось защищать ихъ непосредственно. Чувствовалось, что теперь судьбы Рима управлялись инымъ духомъ, иной рукою.

Покореніе Галліи.

Фундаментъ новаго зданія былъ возведенъ; но для того чтобы окончить его и добиться отъ Галловъ полнаго признанія римскаго владычества, и укрѣпленія его на рейнской границѣ по отношенію къ

*) Это кажется намъ самымъ простымъ объясненіемъ происхожденія германскихъ колоній. Что Аріовистъ поселилъ эти народности на среднемъ Рейнѣ, кажется потому вѣроятнымъ, что онѣ сражались въ его войскѣ (Цезарь, 1, 51) и не упоминаются раньше; что Цезарь оставилъ имъ ихъ осѣдлость, вѣроятно потому, что онъ заявилъ Аріовисту свою готовность оставить въ Галліи уже жившихъ тамъ Нѣмцевъ (Цезарь, 1, 35, 43) и еще потому, что мы встрѣчаемъ ихъ позднѣе въ этихъ же мѣстахъ. Цезарь только оттого не упоминаетъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ имъ послѣ сраженія относительно этихъ нѣмецкихъ поселеній, что онъ изъ принципа умалчиваетъ обо всѣхъ введенныхъ имъ въ Галліи органическихъ учрежденіяхъ.

Нѣмцамъ, недоставало еще многаго. Вся средняя Галлія, отъ римской границы вплоть до Шартра и Трира, подчинялась, правда, безпрекословно новому властелину, и на верхнемъ и среднемъ Рейнѣ также нечего было опасаться пока нападенія со стороны Нѣмцевъ. Но сѣверныя мѣстности, арморикансія поселенія въ Бретани и Нормандіи, равно какъ и болѣе могущественная федерація Белговъ, не были затронуты ударами, нанесенными средней Галліи, и не видѣли повода подчиняться побѣдителю Аріовиста. Къ тому же между Белгами и зарейнскими Нѣмцами существовали тѣсныя сношенія, и близъ устьевъ Рейна нѣмецкія племена готовились переправиться черезъ рѣку. Вслѣдствіе этого, весною 697 года, Цезарь двинулся противъ бельгійскихъ поселковъ съ своимъ войскомъ, состоявшимъ теперь изъ восьми легіоновъ. Памятуя храброе и успѣшное сопротивленіе, совокупными силами оказанное имъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ Кимврамъ на границѣ страны, и подстрекаемый патріотами изъ средней Галліи, въ большомъ числѣ укрывшимися среди Белговъ, бельгійскій союзъ выслалъ къ южной границѣ весь первый призывъ своего ополченія, 300,000 вооруженныхъ людей, предводительствуемыхъ королемъ Суэссіоновъ, Гальбою, чтобы встрѣтиться тамъ съ Цезаремъ. . Только одинъ поселокъ могущественныхъ Ремовъ (вокругъ Реймса) увидѣлъ въ этомъ иноземномъ нашествіи поводъ свергнуть съ себя господство своихъ сосѣдей, Суэссіоновъ, и приготовился принять на себя въ сѣверной Галліи ту роль, которую играли въ средней Гедуи. Римское и бельгійское войска прибыли въ ихъ владѣнія почти одновременно. Цезарь не отважился вступить въ бой съ храбрымъ непріятелемъ, почти въ шесть разъ превосходившимъ его численностью; къ сѣверу отъ Эна, недалеко отъ нынѣшняго Понтавера, между Реймсомъ и Лаономъ, онъ выстроилъ свой лагерь на плоской возвышенности, которую частью рѣка и болота, частью рвы и редуты дѣлали почти неприступною со всѣхъ сторонъ, и ограничивался тѣмъ, что оборонительными мѣрами уничтожалъ всѣ попытки Белговъ переправиться чрезъ Энъ и тѣмъ отрѣзать у него всѣ сношенія. Если онъ разсчитывалъ на то, что коалиція прежде всего падетъ подъ собственной тяжестью, то разсчетъ его былъ вѣренъ. Король Гальба былъ честный, всѣми уважаемый человѣкъ, но управлять на непріятельской почвѣ арміею въ 300,000 воиновъ онъ не былъ въ силахъ. Войско не двигалось съ мѣста и припасы истощались; недовольство и раздоры начались въ лагерѣ союзниковъ. Невозможно было прежде всего удержать Белловаковъ, равныхъ Суэссіонамъ по могуществу и недовольныхъ уже тѣмъ, что главное начальство надъ союзнымъ войскомъ досталось не имъ; въ особенности трудно было удержать ихъ, когда разнеслась вѣсть, что Гедуи, въ качествѣ римскихъ союзниковъ, приготовляются вторгнуться въ белловакскія владѣнія. Рѣшено было под-

няться и разойтись по домамъ; если, стыда ради, всѣ поселки и обязались вмѣстѣ съ тѣмъ совокупными силами придти на помощь къ тому изъ нихъ, который раньше другихъ подвергнется нападенію, то подобныя неисполнимыя условія служили только ничтожною прикрасою жалкаго распаденія союза. Это была катастрофа, живо напоминающая ту, которая разыгралась почти на той же почвѣ въ 1792 году; подобно экспедиціи въ Шампань, пораженіе это было тѣмъ тяжеле, что оно совершилось безъ бою. Дурное управленіе удалявшейся арміи дозволило Цезарю преслѣдовать ее, точно побѣжденную, и уничтожить часть тѣхъ контингентовъ, которые оставались на мѣстѣ до конца. Но этимъ не ограничивались результаты побѣды. Когда Цезарь вступилъ въ западные кантоны Белговъ, ему сдались одинъ за другимъ, почти безъ сопротивленія, могущественные Суэссіоны (около Суассона), и ихъ соперники Белловаки (вокругъ Бовэ) и Амбіаны (близъ Аміена). Города открывали свои ворота при видѣ странныхъ осадныхъ машинъ и башенъ, катившихся къ ихъ стѣнамъ; кто не хотѣлъ сдаваться иноземному властелину, искалъ убѣжища по ту сторону моря, въ Британіи. Но въ восточныхъ кантонахъ національное чувство проявилось энергичнѣе. Вироманду (около Арраса), Атребаты (вокругъ Saint-Quentin), нѣмецкіе Адуатуки (близъ Намюра) и болѣе всего Нервійцы (въ Геннегау) съ ихъ значительными кліентами, численностью мало уступавшіе Суэссіонамъ и Белловакамъ и много превосходившіе ихъ мужествомъ и любовью къ отчизнѣ, составили второй, болѣе тѣсный союзъ и стянули свои войска на верхнемъ теченіи Самбры. Кельтскіе шпіоны увѣдомляли ихъ самымъ точнымъ образомъ обо всѣхъ движеніяхъ римской арміи; ихъ собственное знакомство съ мѣстностью, равно какъ и высокія стѣны, всюду встрѣчавшіяся въ этой странѣ для прегражденія пути коннымъ шайкамъ разбойниковъ, зачастую опустошавшимъ край давали союзникамъ возможность скрывать свои движенія отъ взоровъ Римлянъ. Когда Римляне прибыли на берега Самбры, недалеко отъ Бавэ (Bavay), и легіоны принялись разбивать лагерь на гребнѣ гористаго лѣваго берега, а конница и легкая пѣхота занимались изслѣдованіемъ противолежавшихъ высотъ, онѣ были внезапно настигнуты всей массою непріятельскаго ополченія и оттѣснены съ холма къ рѣкѣ. Въ одно мгновеніе непріятель переправился черезъ нее и штурмовалъ съ неустрашимою рѣшимостью высоты лѣваго берега. Занимавшимся окопами легіонерамъ едва осталось достаточно времени, чтобы промѣнять заступъ на мечъ; солдаты, многіе даже безъ шлемовъ, должны были сражаться, гдѣ кто стоялъ, безъ боевой линіи, безъ плана, безъ настоящаго руководства, такъ какъ при неожиданности нападенія и въ виду почвы, пересѣченной высокими изгородями, отдѣльные отряды утратили всякую связь между собою. Вмѣсто сраженія начался рядъ нестрой-

ныхъ стычекъ. Лабіенъ, съ лѣвымъ крыломъ, опрокинулъ Атребатовъ и преслѣдовалъ ихъ за рѣку. Римскій центръ оттѣснилъ Вироманду евъ къ подножію горы. Но правое крыло, гдѣ находился самъ главнокомандующій, было тѣмъ легче опережено значительно многочисленнѣйшими Нервійцами, потому что центръ, увлекаемый своимъ успѣхомъ, очистилъ около него мѣсто; даже наполовину готовый римскій лагерь былъ занятъ Нервійцами; оба легіона, сжатые, каждый порознь, въ тѣсную массу, аттакованные спереди и съ двухъ фланговъ и лишенные большинства своихъ офицеровъ и лучшихъ воиновъ, казались готовыми разсѣяться и быть изрубленными. Уже бѣжали во всѣ стороны римская обозная прислуга и союзныя войска; кельтская конница, какъ, напримѣръ, контингентъ Треверійцевъ, мчалась цѣлыми отрядами, опустивъ повода, чтобы съ самаго поля сраженія доставить домой желанную вѣсть о понесенномъ пораженіи. Все стояло на картѣ. Самъ главнокомандующій схватилъ щитъ и боролся въ первыхъ рядахъ; его примѣръ, все еще вдохновлявшій призывъ, остановили пошатнувшіеся ряды. Римляне уже до извѣстной степени очистили себѣ мѣсто и возстановили сношенія между двумя легіонами этого фланга, когда подоспѣла помощь, отчасти съ крутого берега рѣки, куда въ это время прибылъ вмѣстѣ съ обозомъ и римскій арьергардъ, отчасти съ противоположнаго прибрежья, гдѣ тѣмъ временемъ Лабіенъ проникъ до непріятельскаго стана, овладѣлъ имъ и, замѣтивъ наконецъ опасность, грозившую правому крылу, послалъ побѣдоносный десятый легіонъ на выручку главнокомандующему. Нервійцы, отрѣзанные отъ своихъ союзниковъ и аттакованные одновременно со всѣхъ сторонъ, обнаружили теперь, когда счастье измѣнилось, тотъ же героизмъ, какой они проявили, считая себя побѣдителями, и боролись до послѣдняго человѣка, стоя на грудѣ труповъ своихъ воиновъ. По ихъ собственнымъ показаніямъ, изъ шестисотъ членовъ ихъ совѣта только три пережили этотъ день. Послѣ этого страшнаго пораженія Нервійцы, Атребаты и Вироманд уи должны были поневолѣ признать римское главенство. Адуатуки, прибывшіе слишкомъ поздно, для того чтобы участвовать въ битвѣ на Самбрѣ, пытались еще, правда, держаться въ наиболѣе сильномъ изъ ихъ городовъ (на горѣ Фализѣ, на берегу Мааса, недалеко отъ Гюи, — Ниу), но вскорѣ сдались. Нападеніе на расположенный передъ городомъ римскій лагерь, сдѣланное уже послѣ сдачи, неудалось, и вѣроломство это было жестоко наказано Римлянами. Кліенты Адуатуковъ, состоявшіе изъ Эбуроновъ (между Маасомъ и Рейномъ) и другихъ небольшихъ сосѣднихъ племенъ, были объявлены независимыми; плѣнные же Адуатуки продавались массами съ молотка въ пользу римской казны. Казалось, что несчастіе, разразившееся надъ Кимврами, преслѣдовало и этотъ послѣдній кимврскій

обломокъ. Относительно же остальныхъ покоренныхъ племенъ Цезарь ограничился требованіемъ сложить оружіе и выставить заложниковъ. Ремы сдѣлались, конечно, руководящимъ поселкомъ въ бельгійской Галліи, подобно тому, какъ Гедуи въ средней; даже здѣсь многіе изъ враждебныхъ Гедуямъ клановъ стали кліентами Ремовъ. Одни только отдаленные приморскіе кантоны Мориновъ (Артуа) и Менапійцевъ (Фландрія и Брабантъ) и мѣстность между Шельдою и Рейномъ остались на этотъ разъ въ сторонѣ отъ римскаго нашествія и пользовались прежнею свободою.

Экспедиціи противъ приморскихъ поселеній. Война съ Венетами.

Очередь дошла и до арморикансихъ поселеній. Еще осенью 697 года туда былъ отправленъ Публій Крассъ съ римскимъ корпусомъ; онъ достигъ того, что Венеты, которые въ судоходствѣ и торговлѣ занимали первое мѣсто между всѣми кельтскими поселками, какъ хозяева гаваней нынѣшняго Морбигана и обладатели значительнаго флота, и вообще всѣ приморскіе округа между Луарою и Сеною покорились Римлянамъ и дали заложниковъ. Но вскорѣ они раскаялись въ этомъ. Когда въ слѣдующую за симъ зиму (697—8) въ эту мѣстность прибыли римскіе офицеры, чтобы производить сборъ хлѣба, они въ свою очередь были задержаны Венетами въ качествѣ заложниковъ. Данному примѣру быстро послѣдовали не только армориканскіе, но и оставшіеся еще свободными приморскіе кантоны Белговъ; тамъ, гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ нормандскихъ поселкахъ, общинный совѣтъ отказывался приступить къ возстанію, толпа умерщвляла его членовъ и съ удвоеннымъ рвеніемъ примыкала къ національному дѣлу. Все побережье, отъ устьевъ Луары до устьевъ Рейна, возстало противъ Римлянъ; самые рѣшительные патріоты изъ всѣхъ кельтскихъ поселковъ спѣшили туда, чтобы участвовать въ великомъ дѣлѣ избавленія; ожидалось возстаніе всего бельгійскаго союза, помощь изъ Британіи и вторженіе зарейнскихъ Германцевъ.— Цезарь отрядилъ Лабіена со своей конницею къ Рейну, чтобы подавить броженіе въ странѣ Белговъ и въ случаѣ нужды воспрепятствовать переправѣ Нѣмцевъ черезъ рѣку; другой изъ подчиненныхъ ему полководцевъ, Квинтъ Титурій Сабинъ, отправился съ тремя легіонами въ Нормандію, гдѣ собрались главныя силы инсургентовъ. Но настоящимъ очагомъ возстанія была страна могущественныхъ и интеллигентныхъ Венетовъ; противъ нихъ было направлено главное нападеніе на морѣ и на сушѣ. Полководецъ Децимъ Брутъ повелъ флотъ, составленный частью изъ судовъ подвластныхъ кельтскихъ поселковъ, частью изъ нѣсколькихъ римскихъ галеръ, наскоро построенныхъ на Луарѣ и снабженныхъ гребцами изъ нарбонской провинціи; самъ Цезарь вступилъ во владѣнія Венетовъ съ главными силами своей пѣхоты. Но они уже были наготовѣ и столь же искусно, какъ и энергически, воспользовались благопріятными условіями, которыя представляла имъ почва Бретани и обладаніе зна-

чительной морской силою. Страна была перерѣзана горами и бѣдна хлѣбомъ, города большею частью расположены на утесахъ и мысахъ и доступны со стороны материка лишь посредствомъ неудобныхъ тропинокъ; продовольствіе и осада были одинаково трудны для нападавшаго сухимъ путемъ войска, въ то время, какъ Кельты на своихъ корабляхъ могли легко снабжать города всѣмъ необходимымъ и въ случаѣ нужды содѣйствовать даже очищенію ихъ. Легіоны тратили время и силу на осаду венетскихъ городовъ, чтобы подъ конецъ видѣть, какъ исчезали съ помощью непріятельскихъ судовъ существеннѣйшіе плоды побѣды. Когда поэтому римскій флотъ, долго задерживаемый близъ устьевъ Луары бурями, появился наконецъ у бретонскихъ береговъ, ему было предоставлено рѣшить борьбу морскимъ сраженіемъ. Кельты, сознавая свое превосходство на этой стихіи, повели свой флотъ противъ эскадры, предводительствуемой Брутомъ. Флотъ ихъ не только насчитывалъ двѣсти двадцать парусныхъ судовъ, что составляло гораздо болѣе того, что могли собрать Римляне, но и прочные парусные корабли ихъ, съ высокими бортами и плоскимъ дномъ, были гораздо пригоднѣе для могучихъ волнъ Атлантическаго океана, чѣмъ низкія, легкопостроенныя весельныя галеры Римлянъ, съ ихъ заостренными килями; ни выстрѣлы, ни абордажные мостки Римлянъ не достигали высокой палубы непріятельскихъ судовъ, и желѣзные носы ихъ кораблей безсильно ударялись о дубовыя доски кельтскихъ кораблей. Римскіе моряки перерѣзали, однако, съ помощью серповъ, привязанныхъ къ длиннымъ шестамъ, канаты, связывавшіе реи съ мачтами; реи и паруса падали, и такъ какъ въ то время не умѣли быстро поправлять подобныхъ изъяновъ, то корабль становился, благодаря этому, негоднымъ, какъ бываетъ и нынѣ послѣ паденія мачтъ, и римскимъ лодкамъ легко удавалось соединенными усиліями завладѣвать поврежденнымъ непріятельскимъ кораблемъ. Когда Галлы замѣтили этотъ пріемъ, они попытались удалиться отъ берега, около котораго начали борьбу съ Римлянами, и отплыть въ открытое море, куда не могли послѣдовать за ними римскія галеры; но, къ несчастію для нихъ, внезапно наступилъ полнѣйшій штиль, и громадный флотъ, на сооруженіе котораго приморскіе поселки употребили всѣ свои силы, былъ почти всецѣло уничтоженъ Римлянами. Такимъ образомъ эта морская битва, по историческимъ даннымъ древнѣйшая изъ всѣхъ, происходившихъ на Атлантическомъ океанѣ, рѣшена была, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, въ пользу Римлянъ благодаря счастливой выдумкѣ, какъ было и за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ въ стычкѣ при Милахъ. Послѣдствіемъ побѣды, одержанной Брутомъ, была сдача Венетовъ и всей Бретани. Скорѣе съ цѣлью устрашить теперь кельтскую націю, послѣ стольких доказательствъ кротости съ побѣжденнымъ, примѣромъ страшной суро-

вости съ упорно сопротивлявшимся врагомъ, чѣмъ съ намѣреніемъ покарать ее за нарушеніе договора и плѣненіе римскихъ офицеровъ, Цезарь приказалъ казнить весь общинный совѣтъ и продать въ рабство гражданъ венетскаго поселка до послѣдняго человѣка. Своей страшною участью, точно также какъ и умомъ и патріотизмомъ своимъ Венеты, болѣе чѣмъ какой-либо другой кельтскій кланъ, пріобрѣли право на сочувствіе потомства. Милиціи приморскихъ государствъ, собранной на берегу канала, Сабинъ противопоставилъ тѣмъ временемъ ту же тактику, посредствомъ которой Цезарь одолѣлъ за годъ передъ тѣмъ на берегу Эна бельгійское ополченіе; онъ держался оборонительнаго положенія, - пока нетерпѣніе и нужда не внѣдрились въ ряды непріятеля, съумѣлъ тогда увлечь его, подъ вліяніемъ его собственнаго же нетерпѣнія, въ необдуманный штурмъ римскаго лагеря, удачно скрывъ настроеніе и силу своего войска, и разбилъ его, послѣ чего милиція разсѣялась, и мѣстность вплоть до Сены сдалась.

Походы противъ Мориновъ и Менапійцевъ.

Одни только Морины и Менапійцы упорно уклонялись отъ признанія римскаго главенства. Чтобы принудить ихъ къ этому, Цезарь появился на ихъ границѣ; но, наученные опытомъ своихъ соотечественниковъ, они не хотѣли начинать борьбы на границѣ своихъ владѣній и удалились въ лѣса, въ то время почти сплошь простиравшіеся отъ Арденнъ къ Сѣверному морю. Римляне пытались прорубить себѣ черезъ эти лѣса дорогу, по обѣ стороны которой срубленныя деревья нагромождались, чтобы служить засѣкою для защиты отъ непріятельскихъ нападеній; однако Цезарь, какъ ни отваженъ онъ былъ, счелъ полезнымъ послѣ многодневныхъ тяжелыхъ переходовъ, въ особенности въ виду зимняго времени, предписать отступленіе, хотя только малая часть Мориновъ была покорена, а могущественные Менапійцы вовсе не были даже настигнуты. Въ слѣдующемъ году (699), въ то время, какъ самъ Цезарь былъ занятъ въ Бретани, большая часть войска снова была отправлена противъ этихъ племенъ; но и эта экспедиція осталась въ главныхъ чертахъ безуспѣшною. Тѣмъ не менѣе результатомъ послѣднихъ походовъ было почти окончательное покореніе Галліи господству Римлянъ. Если Средняя Галлія сдалась безъ сопротивленія, зато въ 697 году бельгійскіе поселки, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году и приморскіе, были принуждены силою оружія признать главенство Рима. Высокопарныя надежды, съ которыми кельтскіе патріоты начали послѣдній походъ, не осуществились нигдѣ. Ни Нѣмцы, ни Бритты не пришли къ нимъ на помощь, а въ Бельгіи одного присутствія Лабіена было достаточно для того, чтобы предупредить возобновленіе борьбы прошлыхъ лѣтъ.

Возстановленіе сноше-

Въ то самое время, когда Цезарь съ оружіемъ въ рукахъ соединилъ римскія владѣнія на западѣ въ одно замкнутое цѣлое, онъ

ній съ Испа- ніею чрез Валлисъ.

не преминулъ установить сношенія вновь завоеванной страны, долженствовавшей пополнить пробѣлъ между итальянскими и испанскими владѣніями, съ италійскою родиною и испанскими провинціями. Сообщенія между Галліею и Италіею были, правда, уже значительно облегчены заложенною Помпеемъ въ 677 году военною дорогою чрезъ Mont-Genèvre; но съ тѣхъ поръ, какъ вся Галлія была подвластна Римлянамъ, нужна была дорога, которая изъ долины пересѣкала бы хребетъ Альпъ не въ западномъ, а въ сѣверномъ направленіи и соединила бы Италію и Среднюю Галлію кратчайшимъ путемъ. Торговцамъ уже издавна для этой цѣли служила дорога, которая вела къ Женевскому озеру и въ Валлисъ чрезъ Большой С. Бернаръ; чтобы завладѣть этимъ путемъ, Цезарь, еще осенью 697 года, приказалъ Сервію Гальбѣ занять Октодурумъ (Мартиньи) и подчинить себѣ жителей Валлиса, что, конечно, только замедлилось, благодаря храброму сопротивленію этихъ горныхъ народностей, но не могло быть ими избѣгнуто. Для того чтобы завязать сношенія съ Испаніею, былъ отправленъ въ слѣдующемъ году (698) въ Аквитанію Публій Крассъ, съ порученіемъ принудить жившія тамъ иберійскія племена къ признанію римскаго господства. Задача эта была не безъ трудностей; Иберійцы были тѣснѣе сплочены, чѣмъ Кельты, и лучше ихъ умѣли учиться у своихъ враговъ. Племена, жившія по ту сторону Пиренеевъ, въ особенности храбрые Кантабры, прислали помощь своимъ стѣсненнымъ соотечественникамъ; съ нею прибыли опытные, обученные Серторіемъ по римскому образцу, офицеры, которые, насколько это было возможно, распространили принципы римскаго военнаго искусства, въ особенности по устройству лагеря, среди аквитанскаго контингента, значительнаго какъ своей численностью, такъ и мужествомъ. Но замѣчательный военачальникъ, руководившій Римлянами, умѣлъ устранить всѣ трудности и, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ, но счастливо окончившихся, сраженій въ открытомъ полѣ, принудить къ подчиненію новому властителю всѣ народности отъ береговъ Гаронны вплоть до Пиренеевъ.

Новое нарушеніе рейнской границы Нѣмцами.

Одна изъ цѣлей, поставленныхъ себѣ Цезаремъ, именно покореніе Галліи, была, за нѣкоторыми ничтожными исключеніями, настолько достигнута въ главныхъ чертахъ, на сколько это вообще возможно сдѣлать мечемъ. Но другая половина дѣла, начатого Цезаремъ, далеко еще не была завершена удовлетворительно, и Нѣмцы были отнюдь не всюду вынуждены признать Рейнъ своей границею. Какъ разъ въ то время, зимою 698/9 года, совершилось на нижнемъ теченіи рѣки, куда еще не проникли Римляне, новое нарушеніе границъ. Нѣмецкія племена Узипетовъ и Тенктеровъ, о попыткахъ которыхъ перейти черезъ Рейнъ въ владѣніяхъ Менапійцевъ было уже говорено, все таки переправились наконецъ на

менапійскихъ судахъ, обманувъ бдительность врага мнимымъ отступленіемъ; — это была громадная толпа, состоявшая, включая сюда женщинъ и дѣтей, изъ 430,000 человѣкъ. Они все еще стояли лагеремъ въ окрестностяхъ Нимвегена и Клева; но носились слухи, что, уступая призыву кельтской патріотической партіи, они намѣревались вступить внутрь Галліи, и слухъ этотъ подтверждался тѣмъ, что конные отряды ихъ появлялись уже на границѣ владѣній Треверійцевъ. Но, когда Цезарь съ его легіонами встрѣтился съ ними, измученные эмигранты не жаждали, казалось, новыхъ боевъ, а были расположены принять земли отъ Римлянъ и мирно воздѣлывать ихъ подъ ихъ главенствомъ. Пока велись объ этомъ переговоры, въ умѣ римскаго полководца возникло подозрѣніе, что Нѣмцы только желали выиграть время, пока вернутся отправленные ими конные отряды. Было ли это подозрѣніе основательно или нѣтъ—сказать трудно; но, еще болѣе увѣровавъ въ него послѣ нападенія, предпринятаго, несмотря на перемиріе, непріятельскимъ отрядомъ на римскій форпостъ, и озлобленный понесеннымъ при этомъ весьма чувствительнымъ урономъ— Цезарь счелъ возможнымъ оставить въ сторонѣ всякія соображенія международнаго права. Когда на слѣдующее утро князья и старѣйшины Нѣмцевъ появились въ римскомъ станѣ, чтобы извиниться за предпринятое безъ ихъ вѣдома нападеніе, они были арестованы, послѣ чего римское войско внезапно напало на ничего не подозрѣвавшую, лишенную вождей толпу. Это была скорѣе травля людей, чѣмъ сраженіе; кто не падалъ подъ мечемъ Римлянъ, тонулъ въ Рейнѣ; одни только отряды, удаленные во время нападенія, спаслись, кажется, изъ этой кровавой сѣчи и вернулись обратно черезъ Рейнъ, гдѣ Сугамбры дозволили имъ свободно поселиться въ ихъ владѣніяхъ, кажется, на берегу Липпы. Обращеніе Цезаря съ нѣмецкими выходцами встрѣтило глубокое и справедливое неодобреніе со стороны сената; но, хотя невозможно извинить подобный проступокъ, онъ своимъ устрашающимъ дѣйствіемъ пріостановилъ захваты со стороны Нѣмцевъ. Цезарь нашелъ, однако, полезнымъ пойти еще дальше и переправить легіоны за Рейнъ. У него не было недостатка въ сношеніяхъ по ту сторону его. Нѣмцы, на ихъ тогдашней степени развитія, были лишены всякаго національнаго единства; въ отношеніи политической неурядицы они, хотя и по другимъ причинамъ, ни въ чемъ не уступали Кельтамъ. Убіи (на Зигѣ и Ланѣ), наиболѣе цивилизованные изъ нѣмецкихъ племенъ, были незадолго передъ тѣмъ подчинены и обложены данью могущественнымъ свевскимъ поселеніемъ изъ центральныхъ областей и еще въ 697 году просили Цезаря чрезъ своихъ пословъ избавить и ихъ, подобно Галламъ, отъ владычества Свевовъ. Цезарь не имѣлъ намѣренія серьозно удовлетворить этому требованію, которое вовлекло

бы его въ безконечныя предпріятія, но ему казалось цѣлесообразнымъ показать, по крайней мѣрѣ, римское оружіе по ту сторону Рейна, для того чтобы препятствовать появленію германскаго оружія по эту сторону его. Покровительство, оказанное бѣглымъ Узипетамъ и Тенктерамъ Сугамбрами, давало для этого достаточный поводъ. Какъ кажется, въ мѣстности между Кобленцомъ и Андернахомъ Цезарь построилъ свайный мостъ чрезъ Рейнъ и перевелъ свои легіоны изъ треверійскихъ въ убійскія владѣнія. Нѣкоторые небольшіе поселки заявили о своемъ подчиненіи; но Сугамбры, противъ которыхъ прежде всего былъ направленъ походъ, удалились по приближеніи римскаго войска, внутрь страны, вмѣстѣ съ своими кліентами. Могучій свевскій поселокъ, тѣснившій Убіевъ, вѣроятно тотъ самый, который выступилъ позднѣе подъ именемъ Хаттовъ, точно также распорядился очистить округа, граничившіе съ убійскими владѣніями, и отвести населеніе, негодное къ оборонѣ, въ безопасное мѣсто, въ то время какъ люди, способные носить оружіе, получили приказъ собраться въ центрѣ поселка. Римскій полководецъ не имѣлъ ни повода, ни охоты поднять брошенную ему такимъ образомъ перчатку; цѣль его, состоявшая въ томъ, чтобы частью произвести рекогносцировку, частью импонировать, по возможности, походомъ за Рейнъ Нѣмцамъ, въ крайнемъ же случаѣ Кельтамъ и собственнымъ соотечественникамъ на родинѣ, была достигнута въ главныхъ чертахъ; послѣ восемнадцатидневнаго пребыванія на правомъ берегу Рейна, онъ снова прибылъ въ Галлію и разорилъ за собою мостъ чрезъ Рейнъ (699).

Экспедиція въ Британію. Оставались островные Кельты. При тѣсной связи, существовавшей между ними и Кельтами материка и въ особенности приморскими поселеніями, понятно, что они участвовали въ національной оборонѣ по крайней мѣрѣ своими симпатіями и предлагали патріотамъ, если не вооруженную поддержку, то хоть каждому изъ нихъ, для котораго не было болѣе безопасности на родинѣ, почетное убѣжище на ихъ островѣ, охраняемомъ моремъ. Въ этомъ крылась опасность, если не для настоящаго, то хоть для будущаго; Римлянамъ казалось цѣлесообразнымъ, если не предпринимать самаго завоеванія острова, то по крайней мѣрѣ и здѣсь соединить оборонительное положеніе съ наступательнымъ, и высадкою на ихъ берегъ показать островитянамъ, что рука Римлянъ простирается и за каналъ. Уже первый римскій воинъ, вступившій въ Британію, Публій Крассъ, переплылъ оттуда (въ 697 г.) «на Оловянные (Сцилліискіе) острова», на западной оконечности Англіи; лѣтомъ 699 года самъ Цезарь переправился всего только съ двумя легіонами черезъ каналъ *), въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всего уже

*) Что переправы Цезаря въ Британію совершались изъ гаваней побережья,

Онъ нашелъ берегъ усѣяннымъ массою непріятельскихъ войскъ и поплылъ съ своими кораблями далѣе; но британскія военныя колесницы двигались сухимъ путемъ такъ же скоро, какъ римскія галеры на морѣ, и лишь съ большимъ трудомъ удалось римскимъ солдатамъ, подъ покровительствомъ военныхъ судовъ, очищавшихъ берегъ при помощи метательныхъ машинъ и ручныхъ орудій, достигнуть въ виду непріятеля твердой земли, частью вбродъ, частью на лодкахъ. Въ первую минуту страха ближайшія деревни сдались; но вскорѣ островитяне увидали, что непріятель слабъ и не рѣшается удаляться отъ берега. Туземцы скрылись внутрь страны и вернулись только для того, чтобы угрожать лагерю Римлянъ; флотъ же, оставленный въ открытомъ рейдѣ, потерпѣлъ большія поврежденія при первомъ постигшемъ его шквалѣ. Пришлось удовольствоваться отраженіемъ непріятельскихъ нападеній, пока корабли были наскоро поправлены, и возвратиться на нихъ къ галльскимъ берегамъ до начала суроваго времени года. — Самъ Цезарь былъ такъ недоволенъ результатомъ этой экспедиціи, предпринятой столь легкомысленно и съ недостаточными средствами, что онъ тотчасъ-же (въ зиму 699—700 г.) соорудилъ транспортный флотъ въ 800 парусныхъ судовъ и вторично двинулся къ кентскому берегу весною 700 года, на этотъ разъ съ пятью легіонами и 2000 всадниковъ. Передъ этой грозной армадою собранныя и на этотъ разъ на берегу военныя силы Бриттовъ отступили, не попытавъ битвы; Цезарь

простиравшагося отъ Кале до Булони, въ гавани береговъ Кента, явствуетъ изъ самой природы вещей и изъ положительныхъ показаній самого Цезаря. Зачастую дѣлались попытки точнѣе опредѣлить мѣстность, но безуспѣшно. Извѣстно только, что въ первое плаваніе пѣхота сѣла на корабли въ одной гавани, конница же въ другой, отстоявшей отъ первой на восемь миль въ восточномъ направленіи (4, 22. 23. 28), а что второе плаваніе начато было въ одной изъ этихъ двухъ гаваней, которую Цезарь нашелъ болѣе удобною, именно итской (нигдѣ болѣе не упоминаемой), отстоявшей отъ британскаго берега на тридцать миль (какъ это показано въ рукописи Цезаря, 5, 2) или на 40' (=320 стадіямъ по Страбону, 4, 5, 2, несомнѣнно заимствовавшему у Цезаря). Изъ словъ Цезаря (4, 21), что онъ избралъ кратчайшую переправу, можно вывести заключеніе, что онъ плылъ не по каналу, а чрезъ Па-де-Кале, но отнюдь не то, что онъ плылъ по немъ по математически кратчайшей линіи. Нужно имѣть вдохновенное вѣрованіе мѣстныхъ топографовъ, чтобы съ такими данными въ рукахъ, гдѣ самое лучшее дѣлается почти непригоднымъ благодаря неточной передачѣ цифръ, приступить къ опредѣленію мѣстности; но изъ всѣхъ предположеній наиболѣе вѣроятія имѣетъ то, что итскую гавань (которую еще Страбонъ, вѣроятно правильно, считаетъ тою, откуда при первомъ плаваніи переправилась пѣхота) слѣдуетъ искать близъ Амбльтезы, къ западу отъ мыса Gris Nez, гавань же, гдѣ отчалила конница, близъ Экаля (Wissant), къ востоку отъ того же мыса; высадка же совершилась, вѣроятно, къ востоку отъ Дувра, близъ Вольмеркэстля.

немедленно двинулся внутрь страны и переправился послѣ нѣскольких удачных сраженій чрез рѣку Стоуръ; однако, онъ весьма неохотно долженъ былъ остановиться, такъ какъ флотъ снова былъ наполовину уничтоженъ въ открытомъ рейдѣ бурями канала. Пока корабли вытаскивались на берегъ и для поправокъ дѣлались обширныя приготовленія, пропало драгоцѣнное время, которымъ Кельты весьма умно воспользовались. Храбрый и осмотрительный властитель ихъ, Кассивелавнъ, который повелѣвалъ въ нынѣшнемъ Миддльсексѣ и его окрестностяхъ, былъ прежде грозою Кельтовъ, жившихъ къ югу отъ Темзы, а теперь сдѣлался заступникомъ и передовымъ борцомъ всей націи и сталъ во главѣ обороны страны. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что съ кельтской пѣхотой ничего нельзя было сдѣлать противъ римской и что трудно продовольствуемая и трудно управляемая масса ополченія только служила помѣхою въ оборонѣ; вслѣдствіе этого онъ распустилъ его и удержалъ только военныя колесницы, числомъ до четырехъ тысячъ, защитники которыхъ, привыкшіе, спрыгнувъ съ колесницы, бороться пѣшими, могли, подобно римской конной милиціи, быть употреблены двоякимъ способомъ. Когда Цезарь снова былъ въ состояніи продолжать путь, онъ нигдѣ не нашелъ его прегражденнымъ, но британскія колесницы постоянно двигались впереди и сбоку отъ римскаго войска, производя очищеніе страны, что при маломъ числѣ городовъ не представляло большихъ трудностей, препятствовали Римлянамъ отдѣлять отъ себя отряды и грозили ихъ сообщеніямъ. Римляне переправились чрезъ Темзу, какъ кажется, между Кингстономъ и Брентфордомъ, нѣсколько выше Лондона; войско шло впередъ, но дѣло въ сущности не двигалось; полководецъ не одерживалъ ни одной побѣды, солдаты не брали добычи, и единственный дѣйствительный результатъ похода, покореніе Тринобантовъ въ нынѣшнемъ Эссексѣ, былъ не столько слѣдствіемъ страха передъ Римлянами, сколько глубокой вражды этого поселка къ Кассивелавну. Съ каждымъ шагомъ впередъ возрастала опасность, и нападеніе на римскую корабельную стоянку, произведенное по распоряженію Кассивелавна властителями Кента, хотя и было отражено, тѣмъ не менѣе настоятельно напомнило о необходимости возврата. Взятіе штурмомъ большой британской засѣки, гдѣ множество скота досталось въ руки Римлянъ, было сноснымъ завершеніемъ безцѣльнаго движенія впередъ и давало достаточный поводъ къ возвращенію. Самъ Кассивелавнъ былъ на столько уменъ, что не хотѣлъ доводить до крайности опаснаго зрага и обѣщалъ, какъ требовалъ Цезарь, не безпокоить Тринобантовъ, платить дань и дать заложниковъ; о выдачѣ оружія или оставленіи римскаго гарнизона не было и рѣчи; даже и эти обѣщанія, на сколько они касались будущаго, вѣроятно не давались и не принимались серьозно. Послѣ полученія имъ заложниковъ, Цезарь вернулся къ своимъ ко-

Кассивелавнъ.

раблямъ, а оттуда въ Галлію. Если онъ надѣялся (что впрочемъ весьма правдоподобно) завоевать на этотъ разъ Британію, то планъ этотъ совершенно разбился о мудрую систему защиты Кассивелавна, а еще больше о непригодность итальянскаго гребного флота для водъ сѣвернаго моря, такъ какъ вполнѣ достовѣрно, что условленная дань никогда не выплачивалась. Ближайшая-же цѣль похода, состоявшая въ томъ, чтобы пробудить островныхъ Кельтовъ отъ ихъ дерзкаго чувства безопасности и заставить ихъ изъ личныхъ-же интересовъ не дѣлать болѣе свои острова очагомъ континентальной эмиграціи, была, кажется, дѣйствительно достигнута. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи не раздается болѣе жалобъ на подобное покровительство.

Заговоръ патріотовъ.

Планъ отраженія германскаго нашествія и покоренія континентальныхъ Кельтовъ былъ выполненъ. Но часто бываетъ легче покорить свободную націю, чѣмъ удержать уже покоренную въ повиновеніи. Соперничество изъ-за гегемоніи, отъ котораго еще болѣе, чѣмъ отъ нападеній Рима, погибъ кельтскій народъ, было до извѣстной степени прекращено завоеваніемъ Галліи, такъ какъ завоеватель взялъ гегемонію въ собственныя руки. Частные интересы замолкли подъ общимъ гнетомъ, всѣ снова почувствовали себя однимъ народомъ, и безконечная цѣнность того блага, которое было такъ равнодушно утрачено, — свободы и національности, — измѣрялась теперь, когда было уже поздно, безконечностью тоски. Но было-ли въ самомъ дѣлѣ слишкомъ поздно? Съ гнѣвнымъ стыдомъ пришлось сознаться, что нація, насчитывавшая по крайней мѣрѣ милліонъ способныхъ носить оружіе людей, нація, съ древнею и вполнѣ заслуженною воинскою славою, дала наложить на себя ярмо много если пятидесяти тысячамъ Римлянамъ. Покореніе федераціи средней Галліи, не нанесшей даже ни одного удара, покореніе бельгійскаго союза, который только собирался воевать, съ другой стороны, геройская гибель Нервійцевъ и Венетовъ, умное и счастливое сопротивленіе Мориновъ и Бриттовъ подъ управленіемъ Кассивеллавна, — все, что было въ частности сдѣлано или упущено, что удалось или погибло, все это разжигало умы всѣхъ патріотовъ къ новымъ, по возможности болѣе единодушнымъ и успѣшнымъ попыткамъ. Въ особенности среди кельтской аристократіи господствовало броженіе, ежеминутно грозившее перейти въ общее возстаніе. Еще до второго похода въ Британію весною 700 года Цезарь счелъ нужнымъ лично отправиться къ Треверійцамъ, которые съ той поры, когда они въ 697 году скомпрометтировали себя въ битвѣ Нервійцевъ, не появлялись болѣе на общихъ сеймахъ и завязали съ зарейнскими Нѣмцами болѣе чѣмъ подозрительныя сношенія. Въ ту пору Цезарь ограничился тѣмъ, что увезъ съ собою въ Британію, въ числѣ треверійскаго коннаго контингента, наиболѣе выдающихся членовъ партіи патріотовъ (и главнымъ образомъ Индутіомара); онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее,

чтобъ не замѣтить заговора и не превратить его суровыми мѣрами въ возстаніе. Но когда Гедуй Думноригъ, также находившійся подъ именемъ кавалерійскаго офицера, на дѣлѣ же въ видѣ заложника, при войскѣ, назначавшемся въ Британію, наотрѣзъ отказался сѣсть на корабль и вмѣсто того уѣхалъ домой, Цезарь не могъ не преслѣдовать его какъ дезертира, при чемъ онъ былъ настигнутъ отправленнымъ за нимъ отрядомъ и, такъ какъ онъ готовился къ оборонѣ, убитъ (700). Убійство Римлянами наиболѣе уважаемаго рыцаря, принадлежавшаго къ самому могущественному и независимому изъ кельтскихъ поселковъ, было громовымъ ударомъ для всей кельтской знати; всякій, кто сознавалъ въ себѣ подобное же настроеніе—а такихъ было громадное большинство — видѣлъ въ этой катастрофѣ картину того, что его самого ожидало. Если патріотизмъ и отчаяніе побудили къ заговору вождей кельтской аристократіи, то теперь страхъ и чувство самосохраненія заставляли заговорщиковъ нанести первый ударъ. Зимою 700/1, за исключеніемъ одного легіона, находившагося въ Бретани, и другого, стоявшаго въ очень безпокойномъ поселкѣ Карнутовъ (близъ Шартра), все римское войско, состоявшее изъ шести легіоновъ, находилось въ бельгійскихъ владѣніяхъ. Скудость хлѣбныхъ запасовъ побудила Цезаря расположить свои отряды далѣе другъ отъ друга, чѣмъ онъ дѣлалъ это обыкновенно, въ шести различныхъ лагеряхъ, въ поселкахъ Белловаковъ, Амбіановъ, Мориновъ, Нервійцевъ, Ремовъ и Эбуроновъ. Расположенный всего далѣе на востокъ, во владѣніяхъ Эбуроновъ, вѣроятно недалеко отъ позднѣйшаго Адуатука (теперь Tongern), сильнѣйшій изъ всѣхъ римскихъ лагерей, состоялъ изъ одного легіона, предводительствуемаго значительнѣйшимъ изъ цезаревыхъ начальниковъ дивизій, Квинтомъ Титуріемъ Сабиномъ, и кромѣ того изъ различныхъ отрядовъ, составлявшихъ всѣ вмѣстѣ съ полъ-легіона и управляемыхъ храбрымъ Люціемъ Аврункулеемъ Коттою *); онъ былъ внезапно окруженъ ополченіемъ Эбуроновъ, предводительствуе-

*) Что Котта, хотя и не считался подчиненнымъ Сабину а былъ, подобно ему, легатомъ, все-таки былъ младшимъ и менѣе значительнымъ полководцемъ и, въ случаѣ несогласія, долженъ былъ, вѣроятно, подчиняться, явствуетъ уже какъ изъ прежнихъ дѣяній Сабина, такъ и изъ того, что всюду, гдѣ оба генерала упоминаются вмѣстѣ (4, 22. 37. 5, 24. 26. 52. 6, 32; иначе, 6, 37), Сабинъ всегда стоитъ впереди, а точно также и изъ разсказа о самой катастрофѣ. Кромѣ того невозможно предположить, чтобы Цезарь поручилъ лагерь двумъ начальникамъ съ равными правами и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій на случай несогласія мнѣній. Къ тому же пять когортъ не считались за легіонъ (срав. 6, 32. 33), такъ-же мало, какъ и 12 когортъ на рейнскомъ мосту (6, 29, срав. 32, 33) и состояли, кажется, изъ отрядовъ другихъ частей войска, посланныхъ для подкрѣпленія этого лагеря, ближайшаго отъ Германцевъ.

мымъ царями Амбіоригомъ и Катуволкомъ. Нападеніе было такъ неожиданно, что отсутствовавшіе изъ лагеря солдаты не могли быть созваны и были окружены врагами; впрочемъ, сначала опасность была не велика, такъ какъ въ припасахъ недостатка не было и штурмъ лагеря Эбуронами оказался безсильнымъ передъ римскими укрѣпленіями. Но царь Амбіоригъ сообщилъ римскому военачальнику, что въ тотъ же самый день всѣ римскіе лагери въ Галліи подвергаются такому же нападенію, и что Римляне безъ сомнѣнія погибнутъ, если отдѣльные корпуса не поднимутся быстро и не соединятся другъ съ другомъ; что въ особенности Сабину необходимо торопиться, такъ какъ противъ него идутъ и зарейнскіе Нѣмцы; что самъ царь, изъ дружбы къ Римлянамъ, гарантируетъ имъ свободное отступленіе къ ближайшему римскому стану, отдаленному всего только на два дневныхъ перехода. Кое-что изъ этихъ показаній казалось невымышленнымъ. Дѣйствительно, было неправдоподобно, чтобы незначительный, особенно покровительствуемый Римлянами, поселокъ Эбуроновъ предпринялъ нападеніе самостоятельно, и при затруднительности сношеній съ остальными, далекими лагерями, нельзя было презирать опасность, которая грозила Римлянамъ въ случаѣ, еслибъ вся масса инсургентовъ напала на нихъ и разбила ихъ по частямъ. Тѣмъ не менѣе не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что какъ честь, такъ и мудрость предписывали отвергнуть предлагаемую врагомъ капитуляцію и остаться на посту, ввѣренномъ отряду. На военномъ совѣтѣ многіе голоса, въ томъ числѣ вѣскій голосъ Люція Аврункулея Котты, отстаивали это мнѣніе. Несмотря на это, полководецъ рѣшился принять предложеніе Амбіорига. Римскія войска выступили на слѣдующее утро, но въ узкой лощинѣ, на разстояніи всего только съ полъ-мили отъ лагеря, они были окружены Эбуронами, и всѣ выходы преграждены. Они пытались проложить себѣ путь оружіемъ, но Эбуроны не шли въ рукопашный бой и довольствовались тѣмъ, что изъ своихъ неприступныхъ позицій бросали снаряды въ густую массу Римлянъ. Смущенный, какъ-бы ожидая спасенія отъ самого же измѣнника, Сабинъ потребовалъ свиданія съ Амбіоригомъ; оно было дано ему, и онъ, и всѣ сопровождавшіе его офицеры были сперва обезоружены, потомъ убиты. Послѣ паденія полководца, Эбуроны бросились со всѣхъ сторонъ заразъ на изнуренныхъ и отчаявшихся Римлянъ и прорвали ихъ ряды; большинство Римлянъ, въ томъ числѣ уже прежде раненый Котта, нашли при этомъ случаѣ смерть; небольшой отрядъ, которому удалось вернуться въ покинутый имъ лагерь, бросился въ слѣдующую ночь на собственные мечи. Весь корпусъ былъ уничтоженъ.

Нападеніе на Цицерона.

Успѣхъ этотъ, котораго едва ли ожидали сами инсургенты, настолько усилилъ броженіе среди кельтскихъ патріотовъ, что Римляне не были болѣе увѣрены ни въ одномъ округѣ, за исключеніемъ Ге-

дуевъ и Ремовъ, и возстаніе вспыхнуло въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ. Эбуроны воспользовались своей побѣдой. Подкрѣпленные ополченіемъ Адуатуковъ, охотно воспользовавшихся случаемъ, чтобъ отомстить за зло, причиненное имъ Цезаремъ и милиціею могущественныхъ, еще непокоренныхъ Менапійцевъ, они появились во владѣніяхъ Нервійцевъ, которые тотчасъ же примкнули къ нимъ, и вся эта масса, разросшаяся до 60,000 человѣкъ, двинулась противъ римскаго лагеря, расположеннаго въ нервійскомъ поселкѣ. Квинту Цицерону, командовавшему здѣсь, пришлось круто съ его слабымъ отрядомъ, въ особенности когда осаждающіе, научившись у непріятеля, соорудили по римскому образцу валы и рвы, навѣсы изъ щитовъ и подвижныя башни и осыпали крытые соломою лагерные шалаши зажигательными снарядами. Единственною надеждой осажденныхъ былъ Цезарь, расположившійся на зимнихъ квартирахъ съ тремя легіонами неподалеку оттуда, въ окрестностяхъ Амьена. Но, что весьма характеристично для настроенія, господствовавшаго въ кельтской странѣ, —много времени прошло, прежде чѣмъ до главнокомандующаго дошла хоть малѣйшая вѣсть о катастрофѣ съ Сабиномъ или объ опасномъ положеніи Цицерона. Наконецъ удалось одному изъ кельтскихъ всадниковъ прокрасться изъ лагеря Цицерона, мимо враговъ, къ Цезарю. Получивъ потрясающую вѣсть, Цезарь немедленно поднялся, правда, только съ двумя слабыми легіонами, въ которыхъ насчитывалось около 7000 человѣкъ, и съ 400 всадниковъ; тѣмъ не менѣе одного только извѣстія о приближеніи Цезаря было достаточно, чтобы заставить инсургентовъ снять осаду. И пора было сдѣлать это; въ войскѣ Цицерона оставался невредимымъ развѣ только одинъ человѣкъ изъ десяти. Цезарь, противъ котораго обратилось войско повстанцевъ, обманулъ врага насчетъ своей силы прежнимъ способомъ, часто употребленнымъ имъ съ успѣхомъ; при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ непріятель отважился штурмовать римскій станъ и потерпѣлъ пораженіе. Странно, но характеристично для Кельтовъ, что вслѣдствіе одной этой потерянной битвы, или, скорѣе, вслѣдствіе личнаго появленія Цезаря на полѣ сраженія, столь побѣдоносно начавшееся и далеко распространившееся возстаніе внезапно и плачевно покончилось. Нервійцы, Менапійцы, Адуатуки, Эбуроны отправились по домамъ. Тоже самое сдѣлали войска и въ приморскихъ поселкахъ, приготовлявшихся было напасть на легіоны въ Бретани. Треверійцы, вождь которыхъ, Индутіомаръ, главнымъ образомъ понудилъ Эбуроновъ, кліентовъ могущественнаго сосѣдняго поселка, начать эту успѣшную аттаку, взялись за оружіе послѣ вѣсти объ адуатукской катастрофѣ и вступили во владѣніе Ремовъ, чтобы напасть на легіонъ, стоявшій тамъ подъ начальствомъ Лабіена; и они также прекратили теперь борьбу. Цезарь охотно отсрочилъ до

весны дальнѣйшія мѣры противъ возставшихъ округовъ, для того чтобы не подвергать своихъ изнуренныхъ войскъ всей суровости галльской зимы и чтобы появиться на аренѣ борьбы лишь тогда, когда уничтоженныя пятнадцать когортъ будутъ внушительнымъ образомъ замѣнены набиравшимися по его распоряженію новыми тридцатью. Возстаніе тѣмъ временемъ развивалось далѣе, хотя до вооруженной борьбы пока не доходило. Главными центрами его въ средней Галліи были отчасти округа Карнутовъ и сосѣдей ихъ Сеноновъ (вокругъ Санса), гдѣ послѣдніе изгнали изъ страны поставленнаго тамъ Цезаремъ царя, отчасти же владѣнія Треверійцевъ, которые пригласили къ участію въ предстоявшей національной войнѣ кельтскую эмиграцію и зарейнскихъ Нѣмцевъ и созвали всю свою рать, чтобы съ наступленіемъ весны вторично вступить во владѣнія Ремовъ, уничтожить корпусъ Лабіена и искать сношеній съ инсургентами береговъ Луары и Сены. Депутаты этихъ трехъ поселеній отсутствовали на созванномъ Цезаремъ въ средней Галліи сеймѣ и этимъ поступкомъ такъ-же явно объявили войну, какъ это сдѣлала часть бельгійскихъ поселковъ нападеніями на лагери Сабина и Цицерона. Зима близилась къ концу, когда Цезарь выступилъ наконецъ противъ инсургентовъ съ своимъ войскомъ, тѣмъ временемъ значительно усиленнымъ. Попытки Треверійцевъ концентрировать возстаніе неудались; мѣстности, находившіяся въ броженіи, обуздывались вступленіемъ въ нихъ римскихъ войскъ; тамъ же, гдѣ мятежъ былъ открытый, происходили нападенія порознь. Прежде всего были покорены Цезаремъ Нервійцы. Тоже самое случилось и съ Сенонами и Карнутами. Даже Менапійцы, единственный поселокъ еще не подчинившійся Римлянамъ, были вынуждены совокупною аттакою, направленною противъ нихъ одновременно съ трехъ сторонъ, отказаться отъ долгосохраненной ими свободы. Тѣмъ временемъ Лабіенъ приготовилъ Треверійцамъ ту-же участь. Первое нападеніе ихъ было парализовано, частью отказомъ ближайшихъ къ нимъ нѣмецкихъ племенъ доставить имъ наемниковъ, частью еще тѣмъ, что Индутіомаръ, душа всего движенія, палъ въ стычкѣ съ конницею Лабіена. Однако, Треверійцы не отказались вслѣдствіе этого отъ своихъ замысловъ. Со всей массою своей милиціи, появились они передъ Лабіеномъ и ждали слѣдовавшихъ за ними нѣмецкихъ племенъ, такъ какъ вербовщики ихъ встрѣтили у воинственныхъ народовъ внутренней Германіи, въ особенности, какъ кажется, у Хаттовъ, лучшій пріемъ, чѣмъ у обитателей береговъ Рейна. Но, когда Лабіенъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ избѣжать ихъ и удалиться торопливо, Треверійцы аттаковали Римлянъ еще до прибытія Нѣмцевъ и въ самой неблагопріятной мѣстности были совершенно разбиты. Прибывшимъ слишкомъ поздно Нѣмцамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ быстро вернуться обратно; треверійскому

же поселку оставалось только покориться; власть снова досталась тамъ главѣ римской партіи, зятю Индутіомара, Цингеторигу. Послѣ этой экспедиціи Цезаря противъ Менапійцевъ и Лабіена противъ Треверійцевъ вся римская армія снова собралась во владѣніяхъ послѣднихъ. Чтобы отнять у Нѣмцевъ желаніе возвратиться, Цезарь опять переправился черезъ Рейнъ, чтобы нанести по возможности рѣшительный ударъ тягостнымъ сосѣдямъ; но, такъ какъ Хатты, вѣрные своей испытанной тактикѣ, готовились къ оборонѣ не на западной своей границѣ, а далеко въ глубинѣ страны, кажется близъ Гарца, Цезарь немедленно вернулся назадъ, оставивъ лишь гарнизонъ близъ переправы черезъ Рейнъ. Итакъ, со всѣми народностями, принимавшими участіе въ возстаніи, были покончены счеты; одни только Эбуроны оставались въ сторонѣ; но и они не были забыты. Съ той поры, когда Цезарь услышалъ вѣсть о катастрофѣ при Адуатукѣ, онъ носилъ траурное одѣяніе и поклялся снять его лишь тогда, когда отомститъ за своихъ солдатъ, павшихъ не въ честномъ бою, а коварно умерщвленныхъ. Праздно, не зная что дѣлать, оставались Эбуроны въ своихъ хижинахъ и слѣдили за тѣмъ, какъ, одинъ за другимъ, подчинялись Римлянамъ сосѣдніе поселки, пока наконецъ римская конница изъ треверійскихъ владѣній вступила въ ихъ страну черезъ Арденны. Эбуроны такъ мало готовились къ этому нападенію, что Римляне едва не захватили царя Амбіорига въ его собственномъ домѣ; съ большимъ трудомъ, въ то время, какъ свита его жертвовала собою для него, спасся онъ въ ближайшій перелѣсокъ. Вскорѣ за конницею послѣдовали десять римскихъ легіоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось воззваніе къ окрестнымъ народностямъ, побуждавшее ихъ травить сообща съ римскими солдатами свободныхъ Эбуроновъ и грабить ихъ страну; не мало изъ нихъ послѣдовало призыву; даже изъ за Рейна прибыла смѣлая шайка сугамбрскихъ всадниковъ, которая, впрочемъ, отнеслась къ Римлянамъ не лучше, чѣмъ къ Эбуронамъ, и едва не захватила смѣлымъ набѣгомъ римскій лагерь близъ Адуатука. Участь Эбуроновъ была ужасна. Какъ ни скрывались они въ лѣсахъ и болотахъ, охотниковъ было болѣе, чѣмъ дичи. Иные, какъ напримѣръ, престарѣлый царь Катуволкъ, сами умерщвляли себя; только немногіе спасли свою жизнь и свободу, но въ числѣ этихъ немногихъ именно тотъ человѣкъ, на котораго прежде всего мѣтили Римляне, именно царь Амбіоригъ; всего только съ четырьмя всадниками спасся онъ за Рейнъ. За этой расправой съ поселкомъ, болѣе всѣхъ остальныхъ преступнымъ, послѣдовали въ другихъ мѣстностяхъ уголовные процессы противъ отдѣльныхъ лицъ. Время кротости миновало. По приговору римскаго проконсула, вліятельный карнутскій всадникъ Акконъ былъ обезглавленъ римскими ликторами (701) и этимъ было торжественно освящено господство розогъ и топора. Оппозиція замолкла, всюду царствовало

спокойствіе. Поздно въ 701 году Цезарь перешелъ, по обыкновенію, Альпы, чтобы наблюдать въ теченіе зимы все болѣе усложнявшіяся въ столицѣ дѣла.

Второе возстаніе.

Ловкій разсчетъ Цезаря на этотъ разъ неудался. Огонь былъ затаенъ, но не потушенъ. Ударъ, подъ которымъ пала голова Аккона поразилъ всю кельтскую аристократію. Какъ разъ въ то время положеніе дѣлъ представляло больше выгодныхъ шансовъ, чѣмъ когда-либо. Возстаніе минувшей зимы очевидно неудалось только потому, что самъ Цезарь появился на полѣ битвы; теперь же онъ былъ далеко, задержанный на берегахъ По близкою междоусобною войною, и галльское войско, собранное на верхней Сенѣ, было слишкомъ отдалено отъ грознаго полководца. Еслибъ теперь вспыхнуло общее возстаніе въ средней Галліи, то римское войско могло быть окружено со всѣхъ сторонъ и почти не защищенная древне-римская провинція наводнена Кельтами, прежде чѣмъ Цезарь появился бы снова по ту сторону Альпъ, даже если предположить, что италійскія затрудненія не заставятъ его вообще забыть о Галліи. Заговорщики изъ всѣхъ средне-галльскихъ поселковъ собрались; Карнуты, всего болѣе затронутые казнью Аккона, вызвались идти впереди другихъ. Въ назначенный день, зимою $^{701}/_{2}$ года, карнутскіе всадники Гутруатъ и Конконнетодумнъ подали въ Ценабумѣ (Орлеанѣ) знакъ къ возстанію и умертвили всѣхъ бывшихъ тамъ на лицо Римлянъ. Сильнѣйшее волненіе охватило всю обширную кельтскую страну; всюду зашевелились патріоты. Но ничто не поразило такъ народъ, какъ поднятіе щита Арвернами. Правительство этой общины, нѣкогда, во времена своихъ царей, бывшей первою въ южной Галліи и даже по сверженіи своего главенства, вслѣдствіе несчастныхъ войнъ съ Римомъ, оставшейся по прежнему богатѣйшею, образованнѣйшею и могущественнѣйшею во всей Галліи, ненарушимо держало до той поры сторону Рима. И теперь патріотическая партія составляла меньшинство въ правящемъ общинномъ совѣтѣ; попытка добыть отъ него согласіе на присоединеніе къ возстанію была тщетна. Вслѣдствіе этого нападки патріотовъ обратились противъ общиннаго совѣта и существующаго порядка, вещей, тѣмъ болѣе, что перемѣна государственнаго устройства, поставившая у Арверновъ общинный совѣтъ на мѣсто царя, послѣдовала за побѣдами Римлянъ и, вѣроятно, подъ ихъ вліяніемъ. Вождь арвернскихъ патріотовъ, Верцингеторигъ, одинъ изъ тѣхъ аристократовъ, какіе встрѣчались у Кельтовъ, пользовавшійся въ своемъ поселкѣ и внѣ его почти царственнымъ значеніемъ, къ тому же человѣкъ величавый, мужественный, умный, покинулъ столицу и призвалъ сельское населеніе, столь же враждебное господствовавшей олигархіи, какъ и Римлянамъ, къ возстановленію арвернскаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ къ войнѣ съ Римомъ. Быстро последовала его зову толпа; возстановленіе престола Луэрія и Бетуита

было вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіемъ національной войны съ Римомъ. Общую всѣмъ точку опоры, за отсутствіемъ которой неудавались всѣ прежнія попытки кельтскаго народа свергнуть съ себя чужеземное иго, онъ нашелъ теперь въ новомъ, самозванномъ царѣ Арверновъ. Верцингеторигъ сдѣлался для Кельтовъ материка тѣмъ, чѣмъ былъ для островныхъ Кельтовъ Кассивеллавнъ; сильно охватило массу сознаніе, что одинъ только онъ спасетъ народъ. Быстро распространился мятежъ на западѣ, отъ устья Гаронны вплоть до Сены, и всѣ поселенія признавали Верцингеторига главнокомандующимъ; тамъ, гдѣ общинный совѣтъ дѣлалъ затрудненія, толпа принуждала его приступить къ движенію; лишь немногіе поселки, какъ, напримѣръ, поселокъ Битуриговъ,—и даже и онъ, быть можетъ, только для виду,—заставили принудить себя къ присоединенію. Менѣе благопріятную почву встрѣтило возстаніе въ мѣстностяхъ на востокъ отъ верхней Луары. Все зависѣло здѣсь отъ Гедуевъ, а они колебались. Партія патріотовъ была очень могущественна въ этомъ кланѣ, но старинный антагонизмъ къ руководившимъ всѣмъ дѣломъ Арвернамъ ослаблялъ ея вліяніе, къ весьма ощутительному вреду возстанія, такъ какъ присоединеніе восточныхъ кантоновъ, именно, Секвановъ и Гельветовъ, зависѣло отъ согласія Гедуевъ, да и вообще все рѣшеніе вопроса въ этой части Галліи находилось въ ихъ рукахъ. И такъ, въ то же время, когда инсургенты старались частью склонить на свою сторону еще колебавшіеся кантоны, въ особенности Гедуевъ, частью завладѣть Нарбономъ,—одинъ изъ ихъ вождей, отважный Луктерій, показался уже въ предѣлахъ древней провинціи на Тарнѣ,—внезапно, глубокою зимою, одинаково нежданный ни друзьями, ни врагами, появился по ту сторону Альпъ римскій главнокомандующій. Быстро сдѣлалъ онъ не только распоряженія, необходимыя для прикрытія старой римской провинціи, но и отправилъ чрезъ покрытыя снѣгомъ Севенны отрядъ въ арвернскія владѣнія; оставаться же здѣсь, гдѣ присоединеніе Гедуевъ къ галльскому союзу могло ежеминутно отрѣзать его отъ арміи, расположенной вокругъ Санса и Лангра, онъ не могъ. Тайкомъ отправился онъ въ Віенну, а оттуда, сопровождаемый лишь немногими всадниками, чрезъ владѣнія Гедуевъ къ своимъ войскамъ. Надежды, побудившія заговорщиковъ начать дѣло, исчезли; въ Италіи царилъ миръ и Цезарь снова стоялъ во главѣ своего войска.

Галльскій военный планъ. Что же оставалось дѣлать Кельтамъ? Безумно было бы предоставить при такихъ обстоятельствахъ рѣшеніе вопроса оружію, которое уже разъ безвозвратно рѣшило дѣло. Столь же разумно было бы попытаться потрясти Альпы ударами камней, какъ поколебать легіоны натискомъ кельтскихъ отрядовъ, были ли они собраны громадною массою или отданы на жертву порознь, поселокъ за посел-

комъ. Верцингеторигъ отказался отъ надежды побѣдить Римлянъ. Онъ принялъ ту же военную систему, посредствомъ которой Кассивеллавнъ спасъ островныхъ Кельтовъ. Побѣдить римскую пѣхоту было невозможно; но конница Цезаря почти исключительно состояла изъ кельтской знати и, вслѣдствіе всеобщаго отпаденія, была фактически разсѣяна. Инсургенты, состоявшіе главнѣйшимъ образомъ изъ кельтскихъ аристократовъ, имѣли возможность дать такое развитіе этой части войска, что съ помощью ея могли разорить на далекое пространство страну, сожигать города и села, уничтожать припасы, подвергать опасности продовольствіе и сношенія непріятеля, который не могъ серьозно препятствовать этому. Вслѣдствіе этого Верцингеторигъ устремилъ всѣ свои усилія на умноженіе конницы и неразлучныхъ съ нею, по тогдашнему способу борьбы, пѣшихъ стрѣлковъ. Онъ, правда, не отправилъ по домамъ громадныя, сами себя стѣснявшія массы линейной милиціи, но и не допустилъ ихъ встрѣтиться съ непріятелемъ и старался прививать имъ постепенно нѣкоторую способность дѣлать окопы, маршировать, маневрировать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе, что все назначеніе солдата не заключается исключительно въ дракахъ. Научившись у враговъ, онъ въ особенности заимствовалъ римскую систему лагерей, на которой основывалась вся тайна тактическаго превосходства Римлянъ, такъ какъ, благодаря ей, каждый римскій отрядъ соединялъ всѣ преимущества крѣпостного гарнизона съ выгодами наступательной арміи *). Правда, что эта система, вполнѣ пригодная для бѣдной городами Британіи и для ея суроваго, энергическаго и вообще единодушнаго населенія, не могла быть всецѣло примѣнена къ богатымъ мѣстностямъ на Луарѣ и ея слабымъ обитателямъ, находившимся въ полнѣйшемъ политическомъ разложеніи. Верцингеторигъ добился по крайней мѣрѣ того, что теперь уже не старались, какъ прежде, отстаивать каждый городъ и поэтому не отстаивали ни одного; рѣшено было уничтожить еще до аттаки тѣ мѣста, которыя нельзя было удержать, сильныя же крѣпости защищать совокупными усиліями. Рядомъ съ этимъ арвернскій царь сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, для того чтобы приковать къ національному дѣлу трусовъ и людей нерачительныхъ—неумолимою строгостью, колеблющихся—просьбами и увѣщаніями, алчныхъ золотомъ, отъявленныхъ противниковъ насиліемъ, и навязать

*) Разумѣется, это было возможно, только пока оружіе, употреблявшееся для нападенія, разсчитано было лишь на то, чтобъ рубить или колоть. При нынѣшнемъ способѣ веденія войны, какъ прекрасно разъяснилъ Наполеонъ I, система эта потому стала непригодною, что при нашемъ оружіи, дѣйствующемъ издали, развернутая позиція лучше сконцентрированной. Во времена Цезаря было наоборотъ.

всей знатной или низкорожденной толпѣ или хитростью вынудить хотя нѣкоторый патріотизмъ.

Начало борьбы.

Еще до окончанія зимы Верцингеторигъ напалъ на Бойевъ, поселенныхъ Цезаремъ во владѣніяхъ гедуйскихъ,—для того чтобы еще до приближенія Цезаря уничтожить этихъ, почти единственно надежныхъ союзниковъ Римлянъ. Извѣстіе объ этомъ нападеніи вынудило и Цезаря двинуться противъ инсургентовъ немедленно же, раньше чѣмъ онъ, вѣроятно, предполагалъ, оставивъ на зимнихъ квартирахъ въ Агединкумѣ (Сансѣ) весь багажъ и два легіона. Весьма ощутительному недостатку въ конницѣ и легкой пѣхотѣ онъ до извѣстной степени пособилъ постепеннымъ привлеченіемъ нѣмецкихъ наемниковъ, которые вмѣсто своихъ мелкихъ и слабыхъ клеперовъ снабжались италійскими и испанскими лошадьми, частью купленными, частью отобранными у офицеровъ. Цезарь, послѣ того какъ онъ разорилъ и сжегъ до тла столицу Карнутовъ, Ценабумъ, давшую сигналъ къ возстанію, двинулся чрезъ Луару въ страну Битуриговъ. Этимъ онъ достигъ того, что Верцингеторигъ отказался отъ осады города Бойевъ и въ свою очередь отправился къ Битуригамъ. Здѣсь впервые долженъ былъ заявить о себѣ новый методъ веденія войны. По требованію Верцингеторига болѣе двадцати битуригскихъ поселеній запылали въ одинъ день; то же самоистребленіе произошло по приказанію полководца и въ сосѣднихъ поселкахъ, гдѣ могли бы появиться римскіе летучіе отряды. По его намѣреніямъ таже участь должна была постигнуть и богатую, сильноукрѣпленную столицу Битуриговъ, Аварикумъ (Буржъ); но большинство на военномъ совѣтѣ уступило просьбамъ колѣнопреклоненныхъ битуригскихъ властей и рѣшило, напротивъ, энергично защищать городъ. Вслѣдствіе этого война прежде всего сосредоточилась вокругъ Аварикума. Верцингеторигъ расположилъ свою пѣхоту среди близкихъ отъ города болотъ, въ такой неприступной позиціи, что она, даже не прикрытая конницею, могла не бояться нападенія легіоновъ. Кельтская конница покрывала всѣ дороги и препятствовала сообщеніямъ. Городъ былъ занятъ сильнымъ гарнизономъ, и между нимъ и войскомъ, стоявшимъ внѣ стѣнъ, были свободныя сношенія. Положеніе Цезаря было очень трудно. Попытка принудить кельтскую пѣхоту къ бою неудалась; она не двинулась изъ своей неприступной позиціи. Какъ ни храбро окапывались и сражались передъ городомъ его солдаты, осажденные соперничали съ ними изобрѣтательностью и мужествомъ, и имъ едва не удалось поджечь осадныя машины противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ становилось ежедневно труднѣе содержать войско, приблизительно въ 60,000 человѣкъ, въ странѣ, опустошенной на далекое разстояніе и переполненной гораздо многочисленнѣйшею массою конницы. Ничтожные запасы Бойевъ вскорѣ истощились; подвозъ, обѣщанный Гедуями, не состо-

ялся; уже хлѣбъ былъ весь съѣденъ и солдаты питались исключительно мясными раціонами. Между тѣмъ приближалась минута, когда городъ, какъ ни безстрашно боролся гарнизонъ, не могъ болѣе держаться. Еще можно было втихомолку вывести войска въ ночную пору и уничтожить городъ до занятія его непріятелемъ. Верцингеторигъ сдѣлалъ необходимыя для этого распоряженія, но жалобные вопли остававшихся женщинъ и дѣтей въ минуту выступленія войска возбудили вниманіе Римлянъ; отступленіе неудалось. На слѣдующій день, мрачный и дождливый, Римляне перелѣзли черезъ стѣны и, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ, не пощадили въ завоеванномъ городѣ ни пола, ни возраста. Богатые запасы, собранные въ немъ Кельтами, пригодились измореннымъ голодомъ солдатамъ Цезаря. Съ занятіемъ Аварикума (весною 702 года) былъ одержанъ первый успѣхъ надъ инсургентами и, по прежнему опыту своему, Цезарь могъ легко ожидать, что мятежъ прекратится и ему придется усмирять теперь лишь отдѣльные поселки. Показавшись со всей своей арміей въ поселеніи Гедуевъ и принудивъ этой внушительной демонстраціею взволнованную партію патріотовъ оставаться хоть временно спокойною, Цезарь раздѣлилъ свое войско на двѣ части и отправилъ Лабіена назадъ въ Агединкумъ, чтобы во главѣ четырехъ легіоновъ и съ помощью оставшихся тамъ войскъ подавить движеніе прежде всего во владѣніяхъ Карнутовъ и Сеноновъ, и на этотъ разъ стоявшихъ впереди другихъ, между тѣмъ какъ самъ Цезарь обратился съ остальными шестью легіонами на югъ и готовился перенести войну въ арвернскія горы, въ собственныя владѣнія Верцингеторига.

Лабіенъ передъ Лютеціею.

Лабіенъ двинулся изъ Агединкума вверхъ по лѣвому берегу Сены, чтобы завладѣть лежавшимъ на островѣ Сены городомъ Паризіевъ, Лютеціею (Парижъ), и изъ этой безопасной позиціи, въ самомъ центрѣ возставшей области, покорить и всю страну. Однако позади Мелодунума (Melun) онъ нашелъ дорогу прегражденною всѣмъ инсуррекціоннымъ войскомъ, выстроившимся здѣсь среди неприступныхъ болотъ, подъ предводительствомъ престарѣлаго Камулогена. Лабіенъ нѣсколько отступилъ, переправился близъ Мелодунума черезъ Сену и безпрепятственно шелъ по правому берегу ея къ Лютеціи; Камулогенъ велѣлъ сжечь этотъ городъ и уничтожить мосты, которые вели на лѣвый берегъ, и занялъ въ виду Лабіена такую позицію, при которой послѣдній не могъ ни вынудить его сразиться, ни совершить переправу на глазахъ у непріятельской арміи.

Цезарь передъ Герговіею.

Главное римское войско двинулось въ свою очередь внизъ по р. Аллье въ поселеніе Арверновъ. Верцингеторигъ пытался помѣшать его переправѣ на лѣвый берегъ рѣки, но Цезарь перехитрилъ его и нѣсколько дней спустя стоялъ передъ арвернскою столицею

Ѓерговіею *). Между тѣмъ Верцингеторигъ, безъ сомнѣнія еще въ то время, когда онъ находился противъ Цезаря на берегу Аллье, отправилъ въ Ѓерговію значительные запасы, велѣлъ разбить для своего войска передъ стѣнами города, расположеннаго на вершинѣ довольно крутого холма, лагерь, окруженный крѣпкими каменными стѣнами, и, находясь значительно впереди Цезаря, прибылъ раньше его въ Ѓерговію, гдѣ и ждалъ нападенія въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ стѣнами крѣпости. Цезарь, съ своей сравнительно-слабой арміей, не могъ ни правильно осаждать, ни даже достаточно блокировать городъ; онъ разбилъ свой лагерь у подножія занятой Верцингеторигомъ возвышенности и поневолѣ оставался такъ же бездѣятельнымъ, какъ и его противникъ. Для инсургентовъ было уже почти побѣдою, что шествіе Цезаря отъ тріумфа къ тріумфу внезапно остановилось на Сенѣ и на Аллье. И дѣйствительно, послѣдствія этой остановки почти равнялись для Цезаря пораженію. Гедуи, все еще колебавшіеся, серьозно собирались теперь присоединиться къ патріотической партіи; отрядъ, отправленный Цезаремъ въ Ѓерговію, уступилъ уговорамъ офицеровъ во время похода и примкнулъ къ инсургентамъ; одновременно съ этимъ начали въ самомъ кантонѣ грабить и убивать, жившихъ тамъ, Римлянъ. Цезарь, двинувшись съ двумя третями блокаднаго войска навстрѣчу шедшему на Ѓерговію корпусу Гедуевъ, еще принудилъ его своимъ внезапнымъ появленіемъ къ номинальной покорности; но это была, болѣе чѣмъ когда либо, шаткая, вѣроломная связь, купленная слишкомъ дорогой цѣною,—той великой опасностью, которой подвергались оставшіеся передъ Ѓерговіею два легіона; энергически и быстро воспользовавшись отсутствіемъ Цезаря, Верцингеторигъ сдѣлалъ на нихъ нападеніе, едва не окончившееся пораженіемъ и взятіемъ штурмомъ римскаго стана. Только благодаря своей, ни съ чѣмъ не сравнимой быстротѣ дѣйствій, Цезарь предупредилъ здѣсь вторую катастрофу, подобную адуатукской. Хотя Гедуи и давали опять блестящія обѣщанія, тѣмъ не менѣе можно было предвидѣть, что они открыто перейдутъ на сторону повстанцевъ, въ случаѣ если блокада долѣе останется безуспѣшною, и этимъ принудятъ

*) Мѣстомъ, гдѣ находился этотъ городъ, обыкновенно считаютъ возвышенность, лежавшую на часъ разстоянія южнѣе арвернской столицы Неметума, нынѣшняго Клермона, и теперь еще называемую Gergoie; какъ остатки грубыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, обнаруживающихся при раскопкахъ, такъ и передача имени, прослѣженнаго по документамъ вплоть до десятаго столѣтія, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ правильности этого предположенія. Къ тому же это согласуется какъ съ остальными показаніями Цезаря, такъ и съ тѣмъ, что онъ достаточно ясно называетъ Ѓерговію столицею Арверновъ (7, 4). На этомъ основаніи слѣдуетъ думать, что Арверны были вынуждены послѣ своего пораженія переселится въ недалекій, менѣе сильный Неметумъ.

Цезаря снять осаду, такъ какъ присоединеніе ихъ къ инсургентамъ прервало бы сношенія между нимъ и Лабіеномъ и подвергло бы, въ особенности послѣдняго въ его критическомъ положеніи, величайшей опасности. Цезарь рѣшился не допускать этого, но какъ ни непріятно и даже опасно было отступать отъ Герговіи не окончивъ дѣла, тѣмъ не менѣе лучше подняться немедленно, если ужъ это было необходимо и, вторгнувшись въ поселеніе Гедуевъ, помѣшать во что бы то ни стало ихъ открытому переходу на сторону врага. Но прежде чѣмъ онъ началъ это отступленіе, такъ мало соотвѣтствовавшее его живой и самоувѣренной натурѣ, онъ сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку избавиться отъ своего томительнаго затрудненія посредствомъ блестящей побѣды. Въ то время, какъ весь гарнизонъ Герговіи занимался укрѣпленіемъ той стороны, откуда ожидали штурма, римскій полководецъ воспользовался случаемъ, чтобъ завладѣть внезапно другимъ подъемомъ, менѣе удобнымъ, но за то незащищаемымъ въ ту минуту. И дѣйствительно, римскія колонны перебрались чрезъ лагерныя стѣны и заняли ближайшія окрестности; но весь гарнизонъ уже всполошился и, въ виду незначительнаго разстоянія, Цезарь не нашелъ удобнымъ отважиться вторично идти приступомъ на городскія стѣны. Онъ далъ знакъ къ отступленію; но передніе легіоны, увлеченные пыломъ побѣды, не слыхали или не хотѣли слышать приказанія и стремились неустанно впередъ къ городскимъ стѣнамъ, многіе даже внутрь города. Навстрѣчу нападающимъ выступали все болѣе густыя массы; передніе ряды падали; колонны остановились; тщетно центуріоны и легіонеры боролись съ самоотверженнымъ героизмомъ; осаждающіе были съ весьма значительнымъ урономъ выгнаны изъ города и внизъ по горѣ, гдѣ выстроенное въ равнинѣ войско Цезаря встрѣтило ихъ и этимъ предупредило еще большее несчастіе. Предполагавшееся занятіе Герговіи превратилось въ пораженіе, и значительная потеря ранеными и убитыми (насчитывали до семисотъ павшихъ солдатъ, въ томъ числѣ сорокъ шесть центуріоновъ) составляло самую ничтожную часть постигшаго Римлянъ несчастія.

Вторичное возстаніе. Мятежъ Гедуевъ и Белговъ.

Внушительное значеніе Цезаря въ Галліи главнымъ образомъ зависѣло отъ окружавшаго его ореола побѣдителя: но онъ-то и началъ теперь блѣднѣть. Уже сраженія вокругъ Аварикума, тщетныя попытки Цезаря принудить врага къ борьбѣ, мужественная оборона города и его почти случайное занятіе, — все это носило совсѣмъ иной отпечатокъ, чѣмъ прежнія кельтскія войны, и скорѣе ободрило Кельтовъ, чѣмъ лишило ихъ довѣрія къ себѣ и своему вождю. Новая система веденія войны, — умѣнье встрѣчаться съ врагомъ подъ охраною крѣпостей и въ окопанныхъ лагеряхъ — вполнѣ оправдалась при Лютеціи и Герговіи. Наконецъ это пораженіе, первое, которое было нанесено Кельтами самому Цезарю, увѣнчало успѣхъ и дало какъ-бы

знакъ ко второй вспышкѣ возстанія. Гедуи порвали теперь открыто сношенія съ Цезаремъ и вступили въ связи съ Верцингеторигомъ. Контингентъ ихъ, все еще находившійся при войскѣ Цезаря, не только отдѣлился отъ него, но и захватилъ при этомъ случаѣ въ Новіодунумѣ, на Луарѣ, склады цезаревой арміи, вслѣдствіе чего кассы и магазины, множество запасныхъ лошадей и всѣ выданные Цезарю заложники достались въ руки инсургентовъ. Не менѣе важно было и то, что вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ и Белги, до той поры державшіеся вдали отъ всего движенія, пришли въ волненіе. Могущественный поселокъ Белловаковъ поднялся, для того чтобы напасть съ тылу на корпусъ Лабіена, стоявшій близъ Лютеціи противъ контингента окрестныхъ средне-гальскихъ поселковъ. Вообще, всюду стали вооружаться; сила патріотическаго энтузіазма увлекла даже самыхъ рѣшительныхъ партизановъ Рима, наиболѣе имъ покровительствуемыхъ, какъ, напримѣръ, царя Атребатовъ, Коммія, получившаго отъ Римлянъ за вѣрную службу важныя привилегіи для своей общины и гегемонію надъ Моринами. Нити возстанія тянулись до древне-римской провинціи; инсургенты, быть можетъ не безъ основанія, льстили себя надеждой поднять противъ Римлянъ даже Аллоброговъ. За единственнымъ исключеніемъ Ремовъ и зависѣвшихъ отъ нихъ округовъ Суессіоновъ, Левковъ и Лингоновъ, чей партикуляризмъ не смягчился даже при видѣ общаго возбужденія, весь кельтскій народъ, отъ Пиренеевъ до Рейна, вооружился въ первый и послѣдній разъ за свою свободу и національность, между тѣмъ какъ, странно сказать, нѣмецкія общины, стоявшія въ первыхъ рядахъ въ предшествующія войны, стушевались, и даже Треверійцы и, какъ кажется, и Менапійцы, были удержаны своими распрями съ Нѣмцами отъ дѣятельнаго участія въ національной войнѣ.

Военный планъ Цезаря. Соединеніе Цезаря съ Лабіеномъ.

То была тяжелая, рѣшительная минута, когда, послѣ отступленія отъ Герговіи и потери Новіодунума, собрался въ главной квартирѣ Цезаря военный совѣтъ для обсужденія необходимыхъ мѣръ. Многіе голоса высказывались въ пользу отступленія за Севенны, въ древне-римскую провинцію, открытую теперь со всѣхъ сторонъ для повстанцевъ и, дѣйствительно, сильно нуждавшуюся въ покровительствѣ легіоновъ, собственно и отряженныхъ Римомъ для ея защиты. Но Цезарь отвергъ этотъ робкій стратегическій планъ, вызываемый не положеніемъ вещей, а правительственными инструкціями и страхомъ отвѣтственности. Онъ ограничился призывомъ къ оружію ополченія, состоявшаго изъ осѣдлыхъ въ этой провинціи Римлянъ, и съ помощью его оцѣпилъ какъ можно лучше границы. Самъ же онъ, напротивъ, двинулся въ противоположную сторону и усиленными переходами направился къ Агединкуму, куда велѣлъ и Лабіену отступить какъ можно скорѣе. Кельты пытались, конечно, помѣшать соединенію двухъ римскихъ войскъ. Лабіенъ могъ бы, пе-

реправившись через Марну и двигаясь по правому берегу Сены, внизъ по теченію рѣки, достигнуть Агединкума, гдѣ онъ оставилъ свои резервы и обозъ, но онъ предпочелъ не давать вторично Кельтамъ зрѣлища отступленія римскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого онъ, вмѣсто Марны, перешелъ на глазахъ у обманутаго врага черезъ Сену и далъ на лѣвомъ ея берегу непріятельскимъ массамъ сраженіе, въ которомъ одержалъ побѣду, и гдѣ, въ числѣ многихъ другихъ, остался на полѣ брани и кельтскій полководецъ, престарѣлый Камулогенъ. Такъ же мало удалось инсургентамъ задержать и Цезаря на Луарѣ; онъ не далъ имъ времени собрать большія силы и безъ труда разсѣялъ милицію Гедуевъ, которую засталъ тамъ одну. Такимъ образомъ соединеніе двухъ войскъ совершилось благополучно. Тѣмъ временемъ повстанцы совѣщались въ Бибрактѣ (Autun), столицѣ Гедуевъ, относительно дальнѣйшаго веденія войны; душою этихъ совѣщаній опять былъ Верцингеторигъ, на котораго, послѣ побѣды при Герговіи, весь народъ взиралъ восторженно. Партикуляризмъ не замолкъ, правда, и теперь; даже во время этой предсмертной борьбы народа, Гедуи заявили свои притязанія на гегемонію и сдѣлали сейму предложеніе замѣнить Верцингеторига однимъ изъ своихъ. Но представители страны не только отклонили предложеніе это и оставили главное начальство въ рукахъ Верцингеторига, но и всецѣло приняли его военный планъ. Въ главныхъ чертахъ это былъ тотъ же самый планъ, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ при Аварикумѣ и Герговіи. Краеугольнымъ пунктомъ новой позиціи былъ избранъ сильный городъ Мандубіевъ, Алезія (Alise-Sainte-Reine, близъ Семюра, въ департаментѣ Котъ-доръ *), и подъ стѣнами его былъ опять устроенъ укрѣпленный лагерь. Громадные запасы были здѣсь приготовлены, изъ Герговіи отправлена туда армія, конница которой, по опредѣленію народнаго собранія была увеличена до 15,000 лошадей.—Цезарь со всѣмъ своимъ войскомъ, собраннымъ имъ близъ Агединкума, направился на Везонцію, чтобы приблизиться къ встревоженной провинціи и оградить ее отъ вторженія, такъ какъ шайки инсургентовъ показались уже во владѣніяхъ Гельветовъ, на южномъ склонѣ Севеннъ. Алезія находилась почти на его пути; конница Кельтовъ, единственная часть войска, съ которою желалъ дѣйствовать Верцингеторигъ, напала по дорогѣ на Цезаря, но, къ всеобщему удивленію, была отражена новыми нѣмецкими эскадронами его и выставленною для ихъ поддержки римскою пѣхотою. Верцингеторигъ тѣмъ болѣе спѣшилъ запереться въ Алезіи, и если Цезарь не

*) Недавно еще много обсуждавшійся вопросъ, не слѣдуетъ ли признать за Алезію городъ Alaise, въ двадцати пяти километрахъ южнѣе Безансона, въ Дубскомъ департаментѣ, былъ справедливо отвергнутъ всѣми серьозными изслѣдователями.

хотѣлъ отказаться совсѣмъ отъ наступательныхъ дѣйствій, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ въ третій разъ въ этотъ походъ напасть съ значительно слабѣйшими силами на армію, располагавшую громадными массами конницы и стоявшую подъ стѣнами хорошо защищаемой крѣпости, снабженной необходимымъ провіантомъ. Но если до той поры только часть римскихъ легіоновъ встрѣчалась съ Кельтами, то на линіяхъ, окружавшихъ Алезію, была собрана вся рать Цезаря, и Верцингеторигу не удалось на этотъ разъ, какъ при Аварикумѣ и Герговіи, выстроить свою пѣхоту подъ охраною крѣпостныхъ стѣнъ и, посредствомъ своей конницы, поддерживать внѣшнія сношенія, прерывая вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія врага. Кельтская конница, уже устрашенная пораженіемъ, нанесеннымъ ей презираемымъ противникомъ, терпѣла уронъ отъ всадниковъ Цезаря при всякомъ столкновеніи. Линія валовъ осаждающихъ возвышалась на протяженіи двухъ нѣмецкихъ миль вокругъ всего города, включая сюда и примыкавшій къ нему лагерь. Верцингеторигъ приготовился къ битвѣ подъ стѣнами города, но не къ осадѣ въ Алезіи, —для арміи его, гдѣ насчитывали до 80,000 человѣкъ пѣхоты и до 15,000 всадниковъ, и для многочисленныхъ городскихъ обывателей далеко не хватило бы въ подобномъ случаѣ приготовленныхъ имъ припасовъ, какъ ни значительны они были. Верцингеторигу пришлось убѣдиться въ томъ, что на этотъ разъ военный планъ его пагубенъ для него самого, и что онъ погибнетъ, если вся нація не поспѣшитъ на освобожденіе своего заключеннаго полководца. Когда началась римская блокада, съѣстныхъ припасовъ было еще достаточно на мѣсяцъ, и быть можетъ, даже нѣсколько болѣе; въ послѣднюю минуту, пока путь былъ еще свободенъ по крайней мѣрѣ для всадниковъ, Верцингеторигъ распустилъ всю конницу и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ вождямъ народа съ призывомъ собрать всѣ силы и идти на освобожденіе Алезіи. Самъ онъ, рѣшившись лично отвѣтствовать за составленный имъ и неудавшійся военный планъ, остался въ крѣпости, чтобы, въ счастіи или несчастіи, раздѣлить участь своихъ воиновъ. Въ свою очередь Цезарь приготовился и осаждать и быть осажденнымъ; онъ устроилъ линію валовъ такъ, чтобы быть въ состояніи защищаться и съ внѣшней стороны, и на долгое время запасся продовольствіемъ. Дни шли; уже въ крѣпости не было ни одной мѣры ржи; уже пришлось изгнать несчастныхъ городскихъ жителей, которые, находясь между укрѣпленіями Кельтовъ и Римлянъ и отгоняемые безпощадно съ обѣихъ сторонъ, погибли въ мученіяхъ. Тогда-то, въ послѣднюю минуту показались за линіями Цезаря необозримые ряды кельтско-бельгійской арміи, шедшей на выручку крѣпости, въ числѣ, приблизительно, 250,000 пѣхотинцевъ и 8,000 всадниковъ. Отъ канала вплоть до Севеннъ мятежные поселки напрягли всѣ нервы для спасенія лучшихъ своихъ

патріотовъ и избраннаго ими полководца,—одни только Белловаки отвѣчали, что они согласны, правда, бороться противъ Римлянъ, но не внѣ своихъ предѣловъ. Первый штурмъ, предпринятый противъ римской двойной линіи осажденными въ Алезіи и явившеюся къ нимъ на выручку арміею, былъ отраженъ; но, когда онъ былъ возобновленъ послѣ однодневнаго отдыха, Кельтамъ удалось въ одномъ мѣстѣ, гдѣ линія валовъ шла по склону горы и могла быть аттакована съ вершины ея, засыпать рвы и прогнать съ валу его защитниковъ. Тогда Лабіенъ, отправленный сюда Цезаремъ, собралъ ближайшія когорты и бросился съ четырьмя легіонами на врага. На глазахъ у полководца, появившагося въ самую опасную минуту, штурмующіе были разсѣяны послѣ самой отчаянной схватки, и прибывшіе съ Цезаремъ отряды всадниковъ, напавъ на бѣглецовъ съ тылу, довершили пораженіе. То была болѣе, чѣмъ великая побѣда; здѣсь безвозвратно рѣшилась судьба не только Алезіи, но и всего кельтскаго народа. Кельтское войско, окончательно деморализованное, разбѣжалось съ поля битвы по домамъ. Верцингеторигъ могъ бы, быть можетъ, бѣжать даже еще теперь, или, по крайней мѣрѣ, спасти себя послѣднимъ средствомъ, возможнымъ для свободнаго человѣка; онъ этого не сдѣлалъ, а заявилъ на военномъ совѣтѣ, что, такъ какъ ему не удалось свергнуть чужеземное иго, онъ готовъ принести себя въ жертву и, насколько возможно, принять на себя гибель, грозившую націи. Такъ и случилось. Кельтскіе офицеры выдали торжественно избраннаго всей націею полководца врагу ихъ страны, для соотвѣтствующаго винѣ его наказанія. Сидя на конѣ и въ полномъ военномъ убранствѣ, появился царь Арверновъ передъ римскимъ проконсуломъ и объѣхалъ вокругъ собраннаго имъ трибунала, послѣ чего онъ отдалъ коня и оружіе и молча опустился на ступеняхъ у ногъ Цезаря (702). Пять лѣтъ спустя онъ былъ съ тріумфомъ проведенъ по улицамъ италійской столицы и, какъ измѣнникъ римскому народу, обезглавленъ у подножія Капитолія въ то время, какъ побѣдитель приносилъ на вершинѣ торжественную благодарность богамъ.

Подобно тому, какъ послѣ мрачно протекшаго дня солнце прорывается еще наружу въ минуту заката, такъ судьба даруетъ погибающимъ народамъ послѣдняго великаго человѣка. Такъ стоитъ на исходѣ финикійской исторіи Аннибалъ, на исходѣ кельтской—Верцингеторигъ. Ни тотъ, ни другой не могли спасти своего народа отъ чужеземнаго ига, но они избавили его отъ послѣдняго, еще грозившаго ему стыда, — отъ безславной гибели. Верцингеторигу, какъ и кареагенскому герою, пришлось бороться не только противъ врага отчизны, но главнымъ образомъ противъ анти-народной оппозиціи оскорбленныхъ эгоистовъ и испуганныхъ трусовъ, какіе всегда сопровождаютъ выродившуюся цивилизацію; и за нимъ также обез-

печиваютъ мѣсто въ исторіи не его битвы, не осады, а то, что въ своей личности онъ съумѣлъ дать центръ и точку опоры націи, деморализованной, погрязшей въ партикуляризмѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли существуетъ болѣе рѣзкая противоположность, чѣмъ та, какую мы видимъ между трезвымъ гражданиномъ финикійскаго торговаго города, съ его планами, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ съ неизмѣнною энергіею устремленными къ одной великой цѣли, и смѣлымъ царемъ кельтской страны, чьи громкіе подвиги и великодушное самоотверженіе совмѣщаются въ одну краткую годину. Древній міръ не знаетъ другого подобнаго человѣка, рыцаря по внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ. Но человѣкъ, а тѣмъ болѣе государственный дѣятель, не долженъ быть рыцаремъ. Не герой, а рыцарь съ презрѣніемъ отказался отъ бѣгства изъ Алезіи, между тѣмъ какъ одинъ онъ былъ важнѣе для народа, чѣмъ сто тысячъ обыкновенныхъ храбрыхъ людей. Не герой, а рыцарь принесъ себя въ жертву, хотя эта жертва покрыла позоромъ народъ, который, столь же трусливо, какъ и безсмысленно, при своемъ послѣднемъ издыханіи назвалъ преступленіемъ противъ тирана свою предсмертную всемірно-историческую борьбу. Совершенно иначе дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ Аннибалъ! Намъ невозможно разстаться съ благороднымъ арвернскимъ царемъ, не отнесясь къ нему сочувственно и съ обще-человѣческой и съ исторической точки зрѣнія; но весьма характерно для кельтскаго племени, что величайшій его человѣкъ былъ все таки только рыцаремъ.

Послѣдняя борьба. Паденіе Алезіи и капитуляція, находившейся въ ней, арміи были тяжкимъ ударомъ для кельтскаго возстанія; однако столь же тяжкіе удары уже поражали его и прежде, а борьба все таки возобновлялась. Но потеря Верцингеторига была незамѣнима. Съ нимъ нація получила единство; съ нимъ же оно, казалось, снова исчезло. Мы не видимъ, чтобы инсургенты сдѣлали хоть попытку продолжить совмѣстную оборону и назначить другого главнокомандующаго; союзъ патріотовъ распался самъ собою и каждому клану было предоставлено право бороться или мириться съ Римлянами. Понятно, что жажда покоя взяла всюду верхъ. И самому Цезарю было выгодно поскорѣе покончить дѣло. Изъ десяти лѣтъ его намѣстничества уже прошло семь; полномочія же его на послѣдній годъ оспаривались у него политическими противниками въ столицѣ; только на два лѣта могъ онъ разсчитывать съ нѣкоторою увѣренностью и, если выгода и честь требовали, чтобы онъ передалъ своему преемнику вновь завоеванныя земли въ сносномъ и сколько нибудь мирномъ состояніи, то время для достиженія этой цѣли было скупо отмѣрено ему. Милосердіе было въ этомъ случаѣ потребностью для побѣдителя еще болѣе, чѣмъ для побѣжденныхъ, и Цезарю приходилось благодарить свою счастливую звѣзду за то, что внутренняя деморализація и лег-

кость характера Кельтовъ помогали ему въ этомъ случаѣ. Тамъ, гдѣ, какъ въ двухъ главныхъ средне-галльскихъ кантонахъ, у Гедуевъ и Арверновъ, существовала сильная партія съ римскими симпатіями, провозглашалось немедленно послѣ паденія Алезіи полное возстановленіе прежнихъ отношеній къ Риму, и даже плѣнные изъ этихъ поселковъ, числомъ до 20,000, отпускались безъ выкупа, между тѣмъ какъ плѣнные изъ другихъ клановъ попадали въ тяжелое рабство къ побѣдоноснымъ легіонерамъ. Подобно Гедуямъ и Арвернамъ, большая часть галльскихъ округовъ предалась своей судьбѣ и безъ дальнѣйшаго сопротивленія покорилась неизбѣжнымъ карамъ. Но немало было и такихъ, которые по неразумному легкомыслію или тупому отчаянію упорно держались потеряннаго дѣла, пока въ ихъ предѣлахъ не появлялись римскія войска. Подобныя экспедиціи предпринимались противъ Битуриговъ и Карнутовъ еще въ зиму $^{702}/_{3}$ года. Болѣе серьезное сопротивленіе оказали Белловаки, за годъ передъ тѣмъ отказавшіеся идти на выручку къ Алезіи; они какъ бы желали этимъ доказать, что въ рѣшительный день они отсутствовали по крайней мѣрѣ не по недостатку мужества и любви къ свободѣ. Въ этой борьбѣ приняли участіе Атребаты, Амбіаны, Калеты и другіе белгскіе поселки; храбрый царь Атребатовъ, Коммій, которому Римляне всего менѣе простили бы его присоединеніе къ возстанію и противъ котораго Лабіенъ замыслилъ даже отвратительно-коварную попытку убійства, привелъ къ Белловакамъ 500 нѣмецкихъ всадниковъ, достоинство которыхъ было доказано еще прошлогоднимъ походомъ. Энергическій и даровитый Белловакъ, Коррей, которому выпало на долю главное руководство войною, велъ ее такъ, какъ это дѣлалъ Верцингеторигъ, и съ немаловажнымъ успѣхомъ. Цезарь, хотя и ввелъ въ дѣло мало по малу большую часть своего войска, не могъ ни заставить драться пѣхоту Белловаковъ, и даже помѣшать ей занять другія позиціи, болѣе защищенныя отъ нападеній усиленной рати Цезаря; римскимъ же всадникамъ, въ особенности же кельтскимъ контингентамъ, былъ нанесенъ значительный ущербъ со стороны непріятельской конницы, въ особенности нѣмецкихъ всадниковъ Коммія. Но послѣ того, какъ Коррей погибъ въ стычкѣ съ римскими фуражирами, сопротивленіе прекратилось и здѣсь; побѣдитель предложилъ сносныя условія, которымъ подчинились Белловаки и ихъ союзники. Треверійцы были приведены къ повиновенію Лабіеномъ, и при этомъ случаѣ Римляне еще разъ аттаковали и опустошили владѣнія провинившихся Эбуроновъ. Такимъ образомъ было сломлено послѣднее сопротивленіе бельгійскаго союза. Еще одна попытка освободиться отъ римскаго владычества была сдѣлана приморскими поселками въ связи съ ихъ сосѣдями на Луарѣ. Толпы инсургентовъ изъ андскаго, карнутскаго и другихъ окрестныхъ поселеній собрались на нижней Луарѣ и оса-

дили въ Лемонумѣ (Пуатье) преданнаго Риму царя Пиктоновъ. Однако и здѣсь ихъ вскорѣ встрѣтила значительная римская рать; инсургенты отказались отъ осады и удалились, чтобы оставить Луару между собой и непріятелемъ, но на пути туда были настигнуты и разбиты, послѣ чего Карнуты и остальные мятежные кантоны и даже приморскіе поселки прислали заявленіе своей покорности. Сопротивленіе кончилось; развѣ какой нибудь вождь отдѣльнаго летучаго отряда поднималъ еще то тутъ, то тамъ, національное знамя. Смѣлый Драппъ и вѣрный товарищъ по оружію Верцингеторига, Луктерій, собрали послѣ распаденія луарской арміи самыхъ рѣшительныхъ людей и бросились съ ними въ укрѣпленный горный городъ Укселодунумъ, на р. Ло (Lot) *), который имъ удалось снабдить провіантомъ послѣ тяжкихъ стычекъ, стоившихъ имъ немалаго числа людей. Несмотря на то, что гарнизонъ остался безъ вождя, такъ какъ Драппъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Луктерій оттѣсненъ отъ города, онъ боролся до послѣдней крайности; только тогда, когда появился самъ Цезарь и, по его распоряженію, источникъ, откуда осажденные черпали воду, былъ отведенъ въ сторону посредствомъ подземныхъ проходовъ, крѣпость, послѣдній оплотъ Кельтовъ пала. Чтобы отмѣтить послѣднихъ поборниковъ дѣла свободы, Цезарь приказалъ отрубить руки всему гарнизону и въ этомъ видѣ отпустить каждаго солдата на родину. Царю Коммію, который все еще держался въ окрестностяхъ Арраса и вплоть до зимы $^{703}/_4$ года боролся тамъ съ римскими войсками, Цезарь, искренно желавшій прекратить въ Галліи по крайней мѣрѣ открытое сопротивленіе, разрѣшилъ заключить миръ и даже не обратилъ вниманія на то, что озлобленный и по справедливости недовѣрчивый человѣкъ этотъ упорно отказался появиться лично въ римскомъ лагерѣ. Весьма вѣроятно, что и въ неприступныхъ округахъ сѣверо-запада и сѣверо-востока Галліи Цезарь удовлетворился однимъ только номинальнымъ подчиненіемъ, быть можетъ, даже простымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій **).

Покореніе Галліи. Такимъ образомъ послѣ борьбы, длившейся всего только восемь лѣтъ (съ 696 по 703 г.), была покорена Римлянами Галлія, т. е. вся страна къ западу отъ Рейна и къ сѣверу отъ Пиренеевъ. Едва годъ спустя послѣ полнаго умиротворенія страны, въ началѣ 705 года, римскія войска должны были вернуться за Альпы вслѣдствіе вспыхнувшей, наконецъ, въ Италіи междоусобной войны, и въ кельт-

---

*) Мѣсто это указываютъ обыкновенно близъ Капденака, недалеко отъ Фижака; недавно Гелеръ высказался въ пользу Люзека, къ западу отъ Кагора, что и прежде уже предлагалось нѣкоторыми.

**) Понятно, что мы этого не находимъ у Цезаря, но ясный намекъ на это дѣлаетъ Саллюстій (Hist., 1, 9), хотя и онъ говоритъ, какъ приверженецъ его. Дальнѣйшія доказательства мы находимъ на монетахъ.

ской странѣ не осталось никого, кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ отрядовъ новобранцевъ. Несмотря на это Кельты не возставали болѣе противъ чужеземнаго владычества, и въ то время, когда во всѣхъ древнихъ провинціяхъ государства шла борьба противъ Цезаря, одна только новозавоеванная страна оставалась неизмѣнно покорною своему побѣдителю. Нѣмцы также не возобновили въ этомъ, критическомъ для Цезаря, году своихъ попытокъ укрѣпиться путемъ завоеваній на лѣвомъ берегу Рейна. Точно также и въ послѣдующихъ кризисахъ дѣло не дошло въ Галліи до новаго національнаго возстанія или нѣмецкаго нашествія, хотя для этого и представлялись самые благопріятные поводы. Если же гдѣ нибудь и начинались безпокойства, какъ напримѣръ, возстаніе въ 708 г. Белловаковъ противъ Римлянъ, то движенія эти были столь разрознены и имѣли такъ мало связи съ волненіями въ Италіи, что были подавлены безъ большихъ затрудненій римскими намѣстниками. Миръ этотъ, какъ было много вѣковъ сряду и въ Испаніи, покупался, весьма вѣроятно, тѣмъ, что мѣстностямъ отдаленнѣйшимъ, наиболѣе проникнутымъ національнымъ чувствомъ, напримѣръ Бретани, шельдскимъ округамъ, пиренейскимъ землямъ, дозволялось временно, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, уклоняться фактически изъ-подъ римскаго владычества. Тѣмъ не менѣе зданіе, сооруженное Цезаремъ, несмотря на скудость времени, которое онъ могъ удѣлить ему среди другихъ, еще болѣе необходимыхъ работъ, несмотря на то, что онъ оставилъ его незаконченнымъ и несовершеннымъ, оказалось однако въ главныхъ чертахъ достаточно прочнымъ для отраженія Нѣмцевъ и покоренія Кельтовъ. — Въ отношеніи высшей администраціи области, вновь завоеванныя намѣстникомъ нарбонской Галліи, оставались временно соединенными съ нарбонской провинціею; лишь тогда, когда Цезарь сложилъ съ себя эту должность (710), были образованы изъ завоеванныхъ имъ земель два новыхъ намѣстничества, собственно Галлія и Бельгія. По самому духу завоеванія естественно было, что отдѣльные поселки утрачивали свою политическую самостоятельность. Они сплошь облагались данью въ пользу римской общины. Но податная система эта не была, конечно, та самая, съ помощью которой знатная и финансовая аристократія эксплуатировала Азію; напротивъ, здѣсь, какъ было и въ Испаніи, налагалась разъ навсегда на каждую отдѣльную общину опредѣленная дань, сборъ которой предоставлялся ей самой. Этимъ путемъ стекалось ежегодно изъ Галліи 40 милліоновъ сестерцій (3 милліона талеровъ) въ кассу римскаго правительства, которое принимало, правда, за это на себя расходы по защитѣ границы Рейна. Понятно, что и массы золота, скопившіяся въ храмахъ боговъ и въ сокровищницахъ знатныхъ людей, находили, вслѣдствіе войны, дорогу въ Римъ; если Цезарь предлагалъ во всемъ римскомъ государствѣ свое галльское зо-

лото и доставилъ внезапно такія массы его на денежный рынокъ, что золото упало въ сравненіи съ серебромъ на двадцать пять процентовъ, то это даетъ намъ понятіе о томъ, какія суммы Галлія потеряла благодаря войнѣ.

Сохраненіе существующаго строя. Прежнія учрежденія поселковъ съ ихъ наслѣдственными царями или феодально-олигархическимъ правленіемъ, уцѣлѣли въ главныхъ чертахъ и послѣ завоеванія, и даже система кліентства, дѣлавшая отдѣльные кантоны зависимыми отъ другихъ, болѣе могущественныхъ, не была отмѣнена, хотя, конечно, съ утратою государственной самостоятельности она лишилась всего своего значенія; Цезарь заботился лишь о томъ, чтобы, воспользовавшись существовавшею династическою, феодальною и гегемоническою рознью, устроить дѣла сообразно интересамъ Рима и всюду поставить во главѣ правленія приверженцевъ чужеземнаго господства. Вообще Цезарь не жалѣлъ труда, чтобы организовать въ Галліи римскую партію; приверженцамъ своимъ онъ обѣщалъ щедрыя награды деньгами и въ особенности конфискованными помѣстьями, и, благодаря вліянію Цезаря, имъ доставлялись мѣста въ общинномъ совѣтѣ и первыя должности въ общинѣ ихъ поселковъ. Тѣмъ изъ поселеній, гдѣ существовала достаточно сильная и надежная римская партія, какъ напримѣръ, Лингонамъ, Геднямъ, было оказано покровительство въ видѣ учрежденія болѣе свободнаго коммунальнаго строя—такъ называемаго союзнаго права—и предпочтеніе при введеніи системы гегемоніи. Національный культъ и его жрецовъ Цезарь по возможности щадилъ, какъ кажется, съ самаго начала; мы не находимъ у него и слѣда тѣхъ мѣръ, которыя въ позднѣйшія времена принимались римскими властителями противъ религіи друидовъ; съ этимъ связано, вѣроятно, и то, что галльскія войны его отнюдь не носятъ, сколько намъ извѣстно, того характера религіозной войны, какой проявлялся впослѣдствіи съ такой опредѣленностью въ британскихъ войнахъ.

Начало романизированія страны. Если Цезарь оказывалъ покоренному народу всевозможное снисхожденіе и щадилъ его національныя, политическія и религіозныя учрежденія, насколько это согласовалось съ интересами Рима, то это дѣлалось не съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ основной его идеи завоеванія и романизированія Галліи, а съ тѣмъ, чтобы осуществить ее въ возможно болѣе мягкой формѣ. Сверхъ того онъ не ограничился примѣненіемъ къ сѣверу Галліи тѣхъ средствъ, благодаря которымъ южныя провинціи были уже большею частью романизированы, но, какъ истинно государственный человѣкъ, содѣйствовалъ естественному развитію страны и старался по возможности сократить столь томительную переходную эпоху. Не говоря уже о принятіи въ число римскихъ гражданъ многихъ знатныхъ Кельтовъ и допущеніи нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже и въ сенатъ,—вѣроятно благодаря Цезарю, былъ введенъ во многихъ отдѣльныхъ по-

селкахъ Галліи, вмѣсто мѣстныхъ нарѣчій, латинскій языкъ, какъ языкъ оффиціальный, хотя еще съ нѣкоторыми ограниченіями, а вмѣсто національной монетной системы была введена римская, въ такомъ видѣ, что право бить золотую монету и денаріи оставалось за римскими властями, размѣнная-же монета чеканилась отдѣльными поселками, но все-же по римскому образцу, для обращенія только въ предѣлахъ самаго поселенія. Можно смѣяться надъ ломанымъ латинскимъ языкомъ, который употребляли съ той поры по предписанію начальства жители береговъ Луары и Сены *), но въ этихъ погрѣшностяхъ противъ языка скрывалась болѣе блестящая будущность, чѣмъ въ правильной столичной латыни. Быть можетъ, къ порѣ Цезаря можно отнести еще и то, что внутренній строй кельтскихъ поселковъ приблизился впослѣдствіи къ италійскимъ городскимъ учрежденіямъ, и что главныя мѣстности въ кланѣ, равно, какъ и общинные совѣты, занимали въ нихъ болѣе выдающееся положеніе, чѣмъ было, вѣроятно, въ первоначальномъ кельтскомъ быту. Насколько въ военномъ и политическомъ отношеніи желательно было основать рядъ транзальпійскихъ колоній для того, чтобы поддержать новую власть и дать выходъ новой цивилизаціи,—этого никто не могъ сознавать яснѣе, чѣмъ политическій преемникъ Гая Гракха и Марія. Если-же онъ ограничился поселеніемъ своихъ кельтскихъ или нѣмецкихъ всадниковъ въ Новіодунумѣ и Бойевъ въ поселкѣ Гедуевъ (послѣднее поселеніе играло въ войнѣ съ Верцингеторигомъ совершенно роль римской колоніи), то причина этого явленія заключалась въ томъ, что дальнѣйшіе планы Цезаря не дозволяли ему еще дать своимъ легіонамъ въ руки вмѣсто меча плугъ. То, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи для римской провинціи въ позднѣйшіе годы, будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ; весьма вѣроятно, что у него только не хватило времени, для того чтобы распространить тоже самое и на вновь завоеванныя имъ страны.

Существованію Кельтской націи наступилъ конецъ. Политическое распаденіе ея стало совершившимся фактомъ, благодаря Цезарю; національное разложеніе было начато и правильно шло впередъ. То не была случайная гибель, какую готовитъ иногда рокъ даже способнымъ къ развитію народамъ, а заслуженная и до извѣстной степени исторически необходимая катастрофа. Это доказывается уже ходомъ послѣдней войны, будемъ ли мы разсматривать ее въ цѣломъ или въ частностяхъ. Когда началось введеніе чужеземнаго владычества, ему

Катастрофа, постигшая Кельтовъ.

*) Такимъ образомъ мы читаемъ на одной монетѣ, отчеканенной по приказанію вергобрета Лексовіевъ (Lisieux, dep. Calvados), слѣдующую надпись: Cisiambos Cattos vercobreto; simissos publicos Lixovio. Надпись, мѣстами почти неразборчивая, и невообразимо безобразный чеканъ этихъ монетъ вполнѣ гармонируютъ съ этой ломаной латынью.

энергически противились только отдѣльныя мѣстности, да и по большей части нѣмецкія или полу-нѣмецкія. Когда это владычество утвердилось, начались либо совершенно безсмысленныя попытки свергнуть его, либо же онѣ были, болѣе чѣмъ слѣдовало, дѣломъ отдѣльныхъ выдающихся аристократовъ и поэтому немедленно и окончательно прекращались со смертью или плѣномъ какого-нибудь Индутіомара, Камулогена, Верцингеторига, Коррея. Осадная и партизанская войны, въ которыхъ обыкновенно скрывается вся нравственная глубина народной борьбы, были и оставались въ этой кельтской войнѣ характеристично жалкими. Каждая страница кельтской исторіи подтверждаетъ суровое слово одного изъ немногихъ Римлянъ, которые умѣли не презирать такъ называемыхъ варваровъ, — Кельты смѣло бросаютъ вызовъ будущей опасности, но у нихъ падаетъ духъ передъ настоящею. Въ могучемъ вихрѣ всемірной исторіи, безпощадно сокрушающемъ всѣ народы, не отличающіеся твердостью и гибкостью стали, подобная нація не могла долго существовать; заслуженно вытерпѣли Кельты материка отъ Римлянъ ту-же участь, которую ихъ соплеменники на ирландскомъ островѣ претерпѣваютъ до нашихъ дней отъ Саксовъ,—именно, необходимость перейти, какъ элементъ броженія будущаго развитія, въ другую національность, превосходящую ихъ въ государственномъ отношеніи. Въ минуту разставанья съ этимъ страннымъ народомъ мы считаемъ себя въ правѣ напомнить, что въ разсказахъ древнихъ о Кельтахъ береговъ Луары и Сены едва ли отсутствуетъ хоть одна изъ характеристическихъ чертъ, по которымъ мы привыкли узнавать національный характеръ ирландскихъ «Paddy». Мы видимъ здѣсь собраннымъ все: и небрежность въ воздѣлываніи полей, любовь къ возліяніямъ и дракамъ, хвастливость (припомнимъ повѣшенный въ священной рощѣ Арверновъ, послѣ побѣды при Герговіи, мечъ Цезаря, на который съ улыбкою глядѣлъ въ этомъ священномъ мѣстѣ его мнимый прежній обладатель, приказавшій заботливо беречь это драгоцѣнное достояніе), рѣчь, полную сравненій и гиперболъ, намековъ и забавныхъ оборотовъ; комическій юморъ, превосходнымъ примѣромъ котораго служитъ постановленіе, гласившее, что, если кто либо прерветъ человѣка, публично говорящаго, то полиція обязана вырѣзать нарушителю порядка большую и весьма замѣтную дыру въ платьѣ;—любовь къ пѣснямъ и сказаніямъ о дѣлахъ минувшихъ дней и положительное ораторское и поэтическое дарованіе; любопытство, — ни одинъ купецъ не пропускался, пока онъ не разскажетъ среди улицы всѣ новости, которыя онъ знаетъ или даже не знаетъ,—и безумное легкомысліе, съ которымъ дѣлались распоряженія на основаніи подобныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего въ болѣе правильно организованныхъ кантонахъ странникамъ, подъ угрозою строгой кары, запрещалось сообщать неудостовѣренныя

извѣстія кому либо другому, кромѣ общинныхъ властей; дѣтскую набожность, видѣвшую въ жрецѣ отца и спрашивавшую во всѣхъ дѣлахъ его совѣта; рѣдкую искренность національнаго чувства и почти семейную связь, соединявшую всѣхъ соотечественниковъ въ сношеніяхъ съ иноземцами; склонность возставать подъ руководствомъ перваго попавшагося вождя и составлять шайки, а рядомъ съ этимъ полнѣйшую неспособность сохранить непоколебимое мужество, далекое какъ отъ заносчивости, такъ и отъ малодушія, подмѣчать настоящую минуту для выжиданія и для нанесенія удара, достигнуть какой-либо организаціи, прочной военной или политической дисциплины, или хотя бы умѣть выносить ее. Всюду и во всѣ времена мы видимъ все ту же націю, лѣнивую и поэтическую, слабодушную и искреннюю, любопытную, легковѣрную, любезную, умную, но совершенно никуда негодную въ политическомъ отношеніи; поэтому то и судьба ея всюду и всегда оставалась все таже.

Гибель этого великаго народа, благодаря заальпійскимъ войнамъ Цезаря, не составляетъ еще важнѣйшаго слѣдствія этого грандіознаго предпріятія; гораздо богаче послѣдствіями былъ отрицательный, чѣмъ положительный результатъ его. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, еслибъ господство сената продлило свое мнимое существованіе еще въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, такъ называемое переселеніе народовъ наступило бы четыреста лѣтъ раньше, чѣмъ это случилось, и при томъ въ такое время, когда италійская цивилизація не утвердилась еще ни въ Галліи, ни на Дунаѣ, ни въ Африкѣ, или Испаніи. Благодаря тому, что великій полководецъ и государственный человѣкъ Рима усмотрѣлъ вѣрнымъ взглядомъ въ нѣмецкихъ племенахъ равноправнаго врага римско-греческаго міра; что онъ сильною рукою утвердилъ даже въ мелочахъ новую наступательно-оборонительную систему и училъ защищать границы государства рѣками или искуственными насыпями, поселять вдоль границы ближайшія варварскія племена для отраженія болѣе отдаленныхъ и пополнять римское войско людьми, навербованными въ непріятельскихъ странахъ,—благодаря всему этому онъ далъ эллино-италійской культурѣ необходимый срокъ, чтобы такъ-же цивилизовать западъ, какъ уже былъ ею цивилизованъ востокъ. Простые смертные видятъ плоды своихъ трудовъ; сѣмя, посѣваемое геніальными натурами, всходитъ медленно. Прошли вѣка, прежде чѣмъ поняли, что Александръ основалъ на востокѣ не только эфемерное царство, но занесъ въ Азію эллинизмъ; опять прошли вѣка, прежде чѣмъ постигли, что Цезарь не только завоевалъ Римлянамъ новую провинцію, но положилъ основаніе романизированію западныхъ странъ. Только позднѣйшіе потомки поняли смыслъ тѣхъ, сначала безуспѣшныхъ и легкомысленныхъ съ военной точки зрѣнія, походовъ его

Начало романскаго развитія.

въ Англію и Германію. Благодаря имъ передъ римско-греческимъ міромъ открылся цѣлый громадный кругъ народностей, о существованіи и бытѣ которыхъ разсказывали до той поры немного былей и много небылицъ только мореплаватели и купцы. «Ежедневно», такъ читаемъ въ одномъ римскомъ произведеніи, 698 года, «письма и вѣсти изъ Галліи сообщаютъ намъ незнакомыя намъ до той поры имена народовъ, поселеній и странъ». Это расширеніе историческаго горизонта, благодаря походамъ Цезаря по ту сторону Альпъ, было такимъ же всемірно-историческимъ событіемъ, какъ и открытіе Америки европейскими мореплавателями. Къ узкому кругу государствъ Средиземнаго моря примкнули народы средней и сѣверной Европы, жители береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей; къ древнему міру присоединился новый, съ той поры подвергающійся его вліянію и вліяющій въ свою очередь на него. Аріовистъ едва не выполнилъ того, что удалось сдѣлать впослѣдствіи Готу Теодориху. Еслибъ это случилось, то между нашей цивилизаціей и римско-греческой врядъ ли установилась бы болѣе внутренняя связь, чѣмъ между ею и индійской и ассирійской культурой. Мы обязаны Цезарю тѣмъ, что между минувшимъ величіемъ Эллады и Италіи и болѣе горделивымъ зданіемъ новой всемірной исторіи какъ бы перекинутъ мостъ; что западная Европа сдѣлалась романскою, германская Европа—классическою; что имена Ѳемистокла и Сципіона звучатъ для насъ иначе, чѣмъ имена Азока и Салманассара, что Гомеръ и Софоклъ не привлекаютъ, подобно Ведамъ и Калидазѣ, одного только литературнаго ботаника, и пышно цвѣтутъ въ нашихъ собственныхъ садахъ. Если твореніе его великаго предшественника на востокѣ и было почти совершенно разрушено бурнымъ потокомъ среднихъ вѣковъ, зато зданіе, воздвигнутое Цезаремъ, пережило тѣ тысячелѣтія, которыя преобразили для человѣчества религію и государство и передвинули даже центръ тяжести самой цивилизаціи, и оно стоитъ и теперь незыблемо въ ожиданіи того, что мы называемъ вѣчностью.

Дунайскія земли. Чтобы закончить картину отношеній Рима къ народамъ сѣвера въ занимающую насъ эпоху, остается только бросить взглядъ на ту страну, которая простирается къ сѣверу отъ италійскаго и греческаго полуострова, отъ истоковъ Рейна вплоть до Чернаго моря. Свѣтъ исторіи не освѣщаетъ, правда, могучаго народнаго движенія, которое, быть можетъ, замѣчалось въ то время и тамъ, и единственные бѣглые лучи, озаряющіе эту область, уподобляются слабому свѣту среди глубокаго мрака, который скорѣе сбиваетъ съ пути, чѣмъ освѣщаетъ. На обязанности историка лежитъ, однако, и указаніе пробѣловъ въ исторіи народовъ; онъ не долженъ пренебрегать, ввиду грандіозной оборонительной системы Цезаря, тѣми скудными мѣрами, посредствомъ которыхъ полководцы сената думали защитить съ этой стороны границы государства.—Сѣверо-восточная Италія

была попрежнему жертвою нападеній со стороны альпійскихъ народовъ. Стоявшее въ 695 году близъ Аквилеи сильное римское войско и тріумфъ намѣстника цизальпійской Галліи, Люція Афранія, даютъ поводъ заключить, что въ это время произошла экспедиція въ Альпы; быть можетъ, вслѣдствіе ея мы вскорѣ видимъ Римлянъ въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ какимъ-то изъ царей Нориковъ. Но что и послѣ этого Италія отнюдь не была обезпечена съ этой стороны, доказывается нападеніемъ альпійскихъ варваровъ на цвѣтущій городъ Тергестъ въ 702 году, когда заальпійское возстаніе принудило Цезаря удалить всѣ войска изъ верхней Италіи. Безпокойныя племена, занимавшія иллирійское побережье, причиняли также не мало хлопотъ своимъ римскимъ повелителямъ. Далматинцы, бывшіе и прежде самымъ значительнымъ народомъ въ этой мѣстности, до такой степени усилились, благодарю союзу съ сосѣдями, что число ихъ поселеній изъ двадцати возросло до восьмидесяти. Изъ-за города Промоны (недалеко отъ рѣки Керки), который они отняли у Либурновъ и отказывались возвратить, они вступили въ ссору съ Римлянами и разбили ополченіе, отправленное противъ нихъ Цезаремъ; начало междоусобной войны помѣшало Цезарю наказать ихъ за этотъ поступокъ. Отчасти вслѣдствіе этого, Далмація сдѣлалась во время междоусобицъ очагомъ партіи, враждебной Цезарю, и его полководцамъ оказывалось энергическое сопротивленіе на морѣ и на сушѣ какъ самими жителями, такъ и приверженцами Помпея и морскими разбойниками. — Наконецъ Македонія, вмѣстѣ съ Эпиромъ и Элладою, опустѣла и пала ниже, чѣмъ какая либо другая часть римскаго государства. Диррахіонъ, Ѳессалоники и Византія еще вели нѣкоторую торговлю; Аѳины своимъ именемъ и своей философской школой привлекали путешественниковъ и учащуюся молодежь; но вообще надъ нѣкогда многолюдными городами и полными народа гаванями царила теперь могильная тишина. Но, если Греки были неподвижны, за то жители неприступныхъ македонскихъ горъ попрежнему продолжали свои грабежи и распри: такъ напримѣръ, въ 687—8 году Агреи и Долопы напали на этолійскіе города, а въ 700 году жившіе въ долинахъ Дрины Пирусты на южную Иллирію. То же самое дѣлали и сосѣдніе жители. Дарданцы близъ сѣверной границы и Ѳракійцы на востокѣ были, правда, унижены Римлянами во время восьмилѣтней борьбы, съ 676 по 683 годъ; могущественнѣйшій изъ ѳракійскихъ властителей, повелитель стариннаго царства Одрисовъ, Котисъ, считался съ тѣхъ поръ въ числѣ римскихъ вассальныхъ царей. Но, тѣмъ не менѣе, умиротворенная страна попрежнему подвергалась нападеніямъ съ сѣвера и востока. Намѣстникъ Гай Антоній былъ плохо встрѣченъ какъ Дарданцами, такъ и племенами, жившими въ нынѣшней Добруджѣ и нанесшими ему, съ помощью прибывшихъ съ лѣваго берега Дуная страшныхъ Бастарновъ, сильное

пораженіе (692—693) близъ Истрополиса (Истеры, недалеко отъ Кюстенджи). Счастливѣе сражался Гай Октавій противъ Бессовъ и Ѳракійцевъ (694). Напротивъ того дѣла Марка Пизона (697—698), какъ главнокомандующаго, шли весьма плохо, что было неудивительно, такъ какъ онъ за деньги дѣлалъ для друзей и враговъ все, что они только хотѣли. Ѳракійскіе Дентелеты (на Стримонѣ) разграбили въ его намѣстничество Македонію и выставили свои посты на большой римской военной дорогѣ, которая вела изъ Диррахіона въ Ѳессалоники. Здѣсь жители приготовились вынести ихъ осаду, въ то время, какъ сильное римское войско стояло въ провинціи, какъ кажется, лишь для того, чтобы смотрѣть, какъ горные жители и сосѣдніе народы будутъ брать контрибуцію съ мирныхъ подданныхъ Рима. — Подобныя нападенія не могли, конечно, подвергать опасности могущество Рима, а что касается стыда, то на это давно не обращалось болѣе вниманія; но какъ разъ въ это время, по ту сторону Дуная, въ обширныхъ степяхъ Дакіи, начиналъ слагаться въ государство народъ, который, казалось, долженъ былъ играть въ исторіи другую роль, чѣмъ Бессы и Дентелеты. Въ древнія времена у Гетовъ или Даковъ рядомъ съ царемъ народа выступилъ святой человѣкъ, по имени Залмоксидъ, который, изучивъ во время долгихъ странствій на чужбинѣ, неисповѣдимые пути и чудеса боговъ и въ особенности премудрость египетскихъ жрецовъ и греческихъ пиѳагорейцевъ, вернулся на родину, чтобы закончить свою жизнь въ пещерѣ «святой горы», какъ набожный пустынникъ. Онъ былъ доступенъ одному только царю и его служителямъ и при каждомъ важномъ начинаніи изрекалъ для него, а чрезъ него и для народа, свои оракулы. Его соотечественники смотрѣли на него сначала, какъ на жреца высшаго божества, а потомъ какъ на самого бога, подобно тому какъ говорится о Моисеѣ и Ааронѣ, что Богъ назначилъ Аарона пророкомъ, а богомъ пророку поставилъ Моисея. Изъ этого возникло постоянное учрежденіе: по опредѣленію закона, рядомъ съ царемъ Гетовъ стояло такое лицо, изъ устъ котораго исходили (или, по крайней мѣрѣ, это такъ казалось) всѣ повелѣнія царя. Это своеобразное учрежденіе, гдѣ теократическая идея сдѣлалась подвластною абсолютной повидимому царской власти, могло дать гетскимъ царямъ такое положеніе относительно ихъ подданныхъ, какое занимали развѣ калифы относительно Арабовъ; и, какъ послѣдствіе этого, является странная религіозно-политическая реформа націи, которую произвели въ эту эпоху гетскій царь Бэребистъ и богъ Декэней. Народъ, доведенный безпримѣрнымъ хищеніемъ до полнѣйшаго нравственнаго и государственнаго разложенія, какъ-бы совершенно преобразился подъ вліяніемъ новаго евангелія, проповѣдывавшаго умѣренность и мужество; опираясь на свои, такъ сказать, пуритански-дисциплинированные и вдохновенные отряды, царь Бэребистъ осно-

валъ въ теченіе немногихъ лѣтъ могущественное государство, разстилавшееся по обоимъ берегамъ Дуная далеко вглубь Ѳракіи, Иллиріи и норической страны. Непосредственнаго соприкосновенія съ Римлянами у него еще не было и никто не могъ сказать, что сдѣлается изъ этого страннаго государства, напоминавшаго начало ислама, но одно можно было предсказать, даже не будучи пророкомъ,—не такіе проконсулы, какъ Антоній и Пизонъ, въ состояніи были бороться съ богами.

ГЛАВА VIII.

Совмѣстное господство Помпея и Цезаря.

Помпей и Цезарь. Изъ числа вождей демократіи, которые со времени консульства Цезаря какъ-бы оффиціально признавались совмѣстными властителями надъ государствомъ, правящими «тріумвирами», первое мѣсто несомнѣнно принадлежало, по общему мнѣнію, Помпею. Его оптиматы прозвали «доморощеннымъ диктаторомъ», передъ нимъ Цицеронъ, хотя и понапрасну, преклонилъ колѣно; противъ него были направлены наиболѣе рѣзкіе сарказмы — на уличныхъ плакардахъ Бибула, ядовитѣйшія стрѣлы — въ салонныхъ рѣчахъ оппозиціи. Все это было въ порядкѣ вещей. Судя по очевиднымъ фактамъ, Помпей былъ безспорно первымъ полководцемъ своего времени, Цезарь—искуснымъ вождемъ партіи и ораторомъ, обладавшимъ несомнѣнными талантами, но столь-же очевидно одареннымъ отнюдь не воинственными, чуть не женскими свойствами. Такіе отзывы объ нихъ были давно въ ходу; нельзя было ожидать отъ знатной толпы, чтобъ она подумала о самой сущности вещей и забыла извѣстныя всѣмъ пошловатыя выходки изъ-за вовсе не эффектныхъ подвиговъ на берегахъ Тахо. Въ глазахъ всѣхъ Цезарю принадлежала въ данномъ союзѣ лишь роль адъютанта, помощника, который исполняетъ для своего главнаго начальника то, что Флавій, Афраній и другіе, менѣе способные клевреты, тщетно пытались выполнить. Даже его дѣйствія во время намѣстничества повидимому не измѣнили этого положенія дѣлъ. Весьма схожую роль принялъ на себя незадолго передъ тѣмъ Афраній, не пріобрѣтя вслѣдствіе того особенно важнаго значенія; въ послѣдніе годы часто случалось, что многія провинціи подчинялись намѣстнику, и нерѣдко гораздо болѣе четырехъ легіоновъ соединялись подъ однимъ начальствомъ; такъ какъ по ту сторону Альпъ все снова стало спокойно и Аріовистъ былъ признанъ Римлянами дружественнымъ сосѣдомъ, то въ виду и не было вовсе возможности начать какую либо важную войну. Сравненіе того положенія, которое для Помпея создалъ га-

біно-маниліевъ законъ, а для Цезаря законъ Ватинія, било въ глаза, — но оно было не въ пользу Цезаря. Помпей повелѣвалъ почти надъ всѣмъ римскимъ государствомъ, Цезарь же надъ двумя провинціями. Въ почти безотчетномъ распоряженіи Помпея находились и войска и казна государства; Цезарь-же располагалъ лишь назначенными ему суммами и войскомъ въ 24,000 человѣкъ. Помпею было предоставлено самому опредѣлить время его удаленія отъ дѣлъ; власть же Цезаря была обезпечена за нимъ, правда, надолго, но все же на опредѣленный срокъ. Наконецъ Помпею было поручено выполненіе важнѣйшихъ начинаній и на морѣ и на сушѣ, Цезарь же былъ посланъ на сѣверъ для того, чтобы изъ Верхней Италіи наблюдать за столицей и заботиться о томъ, чтобъ Помпей могъ спокойно властвовать надъ ней.

Помпей и столица.

Когда Помпей, по волѣ коалиціи, сталъ повелителемъ столицы, онъ принялъ тѣмъ на себя дѣло, превышавшее его силы. По части правленія Помпей понималъ лишь то, что укладывалось въ понятіе о воинскомъ приказѣ или лозунгѣ. Волны столичнаго движенія носили въ себѣ зародыши будущихъ революцій и остатки прежнихъ; управлять безъ помощи вооруженной силы этимъ городомъ, во всѣхъ отношеніяхъ напоминающимъ Парижъ девятнадцатаго вѣка, было задачей безконечно трудной, а для такого угловатаго и надутаго образцоваго солдата даже неразрѣшимой. Весьма скоро онъ дошелъ до того, что враги и друзья, одинаково неудобные для него, могли въ ущербъ ему дѣлать все, что имъ хотѣлось; послѣ отъѣзда Цезаря изъ Рима коалиція, правда, властвовала еще надъ судьбами вселенной, но не надъ улицами столицы. Точно также и сенатъ, которому все еще номинально принадлежала нѣкоторая роль въ правленіи, предоставлялъ дѣламъ въ столицѣ идти, какъ они хотѣли и могли; онъ дѣлалъ это частью потому, что та фракція этого учрежденія, которая повиновалась коалиціи, не имѣла отъ своихъ властителей никакихъ инструкцій, частью потому, что недовольная оппозиція изъ равнодушія или пессимизма отстранилась, главнымъ-же образомъ потому, что все это высокородное собраніе начинало если не понимать, то уже чувствовать свое полнѣйшее безсиліе. Такимъ образомъ въ данную минуту въ Римѣ не было нигдѣ противодѣйствующей силы какого-бы то ни было правительства, не было никакого настоящаго авторитета. Тянулось междуцарствіе между уничтоженнымъ аристократическимъ правленіемъ и начинавшимся военнымъ владычествомъ; и если римскій государственный организмъ яснѣе и нормальнѣе, чѣмъ какое-либо другое политическое тѣло въ древности или въ новое время, разработалъ всѣ разнообразнѣйшія политическія функціи и организаціи, то въ немъ и политическое разложеніе, анархія, выступаетъ въ незавидныхъ и рѣзкихъ чертахъ. По рѣдкому стеченію обстоятельствъ, въ тѣ са-

мые годы, когда по ту сторону Альпъ Цезарь совершилъ дѣло вѣковѣчной важности, въ Римѣ выполнялся одинъ изъ безумнѣйшихъ политическихъ фарсовъ, когда либо появлявшихся на сценѣ всемірной исторіи. Новый правитель народнаго государства не управлялъ вовсе, но заперся въ своемъ домѣ и втихомолку ворчалъ. Прежнее, наполовину отрѣшенное правительство точно также не управляло, но предавалось вздохамъ, то поодиночкѣ въ семейныхъ собраніяхъ на виллахъ, то хоромъ въ куріи. Часть гражданъ, которой еще дорога была свобода и порядокъ, была пресыщена дикимъ этимъ броженіемъ, но, совершенно лишенная руководства и совѣта, коснѣла въ отрицающей пассивности и избѣгала нетолько всякой политической дѣятельности, но, насколько это было возможно, чуждалась политическаго водоворота. Напротивъ того, пестрый уличный сбродъ никогда не переживалъ такой отличной поры, не имѣлъ такихъ веселыхъ сходокъ. Имя всѣмъ маленькимъ великимъ людямъ стало легіонъ. Демагогія совершенно превратилась въ ремесло, для котораго не было недостатка и въ ремесленныхъ орудіяхъ: то были, наприм., потертый плащъ, дико отрощенная борода, длинные развивающіеся волосы, низкій басовой голосъ; и нерѣдко такое ремесло было настоящимъ золотымъ дномъ. Для обычныхъ представленій съ народнымъ ревомъ были наготовѣ испытаннѣйшія глотки театральнаго персонала *); Греки и Евреи, вольноотпущенники и рабы были на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ постоянными посѣтителями и здоровенными крикунами; даже когда дѣло доходило до голосованія, часто лишь незначительное число вотирующихъ состояло изъ гражданъ, законно владѣвшихъ правомъ голоса. «Вскорѣ, говорится въ одномъ современномъ письмѣ, мы можемъ ожидать, что наши слуги будутъ вотировать уничтоженіе пошлины за отпускъ на волю». Настоящую силу въ данную минуту представляли собой тѣсно замкнутыя и вооруженныя шайки, сформированные знатными авантюристами изъ привычныхъ къ борьбѣ рабовъ и бродягъ отряды анархіи. Ихъ вожди и до этого времени большею частью принадлежали къ партіи народниковъ; но со времени удаленія Цезаря, который одинъ только и умѣлъ импонировать демократіи и руководить ею, въ ней изсчезло всякое подобіе дисциплины, и каждый членъ партіи слѣдовалъ своей собственной политикѣ. Всего охотнѣе люди эти, конечно, и теперь еще готовы были бороться подъ знаменемъ свободы; но, строго говоря, ихъ настроеніе не было ни сочувственно демократизму, ни враждебно ему,—они ставили на своемъ знамени, сдѣлавшемся для нихъ необходимымъ, какъ приходилось, то народное благо, то интересы сената, то имя какого нибудь главы партіи. Такъ Клодій послѣдовательно боролся (или только притворялся бор-

Анархисты.

*) Это значило cantorum convicio contiones celebrare (Цип., pro Sest., 55, 118).

цомъ) за господствующую демократію, за сенатъ и за Красса. Вожди шайки лишь въ томъ оставались вѣрны принятому оттѣнку, что неумолимо преслѣдовали своихъ личныхъ враговъ,—Клодій Цицерона, Милонъ—Клодія, тогда какъ извѣстное положеніе партіи служило имъ только лишнимъ удобнымъ ходомъ въ этихъ личныхъ ссорахъ. Столь-же легко было-бы положить какую нибудь какофонію на ноты, какъ передать исторію этого политическаго сумбура; да и нѣтъ никакого интереса перечислять всѣ убійства, осады домовъ, поджоги и другія сцены разбоя, разыгрывавшіяся на улицахъ мірового города, и вычислять, какъ часто продѣлана была вся лѣствица, ведущая отъ свиста и криковъ къ оплеванію и топтанью ногами и затѣмъ къ бросанію камней и звону мечей.

Первенствующимъ актеромъ въ этомъ политическомъ балаганѣ былъ тотъ самый Публій Клодій, котораго, какъ это уже было говорено, властители выдвигали противъ Катона и Цицерона. Предоставленный самому себѣ, этотъ вліятельнѣйшій, даровитый, энергическій и въ своемъ ремеслѣ дѣйствительно образцовый защитникъ партіи, будучи народнымъ трибуномъ (696), слѣдовалъ крайней демократической политикѣ, раздавалъ рожь горожанамъ безплатно, ограничилъ право цензоровъ предавать порицанію безнравственныхъ гражданъ, запретилъ чиновникамъ стѣснять религіозными формальностями ходъ комиціальной машины, устранилъ ограниченія, которыя незадолго передъ тѣмъ (690) для парализованія распространенія шаекъ были введены въ право низшихъ классовъ составлять ассоціаціи, и возстановилъ тогда же закрытые «уличные клубы» (collegia compitalicia), которые представляли собою ничто иное, какъ распредѣленную по улицамъ и почти на военный ладъ дѣлившуюся организацію всего свободнаго или невольничьяго пролетаріата столицы. Когда къ тому-же дальнѣйшій законъ, который также проектировалъ Клодій, думая внести его въ качествѣ претора въ 702 году, предоставилъ вольноотпущеннымъ и рабамъ, фактически обладавшимъ свободой, одинаковыя права съ свободными гражданами,—виновникъ всѣхъ этихъ смѣлыхъ улучшеній конституціи могъ объявить свой трудъ законченнымъ и, точно новый Нума въ сферѣ свободы и равенства, могъ пригласить дорогую ему чернь въ воздвигнутый имъ на мѣстѣ одного изъ пожарищъ на Палатинскомъ холмѣ храмъ, на празднованіе тысячелѣтней годовщины демократіи, гдѣ роль верховнаго жреца должна была принадлежать ему. Понятно, что эти либеральныя стремленія не исключали спекуляцій народными постановленіями; подобно Цезарю, и его жалкое подобіе имѣло въ своемъ распоряженіи для приманки согражданъ намѣстничества и другія крупныя и мелкія должности, для покоренныхъ-же царей и городовъ право самостоятельной власти. **Клодій.**

Помпей видѣлъ все это, но не хотѣлъ и пошевельнуться. Если онъ **Раздоръ.**

Помпея съ Клодіемъ. самъ не чувствовалъ, какъ сильно онъ этимъ компрометтируетъ себя, то его противникъ хорошо понималъ это. Клодій былъ такъ дерзокъ, что по весьма незначительному вопросу объ обратной высылкѣ плѣннаго армянскаго царевича, онъ почти вступилъ въ открытую ссору съ правителемъ Рима; вскорѣ разладъ перешелъ въ настоящую борьбу, которая выяснила полную безпомощность Помпея. Глава государства умѣлъ только отвѣчать вождю партіи его же собственнымъ оружіемъ, но дѣлалъ это гораздо менѣе искусно. Если Клодій придирался къ нему изъ-за армянскаго принца, то и онъ въ свою очередь разсердилъ его тѣмъ, что вернулъ наиболѣе ненавистнаго Клодію человѣка, Цицерона, изъ изгнанія, присужденнаго ему Клодіемъ,— и этимъ путемъ такъ хорошо достигъ цѣли, что превратилъ противника въ непримиримаго врага. Если Клодій съ своими шайками дѣлалъ небезопасными улицы столицы, то и побѣдоносный полководецъ точно также посылалъ маршировать по улицамъ рабовъ и гладіаторовъ,—и въ этихъ затѣяхъ, понятно, генералъ принужденъ былъ уступать демагогу, бывалъ разбитъ въ уличныхъ схваткахъ, и Клодій вмѣстѣ съ своимъ клевретомъ, Гаемъ Катономъ, почти постоянно держалъ его въ осадномъ положеніи въ его-же саду. Не менѣе замѣчательной подробностью въ этомъ оригинальномъ представленіи является то, что во время своего раздора, и правитель, и авантюристъ, оба, перегоняя другъ друга, заискивали расположеніе свергнутаго правительства. Помпей допустилъ возвращеніе Цицерона отчасти изъ угожденія сенату, Клодій-же, напротивъ того объявилъ упраздненными юліевы законы и поручилъ Марку Бибулу всенародно подтвердить, что принятіе ихъ было противно конституціи!—Изъ этого броженія темныхъ страстей, конечно, не могло выйти никакого положительнаго результата; его отличительной чертой служила именно возмутительно-смѣшная его безцѣльность. Даже такой геніальный человѣкъ, какъ Цезарь, долженъ былъ на дѣлѣ увидать, что демократическое движеніе совершенно обветшало, и что путь къ престолу уже не велъ болѣе сквозь ряды демагогіи. Когда и теперь еще, въ переходную пору между республикой и монархіей, какой нибудь не по разуму рьяный малый отваживался еще разъ пощеголять мантіей и посохомъ пророковъ, оставленными въ покоѣ даже самимъ Цезаремъ, и великіе идеалы Гая Гракха, искаженные до пародіи, снова выступали на сцену, то все это было только историческимъ анахронизмомъ; кучка людей, отъ которой исходила эта демократическая агитація, такъ мало походила на партію, что впослѣдствіи, въ минуту рѣшительной борьбы, ей не выпало даже ни малѣйшей роли. Нельзя даже утверждать, чтобъ вслѣдствіе этого анархическаго положенія дѣлъ живо пробудилось въ умахъ политически-индифферентныхъ гражданъ желаніе добиться образованія сильнаго правительства, опирающагося на войско. Не говоря уже о томъ, что эту

нейтральную часть граждан главным образом приходилось искать внѣ Рима и что таким образом она не соприкасалась съ столичной кутерьмой,—тѣ люди, на которыхъ вообще могутъ дѣйствовать подобные мотивы, были еще раннимъ опытомъ, и именно примѣромъ заговора Катилины, пріучены поклоняться принципу сильной власти; на настоящихъ же трусовъ боязнь тяжкаго кризиса, неразлучнаго съ низверженіемъ конституціи, дѣйствовала гораздо сильнѣе, чѣмъ опасеніе, что столичная анархія, вообще весьма поверхностная, можетъ затянуться. Единственнымъ результатомъ ея, имѣющимъ цѣну для исторіи, было томительное положеніе, созданное для Помпея нападками клодіевыхъ сторонниковъ и еще ухудшенное дальнѣйшими его дѣйствіями.

Отношеніе Помпея къ гальскимъ побѣдамъ Цезаря.

Какъ ни мало цѣнилъ и понималъ Помпей преимущества иниціативы, измѣненіе его отношеній, какъ къ Клодію, такъ и къ Цезарю, побудило его на этотъ разъ выйти изъ прежней пассивности. Непріятное и позорное положеніе, въ которое его поставилъ Клодій, должно было подъ конецъ воспламенить и его лѣнивую натуру гнѣвомъ и ненавистью. Но гораздо важнѣе было превращеніе, происшедшее въ отношеніяхъ его къ Цезарю. Если изъ обоихъ властителей-союзниковъ Помпей оказался совершенно несостоятельнымъ въ принятой имъ на себя дѣятельности, то Цезарь сумѣлъ сдѣлать изъ предоставленной ему власти нѣчто новое, что далеко превышало всѣ разсчеты и всѣ опасенія. Не заботясь объ испрашиваніи разрѣшенія, Цезарь удвоилъ свою армію посредствомъ наборовъ въ своей южной провинціи, преимущественно заселенной римскими гражданами,—вмѣсто того, чтобъ изъ сѣверной Италіи оберегать Римъ, онъ съ этимъ войскомъ перешелъ Альпы, подавилъ въ самомъ зародышѣ новый кимврскій набѣгъ и въ теченіе двухъ лѣтъ (696, 697) прошелъ съ римскими войсками до Рейна и канала. Въ виду такихъ фактовъ даже аристократическая тактика игнорированія и умаленія чужихъ успѣховъ становилась безсильною. Человѣкъ, котораго бывало обзывали нѣженкой, сталъ теперь настоящимъ кумиромъ войска, прославленнымъ, увѣнчаннымъ побѣдами героемъ, чьи свѣжіе лавры затмѣвали увядшіе лавры Помпея, такимъ героемъ, которому наконецъ и сенатъ воздалъ обычныя послѣ счастливыхъ походовъ почести еще въ 697 году, въ гораздо болѣе величественныхъ размѣрахъ, чѣмъ онѣ когда-либо доставались въ удѣлъ Помпею. Помпей занялъ по отношенію къ своему прежнему адъютанту совершенно тоже положеніе, какое этотъ послѣдній послѣ принятія габино-манилієвыхъ законовъ занималъ по отношенію къ нему. Теперь Цезарь былъ героемъ дня и повелителемъ могущественнѣйшей римской арміи,—Помпей-же являлся лишь нѣкогда знаменитымъ отставнымъ полководцемъ. Между тестемъ и зятемъ дѣло еще, правда, не доходило до столкновенія, и добрыя отношенія ихъ, судя по внѣш-

ности, не были ничѣмъ затронуты,—но каждый политическій союзъ неминуемо подвергается внутреннему разложенію, какъ только роль и сила его участниковъ существенно переставливаются. Если ссора съ Клодіемъ была только досадка, за то въ измѣненномъ положеніи Цезаря скрывалась серьозная опасность для Помпея; какъ старался это сдѣлалъ нѣкогда Цезарь со своими союзниками противъ него, такъ теперь самъ Помпей вынужденъ былъ для успѣха дѣйствій противъ Цезаря искать опоры въ военной силѣ и, отлагая въ сторону свое горделивое безвластіе, выступить въ качествѣ претендента на какой-нибудь чрезвычайный полномочный постъ, который далъ бы ему возможность оставаться наряду съ намѣстникомъ обѣихъ Галлій съ равною ему, если не бо́льшею, властью. Какъ его положеніе, такъ и его тактика были совершенно тѣ же, что и у Цезаря во время войны съ Митридатомъ. Чтобъ уравновѣсить значеніе превосходившаго его силами, но еще отдаленнаго противника пріобрѣтеніемъ равносильной должности, Помпей нуждался прежде всего въ содѣйствіи оффиціальной правительственной машины. За полтора года передъ тѣмъ она безусловно была въ его распоряженіи. Властители господствовали тогда надъ государствомъ какъ при посредствѣ комицій, которыя имъ, какъ настоящимъ хозяевамъ, безпрекословно повиновались, такъ и при помощи энергически запуганнаго Цезаремъ сената. Какъ представитель коалиціи въ Римѣ и какъ завѣдомый вождь ея, Помпей могъ-бы несомнѣнно добиться и отъ гражданъ и отъ сената принятія любого постановленія, которое ему нужно было, даже еслибъ оно было въ ущербъ интересамъ Цезаря. Но вслѣдствіе неумѣлой ссоры съ Клодіемъ Помпей лишился господства надъ римскими улицами и уже не могъ надѣяться провести благопріятное ему предложеніе въ народномъ собраніи. Не совсѣмъ такъ враждебно ему было положеніе дѣлъ въ сенатѣ, но и тутъ было сомнительно, чтобъ Помпей послѣ такой долгой и опасной пассивности могъ еще такъ крѣпко удержать въ своихъ рукахъ управленіе большинствомъ, чтобъ добиться такого постановленія, какое ему было нужно.

Республиканская оппозиція въ обществѣ. Попытки властителей ослабить ее.

Но и само положеніе сената, или скорѣе дворянства вообще, стало тѣмъ временемъ совсѣмъ иное. Въ самомъ своемъ униженіи оно почерпало свѣжія силы. Во время коалиціи 694 года обнаружилось многое такое, что еще совсѣмъ не годно было выступать на свѣтъ Божій. Ссылка Катона и Цицерона, которую общественное мнѣніе, несмотря на сдержанность властителей и старанія показать даже, будто они очень сожалѣютъ объ ней, съ непогрѣшимой вѣрностью приписывало настоящимъ ея виновникамъ, и родственныя отношенія между Цезаремъ и Помпеемъ слишкомъ напоминали монархическіе декреты объ изгнаніяхъ и фамильные союзы. Точно также и масса публики, державшаяся въ сторонѣ отъ политическихъ событій, вни-

мательно приглядывалась къ выступавшимъ все явственнѣе основамъ будущей монархіи. Съ той минуты, когда общество поняло, что Цезарь добивается не какого-нибудь только измѣненія республиканскаго порядка, но что для республики дѣло идетъ о жизни или смерти, цѣлая масса лучшихъ людей, до того времени причислявшихъ себя къ партіи народниковъ, почитая Цезаря своимъ главой, должна была неминуемо перейти на противоположную сторону. Уже не въ однихъ лишь салонахъ и виллахъ правившей аристократіи слышались толки о «трехъ династахъ», о «треглавомъ чудовищѣ». Консульскимъ рѣчамъ Цезаря внимала густо скоплявшаяся толпа, но изъ ея среды не раздавалось ни возгласовъ, ни выраженій сочувствія; ничья рука не трогалась для апплодисмента, когда демократическій консулъ показывался въ театрѣ. За то слышался свистъ, когда публично появлялся кто-нибудь изъ клевретовъ властителей, и даже почтенные люди принимались рукоплескать, когда актеръ произносилъ анти-монархическое изреченіе или выходку противъ Помпея. Когда должна была произойти высылка Цицерона, значительное число гражданъ—будто-бы двадцать тысячъ—большею частью принадлежавшихъ къ среднему классу, надѣли по примѣру сената траурныя одежды. «Ничто теперь такъ не популярно», говорится въ одномъ современномъ письмѣ, «какъ ненависть къ партіи народниковъ».—Властители Рима тогда дали понять подъ рукой, что изъ-за этой оппозиціи всадники могутъ лишиться новыхъ своихъ отдѣльныхъ мѣстъ въ театрѣ, а простой народъ можетъ потерять свои хлѣбные раціоны; послѣ этого, хотя и не скрывая досады, недовольные стали осторожнѣе, но настроеніе осталось все таки неизмѣннымъ. Съ бóльшимъ успѣхомъ двинуто было въ ходъ могущественное орудіе матеріальныхъ интересовъ. Золото Цезаря разливалось цѣлыми волнами. Мнимо-богатые люди, обремененные разстроеннымъ состояніемъ, вліятельныя, но стѣсненныя деньгами дамы, задолжавшіе молодые дворяне, купцы и банкиры, запутавшіеся въ дѣлахъ, или отправлялись въ Галлію, чтобъ зачерпнуть изъ самаго источника, или обращались къ столичнымъ агентамъ Цезаря; и весьма рѣдко случалось, чтобъ приличный по внѣшности проситель (Цезарь избѣгалъ всякихъ сношеній съ совсѣмъ потерянной чернью) оставался неудовлетвореннымъ. Свою долю пользы приносили также громадныя постройки, которыя Цезарь возводилъ на свой счетъ въ столицѣ, и при которыхъ множество людей всѣхъ сословій, начиная съ консуларовъ до простыхъ носильщиковъ, получало возможность заработать деньги; тѣмъ-же подспорьемъ являлись и несмѣтныя суммы, употреблявшіяся на народныя увеселенія. Помпей поступалъ точно также, хотя въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ; ему столица была обязана возведеніемъ перваго каменнаго театра, и онъ отпраздновалъ его открытіе съ небывалымъ великолѣпіемъ. Что подобныя

щедрыя затраты до извѣстной степени примиряли многихъ оппозиціонно настроенныхъ гражданъ, особенно въ столицѣ, понятно само собой;—но столь-же несомнѣнно, что самые коренные слои оппозиціи оставались и теперь недоступными этой системѣ подкупа. Все яснѣе становилось, какъ глубоко укоренилась въ народѣ дѣйствовавшая конституція, какъ мало склонялись къ монархіи кружки, дальше стоявшіе отъ броженія партій, особенно-же населеніе провинціальныхъ городовъ,—и какъ мало они расположены были даже снести терпѣливо навязываемый имъ переворотъ.

Возрастающее значеніе сената.

Еслибъ Римъ обладалъ представительнымъ правленіемъ, то недовольство гражданъ получило-бы естественное выраженіе въ характерѣ выборовъ и, разъ высказавшись, все возрастало бы; при данныхъ-же обстоятельствахъ приверженцамъ конституціи оставалось только подчиниться руководству сената, который, несмотря на свое ослабленіе, все еще являлся представителемъ и защитникомъ законной республики. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ привело къ тому, что сенатъ именно теперь, когда онъ былъ низвергнутъ, увидѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе обширную и искреннѣе преданную ему армію, чѣмъ въ былое время, когда, могущественный и величавый, онъ самъ низвергалъ Гракховъ и, опираясь на мечъ Суллы, возрождалъ государство. Аристократія поняла это и снова пришла въ движеніе. Въ эту-то минуту Маркъ Цицеронъ, давъ обѣщаніе примкнуть въ сенатѣ къ послушной правительству партіи и не только не вдаваться ни въ какую оппозицію, но посильно дѣйствовать въ пользу властителей, получилъ отъ нихъ позволеніе вернуться. Хотя этимъ поступкомъ Помпей какъ будто невзначай сдѣлалъ уступку олигархіи и прежде всего разсчитывалъ съиграть ловкою шутку съ Клодіемъ, а затѣмъ пріобрѣсти въ говорливомъ консуларѣ пригодное орудіе, ставшее болѣе гибкимъ отъ полученныхъ имъ ударовъ, — тѣмъ не менѣе, это дало поводъ многимъ вспомнить, что если изгнаніе Цицерона было демонстраціей противъ сената, то его возвращеніемъ слѣдуетъ воспользоваться для республиканскихъ демонстрацій. Наиболѣе торжественнымъ способомъ, охраняемые впрочемъ отъ клодіевыхъ приверженцевъ шайкой Тита Аннія Милона, оба консула сдѣлали послѣ соотвѣтственнаго сенатскаго постановленія, предложеніе гражданамъ дозволить консулару Цицерону возвратиться, и сенатъ пригласилъ всѣхъ преданныхъ конституціи гражданъ непремѣнно прибыть на голосованіе. Дѣйствительно, въ день баллотировки (4 августа 697 г.) собралась въ Римъ, и именно изъ провинціальныхъ городовъ, небывалая масса почтенныхъ гражданъ. Проѣздъ консулара отъ Брундизіума до столицы подалъ поводъ къ цѣлому ряду такихъ-же не менѣе блестящихъ заявленій общественнаго мнѣнія. Новый союзъ сената съ вѣрно-конституціоннымъ гражданствомъ былъ публично заявленъ при этомъ случаѣ и

послѣднему былъ какъ-бы сдѣланъ при томъ смотръ, удивительно удачный исходъ котораго немало содѣйствовалъ поднятію упавшаго духа аристократіи. Безпомощность Помпея въ виду этихъ отважныхъ демонстрацій и недостойное, почти смѣшное положеніе, въ которое онъ сталъ по отношенію къ Клодію, лишили и его и коалицію прежняго кредита, и та часть сената, которая была предана ей, деморализованная рѣдкою неумѣлостью Помпея и предоставленная сама себѣ, не могла помѣшать республиканско-аристократической партіи снова пріобрѣсти полный перевѣсъ въ коллегіи. Новая игра, затѣянная этой партіей, въ данную минуту (697) далеко еще не могла быть названа рискованною, особенно въ рукахъ искуснаго и смѣлаго игрока. Она имѣла теперь то, чего ей недоставало уже въ теченіе цѣлаго столѣтія,—твердую опору въ народѣ; еслибъ она могла довѣриться ему и вѣрить притомъ въ свои собственныя силы, она могла-бы кратчайшимъ и самымъ почетнымъ путемъ достигнуть своей цѣли. Почему было не пойти противъ властителей, поднявъ забрало? Почему какой-нибудь именитый и рѣшительный человѣкъ, ставъ во главѣ сената, не упразднилъ чрезвычайной власти правителей, какъ незаконной, и не призвалъ всѣхъ республиканцевъ Италіи къ оружію противъ тирановъ и ихъ сообщниковъ? Этимъ путемъ можно было еще разъ возстановить господство сената. Республиканцы, конечно, затѣяли тутъ опасную игру, но, быть можетъ, и здѣсь, какъ это часто бываетъ, наиболѣе смѣлое рѣшеніе было-бы и самымъ мудрымъ. Но вялая аристократія въ ту пору едва-ли была еще способна на такое простое и смѣлое рѣшеніе. Былъ и другой путь, быть можетъ еще болѣе вѣрный, во всякомъ случаѣ сообразный съ свойствами и натурой этихъ приверженцевъ конституціи; они могли-бы стремиться къ тому, чтобъ разъединить обоихъ правителей и, опираясь на этотъ разладъ, достигнуть самимъ кормила правленія. Отношенія между людьми, господствовавшими надъ государствомъ, измѣнились и ослабѣли съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь горделиво выдвинулся наряду съ Помпеемъ и понудилъ его добиваться еще новой власти; было вѣроятно, что если ему удастся пріобрѣсти ее, то дѣло дойдетъ тѣмъ или другимъ образомъ до разрыва между ними и до борьбы. Если во время ея Помпей останется одинокимъ, то его пораженіе будетъ внѣ сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ конституціонная партія по окончаніи борьбы очутится только подвластною не двумъ, а одному повелителю. Если же дворянство употребитъ противъ Цезаря то же средство, опираясь на которое онъ самъ одерживалъ до сихъ поръ побѣды, и вступитъ въ союзъ съ его слабѣйшимъ соперникомъ, то съ такимъ полководцемъ, какъ Помпей, съ такой арміей, какъ партія конституціи, побѣда была по всей вѣроятности суждена ей; послѣ-же этой побѣды справиться съ Помпеемъ, ввиду новѣй-

шихъ доказательствъ его политической неумѣлости, не могло казаться слишкомъ трудной задачей.

Попытки Помпея добиться чрезвычайной власти при помощи сената. Завѣдываніе хлѣбнымъ продовольствіемъ.

Обстоятельства привели къ тому, что соглашеніе между Помпеемъ и республиканской партіей стало настоятельнымъ для обѣихъ сторонъ; вопросъ о томъ, должно ли состояться это сближеніе и, кромѣ того, какъ сложатся затѣмъ вполнѣ неясныя отношенія обоихъ правителей и аристократіи, долженъ былъ рѣшиться, когда осенью 697 года Помпей внесъ въ сенатъ предложеніе облечь его чрезвычайною правительственной властью. Онъ мотивировалъ свое домогательство тѣмъ же, на чемъ одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ основалъ свое могущество: онъ указалъ на цѣны на хлѣбъ въ столицѣ, которыя въ данную минуту, совсѣмъ такъ, какъ передъ закономъ Габинія, поднялись чрезмѣрно. Были ли онѣ искуственно подняты особыми махинаціями, виновникомъ которыхъ Клодій называлъ то Помпея, то Цицерона (тогда какъ они въ свою очередь кивали на него), рѣшить нельзя; безпрерывное пиратство, пустота государственной казны, небрежный и безпорядочный надзоръ правительства за подвозомъ ржи, даже и безъ всякаго политическаго умысла спекулировать хлѣбнымъ вопросомъ, были вполнѣ достаточны для того, чтобъ вызвать вздорожаніе хлѣба въ громадномъ городѣ, почти исключительно зависѣвшемъ отъ заморскаго привоза. Въ планъ Помпея входило получить отъ сената верховный надзоръ за хлѣбнымъ продовольствіемъ на всемъ протяженіи римскаго государства и съ этою цѣлью пріобрѣсти частью неограниченное распоряженіе государственной казною, частью же руководство войскомъ и флотомъ; власть его должна была простираться нетолько на все римское государство, но въ каждой провинціи ей должна была быть подчинена и власть намѣстника,—однимъ словомъ, онъ задумывалъ улучшенное изданіе габиніева закона, къ чему должно еще было столь же естественно примкнуть и главное руководство близкою тогда войною съ Египтомъ, подобно тому какъ походъ противъ Митридата слился съ усмиреніемъ пиратовъ. Какъ ни усилилась въ послѣдніе годы оппозиція противъ новыхъ династовъ, тѣмъ не менѣе, когда данный вопросъ поступилъ въ сентябрѣ 697 года на обсужденіе сената, большинство его еще находилось подъ гнетомъ возбужденнаго Цезаремъ ужаса. Послушно приняло оно это предложеніе въ принципѣ и именно по совѣту Марка Цицерона, который долженъ былъ въ этомъ дѣлѣ дать первое доказательство податливости, усвоенной имъ въ изгнаніи. Но при установленіи подробностей въ первоначальномъ планѣ, представленномъ народнымъ трибуномъ Гаемъ Мессіемъ, были сдѣланы существенныя урѣзки. Помпею не дано ни свободнаго распоряженія казной, ни собственныхъ легіоновъ и кораблей, ни власти надъ намѣстниками; удовольствовались тѣмъ, что для приведенія въ порядокъ столичнаго продо-

вольствія ему даны были на слѣдующія пять лѣтъ значительныя суммы, пятнадцать помощниковъ и по всѣмъ продовольственнымъ вопросамъ придана ему была полная проконсульская власть, причемъ этотъ декретъ долженъ былъ быть представленъ на утвержденіе гражданъ. Весьма разнообразны были причины, приведшія къ этому измѣненію первоначальнаго плана, равнявшемуся его отклоненію. Повліяло тутъ и нежеланіе раздражать Цезаря, нетолько сопоставить съ которымъ даже въ Галліи его товарища, но еще вознести его надъ нимъ должно было казаться опаснымъ для трусливѣйшихъ сенаторовъ; нерасположеніе республиканской оппозиціи въ сенатѣ къ каждому предложенію, существенно или даже въ принципѣ расширявшему власть правителей; наконецъ, и прежде всего, собственная неспособность Помпея, который, даже когда онъ долженъ былъ бы дѣйствовать, не могъ принудить себя къ дѣятельности, а напротивъ того, какъ всегда, прячась за свое инкогнито, оставлялъ достиженіе настоящей своей цѣли друзьямъ, объявляя съ извѣстной всѣмъ скромностью, что самъ онъ удовольствовался бы и меньшимъ. Неудивительно поэтому, что его поймали на словѣ и дали ему какъ можно меньше. Помпей несмотря на это былъ радъ и тому, что нашлась для него серьозная работа и въ особенности приличный предлогъ покинуть столицу; ему также удалось, хотя и не безъ того, чтобъ это тяжело отозвалось въ провинціяхъ, обезпечить имъ обильный и дешевый подвозъ. Но настоящей своей цѣли онъ все таки не достигъ; титулъ проконсула, который онъ имѣлъ право принимать во всѣхъ провинціяхъ, оставался пустымъ звукомъ, пока въ распоряженіи его не было собственныхъ войскъ.

Экспедиція въ Египетъ.

Въ этихъ видахъ онъ вскорѣ внесъ въ сенатъ второе предложеніе,—чтобъ ему поручено было возвратить на родину изгнаннаго царя египетскаго, въ крайнемъ случаѣ съ помощью оружія. Но чѣмъ яснѣе становилось, до какой степени онъ нуждался въ сенатѣ, тѣмъ неподатливѣе и невнимательнѣе встрѣчали сенаторы его домогательства. Прежде всего въ оракулахъ сивиллъ было разгадано, что противно было-бы божественному закону послать римское войско въ Египетъ,—и, опираясь на это, набожный сенатъ почти единогласно рѣшилъ воздержаться отъ вооруженнаго вмѣшательства. Помпей былъ въ такомъ униженномъ состояніи, что принялъ-бы на себя порученіе и безъ войска; но, подъ вліяніемъ неисправимой своей скрытности, онъ и это поручилъ лишь заявить своимъ друзьямъ, а самъ говорилъ и подавалъ голосъ за посылку другого сенатора. Понятно, что сенатъ отвергъ это предложеніе, которое святотатственно готово было подвергнуть опасности жизнь, столь драгоцѣнную для отечества, и заключительнымъ результатомъ этихъ безконечныхъ переговоровъ было рѣшеніе вовсе не вмѣшиваться въ египетскія дѣла (январь 698).

Попытка аристократической реставраціи. Нападки на законы Цезаря.

Эти частые отказы, которые Помпей встрѣчалъ со стороны сената и, что было еще хуже, долженъ былъ молча сносить, естественно являлись въ глазахъ массы публики,—откуда бы они ни исходили,—побѣдами республиканцевъ и пораженіями правителей; приливъ республиканской оппозиціи поэтому все усиливался. Уже выборы 698 года лишь отчасти были благопріятны династамъ: выставленные Цезаремъ кандидаты въ преторы, Публій Ватиній и Гай Альфій, не прошли, а напротивъ два объявленныхъ сторонника свергнутаго правительства, Гней Лентулъ Марцеллинъ и Гней Домицій Кальвинъ, были избраны, первый консуломъ, второй преторомъ. На 699 годъ выступилъ соискателемъ консульства даже Люцій Домицій Агенобарбъ, избранію котораго при его вліятельной роли въ столицѣ и громадномъ богатствѣ трудно было помѣшать,—про него-же извѣстно было, что онъ не удовольствуется скрытою оппозиціею. Комиціи такимъ образомъ выходили изъ повиновенія, и сенатъ вторилъ имъ. Онъ торжественно обсуждалъ заключеніе, данное по его требованію авторитетными этрусскими прорицателями по поводу нѣкоторыхъ знаменій и чудесныхъ явленій. Божественное откровеніе возвѣстило, что вслѣдствіе раздора въ средѣ высшихъ сословій вся власть надъ арміей и финансами грозитъ перейти къ одному властителю и что государство можетъ утратить свободу,—казалось, что боги именно намекали на предложеніе Гая Мессія. Вскорѣ затѣмъ республиканцы спустились изъ небесныхъ сферъ на землю. Законъ о капуанской территоріи и остальные законы, изданные Цезаремъ въ его консульство, всегда объявлялись ими недѣйствительными и еще въ декабрѣ 697 года въ сенатѣ заявлено было, что ихъ слѣдуетъ кассировать вслѣдствіе неправильности въ ихъ формѣ. 6-го Апрѣля 698 года консуларъ Цицеронъ въ полномъ собраніи сената предложилъ поставить на очередь 15 мая обсужденіе вопроса о раздачѣ земель въ Кампаніи. То было настоящее объявленіе войны; оно было тѣмъ знаменательнѣе, что исходило отъ одного изъ тѣхъ людей, которые только тогда обнаруживаютъ настоящій свой образъ мыслей, когда знаютъ, что могутъ сдѣлать это вполнѣ безопасно. Аристократія очевидно считала, что наступила уже минута для борьбы, но не вмѣстѣ съ Помпеемъ противъ Цезаря, но противъ тиранніи вообще. Что должно послѣдовать за этимъ, было легко отгадать. Домицій не скрывалъ, что онъ, ставъ консуломъ, намѣренъ немедленно предложить гражданамъ отозвать Цезаря изъ Галліи. Затѣвалась аристократическая реставрація; своими нападками по вопросу о капуанской колоніи дворянство бросило вызовъ правителямъ.

Съѣздъ соправителей въ Лукѣ. Замыслы Цезаря.

Хотя Цезарь получалъ изо дня въ день обстоятельныя донесенія о событіяхъ въ столицѣ и, когда военныя соображенія это сколько нибудь позволяли ему, слѣдилъ за ними еще ближе изъ своей южной провинціи, онъ все таки до данной минуты, по крайней мѣрѣ гласно,

не вмѣшивался въ нихъ. Но теперь объявляли войну ему, столько-же какъ и его товарищамъ, даже предпочтительно ему одному; онъ долженъ былъ начать дѣйствовать и сдѣлалъ это быстро. Онъ какъ разъ находился по близости; аристократія даже не сочла нужнымъ повременить съ разрывомъ, пока онъ снова не уйдетъ за Альпы. Въ началѣ апрѣля 698 г. Крассъ оставилъ столицу, чтобъ сговориться о необходимыхъ мѣрахъ съ болѣе могущественнымъ своимъ товарищемъ; онъ нашелъ Цезаря въ Равеннѣ. Оттуда они оба отправились въ Луку, и тутъ съ ними съѣхался и Помпей, который удалился изъ Рима вскорѣ послѣ Красса (11-го апрѣля), подъ предлогомъ отправки хлѣбныхъ транспортовъ изъ Сардиніи и Африки. Важнѣйшіе изъ приверженцевъ властителей, какъ напр. проконсулъ восточной Испаніи Метеллъ Непотъ, пропреторъ Сардиніи Аппій Клавдій, и многіе другіе послѣдовали за ними; сто-двадцать ликторовъ, болѣе двухсотъ сенаторовъ, насчитывалось на этомъ съѣздѣ, служившемъ въ противоположность республиканскому сенату, представителемъ новаго монархическаго сената. Во всѣхъ вопросахъ рѣшающее слово принадлежало Цезарю. Онъ воспользовался этимъ, для того чтобы возстановить и прочнѣе укрѣпить существовавшее уже совмѣстное правленіе, положивъ въ его основу болѣе равномѣрное распредѣленіе власти. Важнѣйшія въ военномъ отношеніи намѣстничества, сосѣднія съ обѣими Галліями, были уступлены обоимъ сотоварищамъ: намѣстничество въ обѣихъ Испаніяхъ Помпею, Крассу Сирійское,—и эти должности должны были быть обезпечены за ними народнымъ постановленіемъ на пять лѣтъ (700—704) и соотвѣтственнымъ образомъ обставлены въ военномъ и финансовомъ отношеніи. За это Цезарь выговорилъ себѣ продленіе полномочій, истекавшихъ въ концѣ 700 года, до 705 г., равно какъ и право увеличить свое войско до десяти легіоновъ и возложить уплату жалованья самовольно набраннымъ имъ войскамъ на государственную казну. Затѣмъ Помпею и Крассу было обезпечено вторичное консульство на слѣдующій (699) годъ, пока они еще не отправятся въ свои намѣстничества, тогда какъ Цезарь предоставлялъ себѣ тотчасъ-же послѣ окончанія срока своего намѣстничества въ 706 году, когда требуемый закономъ десятилѣтній промежутокъ между двумя консульствами истечетъ, вторично принять на себя высшую власть. Тотъ военный оплотъ, въ которомъ Помпей и Крассъ тѣмъ сильнѣе нуждались для приведенія столичныхъ дѣлъ въ порядокъ, что первоначально назначенныхъ для этого легіоновъ Цезаря нельзя уже было перевести изъ транзальпійской Галліи,—они нашли въ легіонахъ, которые они обязаны были набрать для испанской и сирійской армій, отправляя ихъ изъ Италіи на различныя мѣста ихъ назначенія лишь тогда, когда сами найдутъ это нужнымъ. Главнѣйшіе вопросы были такимъ образомъ рѣшены; второстепенныя

задачи, какъ напр. установленіе образа дѣйствій противъ столичной оппозиціи, составленіе списка кандидатуръ на слѣдующіе годы и т. д., заняли не особенно много времени. Личные счеты, мѣшавшіе соглашенію, были сглажены съ обычной легкостью великимъ мастеромъ по части посредничества, который принудилъ противоположнѣйшіе элементы сблизиться между собой. Между Помпеемъ и Крассомъ, по крайней мѣрѣ съ виду, было возстановлено товарищеское соглашеніе. Даже Публію Клодію было предписано держаться вмѣстѣ съ своей шайкой въ покоѣ и впредь не досаждать Помпею,—и это было однимъ изъ удивительнѣйшихъ чудесъ великаго магика.

Обстоятельства показываютъ, что все это разъясненіе очередныхъ вопросовъ состоялось не вслѣдствіе компромисса между самостоятельными и равноправно состязующимися властителями, но исключительно по доброй волѣ Цезаря. Роль Помпея въ Лукѣ напоминала томительное положеніе бѣглеца, лишеннаго власти и приходящаго просить помощи у своего противника. Цезарь могъ отвернуться отъ него и объявить коалицію уничтоженною или-же принять его радушно и дать союзу существовать и дальше,—Помпей такъ или иначе былъ политически уничтоженъ. Еслибъ онъ въ данномъ случаѣ не порвалъ съ Цезаремъ, то онъ сталъ-бы безсильнымъ клевретомъ своего союзника. Если-бъ, напротивъ, разрывъ этотъ могъ состояться и (что не было особенно вѣроятно) Помпей былъ бы въ состояніи осуществить коалицію съ аристократіею, то и этотъ вынужденный и заключенный лишь въ послѣднюю минуту союзъ противниковъ былъ такъ не опасенъ, что кажется сомнительнымъ, чтобъ Цезарь могъ сдѣлать извѣстныя уже намъ уступки изъ желанія отвратить его. Наконецъ серьозное соперничество съ Цезаремъ со стороны Красса было совершенно немыслимо. Трудно сказать, что могло принудить Цезаря безъ нужды отказаться отъ первенствующей роли и добровольно дать своему сопернику то, въ чемъ онъ ему отказалъ даже при заключеніи союза въ 694 г. и чего тотъ съ той поры тщетно добивался, помимо Цезаря, даже противъ его воли, какъ средства вредить ему,—вторичное консульство и военную власть. Конечно, не одинъ только Помпей поставленъ былъ во главѣ войска, но и старинный врагъ его и давній союзникъ Цезаря, Крассъ; несомнѣнно, Крассъ получилъ выдающееся положеніе въ арміи лишь въ качествѣ противовѣса новой власти Помпея. Но, несмотря на это, Цезарь утратилъ безконечно много, тогда какъ его соперникъ промѣнялъ свое прежнее безсиліе на важную роль. Быть можетъ, Цезарь еще не считалъ себя вполнѣ повелителемъ своихъ воиновъ, чтобъ съ полной увѣренностью повести ихъ въ борьбу съ оффиціальными властителями страны, и поэтому для него важно было не допускать своего отозванія изъ Галліи, что побудило-бы его тот-

часъ-же броситься въ междоусобную войну; но рѣшеніе вопроса, быть ли теперь междоусобіямъ или нѣтъ, зависѣло въ ту пору гораздо болѣе отъ столичной оппозиціи, чѣмъ отъ Помпея, и настоящею причиной того, что Цезарь не захотѣлъ открыто порвать съ Помпеемъ, чтобы тѣмъ не ободрить оппозицію, могло быть именно это соображеніе, —а не простое желаніе сдѣлать ему рядъ уступокъ. Могли тутъ вліять и чисто личные мотивы: быть можетъ, Цезарь вспомнилъ, какъ самъ нѣкогда стоялъ возлѣ Помпея въ такомъ-же безпомощномъ безвластіи и спасенъ былъ отъ погибели только его отступленіемъ, вызваннымъ, конечно, скорѣе слабостью его духа, чѣмъ великодушіемъ; вѣроятно, Цезарь страшился уязвить сердце своей любимой дочери, искренно любившей своего мужа,—его душа открыта была многимъ чувствованіямъ, кромѣ стремленій государственнаго человѣка. Но рѣшающей причиной были все таки виды относительно Галліи. Цезарь (наперекоръ его біографамъ) смотрѣлъ на покореніе Галліи не какъ на побочное предпріятіе, пригодное ему для пріобрѣтенія короны; въ его глазахъ отъ этого зависѣла внѣшняя безопасность и внутреннее возрожденіе отечества, словомъ— вся будущность его. Для того чтобъ безпрепятственно завершить это покореніе и не брать въ свои руки немедленно-же трудное дѣло распутыванія сложныхъ обстоятельствъ въ Италіи, онъ не раздумывая поступился превосходствомъ своимъ надъ соперникомъ и призналъ за Помпеемъ достаточно власти, чтобъ справиться съ сенатомъ и его приверженцами. Это было бы тяжкой политической ошибкой, — еслибы Цезарь не желалъ ничего иного, какъ только сдѣлаться возможно скорѣе царемъ римскимъ; но честолюбіе этой рѣдкой натуры не ограничивалось такой низменной цѣлью, какъ достиженіе короны. Онъ сознавалъ, что въ силахъ будетъ вести одновременно и закончить обѣ одинаково громадныя работы: регулированіе внутреннихъ дѣлъ Италіи, и пріобрѣтеніе и обезпеченіе новой и еще дѣвственной почвы для италійской цивилизаціи. Обѣ эти задачи, естественно, вредили одна другой; его галльскія завоеванія скорѣе мѣшали, чѣмъ содѣйствовали ему на пути къ престолу. Горькіе плоды принесъ ему замыселъ отсрочить до 706 г. италійскую революцію. которую онъ могъ бы провести въ 698 г. Но, какъ государственный человѣкъ и какъ полководецъ, Цезарь былъ точно смѣлый игрокъ, который, полагаясь на себя и презирая противниковъ, давалъ имъ всегда въ игрѣ впередъ, иногда даже дѣлая это совершенно неумѣренно.

Аристократія подчиняется.

Теперь аристократіи предстояло выказать на дѣлѣ свое вліяніе и такъ-же отважно повести борьбу, какъ отважно она объявила ее. Но нѣтъ плачевнѣе зрѣлища, чѣмъ состояніе трусливыхъ людей, когда они принуждены, на свою бѣду, принять энергическое рѣшеніе. Оказалось, что ни о чемъ впередъ не позаботились; никому какъ будто

не приходило въ голову, что Цезарь можетъ принять оборонительное положеніе, что наконецъ даже Помпей и Крассъ могутъ соединиться съ нимъ снова и тѣснѣе прежняго. Это кажется невѣроятнымъ; но это можно понять, когда приглядишься къ личностямъ, которыя въ то время руководили вѣрно-конституціонною оппозиціей въ сенатѣ. Катонъ находился еще въ отсутствіи *), вліятельнѣйшимъ членомъ сената былъ въ ту пору Маркъ Бибулъ, герой пассивной оппозиціи, упрямѣйшій и тупоумнѣйшій изъ всѣхъ консуларовъ. За оружіе взялись было, но какъ будто для того лишь, чтобъ тотчасъ и положить его, какъ только противникъ взялся за ножны меча; одной вѣсти о совѣщаніяхъ въ Лукѣ было достаточно, для того чтобы подавить всякую мысль о серьозной оппозиціи, и снова возвратить массу людей пугливыхъ, т. е. громадное большинство сената, къ ихъ вѣрноподданничеству, покинутому въ злосчастную минуту. О предположенномъ совѣщаніи по вопросу о легальности юліевыхъ законовъ не было болѣе рѣчи; содержаніе легіоновъ, самовольно организованныхъ Цезаремъ, было, по постановленію сената, возложено на государственную казну; попытки отнять у Цезаря при регулированіи ближайшихъ консульскихъ провинцій обѣ Галліи, или хотя бы даже одну, были отклонены большинствомъ (конецъ мая 698). Такимъ-то образомъ сенатская коллегія всенародно приносила покаяніе. Втайнѣ-же отдѣльныя личности, одна за другою, смертельно испугавшіяся своего вольномыслія, являлись мириться и обѣщать безусловное послушаніе. Никто такъ быстро не сдѣлалъ этого, какъ Маркъ Цицеронъ, который слишкомъ поздно раскаялся въ нарушеніи своего слова, и по отношенію къ своему недавнему прошлому награждалъ себя почетными прозвищами, которыя были скорѣе мѣтки, чѣмъ особенно лестны. **) Понятно, что соправители позволили упросить себя; никому не было отказано въ прощеніи, такъ какъ ни для кого не стоило даже дѣлать исключеній. Чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ вслѣдъ за извѣстіемъ о рѣшеніяхъ съѣзда въ Лукѣ настроеніе аристократическихъ сферъ внезапно измѣнилось, стоитъ сравнить выпущенныя не задолго передъ тѣмъ Цицерономъ брошюры съ тою палинодіей, которою онъ раз-

*) Катона еще не было въ Римѣ, когда Цицеронъ 11-го марта 698 г. говорилъ за Сестія (pro Sest., 28, 60) и когда, вслѣдствіе постановленій лукскаго съѣзда, шла рѣчь о Цезаревыхъ легіонахъ (Plut., Caes., 21); только во время преній въ началѣ 699 г. мы снова видимъ его тутъ за дѣломъ, и, такъ какъ онъ выѣхалъ зимою (Plut., Cato min., 38), то, стало быть, онъ вернулся въ Римъ въ концѣ 698 года. Онъ поэтому также не могъ въ февралѣ 698 года защищать Милона, — какъ это ошибочно полагаютъ на основаніи показаній Асконія (стр. 35, 53).

**) Me asinum germanum fuisse (ad Att., 4, 5, 3).

ливался теперь, чтобы, ради противоположности, оттѣнить свое раскаяніе и добрыя намѣренія *).

Правители могли теперь ввести въ италійскихъ дѣлахъ такой порядокъ, какой былъ для нихъ желателенъ, и притомъ они могли сдѣлать это основательнѣе, чѣмъ когда либо. Италія и столица получили теперь на дѣлѣ гарнизонъ, хотя и не созванный прямо подъ оружіе, и главой его сталъ одинъ изъ правителей. Изъ числа войскъ, набранныхъ Крассомъ и Помпеемъ для Сиріи и Испаніи, первыя дѣйствительно отправились на востокъ, но Помпей поручилъ подвластнымъ ему полководцамъ управлять обѣими испанскими провинціями съ помощью стоявшаго уже тамъ гарнизона, въ то время какъ уволилъ въ отпускъ воиновъ и офицеровъ новыхъ легіоновъ, набранныхъ будто бы для отсылки въ Испанію, и самъ остался съ ними въ Италіи. Противодѣйствіе общественнаго мнѣнія, правда, возрастало по мѣрѣ того, какъ масса все яснѣе начала понимать, что правители стремятся покончить съ старой конституціей, и возможно смягченными пріемами превратить существующія условія правительства и администраціи въ формы монархіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ повиновались, потому что иначе нельзя было дѣлать. Прежде всего важнѣйшіе вопросы и именно тѣ, которые относились къ военному дѣлу и внѣшнимъ сношеніямъ, не спросясь сената, разрѣшались то путемъ народнаго постановленія, то просто по усмотрѣнію правителей. Установленныя въ Лукѣ рѣшенія относительно высшей военной администраціи въ Галліи были прямо заявлены гражданамъ Крассомъ и Помпеемъ, относившіяся же къ Испаніи и Сиріи—народнымъ трибуномъ Гаемъ Требоніемъ; другія важныя намѣстничества также замѣщались часто по народному постановленію. Что властители вовсе не нуждались въ согласіи администраціи на увеличеніе ихъ войскъ, достаточно было выяснено на примѣрѣ Цезаря; такъ-же мало затруднялись они заимствовать другъ у друга войска, какъ прибѣгнулъ къ этой товарищеской помощи Цезарь у Помпея для галльской войны, Крассъ у Цезаря для войны пароянской. Съ Транспаданцами, которымъ присвоено было по существующему законодательству лишь латинское право, Цезарь во время своего управ-

Установленіе новаго монархическаго правительства.

*) Этотъ характеръ имѣетъ уцѣлѣвшая рѣчь по вопросу о провинціяхъ, назначавшихся консуламъ на 699 годъ. Она произнесена была въ концѣ мая 698 года; противоположность ей составляютъ рѣчи за Сестія и противъ Ватинія и по дѣлу объ отзывѣ, представленномъ этрусскими прорицателями, произнесенныя въ мартѣ и апрѣлѣ, — въ нихъ аристократизмъ превозносится изо всѣхъ силъ, а съ Цезаремъ ораторъ обходится весьма пренебрежительно. Можно только одобрить, что Цицеронъ, по его собственному признанію (ad Att., 4, 5, 1), постыдился прислать даже ближайшимъ своимъ друзьямъ этотъ документъ, свидѣтельствовавшій о возстановленіи его покорности.

ленія фактически обращался какъ съ полноправными римскими гражданами *); хотя въ другихъ случаяхъ для внутренняго устройства вновь пріобрѣтаемыхъ территорій учреждалась сенатская коммиссія, Цезарь организовалъ свои обширныя завоеванія въ Галліи совершенно по-своему усмотрѣнію и основалъ, напримѣръ, безъ всякаго особаго полномочія, колоніи гражданъ, именно Novum Comum (Комо) съ пятью тысячами колонистовъ. Пизонъ велъ ѳракійскую войну, Габиній египетскую, Крассъ пареянскую войну, не спрашиваясь у сената, даже не отдавая ему, по заведенному порядку, отчета; такимъ-же образомъ тріумфы и другія выраженія почестей разрѣшались, и выполнялись безъ всякаго почтенія къ сенату. Очевидно, тутъ сказывается не одно только пренебреженіе къ формальностямъ, которое тѣмъ необъяснимѣе было-бы, что въ большей части случаевъ нельзя было и ожидать противодѣйствія со стороны сената. Скорѣе всего замѣтенъ тутъ хорошо разсчитанный умыселъ вытѣснить сенатъ изъ военной сферы и изъ высшей политики и ограничить его участіе въ правленіи финансовыми вопросами и внутренними дѣлами;

*) Показаній объ этомъ нѣтъ. Но чтобъ Цезарь изъ латинскихъ общинъ т. е. изъ несравненно обширнѣйшей части своей провинціи вообще не набиралъ себѣ воиновъ, само по себѣ является невѣроятнымъ, и даже опровергается тѣмъ, что противная партія, какъ-бы умаляя значеніе набраннаго Цезаремъ войска, говоритъ, что солдаты „большею частью были родомъ изъ транспаданскихъ колоній" (Caesar, b. c., 3, 87); здѣсь очевидно разумѣются латинскія колоніи у Страбона (Ascon., in Pison., p. 3; Sueton., Caes., 8). Въ галльской арміи Цезаря мы не находимъ и слѣдовъ существованія латинскихъ когортъ; напротивъ того, по собственнымъ-же его точнымъ показаніямъ, рекруты, набранные имъ въ цизальпійской Галліи, были причисляемы къ легіонамъ или прямо включались въ нихъ. Быть можетъ, Цезарь соединялъ съ представленіемъ общиною рекрутовъ дарованіе ей гражданскихъ правъ, но гораздо вѣроятнѣе, что въ этомъ отношеніи онъ скорѣе твердо держался точки зрѣнія своей партіи, которая не столько старалась доставить Транспаданцамъ право римскаго гражданства, сколько считала это право уже принадлежащимъ имъ по закону; лишь такимъ путемъ могъ распространиться слухъ, будто Цезарь самъ ввелъ въ транспаданскихъ общинахъ римское муниципальное устройство (Циц., ad Att., 5, 3, 2. ad fam., 8, 1, 2). Такимъ же образомъ объясняется, почему Гирцій называетъ транспаданскіе города „колоніями римскихъ гражданъ" (b. д., 8, 24) и почему Цезарь относился къ основанной имъ колоніи „Comum", какъ къ колоніи гражданъ (Светоній, Caes., 28; Страбонъ, 5, 1, стр. 213; Плутархъ, Caes., 29), тогда какъ умѣренная партія аристократіи признавала за этой общиной лишь то-же право, какъ и за остальными транспаданскими общинами, именно право латинское, крайняя-же партія вообще отрицала законность дарованнаго переселенцамъ городового права, такъ что не признавала за жителями Кома и тѣхъ привилегій, которыя связаны были съ водвореніемъ латинскаго муниципальнаго устройства (Cic., ad Att., 5, 11, 2; Appian, b. c., 2, 26). Сравн. Hermes, 16, 30.

противники также понимали это и протестовали, насколько могли, сенатскими постановленіями и уголовными обвиненіями противъ этихъ дѣйствій властителя. Въ то время, какъ правители отстраняли такимъ образомъ сенатъ въ главномъ вопросѣ, они и теперь пользовались менѣе опасными народными собраніями,—были только приняты мѣры, чтобъ властители улицы не дѣлали болѣе никакихъ препятствій хозяевамъ государства; но во многихъ случаяхъ обходились и безъ этой пустой формальности и прибѣгали къ открыто автократическимъ пріемамъ.

Приниженный сенатъ принужденъ былъ, волей или неволей, свыкнуться съ своимъ положеніемъ. Вождемъ послушнаго большинства остался Маркъ Цицеронъ. Онъ былъ весьма пригоденъ благодаря своему адвокатскому умѣнью находить для всего причины или по крайней мѣрѣ подходящія слова; чисто цезаревскую иронію видимъ мы въ томъ, что тотъ самый человѣкъ, при помощи котораго аристократія большею частью производила бывало свои демонстраціи противъ правителей, употреблялся теперь какъ вожакъ раболѣпнаго послушанія. За то ему даровали прощеніе за его недолгія попытки идти противъ теченія, конечно, предварительно увѣрившись вполнѣ въ его покорности. Въ извѣстной степени какъ бы въ роли заложника, братъ его долженъ былъ принять мѣсто офицера въ галльской арміи; самого его Помпей заставилъ принять у себя званіе подчиненнаго военачальника, которое давало возможность каждую минуту благовидно выслать его. Клодію хотя и было внушено впредь оставить его въ покоѣ, но Цезарь столь же мало расположенъ былъ изъ-за Цицерона уничтожать Клодія, какъ губить и Цицерона въ угоду Клодію; въ главной квартирѣ при Самаробривѣ великій спаситель отечества вмѣстѣ съ неменѣе великимъ воителемъ свободы соперничали другъ съ другомъ, выстаивая въ передней; недоставало только римскаго Аристофана, чтобъ достойно изобразить ихъ въ этомъ положеніи. Но надъ головою Цицерона нетолько былъ постоянно занесенъ бичъ, который уже разъ такъ больно поразилъ его; на него наложены были также и золотыя оковы. При его чрезвычайно запутанныхъ финансахъ, ему чрезвычайно кстати были безпроцентныя ссуды Цезаря и соучастіе въ надзорѣ за употребленіемъ несмѣтныхъ суммъ на его постройкахъ, и иная безсмертная сенатская рѣчь его замирала на губахъ при мысли объ обязанностяхъ управителя дѣлами Цезаря, который по окончаніи засѣданія могъ предъявить къ уплатѣ свой вексель. Такимъ образомъ онъ обѣщалъ себѣ «впредь не спрашивать много о правѣ и чести, но стараться пріобрѣсти милость правителей» и «быть гибкимъ, какъ тонкій краешекъ уха». Поэтому его употребляли въ дѣло тамъ, гдѣ онъ оказывался способнымъ, пускали его въ ходъ какъ адвоката, при чемъ ему много разъ приходилось по приказу свыше защищать

Сенатъ подъ властью монархіи. Цицеронъ и большинство.

своихъ же лютѣйшихъ враговъ,—и въ особенности въ сенатѣ, гдѣ онъ почти постоянно служилъ органомъ династовъ и вносилъ предложенія, которымъ другіе сочувствовали, но не онъ самъ; какъ признанный вождь послушнаго большинства, онъ достигъ даже извѣстнаго политическаго значенія. Съ помощью такихъ же пріемовъ обращались и съ другими членами правящей коллегіи, доступными запугиванію, лести или золоту,—и такимъ образомъ удалось вообще удержать сенатъ въ повиновеніи.

Катонъ и меньшинство. Но все еще уцѣлѣла одна фракція противниковъ, которые по крайней мѣрѣ оставались вѣрными принятому имъ принципу, и которыхъ нельзя было ни запугать, ни склонить въ свою пользу. Властители убѣдились, что исключительныя мѣры, въ родѣ тѣхъ, которыя употреблены были противъ Катона и Цицерона, болѣе вредили, чѣмъ помогали дѣлу, и что лучше уже сносить неудобную республиканскую оппозицію, чѣмъ создавать изъ своихъ противниковъ мучениковъ за республику. Поэтому допустили Катону возвратиться (конецъ 698 г.) и снова, въ сенатѣ и на площади, часто съ опасностью жизни, вести оппозицію противъ правителей, которая, конечно, была весьма похвальна, но въ тоже время и очень смѣшна. Не помѣшали ему, по поводу предложеній Требонія, на площади снова довести дѣло до рукопашныхъ схватокъ, и въ сенатѣ внести предложеніе, за вѣроломныя дѣйствія проконсула Цезаря противъ Узипетовъ и Тенктеровъ, выдать его этимъ варварамъ. Стерпѣли, когда Маркъ Фавоній, игравшій при Катонѣ роль Санчо, послѣ рѣшенія сената принять содержаніе цезаревыхъ легіоновъ на государственный счетъ, бросился къ дверямъ куріи и возвѣстилъ уличной толпѣ объ опасности, грозящей отечеству: когда тотъ-же Фавоній въ своемъ обычномъ шутовскомъ тонѣ назвалъ бѣлую повязку, которую больной Помпей носилъ на ногѣ, разжалованной діадемой; когда консуларъ Лентулъ Марцеллинъ, въ отвѣтъ на рукоплесканія, посовѣтовалъ собранію старательно пользоваться отнынѣ этимъ правомъ выражать свое мнѣніе, такъ какъ это еще ему не запрещено; когда народный трибунъ Гай Атей Капитонъ по случаю отправленія Красса въ Сирію, предавалъ его по всѣмъ правиламъ тогдашняго богословія злымъ духамъ. Вообще все это были праздныя демонстраціи раздраженнаго меньшинства; но небольшая партія, изъ которой онѣ исходили, имѣла извѣстное значеніе, потому что она отчасти давала опору тайно бродившему въ массѣ духу республиканской оппозиціи, отчасти же порою увлекала сенатское большинство, въ основѣ питавшее такія-же чувства къ правителямъ, побуждая его принимать враждебныя имъ постановленія. Въ самомъ дѣлѣ, большинство чувствовало потребность хоть иногда, и во второстепенныхъ вопросахъ, давать волю скрытому недовольству и, какъ это бываетъ съ людьми вынужденно раболѣпствующими, срывать свое недовольство сильными врагами хоть на мелкихъ. Гдѣ

только можно было, агентамъ правителей подставляли ногу; такъ Габинію отказали въ просимомъ имъ декретѣ (698), такъ Пизонъ былъ отозванъ изъ провинціи, такъ сенатъ облекся въ трауръ, когда народный трибунъ Гай Катонъ долго препятствовалъ открытію выборовъ на 699 годъ, въ консульство Марцеллина, принадлежавшаго къ конституціонной партіи. Даже Цицеронъ, какъ ни покорно склонялся онъ всегда передъ властителями, пустилъ въ свѣтъ столь же завидную, какъ и безтактную брошюру противъ Цезаря. Но и эти оппозиціонныя выходки сенатскаго большинства, и безплодное противодѣйствіе меньшинства показываютъ тѣмъ яснѣе, что правленіе, нѣкогда перешедшее отъ гражданъ къ сенату, теперь перешло отъ него къ соправителямъ и что сенатъ представлялъ собою лишь монархическій государственный совѣтъ, употребляемый въ дѣло для подавленія элементовъ, враждебныхъ монархіи. «Ни одинъ человѣкъ», —жаловались сторонники свергнутаго правительства, — «ни одинъ человѣкъ не имѣетъ теперь никакого значенія, кромѣ трехъ правителей; они всемогущи и заботятся о томъ, чтобъ показать это всякому; весь сенатъ точно переродился и слушается приказа; наше поколѣніе не доживетъ до измѣненія къ лучшему». Да и на дѣлѣ не было болѣе республики,—всѣ жили подъ настоящимъ монархическимъ правленіемъ.

Продолжающаяся оппозиція при выборахъ.

Но, хотя правители неограниченно руководили государствомъ, все еще оставалась одна сфера политической жизни, въ извѣстной степени обособленная отъ правленія въ тѣсномъ смыслѣ, и такая, что ее легче было отстаивать и труднѣе отвоевать,—именно, выборы въ разныя должности и судъ присяжныхъ. Что послѣдніе не подчинялись непосредственно политикѣ, но вездѣ и особенно въ Римѣ, руководились духомъ, господствующимъ въ государствѣ,—это ясно само собой. Выборы должностныхъ лицъ во всякомъ случаѣ, по силѣ закона, относились къ сферѣ государственнаго управленія, но такъ какъ въ данную эпоху государство предпочтительно управлялось лицами, обладавшими чрезвычайными полномочіями или даже людьми безъ всякаго сана, и къ тому-же высшія должностныя лица, если они принадлежали къ противу-монархической партіи, не могли ощутительно вліять на правительственный механизмъ, то обыкновенныя должностныя лица постепенно нисходили до роли фигурантовъ, въ чемъ съ полнымъ основаніемъ признавались наиболѣе оппозиціонные изъ нихъ, называя себя безвластными ничтожествами,—и выборы ихъ стали лишь демонстраціями. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ оппозиція уже совершенно отстранена была съ настоящаго театра борьбы, еще можно было продолжать ее на выборахъ и процессахъ. Правители не жалѣли усилій, чтобъ и тутъ остаться побѣдителями. Относительно выборовъ они уже выработали между собой въ Лукѣ списки кандидатовъ на слѣдующіе годы и не оставили ни

одного средства неиспытаннымъ, чтобъ провести намѣченныхъ еще тамъ людей. Для цѣлей избирательной агитаціи они прежде всего затрачивали свои деньги. Ежегодно отпускалось изъ арміи Цезаря и Помпея большое число солдатъ въ отпускъ, для того чтобы въ Римѣ принять участіе въ голосованіи. Цезарь всегда старался, находясь въ Верхней Италіи, въ возможной близости отъ избирательнаго движенія, руководить имъ и охранять его. Несмотря на это, цѣль его была лишь отчасти достигнута. На 699 годъ, были правда, избраны въ консулы, сообразно уговору въ Лукѣ, Помпей и Крассъ, и единственный выдерживавшій роль кандидатъ оппозиціи, Люцій Домицій, устраненъ; но и это было достигнуто лишь благодаря открытому насилію, причемъ Катонъ былъ раненъ и разыгрались другія въ высшей степени непріятныя столкновенія. На слѣдующихъ консульскихъ выборахъ, на 700 годъ, вопреки всѣмъ усиліямъ правителей, былъ даже дѣйствительно выбранъ Домицій, и Катонъ одержалъ верхъ въ соисканіи на званіе претора, въ чемъ за годъ передъ тѣмъ, къ неудовольствію всѣхъ гражданъ, его оттѣснилъ кліентъ Цезаря, Ватиній. При выборахъ на 701 г. оппозиціи удалось въ ряду кандидатовъ съ такою достовѣрностью уличить клевретовъ правителей въ недостойнѣйшихъ избирательныхъ происках, что правители, на которыхъ падалъ весь скандалъ, не могли не отречься отъ нихъ. Эти, постоянно повторявшіяся и тяжкія, пораженія династовъ на избирательномъ поприщѣ могутъ быть приписаны отчасти и невозможности управлять заржавѣвшимъ механизмомъ, и трудности предугадать случайности выборовъ, и оппозиціонному настроенію среднихъ классовъ, и часто вмѣшивавшимся въ дѣло и парализовавшимъ отношенія партій личнымъ соображеніямъ,— но главная причина была иная. Выборы въ ту пору главнымъ образомъ находились въ рукахъ различныхъ клубовъ, въ которыхъ группировалась аристократія; система подкуповъ была въ нихъ организована въ обширныхъ размѣрахъ и чрезвычайно правильно. Такимъ образомъ та же аристократія, выразителемъ которой былъ сенатъ, господствовала и надъ выборами; но, если въ сенатѣ она съ ропотомъ уступала, то здѣсь, въ тайнѣ, не обязанная никому отчетомъ, она дѣйствовала и голосовала безусловно противъ правителей. Строгій законъ противъ клубныхъ избирательныхъ происковъ, который въ консульство Красса, въ 699 г., былъ по его желанію утвержденъ гражданами, ни въ чемъ не ослабилъ вліянія дворянства въ этой сферѣ,—это показали выборы въ слѣдующіе же годы, да оно и понятно было само по себѣ.

Оппозиція въ судѣ. Столь же значительныя затрудненія правители встрѣчали со стороны судовъ присяжныхъ. При тогдашнемъ ихъ составѣ рѣшающее значеніе, на ряду съ вліятельнымъ и тутъ сенатскимъ дворянствомъ, имѣлъ преимущественно средній классъ. Установленіе высокаго ценза

для присяжныхъ посредствомъ закона, предложеннаго Помпеемъ въ 699 г., является примѣчательнымъ доказательствомъ того, что главный центръ оппозиціи противъ правителей находился собственно въ среднемъ классѣ, и что высшій финансовый кругъ оказывался и тутъ, какъ и вездѣ, гораздо податливѣе. Тѣмъ не менѣе республиканская партія еще не утратила здѣсь почвы и неустанно преслѣдовала политико - уголовными обвиненіями, если не самихъ правителей, то важнѣйшихъ ихъ пособниковъ. Эта судебная война велась тѣмъ оживленнѣе, что по заведенному порядку дѣло обвиненія принадлежало сенатской молодежи, а между юношами, понятно, было болѣе республиканскихъ страстей, свѣжихъ дарованій и смѣлаго задора, чѣмъ въ средѣ болѣе пожилыхъ членовъ сословія. Судъ, во всякомъ случаѣ, не былъ свободенъ; когда правители принимались за дѣло серьозно, онъ такъ же мало, какъ и сенатъ, отваживался перечить имъ. Ни одинъ изъ противниковъ не вызывалъ противъ себя со стороны оппозиціи такого свирѣпаго преслѣдованія, почти перешедшаго въ пословицу, какъ Ватиній, наиболѣе дерзкій и необдуманный изъ всѣхъ ближайшихъ приверженцевъ Цезаря; но стоило его господину приказать, и во всѣхъ процессахъ Ватинія оправдывали. Въ то же время обвиненія людей, которые подобно Гаю Лицинію Кальву и Гаю Азинію Полліону, умѣли владѣть мечемъ діалектики и бичемъ насмѣшки, не оставались безплодными, даже когда терпѣли неудачу. Дѣло не обходилось и безъ одиночныхъ успѣховъ. По большей части, конечно, они одерживались надъ второстепенными личностями, но такимъ же образомъ былъ низвергнутъ и одинъ изъ наиболѣе выдававшихся и ненавистнѣйшихъ приверженцевъ династовъ, консуларъ Габиній. Несомнѣнно, что для дѣйствій противъ него непримиримая ненависть аристократіи, которая не могла ему простить ни закона о веденіи войны противъ пиратовъ, ни пренебрежительнаго отношенія къ сенату во время его намѣстничества въ Сиріи, соединилась съ негодованіемъ крупныхъ финансистовъ, въ ущербъ которымъ онъ въ Сиріи защищалъ интересы провинціаловъ, и даже съ неудовольствіемъ Красса, разсерженнаго придирками Габинія при передачѣ провинціи. Единственнымъ защитникомъ его отъ всѣхъ этихъ враговъ былъ Помпей, и въ интересахъ послѣдняго было во чтобы то ни стало отстаивать своего способнѣйшаго, отважнѣйшаго и вѣрнѣйшаго клеврета; но и здѣсь, какъ всегда, онъ не съумѣлъ воспользоваться своей властью и заступиться за своихъ кліентовъ такъ, какъ это дѣлалъ Цезарь. Въ концѣ 700 г. присяжные признали Габинія виновнымъ въ вымогательствахъ и отправили его въ изгнаніе.

Итакъ, вообще говоря, въ сферѣ народныхъ выборовъ и судовъ присяжныхъ, правителямъ выпадала незавидная роль. Дѣятелей, руководившихъ тутъ всѣмъ, не такъ легко было раскрыть и труд-

нѣе запутать или соблазнить чѣмъ нибудь, чѣмъ непосредственныхъ агентовъ правительства. Правители сталкивались тутъ, и особенно на выборахъ, съ напряженной силой замкнутой олигархіи, сгруппированной въ котеріи, съ которой нельзя было сладить, свергнувъ только ея правительство, и которую тѣмъ труднѣе сломить, чѣмъ сокровеннѣе она дѣйствуетъ. Они встрѣчались тутъ, и именно въ судахъ присяжныхъ, съ нерасположеніемъ среднихъ классовъ къ новому монархическому правленію, и такъ же мало могли устранить это недовольство и всѣ порождаемыя имъ затрудненія. Въ этой сферѣ они терпѣли рядъ неудачъ, изъ которыхъ избирательные успѣхи оппозиціи имѣли, конечно, лишь значеніе демонстрацій, такъ какъ правители въ состояніи были фактически устранить каждаго непріятнаго имъ чиновника; но оппозиціонныя уголовныя кары весьма ощутительно лишали ихъ пригодныхъ пособниковъ. При данномъ положеніи дѣлъ, правители не могли ни устранить народные выборы и суды присяжныхъ, ни доставить себѣ господство надъ ними, и оппозиція, какъ ни была она стѣснена въ этой области, въ значительной степени удерживала за собой поле битвы.

Оппозиціонная литература.

Еще труднѣе оказалось бороться съ оппозиціею на томъ поприщѣ, на которомъ она тѣмъ усерднѣе выступала, чѣмъ болѣе вытѣсняли ее изъ непосредственной политической дѣятельности. То была именно литература. Уже оппозиція въ судѣ была въ то же время, и даже предпочтительно, литературною, такъ какъ рѣчи постоянно обнародовались и служили политическими брошюрами. Еще быстрѣе и больнѣе уязвляли стрѣлы поэзіи. Оживленная и энергическая знатная молодежь, и, быть можетъ, превосходившій ее энергіей средній классъ въ провинціальныхъ городахъ Италіи съ успѣхомъ и ревностно вели войну памфлетами и эпиграммами. Совмѣстно боролись на этомъ поприщѣ знатный сынъ сенатора Гай Лицииій Кальвъ (672 г. до 706), котораго опасались какъ оратора и памфлетиста, и какъ искуснаго стихотворца,—и муниципалы изъ Кремоны и Вероны, Маркъ Фурій Бибакулъ (652—691) и Квинтъ Валерій Катуллъ (667—около 700), чьи изящныя и мѣткія эпиграммы съ быстротой молніи облетали всю Италію и вѣрно попадали въ цѣль. Въ литературѣ за эти годы неоспоримо господствуетъ оппозиціонное направленіе. Она полна злобнаго презрѣнія къ «великому Цезарю», къ «единственному полководцу», къ ласковому тестю и зятю, которые вмѣстѣ губятъ всю землю, для того, чтобъ дать распутнымъ своимъ любимцамъ случай парадировать на улицахъ Рима, величаясь награбленнымъ имуществомъ длинноволосыхъ Кельтовъ, устраивать царскіе пиры при помощи добычи съ далекихъ острововъ запада, и въ качествѣ несмѣтно богатыхъ соперниковъ вытѣснять честную молодежь изъ милости дѣвъ. Въ стихотвореніяхъ

Катулла *) и другихъ обломкахъ литературы того времени сказываются многія черты той геніальной лично-политической ненависти, той республиканской агоніи, задыхающейся въ бѣшеномъ наслажденіи или глубокомъ отчаяніи, которая въ могучихъ чертахъ сказывается у Аристофана и Демосѳена. По крайней мѣрѣ дальновиднѣйшій изъ трехъ правителей понялъ, что столь же невозможно презирать эту оппозицію, какъ и уничтожить ее простымъ приказаніемъ. Цезарь, насколько могъ, пытался скорѣе лично привлечь къ себѣ важнѣйшихъ писателей. Уже Цицеронъ былъ въ значительной степени обязанъ своей литературной извѣстности снисходительнымъ обращеніемъ, которое онъ встрѣчалъ предпочтительно со стороны Цезаря; но намѣстникъ Галліи не преминулъ заключить особое примиреніе и съ Катулломъ при посредствѣ его отца, съ которымъ онъ лично познакомился въ Веронѣ; съ молодымъ поэтомъ, который только что осыпалъ могущественнаго полководца самыми ѣдкими и личными насмѣшками**), онъ обошелся съ любезнѣйшимъ вниманіемъ. Цезарь выказалъ геніальность и въ томъ, что послѣдовалъ за своими литературными противниками въ ихъ сферу, и, для косвеннаго

*) Дошедшее до насъ собраніе ихъ полно намековъ на событія 699 и 700 год. и несомнѣнно было обнародовано въ послѣдній изъ этихъ двухъ годовъ; позднѣйшимъ событіемъ, упоминаемымъ тутъ, является процессъ Ватинія (авг. 700). Свидѣтельство Іеронима, будто Катуллъ умеръ въ 697—8 г., необходимо поэтому перенести лишь на нѣсколько лѣтъ впередъ. Изъ выраженія, что „Ватиній въ свое консульство вступаетъ въ заговоръ“, несправедливо заключали, что собраніе стихотвореній появилось лишь послѣ Ватиніева консульства (707); но изъ этого только можно вывести, что, когда оно появилось, Ватиній уже могъ разсчитывать въ извѣстное время стать консуломъ, и въ 700 году онъ уже имѣлъ полное основаніе такъ думать, такъ какъ его имя, весьма вѣроятно, включено было въ составленный въ Лукѣ списокъ кандидатовъ (Цицеронъ, ad Att., 4, 8 в, 2).

**) Слѣдующее стихотвореніе Катулла (29) написано въ 698 или 700, послѣ цезаревой экспедиціи въ Британію и до смерти Юліи:

Кто можетъ хладнокровно видѣть, кто можетъ снести,
Если онъ не баранъ, не игрокъ, не кутила,
Что теперь Мамурра присвоиваетъ себѣ то, что̀ нѣкогда
Принадлежало странѣ длинноволосыхъ Кельтовъ и далекихъ Британцевъ?
Ты, жалкій Ромулъ, поджавъ хвостъ, все видишь это и все допускаешь?
Горделиво весь умащенный благоуханіями, онъ смѣетъ теперь
Какъ сладостный развратникъ, какъ новый Адонисъ,
Вторгаться въ домъ ко всѣмъ нашимъ дѣвамъ?
И ты, о Ромулъ, все видишь ты, и все спускаешь?
Ты самъ видно кутила, и игрокъ, и баранъ!
Такъ для того-то, несравненный полководецъ,
Ты переправился на самый дальній островъ запада,
Чтобы потомъ, на свободѣ отъ дѣлъ, истратить
На досугѣ миліона два иль даже три?

опровержения различныхъ нападковъ, составилъ и обнародовалъ подробный отчетъ о войнахъ въ Галліи, который въ счастливо придуманномъ наивномъ тонѣ раскрывалъ передъ публикой необходимость веденія войны и сообразность ея съ требованіями конституціи. Но истинно поэтическою и творческою силой безусловно и исключительно является лишь свобода; она лишь одна въ состояніи даже въ самой жалкой каррикатурѣ, даже въ предсмертный свой часъ воодушевлять свѣжія и бодрыя натуры. Всѣ надежнѣйшія силы литературы были и остались анти-монархическими, и если самъ Цезарь могъ отважиться перейти и на это поприще, не потерпѣвъ при этомъ неудачи, то причиною этого было лишь то, что онъ даже въ эту пору еще лелѣялъ величественную грезу свободнаго народнаго государства, которую онъ не могъ передать ни своимъ противникамъ. ни своимъ приверженцамъ. Практическая политика такъ-же безусловно находилась въ распоряженіи правителей, какъ литература въ рукахъ республиканцевъ.

Чтожъ это какъ не щедрость, понятая превратно?
Иль мало онъ испортилъ ужъ и прожилъ?
Сначала растрачено было отцовское добро,
Потомъ добыча съ Понта, изъ Иберіи,—
Про то помнятъ золотоносныя волны Тахо.
Этого-то человѣка бойтесь, Британцы; бойтесь его Кельты!
За что лелѣете вы негодяя, который только и смыслитъ,
Какъ прокутить богатое наслѣдство?
Вотъ для чего разорили вы всю землю
Достолюбезные и тесть и зять?

Мамурра, уроженецъ формійскій, любимецъ Цезаря и одно время офицеръ въ его войскѣ въ Галліи, какъ кажется, незадолго до появленія этого стихотворенія, возвратился въ столицу и, вѣроятно, былъ занятъ постройкой своего пресловутаго, поражавшаго расточительной роскошью, мраморнаго дворца на целійской горѣ. Подъ иберійской добычей разумѣется, вѣроятно, привезенная послѣ намѣстничества Цезаря въ западной Испаніи; Мамурра былъ, должно быть, тогда въ главной квартирѣ, какъ впослѣдствіи это было въ Галліи; „добыча съ Понта", вѣроятно намекаетъ на время войны Помпея съ Митридатомъ, такъ какъ, по словамъ поэта, Мамурру обогатилъ не одинъ лишь Цезарь.— Невиннѣе этой ядовитой и болѣзненно принятой Цезаремъ насмѣшки (Свет., Caes., 73) является другое, почти одновременное стихотвореніе того же поэта (11), которое здѣсь также можно привести, такъ какъ его патетическое введеніе приводитъ затѣмъ къ совсѣмъ уже не патетическому сюжету. Онъ умно осмѣиваетъ штабъ новыхъ правителей, внезапно собранный изъ темныхъ закоулковъ — разныхъ Габиніевъ и Антоніевъ и т. д.; нужно припомнить, что это написано было, когда Цезарь боролся на Рейнѣ и Темзѣ и когда приготовлялись экспедиціи Красса къ Парѳянамъ, Габинія въ Египетъ. Поэтъ, ожидая отъ одного изъ правителей вакантнаго мѣстечка для себя, даетъ двумъ изъ своихъ кліентовъ послѣднія порученія передъ отъѣздомъ:

Необходимо было серьезно противодѣйствовать этой, хотя и безсильной оппозиціи, становившейся все тягостнѣе и отважнѣе. Поводъ къ этому, повидимому, подало обвиненіе Габинія (конецъ 700 г.). Правители согласились между собой установить хотя бы временную диктатуру и при помощи ея провести новыя принудительныя мѣры, и именно по отношенію къ выборамъ и судамъ присяжныхъ. Въ качествѣ того члена правительства, которому прямо поручена была администрація Рима и Италіи, исполненіе этого постановленія принялъ на себя Помпей; оно и носило поэтому на себѣ отпечатокъ свойственной ему тяжеловѣсности рѣшеній и дѣйствій и его странной неспособности справиться съ словомъ даже тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ и могъ приказывать. Уже въ концѣ 700 г. косвенно, и не самимъ Помпеемъ, было внесено въ сенатъ требованіе диктатуры. Явнымъ поводомъ къ этому было выставлено продолжающееся господство въ столицѣ клубовъ и шаекъ, которые подкупомъ и насиліями оказывали во всякомъ случаѣ вреднѣйшее давленіе на выборы и суды присяжныхъ и сдѣлали въ нихъ шумныя столкновенія хроническими; нельзя не признать, что это господство само давало возможность правителямъ оправдать ихъ исключительныя мѣры. Но понятно, что даже раболѣпное большинство боялось утвердить то, чего самъ будущій диктаторъ не рѣшался открыто потребовать. Когда же без-

Принятіе новыхъ исключительныхъ мѣръ.

О, Фурій и Аврелій, вы, адъютанты Катулла,
Куда-бы ни пошелъ онъ, къ границамъ Индіи-ли,
Гдѣ огненныя волны восточнаго моря
        Далеко шумя, бьются о берегъ,—
Или въ Гирканію или Аравію,
Въ страну стрѣлковъ-Пареянъ или Саковъ,
Или туда, гдѣ поверхность моря семирукавный
Нилъ окрасилъ своими водами;—
Или путь поведетъ его хотя бъ за Альпы,
Гдѣ воздвигнуты каменные столбы великаго Цезаря,
Гдѣ Рейнъ течетъ, гдѣ на границѣ свѣта
        Живутъ дикіе Британцы—
О вы, готовые дѣлить съ Катулломъ все,
Что божеское велѣнье ему судило,
Передайте моей любимицѣ короткое,
        Несложное посланье.
Пусть ее знается съ преданными ей мужчинами,
Которыхъ у нея въ объятіяхъ перебываетъ до трехсотъ;
Никому изъ нихъ не вѣрна она, но каждую минуту
        Она къ услугамъ каждаго.
Пусть не смотритъ она теперь на мою любовь,
Такъ, какъ бывало, капризно топча ее, точно фіалку,
Которую, идя по краю борозды,
        Сноситъ плугъ.

примѣрная агитація при выборахъ консуловъ на 701 годъ вызвала тягостнѣйшія столкновенія, выборы растянулись на цѣлый годъ дольше назначеннаго срока и состоялись послѣ семимѣсячнаго междуцарствія, въ іюлѣ 701 года, Помпей увидалъ въ этомъ желанный поводъ указать сенату на диктатуру, какъ на единственное средство если не развязать, то разрубить узелъ; но соотвѣтственное приказаніе все-таки не было произнесено. Быть можетъ, оно долго бы осталось не произнесеннымъ, еслибъ на консульскихъ выборахъ 702 г., противъ правительственныхъ кандидатовъ, Квинта Метелла Сципіона и Публія Плавція Гипсея, лично близкихъ къ Помпею и вполнѣ преданныхъ ему, не выступилъ отважнѣйшій сторонникъ республиканской оппозиціи Титъ Анній Милонъ. Милонъ одаренный физической энергіей, способностью къ интригѣ и къ житью на чужой счетъ и въ особенности прирожденной и заботливо развитой дерзостью, составилъ себѣ имя среди авантюристовъ того времени, и наряду съ Клодіемъ былъ извѣстнѣйшей личностью, вслѣдствіе чего между ними установилась вражда и соперничество. Такъ какъ этотъ уличный Ахиллъ былъ купленъ правителями и съ ихъ согласія снова игралъ роль крайняго демократа, то уличный Гекторъ, понятно, сталъ аристократомъ, и республиканская оппозиція, которая теперь въ состояніи была бы заключить союзъ съ самимъ Катилиной, еслибъ онъ предложилъ ей свои услуги, охотно признала Милона своимъ передовымъ бойцомъ во всѣмъ схваткахъ. Дѣйствительно, немногіе успѣхи, одержанные ею на этомъ боевомъ поприщѣ, были дѣломъ Милона и его испытанной шайки бойцовъ. Такимъ то образомъ Катонъ и его друзья поддерживали Милона въ его домогательствѣ консульства; даже Цицеронъ не могъ не рекомендовать этого противника своего врага, своего долголѣтняго покровителя; и такъ какъ самъ Милонъ не жалѣлъ ни денегъ, ни насилій, чтобъ провести своэ избраніе, оно казалось обезпеченнымъ. Оно было бы нетолько новымъ и чувствительнымъ пораженіемъ для правителей, но настоящей опасностью; можно было предвидѣть, что смѣлый дѣятель оппозиціонной партіи не такъ легко допуститъ кассацію своего избранія, какъ Домицій и другіе представители болѣе приличной оппозиціи.

Убійство Клодія. Анархія въ Римѣ.

Тогда довелось невдалекѣ отъ столицы, на аппіевой дорогѣ, встрѣтиться Ахиллу и Гектору, и между сопровождавшими обоихъ шайками произошла схватка, въ которой самъ Клодій былъ раненъ мечемъ въ плечо и принужденъ былъ укрыться въ сосѣднемъ домѣ. Это случилось не по приказанію Милона, — но, такъ какъ дѣло зашло такъ далеко и нужно уже было сполна вынести бурю, то Милонъ нашелъ, что полное преступленіе будетъ лучше, чѣмъ половинное; поэтому онъ велѣлъ своимъ людямъ извлечь Клодія изъ его убѣжища и покончить съ нимъ (13 янв. 702). Уличные вожди, принадлежавшіе къ партіи правителей, народные трибуны Титъ Му-

націй Планкъ, Квинтъ Помпей Руфъ и Гай Саллюстій Криспъ, увидали въ этомъ происшествіи подходящій поводъ разстроить, въ видахъ своихъ повелителей, кандидатуру Милона и провести диктатуру Помпея. Подонки черни, именно отпущенники и рабы, потеряли въ лицѣ Клодія своего патрона и будущаго освободителя; поэтому искомое возбужденіе умовъ легко было произвести. Когда окровавленное тѣло торжественно выставлено было на ораторской трибунѣ, на площади, и когда подобающія рѣчи были произнесены, начались безпорядки. Мѣсто собраній преступной аристократіи должно было превратиться въ пылающій костеръ въ память великаго избавителя; толпа понесла тѣло въ ратушу и зажгла зданіе. Затѣмъ она двинулась къ дому Милона и продержала его въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока шайка его не прогнала нападающихъ залпомъ стрѣлъ. Послѣ того пошли къ домамъ Помпея и его кандидатовъ на консульство, изъ которыхъ перваго привѣтствовали диктаторомъ, а остальныхъ консулами, и наконецъ къ дому властвовавшаго во время междуцарствія Марка Лепида, обязаннаго руководить выборами. Такъ какъ онъ, согласно закону, не захотѣлъ исполнить требованіе вопившей толпы немедленно же произвести выборы, то и его пять дней продержали въ осадномъ положеніи.

Диктатура Помпея.

Но руководители этихъ скандальныхъ сценъ слишкомъ зарвались въ своемъ усердіи. Конечно, ихъ повелитель тоже рѣшилъ про себя воспользоваться этой выгодной случайностью для того, чтобъ не только избавиться отъ Милона, но и захватить въ свои руки диктатуру, но онъ хотѣлъ получить ее не отъ толпы оборвышей, а отъ сената. Помпей стянулъ войска, чтобъ подавить господствовавшую въ столицѣ и дѣйствительно для всѣхъ невыносимую анархію; въ то же время онъ предписалъ теперь самъ то, о чемъ до сихъ поръ просилъ, — и сенатъ уступилъ. Тогда ради пустой увертки проконсулъ Помпей былъ, по предложенію Катона и Бибула, назначенъ не диктаторомъ, а „консуломъ безъ сотоварищей" или коллегъ (25 високос. мѣсяца 702 года *),—что вводило дважды противорѣчивое **) названіе, лишь бы только избѣжать прямого обозначенія дѣла, и очень напоминаетъ то умное постановленіе дворянства старыхъ временъ, которое нѣкогда допустило дарованіе плебеямъ не консульства, а „консульской власти".

Перемѣны въ административномъ порядкѣ и судѣ присяжныхъ.

Итакъ, обладая законными полномочіями, Помпей принялся за дѣло и сталъ послѣдовательно дѣйствовать противъ республиканской

---

*) Въ этомъ году за январемъ, въ которомъ было 29 дней, и февралемъ (23 дня) слѣдовалъ високосный мѣсяцъ, съ 28 днями, а затѣмъ мартъ.

**) *Консулъ* значитъ коллега, товарищъ; консулъ же, который въ то же время состоялъ и проконсуломъ, былъ стало быть и дѣйствительнымъ консуломъ и исправляющимъ консульскую должность.

партіи, столь сильной еще въ клубахъ и судахъ присяжныхъ. Существующій избирательный порядокъ былъ снова подтвержденъ особымъ закономъ, а другой законъ противъ избирательныхъ происковъ, получившій обратное дѣйствіе относительно всѣхъ проступковъ этого рода, начиная съ 684 года, усилилъ установленныя для того наказанія. Еще важнѣе было распоряженіе, по которому намѣстничества, т. е. самый важный и наиболѣе доходный родъ административной дѣятельности, могли даваться консуламъ и преторамъ не тотчасъ послѣ выхода ихъ изъ должности, но лишь по истеченіи пяти лѣтъ; это распоряженіе могло, понятно, осуществиться лишь черезъ четыре года, и потому на ближайшее время назначеніе намѣстниковъ было поставлено въ зависимость отъ временныхъ мѣръ, которыя долженъ былъ издать сенатъ, или же на дѣлѣ то лицо или та фракція, которые господствовали въ данную минуту въ сенатѣ. Коммиссіи присяжныхъ были удержаны и впредь, но право возражать было стѣснено, и, что было, быть можетъ, еще важнѣе, уничтожена свобода слова въ судѣ, такъ какъ установлено опредѣленное число адвокатовъ и крайній предѣлъ отведеннаго каждому времени для рѣчи, а вкравшійся въ судъ давній обычай допускать, въ пользу обвиняемаго, кромѣ фактическихъ свидѣтелей, еще свидѣтелей о характерѣ его или «восхвалителей», былъ воспрещенъ. Покорный сенатъ призналъ затѣмъ, по указанію Помпея, что происшедшія на аппіевой дорогѣ схватки вовлекли отечество въ опасность, и вслѣдствіе этого, въ видѣ исключительной мѣры, назначена была для разслѣдованія всѣхъ связанныхъ съ тѣмъ преступленій особая коммиссія и члены ея прямо назначены были самимъ Помпеемъ. Была сдѣлана также попытка снова доставить серьозное значеніе власти цензоровъ и при помощи ея очистить разлагающееся гражданство отъ презрѣннаго сброда.—Всѣ эти мѣры состоялись подъ давленіемъ меча. Вслѣдствіе заявленія сената, что отечество въ опасности, Помпей созвалъ со всей Италіи всѣхъ, обязанныхъ военной повинностью, къ оружію и на всякій случай привелъ ихъ къ присягѣ; прежде всего въ Капитоліѣ былъ поставленъ достаточный и надежный отрядъ; при каждомъ оппозиціонномъ проявленіи Помпей грозилъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, и во время процесса по дѣлу объ убійствѣ Клодія, вопреки всѣмъ обычаямъ, поставилъ даже караулъ въ собраніи суда.

Униженіе республиканцевъ. Планъ возрожденія цензуры неудался потому, что въ средѣ раболѣпнаго сенатскаго большинства никто не возъимѣлъ столько нравственной силы и авторитета, чтобъ явиться даже соискателемъ такой должности. За то Милонъ былъ обвиненъ присяжными (8 апрѣля 702), кандидатура Катона на консульство 703 г. была разстроена. Ораторской оппозиціи и борьбѣ памфлетами былъ нанесенъ новымъ порядкомъ судопроизводства такой ударъ, отъ котораго она никогда болѣе не

оправилась; страшное до тѣхъ поръ судебное краснорѣчіе было этимъ путемъ вытѣснено съ политическаго поприща и впредь повиновалось монархіи. Понятно, что оппозиція не исчезла и тогда ни изъ умовъ громаднаго большинства націи, ни изъ общественной жизни. — для этого нужно было-бы не только стѣснить народные выборы, судъ присяжныхъ и литературу, но совершенно уничтожить ихъ. Къ тому-же и при происшедшихъ событіяхъ самъ Помпей, по своей неумѣлости и превратности мнѣній, содѣйствовалъ тому, что республиканцамъ выпало на долю нѣсколько чувствительныхъ для него успѣховъ даже во время его диктатуры. Тенденціозныя мѣры, принимаемыя правителями для усиленія ихъ власти, разумѣется, оффиціально выставлялись необходимыми въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка; утверждалось, что всякій гражданинъ, не желающій водворенія анархіи, долженъ сочувствовать этимъ мѣрамъ. Но эту весьма прозрачную фикцію Помпей примѣнялъ въ такой степени серьозно, что въ особую коммиссію по дѣлу о послѣднихъ безпорядкахъ избралъ, вмѣсто надежныхъ своихъ клевретовъ, наиболѣе уважаемыхъ представителей всѣхъ партій, и даже Катонъ употребилъ свое вліяніе на судъ главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, чтобъ поддержать порядокъ и сдѣлать для своихъ приверженцевъ и для противниковъ невозможнымъ повтореніе привычныхъ въ судахъ того времени шумныхъ сценъ. Эта нейтральность правителя сказалась и въ приговорахъ особаго судебнаго присутствія. Присяжные не посмѣли оправдать Милона; но большинство второстепенныхъ обвиняемыхъ изъ числа республиканской оппозиціи вышли чистыми изъ дѣла, тогда какъ обвиненіе безпощадно постигло тѣхъ, кто въ послѣднихъ схваткахъ стоялъ на сторонѣ Клодія, а стало быть и правителей; въ числѣ ихъ находилось не мало ближайшихъ друзей Цезаря и даже Помпея, даже его кандидатъ на консульство Гипсей и народные трибуны, Планкъ и Руфъ, которые въ его интересахъ управляли уличной свалкой. Если Помпей не помѣшалъ этому обвиненію, для того, чтобы казаться безпристрастнымъ, то это было бы такой-же нелѣпостью, какъ и то, что онъ въ самыхъ незначительныхъ дѣлахъ нарушалъ свои-же законы въ угоду своимъ друзьямъ, выступивъ наприм. въ процессѣ Планка въ качествѣ «свидѣтеля о его характерѣ», и нѣкоторыхъ особенно близкихъ ему людей, какъ наприм. Метелла Сципіона, дѣйствительно выгородилъ отъ обвиненія. Какъ всегда, такъ и теперь, онъ добивался противоположныхъ цѣлей: стараясь въ тоже время выполнить и обязанности безпристрастнаго правителя и долгъ главы партіи, онъ не достигалъ ни той, ни другой цѣли, и передъ общественнымъ мнѣніемъ съ полнымъ основаніемъ являлся деспотическимъ правителемъ, а своимъ приверженцамъ казался вождемъ, который не можетъ и не хочетъ защищать своихъ.—Но, хотя республиканцы все еще волновались и даже главнымъ образомъ,

благодаря промахамъ Помпея, иногда ободрялись вслѣдствіе одиночныхъ успѣховъ, все таки цѣль, которую правители имѣли въ виду, вводя диктатуру, была вообще достигнута, узда крѣпче стянута, республиканская партія унижена и новая монархія упрочена. Публика начинала привыкать къ ней. Когда вскорѣ послѣ того Помпей выздоровѣлъ отъ сильной болѣзни, его изцѣленіе было отпраздновано во всей Италіи обязательными выраженіями радости, обычными при подобныхъ случаяхъ въ монархическихъ государствахъ. Правители выказывали удовольствіе; уже 1-го августа 702 года Помпей сложилъ съ себя диктатуру и раздѣлилъ консульство съ своимъ кліентомъ Метелломъ Сципіономъ.

ГЛАВА IX.

Смерть Красса. Разрывъ между соправителями.

Къ числу главъ „трeглаваго чудовища" долгіе годы причислялся и Маркъ Крассъ, собственно не принадлежа къ нимъ. Онъ былъ пригоденъ настоящимъ властителямъ, Помпею и Цезарю, для установленія равновѣсія, или вѣрнѣе сказать, онъ перетягивалъ вѣсы на сторону Цезаря противъ Помпея. Роль эта была не слишкомъ завидна; но страстное честолюбіе никогда не мѣшало Крассу преслѣдовать свою выгоду. Онъ былъ купецъ и позволялъ съ собой торговаться. То, что ему предлагали, было не важно; но, такъ какъ большаго получить было невозможно, то онъ принялъ и это, и старался, въ виду все накоплявшихся передъ нимъ грудъ золота, забыть глотавшее его честолюбіе и досаду на свое положеніе, столь близкое къ власти и столь безвластное. Но лукское совѣщаніе измѣнило дѣло и для него; для того, чтобы послѣ столь значительныхъ уступокъ сохранить и впредь перевѣсъ надъ Помпеемъ, Цезарь далъ своему старому союзнику Крассу случай достигнуть въ Сиріи помощью войны съ Парѳянами того, чего достигъ самъ Цезарь кельтской войной въ Галліи. Трудно сказать, возбуждали ли эти новые шансы алчность къ золоту, сдѣлавшуюся теперь для шестидесятилѣтняго старика второю натурою и все сильнѣе разгоравшуюся съ каждымъ вновь пріобрѣтеннымъ имъ милліономъ, или же скорѣе честолюбіе, долгое время съ трудомъ подавляемое въ груди сѣдовласаго старца и теперь вспылавшее въ ней мрачнымъ пламенемъ. Онъ прибылъ въ Сирію еще вначалѣ 700 года, не дождавшись даже истеченія своего консульства для того, чтобы отправиться въ путь. Съ торопливою страстностью онъ, казалось, хотѣлъ воспользоваться каждой минутой, чтобы вознаградить себя за потерянное время, прибавить къ сокровищамъ запада еще сокровища востока и добиться военачальнической власти и славы быстро, какъ Цезарь, и безъ труда, какъ Помпей. **Крассъ въ Сиріи.**

Крассъ нашелъ парѳянскую войну уже подготовленною. О недобросовѣстномъ обращеніи Помпея съ Парѳянами было уже говорено **Экспедиція противъ Парѳянъ.**

выше; онъ не уважалъ установленную договоромъ границу Евфрата и отторгнулъ отъ пареянскаго царства многія области въ пользу Арменіи, ставшей теперь римскимъ вассальнымъ государствомъ. Царь Фраатъ примирился съ этимъ; но, послѣ того, какъ онъ былъ умерщвленъ своими двумя сыновьями, Митридатомъ и Ородомъ, новый царь Митридатъ немедленно объявилъ войну царю Арменіи, Артавазду, сыну незадолго передъ тѣмъ умершаго Тиграна (въ 698 г.) *). Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіемъ войны Риму; поэтому, лишь только было подавлено возстаніе Іудеевъ, какъ храбрый сирійскій намѣстникъ Габиній повелъ легіоны за Евфратъ. Тѣмъ временемъ въ пареянскомъ царствѣ совершился переворотъ; мѣстная знать, съ юнымъ, смѣлымъ и даровитымъ великимъ визиремъ во главѣ, ниспровергла царя Митридата и возвела на престолъ его брата Орода. Вслѣдствіе этого Митридатъ перешелъ на сторону Римлянъ и отправился въ лагерь Габинія. Все обѣщало предпріятію римскаго намѣстника величайшій успѣхъ, какъ вдругъ онъ получилъ приказаніе водворить силою оружія египетскаго царя въ Александріи. Онъ долженъ былъ повиноваться, но въ ожиданіи скораго возвращенія побудилъ просившаго его о помощи низложеннаго пареянскаго царя начать тѣмъ временемъ войну на собственный страхъ. Митридатъ исполнилъ это, и Селевкія, и Вавилонъ высказались за него; но Селевкія была взята штурмомъ визиремъ, лично появившимся въ числѣ первыхъ на вершинѣ городскихъ стѣнъ, а въ Вавилонѣ самъ Митридатъ, вынужденный голодомъ, долженъ былъ сдаться, послѣ чего онъ былъ казненъ по приказанію своего брата. Смерть его была большой потерей для Римлянъ; но этимъ отнюдь не окончилось еще броженіе въ пареянскомъ царствѣ, и армянская война также все еще продолжалась. По окончаніи египетскаго похода, Габиній только что готовился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. чтобъ возобновить пареянскую войну, какъ вдругъ Крассъ прибылъ въ Сирію и унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ властью всѣ планы своего предшественника. Преисполненный выспреннихъ надеждъ, онъ не достаточно оцѣнилъ трудности похода, а еще менѣе силу сопротивленія непріятельскаго войска; онъ говорилъ съ увѣренностью не только о покореніи Пареянъ, но мысленно завоевывалъ бактрійское и индійское царства.

Планъ похода. Новый Александръ однако не спѣшилъ. Прежде, чѣмъ приводить въ исполненіе столь обширные планы, онъ нашелъ достаточно времени для весьма сложныхъ и очень прибыльныхъ побочныхъ операцій. Храмъ Деркеты въ Гіераполѣ Бамбикѣ, храмъ Іеговы въ Іе-

* Тигранъ жилъ еще въ февралѣ 698 года (Cic., pro Sest. 27. 59:) напротивъ того Артаваздъ правилъ уже раньше 700 года (Юстинъ, 42, 2, 4; Плут., Красс., 49).

русалимѣ и другія богатыя святилища сирійской провинціи были лишены своихъ богатствъ по приказанію Красса, а отъ подданныхъ требовалось исполненіе воинской повинности, или же еще охотнѣе выкупъ въ видѣ денежной суммы. Военныя операціи перваго лѣта ограничивались весьма обширной развѣдкой въ Месопотаміи; Римляне перешли чрезъ Евфратъ, разбили близъ Ихны (на Беликѣ, къ сѣверу отъ Ракки) пароянскаго сатрапа и заняли ближайшіе города, въ томъ числѣ значительный Никефоріонъ (Ракку), послѣ чего вернулись въ Сирію, оставивъ всюду гарнизоны. До той поры оставалось нерѣшеннымъ, лучше ли идти въ землю Пароянъ окольнымъ путемъ чрезъ Арменію или же прямой дорогой чрезъ месопотамскую пустыню. Первый путь, пролегавшій чрезъ гористыя страны, управляемыя союзниками Рима, представлялъ наибольшую безопасность; царь Артаваздъ лично прибылъ въ римскую главную квартиру, чтобы отстаивать этотъ планъ похода. Но упомянутая рекогносцировка рѣшила дѣло въ пользу перехода чрезъ Месопотамію. Многочисленные цвѣтущіе греческіе города въ мѣстности близъ Евфрата и Тигра, а болѣе всего городъ Селевкія, относились совершенно враждебно къ пароянскому господству; какъ нѣкогда граждане Карръ, такъ теперь всѣ греческія колоніи, которыхъ коснулись Римляне, доказали на дѣлѣ свою готовность свергнуть нестерпимое чужеземное владычество и встрѣтить Римлянъ, какъ избавителей, почти какъ соотечественниковъ. Арабскій повелитель Абгаръ, царившій надъ пустынею отъ Эдессы вплоть до Карръ, а въ силу этого и надъ прямою дорогою отъ Евфрата къ Тигру, прибылъ въ лагерь Римлянъ, чтобы лично увѣрить ихъ въ своей преданности. Парояне положительно выказали себя неподготовленными.

Переходъ чрезъ Евфратъ.

Переходъ чрезъ Евфратъ совершился близъ Бираджика (701 г.). Чтобы добраться оттуда до Тигра, можно было выбрать двоякій путь: либо войско должно было идти внизъ по Евфрату вплоть до высотъ Селевкіи, гдѣ Евфратъ и Тигръ отдалены другъ отъ друга всего только на нѣсколько миль, либо же надо было, немедленно послѣ переправы, пересѣчь кратчайшею линіею обширную месопотамскую пустыню по направленію къ Тигру. Первая дорога прямо вела на пароянскую столицу Ктезифонъ, расположенную какъ разъ противъ Селевкіи на противоположномъ берегу Тигра; за этотъ путь высказалось въ римскомъ военномъ совѣтѣ нѣсколько вѣскихъ голосовъ; въ особенности квесторъ Гай Кассій указывалъ на трудности похода чрезъ пустыню и на получаемыя отъ римскихъ гарнизоновъ съ лѣваго берега Евфрата тревожныя извѣстія о пароянскихъ военныхъ приготовленіяхъ. Но, въ противорѣчіе этимъ извѣстіямъ, арабскій князь Абгаръ возвѣщалъ, что Парояне занимаются очищеніемъ своихъ западныхъ владѣній, что они уже уложили всѣ свои сокровища и двинулись, съ цѣлью искать убѣжища у Гирканов и Ски-

ѳовъ, что настигнуть ихъ возможно вообще лишь усиленными переходами по кратчайшему пути. Такимъ же маршемъ удастся вѣроятно, догнать и уничтожить хоть арьергардъ главной арміи, предводительствуемой Силлакомъ и визиремъ, и завладѣть богатой добычей. Эти сообщенія дружественныхъ бедуиновъ рѣшили вопросъ о направленіи похода; римское войско, состоявшее изъ семи легіоновъ, 4000 всадниковъ и стольких же стрѣлковъ и метателей копій, удалилось отъ Евфрата, углубляясь въ негостепріимныя равнины сѣверной Месопотаміи.

Переходъ чрезъ пустыню. Нигдѣ не видно было врага; только голодъ и жажда, да безконечная песчаная пустыня сторожили, казалось, у воротъ Востока. Наконецъ послѣ многодневнаго, тяжелаго перехода, недалеко отъ первой рѣки, чрезъ которую пришлось переправляться римскому войску, именно рѣки Балисса (Белика), показались первые непріятельскіе всадники. Абгаръ съ его Арабами былъ отправленъ на развѣдку; парѳянскіе конные отряды отступили до рѣки и даже за нее и скрылись вдали, преслѣдуемые Абгаромъ и его воинами. Нетерпѣливо ждали Римляне его возвращенія и болѣе точныхъ извѣстій. Полководецъ надѣялся встрѣтиться здѣсь наконецъ съ вѣчно отступавшимъ врагомъ; юный, храбрый сынъ его, Публій, сражавшійся съ величайшимъ отличіемъ въ Галліи подъ начальствомъ Цезаря, отправленный имъ во главѣ кельтскаго коннаго отряда для участія въ парѳянской войнѣ, былъ одушевленъ бурнымъ воинственнымъ пыломъ. Не получая никакого извѣстія, порѣшили идти даже наудачу; знакъ къ выступленію былъ поданъ, Балиссъ перейденъ, войско послѣ краткаго, недостаточнаго полдневнаго отдыха было поведено далѣе безостановочно штурмовымъ маршемъ. Внезапно отовсюду раздались звуки парѳянскихъ литавръ; со всѣхъ сторонъ развѣвались шелковыя, золотомъ шитыя знамена, сверкали подъ лучами жаркаго полуденнаго солнца желѣзные шлемы и латы, и около визиря стоялъ князь Абгаръ съ своими бедуинами.

Римская и парѳянская тактика. Слишкомъ поздно поняли Римляне, въ какую сѣть они попали. Вѣрнымъ взглядомъ визирь усмотрѣлъ опасность и средства предотвратить ее. Съ восточною пѣхотою ничего нельзя было сдѣлать противъ римской линейной инфантеріи; поэтому онъ избавился отъ нея и, отправивъ противъ Арменіи, подъ личнымъ руководствомъ царя Орода, всю эту массу, непригодную для главнаго поля битвы, онъ этимъ помѣшалъ царю Артавазду присоединить къ войску Красса обѣщанныя имъ десять тысячъ всадниковъ, отсутствіе которыхъ Крассъ теперь такъ сильно ощущалъ. Римской пѣхотѣ, замѣчательной по своей неподражаемой тактикѣ, визирь противопоставилъ другую, совершенно противоположную. Войско его состояло исключительно изъ всадниковъ; линейные отряды состояли изъ тяжелой конницы, вооруженной длинными копьями; солдаты и лошади были по-

крыты металлическими, чешуйчатыми панцырями или кожаными колетами и другими подобными же нагрудниками; остальная масса войска состояла изъ верховыхъ стрѣлковъ. Въ сравненіи съ ними тѣ же части войска у Римлянъ значительно уступали какъ численностью, такъ и качествомъ. Линейная пѣхота ихъ, какъ ни превосходна она была въ тѣсномъ бою, дѣйствуя на небольшомъ разстояніи метательнымъ копьемъ или въ рукопашной схваткѣ мечомъ, не могла однако вынудить на бой армію, состоявшую исключительно изъ конницы, и, когда дѣло доходило наконецъ до рукопашной борьбы, находила и тутъ, въ окованныхъ желѣзомъ отрядахъ копьеносцевъ, достойныхъ, едва ли не превосходившихъ ее противниковъ. Передъ лицомъ такого войска, какъ пароянское, римская армія была въ стратегически невыгодномъ положеніи, такъ какъ конница господствовала надъ сообщеніями, а также и въ тактически неудачномъ, потому что всякое оружіе, разсчитанное на близкое разстояніе, должно уступить оружію, дѣйствующему издали, если дѣло не доходитъ до рукопашной борьбы. Сосредоточенное положеніе войскъ, на которомъ основывался весь римскій способъ веденія войны, усиливало опасность подобнаго нападенія; чѣмъ тѣснѣе сплачивалась римская колонна, тѣмъ неотразимѣе былъ, конечно, ея натискъ, но тѣмъ легче попадали въ цѣль и метательныя орудія. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, когда надлежало бы защищать города и принимать въ соображеніе трудности почвы, та тактика, гдѣ одна только конница должна была дѣйствовать противъ пѣхоты, никогда не могла бы примѣняться вполнѣ; но въ месопотамской пустынѣ, гдѣ войско, точно корабль въ открытомъ морѣ, не встрѣчало въ теченіе многодневнаго перехода ни одного препятствія, ни одной стратегической точки опоры, этотъ способъ веденія войны былъ потому такъ неотразимъ, что обстоятельства дозволяли развить его здѣсь во всей его чистотѣ и, слѣдовательно, во всей его силѣ. Здѣсь все соединялось въ ущербъ чужеземнымъ пѣхотинцамъ и въ пользу мѣстной конницы. Тамъ, гдѣ тяжело-нагруженный римскій пѣхотинецъ съ трудомъ тащился по песку или въ степи, и на непроложенной дорогѣ своей, отмѣченной лишь далеко отстоявшими другъ отъ друга, трудно находимыми ключами, погибалъ отъ голода, а еще болѣе отъ жажды, пароянскій всадникъ, съ малолѣтства привыкшій сидѣть на своемъ быстромъ конѣ или верблюдѣ, почти жить на немъ, легко носился по пустынѣ, невзгоды которой онъ давно уже научился облегчать себѣ, а въ случаѣ нужды и переносить. Здѣсь не шло дождя, который умѣрилъ бы нестерпимый жаръ или ослабилъ бы тетивы и ремни непріятельскихъ стрѣлковъ и метателей копій; здѣсь, въ глубокомъ пескѣ, едва можно было во многихъ мѣстахъ выкопать хорошіе рвы и насыпать валы для лагеря. Даже фантазія врядъ ли можетъ придумать подобное положеніе, гдѣ всѣ военныя пре-

имущества были бы на одной сторонѣ, всѣ невыгоды—на другой.— На вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ возникла у Пареянъ эта новая тактика, первая національная тактика, превзошедшая въ своей природной обстановкѣ римскую, мы, къ сожалѣнію, можемъ отвѣтить лишь гадательно. Верховые копьеносцы и стрѣлки употреблялись въ дѣло на востокѣ съ весьма древнихъ временъ и составляли ядро войска еще при Кирѣ и Даріѣ, но до тѣхъ поръ эта часть войска занимала лишь второстепенную роль и употреблялась главнѣйшимъ образомъ для прикрытія никуда не годной восточной пѣхоты. Пареянскія войска отнюдь не отличались въ этомъ случаѣ отъ остальныхъ восточныхъ войскъ; упоминаются такіе примѣры, гдѣ пѣхота составляла пять шестыхъ всего войска. Въ походѣ Красса, напротивъ того, конница впервые выступила самостоятельно, благодаря чему этотъ родъ войскъ получилъ совершенно иное примѣненіе и иную цѣну. Неоспоримое превосходство римской пѣхоты въ рукопашной схваткѣ навело, кажется, противниковъ Рима совершенно независимо другъ отъ друга, одновременно и съ одинаковымъ успѣхомъ въ самыхъ противоположныхъ частяхъ свѣта, на мысль противопоставить ей конницу и борьбу издали. То, что въ совершенствѣ удалось Кассивеллавну въ Британіи и отчасти Верцингеторигу въ Галліи, то, что пытался до извѣстной степени сдѣлать еще Митридатъ Евпаторъ, было въ бо́льшихъ размѣрахъ и совершеннѣе выполнено визиремъ Орода, при чемъ ему въ особенности полезно было, что онъ нашелъ въ тяжелой кавалеріи средство образовывать линіи войскъ, въ національномъ оружіи,—лукѣ, которымъ въ особенности въ персидскихъ областяхъ владѣли съ отмѣннымъ искусствомъ — отличное дальнобойное орудіе, и наконецъ въ свойствахъ страны и народа—возможность выполнить свою геніальную мысль во всей ея чистотѣ. Здѣсь, гдѣ римское оружіе, дѣйствовавшее только на близкомъ разстояніи, и римская система концентрированія силъ впервые уступили далеко бьющему оружію и системѣ дѣйствія развернутымъ фронтомъ, подготовился тотъ переворотъ въ военномъ дѣлѣ, который получилъ окончательное завершеніе лишь съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія.

Битва при Каррахъ. При такихъ обстоятельствахъ произошла посреди песчаной пустыни, въ шести миляхъ къ югу отъ Карръ (Гаррана), гдѣ стоялъ римскій гарнизонъ, въ сѣверномъ же направленіи нѣсколько ближе отъ Ихны, первая битва между Римлянами и Пареянами. Римскіе стрѣлки были высланы впередъ, но немедленно отступили передъ громаднымъ превосходствомъ силъ и болѣе значительной напряженностью и дальнимъ боемъ пареянскихъ луковъ. Легіоны, которые, несмотря на мнѣніе болѣе разсудительныхъ офицеровъ, совѣтовавшихъ вести ихъ противъ врага по возможности развернутымъ фронтомъ, были выстроены по обѣ стороны густыми карре изъ двѣнад-

цати когортъ каждый, вскорѣ были опережены и осыпаны страшными стрѣлами, которыми не цѣлясь попадали въ солдатъ Пареяне, и на которыя Римляне даже не могли отвѣчать. Надежда, что непріятель истощитъ свои запасы стрѣлъ, исчезла при одномъ взглядѣ на безконечный рядъ нагруженныхъ ими верблюдовъ. Все далѣе распространялись Пареяне. Для того, чтобы натискъ не превратился въ оцѣпленіе, Публій Крассъ съ избраннымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ всадниковъ, стрѣлковъ и линейной пѣхоты, двинулся для нападенія. И дѣйствительно, непріятель отказался отъ намѣренія замкнуть кругъ и отступилъ, горячо преслѣдуемый необузданнымъ вождемъ Римлянъ. Когда же за этой погоней корпусъ Публія окончательно потерялъ изъ виду главную армію, тяжелая конница удержала его напоръ, и точно сѣтью окружили его со всѣхъ сторонъ прибывшіе пареянскіе отряды. Публій, видя, въ какомъ количествѣ и какъ безполезно падали подъ выстрѣлами конныхъ стрѣлковъ его солдаты, съ отчаяніемъ бросился съ своею не защищенною панцырями кельтскою конницей на закованныхъ въ желѣзо непріятельскихъ всадниковъ, но безконечное мужество его Кельтовъ, хватавшихъ копья руками или спрыгивавшихъ съ лошадей, чтобы закалывать врага, тщетно дѣлало чудеса. Остатки корпуса, и въ числѣ ихъ раненый въ правую руку вождь, были оттѣснены на небольшую возвышенность, гдѣ они могли еще удобнѣе служить мишенью непріятельскимъ стрѣлкамъ. Месопотамскіе Греки, хорошо знакомые съ мѣстностью, умоляли Красса уѣхать съ ними и попытаться спастись; но онъ отказался отдѣлить свою судьбу отъ судьбы храбрыхъ людей, которыхъ его неразумная отвага обрекла на смерть, и приказалъ своему щитоносцу заколоть его. Подобно ему и большинство остальныхъ офицеровъ лишило себя жизни. Изъ всего отряда въ шесть тысячъ человѣкъ было взято въ плѣнъ не болѣе пяти сотъ; спастись не могъ никто. Аттака на главное войско тѣмъ временемъ пріостановилась и всѣ слишкомъ охотно предались отдыху. Когда же наконецъ отсутствіе всякихъ извѣстій изъ высланнаго впередъ корпуса пробудило войско изъ его обманчиваго спокойствія и оно приблизилось для поисковъ къ полю страженія, отцу поднесли на шестѣ голову сына, и опять начался противъ главной арміи страшный бой, съ той же самой яростью и тѣмъ же безнадежнымъ однообразіемъ. Невозможно было ни разсѣять конныхъ копьеносцевъ, ни настигнуть стрѣлковъ; лишь ночь положила конецъ истребленію. Еслибъ Пареяне остались бивакомъ на полѣ битвы, врядъ ли хоть одному человѣку изъ римскаго войска удалось бы спастись. Но, не умѣя сражаться иначе, какъ верхомъ, и опасаясь поэтому нападенія, Пареяне имѣли обыкновеніе никогда не разбивать лагеря вблизи непріятеля; насмѣшливо закричали они Римлянамъ, что дарують еще одну ночь ихъ пол-

ководцу, чтобы оплакивать сына, и умчались, съ тѣмъ чтобы вернуться на слѣдующее утро и изловить повергнутую на землю окровавленную дичь. Понятно, что Римляне не стали выжидать слѣдующаго утра. Помощники полководца, Кассій и Октавій (Крассъ совершенно потерялъ голову) велѣли выступить немедленно и по возможности втиши всѣмъ еще способнымъ къ передвиженію людямъ, оставивъ позади себя раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти, приблизительно до четырехъ тысячъ человѣкъ, и отправились искать убѣжища за стѣнами Карръ. Обломки римскаго войска спаслись отъ казавшагося неизбѣжнымъ уничтоженія, благодаря тому, что Парѳяне, вернувшись на слѣдующій день, прежде всего принялись искать и истреблять оставшихся позади людей, между тѣмъ какъ населеніе и гарнизонъ Карръ, заблаговременно увѣдомленные о катастрофѣ бѣглецами, быстро двинулись на встрѣчу къ разбитому войску. Объ осадѣ Карръ парѳянскіе всадники не могли и думать. Римляне, однако, вскорѣ добровольно удалились, вынужденные, быть можетъ, недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ или малодушной поспѣшностью главнокомандующаго, котораго солдаты тщетно желали удалить отъ должности и замѣнить Кассіемъ. Войско двинулось по направленію къ армянскимъ горамъ; идя ночью и отдыхая днемъ, Октавій, съ отрядомъ въ пять тысячъ человѣкъ, достигъ крѣпости Синнаки, отдаленной всего только на однодневный переходъ отъ спасительныхъ высотъ, и освободилъ даже, съ опасностью для собственной жизни, главнокомандующаго, котораго проводникъ сбилъ съ пути и отдалъ на жертву врагу. Тогда подъѣхалъ къ римскому лагерю визирь, чтобы отъ имени своего царя предложить Римлянамъ миръ и дружбу, а также личное свиданіе двухъ полководцевъ. Совершенно деморализованное римское войско умоляло, наконецъ даже принудило своего вождя согласиться на предложеніе. Визирь принялъ консулара и его штабъ съ обычными почестями и снова предложилъ дружественный союзъ; онъ требовалъ только, напомнивъ съ справедливою горечью о судьбѣ договоровъ, заключенныхъ съ Помпеемъ и Лукулломъ относительно границъ Евфрата, чтобы условія союза этого были немедленно изложены письменно. Подвели богато-убраннаго иноходца; то былъ даръ царя римскому военачальнику; слуги визиря тѣснились вокругъ Красса, спѣша поднять его на коня. Римскимъ офицерамъ показалось, что они желаютъ овладѣть особою главнокомандующаго; Октавій, не имѣя при себѣ оружія, выхватилъ мечъ изъ ноженъ одного Парѳянина и закололъ конюха. Въ суматохѣ, послѣдовавшей за этимъ, были убиты всѣ римскіе офицеры; престарѣлый главнокомандующій не захотѣлъ, подобно своему предку, достаться въ руки врага, какъ живой трофей, — искалъ и нашелъ смерть. Оставшаяся въ лагерѣ толпа, лишенная вождя своего, была частью взята въ плѣнъ, частью разсѣяна. То, что было начато при

Каррахъ, было окончено при Синнакѣ (9 іюля 701 г.); оба эти дня заняли мѣсто наряду съ годовщинами Алліи, Каннъ и Аравзія. Евфратской арміи не существовало болѣе. Одному только конному отряду Гая Кассія, оттѣсненному отъ главной арміи при выступленіи изъ Карръ, и нѣкоторымъ другимъ разрозненнымъ группамъ и отдѣльнымъ бѣглецамъ удалось спастись отъ Пареянъ и Бедуиновъ и найти порознь обратный путь въ Сирію. Изъ арміи болѣе чѣмъ въ 40,000 римскихъ легіонеровъ, перешедшей Евфратъ, не вернулось даже одной четверти; половина погибла; около десяти тысячъ римскихъ плѣнныхъ были по пареянскому обычаю поселены побѣдителями на крайнемъ востокѣ ихъ владѣній, въ мервскомъ оазисѣ, въ качествѣ рабовъ, обязанныхъ исполнять воинскую повинность. Впервые съ той поры, когда орлы стали водить за собой легіоны въ бой, они сдѣлались въ этомъ году побѣдными знаками въ рукахъ иноплеменниковъ, и почти одновременно въ рукахъ одного изъ нѣмецкихъ племенъ на западѣ и Пареянъ на востокѣ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло точныхъ извѣстій о впечатлѣніи, произведенномъ на востокѣ пораженіемъ Римлянъ; но оно должно было быть прочно и сильно. ЦарьОродъ праздновалъ свадьбу своего сына Пакора съ сестрою своего новаго союзника, армянскаго царя Артавазда, когда прибыла отъ его визиря вѣсть о побѣдѣ и вмѣстѣ съ ней, по восточному обычаю, и отрубленная голова Красса. Трапеза была уже окончена; одна изъ странствующихъ малоазіатскихъ труппъ актеровъ, въ то время весьма многочисленныхъ и заносившихъ эллинскую поэзію и сценическое искусство далеко вглубь востока, исполняла какъ разъ въ это время передъ собравшимся дворомъ *Вакханокъ* Еврипида. Актеръ, игравшій роль Агавы, въ припадкѣ безумнаго, чисто-діонисозскаго восторга разорвавшей на части своего собственнаго сына и возвращавшейся съ береговъ Киеерона, неся на тирсѣ его голову, замѣнилъ ее окровавленною головою Красса и къ безконечной радости публики, состоявшей изъ полуэллинизированныхъ варваровъ, снова запѣлъ извѣстный напѣвъ:

Мы несемъ домой
Изъ далекихъ горъ
Славную добычу,
Кровавую дичь.

Это была первая серьозная побѣда со временъ Ахеменидовъ, одержанная востокомъ надъ западомъ; глубокій смыслъ заключался безъ сомнѣнія въ томъ, что, для празднованія этой побѣды, лучшее произведеніе западнаго міра, греческая трагедія, пародировала въ этомъ страшномъ фарсѣ сама себя устами своихъ павшихъ представителей. Римское гражданство и геній Эллады одновременно начинали подпадать оковамъ султанизма.

Послѣдствія пораженія. Катастрофа эта, страшная сама по себѣ, должна была, казалось, сдѣлаться грозною и по своимъ послѣдствіямъ и потрясти основы римскаго могущества на востокѣ. Мало того, что Пареяне властвовали теперь безгранично по ту сторону Евфрата, что Арменія, еще до катастрофы съ Крассомъ отпавшая отъ союза съ Римомъ, вступила, благодаря ей, въ кліентство Пареянъ, что вѣрные граждане Карръ получили тяжелое возмездіе за свою преданность Римлянамъ отъ руки поставленнаго надъ ними Пареянами новаго властелина, одного изъ вѣроломныхъ путеводителей Римлянъ, по имени Андромаха,— Пареяне серьозно готовились перейти въ свою очередь границу Евфрата и, съ помощью Армянъ и Арабовъ, изгнать Римлянъ изъ Сиріи. Іудеи и другіе восточные народы не менѣе нетерпѣливо ждали освобожденія отъ римскаго господства, чѣмъ Эллины по ту сторону Евфрата ждали освобожденія отъ Пареянъ. Въ Римѣ готовилась междоусобная война; нападеніе, предпринятое именно здѣсь, да еще въ такую минуту, было-бы весьма опасно. Но, къ счастію для Рима, перемѣнились вожди у обѣихъ воюющихъ сторонъ. Султанъ Ородъ былъ слишкомъ обязанъ великодушному человѣку, который сперва надѣлъ на него царскій вѣнецъ, а потомъ очистилъ страну отъ непріятеля,—чтобы не пожелать избавиться отъ него при помощи палача. Мѣсто его, какъ главнокомандующаго надъ наступательнымъ войскомъ въ Сиріи, занялъ князь Пакоръ, сынъ царя, къ которому, вслѣдствіе его юности и неопытности, былъ приставленъ князь Осакъ, въ качествѣ совѣтчика по военнымъ дѣламъ. Съ другой стороны начальство въ Сиріи временно занялъ вмѣсто Красса разсудительный и энергическій квесторъ Гай Кассій. Такъ какъ Пареяне, какъ дѣлалъ нѣкогда и Крассъ, не торопились съ нападеніемъ, а высылали за Евфратъ въ 701 и 702 году только нѣсколько слабыхъ, легко отбрасываемыхъ назадъ, летучихъ отрядовъ, то Кассію осталось достаточно времени для приведенія войска въ извѣстный порядокъ и для усмиренія съ помощью вѣрнаго приверженца Римлянъ, Ирода Антипатра, Іудеевъ, которые подъ вліяніемъ озлобленія, вызваннаго въ нихъ совершоннымъ Крассомъ разграбленіемъ храма, рѣшились взяться теперь за оружіе. Такимъ образомъ римское правительство имѣло бы достаточно времени, для того, чтобы выслать свѣжія войска для обороны угрожаемыхъ границъ; но этого не было сдѣлано подъ вліяніемъ первыхъ судорогъ начинавшейся революціи, и когда наконецъ въ 703 году сильная пареянская наступательная армія появилась на Евфратѣ, Кассій по прежнему могъ противопоставить ей всего только два слабыхъ легіона, составленныхъ изъ обломковъ войска Красса. Понятно, что съ этими силами онъ не могъ ни препятствовать переправѣ, ни защитить провинцію. Сирія была наводнена Пареянами и вся передняя Азія дрогнула. Но Пареяне не умѣли осаждать

городовъ. Они не только отступили, не добившись ничего, отъ Антіохіи, куда кинулся Кассій съ своими войсками, но на возвратномъ пути были еще увлечены въ засаду конницею Кассія и разбиты здѣсь римскою пѣхотою; самъ князь Осакъ находился въ числѣ убитыхъ. Друзья и недруги постигли здѣсь, что пароянская армія съ заурядныиъ полководцемъ и на обыкновенной почвѣ стоила не болѣе всякаго другого восточнаго войска. Нападеніе не было однако отмѣнено. Зимою 703/4 г. Пакоръ еще стоялъ лагеремъ въ Киррестикѣ, по сю сторону Евфрата, и новый намѣстникъ Сиріи, Маркъ Бибулъ, столь же ничтожный полководецъ, какъ и неспособный государственный человѣкъ, не съумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ запереться въ своихъ крѣпостяхъ. Всюду ожидали, что война вспыхнетъ съ усиленной яростью въ 704 году. Но вмѣсто Римлянъ, Пакоръ направилъ свое оружіе противъ своего собственнаго отца и для этого вступилъ даже въ соглашеніе съ самимъ римскимъ намѣстникомъ. Это не смыло, правда, пятна съ римскаго щита и не возстановило значенія Рима на востокѣ, но, тѣмъ не менѣе, пароянскому нашествію на переднюю Азію наступилъ конецъ и граница Евфрата была сохранена, по крайней мѣрѣ временно.

Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ пораженіемъ при Каррахъ.

Тѣмъ временемъ въ Римѣ поднимались изъ клокотавшаго революціоннаго волкана клубы опьяняющаго пара. Дошло до того, что не оставалось уже болѣе ни одного солдата или динарія для отраженія врага Рима, и ни у кого не было даже ни малѣйшаго помысла о судьбахъ народныхъ. Къ числу самыхъ страшныхъ знаменій времени можно отнести то, что ужасающее національное бѣдствіе, совершившееся при Каррахъ и Синнакѣ, гораздо менѣе озаботило и заставило говорить политиковъ того времени, чѣмъ жалкая свалка на аппіевой дорогѣ, во время которой нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Красса погибъ предводитель шайки, Клодій; но понять и даже почти простить это можно. Разрывъ между двумя повелителями, долгое время считавшійся неизбѣжнымъ и часто весьма близкимъ, теперь приближался безостановочно. Какъ ладья въ древней греческой морской легендѣ, такъ и судно римской общины находилось какъ-бы между двумя скалами, плывшими другъ на друга. Ожидая съ минуты на минуту страшнаго столкновенія, люди, находившіеся на ладьѣ, полные безконечнаго страха, вперяли взоры въ волны, поднимавшіяся все выше и выше, и въ то время, какъ всякая малѣйшая волна привлекала здѣсь на себя тысячи глазъ, никто не смѣлъ обратить взоровъ на право или на лѣво.

Согласіе между властителями колеблется.

Послѣ того, какъ на свиданіи въ Лукѣ въ апрѣлѣ 698 года, Цезарь сдѣлалъ Помпею важныя уступки, и вслѣдствіе этого установилось равновѣсіе между обоими правителями, ихъ отношенія не лишены были внѣшнихъ условій прочности, поскольку раздѣленіе недѣлимой по существу монархической власти можетъ быть вообще

прочно. Рѣшились ли правители держаться заодно по крайней мѣрѣ хоть временно, и взаимно признавать свою равноправность безъ всякой задней мысли, это другой вопросъ. Что Цезарь желалъ этого, такъ какъ цѣною уравненія своихъ правъ съ Помпеемъ онъ выгадалъ срокъ, необходимый для покоренія Галліи, было уже сказано выше. Что касается Помпея, врядъ ли онъ когда либо хоть временно относился серьозно къ принципу коллегіальности. Это была одна изъ тѣхъ мелкихъ и низменныхъ натуръ, относительно которыхъ опасно быть великодушнымъ; его мелочному уму, безъ сомнѣнія, казалось велѣніемъ мудрости подставить ногу при первомъ-же случаѣ неохотно признанному сопернику, и низкая душа его жаждала возможности отплатить, только въ обратномъ смыслѣ, за униженіе, причиненное ему снисходительностью Цезаря. Но, если Помпей, по своей тупой и лѣнивой натурѣ, повидимому никогда не умѣлъ дать Цезарю мѣсто рядомъ съ собою, то намѣреніе расторгнуть союзъ было сознано имъ лишь постепенно. Публика, обыкновенно лучше понимавшая вообще намѣренія и взгляды Помпея, чѣмъ онъ самъ, ни въ какомъ случаѣ не обманулась относительно того, что по крайней мѣрѣ со смертью прекрасной Юліи, умершей во цвѣтѣ лѣтъ осенью 700 года (за нею вскорѣ послѣдовалъ въ могилу ея единственный ребенокъ), личная связь между ея отцемъ и мужемъ была порвана. Цезарь пытался вовстановить расторгнутыя судьбою родственныя связи; онъ просилъ для себя руки единственной дочери Помпея, а ему предложилъ въ жены ближайшую родственницу свою, внучку своей сестры Октавію. Однако Помпей оставилъ свою дочь ея прежнему супругу, Фавсту Суллѣ, сыну правителя, самъ же женился на дочери Квинта Метелла Сципіона. Личный разрывъ несомнѣнно наступилъ, и Помпей первый отнялъ руку. Всѣ ожидали, что за этимъ немедленно послѣдуетъ политическій разрывъ, но въ этомъ однако ошиблись; въ общественныхъ дѣлахъ временно держалось еще коллегіальное соглашеніе. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что Цезарь не хотѣлъ открыто порвать связь, пока покореніе Галліи не станетъ совершившимся фактомъ, Помпей же—пока принятіе имъ диктатуры не дастъ вполнѣ въ его власть всѣ правительственныя функціи и всю Италію. Странно, но тѣмъ не менѣе понятно, что правители взаимно поддерживали въ этомъ случаѣ другъ друга. Помпей послѣ катастрофы при Адуатукѣ уступилъ Цезарю заимообразно зимою 700 года одинъ изъ находившихся въ отпуску италійскихъ легіоновъ своихъ; съ другой стороны Цезарь далъ Помпею свое согласіе и нравственную поддержку во время репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ имъ противъ неудобной республиканской оппозиціи. Только послѣ того, какъ въ началѣ 702 года Помпей этимъ путемъ захватилъ въ свои руки неразд ѣльную консульскую власть и вліяніе въ столицѣ, положи-

Диктатура Помпея.

тельно превышавшее вліяніе Цезаря, и когда въ Италіи все годное къ военной службѣ населеніе принесло воинскую присягу на его имя, онъ принялъ рѣшеніе, какъ можно скорѣе и открыто порвать сношенія съ Цезаремъ; намѣреніе это проявилось достаточно ясно. Если послѣ свалки на аппіевой дорогѣ судебное преслѣдованіе съ безпощадною суровостью карало именно старыхъ демократическихъ приверженцевъ Цезаря, то это могло еще считаться простой неловкостью. Если новый законъ о проискахъ во время выборовъ, получившій обратное дѣйствіе вплоть до 684 года, коснулся и сомнительныхъ событій, сопровождавшихъ избраніе Цезаря въ консулы, то и это было, быть можетъ, не болѣе, какъ неловкостью, хотя не мало цезаріанцевъ видѣло въ этомъ опредѣленное намѣреніе. Но, даже при большомъ запасѣ доброй воли невозможно было долѣе закрывать глаза, когда Помпей избралъ себѣ въ товарищи по консульству не своего прежняго тестя Цезаря, что слѣдовало бы сдѣлать по положенію вещей и что требовалось неоднократно, а напротивъ приставилъ себѣ, въ видѣ вполнѣ зависимаго отъ себя фигуранта, своего новаго тестя, Сципіона; еще менѣе можно было закрывать глаза, когда Помпей устроилъ себѣ продленіе своего намѣстничества въ обѣихъ частяхъ Испаніи еще на дальнѣйшія пять лѣтъ, т. е., до 709 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдачу изъ государственной казны на жалованье войскамъ значительной опредѣленной суммы, не только не выговоривъ для Цезаря того же продленія власти и той же выдачи денегъ, а напротивъ подготовивъ выпущенными одновременно съ этимъ новыми постановленіями, относительно замѣщенія должности намѣстника отозваніе Цезаря ранѣе условленнаго срока. Захваты эти несомнѣнно должны были подорвать положеніе Цезаря и вслѣдъ за тѣмъ ниспровергнуть его. Минута для того была какъ нельзя болѣе благопріятна. Цезарь лишь потому сдѣлалъ въ Лукѣ столько уступокъ Помпею, что Крассъ и его сирійская армія неизбѣжно перешли бы къ Цезарю въ случаѣ разрыва съ Помпеемъ, такъ какъ на Красса, глубоко враждебнаго Помпею со временъ Суллы и почти столь же давно, лично и политически, связаннаго съ Цезаремъ,—на Красса, который по особенностямъ своего характера, удовлетворился бы, въ случаѣ, еслибъ ему не удалось быть самому царемъ Рима, ролью хоть банкира новаго римскаго царя, Цезарь могъ вообще разсчитывать и ни въ какомъ случаѣ не могъ опасаться увидѣть въ немъ союзника своихъ враговъ. Іюньская катастрофа 701 года, во время которой погибли въ Сиріи и войско и полководецъ, была поэтому тяжкимъ ударомъ и для Цезаря. Немного мѣсяцевъ спустя въ Галліи, казавшейся вполнѣ покоренною, вспыхнуло сильнѣе, чѣмъ когда либо, національное возстаніе, и противъ Цезаря впервые выступилъ въ лицѣ арвернскаго царя Верцингеторига достойный соперникъ. Еще

Тайные происки Помпея противъ Цезаря.

разъ судьба поработала за Помпея. Крассъ умеръ, вся Галлія находилась въ возстаніи, Помпей фактически былъ диктаторомъ Рима и повелителемъ сената,—чего только нельзя было сдѣлать, еслибъ онъ теперь вмѣсто того, чтобы вести долгую интригу противъ Цезаря, просто принудилъ сенатъ или гражданство немедленно отозвать Цезаря изъ Галліи!—Но Помпей никогда не умѣлъ уловить счастія. Онъ весьма ясно обнаруживалъ желаніе разрыва; еще въ 702 году поступки его не оставляли никакого сомнѣнія въ этомъ, а весною 703 года онъ уже открыто выказывалъ свое намѣреніе порвать сношенія съ Цезаремъ, но не порывалъ ихъ, и мѣсяцы протекали одинъ за другимъ безполезно.

Старинныя названія партій и претенденты. Демократія и Цезарь.

Однако, какъ ни медлилъ Помпей, кризисъ все таки безостановочно приближался, благодаря тяготѣнію самихъ обстоятельствъ.— Предстоявшая война не была борьбою между республикою и монархіею,— вопросъ этотъ былъ рѣшенъ уже за много лѣтъ передъ тѣмъ,—а борьбой между Цезаремъ и Помпеемъ изъ-за римской короны. Но ни одинъ изъ претендентовъ не находилъ для себя выгоднымъ произнести рѣшающее слово; этимъ онъ загналъ бы въ лагерь противника ту весьма значительную часть гражданства, которая желала республики и вѣрила въ возможность ея существованія. Старинные боевые клики Гракха и Друза, Цинны и Суллы, какъ ни обветшали они, какъ ни стали безсодержательными, все еще годились въ боевой призывъ къ борьбѣ между двумя полководцами, состязавшимися изъ-за единодержавія; и если временно Помпей и Цезарь причисляли себя оффиціально къ такъ называемой народной партіи, то все таки никто не могъ сомнѣваться ни минуты въ томъ, что Цезарь поставитъ на своемъ знамени народность и демократическій прогрессъ, Помпей же аристократію и существующую конституцію. Цезарь не имѣлъ выбора. Онъ былъ по природѣ своей глубоко убѣжденный демократъ; монархія, какъ онъ ее понималъ, разнилась болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ по существу своему, отъ народнаго правленія Гракха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ государственнымъ человѣкомъ съ слишкомъ возвышеннымъ и глубокимъ взглядомъ, для того, чтобы скрывать свои убѣжденія и бороться подъ другимъ знаменемъ, кромѣ своего собственнаго. Непосредственная польза, которую доставлялъ ему избранный имъ девизъ, была, правда, ничтожна; она ограничивалась въ главныхъ чертахъ тѣмъ, что избавляла Цезаря отъ неудобства называть царскую власть по имени и пугать этимъ гонимымъ словомъ массу людей равнодушныхъ и собственныхъ приверженцевъ. Положительную прибыль демократическое знамя врядъ ли доставляло съ той поры, какъ идеалы Гракховъ были опозорены и сдѣланы смѣшными Клодіемъ; гдѣ была теперь та сколько-нибудь значительная среда, за исключеніемъ развѣ Транспаданцевъ, которая дала бы боевому клику

демократовъ увлечь себя къ участію въ борьбѣ? — Это опредѣлило бы роль Помпея въ предстоявшемъ состязаніи, еслибъ и безъ того не было вполнѣ понятно, что онъ долженъ былъ выступить въ немъ, какъ полководецъ законной республики. Природа назначила его, болѣе чѣмъ кого либо другого, на роль члена аристократіи, и только совершенно случайные и весьма эгоистическіе мотивы сдѣлали его перебѣжчикомъ изъ аристократическаго въ демократическій лагерь. Если онъ вернулся теперь къ своимъ сулловскимъ традиціямъ, то это было нетолько въ порядкѣ вещей, но и во всѣхъ отношеніяхъ существенно полезно. Насколько обветшалъ демократическій боевой кликъ, настолько же сильно должно было быть дѣйствіе консервативнаго девиза, если онъ заявлялся человѣкомъ способнымъ. Быть можетъ, большинство, а во всякомъ случаѣ ядро гражданства принадлежало къ конституціонной партіи; по своей численной и нравственной силѣ она была вполнѣ призвана вмѣшаться въ предстоявшую борьбу претендентовъ энергическимъ, быть можетъ, рѣшающимъ образомъ. Ей недоставало только вождя. Маркъ Катонъ, ея глава въ данную минуту, исполнялъ, насколько могъ, свою обязанность, ежедневно подвергая свою жизнь опасности и, вѣроятно, даже безъ надежды на успѣхъ. Его вѣрность долгу достойна уваженія, но оставаться послѣднимъ на потерянномъ посту похвально для солдата, но не для полководца. Онъ не съумѣлъ ни организовать, ни своевременно вовлечь въ бой громадный резервъ, какъ бы самъ собою организовавшійся въ Италіи въ поддержку партіи ниспровергнутаго правительства, а что касается того дѣла, отъ котораго въ сущности все зависѣло, именно вліянія на армію, то на это онъ, по весьма основательной причинѣ, никогда не заявлялъ притязаній. Еслибъ вмѣсто этого человѣка, не умѣвшаго быть ни вождемъ, ни полководцемъ, знамя существующей конституціи было поднято человѣкомъ съ политическимъ и военнымъ значеніемъ Помпея, то муниципалы Италіи естественно стали бы стекаться къ нему толпами, чтобы бороться подъ этимъ знаменемъ, правда, не за царя Помпея, но по крайней мѣрѣ противъ царя Цезаря. Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство, по меньшей мѣрѣ столь же важное. Помпей отличался привычкою, даже принявъ разъ рѣшеніе, не находить путей къ его исполненію. Онъ съумѣлъ бы, быть можетъ, вести войну, но ни въ какомъ случаѣ не могъ бы мотивировать ее: за то партія Катона была ужъ, конечно, неспособна вести войну, но очень способна, и главное, очень готова мотивировать борьбу противъ возникавшей монархіи. Согласно намѣреніямъ Помпея, въ то время пока онъ самъ держался бы въ сторонѣ и по своему обыкновенію говорилъ бы то о своемъ желаніи отправиться въ скоромъ времени въ свои испанскія провинціи, то о путешествіи на Евфратъ для принятія тамъ

начальства, — законное правительство, т. е. сенатъ, должно было порвать сношенія съ Цезаремъ, объявить ему войну и поручить веденіе ея Помпею, который тогда, уступая общему желанію, собирался выступить, какъ защитникъ конституціи противъ демагогомонархическихъ происковъ, какъ честный человѣкъ и поборникъ существующаго порядка противъ кутилъ и анархистовъ, какъ хорошо вознаграждаемый полководецъ куріи противъ императора съ улицы, и снова задумывалъ спасти отечество. Такимъ образомъ Помпей, благодаря союзу съ консервативами, получилъ съ одной стороны пригодный военный манифестъ; выгоды эти, правда, покупались высокою цѣною соглашенія съ принципіальными противниками. Изъ безчисленныхъ неудобствъ, коренившихся въ этой коалиціи, развилось прежде всего лишь одно, но весьма серьозное, именно то, что Помпей лишалъ себя возможности нанести ударъ Цезарю, когда и какъ ему захочется, и въ этомъ важномъ вопросѣ дѣлалъ себя зависимымъ отъ всѣхъ случайностей и капризовъ дворянской корпораціи.

Республиканцы. Такимъ образомъ республиканская оппозиція, послѣ того, какъ она въ теченіе многихъ лѣтъ должна была довольствоваться ролью зрительницы и едва смѣла подавать голосъ, снова появилась на политической аренѣ, благодаря предстоявшему разрыву между правителями. То былъ прежде всего кругъ, сгруппировавшійся около Катона, т. е. тѣ республиканцы, которые рѣшились начать борьбу за республику и противъ монархіи во всякомъ случаѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Плачевный исходъ попытки 698 года вразумилъ ихъ, что, сами по себѣ, они не въ состояніи ни вести войны, ни даже вызвать ее; всѣмъ было извѣстно, что въ сенатѣ вся корпорація, за немногими одиночными исключеніями была, правда, враждебна монархіи, но что большинство хотѣло возстановить олигархическое правленіе лишь тогда, когда это можно будетъ сдѣлать безъ риску, а до этого было, конечно, еще далеко. Имѣя передъ собою съ одной стороны правителей, съ другой это безсильное большинство, требовавшее прежде всего и во что бы то ни стало мира и болѣе всего нерасположенное къ рѣшительному разрыву съ тѣмъ или другимъ изъ правителей, катонова партія видѣла единственную возможность достигнуть возстановленія стариннаго порядка въ союзѣ съ менѣе опаснымъ изъ правителей. Еслибъ Помпей высказался въ пользу олигархической конституціи и предложилъ бороться за нее противъ Цезаря, то республиканская оппозиція могла и даже должна была бы признать его своимъ полководцемъ и въ союзѣ съ нимъ принудить трусливое большинство объявить войну. Что Помпей не былъ серьозно преданъ конституціи—это не могло быть, конечно, тайной ни для кого, но, нерѣшительный, какъ всегда, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не сознавалъ такъ ясно

и твердо, какъ Цезарь, что первымъ дѣломъ новаго монарха должно было быть основательное и окончательное очищеніе всего олигархическаго хлама. Во всякомъ случаѣ война содѣйствовала образованію настоящаго республиканскаго войска и республиканскихъ полководцевъ, и послѣ побѣды надъ Цезаремъ можно было приступить съ болѣе благопріятными шансами къ устраненію не только одного изъ монарховъ, но и возникавшей монархіи. При отчаянномъ положеніи олигархіи, предложеніе Помпея соединиться съ нею было для нея самымъ благопріятнымъ исходомъ.

Союзъ съ Помпеемъ.

Заключеніе союза между Помпеемъ и партіею Катона послѣдовало сравнительно скоро. Еще во время диктатуры Помпея произошло съ обѣихъ сторонъ замѣтное сближеніе. Весь образъ дѣйствій Помпея во время милонова кризиса, его рѣзкій отказъ предлагавшимъ ему диктатуру плебеямъ, опредѣленно выраженное имъ намѣреніе принять эту должность только отъ сената, его неумолимая строгость ко всевозможнымъ нарушителямъ порядка и въ особенности къ крайнимъ демократамъ, поразительная предупредительность, съ которою онъ относился къ Катону и его единомышленникамъ—все это настолько же должно было привлечь друзей порядка, как и оскорбить демократа Цезаря. Съ другой стороны и Катонъ съ его приверженцами приняли съ незначительными измѣненіями въ формѣ предложеніе передать диктатуру Помпею, вмѣсто того, чтобы бороться противъ него съ обычнымъ ригоризмомъ; Помпей получилъ нераздѣльную консульскую власть прямо изъ рукъ Бибула и Катона. Если такимъ образомъ еще въ началѣ 702 года партія Катона и Помпей понимали уже другъ друга, по крайней мѣрѣ втихомолку, то союзъ могъ считаться формально заключеннымъ съ той поры, когда во время консульскихъ выборовъ на 703 годъ самъ Катонъ не былъ, правда, выбранъ, но за то выборъ палъ рядомъ съ незначительнымъ членомъ сенатскаго большинства на самаго рѣшительнаго приверженца Катона, Марка Клавдія Марцелла. Марцеллъ не былъ запальчивымъ дѣятелемъ, а еще менѣе геніемъ, но стойкимъ и суровымъ аристократомъ, какъ разъ тѣмъ человѣкомъ, который могъ бы объявить войну Цезарю, когда она должна была начаться. При существующихъ обстоятельствахъ этотъ выборъ, столь поразительный послѣ репрессивныхъ мѣръ, непосредственно передъ тѣмъ принятыхъ противъ республиканской оппозиціи, врядъ ли могъ состояться иначе, какъ съ согласія или, по крайней мѣрѣ, съ молчаливаго допущенія временнаго повелителя Рима. Медленно и тяжеловѣсно, по обыкновенію, но неуклонно шелъ Помпей къ разрыву.

Пассивное сопротивленіе Цезаря.

Напротивъ того Цезарь не имѣлъ намѣренія порвать какъ разъ въ эту минуту съ Помпеемъ. Конечно, онъ не могъ серьозно желать дѣлить долгое время власть съ какимъ либо товарищемъ, и всего

менѣе съ такимъ ничтожнымъ, какъ Помпей, и, безъ сомнѣнія, онъ давно рѣшилъ завладѣть единодержавіемъ послѣ покоренія Галліи и, въ случаѣ нужды, добиться этого даже съ оружіемъ въ рукахъ. Но человѣкъ, подобный Цезарю, въ которомъ воинъ несомнѣнно уступалъ государственному дѣятелю, не могъ не понять, что устроеніе государственнаго организма силою оружія могло глубоко и навсегда потрясти его въ будущемъ, и поэтому долженъ былъ стараться разрѣшить усложненіе мирными средствами или, по крайней мѣрѣ, безъ открытой междоусобной войны. Если же усобица все таки была неизбѣжна, то во всякомъ случаѣ Цезарь не могъ желать, чтобы обстоятельства вызвали ее именно теперь, когда въ Галліи возстаніе Верцингеторига снова подвергло сомнѣнію всѣ добытые результаты и безпрерывно занимало его съ зимы $^{701}/_{2}$ до зимы $^{702}/_{3}$, и когда Помпей вмѣстѣ съ враждебной ему въ основѣ конституціонной партіей повелѣвали въ Италіи. Поэтому онъ старался поддерживать сношенія съ Помпеемъ и тѣмъ самымъ и миръ, и добиться, если это еще было возможно, мирнымъ путемъ, обѣщаннаго ему еще въ Лукѣ, консулата на 706 годъ. Еслибы по окончательномъ завершеніи кельтскихъ дѣлъ, онъ былъ поставленъ во главѣ государства законнымъ путемъ, то, превосходя Помпея гораздо болѣе, какъ государственный человѣкъ, чѣмъ, какъ полководецъ, онъ могъ спокойно разсчитывать на то, что ему безъ особаго труда удастся вытѣснить его изъ куріи и съ форума. Быть можетъ, возможно было добиться для тяжеловѣснаго, неоткровеннаго и заносчиваго соперника какого нибудь почетнаго и вліятельнаго положенія, гдѣ онъ готовъ былъ бы вполнѣ стушеваться; неоднократныя попытки Цезаря остаться въ родствѣ съ Помпеемъ могли имѣть цѣлью подготовить подобное рѣшеніе вопроса и привести къ окончанію старинную распрю, подавъ надежду на переходъ власти къ потомству обоихъ соперниковъ. Республиканская оппозиція осталась бы тогда безъ вождя, слѣдовательно, по всей вѣроятности сохранила бы спокойствіе, и миръ былъ бы сохраненъ. Въ случаѣ же, еслибъ это не удалось, и еслибъ (что было весьма вѣроятно) оружіе все-таки должно было рѣшить дѣло, тогда Цезарь, какъ консулъ Рима, располагалъ бы послушнымъ сенатскимъ большинствомъ, могъ затруднить, даже, быть можетъ, разстроить коалицію сторонниковъ Помпея съ республиканцами, и вести войну гораздо приличнѣе и выгоднѣе, чѣмъ, еслибъ онъ теперь, въ качествѣ галльскаго проконсула, повелъ войско противъ сената и его полководца. Успѣхъ этого плана зависѣлъ, правда, оттого, будетъ ли Помпей достаточно добродушенъ, чтобы допустить Цезаря до обезпеченнаго за нимъ въ Лукѣ консулата на 706 годъ; но даже, еслибъ планъ этотъ и не удался, для Цезаря все таки было полезно неоднократно и на дѣлѣ заявлять о своей уступчивости. Этимъ частью выигрывалось время,

чтобы достигнуть цѣли въ кельтской странѣ, частью же противникамъ приписывалась неблаговидная инициатива разрыва, т. е. починъ въ междоусобной войнѣ, что было весьма важно для Цезаря, какъ по отношенію къ сенатскому большинству и партіи матеріальныхъ интересовъ, такъ въ особенности ради собственныхъ его солдатъ.— На основаніи этихъ соображеній онъ и сталъ дѣйствовать. Конечно, онъ началъ вооружаться; благодаря новому набору въ зиму $^{702}/_{3}$ года, число его легіоновъ, включая сюда и тѣ, которые были взяты у Помпея, возросло до одиннадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публично и прямо одобрилъ образъ дѣйствій Помпея во время диктатуры и достигнутое имъ возстановленіе порядка въ столицѣ, отвергалъ предостереженія услужливыхъ друзей, какъ клевету, считалъ выгоднымъ для себя каждый лишній день, отсрочивавшій катастрофу, смотрѣлъ сквозь пальцы на все, чего только можно было не замѣчать, и сносилъ все, что можно было терпѣть, непоколебимо держась только одного важнаго требованія—именно, чтобы съ истеченіемъ въ 705 году срока его намѣстничества, ему досталось бы вторичное консульство на 706 годъ, допускаемое республиканскимъ государственнымъ правомъ и гарантированное ему его товарищемъ по особому договору.

Подготовленіе нападковъ на Цезаря.

Этотъ-то вопросъ и сдѣлался теперь предметомъ начавшейся дипломатической войны. Еслибъ Цезарь былъ вынужденъ либо сложить съ себя должность намѣстника еще до конца декабря 705 года, либо отсрочить принятіе службы въ столицѣ долѣе 1 января 706, еслибъ онъ такимъ образомъ между намѣстничествомъ и консульствомъ оставался временно безъ должности, словомъ, былъ бы доступенъ преслѣдованію со стороны уголовнаго суда, допускавшемуся по римскому праву лишь противъ лица неслужащаго, то въ такомъ случаѣ публика имѣла бы полное право предвѣщать ему судьбу Милона, такъ какъ Катонъ давно уже готовился начать противъ него уголовное преслѣдованіе, а Помпей былъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ защитникомъ. Для достиженія этой цѣли противники Цезаря имѣли весьма простое средство. По существовавшему избирательному порядку каждый кандидатъ на консульство былъ обязанъ лично явиться до выборовъ, за полгода до вступленія въ должность, къ руководившему выборами чиновнику и потребовать занесенія своего имени въ оффиціальный списокъ соискателей. При заключеніи лукскаго договора считалось, быть можетъ, понятнымъ само собой, что Цезарь былъ избавленъ отъ этой чисто-формальной обязанности, которая зачастую снималась съ кандидатовъ; но декретъ по этому поводу не былъ изданъ и такъ какъ Помпей управлялъ теперь всѣмъ правительственнымъ механизмомъ, то Цезарь естественно зависѣлъ отъ доброй воли своего соперника. По непонятной причинѣ Помпей добровольно отказался отъ этой обезпеченной оппозиціи; съ его согласія и во время его диктатуры (въ 702 г.) Цезарь осо-

бымъ закономъ, объявленнымъ трибунами, былъ избавленъ отъ личнаго заявленія своей кандидатуры. Когда же вскорѣ послѣ того установленъ былъ новый избирательный порядокъ, то въ немъ обязательство для кандидатовъ лично записываться было вновь подтверждено и не сдѣлано никакихъ исключеній въ пользу тѣхъ, кто былъ избавленъ отъ этой обязанности предшествовавшими народными постановленіями; по формальному праву привиллегія, данная Цезарю, уничтожалась позднѣйшимъ общимъ закономъ. Цезарь принесъ жалобу, и дополнительная статья была введена въ законъ, но не была утверждена особымъ народнымъ постановленіемъ, такъ что это опредѣленіе, бывшее простой вставкой въ уже существующій законъ, могло считаться юридически недѣйствительнымъ. Итакъ, Помпей предпочелъ сперва даровать то, что онъ могъ просто удержать, потомъ взять это назадъ и наконецъ скрыть эту отмѣну самымъ беззаконнымъ образомъ.

Попытка сократить срокъ намѣстничества Цезаря.

Если все это должно было косвенно содѣйствовать сокращенію срока намѣстничества Цезаря, то изданный одновременно съ этимъ уставъ о намѣстничествахъ преслѣдовалъ ту же цѣль уже прямо. Десять лѣтъ, на время которыхъ постановленіемъ, предложеннымъ самимъ Помпеемъ сообща съ Крассомъ, намѣстничество было гарантировано Цезарю, простирались по принятому для этого счисленію, съ 1 марта 695 до конца февраля 705 года. Такъ какъ далѣе, по прежнимъ примѣрамъ, за проконсуломъ или пропреторомъ оставалось право вступать въ свою провинціальную должность немедленно по окончаніи срока консульства или преторства, то преемникъ Цезаря долженъ былъ избираться изъ городскихъ должностныхъ лицъ не 704, а 705 года, и не могъ, слѣдовательно, вступить въ должность раньше 1 января 706 года. Въ силу этихъ соображеній Цезарь имѣлъ еще въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ 705 года, право сохранять власть, не на основаніи помпее-лициніева закона, но сообразно старинному правилу, по которому власть, данная на срокъ, удерживалась даже по истеченіи этого срока, до прибытія преемника. Съ тѣхъ-же поръ, какъ новый уставъ 702 года призвалъ къ постамъ намѣстниковъ не выбывавшихъ въ ту пору консуловъ и преторовъ, но тѣхъ, которые выбыли за пять лѣтъ передъ тѣмъ или даже раньше, и такимъ образомъ вмѣсто практиковавшагося дотолѣ непосредственнаго перехода отъ одной должности къ другой предписывалъ опредѣленный промежутокъ времени,—не было болѣе препятствія немедленно замѣстить инымъ способомъ каждое вакантное по закону намѣстничество, словомъ, въ данномъ случаѣ назначить въ галльскихъ провинціяхъ перемѣну власти не на 1 января 706 года, а на 1 марта 705. Жалкая скрытность Помпея и его нерѣшительное коварство страннымъ образомъ сливаются во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ съ придирчивымъ формализмомъ и юридиче-

ской ученостью конституціонной партіи. За много лѣтъ до того времени, когда можно было воспользоваться этимъ административнымъ оружіемъ, оно подготовлялось, и враги Цезаря приняли всѣ мѣры частью для того, чтобы посредствомъ присылки ему преемниковъ принудить его сложить съ себя власть въ день, когда истекалъ срокъ, назначенный ему закономъ самого Помпея, т. е. 1 марта 705 года, частью для того, чтобы имѣть возможность признать недѣйствительными благопріятные ему списки голосовъ при выборахъ на 706 годъ. Цезарь, не имѣя средства помѣшать этимъ маневрамъ, молчалъ и оставлялъ дѣлу развиться далѣе.

Пренія объ отозваніи Цезаря.

Постепенно двигались впередъ конституціонные происки. На основаніи обычая сенатъ долженъ былъ обсуждать вопросъ о намѣстничествахъ на 705 годъ, если они предназначались бывшимъ консуламъ, въ началѣ 703 года, если же бывшимъ преторамъ, то въ началѣ 704; первое совѣщаніе дало и первый поводъ къ обсужденію въ сенатѣ назначенія новыхъ намѣстниковъ для обѣихъ Галлій, и вмѣстѣ съ тѣмъ и поводъ къ открытому столкновенію между выдвинутой Помпеемъ конституціонной партіей и приверженцами Цезаря въ сенатѣ. Консулъ Маркъ Марцеллъ предложилъ передать съ 1 марта того года двумъ консуларамъ, которыхъ надлежало надѣлить намѣстничествами, два намѣстническихъ поста, до той поры управлявшіеся проконсуломъ Гаемъ Цезаремъ. Долго сдерживавшееся озлобленіе ринулось бурнымъ потокомъ чрезъ поднятые наконецъ шлюзы; во время этихъ переговоровъ было высказано все, что было у катоніанцевъ на душѣ противъ Цезаря. Для нихъ было несомнѣнно, что право, дарованное исключительнымъ закономъ проконсулу Цезарю заочно записываться на консульскіе выборы, было отмѣнено позднѣйшимъ народнымъ постановленіемъ и не допущено и на будущее время. По ихъ мнѣнію, сенатъ долженъ былъ принудить это должностное лицо немедленно распустить выслужившихся солдатъ, такъ какъ покореніе Галліи уже окончено. Начатая Цезаремъ въ верхней Италіи раздача гражданскихъ правъ и заложеніе колоній были признаны антиконституціонными и недѣйствительными; для дальнѣйшаго поясненія своего мнѣнія Марцеллъ постановилъ надъ однимъ вліятельнымъ членомъ совѣта въ цезаревой колоніи Комѣ приговоръ, въ силу котораго онъ долженъ былъ быть высѣченъ,—наказаніе, допускавшееся только относительно людей, не имѣвшихъ гражданскихъ правъ, между тѣмъ какъ, даже еслибъ эта мѣстность пользовалась неполнымъ гражданскимъ, а только латинскимъ правомъ, лицо это могло требовать для себя привиллегій римскаго гражданина. Постоянные заступники Цезаря, главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Гай Вибій Панза, сынъ человѣка, лишеннаго Суллою правъ, но все таки попавшій на политическую карьеру и бывшій прежде военачальникомъ въ арміи Цезаря, а въ этомъ году

народнымъ трибуномъ, заявили въ сенатѣ, что, какъ положеніе дѣлъ въ Галліи, такъ и справедливость требуютъ не только не отзывать Цезаря до времени, а напротивъ оставить за нимъ военную власть наряду съ консульствомъ; безъ сомнѣнія они указали и на то, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Помпей совершенно такимъ же образомъ соединялъ испанскія намѣстничества съ консулатомъ, и даже въ настоящее время, кромѣ важнаго главнаго надзора надъ столичнымъ продовольствіемъ, соединяетъ еще съ должностью испанскаго главнокомандующаго ту же должность и въ Италіи, гдѣ все годное къ оружію населеніе принесло ему присягу и еще не освобождено отъ нея. Процессъ началъ формулироваться, но отъ этого онъ не пошелъ быстрѣе. Сенатское большинство, предвидя разрывъ, цѣлые мѣсяцы не допускало состояться ни одному засѣданію, годному для постановленія рѣшенія; не мало мѣсяцевъ пропало еще въ торжественныхъ колебаніяхъ самаго Помпея. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе и все еще, конечно, сдержанно и неопредѣленно, но уже достаточно ясно пошелъ противъ своего прежняго союзника, ставъ на сторону конституціонной партіи. Требованіе цезаріанцевъ соединить въ лицѣ ихъ главы консульство съ проконсульствомъ, было отвергнуто имъ кратко и рѣзко; съ нелѣпой грубостью онъ присовокупилъ, что предложеніе это представляется ему не лучше того, какъ еслибъ сынъ предложилъ отцу дать ему палочные удары. Съ предложеніемъ Марцелла онъ согласился въ принципѣ настолько, что высказалъ свое намѣреніе не позволить Цезарю соединить непосредственно консулатъ съ проконсульствомъ. Однако онъ далъ понять, не высказавшись впрочемъ насчетъ этого опредѣленно, что Цезарь, быть можетъ, будетъ въ крайнемъ случаѣ допущенъ къ выборамъ на 706 годъ безъ личнаго заявленія съ его стороны, и что за нимъ точно также будетъ оставлено и намѣстничество до 13 ноября 705 года. Прежде всего этотъ неисправимо-медлительный человѣкъ согласился отсрочить назначеніе преемника Цезарю до марта, что требовали ходатаи за Цезаря, вѣроятно на основаніи одной изъ статей помпее-лициніева закона, запрещавшаго до начала послѣдняго года цезаревой намѣстнической дѣятельности всякое обсужденіе въ сенатѣ вопроса о преемникѣ ему. Въ этомъ смыслѣ состоялись постановленія сената (29 сентября 703). Вопросъ о замѣщеніи галльскихъ намѣстничествъ былъ поставленъ на очередь на 1 марта 704 года, но къ распущенію войска Цезаря, какъ это было сдѣлано нѣкогда народнымъ постановленіемъ относительно арміи Лукулла, приступили настолько рѣшительно, что ветеранамъ его было предписано за отпускомъ обращаться прямо въ сенатъ. Заступники за Цезаря добились, правда, насколько это дозволяла имъ конституція, отмѣны этихъ постановленій трибунскимъ veto; но Помпей высказалъ однако весьма опредѣленно, что должностныя

лица обязаны безусловно повиноваться сенату и что ходатайство и другія столь же устарѣвшія формальности ничего не измѣнять въ этомъ случаѣ. Олигархическая партія, органомъ которой сдѣлался теперь Помпей, проявляла довольно ясно намѣреніе пересмотрѣть конституцію въ своемъ духѣ послѣ какой-нибудь своей побѣды и устранить все, что только напоминало народныя вольности; вѣроятно, по той же причинѣ партія эта не хотѣла пользоваться комиціями въ своихъ нападкахъ на Цезаря. Такимъ образомъ союзъ между Помпеемъ и конституціонною партіею былъ формально заявленъ, приговоръ надъ Цезаремъ очевидно уже произнесенъ и только срокъ начала дѣйствій не былъ еще назначенъ. Выборы на слѣдующій годъ всѣ были проведены въ враждебномъ ему духѣ.

Приготовленія Цезаря.

Во время этихъ воинственныхъ маневровъ партіи его противниковъ Цезарю удалось справиться съ галльскимъ движеніемъ и возстановить миръ во всѣхъ покоренныхъ земляхъ. Еще лѣтомъ 703 года, подъ удобнымъ предлогомъ обороны границъ, но очевидно съ намѣреніемъ показать, что легіоны начинютъ оказываться лишними въ Галліи, онъ двинулъ одинъ изъ нихъ въ сѣверную Италію. Если онъ не понялъ раньше, то теперь, конечно, долженъ былъ сознать, что ему неизбѣжно придется направить мечъ противъ согражданъ; тѣмъ не менѣе онъ и теперь все еще старался медлить, такъ какъ для него было весьма важно оставить еще на время легіоны въ едва умиротворенной Галліи; хорошо зная крайнее миролюбіе сенатскаго большинства, онъ все еще не терялъ надежды удержать его отъ объявленія войны, несмотря на давленіе Помпея. Онъ не страшился даже большихъ жертвъ, для того только, чтобы не стать сейчасъ же въ открытое противорѣчіе съ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ. Когда сенатъ (весною 704 года), по настоянію Помпея, обратился, какъ къ нему самому, такъ и къ Цезарю съ требованіемъ дать по одному легіону для предстоявшей парѳянской войны, и когда въ силу этого постановленія Помпей потребовалъ отъ Цезаря для отправки въ Сирію легіонъ, предоставленный имъ Цезарю за много лѣтъ передъ тѣмъ, Цезарь исполнилъ это двоякое требованіе, такъ какъ невозможно было оспаривать ни своевременности этого сенатскаго постановленія, ни справедливости требованія Помпея; Цезарь же болѣе дорожилъ соблюденіемъ законности и формальной честностью, чѣмъ нѣсколькими лишними тысячами солдатъ. Оба легіона прибыли немедленно и были переданы администраціи, но, вмѣсто того, чтобы послать ихъ на Евфратъ, правительство оставило ихъ въ Капуѣ въ распоряженіи Помпея, и публика снова имѣла случай сравнить откровенныя старанія Цезаря отклонить разрывъ съ вѣроломными приготовленіями къ войнѣ его противниковъ.

Куріонъ.

Для переговоровъ съ сенатомъ Цезарю удалось не только подку-

пить одного изъ двухъ консуловъ того года, Люція Эмилія Павла, но и народнаго трибуна Гая Куріона, вѣроятно, самаго выдающагося изъ безпутныхъ геніевъ той эпохи *), человѣка неподражаемаго по аристократическому изяществу, плавной и остроумной рѣчи, умѣнью интриговать и той силѣ дѣятельности, которая въ энергическихъ, но развращенныхъ характерахъ сказывается всего сильнѣе именно въ промежуткахъ бездѣйствія,—неподражаемаго и по своей распущенности, и по своему таланту дѣлать долги,—ихъ оцѣнивали въ 60 милліоновъ сестерцій (4½ милліона талеровъ)—и по своей нравственной и политической безпринципности. Онъ уже раньше хотѣлъ продать себя Цезарю, но былъ отвергнутъ имъ; дарованія, обнаруженныя имъ съ той поры въ его нападкахъ на Цезаря, побудили этого послѣдняго все-таки подкупить его,—цѣна была высока, но товаръ стоилъ денегъ. Въ первые мѣсяцы своего трибуната Куріонъ разыгрывалъ роль независимаго республиканца и въ качествѣ его громилъ какъ Цезаря, такъ и Помпея. Безпристрастнымъ, какъ казалось, положеніемъ, которое эта роль ему давала, онъ воспользовался съ рѣдкимъ умѣньемъ для того, чтобы, когда въ мартѣ 704 года снова возбуждалось въ сенатѣ замѣщеніе галльскихъ намѣстничествъ на слѣдующій годъ, вполнѣ согласиться съ этимъ постановленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовать одновременнаго распространенія его и на Помпея и его чрезвычайную власть. Данныя имъ разъясненія, гдѣ говорилось, что конституціоннаго порядка можно добиться только устраненіемъ всѣхъ исключительныхъ положеній, что Помпей, получивъ проконсульство только изъ рукъ сената, еще гораздо менѣе Цезаря могъ отказать ему въ повиновеніи, что одностороннее устраненіе одного изъ двухъ военачальниковъ только увеличило бы опасность для конституціи,—все это показалось вполнѣ убѣдительнымъ для политическихъ недоучекъ и массы публики, и заявленіе Куріона о своемъ намѣреніи помѣшать одностороннему дѣйствію противъ Цезаря посредствомъ veto, предоставленнаго ему конституціею, было встрѣчено весьма одобрительно, какъ въ сенатѣ, такъ и внѣ его. Цезарь немедленно заявилъ полнѣйшее согласіе на предложеніе Куріона и вызвался во всякое время сложить съ себя по требованію сената должность намѣстника и главнокомандующаго, если только Помпей поступитъ такъ-же; онъ могъ сдѣлать это, такъ какъ безъ званія италійско-испанскаго главнокомандующаго Помпей не былъ бы болѣе страшенъ. Но съ другой стороны по той же причинѣ Помпей не могъ не возражать; его требованіе, чтобы Цезарь сперва сложилъ съ себя должность, послѣ чего онъ вскорѣ послѣдуетъ данному примѣру, тѣмъ менѣе удовлетворило всѣхъ, что онъ не назначилъ даже

*) Homo ingeniosissime nequam (Веллей, 2, 48).

опредѣленнаго срока для своей отставки. Рѣшеніе опять пріостановилось на нѣсколько мѣсяцевъ. Помпей и катоніанцы, видя сомнительное настроеніе сенатскаго большинства, не смѣли пустить на голоса предложеніе Куріона. Цезарь воспользовался лѣтомъ, чтобы убѣдиться въ мирномъ состояніи завоеванныхъ имъ странъ, сдѣлать на Шельдѣ большой смотръ своимъ войскамъ и совершить тріумфальное шествіе по вполнѣ преданному ему сѣверо-италійскому намѣстничеству; осень застала его въ южномъ пограничномъ городѣ его провинціи, Равеннѣ. Голосованіе предложенія Куріона, долѣе отсрочить которое было невозможно, наконецъ состоялось и подтвердило пораженіе партіи Помпея и Катона во всемъ ея объемѣ. 370 голосами противъ 20 сенатъ опредѣлилъ немедленно пригласить проконсуловъ Испаніи и обѣихъ Галлій сложить съ себя должности; съ безграничнымъ ликованіемъ узнали добрые римскіе граждане радостную вѣсть о спасительномъ дѣяніи Куріона. Итакъ, Помпей былъ отозванъ сенатомъ наравнѣ съ Цезаремъ, но въ то время, какъ Цезарь былъ готовъ исполнить приказаніе, Помпей наотрѣзъ отказался повиноваться. Предсѣдательствовавшій консулъ, Гай Марцеллъ, двоюродный братъ Марка Марцелла, подобно ему принадлежавшій къ катоновой партіи, обратился съ горькой, укоризненной рѣчью къ раболѣпному большинству; и дѣйствительно, досадно было быть разбитымъ въ собственномъ станѣ, пораженнымъ посреди фаланги трусовъ. Но возможно ли было ждать побѣды подъ руководствомъ вождя, который вмѣсто того чтобы кратко и опредѣленно давать сенаторамъ приказанія, ходилъ на старости лѣтъ вторично учиться къ профессору ораторскаго искусства, чтобы одолѣть молодое, свѣжее и блестящее дарованіе Куріона своимъ подновленнымъ краснорѣчіемъ.

Объявленіе войны.

Разбитая въ сенатѣ коалиція находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Фракція Катона взялась довести дѣло до разрыва и увлечь за собой сенатъ, а вмѣсто того видѣла теперь, къ великой своей досадѣ, какъ ея судно разбилось о подводный камень безхарактерности большинства. Вожди ея должны были выслушивать отъ Помпея на совѣщаніяхъ самые горькіе упреки; рѣзко и вполнѣ основательно указывалъ онъ на опасность кажущагося мира и, хотя отъ него одного зависѣло разрубить узелъ быстрымъ движеніемъ, но союзники его отлично знали, что этого никогда не дождутся и что имъ самимъ придется положить конецъ затрудненіямъ, какъ они это обѣщали. Послѣ того, какъ поборники конституціи и сенатской власти еще прежде объявили конституціонныя права гражданъ и народныхъ трибуновъ безсодержательными формальностями, они увидали себя теперь въ необходимости поступить такимъ же образомъ и съ постановленіями самого сената и спасти законное правительство противъ его воли, такъ какъ оно не хотѣло со-

гласиться на свое спасеніе. Это не было ни новостью, ни случайностью; подобно тому, какъ теперь Катонъ и его партія, такъ Сулла и Лукуллъ должны были нѣкогда силою проводить каждое энергическое рѣшеніе, принятое въ собственныхъ интересахъ правительства: конституціонная машина была совершенно испорчена, и какъ комиціи въ теченіе уже нѣсколькихъ вѣковъ, такъ теперь и сенатъ сталъ лишь свертѣвшимся колесомъ, то и дѣло выбивающимся изъ колеи.—Заговорили о томъ (октяб. 704 г.), что Цезарь перевелъ четыре легіона изъ трансальпійской Галліи въ цизальпійскую и размѣстилъ ихъ около Плаценціи. Хотя это перемѣщеніе войскъ само по себѣ вполнѣ согласно было съ полномочіями намѣстника, и Куріонъ кромѣ того ясно доказалъ въ сенатѣ полную неосновательность этого слуха, и хотя курія большинствомъ голосовъ отклонила предложеніе консула Гая Марцелла предписать Помпею выступить въ походъ противъ Цезаря,—не смотря на это названный консулъ вмѣстѣ съ обоими выбранными на 705 годъ также изъ рядовъ катоновой партіи консулами явились къ Помпею, и эти три лица, въ силу своихъ полномочій, вызвали полководца стать во главѣ обоихъ легіоновъ, стоящихъ у Капуи и, по своему усмотрѣнію, призвать къ оружію италійское ополченіе. Трудно было-бы измыслить болѣе противозаконное полномочіе для начала междоусобія; но не было времени заботиться о такихъ побочныхъ соображеніяхъ; Помпей принялъ его. Начались военныя приготовленія. наборы; Помпей въ декабрѣ 704 г. оставилъ столицу, чтобъ лично ускорить ихъ.

Ультиматумъ Цезаря. Цезарю вполнѣ удалось навязать своимъ противникамъ починъ въ междоусобной войнѣ. Стоя самъ на почвѣ законности, онъ принудилъ Помпея объявить войну, и притомъ не въ качествѣ представителя законной власти, но какъ полководца, выставленнаго открыто революціоннымъ сенатскимъ меньшинствомъ, терроризирующимъ большинство. Этотъ успѣхъ былъ немаловаженъ, хотя инстинктъ массы ни на минуту нельзя было увѣрить, что въ этой войнѣ дѣло не идетъ ни о чемъ иномъ, кромѣ формальныхъ юридическихъ вопросовъ. Когда же война была разъ объявлена, въ интересахъ Цезаря было какъ можно скорѣе довести дѣло до столкновенія. Вооруженія противниковъ только что были начаты, и даже столица не была занята войсками. Черезъ десять или двѣнадцать дней тамъ могла собраться армія, въ три раза превосходящая численностью стоявшія въ Верхней Италіи войска Цезаря; но еще не было вполнѣ невозможно захватить беззащитный Римъ, даже, быть можетъ, послѣ быстраго зимняго похода завладѣть всею Италіей и отрѣзать противниковъ отъ ихъ надежнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ, прежде чѣмъ они успѣютъ воспользоваться ими. Умный и энергическій Куріонъ, который, сложивъ съ себя званіе трибуна (9 дек. 704), сейчасъ

же отправился къ Цезарю въ Равенну, живо изобразилъ своему повелителю положеніе дѣлъ,—но врядъ-ли это было особенно нужно, чтобъ показать Цезарю, что дальнѣйшая медлительность можетъ быть только вредною. Но, такъ какъ онъ, не желая давать противникамъ повода къ жалобамъ, до той поры не стягивалъ въ Равенну никакихъ войскъ, онъ въ данную минуту могъ только предписать всей своей арміи немедленно выступить и долженъ былъ ожидать, пока въ Равенну подойдетъ по крайней мѣрѣ одинъ близко стоявшій легіонъ. Тѣмъ временемъ онъ послалъ въ Римъ ультиматумъ, который былъ пригоденъ хоть потому, что крайней уступчивостью еще болѣе компрометтировалъ противниковъ передъ общественнымъ мнѣніемъ; кромѣ того, какъ будто выказывая нерѣшительность, онъ побуждалъ враговъ съ меньшей старательностью вести свои вооруженія. Въ этомъ ультиматумѣ Цезарь отказывался отъ заявленныхъ имъ прежде Помпею требованій, и съ своей стороны вызывался въ срокъ, установленный сенатомъ, сложить съ себя намѣстничество транзальпійской Галліи и изъ десяти собственныхъ легіоновъ распустить восемь; онъ заявилъ, что будетъ считать себя удовлетвореннымъ, если сенатъ оставитъ ему или намѣстничество цизальпійской Галліи и Иллиріи съ однимъ легіономъ, или одной лишь цизальпійской Галліи съ двумя легіонами, не до вступленія въ должность консула, но до окончанія консульскихъ выборовъ на 706 годъ. Онъ принималъ такимъ образомъ тѣ условія соглашенія, которыми въ началѣ переговоровъ сенатская партія, и даже самъ Помпей, заявили готовность удовольствоваться, и высказалъ желаніе остаться частнымъ лицомъ во все время отъ избранія въ консулы до вступленія въ должность. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, серьозно ли дѣлалъ Цезарь эти удивительныя уступки и надѣялся ли онъ выиграть въ борьбѣ съ Помпеемъ даже при такихъ условіяхъ, или же разсчитывалъ онъ на то, что противная сторона уже такъ далеко зашла, что въ подобномъ проектѣ соглашенія увидитъ только доказательство, что Цезарь считаетъ свое дѣло потеряннымъ. Вѣроятнѣе всего, Цезарь скорѣе ошибочно вдался въ слишкомъ смѣлую игру, чѣмъ впалъ въ худшую ошибку, давая обѣщаніе, которое не расположенъ былъ исполнить,—и, еслибъ какимъ нибудь чудомъ его предложенія были приняты, онъ сдержалъ бы свое слово.

Послѣднія пренія въ сенатѣ.

Куріонъ взялся еще разъ явиться представителемъ своего господина въ самое логовище льва. Въ три дня пронесся онъ по дорогѣ отъ Равенны въ Римъ; когда новые консулы, Люцій Лентулъ и Гай Марцеллъ младшій *), собрали въ первый разъ сенатъ 1 ян-

*) Его не нужно смѣшивать съ соименнымъ ему консуломъ 704 года; этотъ послѣдній былъ двоюроднымъ братомъ, консулъ же 705 года роднымъ братомъ Марка Марцелла, консула 703 года.

варя 705 г., Куріонъ передалъ въ полномъ собраніи членовъ посланіе полководца къ сенату. Народные трибуны, Маркъ Антоній, извѣстный въ скандальной городской хроникѣ какъ ближайшій другъ Куріона и соучастникъ всѣхъ его безумствъ, но въ тоже время стяжавшій себѣ въ египетскихъ и галльскихъ походахъ извѣстность блестящаго кавалерійскаго офицера, — и Квинтъ Кассій, бывшій квесторъ Помпея, заботившійся въ отсутствіи Куріона объ интересахъ Цезаря въ Римѣ, заставили сенатъ постановить немедленное прочтеніе депеши. Серьозныя и ясныя выраженія, въ которыхъ Цезарь указывалъ на опасность междоусобной войны, на всеобщее желаніе мира, на горделивыя притязанія Помпея и свою собственную уступчивость, —неотразимая сила правдивости его тона, условія соглашенія, поражавшія, безъ сомнѣнія, даже приверженцевъ Цезаря своею умѣренностью, открытое заявленіе, что теперь въ послѣдній разъ протягивается рука къ примѣренію, произвели самое глубокое впечатлѣніе. Несмотря на боязнь, возбуждаемую солдатами Помпея, во множествѣ стекавшимися въ столицу, въ настроеніи большинства нельзя было сомнѣваться; опасно было бы дать ему высказаться. Консулы, пользуясь своимъ правомъ, какъ предсѣдатели, воспротивились голосованію возобновленнаго Цезаремъ предложенія одновременно обязать обоихъ намѣстниковъ сложить съ себя власть и баллотировкѣ всѣхъ затронутыхъ его посланіемъ примирительныхъ проектовъ, и представленнаго Маркомъ Целіемъ Руфомъ и Маркомъ Калидіемъ предложенія побудить Помпея къ немедленному отъѣзду въ Испанію. Даже предложеніе одного изъ надежнѣйшихъ своихъ же друзей, который только былъ дальновиднѣе своей партіи по отношенію къ военному положенію дѣлъ, —именно Марка Марцелла, совѣтовавшаго отложить рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока италійское ополченіе не соберется подъ оружіе и не защититъ сенатъ, —даже это предложеніе нельзя было довести до голосованія. Помпей поручилъ обыкновенному своему глашатаю, Квинту Сципіону, объявить, что онъ рѣшился, теперь или же никогда, принять на себя защиту сената, и что онъ покинетъ ее, если медлительность будетъ продолжаться и долѣе. Консулъ Лентулъ высказалъ безъ всякихъ околичностей, что собственно нѣтъ особой нужды въ сенатскомъ постановленіи, и что, еслибъ сенатъ захотѣлъ и далѣе оставаться вѣрнымъ своей раболѣпной политикѣ, онъ самъ примется дѣйствовать и въ сообществѣ съ своими могущественными друзьями подготовитъ дальнѣйшія событія. Терроризованное такимъ образомъ, большинство исполнило то, что ему было приказано: оно постановило, что въ назначенный и весьма недалекій срокъ Цезарь долженъ передать транзальпійскую Галлію Люцію Домицію Агенобарбу, а цизальпійскую Марку Сервилію Ноніану, и кромѣ того долженъ распустить войско, и что въ противномъ случаѣ

съ нимъ обойдутся, какъ съ государственнымъ измѣнникомъ. Когда трибуны, державшіе сторону Цезаря, воспользовались своимъ правомъ вмѣшательства, возставъ противъ этого постановленія, они не только подверглись въ самой куріи (такъ по крайней мѣрѣ они сами утверждали) оскорбленіямъ со стороны помпеевыхъ солдатъ, грозившихъ имъ мечемъ, и принуждены были для спасенія своей жизни бѣжать изъ столицы въ невольничьихъ одеждахъ, но кромѣ того совсѣмъ теперь запуганный сенатъ счелъ ихъ вмѣшательство, съ формальной стороны вполнѣ законное, революціонной попыткой, объявилъ, что отечество въ опасности и въ обычныхъ выраженіяхъ созвалъ гражданъ къ оружію и во главѣ вооружившихся поставилъ всѣхъ должностныхъ лицъ, преданныхъ конституціи (7 янв. 705 г.).

Цезарь вступаетъ въ Италію.

Но мѣра уже переполнилась. Когда Цезарь узналъ отъ трибуновъ, спасшихся въ его лагерь и умолявшихъ защитить ихъ, о пріемѣ, встрѣченномъ въ столицѣ его предложеніями, онъ собралъ воиновъ тринадцатаго легіона, тѣмъ временемъ пришедшаго въ Равенну изъ своей стоянки при Тергестѣ (Тріестъ), и объяснилъ имъ положеніе дѣлъ. Въ блестящей рѣчи, произнесенной въ эту потрясающую минуту кризиса въ его собственной участи и въ судьбахъ міра, высказалъ онъ себя не только геніальнымъ сердцевѣдцемъ и властителемъ надъ умами, не только щедрымъ военачальникомъ и побѣдоноснымъ полководцемъ, говорящимъ съ тѣми воинами, которые имъ же были набраны и цѣлыхъ восемь лѣтъ съ возрастающимъ одушевленіемъ шли за его знаменемъ. Рѣчь эту произнесъ именно энергическій и послѣдовательный государственный человѣкъ, который въ теченіе двадцати девяти лѣтъ отстаивалъ дѣло свободы и въ благопріятныя и въ тяжелыя времена, изъ за нея презрѣлъ кинжалы убійцъ, палачей аристократіи, мечи Германцевъ, волны невѣдомаго океана, никогда не отступая и не колеблясь; тотъ самый человѣкъ, который уничтожилъ Суллову конституцію, свергнулъ владычество сената, усилилъ и организовалъ во время борьбы по ту сторону Альпъ безоружную и беззащитную дотолѣ демократію; и онъ говорилъ это не какой нибудь клодіевой публикѣ, чей республиканскій энтузіазмъ давно уже перегорѣлъ и покрылся прахомъ, но молодому воинству, пришедшему изъ городовъ и селъ сѣверной Италіи, которое еще ясно и свѣтло воспринимало могучую идею гражданской свободы, еще способно было бороться и умереть за идеалъ,— которое получило революціоннымъ путемъ, изъ рукъ Цезаря, гражданскія права для своей родной мѣстности, въ чемъ ей отказывало правительство,—которое, въ случаѣ гибели Цезаря, было бы обречено пасть подъ ударами топоровъ и розогъ, и уже имѣло несомнѣнное доказательство, съ какою неумолимостью олигархія желала бы воспользоваться этими карательными средствами противъ

Транспаданцевъ. Передъ такими-то слушателями замѣчательный ораторъ изложилъ все положеніе вещей: благодарность за завоеваніе Галліи, приготовляемую дворянствомъ войску и его полководцу, презрительное упраздненіе комицій, запуганность сената, священный долгъ отстоять съ оружіемъ въ рукахъ отвоеванный предками за пятьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ у дворянства народный трибунатъ, оказаться вѣрными той присягѣ, которую старики принесли отъ имени всѣхъ будущихъ своихъ потомковъ, — грудью защищать общинныхъ трибуновъ, не боясь смерти. Когда вслѣдъ затѣмъ, какъ вождь и полководецъ народной партіи, онъ напомнилъ воинамъ народа, что примирительныя попытки истощены и уступчивость доведена до крайней степени, и вызвалъ солдатъ послѣдовать за нимъ въ послѣдній, неизбѣжный, рѣшительный бой противъ столь-же ненавистнаго, какъ и презрѣннаго, столь-же предательскаго, какъ и неспособнаго и до смѣшной степени неисправимаго дворянства, — тогда не нашлось ни одного офицера, ни одного солдата, который остался бы позади. Выступленіе въ походъ было объявлено; во главѣ авангарда Цезарь перешелъ черезъ узкій ручей, отдѣлявшій его провинцію отъ Италіи и удерживавшій по ту сторону, въ силу конституціи, проконсула Галліи. Вступая послѣ девятилѣтняго отсутствія на родную почву, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ вступалъ на путь революціи. „Жребій былъ брошенъ“.

ГЛАВА X.

Брундизіумъ, Илерда, Фарсалъ и Ѳапсъ.

И такъ, оружіе должно было рѣшить, кто изъ обоихъ римскихъ властителей призванъ быть единодержавнымъ. Посмотримъ, какъ въ виду предстоявшей войны сложились условія могущества Цезаря и Помпея.

Степень могущества обоихъ властителей.—Неограниченная власть Цезаря надъ его партіей.—Лабіенъ.

Могущество Цезаря основано было прежде всего на вполнѣ неограниченной власти, которою онъ пользовался въ средѣ своей партіи. Если идеи демократіи и монархіи смѣшивались въ ней, то это не было слѣдствіемъ случайной и потому могущей легко распасться, коалиціи; самой основой демократіи, лишенной представительства, было обусловлено, что и она и монархія должны найти свое высшее и крайнее выраженіе въ Цезарѣ. Поэтому и въ политическихъ и въ военныхъ вопросахъ Цезарю принадлежало рѣшеніе и первой и послѣдней инстанціи. Какъ-бы высоко онъ ни ставилъ каждое пригодное орудіе своихъ цѣлей, все таки оно всегда оставалось лишь орудіемъ; Цезарь стоялъ среди своей партіи безъ товарищей, окруженный только военными или-же политическими адъютантами, которые по заведенному порядку выходили изъ рядовъ арміи и, какъ воины, были вышколены никогда не спрашивать ни о причинахъ, ни о цѣли, но безусловно повиноваться. Поэтому въ рѣшительную минуту, когда началась междоусобная война, изъ всѣхъ воиновъ и офицеровъ Цезаря только одинъ отказался повиноваться ему; и подтвержденіемъ нашего взгляда на отношенія Цезаря къ приверженцамъ служитъ то, что именно этотъ единственный ослушникъ былъ именно самымъ важнымъ изъ нихъ. Титъ Лабіенъ раздѣлялъ съ Цезаремъ всѣ напасти смутной катилиновой поры, весь блескъ галльскаго побѣдоноснаго шествія, имѣлъ всегда независимое начальство надъ своими частями, нерѣдко предводительствовалъ цѣлою половиной арміи; онъ безспорно былъ старѣйшимъ, способнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ изъ адъютантовъ Цезаря, вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ выше всѣхъ и пользовался наибольшимъ почетомъ. Еще въ 704 г.

Цезарь передалъ ему главное начальство въ цизальпійской Галліи, желая поручить этотъ важный постъ надежному лицу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ содѣйствовать успѣху консульской кандикатуры Лабіена. Но именно тутъ Лабіенъ вошелъ въ сношенія съ противной партіей, при началѣ военныхъ дѣйствій въ 705 году отправился въ главную квартиру не Цезаря, а Помпея, и во все время междоусобной войны съ безпримѣрнымъ раздраженіемъ боролся противъ своего стараго друга и сотоварища. Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о характерѣ Лабіена и о подробностяхъ перехода его къ другой партіи; въ существенныхъ-же чертахъ мы видимъ тутъ передъ собой лишь новое доказательство, что военачальникъ могъ тогда гораздо болѣе разсчитывать на мелкихъ предводителей отрядовъ, чѣмъ на своихъ маршаловъ. По всему судя, Лабіенъ былъ одною изъ такихъ личностей, которыя соединяютъ съ военными талантами полнѣйшую неспособность въ государственномъ отношеніи, и которыя, когда имъ взбредетъ несчастная мысль заниматься политикой, иногда по неволѣ, подвержены тѣмъ безумнымъ выходкамъ, которыхъ мы видимъ такъ много, въ трагикомическомъ вкусѣ, въ исторіи маршаловъ Наполеона. Онъ, быть можетъ, считалъ себя въ правѣ быть вторымъ главою демократіи наряду съ Цезаремъ; и когда эти притязанія его были отвергнуты, это привело его въ станъ враговъ. Тутъ-то впервые обнаружилась во всей своей силѣ вредная сторона того порядка вещей, въ силу котораго взглядъ Цезаря на своихъ офицеровъ, лишь какъ на несамостоятельныхъ исполнителей, не далъ выдвинуться изъ его рядовъ людямъ, способнымъ принять на себя управленіе какою бы то ни было отдѣльной частью,—тогда какъ при чрезвычайно вѣроятномъ растяженіи театра войны на всѣ провинціи обширнаго государства настояла особенная необходимость именно въ такихъ людяхъ. Но за то этотъ ущербъ всетаки значительно перевѣшивался первымъ и лишь этою цѣной пріобрѣтаемымъ условіемъ всякаго успѣха,— единствомъ высшаго руководства.

Армія Цезаря. Единое управленіе это пріобрѣтало полную силу благодаря особой пригодности употребляемыхъ въ дѣло орудій. Во главѣ ихъ прежде всего нужно поставить армію. Въ ней еще насчитывалось девять легіоновъ пѣхоты, или, самое большое, 50,000 человѣкъ, которые однако всѣ уже бывали въ дѣлѣ и изъ которыхъ двѣ трети участвовали во всѣхъ походахъ противъ Кельтовъ. Конница состояла изъ германскихъ и норическихъ наемниковъ, чья годность къ дѣлу и надежность была испытана въ войнѣ съ Верцингеторигомъ. Полная разнообразныхъ случайностей восьмилѣтняя война противъ храброй, хотя въ военномъ отношеніи и уступавшей Италикамъ кельтской націи дала Цезарю возможность организовать свою армію, какъ только онъ одинъ способенъ былъ это сдѣлать. Пригодность воиновъ предполагаетъ физическое развитіе; при цезаревыхъ наборахъ обращалось болѣе

вниманія на силу и ловкость рекрутовъ, чѣмъ на состоятельность и нравственныя свойства. Но пригодность арміи, какъ всякой машины, основывается прежде всего на легкости и скорости движенія; въ готовности своей каждую минуту немедленно выступить въ дѣло и въ быстротѣ марша солдаты Цезаря достигли рѣдко осуществляемой и никѣмъ, конечно, не превзойденной степени совершенства. Отвага, конечно, ставилась выше всего: Цезарь съ небывалымъ умѣньемъ владѣлъ искусствомъ возбуждать воинственное соревнованіе и корпоративный духъ, такъ что предпочтеніе, оказываемое отдѣльнымъ воинамъ или отрядамъ, казалось даже обдѣленнымъ личностямъ неизбѣжною іерархіею храбрости. Цезарь отучилъ своихъ людей отъ боязни тѣмъ, что въ тѣ дни, когда предстояла серьозная опасность, нерѣдко вовсе не возвѣщалъ имъ о предстоящей битвѣ, но совершенно неожиданно велъ ихъ на врага. Но наряду съ храбростью цѣнилось и повиновеніе. Солдата заставляли исполнять приказанное, не спрашивая о причинѣ или намѣреніи; иныя безцѣльныя въ сущности тревоги налагались на него для упражненія въ трудномъ искусствѣ слѣпого послушанія. Дисциплина была строга, но не тягостна; она примѣнялась безъ послабленій, когда войско стояло противъ врага; въ другое-же время, особенно послѣ побѣды, строгость ослаблялась, и если примѣрному въ другихъ отношеніяхъ солдату приходило тогда въ голову раздушиться или украсить себя изящнымъ оружіемъ или инымъ убранствомъ, если даже онъ попадался въ грубыхъ выходкахъ или весьма серьозныхъ проступкахъ, которые не затрогивали, однако, военнаго устава, — эта глуповатая изнѣженность и эти проступки сходили ему съ рукъ, и полководецъ былъ глухъ къ жалобамъ провинціаловъ. Напротивъ того попытки возмущенія не прощались никогда ни зачинщикамъ, ни самому отряду. Но настоящему солдату недостаточно быть вообще способнымъ. храбрымъ, послушнымъ, — онъ долженъ охотно, даже прямо по доброй волѣ выказывать эти добродѣтели. Только геніальнымъ натурамъ дано собственнымъ примѣромъ, надеждами и прежде всего сознаніемъ полезности всякаго предпріятія побуждать одушевленную машину, которою они управляютъ, нести тягости службы съ радостнымъ увлеченіемъ. Если офицеръ, требуя отъ своихъ людей храбрости, долженъ вмѣстѣ съ ними идти прямо въ опасность, то Цезарь, даже какъ полководецъ, имѣлъ случай извлекать свой мечъ и сражаться наравнѣ съ лучшими людьми; въ отношеніи же дѣятельности и способности выносить передряги онъ налагалъ на себя гораздо больше, чѣмъ требовалъ отъ своихъ солдатъ. Цезарь заботился о томъ, чтобы съ побѣдой, приносящей, конечно, всего болѣе выгоды полководцу, были бы связаны также и личныя надежды воиновъ. Мы уже говорили о томъ, въ какой степени онъ умѣлъ воодушевлять солдатъ во имя демократіи, насколько прозаическое направленіе вре-

мени позволяло вообще одушевляться чѣмъ бы то ни было, и какъ онъ выставилъ одною изъ цѣлей борьбы политическое уравненіе правъ транспаданской области, родины большинства его воиновъ, съ Италіей въ тѣсномъ смыслѣ. Понятно, что при этомъ не обходилось и безъ вещественныхъ наградъ, какъ чрезвычайныхъ, за выдающіеся военные подвиги, такъ и обыкновенныхъ, дававшихся каждому хорошему солдату; офицеры получали надѣлы, воины подарки, а на случай тріумфа обѣщались роскошнѣйшіе дары. Но Цезарь, какъ истинный вождь, въ особенности умѣлъ пробуждать въ каждой отдѣльной пружинкѣ величественной машины сознаніе своего цѣлесообразнаго примѣненія. Обыкновенный человѣкъ предназначенъ къ служенію и онъ не прочь быть орудіемъ, если только онъ чувствуетъ, что имъ управляетъ рука мастера. Точно вездѣсущій, орлиный взоръ полководца обнималъ всегда все войско, награждая и наказывая съ безпристрастной справедливостью и указывая дѣятельности каждаго пути, ведущіе къ общему благу, такъ что никогда не дѣлалось экспериментовъ при помощи крови и пота даже малѣйшихъ изъ смертныхъ, но зато тамъ, гдѣ это нужно было, требовалось отъ нихъ самоотверженіе, не отступающее даже передъ смертью. Не позволяя отдѣльнымъ личностямъ заглядывать во внутренній ходъ машины, Цезарь давалъ имъ однако настолько отгадывать политическое и военное соотношеніе обстоятельствъ, чтобъ солдаты признавали въ немъ и полководца и государственнаго человѣка, и даже идеализировали его. Онъ совершенно не обходился съ своими солдатами, какъ съ равными себѣ, но какъ съ такими людьми, которые способны требовать, но зато и сносить истину, и должны вѣрить обѣщаніямъ и увѣреніямъ полководца, не разсчитывая впередъ на грабительство и не полагаясь на слухи,— какъ съ долголѣтними товарищами въ бояхъ и побѣдахъ, какъ будто изъ нихъ не было ни одного, котораго бы полководецъ не зналъ по имени и съ которымъ у него не установились бы во время походовъ болѣе или менѣе личныя отношенія, — какъ съ добрыми пріятелями, съ которыми онъ болталъ и велъ бесѣду съ свойственною ему веселой подвижностью; — какъ съ людьми, предоставленными его защитѣ, вознаградить которыхъ за услуги и отмщать за нихъ смерть или оскорбленіе онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ. Быть можетъ, никогда не бывало другой арміи, которая въ такомъ совершенствѣ была тѣмъ, чѣмъ армія должна быть: пригодною для своего назначенія и вполнѣ податливою машиною въ рукахъ мастера, переносящаго на нее свою собственную способность напряженія. Солдаты Цезаря чувствовали себя (да и дѣйствительно были) по плечу военнымъ силамъ въ десять разъ ихъ превышавшимъ, при чемъ нельзя не вспомнить, что при тогдашней римской тактикѣ, разсчитанной на рукопашную схватку и особенно на сѣчу

мечами, опытный римскій солдатъ имѣлъ гораздо болѣе преимуществъ надъ новичкомъ, чѣмъ это бываетъ при современныхъ намъ условіяхъ *). Но еще болѣе, чѣмъ этимъ превосходствомъ храбрости, противники чувствовали себя затемненными несокрушимой и трогательною вѣрностью, съ которой солдаты Цезаря привязаны были къ своему полководцу. Конечно, не найдется въ исторіи другого примѣра, чтобы едва полководецъ вызвалъ своихъ солдатъ идти за нимъ въ междоусобную войну, за единственнымъ, уже извѣстнымъ, исключеніемъ Лабіена, ни одинъ римскій офицеръ, ни одинъ римскій воинъ не покинулъ его. Разсчеты противниковъ на многочисленные побѣги солдатъ разстроились такъ же позорно, какъ и прежняя попытка разсѣять его войско, подобно арміи Лукулла; даже и самъ Лабіенъ появился въ лагерѣ Помпея, правда, съ цѣлой толпой кельтскихъ и нѣмецкихъ всадниковъ, но не имѣлъ ни единаго легіонера. Солдаты, какъ будто желая показать, что война столь же дѣло ихъ, какъ и ихъ полководца, даже уговорились между собой, когда Цезарь при началѣ междоусобной войны обѣщалъ имъ удвоенное жалованье, не брать его до окончанія военныхъ дѣйствій, и до той поры поддерживать недостаточныхъ товарищей изъ своихъ собственныхъ средствъ; кромѣ того каждый низшій офицеръ вооружалъ и содержалъ на свой счетъ по одному всаднику.

Сфера владычества Цезаря.— Верхняя Италія.— Италія.— Провинціи.

Если такимъ образомъ Цезарь обладалъ тѣмъ, что въ данную минуту было необходимо,—неограниченнымъ политическимъ и военнымъ могуществомъ и надежною, готовою къ бою арміею, то сфера его владычества обнимала лишь весьма ограниченное пространство. Оно опиралось главнымъ образомъ на верхне-италійскую провинцію. Эта область была не только самою населенною въ Италіи, но кромѣ того и предана была дѣлу демократіи, какъ своему собственному. О господствовавшемъ въ ней настроеніи свидѣтельствуетъ поведеніе отряда новобранцевъ въ Опитергіумѣ (Oderzo, въ тревизской делегаціи), которые вскорѣ послѣ начала войны въ иллирійскихъ водахъ, окруженные на жалкой лодкѣ непріятельскими военными кораблями, цѣлый день, до захода солнца, давали себя перестрѣлять, не сдаваясь; тѣ-же, которые избѣжали вражескихъ вы-

*) Плѣнный центуріонъ изъ десятаго цезарева легіона заявилъ непріятельскому полководцу, что онъ готовъ съ десятью своими людьми пойти противъ лучшей непріятельской когорты (500 человѣкъ).—Bell. Afric., 45.—„По боевымъ пріемамъ древнихъ, говоритъ Наполеонъ I, сраженіе состояло изъ ряда единоборствъ; въ устахъ современнаго солдата показалось бы хвастовствомъ то, что было правдиво въ словахъ центуріона". О воинскомъ духѣ, проникшемъ армію Цезаря, живо свидѣтельствуютъ приложенные къ его воспоминаніямъ отчеты объ африканской и второй испанской войнахъ, изъ которыхъ первый повидимому составленъ какимъ нибудь второстепеннымъ офицеромъ, второй же представляетъ собой во всѣхъ отношеніяхъ незначительный лагерный журналъ.

стрѣловъ, лишили себя жизни ночью. Понятно, чего можно было ожидать отъ такого народа. Подобно тому, какъ онъ уже далъ Цезарю средство болѣе чѣмъ удвоить свою первоначальную армію, такъ и на предписанный тотчасъ-же въ началѣ войны обширный наборъ явились многочисленные рекруты. Въ самой-же Италіи вліяніе Цезаря далеко нельзя было сравнить съ вліяніемъ противниковъ. При помощи искуснаго маневра онъ съумѣлъ набросить тѣнь несправедливости на катонову партію, и достаточно убѣдилъ въ правотѣ своего дѣла всѣхъ, кто искалъ предлога для того, чтобы съ спокойной совѣстью оставаться нейтральнымъ, какъ сенатское большинство, или взять его сторону, какъ это сдѣлали его солдаты и Транспаданцы,—тѣмъ не менѣе масса гражданъ не дала себя этимъ увлечь и, когда главнокомандующій Галліи повелъ свои легіоны къ Риму, увидала, несмотря на всѣ формальныя юридическія разъясненія, въ Катонѣ и Помпеѣ защитниковъ законной республики, въ Цезарѣ-же демократическаго узурпатора. Вообще всѣ ждали отъ племянника Марія, зятя Цинны, союзника Катилины, повторенія цинно-маріевыхъ ужасовъ, осуществленія задуманной Катилиною сатурналіи безначалія; и хотя Цезарь вслѣдствіе этого-то и пріобрѣлъ во всякомъ случаѣ союзниковъ, хотя политическіе изгнанники тотчасъ-же массами отдались въ его распоряженіе, потерянные люди увидали въ немъ своего избавителя, низменнѣйшіе слои столичной и провинціальной городской черни пришли въ броженіе при извѣстіи о его приближеніи,—все-таки друзья этого рода были опаснѣе враговъ.—Еще менѣе, чѣмъ въ Италіи, Цезарь пользовался вліяніемъ въ провинціяхъ и въ подручныхъ, кліентскихъ государствахъ. Заальпійская Галлія до Рейна и канала была покорна ему, и колонисты въ Нарбонѣ и другіе поселившіеся въ тѣхъ мѣстахъ римскіе граждане не были ему преданы; даже въ нарбонской провинціи конституціонная партія имѣла многихъ приверженцевъ, и вновь завоеванныя мѣстности являлись для Цезаря во время предстоявшей междоусобной войны скорѣе бременемъ, чѣмъ преимуществомъ, такъ какъ въ нихъ съ полнымъ основаніемъ онъ не употреблялъ вовсе въ дѣло кельтскую пѣхоту, всадниками-же пользовался весьма рѣдко. Въ остальныхъ провинціяхъ и въ сосѣднихъ, вполнѣ или наполовину независимыхъ государствахъ Цезарь хотя также пробовалъ пріобрѣсти вліяніе, дѣлалъ богатые дары владѣтелямъ, во многихъ городахъ велѣлъ возводить большія сооруженія, и въ крайнемъ случаѣ оказывалъ даже денежную и финансовую помощь,—вообще (что весьма естественно) онъ этимъ достигъ немногаго, и единственными отношеніями, которыя еще могли для него что-нибудь значить, были его связи съ нѣмецкими и кельтскими владѣтелями въ мѣстностяхъ вдоль Рейна и Дуная, особенно-же съ норическимъ царемъ Вокціономъ, важныя по производившемуся у него набору всадниковъ.

Коалиція.

Если Цезарь выступилъ въ борьбу лишь въ качествѣ главнокомандующаго Галліей, безъ другихъ существенныхъ вспомогательныхъ средствъ кромѣ способныхъ помощниковъ, вѣрной арміи и преданной провинціи, то Помпей начиналъ войну, какъ фактическій глава римской республики, въ полномъ обладаніи всѣми средствами, которыми могло располагать законное правительство обширнаго римскаго государства. Но, хотя его положеніе и въ политическомъ и военномъ отношеніи было гораздо внушительнѣе, оно было зато менѣе ясно и прочно. Единство верховнаго руководства, вытекавшее само собой изъ особенности положенія Цезаря, противорѣчило сущности коалиціи; и, хотя Помпей, слишкомъ проникнутый солдатчиной, чтобъ заблуждаться относительно необходимости этого единоличнаго командованія, и пытался навязать его коалиціи и вытребовалъ себѣ отъ сената назначеніе единственнымъ и неограниченнымъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими войсками, сенатъ все-таки нельзя было устранить и лишить подавляющаго вліянія на политическое руководство дѣлами, и иногда тѣмъ болѣе вреднаго вмѣшательства въ высшія военныя распоряженія. Воспоминаніе о двадцатилѣтней, веденной съ обѣихъ сторонъ отравленнымъ оружіемъ, войнѣ между Помпеемъ и конституціонной партіей, живое и лишь старательно скрываемое съ обѣихъ сторонъ сознаніе, что ближайшимъ послѣдствіемъ побѣды будетъ разрывъ между обоими властителями, ненависть, питаемая взаимно и съ полнымъ основаніемъ, неудобная группа выдающихся и вліятельныхъ людей въ рядахъ аристократіи, и умственное и нравственное ничтожество почти всѣхъ участниковъ въ дѣлѣ,—всѣ эти причины порождали у противниковъ Цезаря неохоту и чуть не противодѣйствіе общимъ начинаніямъ, что составляло невыгоднѣйшую противоположность съ дружною и тѣсно замкнутой дѣятельностью противоположной партіи.

Сфера власти коалиціи.

Хотя такимъ образомъ всѣ невыгоды союза враждебныхъ другъ другу элементовъ ощущались въ небывалой степени противниками Цезаря, но коалиція все-таки оставалась еще весьма внушительной силой. На морѣ она господствовала неограниченно: всѣ гавани, военные корабли, флотскія принадлежности находились въ ея распоряженіи. Обѣ испанскія провинціи,—такая-же опора власти Помпея, какъ у Цезаря обѣ Галліи,—были преданы своему повелителю и завѣдываніе ими находилось въ рукахъ дѣльныхъ и надежныхъ управителей. Точно также и въ остальныхъ провинціяхъ, конечно за исключеніемъ обѣихъ Галлій, мѣста намѣстниковъ и военачальниковъ были въ послѣдніе годы замѣщены подъ вліяніемъ Помпея и сенатскаго меньшинства надежными людьми. Подручныя государства вполнѣ и съ большою рѣшимостью стали на сторону Помпея и противъ Цезаря. Важнѣйшіе властители и города вступали съ Помпеемъ, въ различные періоды разнообразной дѣятельности его,

въ близкія личныя сношенія. Такъ въ войнѣ противъ сторонниковъ Марія онъ былъ союзникомъ царей Нумидіи и Мавританіи и возстановилъ престолъ перваго изъ нихъ; такъ въ войнѣ съ Митридатомъ онъ, кромѣ множества другихъ мелкихъ свѣтскихъ и духовныхъ государствъ, снова возсоздалъ царства босфорское, армянское и каппадокійское, и учредилъ галатское царство Дейотара; по его почину былъ предпринятъ египетскій походъ и стараніями его помощниковъ снова упрочено господство Лагидовъ. Даже городъ Массалія, находившійся въ цезаревой провинціи, хотя и обязанный своему намѣстнику многими льготами получилъ однако и отъ Помпея еще во время серторіевой войны весьма значительное расширеніе территоріи; кромѣ того правившая въ Массаліи олигархія находилась въ естественномъ союзѣ съ олигархіею Рима, еще болѣе скрѣпленномъ многократными частными отношеніями. Эти личныя соображенія и связи, и кромѣ того слава побѣдителя трехъ частей свѣта, которая въ этомъ отдаленномъ углѣ государства значительно затемняла извѣстность завоевателя Галліи, вредили однако здѣсь Цезарю менѣе, чѣмъ разгаданные и тутъ взгляды и намѣренія наслѣдника идей Гая Гракха относительно возсоединенія зависимыхъ государствъ и полезности колонизаціи провинцій. Изъ всѣхъ зависимыхъ отъ Рима династовъ ни одному въ такой степени не угрожала эта опасность, какъ царю нумидійскому Юбѣ. Онъ не только въ теченіе многихъ лѣтъ, еще при жизни своего отца Гіемпсала, имѣлъ съ Цезаремъ чрезвычайно рѣзкое личное столкновеніе, но кромѣ того тотъ-же Куріонъ, который занималъ теперь почти первое мѣсто между адъютантами Цезаря, сдѣлалъ римскому гражданству предложеніе присоединить нумидійское государство. Если дѣло должно было дойти до того, что независимыя сосѣднія страны вмѣшаются въ римскую междоусобную войну, то единственное могущественное между ними, пароянское государство, фактически вошло, вслѣдствіе соглашенія между Пакоромъ и Бибуломъ, въ союзъ съ аристократической партіей, тогда какъ Цезарь былъ слишкомъ Римляниномъ, чтобъ соединиться съ побѣдителями друга своего, Красса.

Италія враждебна Цезарю. Что касается Италіи, то, какъ уже сказано, значительное большинство гражданъ не расположено было къ Цезарю; прежде всего, разумѣется, вся аристократія съ весьма значительной группой ея приверженцевъ, но не менѣе того и высшая финансовая знать, которая не могла надѣяться удержать при коренномъ преобразованіи народоправства свои пристрастные суды присяжныхъ и монополію денежныхъ вымогательствъ. Точно также враждебны были демократіи и мелкіе капиталисты, землевладѣльцы и вообще всѣ классы населенія, которымъ было что терять; конечно, въ этихъ слояхъ населенія всѣ остальныя соображенія заслонялись обыкновенно заботами о ближайшихъ уплатахъ, о посѣвахъ и жатвахъ.—Армія,

Армія Помпея.

которою располагалъ Помпей, состояла главнымъ образомъ изъ испанскихъ войскъ, именно изъ семи привычныхъ къ войнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ надежныхъ легіоновъ, къ которымъ присоединить нужно еще и отряды войскъ, стоявшіе въ Сиріи, Азіи, Македоніи, Африкѣ, Сициліи и въ иныхъ мѣстахъ, конечно слабые и очень разбросанные. Въ Италіи-же стояли подъ оружіемъ лишь два переданныхъ незадолго передъ тѣмъ Цезаремъ легіона, настоящая численность которыхъ не превышала 7000 человѣкъ, а надежность была болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ, набранные въ цизальпійской Галліи и старые сподвижники Цезаря, они въ высшей степени недовольны были грубоватой интригой, заставившей ихъ какъ-бы перемѣнить партію, и съ тоскливымъ чувствомъ вспоминали о своемъ полководцѣ, который великодушно выплатилъ имъ награды. обѣщанныя всѣмъ солдатамъ въ случаѣ тріумфа. Но, не говоря о томъ, что испанскія войска съ наступленіемъ весны могли прибыть въ Италію или по пути черезъ Галлію, или-же по морю, можно было призвать изъ отпуска воиновъ трехъ легіоновъ, оставшихся послѣ наборовъ 699 года и зачисленный на 702 годъ италійскій призывъ ополченія. Считая всѣ эти войска, общая численность военныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи Помпея, выключая семь легіоновъ въ Испаніи и разбросанныя по другимъ провинціямъ войска, простиралась въ одной Италіи до десяти легіоновъ *) или около 60,000 человѣкъ, такъ что не было преувеличеніемъ, когда Помпей утверждалъ, что ему стоитъ только ударить объ землю ногою, чтобъ покрыть ее вооруженными людьми. Конечно, нужно было извѣстное время,—правда, непродолжительное, для того чтобъ произвести мобилизацію этихъ войскъ; но всѣ необходимыя для того приготовленія, равно какъ и мѣры для выполненія новыхъ наборовъ, назначенныхъ сенатомъ вслѣдствіе междоусобной войны, были уже вездѣ въ ходу. Передъ рѣшительнымъ постановленіемъ сената (7 янв. 705 г.), въ самой срединѣ зимы, выдающіеся члены аристократіи отправились въ различныя мѣстности, для того, чтобы ускорить созывъ рекрутовъ и приготовленіе оружія. Сильно чувствовался недостатокъ въ конницѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи установилась привычка полагаться вполнѣ на провинціи, и именно на кельтскіе контингенты; для того чтобъ сдѣлать по крайней мѣрѣ починъ, были взяты изъ гимнастической школы въ Капуѣ триста гладіаторовъ, принадлежавшихъ Цезарю, и обучены верховой ѣздѣ, что однако встрѣтило столь общее порицаніе, что Помпей снова распустилъ этотъ отрядъ и взамѣнъ его набралъ 300

*) Эту цифру указываетъ самъ Помпей (Caesar, b. c., 1, 6), и съ этимъ согласуется, что онъ въ Италіи лишился 60 когортъ или 30,000 человѣкъ и переправилъ въ Грецію 25,000 (Caesar, 3, 10).

всадниковъ изъ верховыхъ пастуховъ-невольниковъ изъ Апуліи. — Въ государственной казнѣ былъ по обыкновенію отливъ; старались дополнить недостатокъ въ суммахъ изъ средствъ общинныхъ кассъ и даже изъ храмовыхъ сокровищъ муниципій.

Цезарь переходитъ въ наступленіе.

При этихъ обстоятельствахъ, въ началѣ января 705 года открылась война. Изъ войскъ, вполнѣ готовыхъ къ походу, у Цезаря было не болѣе одного легіона, 5000 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ, находившихся у Равенны, которая по каменной дорогѣ отстояла отъ Рима приблизительно на 50 нѣмецкихъ миль; Помпей-же располагалъ двумя слабыми легіонами, 7000 человѣкъ пѣхоты и небольшой кучкой всадниковъ; войска эти, подъ начальствомъ Аппія Клавдія, стояли при Луцеріи, откуда, тоже по шоссированной дорогѣ, можно было почти въ столько-же времени достигнуть столицы. Прочія войска Цезаря, не считая нестройныхъ, только формировавшихся отрядовъ рекрутовъ, стояли частью на Сонѣ и Луарѣ, частью же въ Бельгіи, тогда какъ италійскіе резервы Помпея уже подходили со всѣхъ сторонъ въ сборныя мѣста; гораздо раньше той минуты, когда въ Италію могли вступить только передніе отряды транзальпійской арміи Цезаря, здѣсь могло собраться несравненно значительнѣйшее войско, готовое ихъ встрѣтить. Казалось нелѣпостью отважиться съ горстью войскъ, напоминающею отрядъ Катилины, и притомъ въ данную минуту лишенною настоящихъ резервовъ, противъ превосходящей ее числомъ и ежечасно увеличивающейся арміи, руководимой даровитымъ полководцемъ; но, если это была дикая мысль, то въ родѣ тѣхъ, которыми прославился Аннибалъ. Еслибъ начало войны замедлилось до весны, то испанскія войска Помпея перешли бы въ наступленіе въ заальпійской Галліи, а италійскіе его отряды — въ цизальпійской провинціи, и Помпей, въ тактическомъ отношеніи равный Цезарю, а по опытности превосходившій его, былъ-бы въ подобной правильно развивающейся войнѣ страшнымъ противникомъ. Теперь же, можетъ быть, можно было еще застигнуть его врасплохъ импровизованнымъ нападеніемъ, такъ какъ онъ привыкъ медленно и навѣрное оперировать большими массами войска; и то, что не могло болѣе испугать тринадцатый легіонъ Цезаря послѣ тяжкаго опыта во время нападенія на Галлію и январскаго похода въ страну Белловаковъ,—именно внезапность войны и тягости зимнихъ переходовъ, должно было разстроить помпеевы войска, состоявшія изъ прежнихъ цезаревыхъ солдатъ, или-же изъ плохо обученныхъ новобранцевъ, и только что приводимыя въ порядокъ.

Вступленіе Цезаря въ Италію.

Такимъ образомъ Цезарь вступилъ въ Италію *). Двѣ шоссиро-

---

*) Сенатское постановленіе состоялось 7-го января; за нѣсколько дней до 18-го въ Римѣ уже знали, что Цезарь перешелъ границу (Cic., ad. Att., 7, 10. 9, 10, 4). Посланцу нужно было по меньшей мѣрѣ три дня, чтобъ доѣхать изъ

ванныя дороги вели тогда изъ Романьи на югъ: кассіе-эмиліева, которая изъ Бононіи проходила черезъ Апеннины въ Арреціумъ и Римъ, и попилліе-фламиніева, ведшая изъ Равенны по берегу Адріатическаго моря до Фанума и, раздѣляясь тамъ, шла въ западномъ направленіи черезъ фурлійскій проходъ въ Римъ, въ южномъ-же въ Анкону и далѣе въ Апулію. По первой дорогѣ Маркъ Антоній достигъ Арреціума, по второй наступалъ самъ Цезарь. Нигдѣ не встрѣчалось противодѣйствія; аристократическіе офицеры-вербовщики въ сущности не имѣли воинскаго духа, массы рекрутовъ нельзя было считать солдатами, а жители городовъ только и думали о томъ, какъ бы не подвергнуться осадѣ. Когда Куріонъ съ 1500 воиновъ подошелъ къ Игувіуму, гдѣ собраны были тысячи двѣ умбрійскихъ новобранцевъ подъ начальствомъ претора Квинта Минуція Терма, при одномъ извѣстіи о приближеніи врага и полководецъ, и солдаты спаслись бѣгствомъ; тоже самое въ мелочахъ повторялось вездѣ. Цезарь имѣлъ выборъ или идти на Римъ, къ которому его всадники уже приблизились въ Арреціумѣ на 28 нѣмецкихъ миль, или-же направиться противъ легіоновъ, стоявшихъ при Луцеріи. Онъ избралъ послѣднее.

Римъ очищаютъ.

Уныніе враждебной партіи было безгранично. Помпей получилъ въ Римѣ извѣстіе о приближеніи Цезаря; онъ какъ будто намѣревался сначала защищать столицу, но, когда получена была вѣсть о вступленіи Цезаря въ пиценскую область и о первыхъ его успѣхахъ онъ оставилъ мысль объ оборонѣ и предписалъ очищеніе города. Паническій страхъ, увеличившійся вслѣдствіе ложнаго слуха, будто цезарева конница уже показалась у городскихъ воротъ, охватилъ все знатное общество. Сенаторы, которымъ было объявлено, что всякій остающійся въ столицѣ будетъ сочтенъ участникомъ въ возстаніи мятежника Цезаря, толпами устремились за городскія ворота. Сами консулы въ такой степени потерялись, что даже не позаботились помѣстить казну въ безопасное мѣсто; когда Помпей потребовалъ отъ нихъ ея вывоза, на что было-бы достаточно времени, они велѣли ему сказать, что считаютъ необходимымъ, чтобъ онъ сначала заняль Пиценумъ! Никто не зналъ, на чемъ остановиться; въ такомъ настроеніи произошло засѣданіе большого военнаго совѣта въ Teanum Sidicinum (23 янв.), гдѣ присутствовали Помпей, Лабіенъ и оба консула. Прежде всего нужно было снова обсудить примирительныя предложенія Цезаря; даже и теперь онъ выказывалъ готовность тотчасъ же распустить свое войско, передать свои провинціи указаннымъ преемникамъ, и въ

Рима въ Равенну. Вслѣдствіе этого выступленіе въ походъ приходится на 12 января, что по принятому соотношенію соотвѣтствуетъ 24 ноября 704 г., по Юл. счисленію.

законномъ порядкѣ искать консульства, если Помпей отправится въ Испанію и въ Италіи будетъ произведено разоруженіе. Ему отвѣчали, что, если онъ тотчасъ-же возвратится въ свою провинцію, согласны будутъ разоружить Италію и рѣшить отъѣздъ Помпея посредствомъ правильнаго сенатскаго постановленія, имѣющаго состояться въ столицѣ; быть можетъ, этотъ отвѣтъ и не былъ неумѣлымъ обманомъ, а дѣйствительно имѣлъ цѣлью принятіе соглашенія,—во всякомъ-же случаѣ, въ самой сущности своей, онъ достигъ противнаго. Желаемое Цезаремъ личное свиданіе съ Помпеемъ было отклонено послѣднимъ, да онъ и долженъ былъ это сдѣлать, для того чтобъ еще болѣе не раздражить уже проявлявшееся недовѣріе конституціонной партіи предвѣстіемъ новой коалиціи съ Цезаремъ; относительно веденія войны въ Теанумѣ рѣшено было, чтобъ Помпей принялъ начальство надъ войсками, стоявшими у Луцеріи, на которыя только и возлагались всѣ упованія, несмотря на ихъ ненадежность,—чтобы съ ними онъ вступилъ въ родную ему и Лабіену мѣстность, Пиценумъ, тамъ лично призвалъ къ оружію ополченіе (какъ онъ это сдѣлалъ за тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ), и чтобы во главѣ вѣрныхъ пиценскихъ войскъ и опытныхъ въ бою бывшихъ цезаревыхъ солдатъ онъ попытался остановить движеніе впередъ врага.

Бои въ Пиценумѣ. Осада и взятіе Корфиніума.

Все зависѣло оттого, сможетъ-ли пиценская область продержаться до тѣхъ поръ, пока Помпей подойдетъ для ея обороны. Но Цезарь уже вступилъ въ ея предѣлы съ соединившейся снова своей арміей, идя по береговой дорогѣ черезъ Анкону. Вооруженія и тутъ производились дѣятельно; въ первомъ-же сѣверномъ пиценскомъ городѣ, Авксимѣ, стоялъ довольно значительный отрядъ новобранцевъ подъ начальствомъ Публія Аттія Вара; но вслѣдствіе просьбы муниципалитета Варъ очистилъ городъ, еще прежде чѣмъ появился Цезарь, и горсть цезаревыхъ солдатъ, догнавшихъ отрядъ Вара недалеко за Авксимомъ, совершенно разсѣяла его послѣ непродолжительнаго сраженія,—это было первое дѣло въ эту войну. Точно также вскорѣ затѣмъ Гай Люцилій Гирръ съ 3000 человѣкъ очистилъ Камеринъ, Публій Лентулъ Спинтеръ съ 5000 солдатъ очистилъ Аскулумъ. Вполнѣ преданныя Помпею войска большею частью съ полной готовностью покинули родные дома и вслѣдъ за полководцемъ перешли границу; но сама область была уже потеряна въ ту минуту, когда въ нее прибылъ предварительно посланный Помпеемъ для ея обороны Люцій Вибуллій Руфъ, не знатный сенаторъ, но свѣдущій военный; онъ принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что отобралъ у неспособныхъ вербовщиковъ уцѣлѣвшія еще 6—7000 новобранцевъ и повелъ ихъ къ ближайшему сборному пункту. То былъ Корфиніумъ, центральное мѣсто для наборовъ изъ альбской, марсійской и пэлигнійской территоріи; собранная здѣсь

масса рекрутовъ, приблизительно въ 15,000 человѣкъ, составляла контингентъ наиболѣе воинственной и надежной мѣстности въ Италіи и ядро формировавшагося войска конституціонной партіи. Когда Вибуллій прибылъ сюда, Цезарь былъ еще въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ города; ничто не мѣшало, сообразно инструкціямъ Помпея, немедленно выступить въ походъ и повести уцѣлѣвшихъ пиценскихъ солдатъ и собранныхъ въ Корфиніумѣ рекрутовъ къ главной арміи въ Апулію. Но въ Корфиніумѣ командовалъ предполагаемый преемникъ Цезаря по намѣстничеству трансальпійской Галліи, Люцій Домиций, одинъ изъ ограниченнѣйшихъ и упрямѣйшихъ представителей римской аристократіи,—и онъ не только противился исполненію приказаній Помпея, но помѣшалъ Вибуллію двинуться хотя-бы съ пиценскимъ ополченіемъ въ Апулію. Въ такой степени былъ онъ убѣжденъ въ томъ, что Помпей медлитъ только изъ упрямства и непремѣнно прибудетъ на выручку,—что онъ почти не приготовился серьозно къ осадѣ и даже не стянулъ въ Корфиніумъ отрядовъ новобранцевъ, размѣщенныхъ по окрестнымъ городамъ. Помпей, однако, не явился, и не безъ основанія, такъ какъ онъ еще могъ воспользоваться обоими надежными своими легіонами, какъ кадромъ для пиценскаго ополченія, но никакъ не дать съ ними одними битву Цезарю. Зато черезъ нѣсколько дней (14 февр.) прибылъ Цезарь. Къ войскамъ его присоединились въ Пиценумѣ двѣнадцатый, а передъ Корфиніумомъ восьмой изъ трансальпійскихъ легіоновъ, и кромѣ того изъ плѣнныхъ или же добровольно передавшихся отрядовъ Помпея; частью-же изъ набранныхъ немедленно повсюду рекрутовъ образовано было три новыхъ легіона, такъ что Цезарь очутился передъ Корфиніумомъ уже во главѣ арміи въ 40,000 солдатъ, наполовину опытныхъ. Пока Домиций надѣялся на прибытіе Помпея, онъ приказывалъ защищать городъ; когда-же письма Помпея разочаровали его наконецъ, онъ не рѣшился выдерживать долѣе на потерянномъ постѣ, чѣмъ-бы онъ оказалъ величайшую услугу своей партіи, или даже сдаться на капитуляцію, но предпочелъ, объявивъ солдатамъ о скоромъ прибытіи подкрѣпленій, самому спастись бѣгствомъ изъ города въ слѣдующую-же ночь, вмѣстѣ съ знатными своими офицерами. Но и этого некрасиваго умысла онъ не съумѣлъ выполнить. Его смущенное поведеніе выдало его; часть войска взбунтовалась; марсійскіе рекруты, которые считали своего полководца неспособнымъ на такую низость, хотѣли было бороться съ бунтовщиками, но сами поневолѣ должны были убѣдиться въ справедливости обвиненія, послѣ чего вся масса солдатъ завладѣла своимъ штабомъ, и вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ городомъ сдалась Цезарю (20 февр.). Вслѣдъ затѣмъ, едва лишь показались конные патрули Цезаря, положили оружіе трехтысячный отрядъ въ Альбѣ и 1500 рекрутовъ, собранныхъ въ Таррацинѣ; третій отрядъ въ Зуль-

мѣ, состоявшій изъ 3500 человѣкъ, былъ еще раньше принужденъ сдаться.

Помпей направляется въ Брундизіумъ. Отплытіе въ Грецію.

Помпей счелъ Италію потерянною, какъ только Цезарь завладѣлъ Пиценумомъ; онъ хотѣлъ теперь только отсрочить отплытіе, чтобъ спасти изъ своихъ войскъ, сколько еще можно было. Поэтому онъ немедленно сталъ подвигаться къ ближайшему портовому городу, Брундизіуму. Здѣсь сошлись оба легіона изъ Луцеріи и тѣ рекруты, которыхъ Помпей могъ наскоро собрать въ обезлюдѣвшей Апуліи, равно какъ и войска, набранныя консулами и другими уполномоченными въ Кампаніи и спѣшно приведенныя въ Брундизіумъ; туда же направилось много политическихъ бѣглецовъ, и въ томъ числѣ именитѣйшіе сенаторы съ своими семьями. Посадка на суда началась; но судовъ, имѣвшихся на лицо, было недостаточно, для того чтобы заразъ перевести всю массу, простиравшуюся еще до 25,000 человѣкъ. Ничего не оставалось иного сдѣлать, какъ раздѣлить войско. Значительнѣйшая часть его отправилась впередъ (4 марта), съ меньшею же, приблизительно въ 10,000 чел., Помпей остался въ Брундизіумѣ ожидать возвращенія флота; какъ ни желательно могло быть удержать въ своихъ рукахъ Брундизіумъ на случай новой попытки завладѣть Италіей, никто не полагался достаточно на свои силы, чтобы держаться долго противъ Цезаря. Тѣмъ временемъ Цезарь прибылъ къ Брундизіуму; осада началась. Цезарь попытался прежде всего запереть входъ въ гавань посредствомъ плотинъ и пловучихъ мостовъ, не желая впустить возвратившійся флотъ; но Помпей велѣлъ вооружить находившіяся въ гавани торговыя суда и съумѣлъ такъ долго препятствовать полной блокадѣ порта, пока явился флотъ и увезъ изъ сферы дѣйствій Цезаря войска, выведенныя изъ города до послѣдняго человѣка, несмотря на бдительность осаждавшихъ и враждебное настроеніе городскихъ жителей—и направился въ Грецію (17 марта). По недостатку флота не удалась и сама осада, и дальнѣйшее преслѣдованіе. Въ двухмѣсячный походъ, не давъ ни одного серьезнаго сраженія, Цезарь въ такой степени разсѣялъ армію изъ десяти легіоновъ, что съ великимъ трудомъ меньшая часть спаслась бѣгствомъ за море, и весь итальянскій полуостровъ, вмѣстѣ съ столицей, государственной казною и всѣми нагроможденными въ Римѣ запасами, очутились во власти побѣдителя. Не безъ основанія жаловалась разбитая партія на ужасающую быстроту дѣйствій, обдуманность и энергію «чудовища».

Военные и финансовые результаты занятія Италіи.

При всемъ этомъ оставалось еще вопросомъ, болѣе-ли выигралъ или проигралъ Цезарь вслѣдствіе завоеванія Италіи. Въ военномъ отношеніи дѣйствительно были отняты у противниковъ и приспособлены къ потребностямъ Цезаря весьма важныя вспомогательныя средства; уже весною 705 года вслѣдствіе произведенныхъ вездѣ обильныхъ наборовъ его армія насчитывала, кромѣ прежнихъ девяти

легіоновъ, значительное число новыхъ, составленныхъ изъ рекрутовъ. Съ другой стороны сознавалась потребность нетолько оставить теперь въ Италіи значительный оккупаціонный корпусъ, но и принять мѣры противъ замышляемаго сильными на морѣ противниками пресѣченія морскихъ сношеній и противъ голода, грозившаго особенно столицѣ вслѣдствіе этого умысла; всѣмъ этимъ еще болѣе усложнялась военная задача Цезаря, безъ того уже достаточно сложная. Въ финансовомъ отношеніи, конечно, имѣло свое значеніе, что Цезарю удалось завладѣть наличными средствами столичныхъ кассъ; но источники доходовъ столицы, именно дань съ востока, были въ рукахъ враговъ и, при возраставшихъ потребностяхъ войска, равно какъ и при новомъ обязательствѣ по отношенію къ нуждающемуся населенію столицы, найденныя Цезаремъ значительныя суммы разошлись такъ быстро, что онъ увидалъ себя въ необходимости обратиться къ частному кредиту, и такъ какъ казалось невозможнымъ долго держаться при его помощи, всѣ видѣли единственное остающееся еще средство въ обширныхъ конфискаціяхъ.

Политическіе результаты. Боязнь анархіи. Цезарь ослабляетъ опасенія.

Еще болѣе серьозныя затрудненія подготовлялись тѣми политическими условіями, въ которыхъ очутился Цезарь, завоевавъ Италію. Во всѣхъ имущественныхъ классахъ распространена была боязнь анархическаго переворота. Враги и друзья видѣли въ Цезарѣ второго Катилину; Помпей былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ такъ высказывался, — что только невозможность уплаты долговъ вовлекла Цезаря въ междоусобную войну. Это была во всякомъ случаѣ нелѣпость; но дѣйствительно, прошлое Цезаря являлось далеко неуспокоительнымъ,—и еще менѣе увѣренности внушалъ составъ свиты, окружавшей его въ данную минуту. Личности, пользовавшіяся самой неблаговидной репутаціей, вродѣ Квинта Гортензія, Гая Куріона, Марка Антонія, Лентула, — пасынка приверженца Катилины, казненнаго по приказанію Цицерона, играли тутъ первыя роли; высшія и довѣреннѣйшія должности поручались людямъ, которые давно уже оставили мысль подводить итоги своимъ долгамъ; всѣ видѣли, что цезаревы чиновники не только содержали танцовщицъ, — это дѣлалось и другими, — но показывались публично вмѣстѣ съ такими женщинами. Удивительно-ли, что даже люди серьозные и чуждые политическихъ партій ждали амнистіи для всѣхъ бѣжавшихъ преступниковъ, упраздненія долговыхъ книгъ, многочисленныхъ приказовъ о конфискаціяхъ, изгнаніяхъ и убійствахъ, даже разграбленія Рима галльской военщиной?—Но въ этомъ отношеніи «чудовище» обмануло ожиданія и враговъ своихъ, и друзей. Еще только занявъ первый италійскій городъ Ариминумъ, Цезарь запретилъ всѣмъ солдатамъ показываться внутри городскихъ стѣнъ вооруженными; провинціальные города были предохранены отъ всякаго ущерба, не взирая на то, дружелюбно или враждебно встрѣтили они Цезаря.

Когда возмутившійся гарнизонъ сдалъ Корфиніумъ поздно вечеромъ, Цезарь, вопреки всѣмъ военнымъ предосторожностямъ, отложилъ занятіе города до слѣдующаго утра, единственно для того, чтобъ не подвергать городъ опасности вступленія въ него ночью раздраженныхъ солдатъ. Изъ числа плѣнныхъ рядовые, предполагая ихъ политически индифферентными, зачислялись въ его армію, офицеровъ-же не только щадили, но безъ различія личностей и не отбирая никакихъ присягъ, отпускали на свободу, и то, на что они предъявляли права, какъ на свою частную собственность, даже безъ особенно придирчивыхъ изслѣдованій точности подобныхъ заявленій, выдавалось имъ безъ препятствій. Такъ обошлись даже съ Люціемъ Домиціемъ; даже Лабіену были отосланы въ непріятельскій лагерь оставленныя имъ деньги и вещи. Несмотря на сильную нужду въ деньгахъ не были однако затронуты громадныя богатства ни отсутствовавшихъ, ни оставшихся противниковъ; Цезарь даже охотнѣе сталъ брать взаймы у друзей, чѣмъ прибѣгать къ установленію формально правильнаго, но на дѣлѣ устарѣвшаго поземельнаго налога, который возстановилъ бы противъ него классъ собственниковъ. Побѣдитель думалъ, что торжество его разрѣшило лишь половину его задачи, и то не самую трудную; залогъ устойчивости успѣха, по собственному его признанію, онъ находилъ лишь въ безусловномъ помилованіи побѣжденныхъ, и поэтому, во время всего похода отъ Равенны до Брундизіума, онъ неустанно возобновлялъ попытки добиться личнаго свиданія и споснаго соглашенія съ Помпеемъ. Но если еще раньше аристократія не хотѣла слышать ни о какомъ примиреніи, то неожиданная и въ такой степени позорная эмиграція довела ея гнѣвъ до безумія, и дикая жажда мести, охватившая побѣжденныхъ, составляла странный контрастъ съ примирительнымъ настроеніемъ побѣдителя. Извѣстія, правильно доставляемыя изъ стана эмигрантовъ оставшимся въ Италіи друзьямъ, переполнены были проектами конфискацій и проскрипцій, очищенія сената и государства; въ сравненіи съ ними реставрація Суллы казалась дѣтской забавой, и даже умѣренные сторонники той же партіи внимали имъ съ ужасомъ.

Масса умѣренныхъ людей склоняется въ пользу Цезаря.

Безумная страстность безсилія и мудрая умѣренность власти производили свое дѣйствіе. Вся масса, для которой матеріальные интересы были дороже политическихъ, бросилась въ объятія Цезаря. Провинціальные города превозносили до небесъ «прямодушіе, умѣренность, мудрость» побѣдителя; даже противники допускали, что въ этихъ чествованіяхъ была истина. Высшія финансовыя сферы, откупщики податей и присяжные, послѣ тяжкаго крушенія, постигшаго конституціонную партію въ Италіи, не ощущали особаго желанія довѣряться впредь тѣмъ же кормчимъ; капиталы снова показались на свѣтъ Божій, и «богачи принялись опять за обычную свою работу веденія долговыхъ книгъ». Даже значительное большинство сената, если судить

по крайней мѣрѣ по численности (такъ какъ во всякомъ случаѣ въ немъ было лишь очень мало знатнѣйшихъ и влiятельнѣйшихъ членовъ сената), вопреки приказанiямъ Помпея и консуловъ, возвратилось въ Италiю, частью даже въ столицу, и примирялось съ правленiемъ Цезаря. Кротость Цезаря, искусно разсчитанная, несмотря на кажущуюся его неумѣренность, достигла цѣли; непомѣрныя опасенiя анархiи, проникшiя въ состоятельные классы, были въ извѣстной степени ослаблены. Для послѣдующаго времени это былъ, конечно, неисчислимый выигрышъ; отклоненiе анархiи и разсѣянiе не менѣе опаснаго страха передъ нею было существеннымъ условiемъ будущаго переустройства республики.

Раздраженiе анархической партiи противъ Цезаря.— Республиканская партiя въ Италiи.

Но въ данную минуту эта кротость была опаснѣе для Цезаря, чѣмъ было-бы возобновленiе цинновыхъ или катилиновыхъ безумствъ; она не превратила враговъ въ друзей, а друзей сдѣлала врагами. Цезаревы приверженцы изъ катилиновцевъ роптали, потому что нельзя было ни убивать, ни грабить; отъ этихъ прожженныхъ насквозь, отчаянныхъ и частью даже даровитыхъ людей можно было ожидать самыхъ рискованныхъ выходокъ. Республиканцовъ же всѣхъ оттѣнковъ, съ другой стороны, милость побѣдителя не смогла ни примирить, ни обратить на иной путь. По катехизису катоновой партiи, обязанности ея по отношенiю къ тому, что она называла отечествомъ, освобождали отъ всякихъ другихъ соображенiй; даже тотъ, кто обязанъ былъ Цезарю свободой и сохраненiемъ жизни, имѣлъ право и даже обязанность поднять противъ него оружiе или по крайней мѣрѣ участвовать въ заговорѣ противъ него. Менѣе рѣшительныя фракцiи конституцiонной партiи, правда, выказывали готовность принять изъ рукъ новаго монарха миръ и безопасность; но изъ за этого онѣ не перестали отъ всего сердца проклинать монархiю и монарха. Чѣмъ явственнѣе выступало измѣненiе конституцiи, тѣмъ опредѣленнѣе выказывалось въ сознанiи значительнаго большинства гражданства республиканское настроенiе, какъ въ столицѣ, болѣе возбужденной въ политическомъ отношенiи, такъ и въ энергическомъ сельскомъ и городскомъ населенiи; настолько были правы друзья конституцiи въ Римѣ, когда извѣщали своихъ единомышленниковъ, находившихся въ изгнанiи, что на родинѣ всѣ сословiя и всѣ отдѣльныя личности настроены въ пользу Помпея. Тягостное состоянiе всѣхъ этихъ кружковъ было еще усилено нравственнымъ гнетомъ, который производили на массу ординарныхъ и покойныхъ людей болѣе рѣшительные и знатные единомышленники, уже въ качествѣ эмигрантовъ. Честный человѣкъ испытывалъ угрызенiя совѣсти за то, что онъ остался въ Италiи; полу-аристократъ полагалъ, что приравняетъ себя къ плебеямъ, если не послѣдуетъ за Домицiями и Метеллами въ изгнанiе, если останется засѣдать въ цезаревомъ сенатѣ наряду съ ничтожествами. Даже кротость побѣдителя придавала этой безмолвной

оппозиціи усиленное политическое значеніе; такъ какъ Цезарь воздерживался теперь отъ террора, тайные враги его считали возможнымъ безопасно выказывать на дѣлѣ свое нерасположеніе къ его правленію.

Пассивная оппозиція сената противъ Цезаря.

Весьма скоро Цезарь долженъ былъ сдѣлать очень любопытныя наблюденія по отношенію къ сенату. Цезарь началъ борьбу, чтобъ освободить терроризованный сенатъ отъ его поработителей; это и было выполнено на дѣлѣ. Онъ желалъ теперь получить отъ сената одобреніе всему происшедшему, полномочіе продолжать войну далѣе. Съ этою цѣлью, когда Цезарь появился передъ столицей (въ концѣ марта), народные трибуны, принадлежавшіе къ его партіи, созвали сенатъ) 1 апрѣля). Собраніе было довольно многочисленно, но даже изъ числа оставшихся въ Италіи сенаторовъ именитѣйшіе все-таки не явились, даже не прибылъ бывшій вождь раболѣпнаго большинства, Маркъ Цицеронъ, и собственный тесть Цезаря, Люцій Пизонъ,—и, что было еще хуже, прибывшіе сенаторы не были расположены принять цезаревы предложенія. Когда Цезарь заговорилъ о полномочіи продолжать войну, одинъ изъ двухъ присутствующихъ консуларовъ, Сервій Сульпицій Руфъ, крайне боязливый отъ природы и желавшій себѣ мирной кончины въ собственной постели, выразилъ мнѣніе, что Цезарь совершилъ бы чрезвычайно важную заслугу передъ отечествомъ, еслибъ отказался отъ мысли перенести войну въ Испанію и Грецію. Когда затѣмъ Цезарь обратился къ сенату съ просьбой по крайней мѣрѣ передать его мирныя предложенія Помпею, собраніе въ сущности ничего не имѣло противъ этого, но угрозы эмигрантовъ до такой степени напугали людей нейтральныхъ, что никого не нашлось, чтобъ принять на себя передачу вѣсти о мирѣ. Нежеланіе аристократіи помочь установленію трона монарха, и та же апатичность высокаго собранія, при помощи которой незадолго передъ тѣмъ Цезарь разстроилъ предположенное назначеніе Помпея главнокомандующимъ въ междоусобной войнѣ помѣшали осуществленію такого же желанія и со стороны Цезаря. За этимъ пошли другія препятствія. Цезарь желалъ, чтобъ придать своему положенію сколько нибудь правильный характеръ, назначенія своего диктаторомъ; это однако не состоялось, такъ какъ въ силу конституціи диктаторъ могъ быть назначенъ лишь однимъ изъ консуловъ,—попытка же подкупить консула Лентула, считавшаяся несомнѣнно удачною въ виду его финансовыхъ затрудненій, не удалась. Народный трибунъ Люцій Метеллъ внесъ затѣмъ протестъ противъ всѣхъ дѣйствій проконсула и, когда цезаревы люди пришли, чтобы вынуть изъ государственнаго казначейства всѣ деньги, сдѣлалъ видъ, что хочетъ жизнь свою положить за его отстояніе. Цезарь въ этомъ случаѣ не могъ не постараться какъ можно мягче отстранить этого неуязвимаго человѣка; впрочемъ и теперь онъ остался вѣренъ своей рѣшимости воздержаться

отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Онъ объявилъ сенату (какъ незадолго передъ тѣмъ сдѣлала это и конституціонная партія), что онъ намѣренъ былъ дѣйствительно регулировать положеніе дѣлъ законнымъ путемъ и при помощи высшаго государственнаго учрежденія, но такъ какъ въ этой помощи ему отказываютъ, то онъ можетъ обойтись и безъ нея.

Временное регулированіе столичныхъ порядковъ.

Не заботясь болѣе ни объ сенатѣ, ни о формальностяхъ государственнаго права, онъ передалъ временное завѣдываніе столицей претору Марку Эмилію Лепиду, въ качествѣ городского префекта, и предписалъ мѣры, необходимыя для управленія подчиненными ему мѣстностями и для продолженія войны. Даже среди грохота исполинской борьбы и при заманчивости щедрыхъ обѣщаній Цезаря, на столичную массу произвело все-таки глубокое впечатлѣніе, когда она увидала впервые въ свободномъ Римѣ, какъ монархъ единовластно всѣмъ распоряжается, а солдаты его взламываютъ двери казначейства. Но тѣ времена уже миновали, когда впечатлѣнія и настроенія массы опредѣляли ходъ событій; теперь дѣло рѣшали легіоны и никто особенно не заботился о томъ, будетъ ли немногимъ больше или меньше тягостныхъ ощущеній.

Сторонники Помпея въ Испаніи.

Цезарь спѣшилъ возобновить войну. Успѣхами своими онъ былъ до сихъ поръ обязанъ наступленію, и думалъ и впредь держаться такой же тактики. Положеніе его противника было странно. Когда первоначальный планъ вести одновременно наступательную войну изъ Италіи и Испаніи въ обѣ Галліи былъ разстроенъ наступленіемъ самого Цезаря, Помпей намѣревался отправиться въ Испанію. Здѣсь положеніе было бы у него надежное. Войско состояло изъ семи легіоновъ; въ немъ служило много помпеевыхъ ветерановъ, и многолѣтніе бои въ лузитанскихъ горахъ закалили мужество и воиновъ и офицеровъ. Въ числѣ полководцевъ Маркъ Варронъ былъ, правда, только ученый, и кромѣ того вѣрный приверженецъ; но Люцій Афраній съ отличіемъ сражался на востокѣ и въ Альпахъ, а Маркъ Петрей, побѣдитель Катилины, былъ столь же безстрашенъ, какъ и даровитъ. Если въ западной провинціи у Цезаря еще осталось нѣсколько приверженцевъ со временъ его намѣстничества, за то болѣе важная область на Эбро всѣми узами уваженія и благодарности была связана съ знаменитымъ полководцемъ, который за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ начальствовалъ въ ней во время серторіевой войны и по окончаніи ея далъ провинціи новое устройство. Послѣ италійскаго погрома Помпею ничего лучшаго не оставалось, какъ отправиться туда съ спасенными имъ остатками войска и пойти во главѣ соединенныхъ силъ своихъ противъ Цезаря. Къ несчастью, въ надеждѣ, что ему удастся еще спасти войска, стоявшія въ Корфиніумѣ, онъ такъ долго остался въ Апуліи, что принужденъ былъ избрать мѣстомъ отплытія войска не кампанскія гавани, а болѣе близкій Брундизіумъ. Почему онъ, гос-

подствуя на морѣ и въ Сициліи, не вернулся позже къ первоначальному плану, трудно рѣшить; быть можетъ, аристократія по своей недальновидности и недовѣрчивости не выказывала охоты довѣрить свою судьбу испанскимъ войскамъ и населенію,— но важно то, что Помпей остался на востокѣ, и Цезарю оставалось на выборъ, повести-ли наступленіе прежде всего противъ арміи, организовывавшейся въ Греціи подъ личнымъ руководствомъ Помпея, или же противъ готовыхъ уже къ бою войскъ подчиненныхъ ему полководцевъ въ Испаніи. Онъ рѣшился на послѣднее, и когда италійскій походъ приближался къ концу, принялъ мѣры, чтобъ собрать въ низовьяхъ Роны девять лучшихъ своихъ легіоновъ, и кромѣ того 6000 всадниковъ,— частью избранныхъ имъ самимъ поодиночкѣ въ кельтскихъ поселкахъ, частью же нѣмецкихъ наемниковъ,— и нѣкоторое число иберійскихъ и лигурійскихъ стрѣлковъ.

Массалія противъ Цезаря.— Онъ занимаетъ Пиренеи.

Но именно тутъ развили особую дѣятельность его противники. Назначенный по волѣ сената вмѣсто Цезаря намѣстникомъ трансальпійской Галліи, Люцій Домицій, изъ Корфиніума, гдѣ Цезарь отпустилъ его на свободу, отправился съ своей шайкой и въ сопровожденіи довѣреннаго лица помпеева, Люція Вибуллія Руфа, въ Массалію, и дѣйствительно подвинулъ ее заявить себя за Помпея, и даже воспрепятствовать проходу цезаревыхъ войскъ. Изъ испанскаго отряда два наименѣе надежныхъ легіона остались въ западной провинціи подъ главнымъ начальствомъ Варрона; за то пять лучшихъ легіоновъ, подкрѣпленныхъ 40,000 челов. испанской пѣхоты, частью кельто-иберійскихъ линейныхъ отрядовъ, частью лузитанскихъ и другихъ летучихъ войскъ, и 5000 испанскихъ всадниковъ, подъ начальствомъ Афранія и Петрея, двинулись по приказанію Помпея, сообщенному Вибулліемъ, чтобъ запереть передъ врагомъ входъ въ Пиренеи.— Въ ту же пору Цезарь лично прибылъ въ Галлію и, такъ какъ приготовленія къ осадѣ Массаліи еще задерживали его тутъ, послалъ значительнѣйшую часть собранныхъ имъ на Ронѣ войскъ, шесть легіоновъ и конницу, по большому шоссе, которое вело черезъ Нарбоннъ въ Роду (Rosas),—чтобъ поспѣть къ Пиренеямъ раньше непріятеля. Это удалось вполнѣ; когда Афраній и Петрей прибыли къ горнымъ проходамъ, они нашли ихъ уже занятыми цезаревыми войсками; линія Пиренеевъ была потеряна.

Позиціи при Илердѣ.

Они заняли тогда позицію между горами и Эбро при Илердѣ (Lerida). Этотъ городъ лежитъ въ четырехъ миляхъ къ сѣверу отъ Эбро, на правомъ берегу его притока Сикориса (Segre), черезъ который велъ только одинъ крѣпкій мостъ, у самой Илерды. Къ югу отъ нея горы, тянущіяся вдоль лѣваго берега Эбро, подходятъ довольно близко къ городу; на сѣверъ, по обѣимъ сторонамъ Сикориса идетъ равнина, надъ которою господствуетъ холмъ, гдѣ и построенъ городъ. Для арміи, которой предстояло выдерживать осаду, эта позиція была пре-

восходна; но оборона Испаніи, послѣ неудавшагося занятія Пиренеевъ, могла серьозно возобновиться лишь за Эбро, а такъ какъ не было устроено надлежныхъ сообщеній между Илердой и Эбро и черезъ эту рѣку не было моста, то отступленіе изъ временной позиціи къ настоящей оборонительной линіи не было достаточно обезпечено. Цезаріанцы заняли прочное положеніе выше Илерды, въ дельтѣ, которую образуетъ рѣка Сикорисъ съ сливающеюся съ нею ниже Илерды Цингой (Cinca); но нападеніе только тогда было серьозно произведено, когда въ лагерь пріѣхалъ Цезарь (23 іюня). Подъ стѣнами города боролись съ обѣихъ сторонъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ и храбростью, и съ перемѣннымъ успѣхомъ; но цезаріанцы не достигли своей цѣли,— занятія прочной позиціи между помпеевымъ лагеремъ и городомъ и овладѣнія каменнымъ мостомъ; для сообщенія ихъ съ Галліей имъ осталось только два моста, которые они наскоро перекинули черезъ Сикорисъ въ четырехъ или пяти нѣмецкихъ миляхъ выше Илерды, такъ какъ при самомъ городѣ рѣка становится уже слишкомъ широкой для подобнаго моста.

Сообщенія Цезаря отрѣзаны.

Но, когда съ оттепелью началось половодье, эти временные мостики были снесены имъ; и такъ какъ не было судовъ, чтобъ переправляться черезъ широко разлившіяся рѣки, а при такихъ обстоятельствахъ невозможно было пока думать о возстановленіи переправы,— движенія цезаревой арміи были ограничены узкимъ пространствомъ между Цингой и Сикорисомъ, лѣвый-же берегъ Сикориса и вмѣстѣ съ тѣмъ дороги, по которой армія сообщалась съ Галліей и Италіей были почти безъ всякой обороны отданы на произволъ помпеянцевъ, которые перешли рѣку частью по городскому мосту, частью-же по лузитанскому обычаю переплыли ее на бурдюкахъ. Это было незадолго передъ жатвой; старый хлѣбъ былъ уже почти весь употребленъ, новый еще не собранъ, и узкая полоса земли между двумя потоками скоро была истощена. Въ лагерѣ открылся настоящій голодъ,—за прусскій шеффель пшеницы платилось 300 денаріевъ (90 талеровъ)—и начались серьозныя болѣзни; въ тоже самое время на лѣвомъ берегу накоплялся провіантъ и самые разнообразные запасы, кромѣ того и всевозможныя подкрѣпленія,—присланные изъ Галліи конница и стрѣлки, отпускные офицеры и солдаты, возвращающіеся партизанскіе отряды, всего числомъ до 6000 челов., на которыхъ помпеянцы напали съ превосходными силами, и съ большой потерей отбросили въ горы, въ то время какъ цезаріанцы принуждены были, стоя на правомъ берегу, бездѣятельно смотрѣть на неравный бой. Сообщенія арміи были въ рукахъ помпеевыхъ войскъ; въ Италіи внезапно перестали получаться извѣстія изъ Испаніи, и тревожные слухи, распространявшіеся уже вслѣдствіе этого, не были слишкомъ далеки отъ истины. Еслибъ помпеянцы воспользовались съ умѣньемъ и выдержкой своимъ успѣхомъ, то несомнѣнно имъ удалось бы или завладѣть стѣсненною на

лѣвомъ берегу Сикориса массою, едва способною защищаться, или отбросить ее въ Галлію и такъ прочно занять этотъ берегъ, что безъ ихъ вѣдома ни одинъ человѣкъ не могъ бы переправиться черезъ рѣку. Но обѣ эти цѣли были упущены изъ виду; часть цезаревыхъ войскъ была дѣйствительно отброшена съ потерями, но ни уничтожена, ни совершенно вытѣснена, защита-же переправы была главнымъ образомъ предоставлена самой рѣкѣ.

Цезарь возстановляетъ сообщенія. На этомъ Цезарь и основалъ свой планъ. Онъ велѣлъ изготовить въ лагерѣ переносныя лодки изъ легкихъ досокъ и плетенья, съ кожаной обшивкой, на подобіе употреблявшихся у Бриттовъ, а позже и у Саксовъ, и перевести ихъ на колесахъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли мосты. На этихъ утлыхъ челнокахъ достигли другого берега и, найдя его незащищеннымъ, безъ особыхъ трудностей возстановили мостъ; вслѣдъ затѣмъ быстро очищена была и соединительная дорога, и въ лагерь доставлены нетерпѣливо ожидаемые запасы. Счастливая мысль Цезаря вырвала такимъ образомъ войско изъ страшной опасности, которой оно подвергалось. Тотчасъ-же цезарева конница, превосходившая своими надежными свойствами непріятельскую, начала объѣзжать во всѣ направленія мѣстности на лѣвомъ берегу Сикориса; уже многія крупныя испанскія общины между Пиренеями и Эбро,—Оска, Таррако, Дертова и друг., нѣкоторыя даже къ югу отъ Эбро, начинали переходить на сторону Цезаря.

Помпеянцы отступаютъ отъ Илерды. Цезарь слѣдуетъ за ними. Вслѣдствіе эволюцій цезаревыхъ разъѣздовъ и перехода къ нему сосѣднихъ общинъ подвозъ припасовъ къ помпеевымъ войскамъ сталъ скуденъ; они рѣшились наконецъ отступить за линію Эбро и поспѣшно хотѣли перебросить пловучій мостъ черезъ него, ниже впаденія Сикориса. Цезарь пытался отрѣзать непріятелю отступленіе за Эбро и задержалъ его въ Илердѣ; но пока враги владѣли илердскимъ мостомъ, а самъ Цезарь не располагалъ по близости ни бродомъ, ни мостами, онъ не могъ-бы распредѣлить свою армію по двумъ берегамъ рѣки и вполнѣ окружить Илерду. Поэтому солдаты его принялись и днемъ и ночью за земляныя работы, для того чтобы отводными каналами довести рѣку до такой глубины, чтобъ пѣхота могла перейти ее въ бродъ. Но приготовленія помпеянцевъ къ переходу черезъ Эбро окончились раньше, чѣмъ приготовленія цезаревыхъ войскъ въ блокадѣ Илерды; когда, по готовому уже мосту враги начали свое движеніе на лѣвомъ берегу Сикориса по направленію къ Эбро, отводные каналы цезаріанцевъ все еще не казались полководцу достаточно глубокими, чтобъ воспользоваться бродомъ для перехода пѣхоты; онъ велѣлъ переправиться только своей конницѣ, приказавъ ей идти по пятамъ за врагомъ, по возможности задерживать его и наносить ему вредъ. Но, когда на разсвѣтѣ цезаревы легіоны увидали непріятельскія колонны, начавшія отступать еще съ полуночи, то съ инстиктивной догадливостью опытныхъ ветерановъ они поняли

стратегическую важность этого отступленія, вынуждавшаго ихъ слѣдовать за врагомъ въ далекія непроходимыя мѣстности, наполненныя непріятельскими шайками; по просьбѣ самихъ легіоновъ полководецъ рѣшился перевести черезъ рѣку и пѣхоту, и хотя при этомъ вода доходила людямъ до плечъ, переправа совершилась безъ несчастій. Но время едва не было упущено. Еслибъ узкая равнина, отдѣляющая Илерду отъ горъ, окружающихъ Эбро, была пройдена и помпеева армія уже вступила въ горы, отступленію ея за Эбро невозможно было-бы помѣшать. Уже, несмотря на постоянныя нападенія непріятельской конницы, чрезвычайно замедлявшей движенія помпеянцевъ, они подошли къ горамъ на разстояніе одной мили; но послѣ долгаго перехода, начавшагося еще съ полуночи, и сильнѣйшаго утомленія, они рѣшились оставить первоначальный свой планъ— пройти въ тотъ же день всю равнину, остановились и разбили лагерь. Здѣсь ихъ нагнала цезарева пѣхота, а вечеромъ и ночью стала тоже лагеремъ въ виду ихъ, такъ какъ предположенный сначала ночной походъ помпеянцевъ былъ также отмѣненъ изъ боязни ночныхъ нападеній конницы. Слѣдующій день обѣ арміи также простояли безъ движенія, занятыя лишь развѣдками мѣстности.

Занятіе дороги къ Эбро.

Рано утромъ на третій день цезарева пѣхота двинулась, съ цѣлью обойти позицію врага по горамъ, лишеннымъ путей, идя вдоль дороги, и отрѣзать ему сообщеніе съ Эбро. Помпеевы военачальники несразу разгадали цѣль этого страннаго похода, который сначала, казалось, направлялся назадъ къ Илердѣ. Когда наконецъ они все поняли, они пожертвовали и лагеремъ и багажемъ, и быстрымъ маршемъ двинулись впередъ по главной дорогѣ, чтобъ занять прибрежный хребетъ раньше цезаріанцевъ. Но уже было поздно; когда они прибыли туда, на большой дорогѣ уже стояли густыя массы непріятелей. Отчаянная попытка помпеянцевъ отыскать другой путь къ Эбро по крутымъ утесамъ разстроена была цезаревой конницей, которая окружила посланныя съ этою цѣлью лузитанскія войска и совершенно разбила ихъ. Еслибъ дѣло дошло до сраженія между совершенно упавшей духомъ помпеевой арміей, сзади которой надвигалась непріятельская конница, спереди-же пѣхота, и цезаріанцами, то исходъ боя почти не подлежалъ сомнѣнію, поводовъ же къ схваткѣ было множество; но Цезарь не воспользовался ими и не безъ труда сдерживалъ нетерпѣливо рвавшихся въ бой и увѣренныхъ въ побѣдѣ воиновъ своихъ. Помпеева армія и безъ того уже въ стратегическомъ отношеніи была потеряна; Цезарь не хотѣлъ ослабить свою армію безполезнымъ кровопролитіемъ, и усилить безъ того уже жгучій характеръ междоусобія. Уже послѣ того, какъ удалось отрѣзать помпеянцевъ отъ Эбро, солдаты обѣихъ армій стали брататься между собой и переговариваться о сдачѣ; уже условія, предложенныя помпеянцами, именно пощада офицерамъ,—были приняты Цезаремъ,

какъ вдругъ Петрей съ своей свитой, состоявшей изъ рабовъ и Испанцевъ, накрылъ переговорщиковъ и велѣлъ убить тѣхъ цезаріанцевъ, которыхъ засталъ тутъ. Цезарь несмотря на это отослалъ обратно, не сдѣлавъ имъ никакого вреда, помпеевыхъ солдатъ, пришедшихъ къ нему въ лагерь, и по прежнему продолжалъ искать возможно мирнаго исхода. Илерда, гдѣ у помпеянцевъ оставался еще гарнизонъ и значительные запасы, была цѣлью ихъ похода; но, имѣя впереди себя непріятеля, между собой и крѣпостью — Сикорисъ, они шли, не приближаясь къ цѣли. Ихъ конница была наконецъ до того запугана, что пришлось помѣстить ее въ центрѣ пѣхоты, поставивъ легіоны въ резервѣ; доставка воды и фуража становилась все затруднительнѣе; уже приходилось закалывать вьючный скотъ, такъ какъ питаться было нечѣмъ. Наконецъ блуждавшая армія увидала себя совершенно отрѣзанною, — сзади былъ Сикорисъ, впереди непріятельское войско, которое обводило вокругъ рвы и валы. Она попыталась переправиться черезъ рѣку, но нѣмецкіе всадники Цезаря и легкая пѣхота опередили ее занятіемъ противоположнаго берега.

Сдача Помпеянцевъ. Никакая храбрость и вѣрность присягѣ не были въ состояніи отсрочить долѣе неизбѣжную капитуляцію (2 авг. 705 г.). Цезарь не только даровалъ офицерамъ и солдатамъ жизнь, свободу обладанія оставшимся еще у нихъ имуществомъ, выдачу имъ всего, что у нихъ было отнято (за что онъ взялся самъ вознаградить солдатъ), но онъ, насильно зачисливъ передъ тѣмъ въ свою армію взятыхъ въ плѣнъ въ Италіи новобранцевъ, почтилъ старыхъ легіонеровъ Помпея обѣщаніемъ, что никто изъ нихъ не будетъ принужденъ вступить противъ своей воли въ его войско. Онъ требовалъ только, чтобъ каждый сдавалъ свое оружіе и возвращался на родину. Сообразно этому, солдаты родомъ изъ Испаніи были отпущены тотчасъ же, итальянскіе же уроженцы на границѣ транз — и цизальпійской Галліи.

Западная Испанія покоряется. Восточная Испанія вслѣдъ за уничтоженіемъ этой арміи очутилась во власти побѣдителя; въ западной же, гдѣ отъ имени Помпея управлялъ Маркъ Варронъ, правитель этотъ, получивъ извѣстіе о катастрофѣ при Илердѣ, счелъ наиболѣе благоразумнымъ укрыться въ островной городъ Гадесъ, и тамъ безопасно спрятать значительныя суммы, составившіяся изъ конфискаціи храмовыхъ сокровищъ и имуществъ богатыхъ цезаріанцевъ, и укрыть немаловажный флотъ, снаряженный имъ, равно какъ и ввѣренные ему два легіона. Но при первомъ извѣстіи о прибытіи Цезаря важнѣйшіе города этой провинціи, издавна преданной Цезарю, высказались за него и изгнали помпеевы гарнизоны или понудили и ихъ къ отпаденію; такъ сдѣлала Кордоба, Кармонъ и даже Гадесъ, а одинъ изъ легіоновъ выступилъ самовольно въ Гиспалисъ и вмѣстѣ съ этимъ городомъ перешелъ на сторону Цезаря. Когда же наконецъ даже Италика заперла ворота передъ Варрономъ, онъ рѣшился сдаться.

Почти въ то же время сдалась и Массалія. Съ рѣдкою энергіей Массаліоты не только выдержали осаду, но и на морѣ могли помѣриться съ Цезаремъ, — это была родная ихъ стихія, и они могли надѣяться, что на морѣ они получать сильную поддержку со стороны Помпея, который исключительно господствовалъ надъ моремъ. Тѣмъ временемъ подчиненный Цезарю полководецъ, опытный Децимъ Брутъ, тотъ самый, который одержалъ надъ Венетами первую побѣду на океанѣ, съумѣлъ быстро снарядить флотъ, и, несмотря на стойкій отпоръ непріятельскаго флотскаго экипажа, состоявшаго частью изъ альбіэкскихъ наемниковъ массаліотскихъ, частью изъ пастуховъ-рабовъ Домиція, побѣдилъ сильнѣйшій массаліотскій флотъ при помощи своихъ храбрыхъ матросовъ, набранныхъ въ рядахъ легіоновъ, и большую часть судовъ или потопилъ или захватилъ. Когда затѣмъ небольшая помпеева эскадра подъ начальствомъ Люція Назидія, шедшая съ востока мимо Сициліи и Сардиніи, пришла въ массаліотскую гавань, жители города еще разъ возобновили борьбу на морѣ, и вмѣстѣ съ кораблями Назидія двинулись противъ Брута. Еслибъ во время этого сраженія, происшедшаго близъ высотъ Таврэнса (la Ciotat, къ востоку отъ Марселя), корабли Назидія сражались съ такимъ же отчаяннымъ мужествомъ, какое выказали въ этотъ день суда Массаліотовъ, то исходъ былъ бы еще не извѣстенъ; но бѣгство назидійцевъ рѣшило сраженіе въ пользу Брута, и остатки помпеева флота спаслись въ Испанію. Осажденные были совершенно вытѣснены съ моря. На сушѣ, гдѣ осаду велъ Гай Требоній, продолжался и впослѣдствіи рѣшительнѣйшій отпоръ; но, несмотря на частыя вылазки альбіэкскихъ наемниковъ и искусное употребленіе громадныхъ запасовъ оружія, нагроможденныхъ въ городѣ, работы осаждавшихъ подошли къ самымъ стѣнамъ, и одна изъ башенъ упала. Массаліоты объявили, что отказываются отъ обороны, но желаютъ заключить капитуляцію съ самимъ Цезаремъ, и потому просили начальниковъ римскаго войска пріостановить работы до прибытія Цезаря. Требоній имѣлъ отъ Цезаря приказаніе по возможности щадить городъ, и потому онъ согласился на просимое перемиріе. Но, такъ какъ Массаліоты воспользовались имъ для злоумышленной вылазки, во время которой они сожгли половину римскихъ осадныхъ работъ, оставленныхъ почти безъ присмотра, то борьба возобновилась снова и съ усиленнымъ раздраженіемъ. Искусный римскій полководецъ съ удивительной быстротой возстановилъ уничтоженныя башни и плотину; вскорѣ Массаліоты снова были совершенно окружены отовсюду. Осада Массаліи.

Когда Цезарь, возвращаясь послѣ покоренія Испаніи, явился передъ ихъ городомъ, онъ нашелъ его доведеннымъ до крайности и непріятельскими нападеніями, и голодомъ, и повальными болѣзнями; во второй разъ, теперь уже серьозно, Массалія готова была сдаться на какихъ бы то ни было условіяхъ. Лишь одинъ Домицій, памя- Капитуляція Массаліи.

туя позорно злоупотребленное имъ довѣріе побѣдителя, прокрался съ своей лодкой между рядами римскаго флота, для того чтобъ сыскать для удовлетворенія непримиримой своей ненависти третье поле сраженія. Солдаты Цезаря поклялись перерѣзать все мужское населеніе вѣроломнаго города и бурно требовали, чтобы полководецъ подалъ знакъ къ грабежу. Но Цезарь, не теряя и здѣсь изъ виду великой задачи упроченія эллино-италійской цивилизаціи на западѣ, не далъ себя увлечь въ повтореніе сценъ разрушенія Коринѳа. Массалія, изъ всѣхъ многочисленныхъ нѣкогда и могучихъ на морѣ городовъ стараго іоническаго мореходнаго племени наиболѣе отдаленная отъ общей родины, съумѣвшая позже всѣхъ сохранить у себя эллинскій мореходный бытъ въ первоначальной чистотѣ и свѣжести,—въ тоже время послѣдній греческій городъ, который счастливо боролся на морѣ,—Массалія принуждена была выдать побѣдителю свои склады оружія и флотскіе запасы, утратила часть своей территоріи и свои привилегіи, но все таки сохранила свободу и національность, и, хотя и стѣсненная въ матеріальномъ отношеніи, осталась и впредь такимъ же центромъ эллинской культуры въ далекой кельтской странѣ, пріобрѣтавшей теперь новое историческое значеніе.

Экспедиціи Цезаря въ земледѣльческія провинціи. Занятіе Сардиніи и Сициліи.

Въ то время, какъ въ западныхъ странахъ война послѣ многихъ тяжелыхъ превратностей, завершилась наконецъ рѣшительно въ пользу Цезаря, Массалія была покорена, и главная непріятельская армія взята въ плѣнъ вся, до послѣдняго человѣка, развязка при помощи оружія разыгралась и на второмъ театрѣ войны, на которомъ Цезарь счелъ нужнымъ тотчасъ послѣ завоеванія Италіи начать наступательныя дѣйствія.—Мы уже говорили, что Помпеянцы имѣли намѣреніе сморить Италію голодомъ. Средства для этого были у нихъ подъ руками. Они безспорно господствовали на морѣ, и вездѣ, въ Гадесѣ, Утикѣ, Мессанѣ, въ особенности же на востокѣ дѣлали большія усилія, чтобъ увеличить свой флотъ; затѣмъ они располагали всѣми провинціями, изъ которыхъ столица получала продовольствіе: Сардиніей и Корсикой благодаря Марку Коттѣ, Сициліей—черезъ Марка Катона, Африкой—при помощи особо назначеннаго главнокомандующаго Тита Аттія Вара, и союзника помпеева, царя нумидійскаго Юбы. Для Цезаря было неотлагательной необходимостью разстроить эти планы врага и отнять у него земледѣльческія провинціи. Квинтъ Валерій былъ посланъ съ легіономъ въ Сардинію и принудилъ помпеева намѣстника очистить островъ. Еще болѣе важное предпріятіе,—завоеваніе Сициліи и Африки, было поручено молодому Гаю Куріону при помощи искуснаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ Гая Канинія Ребила. Сицилію онъ занялъ, не обнаживъ даже оружія; Катонъ, не имѣвшій настоящей арміи, и вовсе не военный человѣкъ, очистилъ островъ, давъ передъ этимъ въ своемъ обычномъ добросовѣстномъ тонѣ Сицилійцамъ совѣтъ, не компрометтировать себя безпо-

лезнымъ противодѣйствіемъ. Куріонъ оставилъ для прикрытія этого острова, столь важнаго для столицы, половину своихъ войскъ и отплылъ съ остальными двумя легіонами и 500 всадниковъ въ Африку.

Куріонъ высаживается въ Африкѣ. Побѣда его при Утикѣ.

Онъ могъ ожидать здѣсь серьознаго противодѣйствія: кромѣ значительной и въ своемъ родѣ искусной арміи Юбы, намѣстникъ Варъ образовалъ два легіона изъ осѣдлыхъ въ Африкѣ Римлянъ и выставилъ кромѣ того небольшую эскадру изъ десяти парусныхъ судовъ. Но при помощи своего болѣе значительнаго флота Куріонъ произвелъ безпрепятственно высадку между Гадруметомъ, гдѣ стоялъ непріятельскій легіонъ и военныя суда, и Утикой, передъ которой стоялъ второй легіонъ подъ начальствомъ самаго Вара. Куріонъ обратился противъ послѣдняго и расположился лагеремъ вблизи Утики, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за полтора столѣтія передъ тѣмъ Сципіонъ старшій сталъ впервые на зимнія квартиры въ Африкѣ. Цезарь, принужденный удержать лучшія свои войска для испанской войны, долженъ былъ образовать африко-сицилійскую свою армію по большей части изъ отнятыхъ у непріятеля легіоновъ, именно, изъ взятыхъ въ плѣнъ при Корфиніумѣ; офицеры помпеевой арміи въ Африкѣ, частью служившіе прежде въ побѣжденныхъ при Корфиніумѣ легіонахъ, пробовали всякими способами понудить своихъ прежнихъ солдатъ, воевавшихъ теперь противъ нихъ, вернуться къ своей старой присягѣ. Но Цезарь не ошибся въ выборѣ своего намѣстника. Куріонъ съумѣлъ и руководить движеніями войска и флота, и пріобрѣсти личное вліяніе на солдатъ; продовольствіе ихъ было обильно, сраженія безъ исключенія удачны. Когда Варъ, предполагая, что войскамъ куріоновымъ не достаетъ только случая, для того чтобы перейти на его сторону, рѣшился дать сраженіе, главнымъ образомъ чтобъ доставить имъ этотъ случай,— результатъ не оправдалъ его ожиданій. Вдохновленные горячею рѣчью своего молодого вождя, куріоновы всадники обратили непріятельскую конницу въ бѣгство и на глазахъ у обѣихъ армій перерѣзали всю легкую пѣхоту, выступившую въ бой вмѣстѣ съ кавалеріей; ободренные этимъ успѣхомъ и личнымъ примѣромъ Куріона, и легіоны его перешли черезъ неудобное ущелье, раздѣлявшее обѣ линіи, и начали наступленіе, котораго помпеянцы не ожидали; они постыдно бѣжали въ свой лагерь, но и его покинули въ ту же ночь. Побѣда была до такой степени полная, что Куріонъ тотчасъ-же приступилъ къ осадѣ Утики. Но, когда тѣмъ временемъ прибыло извѣстіе, что царь Юба идетъ на избавленіе города со всѣмъ своимъ войскомъ, Куріонъ рѣшился,—какъ это сдѣлалъ нѣкогда Сципіонъ при прибытіи Сифакса,—снять осаду и отойти въ прежній сципіоновъ лагерь, пока не подойдутъ изъ Сициліи подкрѣпленія. Вслѣдъ затѣмъ, однако, пришла другая вѣсть, что царь Юба, вслѣдствіе нападеній со стороны сосѣднихъ властителей, принужденъ повернуть назадъ со всѣмъ своимъ войскомъ, пос-

лавъ въ помощь осажденнымъ лишь небольшой отрядъ подъ начальствомъ Сабурры. Куріонъ, вслѣдствіе обычной своей горячности лишь неохотно рѣшившійся остановиться, тотчасъ же пошелъ опять впередъ, чтобъ сразиться съ Сабуррой, прежде чѣмъ онъ успѣетъ соединиться съ гарнизономъ Утики.

Пораженіе Куріона Юбой при Баградѣ.

Конницѣ Куріона, выступавшей еще вечеромъ, удалось дѣйствительно внезапно напасть ночью на отрядъ Сабурры при Баградѣ и нанести ему немалый вредъ; получивъ извѣстіе объ этой побѣдѣ, Куріонъ ускорилъ движеніе пѣхоты, чтобъ при помощи ея довершить пораженіе врага. Вскорѣ на крайнихъ откосахъ высотъ, спускающихся къ Баграду, сталъ виденъ отрядъ Сабурры, сражающійся съ римскими всадниками; подошедшіе легіоны помогли совершенно оттѣснить его въ долину. Но тутъ-то произошелъ поворотъ въ судьбѣ сраженія. Сабурра дѣйствовалъ не безъ резервовъ, какъ это предполагали, а находился не болѣе какъ въ одной нѣмецкой милѣ отъ главныхъ силъ нумидійскаго войска. Уже лучшіе отряды нумидійской пѣхоты и 2000 галльскихъ и испанскихъ всадниковъ появились на полѣ сраженія, и самъ царь съ главными силами и шестнадцатью слонами былъ уже недалеко. Послѣ ночного перехода и горячей схватки, изъ римскихъ всадниковъ въ данную минуту находилось вмѣстѣ немного больше 200 человѣкъ, но они, да и пѣхота, были до крайности утомлены всѣми передрягами и боями; въ широкой равнинѣ, куда они дали себя заманить, ихъ совершенно окружали постоянно увеличивавшіяся массы непріятелей. Напрасно Куріонъ пытался возбудить рукопашный бой; ливійскіе всадники, по обыкновенію, подавались назадъ, когда на нихъ наступалъ какой нибудь римскій отрядъ,—когда же онъ поворачивалъ обратно, они преслѣдовали его. Напрасно старался онъ снова овладѣть высотами; онѣ были заняты и путь къ нимъ прегражденъ непріятельской конницей. Все было потеряно. Пѣхота была истреблена вся, до послѣдняго человѣка. Изъ конницы удалось лишь немногимъ пробиться; Куріонъ также могъ бы спастись, но онъ не могъ перенести мысли явиться къ своему повелителю безъ ввѣреннаго ему войска и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Даже тѣ воины, которые остались въ лагерѣ передъ Утикой, и флотскій экипажъ, который легко могъ бы попасть въ Сицилію, сдались, подъ впечатлѣніемъ страшно быстрой катастрофы, на слѣдующій-же день послѣ нея Вару (авг. или сент. 705).—Такъ окончилась предписанная Цезаремъ африкано-сицилійская экспедиція. Она настолько достигла своей цѣли, что занятіемъ Сициліи и Сардиніи была оказана по крайней мѣрѣ помощь самымъ насущнымъ потребностямъ столицы; неудавшееся завоеваніе Африки, изъ котораго побѣдившая сторона не могла все таки извлечь въ будущемъ никакого существеннаго пріобрѣтенія, и утрата двухъ ненадежныхъ легіоновъ могли еще быть перенесены. Но незамѣнимой утратой для

Цезаря, даже для Рима, была ранняя смерть Куріона. Не безъ причины довѣрилъ Цезарь важнѣйшій самостоятельный постъ неопытному въ военномъ дѣлѣ и извѣстному своей развратной жизнью молодому человѣку; въ пламенномъ юношѣ была искорка цезарева генія. И онъ, подобно Цезарю, осушилъ до дна чашу удовольствій; и онъ не потому сталъ государственнымъ человѣкомъ, что былъ воиномъ, но мечъ вложила ему въ руки его политическая дѣятельность; его краснорѣчіе точно также не щеголяло круглотою періодовъ, но было отраженіемъ глубоко прочувствованной мысли; его характеръ такъ-же отличался легкостью, часто даже легкомысліемъ, привлекательной откровенностью и полнымъ наслажденіемъ минутой. Если, какъ говоритъ о немъ его полководецъ, юношеская горячность и порывистость вовлекали его въ неосторожные поступки, и если онъ, для того лишь, чтобъ не быть принужденнымъ получить прощеніе за извинительный промахъ, въ припадкѣ излишней гордости искалъ смерти,— то и въ исторіи Цезаря нѣтъ недостатка въ минутахъ такой же неосторожности и такой же гордости. Можно пожалѣть, что такой переполненной дарованіями натурѣ не было дано перебродить и сберечь себя для слѣдующаго поколѣнія, столь скуднаго талантами, такъ быстро поддавшаго страшному господству посредственностей.

Планъ помпеевой кампаніи на 705 годъ.

Мы можемъ лишь гадательно предположить, какое вліяніе эти военныя событія 705 года возъимѣли на общій планъ кампаніи, составленный Помпеемъ, какая роль выпала въ немъ послѣ утраты Италіи важнѣйшимъ отрядамъ Помпея на западѣ. Говорилось тогда, что онъ имѣлъ въ виду поспѣшить на помощь своей арміи, боровшейся въ Испаніи, идя по сушѣ, черезъ Африку и Мавританію,— но это былъ лишь фантастическій и несомнѣнно совершенно неосновательный слухъ, ходившій въ лагерѣ при Илердѣ. Гораздо вѣроятнѣе, что Помпей даже послѣ утраты Италіи все еще оставался при своемъ первоначальномъ планѣ напасть на Цезаря въ циз—и трансальпійской Галліи съ обѣихъ сторонъ, и въ то же время замышлялъ соединенное нападеніе изъ Испаніи и Македоніи. Вѣроятно, испанская армія должна была такъ долго держаться оборонительно въ Пиренеяхъ, пока армія, организовавшаяся въ это время въ Македоніи, не будетъ также готова къ выступленію; послѣ этого онѣ одновременно двинулись бы и, смотря по обстоятельствамъ, соединились бы или на Ронѣ или на По, тогда какъ флотъ въ тоже время попытался бы отвоевать Италію въ тѣсномъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ такого предположенія, какъ кажется, Цезарь прежде всего сталъ готовиться встрѣтить нападеніе на Италію. Одинъ изъ лучшихъ его офицеровъ, народный трибунъ Маркъ Антоній, начальствовалъ тутъ, пользуясь властью пропретора. Юго-восточныя гавани, Сипъ, Брундизіумъ, Тарентъ, изъ которыхъ въ первой можно было ожидать высадки, получили гарнизонъ изъ трехъ легіоновъ. Кромѣ того

Квинтъ Гортензій, безпутный сынъ извѣстнаго оратора, собралъ флотъ въ тирренскомъ морѣ, а Публій Долабелла другой флотъ въ Адріатическомъ морѣ, и обѣ эскадры частью поддерживали оборону, частью же должны были быть употреблены при предстоявшемъ переѣздѣ войскъ въ Грецію. На случай, если Помпей попытается войти въ Италію по сухому пути, Маркъ Лициній Крассъ, старшій сынъ прежняго товарища цезарева, долженъ былъ руководить обороною цизальпійской Галліи, а младшій братъ Марка Антонія, Гай—обороною Иллиріи.

Войско и флотъ Цезаря въ Иллиріи уничтожены.

Предполагаемое нападеніе заставляло однако долго ждать себя. Лишь поздно лѣтомъ дѣло дошло въ Иллиріи до схватокъ. Тутъ намѣстникъ Цезаря, Гай Антоній, стоялъ съ своими двумя легіонами на островѣ Курнктѣ (Veglia, въ Кварнерскомъ заливѣ), адмиралъ Цезаря, Публій Долабелла, съ 40 судами въ узкомъ проливѣ между этимъ островомъ и материкомъ. На послѣднюю эскадру напали предводители помпеева флота въ Адріатическомъ морѣ, Маркъ Октавій съ греческимъ отдѣломъ флота, а Люцій Скрибоній Либонъ съ иллирской эскадрой, уничтожили всѣ суда Долабеллы и совершенно окружили Антонія на его островѣ. На выручку его прибыли изъ Италіи корпусъ подъ начальствомъ Базила и Саллюстія и эскадра Гортензія изъ тирренскаго моря,—но ни тотъ, ни другой не могли ничего сдѣлать съ непріятельскимъ флотомъ, значительно превосходившимъ ихъ силами. Легіоны Антонія приходилось предоставить ихъ участи. Припасы приходили къ концу, войска выказывали упорство и мятежный духъ; за исключеніемъ немногихъ отрядовъ, которымъ удалось достигнуть материка на лодкахъ, весь корпусъ, еще насчитывавшій пятнадцать когортъ, положилъ оружіе и на судахъ Либона перевезенъ былъ въ Македонію, гдѣ его хотѣли зачислить въ ряды помпеевой арміи, въ то время, какъ Октавій остался на мѣстѣ, чтобъ довершить покореніе иллирійскаго побережья, теперь совершенно свободнаго отъ войскъ. Далматы, находившіеся съ Цезаремъ во враждѣ со времени его намѣстничества, важный островной городъ Исса (Лисса), и другія мѣстности стали на сторону Помпея; но приверженцы Цезаря держались въ Салонахъ (Спалато) и Лиссѣ (Алессіо), и въ первомъ изъ этихъ городовъ не только отважно выдержали осаду, но, когда ихъ довели до крайности,—сдѣлали даже вылазку съ такимъ успѣхомъ, что Октавій снялъ осаду и отплылъ въ Диррахіонъ, для того, чтобъ провести тамъ зиму.

Общіе результаты кампаніи.

Эта удача, выпавшая въ Иллиріи на долю помпеева флота, хотя сама по себѣ не маловажная, слабо повліяла однако на общій ходъ кампаніи; микроскопически ничтожнымъ является этотъ результатъ, когда вспомнишь, что всѣ дѣянія сухопутныхъ и морскихъ силъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ Помпея, ограничились во весь этотъ богатый событіями 705 годъ этой единственной побѣдой, и что съ востока, гдѣ находился и полководецъ и сенатъ, вторая

большая армія, главный флотъ, гдѣ собраны были громадные военные запасы и еще болѣе обширные финансовыя средства противниковъ Цезаря,—въ рѣшительную минуту борьбы на западѣ не было сдѣлано ровно никакого вмѣшательства. Разстроенное состояніе разбросанныхъ въ восточной части государства вооруженныхъ силъ, привычка полководца не сражаться иначе, какъ обладая превосходствомъ войска, его неповоротливость и расплывчивость, и наконецъ растерянность коалиціи,—все это можетъ если не извинить, то отчасти объяснить бездѣятельность сухопутной арміи; но для того чтобъ понять, какъ флотъ, все таки господствовавшій на Средиземномъ морѣ, не зная соперниковъ, ничего не дѣлалъ для того, чтобъ повліять на ходъ событій, ничѣмъ не помогъ ни Испаніи, ни вѣрнымъ Массаліотамъ, не содѣйствовалъ оборонѣ Сардиніи, Сициліи, Африки и если не занятію Италіи, то хоть лишенію ея подвоза продовольствія,—необходимо было-бы намъ имѣть такое представленіе о господствовавшемъ въ помпеевомъ лагерѣ смущеніи и разладѣ, которое мы лишь съ трудомъ могли бы себѣ составить.—Общій итогъ кампаніи соотвѣтствовалъ этому. Двойное наступленіе Цезаря противъ Испаніи, и противъ Сициліи и Африки удалось въ первомъ случаѣ вполнѣ, во второмъ лишь отчасти; напротивъ того, замыселъ Помпея возбудить въ Италіи голодъ былъ существенно разстроенъ завоеваніемъ Сициліи, общій же планъ его кампаніи совершенно распался вслѣдствіе уничтоженія испанской арміи; въ Италіи же была употреблена въ дѣло лишь незначительная часть оборонительныхъ приготовленій Цезаря. Несмотря на чувствительныя потери въ Африкѣ и Иллиріи, Цезарь несомнѣнно и рѣшительно вышелъ изъ этого перваго года войны побѣдителемъ.

Организаціонныя мѣры въ Македоніи. Эмиграція.

Хотя съ востока ничѣмъ не съумѣли помѣшать покоренію Цезаремъ запада, тамъ все таки работали въ теченіе всего незавидно пріобрѣтеннаго роздыха надъ тѣмъ, чтобъ упрочить свое положеніе и въ политическомъ и въ военномъ отношеніи. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ противниковъ Цезаря была Македонія. Туда отправился самъ Помпей и масса брундизійскихъ эмигрантовъ; туда же прибыли и остальные бѣглецы съ запада: Маркъ Катонъ изъ Сициліи, Люцій Домицій изъ Массаліи, въ особенности же масса лучшихъ офицеровъ и солдатъ разсѣянной арміи изъ Испаніи, съ вождями своими, Афраніемъ и Варрономъ, во главѣ. Въ Италіи между аристократами эмиграція стала не только дѣломъ чести, но и модой, и получила особое развитіе, когда пришли вѣсти о критическомъ положеніи Цезаря при Илердѣ; кромѣ того, изъ числа болѣе умѣренныхъ сторонниковъ партіи и политическихъ флюгеровъ прибывало мало по малу довольно много лицъ, и даже самъ Маркъ Цицеронъ убѣдился наконецъ въ томъ, что онъ недостаточно удовлетворитъ своимъ гражданскимъ обязанностямъ, если напишетъ только разсужденіе на тему о дружномъ

согласіи людей. Эмигрантскій сенатъ въ Өессалоникѣ, гдѣ оффиціальный Римъ водворился на время, насчитывалъ до 200 членовъ, (въ томъ числѣ много маститыхъ старцевъ и почти всѣхъ консуларовъ) — но, конечно, все это были эмигранты. Этотъ римскій Кобленцъ въ жалкомъ видѣ отражалъ крайнія притязанія и ничтожныя дѣянія знатнаго римскаго свѣта, его несвоевременныя воспоминанія и еще болѣе неумѣстныя жалобы, его превратныя политическія идеи и финансовыя затрудненія. Не особенно было важно, что въ ту минуту, когда старое зданіе совсѣмъ опускалось, эти люди съ томительнѣйшими стараніями тщились оберегать всѣ обветшавшія и заржавѣвшія украшенія конституціи: подъ конецъ стало уже просто смѣшнымъ, когда у этихъ знатныхъ господъ заговорили угрызенія совѣсти изъ за того, что вдали отъ священной территоріи своего родного города они могутъ называть свое собраніе сенатомъ, и потому они приняли осторожное прозвище «трехсотъ» *), — или когда предприняты были обширныя изслѣдованія въ области государственнаго права, для того чтобъ разъяснить, можетъ ли куріальный законъ юридически состояться въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Капитолія.

Умѣренные и крайніе. Гораздо хуже было равнодушіе умѣренныхъ и ограниченное озлобленіе крайнихъ. Первыхъ невозможно было ни побудить къ дѣйствію, ни заставить замолчать; когда отъ нихъ требовали въ опредѣленной формѣ содѣйствія общему благу, то съ свойственной слабымъ людямъ непослѣдовательностью они смотрѣли на каждое подобное требованіе, какъ на злоумышленную попытку еще болѣе скомпрометтировать ихъ, и вовсе не исполняли приказаннаго или же дѣлали это неохотно. При этомъ, конечно, съ запоздалымъ желаніемъ все лучше знать и съ хитроумными ссылками на неисполнимость предложенія, они постоянно становились въ тягость настоящимъ дѣятелямъ; ихъ обыденнымъ занятіемъ было разбирать каждое крупное или мелкое событіе, осмѣивать его или оплакивать, и своимъ равнодушіемъ и безнадежностью ослаблять настроеніе массы и лишать ее бодрости. Но если тутъ чудилась беззвучность слабости, то крайній предѣлъ ея напряженія былъ въ полномъ блескѣ у крайней же фракціи: Здѣсь не скрывали

*) Такъ какъ по формальному праву „законное собраніе совѣта“, столь же несомнѣнно, какъ и „законный судъ“, могли имѣть мѣсто лишь въ самомъ городѣ или внутри той окружности, за которую не могли переступать изгнанники, то өессалоникскій сенатъ придалъ себѣ названіе „трехсотъ“ (bell. Afric., 88, 90; Аппіанъ, 2, 95), не потому чтобъ онъ состоялъ изъ 300 членовъ, но потому, что такова была древняя нормальная численность сенаторовъ. Весьма вѣроятно, что это собраніе было усилено нѣкоторыми именитыми всадниками; но когда Плутархъ (Cato min., 59, 61) дѣлаетъ этихъ трехсотъ человѣкъ италъянскими оптовыми торговцами, то онъ просто не понялъ своего источника (b. Afric., 90).

ни от кого, что предварительнымъ условіемъ какихъ бы то ни было мирныхъ переговоровъ должна быть присылка головы Цезаря; каждая изъ попытокъ примиренія, которыя и теперь еще неоднократно дѣлалъ онъ, отвергалась совершенно, неразсмотрѣнная, или-же ею пользовались для того, чтобы злостнымъ образомъ лишить жизни людей, принимавшихъ порученіе отъ противника. Само собою разумѣется, что отъявленные сторонники Цезаря безъ исключенія платились за то жизнью и имуществомъ,— но и личностямъ болѣе или менѣе нейтральнымъ приходилось немногимъ лучше. Люцій Домицій, герой Корфиніума, чрезвычайно серьозно внесъ въ военный совѣтъ предложеніе поручить тѣмъ сенаторамъ, которые сражались въ рядахъ помпеевой арміи, рѣшить посредствомъ голосованія судьбу всѣхъ, кто остался нейтральнымъ, либо, эмигрировавъ, не вступилъ однако въ войско, и затѣмъ, смотря по ихъ дѣйствіямъ, или оправдать этихъ людей или же наказать ихъ денежной пеней, даже лишеніемъ жизни и состоянія. Другой изъ этихъ крайнихъ представилъ Помпею жалобу на Люція Афранія за недостаточную защиту Испаніи, прямо обвиняя его въ подкупѣ и измѣнѣ. Для этихъ людей, насквозь окрасившихся республиканскимъ духомъ, политическая теорія играла почти роль религіознаго исповѣданія; поэтому они ненавидѣли умѣренныхъ членовъ своей партіи, даже Помпея съ его личной свитой, быть можетъ еще непримиримѣе, чѣмъ открытыхъ своихъ враговъ, и съ тою нелѣпостью ненависти, которая бываетъ обыкновенно свойственна ортодоксальнымъ богословамъ; эти люди главнымъ образомъ были виною тѣхъ многочисленныхъ и ожесточенныхъ распрей, которыя раздирали и армію и сенатъ эмигрантовъ. Но они не остались при однихъ словахъ. Маркъ Бибулъ, Титъ Лабіенъ и другіе представители той же котеріи осуществляли свою теорію на практикѣ, и массами казнили всѣхъ офицеровъ и солдатъ цезаревой арміи, попадавшихся имъ въ руки,— что, разумѣется, не содѣйствовало ослабленію энергіи цезаревыхъ войскъ въ борьбѣ. Когда, во время отсутствія Цезаря изъ Италіи, не состоялась контръ-революція въ пользу защитниковъ конституціи, несмотря на то, что всѣ матеріалы были для того наготовѣ, то, по увѣреніямъ болѣе благоразумныхъ противниковъ Цезаря, причина этого главнымъ образомъ заключалась въ общемъ опасеніи неукротимаго бѣшенства крайнихъ республиканцевъ, которое разразилось бы послѣ полной реставраціи. Лучшіе люди въ помпеевомъ лагерѣ приходили въ отчаяніе отъ этой безумной возни. Помпей, самъ — храбрый воинъ, щадилъ, насколько могъ и смѣлъ, плѣнныхъ; но онъ былъ слишкомъ малодушенъ и притомъ находился въ слишкомъ неясномъ положеніи, чтобъ помѣшать подобнымъ ужасамъ или даже преслѣдовать ихъ, на что давала ему право власть главнокомандующаго. Гораздо энергичнѣе попытался сдержать этотъ разгулъ жестокости единственный человѣкъ, вступившій въ борьбу, повинуясь по край-

ней мѣрѣ нравственнымъ побужденіямъ,—Маркъ Катонъ: онъ добился того, что эмигрантскій сенатъ собственнымъ декретомъ запретилъ расхищать покорные города и убивать гражданъ иначе, какъ во время боя. Точно такихъ же мнѣній былъ и даровитый Маркъ Марцеллъ. Конечно, никто лучше Катона и Марцелла не зналъ, что крайняя партія въ случаѣ нужды приводила въ исполненіе свои спасительные замыслы вопреки всѣмъ сенатскимъ постановленіямъ. Но если именно въ данную минуту, когда слѣдовало сообразоваться съ внушеніями мудрой осмотрительности, бѣснованіе крайнихъ не поддавалось никакому обузданію, то послѣ побѣды можно было ожидать такого террора, отъ котораго содрогаясь отвернулись бы даже Марій и Сулла; становится понятно, почему Катонъ, по собственному его признанію, страшился побѣды своей собственной партіи еще болѣе, чѣмъ ея пораженія.

Приготовленія къ войнѣ. Руководство военными приготовленіями въ македонскомъ лагерѣ сосредоточено было въ рукахъ главнокомандующаго, Помпея. Постоянно трудное и томительное положеніе его еще болѣе ухудшилось вслѣдствіе несчастныхъ событій 705 года. Въ глазахъ его приверженцевъ, вина падала главнымъ образомъ на него. Это было несправедливо во многихъ отношеніяхъ. Значительную часть вытерпѣнныхъ невзгодъ слѣдовало отнести къ нелѣпости и непокорности низшихъ военачальниковъ, въ особенности консула Лентула и Люція Домиція; съ той минуты, когда Помпей, сталъ во главѣ арміи, онъ руководилъ ею мужественно и искусно, и по крайней мѣрѣ спасъ отъ гибели весьма значительныя силы; было бы несправедливо ставить ему въ упрекъ то, что онъ не могъ помѣриться съ признаннымъ всѣми, выдающимся геніемъ Цезаря. Тѣмъ не менѣе результатъ рѣшилъ дѣло. Уповая на своего полководца Помпея, конституціонная партія порвала сношенія съ Цезаремъ; гибельныя слѣдствія этого разрыва были, конечно, приписаны тому же Помпею, и, хотя при завѣдомой военной неспособности всѣхъ остальныхъ начальниковъ не было сдѣлано ни одной попытки смѣнить главнокомандующаго, довѣріе къ нему однако пошатнулось. Къ этимъ послѣдствіямъ вынесенныхъ пораженій присоединилось еще вредное вліяніе эмиграціи. Въ числѣ прибывавшихъ бѣглецовъ находились, правда, хорошіе солдаты и способные офицеры, въ особенности изъ прежней испанской арміи; но число лицъ, прибывавшихъ, чтобы служить и сражаться, было столь же незначительно, какъ было страшно велико число знатныхъ генераловъ, называвшихъ себя съ такимъ же правомъ, какъ и Помпей, проконсулами и императорами, и число знатныхъ людей, болѣе или менѣе неохотно участвовавшихъ въ дѣйствительной военной службѣ. Ими столичный образъ жизни былъ занесенъ въ лагерь отнюдь не на пользу войска; шатры подобныхъ господъ походили на изящныя бесѣдки; полъ былъ нарядно убранъ свѣжимъ газономъ, стѣны укра-

шены плющемъ; на столѣ стояла серебряная утварь, и зачастую даже среди бѣлаго дня переходилъ изъ рукъ въ руки кубокъ. Эти изящные воины представляли странный контрастъ съ крайне неприхотливыми воинами Цезаря и съ ужасомъ отвращались отъ чернаго хлѣба, который они употребляли въ пищу, замѣняя его въ случаѣ нужды даже кореньями и клянясь ѣсть скорѣе древесную кору, чѣмъ отступить отъ врага. Если, далѣе, неизбѣжная зависимость отъ коллегіальнаго, лично ему враждебнаго, учрежденія уже сама по себѣ стѣсняла дѣятельность Помпея, то затрудненіе это усилилось въ значительной степени, когда эмиграціонный сенатъ восѣдалъ почти въ самой главной квартирѣ и весь ядъ эмиграціи изливался въ этихъ сенаторскихъ засѣданіяхъ. Нигдѣ не было видно ни одной выдающейся личности, которая могла бы уравновѣсить собою всѣ эти нелѣпости. Самъ Помпей былъ для этого слишкомъ ничтоженъ въ умственномъ отношеніи, слишкомъ нерѣшителенъ, неповоротливъ и скрытенъ. Маркъ Катонъ имѣлъ бы по крайней мѣрѣ необходимый для этого нравственный авторитетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было недостатка въ доброй волѣ поддержать Помпея этимъ авторитетомъ; но, вмѣсто того чтобы призвать его на помощь, Помпей отстранялъ его съ ревнивой недовѣрчивостью и предпочелъ передать, напримѣръ, важное главное начальство надъ флотомъ неспособному во всѣхъ отношеніяхъ Бибулу, чѣмъ Катону. Если Помпей относился съ свойственной ему нелѣпостью къ политической сторонѣ своего положенія, и посильно продолжалъ портить то, что уже было испорчено само по себѣ, за то онъ съ похвальнымъ рвеніемъ отдался своей обязанности придать военную организацію значительнымъ, но распущеннымъ силамъ своей партіи. Ядро ихъ состояло изъ привезенныхъ имъ изъ Италіи войскъ, изъ которыхъ, съ прибавкою къ нимъ иллирійскихъ военноплѣнныхъ и осѣдлыхъ въ Греціи Римлянъ, было составлено пять легіоновъ. Три другихъ легіона прибыли съ востока,—два сирійскіе, составленные изъ обломковъ арміи Красса, и одинъ, сплоченный изъ двухъ слабыхъ отрядовъ, до той поры стоявшихъ въ Киликіи. Ничто не мѣшало Помпею вывести эти гарнизонные отряды, такъ какъ съ одной стороны помпеянцы находились въ соглашеніи съ Пареянами и даже могли бы заключить съ ними союзъ, еслибъ только Помпей въ негодованіи не отказался внести за это требуемую уплату, именно, уступить имъ же самимъ присоединенную къ римскому государству сирійскую область; съ другой стороны планъ Цезаря послать въ Сирію два легіона и снова поднять Іудеевъ съ помощью находившагося въ Римѣ въ плѣну князя Аристобула былъ разстроенъ, отчасти по другимъ причинамъ, отчасти смертью самого Аристобула. Далѣе былъ составленъ легіонъ изъ поселенныхъ на Критѣ и въ Македоніи выслужившихся солдатъ, а изъ малоазіатскихъ Римлянъ было составлено два. Къ нимъ присоединилось еще двѣ тысячи добровольцевъ, изъ обломковъ

превосходныхъ испанскихъ отрядовъ и изъ другихъ подобныхъ же источниковъ, и наконецъ контингенты самихъ подданныхъ. Подобно Цезарю, и Помпей не захотѣлъ набирать изъ нихъ пѣхоту; только для защиты береговъ была созвана эпирская, этолійская и ѳракійская милиція, да кромѣ того въ легкое войско было принято три тысячи греческихъ и малоазіатскихъ стрѣлковъ и 1200 метателей копій. Конница, напротивъ того, состояла, кромѣ дворянской гвардіи, образовавшейся изъ молодыхъ римскихъ аристократовъ, болѣе знатной, чѣмъ важной въ военномъ отношеніи, и сформированнаго Помпеемъ изъ апулійскихъ пастуховъ-невольниковъ коннаго отряда, исключительно изъ вспомогательныхъ отрядовъ, выставленныхъ подданными и кліентами Рима. Ядро ея составляли Кельты, частью изъ александрійскаго гарнизона, частью изъ контингента царя Дейотара, несмотря на свой преклонный возрастъ лично прибывшаго во главѣ своей конницы, и контингента, выставленнаго остальными галатскими династами. Къ нимъ были присоединены превосходные ѳракійскіе наѣздники, отчасти приведенные ихъ князьями Садалою и Раскупорисомъ, отчасти навербованные Помпеемъ въ македонской провинціи, затѣмъ каппадокійская конница, конные стрѣлки, присланные коммагенскимъ царемъ Антіохомъ; предводительствуемая Таксиломъ милиція Арманъ, жившихъ по сю сторону Евфрата; предводимое Мегабатомъ армянское ополченіе изъ-за Евфрата и присланныя царемъ Юбою нумидійскія полчища,— совокупность массы этой состояла изъ семи тысячъ всадниковъ.— Наконецъ весьма значителенъ былъ и флотъ Помпея. Онъ состоялъ частью изъ привезенныхъ имъ изъ Брундизіума или впослѣдствіи построенныхъ римскихъ судовъ, частью изъ военныхъ кораблей египетскаго царя, колхидскихъ властителей, киликійскаго династа Таркондимота, городовъ Тира, Родоса, Аѳинъ, Керкиры и вообще всѣхъ азіатскихъ и греческихъ приморскихъ государствъ, и въ немъ насчитывали до пятисотъ парусныхъ судовъ, изъ которыхъ римскія составляли пятую часть. Въ Диррахіонѣ были заготовлены громадные запасы зерна и военныхъ матеріаловъ. Военная касса была хорошо наполнена, такъ какъ помпеянцы владѣли главнѣйшими источниками дохода въ государствѣ и пользовались денежными средствами подручныхъ властителей, знатныхъ сенаторовъ, откупщиковъ податей и вообще всего римскаго и не - римскаго населенія въ районѣ ихъ власти. На защиту римской республики было пущено въ ходъ все, что въ Африкѣ, Египтѣ, Македоніи, Греціи, передней Азіи и Сиріи было въ силахъ собрать законное правительство и часто прославляемая масса подручныхъ Помпею царей и народовъ; если въ Италіи говорили, что Помпей вооружаетъ противъ Рима Гетовъ, Колхидійцевъ и Армянъ, если въ лагерѣ онъ слылъ подъ именемъ «царя царей», то это едва-ли можно было счесть за преувеличеніе. Онъ повелѣвалъ арміею въ семь тысячъ всадниковъ и одинадцать легіоновъ, изъ которыхъ, правда, лишь

пять могли считаться привычными къ войнѣ, и флотомъ въ 500 парусныхъ судовъ. Настроеніе солдатъ, о продовольствіи и жалованьѣ которыхъ Помпей достаточно заботился, и которымъ, въ случаѣ побѣды, были обѣщаны самыя блестящія награды, было вообще хорошее, во многихъ и именно лучшихъ отрядахъ даже превосходное; однако большая часть арміи состояла всетаки изъ вновь навербованныхъ войскъ, организація и обученіе которыхъ, какъ ни ревностно этимъ занимались, по необходимости требовали времени. Военная сила вообще была внушительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляла довольно пеструю смѣсь.

Соединеніе Помпеянцевъ на берегахъ Эпира.

По плану главнокомандующаго войско и флотъ должны были окончательно соединиться на берегахъ и въ водахъ Эпира къ зимѣ 705/6 года; адмиралъ Бибулъ прибылъ уже съ 110 кораблями къ своей новой главной квартирѣ, Керкирѣ. Сухопутное же войско, напротивъ того, главная стоянка котораго находилась во время лѣта въ Бергэѣ на Галіакмонѣ, еще оставалось позади; масса войска медленно двигалась по направленію къ западному берегу по большой ѳессалоникской, искусно проложенной дорогѣ, къ будущему главному центру своихъ операцій Диррахіону; два легіона, которыхъ Метеллъ Сципіонъ велъ изъ Сиріи, стояли еще близъ Пергама въ Малой Азіи на зимнихъ квартирахъ и ожидались въ Европѣ лишь къ веснѣ. Всѣ дѣйствовали неторопливо. Эпирскія гавани были защищены пока, кромѣ флота, только милиціею гражданъ и контингентами сосѣдей. Такимъ образомъ Цезарь имѣлъ возможность дѣйствовать въ Македоніи наступательно, несмотря на вспыхнувшую тѣмъ временемъ испанскую войну; онъ, покрайней мѣрѣ, не медлилъ. Уже давно стянулъ онъ военныя и транспортныя суда къ Брундизіуму и, послѣ капитуляціи испанской арміи и паденія Массаліи, большею частью направилъ туда же и находившіеся въ этихъ мѣстностяхъ превосходные отряды. Правда, неслыханныя усилія, которыхъ Цезарь требовалъ отъ солдатъ, опустошали ряды, болѣе чѣмъ это дѣлали сраженія, и мятежъ, вспыхнувшій въ одномъ изъ четырехъ старшихъ легіоновъ, именно девятомъ, во время перехода чрезъ Плаценцію, служилъ опаснымъ признакомъ усилившагося въ арміи настроенія; однако присутствіе духа Цезаря и его личный авторитетъ поборола это препятствіе, и съ этой стороны ничто не мѣшало отплытію. Но та помѣха, о которую еще въ мартѣ 705 года разбилось преслѣдованіе Помпея, именно недостатокъ въ корабляхъ, грозила разстроить и эту экспедицію. Военные корабли, которые Цезарь приказалъ соорудить въ галльскихъ, сицилійскихъ и италійскихъ гаваняхъ, не были еще готовы или по крайней мѣрѣ не были доставлены; адріатическая эскадра его погибла за годъ передъ тѣмъ при Куриктѣ; въ Брундизіумѣ онъ засталъ не болѣе двѣнадцати военныхъ кораблей и едва достаточное число транспортныхъ судовъ, для того чтобы перевезти заразъ въ Грецію третью часть его арміи, состоявшей

изъ 12 легіоновъ и 10000 всадниковъ. Сильный непріятельскій флотъ исключительно господствовалъ надъ Адріатическимъ моремъ и въ особенности надъ всѣми континентальными и островными гаванями восточнаго побережья. При такихъ обстоятельствахъ невольно возникаетъ вопросъ, почему Цезарь не избралъ вмѣсто морского пути сухопутный переходъ чрезъ Иллирію, который избавилъ бы его отъ всѣхъ опасностей, угрожавшихъ ему со стороны флота, и къ тому же для его отрядовъ, прибывшихъ большею частію изъ Галліи, былъ короче дороги чрезъ Брундизіумъ. Правда, иллирійскія области были невыразимо бѣдны и суровы по своей природѣ; но немного времени спустя по нимъ все таки проходили другія арміи, и это препятствіе врядъ ли показалось непреодолимымъ завоевателю Галліи. Быть можетъ, онъ опасался, что во время труднаго иллирійскаго перехода Помпей перевезетъ всѣ свои боевыя силы за Адріатическое море, вслѣдствіе чего роли внезапно измѣнились бы, и Цезарь могъ очутиться въ Македоніи, Помпей въ Италіи, хотя впрочемъ, такой быстрой перемѣны едва ли можно было ожидать отъ цезарева неповоротливаго соперника. Быть можетъ также, Цезарь рѣшилъ въ пользу морского пути въ томъ предположеніи, что флотъ его тѣмъ временемъ получитъ прочную организацію; когда же онъ по возвращеніи изъ Испаніи убѣдился въ настоящемъ положеніи вещей на Адріатическомъ морѣ, было, быть можетъ, уже поздно измѣнить планъ похода. Возможно также (если вспомнить энергически стремившуюся всегда къ разрѣшенію вопроса натуру Цезаря, то позволительно счесть и это вполнѣ вѣроятнымъ) временно не защищенный, но чрезъ нѣсколько дней навѣрно покрытый непріятелемъ эпирскій берегъ неотразимо манилъ его еще разъ разстроить всѣ планы противника смѣлымъ движеніемъ. Как бы то ни было, но (4 января 706 г.) *) Цезарь съ шестью легіонами, значительно порѣдѣвшими отъ всевозможныхъ невзгодъ и болѣзней, и 600 всадниковъ, отплылъ изъ Брундизіума къ эпирскому берегу. Экспедиція эта достойна была стать на ряду съ безумно-отважнымъ британскимъ походомъ; однако по крайней мѣрѣ начало ея было удачно. Посреди акрокераунскихъ (химарскихъ) утесовъ, въ мало-посѣщаемомъ рейдѣ Палеассы (Пальяса), высадились на берегъ. Транспортныя суда видны были, какъ изъ ориконской гавани (авлонской бухты), гдѣ стояла эскадра Помпея, состоявшая изъ 18 кораблей, такъ и изъ главной квартиры непріятельскаго флота близъ Керкиры; но въ первомъ мѣстѣ помпеянцы считали себя слишкомъ слабыми, во второмъ они не были готовы къ отплытію, и первый транспортъ безпрепятственно высадился. Въ то время, какъ корабли немедленно отплыли обратно за вторымъ транспортомъ, Цезарь въ тотъ же вечеръ перешелъ чрезъ

Цезарь высаживается въ Эпирѣ.

*) По исправленному календарю 5 января 705 года.

акрокеравнскія горы. Первые успѣхи его были такъ же велики, какъ и изумленіе враговъ. Эпирское ополченіе нигдѣ не оказало сопротивленія; важные портовые города, Ориконъ и Аполлонія, вмѣстѣ съ многими болѣе мелкими пунктами, были заняты; Дирраxіонъ, избранный помпеянцами, какъ главный военный центръ, и наполненный всевозможными припасами, но слабо защищенный, подвергался величайшей опасности.

Цезарь отрѣзанъ отъ Италіи.

Дальнѣйшее развитіе этого похода не соотвѣтствовало однако блестящему началу. Бибулъ удвоенными усиліями нѣсколько исправилъ впослѣдствіи свою первоначальную небрежность. Онъ не только захватилъ около тридцати возвращавшихся транспортныхъ судовъ, которыя были сожжены по его приказанію со всѣмъ, что на нихъ находилось, но и организовалъ вдоль всего занятаго Цезаремъ побережья, отъ острова Сазона (Савено) до керкирскихъ гаваней, самую бдительную сторожевую службу, какъ ни затруднена она была суровымъ временемъ года и необходимостью доставлять сторожевымъ судамъ все необходимое, даже дрова и воду, изъ Керкиры; преемникъ его Либонъ—самъ онъ скоро погибъ вслѣдствіе непривычныхъ усилій—блокировалъ даже одно время брундизійскую гавань, пока наконецъ недостатокъ въ водѣ не прогналъ его опять съ маленькаго острова, на которомъ укрѣпился. Цезаревымъ военачальникамъ невозможно было доставить своему главнокомандующему второй транспортъ войска. Такъ же мало удалось и ему самому взятіе Дирраxіона. Помпей узналъ отъ одного изъ эмиссаровъ Цезаря о его приготовленіяхъ къ отплытію къ эпирскому берегу и, ускоривъ вслѣдствіе этого походъ, какъ разъ во время занялъ этотъ важный военный пунктъ.

Положеніе Цезаря было критическое. Хотя онъ и занялъ Эпиръ, насколько дозволяли его незначительныя военныя силы, продовольствіе арміи оставалось все таки затруднительнымъ и невѣрнымъ, между тѣмъ какъ враги, обладая дирраxійскими магазинами и господствуя на морѣ, пользовались обиліемъ во всемъ. Съ своимъ войскомъ, врядъ ли много превышавшимъ 20,000 человѣкъ, онъ не могъ предложить сраженіе войску Помпея, по крайней мѣрѣ вдвое его многочисленнѣйшему, а долженъ былъ почитать за счастье, что Помпей дѣйствовалъ методически и вмѣсто того, чтобы немедленно вынудить сраженіе, расположился на зимнихъ квартирахъ между Дирраxіономъ и Аполлоніею на правомъ берегу Апса какъ разъ противъ Цезаря, стоявшаго на лѣвомъ берегу, съ тѣмъ чтобы весною послѣ прибытія легіоновъ изъ Пергама, подавить врага непреодолимымъ превосходствомъ силъ. Такъ проходили мѣсяцы. Если наступленіе лучшаго времени года, которое должно было дать врагу возможность получить значительныя подкрѣпленія и свободно пользоваться своимъ флотомъ, застало бы Цезаря все въ томъ же поло-

женіи, то, стиснутый съ своимъ небольшимъ отрядомъ въ эпирскихъ скалахъ, между втрое его сильнѣйшимъ сухопутнымъ войскомъ врага и его громаднымъ флотомъ, онъ былъ бы повидимому потерянъ; а зима уже подходила къ концу. Всѣ надежды еще возлагались на транспортный флотъ; едва ли можно было ожидать, чтобы онъ прокрался или пробился чрезъ блокаду; но послѣ перваго добровольно предпринятаго смѣлаго натиска, второй столь же отважный поступокъ являлся уже необходимостью. Насколько самому Цезарю положеніе его казалось отчаяннымъ, видно изъ его рѣшенія отправиться (такъ какъ его суда все не прибывали) одному на рыбачьей баркѣ, по Адріатическому морю въ Брундизіумъ, чтобы призвать флотъ; это не было исполнено только потому, что не нашлось ни одного моряка, который согласился бы совершить это отчаянное плаванье. Но личнаго появленія Цезаря не понадобилось, для того чтобы убѣдить преданнаго воина, командовавшаго въ Италіи, Марка Антонія, сдѣлать эту послѣднюю попытку къ спасенію его начальника. Вторично отплылъ изъ Брундизіума транспортный флотъ, съ четырьмя легіонами и 800 всадниковъ, и сильный южный вѣтеръ помогъ ему счастливо миновать галеры Либона. Но тотъ же вѣтеръ, который спасъ въ этомъ случаѣ флотъ, сдѣлалъ ему невозможнымъ причалить, какъ было ему приказано, къ аполлонійскому берегу и принудилъ его, миновавъ лагери Цезаря и Помпея, направиться сѣвернѣе Дирраxіона, въ Лиссъ, городъ, который, по счастію, былъ еще на сторонѣ Цезаря. Когда флотъ плылъ мимо дирраxійской гавани, родосскія галеры стали преслѣдовать его, и едва только корабли Антонія вступили въ лисскую гавань, какъ передъ нею появилась и непріятельская эскадра. Но какъ разъ въ эту минуту вѣтеръ перемѣнился внезапно и отбросилъ гнавшіяся за флотомъ галеры, снова въ открытое море, а частью и на скалистый берегъ. По чудесной, счастливой случайности высадка и второго транспорта удалась. Антоній и Цезарь все еще стояли другъ отъ друга на разстояніи четырехъ дневныхъ переходовъ, разлученные Дирраxіономъ и всей непріятельской арміей; но Антоній благополучно совершилъ опасное движеніе вокругъ Дирраxіона чрезъ ущелья Грабскихъ Балканъ и былъ принятъ на правомъ берегу Апса Цезаремъ, вышедшимъ ему на встрѣчу. Помпей, тщетно пытавшійся помѣшать соединенію двухъ непріятельскихъ армій и принудить корпусъ Антонія сразиться отдѣльно, занялъ новую позицію близъ Аспарагіона на рѣкѣ Генузѣ (Ушкомобинѣ), протекавшей параллельно Апсу между нимъ и городомъ Дирраxіономъ, и здѣсь снова остался неподвиженъ. Цезарь чувствовалъ себя теперь довольно сильнымъ, чтобы дать сраженіе; но Помпей на это не соглашался. За то Цезарю удалось обмануть противника и, съ своими быстро двигавшимися войсками, броситься незамѣтно между непріятельскимъ лагеремъ и крѣпостью Дирраxіономъ, на которую они опирались, подобно тому,

Антоній отправляется въ Эпиръ.

Соединеніе всей цезаревой арміи.

какъ это было и при Илердѣ. Грабо-балканская цѣпь, которая тянется по направленію съ востока на западъ и оканчивается близъ Адріатическаго моря узкимъ дирахійскимъ мысомъ, отдѣляетъ отъ себя въ юго-западномъ направленіи, въ трехъ миляхъ на востокъ отъ Диррахіона, боковую вѣтвь, которая, описавъ дугу, также обращается къ морю, при чемъ главная и боковая вѣтвь горнаго кряжа замыкаютъ собою маленькую равнину, которая стелется вокругъ утеса по морскому берегу. Здѣсь Помпей расположился лагеремъ и, хотя цезарева армія преграждала ему сухопутную дорогу къ Диррахіону, онъ, съ помощью своего флота, оставался все таки въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ этимъ городомъ, и удобно и обильно снабжался оттуда всѣмъ необходимымъ, въ то время какъ у цезаріанцевъ, несмотря на отправку сильныхъ отрядовъ внутрь страны и на всѣ старанія полководца организовать стройную систему подвоза и правильное продовольствіе войска, запасы были болѣе чѣмъ скудны, и мясо, ячмень, даже коренья зачастую должны были заступить мѣсто привычной пшеницы.

Такъ какъ флегматическій противникъ упорно оставался пассивнымъ, то Цезарь рѣшился занять окружныя высоты, окаймлявшія занятую Помпеемъ приморскую равнину, чтобы по крайней мѣрѣ задержать превосходившую его силами непріятельскую конницу и дѣйствовать свободнѣе противъ Диррахіона, а если возможно, то принудить противника либо дать сраженіе, либо отплыть. Почти половина цезаревыхъ войскъ была отряжена внутрь страны; казалось просто безуміемъ начать съ остаткомъ войска осаду, быть можетъ, вдвое многочисленнѣйшей арміи, тѣсно сплоченной и опиравшейся на море и на флотъ. Тѣмъ не менѣе цезаревы ветераны, послѣ несказанныхъ усилій, окружили лагерь Помпея цѣпью постовъ, длиною въ три съ половиною нѣмецкія мили, и, какъ нѣкогда передъ Алезіею, присовокупили къ этой внутренней линіи еще вторую внѣшнюю, чтобы оградить себя отъ нападеній изъ Диррахіона и отъ вполнѣ возможной, съ помощью флота, опасности быть обойденными. Помпей неоднократно нападалъ на отдѣльныя изъ этихъ укрѣпленій, чтобы по возможности прорвать непріятельскую линію, но помѣшать блокадѣ посредствомъ сраженія онъ и не пытался, а предпочелъ соорудить въ свою очередь нѣсколько укрѣпленій вокругъ своего собственнаго лагеря и соединить ихъ между собою посредствомъ линій окоповъ. Съ обѣихъ сторонъ дѣлались усилія выдвинуть шанцы какъ можно далѣе впередъ, но при постоянныхъ стычкахъ земляныя работы подвигались весьма медленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположной отъ цезарева лагеря сторонѣ шла борьба съ гарнизономъ Диррахіона; Цезарь надѣялся завладѣть крѣпостью посредствомъ завязанныхъ имъ внутри ея сношеній, но былъ остановленъ непріятельскимъ флотомъ. Непрерывно шла борьба въ самыхъ противоположныхъ пунктахъ,—

Цезарь блокируетъ лагерь Помпея.

въ самый горячій день въ шести мѣстахъ одновременно,—и обыкновенно въ этихъ стычкахъ испытанная храбрость цезаріанцевъ одерживала верхъ; такъ, напримѣръ, отдѣльная когорта держалась однажды въ своемъ укрѣпленіи въ продолженіе многихъ часовъ противъ четырехъ легіоновъ, пока наконецъ прибыло подкрѣпленіе. Важнаго результата не достигла ни одна сторона, тѣмъ не менѣе послѣдствія блокады постепенно стали тяжко ощущаться помпеянцами. Отводъ потоковъ, изливавшихся съ высотъ въ равнину, вынудилъ ихъ удовлетвориться скудною и плохою колодезною водою. Еще чувствительнѣе былъ недостатокъ корма для вьючныхъ животныхъ и лошадей, недостатокъ, пособить которому не могъ вполнѣ даже флотъ; животныя падали въ большомъ числѣ; мало толку было въ томъ, что лошадей перевезли на судахъ въ Диррахіонъ, такъ какъ и здѣсь они не находили достаточнаго корму. Помпей не могъ болѣе откладывать попытки избавиться отъ своего непріятнаго положенія ударомъ, направленнымъ противъ врага. Въ это-то время онъ былъ увѣдомленъ кельтскими перебѣжчиками, что непріятель упустилъ изъ виду укрѣпить берегъ поперечнымъ валомъ между двумя рядами своихъ укрѣпленій, отдаленными другъ отъ друга на шестьсотъ футовъ; на этомъ Помпей основалъ свой планъ. Въ то время, какъ внутренняя линія цезаревыхъ укрѣпленій была аттакована легіонами изъ лагеря, внѣшняя же линія посаженными на корабли и причалившими по ту сторону непріятельскихъ шанцовъ легкими войсками, третій отрядъ высадился въ промежуткѣ между обѣими линіями и напалъ съ тылу на защитниковъ ихъ, и безъ того уже достаточно занятыхъ. Ближайшее къ морю укрѣпленіе было прежде всего занято Помпеемъ, и гарнизонъ бѣжалъ въ дикомъ смятеніи; съ трудомъ удалось начальнику слѣдующаго окопа, Марку Антонію, отстоять его, и временно остановить натискъ помпеянцевъ; но помимо значительной потери, наружное укрѣпленіе у моря осталось въ рукахъ врага и линія была прорвана. Тѣмъ ревностнѣе воспользовался Цезарь представившимся вскорѣ случаемъ аттаковать главными силами своей пѣхоты неосторожно отдѣлившійся легіонъ Помпея. Но аттакованные оказали храброе сопротивленіе, и правый флангъ Цезаря вмѣстѣ съ конницею сбился совершенно съ пути въ этой мѣстности, многократно служившей лагеремъ для большихъ и меньшихъ отрядовъ и испещренной вкривь и вкось валами и рвами; вмѣсто того, чтобы поддержать лѣвый флангъ въ аттакѣ на легіонъ Помпея, онъ попалъ въ узкую траншею, которая вела отъ одного изъ прежнихъ лагерей къ рѣкѣ. Такимъ образомъ Помпей, поспѣшившій на помощь къ своимъ войскамъ съ пятью легіонами, нашелъ два непріятельскія крыла совершенно отторгнутыми другъ отъ друга, и одно изъ нихъ въ безъисходномъ положеніи. Когда цезаріанцы увидали его приближеніе, ими овладѣлъ паническій страхъ; всѣ бросились назадъ въ дикомъ бѣгствѣ, и если

Позиція Цезаря прорвана.

дѣло ограничилось потерею тысячи лучшихъ солдатъ и армія Цезаря не потерпѣла полнаго пораженія, то этимъ она обязана только тому обстоятельству, что и Помпей не могъ свободно дѣйствовать на изрытой почвѣ и кромѣ того, опасаясь военной хитрости, сдерживалъ сначала свои войска.

Послѣдствія пораженія Цезаря.

Но и при этихъ обстоятельствахъ то были бѣдственные дни. Цезарь не только понесъ чувствительнѣйшія потери и однимъ ударомъ лишился своихъ укрѣпленій, результата четырехмѣсячной гигантской работы; благодаря послѣднимъ стычкамъ, онъ былъ отброшенъ какъ разъ на ту точку, откуда вышелъ. Отъ моря онъ былъ отрѣзанъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда либо, послѣ того какъ старшій сынъ Помпея, Гней, частью сжегъ, частью увезъ послѣ смѣлаго нападенія немногія военныя суда Цезаря, стоявшія въ ориконской гавани, а вскорѣ послѣ того поджегъ и оставшійся въ Лиссѣ транспортный флотъ; этимъ Цезарь лишился всякой возможности привлечь моремъ изъ Брундизіума дальнѣйшія подкрѣпленія. Многочисленная помпеева конница, избавленная теперь отъ стѣснявшихъ ее оковъ, распространилась по окрестностямъ и грозила сдѣлать Цезарю совершенно невозможнымъ и безъ того трудное продовольствіе войска. Отважная попытка Цезаря дѣйствовать наступательно, не имѣя кораблей, противъ сильнаго на морѣ, поддерживаемаго флотомъ, врага, не удалась вполнѣ. На настоящемъ театрѣ войны онъ находился передъ неприступной оборонительной позиціею и не былъ въ состояніи направить сильный ударъ ни противъ Дирраxіона, ни противъ непріятельскаго войска. Напротивъ того, теперь зависѣло только отъ самого Помпея перейти при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ въ наступленіе на противника, и безъ того уже очень стѣсненнаго въ средствахъ продовольствія. Въ войнѣ готовился поворотъ. До той поры Помпей, повидимому, игралъ въ военную игру безъ настоящаго плана, и соображалъ свою оборону съ каждымъ сдѣланнымъ противъ него нападеніемъ; порицать этого нельзя было, такъ какъ проволочка въ войнѣ давала ему возможность обучать своихъ рекрутовъ, стягивать резервы, и все болѣе развивать превосходство своего флота въ Адріатическомъ морѣ. Пораженіе при Дирраxіонѣ не имѣло, правда, тѣхъ послѣдствій, которыхъ не безъ причины ждалъ отъ него Помпей; замѣчательная военная энергія цезаревыхъ ветерановъ не допустила немедленнаго и полнаго распаденія арміи вслѣдствіе голода и мятежей; тѣмъ не менѣе Цезарь былъ разбитъ не только тактически, но и стратегически, и казалось, что онъ не можетъ ни удержаться въ своей настоящей позиціи, ни измѣнить ее цѣлесообразно.

Военные шансы Помпея.

Помпей побѣдилъ; ему надлежало перейти въ наступленіе, и онъ на это рѣшился. Ему представлялось три различные пути, для того, чтобы сдѣлать свою побѣду плодотворною. Первый и простѣйшій состоялъ въ томъ, чтобъ не отступать отъ побѣжденной арміи и

преслѣдовать ее, въ случаѣ ея отступленія. Далѣе, Помпей могъ оставить въ Греціи Цезаря и его лучшіе отряды и, какъ это было подготовлено имъ уже издавна, отплыть съ главною арміею въ Италію, гдѣ настроеніе умовъ было положительно антимонархическое, и гдѣ военныя силы Цезаря, послѣ отправки лучшихъ войскъ и храбраго и надежнаго начальника ихъ къ греческой арміи, были весьма незначительны. Побѣдитель могъ наконецъ обратиться и внутрь страны, привлечь къ себѣ легіоны Метелла Сципіона и попытаться захватить стоявшія тамъ войска Цезаря, который, немедленно по прибытіи второго транспорта, частью отправилъ сильные отряды въ Этолію и Өессалію добывать продовольствіе для арміи, частью двинулъ по эгнатскому шоссе въ сторону Македоніи корпусъ въ два легіона подъ начальствомъ Гнея Домиція Кальвина, который долженъ былъ преградить путь корпусу Сципіона, приближавшемуся по той же дорогѣ изъ Өессалоники и, по возможности, разбить его отдѣльно. Уже Кальвинъ и Метеллъ подошли другъ къ другу на разстояніе немногихъ миль, какъ вдругъ Сципіонъ внезапно обратился къ югу и, быстро перейдя чрезъ Галіакмонъ (Ядшэ—Каразу) и оставивъ тамъ свой обозъ подъ надзоромъ Марка Фавонія, вторгнулся въ Өессалію, для того чтобы съ превосходствомъ силъ аттаковать занятый покореніемъ страны вновь набранный легіонъ Цезаря, предводительствуемый Люціемъ Кассіемъ Лонгиномъ. Лонгинъ же отступилъ черезъ горы въ Амвракію къ отряду, посланному Цезаремъ въ Этолію подъ начальствомъ Гнея Кальвизія Сабина, и Сципіонъ могъ только преслѣдовать его своею өракійскою конницею, такъ какъ Кальвинъ угрожалъ его резервамъ, оставленнымъ близъ Галіакмона подъ предводительствомъ Фавонія, готовя имъ ту-же участь, которую самъ онъ замышлялъ приготовить Лонгину. Такимъ образомъ Кальвинъ и Сципіонъ снова встрѣтились близъ Галіакмона и стояли здѣсь долго другъ противъ друга.

Отступленіе Цезаря отъ Дирраxіона къ Өессаліи. Помпей могъ сдѣлать выборъ между этими планами; Цезарю же не оставалось выбора. Послѣ разсказаннаго нами несчастнаго сраженія онъ началъ отступленіе къ Аполлоніи; Помпей послѣдовалъ за нимъ. Переходъ отъ Дирраxіона къ Аполлоніи по трудной, перерѣзанной многими рѣками дорогѣ, былъ нелегкою задачею для разбитой арміи, преслѣдуемой непріятелемъ; тѣмъ не менѣе искусное руководство ея полководца и неутомимая способность къ передвиженію солдатъ вынудили Помпея прекратить преслѣдованіе послѣ нѣсколькихъ дней, какъ вполнѣ безполезное. Теперь онъ долженъ былъ выбрать между италійской экспедиціей и походомъ внутрь страны; какъ ни выгоденъ и соблазнителенъ казался первый планъ, сколько голосовъ ни высказывалось за него, Помпей все-таки предпочелъ не жертвовать корпусомъ Сципіона, тѣмъ болѣе, что этимъ походомъ онъ надѣялся захватить отрядъ Кальвина. Кальвинъ стоялъ въ это время на эгнатской дорогѣ, близъ Гераклеи Линкесты, между Помпеемъ и Сципіо-

номъ, и, послѣ того, какъ Цезарь отступилъ къ Аполлоніи, находился дальше отъ него, чѣмъ отъ главнаго войска Помпея, да къ тому-же былъ въ полномъ невѣдѣніи того, что совершалось при Диррахіонѣ, и своего собственнаго опаснаго положенія, такъ какъ послѣ диррахійскихъ успѣховъ вся страна склонилась на сторону Помпея и гонцы Цезаря всюду задерживались. Только тогда, когда главныя силы непріятеля приблизились къ нему на разстояніе нѣсколькихъ часовъ, Кальвинъ узналъ отъ самихъ непріятельскихъ аванпостовъ о положеніи вещей. Быстрое движеніе на югъ по направленію къ Ѳессаліи одно только спасло его отъ грозившаго ему уничтоженія; Помпей долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что избавилъ Сципіона отъ опасности. Тѣмъ временемъ Цезарь безпрепятственно достигъ Аполлоніи. Немедленно вслѣдъ за диррахійскою катастрофою онъ рѣшился перенести по возможности борьбу съ побережья внутрь страны, чтобы устранить послѣднюю причину неудачи своихъ прежнихъ усилій, именно непріятельскій флотъ. Походъ въ Аполлонію имѣлъ одну только цѣль, доставить раненымъ безопасный пріютъ тамъ, гдѣ находились склады Цезаря, и выплатить солдатамъ содержаніе; лишь только это было сдѣлано, Цезарь двинулся къ Ѳессаліи, оставивъ гарнизоны въ Аполлоніи, Ориконѣ и Лиссѣ. Къ Ѳессаліи же двинулся и корпусъ Кальвина; здѣсь Цезарь могъ легче, чѣмъ въ Эпирѣ, привлечь къ себѣ тѣ подкрѣпленія, которыя прибывали изъ Италіи, теперь уже сухимъ путемъ чрезъ Иллирію, именно два легіона подъ предводительствомъ Квинта Корнифиція. Поднимаясь по труднымъ тропамъ долины Аооса и перейдя чрезъ горную цѣпь, отдѣляющую Эпиръ отъ Ѳессаліи, Цезарь достигъ Пенея; туда же былъ направленъ и Кальвинъ, и соединеніе двухъ армій совершилось такимъ образомъ кратчайшимъ путемъ, наименѣе открытымъ для нападеній со стороны непріятеля. Оно состоялось близъ Эгиніона, недалеко отъ источниковъ Пенея. Первый ѳессалійскій городъ, передъ которымъ появилось соединенное теперь войско Цезаря, Гомфои, заперъ передъ нимъ свои ворота; онъ былъ быстро взятъ штурмомъ и преданъ разграбленію, и, испуганные этимъ, остальные города Ѳессаліи покорялись, лишь только появлялись передъ ихъ стѣнами легіоны Цезаря. За этими переходами и сраженіями и съ помощью хоть и не черезчуръ обильныхъ запасовъ, доставляемыхъ мѣстностью, окружавшею Пеней, исчезали постепенно слѣды и воспоминанія пережитыхъ бѣдственныхъ дней.—И такъ, диррахійскія побѣды доставили побѣдителямъ немного прямыхъ результатовъ. Помпей, съ его тяжеловѣсной арміей и многочисленной конницей не могъ послѣдовать въ горы за своимъ быстро двигавшимся врагомъ; какъ Цезарь, такъ и Кальвинъ спаслись отъ преслѣдованій и, соединившись, находились въ полной безопасности въ Ѳессаліи. Быть можетъ, самое лучшее для Помпея было бы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отправиться теперь съ своими главными

силами моремъ въ Италію, гдѣ успѣхъ едва-ли былъ сомнителенъ. Однако на первое время только часть флота двинулась къ Сициліи и Италіи. Въ станѣ коалиціи дѣло съ Цезаремъ считалось такъ окончательно рѣшеннымъ битвами при Диррахіонѣ, что оставалось только пожинать плоды побѣды, т. е. встрѣтить и изловить разбитую армію. Мѣсто прежней неосторожной сдержанности заступила заносчивость, еще менѣе оправдываемая обстоятельствами; никто не обращалъ вниманія на то, что преслѣдованіе собственно не удалось, что надо было готовиться встрѣтить въ Θессаліи вполнѣ отдохнувшую и реорганизованную армію,—что было далеко небезопасно, удалившись отъ моря и отказавшись отъ поддержки со стороны флота, слѣдовать за противникомъ на избранное имъ поле сраженія. Было рѣшено сразиться съ Цезаремъ во что бы то ни стало, и для этого настигнуть его, какъ можно скорѣе и по болѣе удобному пути. Катонъ взялъ на себя начальство въ Диррахіонѣ, гдѣ находился гарнизонъ въ восемнадцать когортъ, и въ Керкирѣ, гдѣ было оставлено триста военныхъ судовъ; Помпей и Сципіонъ направились къ нижнему Пенею, первый, какъ кажется, по эгнатскому шоссе до Пеллы, а оттуда по большой дорогѣ на югъ, второй же отъ Галіакмона чрезъ ущелья Олимпа, и они встрѣтились близъ Лариссы.

Фарсальская битва. Къ югу отъ Лариссы, въ равнинѣ, разстилающейся между холмистою страною киноскефальскою и Θерисскимъ горнымъ хребтомъ и пересѣкавшейся притокомъ Пенея, Энипеемъ, стоялъ Цезарь на лѣвомъ берегу этой рѣки, близъ города Фарсала; противъ него, на правомъ берегу Энипея, на склонахъ киноскефальскихъ высотъ, разбилъ свой лагерь Помпей *). Армія Помпея была вся въ сборѣ, а напротивъ

---

*) Точно опредѣлить мѣсто поля битвы весьма трудно. Аппіанъ (2, 75) положительно предполагаетъ его между (новымъ) Фарсаломъ (нынѣшнею Ферсалою) и Энипеемъ. Изъ двухъ рѣкъ, которыя однѣ только имѣютъ здѣсь нѣкоторое значеніе и, безъ сомнѣнія, слыли Апиданомъ и Энипеемъ у древнихъ, именно Софадхитика и Ферсалита, первая беретъ свое начало на Θавмакойскихъ горахъ (Домоко) и долопскихъ высотахъ, вторая же на Θерисѣ, и одинъ только Ферсалитъ протекаетъ близъ Фарсала; но такъ какъ по Страбону (9, стр. 432) Энипей беретъ свое начало на Θерисѣ и течетъ около Фарсала, то Ферсалитъ былъ съ полнымъ правомъ признанъ Ликомъ (Leake, Northern Greece, 4, 320) за Энипей, и мнѣніе, котораго держится Бэлеръ, что Ферсалитъ назывался въ древности Апиданомъ, оказывается несостоятельнымъ. Съ этимъ совпадаютъ всѣ показанія древнихъ относительно обѣихъ рѣкъ; только, конечно, необходимо принять вмѣстѣ съ Ликомъ, что рѣка Влоко, вливающаяся въ Пеней и образовавшаяся изъ соединенія Ферсалита съ Софадхитикомъ, называлась у древнихъ, какъ и самъ Софадхитикъ, Апиданомъ; это мнѣніе впрочемъ, тѣмъ естественнѣе, что именно Софадхитикъ, а не Ферсалитъ, постоянно наполненъ водою (Ликъ, 4, 321). Итакъ, древній Фарсалъ, отъ котораго сраженіе получило свое имя, находился, вѣроятно, между Ферсалою и рѣкою Ферсалитомъ. Если при-

того Цезарь все еще ждалъ отправленнаго имъ передъ тѣмъ въ Этолію и Ѳессалію, теперь же стоявшаго въ Греціи корпуса, почти въ два легіона, подъ начальствомъ Квинта Фуфія Калена, и высланныхъ къ нему сухимъ путемъ изъ Италіи двухъ легіоновъ Корнифиція, уже прибывшихъ въ Иллирію. Войско Помпея, состоявшее изъ одиннадцати легіоновъ или 47,000 человѣкъ и 7000 лошадей, превосходило войско Цезаря пѣхотою почти больше, чѣмъ вдвое, конницею же въ семь разъ; лишенія и бои такъ уменьшили отряды Цезаря, что въ его восьми легіонахъ насчитывалось не болѣе 22,000 человѣкъ подъ оружіемъ, словомъ, далеко даже не половина нормальнаго состава. Побѣдоносная армія Помпея, располагавшая многочисленною конницею и хорошими складами, имѣла припасовъ вволю, въ то время, какъ войско Цезаря едва держалось отъ голода

нять это, то битва должна была происходить на лѣвомъ берегу Ферсалита, и именно такъ, что помпеянцы, стоя лицомъ къ Фарсалу, упирались правымъ крыломъ въ рѣку (Caesar, b. c., 3, 83. Frontinus, strat., 2, 3, 22). Но лагерь помпеянцевъ не могъ находиться здѣсь, а только на склонѣ киноскефальскихъ высотъ, на правомъ берегу Энипея, частью потому, что они преградили Цезарю путь къ Скотуссѣ, частью и потому, что линія отступленія ихъ очевидно, тянулась къ Лариссѣ, по горамъ, господствовавшимъ надъ лагеремъ; еслибъ они, какъ думаетъ Ликъ (4, 482), расположились станомъ къ востоку отъ Фарсала на лѣвомъ берегу Энипея, то они никакъ не могли бы направиться къ сѣверу чрезъ этотъ потокъ, именно здѣсь глубоко врѣзавшійся въ берега (Ликъ, 4, 469), и Помпей вмѣсто Лариссы долженъ былъ бы бѣжать къ Ламіи. Помпеянцы разбили поэтому, вѣроятно, свой лагерь на правомъ берегу Ферсалита и переправлялись чрезъ рѣку, какъ для того, чтобы сразиться, такъ и для того, чтобы послѣ битвы снова вернуться въ свой станъ, послѣ чего они поднялись вверхъ по склонамъ Краннона и Скотуссы, которые надъ послѣднимъ пунктомъ оканчиваются киноскефальскими высотами. Въ этомъ не было ничего невозможнаго. Энипей—узкій, медленно текущій потокъ, въ которомъ Ликъ нашелъ въ ноябрѣ два фута глубины и который зачастую совершенно высыхаетъ въ жаркое время года (Ликъ, 1, 448 и 4, 472; сравн. Лукан., 6, 373); битва же происходила въ самый разгаръ лѣта. Далѣе, войска до битвы стояли другъ отъ друга на разстояніи трехъ четвертей мили (Аппіан., b. c., 2, 65), такъ что помпеянцы могли сдѣлать всѣ свои приготовленія и даже обезпечить мостами сношенія съ своимъ лагеремъ. Еслибъ битва превратилась въ полное пораженіе, то отступленіе къ рѣкѣ и за нее не могло бы, конечно, совершиться, и, безъ сомнѣнія, по этой причинѣ Помпей съ неохотою рѣшился сразиться здѣсь. Всего дальше отстоявшее отъ базиса отступленія лѣвое крыло помпеянцевъ дѣйствительно ощутило это; но отступленіе по крайней мѣрѣ центра и праваго крыла совершилось не съ такой поспѣшностью, чтобы сдѣлаться неисполнимымъ при данныхъ условіяхъ. Цезарь и списывавшіе съ него авторы умалчиваютъ о переправѣ чрезъ рѣку, такъ какъ это слишкомъ рельефно выставило бы боевой пылъ помпеянцевъ, и безъ того, впрочемъ, ясно выступившій во всемъ разсказѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благопріятные для нихъ моменты отступленія.

и ожидало лучшаго продовольствія лишь отъ недалекой жатвы. Настроеніе помпеевыхъ солдатъ, которые познакомились съ войною въ послѣднюю кампанію и научились довѣрять своему вождю, было самое бодрое; на сторонѣ Помпея всѣ доводы военной практики указывали на необходимость не медлить долѣе съ рѣшительною битвою, разъ его войско стояло въ Θессаліи противъ Цезаря; а еще болѣе этихъ доводовъ вліяла въ военномъ совѣтѣ свойственная эмигрантамъ нетерпѣливость многихъ знатныхъ офицеровъ и спутниковъ войска. Со времени диррахійскихъ событій господа эти смотрѣли на торжество своей партіи, какъ на рѣшенное дѣло; они уже горячо спорили о замѣщеніи цезарева первосвященства, и въ Римъ посылались порученія относительно найма домовъ на площади для предстоявшихъ выборовъ. Когда Помпей въ свою очередь высказалъ опасенія относительно переправы чрезъ отдѣлявшій оба войска потокъ, перейти чрезъ который Цезарь не отваживался съ своимъ значительно слабѣйшимъ войскомъ, это вызвало сильное негодованіе; стали говорить, что Помпей медлитъ сраженіемъ только для того, чтобы подольше повелѣвать столькими консуларами и преторіанцами и увѣковѣчить свою роль Агамемнона. Помпей уступилъ, и Цезарь, который, полагая, что дѣло не дойдетъ до битвы, только что задумалъ планъ обхода непріятельской арміи и готовился направиться съ этой цѣлью къ Скотуссѣ, также выстроилъ свои легіоны для битвы, видя, что помпеянцы готовятся сразиться съ нимъ на его берегу. Такимъ образомъ почти на томъ же самомъ полѣ брани, гдѣ за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ Римляне положили основаніе своему господству на востокѣ, произошла 9 августа 706 года битва при Фарсалѣ. Правое крыло Помпея упиралось въ Энипей; передъ нимъ стоялъ Цезарь, опираясь лѣвымъ крыломъ въ изрытую неровностями мѣстность, разстилавшуюся вдоль Энипея; два остальные фланга противниковъ были выдвинуты въ равнину, прикрыты каждый конницею и летучими отрядами. Помпей имѣлъ намѣреніе держать свою пѣхоту въ оборонительномъ положеніи, конницею же, напротивъ того, разсѣять стоявшій передъ нею слабый конный отрядъ непріятеля, перемѣшанный, по германскому обычаю, съ легкою пѣхотою, послѣ чего аттаковать съ тылу правое крыло Цезаря. Пѣхота его храбро выдержала первый натискъ непріятельской инфантеріи и борьба остановилась на этомъ. Лабіенъ также разсѣялъ непріятельскую конницу послѣ мужественнаго, но краткаго сопротивленія, и двинулся въ лѣво, чтобы обойти пѣхоту. Но Цезарь, предвидя пораженіе своей конницы, выстроилъ позади ея на угрожаемомъ пунктѣ праваго крыла около двухъ тысячъ своихъ лучшихъ легіонеровъ. Когда непріятельскіе всадники, гнавшіе передъ собою цезаревыхъ наѣздниковъ, примчались къ линіи и хотѣли обогнуть ее, они вдругъ наскочили на этотъ образцовый отрядъ, неустрашимо двигавшійся на нихъ, и, быстро придя въ смя-

теніе отъ неожиданнаго и непривычнаго для нихъ нападенія пѣхоты, умчались съ поля сраженія, опустивъ поводья *). Побѣдоносные легіонеры изрубили отданныхъ имъ на жертву непріятельскихъ стрѣлковъ, послѣ чего они двинулись къ лѣвому крылу врага и въ свою очередь стали обходить его. Одновременно съ этимъ остававшійся до той поры въ резервѣ третій отрядъ Цезаря перешолъ на всей линіи въ наступленіе. Неожиданное пораженіе лучшихъ силъ помпеева войска, поднявъ мужество противника, сломило вмѣстѣ съ тѣмъ храбрость арміи и, главное, ея полководца. Когда Помпей, съ самаго начала недовѣрявшій своей пѣхотѣ, увидалъ бѣгство конницы, онъ немедленно уѣхалъ съ поля сраженія обратно въ лагерь, не выждавъ даже исхода приказанной Цезаремъ общей аттаки. Легіоны его дрогнули и начали отступать за потокъ къ лагерю, что не могло быть сдѣлано безъ большого урона. И такъ, день былъ проигранъ и не одинъ храбрый солдатъ погибъ; но армія была въ главныхъ своихъ силахъ все еще нетронута и положеніе Помпея было далеко менѣе опасно, чѣмъ цезарево послѣ пораженія при Дирpaхіонѣ. Но, если среди превратностей своей судьбы Цезарь научился понимать, что счастіе любитъ покидать иногда на время даже своихъ любимцевъ, съ тѣмъ, чтобы снова быть упорно завоеваннымъ ими, то Помпей зналъ до той поры счастье, лишь какъ постоянную богиню, и отчаялся въ себѣ и въ немъ, какъ только оно его покинуло; если въ грандіозной натурѣ Цезаря отчаяніе всегда только развивало еще болѣе могучія силы, то мелкая душа Помпея пала подъ тѣмъ же гнетомъ въ безконечную пропасть унынія. Какъ нѣкогда, во время войны съ Серторіемъ, онъ готовъ былъ, бросивъ ввѣренную ему должность, бѣжать передъ превосходившимъ его соперникомъ, такъ и теперь, увидѣвъ отступавшіе за рѣку легіоны, онъ сбросилъ съ себя роковой поясъ полководца и ускакалъ по бли-

Бѣгство Помпея.

*) Сюда относится извѣстное указаніе Цезаря своимъ солдатамъ колоть врага прямо въ лицо. Пѣхота, противно всѣмъ правиламъ дѣйствовавшая здѣсь наступательно противъ конницы, добраться до которой мечемъ не было ни какой возможности, не должна была сбрасывать своей пилы, а употреблять ее напротивъ въ борьбѣ съ врагомъ, какъ ручное копье, и для болѣе успѣшной обороны ударять ею вверхъ (Плутархъ, Помпей, 69. 71. Цезарь, 45; Аппіанъ, 2, 76, 78; Флор., 2, 13; Ороз., 6, 15; ошибочно у Фронтина 4, 7, 32). Анекдотическое извращеніе этой инструкціи въ томъ смыслѣ, будто помпеевы всадники должны были быть доведены до бѣгства страхомъ при видѣ рубцовъ на лицѣ, и будто они дѣйствительно ускакали, „держа руки передъ глазами“ (Плутархъ), падаетъ само собою, такъ какъ въ немъ заключался бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ помпеева конница состояла главнымъ образомъ изъ молодой аристократіи Рима, „изъ изящныхъ танцоровъ“, а это не вѣрно. Весьма возможно, что лагерное остроуміе придало простому и цѣлесообразному военному приказу этотъ нелѣпый, но безспорно забавный оборотъ.

жайшему пути къ морю, чтобы искать тамъ для себя судна. Армія его, оробѣвшая и оставшаяся безъ вождя, (такъ какъ Сципіонъ, хотя и признавался Помпеемъ за товарища по главному начальству, все таки былъ главнокомандующимъ лишь по имени), надѣялась найти защиту за лагерными валами; но Цезарь не далъ ей покоя; упорное сопротивленіе римской и ѳракійской лагерной стражи было быстро осилено и вся масса вынуждена подняться въ безпорядкѣ по высотамъ Краннона и Скотуссы, у подножія которыхъ былъ разбитъ лагерь. Армія, двигаясь по этимъ высотамъ, старалась снова достигнуть Лариссы, но войска Цезаря, не взирая ни на добычу, ни на усталость и двигаясь въ равнинѣ по лучшимъ дорогамъ, преградили бѣглецамъ путь; когда позднимъ вечеромъ помпеянцы пріостановили свое движеніе, преслѣдователи ихъ съумѣли провести линію укрѣпленій, отнявшую у бѣглецовъ доступъ къ единственному ручью, находившемуся по близости. Такъ кончился день фарсальскаго сраженія. Непріятельская армія была не только разбита, но уничтожена. Пятнадцать тысячъ помпеянцевъ лежали мертвыми или ранеными на полѣ сраженія, въ то время какъ цезаріанцы не досчитывались всего только двухъ сотъ человѣкъ; масса войска, остававшаяся еще сплоченною, около 20,000 человѣкъ, положила оружіе на другое утро послѣ битвы; лишь отдѣльные отряды, въ которыхъ находились, правда, самые выдающіеся изъ офицеровъ, искали убѣжища въ горахъ; изъ одиннадцати непріятельскихъ орловъ девять были переданы Цезарю. Цезарь, еще въ самый день битвы напоминавшій солдатамъ не забывать въ непріятеляхъ согражданъ, обращался съ плѣнными не такъ, какъ Бибулъ и Лабіенъ; однако и онъ нашелъ теперь нужнымъ примѣнить строгость. Простые солдаты были зачислены въ войско; относительно людей высшаго сословія было постановлены денежныя пени или конфискація имущества; плѣнные-же сенаторы и знатные всадники были, за немногими исключеніями, приговорены къ смерти. Время милосердія миновало; чѣмъ долѣе тянулась междоусобная война, тѣмъ безпощаднѣе и непримиримѣе становилась она.

Политическія послѣдствія фарсальской битвы. Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ сдѣлалось возможнымъ обозрѣть послѣдствія 9-го августа 706 года. Всего несомнѣннѣе былъ переходъ на сторону Цезаря всѣхъ тѣхъ, которые держались партіи, разбитой при Фарсалѣ, только потому, что она была самою могущественной; пораженіе было столь рѣшительное, что побѣдителю достались всѣ тѣ, кто не хотѣлъ или не долженъ былъ бороться изъ за потеряннаго дѣла. Всѣ цари, народности и города, составлявшіе до той поры кліентство Помпея, отозвали теперь свои флоты и контингенты и отказались принимать у себя бѣглецовъ изъ разбитой партіи. Такъ поступилъ Египетъ, Кирена, сирійскія, финикійскія, киликійскія и малоазіатскія общины, Родосъ, Аѳины и вообще весь востокъ. Босфорскій царь Фарнакъ довелъ угодливость даже до того,

что послѣ извѣстія о фарсальской битвѣ не только завладѣлъ городомъ Фанагоріею, который Помпей за много лѣтъ передъ тѣмъ объявилъ независимымъ, и владѣніями утвержденныхъ имъ колхидскихъ властителей, но и мало-армянскимъ царствомъ, дарованнымъ Помпеемъ царю Дейотару. Почти единственнымъ исключеніемъ среди этой всеобщей сдачи составилъ маленькій городокъ Мегара, который принудилъ цезаріанцевъ штурмовать и занять его съ бою, да еще нумидійскій царь Юба, который уже давно, и еще рѣшительнѣе послѣ побѣды надъ Куріономъ, могъ ожидать со стороны Цезаря конфискаціи своего государства, и вслѣдствіе этого долженъ былъ, конечно, худо ли, хорошо ли, держатся побѣжденной партіи. Подобно тому, какъ подручныя общины подчинились фарсальскому побѣдителю, такъ и прихвостни конституціонной партіи, всѣ тѣ, что участвовали въ дѣлѣ, скрѣпя сердце, или даже, какъ Маркъ Цицеронъ и его единомышленники, вертѣлись вокругъ аристократіи, какъ вѣдьмы-новички вокругъ Блоксберга, — всѣ они появились, чтобы заключить съ новымъ единодержавнымъ властителемъ миръ, который былъ вѣжливо и съ готовностью обѣщанъ просителямъ, благодаря пренебрежительному снисхожденію Цезаря. Но центръ побѣжденной партіи не шелъ на уступки. Аристократія пала, но тѣмъ не менѣе аристократы никакъ не могли склониться на сторону монархіи. Самыя высшія проявленія человѣческаго духа преходящи; религія, нѣкогда истинная, можетъ сдѣлаться ложью; когда то благотворный государственный строй становится тяжкимъ зломъ; но евангеліе, даже отжившее, все еще находитъ послѣдователей, и, если подобная вѣра не можетъ двигать горами, какъ вѣра въ животворящую истину, она тѣмъ не менѣе остается вѣрна себѣ до окончательной гибели и не исчезаетъ изъ міра живыхъ до той поры, пока не повлечетъ за собою своихъ послѣднихъ жрецовъ и гражданъ, и пока новое поколѣніе, освобожденное отъ этихъ формъ минувшаго и разрушающагося прошлаго, не будетъ царить надъ обновленнымъ міромъ. Такъ было и въ Римѣ. Въ какую бездну развращенности ни пало теперь аристократическое правленіе, оно было нѣкогда грандіозной политической системой; священный огонь, благодаря которому была завоевана Италія и покоренъ Аннибалъ, все еще тлѣлъ, хотя тускло и глухо, въ римской знати, поскольку она существовала, и дѣлалъ невозможнымъ внутреннее соглашеніе между представителями стараго режима и новымъ монархомъ. Большая часть конституціонной партіи подчинилась, хоть внѣшнимъ образомъ, новому порядку и признала монархію настолько, что приняла милости отъ Цезаря и удалилась, какъ умѣла, въ частную жизнь, что, конечно, дѣлалось не безъ задней мысли поберечь себя такимъ образомъ для будущаго переворота въ дѣлахъ. Такъ поступали предпочтительно менѣе выдающіеся члены партіи; однако къ этимъ разумнымъ людямъ слѣдуетъ отнести и талантливаго Марка Марцелла,

того самого, который вызвалъ разрывъ съ Цезаремъ и теперь удалился добровольно на Лесбосъ. Но въ большинствѣ истой аристократіи страсти были сильнѣе холоднаго разсудка, въ чемъ, конечно, участвовало въ значительной степени самообольщеніе относительно возможности успѣха, и опасенія неизбѣжной мести побѣдителя.

Катонъ. Никто, вѣроятно, не обсуждалъ положенія дѣлъ съ такой тягостной ясностью, не чувствуя ни страха, ни надежды для себя, какъ Маркъ Катонъ. Вполнѣ убѣжденный, что послѣ битвъ при Илердѣ и Фарсалѣ монархія стала неизбѣжной, и достаточно стойкій въ нравственномъ отношеніи, чтобъ сознать эту горькую истину и дѣйствовать сообразно съ нею, съ минуту колебался онъ, не зная, должна ли вообще конституціонная партія продолжать войну, которая во имя потеряннаго дѣла требовала жертвъ отъ множества людей, не вѣдавшихъ, ради чего они должны приносить ихъ. Но если онъ рѣшился продолжать и далѣе борьбу противъ монархіи, не ради побѣды, а чтобъ приготовить себѣ скорое и болѣе почетное исчезновеніе со сцены—то онъ старался по крайней мѣрѣ не вовлекать въ эту войну никого, кто былъ бы въ состояніи пережить паденіе республики и ужиться съ монархіей. До тѣхъ поръ, пока республика только подвергалась опасности, онъ думалъ, что есть и право и обязанность принуждать даже равнодушныхъ и дурныхъ гражданъ принимать участіе въ борьбѣ,—теперь же было бы и безсмысленно и жестоко заставлять отдѣльныхъ лицъ гибнуть вмѣстѣ съ потерянной республикой. Онъ нетолько самъ отпускалъ каждаго, кто выражалъ желаніе возвратиться въ Италію, но когда самый необузданный изъ дикихъ сторонниковъ его партіи, Гней Помпей сынъ, требовалъ казни этихъ людей, и именно Цицерона, этому помѣшалъ лишь Катонъ благодаря своему нравственному авторитету.

Помпей. Противъ мира высказался и Помпей. Еслибъ онъ дѣйствительно стоилъ чести стоять на томъ высокомъ постѣ, на который его поставила судьба, можно бы подумать, что онъ понялъ, что человѣку, домогавшемуся короны, нельзя уже войти въ русло обыденной жизни, и что для того, кто пошелъ по ложной дорогѣ, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ. Но Помпей врядъ ли былъ слишкомъ гордъ, для того чтобъ просить милости, въ которой побѣдитель по своему великодушію, быть можетъ, ему не отказалъ бы; онъ скорѣе былъ слишкомъ мелокъ для этого. Потому ли, что онъ не могъ рѣшиться довѣриться Цезарю, или потому, что по своей неясной и нерѣшительной натурѣ онъ, лишь только сгладилось первое, непосредственное впечатлѣніе фарсальской битвы, снова почерпнулъ надежду на успѣхъ. Помпей рѣшился продолжать борьбу съ Цезаремъ и, послѣ фарсальскаго поля битвы, искать себѣ другого.

Военные результаты Такимъ образомъ, какъ ни старался Цезарь смягчить гнѣвъ своихъ противниковъ и уменьшить ихъ число, борьба тѣмъ не менѣе

продолжалась непрерывно. Руководившіе ею люди почти всѣ участвовали въ битвѣ при Фарсалѣ, и хотя кромѣ Люція Домиція Агенобарба, убитаго во время бѣгства, всѣ спаслись безъ исключенія, они были разсѣяны во всѣ стороны, вслѣдствіе чего имъ не удалось согласиться относительно общаго плана для продолженія похода. Большинство изъ нихъ, частью по пустыннымъ македонскимъ и иллирійскимъ горамъ, частью съ помощью флота достигло Керкиры, гдѣ Маркъ Катонъ командовалъ оставшимся тамъ резервомъ. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Катона, состоялось нѣчто въ родѣ военнаго совѣта, на которомъ присутствовали Метеллъ Сципіонъ, Титъ Лабіенъ, Люцій Афраній, Гней Помпей младшій и друг., но съ одной стороны отсутствіе главнокомандующаго и мучительная неизвѣстность относительно его судьбы, съ другой же внутренній разладъ въ самой партіи помѣшали принятію общаго рѣшенія, и въ заключеніе всякій пошелъ по тому пути, который казался ему лучшимъ для него самаго или для общаго дѣла. Среди многочисленныхъ соломинокъ, за которыя можно было цѣпляться, дѣйствительно трудно было указать ту, которая всего долѣе продержится надъ водою. фарсальской битвы.

Македонія и Греція. Македонія и Греція были утрачены, благодаря фарсальской битвѣ. Впрочемъ, Катонъ, по первому извѣстію о пораженіи очистившій Дирраxіонъ, удержалъ еще на нѣкоторое время для конституціонной партіи Керкиру, а Рутилій Лупъ Пелопоннезъ. Одно мгновеніе казалось также, будто помпеянцы хотятъ обороняться въ Патреѣ, на Пелопоннезѣ, но одного слуха о приближеніи Калена было достаточно для того чтобы удалить ихъ отсюда. Такъ же мало усилій было сдѣлано для удержанія Керкиры.

Италія. На италійскомъ и сицилійскомъ побережьѣ эскадры Помпея, посланныя туда послѣ дирраxійскихъ побѣдъ, дѣйствовали съ немалымъ успѣхомъ противъ гаваней Брундизіума, Мессаны и Вибона, и въ особенности въ Мессанѣ сожгли весь снаряжавшійся тамъ флотъ Цезаря; но дѣйствовавшія здѣсь суда, по большей части малоазіатскія и сирійскія, были отозваны обратно своими общинами послѣ фарсальскаго сраженія, такъ что экспедиція окончилась этимъ сама собою. Въ Малой Азіи и Сиріи не стояло временно никакихъ войскъ ни той, ни другой партіи, за исключеніемъ босфорской арміи Фарнака, которая, дѣйствуя будто-бы въ пользу Цезаря, заняла различныя земли его противниковъ.

Египетъ. Въ Египтѣ еще находилось, правда, значительное римское войско, составившееся изъ оставленныхъ Габиніемъ отрядовъ, съ той поры пополнявшихся италійскими бродягами и всякимъ сбродомъ изъ сирійскихъ или киликійскихъ разбойничьихъ шаекъ; но само собою понималось, и вскорѣ было оффиціально подтверждено отозваніемъ египетскихъ судовъ, что александрійскій дворъ отнюдь не имѣлъ намѣренія держаться побѣжденной партіи или же отдать въ ея распоряженіе свои военныя силы.

Испанія и Африка. Нѣсколько болѣе благопріятные шансы представлялъ для побѣжденныхъ западъ. Среди испанскаго населенія симпатіи къ Помпею были столь сильны, что цезаріанцы были принуждены отказаться вслѣдствіе этого отъ замышлявшагося ими оттуда нападенія на Африку, и возстаніе казалось неизбѣжнымъ, лишь только появится на полуостровѣ какой нибудь выдающійся вождь. Въ Африкѣ же коалиція или, вѣрнѣе, настоящій мѣстный властелинъ, нумидійскій царь Юба, беспрепятственно вооружались съ осени 705 года. Если поэтому весь востокъ былъ утраченъ коалиціею вслѣдствіе фарсальской битвы, то, напротивъ того, въ Испаніи она по всей вѣроятности, а въ Африкѣ даже навѣрное, могла продолжать войну съ почетомъ, такъ какъ принять противъ революціонеровъ-согражданъ помощь издавна подвластнаго римской общинѣ нумидійскаго царя было, конечно, для Римлянина мучительнымъ униженіемъ, но отнюдь не государственной измѣною. Тотъ же, для кого въ этой отчаянной борьбѣ не существовало болѣе ни чести, ни права, могъ, объявивъ себя внѣ закона, начать разбойничью борьбу, или же, вступивъ въ союзъ съ независимыми сосѣдними государствами, вовлечь во внутреннюю распрю врага страны, или же наконецъ, признавая монархію на словахъ, добиваться возстановленія законной республики съ помощью кинжала убійцы.

Борьба съ разбойниками и пиратами. Побѣжденные вышли изъ союза и отложились отъ новой монархіи,—и это было естественное и потому наиболѣе вѣрное отраженіе ихъ отчаяннаго положенія. Горы и въ особенности море были въ ту пору съ незапамятныхъ временъ какъ бы пріютомъ всякихъ преступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ царствомъ невыносимой нищеты и попранной справедливости; сторонникамъ Помпея и республиканцамъ легко могла представиться мысль вести отважно войну въ горахъ и на морѣ противъ цезаревой монархіи, вытѣснявшей ихъ, и въ особенности возобновить въ обширныхъ размѣрахъ пиратство, съ большей рѣшимостью, чѣмъ когда либо, и съ опредѣленной цѣлью. Даже послѣ отозванія пришедшей съ востока эскадры они еще располагали весьма значительнымъ собственнымъ флотомъ, тогда какъ Цезарь по прежнему почти не имѣлъ военныхъ судовъ; ихъ связи съ Далматами, возставшими противъ Цезаря изъ собственныхъ видовъ, ихъ господство надъ важнѣйшими морями и портовыми городами придавали морской войнѣ, особенно въ мелкихъ частностяхъ, благопріятнѣйшіе шансы. Подобно тому, какъ нѣкогда суллова травля демократовъ кончилась возстаніемъ Серторія, которое сначала было пиратскою, потомъ разбойничьею войною и наконецъ превратилось въ весьма серьозную борьбу,—такъ и теперь, еслибъ только у катоновой аристократіи или у сторонниковъ Помпея было столько же одушевленія и огня, какъ у маріевой демократіи, и еслибъ въ рядахъ ея выискался настоящій властитель моря,—на непокоренномъ еще

морѣ могло бы сложиться независимое отъ цезаревой монархіи и, быть можетъ, равносильное ей народное государство.

Болѣе рѣзкаго порицанія заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ мысль вовлечь въ римскую междоусобную войну независимое сосѣднее государство и при помощи его провести контръ-революцію: законъ и совѣсть осуждаютъ перебѣжчика строже, чѣмъ разбойника, и для побѣдоносной разбойничьей шайки обратный путь къ свободному и упорядоченному быту легче, чѣмъ для эмиграціи, которую возвращаетъ назадъ врагъ родной ея страны. Впрочемъ было мало вѣроятій, чтобы этимъ путемъ разбитая партія могла осуществить реставрацію. Единственнымъ государствомъ, въ которомъ она могла попытаться искать опоры, было пареянское; относительно же его являлось сомнительнымъ, захочетъ ли оно счесть чужое дѣло своимъ, и весьма невѣроятно было, чтобъ оно могло отстоять его противъ Цезаря.— Но пора республиканскихъ заговоровъ еще не наступила. Пареянскій союзъ.

Въ то время какъ обломки разбитой партіи безпомощно отдавали себя на произволъ судьбы, и даже люди, рѣшившіеся продолжать борьбу, сами не знали, гдѣ и какъ вести ее, Цезарь, какъ всегда быстро рѣшаясь и быстро дѣйствуя, оставилъ все въ сторонѣ, для того чтобъ преслѣдовать Помпея, единственнаго изъ своихъ противниковъ, котораго онъ уважалъ какъ полководца,—зная, что завладѣніе его личностью вѣроятно парализовало бы цѣлую половину, и быть можетъ наиболѣе опасную, его противниковъ. Съ небольшимъ экипажемъ переправился онъ черезъ Геллеспонтъ (его собственная барка натинулась тутъ на непріятельскій флотъ, предназначавшійся въ Черное море, и взяла въ плѣнъ весь экипажъ, доведенный до оцѣпененія вѣстью о фарсальской битвѣ), и когда наиболѣе необходимыя приготовленія были произведены, поспѣшилъ вслѣдъ за Помпеемъ на востокъ. Помпей съ фарсальскаго поля битвы направился къ Лесбосу, гдѣ онъ взялъ съ собой свою жену и второго сына Секста, и двинулся дальше, огибая Малую Азію, въ Киликію, а оттуда къ Кипру. Онъ бы могъ добраться къ своимъ приверженцамъ въ Керкиру или Африку; но нерасположеніе къ аристократическимъ союзникамъ и мысль о пріемѣ, который ожидалъ его тамъ послѣ фарсальскаго боя и въ особенности послѣ позорнаго бѣгства, повидимому побудили его пойти своей, особой дорогой и искать скорѣе покровительства у пареянскаго царя, чѣмъ защиты у Катона. Въ то время, какъ онъ занятъ былъ сборомъ денегъ и невольниковъ съ римскихъ откупщиковъ податей и купцовъ на Кипрѣ и вооружилъ 2000 рабовъ, онъ получилъ извѣстіе, что Антіохія высказалась за Цезаря и что путь къ Пареянамъ уже не свободенъ. Тогда онъ измѣнилъ свой планъ и поплылъ на судахъ въ Египетъ, гдѣ въ войскѣ служило много его прежнихъ солдатъ, и гдѣ положеніе дѣлъ и обильныя средства страны давали и время и возможность заняться реорганизаціей вой- Цезарь преслѣдуетъ Помпея въ Египтѣ.

ны.—Въ Египтѣ послѣ смерти Птолемея Авлета (въ маѣ 703 года) взошли на престолъ, по желанію отца совмѣстно и въ качествѣ супруговъ, его дѣти, почти шестнадцатилѣтняя Клеопатра и десятилѣтній Птолемей Діонисъ; но вскорѣ затѣмъ братъ, или лучше сказать опекунъ его Поѳинъ, изгналъ сестру изъ государства и принудилъ ее искать убѣжища въ Сиріи, откуда она собиралась снова возвратиться въ отцовское царство. Птолемей и Поѳинъ стояли, чтобъ защитить отъ Клеопатры восточную границу, со всею египетской арміей при Пелузіѣ, въ ту минуту, когда Помпей сталъ на морѣ у казійскаго мыса и послалъ просить у царя дозволенія высадиться. Египетскій дворъ, давно уже знавшій о фарсальской катастрофѣ, хотѣлъ было отвергнуть просьбу Помпея, но главный придворный царя, Ѳеодоръ, указалъ на то, что въ такомъ случаѣ Помпей можетъ при помощи своихъ связей въ египетской арміи возбудить въ ней мятежъ; гораздо надежнѣе будетъ и лучше по отношенію къ Цезарю, если воспользоваться случаемъ и умертвить Помпея. Подобныя политическія соображенія безъ труда дѣйствовали на государственныхъ дѣятелей эллинскаго міра. Генералъ царскихъ войскъ Ахиллъ и нѣкоторые изъ прежнихъ помпеевыхъ солдатъ отплыли на лодкѣ къ кораблю Помпея и пригласили его посѣтить царя и, такъ какъ фарватеръ сталъ мелокъ, войти на ихъ лодку.

Смерть Помпея. Во время высадки съ корабля военный трибунъ Люцій Септимій закололъ Помпея сзади, на глазахъ у его жены и сына, которые принуждены были смотрѣть съ палубы на убійство, не имѣя возможности ни спасти Помпея, ни отмстить за него (28 сентяб. 706 года). Въ тотъ самый день, въ который за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ, торжествуя побѣду надъ Митридатомъ, онъ вступалъ въ столицу, кончилъ жизнь на пустынныхъ пескахъ негостепріимнаго казійскаго берега, отъ руки одного изъ своихъ прежнихъ воиновъ, тотъ человѣкъ, который въ теченіе цѣлаго поколѣнія слылъ великимъ и много лѣтъ господствовалъ надъ Римомъ. Судьба потому лишь давала съ тридцатилѣтнимъ демоническимъ постоянствомъ этому искусному полководцу, скудно одаренному впрочемъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, рѣшать всѣ блестящія и легкія задачи, лишь потому она позволяла ему срывать лавры, другими насаженные и возращенные, давала ему въ руки всѣ условія достиженія высшей власти,—что желала показать на немъ такой примѣръ ложнаго величія, которому подобнаго не встрѣтишь во всей исторіи. Изъ всѣхъ жалкихъ ролей, выпадающихъ человѣку, самая жалкая та, въ которой онъ гораздо сильнѣе кажется, чѣмъ въ дѣйствительности; такова уже судьба монархіи, что врядъ ли въ тысячу лѣтъ въ ней найдется какой нибудь одинъ человѣкъ, который не только по имени царь, но и на дѣлѣ,— и эта жалкая роль неразлучна съ ней. Если это противорѣчіе между кажущимся и дѣйствительнымъ, быть можетъ, никогда такъ рѣзко

не выступало, какъ у Помпея, то серьозный мыслитель невольно задумается надъ тѣмъ, что въ извѣстномъ смыслѣ Помпей открываетъ собой рядъ римскихъ монарховъ. — Когда Цезарь, идя по слѣдамъ Помпея, прибылъ на александрійскій рейдъ, все уже было кончено. Глубоко потрясенный, отвернулся онъ, когда убійца принесъ къ нему на корабль голову того человѣка, который былъ его зятемъ и долгое время его товарищемъ по власти, котораго онъ пришелъ захватить въ Египтѣ живымъ. Отвѣтъ на вопросъ, что-бы сдѣлалъ Цезарь съ плѣннымъ Помпеемъ, отрѣзанъ для насъ кинжаломъ торопливаго убійцы; но если человѣчное участіе, которое имѣло мѣсто въ великой душѣ Цезаря наряду съ честолюбіемъ, побуждало его щадить бывшаго друга, то собственный его интересъ требовалъ, чтобъ Помпей былъ уничтоженъ не рукой палача. Помпей былъ въ теченіе двадцати лѣтъ признаннымъ повелителемъ Рима; столь глубоко укоренившееся владычество не исчезаетъ со смертью властителя. Кончина Помпея не повела за собой разложенія помпеянцевъ, но дала имъ вмѣсто престарѣлаго, неспособнаго и износившагося вождя двухъ руководителей въ его сыновьяхъ, Гнеѣ и Секстѣ, которые оба были молоды и подвижны, а второй былъ даже несомнѣнно талантливъ. Ко вновь основанной наслѣдственной монархіи примкнуло, точно паразитъ, наслѣдственное претендентство, и весьма сомнительно было, болѣе ли выигралъ, чѣмъ проигралъ Цезарь при этой смѣнѣ личностей.

Въ данную минуту Цезарю нечего было больше дѣлать въ Египтѣ, и Римляне и Египтяне ожидали, что вслѣдъ затѣмъ онъ тотчасъ же снова отплыветъ, чтобъ приняться за покореніе Африки и за необъятную работу организаціи, предстоявшую ему послѣ побѣды. Но Цезарь былъ вѣренъ своей привычкѣ вездѣ, гдѣ ему приходилось очутиться въ далекой странѣ, тотчасъ же старательно и лично регулировать окончательно всѣ мѣстныя отношенія, и твердо убѣжденъ, что нельзя ожидать противодѣйствія ни отъ римскаго гарнизона, ни отъ двора; притомъ онъ находился и въ денежномъ затрудненіи. При такихъ условіяхъ онъ высадился въ Александріи съ двумя сопровождавшими его легіонами, убавившимися до 3200 человѣкъ, и 800 кельтскими и нѣмецкими всадниками, избралъ для своего жилища царскій замокъ и занялся собираніемъ необходимыхъ суммъ и регулированіемъ египетскаго престолонаслѣдія, не обращая вниманія на дерзкое замѣчаніе Поеина, что онъ можетъ за этими мелочами упустить изъ виду свои собственныя важныя дѣла. Относительно Египтянъ онъ поступилъ въ этомъ случаѣ справедливо и даже снисходительно. Хотя поддержка, оказанная ими Помпею, давала право обложить ихъ военною контрибуціею, изнуренная страна была избавлена отъ этого, и за снятіемъ съ нея того, что оставалось недоплаченнымъ изъ суммы, выговоренной въ 695 году и съ той поры внесенной лишь на половину, съ Египтянъ была потребована окончательная уплата

Цезарь регулируетъ египетскія дѣла.

10 милліоновъ денаріевъ (три милліона талеровъ). Обѣимъ воюющимъ сторонамъ было приказано немедленно прекратить военныя дѣйствія и явиться для слѣдствія и рѣшенія ссоры передъ третейскимъ судомъ. Онѣ повиновались; царственный отрокъ находился уже въ замкѣ, и туда же прибыла и Клеопатра. На основаніи завѣщанія Авлета Цезарь присудилъ египетское царство обоимъ супругамъ, Клеопатрѣ и Птолемею Діонисію, и, ничѣмъ не вызванный на это, отдалъ кипрское царство, въ качествѣ второй египетской царственной линіи, младшимъ дѣтямъ Авлета, Арсиноѣ и Птолемею младшему, отмѣнивъ при этомъ случаѣ состоявшуюся прежде конфискацію этой страны.

Возстаніе въ Александріи. Втихомолку готовилась однако буря. Александрія была, какъ и Римъ, міровымъ городомъ, едва-ли уступавшимъ италійской столицѣ численностью населенія и далеко превосходившимъ ее дѣятельнымъ торговымъ духомъ, искуснымъ развитіемъ ремеслъ, вкусомъ къ наукѣ и художествамъ; граждане были одушевлены живымъ національнымъ самосознаніемъ и, если не политическимъ чутьемъ, то безпокойнымъ характеромъ, благодаря которому они такъ-же бодро и правильно продѣлывали свои уличныя свалки, какъ нынѣ Парижане; легко представить себѣ ихъ ощущенія, когда они увидали римскаго полководца, властвовавшаго въ резиденціи Лагидовъ, а своихъ царей, искавшихъ правосудія передъ его трибуналомъ. Поѳинъ и царственный отрокъ, оба, понятно, очень недовольные какъ повелительнымъ напоминаніемъ о старыхъ долгахъ, такъ и вмѣшательствомъ въ распри изъ за престола, которое могло только окончиться и, дѣйствительно, окончилось въ пользу Клеопатры, съ преднамѣренной демонстративностью отправили на монетный дворъ для сплава храмовыя сокровища и золотую столовую утварь царя, съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ удовлетворить требованіямъ Римлянъ; съ глубокой горечью взирали Египтяне, суевѣрно-набожные и гордившіеся прославленной роскошью своего двора, какъ-бы собственнымъ достояніемъ, на голыя стѣны своихъ храмовъ и деревянные сосуды на столѣ своего царя. Оккупаціонное римское войско, значительно утратившее свою національность, благодаря долгому пребыванію въ Египтѣ и многимъ бракамъ между солдатами и египетскими дѣвушками, и въ рядахъ своихъ къ тому же насчитывавшее множество старыхъ воиновъ Помпея и бѣглыхъ италійскихъ преступниковъ и рабовъ, также негодовало на Цезаря, по чьему приказу оно должно было прервать свои дѣйствія на сирійской границѣ, и на гордость его надменныхъ легіонеровъ. Уже смятеніе во время высадки, когда толпа видѣла, какъ несли въ древній царскій замокъ римскія сѣкиры, и многочисленныя убійства изъ за угла, совершенныя надъ его солдатами среди города, вразумили Цезаря относительно того, какой страшной опасности подвергался онъ съ своей небольшой свитой среди этой озлобленной толпы. Но возвращеніе было трудно вслѣдствіе дувшихъ въ это время года сѣверо-

западныхъ вѣтровъ, и попытка сѣсть на корабли могла легко послужить сигналомъ для вспышки возстанія; вообще Цезарь не имѣлъ обыкновенія удаляться, не окончивъ дѣла. Онъ немедленно вытребовалъ подкрѣпленія изъ Азіи, но до ихъ прибытія обнаруживалъ величайшее спокойствіе. Никогда не жилось веселѣе въ его станѣ, какъ во время этого отдыха въ Александріи, и если красивая и остроумная Клеопатра не скупилась вообще своими чарами, а относительно своего судьи всего менѣе, то и Цезарь, казалось, всего болѣе цѣнилъ, изъ всѣхъ своихъ завоеваній, побѣду надъ красивыми женщинами. Все это было веселымъ прологомъ къ очень серьознымъ сценамъ. Стоявшая въ Египтѣ римская оккупаціонная армія появилась внезапно въ Александріи, подъ предводительствомъ Ахилла и, какъ впослѣдствіи оказалось, по тайному приказанію царя и его опекуна; лишь только граждане увидали, что войско приближалось, для того чтобы напасть на Цезаря, какъ они немедленно присоединились къ солдатамъ.

Цезарь въ Александріи.

Съ присутствіемъ духа, до извѣстной степени оправдывающимъ его прежнюю безумную отвагу, Цезарь быстро собралъ свой разсѣянный отрядъ, завладѣлъ царемъ и его министрами, укрѣпился въ царскомъ замкѣ и сосѣднемъ театрѣ, и, не имѣя времени отправить въ безопасное мѣсто расположенный какъ-разъ противъ театра военный флотъ, велѣлъ сжечь его и занять лодками господствовавшій надъ гаванью островъ Фаросъ съ его маякомъ. Такимъ образомъ была пріобрѣтена, хотя и ограниченная, оборонительная позиція и оставался открытымъ путь для доставленія припасовъ и подкрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ данъ приказъ малоазіатскому намѣстнику, равно какъ и ближайшимъ подвластнымъ Риму мѣстностямъ, Сиріи, Набатеѣ, Криту и Родосу, какъ можно скорѣе слать войска и суда въ Египетъ. Возстаніе, во главѣ котораго стала принцесса Арсиноя и ея повѣренный евнухъ Ганимедъ, тѣмъ временемъ свободно властвовало во всемъ Египтѣ и большей части столицы, на улицахъ которой происходили ежедневныя стычки, при чемъ однако ни Цезарю не удавалось распространиться свободнѣе и добраться до находившагося за городомъ прѣсноводнаго Марейскаго озера, гдѣ онъ могъ бы запастись водою и фуражемъ, ни Александрійцамъ завладѣть осажденными и лишить ихъ всякой воды для питья. Когда нильскіе каналы въ части города, занятой Цезаремъ, были испорчены притокомъ въ нихъ морской воды, неожиданно найдена была прѣсная вода въ колодцахъ, вырытыхъ у берега. Такъ какъ со стороны материка нельзя было одолѣть Цезаря, старанія осаждавшихъ направились къ тому, чтобъ уничтожить его флотъ и отрѣзать его отъ моря, откуда подвозились къ нему припасы. Островъ, на которомъ находился маякъ, и плотина, соединявшая его съ твердой землей, раздѣляли гавань на западную и восточную половины, сообщавшіяся

между собой посредствомъ двухъ полукруглыхъ отверстій плотины. Цезарь владѣлъ островомъ и восточной гаванью, въ то время какъ плотина и западная гавань находились во власти гражданъ, и такъ какъ александрійскій флотъ былъ сожженъ, суда Цезаря безпрепятственно прибывали и отплывали обратно. Александрійцы, тщетно попытавшись ввести брандеры изъ западной гавани въ восточную, снарядили затѣмъ, при помощи остатковъ своего арсенала, небольшую эскадру и преградили судамъ Цезаря путь въ ту минуту, когда они вводили на буксирѣ транспортный флотъ съ легіономъ, прибывшимъ изъ Малой Азіи; тѣмъ не менѣе превосходные родосскіе матросы Цезаря одержали верхъ надъ врагомъ. Вскорѣ затѣмъ, однако, граждане захватили маячный островъ *) и оттуда совершенно заперли для большихъ судовъ узкій и каменистый входъ въ восточную гавань, такъ что флотъ Цезаря принужденъ былъ стоять на открытомъ рейдѣ противъ восточной гавани, и судьба его сообщеній съ моремъ висѣла на волоскѣ. Флотъ Цезаря, нѣсколько разъ подвергавшійся на этомъ рейдѣ нападеніямъ превосходившихъ его морскихъ силъ врага, не могъ ни избѣжать неравнаго боя, такъ какъ утрата маячнаго острова закрыла ему входъ во внутреннюю гавань, ни выйти въ открытое море, такъ какъ, лишившись рейда, Цезарь совершенно былъ бы отрѣзанъ отъ моря. Если храбрые легіонеры, поддерживаемые опытностью родосскихъ матросовъ, до сихъ поръ рѣшали всѣ сраженія въ пользу Цезаря, то и Александрійцы обновляли и усиливали съ неутомимой выдержкой вооруженіе своего флота; осажденные принуждены были сражаться, когда только это угодно было осаждавшимъ, и еслибъ первые хоть разъ были побѣждены, Цезарь совершенно былъ окруженъ и, вѣроятно, совсѣмъ потерянъ. По меньшей мѣрѣ слѣдовало сдѣлать попытку снова завладѣть маячнымъ островомъ. Двойное нападеніе, сдѣланное со стороны гавани на лодкахъ, со стороны же моря на военныхъ судахъ, дѣйствительно не только возвратило Цезарю островъ, но отдало ему и нижнюю часть плотины; лишь у второго, кругообразнаго расширенія дамбы Цезарь велѣлъ остановиться и преградить въ этомъ мѣстѣ плотину со стороны города посредствомъ поперечнаго вала. Но въ то время, когда тутъ, вокругъ крайнихъ окоповъ, завязалась горячая схватка, римскія войска оставили незанятою нижнюю часть плотины, примыкающую къ острову; незамѣтно высадился тутъ отрядъ Египтянъ, напалъ

*) Потеря этого острова и разсказъ о второй стычкѣ на морѣ, во время которой уничтоженъ былъ разбитый при Херсонесѣ египетскій флотъ, вѣроятно по недосмотру пропущены въ b. Alex., 12, такъ какъ вначалѣ островъ былъ все таки во власти Цезаря (b. c., 3,112; b. Alex., 8). Плотина, вѣроятно, все время была въ рукахъ непріятелей, такъ какъ Цезарь сообщался съ островомъ постоянно на судахъ.

сзади на скучившихся на плотинѣ у поперечнаго вала римскихъ солдатъ и матросовъ и погналъ всю эту массу въ дикомъ безпорядкѣ къ морю. Частью они были подобраны на римскіе корабли; большинство же утонуло. Около 400 солдатъ и еще большее число матросовъ были жертвами этого дня; самъ полководецъ, раздѣлявшій участь своихъ людей, принужденъ былъ вплавь спастись на свой корабль, когда же, переполненное народомъ, это судно пошло ко дну, долженъ былъ перебраться на другой корабль. Но, какъ ни чувствителенъ былъ понесенный уронъ, онъ былъ въ значительной степени уравновѣшенъ завладѣніемъ маячнымъ островомъ, который вмѣстѣ съ плотиной, вплоть до перваго отверстія въ ней, остался во власти Цезаря.

Появленіе подкрѣпленій изъ Малой Азіи.

Наконецъ прибыли желанныя подкрѣпленія. Митридатъ пергамскій, опытный воинъ школы Митридата Эвпатора, чьимъ побочнымъ сыномъ онъ называлъ себя, велъ по сухому пути изъ Сиріи армію, составленную изъ пестрой смѣси элементовъ: изъ Итиреевъ ливанскаго князя, бедуиновъ Ямвлиха, Сампсикерамова сына, Іудеевъ, предводимыхъ министромъ Антипатромъ,—вообще изъ контингентовъ мелкихъ владѣтелей и общинъ Киликіи и Сиріи. Изъ Пелузія, которымъ Митридату удалось овладѣть въ самый день его прибытія, продвинулся онъ по большой дорогѣ къ Мемфису, чтобъ избѣжать пересѣченной мѣстности на дельтѣ и перейти Нилъ до его развѣтвленія; при этомъ его войска получали не разъ поддержку со стороны Іудеевъ, во множествѣ поселившихся въ этой части Египта. Египтяне, во главѣ которыхъ стоялъ теперь молодой царь Птолемей, отпущенный Цезаремъ къ его народу въ напрасной надеждѣ ослабить при его помощи возстаніе, выслали войско къ Нилу, чтобъ удержать Митридата на противоположномъ берегу рѣки. Это войско встрѣтилось еще по ту сторону Мемфиса, при такъ называемомъ іудейскомъ лагерѣ, между Оніемъ и Геліуполемъ, съ непріятелемъ; но Митридатъ, привыкшій маневрировать и защищаться въ лагерѣ по римскому образцу, послѣ счастливыхъ схватокъ перешолъ на другой берегъ при Мемфисѣ. Цезарь же, какъ только получилъ извѣстіе о прибытіи подкрѣпленій, направилъ часть своихъ войскъ на судахъ къ краю Марейскаго озера, на западъ отъ Александріи, и обошелъ вокругъ него, затѣмъ двинулся внизъ по Нилу, идя на встрѣчу приближавшемуся Митридату. Соединеніе ихъ состоялось, и непріятель даже не попытался помѣшать ему.

Битва у Нила.

Цезарь вступилъ тогда въ дельту, куда отошелъ тѣмъ временемъ царь, отбросилъ, несмотря на препятствіе глубокаго канала передъ фронтомъ египетскаго авангарда, этотъ отрядъ послѣ перваго же натиска и вслѣдъ за тѣмъ началъ штурмъ египетскаго лагеря. Онъ находился у подножія возвышенности, между Ниломъ, отдѣленнымъ отъ нея лишь узкой дорогой, и трудно проходимыми болотами.

Цезарь велѣлъ войскамъ одновременно ринуться и прямо и сбоку, по дорогѣ у Нила, на лагерь, и во время этого штурма незамѣтно ввелъ третій отрядъ на возвышенность за лагеремъ. Побѣда была полная; лагерь былъ взятъ и тѣ Египтяне, которымъ не пришлось пасть подъ ударами непріятельскихъ мечей, утонули, пытаясь спастись на нильскій флотъ. Съ одной изъ лодокъ, которыя, переполнившись народомъ, пошли ко дну, погибъ и молодой царь въ волнахъ родной рѣки.

Успокоеніе Александріи. Прямо съ поля битвы Цезарь двинулся со стороны материка во главѣ своей конницы, въ занятую Египтянами часть столицы. Въ траурныхъ одеждахъ, держа въ рукахъ изображенія своихъ боговъ, встрѣтили его враги, моля о мирѣ; его же сторонники, увидавъ, что онъ побѣдоносно возвращается не съ той стороны, откуда онъ вышелъ, встрѣтили его съ безграничнымъ ликованьемъ. Судьба города, который осмѣлился помѣшать исполненію плановъ властителя вселенной и едва не довелъ его до гибели, была въ рукахъ Цезаря; но онъ былъ слишкомъ проникнутъ принципами правителя, чтобъ быть злопамятнымъ, и обошелся съ Александрійцами такъ, какъ и съ Массаліотами. Цезарь указалъ гражданамъ на сильно разоренный городъ ихъ, вслѣдствіе сожженія флота лишенный и своихъ хлѣбныхъ складовъ, и всемірно-знаменитой библіотеки и другихъ важнѣйшихъ общественныхъ зданій, и убѣждалъ жителей впредь исключительно и съ рвеніемъ отдаться воздѣлыванію мирныхъ искусствъ и занятій, и стараться залечить раны, которыя они сами себѣ нанесли; вообще же онъ удовольствовался тѣмъ, что призналъ за осѣдлыми въ Александріи Іудеями такія же права, какими пользовалось греческое населеніе города, и вмѣсто прежней римской оккупаціонной арміи, хоть на словахъ только повиновавшейся египетскимъ царямъ, оставилъ въ Александріи настоящій римскій гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ уже находившихся тутъ легіоновъ, и третьяго, прибывшаго позже изъ Сиріи; гарнизонъ этотъ былъ порученъ управленію лично назначеннаго имъ начальника. Для замѣщенія этого довѣреннаго поста былъ умышленно выбранъ такой человѣкъ, чье происхожденіе не позволяло ему употребить во зло свою власть,—именно Руфіонъ, опытный воинъ, но сынъ отпущенника. Правленіе Египтомъ, подъ главенствомъ Рима, было ввѣрено Клеопатрѣ и младшему брату ея Птолемею; для того чтобы царевна Арсиноя не могла давать повода къ возстанію Египтянамъ, которые, какъ истые дѣти востока, преданы были династіи, но совершенно равнодушны къ отдѣльнымъ ея представителямъ, она была отвезена въ Италію; Кипръ снова сталъ частью римской провинціи Киликіи.

Ходъ событій во время отлучки Это александрійское возстаніе, какъ ни было оно незначительно, и какъ ни мала была его связь съ всемірно-историческими событіями, совершавшимися въ ту пору въ римскомъ государствѣ, тѣмъ

не менѣе возъимѣло на нихъ важное вліяніе, заставивъ того человѣка, въ которомъ была вся сила, и безъ котораго ничто не могло идти впередъ, ни получить какое бы то ни было разрѣшеніе,—покинуть въ теченіе всего времени отъ октября 706 года до марта 707 ближайшія свои задачи, для того чтобъ вмѣстѣ съ Іудеями и бедуинами бороться противъ какой то уличной черни. Послѣдствія личнаго руководства дѣлами начинали сказываться. Монархія установилась, но вездѣ господствовала ужаснѣйшая сумятица, а монархъ былъ далеко. Точно такъ же, какъ и помпеянцы, сторонники Цезаря оставались въ данную минуту безъ высшаго руководства; вездѣ рѣшала даровитость отдѣльныхъ военачальниковъ, а еще чаще случай.

Цезаря въ Александрію.

После отъѣзда Цезаря въ Египетъ, въ Малой Азіи не было болѣе непріятелей. Тѣмъ временемъ намѣстникъ Цезаря въ этой странѣ, даровитый Гней Домицій Кальвинъ, получилъ приказаніе снова отнять у царя Фарнака все, что онъ самовольно взялъ у союзниковъ Помпея; такъ какъ Фарнакъ, такой же тупоголовый и надменный деспотъ, какъ отецъ его, упорно не соглашался очистить Малую Арменію, то ничего иного не оставалось, какъ пойти противъ него. Кальвинъ долженъ былъ изъ трехъ оставленныхъ ему легіоновъ, образованныхъ изъ фарсальскихъ военноплѣнныхъ, отправить два въ Египетъ; онъ пополнилъ пробѣлъ легіономъ, наскоро собраннымъ изъ поселившихся въ Понтѣ Римлянъ, и двумя легіонами Дейотара, обученными по римскому образцу,—и вступилъ въ Малую Арменію. Но босфорское войско, испытанное въ многочисленныхъ бояхъ съ жителями береговъ Чернаго моря, оказалось на дѣлѣ храбрѣе, чѣмъ войско Кальвина. Въ сраженіи при Никополѣ понтійское ополченіе Кальвина было уничтожено, и галатскіе легіоны разбѣжались; лишь старый римскій легіонъ съумѣлъ пробиться съ незначительнымъ урономъ. Не завоевавъ Малой Арменіи, Кальвинъ не могъ даже помѣшать Фарнаку снова завладѣть своими понтійскими «наслѣдственными владѣніями» и излить на ихъ жителей, въ особенности на несчастныхъ Амизцевъ, все свое страшное султанское своеволіе (зима 706—7). Когда же Цезарь самъ прибылъ въ Малую Азію и велѣлъ сказать ему, что услуга, лично оказанная ему Фарнакомъ, не подавшимъ помощи Помпею, не можетъ быть принята въ разсчетъ въ сравненіи съ вредомъ, который онъ нанесъ государству,—и что прежде всякихъ переговоровъ онъ долженъ очистить понтійскую провинцію и возвратить все присвоенное имъ,—Фарнакъ заявилъ готовность повиноваться; но, хорошо зная, какъ важно было для Цезаря спѣшить на западъ, онъ не дѣлалъ никакихъ серьозныхъ приготовленій къ очищенію территоріи. Но онъ не зналъ, что Цезарь доводилъ до конца все, что начиналъ.

Безпомощность Фарнака.—Пораженіе Кальвина при Никополѣ.

Не тратя времени на переговоры, Цезарь собралъ приведенный имъ

Побѣда Це-

заря при Зіелѣ. — Приведеніе въ порядокъ малоазіатскихъ дѣлъ.

изъ Александріи легіонъ и войска Кальвина и Дейотара, и двинулся на лагерь Фарнака при Зіелѣ. Когда Босфорцы замѣтили его приближеніе, смѣло перешли они черезъ глубокое горное ущелье, закрывавшее ихъ фронтъ, и, взбираясь на холмъ, напали на Римлянъ. Цезаревы воины были еще заняты устройствомъ лагеря, и на мгновеніе ихъ ряды поколебались; но привычные къ боямъ ветераны быстро собрались и подали сигналъ къ общему нападенію и полной побѣдѣ (2 августа 707 г.). Въ пять дней война была окончена; въ ту пору, когда дорогъ былъ каждый часъ, это была неоцѣненная удача. Преслѣдованіе царя, вернувшагося обратно чрезъ Синопъ, Цезарь поручилъ незаконному брату Фарнака, храброму Митридату пергамскому, который въ награду за услуги, оказанныя въ Египтѣ, получилъ вмѣсто Фарнака босфорскій царскій вѣнецъ. Въ остальномъ сирійскія и малоазіатскія дѣла были устроены мирнымъ путемъ; собственные союзники Цезаря получили богатую награду, союзники же Помпея отпускались вообще съ выговоромъ или денежною пенею. Одному только, могущественнѣйшему изъ кліентовъ Помпея, Дейотару, снова пришлось ограничиться своею наслѣдственною, тѣсною областью, толистобогійскимъ поселкомъ. Вмѣсто него малая Арменія была отдана каппадокійскому царю Аріобарзану, захваченное же Дейотаромъ царство Трокмійцевъ—новому властелину Босфора, происходившему съ отцовской стороны отъ понтійскаго, а по матери отъ галатскаго княжескаго рода.

Иллирійская сухопутная и морская война.

И въ Иллиріи также происходили весьма серьозныя сцены въ бытность Цезаря въ Египтѣ. Далматійское побережье было уже въ теченіе многихъ вѣковъ больнымъ мѣстомъ римскаго государства, а населеніе его открыто враждовало съ Цезаремъ еще со времени его намѣстничества; внутри страна кишила еще съ ѳессалійской войны бѣжавшими туда помпеянцами. Однако Квинтъ Корнифицій, съ шедшими вслѣдъ за нимъ изъ Италіи легіонами, съумѣлъ держать въ повиновеніи, какъ жителей страны, такъ и бѣглецовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнять столь трудное въ этихъ суровыхъ странахъ продовольствіе войска. Даже тогда, когда даровитый Маркъ Октавій, побѣдитель при Куриктѣ, появился въ этихъ водахъ съ частью помпеева флота, для того чтобы на морѣ и на сушѣ руководить здѣсь войною противъ Цезаря, Корнифицій, опираясь на корабли и на гавань Ядестиновъ (Зару), не только съумѣлъ удержаться, но даже выигралъ нѣсколько удачныхъ сраженій на морѣ противъ флота своего соперника. Но когда зимою $^{706}/_{7}$ года новый иллирійскій намѣстникъ, Авлъ Габиній, возвращенный Цезаремъ изъ ссылки, прибылъ въ Иллирію сухимъ путемъ, съ пятнадцатью когортами и тремя тысячами всадниковъ, вся система веденія войны измѣнилась. Вмѣсто того, чтобы, подобно своему предшественнику, ограничиваться малою войною, смѣлый, дѣятельный человѣкъ этотъ немедленно предпринялъ, несмотря на су-

ровое время года, экспедицію въ горы со всей своей ратью. Но неблагопріятная погода, трудность продовольствія и мужественное сопротивленіе Далматовъ изнурили войско; Габиній долженъ былъ начать отступленіе, былъ застигнутъ Далматами, постыдно разбитъ, и съ трудомъ добрался съ слабыми остатками своей нѣкогда страшной арміи до Салонъ, гдѣ онъ и умеръ вскорѣ послѣ того. Большинство иллирійскихъ приморскихъ городовъ сдалось вслѣдъ за тѣмъ флоту Октавія; державшіе сторону Цезаря, какъ напримѣръ Салоны и Эпидавръ (Ragusa Vecchia), были такъ сильно тѣснимы на морѣ флотомъ, а на сушѣ варварами, что сдача и капитуляція заключенныхъ въ Салонахъ обломковъ войска казались уже недалекими. Тогда комендантъ брундизійскихъ складовъ, энергическій Публій Ватиній, велѣлъ, за неимѣніемъ военныхъ судовъ, снабдить килями обыкновенныя лодки и посадить на нихъ солдатъ, выпущенныхъ изъ лазаретовъ, и съ этимъ импровизованнымъ военнымъ флотомъ близъ острова Тавриса (Торкола, между Лезиною и Курцолою) далъ флоту Октавія, значительно превосходившему его силами, сраженіе, въ которомъ, какъ это нерѣдко бываетъ, мужество предводителя и солдатъ вознаградило за всѣ недостатки судовъ, и цезаріанцы одержали блестящую побѣду. Маркъ Октавій покинулъ эти воды и удалился въ Африку (весною 707 года); Далматы оборонялись еще, правда, съ большимъ упорствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но это было уже ничто иное, какъ мѣстная горная война. Когда Цезарь вернулся изъ Египта, энергическій помощникъ его уже устранилъ грозившую въ Иллиріи опасность.

Измѣненіе африканской коалиціи.

Тѣмъ серьознѣе были дѣла въ Африкѣ, гдѣ съ начала междоусобной войны конституціонная партія господствовала неограниченно, и гдѣ власть ея постоянно усиливалась. Вплоть до фарсальской битвы здѣсь собственно правилъ царь Юба; онъ одержалъ верхъ надъ Куріономъ, и сила его войска заключалась въ его легкой конницѣ и безчисленныхъ стрѣлкахъ; помпеевъ намѣстникъ Варъ игралъ рядомъ съ нимъ такую второстепенную роль, что былъ вынужденъ даже выдать царю сдавшихся ему солдатъ Куріона и смотрѣть на то, какъ ихъ казнили или ссылали внутрь Нумидіи. Все это измѣнилось со времени фарсальскаго сраженія. О бѣгствѣ къ Пароянамъ не думалъ, кромѣ самаго Помпея, ни одинъ изъ выдающихся членовъ разбитой партіи. Такъ-же мало попытокъ дѣлалось удержать соединенными силами власть на морѣ; экспедиція Марка Октавія въ иллирійскихъ водахъ оставалась одиночнымъ явленіемъ и не имѣла прочнаго успѣха. Значительное большинство какъ республиканцевъ, такъ и помпеянцевъ, направилось къ Африкѣ, единственному мѣсту, гдѣ еще возможна была почетная и законная борьба противъ узурпатора. Тамъ мало по малу соединились обломки арміи, разсѣянной при Фарсалѣ, гарнизонныя войска изъ Диррахіона, Керкиры и Пелопоннеза, и остатки

иллирійскаго флота; туда же прибылъ второй главнокомандующій, Метеллъ Сципіонъ, оба сына Помпея, Гней и Секстъ, политическій вождь республиканцевъ Маркъ Катонъ, храбрые военачальники Лабіенъ, Афраній, Петрей, Октавій и друг. Хотя силы эмиграціи убавились, за то фанатизмъ ея, насколько это было возможно, увеличился. Не только плѣнныхъ, даже и парламентеровъ Цезаря продолжали умерщвлять, но царь Юба, въ которомъ озлобленіе сторонника извѣстной партіи сливалось съ яростью полуварварскаго Африканца, выставилъ правиломъ, чтобы во всякой общинѣ, подозрѣваемой въ симпатіяхъ къ непріятелю, городъ сожигался, а граждане предавались истребленію, и, дѣйствительно, примѣнилъ эту теорію къ практикѣ относительно нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ напримѣръ злосчастной Ваги, близъ Гадрумета. Если столичному городу провинціи, цвѣтущей Утикѣ, на которую, какъ нѣкогда на Карѳагенъ, давно уже завистливымъ окомъ взирали нумидійскіе цари, не пришлось вытерпѣть подобнаго же обращенія со стороны царя Юбы, и относительно гражданъ его, обвиняемыхъ не безъ основанія въ расположеніи къ Цезарю, ограничились однѣми мѣрами предосторожности, то этимъ они были обязаны только энергическому вмѣшательству Катона.—Такъ какъ ни самъ Цезарь и ни одинъ изъ его намѣстниковъ не предпринимали ровно ничего противъ Африки, то коалиція имѣла достаточно времени, для того чтобы преобразоваться въ военномъ и политическомъ отношеніи. Прежде всего необходимо было снова замѣстить освободившуюся за смертью Помпея должность главнокомандующаго. Царь Юба отнюдь не прочь былъ удержать и впредь то положеніе, которое онъ занималъ въ Африкѣ вплоть до фарсальской битвы; вообще онъ выступалъ уже, не какъ кліентъ Рима, а въ качествѣ равноправнаго союзника или, пожалуй, даже сюзерена, позволялъ себѣ чеканить римскія серебряныя монеты съ своимъ именемъ и гербомъ, заявлялъ даже притязанія на исключительное право носить въ лагерѣ пурпуровую одежду и требовалъ отъ римскихъ военачальниковъ, чтобы они сложили съ себя пурпуровый плащъ полководца. Наконецъ и Метеллъ Сципіонъ требовалъ главнаго начальства для себя, на томъ основаніи, что Помпей (конечно, болѣе по родственнымъ, чѣмъ военнымъ соображеніямъ) признавалъ его во время ѳессалійскаго похода равнымъ себѣ. Тѣ же требованія заявилъ и Варъ, самозванный намѣстникъ Африки—на томъ основаніи, что война должна была вестись въ его провинціи. Армія, наконецъ, требовала себѣ въ вожди пропретора Марка Катона. Очевидно, она была права. Катонъ былъ единственнымъ человѣкомъ, одареннымъ необходимыми для этой тяжелой службы преданностью, энергіею и авторитетомъ; конечно, онъ не былъ воиномъ; но было бы несравненно лучше назначить въ главнокомандующіе человѣка безъ военной подготовки, который съумѣетъ вести себя скромно и

дать дѣйствовать подчиненнымъ ему полководцамъ, чѣмъ офицера съ неиспытанными способностями, въ родѣ Вара, или, что еще хуже, человѣка завѣдомо неспособнаго, какъ напримѣръ, Метелла Сципіона. Тѣмъ не менѣе выборъ все-таки палъ подъ конецъ именно на Сципіона, и Катонъ въ значительной степени повліялъ на это рѣшеніе. Случилось это не потому, чтобы Катонъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для выполненія этой задачи или чтобы его мелкое самолюбіе болѣе удовлетворялось отказомъ отъ должности, чѣмъ принятіемъ ея; еще менѣе потому, чтобы онъ любилъ и уважалъ Сципіона, съ которымъ онъ напротивъ находился въ личной враждѣ, и который при своей завѣдомой неспособности достигалъ всюду нѣкотораго значенія только благодаря родственнымъ связямъ съ Помпеемъ; случилось это исключительно потому, что съ своимъ закоснѣлымъ юридическимъ формализмомъ Катонъ скорѣе готовъ былъ загубить республику на законномъ основаніи, чѣмъ спасти ее неправильнымъ образомъ. Когда, послѣ фарсальской битвы онъ встрѣтился на Керкирѣ съ Маркомъ Цицерономъ, состоявшимъ со времени своего киликійскаго намѣстничества въ званіи генерала, онъ вызвался передать ему по праву, какъ высшему офицеру, должность главнокомандующаго въ Керкирѣ, и своею готовностью довелъ этого несчастнаго адвоката, тысячу разъ проклинавшаго теперь свои аманскіе лавры, почти до отчаянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ повергъ въ изумленіе всѣхъ мало-мальски разсудительныхъ людей. На тѣхъ же принципахъ выѣзжалъ онъ и теперь, когда отъ этого зависѣло нѣчто болѣе важное; Катонъ взвѣшивалъ вопросъ о томъ, кому должна принадлежать должность главнокомандующаго, точно дѣло шло о пашнѣ близъ Тускулума, и присудилъ ее Сципіону. Этимъ приговоромъ устранялись, какъ его собственная кандидатура, такъ и притязанія Вара. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же, и онъ одинъ, энергично возсталъ противъ притязаній царя Юбы и далъ ему почувствовать, что римская аристократія идетъ къ нему не какъ просительница, какъ обращалась она съ пареянскимъ властелиномъ, не для того чтобы искать помощи у патрона, а повелительно требуя этой помощи отъ подданнаго. При тогдашнемъ положеніи римскихъ военныхъ силъ въ Африкѣ Юба поневолѣ долженъ былъ натянуть болѣе слабыя струны, хотя, конечно, онъ все-таки добился отъ малодушнаго Сципіона, чтобы уплата жалованья его войску была возложена на римскую казну и чтобы за нимъ была обезпечена, въ случаѣ побѣды, уступка провинціи Африки. Рядомъ съ новымъ главнокомандующимъ снова выступилъ сенатъ «трехъ сотъ», избравшій для своихъ засѣданій Утику и пополнившій свои порѣдѣвшіе ряды принятіемъ въ свой составъ самыхъ вліятельныхъ и зажиточныхъ членовъ изъ сословія всадниковъ. Благодаря главнѣйшимъ образомъ рвенію Катона, вооруженія совершались съ величайшей энергіей, и

всѣ годные къ военному дѣлу, даже вольно-отпущенные и Ливійцы вербовались въ легіоны, вслѣдствіе чего всѣ силы были до такой степени отвлечены отъ хлѣбопашества, что большая часть полей оставалась невоздѣланною, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, былъ достигнутъ грандіозный результатъ въ военномъ отношеніи. Въ тяжелой пѣхотѣ насчитывалось четырнадцать легіоновъ, изъ которыхъ два были уже выставлены Варомъ, восемь другихъ составлены частью изъ бѣглецовъ, частью изъ провинціальныхъ рекрутовъ, а четыре, вооруженные по римскому образцу, принадлежали царю Юбѣ. Тяжелая конница, состоявшая изъ Кельтовъ и Нѣмцевъ, прибывшихъ съ Лабіеномъ, и всевозможныхъ навербованныхъ туда людей, насчитывала помимо коннаго отряда Юбы, вооруженнаго по римскому способу тысячу шестьсотъ человѣкъ. Легкіе отряды состояли изъ безчисленныхъ массъ Нумидійцевъ, скакавшихъ безъ узды и удилъ и вооруженныхъ одними только метательными копьями, изъ извѣстнаго числа конныхъ стрѣлковъ и громадныхъ пѣшихъ полчищъ. Кромѣ того имѣлись еще на лицо сто двадцать слоновъ Юбы и предводительствуемый Публіемъ Варомъ и Маркомъ Октавіемъ флотъ въ пятьдесятъ пять парусныхъ судовъ. Гнетущему недостатку въ деньгахъ отчасти пособилъ налогъ, которымъ обложилъ себя самъ сенатъ, и который оказался тѣмъ прибыльнѣе, что въ сенатъ были приглашены вступить богатѣйшіе африканскіе капиталисты. Хлѣбъ и другіе припасы были скоплены въ громадныхъ массахъ въ способныхъ къ оборонѣ крѣпостяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ запасы были по возможности вывезены изъ открытыхъ пунктовъ. Отсутствіе Цезаря, дурное настроеніе его легіоновъ, броженіе въ Испаніи и Италіи подняли понемногу духъ его противниковъ, и воспоминанія о фарсальской битвѣ начали мало по малу уступать новымъ надеждамъ на побѣду.—Время, потерянное Цезаремъ въ Египтѣ, нигдѣ не мстило за себя тяжелѣе, чѣмъ здѣсь. Еслибъ онъ двинулся въ Африку непосредственно послѣ смерти Помпея, онъ засталъ бы тамъ слабое, дезорганизованное и испуганное войско и полнѣйшую анархію среди вождей, между тѣмъ какъ теперь, въ особенности благодаря энергіи Катона, въ Африкѣ стояло войско, равное численностью тому, которое было разбито при Фарсалѣ, съ извѣстными вождями и правильнымъ главнымъ начальствомъ.

Волненія въ Испаніи. Вообще этой африканской экспедиціей Цезаря управляла, казалось, необычайно несчастная звѣзда. Еще до своего отплытія въ Египетъ Цезарь сдѣлалъ въ Испаніи и Италіи различныя распоряженія для начала и подготовленія африканской войны; но изъ всего этого не вышло ничего, кромѣ бѣдъ. На основаніи приказа Цезаря намѣстникъ южной провинціи, Квинтъ Кассій Лонгинъ, долженъ былъ переправиться въ Африку съ четырьмя легіонами, привлечь тамъ къ

себѣ царя западной Мавританіи, Богуда, *) и двинуться вмѣстѣ съ нимъ противъ Нумидіи и Африки. Но войско, предназначенное въ Африку, заключало въ себѣ множество природныхъ Испанцевъ, и цѣлыхъ два бывшихъ помпеевыхъ легіона; помпеянскія симпатіи господствовали и въ арміи и въ провинціи, и неумѣлый, тиранническій образъ дѣйствій цезарева намѣстника не могъ ослабить этого настроенія. Дѣло дошло до настоящаго возстанія; отряды войскъ и города становились на сторону намѣстника, или же высказывались противъ него; уже почти дошло до того, что возставшіе противъ цезарева намѣстника открыто водружали знамя Помпея; уже старшій сынъ Помпея Гней, желая воспользоваться этимъ счастливымъ поворотомъ обстоятельствъ, отплылъ изъ Африки въ Испанію, и только порицаніе дѣйствій намѣстника вліятельнѣйшими цезаріанцами и вмѣшательство правителя сѣверной провинціи вовремя успѣли подавить возстаніе. Гней Помпей, потерявшій въ теченіе своего путешествія время въ тщетныхъ попыткахъ занять прочное положеніе въ Мавританіи, прибылъ слишкомъ поздно; Гай Требоній, котораго Цезарь, послѣ своего возвращенія съ Востока, послалъ выручить Кассія въ Испанію (осень 707 г.), вездѣ встрѣтилъ безпрекословное повиновеніе. Но, разумѣется, за этими волненіями, изъ Испаніи ничего не было предпринято, что бы могло помѣшать республиканцамъ упрочиться въ Африкѣ; даже, вслѣдствіе столкновеній съ Лонгиномъ, западно-мавританскій царь Богудъ, который стоялъ на сторонѣ Цезаря и могъ бы по крайней мѣрѣ чѣмъ нибудь препятствовать царю Юбѣ, былъ отозванъ въ Испанію вмѣстѣ съ своими войсками.

Военное возстаніе въ Кампаніи.

Еще серьознѣе были волненія среди войскъ, собранныхъ по по-

---

*) Составъ государствъ сѣверо-западной Африки покрытъ за это время большимъ мракомъ. Послѣ войнъ Югурты царь Бокхъ Мавританскій властвовалъ, вѣроятно, отъ западнаго моря вплоть до сальдской гавани, въ нынѣшнемъ Марокко и Алжирѣ; не имѣвшіе съ самаго начала ничего общаго съ мавританскими верховными властителями повелители Тингиса (Тангера), о которыхъ упоминается и прежде (Плут., Серт., 9) и къ числу которыхъ принадлежали, вѣроятно, саллюстіева Лептаста (Hist., 3, 31, Kritz) и цицероновъ Мастанезъ (in Vat., 5, 12), были, быть можетъ, независимы до извѣстной степени или даже признавали Бокха своимъ сюзереномъ, подобно тому, какъ и Сифаксъ повелѣвалъ надъ многими властителями (Аппіанъ., Pun., 10) а въ это же самое время въ сосѣдней Нумидіи Цирта принадлежала Массиниссѣ, вѣроятно, однако подъ главенствомъ Юбы (App., b. c., 4, 54). Въ 672 году на мѣстѣ Бокха мы застаемъ какого-то царя Бокуда или Богуда, вѣроятно, сына Бокха. Начиная съ 705 года государство это является раздѣленнымъ между царемъ Богудомъ, владѣвшимъ западной частью его, и царемъ Бокхомъ, владѣвшимъ восточною половиною; къ этой эпохѣ относится раздѣленіе Мавританіи на царство Богуда или тингисское государство и на царство Бокха или іольское (Цезарея)—(Plin., h. n., 5, 2, 19. Срав. bell. Afr., 23).

велѣнію Цезаря въ южной Италіи для переправы съ нимъ въ Африку. Это были большей частью старые легіоны, которые въ Галліи, Испаніи, Ѳессаліи помогли Цезарю упрочить свой тронъ. Побѣды не улучшили настроенія этихъ войскъ, а долгій отдыхъ въ нижней Италіи совершенно испортилъ его. Почти нечеловѣческія требованія, съ которыми обращался къ нимъ полководецъ, и послѣдствія которыхъ слишкомъ ярко выступали въ страшно опустошенныхъ ихъ рядахъ, оставили послѣ себя осадокъ недовольства даже въ этихъ желѣзныхъ людяхъ,—и нужно было только время и отдыхъ, чтобъ привести умы въ броженіе. Единственный человѣкъ, импонировавшій имъ, былъ уже въ теченіе цѣлаго года далеко, какъ будто совершенно исчезъ, начальствующія же ими лица гораздо болѣе робѣли передъ своими солдатами, чѣмъ тѣ передъ ними, и спускали этимъ покорителямъ вселенной всякое грубое насиліе по отношенію къ хозяевамъ ихъ на постоѣ, всякое нарушеніе дисциплины. Когда получено было приказаніе отплыть въ Сицилію, и солдатъ долженъ былъ снова промѣнять привольное житье въ Кампаніи на третій походъ, не уступавшій повидимому ни испанскому, ни ѳессалійскому по тревогамъ и лишеніямъ, сдерживавшая ихъ узда, слишкомъ давно ослабѣвшая и теперь слишкомъ внезапно стянутая, порвалась. Легіоны отказались повиноваться, пока имъ не выплатятъ обѣщанныхъ подарковъ, и прогнали присланныхъ Цезаремъ офицеровъ съ насмѣшками, даже бросая въ нихъ камни. Попытка затушить начинающееся возстаніе, увеличивъ обѣщанныя суммы, нетолько не имѣла никакого успѣха, но привела къ тому, что солдаты массами двинулись, для того чтобъ въ самой столицѣ вынудить у полководца исполненіе обѣщаній; нѣкоторые изъ офицеровъ, которые дорогой попытались удержать мятежныя шайки, были убиты. Опасность приняла страшные размѣры. Цезарь приказалъ немногимъ оставшимся въ городѣ войскамъ занять ворота, чтобы предотвратить по крайней мѣрѣ въ минуту перваго натиска грабежъ, котораго справедливо можно было опасаться, и внезапно появился среди бушующихъ массъ съ вопросомъ, чего онѣ желаютъ. Ему закричали въ отвѣтъ: отставки. Она въ тотъ же мигъ была имъ дана. Относительно подарковъ,—прибавилъ къ этому Цезарь,—которые были обѣщаны солдатамъ въ случаѣ тріумфа, какъ равно и по дѣлу о земельныхъ участкахъ, которыхъ онъ имя не обѣщалъ, но все-таки предназначалъ имъ, пусть обратятся они къ нему съ заявленіемъ въ тотъ день, когда онъ будетъ тріумфировать вмѣстѣ съ другими солдатами; въ самомъ же тріумфѣ они, конечно, не могутъ принять участія, какъ отпущенные раньше его. Къ этому обороту вещей масса не была приготовлена: убѣжденные, что Цезарь не можетъ обойтись безъ нихъ въ своемъ африканскомъ походѣ, солдаты потребовали себѣ отставки лишь для того, чтобы въ случаѣ,

если имъ откажутъ въ ней, основать на этомъ свои условія. Они почти сбились съ толку вслѣдствіе убѣжденія въ собственной незамѣнимости; они были слишкомъ безпомощны, чтобъ снова податься назадъ и направить неудавшіеся переговоры на настоящій путь; какъ люди, они были пристыжены вѣрностью слову, выказанною императоромъ по отношенію къ измѣнившимъ присягѣ солдатамъ, и великодушіемъ, съ которымъ онъ именно теперь гораздо болѣе готовъ былъ даровать, чѣмъ сколько обѣщано было имъ; глубоко потрясало ихъ, какъ воиновъ, то, что полководецъ указалъ имъ на нообходимость присутствовать при тріумфѣ ихъ товарищей лишь въ качествѣ стороннихъ зрителей,—и при этомъ не называлъ ихъ болѣе „товарищами", но „гражданами", и такимъ обращеніемъ, такъ странно звучавшимъ въ его устахъ, однимъ ударомъ уничтожалъ все ихъ славное воинское прошлое,—наконецъ они находились подъ обаяніемъ неотразимо могучаго духа. Безмолвно и въ сильномъ колебаніи стояли солдаты нѣсколько времени,—и вдругъ со всѣхъ сторонъ раздался крикъ, просившій, чтобъ полководецъ возвратилъ имъ милость и далъ имъ возможность снова называться воинами Цезаря. Цезарь позволилъ имъ это, предварительно заставивъ ихъ долго просить; зачинщикамъ этого мятежа была однако убавлена третья часть ихъ тріумфальныхъ наградъ. Исторія не знаетъ другого столь же великаго и психологически-мастерскаго маневра, который при томъ удался бы въ такой же полнотѣ.

Цезарь отправляется въ Африку.

Волненія эти все-таки имѣли покрайней мѣрѣ въ томъ отношеніи вредное вліяніе на африканскій походъ, что значительно отдалили его начало. Когда Цезарь прибылъ въ назначенную для отплытія гавань Лилибэонъ, десять легіоновъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Африку, далеко еще не были тутъ въ полномъ сборѣ, и именно наиболѣе испытанныя войска далеко еще не прибыли. Тѣмъ не менѣе, какъ только прибыли шесть легіоновъ, въ томъ числѣ пять образованныхъ вновь, и пришли также необходимыя военныя и транспортныя суда, Цезарь вышелъ съ ними въ море (25 декаб. 707 по неисправлен. календарю, около 8 октября по юліанск. счисленію). Непріятельскій флотъ, который вслѣдствіе бурь, господствующихъ во время равноденствія, присталъ къ берегу у острова Эгимура, передъ Карѳагенской бухтой, не помѣшалъ переѣзду; но тѣ же бури разнесли цезаревы суда по всѣмъ направленіямъ, и когда Цезарь невдалекѣ отъ Гадрумета (Сузы) нашелъ возможнымъ высадиться, онъ могъ спустить на берегъ не болѣе 3000 человѣкъ, по большей части рекрутовъ, и 150 всадниковъ. Попытка завладѣть Гадруметомъ, сильно занятымъ непріятелемъ, не удалась; напротивъ того, Цезарь завладѣлъ обѣими, невдалекѣ другъ отъ друга расположенными, гаванями, Руспиной (Монастиръ, у Сузы) и Малымъ Лептисомъ. Здѣсь онъ окопался; но его позиція была такъ ненадежна, что онъ

удержалъ своихъ всадниковъ на корабляхъ, да и суда должны были быть постоянно готовы къ отплытію и снабжены водою, чтобъ дать ему возможность, какъ только на него нападутъ превосходящія его силы, снова отплыть. Но это не оказалось нужнымъ, такъ какъ вовремя прибыли и разсѣянныя бурей суда (3 янв. 708). На другой же день послѣ этого Цезарь, чье войско вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ помпеянцами, терпѣло нужду въ хлѣбѣ, двинулся съ тремя легіонами внутрь страны, но невдалекѣ отъ Руспины подвергся на походѣ нападенію скопища, которое велъ Лабіенъ, желая отодвинуть Цезаря отъ берега.

Сраженіе при Руспинѣ. Положеніе Цезаря. Такъ какъ у Лабіена была только конница и стрѣлки, а у Цезаря почти только линейная пѣхота, то легіоны быстро были окружены и отданы на жертву оружію врага, не имѣя возможности отвѣчать ему или съ успѣхомъ нападать на него. Развернувъ всю линію, Цезарь, правда, снова освободилъ фланги, а смѣлое наступленіе спасло честь его оружія, но отступленіе было неизбѣжно, и еслибъ Руспина не была такъ близка, то мавританскія копья, быть можетъ, повторили бы тутъ то же ужасное дѣло, какъ пароянскія стрѣлы при Каррахъ. Цезарь, которому этотъ день показалъ всю трудность предстоявшей войны, не захотѣлъ подвергнуть такому нападенію своихъ неопытныхъ солдатъ, смущенныхъ новымъ для нихъ способомъ войны, и выжидалъ прибытія легіоновъ, составленныхъ изъ ветерановъ. Промежутокъ времени былъ употребленъ на то, чтобъ сколько нибудь уравновѣсить тягостное превосходство враговъ въ дальнобойномъ оружіи. Годные въ этомъ отношеніи люди были перечислены изъ флота въ ряды легкой кавалеріи или же стали стрѣлками въ пѣхотѣ, — но это немного могло помочь дѣлу. Нѣсколько болѣе пользы оказали предпринятыя Цезаремъ диверсіи. Удалось поднять противъ Юбы и вооружить гэтульскія пастушескія племена, кочевавшія на южномъ склонѣ большого Атласа, въ сторонѣ Сахары; даже до нихъ достигли потрясенія сулло-маріева времени, и ихъ недовольство Помпеемъ, который тогда подчинилъ ихъ нумидійскимъ царямъ, предрасположило ихъ въ пользу преемника могущественнаго Марія, о которомъ у нихъ осталась добрая память еще со временъ югуртинской войны. Мавританскіе цари, Богудъ въ Тингисѣ, Бокхъ въ Іолѣ были естественными соперниками Юбы и частью уже давно находились въ союзѣ съ Цезаремъ. Наконецъ въ пограничной области между владѣніями Юбы и Бокха блуждалъ съ своими людьми послѣдній изъ катилиновцевъ, тотъ самый Публій Ситтій изъ Нуцеріи, который за восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ превратился изъ обанкрутившагося италійскаго купца въ предводителя мавританскаго отряда партизановъ и съ той поры составилъ себѣ извѣстность среди ливійскихъ смутъ и организовалъ себѣ военныя силы. Бокхъ и Ситтій соединенными отрядами вторглись въ нумидійскую страну, заняли важный

городъ Цирту, и ихъ нападеніе, равно какъ и натискъ Гэтуловъ, принудили царя Юбу отправить часть своихъ войскъ къ южной и западной границѣ его владѣній; но и въ это время положеніе Цезаря все еще оставалось достаточно неудобнымъ. Его армія была скучена на пространствѣ квадратной мили; хотя флотъ и доставлялъ хлѣбъ, но недостатокъ въ фуражѣ ощущался цезаревой конницей такъ же сильно, какъ помпеевыми всадниками при Диррахіонѣ. Легкіе отряды непріятеля, несмотря на всѣ усилія Цезаря, такъ несоразмѣрно превосходили его собственные, что казалось почти невозможнымъ выполнить оборонительное движеніе внутрь страны даже съ ветеранами. Еслибъ Сципіонъ подался назадъ и оставилъ береговые города на произволъ судьбы, то онъ, быть можетъ, могъ-бы одержать побѣду въ родѣ тѣхъ, которыя одержаны были визиремъ Орода надъ Крассомъ, Юбой надъ Куріономъ, или же въ крайномъ случаѣ затянуть войну до безконечности. Такой планъ кампаніи подсказывала самая поверхностная сообразительность; даже Катонъ, совсѣмъ уже не стратегъ, присовѣтовалъ его и вызвался самъ перевести въ тоже время одинъ отрядъ въ Италію и призвать тамъ къ оружію республиканцевъ, что при господствовавшемъ тамъ смутномъ настроеніи могло имѣть успѣхъ. Но Катонъ могъ только совѣтовать, а не приказывать; главнокомандующій Сципіонъ рѣшилъ, что войну слѣдуетъ вести въ прибрежной территоріи. Это рѣшеніе не только было уже потому превратно, что благодаря ему былъ покинутъ военный планъ, обѣщавшій вѣрный успѣхъ, но и потому, что мѣстность, въ которую предстояло перенести войну, находилась въ опасномъ броженіи, а армія, которую хотѣли противопоставить тутъ Цезарю, также была въ значительной степени ненадежна. Страшно строгій наборъ, насильственное завладѣніе продовольствіемъ, опустошеніе болѣе мелкихъ поселеній, вообще сознаніе, что становишься жертвой чуждаго и уже потеряннаго дѣла, раздражили мѣстное населеніе противъ римскихъ республиканцевъ, затѣявшихъ на африканской почвѣ свою послѣднюю, отчаянную борьбу; принимавшія характеръ террора отношенія ихъ ко всѣмъ общинамъ, которыя можно было заподозрить хоть въ равнодушіи, довели это недовольство до страшнѣйшей ненависти. Африканскіе города, вездѣ, гдѣ это имъ было возможно, объявили себя за Цезаря; между Гэтулами и Ливійцами, служившими во множествѣ въ легкихъ войскахъ и даже въ легіонахъ, начались побѣги. Но Сципіонъ настаивалъ на своемъ планѣ съ упрямствомъ, свойственнымъ неразумію, вышелъ со всѣми силами своего войска изъ Утики, направился къ занятымъ Цезаремъ городамъ, Руспинѣ и малому Лептису, занялъ къ сѣверу отъ нихъ Гадруметъ, къ югу Ѳапсъ (у мыса Râs Dimâs) сильными гарнизонами и, совмѣстно съ Юбой, также появившимся передъ Руспиной съ тѣми изъ его войскъ, которыя не были отвлечены защитой границъ, неоднократно

вызывалъ непріятеля на бой. Но Цезарь рѣшилъ дождаться прибытія легіоновъ своихъ ветерановъ. Когда они мало по малу прибыли и появились на полѣ битвы, у Сципіона и Юбы пропало желаніе отважиться на сраженіе въ открытомъ полѣ, Цезарь же, при необыкновенномъ превосходствѣ силъ ихъ легкой конницы, не имѣлъ никакого средства принудить ихъ къ тому. Въ переходахъ и мелкихъ перестрѣлкахъ въ окрестностяхъ Руспины и Ѳапса, которые главной цѣлью имѣли открытіе засадъ, устраивавшихся по мѣстному обычаю въ подвалахъ, и расширеніе линіи постовъ, прошло почти два мѣсяца. Цезарь, принужденный непріятельскими всадниками держаться по возможности на высотахъ или защищать свои фланги линіями окоповъ, постепенно пріучилъ все-таки во время этой трудной войны, не сулившей никакого исхода, своихъ солдатъ къ боевымъ пріемамъ непріятеля. Друзья и недруги не узнавали болѣе полководца, всегда столь порывистаго, въ предусмотрительномъ инструкторѣ, который обучалъ своихъ людей заботливо и нерѣдко лично, и сбиты были совершенно съ толку этимъ великимъ мастерствомъ, которое оставалось вѣрно себѣ и въ медлительности и въ быстромъ ударѣ.

Сраженіе при Ѳапсѣ. Наконецъ Цезарь, собравъ всѣ свои послѣднія подкрѣпленія, обратился въ сторону Ѳапса. Какъ уже было сказано, Сципіонъ сильно укрѣпилъ этотъ городъ, сдѣлавъ такимъ образомъ ошибку,—давъ противнику весьма ясную цѣль для нападенія; къ первому промаху онъ вскорѣ присоединилъ второй, еще менѣе простительный, именно далъ сраженіе, давно желаемое Цезаремъ и съ полнымъ основаніемъ отклонявшееся до той поры Сципіономъ, на такой почвѣ, гдѣ рѣшеніе дѣла переходило въ руки линейной пѣхоты. Легіоны Сципіона и Юбы придвинулись къ самому берегу противъ лагеря Цезаря, передніе ряды совсѣмъ готовые къ бою, задніе, занятые разбивкою укрѣпляемаго лагеря; одновременно съ этимъ ѳапскій гарнизонъ готовилъ вылазку. Для отраженія ея было достаточно сторожевыхъ постовъ Цезаря. Привычные къ бою легіоны его, вѣрно оцѣнивъ врага уже по непрочности его размѣщенія и плохо сомкнутымъ частямъ, принудили трубача подать сигналъ къ аттакѣ, пока непріятель занимался еще своими окопами, а главнокомандующій давалъ знакъ къ наступленію, и двинулись по всей линіи; впереди всѣхъ былъ самъ Цезарь, который, видя, что войско идетъ впередъ не ожидая его приказаній, устремился на враговъ во главѣ его. Правое крыло, стоявшее впереди остальныхъ отрядовъ, отодвинуло, посредствомъ метанія ядръ и стрѣлъ, находившуюся передъ нимъ линію слоновъ на собственное войско непріятеля (это было послѣднее большое сраженіе, въ которомъ были употреблены въ дѣло эти животныя). Прикрытіе было изрублено, лѣвое крыло врага расторгнуто и вся линія смята. Пораженіе было тѣмъ значительнѣе, что новый лагерь

разбитой арміи еще не былъ готовъ, старый же находился на большомъ разстояніи; оба стана были заняты одинъ за другимъ почти безъ сопротивленія. Вся масса разбитаго войска побросала оружіе и просила о пощадѣ; но солдаты Цезаря были уже не тѣ, что охотно воздержались отъ боя при Илердѣ и честно щадили при Фарсалѣ беззащитныхъ. Привычка къ междоусобицѣ и озлобленіе, оставленное позади себя мятежомъ, сказались въ страшныхъ размѣрахъ на полѣ битвы при Ѳапсѣ. Если гидра, противъ которой приходилось бороться, получала все новыя силы, если войско перебрасывалось изъ Италіи въ Испанію, изъ Испаніи въ Македонію, изъ Македоніи въ Африку, если столь страстно желанный покой никакъ не водворялся, то солдаты искали, и не безъ основанія, причину этого явленія въ несвоевременной мягкости Цезаря. Они поклялись вознаградить себя за то, что упустилъ изъ виду полководецъ, и оставались глухи къ мольбамъ безоружныхъ согражданъ и къ приказаніямъ Цезаря и высшихъ офицеровъ. Пятьдесятъ тысячъ труповъ, покрывавшихъ поле сраженія при Ѳапсѣ, въ числѣ которыхъ находились многіе офицеры Цезаря, извѣстные какъ тайные противники новой монархіи и приколотые поэтому при случаѣ собственными же ихъ воинами,—свидѣтельствовали о томъ, какими средствами солдатъ добываетъ себѣ отдыхъ. Побѣдоносная же армія, напротивъ того, насчитывала не болѣе пятидесяти мертвыхъ (6 апрѣля 708 года).

Послѣ битвы при Ѳапсѣ борьба такъ-же мало продолжалась въ Африкѣ, какъ полтора года тому назадъ на востокѣ послѣ фарсальскаго пораженія. Катонъ, въ качествѣ коменданта Утики, созвалъ сенатъ, изложилъ передъ нимъ состояніе оборонительныхъ средствъ и предоставилъ собранію рѣшить, слѣдуетъ ли покориться или защищаться до послѣдняго человѣка, но просилъ ихъ только объ одномъ,—принять рѣшеніе и дѣйствовать не каждому за себя, а всѣмъ за одно. Болѣе мужественное мнѣніе нашло немало защитниковъ; было предложено административнымъ способомъ признать свободными рабовъ, годныхъ носить оружіе, что было отвергнуто Катономъ, какъ незаконный захватъ частной собственности, вмѣсто котораго онъ предложилъ патріотическое воззваніе къ рабовладѣльцамъ. Но этотъ порывъ рѣшимости вскорѣ замолкъ въ собраніи, большею частью составленномъ изъ африканскихъ оптовыхъ торговцевъ, и рѣшено было сдаться. Когда вслѣдъ за тѣмъ Фавстъ Сулла, сынъ регента, и Люцій Афраній прибыли съ поля битвы въ Утику съ сильнымъ отрядомъ конницы, Катонъ сдѣлалъ еще попытку отстоять съ ихъ помощью городъ, но съ негодованіемъ отвергъ ихъ требованіе позволить имъ заколоть прежде всего ненадежныхъ гражданъ Утики, и предпочелъ отдать безъ сопротивленія въ руки монарха послѣдній оплотъ республиканцевъ, чѣмъ осквернить республику при ея издыханіи подобной рѣзней. Послѣ того, какъ онъ частью соб-

Катонъ въ Утикѣ.

ственнымъ авторитетомъ, частью щедрыми приношеніями по возможности остановилъ ярость солдатчины противъ несчастныхъ жителей Утики, и съ трогательною заботливостью доставилъ, на сколько это было въ его власти, тѣмъ, кто не желалъ довѣриться милосердію Цезаря, средства къ бѣгству, тѣмъ же, кто пожелалъ остаться, случай капитулировать на сколько нибудь сносныхъ условіяхъ,—послѣ того, какъ онъ убѣдился, что не можетъ болѣе оказать никому пользы, онъ счелъ себя вправѣ сложить съ себя власть, удалился въ свою спальню и вонзилъ себѣ мечъ въ грудь.

Убійство вождей республики. Изъ остальныхъ вождей спаслись немногіе. Бѣжавшіе изъ-подъ Ѳапса всадники наткнулись на отряды Ситтія и были изрублены ими или взяты въ плѣнъ; вожди ихъ, Афраній и Фавстъ, были выданы Цезарю и, такъ какъ онъ не казнилъ ихъ немедленно, убиты его ветеранами во время волненія. Главнокомандующій Метеллъ Сципіонъ попался съ флотомъ разбитой партіи во власть крейсеровъ Ситтія и закололъ себя, когда его хотѣли схватить. Царь Юба, приготовившійся къ такому исходу, рѣшилъ покончить съ собою, какъ ему казалось, царственнымъ образомъ, и велѣлъ соорудить на площади своего города Замы громадный костеръ, который, вмѣстѣ съ его тѣломъ, долженъ былъ поглотить всѣ его сокровища и трупы всѣхъ граждан города.

Но жители города не имѣли никакого желанія служить декораціей при погребальномъ торжествѣ африканскаго Сарданапала, и затворили передъ царемъ ворота, когда онъ, спасаясь бѣгствомъ съ поля сраженія, появился передъ городомъ въ сопровожденіи Марка Петрея. Одна изъ тѣхъ натуръ, одичавшихъ въ шумномъ и причудливомъ наслажденіи жизнью, которыя въ состояніи и смерть превратить для себя въ опьяняющее пиршество,—Юба направился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ на одну изъ своихъ дачъ, велѣлъ приготовить обильную трапезу и по окончаніи ея предложилъ Петрею смертельный поединокъ. Побѣдитель Катилины принялъ роковой ударъ изъ руки царя, а вслѣдъ затѣмъ Юба приказалъ одному изъ своихъ рабовъ заколоть его. Немногія вліятельныя личности, которымъ удалось спастись, какъ наприм. Лабіенъ и Секстъ Помпей, послѣдовали за старшимъ братомъ Секстовымъ въ Испанію, и, какъ нѣкогда Серторій, искали себѣ въ горахъ и водахъ этой все еще почти независимой страны послѣдняго убѣжища, превратившись въ разбойниковъ и пиратовъ.

Водвореніе порядка въ Африкѣ. Цезарь безпрепятственно привелъ тогда въ порядокъ африканскія дѣла. Царство Массиниссы было упразднено, какъ это предполагалъ еще Куріонъ. Восточная его часть, или округъ Ситифиса, была присоединена къ владѣніямъ западно-мавританскаго царя Бокха; вѣрный Богудъ, царь тингисскій, также получилъ значительные дары. Цирту (Константина) и окрестную полосу земли, которою до той поры владѣли подъ главенствомъ Юбы князь Массинисса и сынъ его Арабіонъ,

получилъ кондоттьеръ Публій Ситтій, который долженъ былъ поселить тутъ своихъ полу-римскихъ солдатъ; *) въ тоже время этотъ округъ, равно какъ и гораздо болѣе обширная и плодороднѣйшая часть прежняго нумидійскаго царства были подъ именемъ «Новой Африки» присоединены къ старинной провинціи Африкѣ, и защита прибрежной территоріи отъ кочующихъ племенъ пустыни, порученная республикой одному изъ подручныхъ царей, была возложена новымъ монархомъ на само римское государство.

Побѣда монархіи.

Борьба, предпринятая Помпеемъ и республиканцами противъ Цезаря, кончилась послѣ четырехъ лѣтъ полнымъ торжествомъ новаго властителя. Монархія, правда, была упрочена не на поляхъ битвъ Фарсала и Ѳапса; она должна-бы вести свою исторію съ той минуты, когда Помпей и Цезарь общими силами основали свое совмѣстное господство и свергли прежнее аристократическое правленіе. Но все-таки лишь кровавое крещеніе девятаго августа 706 и шестаго апрѣля 708 года придало новой монархіи прочную устойчивость и формальное признаніе, и устранило соправительство, противорѣчившее сущности единодержавія. Возстанія претендентовъ и республиканскіе заговоры могли возникать и потомъ, вызывая новыя потрясенія, быть можетъ даже новыя революціи и реставраціи, — но продержавшееся безъ перерыва въ теченіе полу-тысячелѣтія существованіе свободной республики было подорвано, и на всемъ пространствѣ обширнаго римскаго государства законнымъ авторитетомъ совершившагося факта упрочена монархія.

Конецъ республики.

Конституціонная борьба кончилась, и что дѣйствительно ей пришелъ конецъ, это доказалъ Маркъ Катонъ, бросившись въ Утикѣ на свой мечъ. Уже много лѣтъ онъ былъ вождемъ въ борьбѣ законной республики противъ ея притѣснителей; онъ продолжалъ эту борьбу даже тогда, когда уже давно въ немъ самомъ угасла надежда на побѣду. Но теперь сама борьба стала невозможна; республика, основанная Маркомъ Брутомъ, умерла и никогда не могла болѣе возродиться; что же оставалось дѣлать на землѣ республиканцамъ? Сокровище было похищено, и стражѣ не было больше дѣла, — кто же сталъ бы порицать ее за то, что она возвратилась домой? Въ смерти Катона гораздо болѣе благородства и въ особенности больше смысла, чѣмъ въ его жизни. Катонъ всего менѣе можетъ быть названъ великимъ человѣкомъ; но при всей недальновидности, превратности воззрѣній, томительной надоѣдливости, и фальшивыхъ фразахъ, которыя

---

*) Надписи въ названной мѣстности сохранили многочисленныя указанія на эту колонизацію. Названіе Ситтійцевъ встрѣчается въ нихъ необыкновенно часто; африканское урочище Милевъ, ставъ римскимъ, носило тутъ названіе colonia Sarnensis (C. J. L., VIII, p. 1094), очевидно произведенное отъ нуцерійскаго рѣчнаго божества Сарна (Светон., rhet., 4).

сдѣлали его и для того времени, да и на вѣки, идеаломъ безъ идейнаго республиканизма и любимцемъ всѣхъ, кто имъ спекулируетъ, онъ былъ всетаки единственнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ въ пору этой агоніи являться съ честью и отвагой представителемъ великой, но обреченной на крушеніе системы. Катонъ игралъ болѣе крупную историческую роль, чѣмъ многіе люди, далеко превосходившіе его въ умственномъ отношеніи,—но именно потому, что передъ незатѣйливой истиной даже самая мудрая ложь чувствуетъ себя глубоко безсильной, и потому еще, что все величіе и доблесть человѣческой природы обусловливается, въ концѣ концовъ, все-таки не мудростью, но честностью. Глубокое и трагическое значеніе его смерти усиливается именно тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ онъ былъ безумецъ; Донъ Кихотъ глупъ, и потому то онъ и дѣлается трагическою личностью. Потрясающее впечатлѣніе выносишь, видя, что на той міровой сценѣ, гдѣ волновалось и дѣйствовало столько великихъ и мудрыхъ мужей, эпилогъ былъ предоставленъ глупцу. Но онъ недаромъ погибъ. Его смерть была страшно рѣзкимъ протестомъ республики противъ монархіи,—послѣдній республиканецъ сходилъ со сцены въ ту минуту, когда появился первый монархъ; то былъ протестъ, который разорвалъ, какъ паутину, всю обманчивую дымку такъ называемой законности, которою Цезарь облекъ свою монархію, и обличилъ во всей его лицемѣрной лживости тотъ лозунгъ примиренія партій, подъ чьей эгидой возникло господство новаго властителя. Непримиримая война, которою въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, отъ Кассія и Брута до Тразеи и Тацита, даже и много позже ихъ, призракъ законной республики велъ противъ цезаревой монархіи, — эта война заговоровъ и литературы является тѣмъ наслѣдствомъ, которое умирающій Катонъ оставилъ своему врагу. Все горделивое, реторически-трансцендентальное, притязательно строгое, безнадежное и вѣрное до гроба направленіе свое эта республиканская оппозиція восприняла отъ Катона и непосредственно послѣ его смерти начала почитать, какъ святого, того человѣка, который при жизни часто служилъ поводомъ къ ея насмѣшкамъ и досадѣ. Но величайшимъ изъ этихъ выраженій почета было то невольное, которое оказалъ ему Цезарь, отступивъ единственно для Катона отъ пренебрежительной кротости, съ которой привыкъ обращаться съ своими противниками, помпеянцами и республиканцами, и преслѣдуя Катона даже за гробомъ тою энергическою ненавистью, которую обыкновенно испытываютъ практическіе государственные люди къ врагамъ, противодѣйствующимъ имъ столь же опасно, какъ и недосягаемо, въ области идеаловъ.

ГЛАВА XI.

Старая республика и новая монархія.

Новому монарху Рима, впервые властвовавшему надъ всѣмъ міромъ римско-эллинской цивилизаціи, Гаю Юлію Цезарю, шелъ пятьдесятъ шестой годъ (род. 12 іюля 652?), когда сраженіе при Өапсѣ, послѣднее звено длинной цѣпи важныхъ по своимъ послѣдствіямъ побѣдъ, передало въ его руки рѣшеніе судебъ міра. У немногихъ людей подвергалась такому испытанію вся сила ихъ способностей, какъ у этого безпримѣрнаго творческаго генія, выставленнаго Римомъ, послѣдняго представителя древняго міра, по чьей стезѣ пойдетъ отнынѣ этотъ міръ вплоть до собственнаго своего крушенія. Онъ былъ потомкомъ одной изъ древнѣйшихъ дворянскихъ семей Лаціума, которая возводила свою родословную къ героямъ Иліады и царямъ Рима, даже къ общей обоимъ народамъ Венерѣ Афродитѣ,—и дѣтскіе, и юношескіе годы его прошли такъ, какъ они проходили у всей знатной молодежи въ то время. И онъ вкусилъ отъ кубка модныхъ наслажденій и пѣну, и осадокъ; и онъ ораторствовалъ и декламировалъ, отъ бездѣлья занимался литературой и слагалъ стихи, велъ разнообразныя любовныя интриги и былъ посвященъ во всѣ таинства тогдашней туалетной мудрости, и въ еще болѣе таинственное искусство всегда брать взаймы и никогда не платить долговъ. Но гибкая сталь этой натуры устояла даже при такой безпутной и пустой жизни; Цезарь сохранилъ нетронуто и тѣлесную бодрость, и силу духа, и чуткость сердца. Въ верховой ѣздѣ и фехтованіи онъ могъ поспорить съ любымъ изъ своихъ воиновъ, а умѣнье плавать спасло ему жизнь подъ Александріей; невѣроятная быстрота его поѣздокъ, обыкновенно предпринимавшихся ночью для сбереженія времени и составляющихъ истинную противоположность торжественной медлительности, съ которою Помпей передвигался изъ одного мѣста въ другое,—возбуждала удивленіе его современниковъ и была далеко не послѣдней причиной его успѣховъ. Каковы были его физическія свойства, таковъ былъ онъ и духомъ. Его удивительная наблюдатель-

Характеръ Цезаря.

ность выказывалась въ вѣрности и выполнимости всѣхъ его приказаній, даже тамъ, гдѣ онъ повелѣвалъ заочно. Его память была безпримѣрна, и онъ отличался способностью вести нѣсколько дѣлъ въ одно время и съ одинаковой увѣренностью. Хотя и джентльменъ, геніальный человѣкъ и монархъ, онъ не лишенъ былъ сердца; пока жилъ, онъ сохранилъ въ себѣ искреннѣйшее уваженіе къ своей достойной матери Авреліи (отецъ его умеръ рано); къ своимъ женамъ и особенно къ дочери Юліи онъ искренно питалъ симпатію, которая не осталась безъ вліянія и на политическія обстоятельства. Съ лучшими, избранными дѣятелями своего времени, съ высоко поставленными и скромными смертными, онъ поддерживалъ благородныя отношенія взаимной вѣрности, сообразуясь съ характеромъ каждаго. Какъ самъ онъ никогда не покидалъ своихъ сторонниковъ такимъ малодушнымъ и безжалостнымъ образомъ, какъ Помпей, и, не изъ одного только разсчета, и въ хорошія, и въ дурныя времена крѣпко держалъ сторону друзей, такъ и многіе изъ нихъ, какъ напр. Авлъ Гирцій и Гай Мацій, выказали свою преданность ему прекрасными поступками даже послѣ его смерти. Если въ столь гармонически-организованной натурѣ какая либо сторона можетъ вообще считаться особенно характерною, то это было бы именно полное отсутствіе въ Цезарѣ всякой идеологіи, всего фантастическаго. Само собою разумѣется, что Цезарь былъ человѣкомъ страстнымъ, такъ какъ безъ страстности немыслима геніальность; но страсти его никогда не одерживали надъ нимъ верхъ. И онъ былъ молодъ въ свое время, и пѣсни, любовь и вино одушевляли его бившую ключомъ жизнь, но ничто не проникало въ самый сокровенный тайникъ его души. Литература занимала его долго и серьозно; но если Александру не давала спать мысль о гомеровомъ Ахиллесѣ, то Цезарь въ часы безсонницы занимался флексіями латинскихъ существительныхъ и глаголовъ. Онъ писалъ стихи, какъ это дѣлали въ то время всѣ, но они были слабоваты; взамѣнъ этого его интересовали астрономическіе и естественно-научные предметы. Если вино было и оставалось навсегда для Александра средствомъ разгонять заботы, то трезвый Римлянинъ совершенно избѣгалъ его, лишь только прошла бурная пора юности. Какъ бываетъ со всѣми, кого въ молодости озаряла вся прелесть женской любви, лучъ ея остался на немъ неизмѣнно; даже въ позднѣйшіе годы онъ имѣлъ любовныя приключенія и успѣхъ у женщинъ, и въ немъ всегда оставалась нѣкоторая фатоватость въ наружныхъ пріемахъ или, вѣрнѣе, радостное сознаніе собственной мужественно-красивой внѣшности. Тщательно прикрывалъ онъ лавровымъ вѣнкомъ, въ которомъ въ позднѣйшіе годы появлялся публично, сильно опечалившую его лысину, и безъ сомнѣнія отдалъ бы не одну изъ своихъ побѣдъ, еслибъ могъ этой цѣною получить обратно свои кудри. Но, какъ охотно, даже будучи уже монархомъ,

онъ ни ухаживалъ за женщинами, онѣ были для него только игрушкою и онъ не давалъ имъ пріобрѣсти ни малѣйшаго вліянія надъ собою: даже извѣстныя отношенія его къ царицѣ Клеопатрѣ были завязаны только съ тѣмъ, чтобы замаскировать слабый пунктъ въ его политическомъ положеніи. Цезарь былъ до мозга костей реалистомъ и разсудочнымъ человѣкомъ, и все, что онъ предпринималъ или дѣлалъ, было проникнуто и поддержано той геніальною трезвостью, которая составляетъ его внутреннюю своеобразность. Ей онъ былъ обязанъ своимъ умѣньемъ жить дѣйствительностью, не смущаясь воспоминаніями или ожиданіями; ей же—своей способностью дѣйствовать во всякое время всей совокупностью силъ, и обращать всю свою геніальность даже на ничтожнѣйшее и второстепеннѣйшее начинаніе свое; тою многосторонностью, съ которою онъ охватывалъ все и управлялъ всѣмъ, что разумъ въ силахъ понять, а воля вынудить; той увѣренной въ себѣ легкостью, съ которой онъ слагалъ свои періоды или составлялъ планы кампаніи; тою замѣчательной веселостью, которая осталась ему вѣрна и въ хорошія и въ худыя минуты: ей же, наконецъ, позднѣйшей самостоятельностью, которая не давала взять надъ нимъ верхъ никакому любимцу или любовницѣ, даже никакому другу. Но изъ этой же ясности ума проистекало и то обстоятельство, что Цезарь никогда не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно силы судьбы и могущества человѣка; роскошная завѣса, скрывающая отъ людей недостаточность ихъ дѣятельности, для него не существовала. Какъ ни хорошо составлялъ онъ свои планы и обдумывалъ всѣ шансы, его тѣмъ не менѣе никогда не покидало сознаніе, что отъ счастія, т. е. случая, зависитъ главное; и съ этимъ, быть можетъ, связано то, что онъ такъ часто бросалъ вызовъ судьбѣ и въ особенности разъ за разомъ съ отважнымъ равнодушіемъ рисковалъ своей личностью. Подобно тому, какъ именно разсудочные люди предпочтительно кидаются въ открыто-азартную игру, такъ и въ раціонализмѣ Цезаря былъ оттѣнокъ, гдѣ онъ до извѣстной степени соприкасался съ мистицизмомъ.

Цезарь, какъ государственный человѣкъ.

Изъ подобныхъ задатковъ могъ сложиться только государственный человѣкъ. Цезарь и былъ съ самой ранней молодости государственнымъ дѣятелемъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, и цѣль его была самая высокая изъ всѣхъ, къ которымъ человѣку дано стремиться, именно, политическое, военное, умственное и нравственное возрожденіе глубоко-павшей римской націи и глубже павшей, тѣсно связанной съ римскою, эллинской народности. Суровая школа тридцатилѣтняго опыта измѣнила его воззрѣнія на средства для достиженія этой цѣли; цѣль же оставалась все таже въ эпоху безнадежнаго униженія и безпредѣльнаго могущества, въ то время, когда онъ, какъ демагогъ и заговорщикъ, подкрадывался къ ней темными путями, и тогда, когда онъ, какъ лицо, прикосновенное къ высшей

власти, а вслѣдъ за тѣмъ и какъ монархъ, работалъ за своимъ дѣломъ на глазахъ всѣхъ, при полномъ дневномъ свѣтѣ. Всѣ прочныя мѣры, принятыя имъ въ разныя времена, цѣлесообразно укладываются въ его великій планъ. Поэтому не слѣдовало бы говорить объ отдѣльныхъ дѣяніяхъ Цезаря, такъ какъ онъ не создавалъ собственно ничего въ отдѣльности. Справедливо превозносятъ Цезаря, какъ оратора, за его мужественное краснорѣчіе, затемнявшее всякое адвокатское искусство, согрѣвавшее и освѣщавшее все яснымъ пламенемъ. Справедливо удивляемся мы въ писателѣ-Цезарѣ неподражаемой простотѣ композиціи, единственной въ своемъ родѣ чистотѣ и красотѣ языка. Съ полнымъ основаніемъ величайшіе знатоки военнаго дѣла во всѣ времена восхваляли Цезаря, какъ полководца, который всегда умѣлъ, не стѣсняясь, какъ другіе, рутиной и традиціей, находить тѣ способы веденія войны, которые въ данномъ случаѣ должны были доставить побѣду надъ врагомъ и которые, стало быть, были единственно вѣрными; они удивлялись его умѣнью съ увѣренностью вѣщаго ума найти для каждой цѣли соотвѣтствующій способъ ея достиженія; они помнили, какъ иногда послѣ пораженія онъ, подобно Вильгельму Оранскому, снова былъ готовъ къ бою, и безъ всякихъ исключеній заканчивалъ войну побѣдою,—какъ онъ въ совершенствѣ, никогда никѣмъ не превзойденный, умѣлъ руководить тѣмъ элементомъ въ ходѣ войны, употребленіе котораго въ дѣло отличаетъ военнаго генія отъ обыкновенной военачальнической даровитости,—быстрымъ движеніемъ массъ, и находилъ залогъ побѣды не въ громадномъ скопленіи боевыхъ силъ, но въ быстротѣ ихъ движеній, не въ долгихъ приготовленіяхъ, но въ порывистой, почти бѣшеной дѣятельности, даже при недостаточности средствъ. Но всѣ эти свойства являются у Цезаря лишь второстепенными; онъ дѣйствительно былъ великимъ ораторомъ, писателемъ и полководцемъ, но всѣмъ этимъ онъ сталъ только потому, что былъ въ полномъ смыслѣ слова государственнымъ человѣкомъ. Способности воина играютъ у него побочную роль, и однимъ изъ существеннѣйшихъ его отличій отъ Александра, Аннибала и Наполеона служитъ то, что направленіе политической дѣятельности опредѣлялъ въ немъ не воинъ, но демагогъ. По его первоначальнымъ замысламъ, онъ надѣялся достигнуть цѣли, подобно Периклу и Гаю Гракху, безъ помощи оружія, и въ теченіе восемнадцати лѣтъ онъ, въ качествѣ вождя народной партіи, исключительно вращался въ атмосферѣ политическихъ плановъ и интригъ, до тѣхъ поръ пока, неохотно убѣждаясь въ необходимости искать опоры въ военной силѣ, уже на четвертомъ десяткѣ лѣтъ сталъ во главѣ арміи. Поэтому ясно, отчего и впослѣдствіи онъ все еще оставался гораздо болѣе государственнымъ человѣкомъ, чѣмъ военачальникомъ, совсѣмъ какъ Кромвель, который также изъ руководителя оппозиціи преобразился въ военнаго вождя и де-

мократическаго короля и который вообще, какъ ни мало повидимому сходства между главой пуританъ и изнѣженнымъ Римляниномъ, по развитію своей дѣятельности, цѣлямъ и успѣхамъ, быть можетъ, стоитъ ближе къ Цезарю, чѣмъ всѣ другіе государственные дѣятели. Даже и въ способѣ веденія войны легко узнать эту импровизованную стратегію; въ предпріятіяхъ Наполеона противъ Египта и Англіи столь же ясно сказывается артиллерійскій поручикъ, выслужившійся въ полководцы, какъ въ подобныхъ начинаніяхъ Цезаря демагогъ, ставшій военачальникомъ. Опытный, прошедшій основательную школу офицеръ врядъ ли рѣшался-бы изъ политическихъ соображеній, впрочемъ не слишкомъ настоятельныхъ, отстранять всѣ основательнѣйшія военныя соображенія въ такой степени, какъ это часто дѣлалъ Цезарь, всего же разительнѣе при его высадкѣ въ Эпирѣ. Отдѣльныя его дѣйствія поэтому съ военной точки зрѣнія заслуживаютъ порицанія; но то, что утрачиваетъ при томъ полководецъ, служитъ на пользу государственному человѣку. Задача такого дѣятеля всеобъемлюща, какъ геній Цезаря; когда онъ обращалъ свою дѣятельность къ самымъ разнообразнымъ, разобщеннымъ между собой предметамъ, то всѣ они безъ исключенія сходились опять къ одной великой цѣли, которой онъ служилъ съ безусловной преданностью и послѣдовательностью; никогда въ ряду разнообразныхъ направленій своей великой дѣятельности онъ не отдавалъ ничему предпочтенія. Хотя великій мастеръ въ дѣлѣ военномъ, онъ, изъ государственныхъ соображеній, употреблялъ крайнія усилія, чтобъ отвратить междоусобную войну и, когда она тѣмъ не менѣе началась, не пожинать кровавыхъ лавровъ. Хотя и основатель военной монархіи, онъ съ энергіей, безпримѣрной въ исторіи, не далъ возникнуть ни іерархіи маршаловъ, ни правленію преторіанцевъ. Если вообще какой нибудь сторонѣ своихъ гражданскихъ заслугъ онъ отдавалъ предпочтеніе передъ военными успѣхами, то именно движенію наукъ и мирныхъ искусствъ. Полнѣйшая гармонія составляетъ замѣчательнѣйшую особенность его дѣятельности, какъ государственнаго человѣка. Дѣйствительно, всѣ условія для выработки этого труднѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ были соединены въ Цезарѣ. Реалистъ до мозга костей, онъ не смущался картинами прошлаго и почтенными традиціями; въ политикѣ онъ не признавалъ ничего, кромѣ живой дѣйствительности и законовъ разума, точно также, какъ въ качествѣ знатока грамматики онъ отвергалъ историческо-антикварныя изслѣдованія и не признавалъ ничего, кромѣ живого устнаго языка съ одной стороны, и законовъ равномѣрности съ другой. Властелинъ по природѣ, онъ управлялъ умами, подобно тому какъ вѣтеръ гонитъ тучи, и заставлялъ самыя разнородныя натуры отдаваться ему: скромнаго гражданина и грубаго воина, знатныхъ римскихъ дамъ и красавицъ-царицъ Египта и Мавританіи, блестящаго кавалерійскаго генерала и разсчетливаго банкира. Его организующій

талантъ достоинъ удивленія; ни одинъ государственный человѣкъ, ни одинъ полководецъ не сплачивалъ и не сдерживалъ такъ энергически вмѣстѣ своихъ союзниковъ или свою армію, составленную изъ неподатливыхъ, сопротивляющихся элементовъ—какъ это дѣлалъ Цезарь относительно коалицій или легіоновъ; ни одинъ правитель не оцѣнивалъ никогда орудій своей власти такимъ мѣткимъ взоромъ и не отводилъ каждому изъ нихъ подобающаго ему мѣста.

Онъ былъ монархомъ, но никогда не разыгрывалъ роль царя. Даже въ качествѣ неограниченнаго властелина Рима онъ оставался въ дѣйствіяхъ своихъ вождемъ партіи; податливый и гибкій, легкій и пріятный въ бесѣдѣ, привѣтливый со всякимъ, казалось, онъ только желалъ быть первымъ среди равныхъ. Цезарь тщательно избѣгалъ ошибки, свойственной столькимъ людямъ, равнымъ ему въ остальномъ, и никогда не вносилъ въ политику военно-начальническаго тона; сколько поводовъ ни давали къ этому досадныя отношенія его къ сенату, онъ никогда не прибѣгалъ къ насилію, какимъ было восемнадцатое брюмера. Цезарь былъ монархомъ, но никогда не туманили ему голову тиранническія поползновенія. Быть можетъ, онъ единственный изъ властелиновъ, который, и въ маломъ и въ великомъ, не дѣйствовалъ никогда по своему влеченію или капризу, а всегда, безъ исключенія, такъ, какъ того требовалъ долгъ правителя; быть можетъ одинъ онъ, оглянувшись на свою прошлую жизнь, могъ пожалѣть объ ошибкахъ въ разсчетахъ, но не оплакивать промаховъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ страстей. Во всей жизни Цезаря нѣтъ ничего такого, что могло бы сколько нибудь сравниться съ тѣми поэтически-чувственными вспышками, съ умерщвленіемъ Клита *) или разрушеніемъ Персеполя, въ которыхъ исторія обвиняетъ его великаго предшественника на востокѣ.

Наконецъ онъ единственный, быть можетъ, изъ сильныхъ міра, который до конца своей карьеры сохранилъ тактъ въ оцѣнкѣ возможнаго и невозможнаго и не потерпѣлъ крушенія въ выполненіи той задачи, которая является труднѣйшею для грандіозно-задуманныхъ натуръ, именно задачи признать, стоя на вершинѣ успѣха, его естественные предѣлы. Онъ совершилъ то, что было возможно. и никогда не пренебрегалъ достижимымъ добромъ изъ за стремленія къ несбыточному совершенству, никогда не считалъ недостойнымъ себя облегчить хоть палліативными средствами неизлечимыя страданія. Но тамъ, гдѣ онъ признавалъ, что судьба произнесла свой при-

*) Если отношенія его къ Лаберію, о которыхъ повѣствуетъ извѣстный прологъ, приводятся, какъ примѣръ тирраннических капризовъ Цезаря, то это свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи ироніи, какъ самой ситуаціи, такъ и поэта, не говоря уже о наивности, съ которой на стихотворца, охотно прикарманивающаго свой гонораръ, смотрятъ, какъ на мученика.

говоръ, онъ всегда повиновался. Александръ съ Гипаниса, Наполеонъ изъ Москвы вернулись обратно потому, что были къ этому вынуждены, и кляли судьбу за то, что она даже своимъ любимцамъ даруетъ лишь ограниченные успѣхи. Цезарь добровольно отступилъ на Рейнѣ и Темзѣ, и даже на Дунаѣ и Евфратѣ задумывалъ не безграничные планы покоренія вселенной, а только разумно взвѣшанное регулированіе границъ.—Таковъ былъ этотъ рѣдкій человѣкъ, изобразить котораго кажется такъ легко, а на дѣлѣ такъ безконечно трудно. Вся природа его отличалась поразительной ясностью, и преданіе сохранило о немъ болѣе обширныя и живыя свѣдѣнія, чѣмъ о комъ либо изъ его сверстниковъ въ античномъ мірѣ. Подобную личность можно было понять глубже или мельче, но всегда только съ одной точки зрѣнія; всякому, не вполнѣ извращенному изслѣдователю высокій образъ Цезаря представлялся въ тѣхъ же самыхъ главныхъ чертахъ, и тѣмъ не менѣе никому еще не удалось передать этотъ образъ наглядно. Тайна этого явленія заключается въ законченности образа. Съ человѣческой и исторической точки зрѣнія Цезарь достигаетъ той примиряющей сферы, гдѣ великіе контрасты бытія сливаются одинъ въ другой. Одаренный громадной творческой силой, и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательнѣйшимъ умомъ; уже не юноша лѣтами, но еще не старикъ, съ громадною силою желанія и выполненія, проникнутый республиканскими идеалами и вмѣстѣ съ тѣмъ рожденный быть королемъ; Римлянинъ въ самой сущности своего *я* и вмѣстѣ съ тѣмъ призванный примирить и слить въ самомъ себѣ и внѣ себя римское и эллинское развитіе—таковъ былъ Цезарь, этотъ цѣльный и совершенный человѣкъ. Поэтому у него болѣе, чѣмъ у какой бы то ни было исторической личности, чувствуется недостатокъ такъ называемыхъ характеристическихъ чертъ, которыя въ сущности представляютъ собой ни что иное, какъ отклоненія отъ нормальнаго человѣческаго развитія. То, что бросается въ глаза при поверхностномъ взглядѣ, является по ближайшемъ разсмотрѣніи не индивидуальностью, но особенностью культурной эпохи или народности; такъ юношескія похожденія у него общи со всѣми его современниками, одинаково поставленными и притомъ даровитыми, а его не поэтическая, напротивъ сурово логическая натура отражаетъ въ себѣ свойство Римлянъ вообще. Къ вполнѣ общечеловѣческимъ особенностямъ Цезаря мы отнесемъ и то, что онъ въ высшей степени былъ подъ вліяніемъ времени и мѣста; безотносительной, чистой человѣчности не существуетъ, и живой человѣкъ не можетъ не находиться подъ извѣстнымъ вліяніемъ народной самобытности и опредѣленнаго культурнаго движенія. И Цезарь именно потому былъ цѣльнымъ человѣкомъ, что онъ, болѣе чѣмъ кто либо, занялъ мѣсто въ центрѣ современныхъ движеній, и въ безпримѣрной полнотѣ совмѣщалъ въ себѣ существенную особенность римскаго на-

рода,—реальную, какъ бы буржуазную основательность; такъ и его эллинизмъ давно слился съ италійской національностью. Но въ этомъ также заключается и трудность, можно даже сказать невозможность, наглядно изобразить Цезаря. Какъ художникъ можетъ изображать все, кромѣ совершеннѣйшей красоты, такъ и историкъ, встрѣчая совершенство одинъ разъ въ тысячелѣтіе, можетъ только умолчать объ этомъ. Можно, конечно, формулировать основное правило, но оно даетъ намъ только отрицательное представленіе объ отсутствіи недостатковъ; тайна природы, соединяющей въ совершеннѣйшихъ своихъ проявленіяхъ нормальное съ личнымъ, невыразима. Намъ остается только назвать счастливыми тѣхъ, кто созерцалъ это совершенство, и отгадывать его въ томъ отблескѣ, который съ непреходящей славой почіетъ на всѣхъ дѣлахъ, созданныхъ этою великою натурой. Но и они носятъ на себѣ признаки времени. Римскій дѣятель не только сталъ рядомъ съ своимъ юнымъ греческимъ предшественникомъ, какъ равный, но и превосходилъ его; свѣтъ тѣмъ временемъ одряхлѣлъ, и его юное сіяніе потускнѣло. Дѣятельность Цезаря не является болѣе, какъ у Александра, радостнымъ движеніемъ впередъ въ неизмѣримую ширь; онъ созидалъ на развалинахъ и изъ развалинъ, и доволенъ былъ и тѣмъ, когда могъ сколько нибудь сносно и прочно основаться въ разъ избранной имъ, широкой, но все же ограниченной сферѣ. Поэтому тонкій поэтическій тактъ иныхъ народовъ не задумывался никогда надъ этимъ не поэтическимъ Римляниномъ, тогда какъ напротивъ окружилъ сына Филиппа яркимъ свѣтомъ поэзіи, пестрыми, радужными красками легенды. Но съ такимъ же правомъ государственная жизнь народовъ въ теченіе тысячелѣтій снова направляется на тѣ пути, которые проложилъ Цезарь, и если народы, властвующіе надъ міромъ, и теперь придаютъ его имя величайшимъ изъ своихъ монарховъ, то въ этомъ лежитъ глубокое, и въ тоже время, къ сожалѣнію укоряющее напоминаніе.

Устраненіе старыхъ партій. Если вообще ему суждено было съумѣть выйти изъ прежнихъ, во всѣхъ отношеніяхъ неизцѣлимыхъ болѣе условій жизни и обновить государственный бытъ, то прежде всего слѣдовало фактически успокоить страну и очистить почву отъ обломковъ, покрывавшихъ ее вездѣ со времени послѣдней катастрофы. Цезарь исходилъ при этомъ отъ принципа примиренія прежнихъ партій, или, вѣрнѣе сказать,—такъ какъ о дѣйствительномъ соглашеніи непримиримыхъ принциповъ не можетъ быть рѣчи,—отъ того положенія, что сцена борьбы, на которой до тѣхъ поръ боролись аристократія и народники, должна быть очищена обѣими сторонами и что обѣ онѣ должны сойтись на почвѣ новыхъ монархическихъ учрежденій. Поэтому прежде всего всякіе застарѣлые раздоры республиканскаго прошлаго сочтены были упраздненными навсегда. Въ то же время, какъ Цезарь приказалъ

снова возстановить статуи Суллы, разрушенныя столичною чернью при вѣсти о фарсальской битвѣ, чѣмъ призналъ, что объ этомъ великомъ человѣкѣ можетъ судить лишь исторія, онъ отмѣнилъ послѣднія еще дѣйствовавшія послѣдствія его чрезвычайныхъ распоряженій, возвратилъ, изъ изгнанія людей, высланныхъ еще со времени цинновыхъ и серторіевыхъ смутъ, и возвратилъ дѣтямъ лицъ, лишенныхъ Суллою правъ, утраченное ими пассивное избирательное право. Точно также были снова признаны полноправными тѣ, кто во время подготовительнаго періода къ послѣдней катастрофѣ лишены были мѣста въ сенатѣ или гражданства вслѣдствіе приговора цензоровъ или политическаго процесса, въ особенности вслѣдствіе обвиненій, основанныхъ на исключительномъ законѣ 702 года. Остались, какъ это и слѣдовало, и впредь опозоренными тѣ, которые за деньги убивали опальныхъ людей, и отъявленнѣйшій кондоттьеръ сенатской партіи, Милонъ, былъ изъятъ изъ общаго помилованія.

Недовольство демократовъ.

Гораздо труднѣе упорядоченія этихъ дѣлъ, уже отошедшихъ въ прошлое, были отношенія къ партіямъ, стоявшимъ въ данную минуту другъ противъ друга, — къ собственной демократической свитѣ Цезаря, и сверженной аристократіи. Понятно, что приверженцы Цезаря еще менѣе были согласны съ его образомъ дѣйствій послѣ побѣды, чѣмъ аристократія, и не хотѣли отвѣчать на его призывъ отречься отъ старыхъ воззрѣній своей партіи. Самъ Цезарь, конечно, желалъ того же самаго, о чемъ думалъ и Гай Гракхъ, — но намѣренія цезаріанцевъ не были болѣе сходны съ надеждами друзей Гракха. Римская народная партія въ возрастающей прогрессіи вовлекалась изъ реформы въ революцію, изъ революціи въ анархію, изъ анархіи въ войну противъ собственности; она промежъ себя чествовала память о времени террора и украшала могилу Катилины цвѣтами и вѣнками, какъ нѣкогда дѣлала это у могилы Гракховъ; она стала подъ знамя Цезаря, лишь ожидая отъ него того, чего не могъ доставить ей Катилина. Когда же вскорѣ выяснилось, что Цезарь ни мало не расположенъ стать исполнителемъ завѣтовъ Катилины, что задолжавшіе могутъ отъ него ожидать въ лучшемъ случаѣ лишь облегченія платежей и смягченія процессовъ, то громко раздался раздраженный вопросъ: въ чью же пользу одержала свою побѣду народная партія, — развѣ не въ пользу народа? и знатная и низменная чернь этого сорта, проникнутая досадой на неудачу политико-экономическихъ сатурналій, начала заигрывать съ помпеянцами, и затѣмъ, во время почти двухлѣтняго отсутствія Цезаря изъ Италіи (янв. 706 г. до 707) заводила одно междоусобіе за другимъ.

Целій и Милонъ.

Преторъ Маркъ Целій Руфъ, настоящій дворянинъ и плохой плательщикъ долговъ, одаренный нѣкоторыми способностями и большимъ развитіемъ, и, въ качествѣ рѣзкаго и словообильнаго оратора, бывшій до тѣхъ поръ въ сенатѣ однимъ изъ усерднѣйшихъ заступни-

ковъ за Цезаря, внесъ, безъ всякаго полномочія свыше, въ народное собраніе проэктъ закона, который предоставлялъ должникамъ шестилѣтнюю отсрочку уплаты, безъ процентовъ, а когда ему воспрепятствовали въ этомъ, представилъ другое предложеніе, которое уже прямо кассировало всѣ требованія, основанныя на займѣ или текущей платѣ квартирнаго найма; вслѣдъ затѣмъ цезаревъ сенатъ смѣстилъ его съ должности. То была какъ разъ пора передъ фарсальской битвой, и въ великой борьбѣ судьба, казалось, склонялась уже на сторону помпеянцевъ; Руфъ вошелъ въ союзъ съ старымъ сенаторскимъ вождемъ шайки Милономъ, и оба они устроили контръреволюцію, которая отчасти выставила своимъ девизомъ республиканскую конституцію, частью же упраздненіе всѣхъ денежныхъ требованій и освобожденіе рабовъ. Милонъ оставилъ мѣсто своей ссылки, Массалію, и призвалъ въ турійской области къ оружію помпеянцевъ и пастуховъ-рабовъ; Руфъ принималъ мѣры для того чтобы съ помощью вооруженныхъ рабовъ завладѣть городомъ Капуей. Но послѣдній планъ былъ открытъ передъ его выполненіемъ и отраженъ капуанской городской стражей; Квинтъ Педій, вступившій въ турійскую область съ однимъ легіономъ, разсѣялъ гнѣздившуюся тамъ шайку; пораженіе обоихъ вождей положило конецъ этому скандалу (706 г.).

Долабелла. Несмотря на это, въ слѣдующій затѣмъ годъ (707) нашелся другой безумецъ, народный трибунъ Публій Долабелла, столь же задолжавшій, но гораздо менѣе одаренный, чѣмъ его предшественникъ, чей законопроэктъ объ уплатахъ и квартирномъ наймѣ онъ снова внесъ и началъ съ своимъ сотоварищемъ Люціемъ Требелліемъ снова (это былъ уже послѣдній разъ) демагогическую войну; немало было тяжкихъ схватокъ между вооруженными шайками обѣихъ сторонъ, и много было уличнаго шуму, пока наконецъ главнокомандующій въ Италіи, Маркъ Антоній, приказалъ войску вмѣшаться, а вскорѣ послѣ этого возвращеніе Цезаря съ востока положило совершенно конецъ этому дикому броженію. Цезарь такъ мало придалъ значенія этимъ безмозглымъ попыткамъ подогрѣть снова катилиновы замыслы, что самъ терпѣлъ присутствіе Долабеллы въ Италіи, и даже спустя нѣсколько времени снова обратилъ къ нему свое милостивое вниманіе. Противъ такого сброда, которому нѣтъ дѣла ни до какихъ политическихъ вопросовъ, но котораго влечетъ единственно борьба противъ собственности, достаточно, какъ и противъ разбойничьихъ шаекъ, самаго существованія сильнаго правительства; и Цезарь былъ слишкомъ великъ и слишкомъ осмотрителенъ, для того чтобъ имѣть что нибудь общее съ тою боязнью, которою робкіе люди въ Италіи были проникнуты по отношенію къ этимъ коммунистамъ того времени, и чтобы этимъ придать своей монархіи ложную популярность.

Мѣры про- Если Цезарь такимъ образомъ могъ предоставить прежнюю демо-

кратическую партію процессу разложенія, уже достигшему крайняго предѣла, то напротивъ по отношенію къ гораздо болѣе жизненной, прежней аристократической партіи онъ долженъ былъ, искусно сочетавъ подавленіе съ предупредительной ласкою, не произвести разложеніе (это могло бы сдѣлать лишь время), но подготовить его и начать. Однимъ изъ мелкихъ проявленій этой политики служитъ то, что Цезарь, изъ естественнаго чувства приличій, не захотѣлъ еще болѣе раздражить пораженную партію праздными оскорбленіемъ, что онъ не праздновалъ своего тріумфа надъ побѣжденными согражданами *), часто, и всегда съ уваженіемъ, поминалъ Помпея и, при возобновленіи ратуши, снова велѣлъ воздвигнуть на мѣстѣ, избранномъ для этого еще прежде, статую Помпея, ниспровергнутую народомъ. Политическимъ преслѣдованіямъ Цезарь отвелъ послѣ побѣды возможно болѣе тѣсные предѣлы. Относительно многочисленныхъ сношеній, которыя конституціонная партія имѣла съ номинальными цезаріанцами, не было произведено слѣдствія; Цезарь, не читая, бросилъ въ огонь цѣлыя кипы бумагъ, найденныхъ въ непріятельскихъ главныхъ квартирахъ при Фарсалѣ и Ѳапсѣ, и избавилъ себя и страну отъ политическихъ процессовъ противъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ. Далѣе остались не наказанными всѣ простые солдаты, послѣдовавшіе въ борьбу противъ Цезаря за своими римскими или провинціальными начальниками. Исключеніе было сдѣлано только относительно тѣхъ римскихъ гражданъ, которые вступили на службу къ нумидійскому царю Юбѣ, ихъ имущество было конфисковано въ наказаніе за измѣну. Офицерамъ побѣжденной партіи Цезарь также даровалъ безграничное помилованіе до конца испанскаго похода 705 года; однако онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что въ этомъ случаѣ зашелъ слишкомъ далеко. и что устраненіе покрайней мѣрѣ вождей было неизбѣжно. Съ той поры онъ принялъ за правило, что тотъ, кто служилъ въ качествѣ офицера въ непріятельскомъ войскѣ послѣ илердской капитуляціи или засѣдалъ въ враждебномъ сенатѣ, терялъ свое состояніе и свои политическія права, въ случаѣ если доживалъ до конца борьбы, и изгонялся навсегда изъ Италіи; если же онъ не доживалъ до конца борьбы, то состояніе его доставалось государству. Тѣ же лица, которыя уже были разъ помилованы Цезаремъ и опять попадались въ непріятельскихъ рядахъ, утрачивали тѣмъ самымъ право на жизнь. Постановленія эти смягчались однако въ значительной степени во время выполненія. Смертные приговоры приводились въ дѣйствительности въ исполненіе лишь относительно немногихъ изъ многочислен-

тивъ помпеянцевъ и республиканцевъ.

*) Даже тріумфъ, послѣдовавшій за битвою при Мундѣ, о которой будетъ говорено далѣе, касался, конечно, только Лузитанцевъ, въ большомъ числѣ служившихъ въ побѣжденномъ войскѣ.

ныхъ рецидивистовъ. При конфискаціи имущества павшихъ не только выплачивались, что было справедливо, всѣ числившіеся на нихъ долги, и вдовамъ ихъ возвращалось принесенное ими съ собой приданое, но даже дѣтямъ умершихъ оставлялась часть отцовскаго состоянія. Изъ тѣхъ же, наконецъ, которыхъ, на основаніи изложенныхъ выше правилъ, постигло изгнаніе и конфискація имущества, не малое число было немедленно помиловано или же, какъ было, напримѣръ съ африканскими оптовыми торговцами, насильно завербованными въ число членовъ сената въ Утикѣ, они отдѣлывались денежными пенями. Но и остальнымъ, почти безъ исключенія, возвращалась свобода и состояніе, если только они могли принудить себя обратиться къ Цезарю съ просьбой; инымъ, не хотѣвшимъ сдѣлать этого, какъ напримѣръ, консулару Марку Марцеллу, помилованіе оказывалось и безъ просьбы, и наконецъ, въ 710 году была дана общая амнистія всѣмъ, еще не возвращеннымъ на родину.

Амнистія. Республиканская оппозиція давала миловать себя, но еще не примирилась. Недовольство новымъ порядкомъ вещей и озлобленіе противъ непривычнаго властелина были всеобщими. Не было, правда, случая къ открытому политическому сопротивленію,—не стоитъ почти обращать вниманія на то, что по поводу вопроса о титулѣ нѣкоторые оппозиціонные трибуны стяжали себѣ вѣнецъ республиканскихъ мучениковъ своимъ демонстративнымъ протестомъ противъ тѣхъ, которые называли Цезаря царемъ;—но тѣмъ энергичнѣе выразился республиканизмъ въ видѣ оппозиціоннаго настроенія и тайныхъ подкоповъ и происковъ. Ни одна рука не шевелилась, когда императоръ показывался публично. Массами появлялись прокламаціи на стѣнахъ и дождемъ сыпались комическіе стихи, полные желчной и мѣткой народной сатиры противъ новой монархіи. Если актеръ отваживался на республиканскій намекъ, его привѣтствовалъ взрывъ одобренія. Восхваленіе и превозношеніе Катона сдѣлалось модною темою для составителей оппозиціонныхъ брошюръ, и писанія ихъ находили для себя публику, тѣмъ болѣе благодарную, что и литература не была уже свободна. Цезарь и теперь еще боролся, правда, съ республиканцами въ ихъ собственной области; самъ онъ, и болѣе даровитые изъ его приближенныхъ, отвѣчали на катоновскую литературу антикатоновскою, и между республиканскими и цезаріанскими скрибами шла изъ за умершаго вождя Утики борьба, подобная борьбѣ Троянцевъ и Эллиновъ изъ за трупа Патрокла; но понятно, что въ этой борьбѣ, гдѣ судьею являлась вполнѣ республикански-настроенная публика, цезаріанцы были въ накладѣ. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только терроризировать писателей, вслѣдствіе чего изъ числа изгнанниковъ извѣстные въ литературѣ и опасные люди, какъ напримѣръ Публій Нигидій Фигулъ и Авлъ Цецина, труднѣе остальныхъ получили позволеніе возвратиться въ Италію:

тѣ же изъ оппозиціонныхъ писателей, присутствіе которыхъ терпѣлось въ Италіи, были фактически подвержены цензурѣ, сковывавшей ихъ тѣмъ мучительнѣе, что мѣра наказанія была вполнѣ произвольна *). Броженіе и происки разбитыхъ партій противъ новой монархіи будутъ изображены въ другой связи фактовъ, — здѣсь же достаточно будетъ сказать, что республиканскія и претендентскія возстанія безпрерывно подготовлялись на всемъ пространствѣ римскаго государства, что пламя междоусобной войны, раздуваемое то помпеянцами, то республиканцами, снова разгоралось въ различныхъ мѣстахъ, въ столицѣ же заговоры противъ жизни властителя никогда не прекращались; но Цезарь ни разу не искалъ въ этомъ повода окружить себя постоянной стражей тѣлохранителей и обыкновенно довольствовался тѣмъ, что возвѣщалъ народу посредствомъ публичныхъ объявленій объ открытыхъ заговорахъ. Но, хотя Цезарь относился обыкновенно ко всѣмъ дѣламъ, затрогивавшимъ его личную безопасность, съ равнодушной безпечностью, онъ не могъ однако скрыть серьозной опасности, грозившей со стороны этой массы недовольныхъ не только ему, но и его созданіямъ.

Положеніе Цезаря по отношенію къ партіямъ.

Если, несмотря на это, не слушая предостереженій и подстреканій со стороны друзей, не заблуждаясь относительно непримиримости даже помилованныхъ противниковъ, онъ съ удивительно-хладнокровной энергіей держался своей привычки прощать значительное число ихъ, — то въ этомъ сказалось не рыцарское великодушіе горделивой натуры, не чувствительная кротость мягкаго характера, но вѣрный политическій разсчетъ, что въ такомъ случаѣ побѣжденныя партіи быстрѣе растворятся въ государствѣ и съ меньшимъ вредомъ для него, чѣмъ еслибъ оно пыталось искоренить ихъ опалами или устранить ихъ изъ общинной жизни при помощи ссылокъ. Для высокихъ цѣлей своихъ Цезарь не могъ бы даже обойтись безъ конституціонной партіи, которая заключала въ себѣ не только аристократію, но и всѣ элементы свободнаго духа и національнаго настроенія въ италійскомъ гражданствѣ; для своихъ плановъ обновленія дряхлѣющаго государства онъ нуждался въ цѣлой массѣ дарованій, развитія, унаслѣдованной и лично пріобрѣтенной вліятельности, — и все это заключала въ себѣ эта партія; конечно, именно въ этомъ смыслѣ онъ могъ сказать, что помилованіе противниковъ есть лучшая награда побѣдителю. Такимъ то образомъ, хотя главнѣйшіе вожди пораженныхъ партій и были устранены, но второстепеннымъ и третьестепеннымъ дѣятелямъ, и въ особенности молодому поколѣнію не былъ закрытъ путь къ полному помилованію, и въ тоже время не дов-

*) Желающіе сравнить стѣсненное положеніе писателей въ старину и въ новое время могутъ обратиться для этого къ письму Цецины (Цицеронъ, ad fam., 6, 7).

волено имъ и фрондировать въ пассивномъ противодѣйствіи; напротивъ, посредствомъ болѣе или менѣе сдержаннаго понужденія, ихъ приводили къ дѣятельному участію въ новой администраціи, принятію почестей и должностей. Какъ для Генриха IV и Вильгельма Оранскаго, такъ и для Цезаря величайшія затрудненія начались лишь послѣ побѣды. Каждый революціонный побѣдитель узнаетъ на опытѣ, что если онъ не останется, подобно Циннѣ и Суллѣ, вождемъ партіи, но, подобно Цезарю, Генриху IV и Вильгельму Оранскому, захочетъ поставить на мѣсто естественно односторонней програмы своей партіи общее благосостояніе, то тотчасъ же всѣ партіи, и его собственная и побѣжденная, соединятся противъ новаго верховнаго властителя,—и тѣмъ скорѣе, чѣмъ выше и чище онъ пойметъ свое призваніе. Приверженцы конституціи и помпеянцы, хотя и привѣтствовали Цезаря кончиками своихъ губъ, роптали про себя или на монархію, или же по крайней мѣрѣ на династію; павшая демократія, понявъ, что цѣли Цезаря совершенно не сходны съ ея собственными, открыто враждебна была ему; даже личные сторонники Цезаря ворчали, видя, какъ ихъ вождь основываетъ вмѣсто царства кондоттьеровъ для всѣхъ равноправную и справедливую монархію, и какъ приходившаяся имъ самимъ доля выгоды уменьшалась вслѣдствіе привлеченія побѣжденныхъ, какъ соучастниковъ. Такой порядокъ въ государствѣ не былъ угоденъ ни одной партіи и долженъ былъ быть одинаково навязанъ и друзьямъ и противникамъ. Личное положеніе Цезаря въ данную минуту было опаснѣе, чѣмъ до его торжества,—но то, что онъ утрачивалъ, выиграло государство. Уничтожая партіи и не только щадя ихъ членовъ, но допуская къ занятію должности каждаго даровитаго человѣка или хоть члена хорошаго рода, не взирая на его прошлое, онъ не только пріобрѣлъ для своего великаго зданія всѣ наличныя въ государствѣ силы, но добровольное или вынужденное участіе членовъ всѣхъ партій въ этой работѣ незамѣтно переводило весь народъ на новую, уготованную для него почву. Если это примиреніе партій въ данную минуту имѣло лишь внѣшній характеръ, и если онѣ пока гораздо менѣе сходились въ преданности новому порядку вещей, чѣмъ въ ненависти къ Цезарю, то и это не вводило его въ заблужденіе; онъ хорошо зналъ, что противоположности притупляются въ такомъ внѣшнемъ соединеніи, и что только такимъ путемъ государственный человѣкъ въ состояніи подготовить наступленіе такого времени, которое одно могло бы окончательно примирить всѣ эти распри, уложивъ въ могилу старое поколѣніе. Еще менѣе справлялся Цезарь относительно того, кто ненавидитъ его или замышляетъ противъ него убійство. Какъ истый государственный дѣятель, онъ служилъ своему народу не изъ за награды, даже не изъ за его любви, а жертвовалъ расположеніемъ современниковъ ради будущаго блага, а, главное, ради права спасти и обновить народъ.

Если мы попытаемся дать въ частностяхъ отчетъ о переходѣ старыхъ порядковъ на новый путь, то прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что Цезарь явился не для того, чтобы начать, а чтобы кончить дѣло. Планъ новой политики въ духѣ времени, давно уже задуманный Гаемъ Гракхомъ, удерживался его приверженцами и послѣдователями съ большимъ или меньшимъ счастіемъ и умомъ, но безъ колебаній. Цезарь, бывшій отъ рожденія и какъ-бы въ силу наслѣдственнаго права главою народной партіи, высоко держалъ ея знамя въ теченіе тридцати лѣтъ, никогда не мѣняя и даже не прикрывая своихъ убѣжденій; онъ оставался демократомъ даже тогда, когда сдѣлался монархомъ. Принявъ наслѣдство своей партіи безъ ограниченій, за исключеніемъ, конечно, катилиновыхъ и клавдіевыхъ нелѣпостей, питая къ аристократіи и къ истымъ аристократамъ сильнѣйшую, даже личную, вражду, неизмѣнно придерживаясь всѣхъ коренныхъ воззрѣній римской демократіи, именно смягченія положенія должниковъ, необходимости заморской колонизаціи, постепеннаго уравненія различій, существовавшихъ въ юридическомъ отношеніи между сословіями, изъ которыхъ слагалось государство, эманципаціи исполнительной власти отъ сената, — его монархія такъ мало шла въ разрѣзъ съ демократіею, что казалось, напротивъ, будто послѣдняя получила осуществленіе и законченность благодаря первой. Цезарева монархія не была восточнымъ деспотизмомъ милостію божьей, а такимъ правленіемъ, какое хотѣлъ основать Гай Гракхъ и какое основали Периклъ и Кромвель; это было народное представительство, воплотившееся въ лучшемъ и ничѣмъ неограниченномъ довѣренномъ лицѣ. Такимъ образомъ мысли, лежавшія въ основѣ творенія Цезаря, не были въ сущности новыми; но за нимъ остается ихъ осуществленіе, что въ концѣ концовъ всегда самое важное, за нимъ же грандіозность исполненія, которая, быть можетъ, поразила бы изумленіемъ даже геніальнаго составителя плана, еслибъ онъ могъ быть свидѣтелемъ ея, и которая, смотря по степени пониманія человѣческаго и историческаго величія наполняла и вѣчно будетъ наполнять все болѣе и болѣе глубокимъ волненіемъ и восторгомъ каждаго, кто созерцалъ ее въ живой дѣйствительности или въ зеркалѣ исторіи, къ какой-бы исторической эпохѣ или политической окраскѣ ни принадлежало это лицо. — Теперь какъ разъ будетъ умѣстно потребовать не обинуясь того, что историкъ всегда молча предполагаетъ, и поднять голосъ противъ привычки, свойственной, какъ малоумію, такъ и низости, именно противъ привычки, отдѣливъ историческую похвалу и неодобреніе отъ данныхъ обстоятельствъ, пользоваться ими, какъ ходячими фразами, и превращать въ этомъ случаѣ сужденіе о Цезарѣ въ сужденіе о такъ называемомъ цезаризмѣ вообще. Исторія минувшихъ вѣковъ должна, конечно, быть наставницею для текущаго, но не въ томъ пошломъ смыслѣ, будто для рѣшенія вопросовъ настоящаго доста-

Результаты дѣятельности Цезаря.

точно просто перелистать отчеты прошлаго, чтобы найти тамъ для политической діагнозы и рецептной мудрости всѣ симптомы и средства. Исторія минувшаго поучительна лишь постольку, посколько въ ней обнаруживаются, путемъ наблюденій надъ древнѣйшей культурой. органическія условія цивилизаціи, общія всѣмъ основныя силы и всегда различныя сочетанія ихъ, и посколько вмѣсто безсмысленнаго подражанія она напротивъ побуждаетъ и одушевляетъ насъ къ продолженію самостоятельнаго творчества. Въ этомъ смыслѣ исторія Цезаря и римскаго цезаризма, при всемъ непревзойденномъ величіи ея главнаго дѣятеля, при всей исторической необходимости самого дѣла, является поистинѣ болѣе рѣзкой критикой современнаго единовластія, чѣмъ все, что могло бы быть написано человѣческой рукой. На основаніи того же закона природы, въ силу котораго ничтожнѣйшій организмъ несравненно выше самой художественной машины, каждая, даже самая несовершенная форма правленія, дающая просторъ свободному самоопредѣленію большинства гражданъ, несравненно выше геніальнѣйшаго и гуманнѣйшаго абсолютизма, такъ какъ первая способна къ развитію, однимъ словомъ жизненна, второй же остается, чѣмъ онъ былъ, и слѣдовательно мертвъ. Этотъ законъ природы сказался и въ римской абсолютной военной монархіи, и тѣмъ полнѣе, что, благодаря геніальному импульсу ея творца, и при отсутствіи какихъ либо существенныхъ усложненій за предѣлами государства, она сложилась полнѣе и свободнѣе, чѣмъ какой-либо другой подобный организмъ. Начиная съ Цезаря, какъ видно будетъ изъ позднѣйшихъ сочиненій и какъ давно уже было показано Гиббономъ, римскій строй держался только внѣшнимъ образомъ и расширялся механически, между тѣмъ какъ онъ внутренно вымиралъ и гибнулъ окончательно со смерти своего основателя. Если при началѣ единовластія и прежде всего въ самой душѣ Цезаря господствовала полная надеждъ мечта о сліяніи свободнаго народнаго развитія съ абсолютнымъ правленіемъ, то уже царствованіе высокодаровитыхъ императоровъ юліевой династіи показало въ устрашающихъ примѣрахъ, насколько возможно соединить въ одномъ сосудѣ огонь и воду. Дѣло Цезаря было необходимо и благотворно, не потому чтобы оно само по себѣ было или даже могло быть богато послѣдствіями, а потому. что при античной народной организаціи, построенной на рабствѣ и вполнѣ чуждой республиканско-конституціоннаго представительства. и въ виду законнаго городскаго устройства, до развившагося въ теченіе пяти вѣковъ до олигархическаго абсолютизма, неограниченная военная монархія являлась логически необходимымъ завершеніемъ и наименьшимъ зломъ. Когда въ Виргиніи и Каролинахъ рабовладѣльческая аристократія доведетъ дѣло до того, до чего дошелъ родственный ей по духу Римъ временъ Суллы, тогда и тамъ цезаризмъ

явится законнымъ явленіемъ передъ судомъ исторіи *); тамъ, гдѣ онъ водворяется при другихъ условіяхъ развитія, онъ кажется намъ искаженіемъ и узурпаціею. Но исторія не согласится отнять у настоящаго Цезаря часть слѣдующихъ ему почестей потому только, что подобный приговоръ, примѣненный къ плохимъ цезарямъ, смущаетъ людскую простоту и даетъ злобѣ поводъ ко лжи и обману. Исторія таже Библія и, если она, подобно Библіи, не можетъ помѣшать тому, чтобы глупцы не понимали ее ложно, и чтобъ дьяволъ не ссылался на нее при случаѣ, то и она, подобно Библіи же, будетъ въ состояніи все вынести и за все воздать.

Положеніе новаго главы государства формально опредѣляется прежде всего терминомъ диктатуры. Цезарь принялъ на себя диктатуру сначала по возвращеніи изъ Испаніи въ 705 году, но снова сложилъ ее съ себя чрезъ нѣсколько дней и велъ важный походъ 706 года просто въ званіи консула,—это была та должность, по поводу замѣщенія которой прежде всего вспыхнула междоусобная война. Осенью того же года, вслѣдъ за фарсальской битвой, онъ однако снова вернулся къ диктатурѣ и добился того, чтобы она была вторично передана ему, сначала на неопредѣленное время, съ 1 же января 709 года въ видѣ годовой должности, а вслѣдъ за тѣмъ, въ январѣ или февралѣ 710 года, *) на все продолженіе его жизни, такъ что подъ конецъ онъ пересталъ поминать о срочности своей должности и формально выразилъ ея пожизненность въ своемъ новомъ титулѣ dictator perpetuus. Эта диктатура, какъ первая, эфемерная, такъ и вторая, прочная, не была диктатурою въ духѣ старинной конституціи, а высшей, экстраординарной должностью по образцу сулловой, только по имени схожей съ старинной формой. Это была должность, полномочія которой опредѣлялись не конституціонными правилами, касающимися единоличной власти, а особымъ народнымъ рѣшеніемъ, постановившимъ, что лицо, занимающее эту должность, получаетъ по вопросу объ установленіи законовъ и устройству общиннаго быта юридически неограниченное полномочіе, упраздняющее республиканское раздѣленіе власти. Если диктатору поручается особыми актами право рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ, не Диктатура.

*) Когда эти строки были написаны, въ 1857 году, невозможно было предвидѣть, какъ скоро, благодаря самой страшной борьбѣ и славной побѣдѣ, когда либо ознаменовавшей лѣтописи человѣчества, оно будетъ избавлено отъ этого тяжкаго испытанія и за нимъ въ будущемъ навсегда обезпечится безусловная, самоопредѣляющаяся свобода, надолго затормозить которую не въ силахъ будетъ никакой мѣстный цезаризмъ.

**) 26 января 710 года Цезарь называется еще dictator IIII (на тріумфальной таблицѣ); 15 февраля того же года онъ уже былъ dictator perpetuus (Cicero, Philipp., 2, 34, 87). Сравни мое „Гос. право", 2, 696.

спросясь ни сената, ни народа, право самостоятельно располагать войскомъ и кассою, назначать провинціальныхъ намѣстниковъ, то это является лишь примѣненіемъ этого общаго правила къ частному случаю; даже такія полномочія, которыя находились внѣ области магистратуры, даже внѣ административной власти вообще, Цезарь могъ присвоить себѣ по праву; съ его стороны является настоящей уступкой, что онъ отказался отъ назначенія членовъ магистратуры вмѣсто комицій и ограничился, по отношенію къ нѣкоторому числу преторовъ и низшихъ судебныхъ властей тѣмъ, что присвоилъ себѣ существенно связывавшее избирателей право предложенія кандидатовъ; точно также онъ добился особаго народнаго постановленія, которое уполномочивало его назначать новыхъ патриціевъ, что вообще не допускалось существовавшими обычаями.

Другія должности и прерогативы.

Рядомъ съ такой диктатурой не оставалось и мѣста для другихъ должностей. Цезарь никогда не бралъ на себя цензуру, *) но въ широкихъ размѣрахъ пользовался правами цензоровъ, именно важнѣйшимъ изъ нихъ,—правомъ назначенія сенаторовъ.—Консульство онъ часто соединялъ съ диктатурой, однажды занимая постъ консула безъ всякихъ товарищей, но вовсе не желалъ надолго закрѣпить его за собой и никогда не давалъ ходу предложеніямъ принять его на пять или даже на десять послѣдовательныхъ лѣтъ.— Главный надворъ за культомъ Цезарю не приходилось принимать на себя, такъ какъ онъ уже былъ первосвященникомъ. Понятно, что ему выпало на долю и званіе члена въ коллегіи авгуровъ, да и вообще множество старинныхъ и новыхъ почетныхъ правъ, какъ наприм. титулъ отца отечества, наименованіе мѣсяца, въ который онъ родился, его именемъ, сохранившееся до сихъ поръ (іюль), и другія выраженія зарождавшагося придворнаго тона, впадавшія уже въ пошлое обоготвореніе. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія лишь два нововведенія, именно тѣ, что Цезарь во первыхъ по исключительной личной неприкосновенности былъ приравненъ къ народнымъ трибунамъ, и во-вторыхъ, что наименованіе его императоромъ было навсегда прикрѣплено къ его личности и стало у него титуломъ наравнѣ съ прочими обозначеніями его должностей **).

Для вдумчиваго наблюдателя не нужно доказательствъ того, что Цезарь имѣлъ въ виду ввести въ государствѣ верховную власть, и не на нѣсколько лишь лѣтъ или въ качествѣ личной его власти,

*) При мотивированіи диктатуры повидимому было ясно указано на „исправленіе нравовъ"; но соотвѣтствующей должности Цезарь никогда не занималъ. (Гос. пр., 2, 665).

**) Цезарь всегда носилъ наименованіе imperator безъ означенія цифрою послѣдовательнаго порядка, и притомъ всегда прежде всѣхъ другихъ титуловъ (Гос. пр., 2, 726. А., 3).

на неопредѣленный срокъ, какъ бы по примѣру суллова регентства, но какъ существенный и постоянный органъ; не нужно также доказывать, что для этого новаго учрежденія онъ пріискалъ и соотвѣтствующее, несложное наименованіе, — потому что почти столь же ошибочно было бы создавать слова, лишенныя содержанія, какъ и оставлять полноту власти безъ всякаго наименованія. Конечно, въ такую переходную эпоху преходящія и постоянныя созиданія не вполнѣ ясно разнятся одни отъ другихъ, и благоговѣніе клевретовъ передъ своимъ повелителемъ, предупреждавшее каждое его мановеніе, осыпало его цѣлымъ дождемъ выраженій довѣрія и льстивыхъ законопроектовъ, и поэтому не легко выяснить, какую окончательную формулу Цезарь имѣлъ въ виду. Новая монархія всего менѣе могла быть совмѣщена съ консульствомъ, уже въ силу коллегіальности, трудно отдѣлимой отъ этой должности; Цезарь очевидно заботился объ томъ, чтобъ превратить эту дотолѣ высочайшую власть въ пустой титулъ, и впослѣдствіи, когда онъ принялъ ее на себя, онъ не удержалъ ее въ теченіе цѣлаго года, но до истеченія срока передалъ ее второстепеннымъ личностямъ. Диктатура въ практическихъ дѣлахъ выступала все чаще и опредѣленнѣе на первый планъ, но вѣроятно лишь потому, что Цезарь хотѣлъ воспользоваться ею въ томъ смыслѣ, который она имѣла изстари въ конституціонномъ организмѣ, т. е. какъ чрезвычайнымъ полномочіемъ для преодолѣнія чрезвычайныхъ же кризисовъ. Какъ поддержка новой монархіи, она могла быть пригодна, такъ какъ за нею уже закрѣпился характеръ исключительнаго и непопулярнаго учрежденія, и представителю демократіи врядъ ли можетъ быть приписана мысль избрать для цѣлей прочной организаціи ту форму, которую передовой и геніальный боецъ противной партіи создалъ для своихъ цѣлей.

Цезарь императоръ.

Несравненно пригоднѣе для обозначенія монархіи было званіе императора, уже потому, что въ этомъ примѣненіи оно является новымъ *), и не видно никакого внѣшняго повода для введенія его. Новое вино не влили въ старые мѣхи: для возникающаго дѣла придумано было и новое слово и въ немъ совмѣщено наиболѣе выразительнымъ образомъ то, что съ меньшей опредѣленностью формулировано было демократической партіею еще въ габиніевомъ законѣ, какъ сущность власти ея верховнаго вождя: сосредоточеніе и непрерывность правительственной власти (imperium) въ рукахъ народнаго вождя, независимаго отъ сената. Точно также и на цезаревыхъ монетахъ, особенно изъ послѣдняго времени, мы встрѣчаемъ наряду съ званіемъ диктатора предпочтительно императорскій титулъ,

*) Во время республики титулъ императора, обозначавшій побѣдоносснаго полководца, слагался подъ конецъ похода; какъ постоянное наименованіе, онъ является впервые лишь у Цезаря.

а въ цезаревомъ законѣ о политическихъ преступленіяхъ монархъ обозначенъ прямо подъ этимъ наименованіемъ. Послѣдующее же время, хотя и несразу, закрѣпило монархію за императорскимъ титуломъ. Для того, чтобъ придать этому новому сану и демократическую и религіозную санкцію, Цезарь имѣлъ, вѣроятно, въ виду соединить съ нимъ разъ навсегда частью власть трибуна, частью первосвященство.—Не подлежитъ сомнѣнію, что новая организація не ограничивалась только предѣлами жизни ея учредителя; но онъ не достигъ, однако, упроченія труднаго вопроса о престолонаслѣдіи, и остается неразъясненнымъ, имѣлъ ли онъ въ виду установленіе какой нибудь формы для избранія преемника, какъ это было въ ходу въ первоначальный царскій періодъ, или же намѣревался онъ ввести для высшей власти и пожизненность, и наслѣдственность, какъ впослѣдствіи утверждалъ это его пріемный сынъ *). Не лишено вѣроятія, что онъ имѣлъ въ виду въ извѣстной степени соединить обѣ системы, и въ такомъ духѣ регулировать наслѣдство, какъ это сдѣлали Кромвель и Наполеонъ,—признавъ, что преемникомъ властителя является его сынъ, если же такого сына нѣтъ или онъ не признаетъ его достойнымъ престола, наслѣдника назначаетъ по свободному выбору и путемъ усыновленія самъ властитель.

Съ точки зрѣнія государственнаго права новая власть императора опиралась на полномочія, предоставлявшіяся консуламъ или проконсуламъ за предѣломъ городской земли, такъ что и главное военное начальство, высшая судебная и, стало быть, и административная власть совмѣщались въ ней **). Но власть императора въ качест-

*) То обстоятельство, что при жизни Цезаря власть императора, равно какъ и первосвященство, были обезпечены въ наслѣдственномъ порядкѣ посредствомъ формальнаго законодательнаго акта за его нисходящимъ потомствомъ, прямымъ или же пріемнымъ,— выставлялось Цезаремъ-сыномъ какъ право его на власть. По смыслу дошедшихъ до насъ традицій нельзя не отрицать рѣшительно существованія подобнаго закона или сенатскаго постановленія; остается все таки возможнымъ, что Цезарь могъ имѣть въ виду изданіе такого закона; см. Staatsr., 2, 744, 1052.

**) Распространенное мнѣніе, видящее во власти императора только пожизненное пользованіе властью главнаго земскаго полководца, не оправдывается ни значеніемъ этого слова, ни объясненіемъ его древними авторами. Imperium означаетъ повелѣвающую власть, imperator—обладателя ея; въ этихъ словахъ, равно какъ и въ соотвѣтствующихъ греческихъ выраженіяхъ κράτος, αὐτοκράτωρ, такъ мало соотношенія съ чисто военнымъ дѣломъ, что наиболѣе характеристическою чертой въ римской правительственной власти, тамъ гдѣ она является въ наибольшей полнотѣ, служитъ то, что она совмѣщаетъ въ себѣ, какъ нѣчто недѣлимое, и войну и процессъ, т. е. военную и гражданскую верховно-повелѣвающую власть. Совершенно вѣрно говоритъ Діонъ (53, 17; срав. 43, 44. 52, 41), что званіе императора было принято государями „для указанія на полноту своей власти,

венномъ отношеніи потому уже превосходила власть консуловъ и проконсуловъ, что не была ограничена ни временемъ, ни мѣстомъ, но отправлялась пожизненно и притомъ въ самой столицѣ — *), что императоръ не былъ стѣсненъ подобно консулу сотрудничествомъ одинаково могущественныхъ сотоварищей,—и что передъ императоромъ пали всѣ введенныя въ теченіе времени ограниченія первоначальной высшей правительственной власти, какъ наприм. обязательство допускать апелляцію и принимать во вниманіе представленія сената.

Возрожденіе царской власти. Чтобъ выразиться однимъ словомъ,—эта новая власть императора была ничѣмъ инымъ, какъ возстановленною древнѣйшей царской властью, такъ какъ именно эти стѣсненія, ограничивавшія время и мѣсто пользованія властью, вводившіе коллегіальность, а для извѣстныхъ случаевъ содѣйствіе совѣта или общины, и отличали консула отъ царя. Въ новой монархіи врядъ ли есть хоть одна черта, которой мы не нашли бы въ древней: соединеніе высшей военной, судебной и правительственной власти въ рукахъ государя; религіозное представительство всего населенія въ его лицѣ; право издавать повелѣнія, имѣющія обязательную силу; низведеніе сената до значенія государственнаго совѣта, возрожденіе патриціата и городской префектуры. Но еще разительнѣе, чѣмъ эти аналогіи, является внутренняя однородность монархіи Сервія Туллія съ монархіей Цезаря; если древніе цари римскіе при всемъ ихъ полновластіи были все таки повелителями свободной общины и къ тому же прямо являлись

въ отличіе отъ царскаго или диктаторскаго титула (πρὸς δήλωσιν τῆς αὐτοτελοῦς σφῶν ἐξουσίας, ἀντὶ τῆς τοῦ βασιλέως τοῦ τε δικτάτωρος ἐπικλήσεως) — потому что эти древнѣйшіе титулы исчезли, въ самой же сущности званіе императора даетъ тѣ же самыя прерогативы (τὸ δὲ δὴ ἔργον αὐτῶν τῇ τοῦ αὐτοκράτορος προσηγορίᾳ βεβαιοῦνται), наприм. право набирать воиновъ, назначать налоги, объявлять войну и заключать миръ, пользоваться высшей властью надъ гражданами и иными личностями въ государствѣ и внѣ его, и каждаго изъ нихъ вездѣ наказывать смертью или другой карой, и вообще присвоивать себѣ права, связанныя съ высшей властью въ древнѣйшую пору". Трудно, конечно, сказать яснѣе, что imperator ничто иное какъ синонимъ слова rex, точно также какъ imperare и regere совпадаютъ.

*) Когда Августъ, учреждая принципатъ, снова возстановилъ цезаревъ Imperium, то при этомъ была введена оговорка, что онъ долженъ быть ограниченъ и въ территоріальномъ отношеніи, а отчасти и во времени; проконсульская власть императоровъ, которая есть ничто иное, какъ этотъ imperium, не должна была примѣняться къ Риму и Италіи (Гос. право, 2, 823), и даже сложеніе этой власти было первоначально также допущено (тамъ же, 2, 769). На этихъ двухъ моментахъ основано существенное различіе цезарева имперіума и августова принципата, и напротивъ того на несовершенномъ, и въ принципѣ и на дѣлѣ, осуществленіи этихъ оговорокъ основано реальное сходство обоихъ учрежденій.

заступниками за низшіе классы передъ дворянствомъ, то и Цезарь вовсе не являлся упразднить свободу, но дополнить ее, и прежде всего сломить невыносимый гнетъ аристократіи. Насъ не должно также удивлять, что Цезарь, всего менѣе отличавшійся антикварнымъ направленіемъ въ политикѣ, обратилъ свои взоры за полъ-тысячелѣтія назадъ для того, чтобы найти образецъ для своего новаго государства; такъ какъ высшая власть въ римскомъ государствѣ во всѣ времена оставалась въ сущности королевскою, и ограничена была лишь нѣкоторыми спеціальными законами, то и самое понятіе о царской власти вовсе не утратилось совершенно. Во время республики, въ самыя различныя эпохи и съ различныхъ сторонъ,—и въ учрежденіи власти децемвировъ, и въ диктатурѣ Суллы и самого Цезаря, на практикѣ возвращались къ этому понятію; даже съ извѣстной логической необходимостью вездѣ, гдѣ сказывалась потребность въ исключительныхъ полномочіяхъ, выдвигался въ противоположность обыкновенной власти неограниченный импеpiумъ, который именно и былъ царской властью. Наконецъ и внѣшнія побужденія указывали на пользу возвращенія къ древнему царскому правленію. Человѣчество съ несказаннымъ трудомъ доходитъ до совершенно новыхъ учрежденій и поэтому относится къ развитымъ уже формамъ какъ къ священному наслѣдію. Въ этихъ видахъ и Цезарь съ глубокой обдуманностью такъ же примкнулъ къ примѣру Сервія Туллія, какъ впослѣдствіи это сдѣлалъ Карлъ Великій по отношенію къ нему самому, и какъ Наполеонъ по крайней мѣрѣ старался опереться на примѣръ Карла Великаго. Онъ не сдѣлалъ этого окольными путями или тайно, а напротивъ, подобно своимъ преемникамъ, по возможности открыто, такъ какъ цѣлью этого сближенія было найти ясную, національную и популярную формулу для новаго государства. Съ древнихъ временъ въ Капитоліи стояли статуи тѣхъ семи царей, о которыхъ упоминаетъ традиціонная исторія Рима; Цезарь приказалъ соорудить рядомъ съ ними восьмую статую, свою собственную. Онъ появлялся публично въ костюмѣ древнихъ царей Альбы. Въ его новомъ законѣ о политическихъ преступленіяхъ главное уклоненіе отъ закона Суллы заключалось въ томъ, что вмѣстѣ съ народною общиною и наряду съ нею упоминался и императоръ, какъ живое и олицетворенное воплощеніе народа. Въ формулѣ, принятой для политической присяги, рядомъ съ Юпитеромъ и пенатами римскаго народа упоминался и геній императора. По мнѣнію, господствовавшему во всемъ древнемъ мірѣ, внѣшнимъ признакомъ монархіи служило изображеніе монарха на монетахъ; съ 710 года на монетахъ римскаго государства стала появляться голова Цезаря. Благодаря всему этому, нельзя было по крайней мѣрѣ жаловаться на то, чтобы Цезарь оставлялъ массу въ неизвѣстности относительно значенія своей роли. Онъ, какъ можно формальнѣе и опредѣленнѣе, выступалъ не только, какъ монархъ,

но именно, какъ римскій царь. Возможно даже, хотя это и не вполнѣ правдоподобно и во всякомъ случаѣ имѣетъ только второстепенное значеніе, что онъ замышлялъ назвать свою должностную власть не новымъ именемъ императора, а просто древнимъ царскимъ именемъ *). Еще при жизни его многіе изъ его враговъ и даже друзей были того мнѣнія, что онъ имѣлъ намѣреніе добиться для себя титула римскаго царя; нѣкоторые изъ его ревностныхъ приверженцевъ давали ему, въ разное время и разными путями, возможность надѣть на себя корону; всего поразительнѣе сдѣлалъ это Маркъ Антоній, который въ качествѣ консула, предложилъ Цезарю діадему передъ лицемъ всего народа (15 февраля 710 года). Но Цезарь отвергъ всѣ эти предложенія безъ исключенія. Если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалъ и тѣхъ, которые пользовались этими событіями для цѣлей республиканской оппозиціи, то изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ заключать, что его отказъ былъ не серьозенъ. Тѣже, которые думаютъ, что предложенія эти дѣлались по его требованію, для того чтобы пріучить толпу къ непривычному зрѣлищу римской діадемы, совершенно не понимаютъ громадной силы того оппозиціоннаго настроенія, съ которымъ приходилось считаться Цезарю, и которое не могло сдѣлаться уступчивѣе отъ такого явнаго признанія Цезаремъ его значенія, а напротивъ стало бы, благодаря этому, только на болѣе твердую почву.

---

*) Относительно этого вопроса можно спорить; что же касается мнѣнія, будто Цезарь хотѣлъ управлять Римлянами въ качествѣ императора, не Римлянами же въ качествѣ царя (rex), то оно должно быть просто отвергнуто. Мнѣніе это опирается единственно на разсказъ о томъ, что въ сенатскомъ засѣданіи, во время котораго былъ убитъ Цезарь, одинъ изъ жрецовъ-оракуловъ, Люцій Котта, долженъ былъ, будто-бы, сообщить изреченіе сивиллы, гдѣ говорилось, что Парояне могутъ быть побѣждены только „царемъ", и что вслѣдствіе этого Цезарю должна быть предложена царская власть надъ римскими провинціями. Разсказъ этотъ дѣйствительно переходилъ изъ устъ въ уста непосредственно послѣ смерти Цезаря. Но онъ не только не встрѣчаетъ нигдѣ даже косвеннаго подтвержденія, но прямо называется ложнымъ у современника Цезаря, Цицерона (de div., 2, 54, 119) и сообщается позднѣйшими историками, въ особенности Светоніемъ (79) и Діономъ (44, 15) только, какъ слухъ, за который они отнюдь не ручаются. Разсказъ этотъ далеко не становится болѣе правдоподобнымъ оттого, что Плутархъ (Брутъ, 60, 64.—Цез., 10) и Аппіанъ (b. c., 2, 110) повторяютъ его, по своему обыкновенію, первый въ видѣ анекдота, второй—прагматически. Разсказъ этотъ не только не доказанъ, но и невозможенъ по внутреннему содержанію. Если даже оставить въ сторонѣ то, что Цезарь обладалъ слишкомъ большимъ умомъ и политическимъ тактомъ, для того чтобы по примѣру олигарховъ рѣшать важные государственные вопросы съ помощью махинацій оракуловъ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ желать формально и юридически раздробить то самое государство, которое онъ хотѣлъ во всемъ нивеллировать.

Лишь непрошенное рвеніе страстныхъ приверженцевъ могло дать поводъ къ этимъ сценамъ; возможно и то, что Цезарь допустилъ или даже подготовилъ эту сцену съ Антоніемъ для того, чтобы своимъ отказомъ отъ царскаго титула, послѣдовавшимъ передъ глазами всего гражданства, занесеннымъ, по его личному приказу, въ государственныя записи, и отъ котораго, слѣдовательно, не такъ-то легко было отступиться, покончить возможно гласнымъ образомъ съ этой неудобной сплетней. Гораздо вѣроятнѣе, что Цезарь, хорошо понимавшій какъ цѣну уже употребительной формулы, такъ и антипатію толпы, болѣе относившуюся къ названію, чѣмъ къ самой сути вопроса, рѣшился избѣгать слова «царь», надъ которымъ издревле тяготѣло какое-то проклятіе и которое современнымъ ему Римлянамъ казалось болѣе пригоднымъ для восточныхъ деспотовъ, чѣмъ для ихъ же собственнаго Нумы и Сервія, и рѣшился присвоить себѣ сущность царской власти подъ титуломъ императора.

Новый дворъ. Какъ бы то ни было, какая бы окончательная форма титула ни имѣлась въ виду, властелинъ уже былъ на лицо, и немедленно сталъ складываться и дворъ, съ облигатною пышностью, отсутствіемъ вкуса и пустотой. Цезарь появлялся публично не въ обрамленномъ красной полосою консульскомъ одѣяніи, а въ пурпуровомъ, считавшемся въ древности царскимъ, и принималъ, не вставая съ своего золотого сѣдалища, торжественное шествіе сената. Празднества въ честь дней его рожденія, побѣдъ и принесенія имъ присяги наполняли собою календарь. Когда Цезарь отправлялся въ столицу, ему на встрѣчу выходили на далекое разстояніе толпы его знатнѣйшихъ слугъ. Близость къ нему получила такое значеніе, что наемная плата въ обитаемомъ имъ кварталѣ значительно поднялась. Благодаря массѣ людей, тѣснившихся къ аудіенціи, личныя сношенія съ Цезаремъ были такъ затруднены, что даже съ приближенными онъ часто принужденъ былъ сноситься письменно, и знатнѣйшіе люди были поставлены въ необходимость по цѣлымъ часамъ ждать въ его прихожей. Яснѣе, чѣмъ того желалъ самъ Цезарь, всѣ чувствовали, что они приходили уже не къ согражданину.

Новая аристократія патриціевъ. Начинала складываться монархическая аристократія, которая представляла странную смѣсь стараго съ новымъ и возникла подъ вліяніемъ мысли о необходимости затемнить олигархическую знать царскою, дворянъ—патриціями. Классъ патриціевъ, хотя и безъ существенныхъ сословныхъ преимуществъ, все еще существовалъ въ видѣ замкнутой дворянской гильдіи, но, не имѣя права принимать въ свой составъ новые роды, онъ все болѣе и болѣе вымиралъ съ теченіемъ вѣковъ. Въ эпоху Цезаря существовало не болѣе пятнадцати или шестнадцати родовъ патриціевъ. Цезарь, самъ происшедшій отъ одного изъ нихъ, добился народнаго постановленія, которое давало императору власть создавать новые роды патриціевъ, и осно-

валъ въ противоположность республиканской знати новую аристократію, представлявшую самое счастливое сочетаніе всѣхъ условій, необходимыхъ для монархической аристократіи, именно, обаяніе сѣдой старины, полнѣйшую зависимость отъ правительства и совершеннѣйшее ничтожество. Новая власть проявляла свое вліяніе во всѣхъ направленіяхъ.

При такомъ дѣйствительно неограниченномъ монархѣ едва ли могла быть рѣчь о конституціи, а тѣмъ менѣе о продолженіи прежняго республиканскаго строя, опиравшагося на законное совмѣстное дѣйствіе гражданства, сената и отдѣльныхъ должностныхъ лицъ. Цезарь весьма опредѣленно вернулся къ традиціямъ царской эпохи; собранія гражданъ остались тѣмъ, чѣмъ они были и во времена царей, т. е. они являлись рядомъ съ царемъ и вмѣстѣ съ нимъ высшимъ и послѣднимъ выраженіемъ верховной и народной воли; сенатъ былъ опять возвращенъ къ своему первоначальному назначенію, давать повелителю совѣты по его требованію; самъ же властелинъ снова сосредоточилъ въ своемъ лицѣ всю совокупность административной власти, такъ что рядомъ съ нимъ не было другого самостоятельнаго должностного лица,—такъ же мало, какъ и во время царей древнѣйшей эпохи.

Законодательство.

Что же касается законодательства, то въ этомъ отношеніи демократическій монархъ твердо держался стародавняго параграфа римскаго государственнаго права, въ силу котораго одна только народная община, вмѣстѣ съ созвавшимъ ее царемъ могла органически регулировать общественныя дѣла, и всегда узаконяла свои существенныя постановленія народнымъ голосованіемъ. Невозможно было, конечно, вдохнуть въ такъ называемыя комиціи того времени независимую силу и нравственно-административный авторитетъ, свойственный заявленію согласія или отказу древнихъ корпорацій; участіе гражданъ въ дѣлѣ законодательства, весьма ограниченное при старой конституціи, но дѣйствительно живое, сдѣлалось при новомъ порядкѣ въ практическомъ отношеніи пустымъ звукомъ. Для этого не требовалось даже особыхъ ограничивающихъ мѣропріятій противъ комицій; многолѣтній опытъ показалъ, что съ такой чисто-формальной силою могло удобно ужиться каждое правительство, какъ олигархія, такъ и монархъ. Только въ той мѣрѣ, поскольку эти цезаревы комиціи служили для удержанія принципа народнаго владычества и для энергическаго протеста противъ султанизма, онѣ были важнымъ пунктомъ въ правительственной системѣ Цезаря и имѣли большое, хотя и не непосредственное значеніе. Но рядомъ съ этимъ (и это доказано не только ясно, но и вполнѣ опредѣленно) былъ возобновленъ именно самимъ Цезаремъ, а не его преемниками, и другой параграфъ

Значеніе указовъ.

древнѣйшаго государственнаго права, гласившій, что то, что приказано высшимъ или, вѣрнѣе, единственнымъ должностнымъ лицомъ,

имѣетъ безусловное значеніе, пока лицо это остается въ своемъ званіи, что право издавать законъ хотя и принадлежитъ, сообща царю и гражданамъ, но что царскія постановленія равны закону по крайней мѣрѣ до удаленія лица, ихъ издавшаго.

Сенатъ въ роли монархическаго государственнаго совѣта.

Царь-демократъ допускалъ народную общину по крайней мѣрѣ хоть къ внѣшнему участію въ дѣлахъ администраціи, но онъ отнюдь не имѣлъ намѣренія раздѣлять свою власть съ прежнимъ правительствомъ, съ сенатскою коллегіею. Цезаревъ сенатъ въ противоположность позднѣйшему сенату Августа долженъ былъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только высшимъ государственнымъ совѣтомъ, которымъ онъ пользовался для предварительнаго обсужденія законовъ и для обнародованія важнѣйшихъ административныхъ мѣръ черезъ него или хоть отъ его имени, такъ какъ случалось иногда, что появлялись сенатскія постановленія, о которыхъ не имѣли никакого понятія тѣ изъ сенаторовъ, на которыхъ указывали, какъ на присутствовавшихъ при редактированіи закона. Вернуть сенатъ къ его первоначальной совѣщательной роли, изъ которой онъ вышелъ скорѣе фактически, чѣмъ юридически, не представляло большихъ формальныхъ трудностей; за то здѣсь было необходимо уберечься отъ сопротивленія, такъ какъ римскій сенатъ былъ такимъ же очагомъ оппозиціи противъ Цезаря, какимъ былъ аттическій ареопагъ противъ Перикла. По этой причинѣ, главнѣйшимъ образомъ, число сенаторовъ, въ нормальномъ составѣ своемъ не превышавшее шести сотъ, и значительно уменьшившееся, благодаря послѣднимъ кризисамъ, было экстраординарнымъ пополненіемъ доведено до девяти сотъ, и одновременно съ этимъ, для удержанія его на этой высотѣ, число ежегодно назначаемыхъ квесторовъ, т. е. членовъ, ежегодно вступавшихъ въ сенатъ, было увеличено съ двадцати до сорока *). Это чрезвычайное пополненіе сената было предпринято монархомъ единолично. Во время же обычнаго пополненія онъ обезпечилъ за собою прочное вліяніе тѣмъ, что обязалъ избирательныя коллегіи особымъ закономъ **) подавать голосъ за первыхъ двадцать соискателей квесторской должности, снабженныхъ отъ монарха рекомендательными письмами; кромѣ того ему предоставлялась свобода давать почетныя права, связанныя съ квестурою или другою болѣе важною должностью, стало быть, и мѣста въ сенатѣ даже лицамъ, не правоспособнымъ въ этомъ отношеніи. Понятно, что экстраординарные дополнительные выборы падали главнымъ образомъ на приверженцевъ новаго порядка и вводили въ эту

*) На основаніи приблизительнаго счисленія это составило бы среднимъ числомъ отъ 1000 до 1200 сенаторовъ.

**) Законъ этотъ касался, правда, только выборовъ на 711 и 712 годы (Гос. право, 2, 709); но нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе это должно было быть прочнымъ.

знатную корпорацію, наряду съ уважаемыми всадниками, и много сомнительныхъ личностей или плебеевъ; сюда попадали прежніе сенаторы, вычеркнутые изъ списка по приказанію цензоровъ или вслѣдствіе приговора суда, иноземцы изъ Испаніи и Галліи, которые зачастую только въ сенатѣ научались говорить по латыни, прежніе младшіе офицеры, до той поры не имѣвшіе даже всадническаго перстня, сыновья вольноотпущенныхъ или такихъ людей, которые занимались позорными ремеслами, и много другихъ подобныхъ элементовъ. Замкнутые кружки дворянства, въ которыхъ это измѣненіе персонала сенаторовъ естественно возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе, увидали въ этомъ намѣренное униженіе самого учрежденія. Но на такую самоуничтожающуюся политическую мудрость Цезарь не былъ способенъ; онъ въ такой же степени рѣшилъ про себя, что не дастъ совѣту руководить собой, какъ убѣжденъ былъ въ необходимости этого учрежденія. Поэтому они вѣрнѣе разгадали бы въ этомъ образѣ дѣйствій намѣреніе монарха отнять у сената его прежній характеръ исключительнаго представительства олигархическаго дворянства и снова сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при царяхъ: государственнымъ совѣтомъ, являющимся представителемъ всѣхъ сословій при помощи наиболѣе развитыхъ ихъ элементовъ, не исключая и низко-поставленныхъ, даже чужестранцевъ (подобно царямъ, привлекшимъ людей не гражданскаго происхожденія въ сенатъ, и Цезарь допустилъ въ него не-Италиковъ).

Личное правленіе Цезаря.

Если этимъ путемъ правленіе дворянства было устранено и его существованіе подорвано, и сенатъ въ своемъ новомъ видѣ былъ только орудіемъ въ рукахъ монарха, то въ правленіи государства былъ въ опредѣленнѣйшей формѣ проведенъ принципъ автократіи и вся исполнительная власть была сосредоточена у монарха. Всякій сколько нибудь существенный вопросъ рѣшался прежде всего, конечно, самимъ императоромъ. Цезарь съумѣлъ ввести принципъ личнаго управленія въ такихъ размѣрахъ, которые почти непостижимы для насъ, простыхъ смертныхъ, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ не объясняются только безпримѣрною быстротою и увѣренностью его работы, а коренятся кромѣ того въ причинахъ болѣе общаго свойства. Если мы видимъ, что Цезарь, Сулла, Гай Гракхъ, вообще всѣ римскіе государственные люди обнаруживаютъ дѣятельность, превосходящую наши представленія о способности человѣка къ труду, то причина этого явленія заключается не въ перемѣнахъ, происшедшихъ съ той поры въ самой человѣческой природѣ, а въ измѣнившейся съ того времени организаціи домашняго быта. Римскій домъ былъ какъ бы машиною; хозяинъ его пользовался всѣми умственными силами своихъ рабовъ и вольноотпущенныхъ, и тотъ человѣкъ, который умѣлъ управлять этими силами, работалъ какъ бы съ помощью безчисленныхъ умовъ. Это былъ идеалъ бюрократической централизаціи, къ которому ревностно

стремится, правда, и нашъ современный конторскій духъ, оставаясь однако настолько же позади своего первообраза, какъ нынѣшнее господство капитала остается позади античной системы рабовладѣнія. Цезарь умѣлъ пользоваться этими преимуществами; тамъ, гдѣ какая либо должность требовала особаго довѣрія, онъ изъ принципа, насколько это дозволяли ему другія соображенія, поручалъ ее своимъ рабамъ, вольноотпущеннымъ, низкорожденнымъ кліентамъ. Его дѣло въ цѣломъ показываетъ, что можетъ совершить такой организаторскій геній, какимъ онъ отличался, съ подобными средствами; на вопросъ, какимъ путемъ достигались эти изумительные результаты, мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Бюрократія похожа на фабрику тѣмъ, что продуктъ труда не является принадлежностью отдѣльнаго лица, его создавшаго, а какъ бы всей фабрики, налагающей на него свое клеймо. Одно только вполнѣ ясно, именно, что Цезарь не имѣлъ ни одного помощника въ своемъ дѣлѣ, который лично вліялъ бы на его ходъ или былъ бы даже посвященъ въ его планъ; онъ не только былъ полнымъ хозяиномъ, но работалъ даже безъ товарищей, а только съ помощью наемниковъ. Въ остальномъ само собою разумѣется, что въ чисто политическихъ дѣлахъ Цезарь по возможности избѣгалъ всякой замѣны его другимъ лицомъ. Тамъ, гдѣ она становилась необходимою, такъ какъ Цезарь, въ особенности во время своихъ частыхъ отлучекъ изъ Рима, нуждался въ высшемъ органѣ, для этого избирался (что весьма характеристично) не законный намѣстникъ монарха, городской префектъ, а какое нибудь довѣренное лицо безъ оффиціально-признанныхъ полномочій, обыкновенно банкиръ Цезаря, умный и изворотливый финикійскій купецъ, Люцій Корнелій Бальбъ изъ Гадеса.

Финансовая политика. Въ дѣлѣ управленія Цезарь прежде всего думалъ о томъ, какъ бы снова взять въ свои руки ключи отъ государственной казны, которыми сенатъ завладѣлъ вслѣдъ за ниспроверженіемъ царской власти, тѣмъ самымъ присвоивъ себѣ и административную силу. Онъ хотѣлъ вручить ихъ только такимъ слугамъ, которые безусловно подчиняли свои умы ему. Частная собственность монарха оставалась, конечно, строго обособленной отъ государственныхъ имуществъ, но Цезарь взялъ въ свои руки управленіе всѣмъ финансовымъ и денежнымъ хозяйствомъ страны и велъ дѣло совершенно такъ, какъ онъ, да и всѣ знатные Римляне, управляли своимъ личнымъ состояніемъ. Взиманіе провинціальныхъ податей и завѣдываніе чеканомъ монеты должны были впредь находиться въ рукахъ рабовъ и вольноотпущенныхъ императора, съ полнымъ устраненіемъ отъ этого дѣла лицъ сенаторскаго сословія,—шагъ, весьма важный по своимъ послѣдствіямъ, изъ котораго современемъ выработалось столь важное сословіе прокураторовъ и императорскій дворъ.

Намѣстничества. Изъ числа намѣстничествъ, которыя, послѣ того, какъ завѣды-

ваніе финансовыми дѣлами перешло отъ нихъ къ новымъ императорскимъ сборщикамъ податей, сдѣлались болѣе, чѣмъ когда либо, просто военными постами, одно только египетское намѣстничество стало удѣломъ приближенныхъ монарха. Страна Нила, своеобразно изолированная въ географическомъ отношеніи и централизованная въ политическомъ, была, болѣе всякой другой области, способна прочно отдѣлиться, подъ руководствомъ опытнаго вождя, отъ центральной власти, что достаточно доказывалось во время послѣдняго кризиса неоднократными попытками со стороны вождей тѣснимыхъ италійскихъ партій укрѣпиться въ Египтѣ, Эти соображенія, вѣроятно, побудили Цезаря не превращать формально эту страну въ провинцію, а терпѣть въ ней неопасныхъ для него Лагидовъ; нѣтъ сомнѣнія, что по этой же самой причинѣ легіоны, стоявшіе въ Египтѣ, не были поручены человѣку, принадлежащему къ сенату, т. е. прежнему правительству, а что эта административная должность, подобно должностямъ сборщиковъ податей, была поручена лицу изъ челяди Цезаря. Вообще же Цезарь считалъ обязательнымъ для себя не давать начальства надъ римскими солдатами своимъ лакеямъ, какъ онъ дѣлалъ это относительно войскъ восточныхъ царей. Было принято за правило замѣщать болѣе значительныя намѣстничества бывшими консулами, меньшія же преторами; вмѣсто пятилѣтняго промежутка, предписываемаго закономъ 702 года, вступленіе въ намѣстничество, вѣроятно,по старинному обычаю, непосредственно примыкало къ концу городской служебной дѣятельности. Распредѣленіе же провинцій между правоспособными кандидатами, до той поры совершавшееся то посредствомъ постановленій народа или сената, то по соглашенію самихъ должностныхъ лицъ или по опредѣленію жребія, перешло теперь къ монарху, и такъ какъ консулы были зачастую принуждены слагать съ себя должность до окончанія года и уступать мѣсто консуламъ избраннымъ позднѣе (consules suffecti),—такъ какъ, далѣе, число ежегодно назначенныхъ преторовъ было увеличено съ осьми до шестнадцати и императору поручалось назначеніе половины изъ нихъ, равно какъ и половины всего числа квесторовъ; такъ какъ наконецъ, ему предоставлялось назначать, правда, не почетныхъ консуловъ, а только почетныхъ преторовъ и квесторовъ, то, благодаря всему этому, онъ имѣлъ для замѣщенія намѣстничествъ достаточное число пригодныхъ ему кандидатовъ. Какъ назначеніе, такъ и отозваніе намѣстниковъ были, конечно отданы на усмотрѣніе правителя; правиломъ же считалось, чтобы намѣстникъ изъ консуловъ оставался въ провинціи не болѣе двухъ лѣтъ, изъ преторовъ же—не болѣе одного года.

Городское управленіе.

Что касается, наконецъ, управленія столицею и резиденціею, то императоръ, очевидно, помышлялъ нѣкоторое время поручить и это дѣло должностнымъ лицамъ, назначеннымъ имъ самимъ такимъ же

способомъ. Онъ воскресилъ древнее городское управленіе временъ римскихъ царей; неоднократно поручалъ онъ въ свое отсутствіе завѣдываніе столицею одному или нѣсколькимъ намѣстникамъ, назначеннымъ имъ безъ спроса у народа и на неопредѣленное время; лица эти руководили занятіями всѣхъ административныхъ агентовъ и даже пользовались правомъ чеканить монету подъ собственнымъ именемъ, хотя, конечно, не съ собственнымъ изображеніемъ. Наконецъ въ 707 году и въ первые девять мѣсяцевъ 709 не было ни преторовъ, ни курульныхъ эдиловъ, ни квесторовъ. Даже консулы были назначены въ 707 г. лишь къ концу года, а въ 709 Цезарь исполнялъ эту должность одинъ, безъ всякихъ товарищей. Это похоже на попытку полнаго возобновленія въ самомъ Римѣ древней царской власти съ сохраненіемъ тѣхъ ограниченій, которыя предписывались демократическимъ прошлымъ новаго монарха,—словомъ, на попытку удержать изъ должностныхъ лицъ кромѣ личности самого царя, одного только городского префекта на время его отсутствія, да еще трибуновъ и народныхъ эдиловъ, установленныхъ для охраненія народной свободы, и снова упразднить должности консуловъ, цензоровъ, преторовъ, курульныхъ эдиловъ и квесторовъ *). Цезарь, однако, отступилъ впослѣдствіи отъ этого намѣренія; онъ не принялъ на себя царскаго титула и не уничтожилъ тѣхъ почетныхъ названій, которыя были такъ тѣсно связаны съ славною исторіею республики. Консуламъ, преторамъ, эдиламъ, трибунамъ и квесторамъ оставлены были въ сущности ихъ прежнія формальныя полномочія, но положеніе ихъ было тѣмъ не менѣе вполнѣ иное. Основной политическій принципъ республики заключался въ томъ, что римское государство считалось какъ бы воплотившимся въ городѣ Римѣ, и вслѣдствіе этого на городскихъ муниципальныхъ чиновниковъ смотрѣли сплошь какъ на чиновниковъ государственныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ отпало въ эпоху царствованія Цезаря и это послѣдствіе; римскіе чиновники составляли съ той поры только первый изъ числа многочисленныхъ муниципалитетовъ государства и въ особенности консульство сдѣлалось чисто почетнымъ званіемъ, сохранившимъ нѣкоторое практическое значеніе, только благодаря связанной съ нимъ надеждѣ на высшее намѣстничество. Римскую общину постигла благодаря Цезарю та участь, которую сама она привыкла пріуготовлять покореннымъ народамъ; ея владычество надъ римскимъ государствомъ превратилось въ ограниченную коммунальную свободу въ предѣлахъ римской державы. Мы уже упоминали о томъ, что число преторовъ

*) Отсюда проистекаетъ осторожность при упоминаніи этихъ должностей въ законахъ Цезаря: cum censor aliusve quis magistratus Romae populi censum aget (I, Jul. mun. Z. 144). praetor isve quei Romae iure deicundo praerit (часто въ l. Rubr.); quaestor urbanus queive aerario praerit (l. Iul. mun. Z. 37).

и квесторовъ было удвоено; тоже самое сдѣлано было и относительно народныхъ эдиловъ, къ которымъ было прибавлено еще два новыхъ хлѣбныхъ эдила (aediles Ceriales), для надзора за городскимъ продовольствіемъ. Замѣщеніе этихъ должностей осталось въ рукахъ общины, и относительно консуловъ, быть можетъ даже и народныхъ трибуновъ и эдиловъ, право это было неограничено. Было уже говорено о томъ, что за императоромъ осталось связывавшее избирателей полномочіе предлагать половину всѣхъ ежегодно избираемыхъ преторовъ, курульныхъ эдиловъ и квесторовъ. Вообще же издавна священный палладіумъ народной свободы оставался неприкосновеннымъ, что, однако, не мѣшало Цезарю принимать серьозныя мѣры противъ того или другого непокорнаго народнаго трибуна, даже смѣщать его и вычеркивать его имя изъ списка сенаторовъ. Благодаря тому, что императоръ былъ во всѣхъ общихъ и важнѣйшихъ вопросахъ своимъ собственнымъ министромъ, что онъ управлялъ финансами чрезъ своихъ слугъ, войскомъ при посредствѣ адъютантовъ, что древнія республиканскія государственныя должности снова были превращены въ общинныя должности города Рима, благодаря всему этому самодержавіе было достаточно упрочено.

Государственная церковь.

Что же касается духовной іерархіи, то хотя Цезарь и относительно этой части государственнаго управленія издалъ подробный законъ, но не сдѣлалъ въ ней однако существенныхъ нововведеній, кромѣ того развѣ, что соединилъ въ лицѣ правителя и первосвященство и вообще званіе члена высшихъ жреческихъ коллегій; съ этимъ отчасти находится въ связи и то, что въ каждой изъ трехъ высшихъ коллегій было учреждено по одному новому мѣсту, въ четвертой же три новыхъ мѣста. Если до этого времени римская государственная церковь служила опорой господствующей олигархіи, то она могла служить такую же службу и новой монархіи. Консервативная политика сената въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ перешла къ новымъ римскимъ царямъ; когда строго консервативный Варронъ обнародовалъ около этого времени свои «Древности религіозныя», главную основу римскаго государственнаго богословія, то онъ имѣлъ право посвятить ихъ первосвященнику Цезарю. Тусклый блескъ, который въ ту пору еще въ состояніи была издавать религія Юпитера, освѣтилъ вновь учрежденный престолъ, и старая народная вѣра, въ послѣдніе періоды своего бытія, стала орудіемъ цезарева папизма, правда, въ самомъ корнѣ своемъ слабаго и безсодержательнаго.

Царская юрисдикція.

Въ дѣлахъ судебныхъ была прежде всего возстановлена старинная царская юрисдикція. Подобно тому, какъ первоначально царь былъ судьею въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, и не былъ въ зависимости въ первомъ случаѣ отъ народныхъ постановленій, какъ милующей инстанціи, во второмъ же случаѣ отъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ присяжными, — такъ и Цезарь признавалъ за

собой право привлекать уголовныя дѣла и частные процессы на свое единственное и окончательное рѣшеніе, и вершить ихъ или лично, или же, въ случаѣ своего отсутствія, при помощи городского намѣстника. Дѣйствительно мы видимъ его, совершенно въ духѣ старыхъ царей, или публично творящимъ судъ на столичномъ рынкѣ по обвиненіямъ римскихъ гражданъ въ государственной измѣнѣ или же возсѣдающимъ для суда въ своемъ домѣ, когда въ той же измѣнѣ обвинялись подручные государи; такимъ образомъ предпочтеніе, которымъ римскіе граждане естественно пользовались въ сравненіи съ прочими подданными царя, въ эту пору повидимому заключалось лишь въ публичности судопроизводства. Впрочемъ эта снова возрожденная роль верховнаго судьи, хотя Цезарь и пользовался ею съ безпристрастіемъ и осмотрительностью, могла по существу дѣла примѣняться на дѣлѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Удержаніе прежняго судопроизводства.

Для обыкновеннаго теченія правосудія въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ въ существенныхъ чертахъ удержалось на ряду съ этимъ новымъ порядкомъ и прежнее республиканское судопроизводство. Уголовныя дѣла и теперь рѣшались въ различныхъ коммиссіяхъ присяжныхъ, компетентныхъ по отдѣльнымъ видамъ преступленій, гражданскія же дѣла—частью наслѣдственнымъ или такъ называемымъ сточленнымъ судомъ, частью же одиночными присяжными; руководство судопроизводствомъ, какъ и до той поры, принадлежало въ столицѣ главнымъ образомъ преторамъ, въ провинціяхъ же намѣстникамъ. Точно также и политическія преступленія остались и при монархіи подъ вѣдѣніемъ коммиссіи присяжныхъ; новый уставъ, данный ей Цезаремъ, точно опредѣлилъ наказуемыя закономъ преступленія и притомъ въ духѣ либеральномъ, чуждомъ всякаго преслѣдованія убѣжденій, и въ качествѣ кары установлялъ не смертную казнь, а изгнаніе. Въ отношеніи выбора присяжныхъ, которыхъ сенаторская партія хотѣла избирать исключительно изъ членовъ сената, а строгіе послѣдователи Гракха— исключительно изъ всадничества, Цезарь, оставаясь вѣрнымъ принципу соглашенія партій, удержалъ точку зрѣнія примирительнаго закона Котты, впрочемъ съ измѣненіемъ, подготовленнымъ, вѣроятно, еще помпеевымъ закономъ 699 года; по смыслу этого измѣненія выходившіе изъ низшихъ слоевъ населенія трибуны были упразднены, и такимъ образомъ установленъ для присяжныхъ цензъ не менѣе 400,000 сестерцій (30,000 талеровъ); сенаторы и всадники принимали теперь одинаковое участіе въ трудахъ присяжныхъ, тогда какъ прежде изъ за этого было не мало раздоровъ между ними.—Отношенія между царскою и республиканской юрисдикціей вообще имѣли характеръ соревнованія, такъ что каждое дѣло могло быть обсуждаемо какъ въ царскомъ судѣ, такъ и въ соотвѣтственномъ республиканскомъ трибуналѣ, при чемъ въ случаѣ

столкновенія послѣдній естественно долженъ былъ уступать; если же тотъ или другой судъ постановлялъ приговоръ, дѣло этимъ самымъ рѣшалось окончательно.

Отмѣнить приговоръ, произнесенный въ гражданскомъ или уголовномъ дѣлѣ призванными къ тому присяжными, не могъ и новый властитель, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ особыя данныя, какъ наприм. подкупъ или насилія, вели за собой даже по республиканскимъ законамъ кассацію приговора присяжныхъ. За то статья, гласившая, что по поводу всякаго постановленія, принятаго магистратурой, потерпѣвшій оттого въ правѣ апеллировать начальнику лица издавшаго декретъ, получила вѣроятно уже въ эту пору широкое примѣненіе, изъ котораго вышла позднѣйшая апелляціонная инстанція въ лицѣ императора; по всей вѣроятности, на всѣхъ представителей магистратуры, по крайней мѣрѣ на намѣстниковъ всѣхъ провинцій, стали смотрѣть, какъ на подчиненныхъ властителя, вслѣдствіе чего на каждый ихъ декретъ ему могла быть заявлена аппелляція. **Апелляція монарху.**

Впрочемъ, эти нововведенія, изъ которыхъ важнѣйшее, неограниченное право апелляціи, не можетъ даже быть безусловно отнесено къ числу улучшеній, отнюдь не исцѣлили тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдало римское судопроизводство. Уголовный судъ не можетъ быть правильнымъ ни въ одномъ рабовладѣльческомъ государствѣ, такъ какъ преслѣдованіе рабовъ находится, если не юридически, то хоть фактически въ рукахъ ихъ хозяевъ. Понятно, что въ большинствѣ случаевъ римскій рабовладѣлецъ каралъ своего невольника не за преступленіе, имъ совершенное, а на столько, на сколько это преступленіе дѣлало раба непріятнымъ или неудобнымъ ему самому; преступные рабы сортировались такъ, какъ бодливые быки, такъ и, подобно тому какъ быки продаются мясникамъ, рабовъ сдавали въ гладіаторы. Но уголовный судъ даже противъ людей свободныхъ, издавна бывшій и большею частью оставшійся исключительно политическимъ процессомъ, превратился среди дикихъ волненій, охватившихъ послѣднія поколѣнія, изъ серьознаго юридическаго акта въ борьбу одной котеріи противъ другой, борьбу, въ которой орудіемъ служили милости, деньги и насиліе. Въ этомъ виноваты были всѣ соучастники, должностныя лица, присяжные, тяжущіяся стороны, наконецъ даже публика; но самыя неизлечимыя раны наносилъ закону образъ дѣйствій адвокатовъ. По мѣрѣ того, какъ разцвѣтало, въ видѣ паразитнаго растенія, римское адвокатское краснорѣчіе, стали разлагаться всѣ положительныя юридическія понятія, и изъ римской криминальной практики по просту изгонялось трудно уловимое публикою различіе между мнѣніемъ и доказательствомъ. Обвиняемый изъ «плохихъ», какъ говоритъ опытный адвокатъ того времени, «можетъ быть обвиненъ въ любомъ преступленіи, совершенномъ или не совершенномъ имъ, и навѣрное будетъ осужденъ». **Паденіе суда.**

Отъ этого времени сохранилось множество исковъ по уголовнымъ дѣламъ; едва ли найдется между ними хоть одинъ, который серьозно старался бы опредѣлить обсуждаемое преступленіе и формулировать доказательства и возраженія *). Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что и гражданскіе процессы того времени были во многихъ отношеніяхъ неправильны; они также страдали отъ постояннаго вмѣшательства во все партіонной политики. Такъ, напримѣръ, въ процессѣ Публія Квинктія (671 — 673) произносились самыя противорѣчивыя рѣшенія, смотря по тому, властвовалъ ли въ Римѣ Цинна или Сулла, и ходатаи по дѣламъ, зачастую даже не юристы, также производили здѣсь, намѣренно или ненамѣренно, не малую путаницу. Но по самому свойству дѣла, партіи могли вмѣшиваться здѣсь только въ видѣ исключенія, да и само адвокатское крючкотворство не въ силахъ было такъ быстро и глубоко различать въ этомъ случаѣ правовыя понятія; въ виду этого гражданскія исковыя прошенія того времени, если и не являются по нашимъ, болѣе строгимъ, понятіямъ хорошими адвокатскими разсужденіями, всетаки гораздо менѣе похожи на пасквили и заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе юридическаго содержанія, чѣмъ современныя имъ криминальныя рѣчи. Если Цезарь удержалъ наложенную Помпеемъ на адвокатское краснорѣчіе узду или даже подтянулъ ее, то отъ этого, по крайней мѣрѣ, ничто не пострадало; напротивъ того, многое улучшилось бы отъ болѣе строгаго избранія чиновниковъ и присяжныхъ и надзора надъ ними, отъ прекращенія очевиднаго подкупа и застращиванія суда. Но, насколько трудно потрясти въ умахъ массы священное сознаніе справедливости и уваженіе къ закону, настолько же трудно снова вызвать ихъ. Какъ тщательно ни устранялъ законодатель разнообразныя злоупотребленія, онъ не могъ исцѣлить коренную язву, и сомнительно было, поможетъ ли въ этомъ случаѣ время, залечивающее все исцѣлимое.

Упадокъ римскаго войска. Римское войско находилось въ эту пору приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ было карѳагенское при Аннибалѣ. Правящіе классы выставляли однихъ только офицеровъ; подданные, плебеи и провинціалы, составляли войско. Полководецъ былъ почти независимъ въ финансовомъ и военномъ отношеніи отъ центральнаго правительства, и въ счастіи и въ несчастіи могъ уповать только на себя

*) Цицеронъ, въ своемъ руководствѣ къ ораторскому искусству (2, 42, 178), имѣя въ виду прежде всего уголовный процессъ, говоритъ: „Гораздо чаще чѣмъ доказательствами, предписаніями, юридическимъ правиломъ, процессуальнымъ порядкомъ или закономъ, приговоръ присяжныхъ руководится духомъ антипатіи или склонности, пристрастія или озлобленія, горя или радости, надежды или страха, заблужденія или страсти“. На этомъ основываются дальнѣйшія наставленія для начинающаго ходатая по дѣламъ.

и на вспомогательныя средства своего округа. Гражданское національное чувство исчезло изъ войска, и духъ корпораціи остался внутреннимъ связующимъ звеномъ. Армія перестала быть послушнымъ орудіемъ народнаго правленія; въ политическомъ отношеніи она не имѣла собственной воли, но за то могла усвоить себѣ волю руководителя; въ военномъ отношеніи, подъ руководствомъ обычныхъ жалкихъ вождей, она нисходила до уровня разнузданной, никуда негодной шайки, но, при настоящемъ полководцѣ, достигла военнаго совершенства, недоступнаго гражданской милиціи. Всего болѣе пришло въ упадокъ офицерское сословіе. Высшіе классы, сенаторы и всадники, все болѣе и болѣе отвыкали отъ оружія. Если прежде всѣ ревностно добивались мѣстъ штабныхъ офицеровъ, то теперь всякій, кто пользовался званіемъ всадника и захотѣлъ бы служить, могъ разсчитывать на полученіе должности военнаго трибуна, а многія изъ подобныхъ мѣстъ приходилось замѣщать лицами изъ низшихъ сословій; вообще же тѣ изъ знатныхъ особъ, кто еще служилъ, старались покрайней мѣрѣ отбыть свой срокъ въ Сициліи или другой какой нибудь провинціи, гдѣ могли быть спокойными, что ихъ не пошлютъ противъ непріятеля. На офицеровъ, отличавшихся обыкновенной храбростью и годностью къ дѣлу, смотрѣли какъ на необычное чудо; такъ и современники Помпея питали къ нему, какъ къ воину, какое-то обоготвореніе, во всѣхъ отношеніяхъ компрометтировавшее ихъ самихъ. И въ бѣгствѣ и въ мятежѣ всегда сигналъ давалъ самъ штабъ; несмотря на преступное послабленіе со стороны начальствующихъ лицъ, предложенія о смѣщеніи знатныхъ офицеровъ были явленіемъ обыденнымъ. До насъ дошла набросанная не безъ ироніи самимъ Цезаремъ картина того, какъ въ собственной его главной квартирѣ раздавались проклятія и плачъ, когда нужно было идти на Аріовиста, и какъ въ эту минуту изготовлялись завѣщанія и даже просьбы объ увольненіи въ отпускъ. Въ рядахъ солдатъ невозможно было уже открыть даже слѣдовъ присутствія людей изъ высшихъ сословій. По закону всеобщая воинская повинность еще существовала; но наборъ производился самымъ безпорядочнымъ и несправедливымъ способомъ; многіе подлежавшіе призыву совсѣмъ не зачитывались, и напротивъ того разъ зачисленные удерживались на службѣ тридцать лѣтъ и даже долѣе. Конница изъ римскихъ гражданъ существовала еще въ качествѣ конной дворянской гвардіи, и ея раздушенные кавалеры и рѣдкостные, изящные кони играли роль единственно на столичныхъ празднествахъ; такъ называемая гражданская пѣхота была какъ бы отрядомъ ланцкнехтовъ, кое какъ набраннымъ въ низшихъ слояхъ населенія; подданные выставляли исключительно конницу и легкія войска, и все чаще стали зачисляться и въ пѣхоту. Мѣста командировъ ротъ и легіоновъ, — отъ которыхъ при тогдашнемъ способѣ веденія войны суще-

ственно зависѣла боевая пригодность частей войска, и до которыхъ по національному военному уставу солдатъ могъ дослуживаться, отличаясь въ бою, — стали теперь не только постоянно раздаваться въ видѣ милости, но даже нерѣдко продавались тѣмъ, кто больше давалъ. Уплата жалованья, при плохомъ финансовомъ хозяйствѣ правительства, продажности и плутняхъ значительнаго большинства должностныхъ лицъ, производилась неправильно и чрезвычайно неполно. — Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было то, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ арміи грабили провинціи, бунтовали противъ своихъ начальниковъ и бѣгали отъ непріятеля; случалось, что значительные отряды, какъ напримѣръ македонскій корпусъ Пизона въ 697 году, не потерпѣвъ никакого пораженія, бывали совершенно уничтожены только этой анархіей. Напротивъ того даровитые вожди, какъ наприм. Помпей, Цезарь, Габиній, умѣли создавать изъ наличнаго матеріала способныя, боевыя, иногда даже образцовыя арміи, — но такая армія скорѣе принадлежала своему вождю, чѣмъ республикѣ. Еще болѣе полный упадокъ римскаго флота, который кромѣ того остался предметомъ антипатіи для Римлянъ и никогда не получилъ вполнѣ національнаго характера, не заслуживаетъ почти и упоминанія. И въ немъ при олигархическомъ правленіи всѣ усилія употреблялись на разрушеніе всего, что только можно было погубить.

Цезарь преобразуетъ войско. Цезаревы преобразованія въ военномъ устройствѣ ограничивались въ существенныхъ чертахъ стараніемъ снова крѣпко подтянуть поводья дисциплины, ослабѣвшіе при прежнемъ вяломъ и бездарномъ руководствѣ арміею. Повидимому ему казалось, что римское войско или не нуждается въ радикальной реформѣ или же не доросло до нея; онъ примирился съ данными элементами арміи, какъ это нѣкогда сдѣлалъ Аннибалъ. Одна изъ статей его общиннаго устава гласила, что тотъ, кто до достиженія имъ тридцатилѣтняго возраста желаетъ выполнять какую нибудь общественную должность и засѣдать въ общинномъ совѣтѣ, долженъ сначала прослужить три года на конѣ (т. е. въ качествѣ офицера) или шесть лѣтъ въ пѣшихъ войскахъ, — и эта статья, конечно, доказываетъ, что онъ желалъ привлечь болѣе зажиточныя сословія въ армію; но въ тоже время она столь же ясно свидѣтельствуетъ, что при возрастаніи въ народѣ стремленій, враждебныхъ войнамъ, онъ самъ не видѣлъ болѣе возможности безусловно поставить полученіе почетной должности въ зависимость отъ выслуги всего срока службы. Этимъ можно объяснить то обстоятельство, что Цезарь не дѣлалъ попытки возстановить римское конное ополченіе. Наборъ производился болѣе правильно, срокъ службы былъ строго опредѣленъ и сокращенъ. По прежнему, впрочемъ, линейная пѣхота преимущественно набиралась изъ низшихъ классовъ римскаго гражданства, конница же и легкая инфантерія

въ рядахъ римскаго подданства; поразительно, что ничего не сдѣлано было для преобразованія военнаго флота.

Чужеземные наемники.

Одно нововведеніе, вызванное ненадежностью конницы и, безъ сомнѣнія, казавшееся опаснымъ даже его виновнику, состояло въ томъ, что Цезарь впервые отступилъ отъ древне-римскаго правила никогда не сражаться съ помощью наемниковъ и включилъ въ составъ конницы наемныхъ иноземцевъ, въ особенности изъ Германцевъ. Другимъ нововведеніемъ было учрежденіе должности легіонныхъ адъютантовъ съ преторскою властью (legati legionis). Вплоть до этого времени военные трибуны, частью назначавшіеся гражданами, частью ближайшимъ намѣстникомъ, предводительствовали легіонами, но такъ, что надъ каждымъ легіономъ стояло по шести человѣкъ, между которыми и чередовалась власть. Иногда только, и то лишь временно и какъ бы въ виду экстреннаго случая, полководецъ назначалъ одно лицо для командованія легіономъ. Напротивъ того, въ позднѣйшее время эти предводители легіоновъ или адъютанты являются, частью какъ постоянное и органическое учрежденіе, частью, какъ лица, назначаемыя уже не тѣмъ намѣстникомъ, отъ котораго они зависѣли, а главнымъ начальствомъ въ Римѣ; оба эти нововведенія принадлежатъ, очевидно, къ числу цезаревыхъ распоряженій, прямо примыкавшихъ къ габиніеву закону. Причину введенія въ военную іерархію этой важной промежуточной степени слѣдуетъ искать съ одной стороны въ потребности болѣе энергической централизаціи власти, съ другой въ ощутительномъ недостаткѣ въ способныхъ старшихъ офицерахъ, и наконецъ главнѣйшимъ образомъ въ намѣреніи найти противовѣсъ противъ намѣстника въ лицѣ одного или нѣсколькихъ начальниковъ, назначенныхъ самимъ императоромъ.

Легіонные адъютанты.

Новая должность главнокомандующаго.

Существеннѣйшія измѣненія въ военномъ вѣдомствѣ состояли въ назначеніи постояннаго военачальника въ лицѣ императора, который, вмѣсто прежней не военной и во всѣхъ отношеніяхъ неспособной правительственной коллегіи, соединялъ въ своихъ рукахъ всю военную администрацію и превращалъ управленіе, большею частью чисто-номинальное, въ дѣйствительное и энергическое главное начальство. Намъ недостаточно извѣстно, въ какія отношенія стала эта новая высшая власть къ прежнему прямому начальству, бывшему до той поры всемогущимъ въ раіонѣ извѣстнаго округа. Основою этихъ отношеній служила, вѣроятно, въ главныхъ чертахъ та аналогія, которая существовала между отношеніями претора къ консулу, или консула къ диктатору, такъ что намѣстникъ сохранялъ, правда, высшую военную власть надъ своимъ округомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ имѣлъ во всякое время право отнять эту власть у него и присвоить ее себѣ или своимъ уполномоченнымъ, и въ то время, какъ власть намѣстника ограничивалась предѣлами его округа, власть императора, подобно прежней царской и консульской, прости-

ралась на все государство. Далѣе весьма вѣроятно, что уже въ это время назначеніе офицеровъ, какъ военныхъ трибуновъ, такъ и центуріоновъ, поскольку оно до той поры зависѣло отъ намѣстниковъ *), перешло непосредственно къ императору, вмѣстѣ съ назначеніемъ новыхъ легіонныхъ адъютантовъ; быть можетъ, и распредѣленіе наборовъ, раздача отставокъ, главнѣйшіе криминальные случаи были съ той же поры отданы въ вѣдѣніе главнокомандующаго. При этомъ ограниченіи намѣстническихъ полномочій и при правильномъ контролѣ со стороны самого императора, трудно было опасаться впредь полнаго разложенія армій или превращенія ихъ въ личную свиту отдѣльныхъ военачальниковъ.

Военные планы Цезаря. Защита границъ.

Однако, какъ ни наводили Цезаря сами обстоятельства на учрежденіе военной монархіи, какъ энергично онъ ни бралъ исключительно въ свои руки высшую власть, тѣмъ не менѣе онъ отнюдь не желалъ основать свое могущество съ помощью войска и опираясь на него. Онъ считалъ, правда, постоянную армію необходимою для своего государства, но лишь потому только, что, по географическому положенію страны, она нуждалась въ широкомъ регулированіи границъ и въ постоянныхъ пограничныхъ гарнизонахъ. Частью и прежде, во время послѣднихъ междоусобицъ, онъ трудился надъ замиреніемъ Испаніи и соорудилъ укрѣпленія для обороны границъ въ Африкѣ, вдоль громадной пустыни, и на сѣверо-западѣ государства, на линіи Рейна. Съ подобными же планами носился онъ и относительно мѣстностей на Дунаѣ и Евфратѣ. Прежде всего хотѣлъ онъ двинуться противъ Пареянъ и отмстить за день каррской битвы; для этой войны онъ назначилъ три года и твердо рѣшился разъ навсегда покончить съ опасными врагами и сдѣлать это столь же осторожно, какъ и основательно. Точно также онъ составилъ планъ напасть на гетскаго царя Беребиста, могущественно раздвигавшаго свои владѣнія по обѣимъ сторонамъ Дуная, и защитить Италію на сѣверовостокѣ такими же укрѣпленными пограничными пунктами, какіе онъ создалъ для нея въ странѣ Кельтовъ. Зато ничто не указываетъ намъ у Цезаря на желаніе побѣдоносно продвигаться подобно Александру въ безконечно далекія страны; правда, сообщается, что онъ имѣлъ въ виду двинуться изъ земли пареянской къ Каспійскому, а оттуда къ Черному морю, а затѣмъ по сѣверному берегу черезъ всю Скиѳію и Германію до недалекаго, по тогдашнимъ понятіямъ, отъ Средиземнаго моря, Сѣвернаго океана, и затѣмъ возвратиться черезъ Галлію; но ни одинъ достовѣрный авторитетъ не подтверждаетъ существованія этихъ баснословныхъ проектовъ. Въ государствѣ, подобномъ Риму при Цезарѣ, и заключавшемъ трудно одолимую массу варварскихъ

*) Цезарь, и въ этомъ демократъ, не коснулся права гражданъ на избраніе нѣкоторыхъ военныхъ трибуновъ.

элементовъ, на ассимилированіе которыхъ оно должно было еще употребить нѣсколько столѣтій, такія завоеванія, помимо ихъ невыполнимости въ военномъ отношеніи, были бы только болѣе блестящими, но и гораздо значительнѣйшими ошибками, чѣмъ индійскій походъ Александра. Судя по образу дѣйствій Цезаря въ Британіи и Германіи, равно какъ и по дѣйствіямъ тѣхъ, кому пришлось быть наслѣдниками его политическихъ замысловъ, въ высшей степени вѣроятно, что Цезарь, подобно Сципіону Эмиліану, просилъ у боговъ не умноженія своего государства, но его охраненія, и что его завоевательные планы ограничивались исправленіемъ границъ (правда, задуманнымъ въ свойственномъ ему большомъ масштабѣ), которое должно было обезопасить линію Евфрата и вмѣсто колеблющейся и въ военномъ отношеніи ничтожной сѣверовосточной границы государства установить линію Дуная, сдѣлавъ ее пригодною къ оборонѣ.

Попытки Цезаря помѣшать образованію военнаго государства.

Тѣмъ не менѣе, если остается только вѣроятнымъ, что Цезаря невозможно называть всемірнымъ завоевателемъ въ томъ смыслѣ, какъ Александра и Наполеона, то вполнѣ вѣрно, что онъ не думалъ дать прежде всего своей новой монархіи опору въ арміи, и вообще поставить военную власть надъ гражданскою, но напротивъ хотѣлъ ввести ее въ строй гражданскаго государства и по возможности подчинить ему. Неоцѣненная опора военной монархіи, старые, препрославленные галльскіе легіоны были именно въ силу ихъ корпоративнаго духа, несовмѣстнаго съ гражданскимъ самоуправленіемъ, почетнымъ образомъ упразднены, и ихъ славныя имена сбережены были для потомства лишь во вновь основанныхъ городскихъ общинахъ. Отпущенные Цезаремъ съ наградою земельными участками, солдаты не были, подобно сулловымъ ветеранамъ, поселены въ собственныхъ колоніяхъ, удержавъ военную организацію, но, если они жили въ Италіи, разселялись по возможности одиночно, разсѣянные по всему полуострову; конечно, нельзя было избѣжать того, чтобъ на оставшихся незанятыми частяхъ кампанскихъ полей все таки не скопились массы прежнихъ цезаревыхъ воиновъ. Цезарь старался осуществить трудную задачу, оставляя постоянную армію въ центрѣ гражданской жизни, удержавъ прежній уставъ, постановлявшій лишь извѣстное число годовъ службы, но не постоянную, непрерываемую отпусками службу, — частью введя упомянутое уже сокращеніе срока, которое повело за собой болѣе быструю смѣну состава солдатъ, — частью же организовавъ правильное поселеніе отслужившихъ воиновъ въ качествѣ земледѣльцевъ-колонистовъ, — и въ особенности принявъ за правило держать армію подалѣе отъ Италіи и вообще отъ настоящихъ центровъ гражданской и политической жизни, и ставить солдата тамъ, гдѣ онъ, по мнѣнію великаго царя, единственно былъ на своемъ мѣстѣ, — на пограничныхъ пунктахъ, для отраженія внѣшнихъ враговъ. Настоящаго признака

военнаго государства, развитія и предпочтенія гвардейскихъ войскъ, мы также не замѣчаемъ у Цезаря. Хотя въ дѣйствующей арміи давно уже существовалъ особый отрядъ тѣлохранителей при полководцѣ, учрежденіе это отступаетъ совершенно на задній планъ во время цезарева управленія войскомъ; его преторіанская когорта состояла, кажется, преимущественно изъ штабныхъ офицеровъ или людей не-военныхъ, никогда не являлась въ видѣ избраннаго отряда и не была также предметомъ зависти для строевыхъ войскъ. Если Цезарь, состоя еще въ званіи полководца, не любилъ окружать себя тѣлохранителями, то еще менѣе терпѣлъ онъ вокругъ себя гвардію, когда сдѣлался царемъ. Постоянно окруженный убійцами, и хорошо это зная, онъ тѣмъ не менѣе отклонилъ предложеніе сената учредить дворянскую гвардію, распустилъ, лишь только волненіе нѣсколько улеглось, испанскую эскорту, которою пользовался первое время въ столицѣ, и удовольствовался сопровожденіемъ ликторовъ, согласно правиламъ, установленнымъ для высшихъ римскихъ сановниковъ. Сколько ни пришлось Цезарю отступить въ борьбѣ съ дѣйствительностью отъ главной цѣли его молодости и правилъ его партіи, отъ мысли осуществить въ Римѣ царствованіе, подобное перикловy, не съ помощью меча, а опираясь на народное довѣріе, — онъ все еще держался за свою главную мысль, никогда не основывать военной монархіи, и притомъ съ энергіею, едва ли не безпримѣрной въ исторіи. Правда, и это было недостижимымъ идеаломъ, единственною иллюзіею, гдѣ страстное желаніе являлось въ этомъ сильномъ умѣ могущественнѣе чистаго разума. Власть, подобная той, о которой мечталъ Цезарь, не только отличалась, въ силу естественной необходимости, чисто личнымъ характеромъ и должна была погибнуть со смертью ея виновника, какъ погибли родственныя ей по духу творенія Перикла и Кромвелля, но при глубокомъ разложеніи націи, нельзя было даже надѣяться, чтобы восьмому римскому царю удалось то, что удавалось его семи предшественникамъ, — управлять въ теченіе всей жизни согражданами только на основаніи закона и права. Такъ же неправдоподобно было и то, чтобы онъ могъ снова ввести въ строй гражданскаго быта, въ качествѣ второстепеннаго фактора, постоянное войско, которое познало свою силу въ послѣднюю междоусобицу и утратило вмѣстѣ съ тѣмъ всякое чувство боязни. Тому, кто хладнокровно взвѣшивалъ тогда, до какой степени страхъ передъ закономъ исчезъ какъ изъ низшихъ, такъ и изъ высшихъ слоевъ общества, надежда эта должна была казаться не мечтою, а сномъ, и, если послѣ преобразованія войска Маріемъ солдатъ вообще пересталъ быть гражданиномъ, то волненія въ Кампаніи и ѳапское сраженіе показали съ достаточною ясностью, какого рода поддержку окажетъ теперь армія закону. Даже самъ великій демократъ могъ лишь съ трудомъ и далеко не вполнѣ обуздать тѣ

силы, которыя онъ же распустилъ; тысячи мечей все еще обнажались по одному его мановенію, но обратно они вкладывались уже не по его знаку. Рокъ сильнѣе генія. Цезарь хотѣлъ возобновить республиканскій строй гражданскаго быта и сдѣлался вмѣсто того основателемъ ненавистной ему военной монархіи; онъ ниспровергнулъ царство аристократовъ и банкировъ лишь для того, чтобы на его мѣстѣ водворилось господство солдатчины, и попрежнему привиллегированное меньшинство эксплоатировало и угнетало народный бытъ. Тѣмъ не менѣе подобныя творческія ошибки являются удѣломъ лишь высшихъ натуръ. Геніальные порывы великихъ людей къ осуществленію идеала составляютъ лучшее достояніе націй, хотя бы даже цѣль не была ими достигнута. Только благодаря Цезарю, римская военная монархія превратилась лишь много вѣковъ спустя въ полицейское государство, и римскіе императоры, какъ ни мало они вообще походили на великаго основателя ихъ власти, направляли солдатъ не противъ гражданъ, а противъ непріятеля, и слишкомъ высоко ставили и народъ и войско для того, чтобы сдѣлать армію полицейскимъ сторожемъ народа.

Финансовое управленіе.

При солидныхъ основахъ, представляемыхъ громадными размѣрами государства и устраненіемъ кредитной системы, приведеніе въ порядокъ финансоваго дѣла представляло, сравнительно, лишь мало трудностей. Если государство находилось до той поры въ постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, то всего менѣе виновата была въ этомъ недостаточность доходовъ; напротивъ того, именно они-то значительно увеличились за послѣдніе годы. Къ прежнему валовому доходу, опредѣляемому въ двѣсти милліоновъ сестерцій (15 милл. талеровъ), прибавилось, благодаря учрежденію провинцій понто-виѳинской и сирійской, 85 милліоновъ сестерцій (6,500,000 талеровъ); это приращеніе дохода, вмѣстѣ съ другими ново-открытыми или усиленными доходными статьями и въ особенности съ постоянно увеличивавшеюся прибылью отъ пошлинъ съ предметовъ роскоши, щедро вознаградило за потерю арендныхъ суммъ съ Кампаніи. Кромѣ того, благодаря Лукуллу, Метеллу, Помпею, Катону и друг. въ государственную кассу стеклись экстренным образомъ громадныя суммы. Причина финансовыхъ затрудненій коренилась скорѣе частью въ увеличившихся постоянныхъ и чрезвычайныхъ расходахъ, частью въ неурядицѣ, закравшейся въ дѣла. Раздача хлѣба столичной толпѣ поглощала необъятныя суммы; благодаря размѣрамъ, до которыхъ въ 691 году довелъ эту раздачу Катонъ, ежегодный расходъ по этому предмету доходилъ до 30 милліоновъ сестерцій (2,300,000 талеровъ), а съ отмѣною въ 696 году выплачивавшагося до той поры вознагражденія, онъ поглощалъ даже пятую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. Военный бюджетъ также увеличился съ той поры, когда къ гарнизонамъ, стоявшимъ въ Испаніи, Македоніи и другихъ

провинціяхъ, присоединились еще киликійскій, сирійскій и галльскій гарнизоны. Изъ числа чрезвычайныхъ расходовъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть объ издержкахъ по сооруженію флота, на который, напримѣръ, лѣтъ пять спустя послѣ великой рапціи 687 года было израсходовано единовременно тридцать четыре милліона сестерцій (2,600,000 талеровъ). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о весьма крупныхъ суммахъ, поглощенныхъ походами и приготовленіями къ войнѣ; такъ, напримѣръ, для снаряженія македонскаго войска выплачено было Пизону единовременно 18 милліоновъ сестерцій, (1,370,000 талеровъ), Помпею на содержаніе и жалованье испанской арміи выдавалось ежегодно 24 милліона сестерцій (1,826,000 талеровъ). Подобныя же суммы выдавались и Цезарю для галльскихъ легіоновъ. Какъ ни значительны были требованія, съ которыми обращались въ римскую кассу, она все таки могла бы удовлетворить ихъ, еслибъ въ ея, нѣкогда столь образцовое, управленіе не вкралась общая всему въ то время вялость и безчестность; зачастую платежи казначейства пріостанавливались лишь потому, что забывали напоминать о неуплаченныхъ еще взносахъ. Подлежащія должностныя лица, двое изъ квесторовъ, люди молодые, ежегодно смѣнявшіеся, держались въ наилучшемъ случаѣ пассивно; въ средѣ писцовъ и прочаго канцелярскаго персонала, въ прежнее время по справедливости высокочтившагося за честность, вкрались теперь, въ особенности съ той поры, когда должности эти стали продажными, самыя страшныя злоупотребленія.

Финансовыя реформы Цезаря.

Съ того времени, какъ нити римскаго финансоваго управленія сосредоточивались уже не въ сенатѣ, какъ было прежде, а въ кабинетѣ Цезаря, новая жизнь, болѣе строгій порядокъ и прочная связь проникли во всѣ части этого великаго механизма. Два учрежденія, возникшія еще со времени Гая Гракха и, подобно язвамъ, разлагавшія всю финансовую систему Рима, именно раздача хлѣба и откупъ прямыхъ налоговъ, были отчасти отмѣнены, отчасти преобразованы. Цезарь не хотѣлъ парализовать значеніе знати посредствомъ банкирской аристократіи и столичнаго плебса, какъ это дѣлалъ его предшественникъ, а хотѣлъ только устранить дворянъ и избавить республику отъ всѣхъ паразитовъ, какъ высшаго, такъ и низшаго сословія; поэтому-то, въ этихъ двухъ столь важныхъ вопросахъ, онъ шелъ по стопамъ не Гая Гракха, а олигарха Суллы.

Отмѣна арендованія прямыхъ налоговъ. Преобразованіе раздачи хлѣба.

Система откуповъ удержалась въ отношеніи косвенныхъ налоговъ, гдѣ она существовала искони, и гдѣ безъ нея трудно было обойтись, такъ какъ основное правило римскаго финансоваго управленія, котораго ненарушимо держался и Цезарь, требовало сохраненія, во что бы то ни стало, нагляднаго и простого способа взиманія податей. Прямые же налоги превратились съ той поры сплошь либо въ натуральную повинность, уплачиваемую прямо государству (какъ на-

примѣръ доставлялась пшеница и масло изъ Африки и Сардиніи), либо же были превращены, какъ малоазіатская дань, въ опредѣленный денежный взносъ, сборъ котораго предоставлялся самимъ податнымъ округамъ. Пользованіе раздачею хлѣба въ столицѣ являлось до той поры какъ-бы привиллегіею господствующей общины, которая, именно потому, что она господствовала, кормилась на счетъ подданныхъ. Этотъ безчестный принципъ былъ устраненъ Цезаремъ, но нельзя было оставить безъ вниманія того обстоятельства, что масса совершенно недостаточныхъ гражданъ спасалась отъ голодной смерти исключительно благодаря этой раздачѣ. Въ этомъ смыслѣ она была удержана Цезаремъ. Если на основаніи возобновленнаго Катономъ семпроніева закона, всякій осѣдлый въ Римѣ римскій гражданинъ имѣлъ законное право на безвозмездное полученіе хлѣба, то этотъ списокъ получателей, возросшій подъ конецъ до 320,000 именъ, былъ сокращенъ посредствомъ удаленія изъ него всѣхъ людей зажиточныхъ или обезпеченныхъ инымъ способомъ, до 150,000, и цифра эта назначена, разъ навсегда, въ видѣ максимума, причемъ была установлена ежегодная ревизія списка для пополненія бѣднѣйшими изъ соискателей тѣхъ мѣстъ, которыя сдѣлались вакантными вслѣдствіе удаленія или смерти какого нибудь лица. Когда такимъ образомъ политическая привиллегія превратилась въ вспомоществованіе бѣднымъ, впервые проникъ въ жизнь принципъ, замѣчательный, какъ въ нравственномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Медленно, переходя со ступени на ступень, гражданское общество вырабатывало въ себѣ сознаніе солидарности интересовъ; въ древнія времена государство охраняло, правда, своихъ членовъ отъ врага страны и руки убійцъ, но оно не было обязано ограждать совершенно безпомощнаго согражданина, посредствомъ раздачи ему необходимыхъ жизненныхъ средствъ, отъ злѣйшаго врага, нужды. Аттическая цивилизація, въ законодательствѣ Солона и его преемниковъ, развила впервые ту точку зрѣнія, что община обязана заботиться о своихъ больныхъ и неспособныхъ членахъ, и вообще о бѣдныхъ; но то, что въ ограниченной рамкѣ аттическаго быта оставалось общинной повинностью, развилось лишь у Цезаря въ органическое государственное учрежденіе, и то устройство, которое являлось бременемъ и позоромъ для государства, стало первымъ изъ тѣхъ, нынѣ столь же многочисленныхъ, какъ и благодѣтельныхъ учрежденій, которыми неистощимое человѣческое состраданіе борется съ безконечной нуждою человѣчества.

Бюджетъ доходовъ.

Кромѣ этихъ реформъ, касавшихся основного принципа, проведенъ былъ обстоятельный пересмотръ бюджета доходовъ и расходовъ. Ординарные доходы были вездѣ опредѣлены и приведены въ порядокъ. Немалому числу общинъ, даже цѣлымъ мѣстностямъ дано было освобожденіе отъ налоговъ, или по случаю дарованія имъ правъ

римскаго или латинскаго гражданства, или въ силу особой привилегіи; такъ эту льготу получили наприм. первымъ изъ этихъ способовъ всѣ сицилійскія общины *), вторымъ же городъ Иліонъ. Еще больше было число тѣхъ, для которыхъ размѣръ налоговъ былъ пониженъ; такъ общинамъ въ западной Испаніи, уже послѣ намѣстничества Цезаря и по его представленію, сенатъ даровалъ уменьшеніе налоговъ; теперь же для провинціи Азіи, находившейся въ особенно подавленномъ состояніи, не только было облегчено взиманіе прямыхъ налоговъ, но и совсѣмъ упразднена цѣлая треть ихъ. Вновь поступающіе доходы, наприм. изъ общинъ, покоренныхъ въ Иллиріи, и въ особенности галльскихъ, изъ которыхъ послѣднія въ совокупности вносили ежегодно 40 милл. сестерцій (3 милл. талеровъ), были вообще разсчитаны по весьма низкой раскладкѣ. Правда, за то нѣкоторымъ отдѣльнымъ городамъ, какъ наприм. Малому Лептису въ Африкѣ, Зульцѣ въ Сардиніи, и многимъ испанскимъ общинамъ, въ наказаніе за ихъ образъ дѣйствій во время послѣдней войны, налоги были повышены. Весьма доходныя италійскія портовыя пошлины, отмѣненныя въ послѣдній періодъ анархіи, были тѣмъ легче возстановлены, что этотъ налогъ падалъ главнымъ образомъ на предметы роскоши, привозимые съ востока. Къ числу этихъ новыхъ или же возстановленныхъ доходныхъ статей присоединились и суммы, переходившія во власть побѣдителя чрезвычайными путями, и именно вслѣдствіе междоусобной войны: добыча, собранная въ Галліи; наличный составъ столичной казны; сокровища, взятыя изъ италійскихъ и испанскихъ храмовъ; суммы, собранныя съ зависимыхъ общинъ и династовъ въ видѣ принудительнаго займа или такого же подарка, или же пени, и точно также штрафныя суммы, наложенныя на отдѣльныхъ богатыхъ Римлянъ по судебному приговору или въ силу простого предъявленія приказа объ уплатѣ,—въ особенности же деньги, вырученныя отъ продажи имущества разбитыхъ противниковъ. Какъ обильны были эти источники доходовъ, ясно изъ того, что одна пеня съ африканскихъ оптовыхъ торговцевъ, засѣдавшихъ въ непріятельскомъ сенатѣ, составила 100 милл. сест. ($7^1/_2$ мил. тал.), а сумма, взнесенная покупщиками помпеева имущества, дошла до 70 милл. сест. (5,300,000 тал.). Этотъ образъ дѣйствій былъ необходимъ, такъ какъ могущество разбитой аристократіи въ значительной степени зависѣло отъ ея громаднаго богатства и могло быть только тогда дѣйствительно сломлено, когда на нее возложено было бы по-

*) Это слѣдуетъ уже изъ того, что Сицилія пріобрѣла латинское право; но и Варронъ прямо указываетъ на отмѣну десятины въ Сициліи—въ сочиненіи, обнародованномъ послѣ смерти Цицерона (de r. r., 2, praef.), называя въ числѣ коронныхъ областей, изъ которыхъ Римъ извлекаетъ средства существованія, лишь Африку и Сардинію, но уже не Сицилію.

крытіе военныхъ расходовъ. Ненавистный характеръ конфискацій былъ, однако, въ извѣстной степени смягченъ тѣмъ, что Цезарь предоставилъ выручку съ нихъ единственно въ пользу государства, и вмѣсто того чтобы по примѣру Суллы смотрѣть снисходительно на всякія присвоенія своихъ любимцевъ, строго слѣдилъ за поступленіемъ покупныхъ суммъ даже съ вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ, какъ наприм. съ Марка Антонія.

Бюджетъ расходовъ.

Въ расходахъ было введено сокращеніе, и прежде всего именно вслѣдствіе значительнаго уменьшенія размѣровъ даровой раздачи хлѣба. Удержанная по отношенію къ столичнымъ бѣднымъ, раздача эта, равно какъ и сходная съ нею, введенная Цезаремъ, раздача масла для столичныхъ купаленъ была покрайней мѣрѣ отнесена на счетъ натуральныхъ повинностей съ Сардиніи и особенно Африки, и такимъ образомъ вовсе или же въ значительной степени исключена была изъ расходовъ казны. Съ другой стороны возросли обыкновенные расходы на военное вѣдомство, частью вслѣдствіе увеличенія постоянной арміи, частью вслѣдствіе повышенія прежняго жалованья легіонерамъ съ 480 сестерцій (36 талер.) въ годъ на 900 ($68^1/_2$ тал.). Обѣ эти мѣры были неотложны. Дѣятельчой обороны границъ вовсе не существовало и неотлагательность ея обусловливала значительное увеличеніе арміи. Удвоеніемъ жалованья Цезарь, конечно, воспользовался для того, чтобъ крѣпче привязать къ себѣ солдатъ, но провелъ эту мѣру, какъ прочное нововведеніе, не изъ этихъ мотивовъ. Прежнее жалованье по $1^1/_3$ сест. (2 гроша) въ день было установлено въ незапамятное время, когда деньги имѣли совсѣмъ иную цѣнность, чѣмъ въ новомъ Римѣ; оно могло быть удержано вплоть до той поры, когда обыкновенный поденщикъ въ столицѣ могъ зарабатывать ручнымъ трудомъ, среднимъ числомъ, 3 сестерціи въ день,— только по той причинѣ, что въ тѣ времена солдатъ вступалъ въ войско не изъ-за жалованья, но главнымъ образомъ изъ-за непозволительныхъ, въ большинствѣ случаевъ, присвоеній чужого имущества. Первымъ условіемъ для серьозной реформы военнаго дѣла и для устраненія неправильныхъ солдатскихъ доходовъ, вся тяжесть которыхъ падала прежде всего на провинціаловъ, было своевременное увеличеніе законнаго вознагражденія, такъ что назначеніе двухъ съ половиною сестерцій (4 грошей) должно считаться вполнѣ справедливымъ, а значительная тяжесть, павшая вслѣдствіе этого на казну, вполнѣ необходимою и благодѣтельною по послѣдствіямъ. Трудно составить себѣ понятіе о размѣрахъ тѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, которые Цезарь долженъ былъ принять на себя или принялъ добровольно. Наконецъ сами войны поглощали страшныя суммы, и, быть можетъ, неменьшія требовались и для того, чтобы выполнить всѣ обѣщанія, которыя Цезарь былъ вынужденъ дать во время междоусобной войны. Весьма плохимъ примѣромъ, къ сожалѣнію не ос-

тавшимся безъ вліянія на будущее время, служило то, что каждый рядовой получалъ за свое участіе въ междоусобной войнѣ 20,000 сестерцій (1500 талеровъ), каждому же столичному гражданину за не-участіе въ ней прибавлялось къ получаемому имъ количеству хлѣба еще 300 сестерцій (22 талера); но Цезарь, разъ давъ слово подъ давленіемъ обстоятельствъ, былъ слишкомъ благороденъ, чтобы отступиться отъ него. Помимо этого онъ удовлетворялъ еще безчисленнымъ внушеніямъ собственной величавой щедрости и тратилъ громадныя суммы въ особенности на строительное дѣло, которое, во время финансоваго кризиса послѣднихъ дней республики, находилось въ страшномъ загонѣ. Расходъ по постройкамъ, воздвигнутымъ имъ, какъ во время галльскаго похода, такъ и впослѣдствіи въ столицѣ, исчисляется въ 160 милліоновъ сестерцій (12 милліоновъ талеровъ). Весь результатъ финансоваго управленія Цезаря сказался въ томъ, что, благодаря разумнымъ и энергическимъ реформамъ и правильному сочетанію бережливости съ щедростью, онъ вполнѣ и безъ урѣзокъ удовлетворялъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ, а тѣмъ не менѣе уже въ мартѣ 710 года въ государственной казнѣ находилось наличными деньгами 700 милліоновъ сестерцій, въ его же собственной кассѣ 100 милліоновъ (что составляетъ вмѣстѣ 61 милліонъ талеровъ). Сумма эта вдесятеро превышаетъ состояніе республиканской кассы въ самую цвѣтущую эпоху.

Экономическія условія. Но, какъ ни трудно было разстроить старыя партіи и снабдить новый государственный строй соотвѣтствующею конституціею, готовою арміею и правильными финансами, это все таки далеко не было труднѣйшею частью цезарева дѣла. Если дѣйствительно должно было совершиться возрожденіе италійской націи, то для этого требовалась реорганизація, которая обновила бы всѣ части древняго государства, Римъ, Италію и провинціи. Мы попытаемся изобразить здѣсь, какъ старый порядокъ, такъ и начало новой, болѣе сносной поры.

Столица. Чистое племя латинскаго происхожденія давно уже окончательно исчезло изъ Рима. Въ силу необходимости столица, скорѣе всякой второстепенной общины, утрачиваетъ свой національный отпечатокъ. Здѣсь высшія сословія раньше выдѣляются изъ общаго строя городской жизни и находятъ себѣ отчизну въ цѣломъ государствѣ, а не въ отдѣльномъ городѣ; сюда неизбѣжно стекается иностранная колонизація, вѣчно смѣняющее другъ друга поколѣніе людей путешествующихъ по дѣламъ или для удовольствія, вся масса люда празднаго, лѣниваго, преступнаго, экономически и нравственно обанкротившагося и, именно по этой причинѣ космополитическаго. Все это въ замѣчательной степени примѣнялось къ Риму. Зажиточный Римлянинъ зачастую смотрѣлъ на свой городской домъ, какъ на мѣсто остановокъ на случай пріѣзда. Съ той поры, когда городской муниципалитетъ превратился въ государственное учрежденіе, город-

ской совѣтъ въ собраніе государственныхъ гражданъ, и внутри столицы перестали допускаться мелкіе автономные округа или какіе либо другіе союзы, въ Римѣ прекратилась всякая коммунальная жизнь. Со всѣхъ концовъ обширнаго государства народъ стекался сюда для спекуляцій, кутежей, интригъ, для совершенія преступленій, но и для того чтобы скрыться отъ преслѣдованій закона. Зло это до извѣстной степени неизбѣжно проистекало изъ столичнаго строя жизни, но къ этому присоединились и другія болѣе случайныя и, быть можетъ, еще болѣе серьозныя причины.

Ни одинъ большой городъ не былъ, быть можетъ, въ такой степени лишенъ своихъ собственныхъ средствъ продовольствія, какъ Римъ; съ одной стороны ввозъ всего необходимаго, съ другой домашнее производство всякихъ издѣлій руками рабовъ дѣлали здѣсь съ самаго начала всякую свободную промышленность невозможною. Вредныя послѣдствія коренного зла всего древняго государственнаго строя, системы невольничества, сказывались въ столицѣ рѣзче, чѣмъ гдѣ либо. Нигдѣ не скоплялись такія массы рабовъ, какъ въ столичныхъ дворцахъ знатныхъ семей или богатыхъ выскочекъ. Нигдѣ народности трехъ частей свѣта; Сирійцы, Фригійцы и другіе полу-Эллины не смѣшивались въ такой степени съ Ливійцами, Маврами, Гетами, Иберійцами и все чаще прибывавшими Кельтами и Германцами, какъ въ средѣ столичныхъ рабовъ. Деморализація, неразлучная съ отсутствіемъ свободы, и ужасающее противорѣчіе формальнаго и нравственнаго права гораздо рѣзче проявлялись въ аристократическомъ городскомъ невольникѣ, наполовину или вполнѣ образованномъ, чѣмъ въ рабѣ-земледѣльцѣ, воздѣлывавшемъ поля въ цѣпяхъ, подобно скованному волу. Еще гораздо хуже этой массы невольниковъ были люди, юридически или только фактически освобожденные, смѣсь нищенской черни и страшно-богатыхъ выскочекъ, уже не рабы, но еще не полноправные граждане, люди, зависѣвшіе отъ своихъ господъ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшіе всѣ притязанія свободныхъ гражданъ; эти то вольноотпущенные прежде всего стекались въ столицу, гдѣ имъ представлялся самый разнообразный заработокъ и гдѣ мелкая торговля и ремесла находились почти всецѣло въ ихъ рукахъ. Ихъ вліяніе на выборы подтверждается неоднократно, а что они всегда были впереди во время уличныхъ волненій, явствуетъ уже изъ особаго сигнала, которымъ демагоги какъ-бы предвѣщали начало смутъ, именно закрытія лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній. **Чернь.**

Правительство не только ничего не дѣлало, чтобы противодѣйствовать этому развращенію городского населенія, но даже во имя своей эгоистической политики оказывало ему всякое поощреніе. Разумный законъ, воспрещавшій пребываніе въ столицѣ человѣку осужденному за уголовное преступленіе, не приводился въ исполненіе без- **Отношенія олигархіи къ народу.**

дѣятельной полиціею. Необходимый полицейскій надзоръ за шайками бродягъ сперва находился въ пренебреженіи, а впослѣдствіи былъ даже объявленъ вреднымъ, какъ противозаконное ограниченіе народной свободы. Народнымъ празднествамъ была дана возможность разростись до такихъ размѣровъ, что одни только семь узаконенныхъ торжествъ, римское, плебейское, въ честь матери боговъ, Цереры, Аполлона, Флоры и Викторіи длились всѣ вмѣстѣ шестьдесятъ два дня; къ нимъ присоединялись еще бои гладіаторовъ и безчисленныя другія экстраординарныя увеселенія. Къ заботѣ о пониженіи цѣны на хлѣбъ, необходимой въ виду пролетаріата, жившаго исключительно изо дня въ день, относились съ самымъ безсовѣстнымъ легкомысліемъ, и колебанія цѣнъ были баснословныя и неисчислимыя *).

Столичная анархія. Помимо всѣхъ этихъ причинъ, система раздачи хлѣба заставляла всю массу неимущаго и не хотѣвшаго работать пролетаріата избирать своимъ оффиціальнымъ центромъ столицу. То было зловѣщее начало, и результатъ соотвѣтствовалъ ему. Въ немъ коренились система клубовъ и шаекъ, развившихся въ политической сферѣ, культъ Изиды—въ религіозной, и другой подобный же набожный бредъ. Народъ постоянно жилъ въ ожиданіи дороговизны и нерѣдко среди всѣхъ ужасовъ голода. Нигдѣ жизнь не была менѣе обезпечена, чѣмъ въ столицѣ; вполнѣ правильно совершенное рукою бандита убійство было единственнымъ вполнѣ свойственнымъ столицѣ промысломъ. Прелюдія къ убійству заключалась въ томъ, что жертву заманивали въ Римъ; никто не отваживался приблизиться къ столицѣ безъ вооруженной свиты. Внѣшній столичный строй соотвѣтствовалъ этому внутреннему разложенію и казался живой сатирою на аристократическій образъ правленія. Для регулированія теченія Тибра не дѣлалось ничего; хорошо было и то, что единственный мостъ, которымъ все еще пробавлялись, былъ сдѣланъ изъ камня, и велъ по крайней мѣрѣ вплоть до находившагося на Тибрѣ острова. Для планировки семихолмнаго города было сдѣлано такъ же мало,—развѣ гдѣ неровности сгладились, благодаря кучамъ мусора. Улицы, узкія и извилистыя, шли то вверхъ, то внизъ, и содержались въ жалкомъ видѣ; тротуары были узки и плохо вымощены. Обыкновенные дома строились изъ кирпича весьма небрежно, и достигали ужасающей вышины; по большей части они сооружались спекулянтами-архитекторами на счетъ мелкихъ владѣльцевъ, причемъ послѣдніе становились нищими, а первые богатѣли. Подобно одинокимъ островамъ, среди этого моря жалкихъ зданій, возвышались роскошные дворцы богачей, которые настолько же отни-

---

*) Въ плодородной Сициліи римскій шеффель продавался въ теченіе немногихъ лѣтъ и за 2 и за 20 сестерцій; изъ этого можно заключить, каковы были колебанія цѣнъ въ Римѣ, жившемъ исключительно заморскимъ хлѣбомъ и бывшемъ центромъ спекуляціи.

мали просторъ у небольшихъ домовъ, какъ владѣльцы ихъ у мелкаго люда его гражданскія права въ государствѣ; рядомъ съ мраморными колоннами и греческими статуями этихъ дворцовъ печально выглядывали разрушавшіеся храмы съ изображеніями боговъ, все еще большею частью вырѣзывавшимися изъ дерева. Объ уличной, береговой, пожарной и строительной полиціи почти и рѣчи не было; если правительство занималось когда-нибудь ежегодно происходившими наводненіями, пожарами, обвалами домовъ, то развѣ для того, чтобы потребовать отъ государственныхъ богослововъ отчета или размышленій по поводу настоящаго смысла подобныхъ знаменій и чудесъ. Постараемся представить себѣ Лондонъ съ невольническимъ населеніемъ Новаго Орлеана, константинопольскою полиціею, тѣмъ отсутствіемъ всякаго промысла, которымъ отличается нынѣшній Римъ, и политикою по образцу парижской 1848-го года, и мы получимъ приблизительное понятіе о томъ республиканскомъ величіи, гибель котораго оплакиваютъ Цицеронъ и его товарищи въ своихъ жалобныхъ письмахъ.

Отношенія Цезаря къ столичнымъ дѣламъ.

Цезарь не жаловался, но старался помочь горю, насколько это было возможно. Римъ оставался, конечно, чѣмъ былъ и прежде,— міровымъ городомъ. Попытка придать ему снова специфически-италійскій характеръ нетолько оказалась бы невыполнимой, но и не соотвѣтствовала бы плану Цезаря. Подобно тому, какъ Александръ нашелъ для своего греко-восточнаго царства пригодную столицу въ эллино-египетской и, главное, космополитической Александріи, такъ и столица новаго римско-эллинскаго мірового государства, находившаяся въ срединѣ между востокомъ и западомъ, должна была быть не италійскою общиною, а лишенною всякой національности столицею многихъ народовъ. Поэтому-то Цезарь и терпѣлъ, что рядомъ съ отцомъ-Юпитеромъ поклонялись только что внѣдрившимся въ римскую жизнь египетскимъ богамъ, и даже дозволялъ Іудеямъ свободное отправленіе въ самой столицѣ ихъ страннаго, чужеземнаго ритуала. Какъ ни отвратительно-пестра была въ Римѣ смѣсь паразитнаго, въ особенности эллино-восточнаго населенія, нигдѣ Цезарь не препятствовалъ ея распространенію; замѣчательно, что во время столичныхъ народныхъ празднествъ онъ допускалъ исполненіе пьесъ нетолько на латинскомъ и греческомъ, но и на другихъ языкахъ, вѣроятно финикійскомъ, еврейскомъ, сирійскомъ, испанскомъ.

Ослабленіе пролетаріата.

Но, если Цезарь вполнѣ сознательно примирился съ основнымъ характеромъ столицы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его засталъ, онъ тѣмъ не менѣе энергически вліялъ на улучшеніе господствовавшихъ въ Римѣ жалкихъ и позорныхъ порядковъ. Къ сожалѣнію, уничтожить корень зла было именно всего труднѣе. Устранить рабство съ неразлучными съ нимъ бѣдствіями Цезарь не могъ; остается нерѣшеннымъ, сдѣлалъ ли бы онъ со временемъ хоть попытку ограничить распростра-

neніе невольническаго населенія въ столицѣ, какъ онъ это сдѣлалъ въ другой области. Такъ же мало могъ Цезарь создать въ столицѣ, точно волшебствомъ, свободную промышленность; однако громадныя сооруженія, предпринятыя имъ, устранили до извѣстной степени царившую тамъ безкормицу и открыли людямъ неимущимъ источникъ небольшого, но честнаго заработка. Зато Цезарь энергически заботился объ уменьшеніи массы свободнаго пролетаріата. Постоянный наплывъ пролетаріевъ, привлекаемыхъ въ Римъ раздачею хлѣба, если не совершенно прекратился *), то значительно уменьшился вслѣдствіе превращенія этой раздачи въ пособіе бѣднымъ, разсчитанное на строго-опредѣленное число лицъ. Что же касается наличнаго пролетаріата, съ одной стороны его очищали суды, которымъ было предписано дѣйствовать противъ бродягъ съ безпощадной строгостью, съ другой же значительная заморская колонизація; изъ числа 80000 колонистовъ, которыхъ Цезарь перевезъ за море въ немногіе годы своего управленія, значительная доля была взята въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія; такъ, напримѣръ, большинство коринескихъ колонистовъ составляли вольноотпущенные. Если въ противоположность прежнему порядку, воспрещавшему вольно-отпущеннымъ доступъ къ какимъ либо городскимъ почетнымъ должностямъ, Цезарь открылъ передъ ними въ своихъ колоніяхъ двери ратуши, то это дѣлалось, безъ сомнѣнія, для того, чтобы склонить къ переселенію лучшихъ изъ нихъ. Но это переселеніе было, по всему вѣроятію, болѣе чѣмъ временною мѣрой. Убѣжденный, какъ и всѣ разсудительные люди, что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ бѣдствій пролетаріата является правильно организованная система колонизаціи, и, благодаря даннымъ условіямъ своего государства, имѣя возможность осуществить ее въ почти неограниченномъ размѣрѣ,—Цезарь вѣроятно имѣлъ въ виду продолжать ту же тактику и впредь, открывая вовобновляющемуся злу постоянный истокъ. Затѣмъ были приняты мѣры для того, чтобъ ограничить извѣстнымъ предѣломъ тяжкія колебанія цѣнъ на важнѣйшіе предметы питанія на столичныхъ рынкахъ. Приведенные въ порядокъ и завѣдуемые въ либеральномъ духѣ государственные финансы давали средство осуществить это, и два вновь назначенныхъ должностныхъ лица, «хлѣбные эдилы», приняли на себя особый надзоръ за поставщиками и рынками столицы.

Ограниченіе дѣятельности клубовъ.

Вліяніе клубовъ было парализовано, гораздо надежнѣе всякихъ

---

*) Не безъинтересно узнать, что позднѣйшій, но весьма разсудительный писатель, авторъ писемъ, обращенныхъ къ Цезарю будто бы отъ имени Саллюстія, совѣтовалъ ему передать раздачу хлѣба въ вѣдѣніе отдѣльныхъ муниципалитетовъ. Мнѣніе это имѣетъ глубокій смыслъ; та же мысль руководила и грандіозной заботливостью о сиротахъ со стороны муниципалитета временъ Траяна.

запретительныхъ законовъ, измѣненіемъ конституціи, такъ какъ съ уничтоженіемъ республики, республиканскихъ выборовъ и судовъ прекратились сами собой подкупы и насилія надъ избирательными и судебными коллегіями и вообще всѣ политическія сатурналіи черни. Кромѣ того ассоціаціи, вызванныя изданіемъ клодіева закона, были закрыты и всѣ дѣла о подобныхъ обществахъ переданы были высшему надзору правительственныхъ агентовъ. За исключеніемъ старинныхъ цеховъ и обществъ, религіозныхъ ассоціацій Евреевъ и другихъ особенно оговоренныхъ категорій, для которыхъ повидимому достаточно было одного лишь заявленія сенату, открытіе постояннаго общества съ правильными сборищами и руководящими комитетами было поставлено въ зависимость отъ полученія концессіи отъ сената, выдававшаго ее всегда, лишь испросивъ на то согласіе монарха.

Наряду съ этимъ развилось болѣе строгое примѣненіе уголовнаго законодательства и энергическая полиція. Законы, касавшіеся насильственныхъ дѣяній, стали строже, и неразумное опредѣленіе республиканскаго права, въ силу котораго преданный суду преступникъ имѣлъ возможность добровольнымъ изгнаніемъ снять съ себя часть заслуженнаго имъ наказанія, было съ полнымъ основаніемъ отмѣнено. Подробная инструкція, составленная Цезаремъ для столичной полиціи, въ значительной части дошла до насъ, и желающій можетъ убѣдиться, что императоръ не пренебрегъ и такими постановленіями, въ силу которыхъ домовладѣльцы обязаны были содержать въ исправности улицы и мостить тротуары во всю ширину обтесанымъ камнемъ, и издалъ распоряженія о движеніи носилокъ и экипажей, которые по свойству улицъ могли свободно передвигаться лишь въ вечерніе и ночные часы. Высшій надзоръ за мѣстной полиціей остался и впредь главнымъ образомъ въ рукахъ четырехъ эдиловъ, которые, если не въ предшествовавшій періодъ, то именно теперь получили каждый въ свое завѣдываніе точно ограниченный полицейскій округъ столицы. **Уличная полиція.**

Наконецъ строительное дѣло въ столицѣ и связанныя съ нимъ заботы объ общеполезныхъ учрежденіяхъ получили благодаря Цезарю, который соединялъ въ себѣ со свойственной Римлянамъ страстью строиться и дарованія организатора, внезапное развитіе, не только пристыдившее неурядицу послѣдней анархической поры, но и оставившее такъ же далеко за собой все, что совершила римская аристократія въ лучшіе свои дни, какъ геній Цезаря оставлялъ за собой добросовѣстныя усилія Марціевъ и Эмиліевъ. Цезарь превзошелъ своихъ предшественниковъ не только расширеніемъ строительной дѣятельности и размѣромъ затраченныхъ на нее суммъ, но истинно политическимъ тактомъ и чутьемъ общеполезности, отличающими все, что предпринялъ Цезарь для общественныхъ учрежденій Рима, отъ другихъ такихъ же начинаній. Онъ не возводилъ, подобно **Столичныя сооруженія.**

своимъ преемникамъ, храмовъ и другихъ роскошныхъ зданій, зато избавилъ римскій рынокъ,—на которомъ все еще происходили собранія гражданъ и ежедневныя дѣловыя сношенія, шатались массы празднаго люда, и гдѣ лѣпились судъ и биржа,—по крайней мѣрѣ отъ сборищъ и судебныхъ засѣданій, устроивъ для первой цѣли новое торжище, Saepta Julia, на Марсовомъ полѣ, для послѣдней же новую площадь, forum Julium, между Капитоліемъ и Палатиномъ. Въ томъ же духѣ было сдѣлано имъ другое распоряженіе, въ силу котораго городскимъ банямъ доставлялось ежегодно, большею частью изъ Африки, три милліона фунтовъ масла, вслѣдствіе чего становилось возможнымъ безвозмездно давать купающимся то масло, которое было имъ нужно для натиранія тѣла, что при старинной діэтетикѣ, преимущественно основанной на купаньѣ и натираніи тѣла мазями, являлось въ высшей степени цѣлесообразной мѣрою санитарной полиціи. Эти грандіозныя учрежденія были, однако, только первыми начинаніями полнѣйшаго превращенія Рима. Уже составлены были проэкты постройки новой ратуши, новаго роскошнаго базара, театра, который долженъ былъ соперничать съ помпейскимъ, публичной латинской и греческой библіотеки по образцу незадолго передъ тѣмъ погибшей въ Александріи (первое учрежденіе въ этомъ родѣ въ Римѣ),—и наконецъ марсова храма, который богатствомъ и роскошью превзошелъ бы все, до той поры существовавшее. Еще геніальнѣе былъ замыселъ прорыть каналъ черезъ понтійскія болота и отвести воду изъ нихъ въ Таррацину, измѣнить вслѣдствіе этого нижнее теченіе Тибра, и отъ нынѣшняго Ponte Molle направить его не между ватиканскимъ и марсовымъ полями, но вокругъ перваго изъ нихъ и Janiculum'а въ Остію, гдѣ жалкій рейдъ долженъ былъ уступить мѣсто обширной гавани. Благодаря этому гигантскому плану городъ былъ избавленъ отъ дурныхъ испареній сосѣдней мѣстности, а съ другой стороны сразу увеличивалась крайне ограниченная возможность предпринять новыя сооруженія въ столицѣ; перенесенное вслѣдствіе этого на лѣвый берегъ Тибра ватиканское поле могло замѣнить собой Марсово поле, то же обширное пространство становилось пригоднымъ для общественныхъ и частныхъ построекъ. Одновременно съ этимъ столица получила столь недостававшій ей безопасный портъ. Казалось, будто императоръ хотѣлъ двигать горами и рѣками и вступить въ состязаніе даже съ самой природой.—Но, какъ ни много выигралъ Римъ въ отношеніи удобствъ и величавой эффектности благодаря новому порядку, политическое главенство, какъ уже было сказано, именно вслѣдствіе его было утрачено безвозвратно. Время показало, сколько противоестественнаго и превратнаго было въ отождествленіи государства съ городомъ Римомъ; но эта точка зрѣнія слишкомъ срослась съ сущностью римской республики, и не могла утратить значенія прежде, чѣмъ падетъ сама

республика. Лишь въ новомъ цезаревомъ государствѣ она была совсѣмъ оставлена (за исключеніемъ развѣ нѣскольких фикцій въ законодательствѣ) и обширное управленіе въ столицѣ поставлено было на одинъ уровень со всѣми прочими муниципалитетами; Цезарь, заботясь и тутъ, какъ всегда, не только о водвореніи порядка, но и о томъ, чтобъ каждый предметъ былъ оффиціально обозначенъ соотвѣтствующимъ именемъ, составилъ свой италійскій общинный уставъ, безъ сомнѣнія умышленно, и для столицы и для всѣхъ прочихъ городскихъ общинъ. Къ этому нужно прибавить, что Римъ, именно потому, что онъ, какъ столица, былъ неспособенъ развить у себя свободный общинный бытъ, стоялъ даже въ императорскій періодъ далеко позади остальныхъ муниципалитетовъ. Республиканскій Римъ былъ вертепомъ разбойниковъ, но въ тоже время и государствомъ; Римъ въ дни монархіи, хотя и принявшись украшать себя всею роскошью трехъ частей свѣта, блистать золотомъ и мраморомъ, игралъ все таки въ государствѣ роль царскаго дворца и вмѣстѣ съ тѣмъ богадѣльни для бѣдныхъ—т. е. являлся необходимымъ зломъ.

Италія и сельское хозяйство въ ней.

Если относительно столицы дѣло шло лишь о томъ, чтобы политическими мѣрами, принимаемыми въ широкихъ размѣрахъ, устранить ясное для всѣхъ нестроеніе, то несравненно труднѣе являлась задача поднять глубоко разстроенное италійское народное хозяйство. Главными недугами его были указанные уже выше, быстрое сокращеніе земледѣльческаго класса и неестественное усиленіе торговаго сословія, къ чему присоединился необозримый рядъ другихъ вредныхъ вліяній. Читателю вѣроятно памятно, въ какомъ положеніи находилось сельское хозяйство въ Италіи. Несмотря на самыя серьозныя попытки остановить уничтоженіе мелкаго землевладѣнія, въ эту пору въ Италіи въ тѣсномъ смыслѣ слова врядъ ли гдѣ нибудь, за исключеніемъ долинъ въ Апеннинахъ и Абруццахъ, крестьянское хозяйство являлось господствующей хозяйственной формой. Что касается эксплоатаціи болѣе крупныхъ участковъ, то намъ трудно подмѣтить существенную разницу между приведеннымъ уже выше описаніемъ ея у Катона и тѣмъ, которое оставилъ Варронъ, развѣ только ту, что она и въ хорошихъ и въ дурныхъ своихъ сторонахъ отражаетъ вліяніе усиленнаго роста городской жизни въ Римѣ. «Бывало, говоритъ Варронъ, житница въ имѣніи была обширнѣе господскаго дома,—теперь же обыкновенно видишь обратное». Въ тускуланской и тибуртинской полевой полосѣ, на побережьѣ въ Таррацинѣ и Байяхъ, тамъ, гдѣ бывало старое латинское и италійское крестьянство засѣвало поля и снимало жатву, возникали въ безполезномъ блескѣ дачи римской знати, и многія изъ нихъ своими садами и водопроводами, резервуарами соленой и прѣсной воды, устроенными для сохраненія и размноженія рѣчныхъ и морскихъ рыбъ, садками для улитокъ, заказ-

ными лѣсами для разведенія зайцевъ, кроликовъ, оленей, лосей и кабановъ, и птичниками, гдѣ водились даже журавли и павлины, покрывали пространство, годное для городка средней величины. Но роскошь большого города обогащаетъ часто прилежнаго труженика и даетъ пропитаніе большему числу бѣдныхъ, чѣмъ щедрая на подаянія филантропія. Птичники и рыбные садки знатныхъ баръ были, конечно, очень дорого стоющею затѣей. Но и по своимъ размѣрамъ и по напряженности затрачиваемыхъ усилій этотъ видъ хозяйства развился до такой степени, что наприм. наличный составъ голубятни оцѣнивался даже въ 100,000 сестерцій (7600 талеровъ), что возникло правильное птицеводство, и добываемое въ птичникахъ удобреніе принималось въ разсчетъ для воздѣлыванія полей, — бывали примѣры, что какой нибудь птичный торговецъ былъ въ состояніи доставить заразъ 5000 дроздовъ (даже ихъ умѣли тогда разводить) за плату въ три денарія (21 грошъ) за штуку, рыбный торговецъ могъ доставить заразъ-же 2000 муренъ, а отъ продажи рыбъ, оставшихся послѣ Люція Лукулла, выручено было 40,000 сестерц. (3050 тал.). Понятно, что при такихъ условіяхъ тотъ, кто съ умѣньемъ и прилежно принялся бы за такое дѣло, могъ доставить себѣ большую выгоду при сравнительно небольшомъ основномъ капиталѣ. Одинъ незначительный пчеловодъ продалъ въ ту пору съ своего небольшого сада, величиной съ десятину, лежавшаго по близости отъ Фалерій, меду въ годъ не менѣе какъ на 10,000 сестерцій (760 талеровъ). Соревнованіе разводителей плодовыхъ деревьевъ доходило до того, что въ изящныхъ дачахъ кладовая для плодовъ, выложенная мраморомъ, нерѣдко служила въ тоже время и столовой, и въ ней выставлялись на показъ диковинные, иногда, вѣроятно, просто купленные плоды, выдававшіеся за произведенія собственной культуры. Въ эту же пору занесено было въ италійскіе сады разведеніе малоазіатской вишни и другихъ чужеземныхъ плодовыхъ деревьевъ. Огороды, гряды розъ и фіалокъ приносили въ Лаціумѣ и Кампаніи богатый доходъ, и «базаръ лакомствъ» (forum cupedinis) возлѣ священной дороги, гдѣ обыкновенно продавались плоды, медъ и вѣнки, игралъ важную роль въ столичной жизни. Вообще хозяйство въ большихъ имѣніяхъ, являвшееся въ сущности системой плантацій, достигло въ экономическомъ отношеніи высокой степени развитія. Долина ріетская, окрестности фуцинскаго озера, мѣстности у Лириса и Волтурна, вообще средняя Италія, находились, въ земледѣльческомъ отношеніи, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; даже извѣстныя отрасли промышленности, которыя могли примкнуть къ эксплоатаціи имѣнія подъ условіемъ невольничьей работы, усвоивались наиболѣе интеллигентными сельскими хозяевами, а тамъ, гдѣ обстоятельства тому благопріятствовали, въ имѣніи устраивались заѣзжіе дома, прядильни и въ особенности кирпичные заводы. Италійскіе производи-

тели вина и масла не только снабжали италійскіе рынки, но и дѣлали большіе обороты этими обоими продуктами и въ заморской отпускной торговлѣ. Скромное спеціально-техническое сочиненіе, дошедшее до насъ изъ тѣхъ временъ, сравниваетъ Италію съ большимъ плодовымъ садомъ, и тѣ картины, которыя современный поэтъ набрасываетъ, изображая свою прекрасную родину, гдѣ обильно орошенные луга, роскошныя хлѣбныя поля, смѣющіеся холмы въ виноградникахъ, окаймленные темными рядами масличныхъ деревьевъ, гдѣ таится краса страны, величественные сады, сіяющіе разнообразными красотами, окруженные въ свою очередь рядами пригодныхъ для питанія деревьевъ,—эти картины, очевидно вѣрно передающія то, что поэтъ ежедневно имѣлъ передъ глазами, переносятъ насъ въ самыя цвѣтущія части Тосканы и Terra di lavoro. Скотоводство, въ особенности распространявшееся въ силу указанныхъ уже обстоятельствъ все шире и шире на югѣ и юговостокѣ, являлось во всякомъ случаѣ шагомъ назадъ; но и оно въ извѣстной степени имѣло свою долю въ общемъ подъемѣ производительности, такъ какъ дѣлалось многое для улучшенія породъ скота и наприм. за породистаго осла платилось по 60,000 (4600 тал.), 100,000 (7570 т.), даже по 400,000 сестерцій (30,000 тал.). Усовершенствованное италійское сельское хозяйство достигало въ эту пору, когда его оживляло общее развитіе интеллигенціи и обиліе капиталовъ, несравненно болѣе блестящихъ результатовъ, чѣмъ когда либо при старомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, и заходило даже за предѣлы Италіи, такъ какъ италійскій сельскій хозяинъ эксплоатировалъ и въ провинціяхъ большія полосы земли, разводя тамъ скотъ и даже воздѣлывая хлѣбныя растенія.

Денежное хозяйство.

Для того чтобъ увидать, какіе размѣры принимало наряду съ сельскимъ хозяйствомъ, необыкновенно развивавшимся на развалинахъ мелкой крестьянской собственности, денежное хозяйство, какъ италійское купечество, соперничая съ Евреями, и разлившись по всѣмъ провинціямъ и подручнымъ государствамъ, стянуло наконецъ всѣ капиталы въ Римъ,—для этого достаточно, послѣ сказаннаго прежде объ этомъ предметѣ, указать на тотъ единственный фактъ, что на столичномъ денежномъ рынкѣ размѣръ процентовъ достигалъ лишь шести со ста, и что деньги въ Римѣ были такимъ образомъ дешевле, чѣмъ когда либо (среднимъ числомъ) во всей древности.

Соціальныя неустройства.

Вслѣдствіе подобнаго народнаго хозяйства, гдѣ торговля и хлѣбопашество были основаны на скопленіи капиталовъ и спекуляціи, въ распредѣленіе состояній вкралось страшнѣйшее неравенство. Нигдѣ, быть можетъ, представленіе о республиканскомъ бытѣ, составленномъ изъ милліонеровъ и нищихъ, не оправдывалось въ такой степени, какъ въ Римѣ въ послѣдніе дни республики; и нигдѣ, точно также, основной принципъ рабовладѣльческаго государства, въ силу

котораго богатый человѣкъ, живущій трудомъ своихъ рабовъ, неизмѣнно считался почтеннымъ, бѣдный же, существовавшій трудомъ рукъ своихъ, почитался презрѣннымъ, нигдѣ этотъ принципъ не являлся съ такой страшной несомнѣнностью неопровержимой основой всѣхъ общественныхъ и частныхъ отношеній *). Настоящаго средняго сословія, въ нашемъ смыслѣ слова, въ Римѣ не было, да и вообще его не можетъ быть въ правильно организованномъ рабовладѣльческомъ государствѣ; то, что какъ-бы является хорошимъ среднимъ сословіемъ и до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ ему на дѣлѣ, это тѣ богатые купцы и землевладѣльцы, которые были достаточно необразованы или пожалуй образованы, для того, чтобы ограничиваться сферою своей

---

*) Характерно слѣдующее разъясненіе въ сочиненіи Цицерона „De officiis“: „Относительно того, какіе занятія и промыслы могутъ считаться приличными и какіе низкими, существуютъ вообще слѣдующія представленія: прежде всего предаются поруганію тѣ занятія, которыя возбуждаютъ ненависть въ публикѣ, какъ напримѣръ, занятія сборщика податей, ростовщика. Неприлично и низко также занятіе тѣхъ работниковъ, которымъ платятъ деньги не за умственный, а за физическій трудъ, такъ какъ они за извѣстное вознагражденіе какъ-бы продаютъ себя въ рабство. Низки и тѣ мелкіе торговцы, которые закупаютъ у купца товаръ для немедленной распродажи, такъ какъ они не могутъ преуспѣвать безъ черезмѣрной лжи, а нѣтъ вещи менѣе почтенной, чѣмъ обманъ. Всѣ ремесленники занимаются также такимъ дѣломъ, ибо нельзя быть джентльменомъ въ мастерской. Всего менѣе почтенны тѣ ремесленники, которые содѣйствуютъ чревоугодію, напримѣръ, говоря словами Теренція (Евнухъ, 2,2 26): „колбасники, продавцы соленой рыбы, повара, торговцы живностью, рыбаки“, точно также и парфюмеры, учители танцевъ и вся масса балаганщиковъ. Тѣ-же виды промысловъ, которые либо предполагаютъ высшее образованіе, либо даютъ немалый доходъ, какъ, напримѣръ, медицина, архитектура, преподаваніе полезныхъ предметовъ, приличны для тѣхъ, чьему сословію они подобаютъ. Торговля же, если она мелочная, вещь низкая; конечно, оптовой торговецъ, который ввозитъ массу товара изъ всевозможныхъ странъ и продаетъ его безъ обмана многимъ лицамъ, не заслуживаетъ большого порицанія; если же онъ, пресытившись наживой или, скорѣе, удовлетворившись ею, перейдетъ, какъ нѣкогда съ моря въ гавань, такъ подъ конецъ изъ гавани къ поземельной собственности, тогда его можно съ полнымъ основаніемъ даже похвалить. Но изъ всѣхъ видовъ промысла нѣтъ лучшаго, болѣе производительнаго, отраднаго, болѣе приличествующаго свободному человѣку, какъ занятіе землевладѣльца“.— Итакъ, порядочный человѣкъ долженъ, въ строгомъ смыслѣ слова, быть землевладѣльцемъ; торговля сходитъ ему съ рукъ лишь поскольку она является средствомъ достиженія этой послѣдней цѣли; наука, какъ профессія, годится только для Грековъ и тѣхъ изъ Римлянъ, которые не принадлежатъ къ высшимъ слоямъ, и которые этимъ способомъ могутъ добиться нѣкоторой терпимости въ аристократическихъ кругахъ. Это полнѣйшее развитіе плантаторской аристократіи, съ сильнымъ оттѣнкомъ купеческой спекуляціи и легкимъ налетомъ общаго образованія.

дѣятельности и удаляться отъ общественной жизни. Такихъ разумныхъ людей было немного среди купеческаго сословія, гдѣ многочисленные вольноотпущенные и другіе выскочки зачастую увлекались желаніемъ играть роль знатныхъ людей; образцомъ можетъ служить нерѣдко упоминаемый въ памятникахъ того времени Титъ Помпоній Аттикъ, который, пріобрѣтя громадное состояніе частью сельскимъ хозяйствомъ, которымъ онъ занимался въ Италіи и Эпирѣ, частью своими денежными оборотами, развѣтвившимися по всей Италіи, Греціи, Македоніи и Малой Азіи, остался, несмотря на все это, простымъ дѣловымъ человѣкомъ, не добивался какой-либо должности, не занимался даже государственными денежными оборотами, а, далекій, какъ отъ скаредной экономіи, такъ и отъ безпутной и тягостной роскоши того времени (столъ его, напримѣръ, стоилъ ежедневно 100 сестерцій, т. е. $7^1/_2$ талеровъ), удовлетворялся удобнымъ существованіемъ, гдѣ соединялись прелесть сельской и городской жизни, удовольствіе сношеній съ лучшимъ обществомъ Рима и Греціи и наслажденіе литературою и искусствомъ. Многочисленнѣе и дѣловитѣе были италійскіе землевладѣльцы стараго покроя. Современная литература сохранила въ характеристикѣ Секста Росція, убитаго въ 673 году во время проскрипціи, образъ такого сельскаго дворянина (pater familias rusticanus); состояніе его, исчисленное въ шесть милліоновъ сестерцій (457,000 талеровъ), главнымъ образомъ заключалось въ его тринадцати помѣстьяхъ; хозяйствомъ онъ занимается раціонально и со страстью; въ столицу является рѣдко или никогда,— а, если появляется, то не менѣе выдѣляясь своими неотесанными манерами среди утонченныхъ сенаторовъ, чѣмъ многочисленная толпа его грубыхъ пахарей среди модныхъ столичныхъ слугъ. Гораздо болѣе, чѣмъ космополиты-аристократы и купеческое сословіе, всюду пускавшіе и нигдѣ не пустившіе корни, сохраняли эти землевладѣльцы и поддерживавшіеся, главнымъ образомъ благодаря имъ, «сельскіе города» (municipia rusticana), какъ нравы и обычаи отцовъ, такъ и ихъ чистый и благородный языкъ. Классъ землевладѣльцевъ считался основнымъ элементомъ націи; спекуляторъ, составившій себѣ состояніе и желающій войти въ ряды избраннаго общества, закупалъ себѣ земли и старался, если не сдѣлаться самъ сквайромъ, то по крайней мѣрѣ воспитать въ этихъ видахъ своего сына. Мы находимъ слѣды этого землевладѣльчества вездѣ, гдѣ въ политикѣ сказывается народное направленіе и гдѣ литература даетъ свѣжіе отростки; изъ его рядовъ патріотическая оппозиція противъ новой монархіи извлекала свои лучшія силы; къ нему принадлежали Варронъ, Лукреций, Катуллъ, и, быть можетъ, нигдѣ свѣжесть этого землевладѣльческаго быта не сказалась такъ характеристично, какъ въ изящномъ введеніи ко второй книгѣ сочиненія Цицерона о законахъ,—составляющемъ цвѣтущій оазисъ въ убійственной пустынѣ

созданій этого столь же безсодержательнаго, какъ и многоглаголиваго борзописца.

Армія. Но образованное купечество и способный классъ землевладѣльцевъ далеко заслонялись обоими руководящими классами общества: нищенствующимъ народомъ и настоящимъ знатнымъ свѣтомъ. У насъ нѣтъ статистическихъ цифръ, которыя бы могли рѣзко опредѣлить относительное состояніе бѣдности и богатства въ эту эпоху; но здѣсь слѣдуетъ снова припомнить замѣчаніе, сдѣланное почти за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ однимъ римскимъ государственнымъ человѣкомъ: что число семействъ, обладавшихъ прочнымъ богатствомъ, не превышало въ рядахъ римскаго гражданства двухъ тысячъ. Съ той поры само гражданство стало инымъ. Но есть несомнѣнные признаки, что неравныя отношенія между бѣдностью и богатствомъ остались по меньшей мѣрѣ одинаковыми. Увеличивавшееся обнищаніе массы слишкомъ рѣзко высказывалось въ притокѣ ея въ мѣста раздачи хлѣба и на вербовки въ войско; соотвѣтственное возрастаніе богатства опредѣленно подтверждается однимъ изъ писателей этого поколѣнія, когда, говоря объ условіяхъ жизни въ дни Марія, онъ замѣчаетъ, что состояніе въ 2 милліона сестерцій (152,000 талеровъ) «при тогдашнихъ условіяхъ считалось богатствомъ»; тому же соотвѣтствуютъ и данныя, которыя мы имѣемъ о состояніи отдѣльныхъ лицъ. Страшно богатый Люцій Домицій Агенобарбъ обѣщалъ дать изъ собственныхъ средствъ двадцати тысячамъ солдатъ по 4 югера земли каждому; состояніе Помпея доходило до 70 милліоновъ сестерцій (5,300,000 талеровъ); состояніе актера Езопа—до 20 милліоновъ (1,520,000 талеровъ); Маркъ Крассъ, богатѣйшій изъ богачей, имѣлъ въ началѣ своей карьеры 7 милліоновъ (530,000 талеровъ), въ концѣ же ея, послѣ раздачи громадныхъ суммъ народу, 170 милліоновъ сестерцій (13 милліоновъ талеровъ). Послѣдствіемъ такой бѣдности и такого богатства было совершенно различное въ обоихъ случаяхъ по внѣшности, но въ сущности совершенно тождественное экономическое и нравственное разложеніе. Если простолюдинъ спасался отъ голодной смерти исключительно благодаря поддержкѣ изъ государственныхъ фондовъ, то необходимымъ слѣдствіемъ этого нищенскаго состоянія, являвшимся, правда, иной разъ и причиною его, была нищенская лѣность и разгулъ. Вмѣсто того, чтобы работать, римскій плебей предпочиталъ глазѣть въ театрѣ; шинки и публичные дома имѣли такой успѣхъ, что демагоги находили выгоднымъ для себя привлекать на свою сторону хозяевъ подобныхъ заведеній. Бои гладіаторовъ, воплощеніе и поддержка самой страшной деморализаціи древняго міра, достигли такого процвѣтанія, что одна продажа афишъ являлась прибыльнымъ дѣломъ; въ это время было придумано страшное нововведеніе, въ силу котораго вопросъ о жизни и смерти побѣжденнаго рѣшался не посредствомъ дуэли

или по произволу побѣдителя, а благодаря капризу зрителей, по чьему знаку побѣдитель либо щадилъ, либо прикалывалъ повергнутаго на землю побѣжденнаго. Гладіаторское ремесло такъ поднялось въ цѣнѣ или, пожалуй, цѣна свободы такъ понизилась, что неустрашимость и соревнованіе, исчезнувшія въ это время съ полей битвы, были обыкновеннымъ явленіемъ на аренѣ, гдѣ, если того требовалъ законъ о поединкахъ, каждый гладіаторъ давалъ заколоть себя, безмолвно и не дрогнувъ, и даже свободные люди нерѣдко продавали себя антрепренерамъ въ гладіаторы изъ-за стола и жалованья. И въ пятомъ столѣтіи плебеи голодали и перебивались, но свободы своей они не продавали, а юристы того времени врядъ ли согласились бы изобразить, съ помощью грубаго юридическаго крючкотворства, столь же безнравственный, какъ и противозаконный контрактъ такого наемника-гладіатора, которымъ онъ обязывался безпрекословно давать вязать, бить, жечь и убивать себя, если того потребуетъ уставъ «заведенія»,—договоромъ подлежащимъ обжалованію.—Въ знатныхъ кругахъ ничего подобнаго не происходило, но въ сущности они были почти такіе же и во всякомъ случаѣ не лучше. Въ ничего недѣланьѣ аристократъ могъ смѣло помѣряться съ пролетаріемъ; если послѣдній фланировалъ на мостовой, то первый нѣжился до бѣлаго дня на пуховикахъ. Расточительность царила здѣсь съ такой же неумѣренностью, какъ и безвкусіемъ. Она завладѣла политикою и театромъ, конечно ко вреду обоихъ; консульская должность покупалась за невѣроятную цѣну; лѣтомъ 700 года голоса одного только перваго разряда оплачивались 10 милліонами сестерцій (760,000 талеровъ), точно также и безумная роскошь декорацій отравляла истинно образованному человѣку всякое наслажденіе сценическою игрою. Наемныя цѣны квартиръ были въ Римѣ среднимъ числомъ вчетверо выше, чѣмъ въ провинціальныхъ городахъ; какой-то домъ былъ однажды проданъ за 15 милліоновъ сестерцій (1,150,000 талеровъ). Домъ Марка Лепида (консула 676 года), красивѣйшій въ Римѣ въ эпоху смерти Суллы, являлся одно только поколѣніе позднѣе даже не сотымъ въ спискѣ римскихъ дворцовъ. Мы уже упоминали о погонѣ за загородными домами; такой домъ, цѣнившійся главнымъ образомъ изъ-за своего рыбнаго садка, продавался за 4 милліона сестерцій (300,000 талеровъ). Настоящій аристократъ нуждался теперь по крайней мѣрѣ въ двухъ загородныхъ домахъ, въ одномъ среди сабинскихъ или албанскихъ горъ близъ столицы, и въ другомъ въ окрестностяхъ кампанскихъ водъ; кромѣ того ему по возможности нуженъ былъ еще садъ передъ городскими воротами. Еще безумнѣе роскоши этихъ виллъ были, какъ бы сказать, могильные дворцы, изъ которыхъ нѣкоторые и понынѣ свидѣтельствуютъ о томъ, въ какихъ громадныхъ массахъ плитъ нуждался богатый Римлянинъ, для того чтобы умереть прилично своему сану. Не было также недостатка и

въ любителяхъ лошадей и собакъ; заплатить 24,000 сестерцій (1830 талеровъ) за красивую лошадь не представляло ничего необычайнаго. Всѣ гонялись за мебелью изъ тонкаго дерева,—такъ столъ изъ африканскаго кипариса оплачивался 1 милліономъ сестерцій (76,000 талеровъ); за одѣяніями изъ пурпуровыхъ матерій или прозрачнаго газа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за изящно драпированными передъ зеркаломъ складками (какъ разсказываютъ, ораторъ Гортензій осыпалъ своего товарища бранью за то, что онъ смялъ его одежду въ тѣснотѣ); за драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, впервые въ это время заступившими мѣсто древнихъ, несравненно болѣе изящныхъ и художественныхъ золотыхъ украшеній. Не совершенное ли варварство видимъ мы, когда во время тріумфа Помпея надъ Митридатомъ несли изображеніе побѣдителя, все украшенное жемчугомъ, а въ столовыхъ диваны и этажерки оковывались серебромъ и даже кухонная утварь дѣлалась изъ этого металла! Тоже варварство видимъ мы, когда въ эту эпоху собиратели рѣдкостей выламываютъ изъ древнихъ серебряныхъ кубковъ художественно-сдѣланные медальоны, чтобы вставить ихъ въ золотые сосуды. Путешествовали въ то время также съ большой роскошью. «Когда путешествовалъ сицилійскій намѣстникъ», разсказываетъ Цицеронъ,—«что, конечно, дѣлалось не зимою, а лишь съ наступленіемъ весны, не той, что стоитъ въ календарѣ, а той, когда распускаются розы, онъ, подобно виѳинскимъ царямъ, странствовалъ на носилкахъ, которыя несли восемь носильщиковъ. Сидѣлъ онъ на подушкахъ изъ мальтійскаго газа, наполненныхъ розовымъ листомъ; одинъ вѣнокъ украшалъ его голову, другой шею, къ носу онъ подносилъ тонкій полотняный мѣшечекъ, полный розовыхъ листовъ. Такимъ образомъ его несли вплоть до его спальни». Но ни одинъ видъ роскоши не процвѣталъ въ такой степени, какъ грубѣйшій изъ всѣхъ, именно роскошь за столомъ. Все устройство виллъ, вся жизнь въ нихъ сводились въ сущности къ одной цѣли, обѣду; не только имѣлись различныя столовыя для зимы и лѣта, но столы накрывались въ картинной галереѣ, въ складѣ плодовъ, птичникѣ, или на воздвигнутой въ паркѣ эстрадѣ, вокругъ которой при появленіи въ театральномъ костюмѣ лица, изображавшаго Орфея, толпились, лишь только онъ успѣвалъ съиграть тушъ, дрессированные для этой цѣли олени и кабаны. Таковы были заботы о декораціи; но за этимъ отнюдь не забывалась и дѣйствительность. Не только поваръ былъ настоящимъ гастрономомъ, но зачастую самъ хозяинъ являлся учителемъ своихъ поваровъ. Уже давно жаркое было отодвинуто на задній планъ морскими рыбами и устрицами. теперь же италійскія рѣчныя рыбы были совершенно изгнаны съ хорошаго стола, и италійскія вина и гастрономическіе товары считались почти чѣмъ-то неблагороднымъ. Во время народныхъ празднествъ подавалось теперь кромѣ италійскаго фалернскаго вина, три

Роскошь въ столѣ.

сорта иностранныхъ винъ, сицилійское, лесбійское, хіосское, въ то время какъ за одно поколѣніе передъ тѣмъ считалось достаточнымъ обнести одинъ разъ вокругъ стола греческое вино, даже во время пышныхъ пировъ. Въ погребѣ оратора Гортензія находился складъ изъ 10,000 кувшиновъ чужеземнаго вина (въ 33 берлинск. кварты каждый). Не удивительно, что италійскіе винодѣлы стали жаловаться на конкурренцію греческихъ островныхъ винъ. Ни одинъ естествоиспытатель не могъ бы ревностнѣе изслѣдовать страны и моря въ поискахъ за новыми животными и растеніями, чѣмъ это дѣлали гастрономы того времени въ поискахъ за новыми кухонными рѣдкостями *). Если гость во избѣжаніе послѣдствій отъ всего предложеннаго ему разнообразія яствъ, принималъ послѣ обѣда рвотное, то это никого болѣе не поражало. Разгулъ, во всѣхъ его видахъ, былъ настолько систематическій и тяжеловѣсный, что нашлись люди, которые избирали для себя профессіею преподаваніе знатнымъ юношамъ практическихъ и теоретическихъ уроковъ порока. Нѣтъ нужды еще долѣе останавливаться на этой дикой картинѣ самаго однообразнаго разнообразія, тѣмъ болѣе, что и въ этой области Римляне далеко не были оригинальны, а ограничивались черезмѣрнымъ и безмозглымъ подражаніемъ эллино-восточной роскоши. Разумѣется, Плутусъ, не хуже Кроноса, пожираетъ своихъ дѣтей; соперничество изъ-за этихъ большею частью ничтожныхъ предметовъ аристократическихъ вожделѣній до такой степени подняло цѣны на нихъ, что люди, увлекаемые теченіемъ, проживали въ короткое время самое громадное состояніе и что даже тѣ, которые изъ-за чести продѣлывали вмѣстѣ съ другими только самое необходимое, должны были видѣть, какъ быстро проматывалось ихъ унаслѣдованное, прочное бла-

Черезмѣрность долговъ.

*) До насъ дошелъ (Макроб., 3, 13) списокъ кушаній того обѣда, который давалъ Люцій Лентулъ Нигеръ до 691 года при вступленіи его въ жреческую должность и на которомъ присутствовали pontices, въ томъ числѣ Цезарь, весталки и нѣкоторые другіе жрецы и родственницы хозяина. До обѣда подавались морскіе ежи, устрицъ столько, сколько хотѣли гости, хамы (chama), спондилы, дрозды со спаржею; пулярдки, пастеты съ устрицами; черные и бѣлые морскіе жолуди; опять спондилы; разные виды раковинъ; бекасы, оленьи и свиныя котлеты; дичь запеченная въ мукѣ; опять бекасы; два сорта пурпуровыхъ раковинъ. Самъ обѣдъ состоялъ изъ свиной грудины, кабаньей головы; рыбнаго и свиного пастета; утокъ; вареныхъ чирковъ; зайцевъ; жареныхъ птицъ; пирожнаго; понтійскаго печенья. Это были тѣ коллегіальные пиры, которые, по словамъ Варрона (de r. r., 3, 2, 16), поднимали цѣны на всѣ гастрономическіе товары. Въ одной изъ своихъ сатиръ онъ упоминаетъ, какъ о наиболѣе извѣстныхъ иноземныхъ диковинкахъ, о слѣдующихъ: Павлины изъ Самоса. Рябчики изъ Фригіи. Журавли изъ Мелоса. Ягнята изъ Амвракіи. Скумбры изъ Калхедона. Мурены изъ Гадитанскаго пролива. Дорогія рыбы (?) изъ Пессина. Устрицы и раковины изъ Тарента. Осетры (?) изъ Родоса. Скаты (?) изъ Киликіи. Орѣхи съ Θазоса. Финики изъ Египта. Испанскіе жолуди.

госостояніе. Такъ напримѣръ, домогательство консульской должности являлось обыкновенно торной дорогой, ведущей къ разоренію знатныхъ домовъ; тоже самое можно сказать объ играхъ, громадныхъ постройкахъ и всѣхъ остальныхъ, правда веселыхъ, но за то дорогихъ занятіяхъ. Истинно царскія богатства того времени превышались только еще болѣе грандіозными долгами; въ 692 году Цезарь, по сведеніи счетовъ наличности, имѣлъ 25 милліоновъ сестерцій (1,900,000 талеровъ) долгу; Маркъ Антоній задолжалъ въ двадцати четырехлѣтнемъ возрастѣ 6 милліоновъ сестерцій (460,000 талеровъ), четырнадцать лѣтъ спустя 40 милліоновъ (3 милліона талеровъ), Куріонъ 60 милліоновъ (4½ милліона талеровъ), Милонъ 70 милліоновъ (5½ милліоновъ талеровъ). Насколько расточительная жизнь знатныхъ Римлянъ зависѣла сплошь отъ кредита, явствуетъ изъ того факта, что вслѣдствіе займовъ, сдѣланныхъ различными конкуррентами на консульскую должность, проценты поднялись внезапно въ Римѣ съ четырехъ на восемь. Вмѣсто того, чтобы своевременно устроить конкурсъ или ликвидацію и тѣмъ выяснить дѣла, должникъ, напротивъ того, обыкновенно затягивалъ свою несостоятельность, насколько было возможно; вмѣсто того, чтобы продать свою собственность, въ особенности земли, онъ по прежнему дѣлалъ займы и разыгрывалъ роль мнимаго богача, пока ударъ не разражался тѣмъ грознѣе и не начинался конкурсъ въ родѣ, напримѣръ, милонова, гдѣ кредиторы получали немного болѣе четырехъ процентовъ съ ликвидаціонныхъ суммъ. При этомъ безусловно быстромъ переходѣ отъ богатства къ банкротству и систематическомъ обманѣ никто, конечно, не наживался кромѣ разсчетливаго банкира, который умѣлъ во время открывать и прекращать кредитъ. Такимъ образомъ финансовое положеніе находилось почти на той же точкѣ, на которой оно было въ пятомъ столѣтіи, въ худшее время соціальнаго кризиса; номинальные землевладѣльцы являлись какъ-бы собственниками исковъ своихъ кредиторовъ; должники либо рабски подчинялись имъ, такъ что менѣе значительные являлись въ свитѣ кредиторовъ, подобно вольноотпущеннымъ, болѣе же знатные говорили и подавали голосъ даже въ сенатѣ по знаку своихъ заимодавцевъ, либо были готовы объявить войну собственности, терроризировать своихъ заимодавцевъ посредствомъ угрозъ и даже избавиться отъ нихъ съ помощью заговора или междоусобной войны. На это опиралось могущество Красса; отсюда возникали волненія, сигналомъ для которыхъ служили «вольныя шутки», какъ напримѣръ возмущеніе Цинны, и еще болѣе характеристическія возмущенія Катилины, Целія, Долабеллы, вполнѣ тождественныя съ той борьбою между имущими и неимущими, которая волновала эллинскій міръ за столѣтіе передъ тѣмъ. Естественно было, что при такомъ ненадежномъ экономическомъ положеніи всякій финансовый или политическій кризисъ вызывалъ страш-

нѣйшую неурядицу. Едва ли стоитъ указывать на то, что обычныя явленія, исчезновеніе капиталовъ, внезапное пониженіе стоимости земли, многочисленныя банкротства и почти всеобщая несостоятельность, установились какъ во время союзныхъ и митридатовыхъ войнъ, такъ и теперь, во время междоусобицъ.

Безнравственность.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ нравственность и семейный бытъ сдѣлались во всѣхъ слояхъ общества чѣмъ-то отжившимъ. Бѣдность считалась не только единственнымъ, но и худшимъ позоромъ и преступленіемъ; за деньги государственный человѣкъ продавалъ государство, гражданинъ свою свободу; должности офицера, какъ и шаръ присяжнаго были продажны; за деньги же отдавалась и знатная дама, и уличная куртизанка; поддѣлка документовъ и клятвопреступленіе были такъ распространены, что одинъ изъ народныхъ поэтовъ того времени называетъ клятву «почвой для долговъ». Честность была забыта; тотъ, кто отказывался отъ подкупа, считался не честнымъ человѣкомъ, а личнымъ врагомъ. Уголовная статистика всѣхъ временъ и странъ врядъ ли можетъ противопоставить что либо той страшной картинѣ разнообразныхъ, ужасающихъ и противоестественныхъ преступленій, какую представляетъ намъ процессъ Авла Клуэнція, разыгравшійся въ одномъ изъ вліятельнѣйшихъ семействъ италійскаго провинціальнаго города.—Но по мѣрѣ того, какъ въ глубинѣ народной жизни накоплялась все болѣе зловредная и бездонная масса грязи, на поверхности тѣмъ глаже и обманчивѣе становился внѣшній лоскъ утонченности нравовъ и всеобщей дружбы. Всѣ навѣщали другъ друга, такъ что въ знатныхъ домахъ явилась необходимость допускать лицъ, ежедневно пріѣзжавшихъ ко времени вставанья хозяевъ, въ извѣстномъ порядкѣ, установленномъ самимъ господиномъ или, при случаѣ, и его камердинеромъ, давать отдѣльную аудіенцію только самымъ выдающимся посѣтителямъ, остальныхъ же допускать сперва группами, а подъ конецъ и всей массой,—распредѣленіе, начало котораго, говорятъ, было положено Гаемъ Гракхомъ, и въ этомъ случаѣ являющимся первымъ основателемъ новой монархіи. Такое же развитіе, какъ визиты, получила и «вѣжливая» переписка; лица, не имѣющія ни дружественныхъ, ни дѣловыхъ сношеній, тѣмъ не менѣе обмѣниваются изъ далекихъ странъ и изъ-за морей «дружественными» письмами, между тѣмъ, какъ настоящія и формальныя дѣловыя письма встрѣчаются наоборотъ лишь тамъ, гдѣ посланіе обращено къ цѣлой корпораціи. Точно также и приглашенія къ обѣду, обычные подарки къ новому году, семейныя празднества измѣняются въ своемъ характерѣ и превращаются почти что въ публичное торжество; даже сама смерть не избавляетъ отъ этихъ церемоній съ безчисленными «близкими», а напротивъ, для того, чтобы умереть прилично, Римлянинъ долженъ былъ непремѣнно оставить каждому изъ нихъ что

Дружба.

нибудь на память. Какъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего биржевого міра, настоящая тѣсная домашняя и дружественная связь настолько утратилась въ тогдашнемъ Римѣ, что всѣ дѣловыя и пріятельскія сношенія могли пробавляться пустыми формами и украшеніями, и мѣсто истинной дружбы могъ постепенно заступить тотъ призракъ ея, который занимаетъ не послѣднее мѣсто среди злыхъ духовъ, парившихъ надъ междоусобицами и преслѣдованіями того времени.

Женщина. Такою же характеристической чертою озареннаго тусклымъ блескомъ разложенія современной эпохи является эманципація женщинъ. Экономически женщины давно уже освободились; въ данную пору мы встрѣчаемъ уже нерѣдко довѣренныхъ лицъ, распорядителей дѣлами одинокихъ богатыхъ дамъ, которые съ готовностью помогаютъ имъ въ завѣдываніи ихъ состояніемъ и веденіи ихъ процессовъ, внушая къ себѣ уваженіе своимъ пониманіемъ дѣлъ и знаніемъ права и добиваясь богатыхъ вознагражденій и долей въ наслѣдствахъ, не хуже другихъ биржевыхъ спекуляторовъ. Но женщины почувствовали себя освобожденными не отъ одной экономической опеки отцовъ или мужей. Любовныя дѣла всевозможныхъ разборовъ постоянно занимали всѣхъ. Балетныя танцовщицы (mimae) могли поспорить съ современными намъ баллеринами по разнообразію и виртуозности своего промысла; примадонны, Цитера и другія, чьи имена не стоитъ вспоминать, запятнали даже страницы исторіи. Но ихъ какъ бы утвержденному ремеслу дѣлалъ существенный подрывъ свободный промыселъ дамъ аристократическаго круга. Любовныя связи стали такимъ заурядным явленіемъ въ самыхъ знатныхъ семьяхъ, что только самый необычайный скандалъ могъ сдѣлать ихъ предметомъ особыхъ сплетенъ; судебное же вмѣшательство казалось даже почти смѣшнымъ. Безпримѣрный скандалъ, выполненный въ 693 году Публіемъ Клодіемъ во время женскаго праздника въ домѣ первосвященника, хотя въ тысячу разъ худшій, чѣмъ тѣ происшествія, которыя за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ привели къ цѣлому ряду смертныхъ приговоровъ, прошелъ почти безъ всякаго разслѣдованія и совершенно безнаказанно. Сезонъ купанья (въ апрѣлѣ, когда государственныя дѣла пріостанавливались и знатный свѣтъ стекался въ Байи и Путеоли) пріобрѣталъ особую привлекательность благодаря дозволеннымъ и недозволеннымъ сближеніямъ, которыя, наравнѣ съ музыкой, пѣніемъ и элегантными завтраками на лодкахъ или на берегу, оживляли катанье въ гондолахъ. Тутъ дамы господствовали неограниченно; но онѣ вовсе не довольствовались этой, по праву принадлежащей имъ, областью, а занимались также политикой, появлялись на сборищахъ партій и принимали своими деньгами и интригами участіе въ взволнованномъ броженіи тогдашнихъ котерій. Того, кто видѣлъ этихъ государственныхъ дѣятельницъ выступающими на сценѣ Сципіона или Катона, и замѣчалъ рядомъ съ ними молодого щеголя,

копировавшаго всю внѣшность прелестницы своимъ гладкимъ подбородкомъ, тонкимъ голоскомъ и походкой съ перевальцемъ, косыночками на груди и головѣ, запонками на рукавахъ и женскими сандаліями, — того должна была устрашить противоестественность этого общества, въ которомъ оба пола повидимому хотѣли обмѣняться ролями. Какъ въ аристократическихъ кругахъ смотрѣли на разводъ, мы видимъ на дѣлѣ въ образѣ дѣйствій ихъ лучшаго и наиболѣе нравственнаго представителя, Марка Катона, который не затруднился по просьбѣ одного друга, искавшаго женитьбы, развестись съ женой и такъ же мало затруднился жениться вторично на той же женщинѣ послѣ смерти этого друга. Безбрачіе и безплодность распространялись все болѣе, особенно въ высшихъ кругахъ. Если тутъ бракъ давно считался бременемъ, которое люди принимали на себя лишь ради общественныхъ интересовъ, то мы уже находимъ у Катона и его единомышленниковъ то убѣжденіе, которому за сто лѣтъ передъ тѣмъ Полибій приписывалъ паденіе Эллады, — что граждане обязаны поддерживать цѣльность крупныхъ состояній и потому не должны имѣть слишкомъ много дѣтей. Какъ далеки были тѣ времена, когда прозвище «дѣтородителя» (proletarius) считалось почетнымъ въ глазахъ Римлянина!

Обезлюдение Италіи. Вслѣдствіе этихъ соціальныхъ условій латинское племя въ Италіи ужасающимъ образомъ вымирало и прекрасныя мѣстности постигала или паразитная эмиграція или полное запустѣніе. Значительная часть населенія Италіи устремилась за границу. Уже сумма дарованій и рабочихъ силъ, которыхъ требовало назначеніе италійскихъ чиновниковъ и италійскихъ гарнизоновъ во всѣхъ областяхъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, превышала наличныя силы полуострова, тѣмъ болѣе, что эти высланные на чужбину элементы по большей части утрачивались навсегда для народа. Чѣмъ болѣе римская община разросталась въ государство, совмѣщавшее въ себѣ много народностей, тѣмъ болѣе правившая аристократія отвыкала считать Италію своимъ исключительнымъ отечествомъ; изъ числа же набранныхъ или навербованныхъ солдатъ значительная часть бывала перебита въ частыхъ войнахъ, особенно во время кровопролитныхъ междоусобій, — другіе же совершенно отчуждались отъ родины, благодаря долгому сроку службы вдали, иногда охватывавшему всю ихъ жизнь. Такимъ же образомъ, какъ общественная служба, и спекуляція удерживала на всю жизнь или же на извѣстное время внѣ страны немало землевладѣльцевъ и почти все купечество, и, вслѣдствіе деморализующаго вліянія торговыхъ путешествій, отучала въ особенности купцовъ отъ обычной гражданской жизни на родинѣ и отъ многихъ связей и обязательствъ по отношенію къ ихъ семьямъ. Въ видѣ возмездія за это, Италія получила частью пролетаріатъ изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, частью приливъ ремесленниковъ и мелкихъ

торговцевъ изъ Малой Азіи, Сиріи и Египта, которые угнѣздились главнымъ образомъ въ столицѣ, и еще болѣе въ портовыхъ городахъ Остіи, Путеоли, Брундизіумѣ. Но въ большей и важнѣйшей части Италіи не было даже такой замѣны болѣе чистыхъ элементовъ нечистыми, и населеніе видимо убавлялось. Въ особенности это было замѣтно въ мѣстностяхъ, богатыхъ пастбищами; благословенную страну скотоводства, Апулію, современники называли самой безлюдной частью Италіи; точно тоже было и съ окрестностями Рима, гдѣ Кампанья подъ взаимодѣйствіемъ застоя въ земледѣліи и возроставшей порчи воздуха съ каждымъ годомъ все болѣе пустѣла. Labici, Gabii, Bovillae, нѣкогда миловидные провинціальные городки, упали до такой степени, что трудно было собрать представителей отъ нихъ для церемоній празднества Латиновъ. Тускулумъ, хотя все еще одна изъ важнѣйшихъ общинъ Лаціума, состоялъ почти только изъ нѣсколькихъ знатныхъ семействъ, которыя жили въ столицѣ, но удерживали за собой права тускуланскихъ обывателей, и по числу гражданъ-избирателей стоялъ далеко позади мелкихъ общинъ внутренней Италіи. Коренной элементъ населенія, годнаго для военной службы, въ этой мѣстности, которая бывало являлась опорою для вооруженныхъ силъ Рима, до такой степени вымеръ, что въ ту пору, читая баснословныя въ сравненіи съ новѣйшей дѣйствительностью сказанія хроники о бояхъ Эквовъ и Вольсковъ, люди испытывали изумленіе, даже, можетъ быть, ужасъ. Не вездѣ положеніе дѣлъ было столь безотрадно, и именно не во всѣхъ остальныхъ частяхъ Средней Италіи и Кампаніи; но все таки вообще, какъ сѣтуетъ объ этомъ Варронъ, нѣкогда многолюдные города Италіи стояли теперь опустѣвшіе.

Италія при олигархіи. Ужасную картину представляла Италія при управленіи олигархіи. Ничто не смягчало роковаго противорѣчія между міромъ нищихъ и кругомъ богатыхъ людей. Чѣмъ явственнѣе и мучительнѣе ощущалось оно съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ болѣе богатство достигало опьяняющаго величія, и чѣмъ мрачнѣе зіяла пропасть нищеты, тѣмъ чаще въ этомъ измѣнчивомъ мірѣ спекуляцій и игры счастія отдѣльныя личности поднимались изъ глубины на самую высоту, и снова низвергались изъ величія въ пропасть. Чѣмъ далѣе по внѣшности расходились оба міра, тѣмъ тѣснѣе сходились они въ одинаковомъ уничтоженіи семейной жизни, которая все таки составляетъ основу и зародышъ всякой національности, въ одинаковой праздности и склонности роскошничать, одинаково безтолковой экономіи, духѣ зависимости, вовсе не мужественной, подкупности, различающейся развѣ только по своему тарифу, одинаково преступной деморализаціи, одинаковымъ поползновеніямъ вести борьбу противъ собственности. Богатство и бѣдность въ тѣсномъ союзѣ между собой изгоняли Италиковъ изъ Италіи и наполнили полуостровъ частью толпами рабовъ,

частью же устрашающимъ запустѣніемъ. Вся эта картина ужасна, но вовсе не единственна въ своемъ родѣ: вездѣ, гдѣ господство капитала широко развивается въ рабовладѣльческомъ государствѣ, оно одинаковымъ путемъ губитъ и опустошаетъ міръ Божій. Подобно тому, какъ вода въ потокахъ отражаетъ въ себѣ всевозможные оттѣнки неба, клоака же постоянно остается вѣрна себѣ, такъ и Италія цицероновой эпохи существенно похожа на Элладу Полибія и еще болѣе на Кареагенъ временъ Аннибала, гдѣ совершенно такимъ же путемъ всемогущій капиталъ довелъ средній классъ до уничтоженія, торговлю же и землевладѣніе до крайнихъ предѣловъ процвѣтанія, и подъ конецъ вызвалъ одинаково прикрашенное извнѣ нравственное и политическое паденіе націи. Все страшное зло, совершаемое въ нынѣшнее время капиталомъ во вредъ народу и цивилизаціи, остается далеко позади ужасовъ, разыгравшихся въ древнихъ капиталистическихъ государствахъ, подобно тому, какъ свободный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, всегда останется выше раба; лишь тогда, когда созрѣютъ зловѣщія сѣмена, запавшія въ жизнь сѣверо-американскихъ штатовъ, человѣчество снова пожнетъ подобные плоды.

Реформы Цезаря.

Зло, отъ котораго изнемогало италійское народное хозяйство, было неизлечимо въ самой основѣ, а то, что могло еще быть исправлено, должно было главнымъ образомъ быть измѣнено самимъ народомъ и временемъ, такъ какъ даже самое мудрое правительство, какъ и самый искусный врачъ, не могутъ превратить испорченныхъ соковъ организма въ свѣжіе, а въ глубоко-скрытыхъ недугахъ могутъ только устранить случайности, которыя мѣшаютъ дѣйствію цѣлебныхъ силъ природы. Мирная энергія новаго правительства явилась подобнымъ устраняющимъ средствомъ, благодаря чему нѣкоторые изъ худшихъ симптомовъ уничтожились сами собою, какъ напримѣръ, искуственное размноженіе пролетаріата, безнаказанность преступленій, продажа должностей и многое другое. Но для правительства мало оставаться только безвреднымъ. Цезарь не принадлежалъ къ числу тѣхъ хитроумныхъ людей, которые потому не окружаютъ моря плотиною, что никакая дамба не въ состояніи сдержать большого прилива. Всего лучше, когда народъ и его экономическое развитіе идутъ законнымъ путемъ; но такъ какъ они уже разъ вышли изъ колеи, то Цезарь употреблялъ всю свою энергію на то, чтобы распоряженіями свыше вернуть націю къ жизни въ отечествѣ и семьѣ и преобразить народное хозяйство съ помощью законодательства и декретовъ.

Мѣропріятія противъ Римлянъ, отсутствующихъ изъ

Для того, чтобы помѣшать продолжительному отсутствію Италиковъ изъ Италіи и принудить аристократію и купечество основывать домашній очагъ на родинѣ, нетолько былъ сокращенъ служебный срокъ солдатъ, но людямъ даже сенаторскаго сословія было запрещено жить внѣ Италіи иначе, какъ по общественнымъ дѣламъ, остальнымъ

родины. Мѣры для поднятія семьи. Законы противъ роскоши.

же Италикамъ, достигшимъ брачнаго возраста (отъ двадцатаго по сороковой годъ) предписывалось не отсутствовать изъ Италіи долѣе трехъ лѣтъ сряду. По этой же причинѣ Цезарь еще во время своего перваго консульства, при основаніи колоніи въ Капуѣ, предпочтительно позаботился объ отцахъ многихъ дѣтей; сдѣлавшись императоромъ, онъ назначалъ особыя награды отцамъ многочисленныхъ семей, въ тоже самое время поступая въ качествѣ верховнаго судьи съ неслыханнымъ, по римскимъ понятіямъ, ригоризмомъ въ вопросѣ о разводѣ и прелюбодѣяніи. Онъ не счелъ даже ниже своего достоинства издать подробный законъ о роскоши, между прочимъ сократившій расточительность въ строительномъ дѣлѣ, покрайней мѣрѣ въ одномъ изъ ея безумнѣйшихъ проявленій, именно, въ сооруженіи гробницъ; опредѣлилъ извѣстный срокъ, возрастъ и сословіе для ношенія пурпуровыхъ одеждъ и жемчуга, и совершенно воспретилъ его взрослымъ мужчинамъ, назначилъ максимумъ расхода на столъ и положительно не дозволилъ нѣкоторыя лакомыя блюда. Подобныя распоряженія были, правда, не новы, но ново было то, что «морализаторъ» строго слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, наблюдалъ за съѣстными рынками при посредствѣ наемныхъ надсмотрщиковъ, дѣлалъ ревизію стола знатныхъ баръ при помощи своихъ агентовъ и поручилъ имъ конфисковать запрещенныя кушанья. Подобными теоретическими и практическими уроками умѣренности, даваемыми новою монархическою полиціею знатному міру, ничего, конечно, не могло быть достигнуто, кромѣ того, что роскошь стала нѣсколько скрываться, но если лицемѣріе есть дань уваженія порока добродѣтели, то при тогдашнихъ обстоятельствахъ внѣшняя порядочность, хотя бы даже установленная полицейскимъ способомъ, все таки была не малымъ шагомъ къ лучшему.

Долговой кризисъ.

Серьознѣе и съ большими шансами на успѣхъ были мѣры Цезаря, предпринятыя для лучшаго регулированія италійскаго денежнаго и земельнаго хозяйства. Прежде всего вопросъ коснулся временныхъ мѣръ относительно скудости денегъ и долгового кризиса вообще. Законъ, вызванный жалобами противъ задерживанія капиталовъ, въ силу котораго никто не могъ имѣть при себѣ болѣе 60,000 сестерцій (4600 талеровъ) наличнымъ золотомъ и серебромъ, былъ, вѣроятно, изданъ лишь затѣмъ, чтобы смягчить гнѣвъ близорукой публики противъ ростовщиковъ; форма его обнародованія, во время котораго дѣлался видъ, будто только обновляется древній, забытый законъ, доказываетъ, что Цезарь стыдился этого распоряженія, и врядъ ли оно когда либо серьозно примѣнялось. Гораздо важнѣе былъ вопросъ о предстоявшихъ платежахъ, полной отмѣны которыхъ настойчиво требовала партія, называвшая Цезаря своимъ. Мы уже говорили, что онъ не очень уступалъ этому требованію; тѣмъ не менѣе еще въ 705 году должникамъ были сдѣланы двѣ важныя

уступки. Во первыхъ была понижена *) цифра невнесенныхъ процентовъ, а уже выплаченные были вычтены изъ капитала. Во вторыхъ, кредиторъ былъ обязанъ принимать въ уплату долга движимую и недвижимую собственность должника по той цѣнѣ, которую вещи эти имѣли до междоусобной войны и вызваннаго ею всеобщаго упадка цѣнъ. Послѣднее постановленіе не было несправедливо; если кредиторъ фактически считался собственникомъ имущества должника въ размѣрѣ слѣдовавшей ему суммы, то справедливо было, чтобы и на него падала доля участія въ общемъ пониженіи стоимости этого имущества. Что же касается отмѣны процентовъ, уже внесенныхъ или еще не уплаченныхъ, то помимо ихъ, кредиторы теряли еще среднимъ числомъ двадцать пять процентовъ съ капитала, слѣдовавшаго имъ въ эпоху изданія закона, что на дѣлѣ было прямой уступкою демократамъ, такъ неистово требовавшимъ кассаціи всѣхъ взысканій, возникшихъ изъ займовъ. Какъ ни зловредны были дѣйствія ростовщиковъ, этимъ невозможно однако оправдать всеобщее, имѣвшее даже обратное дѣйствіе, уничтоженіе всѣхъ процентныхъ обязательствъ. Чтобы по крайней мѣрѣ понять это распоряженіе, слѣдуетъ припомнить отношеніе демократической партіи къ процентному вопросу. Законъ, запрещавшій взиманіе процентовъ, исторгнутый у власти въ 412 году плебейскою оппозиціей, былъ, правда, на дѣлѣ какъ-бы отмѣненъ знатью, руководившей чрезъ преторовъ гражданскими процессами, но формально онъ все еще оставался въ силѣ съ той поры; демократы седьмого столѣтія, смотрѣвшіе на себя, какъ на прямыхъ продолжателей древняго сословно-соціальнаго движенія, постоянно провозглашали незаконность процентныхъ платежей и, хотя временно, практически примѣнили свое воззрѣніе во время смутъ маріевой эпохи. Невѣроятно, чтобы Цезарь раздѣлялъ грубые взгляды своей партіи на процентный вопросъ. Если въ своемъ отчетѣ о ликвидаціонномъ дѣлѣ онъ упоминаетъ о распоряженіи, касавшемся передачи имущества должника въ уплату долга, но умалчиваетъ объ упраздненіи процентовъ, то это является, быть можетъ, нѣмой самоукоризной.

Но, какъ и всякій вождь, онъ все таки зависѣлъ отъ своей партіи и не могъ вполнѣ отрекаться отъ традиціонныхъ убѣжденій демократіи въ процентномъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось рѣшить это дѣло не въ качествѣ всемогущаго фарсальскаго побѣдителя, а еще до своего отбытія въ Эпиръ. Если онъ скорѣе потерпѣлъ, чѣмъ

*) Объ этомъ нѣтъ, правда, прямыхъ показаній, но это необходимо заключить изъ позволенія вычитать изъ капитала тѣ проценты, которые были выплачены наличными деньгами или векселями (si quid usurae nomine numeratum aut perscriptum fuisset, Светон., Caes., 42), что признавалось незаконнымъ.

самъ постановилъ это нарушеніе законнаго порядка и собственности, за то, конечно, только благодаря Цезарю было отвергнуто ни съ чѣмъ не соразмѣрное требованіе кассаціи всѣхъ взысканій по займамъ. Къ чести его надо помнить, что должники были еще гораздо болѣе возмущены сдѣланной имъ, по ихъ мнѣнію, крайне недостаточною уступкою, чѣмъ урѣзанные въ своихъ правахъ кредиторы, вслѣдствіе чего они подъ руководствомъ Целія и Долабеллы дѣлали тѣ безумныя, быстро парализованныя попытки, о которыхъ мы уже говорили, стараясь захватить путемъ смутъ и междоусобицъ то, въ чемъ Цезарь имъ отказалъ.

Новыя правила о конкурсахъ.

Но Цезарь не ограничился временной помощью должникамъ, а сдѣлалъ все, что могъ, какъ законодатель, чтобы на долго сломить грозное могущество капитала. Прежде всего былъ провозглашенъ великій юридическій принципъ, гласившій, что свобода не зависитъ отъ собственности, а является вѣчнымъ правомъ человѣка, отнять которое государство можетъ только у преступника, но не у должника. Цезарь, быть можетъ, подъ вліяніемъ болѣе гуманнаго египетскаго и греческаго, въ особенности солонова законодательства *), первый ввелъ въ право этотъ принципъ, вполнѣ противорѣчившій постановленіямъ стариннаго конкурснаго порядка, но съ той поры незыблемо удержавшійся. По римскому праву несостоятельный должникъ становился слугою своего кредитора. Законъ дозволялъ, правда, лицу, сдѣлавшемуся временно несостоятельнымъ не вслѣдствіе дѣйствительнаго задолжанія, а только благодаря невольнымъ затрудненіямъ, спасти свою личную свободу уступкою всего имущества; для человѣка же дѣйствительно задолжавшаго этотъ параграфъ закона былъ, правда, смягченъ во второстепенныхъ пунктахъ, но держался неизмѣнно въ главныхъ чертахъ цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ; конкурсъ, обращенный прежде всего на состояніе должника, являлся въ видѣ исключенія лишь тогда, когда должникъ умеръ, утратилъ свои гражданскія права или пропалъ безъ вѣсти. Цезарь первый даровалъ задолжавшему человѣку то право, на которое и понынѣ опираются наши конкурсные порядки, именно право цѣною уступки кредиторамъ всего имущества, удовлетворяетъ ли оно ихъ притязанія, или нѣтъ, купить свою личную свободу, правда, съ урѣзанными почетными и политическими правами, и начать новую жизнь, во время которой онъ могъ подвергнуться преслѣдованію за старинныя, неудовлетворенныя конкурсомъ требованія лишь тогда, если онъ дѣйствительно могъ выполнить

*) Египетскіе царскіе законы (Діодоръ, 1, 79) и законы Солона воспрещали долговыя записи (Плутархъ, Сол., 13, 15), въ силу которыхъ за неплатежемъ слѣдовало лишеніе личной свободы должника; законы Солона налагали на должника, даже въ случаѣ конкурса, не болѣе, какъ уступку всего наличнаго капитала.

ихъ, не разорившись еще разъ. Если такимъ образомъ великому демократу выпала на долю слава освобожденія самаго принципа личной свободы отъ давленія капитала, то онъ пытался вмѣстѣ съ тѣмъ обуздать и въ полицейскомъ отношеніи господство капитала помощью законовъ о лихвенныхъ процентахъ.

Демократическое нерасположеніе къ процентнымъ обязательствамъ нашло и въ немъ ревнителя. Для италійскихъ денежныхъ оборотовъ былъ установленъ высшій предѣлъ процентныхъ займовъ, разрѣшаемыхъ отдѣльнымъ капиталистамъ, при чемъ, повидимому, принимался въ разсчетъ принадлежащій каждому изъ нихъ въ Италіи земельный участокъ, такъ что этотъ максимумъ равнялся, вѣроятно, половинѣ стоимости участка. Нарушенія этого постановленія считались, по примѣру процедуры, предписывавшейся республиканскими законами о ростѣ, уголовными проступками и вѣдались коммиссіею присяжныхъ. Когда удалось провести на практикѣ эти постановленія, то каждый италійскій капиталистъ былъ тѣмъ самымъ принужденъ стать и землевладѣльцемъ, и классъ тѣхъ капиталистовъ, которые промышляли только процентами, совершенно исчезъ въ Италіи. Косвенно это также значительно ограничило не менѣе вредную категорію черезмѣрно задолжавшихъ землевладѣльцевъ, въ сущности лишь управлявшихъ своими имѣніями отъ имени кредиторовъ, такъ какъ кредиторы, если они желали продолжать свое занятіе, принуждены были сами закупать себѣ землю. Но въ этомъ то вообще и заключается доказательство того, что Цезарь вовсе не хотѣлъ только возобновить наивное воспрещеніе процентовъ, изобрѣтенное старой народной партіей, а хотѣлъ именно допустить взиманіе ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но весьма вѣроятно, что онъ при этомъ не ограничился лишь приведеннымъ выше постановленіемъ, дѣйствительнымъ только въ Италіи, о крайнемъ размѣрѣ суммы, отдаваемой взаймы, но установилъ также, въ особенности для провинцій, высшій предѣлъ и самихъ процентовъ. Опредѣлено было, что не допускается брать болѣе, чѣмъ 1% въ мѣсяцъ, или насчитывать на еще невыплаченные проценты новые, или наконецъ предъявлять судебный искъ о невнесенныхъ процентахъ, если они превышаютъ своей суммой капиталъ; эти постановленія были, вѣроятно, по греческо-египетскому образцу *), введены прежде другихъ частей римскаго государства, въ Малой Азіи Люціемъ Лукулломъ и удержаны были въ этой области лучшими изъ его преемниковъ; затѣмъ они были особыми намѣстническими распоряженіями перенесены и на другія провинціи, и наконецъ по мень-

Законодательство противъ роста.

---

*) По крайней мѣрѣ послѣднее изъ этихъ правилъ встрѣчается въ старыхъ законахъ египетскихъ царей (Діодоръ, I, 79). Напротивъ, солоново законодательство не знаетъ никакихъ ограниченій размѣра процентовъ, а наоборотъ прямо дозволяетъ насчитывать проценты въ любомъ размѣрѣ.

шей мѣрѣ одна часть ихъ получила въ силу постановленія римскаго сената въ 704 году значеніе закона для всѣхъ провинцій. Если эти распоряженія Лукулла во всемъ ихъ объемѣ являются впослѣдствіи въ видѣ государственнаго закона и несомнѣнно послужили основой для римскаго и даже для современнаго намъ законодательства о процентныхъ операціяхъ, то и эту мѣру, вѣроятно, слѣдуетъ приписать желанію самого Цезаря.

Поднятіе земельнаго хозяйства. Рука объ руку съ этими стремленіями помѣшать перевѣсу капитала шли старанія вернуть земельное хозяйство въ ту колею, которая всего болѣе содѣйствовала народному преуспѣянію. Въ этомъ отношеніи было весьма важно улучшеніе судопроизводства и полиціи. Если до той поры никто въ Италіи не былъ спокоенъ насчетъ своей жизни или своего движимаго и недвижимаго имущества, если, напримѣръ, предводители римскихъ шаекъ, въ тѣ промежутки, когда члены шайки не были заняты въ Римѣ политикою, предавались въ лѣсахъ Этруріи грабежу или округляли, съ помощью завоеванія, помѣстья своихъ патроновъ, то теперь подобному кулачному праву наступилъ конецъ; земледѣльческое населеніе всѣхъ классовъ должно было прежде всего ощутить благодѣтельныя послѣдствія этой перемѣны. Цезаревы строительные планы, отнюдь не ограничивавшіеся одной только столицею, также должны были помочь въ этомъ дѣлѣ: такъ напримѣръ, заложеніе удобной проѣзжей дороги изъ Рима черезъ Апеннинскія ущелья къ Адріатическому морю должно было служить къ оживленію италійскихъ внутреннихъ сношеній, пониженіе-же фуцинскаго озера—помочь марсійскимъ крестьянамъ. Но Цезарь вмѣшивался и непосредственно въ хозяйственныя дѣла Италіи. Италійскимъ скотоводамъ было предписано брать покрайней мѣрѣ хоть треть своихъ пастуховъ изъ числа свободно-рожденныхъ взрослыхъ людей, что одновременно мѣшало развитію бандитства и доставляло свободному пролетаріату новый источникъ заработка.

Раздача пахотной земли. Въ аграрномъ вопросѣ Цезарь, имѣвшій еще во время перваго консульства своего случай регулировать это дѣло, поступалъ разумнѣе Тиверія Гракха и не стремился къ возстановленію крестьянскаго хозяйства во что бы то ни стало, хотя бы даже посредствомъ прикрытой юридическими тонкостями революціи противъ собственности; онъ, какъ и всякій настоящій государственный человѣкъ, считалъ напротивъ, первымъ и наиболѣе ненарушимымъ политическимъ правиломъ безопасность всего, что называется собственностью или же считается таковою въ глазахъ массы, и только въ этихъ предѣлахъ онъ старался осуществить въ Италіи отмѣну мелкаго землевладѣнія, что и ему казалось жизненнымъ вопросомъ для націи. И въ этомъ отношеніи можно было сдѣлать многое. Всякое частное право, называлось ли оно собственностью или титулованнымъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, относилось ли оно ко времени Гракха или Суллы, безу-

словно признавалось имъ. Напротивъ того, всѣ дѣйствительно коронныя италійскія земли съ присоединеніемъ къ нимъ значительной части недвижимости, находившейся въ распоряженіи духовныхъ учрежденій и по закону принадлежавшей государству, были, поскольку, конечно, онѣ годились для хлѣбопашества, назначены для раздачи по гракховой системѣ, послѣ того какъ Цезарь, съ своими привычками строгой бережливости, не терпѣвшими никакой растраты или небрежности даже въ мелочахъ, организовалъ, при посредствѣ возобновленной коммиссіи двадцати, всеобщую ревизію италійскихъ актовъ на владѣніе. Принадлежавшія государству лѣтнія апулійскія и зимнія самнитскія пастбища остались и впредь казенною собственностью, и императоръ имѣлъ кромѣ того намѣреніе, въ случаѣ еслибъ не хватило этихъ владѣній, добыть недостающее количество земли посредствомъ покупки италійскихъ помѣстій на государственный счетъ. При выборѣ новыхъ поселенцевъ оказывалось, конечно, предпочтеніе выслужившимся солдатамъ, и тяжесть наборовъ превращалась по возможности въ благодѣяніе для родины, такъ какъ Цезарь возвращалъ ей взятаго въ рекруты пролетарія въ видѣ крестьянина-собственника; замѣчательно еще и то, что опустѣвшія латинскія общины, въ родѣ Вей и Капены, предпочтительно снабжались имъ новыми колонистами. Постановленіе Цезаря, дававшее новымъ собственникамъ право продавать полученныя ими земли лишь по истеченіи двадцатилѣтняго срока, являлось счастливымъ среднимъ путемъ между полной независимостью права продажи, которое быстро возвратило бы большую часть розданныхъ земель въ руки крупныхъ капиталистовъ, и постояннымъ ограниченіемъ свободы дѣловыхъ сношеній, установленнымъ, хотя и тщетно, Тиверіемъ Гракхомъ и Суллою.

Поднятіе муниципальнаго быта.

Если правительство энергически старалось удалять вредные элементы изъ италійской народной жизни и укрѣплять здоровые, то и вновь регулированный общинный строй, недавно только развившійся послѣ кризиса союзныхъ войнъ изъ государственнаго быта и наряду съ нимъ, долженъ былъ придать новой абсолютной монархіи совмѣстимую съ нею общинную жизнь и побудить застывшее движеніе благороднѣйшихъ элементовъ общественнаго быта къ болѣе живой дѣятельности. Руководящимъ принципомъ двухъ постановленій, изданныхъ первое въ 705 году для цизальпійской Галліи, второе въ 709 году для Италіи *), и изъ которыхъ въ особенности послѣднее осталось основнымъ закономъ на все будущее время, является частью строгое очищеніе городскихъ коллегій отъ всѣхъ безнравственныхъ элементовъ (между тѣмъ какъ въ немъ не видно и слѣда политической полиціи), частью возможно большее ограниченіе центра-

*) Отъ обоихъ законовъ уцѣлѣли значительные отрывки.

лизаціи и большая свобода дѣйствій общинъ, за которыми и теперь еще оставалось право выбора должностныхъ лицъ и, хотя ограниченная, гражданская и уголовная юрисдикція. Общія полицейскія распоряженія, напримѣръ ограниченіе права ассоціацій, нашли, впрочемъ, мѣсто и здѣсь. Таковы мѣры, которыми Цезарь пытался преобразовать италійское народное хозяйство. Нетрудно было бы указать на ихъ недостаточность, такъ какъ онѣ оставили и впредь массу неустройства, и столь же легко замѣтить, что онѣ во многихъ отношеніяхъ дѣйствовали вредно, такъ какъ отчасти весьма ощутительно стѣсняли свободу сношеній. Еще легче можно доказать, что недуги народнаго хозяйства въ Италіи были вообще неизлечимы. Но несмотря на все это, государственный дѣятель-практикъ не можетъ не надивиться и на самое дѣло и на его творца. Много значитъ уже то, что тамъ, гдѣ такой человѣкъ, какъ Сулла, отчаяваясь въ возможности радикальной помощи, ограничился только формальнымъ переустройствомъ, недугъ былъ захваченъ у самаго корня, и тутъ начата борьба съ нимъ; мы вправѣ предположить, что Цезарь такъ близко достигъ своими реформами предѣловъ возможнаго, какъ вообще суждено было это сдѣлать государственному человѣку и Римлянину. Обновленія Италіи и онъ не ожидалъ, да и не могъ ожидать отъ этихъ мѣръ, но скорѣе желалъ достигнуть его совершенно инымъ путемъ, для изученія котораго необходимо сначала обозрѣть состояніе провинцій въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ Цезарь.

Провинціи.

Областей, которыя засталъ Цезарь въ римскомъ государствѣ, было счетомъ четырнадцать; семь въ Европѣ: западная и восточная Испанія, транзальпійская Галлія, италійская Галлія съ Иллиріей, Македонія съ Греціей, Сицилія, Сардинія съ Корсикой; пять азіатскихъ: Азія, Виѳинія и Понтъ, Киликія съ Кипромъ, Сирія, Критъ; двѣ африканскія, — Кирена и Африка; къ числу ихъ Цезарь присоединилъ три новыхъ области, учредивъ два намѣстничества: лугдунскую Галлію и Бельгію, и образовавъ изъ Иллиріи особую провинцію *).

Управленіе провинціями при олигархіи.

Въ завѣдываніи этими провинціями злоупотребленія олигархіи достигли такого предѣла, какого не достигало, по крайней мѣрѣ на западѣ, никакое правительство, несмотря на всѣ совершавшіяся тамъ несправедливости, и далѣе чего, по нашимъ понятіямъ, идти невозможно. Правда, отвѣтственность за это падала не на однихъ только Римлянъ. Еще до нихъ греческое, финикійское или азіатское

---

*) Такъ какъ по Цезареву уставу ежегодно намѣстничества дѣлились между шестнадцатью пропреторами и двумя проконсулами, и послѣдніе оставались въ должности два года, то можно было-бы изъ этого заключить, что онъ намѣревался вообще довести число провинцій до двадцати. Точныя же данныя здѣсь тѣмъ труднѣе добыть, что Цезарь, быть можетъ, умышленно учредилъ меньше должностей, чѣмъ кандидатуръ.

господство отняло у народовъ высшее пониманіе и самое чувство свободы и справедливости, присущее лучшимъ временамъ. Конечно, было довольно несправедливо, что каждый обвиненный провинціалъ былъ обязанъ лично предстать къ отвѣту въ Римъ по первому требованію, что римскій намѣстникъ вмѣшивался по своему усмотрѣнію въ юрисдикцію и управленіе самостоятельныхъ общинъ, произносилъ смертные приговоры и кассировалъ постановленія общиннаго совѣта; что въ случаѣ войны онъ распоряжался ополченіемъ по своей прихоти и зачастую самымъ возмутительнымъ образомъ; такъ, напримѣръ, при осадѣ понтійской Гераклеи Котта поручилъ милиціи всѣ опасные посты, чтобы поберечь своихъ Италиковъ, и, когда осада не шла по его желанію, приказалъ ополченцамъ лечь костьми. Худо было и то, что никакія постановленія нравственности или уголовнаго права не связывали римскихъ управителей или ихъ свиту, и что насиліе, изнасилованіе и убійства, въ юридической формѣ, даже и вовсе безъ нея, составляли ежедневное явленіе. По крайней мѣрѣ въ этомъ не было ничего новаго; почти всюду народъ привыкъ къ тому, что съ нимъ обращались, какъ съ рабами, и въ сущности дѣло мало измѣнялось оттого, игралъ ли карѳагенскій управитель, сирійскій сатрапъ или римскій проконсулъ роль мѣстнаго тирана. Матеріальное благосостояніе, почти единственное, о чемъ еще заботились въ провинціяхъ, гораздо менѣе нарушалось этими поступками, которые при многочисленности тирановъ, касались, правда, многихъ, но все таки отдѣльныхъ индивидуумовъ, чѣмъ тяготѣвшею надъ всѣми одновременно финансовою эксплоатаціею, никогда еще не проявлявшеюся съ такой энергіею. Римляне въ ужасающей формѣ обнаруживали теперь въ этой области свою исконную виртуозность въ денежныхъ дѣлахъ. Мы уже прежде старались изобразить римскую систему взиманія провинціальныхъ налоговъ, какъ въ ея умѣренной и разумной основѣ, такъ и въ ея усиленіи и вредныхъ результатахъ. Что послѣднее шло прогрессивно, понятно само собою. Правильные налоги становились гораздо тягостнѣе вслѣдствіе неравенства въ распредѣленіи податей и извращенной системы взиманія, чѣмъ вслѣдствіе ихъ значительности. Относительно тягости военнаго постоя многіе римскіе государственные люди сами говорили, что городъ страдаетъ приблизительно столько же отъ непріятельскаго штурма, какъ и отъ расположенія въ немъ римскаго войска на зимнія квартиры. Если первоначально взиманіе налоговъ служило какъ бы возмездіемъ Риму за принятую имъ на себя тягость войны, и платившая община имѣла право считать себя избавленною отъ правильной службы, то теперь, какъ напримѣръ, достовѣрно извѣстно относительно Сардиніи, гарнизонная служба навязывалась большею частію провинціаламъ и на нихъ же налагалась даже въ регулярныхъ войскахъ, помимо другихъ обязанностей, вся тягость конной службы. Чрез-

вычайные же поборы, въ родѣ, напримѣръ, поставки хлѣба въ пользу столичнаго пролетаріата, безвозмездно или за ничтожное вознагражденіе, частыя, дорого-стоившія вооруженія флота и защита береговъ для прекращенія пиратства, обязанность поставлять художественныя произведенія, дикихъ звѣрей и другіе предметы, требовавшіеся безумною роскошью римскихъ театровъ и звѣриныхъ травлей, поборы въ случаѣ войны, были столь же часты, какъ тягостны и непредвидимы. Одного примѣра будетъ достаточно, чтобы показать, какъ далеко заходила въ этомъ отношеніи администрація. Во время трехлѣтняго управленія Гая Верра Сициліею число сельскихъ хозяевъ упало въ Леонтинахъ съ 84 на 32, въ Мотукѣ съ 187 на 86, въ Гербитѣ съ 252 на 120, въ Агиріонѣ съ 250 на 80, такъ что въ четырехъ наиболѣе плодородныхъ округахъ изъ ста землевладѣльцевъ 59 предпочли скорѣе невоздѣлывать вовсе своихъ полей, чѣмъ обработывать ихъ при такой системѣ правленія. И эти земледѣльцы, какъ это прямо говорится, да къ тому же видно и изъ ихъ незначительнаго числа, отнюдь не были мелкими крестьянами, а собственниками значительныхъ плантацій и, по большей части римскими гражданами!—Въ кліентныхъ государствахъ форма налоговъ была нѣсколько иная, но тяжесть ихъ по возможности еще большая, такъ какъ кромѣ Римлянъ здѣсь грабили еще и туземные дворы. Въ Каппадокіи и Египтѣ и крестьянинъ и царь дошли въ равной степени до банкротства; первый не могъ удовлетворить сборщика податей, послѣдній римскаго кредитора. Къ этому присоединялись еще прямыя вымогательства не только со стороны самого намѣстника, но и его «друзей», изъ которыхъ каждый считалъ себя какъ бы имѣющимъ вексель на имя его и признавалъ за собой право вернуться, благодаря ему, изъ провинціи человѣкомъ, уже сдѣлавшимъ карьеру. Римская олигархія въ этомъ отношеніи вполнѣ походила на шайку разбойниковъ и обирала провинціаловъ, какъ бы исполняя профессію, и съ полнымъ знаніемъ дѣла; умѣлый членъ партіи не поступалъ при этомъ слишкомъ разборчиво, такъ какъ приходилось дѣлиться съ адвокатами и присяжными, и чѣмъ больше кралъ, тѣмъ надежнѣе дѣлалъ это; крупный грабитель смотрѣлъ пренебрежительно на мелкаго, а этотъ презиралъ воришку; тотъ изъ нихъ, кто какимъ нибудь чудомъ былъ приговоренъ, гордился тѣми суммами, которыя, какъ оказывалось на судѣ, ему удавалось вымогать. Такъ хозяйничали потомки тѣхъ людей, которые привыкли бывало послѣ правленія своего возвращаться домой, сопровождаемые благодарностью подданныхъ и одобреніемъ сограждан.

Римскіе капиталисты въ провинціяхъ. Но, быть можетъ, еще хуже, подчиняясь еще меньшему контролю, хозяйничали италійскіе дѣльцы среди несчастныхъ провинціаловъ. Выгоднѣйшіе земельные участки, вся торговля и денежные обороты сосредоточились въ ихъ рукахъ. Имѣнія въ заморскихъ областяхъ

принадлежавшія италійской знати, были отданы на жертву всѣмъ невзгодамъ управительскаго хозяйства и никогда не видали своихъ владѣльцевъ; исключеніе составляли развѣ охотничьи парки, встрѣчавшіеся уже въ эту пору въ транзальпійской Галліи, занимая иногда поверхность до цѣлой нѣмецкой квадратной мили. Ростовщичество процвѣтало болѣе чѣмъ когда либо. Мелкіе землевладѣльцы въ Иллиріи, Азіи, Египтѣ, уже въ дни Варрона по большей части вели надѣлѣ свое хозяйство въ качествѣ должниковъ своихъ римскихъ или иныхъ кредиторовъ, подобно тому какъ прежде плебеи дѣлали это въ отношеніи своихъ заимодавцевъ-патриціевъ. Бывали случаи, когда капиталы ссужались даже городскимъ общинамъ за 4 процента мѣсячныхъ. Зачастую какой нибудь энергическій и вліятельный дѣлецъ, въ видахъ улучшенія своихъ дѣлъ, выпрашивалъ себѣ или у сената званіе посла, *) или же у намѣстника титулъ офицера, и въ дополненіе къ тому, если возможно, и подобающій отрядъ воиновъ; изъ достовѣрнаго источника передается случай, когда одинъ изъ этихъ почтенныхъ воинственныхъ банкировъ вслѣдствіе нежеланія города Саламина (на Кипрѣ) исполнить его требованіе, до тѣхъ поръ блокировалъ общинный совѣтъ въ ратушѣ, пока пять членовъ совѣта не умерли съ голоду.—Къ давленію этого удвоеннаго гнета, когда каждое ярмо было само по себѣ невыносимо, а взаимодѣйствіе ихъ становилось все дружнѣе, присоединились и общія бѣдствія, въ которыхъ въ значительной степени, хотя и косвенно, было виновато римское правительство.

Разбои и разореніе отъ войны.

Во время многочисленныхъ войнъ большіе капиталы были увезены изъ страны частью варварами, частью же римскими войсками, и еще большіе уничтожены. Благодаря ничтожеству римской земской и морской полиціи вездѣ кишѣло разбойниками и пиратами. Въ Сардиніи и во внутреннихъ земляхъ Малой Азіи хозяйничанье разбойничьихъ шаекъ стало эпидемическимъ явленіемъ; въ Африкѣ и западной Испаніи оно заставило укрѣплять всѣ строенія, находящіяся за городской оградой, стѣнами и башнями. Ужаснѣйшее бѣдствіе — пиратство, было уже характеризовано нами въ иной связи явленій. Всеисцѣляющія средства, придуманныя запретительной системой, посредствомъ которыхъ римскіе намѣстники старались помѣшать злу, когда наступалъ денежный застой или вздорожаніе хлѣба (явленія неизбѣжныя при такихъ условіяхъ), —именно запрещеніе вывоза золота или зернового хлѣба изъ провинціи, ничѣмъ, конечно, не улучшали дѣла.

Положеніе всѣхъ провинцій вообще.

Основы общинной жизни почти всегда разлагались не только вслѣдствіе общаго всѣмъ бѣдственнаго положенія, но вслѣдствіе мѣстныхъ раздоровъ и безчестной наживы общинныхъ должностныхъ лицъ. Гдѣ

*) Это и есть такъ называемое „свободное посольство“ (libera legatio), т. е. посольство, не имѣющее настоящихъ оффиціальныхъ порученій.

подобные кризисы бывали не случайными явленіями, но тяготѣли надъ общинами и отдѣльными личностями въ теченіе цѣлаго поколѣнія, неотразимо усиливая годъ отъ году свой гнетъ, тамъ даже самое образцовое общественное или частное хозяйство должно было наконецъ подпасть этому гнету, и на всѣ народности отъ Тахо до Евфрата должны были низринуться несказанныя бѣдствія. «Всѣ общины», читаемъ, мы въ одномъ сочиненіи, появившемся уже въ 684 году, «разорены окончательно»; тоже самое говорится особенно объ Испаніи и нарбонской Галліи, т. е. о мѣстностяхъ, поставленныхъ еще въ болѣе сносное экономическое положеніе. Въ Малой Азіи цѣлые города, какъ напр. Самосъ и Галикарнассъ, стояли почти совсѣмъ пустые; въ сравненіи съ муками, которыя испытывалъ свободный провинціалъ, явная рабская зависимость казалась якоремъ спасенія, и даже терпѣливому азіатцу, по свидѣтельству самихъ государственныхъ людей, жизнь становилась невыносимой. Тотъ, кто захотѣлъ бы изслѣдовать, какъ низко можетъ упасть человѣкъ въ преступномъ совершеніи всякой неправды и въ столь же преступномъ попущеніи ея, тотъ можетъ увидать въ уголовныхъ актахъ того времени, что осмѣливались дѣлать римскіе сильные люди, и что сносили Греки, Сирійцы и Финикіяне. Даже римскіе государственные дѣятели оффиціально и безъ околичностей признавали, что самое имя Римлянъ стало невыразимо ненавистно во всей Греціи и Азіи; и если граждане понтійской Гераклеи однажды перебили всѣхъ римскихъ таможенныхъ, то можно было по этому поводу только пожалѣть, что подобные случаи бывали рѣдко.

Цезарь и провинціи. Должностныя лица.

Оптиматы насмѣхались надъ новымъ властителемъ, который пріѣзжалъ самъ осматривать свои «скотные дворы»; дѣйствительно, положеніе всѣхъ провинцій требовало полнаго напряженія мудрости и серьозной заботливости одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, благодаря которымъ царскій титулъ не является въ глазахъ народовъ лишь блестящимъ примѣромъ человѣческаго несовершенства. Нанесенныя раны должно было залечить время; Цезарь постарался о томъ, чтобъ оно могло это совершить, и чтобъ новыя язвы не могли быть болѣе причинены. Администрація была кореннымъ образомъ преобразована. Сулловы проконсулы и пропреторы были почти самодержавны въ предѣлахъ своихъ округовъ и фактически стояли внѣ всякаго контроля; цезаревы-же должностныя лица представляли собой выдержанныхъ въ дисциплинѣ слугъ строгаго господина, отношеніе власти котораго къ подданнымъ, благодаря ея единству и пожизненности, были гораздо естественнѣе и сноснѣе, чѣмъ у прежнихъ многочисленныхъ и ежегодно смѣнявшихся мелкихъ тирановъ. Намѣстничества, правда, и впредь распредѣлялись между выступавшими ежегодно двумя консулами и шестнадцатью преторами, но несмотря на то, такъ какъ императоръ прямо назначалъ восьмерыхъ

зить числа послѣднихъ, и распредѣленіе провинцій между соискателями зависѣло только отъ него,—и эти мѣста въ сущности раздавались императоромъ. При этомъ и полномочія намѣстниковъ были существенно ограничены. Имъ оставлено было наблюденіе за судопроизводствомъ и административный надзоръ надъ общинами, но ихъ власть была парализована высшей властью въ Римѣ и причисленными къ намѣстникамъ ея особыми представителями; наборъ войскъ, вѣроятно, въ ту же пору былъ и въ провинціяхъ предоставленъ агентамъ императора, такъ что впредь намѣстникъ бывалъ окруженъ служебнымъ персоналомъ, который или въ силу правилъ военнаго чиноначалія, или же подъ вліяніемъ еще болѣе строгихъ правилъ общей дисциплины безусловно зависѣлъ отъ императора. Если до той поры проконсулъ и его квесторъ являлись какъ бы членами разбойничьей шайки, посланными для взиманія контрибуціи, то цезаревы чиновники должны были защищать слабыхъ противъ сильныхъ, и мѣсто прежняго, болѣе чѣмъ ничтожнаго, контроля сенаторскихъ или всадническихъ судовъ, заступила для нихъ отвѣтственность передъ справедливымъ и непреклоннымъ монархомъ. Законъ о вымогательствахъ, постановленія котораго Цезарь усилилъ еще во время своего перваго консульства, примѣнялся имъ противъ высшихъ должностныхъ лицъ съ неумолимою строгостью, заходившею даже за предѣлы буквы закона; что же касается сборщиковъ податей, то за каждую, совершонную ими несправедливость, они отвѣтствовали передъ своимъ повелителемъ, совсѣмъ такъ, какъ, на основаніи жестокаго домашняго права того времени, отвѣтствовали рабы и вольноотпущенные передъ хозяиномъ.

Регулированіе налоговъ.

Экстраординарные поборы были правильно соразмѣрены и оставлены только для дѣйствительно экстренныхъ нуждъ; обыкновенные же были значительно уменьшены. Мы уже раньше упоминали о коренномъ пересмотрѣ податной системы; расширеніе податныхъ льготъ, сплошное уменьшеніе прямыхъ налоговъ, ограниченіе системы десятины одной только Африкой и Сардиніей, полнѣйшее устраненіе посредниковъ при взиманіи прямыхъ налоговъ—все это являлось благотворною реформою для провинціаловъ. Нельзя, правда, доказать, чтобы Цезарь желалъ, по примѣру одного изъ его величайшихъ демократическихъ предшественниковъ, Серторія, избавить подданныхъ отъ тягостей постоя и пріучить солдатъ сооружать самимъ для себя постоянные лагери, въ родѣ городковъ; но, по крайней мѣрѣ послѣ того, какъ онъ замѣнилъ роль претендента ролью царя, онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы отдать подданнаго въ жертву солдату, и преемники его политики дѣйствовали совершенно въ его духѣ, когда сооружали подобные военные станы, а изъ нихъ города, которые становились разсадниками италійской цивилизаціи для варварскихъ пограничныхъ странъ.

Вліяніе на капиталистовъ. Гораздо труднѣе прекращенія чиновничьихъ злоупотребленій было освобожденіе провинціаловъ отъ подавляющаго превосходства римскихъ капиталовъ. Совершенно сломить его было невозможно, не прибѣгая къ средствамъ. еще болѣе опаснымъ, чѣмъ само зло; правительство могло временно отмѣнить только нѣкоторыя злоупотребленія; такъ, напримѣръ, Цезарь воспретилъ пользованіе титуломъ государственнаго посла для ростовщическихъ цѣлей и противодѣйствовалъ очевидному насилію и явному ростовщичеству строгимъ примѣненіемъ общихъ уголовныхъ законовъ, а также законовъ о ростѣ, распространенныхъ и на провинціи; болѣе же основательнаго исцѣленія зла онъ ожидалъ отъ возрожденія благосостоянія провинціаловъ подъ вліяніемъ лучшей администраціи. Въ послѣднее время имъ было сдѣлано много временныхъ распоряженій для облегченія участи нѣкоторыхъ, особенно задолжавшихъ провинцій. Еще въ 694 г. Цезарь, какъ намѣстникъ Испаніи, назначилъ въ уплату кредиторамъ двѣ трети изъ дохода должниковъ. Подобно этому и Люцій Лукуллъ во время своего намѣстничества въ Малой Азіи прямо кассировалъ часть непомѣрно разросшихся процентныхъ недоимокъ, для покрытія же остальной части опредѣлилъ четвертую долю дохода съ земель должника, равно какъ и сообразный съ этимъ процентъ съ прибыли, получаемой имъ отъ отдачи въ наймы дома или работъ его невольниковъ. Намъ ничего неизвѣстно о томъ, предпринялъ ли Цезарь послѣ междоусобной войны подобную же общую ликвидацію провинціальныхъ долговъ; впрочемъ, послѣ всего нижесказаннаго и того, что было сдѣлано для Италіи, едва ли можно сомнѣваться, чтобъ Цезарь трудился и въ этомъ направленіи или чтобы это по крайней мѣрѣ входило въ его планы. — Итакъ, если императоръ, поскольку это было во власти человѣка, избавлялъ провинціаловъ отъ притѣсненій со стороны римскихъ чиновниковъ и капиталистовъ, то съ полною увѣренностью можно было ожидать отъ вновь окрѣпшаго, благодаря ему, правительства, что оно разсѣетъ дикія пограничныя племена и разгонитъ сухопутныхъ и морскихъ пиратовъ, какъ восходящее солнце разгоняетъ туманъ. Какъ ни сильно болѣли еще устарѣлыя язвы, съ появленіемъ Цезаря началась для измученныхъ подданныхъ какъ-бы заря сноснаго времени; послѣ многихъ вѣковъ то было первое интеллигентное правительство и первая политика міра, которая коренилась не въ трусости, а въ силѣ. Поистинѣ, вмѣстѣ съ лучшими изъ Римлянъ могли болѣе всего горевать надъ трупомъ великаго освободителя его провинціальные подданные.

Начало эллино-италійскаго государства. Но это устраненіе существующихъ злоупотребленій не составляло главной основы провинціальныхъ реформъ Цезаря. По мнѣнію, какъ аристократовъ, такъ и демократовъ, должности были въ римской республикѣ тѣмъ, чѣмъ ихъ часто называли: оброчными статьями

римскаго народа, и въ этомъ смыслѣ ими пользовались и ихъ эксплоатировали. Всему этому наступилъ теперь конецъ. То, что называлось провинціями, должно было постепенно погибнуть, чтобы подготовить обновленной эллино-италійской націи новую, болѣе обширную родину, гдѣ ни одинъ округъ не существовалъ какъ-бы на пользу другого, а всѣ для одного и одинъ для всѣхъ; всѣ скорби и язвы народныя, для которыхъ не было исхода въ старой Италіи, должны были сами собою исчезнуть среди новыхъ порядковъ возрожденной родины, болѣе свѣжей, широкой и грандіозной народной жизни. Мысли эти были, конечно, не новы. Многовѣковая эмиграція изъ Италіи подготовила, правда, невѣдомо для самихъ эмигрантовъ, подобное расширеніе Италіи. На основаніи строго-обдуманнаго плана сперва Гай Гракхъ, творецъ римской демократической монархіи, виновникъ заальпійскихъ завоеваній, основатель колоній Карѳагена и Нарбона, направилъ Италиковъ за предѣлы Италіи; вслѣдъ за нимъ другой геніальный государственный человѣкъ, вышедшій изъ римской демократіи, Квинтъ Серторій, сталъ привлекать западныхъ варваровъ къ латинской цивилизаціи. Онъ далъ знатной испанской молодежи римскую одежду, пріучалъ ее говорить по латыни и искать высшаго италійскаго образованія въ школѣ, основанной имъ въ Оскѣ. При началѣ царствованія Цезаря во всѣхъ провинціяхъ и кліентныхъ государствахъ уже существовала масса италійскаго населенія, правда, нуждавшагося еще въ прочности и сплоченности; не говоря уже о настоящихъ италійскихъ городахъ въ Испаніи и южной Галліи, вспомнимъ только о многочисленной милиціи, которую набирали Серторій и Помпей въ Испаніи, Цезарь въ Галліи, Юба въ Нумидіи, конституціонная партія въ Африкѣ, Македоніи, Греціи, Малой Азіи и на Критѣ; вспомнимъ, правда, плохо настроенную, латинскую лиру, на которой городскіе поэты въ Кордубѣ пѣли хвалу римскимъ полководцамъ еще во время серторіанскихъ войнъ, вспомнимъ, наконецъ, переводы греческихъ стихотвореній, особенно цѣнившіеся за ихъ изящный языкъ, которые обнародовалъ вскорѣ послѣ смерти Цезаря древнѣйшій изъ извѣстныхъ внѣ-италійскихъ поэтовъ, трансальпіецъ Публій Теренцій Варронъ.

Съ другой стороны сліяніе латинскаго и эллинскаго духа было, можно сказать, столь-же древнимъ, какъ самъ Римъ. Еще во время объединенія Италіи побѣдоносная латинская нація ассимилировала себѣ всѣ побѣжденныя народности, и только одну греческую присоединила къ себѣ, не слившись съ нею внѣшнимъ образомъ. Гдѣ бы ни появлялся римскій легіонеръ, за нимъ слѣдовалъ греческій школьный учитель, въ своемъ родѣ такой-же завоеватель, какъ и онъ; уже въ раннюю пору мы встрѣчаемъ на Гвадалквивирѣ извѣстныхъ греческихъ лингвистовъ, и въ оскской школѣ учили такъ же хорошо по гречески, какъ и по латыни. Само высшее римское обра-

зованіе было ничѣмъ инымъ, какъ провозглашеніемъ на италійскомъ нарѣчіи великаго благовѣстія эллинскаго искусства и быта; противъ скромнаго притязанія цивилизующаго завоевателя распространить культуру среди западныхъ варваровъ на своемъ собственномъ языкѣ Эллины не могли протестовать, по крайней мѣрѣ, вслухъ. Уже издавна Грекъ видѣлъ вездѣ, и въ особенности тамъ, гдѣ національное чувство сказывалось всего чаще и сильнѣе, на границахъ, угрожаемыхъ подавляющимъ всякую національность вліяніемъ варваровъ, какъ напр. въ Массаліи, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, на Евфратѣ и Тигрѣ, опору и защиту эллинизма въ Римѣ; и дѣйствительно, основанные Помпеемъ на далекомъ востокѣ города возобновляли послѣ многовѣкового перерыва благотворное дѣло Александра. — Представленіе объ итало-эллинскомъ государствѣ съ единой національностью и двумя языками не было новымъ, — иначе оно явилось бы лишь неудачной ошибкой; но заслуга превращенія его изъ бѣглыхъ набросковъ въ ясный, осязательный планъ, и постепеннаго перехода отъ разрозненныхъ начинаній къ концентрированному дѣйствію всецѣло принадлежитъ третьему и величайшему изъ демократическихъ государственныхъ дѣятелей Рима.

Господствующія народности. Положеніе Евреевъ. Первымъ и существеннѣйшимъ условіемъ политическаго и народнаго нивеллированія государства было поддержаніе и распространеніе обѣихъ народностей, предназначенныхъ къ совмѣстному господству, и возможно быстрое устраненіе стоявшихъ подлѣ нихъ варварскихъ или же только слывшихъ варварскими племенъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно было поставить наряду съ Римлянами и Греками еще третью народность, которая въ тогдашнемъ мірѣ соперничала съ ними по значенію и которой суждено было играть и въ новомъ цезаревомъ государствѣ не послѣднюю роль. Это было именно племя еврейское. Удивительно уступчивое и стойкое племя это не имѣло и въ старину и въ новое время нигдѣ своего настоящаго отечества, но какъ будто властвовало вездѣ и нигдѣ. Діадохи Давида и Соломона врядъ ли имѣли для Евреевъ того времени больше значенія, чѣмъ теперь имѣетъ для нихъ Іерусалимъ; народъ, конечно, находилъ для своего религіознаго и умственнаго единства видимую опору въ маленькомъ іерусалимскомъ царствѣ, но и самъ не представлялъ собою массы подданныхъ гасмонейской династіи, а напротивъ цѣлый рядъ еврейскихъ группъ, разбросанныхъ по всему парѳянскому и римскому государствамъ. Въ особенности въ Александріи, точно также и въ Киренѣ, Евреи образовывали въ этихъ городахъ свои особыя, административно и даже территоріально ограниченныя общины, не совсѣмъ непохожія на еврейскіе кварталы въ нашихъ городахъ, но свободнѣе поставленныя и руководимыя «народнымъ вождемъ» въ качествѣ высшаго судьи и администратора. Какъ многочисленно было даже въ Римѣ еврейское населеніе еще до Цезаря и какъ стойко дер-

жались уже въ то время въ племенномъ отношеніи Евреи, указываетъ намъ замѣчаніе одного изъ современныхъ писателей,—что для намѣстника бываетъ опасно слишкомъ вмѣшиваться въ дѣла Евреевъ своей провинціи, такъ какъ по возвращеніи въ Римъ ему предстоитъ быть освистаннымъ столичной чернью. И въ ту пору преобладающимъ занятіемъ Евреевъ также была торговля: вмѣстѣ съ воинствующимъ римскимъ купцомъ пробирался тогда всюду и еврейскій торгашъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи онъ дѣлалъ это вмѣстѣ съ купцами Генуи и Венеціи, и какъ у римскаго купечества, такъ и іудейскаго стекались отовсюду громадные капиталы. Уже въ ту пору мы замѣчаемъ своеобразную антипатію западныхъ людей къ этой столь типически-восточной расѣ, къ ея особеннымъ мнѣніямъ и нравамъ. Это іудейство, хотя и не являясь особенно отрадной чертой въ безотрадной вообще картинѣ тогдашняго смѣшенія народовъ, представляло тѣмъ не менѣе историческій моментъ, развивавшійся вмѣстѣ съ естественнымъ ходомъ вещей,—такой моментъ, котораго не могъ ни игнорировать, ни побороть ни одинъ государственный дѣятель, и которому Цезарь (подобно своему предшественнику Александру), здраво взвѣшивая данныя условія времени, скорѣе даже оказывалъ по возможности поощреніе. Если Александръ, основатель александрійскаго еврейства, сдѣлалъ этимъ самымъ для еврейскаго народа не менѣе, чѣмъ вышедшій изъ его среды Давидъ—сооруженіемъ іерусалимскаго храма, то и Цезарь оказывалъ содѣйствіе Евреямъ въ Александріи и въ Римѣ особенными льготами и привилегіями, въ особенности охраняя ихъ своеобразный культъ отъ мѣстныхъ римскихъ и греческихъ жрецовъ. Оба великіе человѣка, конечно, не думали о томъ, чтобъ сдѣлать іудейскую національность вполнѣ равноправной съ эллинской или италійско-эллинской народностями. Но Еврей не получилъ, подобно западнымъ народамъ, въ видѣ дара Пандоры, политическую организацію, и держится вообще равнодушно по отношенію къ государству; онъ такъ же трудно разстается съ основою своей національной своеобразности, какъ охотно прикрываетъ ее любою изъ другихъ національностей и до извѣстной степени примыкаетъ къ чужой народной стихіи,—и въ силу этихъ свойствъ Еврей былъ какъ бы совершенно кстати въ государствѣ, создавшемся на развалинахъ цѣлой сотни политическихъ организмовъ и по необходимости одаренномъ нѣсколько абстрактною и сложною національностью. Еврейство являлось и въ древнемъ мірѣ дѣятельнымъ зародышемъ космополитизма и національнаго разложенія, и вслѣдствіе этого было особенно полноправнымъ членомъ цезарева государства, въ которомъ гражданственность въ сущности была лишь космополитизмомъ, народность же была въ основѣ лишь гуманностью.

Эллинизмъ.

Но положительными элементами новаго гражданства исключительно оставались латинская и эллинская національности. Исключительно

италійскому республиканскому государству наступилъ конецъ; тѣмъ не менѣе слухъ, распространявшійся недовольной знатью, будто Цезарь нарочно старался погубить Италію и Римъ, чтобы перенести центръ тяжести государства на греческій востокъ и сдѣлать столицею его Александрію или Иліонъ, былъ столь же понятенъ, какъ и нелѣпъ. Напротивъ того, во всѣхъ начинаніяхъ Цезаря преобладаніе оставалось всегда за латинскою національностью, что сказывается уже въ томъ, что всѣ его распоряженія издавались на латинскомъ языкѣ и только назначавшіяся для греческихъ странъ повторялись и по гречески. Вообще же онъ устанавливалъ отношенія между двумя великими народностями, составлявшими его монархію, такъ, какъ это дѣлали въ объединенной Италіи его республиканскіе предшественники; эллинская національность охранялась всюду, гдѣ она существовала; италійская же распространялась по возможности, и ей присуждалось наслѣдіе тѣхъ расъ, которыя предназначены были къ исчезновенію. Это было уже необходимо потому, что полное равенство греческаго и латинскаго элементовъ въ государствѣ, безъ сомнѣнія, повлекло бы за собою въ короткое время ту катастрофу, которую много вѣковъ спустя вызвало византійство, такъ какъ эллинизмъ не въ одномъ только духовномъ отношеніи превосходилъ римскую народность, но превышалъ ее и численностью и имѣлъ въ самой Италіи, въ толпѣ свободно или по неволѣ переселившихся туда Эллиновъ и полу-Эллиновъ, цѣлое полчище невзрачныхъ, но по своему вліянію весьма значительныхъ проводниковъ. Въ числѣ наиболѣе выдающихся въ этомъ отношеній явленій необходимо вспомнить власть греческихъ лакеевъ надъ римскими монархами, столь же древнюю. какъ и сама монархія; первымъ въ этомъ, столь же длинномъ, какъ и отталкивающемъ, спискѣ лицъ, является довѣренный лакей Помпея, Ѳеофанъ изъ Митилены, который, благодаря своей власти надъ слабодушнымъ господиномъ, содѣйствовалъ, вѣроятно болѣе кого либо другого, началу войны между Цезаремъ и Помпеемъ. Не безъ основанія соотечественники воздавали ему послѣ его смерти божественныя почести; благодаря именно ему началось господство камердинеровъ временъ имперіи, господство, которое въ извѣстной степени было торжествомъ Эллиновъ надъ Римлянами. На этомъ основаніи правительство имѣло полное право не поощрять свыше распространеніе эллинизма, по крайней мѣрѣ на западѣ. Если съ Сициліи не только было снято бремя десятины, но кромѣ того ея общинамъ даровано латинское право, за чѣмъ, какъ предполагалось, должно было послѣдовать полное уравненіе Сициліи съ Италіею, то намѣреніемъ Цезаря было, конечно, совершенно слить съ Италіею этотъ чудный островъ, въ ту пору совершенно запущенный и экономически почти совсѣмъ захваченный Италиками, но которому природа судила быть не сосѣдомъ только Италіи, а одною изъ прекраснѣйшихъ ея

областей. Вообще же эллинизмъ поддерживался и охранялся вездѣ, гдѣ онъ укоренился. Сколько политическія тревоги ни побуждали императора разрушать устои эллинизма на востокѣ и въ Египтѣ, Массалія и Александрія не были ни разрушены, ни латинизированы.

Латинизированіе. Напротивъ того, римская народность всѣми силами и въ разнообразнѣйшихъ мѣстахъ государства получала особую поддержку правительства путемъ колонизаціи или латинизированія. Продуктомъ рокового соединенія формальнаго развитія права и грубой силы, но, казалось, необходимымъ условіемъ безпрепятственнаго уничтоженія извѣстныхъ народностей, явилось основное положеніе, гласившее, что во всякой земельной собственности въ провинціяхъ, не уступленной особымъ правительственнымъ актомъ общинамъ или частнымъ лицамъ, государство является собственникомъ, временный же владѣлецъ имѣетъ лишь терпимое и во всякое время отмѣнимое наслѣдственное право собственности; этотъ принципъ былъ удержанъ Цезаремъ и возведенъ имъ изъ теоріи, созданной демократическою партіей, до основного принципа монархическаго права.

Цизальпійская Галлія. Въ дѣлѣ распространенія римской національности, конечно, первая роль выпадала Галліи. Благодаря давно уже признанному демократами совершившимся фактомъ, теперь же благодаря Цезарю окончательно проведенному принятію транспаданскихъ общинъ въ кругъ римскаго гражданства, Цизальпійская Галлія пріобрѣла то, чѣмъ нѣкоторая часть ея жителей давно уже обладала: политическую равноправность съ главною областью. Эта провинція въ сорокъ лѣтъ, протекшихъ со времени дарованія ей латинскаго права, была на дѣлѣ уже совершенно латинизирована. Слишкомъ придирчивые люди могли смѣяться надъ широкимъ, горловымъ акцентомъ кельтской латыни и не находили «неуловимой прелести столичнаго изящества» у Инсубровъ и Венетовъ, которые въ качествѣ легіонеровъ Цезаря завоевали себѣ своимъ мечемъ мѣсто и на римской площади и даже въ римской куріи. Тѣмъ не менѣе Цизальпійская Галлія съ ея густымъ, преимущественно крестьянскимъ населеніемъ была еще до Цезаря въ сущности италійскою страной и оставалась въ теченіе вѣковъ настоящимъ прибѣжищемъ италійскихъ нравовъ и италійскаго развитія; учителя латинской литературы нигдѣ внѣ столицы не находили столько сочувствія и успѣха.

Нарбонская провинція. Если такимъ образомъ Цизальпійская Галлія въ сущности какъ бы растворилась въ Италіи, то мѣсто, занимаемое ею до той поры, немедленно заняла трансальпійская провинція, сдѣлавшаяся, благодаря завоеваніямъ Цезаря, изъ пограничной центральною областью и вслѣдствіе своей близости и своего климата болѣе всѣхъ другихъ способная превратиться со временемъ въ италійскую мѣстность. Туда, главнымъ образомъ, къ старинной цѣли заморскихъ поселеній римской демократіи, направился потокъ италійской эмиграціи; древ-

няя колонія Нарбонъ была усилена новыми поселенцами; вмѣстѣ съ тѣмъ были основаны въ Бетеррахъ (Beziers), недалеко отъ Нарбона, въ Арелатѣ (Arles) и Аравзіонѣ (Orange) на Ронѣ и въ новомъ приморскомъ городѣ Forum Julii (Fréjus) четыре новыя колоніи, имена которыхъ увѣковѣчили вмѣстѣ съ тѣмъ память о храбрыхъ легіонахъ, присоединившихъ сѣверную Галлію къ государству *). Мѣстности не занятыя колонистами, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, должны были, очевидно, какъ нѣкогда транспаданская кельтская страна, воспринять вліяніе романизаціи вслѣдствіе распространенія на нихъ латинскихъ городскихъ правъ; въ особенности Немавзъ (Нимъ), главный центръ области, отнятой у Массаліотовъ вслѣдствіе ихъ возстанія противъ Цезаря, превратился изъ массаліотскаго мѣстечка въ латинскую городскую общину; ему былъ приданъ значительный округъ и право чеканить монеты **). Въ то самое время, когда Цизальпійская Галлія переходила съ этой подготовительной ступени къ полному уравненію съ Италіею, нарбонская провинція вступала въ эту переходную стадію; совершенно такъ, какъ до той поры Цизальпійская Галлія, теперь ея значительнѣйшія общины пользовались полными гражданскими, а остальныя латинскими правами.—Въ другихъ, не-греческихъ и не-латинскихъ, мѣстностяхъ государства, еще болѣе отдаленныхъ отъ вліянія Италіи и процесса

*) Нарбонъ назывался колоніею децимановъ, Бетерры—септимановъ, Forum Julii—октавановъ, Арелата (и кромѣ того еще латинская колонія Русцина)—секстановъ, Аравзіонъ секундановъ. Названіе девятаго легіона отсутствовало, такъ какъ онъ обезчестилъ свое имя плаценцскимъ мятежомъ. Впрочемъ, нигдѣ не сказано, да и невѣроятно, чтобы поселенцы этихъ колоній принадлежали къ составу этихъ легіоновъ; даже ветераны, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, поселялись въ Италіи. Жалоба Цицерона на то, что Цезарь „однимъ ударомъ конфисковалъ цѣлыя провинціи и страны (de off., 2, 7, 27; срав. Philipp., 13, 15, 31, 32) относится, безъ сомнѣнія, какъ видно уже изъ тѣсной связи ея съ порицаніемъ тріумфа надъ Массаліотами, къ конфискаціи земель, предпринятой въ нарбонской провинціи ради этихъ колоній, и прежде всего къ понесенной Массаліею утратѣ владѣній.

**) Прямыхъ указаній на то, кѣмъ введено было латинское право въ неколонизованныхъ мѣстностяхъ этой страны и въ особенности въ Немавзѣ (Nemausus), не существуетъ. Но, такъ какъ самъ Цезарь (b. c., 1, 35) почти что прямо говоритъ, что Немавзъ былъ вплоть до 705 года массаліотскою деревнею; такъ какъ по свѣдѣніямъ Ливія (Діонъ, 41, 25; Flor., 2, 13; Oros., 6, 15) именно эта часть массаліотскихъ владѣній была отнята у нихъ Цезаремъ; такъ какъ наконецъ еще на до-августовскихъ монетахъ, а вслѣдъ затѣмъ и у Страбона, городъ этотъ упоминается, какъ община съ латинскими правами, то одинъ только Цезарь и могъ быть виновникомъ распространенія на него этихъ правъ. Что касается Русцины (Руссильонъ близъ Перпиньяна) и другихъ общинъ нарбонской Галліи, рано получившихъ латинское городское право, то можно только предположить, что онѣ получили его одновременно съ Немавзомъ.

ассимилированія, Цезарь ограничился основаніемъ отдѣльныхъ центровъ италійской цивилизаціи, съ такою же ролью, какую пріобрѣлъ къ той порѣ въ Галліи Нарбонъ; посредствомъ ихъ онъ имѣлъ въ виду подготовить будущее окончательное уравненіе.

Подобныя начинанія, за исключеніемъ бѣднѣйшей и ничтожнѣйшей изъ всѣхъ сардинской области, можно прослѣдить во всѣхъ провинціяхъ государства. Какъ поступалъ Цезарь въ сѣверной Галліи, мы уже показали; и здѣсь также латинскій языкъ, если не во всѣхъ отрасляхъ общественныхъ сношеній, получилъ оффиціальное значеніе, и на леманскомъ озерѣ возникла колонія Новіодунумъ (Nyon), самый сѣверный городъ съ италійскимъ уставомъ. Въ Испаніи, вѣроятно, наиболѣе густо заселенной въ то время мѣстности римскаго государства, были, на ряду съ древнимъ населеніемъ, поселены цезаревы колонисты не только въ важномъ эллино-иберійскомъ приморскомъ городѣ, Эмпоріяхъ, но, какъ показали недавно открытые документы, нѣкоторые колонисты, вѣроятно, взятые преимущественно изъ столичнаго пролетаріата, нашли себѣ пріютъ и въ городѣ Урсѣ (Осунѣ), недалеко отъ Севильи, въ самомъ центрѣ Андалузіи, а, быть можетъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ этой провинціи. Древній и богатый торговый городъ Гадесъ, муниципальный строй котораго Цезарь пересоздалъ въ духѣ новаго времени еще будучи преторомъ, получилъ теперь отъ императора полное право италійскихъ муниципій (705) и, какъ было въ Италіи съ Тускулумомъ, сдѣлался первой внѣиталійской общиною, основанною не Римомъ, которая вступила въ составъ римскаго гражданства. Черезъ нѣсколько лѣтъ (709) то же право было распространено на нѣкоторыя другія испанскія общины; иныя-же получили, вѣроятно, латинскія права. **Сѣверная Галлія. Испанія.**

Въ Африкѣ было исполнено теперь то, чего не суждено было окончить Гаю Гракху, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли исконные враги Рима, было поселено 3000 италійскихъ колонистовъ и множество жившихъ въ карѳагенскихъ владѣніяхъ арендаторовъ и временныхъ владѣльцевъ, и съ изумительной быстротой снова расцвѣла, при замѣчательно благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, новая «колонія Венеры», римскій Карѳагенъ. Утикѣ, бывшей до той поры главнымъ и первымъ торговымъ городомъ провинціи, было уже, повидимому, путемъ дарованія латинскаго права дано сначала извѣстное возмездіе за то, что превосходившій ее соперникъ былъ снова возрожденъ. Во вновь присоединенной къ государству нумидійской территоріи важная Цирта и остальныя общины, отданныя римскому кондоттьеру Публію Ситтію для него и для его друзей, получили права римскихъ военныхъ колоній. Конечно, зажиточные города, которые благодаря безумной злобѣ Юбы и отчаянныхъ остатковъ конституціонной партіи превратились въ груды развалинъ, не такъ скоро воскресли, какъ прежде доведены были до тла, и не мало руинъ **Карѳагенъ.**

долго еще послѣ того напоминали объ этомъ тяжкомъ времени; лишь обѣ новыя юліевы колоніи, Карѳагенъ и Цирта, остались центрами африкано-римской цивилизаціи.

Коринѳъ. Востокъ.

Въ опустѣвшей греческой странѣ Цезарь занимался кромѣ осуществленія другихъ плановъ (наприм. учрежденія римской колоніи въ Буѳротонѣ, противъ Корфу), прежде всего возобновленіемъ Коринѳа; туда не только была направлена довольно значительная гражданская колонія, но и былъ составленъ планъ прекратить опасное плаваніе вокругъ Пелопоннеза, прорывъ перешеекъ, и направить все торговое итало-азіатское движеніе черезъ коринѳо-саронскій заливъ. Наконецъ и на отдаленномъ эллинскомъ востокѣ монархъ вызвалъ къ жизни италійскія поселенія; таковы наприм. колоніи у Чернаго моря въ Гераклеѣ и Синопѣ, при чемъ италійскіе колонисты, какъ и въ Эмпоріяхъ, населяли эти города пополамъ съ прежними ихъ жителями; тоже было и на сирійскомъ берегу въ важной гавани Берита, который подобно Синопу получилъ италійское устройство; даже въ Египтѣ на господствующемъ надъ александрійскимъ портомъ маячномъ островѣ была основана римская станція. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣропріятій италійская общинная свобода въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ дотолѣ, занесена была въ провинціи.

Распространеніе италійскаго общиннаго устройства на провинціи.

Общины полноправныхъ гражданъ, т. е. всѣ города цизальпійской провинціи и разсѣянныя въ трансальпійской Галліи и другихъ областяхъ гражданскія колоніи и муниципіи настолько стояли въ уровень съ италійскими, что управлялись сами собой и даже пользовались, хотя и ограниченною, юрисдикціею; за то, разумѣется, болѣе важные процессы подлежали вѣдѣнію компетентныхъ въ данной мѣстности римскихъ властей, и по праву вѣдались намѣстникомъ *). Формально самоуправлявшіяся латинскія и иныя освобожденныя общины (такъ напр. съ этой поры общины нарбонской

*) Доказано, что ни одна полноправно-гражданская община не пользовалась ничѣмъ инымъ, кромѣ ограниченной юрисдикціи. Достойно однако замѣчанія то, что ясно высказывается въ цезаревомъ общинномъ уставѣ для цизальпійской Галліи: тѣ процессы, которые выходили изъ предѣловъ компетентности общинъ этой провинціи, переходили на разсмотрѣніе не къ намѣстнику, ея, но къ римскому претору, въ остальномъ же намѣстникъ въ своей области былъ компетентенъ по всѣмъ процессамъ, замѣняя тѣмъ претора, рѣшавшаго дѣла между гражданами, и того, кто разбиралъ споры гражданъ съ не-гражданами. Безъ сомнѣнія, это—остатокъ порядковъ, существовавшихъ до Суллы, когда на всемъ пространствѣ твердой земли вплоть до Альпъ были компетентны лишь городскія должностныя лица, и поэтому всѣ судебныя дѣла, выходящія изъ предѣловъ вѣдѣнія общинъ, естественно должны были поступать къ преторамъ въ Римѣ. Напротивъ того, въ Нарбонѣ, Гадесѣ, Карѳагенѣ, Коринѳѣ процессы въ подобныхъ случаяхъ направлялись къ намѣстнику, да и по практическимъ соображеніямъ трудно допустить возможность направленія дѣлъ въ Римъ.

Галліи и Сициліи), если онѣ не были общинами гражданскими, нетолько пользовались всѣ (наравнѣ съ ними нѣкоторыя и въ другихъ провинціяхъ) свободнымъ самоуправленіемъ, но, вѣроятно, и неограниченной юрисдикціею, такъ что намѣстникъ имѣлъ возможность вмѣшиваться тутъ лишь опираясь на свой, вообще весьма произвольный, административный надзоръ. Правда, и въ прежнее время существовали уже въ предѣлахъ намѣстничествъ полноправныя общины, какъ напр. Аквилея, Равенна, Нарбонъ, и цѣлыя намѣстничества, какъ напр. Цизальпійская Галлія, состояли изъ общинъ съ италійскимъ устройствомъ; но, если не въ юридическомъ, то въ политическомъ отношеніи было необычайно важнымъ нововведеніемъ, что теперь существовала провинція, которая, совсѣмъ какъ Италія, была населена одними только римскими гражданами, *) и что въ остальныхъ подготовлялось такое же явленіе.

Италія и провинціи уравниваются.

Такимъ образомъ упразднена была дѣйствительно важная противоположность, существовавшая между Италіей и провинціями; вмѣстѣ съ нею исчезалъ и другой контрастъ, состоявшій въ томъ, что въ Италіи не было обыкновенно никакихъ войскъ, тогда какъ это было обычнымъ явленіемъ въ провинціяхъ; теперь войска стояли лишь тамъ, гдѣ приходилось защищать границу, и начальники тѣхъ провинцій, гдѣ подобной защиты не было, какъ напр. Нарбона и Сициліи, были военачальниками только по имени. Формальная противоположность между Италіей и провинціями, которая всегда основывалась на другихъ признакахъ различія, удержалась во всякомъ случаѣ и впредь, Италія осталась сферой юрисдикціи гражданъ и консуловъ-преторовъ, провинціи же округами военной юрисдикціи, подчиненными проконсуламъ и пропреторамъ, но процессы, ведомые по гражданскимъ или военнымъ законамъ, давно уже на практикѣ совпадали, и разнообразіе въ титулахъ должностныхъ лицъ значило весьма мало, особенно съ той поры, когда выше всѣхъ стоялъ императоръ. Во всѣхъ этихъ заложеніяхъ и организаціи городовъ, которыя, по крайней мѣрѣ по своему плану, если не по его осуществленію, восходятъ къ инціативѣ Цезаря, сказывается опредѣленная система. Италія превратилась изъ повелительницы по-

*) Трудно понять, почему дарованіе правъ римскаго гражданства извѣстной мѣстности и удержаніе провинціальной администраціи въ ней считались противорѣчіями, взаимно исключающимися. Кромѣ того, цизальпійская Галлія въ силу народнаго постановленія 11 марта 705 года получила гражданскія права, тогда какъ она оставалась провинціей, пока живъ былъ Цезарь, и лишь послѣ его смерти соединена была съ Италіей (Діонъ, 48, 12); точно также существованіе намѣстниковъ можно прослѣдить до 711 года. Уже упоминаніе о данной мѣстности въ цезаревомъ общинномъ уставѣ не какъ объ Италіи, а какъ о цизальпійской Галліи, должно было-бы навести на настоящій путь.

корныхъ народностей въ главу обновленной италійской націи. Поставленная совсѣмъ наравнѣ съ метрополіей цизальпійская провинція служила ручательствомъ, что въ монархіи Цезаря, подобно тому какъ въ лучшіе дни республики, каждая латинская мѣстность могла ожидать, что ее поставятъ наравнѣ съ ея старшими сестрами и даже съ метрополіей. На ближайшей ступени къ полному національному и политическому уравненію съ Италіею находились сосѣднія съ нею земли, греческая Сицилія и быстро латинизировавшаяся южная Галлія. Наиболѣе же далеко отъ этого уравненія находились остальныя области государства, въ которыхъ (подобно тому, какъ до тѣхъ поръ въ южной Галліи Нарбонъ былъ римской колоніей) отнынѣ большіе приморскіе города: Эмпоріи, Гадесъ, Карѳагенъ, Коринѳъ, Гераклея понтійская, Синопъ, Беритъ, Александрія, стали италійскими или греко-италійскими общинами, опорами италійской цивилизаціи даже на греческомъ востокѣ, основными столпами будущаго національнаго и политическаго уравненія всего государства. Господство городской общины Рима надъ побережьемъ Средиземнаго моря кончилось; мѣсто его заняло новое приморское государство, и первымъ его дѣломъ было искупленіе двухъ величайшихъ преступленій, которыя та община совершила по отношенію къ цивилизаціи. Если разореніе обоихъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ въ римскихъ владѣніяхъ обозначило начало поворота отъ охраняющаго господства римской общины къ политической тиранніи и финансовой эксплоатаціи подвластныхъ странъ, то теперь немедленное и блестящее возстановленіе Карѳагена и Коринѳа обозначило собой основаніе новаго и обширнаго государственнаго организма, подготовляющаго всѣ страны у Средиземнаго моря къ національному и политическому равенству, къ дѣйствительно государственному единенію. Цезарь имѣлъ право даровать городу Коринѳу наравнѣ съ его многославнымъ старымъ именемъ новое имя «въ честь Юлія».

Организація новаго царства. Если, такимъ образомъ, новому объединенному государству была дана національность, правда, по необходимости лишенная народной самобытности и скорѣе походившая на неодушевленное произведеніе искусства, чѣмъ на живой продуктъ природы, то оно нуждалось для дальнѣйшаго своего развитія въ единствѣ, въ такихъ учрежденіяхъ, на которыхъ зиждется общая жизнь націи, именно, въ конституціи и администраціи, религіи и юрисдикціи, монетѣ, мѣрѣ и вѣсѣ, причемъ, конечно, всевозможныя мѣстныя особенности отлично уживались бы съ единствомъ въ главномъ вопросѣ. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ можетъ лишь идти рѣчь о начинаніяхъ, такъ какъ коренное преобразованіе монархіи Цезаря въ духѣ объединенія было дѣломъ будущаго, и онъ только положилъ основу вѣкового сооруженія. Но и понынѣ можно еще подмѣтить многія черты, проложенныя великимъ человѣкомъ во всѣхъ этихъ областяхъ, и слѣдить за нимъ въ этомъ случаѣ гораздо от-

раднѣе, чѣмъ во время созиданія имъ національностей изъ обломковъ.

Уже раньше были указаны нами важнѣйшіе моменты новаго объединенія конституціи и администраціи, именно, переходъ власти отъ римскаго общиннаго совѣта къ самодержцу великой монархіи береговъ Средиземнаго моря, превращеніе этого общиннаго совѣта въ высшій государственный совѣтъ для всей Италіи и провинцій и, главное, начавшееся распространеніе римскихъ и вообще италійскихъ муниципальныхъ порядковъ на провинціальныя общины. Этотъ послѣдній путь, именно дарованіе латинскаго, а вслѣдъ за тѣмъ и римскаго права тѣмъ общинамъ, которыя созрѣли для окончательнаго вступленія въ объединенное государство, самъ собою привелъ къ одинакимъ коммунальнымъ порядкамъ. Лишь въ одномъ отношеніи невозможно было долѣе ждать. Новое государство нуждалось въ такомъ учрежденіи, которое дало бы правительству возможность наглядно обозрѣвать главнѣйшія основы управленія, именно, численность населенія и имущественное положеніе отдѣльныхъ общинъ,— т. е. въ улучшенномъ цензѣ. Прежде всего былъ преобразованъ италійскій цензъ. До той поры онъ, непостижимымъ образомъ, все еще устанавливался, преимущественно въ столицѣ, къ отягощенію граждавъ и ко вреду самаго дѣла. По волѣ Цезаря *) постановлено было, чтобы впредь, когда производилась въ римской общинѣ оцѣнка, во всѣхъ италійскихъ общинахъ одновременно съ этимъ высшая администрація отмѣчала имя каждаго общиннаго гражданина, его отца или лица, отпустившаго его на волю, округъ, возрастъ, цифру состоянія, и чтобы всѣ эти списки доставлялись римскому казначею на столько рано, чтобъ дать ему возможность своевременно окончить общую перепись римскихъ гражданъ и ихъ имущества. Что Цезарь имѣлъ намѣреніе ввести подобныя учрежденія и въ провинціяхъ, явствуетъ частью уже изъ назначенныхъ имъ самимъ размежеваній и земельныхъ описей во всемъ государствѣ, частью и изъ самаго духа этого учрежденія, такъ какъ этимъ самымъ была найдена общая формула для составленія, какъ въ италійскихъ, такъ и въ не-италійскихъ общинахъ государства необходимыхъ для центральной администраціи описей. Очевидно, что Цезарь и здѣсь имѣлъ намѣреніе вернуться къ традиціямъ древнѣйшей республиканской поры и снова ввести государственную оцѣнку, которую древняя республика распространила на всѣ подвластныя ей общины Италіи и Сициліи посред-

Государственный цензъ.

---

*) Сохраненіе муниципальныхъ оцѣночныхъ вѣдомствъ говоритъ въ пользу того, что уже вслѣдствіе союзнической войны введены были нѣкоторыя послабленія (Моммсенъ, Государственное право, 2, 341); но что оцѣнка, даже во времена Цезаря, происходила главнымъ образомъ въ Римѣ, кажется несомнѣннымъ (Cic., Verr. act., 1, 18, 54).

ствомъ подобнаго же расширенія городского ценза, съ его сроками и другими существенными нормами, какъ это сдѣлалъ Цезарь относительно Италіи. Это было одно изъ первыхъ учрежденій, которое пришло въ упадокъ, благодаря одряхлѣнію аристократіи, вслѣдствіе чего высшая административная власть утратила способность обозрѣвать военныя и податныя средства государства и всякую возможность дѣйствительнаго контроля. Уцѣлѣвшіе слѣды и сама совокупность явленій неотразимо доказываютъ, что Цезарь подготовлялъ возобновленіе заглохшаго въ теченіе уже многихъ вѣковъ государственнаго ценза.

Государственная религія. Нѣтъ, кажется, необходимости указывать на то, что ни въ вопросахъ вѣры, ни въ законодательствѣ невозможно было думать о коренной нивеллировкѣ. Тѣмъ не менѣе, при всей терпимости къ мѣстнымъ культамъ и общиннымъ уставамъ, новое государство нуждалось во всеобщемъ культѣ, пригодномъ для италико-эллинскихъ національностей, и въ общихъ законахъ, которые стояли бы выше всѣхъ муниципальныхъ статутовъ. Что государство въ нихъ нуждалось, ясно изъ того, что какъ то, такъ и другое уже фактически существовало. На религіозномъ поприщѣ уже въ теченіе многихъ вѣковъ дѣлались попытки согласовать италійскій и эллинскій культы, частью посредствомъ внѣшняго усвоенія понятія о божествѣ, частью посредствомъ внутренняго соглашенія, и въ виду уступчивой безформенности италійскихъ боговъ было даже весьма нетрудно превратить Юпитера въ Зевса, Венеру въ Афродиту, и растворить такимъ образомъ всякую существенную идею латинскаго вѣрованія въ соотвѣтствующей эллинской миѳологіи. Италійско-эллинская религія въ основныхъ своихъ чертахъ уже сложилась; въ какой степени распространено было убѣжденіе, что въ этой сферѣ сдѣланъ уже значительный шагъ впередъ отъ чисто-римской къ мнимой италійско-эллинской національности, видно напр. изъ встрѣчаемаго въ упомянутой уже теологіи Варрона различія «обыкновенныхъ», т. е. признаваемыхъ Римлянами и Греками, боговъ, отъ особыхъ божествъ, почитаемыхъ римскою общиною.

Общегосударственное право. Въ сферѣ судопроизводства, и именно въ области уголовнаго и полицейскаго права, гдѣ правительство вмѣшивается непосреоственнѣе и гдѣ потребность въ формулированіи права удовлетворяется разумнымъ законодательствомъ, ничто не мѣшало достиженію той степени матеріальнаго единообразія, которое несомнѣнно необходимо было и здѣсь для цѣлей государственнаго единенія. Въ гражданскомъ правѣ, напротивъ, гдѣ иниціатива принадлежитъ самому теченію жизни, законодателю-же — лишь формулированіе, единое общеимперское гражданское право, которое законодатель, конечно, не могъ бы создать, давно уже развилось естественнымъ путемъ изъ хода вещей. Римское городское право юри-

дически еще основывалось на формулахъ латинскаго земскаго права, заключавшихся въ двѣнадцати таблицахъ. Позднѣйшіе законы ввели, правда, въ частностяхъ нѣкоторыя улучшенія въ духѣ времени, въ числѣ которыхъ, очень вѣроятно, важнѣйшими были упраздненіе стариннаго неудобнаго обычая открывать процессъ опредѣленными формулами рѣчей обѣихъ сторонъ, и замѣна ихъ инструкціею для отдѣльныхъ присяжныхъ (formula), составляемою письменно должностнымъ лицомъ, руководящимъ ходомъ суда; но въ сущности народное законодательство нагромоздило на эту крайне ветхую основу необозримую груду, большею частью давно устарѣвшихъ и забытыхъ, спеціальныхъ законовъ, которые можно бы сравнить съ англійскими статутными законами. Попытки научнаго формулированія и систематизаціи сдѣлали, правда, болѣе доступными и освѣтили извилистые ходы стараго гражданскаго права, но никакой римской Блэкстонъ не могъ бы пособить главному неудобству,— именно тому, что составленный за четыреста лѣтъ кодексъ городской премудрости, съ многоразличными и нестройными добавленіями къ нему, долженъ былъ стать правомъ для большого государства.

Новое городовое право или эдиктъ.

Гораздо основательнѣе была помощь самой жизни. Давно уже въ Римѣ живыя сношенія между Римлянами и не-Римлянами развили международное частное право (ius gentium), т. е. сводъ постановленій о различныхъ случайностяхъ въ этихъ сношеніяхъ; сообразуясь съ ними, въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь дѣло не могло быть рѣшено ни по римскому, ни по какому либо иному земскому праву, римскіе судьи произносили свое рѣшеніе, невзирая на римскія, эллинскія, финикійскія и иныя правовыя особенности, но обращаясь къ правовымъ воззрѣніямъ, лежащимъ въ основѣ всякихъ отношеній между людьми. Тутъ то и нашло для себя точку отправленія образованіе новаго права. Служа сперва руководящей нитью для юридическихъ сношеній римскихъ гражданъ между собою, оно вскорѣ на мѣсто древняго, непригоднаго на практикѣ, городского права фактически поставило новое, которое существенно возникло изъ компромисса между національнымъ правомъ двѣнадцати таблицъ и интернаціональнымъ или такъ называемымъ «правомъ народовъ. Перваго придерживались, измѣняя его, конечно, въ духѣ времени, въ брачныхъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ вопросахъ; во всѣхъ же постановленіяхъ, касавшихся имущественныхъ отношеній, словомъ, въ вопросахъ собственности и контрактовъ дѣло рѣшалось на основаніи международнаго права; въ этомъ случаѣ были даже заимствованы многія важныя положенія у мѣстнаго провинціальнаго права, какъ, напримѣръ, законы о ростовщичествѣ и устройство гипотекъ. Разомъ ли или постепенно, при участіи одного или многихъ лицъ, когда именно, чрезъ кого и какъ проникли въ жизнь эти коренныя нововведенія,—на всѣ эти вопросы мы не можемъ дать удовлетворитель-

наго отвѣта; мы знаемъ только, что реформа эта, какъ и понятно, получила начало въ городскомъ судѣ, что она прежде всего формулировалась вновь поступавшимъ въ должность городскимъ судьею въ издаваемыхъ ежегодно для назиданія сторонъ поученіяхъ относительно важнѣйшихъ юридическихъ пріемовъ, которыхъ принадлежало придерживаться въ начинавшемся судебномъ году (edictum annuum или perpetuum praetoris urbani de iuris dictione), и что эта реформа безспорно нашла свое завершеніе лишь въ занимающую насъ эпоху, хотя, конечно, многіе подготовительные шаги могли быть сдѣланы и въ болѣе раннюю пору. Новый кодексъ былъ въ теоретическомъ отношеніи абстрактенъ, такъ какъ римскія понятія о правѣ были очищены здѣсь отъ своихъ національныхъ особенностей, на сколько эти особенности сознавались; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался и практической положительностью, такъ какъ отнюдь не расплывался въ туманныхъ представленіяхъ о всеобщей справедливости и не уносился въ заоблачную сферу такъ называемаго естественнаго права, а напротивъ примѣнялся назначенными для этой цѣли учрежденіями къ опредѣленнымъ конкретнымъ случаямъ, на основаніи строгихъ нормъ; онъ нетолько былъ способенъ стать законною формулою, но уже въ значительной степени вошелъ въ городской эдиктъ. Законоположеніе это удовлетворяло, далѣе, въ матеріальномъ отношеніи требованіямъ времени, такъ какъ оно представляло для процессовъ, для пріобрѣтенія собственности, заключенія контрактовъ необходимыя вслѣдствіе увеличившихся сношеній, и болѣе удобныя формы. Наконецъ оно сдѣлалось въ главныхъ чертахъ общимъ вспомогательнымъ правомъ на всемъ протяженіи римскаго государства, такъ какъ различныя мѣстныя уложенія были удержаны для тѣхъ юридическихъ случаевъ, которые не возникали прямо среди жизненныхъ отношеній, точно также, какъ и для мѣстныхъ сдѣлокъ между членами одного и того же судебнаго участка, между тѣмъ какъ имущественныя сношенія между членами различныхъ судебныхъ округовъ регулировались сплошь въ Италіи и въ провинціяхъ по образцу городского эдикта, правда, юридически не примѣнимаго къ этимъ случаямъ. Право, изложенное въ городскомъ эдиктѣ, занимало въ это время то же самое положеніе, которое заняло въ нашемъ государственномъ развитіи римское право, точно также абстрактное и въ то же самое время настолько положительное, насколько подобныя противорѣчія соединимы; оно также имѣло за себя болѣе гибкія, сравнительно съ древнѣйшимъ правомъ, формы правовыхъ отношеній и являлось, на ряду съ мѣстными статутами, въ видѣ общаго вспомогательнаго права. Лишь въ одномъ отношеніи развитіе римскаго права имѣло существенное преимущество передъ нашимъ, именно, въ томъ, что лишенное національнаго характера законодательство не явилось, какъ

у насъ, преждевременно, какъ-бы искусственно рожденнымъ, а сложилось вовремя и естественно.

Таково было положеніе права, которое засталъ Цезарь. Если онъ составилъ планъ новаго кодекса, то не трудно сказать, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду. Кодексъ этотъ могъ единственно быть сводомъ правъ римскихъ гражданъ и сдѣлаться общимъ имперскимъ сводомъ законовъ, лишь насколько современное собраніе законовъ господствовавшей націи должно было само собою сдѣлаться общимъ вспомогательнымъ правомъ на всемъ протяженіи государства. Въ уголовномъ правѣ (если, конечно, планъ Цезаря касался и его) требовались только пересмотръ и редактированіе сулловыхъ постановленій. Что касается гражданскаго права, то для государства, чью національность составляло собственно все человѣчество, необходимою и единственно возможною формулою являлся, естественно проистекшій изъ юридическихъ сношеній, городской эдиктъ, имѣвшій опредѣленную законную силу. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ 687 г. закономъ Корнелія, который обязывалъ судью соблюдать правила, установленныя при вступленіи его въ должность, и предписывалъ ему не издавать произвольныхъ постановленій; правило это можетъ быть сравненно съ кодексомъ двѣнадцати таблицъ и сдѣлалось для установленія новаго городского права почти столь же важнымъ, какъ и тотъ кодексъ былъ важенъ для установленія древнѣйшаго права. Но, если со времени корнеліева народнаго постановленія эдиктъ не стоялъ ниже судьи, а юридически судья ниже эдикта, если новый кодексъ фактически вытѣснилъ древнее городское право и въ судебной практикѣ, и въ самомъ преподаваніи права, то всякому городскому судьѣ все еще предоставлялась свобода неограниченно и произвольно измѣнять эдиктъ при своемъ вступленіи въ должность, и законы таблицъ съ добавочными статьями все еще формально имѣли перевѣсъ надъ городскимъ эдиктомъ, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ коллизіи устарѣвшее постановленіе должно было устраняться произвольнымъ вмѣшательствомъ должностныхъ лицъ, другими словами, нарушеніемъ формальнаго права.

Цезаревъ планъ законодательнаго свода.

Приложеніе городового эдикта къ устройству суда надъ иностранцами въ Римѣ и различныхъ провинціальныхъ судовъ было теперь поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ высшихъ сановниковъ. Очевидно, необходимо было окончательно устранить старое городовое право, поскольку оно не вошло въ составъ новаго, и въ этомъ послѣднемъ поставить предѣлъ произвольнымъ измѣненіямъ, производимымъ отдѣльными городовыми судьями, и вѣроятно вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить субсидіарное примѣненіе его наравнѣ съ мѣстными уложеніями. Таково было намѣреніе Цезаря, когда онъ составлялъ проэктъ законодательнаго свода; таково оно и должно было быть. Планъ этотъ не былъ выполненъ и такимъ образомъ было

увѣковѣчено томительное переходное состояніе въ римскомъ судопроизводствѣ, пока черезъ шестьсотъ лѣтъ, но и тогда все еще въ несовершенномъ видѣ, эта необходимая реформа была выполнена однимъ изъ преемниковъ Цезаря, императоромъ Юстиніаномъ. Наконецъ въ монетной системѣ, мѣрахъ и вѣсѣ было давно уже начато уравненіе латинской и эллинской системы. Оно уже въ далекой древности сказывалось въ существенно необходимыхъ для торговли и дѣлового обмѣна постановленіяхъ о вѣсѣ, измѣреніи тѣлъ и разстояній, въ монетномъ же дѣлѣ оно установилось немногимъ позже введенія счета на серебро. Тѣмъ не менѣе это старинное уравненіе системъ оказывалось недостаточнымъ, такъ какъ даже въ эллинскомъ мірѣ еще удержались тогда разнообразнѣйшія системы измѣреній и монеты, однѣ наряду съ другими; необходимо было, и, конечно, входило въ планъ Цезаря, ввести въ новое единое государство (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это еще не было проведено) римскую монету, римскія мѣры и римскій вѣсъ, и именно такимъ образомъ, чтобы въ оффиціальныхъ дѣлахъ разсчеты производились только на этомъ основаніи, не-римскія же системы были обречены на чисто мѣстное примѣненіе, частью же поставлены въ твердо опредѣленное соотношеніе къ римской системѣ *). Дѣятельность Цезаря можно, однако, прослѣдить лишь въ двухъ изъ важнѣйшихъ этихъ областей, въ монетной и календарной реформѣ.

Золото, какъ государственная монета. Римскій монетный счетъ основанъ былъ на обоихъ совмѣстно обращавшихся въ массѣ, въ правильномъ соотношеніи между собою, благородныхъ металлахъ, изъ которыхъ золото принималось и выдавалось по вѣсу **), серебро же по чекану; на дѣлѣ же, вслѣдствіе расширившихся заморскихъ сношеній золото значительно превышало собой количество серебра. Неизвѣстно, не былъ ли еще и раньше на всемъ протяженіи государства обязателенъ пріемъ римской серебряной монеты; во всякомъ случаѣ роль общеимперской монеты занимало во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ небитое золото, тѣмъ болѣе, что Римляне воспретили чеканъ золотыхъ мо-

*) Недавно найденныя гири временъ Помпея приводятъ къ предположенію, что въ началѣ императорскаго періода наряду съ римскимъ фунтомъ употреблялась въ качествѣ второй государственной единицы вѣса (вѣроятно въ отношеніи 3:4) и аттическая мина (Hermes, 16, 311).

**) Золотыя монеты, которыя были выбиты по одновременному приказанію Суллы и Помпея, въ обоихъ случаяхъ въ ограниченномъ числѣ, не нарушаютъ этого правила, такъ какъ, вѣроятно, онѣ принимались только по вѣсу, точно также какъ и червонцы Филиппа, удержавшіеся въ обращеніи вплоть до времени Цезаря. Во всякомъ случаѣ онѣ заслуживаютъ вниманія, такъ какъ служатъ предвѣстіемъ цезаревой имперской монеты, подобно тому какъ регентство Суллы подготовило новую монархію.

нетъ во всѣхъ провинціяхъ и подручныхъ государствахъ, и денарій законнымъ путемъ или же фактически получилъ право гражданства кромѣ Италіи и въ цизальпійской Галліи, Сициліи, Испаніи и многихъ иныхъ мѣстностяхъ, особенно на западѣ. Со временъ же Цезаря вводится обращеніе имперской монеты. Подобно Александру, и онъ отмѣтилъ основаніе новой монархіи, охватывающей весь цивилизованный міръ, тѣмъ, что единственный металлъ, способный къ посредничеству между мірами, пріобрѣлъ и въ монетѣ первенствующее значеніе. Въ какихъ величественныхъ размѣрахъ стала немедленно чеканиться цезарева новая золотая монета (въ семь талеровъ 18 грошей, по нынѣшней стоимости металла), доказывается тѣмъ фактомъ, что въ одномъ только кладѣ, зарытомъ семь лѣтъ спустя послѣ смерти Цезаря, было найдено до 80,000 такихъ монетъ. Конечно, здѣсь могли вліять вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовыя спекуляціи *). Что касается серебряныхъ денегъ, то, благодаря Цезарю, было окончательно установлено на всемъ западѣ исключительное господство римскаго денарія, и начало этому было положено еще раньше, когда Цезарь закрылъ массалійскій монетный дворъ, единственный на западѣ, серебряныя деньги котораго соперничали еще съ римскими. Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ или мѣдныхъ монетъ была дозволена нѣкоторымъ западнымъ общинамъ; такъ монета въ три четверти денарія часто чеканилась нѣкоторыми латинскими общинами южной Галліи, полъ-денарія многими сѣверно-галльскими поселками, мелкія мѣдныя монеты чеканились многократно и послѣ Цезаря въ общинахъ запада; однако и эта размѣнная монета изготовлялась сплошь по римской пробѣ и обращеніе ея было, вѣроятно, обязательно лишь для мѣстныхъ потребностей. О приведеніи монетнаго дѣла въ единообразную систему на востокѣ, гдѣ обращались громадныя массы грубо выдѣланныхъ серебряныхъ денегъ, большею частью слишкомъ легкаго вѣса или совершенно стертыхъ, или даже какъ, напримѣръ, въ Египтѣ, мѣдная монета, родственная нашимъ ассигнаціямъ, и гдѣ сирійскіе торговые города сильно ощутили бы отсутствіе своихъ прежнихъ мѣстныхъ денежныхъ знаковъ, соотвѣтствовавшихъ месопотамскому курсу, Цезарь кажется, думалъ такъ же мало, какъ и прежнее правительство.

---

*) Повидимому, въ древнѣйшее время требованія государственныхъ кредиторовъ, исчисленныя на серебро, не могли быть уплачены противъ ихъ воли золотомъ, принимая въ разсчетъ законное курсовое отношеніе его къ серебру: между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что со времени Цезаря золотая монета должна была безпрекословно приниматься за 100 серебряныхъ сестерцій. Это было тѣмъ важнѣе, что вслѣдствіе пущенныхъ Цезаремъ въ обращеніе большихъ массъ золота, оно ходило нѣкоторое время въ торговлѣ на 25 процентовъ ниже установленнаго курса.

Позднѣе мы видимъ, что денарій имѣлъ вездѣ установленный закономъ курсъ, и что оффиціально считали только примѣняясь къ нему *); мѣстныя же монеты также имѣли законное обращеніе внутри своего ограниченнаго района, но по тарифу невыгодному для нихъ, сравнительно съ денаріемъ **). Правило это было, вѣроятно, введено не сразу и отчасти, быть можетъ, даже до Цезаря; во всякомъ случаѣ оно служило существеннымъ завершеніемъ цезаревой государственной монетной системы, гдѣ новый золотой нашелъ себѣ непосредственный образецъ въ приблизительно столь же тяжелой Александровой золотой монетѣ и, вѣроятно, былъ въ особенности разсчитанъ на обращеніе среди народовъ востока.

Реформа календаря. Родственною по духу съ этой мѣрою была календарная реформа. Республиканскій календарь, странно сказать, былъ еще все тѣмъ же древнимъ, искаженнымъ изъ до-метоновскаго октэтериса календаремъ децемвировъ и, благодаря соединенію самой жалкой математики съ самой жалкой администраціею, дошелъ до того, что опередилъ время на цѣлыхъ 67 дней и праздновалъ, напримѣръ, цвѣточный праздникъ вмѣсто 28 апрѣля, 1-го іюля. Цезарь устранилъ наконецъ эту неурядицу, и, съ помощью греческаго математика Созигена ввелъ въ религіозное и оффиціальное употребленіе установленное по египетскому, евдоксову календарю италійское годовое счисленіе, равно какъ и разумную систему високосныхъ прибавокъ, вслѣдствіе чего было отмѣнено установленное стариннымъ календаремъ на 1 марта празднованіе новаго года и вмѣсто этого назначено календарною эпохою для перемѣны года 1 января, срокъ, установленный издавна для смѣны высшихъ должностныхъ лицъ и вслѣдствіе этого уже давно имѣвшій и въ гражданской жизни преобладающее значеніе. Обѣ эти перемѣны вступили въ силу перваго января 709 года по городскому исчисленію и въ 45 году до Р. Х., и вмѣстѣ съ ними началось употребленіе и названнаго по имени его составителя юліанскаго календаря, который еще долгіе годы послѣ гибели цезаревой монархіи оставался обязательнымъ для всего образованнаго міра, и въ главныхъ чертахъ остался такимъ и понынѣ. Для поясненія его былъ присоединенъ къ нему въ подробномъ эдиктѣ планетный календарь, заимствованный у египетскихъ астро-

---

*) Ни на одной надписи изъ временъ имперіи нельзя, кажется, встрѣтить исчисленія денежныхъ суммъ иначе, какъ на римскую монету.

**) Такъ аттическая драхма, хотя она и замѣтно тяжелѣе денарія, считалась ему равною; антіохійскій тетрадрахмонъ, вѣсившій среднимъ числомъ 15 граммовъ серебра, равнялся 3 римскимъ денаріямъ, въ которыхъ вѣсу было только около 12 граммовъ; такъ малоазіатскій цистофоръ равнялся по вѣсу серебра 3, по законному тарифу $2^1/_2$ денаріямъ; родосская полу-драхма равнялась по вѣсу серебра $^3/_4$, по легальному тарифу $^5/_8$ денаріямъ, и т. д.

номовъ и, хоть и нѣсколько неумѣло, примѣненный къ Италіи; въ немъ опредѣлялись по календарнымъ днямъ восходъ и заходъ наиболѣе извѣстныхъ созвѣздій *). И въ этой области римскій и греческій міръ достигли уравненія другъ съ другомъ.

Таковы были основы монархіи, созданной Цезаремъ на берегахъ Средиземнаго моря. Во второй разъ соціальный вопросъ въ Римѣ дозрѣлъ до кризиса, въ которомъ выставленные жизнью контрасты не только съ виду, но и на дѣлѣ были неразрѣшимы и непримиримы. Прежде онъ былъ спасенъ тѣмъ, что Италія растворилась въ Римѣ и Римъ въ Италіи, и что въ новомъ, расширенномъ и преобразившемся отечествѣ старыя противорѣчія не сгладились, но совершенно исчезли. Теперь же онъ былъ спасенъ тѣмъ, что страны вокругъ Средиземнаго моря вошли въ Римъ или готовились въ немъ раствориться; борьба италійскихъ бѣдняковъ и богачей, которая въ старой Италіи могла окончиться лишь уничтоженіемъ самой націи, не имѣла болѣе никакого поприща для себя, да и никакого смысла, въ Италіи, распространившейся на три части свѣта. Латинскія колоніи замкнули ту пропасть, которая въ пятомъ вѣкѣ грозила поглотить римскія общины; еще болѣе глубокую бездну наполнили въ седьмомъ столѣтіи заальпійскія и заморскія колоніи Гая Гракха и Цезаря. Лишь для одного Рима исторія не только совершила чудеса, но и повторяла ихъ и дважды излечила внутренній неизцѣлимый кризисъ государства тѣмъ, что придала этому государству свѣжія, молодыя силы. Въ этомъ обновленіи, правда, кроется не мало разложенія; какъ въ старину объединеніе Италіи совершилось на развалинахъ самнитской и этрусской народности, такъ и новая монархія возникла на руинахъ безчисленныхъ государствъ и племенъ, нѣкогда живыхъ и полныхъ силы; но это такое разложеніе, изъ котораго взошли свѣжіе и до сихъ поръ зеленѣющіе посѣвы. Совершенно уничтожились ради сооруженія этого новаго зданія лишь второстепенныя національности, давно уже обреченныя все уравнивающею цивилизаціей на погибель. Тамъ, гдѣ Цезарь выступалъ разрушителемъ, онъ выполнялъ лишь произнесенный уже приговоръ историческаго развитія, зародыши же культуры онъ оберегалъ вездѣ, гдѣ находилъ ихъ, въ

Цезарь и его дѣянія.

---

*) Тождественность этого эдикта, редактированнаго, быть можетъ, Маркомъ Флавіемъ (Macrob., sat., 1, 14, 2), съ приписываемою Цезарю статьею о созвѣздіяхъ, доказывается шуткою Цицерона (Плутархъ, Цез., 59), что теперь „лира“ восходитъ по приказу. Впрочемъ еще до Цезаря было извѣстно, что исчисленіе солнечнаго года въ 365 дней и 6 часовъ, на которомъ былъ основанъ египетскій календарь и которое принялъ въ основу своего календаря и Цезарь, было невѣрно и годъ слишкомъ длиненъ. Самое точное изъ извѣстныхъ древнему міру исчисленій тропическаго года, именно Гиппархово, устанавливало годъ въ 365 дней, 5 часовъ, 52′ 12″; настоящая же длина его 365 дней, 5 часовъ, 48′ 48″.

своей ли собственной странѣ или у родственной ей эллинской народности. Онъ спасъ и обновилъ римскій племенной элементъ, но и греческую національность онъ не только щадилъ, но съ тѣмъ же вѣрнымъ, геніальнымъ пониманіемъ, съ которымъ онъ выполнилъ какъ бы вторичное основаніе Рима, онъ отдался возрожденію Эллиновъ и возобновилъ прерванное дѣло великаго Александра, чей образъ, по всей вѣроятности, никогда не покидалъ цезаревыхъ помысловъ. Онъ разрѣшилъ обѣ эти крупныя задачи нетолько совмѣстно, но именно осуществляя одну при помощи другой. Обѣ главныя основы жизни человѣчества, всеобщее и индивидуальное развитіе, или государство и культура, нѣкогда въ зародышѣ соединенныя вмѣстѣ у древнихъ Греко-Италиковъ, пасшихъ свои стада въ первобытной простотѣ вдали отъ береговъ и острововъ Средиземнаго моря, разобщились съ той поры, когда это племя раздѣлилось на Эллиновъ и Италиковъ, и въ теченіе тысячелѣтій оставались разобщенными. Теперь же потомокъ троянскаго царя и латинской царевны создалъ изъ государства, лишеннаго собственной культуры, и изъ космополитической цивилизаціи новое цѣлое, въ которомъ, достигнувъ высшаго предѣла человѣческаго существованія, въ роскошной полнотѣ блаженной старости государство и культура снова сошлись и достойно наполнили собой всю обширную сферу, соотвѣтствовавшую такому глубокому содержанію.

Мы представили теперь пути, проложенные Цезаремъ для этого дѣла, пути, на которыхъ онъ самъ работалъ, и по которымъ и позднѣйшіе дѣятели пытались работать далѣе въ указанномъ имъ направленіи, если не съ тою же силой духа и энергіей, то вообще въ духѣ намѣреній великаго наставника. Немногое выполнено, напротивъ, много дѣла только намѣчено. Цѣльно ли разработанъ былъ самъ планъ, объ этомъ можетъ рѣшить лишь тотъ, кто чувствуетъ себя способнымъ мысленно состязаться съ такимъ человѣкомъ; мы не замѣчаемъ важныхъ пробѣловъ въ томъ, что дошло до насъ; каждаго отдѣльнаго камня въ зданіи достаточно, чтобъ сдѣлать человѣка безсмертнымъ, а всѣ они составляютъ гармоническое цѣлое. Пять лѣтъ съ половиной (даже не половину срока властвованія Александра) правилъ Цезарь въ качествѣ римскаго царя; въ промежутокъ между семью большими войнами, которыя въ общей сложности позволяли ему пробыть въ столицѣ не болѣе пятнадцати мѣсяцевъ, *) онъ устроилъ судьбы міра для настоящаго и будущаго, начиная съ установленія раздѣльной линіи между цивилизаціей и варварствомъ и нисходя до устраненія дождевыхъ лужъ на улицахъ

*) Цезарь жилъ въ Римѣ въ апрѣлѣ и декабрѣ 705 г., въ оба раза оставаясь лишь нѣсколько дней: отъ сентяб. до дек. 707 г.; около четырехъ осеннихъ мѣсяцевъ 15-ти мѣсячнаго 708 года и отъ окт. 709 до марта 710.

столицы, и сохранялъ при этомъ столько досуга и веселости, чтобъ внимательно слѣдить за театральными пьесами, писавшимися на призы, и вручать побѣдителю вѣнокъ, импровизируя стихи. Быстрота и вѣрность выполненія плана доказываютъ, что онъ долго продумалъ его и во всѣхъ частностяхъ опредѣлилъ,—но и въ этомъ видѣ она не менѣе заслуживаетъ удивленія, чѣмъ самый планъ. Основа была дана, и новое государство заложено было навѣки; докончить же это созиданіе могло лишь безпредѣльное будущее. Въ этомъ отношеніи Цезарь могъ считать, что достигъ цѣли, и таковъ былъ, вѣроятно, смыслъ фразы, которую иногда слышали его друзья,— что онъ довольно пожилъ. Но именно потому, что это созиданіе было безконечно, зодчій, пока жилъ, неустанно возводилъ камень на камнѣ, съ тѣмъ же искусствомъ и тою же энергіей, не ускоряя дѣла и не откладывая его, какъ будто для него существовалалишь настоящая минута, и не было слѣдующаго дня. Такъ работалъ и создавалъ онъ, какъ не удавалось это ни одному смертному ни до, ни послѣ него, и, какъ труженикъ и творецъ, еще живетъ послѣ многихъ вѣковъ въ памяти народовъ первый и, конечно, единственный императоръ Цезарь.

ГЛАВА XII.

Религія, образованность, литература и искусство.

Государственная религія.

Въ религіозно-политическомъ развитіи мы не замѣтимъ въ эту эпоху ни одного новаго момента. Римско-эллинская государственная религія и неразлучно связанная съ нею стоическая государственная философія нетолько являлись удобнымъ орудіемъ для каждаго правительства, для олигархіи, демократовъ или монархіи, но были просто необходимы уже потому, что такъ же невозможно было создать государство безъ всякихъ религіозныхъ элементовъ, какъ и найти новую государственную религію, способную замѣнить древнюю. Революціонный скептицизмъ обращался, правда, при случаѣ весьма безцеремонно съ затѣями прорицательной мудрости авгуровъ, но ветхая, расшатавшаяся во всѣхъ частяхъ своихъ, машина тѣмъ не менѣе пережила то землетрясеніе, которое поглотило республику, и перенесла неприкосновенно въ новую монархію свою безсодержательность и заносчивость. Понятно, что она все болѣе впадала въ немилость у всѣхъ тѣхъ, кто сохранялъ еще свободу сужденія. Правда, къ государственной религіи общественное мнѣніе относилось вообще равнодушно; она признавалась всѣми удобнымъ политическимъ учрежденіемъ, и никто не заботился о ней особенно, кромѣ политиковъ и антикварныхъ ученыхъ. Но по отношенію къ ея философской спутницѣ развилась въ безпристрастной публикѣ та враждебность, которую неминуемо вызываетъ съ теченіемъ времени пустое и вмѣстѣ съ тѣмъ коварное фразистое лицемѣріе. Что въ самой стоической школѣ начинало возникать сознаніе собственнаго ничтожества, явствуетъ уже изъ ея попытки искуственно вдохнуть въ себя новый духъ путемъ синкретизма; Антіохъ аскалонскій (процвѣталъ въ 675 году), полагавшій, что ему удалось сплотить въ одно органическое цѣлое стоическую систему съ платоно-аристотелевскою, дѣйствительно достигъ того, что его уродливая доктрина сдѣлалась модною философіею консерваторовъ его времени и добросовѣстно изучалась знатными дилеттантами и литераторами Рима. Въ комъ только оставалась

еще духовная свѣжесть, тотъ находился либо въ оппозиціи къ стоикамъ, либо игнорировалъ ихъ. Только благодаря, главнѣйшимъ образомъ, всеобщему отвращенію къ хвастливымъ и скучнымъ римскимъ фарисеямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усилившейся у многихъ склонности искать спасенія отъ практической жизни въ безцѣльной апатіи или ничтожной ироніи, система Эпикура получила въ это время обширное распространеніе, и животная философія Діогена водворилась въ Римѣ. Какъ ни слаба и ни бѣдна мыслью была система Эпикура, тѣмъ не менѣе философія, искавшая пути къ мудрости не въ измѣненіи традиціонныхъ опредѣленій, а удовлетворявшаяся существующими и признававшая за истину только то, въ чемъ можно было убѣдиться при помощи чувствъ, все же была лучше терминологической трескотни и безсодержательности понятій стоическихъ мудрецовъ; что же касается діогеновой философіи, то она потому уже была не въ примѣръ лучше всѣхъ тогдашнихъ философскихъ ученій, что ея цѣль заключалась именно въ томъ, чтобы не имѣть никакой системы, а, напротивъ того, осмѣивать всѣ системы и ихъ приверженцевъ. Въ обѣихъ областяхъ ревностно и успѣшно велась война противъ стоиковъ; къ серьознымъ людямъ обращался эпикуреецъ Лукрецій со всей силой искренняго убѣжденія и священнаго рвенія противъ стоической вѣры въ боговъ и провидѣніе и противъ ученія о безсмертіи души; для большой массы насмѣшливой публики циникъ Варронъ попадалъ еще вѣрнѣе въ цѣль легкими стрѣлами своихъ многочитавшихся сатиръ. Если, поэтому, лучшіе люди стараго поколѣнія враждовали со стоиками, то молодое поколѣніе, и въ томъ числѣ Катуллъ, не находилось болѣе съ ними ни въ какой внутренней связи и порицало ихъ еще рѣзче своимъ полнѣйшимъ игнорированіемъ.

Восточныя религіи.

Если однако религія, въ которую никто уже болѣе не вѣровалъ, поддерживалась изъ политическихъ разсчетовъ, то это наверстывалось сторицею въ другихъ отношеніяхъ. Невѣріе и суевѣріе, эти различные оттѣнки одного и того же историческаго феномена, шли рука объ руку въ тогдашнемъ римскомъ мірѣ, и не было недостатка въ людяхъ, соединявшихъ въ себѣ оба эти контраста, отрицавшихъ вмѣстѣ съ Эпикуромъ боговъ и все таки молившихся и приносившихъ жертвы передъ каждой часовней. Понятно, что уваженіемъ пользовались только боги, занесенные съ востока, и подобно тому, какъ продолжали стекаться въ Италію выходцы изъ греческихъ мѣстностей, такъ и восточныя божества все въ большемъ числѣ переселялись на западъ. Какое значеніе имѣлъ въ ту пору въ Римѣ фригійскій культъ, доказывается какъ полемикою людей старшаго поколѣнія, въ родѣ Варрона и Лукреція, такъ и поэтическимъ прославленіемъ этого культа Катулломъ, заканчивающимся характерною просьбою, чтобы богиня соблаговолила сводить съ ума другихъ, только не самого поэта.

Культъ Митры и Изиды. Къ этимъ культамъ присоединилось еще поклоненіе персидскимъ божествамъ, занесенное, какъ говорятъ, на западъ при посредствѣ встрѣчавшихся на Средиземномъ морѣ восточныхъ и западныхъ пиратовъ; древнѣйшимъ центромъ этого культа на западѣ считается гора Олимпъ въ Ликіи. Что при воспринятіи на западѣ восточныхъ культовъ, отбрасывались сплошь всѣ заключавшіеся въ нихъ высшіе умозрительные и нравственные элементы, доказывается поразительнымъ образомъ тѣмъ, что высшее божество чистаго ученія Зараѳустры, Ахурамазда, оставалось на западѣ почти неизвѣстнымъ, и что поклоненіе обратилось здѣсь преимущественно опять къ тому божеству, которое занимало первое мѣсто въ древнихъ персидскихъ народныхъ вѣрованіяхъ и было отодвинуто на второй планъ Зараѳустрой, именно къ богу солнца Митрѣ. Еще быстрѣе, чѣмъ свѣтлые и кроткіе персидскіе небожители, вторгнулся въ Римъ таинственный и скучный рой египетскихъ каррикатуръ на боговъ, мать природы Изида со всей ея свитой, вѣчно умирающимъ и вѣчно снова возрождающимся Озирисомъ, мрачнымъ Сараписомъ, молчаливо серьознымъ Гарпократомъ, Анубисомъ украшеннымъ собачьей головой. Въ тотъ годъ, когда Клодій далъ клубамъ и другимъ мелкимъ ассоціаціямъ свободу (696), и несомнѣнно подъ вліяніемъ этого освобожденія черни, этотъ рой боговъ какъ будто готовъ былъ вступить даже въ старое святилище римскаго Юпитера въ Капитоліи, и едва удалось отстранить его отсюда, и удержать неизбѣжно возникавшія новыя святилища по крайней мѣрѣ въ предмѣстьяхъ Рима. Ни одинъ культъ не былъ въ такой степени популяренъ въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія: когда сенатъ приказалъ снести храмы Изиды, воздвигнутые внутри городской ограды, ни одинъ рабочій не отважился приступить къ этому разрушенію, и консулъ Люцій Павелъ принужденъ былъ самъ дать первый ударъ топора (704); можно было побиться объ закладъ, что чѣмъ распущеннѣе жила какая нибудь женщина, тѣмъ набожнѣе почитала она Изиду. Метаніе жребія, толкованіе сновъ и подобныя свободныя искусства кормили людей, занимавшихся этимъ,—все это понятно само собой. Составленіе гороскоповъ обратилось въ научное занятіе; Люцій Таруцій, уроженецъ фирмскій, почтенный, въ своемъ родѣ ученый человѣкъ, въ дружбѣ съ Варрономъ и Цицерономъ, совершенно серьозно опредѣлилъ время рожденія царей Ромула и Нумы и даже основанія города Рима и при помощи своей халдейской и египетской мудрости поддержалъ свидѣтельства римской хроники, къ назиданію вѣрующихъ обѣихъ національностей.

Новый пиѳагореизмъ. Нигидій Фигулъ. Но несравненно замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ этой области нужно признать первую попытку оживить грубую вѣру спекулятивной мыслью, первое проявленіе въ римскомъ мірѣ тѣхъ стремленій, которыя мы привыкли называть неоплатоническими. Самымъ раннимъ

апостоломъ этого движенія въ Римѣ былъ Публій Нигидій Фигулъ, знатный Римлянинъ изъ строго аристократической фракціи, занимавшій въ 696 году должность претора и умершій въ 709 г. внѣ Италіи политическимъ изгнанникомъ. Съ удивительно многосторонней ученостью и еще болѣе изумительной силой вѣры онъ создалъ изъ самыхъ разрозненныхъ элементовъ философско-религіозное построеніе, странныя очертанія котораго онъ, вѣроятно, еще болѣе развивалъ въ устныхъ объясненіяхъ, чѣмъ въ своихъ богословскихъ и естественно-научныхъ сочиненіяхъ. Въ философіи, ища избавленія отъ господства безжизненныхъ скелетовъ обыденныхъ системъ и отвлеченій, онъ возвращался къ старой, быльемъ поросшей до-сократовой философіи, когда мудрецамъ, бывало, самая мысль являлась въ чувственно-живой формѣ. Естественно-научныя изысканія при умѣломъ ихъ примѣненіи и теперь еще прекрасно могутъ содѣйствовать цѣлямъ мистическихъ обмановъ и набожнаго фокусничества; въ древности же, при недостаточномъ вниканіи въ физическіе законы, они еще удобнѣе годились для этой цѣли, и потому, понятно, играли и у Фигула тоже важную роль. Его богословіе существенно основано было на той удивительной смѣси, въ которой слилась у родственныхъ по духу Грековъ орфическая мудрость, другія древнѣйшія или же самоновѣйшія мѣстныя ученія, вмѣстѣ съ персидскими, халдейскими и египетскими тайными ученіями; въ эту же безсодержательную смѣсь Фигулъ умѣлъ еще вмѣстить мнимые результаты тускскихъ изслѣдованій, и, присоединяя туда же мѣстное гаданіе по птичьему полету, развилъ всѣ эти составныя части до гармонической путаницы. Вся система получила политико-религіозно-національное освященіе благодаря имени Пиѳагора, крайне-консервативнаго государственнаго дѣятеля, высшимъ принципомъ котораго было «содѣйствовать порядку и предохранять отъ безпорядка», творца чудесъ и вызывателя духовъ, какъ бы присвоеннаго Италіей, даже слитаго со сказочной исторіей Рима и красовавшагося на римской площади въ видѣ статуи древле-славнаго мудреца. Подобно тому, какъ рожденіе и смерть родственны между собою, такъ и Пиѳагору пришлось стоять нетолько у колыбели республики, какъ другу мудраго Нумы и сотоварищу умной матери Эгеріи, но, въ качествѣ послѣдняго прибѣжища и священнаго порицателя, и у могилы республики. Новая система, однако, была не только чудесна, но и творила чудеса: Нигидій предсказалъ отцу будущаго императора Августа въ тотъ самый день, когда родился этотъ сынъ его, его будущее величіе; прорицатели даже вызывали вѣрующимъ духовъ, и, что еще важнѣе, указывали тѣ мѣста, гдѣ лежали потерянныя кѣмъ нибудь деньги. Древненовая мудрость, какова бы она ни была, производила все таки на современниковъ глубокое впечатлѣніе; знатнѣйшіе, ученѣйшіе, способнѣйшіе представители самыхъ разнообразныхъ партій, консулъ

705 года Аппій Клавдій, ученый Маркъ Варронъ, храбрый воинъ Публій Ватиній участвовали въ вызываніи духовъ, и есть основаніе думать, что пришлось принять полицейскія мѣры противъ этихъ обществъ. Послѣднія эти попытки спасти римскую теологію, подобно стремленіямъ Катона въ области политики, производятъ въ тоже время и комическое и грустное впечатлѣніе; можно усмѣхнуться, видя это вѣроученіе и его апостоловъ, но все таки останется серьознымъ явленіемъ, что такіе даровитые люди начинали всей душой отдаваться нелѣпости.

Воспитаніе юношества. Воспитаніе, разумѣется, шло въ данную эпоху извѣстнымъ намъ изъ предшествовавшаго періода путемъ пріобрѣтенія знаній на двухъ господствующихъ языкахъ, и общая образованность римскаго міра все болѣе вживалась въ формулы, установленныя для нея Греками. Даже тѣлесныя упражненія перешли отъ игры въ мячъ, бѣга и борьбы къ художественнѣе развитымъ греческимъ состязаніямъ; если для нихъ и не было устроено общественныхъ учрежденій, то все таки на дачахъ зажиточныхъ людей, наряду съ купальной комнатой, не было недостатка и въ палестрѣ.

Общеобразовательные предметы въ ту пору. Въ какой степени кругъ общей образованности въ римскомъ мірѣ измѣнился въ теченіе одного вѣка, показываетъ намъ сравненіе катоновой энциклопедіи съ сходнымъ же сочиненіемъ Варрона «о школьныхъ наукахъ». Составными частями не-спеціальной образованности являлись у Катона ораторское искусство, сельское хозяйство, право, военная и врачебная наука, у Варрона же (по вѣроятному предположенію) грамматика, логика или діалектика, риторика, геометрія, ариѳметика, астрономія, музыка, медицина и архитектура. Такимъ образомъ въ теченіе седьмого столѣтія военное искусство, сельское хозяйство и право превратились изъ отраслей общей образованности въ спеціальныя науки. За то у Варрона выступаетъ въ особой полнотѣ эллинское воспитаніе юношества: рядомъ съ грамматико-реторико-философскимъ курсомъ, который былъ введенъ еще раньше въ Италіи, мы видимъ тутъ и оставшійся долѣе строго-эллинскимъ школьный обиходъ, состоящій изъ геометріи, ариѳметики, астрономіи и музыки *). Можно доказать, что изъ этихъ наукъ именно астрономія, являвшаяся съ своимъ распознаваніемъ звѣздъ на подмогу безъ-идейному ученому дилеттантству того времени, и содѣйствовавшая (благодаря своей связи съ астрологіей) господствовавшему религіозному сумбуру, правильно и прилежно изучалась юношествомъ Италіи: астрономическія поучительныя стихотворенія Арата получили раньше всѣхъ твореній александрійской литературы доступъ въ воспитаніе римскаго юношества.

---

*) Таковы, какъ извѣстно, семь свободныхъ искусствъ, которыя съ соблюденіемъ различія между тремя укоренившимися въ Италіи дисциплинами и четырьмя занесенными впослѣдствіи, продержались во всѣ средніе вѣка.

Къ этому эллинскому курсу наукъ присоединилась и уцѣлѣвшая изъ болѣе древней римской школьной педагогіи медицина, и архитектура, неизбѣжная тогда для Римлянина, занимавшагося, вмѣсто воздѣлыванія полей, постройкой домовъ и виллъ.

Въ сравненіи съ предшествовавшей эпохой и греческая и латинская образованность пріобрѣтаютъ болѣе объема и школьной серьозности, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чистоты и изящества. Усиливавшееся стремленіе къ греческой наукѣ придало даже изученію языка и литературы ученый характеръ. Объясненіе Гомера или Еврипида все-таки не считалось чѣмъ нибудь особеннымъ; и преподаватели и ученики находили для себя болѣе выгоды обращаться къ александрійской поэзіи, которая въ тоже время стояла ближе къ римскому міру, чѣмъ истинно-греческая національная поэзія, и которая, если и не являлась столь же почтенною, какъ Иліада, всетаки имѣла за себя достаточно уважительную старину, чтобъ казаться въ глазахъ школьныхъ учителей созданіемъ классическимъ. Любовныя стихотворенія Эвфоріона, «Причины» и «Ибисъ» Каллимаха, комически запутанная «Александра» Ликофрона давали въ обильномъ выборѣ рѣдкостныя вокабулы (glossae), чрезвычайно годившіяся для выдѣленія и объясненія, умнохудощаво запутанныя и столь же трудно распутываемыя предложенія, многорѣчивыя отступленія, полныя таинственнаго сплетенія миѳовъ, вообще цѣлый запасъ разнороднѣйшей и тягостнѣйшей учености во всѣхъ родахъ. Преподаваніе нуждалось въ возможно болѣе трудныхъ образцахъ; упомянутыя нами произведенія, бывшія большею частью образцовыми трудами школьныхъ преподавателей, отлично годились, какъ упражненіе для образцовыхъ учениковъ. Такимъ образомъ александрійская поэзія заняла прочное мѣсто въ италійскомъ преподаваніи, въ особенности въ качествѣ собранія школьныхъ темъ, и дѣйствительно содѣйствовала распространенію знанія, но зато въ ущербъ вкусу и смыслу. Та же нездоровая жажда знаній побуждала далѣе римское юношество знакомиться съ эллинизмомъ по возможности у самаго источника его. Курсы греческихъ преподавателей въ Римѣ годились теперь только для начала; кто желалъ имѣть въ этомъ дѣлѣ авторитетъ, слушалъ греческую философію въ Аѳинахъ, греческую риторику въ Родосѣ, и предпринималъ литературное и художественное путешествіе по Малой Азіи, гдѣ, на самомъ мѣстѣ ихъ зарожденія, можно было найти всего болѣе сокровищъ древняго эллинскаго искусства, и гдѣ, хотя весьма рутинно, передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе музыкальное образованіе Эллиновъ; напротивъ того, далекая Александрія, прославляемая всего болѣе, какъ центръ строгой науки, являлась гораздо рѣже цѣлью путешествій алчныхъ до образованія римскихъ юношей.

Изученіе греческой литературы. Александринизмъ.

Подобно греческому усиливалось и латинское преподаваніе. Это

Изученіе

латинскаго языка. дѣлалось отчасти подъ вліяніемъ изученія греческаго языка, у котораго главнымъ образомъ оно заимствовало и методъ, и вдохновеніе. Наконецъ и политическія обстоятельства, стремленіе занять мѣсто на ораторской каѳедрѣ, охватывавшее благодаря демократическимъ крамоламъ все болѣе и болѣе обширные круги, не мало содѣйствовали распространенію и развитію ораторскихъ упражненій; «куда ни взглянешь, «говоритъ Цицеронъ, все полно ораторовъ». Дѣло дошло наконецъ до того, что сочиненія шестого вѣка, чѣмъ далѣе они углублялись въ прошлое, тѣмъ рѣшительнѣе стали признаваться всѣми за классическіе тексты золотого времени латинской литературы, чѣмъ, конечно, придавалось еще больше значенія преподаванію, существенно опиравшемуся на нихъ. Наконецъ наплывъ со всѣхъ сторонъ варваровъ и начавшееся латинизированіе обширныхъ кельтскихъ и испанскихъ странъ придали сами собою болѣе высокое значеніе латинской грамматикѣ и латинскому преподаванію, чѣмъ они могли бы имѣть въ ту пору, когда одинъ только Лаціумъ говорилъ по латыни; учитель латинскаго языка имѣлъ въ Комѣ и Нарбонѣ съ самаго начала совершенно иное положеніе, чѣмъ въ Пренестѣ и Ардеѣ. Вообще же образованіе находилось скорѣе въ упадкѣ, чѣмъ въ прогрессѣ. Разореніе италійскихъ провинціальныхъ городовъ, наплывъ цѣлой массы чуждыхъ элементовъ, политическое, экономическое и нравственное одичаніе націи, а главное, разрушительныя междоусобныя войны болѣе искажали языкъ, чѣмъ могли поправить дѣло всѣ школьные преподаватели вселенной. Болѣе тѣсное сближеніе съ эллинскою культурою того времени, болѣе опредѣленное вліяніе болтливой аѳинской мудрости и родосской и малоазіатской риторики распространяли среди римской молодежи именно самые вредные элементы эллинизма. Миссія пропаганды, принятая на себя Лаціумомъ среди Кельтовъ, Иберійцевъ и Ливійцевъ, какъ ни эффектна была она, все-таки должна была имѣть для латинскаго языка тѣ же послѣдствія, которыя имѣло эллинизированіе. Если римская публика того времени апплодировала складнымъ и ритмически-размѣреннымъ періодамъ ораторовъ, если актеру приходилось дорого платиться за какой нибудь промахъ противъ языка или метрики, то это, конечно, свидѣтельствуетъ, что распространенное школою пониманіе родного языка становилось общимъ достояніемъ болѣе обширныхъ круговъ; но рядомъ съ этимъ свѣдущіе современники жалуются на то, что эллинская культура находилась въ Италіи въ 690 г. на гораздо болѣе низкой ступени, чѣмъ за поколѣніе передъ тѣмъ, что чистая, древняя латинская рѣчь слышалась лишь рѣдко, всего чаще въ устахъ пожилыхъ образованныхъ женщинъ; что мало по малу исчезали традиціи истиннаго образованія, старинный, мѣткій латинскій юморъ, луциліева утонченность и кругъ образованныхъ читателей временъ Сципіона. Изъ того только, что слово «вѣжливость», т. е. понятіе

объ утонченности нравовъ націи, возникло именно тогда, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вѣжливость господствовала какъ-разъ въ то время; напротивъ того, это свидѣтельствуетъ лишь о ея угасаніи и о томъ, что ея отсутствіе рѣзко ощущалось въ языкѣ и свойствахъ латинизированныхъ варваровъ или грубѣвшихъ Латиновъ. Тамъ, гдѣ еще встрѣчался вѣжливый разговорный тонъ, какъ, напримѣръ, въ сатирахъ Варрона и письмахъ Цицерона, это является лишь послѣднимъ отголоскомъ старинной манеры, еще не угасшей въ Реатѣ и Арпинумѣ въ такой степени, какъ въ Римѣ.

Возникновеніе государственныхъ образовательныхъ заведеній.

Такимъ образомъ прежнее образованіе юношества оставалось въ сущности не измѣненнымъ, только оно дѣлало менѣе добра и болѣе зла, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху, и не столько вслѣдствіе собственнаго упадка, сколько вслѣдствіе упадка всей націи. Цезарь началъ революцію и въ этой области. Если римское государство боролось сначала съ культурою, а впослѣдствіи едва терпѣло ее, то правительство новаго италико-эллинскаго государства, отличительной чертою котораго была именно гуманность, должно было по необходимости покровительствовать культурѣ свыше. Когда Цезарь давалъ всѣмъ преподавателямъ свободныхъ наукъ и столичнымъ докторамъ права римскихъ гражданъ, то въ этомъ можно усмотрѣть нѣкоторое подготовленіе къ основанію тѣхъ заведеній, въ которыхъ впослѣдствіи распространялось по распоряженію администраціи высшее образованіе среди юношества и изучались два языка, и которыя служатъ самымъ опредѣленнымъ выраженіемъ новаго господства гуманизма; и если затѣмъ Цезарь рѣшилъ основать публичную греческую и латинскую библіотеку въ столицѣ и уже назначилъ ученѣйшаго изъ современныхъ ему Римлянъ, Марка Варрона, главнымъ библіотекаремъ, то въ этомъ несомнѣнно сказывается намѣреніе открыть міровой литературѣ доступъ во всемірную монархію.

Языкъ. Мало-азіатское народное направленіе.

Развитіе языка въ ту пору опиралось на противоположность между классическимъ латинскимъ слогомъ, свойственнымъ образованному обществу, и народнымъ говоромъ обыденной жизни. Первый былъ продуктомъ исключительно-италійской образованности; уже въ кружкѣ Сципіона «чистая латынь» стала его девизомъ, и на родномъ языкѣ уже не говорили болѣе по прежнему, наивно, не сознавая разницу его отъ говора толпы. Эта эпоха открывается замѣчательной реакціей противъ классицизма, дотолѣ неограниченно господствовавшаго въ высшихъ кругахъ и вслѣдствіе этого и въ литературѣ, реакціей, которая и по сущности своей и по внѣшнимъ свойствамъ тѣсно связана была съ такою же реакціей въ сферѣ языка въ Греціи. Въ это-же самое время риторъ и романистъ Гегезій, изъ Магнезіи, и многіе примыкавшіе къ нему малоазіатскіе риторы и писатели начали возставать противъ правовѣрнаго аттицизма. Они потребовали правъ гражданства для живой устной рѣчи, не взирая на то, возникло ли

слово или оборотъ въ Аттикѣ или же въ Каріи или Фригіи; сами они говорили и писали, не поддѣлываясь подъ вкусъ ученой клики, но имѣли въ виду вкусъ обширной публики. О принципѣ невозможно было, конечно, разумно спорить; но результатъ естественно былъ совсѣмъ подъ стать тогдашней малоазіатской публикѣ, которая совершенно утратила чутье силы и чистоты выраженія и понимала лишь все изысканное и блестящее. Не говоря уже о порожденныхъ этимъ направленіемъ мнимо-художественныхъ формахъ, именно, о романѣ и исторіи, тоже схожей съ романомъ, самый слогъ этихъ азіатцевъ былъ, понятно, словно рубленый, безъ каденцій и періодовъ, запутанный и вялый, полный блестокъ и пустельги, необыкновенно пошлый и манерный; «кто знаетъ Гегезія», говоритъ Цицеронъ, «тотъ пойметъ, что такое нелѣпость».

Народное направленіе въ римскомъ слогѣ. Гортензій.

Несмотря на это новый слогъ нашелъ себѣ доступъ и въ латинскій міръ. Когда эллинская модная риторика, втѣснившаяся въ концѣ предшествовавшей эпохи въ воспитаніе латинскаго юношества, сдѣлала въ началѣ новой поры послѣдній шагъ, и въ лицѣ Квинта Гортензія (640—704), наиболѣе прославленнаго изъ адвокатовъ въ суллово время, вступила на римскую ораторскую трибуну, тогда она въ латинской рѣчи тѣсно сблизилась съ современнымъ дурнымъ греческимъ вкусомъ, и римская публика, уже не столь серьозно развитая, какъ въ сципіоново время, естественно очень усердно рукоплескала новатору, который умѣлъ придавать народному элементу въ языкѣ значеніе вполнѣ художественнаго фактора. Это уже было весьма важно. Какъ въ Греціи споръ о языкѣ всегда велся главнымъ образомъ въ школахъ риторскихъ, такъ и въ Римѣ судебное краснорѣчіе, быть можетъ, еще болѣе чѣмъ литература, получило значеніе образца для слога, и поэтому съ первенствомъ адвокатуры было связано и право давать тонъ модной манерѣ писать и говорить. Азіатскій вульгаризмъ Гортензія вытѣснилъ такимъ образомъ классицизмъ съ римской ораторской трибуны, а частью и изъ литературы.

Реакція. Родосская школа. Цицероново направленіе.

Но вскорѣ и въ Греціи и въ Римѣ мода снова измѣнилась. Въ первой изъ этихъ странъ родосская школа риторовъ, не возвращаясь совершенно къ цѣломудренной строгости аттическаго слога, пыталась установить средній путь между нимъ и современнымъ направленіемъ; если вожди родосскаго движенія не обращали особенно сильнаго вниманія на внутреннюю правильность мышленія и рѣчи, то все же они настаивали на чистотѣ языка и стиля, на заботливомъ выборѣ словъ и выраженій и проводили вездѣ правильное, гармоническое слѣдованіе предложеній. Въ Италіи Маркъ Туллій Цицеронъ (648—711), слѣдовавшій въ ранней своей молодости манерѣ Гортензія, наслушавшись родосскихъ мастеровъ краснорѣчія и повинуясь собственному, болѣе развившемуся вкусу, перешелъ на лучшій путь и съ этой поры заботливо старался о строгой чистотѣ языка, сплошномъ дробленіи

на періоды, паденіи и подъемѣ рѣчи. Образцы слога, къ которымъ онъ при этомъ примкнулъ, онъ нашелъ прежде всего въ тѣхъ сферахъ высшаго римскаго общества, которыя лишь немного или же совсѣмъ не пострадали отъ народнаго направленія; какъ уже было замѣчено, такіе люди еще встрѣчались, хотя ряды ихъ уже начинали рѣдѣть. Древнѣйшая латинская и лучшая греческая литература, какъ ни сильно вліяла послѣдняя въ особенности на количественную сторону рѣчи, стояли при этомъ все таки лишь на второмъ планѣ; поэтому это очищеніе языка не было вовсе реакціей книжнаго слога противъ устной рѣчи, но реакціей дѣйствительно развитыхъ людей противъ жаргона, выработаннаго лживымъ развитіемъ и полу-образованностью. Цезарь, и въ области языка являющійся величайшимъ мастеромъ въ ту пору, выразилъ основную мысль римскаго классицизма, совѣтуя избѣгать въ рѣчи и на письмѣ всякихъ чужеземныхъ словъ съ такою же заботливостью, съ какою корабельщикъ избѣгаетъ подводныхъ камней; поэтическія и старомодныя выраженія старой литературы были отброшены наравнѣ съ оборотами деревенскими или же заимствованными изъ говора обыденной жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ показываютъ современныя письма) устранили и греческія слова и фразы, вторгшіяся въ очень большомъ числѣ въ житейскій разговоръ. Тѣмъ не менѣе этотъ искуственный, школьный классицизмъ цицероновой поры относился къ классицизму сципіонову, какъ относится къ невинности раскаявшійся грѣхъ или какъ къ образцовому французскому слогу Мольера и Буало слогъ классиковъ наполеонова времени; если первое направленіе обильно черпало прямо изъ жизни, то послѣднее также во время восприняло послѣдній вздохъ невозвратно исчезавшаго поколѣнія. Каково бы ни было это направленіе, оно быстро стало распространяться. Съ главенствомъ въ адвокатурѣ перешла отъ Гортензія къ Цицерону и диктатура въ области языка и вкуса, и разнообразная и многорѣчивая писательская дѣятельность Цицерона дала этому классицизму то, чего ему еще недоставало, именно обширные прозаическіе тексты. Такимъ образомъ Цицеронъ сталъ творцомъ новѣйшей классической латинской прозы, и римскій классицизмъ вездѣ явно опирался на Цицерона, какъ на стилиста; къ Цицерону, какъ стилисту, а не какъ писателю, и еще менѣе какъ государственному дѣятелю, обращены черезмѣрныя и все таки не сплошь фразистыя восхваленія, которыми осыпаютъ его даровитѣйшіе представители классицизма, именно Цезарь и Катуллъ.

Новая римская поэзія.

Вскорѣ шагнули еще дальше. То, что проводилъ Цицеронъ въ прозѣ, то же въ концѣ эпохи новая римская поэтическая школа, которая опиралась на греческую модную поэзію и замѣчательнѣйшимъ своимъ талантомъ считала Катулла, провела въ сферѣ поэзіи. И здѣсь языкъ высшаго общества вытѣснилъ господствовавшія еще въ этой области архаическія воспоминанія, и подобно тому какъ латинская проза

подчинилась аттическому строю, такъ и латинская поэзія постепенно подпала строгимъ или скорѣе мучительнымъ метрическимъ законамъ Александрійцевъ; такъ напримѣръ, со временъ Катулла уже не считалось болѣе позволеннымъ начинать стихъ односложнымъ или же не особенно важнымъ двухсложнымъ словомъ и ими же оканчивать предложеніе, начатое въ предшествующемъ стихѣ.

Грамматическія изслѣдованія. Наконецъ на помощь пришла наука, опредѣлила законы языка и развила правила, которыя устанавливались не эмпирически, но имѣли притязаніе сами опредѣлять эмпирическія положенія. Окончанія въ склоненіяхъ, отчасти колебавшіяся еще до той поры, должны были теперь вполнѣ установиться; такъ, напримѣръ, изъ двухъ формъ родительнаго и дательнаго падежей такъ называемаго четвертаго склоненія, употреблявшихся до той поры безразлично (senatuis и senatus, senatui и senatu), Цезарь удержалъ исключительно сокращенную (us и u). Многое было измѣнено и въ орѳографіи, для того чтобы установить большее согласованіе между письменностью и рѣчью; — такъ, напримѣръ, внутреннее u было, по иниціативѣ Цезаря, замѣнено буквою i въ такихъ словахъ, какъ maxumus; изъ двухъ буквъ, сдѣлавшихся теперь безполезными, k и q, первая были уничтожена, вторая предложена къ уничтоженію. Языкъ, если еще не замеръ въ извѣстной формѣ, по крайней мѣрѣ, готовился къ этому; онъ не подчинялся еще безпрекословно правиламъ, но уже началъ сознавать ихъ силу. Что для этой дѣятельности въ области латинской грамматики греческая грамматика не только давала вообще методъ и руководящія идеи, но что латинскій языкъ просто исправлялся по образцу греческаго, доказывается, напримѣръ, обращеніемъ съ заключительнымъ s, который вплоть до той поры то считался, то не считался согласною, совершенно завися отъ усмотрѣнія, новомодными же поэтами употреблялся сплошь, какъ и въ греческомъ языкѣ, въ качествѣ конечной согласной. Это приведеніе языка въ систему составляетъ настоящую область римскаго классицизма; самыми различными пріемами (что является тѣмъ знаменательнѣе) корифеи его, Цицеронъ, Цезарь, даже Катуллъ, въ своихъ стихотвореніяхъ внушаютъ новыя правила и порицаютъ нарушеніе ихъ, между тѣмъ какъ старшее поколѣніе выражаетъ понятное неудовольствіе по поводу революціи, проникавшей въ область языка такъ же безпощадно, какъ и въ политическую сферу *). Но въ то время, какъ новый классицизмъ, т. е. правильная, образцовая латынь, по возможности приравненная къ образцовому греческому языку, получила подъ вліяніемъ сознательной реакціи противъ вульгаризма, вкравшагося въ высшее общество и даже въ словесность, литературную обработку

*) Такъ напримѣръ, Варронъ говоритъ (de r. r., 1, 2); ab aeditimo, ut dicere didicimus a patribus nostris; ut corrigimur ab recentibus urbanis, ab aedituo.

и образцовую форму, сама простонародность эта отнюдь еще не утратила значенія. Мы не только встрѣчаемъ ее во всей ея наивности въ сочиненіяхъ второстепенныхъ авторовъ, лишь случайно попавшихъ въ число писателей, какъ, напримѣръ, въ отчетѣ о второй испанской войнѣ Цезаря, но мы видимъ болѣе или менѣе ясный отпечатокъ ея и въ настоящей литературѣ, въ мимѣ, въ начаткахъ романа, въ эстетическихъ произведеніяхъ Варрона; весьма характерно, что вульгарность эта удерживается именно въ чисто національныхъ областяхъ литературы и что истые консерваторы, въ родѣ Варрона, берутъ ее подъ свое покровительство. Классицизмъ возникъ на обломкахъ италійскаго языка, какъ монархія возникла изъ гибели италійской націи; вполнѣ послѣдовательно было, что люди, въ которыхъ еще жилъ республиканскій духъ, продолжали воздавать должное живому языку и примирялись съ его эстетическими недостатками изъ-за его сравнительной жизненности и народности. Такъ взгляды и направленія въ сферѣ языка идутъ въ эту эпоху вездѣ врозь; наряду съ старомодной поэзіей Лукреція возникаетъ вполнѣ современная поэзія Катулла, рядомъ съ правильно построенными періодами Цицерона — предложенія Варрона, умышленно попирающаго всякое дѣленіе рѣчи. И въ этомъ сказывается снова современный имъ разладъ.

Литературная производительность. Греческіе литераторы въ Римѣ.

Въ литературѣ этого періода, сравнительно съ прежнею, обращаетъ затѣмъ на себя вниманіе внѣшнее усиленіе литературной жизни въ Римѣ. Писательская дѣятельность Грековъ давно уже преуспѣвала не въ свободной атмосферѣ гражданской независимости, но исключительно лишь въ научныхъ учрежденіяхъ большихъ городовъ и въ особенности различныхъ дворовъ. Эллинскіе писатели принуждены были возлагать надежды на милость и охрану со стороны сильныхъ людей, и вслѣдствіе вымиранія династій пергамской (621), киренской (658), виѳинской (679) и сирійской (690), и паденія нѣкогда блестящаго придворнаго быта Лагидовъ вытѣснены были изъ прежнихъ пріютовъ музъ *); кромѣ того со смерти Александра великаго они

*) Любопытно для ознакомленія съ этимъ положеніемъ дѣлъ посвященіе поэтическаго землеописанія, приписываемаго Скимну. Послѣ того какъ авторъ любимымъ тогда менандровымъ размѣромъ высказалъ свое намѣреніе обработать въ стихахъ очеркъ географіи, понятный для учениковъ и легко заучиваемый наизусть, въ слѣдующихъ словахъ посвящаетъ онъ (подобно Аполлодору, посвятившему свой историческій compendium царю пергамскому Атталу Филадельфу, „которому принесло великую славу, что его имя было связано съ этимъ историческимъ трудомъ") свое руководство царю виѳинскому Никомеду III (663—679); „Я рѣшился самъ испытать на дѣлѣ людскіе толки, будто изъ всѣхъ современныхъ царей ты одинъ выказываешь истинно царственное покровительство; и рѣшился придти и увидать, что такое настоящій царь. Укрѣпленный въ этомъ вѣщимъ словомъ Аполлона, приближаюсь я къ твоему очагу, ставшему пріютомъ для ученыхъ".

естественно стали космополитами и, по крайней мѣрѣ среди Египтянъ и Сирійцевъ, являлись такими же чужестранцами, какъ и между Латинами; при такихъ условіяхъ они все усиленнѣе начинали обращать свои взоры къ Риму. Наряду съ поваромъ, красивымъ мальчикомъ, фокусникомъ, въ толпѣ греческихъ прислужниковъ, которыми окружалъ себя знатный Римлянинъ того времени, выдающуюся роль играли философъ, поэтъ, составитель мемуаровъ. Мы встрѣчаемъ уже въ такомъ положеніи извѣстныхъ литераторовъ, какъ наприм. эпикурейца Филодема, являющагося домашнимъ философомъ Люція Пизона, консула 696 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ потѣшавшаго подходящихъ людей своими искусными эпиграммами на грубоватый эпикуреизмъ своего патрона. Со всѣхъ сторонъ стекались въ Римъ все въ большемъ числѣ извѣстнѣйшіе представители греческаго искусства и науки, зная, что въ Римѣ литературный заработокъ былъ обильнѣе, чѣмъ гдѣ либо; такъ мы находимъ упоминаніе, какъ о людяхъ осѣдлыхъ въ Римѣ, о врачѣ Асклепіадѣ, котораго царь Митридатъ тщетно пытался привлечь въ свою службу, разностороннемъ ученомъ Александрѣ Милетскомъ, прозванномъ полигисторомъ; находимъ поэта Пареенія изъ Никеи виеинской; прославляемаго одинаково и какъ путешественника, и какъ наставника, и писателя Посейдонія изъ Апамеи въ Сиріи, который въ преклонномъ возрастѣ переселился въ 703 году изъ Родоса въ Римъ, и много другихъ. Домъ Люція Лукулла имѣлъ почти такое же значеніе, какъ александрійскій музей, являясь центромъ эллинской образованности и сборнымъ мѣстомъ эллинскихъ писателей; римскія богатыя состоянія и эллинское знаніе дѣла соединили въ этихъ палатахъ роскоши и науки несравненныя сокровища ваянія и живописи, работы древнихъ и современныхъ мастеровъ, старательно составленную и богато размѣщенную библіотеку, и всякій образованный человѣкъ, въ особенности каждый Грекъ, встрѣчалъ здѣсь радушный пріемъ. Часто можно было видѣть самого хозяина прогуливающимся взадъ и впередъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ ученыхъ гостей подъ прекрасной колоннадой, и занятымъ филологическимъ или философскимъ разговоромъ. Конечно, эти Греки заносили въ Италію вмѣстѣ съ своими богатыми образовательными сокровищами превратность своихъ взглядовъ и лакейство; одинъ изъ этихъ ученыхъ авантюристовъ, авторъ «искусства льстивыхъ рѣчей», Аристодемъ изъ Низы (ок. 700), рекомендовалъ себя своимъ покровителямъ, доказывая между прочимъ, что Гомеръ былъ природный Римлянинъ!

Размѣры литературной дѣятельности въ Римѣ.

Въ такой же степени, какъ размножался кружокъ греческихъ писателей въ Римѣ, усилилась и у самихъ Римлянъ литературная производительность и литературный интересъ. Даже греческая писательская дѣятельность, совершенно устраненная строгимъ вкусомъ сципіоновой поры, снова возродилась. Греческій языкъ былъ теперь

языкомъ всемірнымъ, и греческое сочиненіе находило для себя совсѣмъ другую публику, чѣмъ латинское; поэтому, подобно царямъ Арменіи и Мавританіи, и римскіе знатные люди, какъ наприм. Люцій Лукуллъ, Маркъ Цицеронъ, Титъ Аттикъ, Квинтъ Сцевола (народный трибунъ 700 года), при случаѣ писывали и греческую прозу и даже греческіе стихи. Но подобное греческое писательство природныхъ Римлянъ оставалось побочнымъ дѣломъ, почти забавой; литературныя и политическія партіи Италіи сходились все таки въ рѣшимости отстаивать италійскую народность, лишь въ извѣстной степени проникнутую эллинизмомъ. Въ области латинскаго творчества нельзя было пожаловаться по крайней мѣрѣ на отсутствіе дѣятельности. Въ Римѣ шелъ настоящій дождь книгъ, всевозможныхъ брошюръ, а, главное, стихотвореній; тамъ, не хуже Тарса или Александріи, кишѣло поэтами; поэтическія сочиненія сдѣлались неизмѣннымъ грѣхомъ молодости каждаго человѣка съ сколько нибудь подвижной натурой, и тогда уже стали считать счастливымъ того, чьи юношескія стихотворенія были скрыты отъ взоровъ критики сострадательнымъ забвеніемъ. Кто хорошо проникъ въ тайны этого ремесла, тотъ безъ труда писалъ въ одинъ пріемъ пятьсотъ строкъ гекзаметромъ, въ которыхъ ни одинъ учитель не нашелъ бы, къ чему придраться, но, конечно, и ни одинъ читатель не зналъ бы, что хвалить. Женщины также усердно участвовали въ этой литературной сутолокѣ; дамы не ограничивались танцами и музыкой, а руководили разговоромъ благодаря своему уму и остроумію, и прекрасно разсуждали о греческой и латинской литературѣ; если же случалось, что поэзія вела осаду противъ дѣвичьяго сердца, то осаждаемая крѣпость нерѣдко капитулировала чистенькими стихами. Риѳмы все болѣе и болѣе становились изящною игрушкою для взрослыхъ дѣтей обоего пола; поэтическія записки, совмѣстныя поэтическія упражненія и стихотворныя состязанія между пріятелями были чѣмъ-то совершенно обыкновеннымъ, и къ концу этой эпохи были уже открыты въ столицѣ заведенія, въ которыхъ неоперившіеся еще латинскіе поэты могли за извѣстную плату научиться кропать стихи. Вслѣдствіе большого спроса на книги техника списыванія рукописей фабричнымъ способомъ значительно усовершенствовалась, и распространеніе изданій производилось, сравнительно, быстро и дешево; книжная торговля стала почетнымъ и прибыльнымъ промысломъ, а книжная лавка обычнымъ мѣстомъ сборищъ для образованныхъ людей. Чтеніе сдѣлалось модою, просто маніею; за столомъ, въ тѣхъ домахъ, куда еще не закрались болѣе грубыя забавы, постоянно читали вслухъ, а кто собирался въ дорогу, тотъ не забывалъ уложить и дорожную библіотечку. Старшихъ офицеровъ можно было видѣть въ лагерное время съ скоромнымъ греческимъ романомъ въ рукахъ, государственнаго человѣка въ сенатѣ съ философскимъ трактатомъ. Въ римскомъ

государствѣ установились такіе порядки, которые всегда были и будутъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ граждане читаютъ «отъ порога двери вплоть до кабинета». Пароянскій визирь былъ правъ, когда, указавъ гражданамъ Селевкіи на романы, найденные въ лагерѣ Красса, онъ спросилъ ихъ, неужели они все еще продолжаютъ считать читателей подобныхъ книгъ страшными противниками.

Классики и современные писатели. Литературную тенденцію этого времени нельзя назвать сложною, да она и быть такою не могла, такъ какъ сама эпоха колебалась между старыми и новыми формами. Тѣже направленія, которыя боролись на политической аренѣ, національно-италійское направленіе консерваторовъ и эллино-италійское или, пожалуй, космополитическое новой монархіи, боролись и въ литературной области. Первое опиралось на древнюю латинскую литературу, все болѣе принимавшую на сценѣ, въ школѣ и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ характеръ классицизма. Съ меньшимъ вкусомъ и большею тенденціозностью чѣмъ въ сципіоново время, стали теперь превозносить до небесъ Эннія, Пакувія и, въ особенности, Плавта. Листки Сивиллы поднимались въ цѣнѣ, по мѣрѣ того, какъ число ихъ уменьшалось; относительная народность и производительность стихотворцевъ шестого вѣка никогда не ощущались живѣе, чѣмъ въ эту пору вполнѣ развивавшагося господства эпигоновъ, когда въ литературѣ и въ политикѣ смотрѣли на эпоху борьбы съ Аннибаломъ, какъ на золотое, къ сожалѣнію, невозвратно миновавшее время. Правда, многое въ этомъ поклоненіи древнимъ классикамъ отличалось пустотою и лицемѣріемъ, вообще свойственными консервативному характеру этой эпохи, и въ людяхъ, державшихся золотой середины, не было недостатка и здѣсь. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ, хотя и былъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ главнымъ представителемъ современной тенденціи, тѣмъ не менѣе поклонялся древнѣйшей національной поэзіи приблизительно тѣмъ же нездоровымъ поклоненіемъ, съ какимъ онъ относился и къ аристократической конституціи и къ дисциплинѣ авгуровъ; «патріотизмъ требуетъ», говоритъ онъ, «чтобы скорѣе читали завѣдомо жалкій переводъ Софокла, чѣмъ оригиналъ». И такъ, если современное литературное направленіе, родственное демократической монархіи, насчитывало достаточное число тайныхъ приверженцевъ даже въ средѣ правовѣрныхъ почитателей Эннія, то не было недостатка и въ болѣе смѣлыхъ судьяхъ, которые такъ-же безцеремонно обращались съ родною литературою, какъ и съ сенаторскою политикой. Мало того, что строгая критика сципіоновой эпохи была возрождена и Теренцій вошелъ въ славу лишь для того, чтобы можно было осудить Эннія, а еще болѣе его приверженцевъ, но молодое и болѣе отважное поколѣніе шло значительно дальше и уже осмѣливалось, хотя все еще принимая видъ еретическаго возмущенія противъ литературнаго правовѣрія, называть Плавта грубымъ шутникомъ, Люцилія плохимъ

риемоплетомъ. Вмѣсто своей литературы, это современное направленіе опиралось скорѣе на новѣйшую греческую словесность или на такъ называемый александринизмъ.

Греческій александринизмъ.

Нельзя не сказать здѣсь объ этомъ странномъ, искуственномъ разсадникѣ эллинскаго языка и искусства хоть столько, сколько необходимо для пониманія римской литературы этой поры и позднѣйшихъ эпохъ. Александрійская литература основана была на упадкѣ чистой эллинской рѣчи, замѣненной со времени Александра Великаго совершенно загрубѣвшимъ жаргономъ, который возникъ прежде всего изъ соприкосновенія македонскаго нарѣчія съ говоромъ многихъ греческихъ и варварскихъ племенъ; или, точнѣе, александрійская литература сложилась на развалинахъ эллинской націи вообще, которая должна была утратить и, дѣйствительно, утратила свою народную индивидуальность для того, чтобы могла возникнуть александрова всемірная монархія и господство эллинизма. Если бы всемірное царство Александра устояло, то мѣсто прежней національной и народной литературы заступила бы литература безъ національности, лишь по имени эллинская и до извѣстной степени созданная свыше, но тѣмъ не менѣе управляющая міромъ, космополитическая; но, такъ какъ царство Александра распалось съ его смертью, то и начала соотвѣтствовавшей ему словесности также быстро погибли. Греческая нація, со всѣмъ, что было ей свойственно, съ ея народностью, языкомъ, искусствомъ, отъ этого не менѣе принадлежала тогда уже прошлому. Лишь въ сравнительно узкой средѣ не людей образованныхъ, которыхъ уже болѣе не было, но ученыхъ, занимались еще изученіемъ греческой литературы, какъ уже мертвой, дѣлался съ грустнымъ наслажденіемъ или сухой точностью какъ бы инвентарь ея богатаго наслѣдія, и живое сочувствіе и даже мертвая ученость доводились до степени кажущейся творческой производительности. Этой посмертной дѣятельностью и является такъ называемый александринизмъ. Онъ существенно сходенъ съ тою ученой литературой, которая, отрѣшаясь отъ живыхъ романскихъ народностей и ихъ вульгарныхъ нарѣчій, разцвѣла въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ въ космополитической сферѣ, насыщенной филологіей, и явилась искуственнымъ и запоздалымъ цвѣтомъ исчезнувшей древности; противоположность между классическимъ и народнымъ греческимъ слогомъ временъ Діадоховъ, конечно, менѣе рѣзка, но въ сущности такая же, какъ и между латынью Мануція и итальянскимъ слогомъ Маккьявели.

Римскій александринизмъ.

До той поры Италія вообще относилась уклончиво къ направленію александрійцевъ. Время сравнительнаго его процвѣтанія относится къ порѣ незадолго до первой пунической войны, и вскорѣ послѣ нея; несмотря на это Невій, Энній, Пакувій и вообще вся національно-римская школа писателей до Варрона и Лукреція, примыкала во всѣхъ от-

расляхъ поэзіи, даже не исключая дидактическихъ произведеній, не къ греческимъ современникамъ или недавнимъ предшественникамъ, но безъ исключенія считала своими образцами Гомера, Еврипида, Менандра и другихъ выдающихся представителей живой и народной греческой литературы. Римская словесность никогда не имѣла отпечатка свѣжести и національности, но, пока существовалъ римскій народъ, его писатели инстинктивно обращались къ живымъ и народнымъ образцамъ и подражали, если не особенно искусно и не всегда удачно выбраннымъ оригиналамъ, то все таки же прямо оригиналамъ. Впервые нашла себѣ въ Римѣ подражателей (незначительные проблески подобнаго движенія въ дни Марія едва ли могутъ быть приняты въ разсчетъ) литература, возникшая послѣ Александра — между современниками Цицерона и Цезаря; вслѣдъ затѣмъ римскій александринизмъ сталъ распространяться съ порывистой быстротой. Это порождалось частью внѣшними причинами. Усиленныя сношенія съ Греками и именно частыя путешествія Римлянъ въ эллинскія мѣстности и стеченіе греческихъ писателей въ Римѣ естественно доставляли греческой литературѣ дня, любимой тогда въ Греціи эпической и элегической поэзіи, эпиграммамъ и милетскимъ сказкамъ обширную публику и въ средѣ Италиковъ. Такъ какъ александрійская поэзія, какъ уже было показано, внѣдрилась въ воспитаніе италійскаго юношества, то это тѣмъ болѣе отразилось на латинской литературѣ, что она во всѣ времена существенно зависѣла отъ эллинской школьной образованности. Можно при этомъ прослѣдить и прямое соотношеніе между новой римской и новой греческой литературой; упомянутый уже Парѳеній, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ александрійскихъ элегистовъ, открылъ въ Римѣ (повидимому около 700 г.) школу литературы и стихотворства, и до насъ дошли даже извлеченія, въ которыхъ онъ давалъ одному знатному своему ученику сюжеты для латинскихъ эрото-миѳологическихъ элегій по извѣстному александрійскому рецепту. Но не только эти случайные поводы повели къ возрожденію александрійской школы въ Римѣ; оно явилось если не отраднымъ, то во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ продуктомъ политическаго и національнаго развитія Рима. Съ одной стороны Лаціумъ растворился въ романизмѣ, какъ Эллада въ эллинизмѣ; національное развитіе Италіи выродилось и наконецъ распалось въ цезаревой монархіи, подобно тому какъ эллинское — въ восточномъ царствѣ Александра. Если съ другой стороны новая имперія основывалась на томъ, что могучіе потоки греческой и латинской національности, текшіе въ продолженіе тысячелѣтій въ параллельныхъ руслахъ, отнынѣ совпали, — то и италійская литература должна была не только искать, какъ прежде, въ греческой литературѣ точку опоры, но и стараться стать на одинъ уровень съ современной греческой словесностью, т. е. съ александрійской школой. Вмѣстѣ съ школьною латынью, ограниченнымъ

числомъ классиковъ, исключительными кружками поклоняющихся классикамъ «горожанъ» умерла безвозвратно и близкая къ народу латинская литература; взамѣнъ того возникла искуственно принимавшая большіе размѣры имперская литература, имѣвшая характеристическіе признаки настоящей школы эпигоновъ; она основана была не на опредѣленной національности, но проповѣдывала на двухъ языкахъ благое ученіе гуманности и въ духовномъ отношеніи вполнѣ сознательно зависѣла отъ старо-эллинской, по языку же и отъ древне-римской народной литературы. Это не было, однако, движеніемъ впередъ. Монархія Цезаря была, конечно, величественнымъ, и, что еще важнѣе, необходимымъ твореніемъ; но она была вызвана къ жизни волею свыше и поэтому въ ней нельзя найти и слѣда той свѣжей народной жизни, избытка національной силы, которые свойственны болѣе юнымъ, менѣе обширнымъ, естественнымъ государственнымъ организмамъ, и могли быть прослѣжены въ италійскомъ государствѣ въ теченіе шестого столѣтія. Паденіе италійской народности, завершенное благодаря творенію Цезаря, точно вырвало у литературы самую сердцевину. Тѣ, кто одаренъ пониманіемъ внутренняго сродства искусства съ національностью, всегда будутъ отвращать свои взоры отъ Цицерона и Горація къ Катону и Лукрецію; и только укоренившійся въ этой области школьный взглядъ на исторію и литературу могъ привести къ тому, что эпоха римскаго искусства, начавшаяся одновременно съ новой монархіей, могла предпочтительно прослыть золотымъ вѣкомъ. Но если римско-эллинскій александринизмъ цезаревой и августовой поры далеко отстоитъ отъ древнѣйшей (хотя и несовершенной) національной литературы, то съ другой стороны онъ столь же явно превосходитъ александринизмъ временъ Діадоховъ, какъ прочное твореніе Цезаря—эфемерное созданіе Александра. Позднѣе мы увидимъ, какъ литература августова времени, въ сравненіи съ родственной ей словесностью поры Діадоховъ, была гораздо менѣе чисто-филологической и гораздо больше государственной литературой, и поэтому вліяніе ея въ высшихъ кругахъ общества было гораздо продолжительнѣе и болѣе общаго характера, чѣмъ это когда либо было у греческаго александринизма.

Драматическая литература. Трагедія и комедія вымираютъ.

Ничто не производило такого печальнаго впечатлѣнія, какъ сценическая литература. Еще до наступленія данной эпохи трагедія и комедія вымирали въ римской поэзіи отъ внутренняго истощенія. Новыхъ пьесъ болѣе не исполнялось. Еще при Суллѣ публика ожидала подобныхъ новостей на сценѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ возобновленіе въ ту пору плавтовыхъ комедій съ измѣненными заглавіями и именами дѣйствующихъ лицъ, при чемъ дирекція, конечно, оговаривалась, что гораздо лучше видѣть хорошую старую пьесу, чѣмъ плохую новую. Отъ этого недалеко было до полной передачи сцены во власть умершихъ поэтовъ, что мы и видимъ въ

дни Цицерона, и чему вовсе не противилось и александрійство. Его собственная производительность въ этой области была хуже всего. Настоящей сценической литературы александрійская словесность не знала никогда; лишь слабое подобіе драмы, которая писалась прежде всего для чтенія, а не для исполненія, могло быть занесено ею въ Италію, и вскорѣ и въ Римѣ, какъ и въ Александріи, начали распложаться эти драматическіе ямбы, и писаніе трагедій вошло въ число постоянныхъ недуговъ римскаго развитія. Каковы были эти произведенія, можно видѣть изъ того, что Квинтъ Цицеронъ, желая понемногу разогнать скуку зимней стоянки въ Галліи, изготовилъ въ шестнадцать дней четыре трагедіи.

Мимы. Единственно лишь въ «сценахъ изъ жизни» или мимахъ еще уцѣлѣлъ послѣдній не захирѣвшій еще отростокъ національной литературы, ателлана и различныя этологическія видоизмѣненія греческой комедіи, которую разрабатывалъ александринизмъ съ большей поэтической силой и большимъ успѣхомъ, чѣмъ какую либо другую отрасль поэзіи. Мимъ произошелъ изъ употребительныхъ издавна характерныхъ танцевъ подъ флейту, которые исполнялись отчасти и при другихъ случаяхъ, именно для развлеченія гостей послѣ обѣда, отчасти же въ партеррѣ театра въ промежуткахъ между актами. Не представляло особой трудности превратить эти пляски, къ которымъ, вѣроятно, издавна присоединялись и разговоры, въ небольшія комедіи посредствомъ введенія въ нихъ болѣе правильной фабулы и діалога, — при чемъ онѣ однако существенно отличались отъ болѣе ранней комедіи и даже отъ фарса тѣмъ, что пляски и неразлучное съ подобными танцами сладострастіе продолжали играть тутъ главную роль, что мимъ, въ сущности привыкшій не къ сценической обстановкѣ, но къ партерру, отстранилъ отъ себя всякую театральную идеализацію, лицевыя маски и сценическую обувь, — и, что особенно важно было, тѣмъ что женскія роли въ немъ исполнялись женщинами. Этотъ новый видъ мима, повидимому появившійся на столичной сценѣ около 672 года, поглотилъ вскорѣ прежнюю народную арлекинаду, съ которою совпадали его существеннѣйшіе пріемы, и сталъ употребляться въ качествѣ вставной между антрактами и въ особенности заключительной пьесы, наряду съ другими произведеніями *). Сюжетъ былъ, разумѣется, еще поверхностнѣе,

*) Мы имѣемъ свидѣтельство Цицерона (ad fam., 9, 16), что въ его время мимъ занялъ мѣсто ателланы; съ этимъ согласуется и то, что исполнители и исполнительницы мимовъ выступаютъ впервые лишь въ эпоху Суллы (ad Her., 1, 14, 24. 2, 13, 19; Atta fr. 1, Ribbeck; Plin., h. n., 7, 48, 158; Плут., Сулла, 2, 36). Впрочемъ словомъ m i m u s неточно обозначаются иногда вообще исполнители комедій. Такъ наприм. выступавшій во время празднества въ честь Аполлона въ 542/3 году m i m u s (у Феста п. сл. salva res est; см. у Цип., de

циничнѣе и безумнѣе, чѣмъ въ арлекинадѣ: если только въ пьесѣ дѣйствіе было живо и ярко, если нищій мгновенно дѣлался крезомъ и т. д., то публика не спрашивала, надъ чѣмъ она смѣется; никто и не думалъ ставить въ вину поэту, что онъ, не развязывая узла, разрубилъ его. Сюжеты были преимущественно любовные, по большей части самаго неприличнаго сорта; противъ женатаго человѣка, напримѣръ, возставали и поэтъ и публика, безъ исключенія, и поэтическая справедливость состояла именно въ осмѣяніи добрыхъ нравовъ. Притягательную силу и здѣсь, какъ въ ателланахъ, составляло изображеніе нравовъ обыденнаго и даже самаго низменнаго быта, причемъ картины деревенской жизни занимали второе мѣсто сравнительно съ изображеніемъ столичныхъ нравовъ и уважаемая римская чернь (совсѣмъ такъ, какъ въ подобныхъ греческихъ пьесахъ чернь александрійская) приглашалась рукоплескать ея собственному изображенію на сценѣ. Содержаніе многихъ пьесъ взято изъ жизни ремесленниковъ: тутъ опять являются неизбѣжный «суконщикъ», потомъ «канатный мастеръ», «красильщикъ», «продавецъ соли», «ткачихи», «торговецъ собаками;» въ другихъ пьесахъ выступаютъ характерныя фигуры: «Забывчивый», «Хвастунъ», «Человѣкъ съ 100,000 сестерцій»; *) или же даются картины заграничной жизни: «Этрусскія женщины», «Галлы», «Критянинъ», «Александрія», или изображеніе народныхъ празднествъ: «Компиталіи», «Сатурналіи», «Анна Перенна», «Термы»; или же выводится перелицовка миѳологіи: «Путешествіе въ подземный міръ», «Арвернское озеро». Мѣткія и сильныя слова и краткія фразы, легко примѣнимыя и запоминаемыя, были тутъ особенно кстати; но рядомъ съ этимъ и всякая нелѣпость сама собою имѣла тутъ право гражданства; въ этомъ свѣтѣ на изнанку къ Вакху обращаются съ просьбой одолжить воды, а къ нимфамъ источника съ просьбой о винѣ. Въ этихъ мимахъ можно даже прослѣдить нѣсколько одиночныхъ примѣровъ политическихъ намековъ, строго запрещенныхъ въ прежнее время на римскомъ театрѣ **). Что касается стихотворной формы, то

orat., 2, 59, 242), очевидно былъ не кто иной, какъ актеръ, исполнявшій palliata, такъ какъ для настоящаго мима въ ту пору не было вовсе мѣста въ развитіи римскаго театра.—Къ мимамъ классической греческой поры, т. е прозаическимъ діалогамъ, въ которыхъ изображались бытовыя сцены, и именно деревенскія, римскій мимъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія.

*) Обладаніе этой суммой, которое вводило человѣка въ первый классъ избирателей и подчиняло передачу наслѣдства опредѣленіямъ воконіева закона, позволяло перейти грань, отдѣлявшую незначительныхъ людей (tenuiores) отъ людей порядочныхъ. Поэтому то бѣдный кліентъ у Катулла (23, 26) и молитъ боговъ помочь ему достигнуть такого богатства.

**) Въ „Путешествіи въ подземный міръ“ Лаберія выступаютъ самыя разнохарактерныя личности, видавшія чудеса и знаменія; одному удалось видѣть му-

эти поэты, какъ они сами говорятъ, «весьма мало заботились о размѣрѣ»; рѣчь лилась, даже въ тѣхъ пьесахъ, которыя предназначались къ обнародованію, переполненная вульгарными выраженіями и оборотами. Изъ этого видно, что въ сущности мимъ есть ничто иное какъ прежній фарсъ, съ той разницею, что отъ него отпали теперь характерныя маски и обязательное мѣсто дѣйствія въ Ателлѣ, и вообще отпечатокъ крестьянской жизни, и взамѣнъ этого на подмостки вторглась столичная жизнь во всей ея безграничной свободѣ и безстыдствѣ. Большая часть пьесъ этого рода имѣла, безъ сомнѣнія, мимолетный характеръ и не заявляла притязаній на какое либо мѣсто въ литературѣ, однако и мимы Лаберія, отличающіеся бойкой обрисовкой характеровъ и въ отношеніи языка и размѣра въ своемъ родѣ мастерски написанные, почетно держались въ литературѣ, и историку приходится пожалѣть, что намъ не дано сравнить драму республиканской агоніи въ Римѣ съ ея великой аттической сверстницей.

Лаберій.

Сценическое исполненіе.

Объ руку съ ничтожествомъ драматической литературы идетъ улучшеніе сценической игры и пышности постановки. Драматическія представленія пріобрѣли постоянное мѣсто въ общественной жизни не только столицы, но и провинціальныхъ городовъ; наконецъ Римъ получилъ благодаря Помпею постоянный театръ (699), и кампанскій обычай натягивать поверхъ театра парусинную крышу для предохраненія актеровъ и публики во время представленій, происходившихъ по стародавнему подъ открытымъ небомъ, принятъ былъ въ эту пору и въ Римѣ. Подобно тому, какъ въ современной Греціи господствовало на сценѣ не слабое созвѣздіе александрійскихъ драматурговъ, но классическая драма, и въ особенности трагедія Еврипида во всемъ богатствѣ сценическихъ средствъ, такъ и въ Римѣ въ дни Цицерона давались преимущественно трагедіи Эннія, Пакувія, Акція, и комедіи Плавта. Если послѣдній былъ оттѣсненъ въ предшествовавшій періодъ болѣе изысканнымъ, но, разумѣется, уступавшимъ ему по комической силѣ, Теренціемъ, то теперь Росцій и Варронъ, т. е. и театръ и филологія, дѣйствовали сообща, стремясь подготовить ему такое же возрожденіе, какое для Шекспира создали Гаррикъ и Джонсонъ; Плавтъ принужденъ былъ терпѣть при этомъ отъ ослабѣвшей впечатлительности и безпокойной торопливости публики, избалованной короткими и безстыдными фарсами, такъ что дирекція принуждена бывала просить извиненія за растянутость плавтовыхъ комедій, даже, быть

жа вмѣстѣ съ двумя женами, при чемъ сосѣдъ его замѣчаетъ, что это еще хуже, чѣмъ видѣнный недавно однимъ прорицателемъ призракъ шести эдиловъ. По утвержденію современныхъ сплетенъ, Цезарь хотѣлъ ввести въ Римѣ многоженство (Светон., Caes., 82) и дѣйствительно вмѣсто четырехъ эдиловъ назначилъ ихъ шесть. Изъ этого примѣра видно, что и Лаберій умѣлъ пользоваться своимъ правомъ шутовства, и что Цезарь умѣлъ также признавать его свободу.

можетъ, урѣзывать и измѣнять ихъ. Чѣмъ ограниченнѣе былъ репертуаръ, тѣмъ болѣе сосредоточивалась дѣятельность управлявшаго и исполнительнаго персонала, да и самый интересъ публики, на сценическомъ представленіи пьесъ. Врядъ ли тогда было въ Римѣ занятіе выгоднѣе труда актера или первоклассной танцовщицы. О царскомъ богатствѣ трагическаго актера Езопа было уже упомянуто; еще болѣе прославленный современникъ его, Росцій, довелъ свой годовой доходъ до 600,000 сестерцій (46000 талеровъ) *), а танцовщица Діонисія до 200,000 сестерцій (15,000 талеровъ). Вмѣстѣ съ этимъ затрачивались несмѣтныя суммы на декораціи и костюмы; при случаѣ по сценѣ приходили шествія изъ шестисотъ разукрашенныхъ муловъ, и изображаемое на сценѣ троянское войско представляло публикѣ примѣрную карту всѣхъ народностей, побѣжденныхъ въ Азіи Помпеемъ. Музыка, сопровождавшая исполненіе вставленныхъ въ пьесы пѣсенъ, точно также получила болѣе крупное и самостоятельное значеніе; «какъ вѣтеръ управляетъ волнами (говоритъ Варронъ), такъ искусный флейтистъ измѣняетъ настроеніе своихъ слушателей при каждомъ измѣненіи мелодіи.» Музыка мало по малу усвоила себѣ привычку брать болѣе скорый темпъ, и тѣмъ побуждала и актера къ болѣе живой игрѣ. Знаніе музыки и сцены стало развиваться въ обществѣ; любой habitué узнавалъ каждый музыкальный отрывокъ по первой-же нотѣ и зналъ наизусть текстъ; каждая ошибка въ произношеніи, или въ исполненіи музыки строго порицалась публикой. Бытъ римской сцены въ пору Цицерона живо напоминаетъ современный намъ французскій театръ. Подобно тому, какъ безсвязнымъ сценамъ модныхъ въ наше время пьесъ соотвѣтствуетъ римскій мимъ, и по отношенію къ обоимъ родамъ пьесъ ничто не кажется слишкомъ хорошимъ или слишкомъ плохимъ, такъ въ нихъ одинаково отражается традиціонная классическая трагедія и комедія, удивляться и рукоплескать которой предписывается чуть не закономъ каждому образованному человѣку. Массѣ народной дано также удовлетвореніе, такъ какъ она видитъ изображеніе своихъ нравовъ въ фарсѣ, удивляется въ драмѣ декоративной пышности и вообще выноситъ впечатлѣніе идеальнаго свойства; болѣе тонко развитой человѣкъ заботится въ театрѣ не о пьесѣ, а о художественномъ ея исполненіи. Наконецъ римское театральное искусство такъ же колебалось между различными сферами, какъ французское искусство между міромъ знаменитой Chaumière и салонами. Вовсе не въ рѣдкость было, что римскія танцовщицы подъ конецъ пляски сбрасывали верхнее одѣяніе и увеселяли публику пляской въ одной ру-

*) Отъ государства получалъ онъ за каждый разъ по 1000 денаріевъ (300 талеровъ) и кромѣ того содержаніе на всю его труппу. Въ позднѣйшіе годы онъ отказался лично за себя отъ гонорара.

башкѣ; съ другой стороны въ глазахъ римскаго Тальмы являлось высшимъ закономъ искусства не вѣрность природѣ, но равномѣрность исполненія.

Метрическія хроники. Въ области дидактической поэзіи не было, повидимому, недостатка въ стихотворныхъ хроникахъ по образцу энніевыхъ, но лучшею критикою ихъ можетъ, повидимому, служить та шутливая дѣвичья клятва, которую воспѣлъ Катуллъ; дѣвушка клянется принести священной богинѣ Венерѣ въ жертву самую худшую изъ всѣхъ плохихъ героическихъ поэмъ, если только она возвратитъ въ ея объятія любимаго человѣка и отвлечетъ его отъ его зловредной политической поэзіи. И дѣйствительно, въ разбираемой области поэзіи въ эту эпоху древнѣйшая, національно-римская тенденція отразилась лишь въ одномъ выдающемся сочиненіи, которое зато принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній во всей римской литературѣ. Мы говоримъ о дидактической поэмѣ Тита Лукреція Кара (655—699) «о сущности вещей», авторъ которой, принадлежавшій къ лучшему слою римскаго общества, но удалившійся отъ общественной жизни по болѣзни или, быть можетъ, вслѣдствіе мизантропіи, умеръ во цвѣтѣ силъ не задолго до начала междоусобной войны. Какъ поэтъ, онъ прямо примыкаетъ къ Эннію, а тѣмъ самымъ къ классической греческой литературѣ. Съ отвращеніемъ отворачивается онъ отъ «пустого эллинизма» его времени, и отъ всей души и вполнѣ искренно признаетъ себя ученикомъ «суровыхъ грековъ», такъ что даже Өукидидово «священное рвеніе» нашло себѣ достойный отголосокъ въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ отдѣловъ этой римской поэмы. Подобно тому, какъ Энній черпалъ свою мудрость у Эпихарма и Эвгемера, такъ Лукрецій заимствуетъ форму своего изложенія у Эмпедокла, «лучшаго сокровища богато-одареннаго сицилійскаго острова», а, что касается матеріала, собираетъ «золотыя слова» въ свиткахъ Эпикура, который «превышаетъ остальныхъ мудрецовъ настолько же, насколько солнце затемняетъ звѣзды». Подобно Эннію, и Лукрецій также пренебрегаетъ миѳологической ученостью, навязанной поэзіи александринизмомъ, и не требуетъ отъ своихъ читателей ничего, кромѣ знанія самыхъ распространенныхъ миѳовъ *). Вопреки современному пуризму, исключившему изъ поэзіи иностранныя слова, Лукрецій, какъ и Энній, охотнѣе употреблялъ вмѣсто безцвѣтнаго и неяснаго латинскаго слова мѣткое греческое выраженіе. Старо-римская аллитерація, привычка избѣгать переноса частей стиха или предложеній

*) Нѣкоторыя кажущіяся исключенія, какъ, напримѣръ, упоминаніе о странѣ ѳиміамовъ Панхеѣ (2, 417), объясняются тѣмъ, что они, быть можетъ перешли изъ романическаго путешествія Эвгемера еще въ поэзію Эннія, а во всякомъ случаѣ въ стихотворенія Люція Манлія (Плин., h. n., 10, 2, 4) и поэтому были хорошо извѣстны той публикѣ, для которой писалъ Лукрецій.

и вообще древнѣйшія формы рѣчи и поэзіи часто встрѣчаются у Лукреція и, хотя стихъ его мелодичнѣе энніева, тѣмъ не менѣе его гекзаметры не уподобляются, какъ въ современной ему поэтической школѣ, изящной игривости журчащаго ручья, а льются съ грандіозной медлительностью, подобно потоку расплавленнаго золота... И въ философскомъ и въ практическомъ отношеніи Лукреційи вполнѣ примыкаетъ къ Эннію, единственному мѣстному стихотворцу, воспѣтому въ его поэмѣ; признаніе рудійскаго пѣвца:

Вѣрю, есть небожители,—это твердилъ я всегда,
Но, думаю, нѣтъ имъ заботы о судьбахъ людей

выражаетъ вполнѣ религіозную точку зрѣнія самого Лукреція; не безъ основанія называетъ онъ поэтому свою пѣсню какъ бы продолженіемъ той,

Которую пѣлъ намъ Энній, неувядаемыхъ лавровъ вѣнокъ
Къ намъ впервые принесшій изъ чуднаго геликонскаго лѣса,
Чтобъ могъ онъ потомъ въ италійской землѣ въ полномъ блескѣ сіять.

Еще разъ, и въ послѣдній, сказалась въ поэмѣ Лукреція вся поэтическая гордость и весь поэтическій энтузіазмъ шестого вѣка, въ которомъ, изображая грознаго Пэнера и величественнаго Скипіада, поэту живется вольнѣе, чѣмъ въ современную ему измельчавшую эпоху *). Ему самому собственная его пѣсня, «изящно струившаяся изъ его богатой души», звучитъ, въ сравненіи съ пошлыми стихами другихъ, какъ «краткая пѣсня лебедя въ сравненіи съ крикомъ журавлей», и его сердце переполняется надеждою на высокія почести, когда онъ внимаетъ созданнымъ имъ же самимъ мелодіямъ; такъ и Энній запрещалъ людямъ, передъ которыми онъ «изливалъ огненную пѣснь изъ глубины своей души», плакать на его могилѣ, на могилѣ безсмертнаго пѣвца. — По странному опредѣленію судьбы, этотъ выдающійся талантъ, превосходившій природнымъ поэтическимъ даромъ большую часть, если не всѣхъ своихъ предшественниковъ, появился какъ разъ въ такое время, когда онъ самъ чувствовалъ себя чуждымъ для всѣхъ и осиротѣвшимъ; вслѣдствіе этого онъ поразительнымъ образомъ ошибся въ выборѣ сюжета. Система Эпикура, превращавшаго вселенную въ громадный круговоротъ атомовъ и пытавшагося объяснить чисто - механическимъ способомъ возникновеніе и конецъ міра, равно какъ и всѣ проблемы природы и жизни, была, правда, нѣсколько менѣе нелѣпа, чѣмъ историческое объясненіе ми-

*) Въ весьма наивной формѣ сказывается это въ воинственныхъ описаніяхъ, гдѣ губительныя для войска морскія бури, массы слоновъ, топчущихъ своихъ же воиновъ, словомъ, картины изъ пуническихъ войнъ, упоминаются словно онѣ относились къ живой дѣйствительности. Срав. 2, 41. 5, 1226 1303, 1339.

ѳовъ, къ которому стремились Эвгемеръ, а вслѣдъ за нимъ и Энній, но остроумною и свѣжею она все-таки никогда не была; попытка же развить въ поэтической формѣ это чисто механическое міросозерцаніе была такова, что врядъ-ли когда-либо поэтъ посвящалъ всю свою жизнь и искусство обработкѣ столь неблагодарной темы. Читатель-философъ съ такой же справедливостью порицаетъ въ дидактической поэмѣ Лукреція отсутствіе отчетливо отдѣланныхъ основъ системы, поверхностность, особенно замѣчающуюся въ изложеніи спорныхъ вопросовъ, несовершенство распредѣленія частей, частыя повторенія,—съ какою поэтическій читатель сердится на риѳмованную математику, дѣлающую значительную часть поэмы почти неудобочитаемою. Несмотря на эти невѣроятные недостатки, которые убили бы всякій посредственный талантъ, Лукрецій могъ по справедливости хвалиться тѣмъ, что вынесъ изъ этихъ поэтическихъ дебрей новый вѣнокъ, никому еше не дарованный до той поры музами; вѣнокъ этотъ былъ добытъ поэтомъ отнюдь не одними только случайными притчами и другими, вложенными въ поэму, описаніями могучихъ явленій природы и еще болѣе могучихъ страстей. Геніальность Лукреціева міросозерцанія и его поэзіи коренится въ его невѣріи, которое со всей побѣдоносной силой истины, а поэтому и со всей жизненностью поэзіи возстало, и должно было возстать, противъ господства лицемѣрія и суэвѣрія.

Увидавъ поверженное ницъ человѣческое бытіе,
Жалко пресмыкающееся, подавленное тяжкой боязнью боговъ,
Которые, открывая ликъ свой съ небеснаго свода,
Страшно глядятъ, угрожая всѣмъ смертнымъ,—
Одинъ греческій мужъ осмѣлился наконецъ
Поднять очи и отважно выступить противъ боговъ;
Смѣлая сила мысли преодолѣла; могучая,
Она ринулась сквозь пылающіе предѣлы вселенной,
И разумъ пронесся по всей безконечности.

Такимъ образомъ поэтъ старался ниспровергнуть боговъ, какъ Брутъ ниспровергнулъ царей, и «освободить природу отъ ея суровыхъ повелителей». Но эти пламенныя слова были обращены не противъ одряхлѣвшаго престола Юпитера; подобно Эннію, и Лукрецій прежде всего практически боролся противъ дикаго суевѣрія толпы и господства чужеземныхъ культовъ, какъ напримѣръ, противъ культа великой матери боговъ и ребяческаго гаданія Этрусковъ по молніямъ. Поэма эта была внушена ужасомъ и отвращеніемъ къ тому странному обществу, для котораго поэтъ писалъ. Она была создана въ ту безнадежную пору, когда пало правленіе олигархіи, а царствованіе Цезаря еще не началось, въ тѣ удушливые годы, когда съ томительнымъ напряженіемъ готовились къ началу междоусобной

войны. Если при видѣ неровностей и взволнованности изложенія поэмы какъ бы чувствуется, что поэтъ ежедневно ожидалъ той минуты, когда надъ нимъ и его твореніемъ разразится страшный шумъ революціи, то не слѣдуетъ забывать, въ виду его воззрѣній на людей и событія,—среди какихъ именно людей и въ ожиданіи какихъ событій сложились эти воззрѣнія. Въ эпоху Александра во всей Элладѣ господствовало ходячее мнѣніе, вполнѣ раздѣляемое всѣми честными людьми, — что всего лучше для человѣка было бы никогда не родиться, а, разъ родившись, всего лучше умереть. Изъ всѣхъ міросозерцаній, возможныхъ для нѣжной и поэтически-организованной натуры въ родственную александрову времени эпоху Цезаря, самымъ возвышеннымъ и облагороживающимъ являлось убѣжденіе, что для человѣка было бы истиннымъ благодѣяніемъ избавиться отъ вѣры въ безсмертіе души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ грознаго страха передъ смертью и богами, коварно овладѣвающаго человѣкомъ, совершенно такъ, какъ дѣтьми овладѣваетъ робость въ темной комнатѣ; какъ ночной сонъ освѣжительнѣе дневныхъ тревогъ, такъ и смерть, этотъ вѣчный отдыхъ отъ всѣхъ надеждъ и опасеній, лучше жизни, такъ что и сами боги, изображаемые поэтомъ, ничего не значатъ и ничѣмъ не обладаютъ, кромѣ вѣковѣчнаго, блаженнаго покоя; адскія муки терзаютъ человѣка не послѣ его смерти, а при жизни, въ видѣ необузданныхъ и неумолкающихъ страстей, раздирающихъ его трепетное сердце; человѣкъ долженъ поставить себѣ задачею водворить въ своей душѣ спокойное равновѣсіе, не цѣнить пурпура выше теплой домашней одежды, охотнѣе оставаться въ числѣ тѣхъ, что повинуются, чѣмъ тѣсниться въ водоворотѣ тѣхъ, которые добиваются роли повелителей, съ бо́льшимъ удовольствіемъ лежать на травѣ у ручейка, чѣмъ опустошать безчисленныя блюда подъ золоченой кровлей богача. Эта философски-практическая тенденція составляетъ идеальную сущность лукреціевой дидактической поэмы, и она только заслоняется пустотой физическихъ демонстрацій, но не подавлена ею. Въ этой тенденціи заключается относительная истина и мудрость поэмы. Человѣкъ, проповѣдывавшій подобное ученіе и просвѣтившій его всѣми чарами своего искусства, съ такимъ уваженіемъ къ великимъ предшественникамъ, съ такимъ могучимъ рвеніемъ, какого не вѣдало современное столѣтіе, можетъ быть по справедливости названъ хорошимъ гражданиномъ и великимъ поэтомъ. Дидактическая поэма о сущности вещей, сколько бы порицаній она въ насъ ни вызывала, осталась одною изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ на бѣдномъ свѣтилами горизонтѣ римской литературы, и великій знатокъ нѣмецкаго языка съ полной справедливостью избралъ для своего послѣдняго и художественнаго труда разработку текста лукреціевой поэмы.

Модная эллинская поэзія.

Хотя поэтическая сила и искусство Лукреція вызывали восторгъ и въ его современникахъ, онъ тѣмъ не менѣе не имѣлъ послѣдова-

телей, и остался какъ бы запоздавшимъ явленіемъ. Что же касается модной эллинской поэзіи, то здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было недостатка въ послѣдователяхъ, которые старались подражать александрійскимъ поэтамъ. Съ весьма вѣрнымъ чутьемъ наиболѣе даровитые изъ александрійскихъ стихотворцевъ избѣгали обширныхъ трудовъ и вполнѣ опредѣленныхъ формъ поэзіи, какъ напримѣръ драмы, эпоса, лирики; лучшія произведенія ихъ удались имъ, какъ и новолатинскимъ поэтамъ, лишь въ видѣ небольшихъ трудовъ, и относятся главнымъ образомъ къ тѣмъ областямъ, которыя составляютъ какъ бы границу двухъ видовъ поэзіи и занимаютъ средину между повѣствованіемъ и пѣснью. Дидактическія поэмы писались тогда часто. Весьма распространены были, далѣе, небольшія героически-эротическія поэмы, и въ особенности ученая любовная элегія, составлявшая принадлежность этого поздняго разцвѣта греческой поэзіи и характерная по своей филологической роскоши; въ ней поэтъ болѣе или менѣе произвольно сплеталъ описаніе своихъ собственныхъ, преимущественно чувственныхъ ощущеній съ эпическими обрывками изъ цикла греческихъ миѳовъ. Праздничныя пѣсни кропались усердно и искусно; вообще, за отсутствіемъ добровольной поэтической изобрѣтательности процвѣтала поэзія на данный случай, въ особенности эпиграмма, въ которой александрійцы главнымъ образомъ отличались. Скудость матеріала и вялость языка и риѳмъ, неизбѣжно присущая всякому не національному виду литературы, тщательно скрывалась за вычурными темами, кудрявыми оборотами, диковинными словами и искуственнымъ обращеніемъ съ стихомъ, вообще за всѣмъ аппаратомъ филолого-антикварной учености и технической сноровки.— Таково было исповѣданіе, проповѣдывавшееся римскимъ юношамъ того времени, и они стекались большими толпами, чтобы поучаться и примѣнять къ дѣлу слышанное; еще въ 700 году любовные стихи Эвфоріона и другія, подобныя же александрійскія стихотворенія стали обычнымъ чтеніемъ и предметомъ декламаціи для образованнаго юношества *). Литературная революція несомнѣнно совершилась, но сначала, за рѣдкими исключеніями, она давала лишь скороспѣлые или несозрѣвшіе плоды. Имя «новомоднымъ поэтамъ» стало легіонъ, но поэзія составляла рѣдкость, и Аполлонъ, какъ бываетъ всегда въ такую пору, когда на Парнассѣ становится тѣсно, былъ вынужденъ произносить быстро свои рѣшенія. Длинныя стихотворенія никуда не

*) „Конечно“, говоритъ Цицеронъ объ Энніи (Tusc., 3, 19, 45) „этого славнаго поэта презираютъ наши охотники декламировать Эвфоріона“. „Я счастливо прибылъ“, пишетъ онъ Аттику (7, 2), такъ какъ со стороны Эпира дулъ благопріятный намъ сѣверный вѣтеръ. Этотъ спондей ты можешь, если хочешь, продать одному изъ новомодныхъ поэтовъ за свой собственный (ita belle nobis flavit ab Epiro lenissumus Onchesmites. Hunc σπονδειάζοντα i cui voles τῶν νεωτέρων pro tuo vendito).

годились; краткія рѣдко были хороши. Въ это литературное столѣтіе поэзія превратилась въ настоящій бичъ для страны; случалось, что въ насмѣшку другъ присылалъ другу, въ видѣ праздничнаго дара, цѣлую кипу дрянныхъ стиховъ, прямо изъ книгопродавческаго склада, все достоинство которыхъ уже издали выдавалось цѣнностью красиваго переплета и качествомъ бумаги. Настоящей публики, такой, какая бываетъ у истинно-національной литературы, не было ни у римскихъ, ни у эллинскихъ александрійцевъ; это была въ полномъ смыслѣ слова поэзія извѣстной клики или, скорѣе, нѣсколькихъ кликъ, гдѣ члены тѣсно держатся другъ за друга, дѣлаютъ непріятности каждому пришельцу, читаютъ и критикуютъ между собою новую поэзію, совершенно въ александрійскомъ духѣ поэтически воспѣваютъ удачныя произведенія, и зачастую, опираясь на пріятельскія похвалы, создаютъ себѣ ложную и мимолетную славу. Извѣстный учитель латинской словесности, самъ писавшій стихи въ этомъ новомъ духѣ, Валерій Катонъ, былъ, кажется, чѣмъ то въ родѣ школьнаго патрона одного изъ самыхъ значительныхъ литературныхъ кружковъ и рѣшалъ въ послѣдней инстанціи вопросъ объ относительномъ достоинствѣ стиховъ. Римскіе поэты являются сплошь несвободными отъ своихъ греческихъ образцовъ, иногда даже по школьнически зависимыми отъ нихъ; по всей вѣроятности, большинство ихъ произведеній въ сущности было ничто иное, какъ только горькій плодъ школьнаго стихотворства, находившагося въ періодѣ разработки и еще далеко не достигшаго зрѣлости. Благодаря тому, что и въ языкѣ, и въ размѣрѣ латинская національная поэзія тѣснѣе, чѣмъ когда либо, слѣдовала за своими греческими образцами, дѣйствительно достигалась большая правильность и логичность въ рѣчи и метрикѣ, но это дѣлалось въ ущербъ гибкости и полнотѣ народнаго языка. Отчасти подъ вліяніемъ изнѣженности образцовъ, отчасти отражая безнравственность эпохи, эротическія темы получили поразительный, невыгодный для поэзіи перевѣсъ; однако зачастую переводились и любимые метрическіе компендіи Грековъ, какъ, напримѣръ, астрономическій компендіумъ Арата, переданный Цицерономъ, въ концѣ же этого періода или, еще вѣроятнѣе, въ началѣ слѣдующаго, географическій учебникъ Эратосѳена Публіемъ Варрономъ Аудскимъ, а физико-медицинскій компендіумъ Никандра—Эмиліемъ Мацеромъ. Нельзя ни удивляться, ни сожалѣть о томъ, что изъ всей этой массы поэтовъ до насъ дошло лишь немного именъ; да и они упоминаются только, какъ курьозы, или, какъ образцы минувшаго величія, въ родѣ, напримѣръ, оратора Квинта Гортензія съ его «пятью стами тысячъ строкъ» скабрезной и скучной поэзіи, да еще нѣсколько чаще упоминаемаго Левія, «любовныя шутки» котораго возбуждали нѣкоторый интересъ лишь по своему сложному размѣру и манернымъ оборотамъ рѣчи. Наконецъ небольшой эпосъ «Смирна» Гая Гельвія

Цинны, (†710 г.?) какъ ни прославлялся онъ всею кликою, носитъ на себѣ, какъ въ самомъ сюжетѣ, половомъ влеченіи дочери къ родному отцу, такъ и въ девятилѣтнемъ, потраченномъ на него трудѣ, всѣ худшіе признаки эпохи. Оригинальное и отрадное исключеніе составляютъ только тѣ изъ поэтовъ этой школы, которые умѣли соединить съ отчетливостью и отдѣлкой формы національный элементъ, еще таившійся въ республиканской жизни, и въ особенности въ жизни провинціальныхъ городовъ. Это можно сказать, не говоря уже о Лаберіи и Варронѣ, преимущественно о трехъ поэтахъ республиканской оппозиціи, о которыхъ было уже упомянуто выше, именно. о Маркѣ Фуріѣ Бибакулѣ (652—691), Гаѣ Лициніѣ Кальвѣ (672—706) и Кьинтѣ Валеріѣ Катуллѣ (667 до прибл. 700).

Катуллъ. Относительно двухъ первыхъ, чьи сочиненія погибли, мы, конечно можемъ дѣлать только одни предположенія; что же касается поэзіи Катулла, то о ней и мы имѣемъ возможность судить. Катуллъ также зависѣлъ отъ Александрійцевъ по формѣ и сюжету. Въ собраніи его сочиненій мы встрѣчаемъ переводы отрывковъ изъ Каллимаха, и притомъ не лучшихъ, а самыхъ трудныхъ. Въ числѣ оригинальныхъ произведеній встрѣчаются хитросплетенные модные стихи, въ родѣ, напримѣръ, изысканныхъ галліамбовъ въ честь фригійской Матери, и даже превосходное во всемъ остальномъ стихотвореніе по поводу свадьбы Ѳетиды испорчено въ художественномъ отношеніи вставкой, вполнѣ на александрійскій манеръ, сѣтованій Аріадны въ главный мотивъ. Но, рядомъ съ этими школьными произведеніями, встрѣчается жалобная мелодія настоящей элегіи, праздничная поэзія во всей красѣ индивидуальнаго, почти драматическаго творчества, наконецъ самая точная детальная живопись нравовъ образованнаго общества, граціозныя, весьма непринужденныя дѣвическія приключенія, при чемъ половина удовольствія заключается въ разглашеніи и опоэтизированіи любовныхъ тайнъ, веселая жизнь молодежи, при полныхъ чашахъ и пустыхъ карманахъ, жажда путешествій и радости поэтическаго творчества, римскіе, а еще чаще веронскіе городскіе анекдоты и прихотливая шутка въ тѣсномъ кругу друзей. Но Аполлонъ у нашего поэта не только наслаждается бряцаніемъ струнъ; онъ владѣетъ и лукомъ; крылатыя стрѣлы сатиры не щадятъ ни скучнаго риѳмоплета, ни искажающаго языкъ провинціала; но никого не поражаютъ онѣ чаще сильныхъ міра, грозящихъ опасностью свободѣ народа. Короткій и легкій размѣръ, часто оживленный граціозными припѣвами, отличается художественнымъ совершенствомъ, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающей, чисто-ремесленнической гладкости. Поэзія эта переноситъ насъ послѣдовательно то въ долину Нила, то въ долину По,—и въ послѣдней поэтъ чувствуетъ себя несравненно свободнѣе. Его стихи основаны, конечно, на правилахъ александрійскаго стихотворства. но и на патріотическомъ, даже прямо сельско-городскомъ самосозна-

ніи, на антагонизмѣ между Вероною и Римомъ, между скромнымъ муниципаломъ и высокорожденными властелинами сената, зачастую играющими злыя шутки съ своими незнатными друзьями, на антагонизмѣ, который, живѣе чѣмъ гдѣ либо, могъ ощущаться на родинѣ Катулла, въ цвѣтущей и сравнительно еще свѣжей цизальпійской Галліи. Въ лучшихъ его пѣсняхъ встрѣчаются прелестныя картины береговъ гардскаго озера, и врядъ ли кто нибудь изъ столичныхъ жителей могъ написать въ ту пору что-либо въ родѣ глубоко прочувствованнаго стихотворенія на смерть брата или смѣлой, проникнутой истинно-гражданскимъ духомъ праздничной пѣсни по поводу свадьбы Манлія и Аврункулеи. Хотя Катуллъ и былъ въ зависимости отъ александрійскихъ писателей и находился въ самомъ центрѣ модной поэзіи кружковъ того времени, онъ не только является хорошимъ ученикомъ среди многихъ посредственныхъ и даже плохихъ, но превосходитъ своихъ учителей настолько, насколько гражданинъ свободной италійской общины превосходилъ эллинскаго космополита-литератора. Конечно, въ немъ не слѣдуетъ искать замѣчательной творческой силы и высокихъ поэтическихъ стремленій; онъ богато-одаренный и изящный, но не великій поэтъ, и его стихотворенія, по его же собственнымъ словамъ, ничто иное, какъ «шутки и шалости». Но, если не только современники были наэлектризованы этими мимолетными пѣсенками, но и художественные критики августова времени называютъ его, наряду съ Лукреціемъ, замѣчательнѣйшимъ поэтомъ эпохи, то современники и позднѣйшіе судьи были вполнѣ правы. Латинская нація не создала другого такого поэта, въ которомъ художественность содержанія проявлялась бы въ такомъ гармоническомъ соединеніи съ художественностью формы, какъ у Катулла, и въ этомъ смыслѣ собраніе стихотвореній его дѣйствительно является самымъ совершеннымъ изъ всего, на что вообще можно указать въ латинской поэзіи.

Прозаическія произведенія. Романы.

Въ эту эпоху начинается, наконецъ, творчество въ прозаической формѣ. Законъ, неизмѣнно господствовавшій въ то время во всякомъ истинномъ искусствѣ, наивномъ или сознательномъ,—законъ, въ силу котораго поэтическій сюжетъ и его метрическій размѣръ являлись неразлучными, уступаетъ мѣсто смѣшенію и какой-то неясности всѣхъ видовъ и формъ искусства, составлявшимъ характернѣйшую черту того времени. Въ области романа еще нечего, правда, указать, кромѣ того, что знаменитѣйшій историкъ того времени, Сизенна, не считалъ ниже своего достоинства перевести на латинскій языкъ очень распространенные милетскіе разсказы Аристида, скоромные модные романы самаго низкаго разбора.

Эстетическія разсужденія Варрона.

Болѣе оригинальное и отрадное явленіе въ этой двусмысленной области, стоящей на рубежѣ поэзіи и прозы, представляютъ эстетическія разсужденія Варрона, который былъ не только выдающимся

представителемъ латинскихъ историко-филологическихъ изслѣдованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ плодовитѣйшимъ и интереснѣйшимъ писателемъ и въ области изящной словесности. Происходя изъ сабинской области, отъ плебейскаго рода, уже двѣсти лѣтъ принадлежавшаго къ римскому сенату, строго воспитанный въ древнихъ правилахъ дисциплины и порядочности *), и находясь уже въ зрѣломъ возрастѣ при началѣ этой эпохи, Маркъ Теренцій Варронъ изъ Реаты (638—727) принадлежалъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, какъ это понятно само собою, къ конституціонной партіи и честно и энергически участвовалъ во всѣхъ ея дѣяніяхъ и страданіяхъ. Онъ дѣлалъ это отчасти въ литературной формѣ, борясь напримѣръ, съ первою коалиціею, «треглавымъ чудищемъ», посредствомъ памфлетовъ, отчасти же ведя болѣе серьозную борьбу, находясь, напримѣръ, въ войскѣ Помпея въ качествѣ правителя западной Испаніи. Когда погибло дѣло республики, Варронъ былъ назначенъ своимъ побѣдителемъ на должность библіотекаря при замышлявшейся въ столицѣ библіотекѣ. Смуты послѣдующаго времени еще разъ захватили въ свой водоворотъ этого престарѣлаго человѣка, и лишь черезъ семнадцать лѣтъ послѣ смерти Цезаря онъ умеръ на восемдесятъ девятомъ году отъ роду, послѣ хорошо прожитой жизни. Эстетическія сочиненія, прославившія его имя, были собственно небольшія статьи, либо просто прозаическія. серьознаго содержанія, либо игривыя описанія, прозаическій фонъ которыхъ нерѣдко испещрялся многими поэтическими вставками. Къ числу первыхъ относятся его «историко-филологическія изслѣдованія» (logistorici); вторыя, это Мениппповы сатиры. Ни первыя, ни вторыя не придерживаются латинскихъ образцовъ; въ особенности сатира Варрона отнюдь не примыкаетъ къ люцилiевой, да и вообще римская сатира не составляетъ собственно опредѣленнаго вида поэзіи, а только доказываетъ отрицательно, что это «разнообразное стихотвореніе» не хочетъ быть причисленнымъ къ какому либо изъ установленныхъ поэтическихъ видовъ, вслѣдствіе чего сатирическая поэзія и принимаетъ у каждаго даровитаго поэта новый и своеобразный характеръ. Для своихъ, какъ серьозныхъ, такъ и болѣе легкихъ эстетическихъ работъ Варронъ находилъ образцы въ до-александрійской греческой философіи: для серьозныхъ изслѣдованій въ діалогахъ Гераклида, уроженца Гераклеи у Чернаго моря († въ 450 г.). для сатиръ въ сочиненіяхъ Мениппа изъ Гадары, въ Сиріи (процвѣталъ въ 475 году). Выборъ этотъ весьма характеренъ. Гераклидъ,

Варроновы образцы.

*) „Когда я былъ мальчикомъ“, говоритъ онъ гдѣ-то, „мнѣ довольно было одной байковой верхней одежды и одного исподняго платья, башмаковъ безъ чулокъ, лошади безъ сѣдла; теплую ванну я бралъ не всякій день, рѣчную лишь изрѣдка“. За личную храбрость во время войны съ пиратами, гдѣ онъ командовалъ отдѣленіемъ флота, онъ получилъ вѣнокъ.

вдохновляемый, какъ писатель, философскими бесѣдами Платона, совершенно упустилъ изъ виду, за блестящей формою, ихъ научное содержаніе, и обратилъ все вниманіе на поэтически сказочную внѣшность; это былъ пріятный, многочитаемый авторъ, но далеко не философъ. Мениппъ такъ же мало подходитъ подъ это опредѣленіе; это былъ настоящій представитель той философіи, вся мудрость которой заключается именно въ отрицаніи философіи, въ осмѣяніи ея дѣятелей, въ животной философіи Діогена; веселый учитель серьозной мудрости, онъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ и комическихъ разсказовъ доказывалъ, что все суета на землѣ и на небѣ, кромѣ честной жизни, но что всего суетнѣе распри такъ называемыхъ мудрецовъ. Это и были настоящіе образцы для Варрона, человѣка преисполненнаго староримскимъ же юморомъ, отнюдь не лишеннаго при этомъ пластическаго таланта, но вполнѣ недоступнаго для всего, что походило не на образъ или фактъ, а на понятіе или систему, словомъ, самаго нефилософскаго изъ всѣхъ нефилософскихъ Римлянъ *). Однако, Варронъ не былъ рабскимъ послѣдователемъ. Вдохновеніе и вообще форму онъ получалъ отъ Гераклида и Мениппа; но онъ былъ слишкомъ индивидуальною и положительно римскою натурою, чтобы не придать своему подражательному творчеству существенно самостоятельный и національный характеръ.

Историко-философскія статьи Варрона.

Въ своихъ серьозныхъ изслѣдованіяхъ, гдѣ обсуждался нравственный принципъ или другой предметъ общаго интереса, онъ не хотѣлъ подражать по фабулѣ милетскимъ сказкамъ, какъ дѣлалъ это Гераклидъ, и предлагать читателю такіе ребяческіе разсказы, какъ, напримѣръ, разсказъ объ Абарисѣ и о дѣвушкѣ, вернувшейся къ жизни послѣ семидневной смерти. Лишь рѣдко заимствовалъ онъ форму у лучшихъ греческихъ миѳовъ, какъ въ статьѣ объ «Орестѣ или безуміи»; болѣе достойную рамку для его сюжетовъ доставляла ему обыкновенно исторія, въ особенности современная исторія его отечества, благодаря чему его статьи сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ихъ называютъ, «хвалебными сочиненіями» въ честь уважаемыхъ Римлянъ и въ особенности корифеевъ конституціонной партіи. Такъ трактатъ «о мирѣ» служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и напоминаніемъ о Метеллѣ Піѣ, послѣднемъ представителѣ блестящаго ряда счастли-

*) Врядъ ли существуетъ что-либо столь ребяческое, какъ варронова схема всѣхъ философскихъ системъ, объявлявшая несуществующими тѣ изъ нихъ, конечною цѣлью которыхъ не было счастіе человѣка, причемъ онъ опредѣляетъ въ двѣсти восемьдесятъ восемь цифру тѣхъ философскихъ школъ, которыя подходили, по его мнѣнію, подъ это предположеніе. Превосходный человѣкъ этотъ былъ, къ сожалѣнію, слишкомъ ученъ, для того, чтобы сознаться, что онъ не могъ, да и не хотѣлъ быть философомъ, и вслѣдствіе этого онъ весьма некрасиво колебался всю свою жизнь между стоиками, пиѳагореизмомъ и діогеновой школой.

выхъ полководцевъ сената; трактатъ о «поклоненіи богамъ» предназначался для увѣковѣченія памяти о достоуважаемомъ оптиматѣ и жрецѣ Гаѣ Куріонѣ; статья «о судьбѣ» относилась къ Марію, объ «историческомъ изслѣдованіи» къ первому историку того времени, Сизеннѣ, о «началахъ римской сцены» къ покровителю театра Скавру, о «числахъ» къ образованному римскому банкиру Аттику. Обѣ историко-философскія статьи, «Лелій или о дружбѣ», «Катонъ или о старости», написанныя Цицерономъ, вѣроятно, по образцу варроновыхъ, могутъ дать намъ приблизительное понятіе о полу-поучительной, полу-повѣствовательной обработкѣ этихъ сюжетовъ Варрономъ.

Мениповы сатиры Варрона.

Такъ же оригинальна по формѣ и содержанію была обработка Варрономъ мениповой сатиры; смѣлая смѣсь прозы съ стихами не встрѣчается вовсе въ греческомъ оригиналѣ, и все духовное содержаніе сатиръ проникнуто римскою своеобразностью, можно бы сказать, запахомъ сабинской почвы. И эти сатиры, подобно историко-философскимъ статьямъ Варрона, также всегда касаются какой-либо нравственной темы или же и другой, пригодной для массы публики, какъ видно уже изъ заглавій ихъ: «столпы Геркулеса или о славѣ», «каждый горшокъ найдетъ свою крышку или объ обязанностяхъ супруга»; «у ночного горшка есть предѣлы или о бражничествѣ»; «болтовня или о похвальныхъ рѣчахъ». Пластическая форма, безъ которой нельзя было обойтись и здѣсь, лишь рѣдко заимствована изъ отечественной исторіи, какъ, напримѣръ, въ сатирѣ «Серранъ или о выборахъ». За то собачій міръ Діогена по справедливости играетъ въ сатирахъ большую роль: мы встрѣчаемъ изслѣдователя — собаку, ритора — собаку, всадника — собаку, пса — водопійцу, собачій катехизисъ и т. д. Наконецъ и сама миѳологія перерабатывается въ нихъ для комическихъ цѣлей; мы видимъ «освобожденнаго Прометея», «соломеннаго Аякса», «Геркулеса, Сократова ученика», «полуторнаго Одиссея», который блуждаетъ не десять, а цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Изъ сохранившихся отрывковъ замѣтна еще въ иныхъ пьесахъ драматическая, повѣствовательная рамка, какъ, напримѣръ, въ «освобожденномъ Прометеѣ», въ «старикѣ шестидесяти лѣтъ», во «встающемъ спозаранку»; кажется, что Варронъ часто, быть можетъ даже всегда, разсказывалъ фабулу, точно случай изъ собственнаго опыта; такъ, напримѣръ, во «встающемъ рано» дѣйствующія лица идутъ къ Варрону и передаютъ свой разсказъ ему, «такъ какъ онъ былъ имъ извѣстенъ, какъ писатель книгъ». Мы не имѣемъ возможности правильно судить о поэтическомъ достоинствѣ подобной формы; въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ встрѣчаются прелестныя описанія, полныя жизни и остроумія, — такъ въ «освобожденномъ Прометеѣ» герой, послѣ снятія съ него оковъ, открываетъ фабрику людей, на которой богачъ, по прозванію золотой сапогъ, заказываетъ для себя дѣвушку изъ молока и самаго лучшаго воска, какой только собираютъ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ милетскія пчелы, дѣвушку

безъ костей и жилъ, безъ кожи и волосъ, чистую, тонкую, стройную, гладкую, нѣжную, прелестную. Вся жизненность этой поэзіи заключается въ полемикѣ; это не столько политическая полемика партій, въ родѣ люциліевой и катулловой, а общая нравственная полемика строгаго старца съ разнузданною и развращенною молодежью, ученаго, погруженнаго въ своихъ классиковъ, съ дряблою и дрянною, или же презрѣнною по своей тенденціи, современною поэзіею *), честнаго гражданина стараго пошиба съ новымъ Римомъ, гдѣ рынокъ, говоря устами Варрона, сдѣлался свинымъ хлѣвомъ, и гдѣ Нума, еслибъ онъ обратилъ взоры на свой городъ, не замѣтилъ бы болѣе и слѣда своихъ мудрыхъ постановленій. Варронъ исполнялъ въ конституціонной борьбѣ то, что считалъ своимъ долгомъ; но сердце его не лежало къ этимъ происками партій, — «зачѣмъ», жалуется онъ однажды, «зазвали вы меня изъ моей чистой жизни въ грязь ратуши?» Онъ принадлежалъ къ доброму старому времени, когда рѣчь человѣка отдавала лукомъ и чеснокомъ, за то сердце было здорово. Полемика противъ исконныхъ враговъ истаго римлянства, греческихъ всемірныхъ мудрецовъ, составляетъ лишь одну сторону этой старческой оппозиціи противъ духа новаго времени; но, какъ по самой сущности животной философіи, такъ и по свойству характера Варрона, мениппов бичъ въ особенности направлялся противъ философовъ и повергалъ ихъ въ соотвѣтствовавшій страхъ; — не безъ біенія сердца пересылали философы-скрибы того времени свои вновь появлявшіеся трактаты «ѣдкому человѣку». Философствованіе вещь далеко немудреная. Съ десятою долею того труда, съ которымъ хозяинъ дѣлаетъ изъ своего раба кондитора, онъ образуетъ изъ себя философа; правда, если потомъ пекарю и философу приходилось продаваться съ молотка, то пирожникъ-виртуозъ во сто разъ дороже оцѣнится, чѣмъ міровой мудрецъ. Странные люди эти

*) „Развѣ ты хочешь", пишетъ онъ однажды, „бормотать риторическія фигуры и стихи квинтова раба, Клодія, и восклицать: о судьба! о роковая судьба!" Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „Такъ какъ квинтовъ рабъ, Клодій, создалъ такое множество комедій безъ помощи какой-либо музы, неужели и я не смогу, говоря словами Эннія, сфабриковать хоть одну книжонку?" Этотъ неизвѣстный вообще Клодій, былъ вѣроятно, плохимъ подражателемъ Теренція, такъ какъ примѣненныя къ нему слова: „о судьба! о роковая судьба!" встрѣчаются въ одной комедіи Теренція. Слѣдующій отзывъ о себѣ одного поэта въ варроновомъ „Ослѣ играющемъ на лютнѣ":

Меня зовутъ ученикомъ Пакувія; онъ самъ учился у Эннія,
Сей же ученикомъ былъ у музъ; самому мнѣ имя Помпилій,

могъ бы быть отличною пародіею на вступленіе Лукреція, котораго не могъ почитать Варронъ, уже какъ отъявленный врагъ эпикурейской системы, и котораго онъ никогда не цитуетъ.

философы! Одинъ приказываетъ хоронить умершихъ въ меду,—счастіе, что его не слушаютъ,—иначе, что сталось бы съ медовымъ виномъ? Другой думаетъ, что человѣкъ выросъ изъ земли, точно крессъ. Третій изобрѣлъ вселенскій буравъ, благодаря которому земля однажды погибнетъ:

> Навѣрно, никогда, ни одному больному не снилось
> Такихъ безумій, которымъ не училъ бы философъ.

Забавно смотрѣть, какъ какой нибудь бородачъ—дѣло идетъ о занимающемся этимологіею стоикѣ—заботливо взвѣшиваетъ на вѣсахъ каждое слово; но ничего нѣтъ лучше настоящей философской ссоры,—кулачный бой стоиковъ превосходитъ любую драку атлетовъ. Въ сатирѣ «Марковъ городъ или о правленіи», гдѣ Маркъ создаетъ себѣ по своему вкусу что-то въ родѣ аристофанова птичьяго города, крестьянину жилось, какъ и тамъ, хорошо, философу же дурно. «Быстро доказывающій однимъ предложеніемъ» Celer—δι'—ἑνὸς—λήμματος—λόγος) Антипатръ, сынъ стоика, пробиваетъ полевой киркой черепъ своему противнику, очевидно философскому двойному термину (Dilemma). Съ этой нравственно-полемической тенденціей и способностью придавать ей юмористическое и живописное выраженіе, непокидавшею его до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, какъ видно изъ діалогической формы сельскохозяйственныхъ книгъ, написанныхъ имъ на восьмидесятомъ году отъ рожденія, соединялись въ Варронѣ самымъ удачнымъ образомъ замѣчательныя свѣдѣнія по народному языку и нравамъ, которыя въ его старческихъ филологическихъ работахъ являются въ видѣ компилятивной смѣси, здѣсь же обнаруживаются во всей своей полнотѣ и свѣжести. Варронъ былъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова мѣстнымъ ученымъ, знавшимъ свой народъ по многолѣтнему собственному наблюденію, какъ въ его прежней своеобразности и замкнутости, такъ и въ настоящей безличности и разбросанности, пополнявшимъ и углублявшимъ свое непосредственное знакомство съ нравами и языкомъ страны самымъ обширнымъ изслѣдованіемъ историческихъ и литературыхъ архивовъ. Недостаточность разумнаго пониманія и учености въ нашемъ смыслѣ слова пополнялась въ немъ созерцаніемъ и присущею ему поэзіею. Онъ не гнался ни за антикварными примѣчаніями, ни за рѣдкими, устарѣвшими или поэтическими выраженіями; *) но самъ онъ былъ человѣкъ старый и старомодный, почти крестьянинъ; національные классики были ему милыми, долголѣтними товарищами; удивительно ли, что въ его писаніяхъ много говорится объ обычаяхъ отцовъ.

*) Весьма мѣтко сказалъ онъ однажды про себя, что онъ не особенно любитъ, но часто употребляетъ устарѣвшія слова, поэтическія же слова очень любитъ, но не употребляетъ.

которые онъ любилъ и зналъ лучше всего, и что рѣчь его изобиловала поговорочными греческими и латинскими оборотами, хорошими старыми словами, сохранившимися въ разговорномъ сабинскомъ языкѣ, воспоминаніями объ Энніи, Луциліи, а, главное, Плавтѣ? О прозаическомъ слогѣ этихъ раннихъ эстетическихъ произведеній Варрона нельзя судить по написанному имъ въ старости и обнародованному, вѣроятно, въ неоконченномъ видѣ филологическому сочиненію, гдѣ дѣйствительно части предложенія какъ бы нанизаны на нить ихъ взаимныхъ отношеній, точно дрозды на шнуркѣ. Мы уже говорили о томъ, что Варронъ въ принципѣ отвергалъ строгій слогъ и аттическую манеру писать періодами, и его эстетическія статьи, лишенныя, правда, тривіальной напыщенности и ложнаго блеска народности, были написаны скорѣе живо, чѣмъ правильно группированными предложеніями, но не въ классическомъ вкусѣ, а даже грубовато. За то поэтическія вставки нетолько доказали, что ихъ авторъ владѣлъ всевозможными размѣрами не менѣе художественно, чѣмъ любой модный поэтъ, но что онъ даже имѣлъ право причислять себя къ тѣмъ, кому божество дало способность «изгонять изъ сердецъ заботу пѣснью и священнымъ даромъ поэзіи. *)

*) Слѣдующее изображеніе заимствовано изъ „Маркова невольника“:

Вдругъ около полночной поры,
Когда разубранное вездѣ яркими огнями,
Воздушное пространство открыло намъ кругъ небесныхъ звѣздъ,
Золотой сводъ небесъ покрыло завѣсой
Движеніе быстрыхъ тучъ, чреватыхъ прохладнымъ дождемъ,
Низвергая потоки водъ на смертныхъ,
И, отрываясь отъ ледовитаго полюса,
Понеслись вѣтры, дикое медвѣжье отродье,
Унося съ собой кирпичи, и вѣтки, и соръ.
Повергнутые ницъ, терпя крушеніе, точно стая журавлей,
Которая опускаетъ крылья подъ зноемъ излучистой молніи,
Мы въ печали упали на землю.

Въ „Человѣческомъ городѣ“ мы читаемъ:

Грудь твоя не станетъ свободной отъ золота и полныхъ сокровищъ,
Персидская золотоносная гора не сниметъ съ смертнаго
Заботы и страхъ; не въ силахъ то сдѣлать и крассовы палаты.

Но и болѣе легкая манера удавалась поэту. Въ „горшкѣ знающемъ свою мѣру“ находилась слѣдующая похвала вину:

Для всѣхъ вино всегда будетъ лучшимъ напиткомъ,
Оно—то средство, что воскреситъ даже можетъ больного,
Въ немъ скрытъ сладостный зародышъ веселья,
Оно—та связь, что сдерживаетъ дружбу людей.

а во „Всемірномъ буравѣ“ возвращающійся странникъ такими словами оканчиваетъ свое обращеніе къ корабельщикамъ:

Варроновы эскизы, такъ же какъ и лукреціева дидактическая поэзія, не оставили школы; помимо общихъ причинъ въ этомъ былъ еще виноватъ ихъ индивидуальный отпечатокъ, неразлучный съ зрѣлымъ возрастомъ, мужиковатостью и даже съ своеобразною ученостью автора. Но граціозность и юморъ въ особенности мениппoвыхъ сатиръ, которыя численностью и значеніемъ далеко превосходили, какъ кажется, болѣе серьозные труды Варрона, приковывали къ себѣ нетолько современниковъ, но и позднѣйшихъ читателей, одаренныхъ чутьемъ оригинальности и народности; и даже мы, которымъ не дано прочесть эти произведенія, можемъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ до извѣстной степени понять, что авторъ ихъ умѣлъ «смѣяться и шутить въ мѣру.» Какъ послѣдній проблескъ угасавшаго добраго духа древней гражданской поры, какъ послѣдній свѣжій отпрыскъ народной латинской поэзіи, варроновы сатиры заслуживают, чтобы въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи авторъ рекомендовалъ своихъ мениппейскихъ дѣтищъ всякому, «кому близокъ къ сердцу Римъ и процвѣтаніе Лаціума,» и онѣ занимаютъ поэтому почетное мѣсто въ литературѣ и въ исторіи италійскаго народа *).

Дайте волю слабѣйшему дуновенью,
Пока свѣжій вѣтеръ не приведетъ
Насъ назадъ на милую родину!

*) Очерки Варрона имѣютъ столь необычайное историческое и даже поэтическое значеніе, и вслѣдствіе отрывочной формы, въ которой дошли до насъ свѣдѣнія о нихъ, извѣстны столь немногимъ и такъ трудно читаются, что, кажется намъ, будетъ позволительно резюмировать здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, съ необходимыми для лучшаго ихъ пониманія возстановленіями текста. — Сатира „Встающій на зарѣ" изображаетъ домашній бытъ въ деревнѣ. Дѣйствующее лицо, „съ первыми лучами солнца велитъ всѣмъ вставать и само ведетъ людей на мѣста ихъ работы. Молодые люди сами стелютъ себѣ постели, которыя послѣ работы кажутся имъ мягкими, и сами же ставятъ около нихъ кружку съ водою и лампу. Питьемъ ихъ служитъ свѣтлая, свѣжая ключевая вода, ѣдой хлѣбъ и приправой лукъ. Въ домѣ и на полѣ все спорится. Домъ вовсе не чудо постройки, но архитекторъ могъ бы изучать по немъ симметрію. О поляхъ прилагаютъ старанія, чтобъ они не пришли въ безпорядокъ, нечистоту, не запустѣли; за то благодарная Церера отстраняетъ отъ ростущихъ тутъ злаковъ всѣ невзгоды, такъ чтобъ впослѣдствіи высоко нагроможденные скирды радовали сердце земледѣльца. Здѣсь еще почитается гостепріимство; желаннымъ гостемъ является всякій, кто вскормленъ материнскимъ молокомъ. Кладовая съ хлѣбомъ, бочки съ виномъ, запасъ колбасъ, повѣшенныхъ на перекладинѣ, всѣ ключи и замки всегда къ услугамъ странника, передъ которымъ выростаетъ высокая пирамида яствъ; довольный, сидитъ потомъ насытившійся гость у кухоннаго очага, не озираясь по сторонамъ, но тихо покачиваясь. Для его ложа разстилаютъ самую теплую овчину, съ двойнымъ мѣхомъ. — Здѣсь еще люди, какъ добрые граждане, слушаются справедливаго закона, который ни преслѣдуетъ невинныхъ изъ недоброжелательства, ни прощаетъ виновныхъ изъ ми-

Историческія сочиненія никогда не достигли въ Римѣ того критическаго направленія исторіографіи, въ духѣ котораго велась національная исторія Аттики въ классическую пору или составлена была Полибіемъ всемірная исторія. Даже въ наиболѣе для того пригодной области, въ изображеніи современныхъ и только что миновавшихъ событій, вообще дѣло остановилось на попыткахъ, болѣе или менѣе несовершенныхъ; въ эпоху отъ Суллы до Цезаря никто почти не могъ достигнуть даже до уровня тѣхъ, не особенно замѣчательныхъ, работъ, которыя выставила предшествовавшая пора,—трудовъ Анти-

Историографія. Сизенна.

лости. Здѣсь не говорятъ дурно о ближнихъ. Здѣсь не попираютъ ногами священный очагъ, но почитаютъ боговъ съ благоговѣніемъ и жертвоприношеніями; домашнему божеству бросаютъ его кусокъ мяса въ подобающій сосудъ, а, когда умираетъ домохозяинъ, его хоронятъ съ такою же молитвой, съ которой шли погребальныя процессіи его отца и дѣда".—Въ другой сатирѣ выступаетъ „наставникъ старцевъ", въ которомъ эта пора общаго паденія повидимому болѣе нуждалась, чѣмъ въ наставникѣ молодежи, и объясняетъ, какъ въ старину „все въ Римѣ было цѣломудренно и набожно, а теперь все переиначилось". Не обманываютъ ли меня глаза, говоритъ онъ, или я въ самомъ дѣлѣ вижу рабовъ, поднимающихъ оружіе противъ своихъ господъ?— Бывало того, кто не являлся къ набору, продавали отъ имени государства на чужбину въ невольники; теперь (въ глазахъ аристократіи) тотъ цензоръ, который сквозь пальцы смотритъ на трусость и другіе пороки, считается великимъ гражданиномъ и пожинаетъ хвалы за то, что онъ не намѣренъ составить себѣ репутацію, обижая своихъ согражданъ.—Бывало римскій крестьянинъ брилъ себѣ бороду въ недѣлю разъ; теперь полевой работникъ-рабъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы ее изящнѣе отростить.— Бывало въ имѣніяхъ можно было видѣть житницы, вмѣщавшія въ себя десять жатвъ, пространные подвалы для винныхъ бочекъ: теперь владѣлецъ усадьбы держитъ стада павлиновъ и велитъ выкладывать двери въ своемъ домѣ африканскимъ кипарисомъ.—Бывало домохозяйка вращала рукой веретено, а въ тоже время не теряла изъ виду и горшка на очагѣ, заботясь, какъ бы не подгорѣла каша,—теперь же (говорится въ другой сатирѣ) дочь выпрашиваетъ себѣ у отца фунтъ драгоцѣнныхъ камней, а жена у мужа—четверикъ жемчугу.—Бывало въ брачную ночь мужчина былъ безмолвенъ и смущенъ, теперь же женщина отдается первому красивому кучеру.—Прежде обильное рожденіе дѣтей составляло гордость женщины, теперь же, когда мужъ желаетъ себѣ дѣтей, она отвѣчаетъ ему: „развѣ ты не знаешь, что сказалъ Энній:

Лучше трижды подвергаться опасности въ битвѣ,
Чѣмъ однажды родить.

Бывало жена была совершенно довольна, если мужъ катался съ нею разъ или два въ году по странѣ въ повозкѣ съ неудобнымъ твердымъ сидѣньемъ; „теперь,— могъ бы онъ прибавить (сличи Циц., pro Mil., 21, 55), жена ропщетъ, если мужъ отправится безъ нея на свою дачу, а за путешествующею дамой слѣдуетъ на виллу изящная толпа греческой лакейской сволочи, и цѣлая капелла. — Въ сочиненіи болѣе серьознаго содержанія „Catus или о воспитаніи дѣтей" Варронъ толкуетъ своему другу, просившему у него совѣта, не только о божест-

патра и Авеллія. Единственнымъ относящимся къ этому отдѣлу сочиненіемъ, возникшимъ въ данную эпоху, была исторія союзной и междоусобной войны, Люція Корнелія Сизенны (претора 676 года). Тѣ люди, которымъ довелось ее читать, свидѣтельствуютъ, что по оживленному складу и удобочитаемости она далеко оставляла за собой старинныя сухо изложенныя хроники, но что за то она написана была весьма неровнымъ слогомъ, почти впадающимъ въ дѣтскій лепетъ, что подтверждаютъ немногіе уцѣлѣвшіе отрывки, представляя мелочную живопись ужасающихъ событій *), и множество словъ вновь образо-

---

вахъ, которымъ по старому обычаю приносились жертвы ради блага дѣтей, но, указывая на болѣе благоразумное воспитаніе дѣтей у Персовъ и на собственную молодость, прожитую въ строгихъ правилахъ, онъ предостерегаетъ отъ закармливанія и излишняго сна, отъ сладкаго хлѣба и вкусныхъ яствъ (молодыхъ собакъ, говоритъ старикъ, теперь кормятъ съ большимъ умомъ, чѣмъ дѣтей), точно также отъ ворожбы и замаливанья, такъ часто заступающаго въ случаѣ болѣзни мѣсто совѣта врачей. Онъ совѣтуетъ пріучать дѣвушекъ къ вышиванью,—съ тѣмъ чтобъ впослѣдствіи онѣ могли вѣрно оцѣнивать достоинство вышивныхъ и ткацкихъ работъ,—и не снимать съ нихъ слишкомъ рано дѣтскаго наряда; онъ предостерегаетъ отъ преждевременной посылки мальчиковъ въ гимнастическія и фехтовальныя школы, въ которыхъ сердце рано грубѣетъ и человѣкъ научается жестокости.—Въ „шестидесятилѣтнемъ старикѣ“ Варронъ является римскимъ Эпименидомъ, который, заснувъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, просыпается спустя полъ-вѣка. Онъ изумляется, увидавъ вмѣсто своей гладко остриженной дѣтской головки старую лысую голову, съ отвратительнымъ лицомъ и щетинами какъ у ежа; но еще больше удивляется онъ совершенно преображенному Риму. Лукринскія устрицы, въ прежнее время рѣдкое угощенье на свадебныхъ пирахъ, стали теперь ежедневнымъ блюдомъ; зато разорившійся кутила втайнѣ уже раздуваетъ факелъ для поджога. Если бывало отецъ прощалъ мальчика, то теперь право этого прощенія перешло къ мальчику; проще сказать, онъ отплачиваетъ отцу отравой. Избирательное движеніе стало биржей, уголовный процессъ золотымъ дномъ для присяжныхъ. Теперь не повинуются никакому закону, кромѣ того, который гласитъ, что за ничто воздается ничѣмъ. Всѣ добродѣтели исчезли: за то проснувшагося привѣтствуютъ, въ качествѣ новыхъ обитателей, богохульство, вѣроломство, сладострастіе. „О, горе тебѣ, Маркъ, испытавшему такой сонъ и такое пробужденіе“! — Очеркъ этотъ напоминаетъ дни Катилины, такъ какъ повидимому написанъ былъ престарѣлымъ авторомъ вскорѣ послѣ нихъ (около 697),—и много правды въ горестномъ заключеніи, гдѣ Марка, какъ слѣдуетъ разбраненнаго за несвоевременныя обвиненія и археологическія воспоминанія, пародируя древній римскій обычай, ведутъ какъ, безполезнаго старца, на мостъ и бросаютъ въ Тибръ. Дѣйствительно, для такихъ людей не было мѣста въ Римѣ.

*) „Ты извлекаешь изъ ихъ жилищъ, читаемъ въ одной рѣчи, невинныхъ людей, содрогающихся всѣми членами, и на высокомъ откосѣ рѣчного берега на разсвѣтъ велишь ихъ казнить“. Такихъ фразъ, прямо годныхъ въ сенсаціонную повѣсть какого нибудь альманаха, было множество.

ванныхъ или же заимствованныхъ изъ обиходной рѣчи. Если къ этому еще присовокупляютъ, что образцомъ въ глазахъ автора и, такъ сказать, единственнымъ доступнымъ ему греческимъ историкомъ былъ Клитархъ, составитель біографіи Александра Великаго, колеблющейся между исторіей и вымысломъ, въ родѣ того полуроманическаго сочиненія, которое приписывается Курцію,—то безъ труда придется признать въ пресловутомъ историческомъ сочиненіи Сизенны не продуктъ настоящей исторической критики и искуснаго бытописанія, но первую попытку въ Римѣ подражать столь любимой у Грековъ средней формѣ между исторіей и романомъ, которая могла бы сдѣлать фактическую основу живою и интересною при помощи свободно измышленнаго изложенія, но дѣлаетъ ее лишь безвкусной и невѣрной; послѣ того не покажется также удивительнымъ, когда того же Сизенну мы встрѣтимъ въ числѣ переводчиковъ греческихъ модныхъ романовъ.

Городскія хроники.

Въ области всеобщихъ хроникъ городской или даже всемірной исторіи положеніе было еще плачевнѣе, — и это обусловливалось самою сущностью дѣла. Возрастающее усиленіе антикварныхъ изслѣдованій позволяло надѣяться, что общепринятое изложеніе исторіи будетъ провѣрено по документамъ и другимъ надежнымъ источникамъ; но эта надежда не оправдалась. Чѣмъ больше было изслѣдованій и чѣмъ глубже они становились, тѣмъ отчетливѣе выяснялось, что значило бы составить критическую исторію Рима. Трудности, предстоявшія для изслѣдователя и излагателя, сами были непомѣрны; но наиболѣе серьозныя препятствія были не литературнаго свойства. Обязательная исторія древнѣйшаго римскаго періода, въ томъ видѣ какъ она втеченіе по меньшей мѣрѣ десяти поколѣній разсказывалась и встрѣчала къ себѣ довѣріе, тѣсно срослась съ гражданской жизнью народа; и при всемъ этомъ каждое основательное и добросовѣстное изслѣдованіе приводило къ тому, что не только приходилось измѣнять кое-что то тутъ, то тамъ, но и ниспровергнуть все зданіе съ такою же рѣшительностью, съ какою упразднены доисторическія сказанія Франковъ о королѣ Фарамундѣ и бретонскія легенды о королѣ Артурѣ. Изслѣдователь, проникнутый консервативными убѣжденіями, какъ наприм. Варронъ, не могъ пожелать принять на себя такой трудъ; и если бы на это отважился какой - нибудь отчаянный вольнодумецъ, то на этого худшаго изъ революціонеровъ, который захотѣлъ бы отнять у конституціонной партіи даже ея прошлое, посыпались бы проклятія со стороны всѣхъ честныхъ гражданъ. Такимъ образомъ филологическія и антикварныя изслѣдованія скорѣе отвлекали отъ исторіографіи, чѣмъ влекли къ ней. Варронъ и вообще люди дальновидные считали хронику завѣдомо погибшею; самое большое, если можно было сдѣлать то, что исполнилъ Титъ Помпоній Аттикъ, составивъ сводъ спис-

ковъ должностныхъ лицъ и родовъ, придавъ всему непритязательный характеръ таблицъ,—впрочемъ этотъ трудъ послужилъ завершеніемъ синхронистическаго греко-римскаго лѣтописанія въ томъ видѣ, въ какомъ оно стало обязательнымъ для позднѣйшихъ поколѣній. Фабрикація городскихъ лѣтописей изъ-за этого, конечно, не пріостановилась, а напротивъ продолжала умножать ряды обширной библіотеки, составляемой отъ скуки и для скуки, своими вкладами и въ прозѣ и въ стихахъ, при чемъ составители книгъ, по большей части вольноотпущенники, вовсе не заботились о пріемахъ настоящаго изслѣдованія. Тѣ изъ этихъ сочиненій, которыя извѣстны намъ по имени (ни одно не дошло до насъ), не только кажутся вполнѣ второстепенными работами, но по большей части проникнуты даже духомъ весьма подозрительнаго искаженія фактовъ. Хроника Квинта Клавдія Квадригарія (около 676 г.?) написана была старомоднымъ, но хорошимъ слогомъ и, по крайней мѣрѣ въ разсказѣ о баснословныхъ временахъ, держалась весьма похвальной краткости, но, когда Гай Лициній Мацеръ († въ санѣ бывшаго претора 688 г.), отецъ поэта Кальва и ревностный демократъ, предъявлялъ болѣе всѣхъ другихъ хронистовъ притязанія на изученіе документовъ и критику ихъ, то характеристическія его особенности являются въ высшей степени подозрительными, и чрезвычайно распространенная привычка, перешедшая отчасти и къ позднѣйшимъ лѣтописцамъ, дѣлать въ хроникахъ вставки въ интересѣ демократическихъ тенденцій, вѣроятно исходила отъ него.

Валерій Антій. Наконецъ Валерій Антій превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и расплывчивостью и дѣтской привычкой къ баснямъ. Ложь въ цифровыхъ данныхъ была проведена у него систематически вплоть до современнаго историческаго періода, и древнѣйшая исторія Рима, уже излагавшаяся въ пошломъ тонѣ, переложена еще пошлѣе; такъ напримѣръ, разсказъ о томъ, какимъ образомъ мудрый Нума по указаніямъ нимфы Эгеріи завлекъ боговъ Фавна и Пика при помощи вина, и слѣдующіе затѣмъ прекрасные разговоры того же Нумы съ Юпитеромъ слѣдуетъ настоятельно рекомендовать всѣмъ почитателямъ такъ называемой легендарной исторіи Рима, чтобъ они поспѣшили увѣровать и въ нихъ, или точнѣе сказать въ ихъ внутренній смыслъ. Было бы настоящимъ чудомъ, еслибъ современные этому греческіе авторы повѣстей прошли мимо подобныхъ сюжетовъ, точно нарочно сотворенныхъ для нихъ. Дѣйствительно, не было недостатка и въ греческихъ литераторахъ, которые перерабатывали римскую исторію въ романы: такимъ трудомъ являются, напримѣръ, составленныя упомянутымъ уже нами въ числѣ греческихъ писателей въ Римѣ полигисторомъ Александромъ пять книгъ «о Римѣ», отвратительная смѣсь изветшавшихъ историческихъ преданій и тривіальныхъ, въ особенности же эротическихъ вымысловъ. Надобно

полагать, что именно онъ подалъ примѣръ, какъ поставить недостававшее полу-тысячелѣтіе отъ паденія Трои до возникновенія Рима въ связь съ хронологической послѣдовательностью, обусловливаемою баснословными сказаніями обоихъ народовъ, и наполнить этотъ промежутокъ однимъ изъ тѣхъ безсодержательныхъ списковъ царей, которые были, къ сожалѣнію, въ такомъ ходу у египетскихъ и греческихъ лѣтописцевъ; судя по всѣмъ признакамъ, именно онъ вывелъ на свѣтъ Божій царей Авентина и Тиберина, и албанскій родъ Сильвіевъ, которыхъ впослѣдствіи потомство позаботилось обставить въ частностяхъ именами, опредѣленными сроками царствованія и, для вящей нагдядности, даже ихъ собственными портретами.—Такимъ образомъ вторгался съ разныхъ сторонъ въ римскую исторіографію историческій романъ Грековъ; болѣе чѣмъ вѣроятно, что изъ всего, что мы привыкли называть традиціею древней римской эпохи, немалая часть заимствована изъ источниковъ равныхъ по достоинству Амадису галльскому или рыцарскимъ романамъ Фуке;—этотъ взглядъ можно поручить вниманію тѣхъ, кто умѣетъ понимать историческій юморъ и цѣнить всю комичность поклоненія, которое все еще оказывается въ нѣкоторыхъ кружкахъ девятнадцатаго столѣтія царю Нумѣ.

Всеобщая исторія. Непотъ.

Въ римскую литературу впервые вступаетъ въ эту эпоху, наряду съ исторіею самой страны, и всеобщая, или, вѣрнѣе сказать, соединенная римско-эллинская исторія. Корнелій Непотъ изъ Тицина (приб. 650—725) первый составилъ общую хронику (вышедшую до 700 г.) и распредѣленное по извѣстнымъ категоріямъ собраніе біографій замѣчательныхъ въ политическомъ или литературномъ отношеніи Римлянъ и Грековъ, или же людей, игравшихъ роль въ римской и греческой исторіи. Труды эти тѣсно примыкаютъ къ тѣмъ изслѣдованіямъ по всеобщей исторіи, какія уже нѣкоторое время составлялись Греками; эти то всемірныя хроники начали теперь (напримѣръ, оконченная въ 698 году хроника Кастора, зятя галатскаго царя Дейотара) втягивать въ свой кругъ забытую до той поры римскую исторію. Подобно Полибію, и авторы этихъ трудовъ старались замѣнить повѣствованіе о мѣстныхъ событіяхъ исторіею всѣхъ государствъ Средиземнаго моря; но то, что у Полибія вытекало изъ грандіозно-яснаго пониманія и глубокаго историческаго чутья, является въ этихъ хроникахъ скорѣе продуктомъ практическихъ потребностей школьнаго ученія и самообразованія. Эти всемірныя хроники ничто иное, какъ учебники для школьнаго преподаванія или справочныя книги, и вся связанная съ ними литература, позднѣе сдѣлавшаяся весьма обширною и на латинскомъ языкѣ, едва ли можетъ быть причислена къ области художественнаго историческаго изслѣдованія; въ особенности Непотъ былъ настоящимъ компиляторомъ, не отличавшимся ни умомъ, ни даже умѣніемъ составлять планъ. Исто-

ріографія въ эту пору примѣчательна и въ высшей степени характеристична, но, конечно, такъ же безотрадна, какъ и самое время. Сліяніе греческой и латинской литературъ нигдѣ такъ ясно не выступаетъ, какъ именно въ области исторіи; здѣсь обѣ литературы всего раньше становятся на одинъ уровень по содержанію и формѣ, и цѣльное воззрѣніе на эллино-италійскую исторію, которымъ Полибій опередилъ свое время, изучалось уже греческими и римскими дѣтьми въ школѣ. Но если новая монархія пріобрѣла историка, прежде чѣмъ сама успѣла сознать свое значеніе, то теперь, когда это самосознаніе уже проявилось, ни у Грековъ, ни у Римлянъ не являлось никого, кто бы съумѣлъ придать ему надлежащее выраженіе. Римской исторіографіи, говорилъ Цицеронъ, не существуетъ; насколько мы можемъ судить объ этомъ, это—истинная правда. Духъ изслѣдованія отвращался отъ исторіографіи, и сама она отъ научнаго разысканія; историческая литература колебалась между учебникомъ и романомъ. Всѣ опредѣленныя формы словесности, эпосъ, драма, лирика, историческія сочиненія, были ничтожны въ этомъ ничтожномъ мірѣ; но ни въ одной изъ нихъ не отражается съ такою ужасающей ясностью умственное паденіе цицероновой поры, какъ въ современной ей исторіографіи.

Побочныя формы исторической литературы. Донесеніе Цезаря.

Напротивъ того, мелкая историческая литература въ ту пору, среди многихъ незначительныхъ и забытыхъ потомъ сочиненій, можетъ выставить трудъ замѣчательный: мемуары Цезаря или, точнѣе говоря, военное донесеніе демократическаго полководца народу, отъ котораго онъ получилъ полномочія. Законченный и единственный обнародованный самимъ авторомъ отдѣлъ его, изображающій кельтскіе походы вплоть до 702 года, имѣетъ очевидною цѣлью по возможности оправдать передъ публикой съ формальной стороны незаконный образъ дѣйствій Цезаря, задумавшаго безъ полномочій отъ компетентной власти завоевать обширную страну и для этой цѣли постоянно увеличивавшаго свое войско; онъ былъ написанъ и обнародованъ въ 703 г., когда въ Римѣ разразилась буря противъ Цезаря и когда отъ него потребовали, чтобъ онъ распустилъ войско и явился къ отвѣту *).

*) Давно уже предполагали, что сочиненіе о галльской войнѣ было обнародовано заразъ;точнымъ доказательствомъ этого служитъ упоминаніе объ уравненіи правъ Бойевъ и Гедуевъ, встрѣчаемое уже въ первой книгѣ (с. 28), тогда какъ Бойи въ седьмой книгѣ (с. 10) являются подвластными Гедуямъ, обложенными данью, и повидимому только въ виду образа дѣйствій ихъ сравнительно съ Гедуями во время войны съ Верцингеторигомъ получили одинаковыя права съ ихъ прежними повелителями. Съ другой стороны тотъ, кто внимательно прослѣдитъ исторію того времени, увидитъ въ отзывѣ о милоновомъ кризисѣ (7, 6) указаніе на то, что настоящее сочиненіе было обнародовано до начала междоусобной войны,—не потому, чтобъ о Помпеѣ упоминалось тутъ съ похвалою, но потому, что Цезарь тутъ одобряетъ чрезвычайные законы 702 г. Это

Авторъ этого оправдательнаго сочиненія пишетъ его (какъ онъ прямо объ этомъ и говоритъ) только какъ военное лицо, и чрезвычайно старается не зайти въ своемъ военномъ донесеніи въ опасныя сферы политическаго устройства и администраціи. Его трудъ, задуманный въ интересѣ партіи, принаровленный къ даннымъ обстоятельствамъ и изложенный въ формѣ военнаго донесенія, самъ по себѣ уже есть нѣчто въ родѣ исторіи, подобно бюллетенямъ Наполеона; въ тоже время это — не историческое сочиненіе въ точномъ смыслѣ этого слова, да и не должно имѣть этого характера; объективность изложенія здѣсь не историческая, а чиновничья, должностная. Но въ этомъ скромномъ родѣ работа Цезаря вышла мастерскою и вполнѣ законченною, какъ ни одно сочиненіе во всей римской литературѣ. Изложеніе всегда сжато, но никогда не скудно, всегда просто, но отнюдь не небрежно, всегда ясно и оживленно, но ни натянуто, ни манерно. Языкъ вполнѣ свободенъ и отъ архаизмовъ и отъ народныхъ оборотовъ, служа какъ бы типомъ современнаго культурнаго городского тона. Изъ отдѣла о междоусобной войнѣ, казалось бы, можно вывести, что авторъ хотѣлъ избѣгнуть войны, но не смогъ этого сдѣлать; быть можетъ, можно почерпнуть тутъ и убѣжденіе, что въ душѣ Цезаря, какъ и всѣхъ другихъ людей, пора надеждъ была чище и свѣжѣе, чѣмъ пора ихъ осуществленія; но сочиненіе о галльской войнѣ проникнуто такимъ свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ, такою непритязательною привлекательностью, которая представляетъ собой столь же необычайное явленіе въ литературѣ, какъ самъ Цезарь — въ исторіи.

Переписка. Листки новостей.

Сродную форму произведеній представляетъ переписка государственныхъ людей и литераторовъ того времени, которая въ слѣдующую затѣмъ эпоху была старательно собрана и обнародована: такова корреспонденція самого Цезаря, Цицерона, Кальва и другихъ. Ее еще менѣе можно причислить къ чисто-литературнымъ произведеніямъ, но для историческихъ, да и для всякихъ другихъ изысканій эта литература корреспонденцій была богатымъ архивомъ и вѣрнымъ отраженіемъ эпохи, когда такъ много цѣнныхъ мыслей былыхъ временъ, такъ много ума, искусства и таланта бѣгло тратилось и вы-

---

онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать, пока онъ старался осуществить мирное соглашеніе съ Помпеемъ, но не послѣ разрыва, когда онъ отвергнулъ тѣ приговоры, которые произнесены были на основаніи этихъ обидныхъ для него законовъ. Поэтому обнародованіе этого сочиненія съ полнымъ основаніемъ отнесено къ 703 году.—Тенденція его всего яснѣе выступаетъ въ постоянномъ и часто (въ особенности по поводу аквитанской экспедиціи, 3, 11) неудачномъ мотивированіи каждаго военнаго дѣйствія, какъ оборонительной мѣры, неизбѣжной по существу вещей. Что противники Цезаря порицали нападенія на Кельтовъ и Германцевъ, какъ ничѣмъ не вызванныя, уже извѣстно (Свет., Caes., 24).

писывалось по мелочамъ.—Журналистики, въ нашемъ смыслѣ слова, никогда не существовало у Римлянъ; литературная полемика ограничивалась брошюрами, да еще весьма распространеннымъ въ то время обычаемъ писать въ общественныхъ мѣстахъ, кистью или грифелемъ, всѣ свѣдѣнія, предназначавшіяся для публики. За то многимъ второстепеннымъ личностямъ поручалось записывать для отсутствовавшихъ знатныхъ людей всѣ ежедневные случаи и городскія новости; точно также Цезарь, еще во время своего перваго консульства, принялъ необходимыя мѣры для немедленнаго обнародованія извлеченій изъ сенатскихъ преній. Изъ частныхъ записокъ этихъ римскихъ penny-a-liner'овъ и изъ оффиціальныхъ отчетовъ возникло что-то въ родѣ столичнаго листка новостей (acta diurna), куда заносилось краткое обозрѣніе вопросовъ, обсуждавшихся передъ народомъ и въ сенатѣ, списокъ родившихся, смертные случаи и тому подобное. Это сдѣлалось со временемъ немаловажнымъ историческимъ источникомъ, но осталось безъ настоящаго политическаго и литературнаго значенія.

Ораторская литература. Къ области смежной съ историческою литературой принадлежатъ по справедливости и записанныя ораторскія рѣчи. Рѣчь, устная или писанная, эфемерна по своей природѣ и не принадлежитъ къ области словесности; однако и она, подобно отчетамъ и письмамъ, и даже еще съ большей легкостью, чѣмъ они, можетъ, благодаря важности минуты и силѣ ума, ее создавшаго, попасть въ число непреходящихъ сокровищъ національной литературы. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ записанныя рѣчи политическаго содержанія, произнесенныя передъ гражданами или присяжными, не только издавна играли большую роль въ общественной жизни, но нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности рѣчи Гая Гракха, по справедливости считались классическими произведеніями римской литературы.

Упадокъ политической и возникновеніе адвокатской литературы. Въ занимающую насъ эпоху въ этой области замѣтно всестороннее и странное превращеніе. Политическая ораторская литература находится въ упадкѣ, какъ и государственное краснорѣчіе вообще. Въ Римѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ политическихъ организмахъ, политическая рѣчь дошла до апогея въ преніяхъ передъ собраніемъ гражданъ; здѣсь оратора не сковывали, какъ въ сенатѣ, коллегіальныя соображенія и тягостныя формальности, или, какъ въ судебныхъ рѣчахъ, чуждые политикѣ интересы обвиненія и защиты; только здѣсь сердце его переполнялось при видѣ прикованной къ его устамъ великой и могущественной римской общины. Но теперь все это миновало. Не то, чтобы не было ораторовъ или чтобы не обнародовались рѣчи, произнесенныя передъ гражданствомъ; напротивъ, какъ разъ въ то время политическая литература пріобрѣла весьма значительную полноту, и къ числу неизмѣнныхъ неудобствъ, сопровождавшихъ трапезы, слѣдуетъ отнести привычку хозяевъ безпокоить

гостей чтеніемъ своихъ новѣйшихъ рѣчей. Подобно Гаю Гракху и Публій Клодій также сталъ выпускать въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ свои рѣчи къ народу; но когда два человѣка дѣлаютъ одно и тоже, результатъ бываетъ далеко не одинакій. Болѣе выдающіеся вожди оппозиціи, и прежде всего самъ Цезарь, рѣдко обращались къ гражданамъ съ словомъ и не обнародовали болѣе произносимыхъ ими рѣчей; они какъ-бы искали даже для своихъ политическихъ памфлетовъ форму, отличную отъ традиціонной, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны рѣчи, произнесенныя въ похвалу и порицаніе Катона. Это весьма понятно. Гай Гракхъ обращался къ гражданамъ, теперь же говорили съ чернью, а по публикѣ и рѣчь. Неудивительно, если прославленный политическій писатель избѣгалъ даже и виду, что онъ обращается къ толпѣ, собравшейся на столичномъ рынкѣ. Если ораторская литература теряла свое прежнее литературное и политическое значеніе, какъ и всѣ отрасли словесности, естественно развившіяся изъ національной жизни, то одновременно съ этимъ возникала странная, неполитическая, адвокатская литература. До той поры никому и въ голову не приходило, что адвокатское краснорѣчіе предназначалось, кромѣ судей и сторонъ, также для литературнаго назиданія современниковъ и потомства; ни одинъ адвокатъ никогда не записывалъ и не обнародовалъ своихъ рѣчей, если онѣ не были вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими рѣчами и потому не годились для распространенія въ видѣ брошюръ извѣстной партіи; да и это дѣлалось лишь рѣдко. Послѣ Квинта Гортензія (640—704), бывшаго въ первые годы той эпохи славнѣйшимъ римскимъ адвокатомъ, лишь немногіе обнародовали вообще свои рѣчи, да и то, кажется, только политическія или наполовину политическія. Лишь преемникъ его въ главенствѣ надъ римскими адвокатами, Маркъ Туллій Цицеронъ (648—711) былъ по своимъ склонностямъ настолько же писателемъ, какъ и судебнымъ ораторомъ; онъ правильно издавалъ свои защитительныя рѣчи, даже тогда, когда онѣ вовсе не относились (или же только отдаленно) къ политикѣ. Это признакъ не прогресса, а искаженія и упадка. Даже въ Аѳинахъ возникновеніе неполитическихъ адвокатскихъ рѣчей, какъ особой литературной отрасли, было признакомъ разложенія, а въ Римѣ и вдвойнѣ, такъ какъ здѣсь это вырожденіе не было, какъ въ Аѳинахъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ напряженной риторической горячки, а произвольно заимствовалось у иноземцевъ, вопреки лучшимъ мѣстнымъ традиціямъ. Тѣмъ не менѣе этотъ новый видъ литературы быстро пустилъ корни, частью потому, что онъ нерѣдко соприкасался съ древнѣйшей политической и ораторской литературой, частью и потому, что непоэтическая, склонная къ судебнымъ преніямъ и къ риторикѣ природа Римлянъ представляла пригодную почву для этого новаго посѣва; и понынѣ еще адвокатское краснорѣчіе и что-то въ родѣ судебной литературы пользуются

нѣкоторымъ значеніемъ въ Италіи. Такимъ образомъ сочиненіе ораторскихъ рѣчей, высвободившееся изъ подъ вліянія политики, получило благодаря Цицерону право гражданства въ римскомъ литературномъ мірѣ. Намъ приходилось уже много разъ упоминать объ этомъ многостороннемъ человѣкѣ. Лишенный необходимыхъ для государственнаго дѣятеля свойствъ, разсудительности, твердыхъ взглядовъ и ясно опредѣленныхъ намѣреній, онъ послѣдовательно фигурировалъ въ качествѣ демократа, аристократа и послушнаго орудія монарха, и всегда былъ только близорукимъ эгоистомъ. Тамъ, гдѣ, казалось, онъ начиналъ дѣйствовать, вопросы имъ затрогиваемые уже всегда были порѣшены; такъ онъ выступилъ въ процессѣ Верра противъ сенатскихъ судовъ, когда они уже были упразднены; такъ онъ молчалъ во время преній о габиніевомъ законѣ и нападалъ на законъ Манилія; такъ онъ бушевалъ противъ Катилины, когда его паденіе было уже несомнѣнно, и т. д. На мнимыя нападки онъ отвѣчалъ яростно, и съ грохотомъ пробилъ немало картонныхъ стѣнъ; никогда ни одно серьозное дѣло не было рѣшено имъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону, и въ особенности казнь сторонниковъ Катилины скорѣе была допущена имъ, чѣмъ состоялась по его настоянію. Въ литературномъ отношеніи уже было указано, что онъ былъ творцомъ новѣйшей латинской прозы; значеніе его основывается на его мастерствѣ въ слогѣ, и только какъ стилистъ глубоко сознавалъ онъ свое собственное достоинство. Какъ писатель же, напротивъ того, онъ стоитъ такъ-же низко, какъ и въ роли государственнаго человѣка. Онъ испытывалъ себя въ разнообразнѣйшихъ родахъ, воспѣвалъ безконечными гекзаметрами великія дѣянія Марія и свои собственныя малыя дѣла, затмилъ своими рѣчами Демосѳена, своими философскими разговорами Платона, и только времени ему недостало, чтобы преодолѣть и Ѳукидида. Дѣйствительно, онъ въ такой степени былъ настоящимъ путанникомъ, что въ сущности было безразлично, въ какое дѣло онъ вмѣшивался. Истинная натура журналиста, въ худшемъ значеніи этого слова, рѣчами (по его же выраженію) безмѣрно богатый, мыслями же невообразимо бѣдный, онъ не зналъ ни одной области, въ которой былъ бы не въ состояніи съ помощью немногихъ книжекъ, переводя или компилируя, быстро составить легко читающуюся статью. Всего вѣрнѣе передаетъ его нравственный образъ его переписка. Ее обыкновенно называютъ интересною и остроумною; она дѣйствительно такова, пока она отражаетъ въ себѣ столичную или дачную жизнь большого свѣта; но тамъ, гдѣ пишущій предоставленъ самому себѣ, какъ напримѣръ въ изгнаніи, въ Киликіи и послѣ фарсальской битвы, она вяла и безсодержательна, какъ душа фельетониста, вырваннаго изъ привычной ему среды. Врядъ ли нужно прибавлять къ этому, что подобный государственный дѣятель и такой писатель, и какъ человѣкъ могъ быть одаренъ только слабо при-

крашенной поверхностностью и безсердечіемъ. Нужно ли характеризовать его кромѣ того еще какъ оратора? Великій писатель всегда въ тоже время и великій человѣкъ; въ особенности же у великаго оратора его убѣжденія и страсти вырываются изъ глубины груди яснѣе и порывистѣе, чѣмъ у множества скудно одаренныхъ людей, которые идутъ лишь въ счетъ, но собственно не живутъ. Цицеронъ не имѣлъ ни убѣжденій, ни страстей; это былъ только адвокатъ, и далеко не хорошій. Онъ умѣлъ излагать дѣло въ пикантной анекдотической формѣ, затрогивать, если не чувство, то хоть сентиментальность слушателей и оживлять сухое занятіе юридическими дѣлами посредствомъ остротъ и шутокъ, по большей части личнаго свойства; лучшія изъ его рѣчей, хотя и онѣ остаются далеко позади непринужденной граціи и мѣткости выдающихся произведеній этого рода, напримѣръ, мемуаровъ Бомарше, все таки составляютъ легкое и пріятное чтеніе. Если указанныя нами преимущества покажутся строгому судьѣ преимуществами весьма сомнительнаго достоинства, то полное отсутствіе политическаго смысла въ рѣчахъ по государственнымъ вопросамъ и юридической дедукціи въ рѣчахъ судебныхъ, эгоизмъ, доведенный до совершеннѣйшаго забвенія чувства долга, за личностью самого адвоката всегда терявшій изъ виду сущность дѣла, наконецъ страшная скудость мысли возмутятъ всякаго читателя цицероновыхъ рѣчей, не лишеннаго ума и сердца. Если чему нибудь слѣдуетъ удивляться въ этомъ случаѣ, то, конечно, не рѣчамъ, а тому восторгу, который онѣ вызывали. Всякій безпристрастный читатель скоро пойметъ, что такое Цицеронъ; цицероніанизмъ представляетъ собою загадку, которая не можетъ въ сущности быть разрѣшена, а только объясняется еще большею тайною человѣческой природы: рѣчью и ея вліяніемъ на умы. Благодаря тому, что этотъ ловкій стилистъ въ послѣдній разъ какъ бы сосредоточилъ и воплотилъ въ своихъ пространныхъ сочиненіяхъ всѣ силы благороднаго латинскаго языка передъ его окончательнымъ превращеніемъ въ народный говоръ, на Цицеронѣ, бывшемъ въ этомъ случаѣ только недостойнымъ орудіемъ, какъ бы отразилось могущество языка и то уваженіе, которое онъ вызываетъ. Римляне не имѣли великаго латинскаго прозаика, такъ какъ Цезарь, подобно Наполеону, былъ только случайнымъ писателемъ. Удивительно ли, что за неимѣніемъ замѣчательнаго прозаика, Римляне чествовали въ великомъ стилистѣ хоть геній языка, и что, какъ самъ Цицеронъ, такъ и его читатели пріучились спрашивать, не что, а какъ онъ написалъ? Привычка и школьная рутина довершили то, что было начато могуществомъ самаго языка.

Оппозиція противъ цицеронова

Современники Цицерона были, понятно, гораздо менѣе охвачены этимъ страннымъ поклоненіемъ, чѣмъ многіе изъ позднѣйшихъ читателей. Цицеронова манера царила, правда, въ теченіе одного по-

направленія. Кальвъ и его товарищи.

колѣнія въ мірѣ римскихъ адвокатовъ, какъ это выпало на долю гораздо худшей манерѣ Гортензія; однако выдающіеся люди, какъ, напримѣръ, Цезарь, всегда держались далеко отъ этой манеры, а въ кругу молодого поколѣнія пробуждалась во всѣхъ свѣжихъ и живыхъ талантахъ положительная оппозиція противъ этого безцвѣтнаго и далеко не мужественнаго ораторскаго искусства. Въ рѣчахъ Цицерона ощущался недостатокъ сжатости и суровости; въ шуткахъ его не было жизни, въ распредѣленіи частей—ясности и членораздѣльности, а главное, во всемъ его краснорѣчіи не было того огня, который создаетъ настоящаго оратора. Вмѣсто родосскихъ эклектиковъ стали снова обращаться къ настоящимъ аттическимъ ораторамъ, въ особенности къ Лизію и Демосѳену, и старались ввести въ Римѣ болѣе сильный и мужественный видъ краснорѣчія. Этого направленія держался величавый, но суховатый Маркъ Юній Брутъ (667—712), оба политическіе дѣятели Маркъ Целій Руфъ (672—706) и Гай Скрибоній Куріонъ (†705), два оратора, полные ума жизни; Кальвъ, извѣстный также, какъ поэтъ (672—706), литературный корифей этого кружка юныхъ ораторовъ, и наконецъ суровый и добросовѣстный Гай Азиній Полліонъ (678—757). Въ этой молодой ораторской литературѣ безспорно было болѣе ума и вкуса, чѣмъ въ гортензіевыхъ и цицероновыхъ рѣчахъ въ совокупности; къ сожалѣнію, мы лишены возможности опредѣлить, насколько среди революціонныхъ бурь, быстро разсѣявшихъ весь этотъ ботато одаренный кружокъ, за исключеніемъ одного только Полліона, успѣли развиться зародыши чего-то лучшаго. Имъ было отмѣрено слишкомъ мало времени. Новая монархія объявила сразу войну свободѣ слова и вскорѣ совершенно подавила политическую рѣчь. Съ той поры еще держалась въ литературѣ второстепенная отрасль краснорѣчія, въ видѣ адвокатскихъ защитительныхъ рѣчей; но высшее ораторское искусство и ораторская литература, всецѣло опирающіяся на политическую борьбу, неизбѣжно и навсегда исчезли вмѣстѣ съ нею.

Художественный діалогъ на спеціально-научныя темы. Діалоги Цицерона.

Въ эстетической литературѣ того времени развилась наконецъ художественная обработка спеціально-научныхъ предметовъ въ формѣ изящно-отдѣланнаго діалога, очень распространеннаго между Греками и по временамъ появлявшагося у Римлянъ и прежде. Въ особенности Цицеронъ часто пытался излагать въ этой формѣ риторическіе и философскіе вопросы и слить воедино учебникъ съ книгою для чтенія. Главныя сочиненія его слѣдующія: «объ ораторѣ» (написано въ 699 г.); къ нему присоединяются, какъ дополненіе, исторія римскаго краснорѣчія (діалогъ «Брутъ», написанный въ 708 году), другія мелкія риторическія статьи, и статья о «государствѣ» (написанная въ 700 г.), съ которою связана по платоновскому образцу статья «о законахъ» (написанная въ 702 году?). Это не великія художественныя произведенія, но, безспорно, такія работы,

въ которыхъ преимущества автора выступаютъ всего яснѣе, недостатки же его всего болѣе стушевываются. Риторическія статьи далеко уступаютъ въ строгой поучительности и мѣткости опредѣленій риторикѣ, посвященной Гереннію, но взамѣнъ этого заключаютъ въ себѣ въ легкой и изящной формѣ настоящій кладъ адвокатской практической опытности и всевозможныхъ адвокатскихъ анекдотовъ, и дѣйствительно разрѣшаютъ задачу веселаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительнаго сочиненія. Статья о государствѣ проводитъ среди странной историко-философской смѣси ту основную мысль, что существующая въ Римѣ конституція составляетъ искомый философами государственный строй, —идея крайне анти-философская и анти-историческая, къ тому же отнюдь не принадлежавшая самому автору, но которая, понятно, сдѣлалась и осталась популярною. Научная основа этихъ риторическихъ и политическихъ статей Цицерона, разумѣется, всецѣло принадлежитъ Грекамъ, и даже многія частности, какъ, напримѣръ, заключительный эффектъ въ статьѣ о государствѣ, сонъ Сципіона, прямо заимствованы у нихъ; нѣкоторую относительную оригинальность тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать за этими статьями, такъ какъ въ обработкѣ сюжетовъ замѣтна вполнѣ римская окраска, и государственное самосознаніе, на которое Римлянинъ дѣйствительно имѣлъ право, сравнительно съ Греками, заставляло автора выступать относительно своихъ греческихъ учителей съ извѣстною долею самостоятельности. Разговорная форма у Цицерона также не отличается ни настоящими качествами вопросительной діалектики, свойственными лучшимъ греческимъ художественнымъ діалогамъ, ни настоящимъ разговорнымъ тономъ Дидро или Лессинга; но многочисленныя группы адвокатовъ, собранныхъ вокругъ Красса и Антонія, пожилыхъ и болѣе юныхъ государственныхъ людей сципіонова кружка, тѣмъ не менѣе служатъ живою и интересною рамкою, даютъ случай для историческихъ сближеній и анекдотовъ и удобный поводъ для научныхъ разсужденій. Слогъ столь же обработанъ и подчищенъ, какъ въ лучшихъ рѣчахъ Цицерона, и гораздо пріятнѣе, потому что авторъ лишь рѣдко дѣлаетъ неудачныя попытки достигнуть паѳоса. Если эти философски-окрашенныя риторическія и политическія статьи Цицерона, не лишены заслугъ, то компиляторъ, напротивъ того, окончательно потерпѣлъ фіаско, когда онъ во время невольнаго досуга послѣднихъ лѣтъ своей жизни (709—710) принялся за настоящую философію и съ такой же поспѣшностью, какъ и раздражительностью, написалъ въ нѣсколько мѣсяцевъ цѣлую философскую библіотеку. Рецептъ для этого былъ весьма простъ. Грубо подражая популярнымъ статьямъ Аристотеля, въ которыхъ діалогическая форма употреблялась главнѣйшимъ образомъ для развитія и критики различныхъ древнѣйшихъ системъ, Цицеронъ соединилъ въ такъ называемый діалогъ всѣ попавшіяся ему

подъ руку эпикурейскія, стоическія или синкретистическія статьи, касавшіяся одной и той же проблемы, не внося отъ себя ничего; онъ только прибавилъ къ новой книгѣ введеніе, взятое изъ богатой коллекціи готовыхъ предисловій къ будущимъ трудамъ, сдѣлалъ ее популярнѣе посредствомъ вставки указаній на римскіе примѣры и отношенія, отклоняясь къ предметамъ не идущимъ къ дѣлу, но знакомымъ, какъ автору, такъ и читателю,—въ этикѣ, напримѣръ, къ вопросу объ ораторскихъ приличіяхъ, и наконецъ внося то искаженіе, безъ котораго быстро и смѣло работающій литераторъ, лишенный философскаго мышленія и знанія, никогда не воспроизводитъ рядъ діалектическихъ мыслей. Такимъ путемъ естественно могла весьма скоро возникнуть масса толстыхъ книгъ;—«это копіи», писалъ самъ авторъ другу, изумлявшемуся его плодовитости; «онѣ причиняютъ мнѣ мало труда, такъ какъ я даю только слова, а ихъ у меня изобиліе.» Противъ этого нечего было возражать, но тому, кто въ такихъ кропаньяхъ ищетъ классическихъ произведеній, можно только посовѣтовать держаться въ литературныхъ вопросахъ благоразумнаго молчанія.

Спеціальныя науки. Латинская филологія. Варронъ.

Изъ числа наукъ только въ одной замѣчалась дѣятельная жизнь, именно въ латинской филологіи. Начатыя Стилономъ въ предѣлахъ распространенія латинскаго народа филологическія и реальныя изслѣдованія продолжались въ грандіозныхъ размѣрахъ его ученикомъ Варрономъ. Появились обширные труды по изученію всего богатства языка, въ особенности пространные грамматическіе комментаріи Фигула и обширный трудъ Варрона «о латинскомъ языкѣ;» монографіи по грамматикѣ и языковѣдѣнію, въ родѣ варронова сочиненія о правилахъ латинскаго языка, о синонимахъ, о давности буквъ, о возникновеніи латинскаго языка; схоліи къ древнѣйшей литературѣ, въ особенности къ Плавту; работы по исторіи литературы, біографіи поэтовъ, изслѣдованія о старинномъ театрѣ, о сценическомъ дѣленіи плавтовыхъ комедій и о подлинности ихъ. Реальная латинская филологія, включившая въ свой кругъ всю древнѣйшую исторію и стоящее внѣ области практической юриспруденціи священное право, была сгруппирована въ фундаментальныхъ и навсегда оставшихся такими варроновыхъ «древностяхъ человѣческаго быта и древностяхъ божественныхъ» (обнародованныхъ между 687 и 709 годомъ). Первая половина, касавшаяся «человѣческихъ вопросовъ», описываетъ до-историческое время Рима, раздѣленіе на города и села, науку о годахъ, мѣсяцахъ и дняхъ, наконецъ общественныя событія дома и на войнѣ; во второй половинѣ, «о вопросахъ божественныхъ», наглядно развивалось государственное богословіе, сущность и значеніе коллегій экспертовъ, священныхъ мѣстъ, религіозныхъ празднествъ, жертвенныхъ и посвятительныхъ даровъ, наконецъ самихъ боговъ. За этимъ послѣдовало, кромѣ нѣкоторыхъ монографій,

какъ напримѣръ, о происхожденіи римскаго народа, о пришедшихъ изъ Трои римскихъ родахъ, объ округахъ; въ видѣ обширнаго и самостоятельнаго дополненія къ этимъ трудамъ явилось сочиненіе «о жизни римскаго народа», странная попытка римской исторіи нравовъ, набрасывавшая картину домашняго, финансоваго и культурнаго состоянія Рима въ эпоху царей, первой республики, Аннибала, вплоть до новѣйшаго времени. Эти труды Варрона основывались на столь разностороннемъ и, по своему, столь обширномъ эмпирическомъ знакомствѣ съ римскимъ государствомъ и пограничными эллинскими владѣніями, какого мы не встрѣчаемъ ни раньше, ни позднѣе, ни у одного Римлянина, и которому одинаково содѣйствовали, какъ живое наблюденіе событій, такъ и изученіе литературы; похвальный отзывъ современниковъ, что Варронъ помогъ оріентироваться на родинѣ своимъ соотечественникамъ, чуждымъ окружавшему ихъ міру, и что онъ научилъ Римлянъ познавать, кто они и гдѣ живутъ, былъ вполнѣ заслуженъ имъ. Но искать у него критики и системы было бы тщетно. Греческія данныя заимствованы, очевидно, изъ весьма мутныхъ источниковъ; есть слѣды того, что и въ римскихъ вопросахъ авторъ не былъ чуждъ вліянію историческаго романа его времени. Весь этотъ матеріалъ превращенъ, правда, въ форму удобнаго и симметрически расположеннаго спеціальнаго сочиненія, но не распредѣленъ и не изложенъ на основаніи строгаго метода; при всемъ стремленіи автора гармонически переработать преданія и собственныя наблюденія, научные труды Варрона нельзя избавить отъ обвиненія въ нѣкоторой довѣрчивости по отношенію къ традиціямъ и въ непрактической схоластикѣ. *) Заимствованія, сдѣланныя у греческой филологіи, заключаются скорѣе въ подражаніи ея недостаткамъ, чѣмъ преимуществамъ; такъ, напримѣръ, изученіе этимологіи на основаніи одного только ударенія превращается у самаго Варрона, какъ и у остальныхъ филологовъ того времени, въ простую догадку, часто даже въ чистую нелѣпость **). Своей

---

*) Курьознымъ образцомъ можетъ служить въ статьѣ о сельскомъ хозяйствѣ общее разсужденіе о скотѣ (2, 1), съ подраздѣленіемъ науки о скотоводствѣ на 81 отдѣлъ, съ „невѣроятнымъ, но достовѣрнымъ фактомъ, что кобылы оплодотворяются близъ Лиссабона (Олизипо) посредствомъ вѣтра“, вообще съ невозможнымъ смѣшеніемъ философскихъ, историческихъ и сельско - хозяйственныхъ свѣдѣній.

**) Такъ, напримѣръ, Варронъ производитъ слово facere отъ слова facies на томъ основаніи, что тотъ, кто что нибудь дѣлаетъ, придаетъ дѣлу его физіономію; volpes, лисицу, по Стилону, отъ volare pedibus, въ смыслѣ легкой на ноги. Гай Требацій, философъ-юристъ того времени, производитъ sacellum отъ sacra cella; Фигулъ слово frater отъ fere alter и т. д. Подобный пріемъ, являвшійся далеко не случайнымъ, а какъ бы главнымъ элементомъ филологической литературы того времени, очень похожъ на способъ, господствовавшій до новѣйшаго

эмпирической увѣренностью, полною несостоятельностью и отсутствіемъ метода, варронова филологія живо напоминаетъ англійскую національную филологію и, подобно ей, находитъ свой центръ тяжести въ изученіи древнѣйшаго театра. Мы уже говорили раньше, что монархическая литература развила, въ противоположность этому эмпиризму въ языковѣдѣніи, опредѣленныя правила. Въ высшей степени характерно, что во главѣ современныхъ грамматиковъ стоялъ никто иной, какъ самъ Цезарь, который въ своемъ разсужденіи объ аналогіи (обнародованномъ между 696 и 704 годами) первый пытался подчинить свободный языкъ силѣ закона.

Остальныя спеціальныя науки. Наряду съ этой необычайной дѣятельностью въ области филологіи насъ поражаетъ ничтожное движеніе въ остальныхъ наукахъ. Все, что въ философіи казалось стоющимъ вниманія, какъ, напримѣръ, лукреціево изложеніе эпикурейской системы въ поэтически-ребяческой оболочкѣ до-сократовой философіи, и лучшія сочиненія Цицерона, производило дѣйствіе и находило для себя подходящую публику, не благодаря, а вопреки своему философскому содержанію, единственно въ силу своей эстетической формы; многочисленные переводы эпикурейскихъ сочиненій и труды пиѳагорейцевъ, равно какъ и обширное сочиненіе Варрона объ элементахъ чиселъ и еще болѣе пространный трудъ Фигула о богахъ, не имѣли, безъ сомнѣнія, ни научнаго, ни формальнаго значенія.—И въ спеціальныхъ наукахъ дѣло было обставлено также плохо. Написанныя Варрономъ въ діалогической формѣ книги о земледѣліи болѣе методичны, конечно, чѣмъ труды его предшественниковъ, Катона и Сазерны, на которыхъ онъ бросаетъ не одинъ неодобряющій, косвенный взглядъ, но за то онѣ въ общемъ были скорѣе результатомъ кабинетнаго труда, чѣмъ, подобно этимъ древнѣйшимъ сочиненіямъ, порожденіемъ живого опыта. О нихъ, какъ и о юридическихъ трудахъ Сервія Сульпиція Руфа (консула 703 года) ничего нельзя сказать, кромѣ того, что они служили діалектическою и филологическою прикрасою для римской юриспруденціи. Въ этой области не о чемъ болѣе вспомнить, развѣ только о трехъ книгахъ Гая Мація, касавшихся стряпни, соленья и варенья, бывшихъ, сколько намъ извѣстно, древнѣйшею римскою поваренной книгою и составлявшихъ, какъ сочиненіе знатнаго лица, дѣйствительно замѣчательное явленіе. Что математика и физика поощрялись усиливавшимися эллинскими и утилитарными тенденціями монархіи, видно уже изъ возраставшаго ихъ значенія въ школьномъ преподаваніи и изъ нѣкоторыхъ практическихъ примѣненій, къ которымъ, кромѣ реформы календаря, можно еще причислить возникновеніе въ эту эпоху стѣнныхъ картъ, улучшеніе техники судостроенія и изготовленія музыкальныхъ

времени въ занятіяхъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, пока знакомство съ организмомъ языка не положило конецъ дѣйствіямъ эмпириковъ въ этой области.

инструментовъ, разведеніе садовъ и постройки въ родѣ упоминаемой Варрономъ вольеры, свайный мостъ черезъ Рейнъ, сооруженный инженерами Цезаря, наконецъ двѣ деревянныя, полукруглыя эстрады, устроенныя такъ, чтобы быть при случаѣ сдвинутыми вмѣстѣ, сперва употреблявшіяся порознь, какъ два отдѣльные театра, а впослѣдствіи вмѣстѣ, какъ амфитеатръ. Выставлять напоказъ, во время народныхъ празднествъ, чудеса иноземной природы не было рѣдкостью, и описанія замѣчательныхъ животныхъ, вставленныя Цезаремъ въ отчеты о его походахъ, доказываютъ, что, еслибъ появился второй Аристотель, онъ снова нашелъ бы достойнаго себя монарха. Всѣ литературныя попытки, о которыхъ упоминается въ этой области, тѣсно связаны съ неопиѳагореизмомъ, какъ, напримѣръ, сопоставленіе Фигуломъ греческихъ и варварскихъ, т. е. египетскихъ, астрономическихъ наблюденій и его сочиненія о животныхъ, вѣтрахъ, половыхъ органахъ. Послѣ того, какъ греческое естествознаніе отъ аристотелевыхъ стремленій открыть законы въ частныхъ случаяхъ стало все болѣе и болѣе отклоняться къ эмпирическому, большею частью не критическому наблюденію внѣшнихъ и поразительныхъ явленій природы, естественныя науки, превратившіяся въ мистическую натурфилософію, могли только парализовать и притуплять умы, вмѣсто того, чтобы просвѣщать и возбуждать ихъ, и въ виду такихъ попытокъ многіе предпочитали держаться того общаго мѣста, которое Цицеронъ выдавалъ за сократову мудрость, именно, что естествовѣдѣніе допытывается тайнъ, которыя никому недоступны или которыхъ никому знать не надлежитъ.

Искусство. Архитектура.

Если мы въ заключеніе бросимъ взглядъ на искусство, то и здѣсь обнаруживаются тѣже нерадостныя явленія, которыя наполняютъ всю духовную жизнь этой эпохи. Среди финансовыхъ затрудненій послѣднихъ дней республики правительственныя сооруженія почти совсѣмъ пріостановились. Объ архитектурной роскоши знатныхъ Римлянъ было уже говорено; благодаря ей архитекторы научились обращаться съ мраморомъ расточительно,—цвѣтные сорта, въ родѣ желтаго нумидійскаго (giallo antico) и другихъ, вошли въ употребленіе въ это время, и даже луненайскими (каррарскими) мраморными залежами стали пользоваться впервые только тогда; начали выкладывать комнатные полы мозаикою, украшать мраморными плитами стѣны или даже расписывать подъ мраморъ штукатурку; то были первыя начинанія позднѣйшей стѣнной живописи. Но искусство ничего не выиграло отъ этой расточительной роскоши.

Скульптура.

Въ скульптурѣ число знатоковъ и любителей коллекцій постоянно возростало. Мы видимъ не болѣе, какъ аффектацію катоновой простоты, когда какой-нибудь адвокатъ говорилъ передъ присяжными о художественныхъ произведеніяхъ «нѣкоего Праксителя»; всѣ путешествовали и смотрѣли рѣдкости, и ремесло художественнаго чичероне или,

какъ тогда говорилось, экзегета, было далеко не изъ худшихъ. За древними художественными произведеніями происходила настоящая охота,—правда, не столько за картинами и статуями, сколько за болѣе грубыми римскими предметами роскоши, за художественной утварью, комнатными и столовыми украшеніями всѣхъ родовъ и видовъ. Уже въ это время раскапывались старинныя греческія могилы въ Капуѣ и Коринѳѣ въ погонѣ за металлическими и глиняными сосудами, положенными въ могилу вмѣстѣ съ умершими. За маленькую фигурку изъ бронзы платили до 40,000 (3000 талеровъ), за два цѣнныхъ ковра 200,000 сестерцій (15,000 талеровъ); хорошо сработанная мѣдная кухонная машина стоила дороже цѣлаго помѣстья. Разумѣется, при этой варварской погонѣ за предметами искусства богатый любитель бывалъ зачастую обманутъ своими поставщиками; но экономическое разореніе Малой Азіи, особенно богатой предметами искусства, доставляло на художественный рынокъ немало дѣйствительно древнихъ и рѣдкихъ предметовъ роскоши и искусства, и изъ Аѳинъ, Сиракузъ, Кизика, Пергама, Хіоса, Самоса и другихъ древнихъ художественныхъ центровъ, все что было, и даже многое, что не было продажно, переселялось во дворцы и виллы знатныхъ Римлянъ. Уже раньше говорили мы о томъ, какія сокровища искусства скрывались, напримѣръ, въ домѣ Лукулла, который, безспорно, недаромъ обвинялся въ томъ, что удовлетворялъ своему артистическому чутью въ ущербъ своимъ военачальническимъ обязанностямъ. Любители искусства тѣснились въ его домѣ, какъ нынѣ въ виллѣ Боргезе, и уже тогда раздавались жалобы на то, что сокровища искусства хоронились въ глубинѣ дворцовъ и загородныхъ домовъ знатныхъ вельможъ, гдѣ ихъ можно было обозрѣвать лишь съ трудомъ и только по особому разрѣшенію владѣльца. Общественныя зданія, напротивъ того, наполнялись сравнительно туго знаменитыми произведеніями греческихъ художниковъ, и во многихъ изъ столичныхъ храмовъ все еще ничего не стояло, кромѣ древнихъ выточенныхъ изъ дерева изображеній боговъ. О художнической дѣятельности этого времени почти нечего сказать; въ эту эпоху не называютъ почти ни одного скульптора или живописца, кромѣ нѣкоего Ареллія, чьи работы продавались нарасхватъ, но не ради ихъ художественнаго достоинства, а потому, что этотъ безсовѣстный кутила давалъ въ лицѣ богинь вѣрное изображеніе своихъ многочисленныхъ любовницъ.

Танцы и музыка. Значеніе танцевъ и музыки возрастало въ общественной и домашней жизни. Мы уже говорили о томъ, что театральная музыка и пляски получили въ сценическомъ развитіи въ эту пору болѣе самостоятельное значеніе; можно только прибавить здѣсь, что теперь въ Римѣ давались зачастую представленія даже на публичной сценѣ греческими музыкантами, танцовщиками и декламато-

рами, въ томъ родѣ, какъ это водилось въ Малой Азіи и вообще во всемъ эллинскомъ мірѣ и вездѣ, гдѣ распространилась эллинская цивилизація *). Кромѣ того мы видимъ еще музыкантовъ и танцовщицъ, которыя показывали свое искусство за столомъ и вообще по заказу, и наконецъ нерѣдко въ знатныхъ домахъ собственныя капеллы струнныхъ и духовыхъ инструментовъ и пѣвцовъ. Что знатные люди сами прилежно пѣли и играли, доказывается уже включеніемъ музыки въ кругъ общепринятыхъ предметовъ обученія; что же касается танцевъ, то, не говоря уже о женщинахъ, даже консуларамъ ставили въ упрекъ, что они исполняли разныя пляски въ небольшихъ кружкахъ.

---

*) Подобныя „греческія игры“ не только были очень распространены въ греческихъ городахъ Италіи, и въ особенности въ Неаполѣ (Цип., pro Arch., 5, 10. Плутархъ, Брут., 21), но въ описываемое время и въ Римѣ (Циц., ad fam., 7, 1, 3. ad Att., 16, 5, 1. Светоній, Caes., 39. Плутархъ, Брут., 21). Если извѣстная надпись на могилѣ 14-лѣтней Лициніи Евхаріи, относившаяся, вѣроятно, къ концу этой эпохи, гласитъ, что эта „образованная дѣвушка, посвященная во всѣ тайны искусства самими музами, блистала, какъ танцовщица, на частныхъ представленіяхъ въ знатныхъ домахъ, и впервые выступила публично на греческой сценѣ (modo nobilium ludos decoravi choro, Et Graeca in scaena prima populo apparui), то это можетъ только означать, что она была первая дѣвушка, появившаяся въ Римѣ на публичной греческой сценѣ; да и вообще только въ эту эпоху женщины стали тамъ выступать публично. Въ Римѣ эти „греческія игры“ не были, кажется, настоящими сценическими представленіями, а принадлежали, повидимому, къ категоріи смѣшанныхъ зрѣлищъ, состоявшихъ, прежде всего, изъ музыки и декламаціи, что нерѣдко встрѣчалось впослѣдствіи и въ самой Греціи (Welcker, griech. Trag., S. 1277). На это указываютъ упоминанія Полибія объ игрѣ на флейтѣ (30, 13), о танцахъ въ светоніевомъ разсказѣ о военныхъ пляскахъ, исполненныхъ во время организованныхъ Цезаремъ игрищъ, и надгробная надпись Евхаріи; даже самое описаніе киѳародовъ, ad. Her., 4, 47, 60 (сравн. Vitruv., 5, 7) заимствовано, вѣроятно, у такихъ греческихъ игръ. Характерно еще соединеніе этихъ представленій въ Римѣ съ боями атлетовъ (Polib., loc. cit.; Liv., 39, 22). Драматическая декламація отнюдь не была исключена изъ этихъ смѣшанныхъ игръ; такъ, напримѣръ, въ числѣ исполнителей, выведенныхъ въ Римѣ въ 587 году Люціемъ Аниціемъ, прямо упоминаются трагики; но давались собственно не настоящія представленія, а отдѣльными артистами декламировались или пѣлись подъ звуки флейты либо цѣлыя драмы, либо, чаще всего, отрывки изъ нихъ. Это дѣлалось, вѣроятно, и въ Римѣ; но для римской публики главную роль въ этихъ греческихъ играхъ играли, повидимому, музыка и танцы, текстъ же значилъ для нихъ не много болѣе того, что значитъ въ наше время либретто итальянской оперы для жителей Лондона или Парижа. Составные спектакли, съ ихъ дикой смѣсью, дѣйствительно гораздо болѣе годились для римской публики и въ особенности для исполненія въ частныхъ домахъ, чѣмъ настоящія сценическія представленія на греческомъ языкѣ; давались ли подобные спектакли въ Римѣ, нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Начало вліянія монархіи. Къ концу этого періода обнаруживается съ началомъ монархіи наступленіе лучшаго времени для искусства. Уже раньше указывали мы, какое сильное развитіе получила столичная архитектура, и какъ оно должно было сказаться и въ государственномъ строительномъ дѣлѣ вообще, благодаря Цезарю. Даже въ выдѣлкѣ клеймъ на монетахъ замѣчается около 700 года поразительная перемѣна; грубый и, по большей части, небрежный до той поры отпечатокъ дѣлается впослѣдствіи тоньше и тщательнѣе.

Заключеніе. Мы дошли до конца римской республики. Мы видѣли ее властвовавшею въ теченіе цѣлаго полу-тысячелѣтія надъ Италіею и прибрежными странами Средиземнаго моря; мы видѣли, какъ она, не подъ давленіемъ внѣшней силы, а благодаря своему внутреннему разложенію, гибла постепенно въ политическомъ, нравственномъ, религіозномъ и литературномъ отношеніи и уступила мѣсто цезаревой монархіи. Въ томъ мірѣ, какой засталъ Цезарь, было много великихъ отголосковъ минувшихъ вѣковъ и цѣлая бездна роскоши и блеска, но мало ума, еще менѣе вкуса и всего меньше веселья и радостнаго наслажденія жизнью. Это былъ по истинѣ одряхлѣвшій міръ, и даже геніальный патріотизмъ Цезаря не могъ вполнѣ обновить его. Заря не наступитъ, пока не установилась окончательно ночная мгла. Тѣмъ не менѣе для измученныхъ народовъ, населявшихъ берега Средиземнаго моря, наступилъ, благодаря Цезарю, послѣ удушливаго полудня сносный вечеръ; и, когда вслѣдъ за долгой исторической ночью занялся для усталыхъ народовъ новый день, и новыя націи устремились въ свободномъ самоопредѣленіи къ инымъ, высшимъ цѣлямъ, тогда между ними нашлось немало такихъ, въ которыхъ сѣмя, посѣянное Цезаремъ, дало пышный ростъ, и которыя были, и понынѣ остаются обязанными ему своею національною самобытностью.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАЯ КНИГА.

ОСНОВАНІЕ ВОЕННОЙ МОНАРХІИ.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Опечатки, замѣченныя въ III томѣ.

Страница.	Строка.	Вмѣсто	Читай
6	21 сверху	*консула въ Испаніи*	*консула, въ Испанію.*
11	14 „	*авмѣстѣ*	*а вмѣстѣ*
20	5 снизу	*Лициніева закона*	*Лициніана*
20	7 „	*у Лицинія*	*у Лициніана*
21	12 и 18 снизу,	*Лициніева*	*Лициніанова*
22	23 сверху	*была передана*	*были переданы*
33	10 снизу	*Одессосъ*	*Одессъ*
55	19 „	*Фимбріемъ*	*Фимбріей*
63	5 и 7 снизу	*Марію*	*Марцію*
70	4 и 5 сверху	*не Милиція пріятеля*	*милиція непріятеля*
147	21 и 22 „	*революціонной попыткой*	*революціоннымъ замысломъ*
204	6 „	*Сегусіавовъ*	*Сегусіановъ*
230	13 снизу	*былъ*	*считался*

Курціуса. Исторія Греціи. 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсака*. М. 1880—3 г. Ц. 12 р.

Левитова А. И. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравиров. въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.

Лессинга Г. Э. Гамбургская драматургія. Пер. *И. П. Разсадина*. М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева*. М. 1873 г. Ц. 6 р.

Магаффи. Исторія классическаго періода Греческой литературы. 2 тома Пер. *А. Веселовскаго*. М. 1882 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсака*. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Т. I. Ц. 6 р., II и III. Ц. 7 р., V. Ц. 3 р. 50 коп. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго*.

Морлея Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Ц. 2 руб. 75 к.

Огарева Н. Стихотворенія. М. 1863 г. Ц. 50 к.

Ольденберга Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Пер. съ нѣмецкаго М. 1884 г. Ц. 2 р.

Пешеля Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1881 г. Ц. 2 руб.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Ц. 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенко*. М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей *И. А. Соловьева-Несмѣлова*. Изданіе 4-е (посмертное). М 1884 г. Ц. 3 р.

— Стихотворенія. Изданіе третье. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тикнора. Исторія испанской литературы. Томъ I и II. Перев. *Н. И. Стороженка*. М. 1886 г. Ц. 6 руб.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Ц. 2 р.

— Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. Пер. *Иванова* и *Щепкина*. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Финлея. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. 1876 г. Ц. 4 р.

Фойгта. Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гума[illegible] Пер. *И. П. Разсадина*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіан[illegible] искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 [illegible]

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. К*[illegible] 9 частей. Ц. 10 р.

Шмидта Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-ис[illegible] скомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью на[illegible] Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге* [illegible] *Э. Циммермана*. т. II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1[illegible] Цѣна за всѣ томы 16 р.